

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (61)

ОРЕЛ – 2014

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (61)

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии), Хованская Е.А. (технический секретарь редакционно-издательской коллегии), Александрова А.П., Алексеев А.П., Арсентьева Н.Н., Аронова С.А., Видмарович Н.П., Гайдар В.А., Гелла Т.Н., Иванов А.Е., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Ламан Н.А., Львова С.И., Маймескулова А.Л., Никифоров В.А., Оскотская Э.Р., Пастернак Е.Л., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Погосян В.А., Т. Поншон, Савина Е.А., Самбетбаев А.А., Сискос Е., Софиадис Н., Суяркулов Ш.Р., Тамин М., Уман А.И., Чекова-Демитрова И., Челышева И.И., Ши Хуншен, Ямагучи Р.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии), Хованская Е.А. (технический секретарь редакционно-издательской коллегии), Александрова А.П., Антонова М.В., Арсентьева Н.Н., Видмарович Н.П., Зайченкова М.С., Изотов В.П., Литвин Ф.А., Маймескулова А.Л., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Новиков С.Н., Погосян В.А., Поншон Т., Ретинская Т.И., Савина Е.А., Серегина Т.В., Тамин М., Тер-Минасова С.Г., Тюрикова Г.Н., Чекова-Демитрова И., Ши Хуншен, Ямагучи Р.

Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». – 2014. – №5(61). – 429 с.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:

01.00.00 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Учредитель –

ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95
Орловский государственный университет
Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENTIFIC NOTES OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

**Vol.5
No.61**

OREL – 2014

SCIENTIFIC NOTES

OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

Vol.5 - No.61

Editorial board:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Khovanskaya E.A. (technical secretary of the editorial board), Alexandrova A.P., Alekseev A.P., Arsent'yeva N.N., Aronova S.A., Vidmarovich N.P., Gaydar V.A., Gella T.N., Ivanov A.E., Isayeva N. I., Kapustin A. Ya., Laman N.A., L'vova S.I., Maymeskulova A.L., Nikiforov V.A., Oskotskaya E.R., Pasternak E.L., Pakhar' L.I., Piven' V.F., Pogosyan V.A., Ponshon T., Savina E.A., Sambetbayev A.A., Siskos E., Sophiadis N., Suyarkulov Sh.P., Tamin M., Uman A.I., Chekova-Demitrova I., Chelysheva I.I., Shi Hunshen, Yamaguchi R.

Series «Humanities and social sciences»

Publishing board of the series:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Khovanskaya E.A. (technical secretary of the editorial board), Alexandrova A.P., Antonova M.V., Arsent'yeva N.N., Vidmarovich N.P., Zaychenkova M.S., Izotov V.P., Litvin F.A., Maymeskulova A.L., Minakov S.T., Mikheicheva E.A., Novikov S.N., Pogosyan V.A., Ponshon T., Retinskaya T.I., Savina E.A., Seregina T.V., Tamin M., Ter-Minasova S.G., Tyurikova G.N., Chekova-Demitrova I., Shi Hunshen, Yamaguchi R.

Scientific Notes of Orel State University. Series «Humanities and social sciences»: scientific journal. – Orel: FSBES HPE «Orel State University». – 2014. – №5(61) – 429 p.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science the journal “Scientific Notes of Orel State University” is included in the list of leading reviewed scientific journals and publications, in which the scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences in the following branches of scientific specialties should be published: 01.00.00 – physical and mathematical sciences; 02.00.00 – chemical sciences; 03.00.00 – biological sciences; 06.00.00 – agricultural sciences; 07.00.00 – historical sciences; 08.00.00 – economic sciences; 09.00.00 – philosophical sciences; 10.00.00 – philological sciences; 12.00.00 – science of law; 13.00.00 – pedagogical sciences; 14.00.00 – medical sciences; 17.00.00 – art criticism; 19.00.00 – psychological sciences; 25.00.00 – sciences about the earth.

The founder –

FSBEI HPE “Orel State University”
Editorial Office address: 302026, Orel, Komsomolskaya St., 95
Orel State University
Editorial Office of the magazine “Scientific notes of OSU”
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

ISSN 1998-2720

© Team of authors, 2014
© Orel State University, 2014

Содержание

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

И.Е. Андронов ПАРАТЕКСТ В «КАТАЛОГЕ СВИДЕТЕЛЕЙ ИСТИНЫ» М. ФЛАЦИЯ (1556)	11
И.Л. Ашихмин ГРАНОВСКИЙ, БРАТЯ КИРЕЕВСКИЕ И ОРЛОВСКИЕ ИСТОКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)	15
В.Я. Воробьева ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ НА СОБОРОВСКОМ ПОЛЕ	21
Т.Н. Гелла РОССИЙСКИЕ ДИПЛОМАТЫ ОБ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ КОНЦА 60-х–70-х гг. XIX ВЕКА (НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)	26
Т.Н. Гелла РОССИЯ И СТРАНЫ ЗАПАДА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: К ПРЕДЫСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	35
Ю.А. Левшина СФЕРА ФОРМАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	42
Е.М. Матвеева ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ США В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ОБОЗРЕВАТЕЛЕЙ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКИ)	48
А.Ю. Савосичев ПОДЪЯЧИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ	52
А.А. Тениченко ДЕБАТЫ В БРИТАНСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ ПРИ ПРИНЯТИИ МОРСКОГО БЮДЖЕТА 1909–1910 гг.	58

08.00.00 – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.А. Бельский ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЛИЗИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	61
М.А. Колосова ПРОБЛЕМА ОПОРТУНИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НА РЫНКЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ БЛАГ	66
И.Р. Ляпина РОЛЬ МАРКЕТИНГА В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ СФЕРЫ УСЛУГ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	74
А.Л. Машкова КОГНИТИВНАЯ АРХИТЕКТУРА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АГЕНТА В ИМИТАЦИОННЫХ МОДЕЛЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ	78
В.М. Мелкумян К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФОРМ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ПЕРЕМЕННЫХ ДЕНЕЖНОГО РЫНКА В МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ	82
М.С. Оборин ТУРИСТСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ И ОПРЕДЕЛЕНИЙ	87
М.Н. Уварова, Т.А. Павлова МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ	94

09.00.00 – ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Е.В. Авдеева ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА МИРА В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО	99
Л.В. Андриюшина ЧЕЛОВЕК КАК КУЛЬТУРНОЕ ЖИВОТНОЕ В НЕМЕЦКОЙ АНТРОПОЛОГИИ НАЧАЛА XX в.	103
И.Е. Батрин СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ МИФА «О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ»	106
И.В. Желтикова БУДУЩЕЕ: СТРАХ ИЛИ НАДЕЖДА (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА)	109
Иеромонах Кирилл (Зинковский) НОВИЗНА ПОНЯТИЯ «МЕОНИЧНОСТИ» МАТЕРИИ В УМОЗРЕНИИ СВЯТЫТЕЛЯ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО	114
Н.М. Маркова РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ЭПОХУ «ГЛОБАЛИЗАЦИИ»	121
Д.Н. Мясоедов ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	125
Г.Ф. Назарова, Д.К. Панамарчук ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА ПО С.Н. БУЛГАКОВУ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	129
Л.И. Пахарь СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: АНАЛИЗ МЕХАНИЗМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ	135
И.А. Сорока К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ Н.А. БЕРДЯЕВА	144
М.В. Удовиченко ПРОЦЕССЫ РЕЛИГИОЗНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИНДИВИДА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОСЛАВНОМ ПРИХОДЕ: К ПРОБЛЕМЕ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ	149
М.И. Федоренко ДЕФИНИЦИЯ РЕЛИГИИ И ДИСКУССИИ О ПРИРОДЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ	153
М.А. Федоров ОСМЫСЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ИДЕАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В ТЕРМИНАХ СТОИМОСТИ В ПЕРИОД С XVII ПО XIX ВЕКА В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	156
Е.В. Ярина ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «ЦЕННОСТИ» И «ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ»	160

10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.А. Алешина СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА БАЗЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСА)	163
Л.В. Алешина ФУНКЦИИ И ЗАДАЧИ СЛОВАРЕЙ АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ	166

А.А. Бельская ХРИСТИАНСКИЕ АССОЦИАЦИИ В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «НОВЬ»	169
И.А. Бобылева ТВОРЧЕСТВО В.Л. ГАЛЬСКОГО В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ XX ВЕКА	179
Н.М. Болохонцева НЕКОТОРЫЕ КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СКРЫТОГО КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКОМФОРТА	185
С.А. Бубнов КНИГИ СТИХОВ «СОСЕН ПЕРЕЗВОН» Н.А. КЛЮЕВА И «РАДУНИЦА» С.А. ЕСЕНИНА В КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОСТИ	188
Т.А. Бурмистрова АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ ДЕРЕВНЯ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ КОДИФИКАЦИЯ И ТЕКСТОВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ	192
Е.П. Гурова ТЕМА ПУТИ В ПЕРЕВОДНЫХ ПОВЕСТЯХ XVII ВЕКА	196
В.В. Двоеглазов «ПРАВДА» И «ПРАВЕДНИЧЕСТВО» В «ДУХОВНОЙ БИОГРАФИИ» А.С. ПУШКИНА	200
Е.О. Дорофеева, Е.М. Коньшев ПРОБЛЕМА ЗЛА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.С. ЛЕСКОВА И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	208
О.А. Евтушенко ОТВЕТНОСТЬ: ИНФОРМАЦИОННО-КОНТРОЛИРУЮЩАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДИСКУРСА	211
Е.И. Зиновьева, Р.Н. Гуднов ПАРАМЕТРЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ СИНОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)	216
Е.Р. Иоанесян РУССКИЕ ПРОТИВИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ <i>НО</i> И <i>ТОЛЬКО</i> В ИЛЛОКУТИВНОМ ЗНАЧЕНИИ И В ФУНКЦИИ МЕТАТЕКСТОВЫХ МАРКЕРОВ	221
А.И. Кондратенко МОЛОДЁЖНАЯ И ДЕТСКАЯ ПРЕССА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е ГОДЫ	228
А.А. Котов СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ПОЛНЫХ И КРАТКИХ ПРЕДИКАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	235
Ли Юецзяо СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И «СОЧЕТАЕМОСТНЫЙ» ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ «ЦВЕТOK» В СОДЕРЖАНИИ ОБУЧЕНИЯ РКИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ	243
З.И. Минеева ФУНКЦИИ РУССКИХ ЗООТРОПОВ	246
Т.П. Пегина ФОРМИРОВАНИЕ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА В ПРИКАЗНОМ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ РУСИ XVI-XVII ВЕКОВ	251
И.В. Тимошенко ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРТИКЛЕЙ В ПЕРЕВОДАХ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ)	255
С.Р. Туманова «ОБОСТРЁННОЕ ЧУВСТВО СМЕРТИ В СИЛУ СТОЛЬ ЖЕ ОБОСТРЁННОГО ЧУВСТВА ЖИЗНИ» (КОНФЛИКТ ЖИЗНИ И СМЕРТИ ПО РАБОЧИМ ТЕТРАДЯМ, ДНЕВНИКАМ И ПИСЬМАМ А.Т. ТВАРДОВСКОГО 30-х ГОДОВ)	258
Е.Н. Шетухина ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ФОЛЬКЛОРА КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЗВУКОВ В ПРОЦЕССЕ ПОСТРОЕНИЯ РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ	263

12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

О.Е. Алексикова РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ ПУТЕМ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	266
М.В. Барышников НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЕМА, РЕГИСТРАЦИИ И РАЗРЕШЕНИЯ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН О ПРОИСШЕСТВИЯХ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ	272
А.А. Бондарев ЭТИМОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	278
В.М. Валетова ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ ВРЕДА В РЕЗУЛЬТАТЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ	281
Ю.А. Варламова ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ТРУДУ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРАВОПОСЛУШНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ	287
А.А. Волос ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА	290
Н.С. Гончарук, Л.А. Абашина МЕХАНИЗМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ	294
А.В. Меркулова ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ОБЩЕЙ И ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ	299
К.И. Поляков СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МУРМАНСКОГО ТОРГОВОГО ПОРТА КАК КЛЮЧЕВАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА РОССИИ	302
В.А. Никифоров, М.А. Иванова СПЕЦКУРС «ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА» КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗОВ	306
Л.В. Рыкова КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ	309
Р.Ю. Чепрунов ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗМА В РЕФОРМИРОВАНИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УКРАИНЕ	314

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ф.С. Авдеев, Т.К. Авдеева ДМИТРИЙ МАТВЕЕВИЧ ПЕРЕВОЩИКОВ (1788–1880) – УЧИТЕЛЬ МАТЕМАТИКИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА	321
М.В. Бертхольд АНАЛИЗ УЧЕБНИКОВ ДЛЯ НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ИЗ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СЕМЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ВНЕ РОССИИ	326

М.И. Богомолова К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕДАГОГИКИ XVIII–XIX ВЕКОВ.....	330
И.И. Бурлакова ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ.....	335
И.С. Гаврилова ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	339
С.А. Дьяченко ОСНОВЫ МЕТОДИКИ ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ.....	342
И.Н. Иваненко О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ПО ВНЕДРЕНИЮ ФГОС НОО И ООО	345
Н.А. Ильина, Н.Н. Чаадаева, И.Н. Кондрашова ОБ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ОРЛОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	348
Г.П. Касьянова НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ.....	355
О.А. Мальцева ФОРМИРУЮЩИЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В УСЛОВИЯХ ВУЗА МВД РОССИИ	358
М.М. Неженцев ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ПРОЕКТИРОВАНИЕ» В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ДИЗАЙНА	361
П.И. Образцов, Н.В. Богринцев ПОДГОТОВКА ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДСТВАМИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ.....	364
Ю.И. Пилюгайцева ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТА К ОБУЧЕНИЮ В СРЕДНЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ.....	367
Е.Н. Пузанкова, Е.А. Хованская ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕЧЕВОЙ СПОСОБНОСТИ УЧАЩИХСЯ 2-5 КЛАССОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО	371
Н.Ф. Радионова, С.В. Ривкина ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ УЧИТЕЛЬ-УЧЕНИК В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА	375
С.И. Радченко, М.А. Федорова АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ОТЦОВСТВА В АСПЕКТЕ ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ В РАМКАХ РАЗЛИЧНЫХ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ	381
А.А. Русаков, Н.А. Ильина, В.Н. Русакова, Е.С. Саватеева НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ И ПРИКЛАДНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО МАТЕМАТИКЕ	386
В.Н. Сорокоумова ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	393
В.Н. Сорокоумова ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ РАЗВИТИЯ КОГНИТИВНЫХ И КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ УЧИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	397
В.Н. Сорокоумова ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ ДИСЦИПЛИН КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	400
А.В. Супрунова К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ИНТЕЛЛЕКТА СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ ПОСРЕДСТВОМ ЧТЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	404
М.А. Тарасова, С.Ю. Гришина МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ – ЭФФЕКТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОГО КОМПОНЕНТА КОМПЕТЕНЦИЙ	409
А.И. Уман, М.И. Рабинович СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ	413
И.Ю. Фролова СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГОВОРЯЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ	418
РЕЦЕНЗИИ	
П.А. Ковалев	421
Т.В. Ковалева	423
КОНФЕРЕНЦИИ	
Е.А. Михеичева ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОРЛОВСКИЙ ТЕКСТ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ»	424
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ.....	426
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ	427
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ	428

Contents

07.00.00 – HISTORICAL SCIENCES

I.E. Andronov PARATEXT IN MATTHIAS FLACIUS' CATALOGUS TESTIUM VERITATIS.....	11
I.L. Ashikhmin GRANOVSKI, KIREEVSKIE AND OREL ORIGINS OF RUSSIAN ETHNOGRAPHY (TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM).....	15
V.Ya. Vorobyova DEFENSIVE BATTLE ON THE SOBOROVSKY FIELD.....	21
T.N. Gella THE RUSSIAN DIPLOMATS ABOUT THE IMPERIAL POLICY OF GREAT BRITAIN OF THE END OF THE 60TH–THE 70TH OF THE XIX CENTURY (ON THE BASIS OF THE DOCUMENTS OF ARCHIVE OF FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE).....	26
T.N. Gella RUSSIA AND THE WESTERN COUNTRIES IN THE SYSTEM OF THE INTERNATIONAL RELATIONS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: TO BACKGROUND OF WORLD WAR I	35
Yu.A. Levshina THE SPHERE OF FORMAL POLICY OF PUBLIC LIFE IN GERMANY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY.....	42
E.M. MamseeVa PERIODICALS OF THE USA IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN OBSERVERS AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE PRE-REVOLUTIONARY PERIODIKI).....	48
A.Yu. Savosichev THE CLERKS OF IVAN THE TERRIBLE: THE ORIGIN AND SOCIAL RELATIONS.....	52
A.A. Tenichenko THE DEBATE IN THE BRITISH PARLIAMENT IN ADOPTION OF THE NAVAL BUDGET 1909-1910.....	58

08.00.00 – ECONOMIC SCIENCES

A.A. Belskiy INSTITUTIONAL FRAMEWORK OF LEASING ACTIVITY.....	61
M.A. Kolosova THE PROBLEM OF OPPORTUNISTIC BEHAVIOR IN THE MARKET OF DRUG GOODS	66
I.R. Lyapina ROLE OF THE MARKETING IN ENSURING COMPETITIVENESS OF THE ENTERPRISES OF THE SERVICES SECTOR IN REGION (ON THE EXAMPLE OF THE OREL REGION).....	74
A.L. Mashkova COGNITIVE ARCHITECTURE OF AN INTELLIGENT AGENT IN SIMULATION MODELS OF SOCIAL AND ECONOMIC PROCESSES	78
V.M. Melkumian TO DEFINITION OF FORMS OF INTERRELATIONS OF VARIABLES OF THE MONETARY MARKET IN MACROECONOMIC MODELS.....	82
M.S. Oborin TOURIST INFRASTRUCTURE: SOCIAL AND ECONOMIC ANALYSIS OF THE BASIC CONCEPTS AND DEFINITIONS.....	87
M.N. Uvarova, T.A. Pavlova MATHEMATICAL MODEL OF OPTIMIZATION OF MANUFACTURE OF AGRICULTURAL PRODUCTION	94

09.00.00 – PHILOSOPHICAL SCIENCES

E.V. Avdeeva PROBLEM OF THE UNITY OF THE WORLD IN THE PHILOSOPHICAL CONCEPT OF K.E. TSIOLKOVSKY	99
L.V. Andrushina THE MAN AS A CULTURAL ANIMAL IN GERMAN ANTHROPOLOGY OF THE BEGINNING OF THE XX-TH CENTURY	103
I.E. Batrin MEANING FOUNDATION OF THE MYTH «ABOUT THE GOLDEN AGE»	106
I.V. Zheltikova THE FUTURE: FEAR OR HOPE (FOR EXAMPLE, VISION OF THE FUTURE IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY)	109
Kirill (Zinkovskiy), Hieromonk THE NOVELTY OF THE CONCEPT OF “MEONISM” OF MATTER IN THE HERITAGE OF ST. BASIL THE GREAT.....	114
N.M. Markova RELIGIOSITY IN THE ERA OF «GLOCALIZATION»	121
D.N. Myasoedov FORECAST OF THE DEVELOPMENT OF THE CIVILIZATION CONFLICT	125
G.F. Nazarova, D.K. Panamarchuk PHILOSOPHY OF ECONOMY ACCORDING TO S.N. BULGAKOV: ANTHROPOLOGICAL ASPECT.....	129
L.I. Pakhar' SOCIAL REALITY: THE ANALYSES OF THE MECHANISM OF FUNCTIONING.....	135
I.A. Soroka TO THE QUESTION ABOUT THE INFLUENCE OF GERMAN PHILOSOPHY ON THE FORMATION OF N.A. BERDYAEV'S RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL AND POLITICAL VIEWS	144
M.V. Udovichenko THE PROCESSES OF RELIGIOUS SOCIALIZATION AND SOCIAL IDENTITY OF THE INDIVIDUAL IN THE MODERN ORTHODOX PARISH: THE PROBLEM OF CATEGORICAL CERTAINTY.....	149
M.I. Fedorenko THE DEFINITION OF RELIGION AND DISCUSSIONS ON THE NATURE OF RELIGIOSITY	153
M.A. Fedorov INTERPRETATION OF MATERIAL AND IDEAL OBJECTS IN TERMS OF COST FROM XVII TO XIX CENTURIES IN THE BRITISH LINGUOCULTURE	156
E.V. Varina THE ORETICAL ANALYSIS OF «VALUES» AND «VALUABLE ORIENTATIONS» CONCEPTS	160

10.00.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES

A.A. Aleshina OCCASIONAL WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE INTERNET-RESOURCES)	163
L.V. Aleshina FUNCTIONS AND TASKS DICTIONARIES COPYRIGHT NEOPLASMS.....	166
A.A. Bel'Skaya CHRISTIAN ASSOCIATIONS IN THE I.S. TURGENEV'S NOVEL «NOV».....	169

I.A. Bobyleva CREATIVITY V.L. GAL'SKOI IN THE LITERARY PROCESS OF THE XX CENTURY	179
N.M. Bolochontseva SOME CONSTRUCTIVE AND DESTRUCTIVE CONSEQUENCES OF LATENT COMMUNICATIVE DISCOMFORT.....	185
S.A. Bubnov "SOSEN PEREZVON" BY N. A. KLUEV AND "RADUNITSA" BY S. A. ESENIN IN CULTURAL WORLD VIEW OF THEIR CONTEMPORARIES	188
T.A. Burmistrova VERBAL ASSOCIATIVE POTENTIAL OF THE LEXEME VILLAGE: LEXICOGRAPHICAL CODIFICATION AND IMPLEMENTATION OF THE TEXT.....	192
E.P. Gurova THEME PATHS IN THE TRANSLATED NOVELS OF THE SEVENTEENTH CENTURY.....	196
V.V. Dvoeglazov THE «PRAVDA» AND «RIGHTEOUSNESS» IN PUSHKIN'S «SPIRITUAL BIOGRAPHY»	200
E.O. Dorofeeva, E.M. Konyshv PROBLEM OF THE EVIL IN THE WORKS BY N.S. LESKOV AND F.M. DOSTOYEVSKY	208
O.A. Evtushenko REPORTING: INFORMATIVE-CONTROLLING COMPONENT OF THE ADMINISTRATIVE DISCOURSE	211
E.I. Zinovjeva, R.N. Goodnov PARAMETERS OF FUNCTIONAL-SEMANTIC DESCRIPTION OF RUSSIAN VERB SYNONYMS (BASED ON THE VERBS OF INTELLECTUAL ACTIVITY)	216
E.R. Ioanesjan RUSSIAN ADVERSATIVE CONJUNCTIONS NO AND TOL'KO IN THEIR ILLOCUTIVE IMPLICATIONS AND IN THEIR FUNCTION AS METATEXTUAL MARKERS.....	221
A.I. Kondratenko YOUTH AND CHILDREN'S PRESS IN OREL REGION IN THE 1920S	228
Li Yuejiao THE SEMANTIC OPPOSITION OF FULL AND SHORT PREDICATIVE ADJECTIVES IN RUSSIAN.....	235
A.A. Komov WORD-FORMING AND COMBINATORY POTENTIAL OF THE LEXEME «FLOWER» IN TECHING CHINESE STUDENTS-PHILOLOGISTS PUSSIAN LANGUAGE.....	243
Z.I. Mineeva FUNCTIONS OF RUSSIAN ZOOTROPES.....	246
T.P. Pegina THE FORMATION OF BUSINESS LETTER IN RUSSIA WRIT PAPERWORK IN XVI-XVII CENTURIES.....	251
I.V. Timoshenko ARTICLES IN TRANSLATIONS FROM RUSSIAN INTO ENGLISH AND FRENCH (BASED ON PARALLEL TEXTS).....	255
S.R. Tumanova «HEIGHTENED SENSE OF DEATH IN FORCE AS A HEIGHTENED SENSE OF LIFE» (CONFLICT OF LIFE AND DEATH ON WORKING COPYBOOKS, DIARIES AND LETTERS OF A.T.TVARDOVSKY OF 30-IES).....	258
E.N. Shetukhina PHONETIC MEANS OF FOLKLORE AS A WAY OF ARRANGING SOUNDS IN THE PROCESS OF BUILDING A COPYWRITER.....	263
12.00.00 – SCIENCE OF LAW	
O.E. ALEKSikova ROLE OF PUBLIC AUTHORITIES AND LOCAL GOVERNMENT BODIES IN REALIZATION BY CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION RIGHTS TO HOUSING BY HOUSING CONSTRUCTION.....	266
M.V. Baryshnikov SOME ASPECTS OF RECEPTION, REGISTRATION AND SOLUTION OF APPEALS OF CITIZENS ABOUT INCIDENTS IN THE SPHERE OF FAMILY HOUSEHOLD RELATIONS CONTAINING THE SIGNS OF PRIVATE PROSECUTION CRIME BY POLICE DISTRICT INSPECTORS.....	272
A.A. Bondarev THE ETYMOLOGY OF THE RUSSIAN LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE WORKS OF RUSSIAN RESEARCHERS	278
V.M. Valetova SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE STATE COMPENSATION OF DAMAGE RESULTING FROM PROSECUTION	281
U.A. Varlamova ATTRACTION TO WORK AS ONE OF CONDITIONS OF STIMULATION OF RIGHT OBEDIENT BEHAVIOUR CONDEMNED TO PRINUDITEL'NYM TO WORKS.....	287
A.A. Volos TORT LAW FUNDAMENTAL PRINCIPLES.....	290
N.S. Goncharuk, L.A. Abashina PREVENTION OF FORMATION MECHANISMS OF CORRUPT BEHAVIOR OF PUBLIC CIVIL SERVANTS: AN ADMINISTRATIVE LAW MODEL	294
A.V. Merkulova THE PROBLEM OF CORRELATION OF COMMON AND SHARED OWNERSHIP.....	299
K.I. Polyakov STRATEGIC TRADEING DEVELOPMENT OF MURMANSK COMMERCIAL PORT AS A KEY NATIONAL PROGRAM IN RUSSIA	302
V.A. Nikiforov, M.A. Ivanova THE COURSE «LEGAL FOUNDATIONS OF MEDICAL PRACTICE» AS A MEANS OF FORMATION OF THE LEGAL COMPETENCE OF STUDENTS OF MEDICAL SPECIALTIES.....	306
L.V. Rykova CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF PRECINCT ELECTION COMMISSIONS ACTIVITY	309
R.U. Cheprunov LEGAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS OF A DETSENTRALIZM IN REFORMING OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN UKRAINE	314
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES	
F.S. Avdeev, T.K. Avdeeva DMITRY MATVEEVICH PEREVOSCHIKOV (1788–1880) MATHEMATICS TEACHER OF M.YU. LERMONTOV.....	321
M.V. Berthold THE ANALYSIS OF TEXTBOOKS FOR INITIAL TRAINING RUSSIAN LANGUAGE PRESCHOOL CHILDREN FROM RUSSIAN-SPEAKING FAMILIES RESIDING ABROAD.....	326
M.I. Bogomolova TO A QUESTION OF DEVELOPMENT OF FAMILY AND PUBLIC EDUCATION OF CHILDREN IN THE HISTORY OF FOREIGN PEDAGOGICS OF XVIII, XIX CENTURIES	330

I.I. Burlakova THE USE OF INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS.....	335
I.S. Gavrilova THE THEORETICAL MODEL OF ENGINEERING AND TECHNOLOGY TRAINING IN FUTURE PROFESSIONAL ACTIVITY.....	339
S.A. Dyachenko THE BASES OF THE TECHNIQUE OF THE EXPERT ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' PROFESSIONAL COMPETENCES.....	342
I.N. Ivanenko ABOUT SOME RESULTS ON IMPLEMENTATION OF FSES OF PES ANS BES.....	345
N.A. Ilyina, N.N. Chaadaeva, I.N. Kondrashova ABOUT THE ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS AT OREL STATE UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF MODERN REQUIREMENTS OF THE STATE EDUCATIONAL STANDARDS OF THE HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION.....	348
G.P. Kasyanova SCIENTIFIC AND THEORETICAL ASPECTS OF THE STUDY OF THE PECULIARITIES OF THE PERSONAL DEVELOPMENT OF CHILDREN-ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE.....	355
O.A. Maltseva FORMING PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICAL EXPERIMENT IN THE CONDITIONS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA.....	358
M.M. Nezhentsev THE IMPROVEMENT OF THE QUALITY OF EDUCATION IN DISCIPLINE «DESIGNING» FOR TRAINING STUDENTS OF HIGH EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN DESIGN DEPARTMENT.....	361
P.I. Obratsov, N.V. Bogrincev TRAINING OF MILITARY SPECIALISTS IN THE SYSTEM OF THE ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION BY MEANS OF DISTANCE LEARNING.....	364
J.I. Pilyigaitseva PSYCHOLOGICAL READINESS OF STUDENT TO THE EDUCATION IN THE VOCATIONAL SCHOOL.....	367
E.N. Puzankova, E.A. Khovanskaya THE MAIN TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF SPEECH ABILITY OF PUPILS OF 2-5 CLASSES OF COMPREHENSIVE SCHOOL AT RUSSIAN LESSONS WHEN STUDYING THE ADJECTIVE.....	371
N.F. Radionova, S.V. Rivkina THE PROBLEM OF STUDENT-TEACHER RELATIONS IN PEDAGOGICAL SCIENCE. BACKGROUND.....	375
S.I. Radchenko, M.A. Fedorova THE ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF PATERNITY IN THE ASPECT OF ITS THEORETICAL STUDY IN VARIOUS SCIENCES.....	381
A.A. Rusakov, N.A. Ilyina, V.N. Rusakova, E.S. Savateeva SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF RESEARCH WORK SKILLS OF STUDENTS OF THE HUMANITARIAN AND APPLIED DIRECTIONS OF PREPARATION AT THE LESSONS OF MATHEMATICS.....	386
V.N. Sorokoumova FEATURES SPECIAL TRAINING IN MODERN HIGH SCHOOL.....	393
V.N. Sorokoumova INTERDEPENDENCE OF COGNITIVE AND COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE PROFESSIONAL FORMATION OF RUSSIAN LANGUAGE TEACHER.....	397
V.N. Sorokoumova PROBLEM MAINTENANCE OF DISCIPLINE AS THE BASIS TRAINING TEACHERS OF RUSSIAN LANGUAGE.....	400
A.V. Suprunova ON BUILDING CULTURE OF INTELLIGENCE OF MODERN SCHOOL CHILDREN BY MEANS OF READING WHILE LEARNING RUSSIAN LANGUAGE.....	404
M.A. Tarasova, S.Yu. Grishina THE INTERDISCIPLINARY INTEGRATION – EFFECTIVE TECHNOLOGY OF FORMATION OF THE PROFESSIONAL AND ACTIVE COMPONENTS OF COMPETENCES.....	409
A.I. Uman, M.I. Rabinovich THE STATE OF RATING EVALUATION OF HIGH SCHOOL TEACHERS' PROFESSIONAL ACTIVITIES.....	413
I.Yu. Frolova PRESERVING OF THE LANGUAGE CULTURE OF THE RUSSIAN-SPEAKING POPULATION IN THE CURRENT SOCIAL AND CULTURAL SITUATION.....	418

УДК 930 "15" =124

UDC 930 "15" =124

И.Е. АНДРОНОВ

кандидат исторических наук, доцент, кафедра итальянского языка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: orgizomenos@gmail.com

I.E. ANDRONOV

Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Department of Italian languages, Moscow State University named after M.V. Lomonosov
E-mail: orgizomenos@gmail.com

ПАРАТЕКСТ В «КАТАЛОГЕ СВИДЕТЕЛЕЙ ИСТИНЫ» М. ФЛАЦИЯ (1556)

PARATEXT IN MATTHIAS FLACIUS' CATALOGUS TESTIUM VERITATIS

Анализ паратекста «Каталога свидетелей истины» М. Флация Иллирика способен найти ответы на ряд вопросов, которые остаются нерешёнными при изучении основного текста этого сочинения. В частности, уточняется роль этого текста в идейной мобилизации лютеранского лагеря, а также в подготовке первого крупного исторического сочинения лютеран – «Магдебургских центурий» (1559-74).

Ключевые слова: история Церкви, лютеранская историография XVI века, «Магдебургские центурии».

The study of paratext fragments of the Catalogus testium veritatis brings to a close a whole series of issues concerning this important script, for instance, its' mobilizing functions in the Lutheran intellectual camp, as well as its' role in preparing the Centuries of Magdeburg (1559-74).

Keywords: Church history, Early Lutheran historiography, Centuries of Magdeburg.

В современной историографии Раннего Нового времени особую актуальность приобрело изучение книжной культуры. Специальные исследования посвящаются проблемам написания и циркуляции книг, книгопроизводства, связанных с этим технологий, а также неизбежного влияния форм существования текста на их содержание. Заметный толчок подобным исследованиям в российской науке дало издание перевода ряда сочинений Роже Шартье [2]. К сожалению, у нас почти нет специальных исторических работ, посвящённых функциям и формам паратекста. Под паратекстом понимают разного рода Предисловия, Посвятительные письма, Обращения к читателю, оформленные титульные листы, приветственные стихотворения и эпиграммы, публиковавшиеся внутри книг рецензии на них, а также указатели, индексы, справочные материалы – одним словом, всё то, что не относится к собственно тексту, заявленному в названии книги. Основополагающим в этом направлении исследований, быстро приобретшем междисциплинарный характер, был труд Жерара Женетта [6; 7], который, к сожалению, так и не увидел свет в русском переводе. Особенно плодотворным оказалось изучение паратекста книг Раннего Нового времени, в особенности – первопечатных изданий, а также книг различных жанров XVI века. В настоящей статье предлагается анализ паратекста весьма интересного текста середины XVI века – «Каталога свидетелей истины» Матиаса Флация Иллирика [4].

Эта книга сыграла особую роль в истории науки, предварив начало межконфессиональной дискуссии второй половины XVI века в области историографии. Дискуссия между протестантами и католиками стала полигоном, на котором историки формировали первые

всемирно-исторические концепции, разрабатывали системный подход к источникам, углубляли познания в ряде вспомогательных исторических дисциплин. Старт ей дал вышедший в 1559 г. первый том сочинения по истории церкви, написанного коллективом авторов в нескольких германских городах – так называемых «Магдебургских Центурий» [5]. Важнейшим этапом подготовки этого труда стало написание организатором проекта Матиасом Флацием Иллириком [о нём см. 1; 10; 11] специального труда, формулировавшего некоторые основные элементы исторической концепции «Центурий» и называвшегося «Каталог свидетелей истины». Это крупное сочинение представляло собой перечень праведников, сторонников истинного христианства. Перечень начинается со св. Петра и завершается мало знакомыми сегодняшним историкам церковными деятелями начала XVI века. Таким образом, выстроена прямая линия «свидетелей истины», то есть не связанная преемственностью череда борцов, а массовая группа единомышленников из различных эпох. Эта группа своим существованием демонстрирует читателю, что во все века вокруг веры существовала пресловутая «Истина», то есть представление о Церкви Христовой, не искажившееся вследствие различного рода злодеяний и узурпаций. В свою очередь, эти последние суть элементы единого дьявольского замысла.

Следует с сожалением отметить, что этот интересный текст в целом ещё мало изучен историками. В то время как богословское наследие Флация неоднократно было исследовано и описано в специальной литературе, его исторические произведения менее известны. В работах по историографии Флаций предстаёт, главным образом, автором «Магдебургских центурий»,

а «Каталог свидетелей истины» оказывается объектом исследований гораздо реже. Определённая позитивная тенденция прослеживается лишь в самое последнее время. Профессор Мартина Хартманн (Мюнхенский университет им. Людвига Максимилиана) посвятила главу своей книги [8, S. 141-197] изучению источниковой базы «Каталога», причём проследила её изменение в изданиях 1556 и 1562 годов. Весьма любопытное посмертное издание 1597 года, к сожалению, было обойдено молчанием. Ирена Баккус (Институт истории Реформации, Женева) уделила некоторое внимание композиции и методу аргументации в «Каталоге свидетелей истины» [3, P. 343-350]; её основной заслугой стало исследование подходов Флация к античным историкам, а также выделение издания 1597 года как объекта для самостоятельного изучения. Ряд оценок уважаемой коллеги, однако, вызывает несогласие; в частности, это касается сомнения в глубокой концептуальной взаимосвязи «Каталога» и «Центурий». В целом этому сочинению уделяется незаслуженно мало внимания специалистов. Например, признанный корифей изучения церковной историографии Энрико Норелли (Женевский университет) в своём, в целом очень фундаментальном, исследовании трактовки святоотеческого наследия в межконфессиональной полемике XVI века [9] совершенно обошёл «Каталог» молчанием. В российской научной литературе «Каталог свидетелей истины» пока не освещался.

Полное название книги переводится так: «Каталог свидетелей истины, которые в прошлом возражали Папе. Сборник фактов, которые особенно важно знать в наши дни, снабжённый весьма полезной и необходимой для чтения информацией. С предисловием Матфея Флация Иллирика, в котором разъясняются смысл и применение сего труда». Отсылка к «прошлому» призвана провести чёткую хронологическую границу: Лютера и его последователей в «Каталоге» нет. Собрав предшественников Лютера в одной книге, Флаций вывел их неё его самого. Отсутствие Лютера среди выстроенных в более или менее строгий хронологический ряд праведников лишь выделяет его на фоне общей исторической картины, подчёркивая представления автора о нём как об эпохальном явлении.

Отсутствие же имени самого Флация в роли автора также весьма красноречиво. Мы знаем, что Флаций писал свою книгу сам. Заявленное на титульном листе ограничение собственных заслуг составлением предисловия имеет двоякую цель. Во-первых, основной текст утрачивает персонификацию, обретая тем самым некую надличностную «объективность», увязанную, в свою очередь, с глобальностью сюжета. Важно было также подчеркнуть принадлежность всех описываемых исторических персонажей к лагерю, консолидировать который как раз призвано публикуемое сочинение. Во-вторых, положение Флация как автора, поясняющего «смысл и применение» этого справочника, выделяет его среди единомышленников и ставит на недостижимую высоту.

Флаций посвятил своё произведение герцогам сак-

сонским, братьям Иоганну Фридриху II («Старшему»), Иоганну Вильгельму и Иоганну Фридриху III («Младшему»). Выбор именно этих адресатов «Посвящения» был шагом, рассчитанным на далеко идущие последствия.

Иоганн Фридрих Великодушный (1503-1554) до 1547 года был курфюрстом Саксонии, однако был принуждён отречься от курфюршества в пользу Морица Саксонского (представителя другой, альбертинской, ветви династии Веттинов). Ветвь Иоганна Фридриха (эрнестинская) навсегда утратила данный титул, однако в момент выхода в свет «Каталога свидетелей истины» (1556) перспектива была ещё не ясной. Лишение курфюршеского достоинства было результатом Шмалькальденской войны и инициативой императора Карла V; судьба его нововведений в атмосфере религиозного противостояния, Интерима и Тридентского Собора представлялась в некотором тумане. Кроме того, эрнестинская ветвь сохранила обширные территории, экономическое могущество и аристократическое достоинство. Принадлежность к разбитому в недавней войне лагерю (Иоганн Фридрих Старший был лидером Шмалькальденского союза) делало его детей наиболее видными фигурами возможной консолидации антиимперских сил. Иоганн Фридрих II, был давним покровителем Флация Иллирика, в частности, в богословских спорах с другими последователями Лютера.

Флаций особо оговаривает, что в Каталог включаются только предтечи Лютера. «Стремясь доказать, что всегда существовали семь тысяч праведников, не преклонивших колени перед римским Ваалом, я подготовил не слишком пространный каталог тех, кто ещё до блаженной памяти доктора Мартина осуждал либо папство в целом, либо отдельные его заблуждения» (α4r).

Прочь всякие сомнения: Флаций сам открыто заявляет в «Посвятительном письме», что это издание принято в рамках подготовки более обширного проекта:

«Было бы необходимо и полезно, чтобы была написана эрудитская и в то же время аккуратная история Церкви, в которой от Рождества Христова до нашего времени как можно более подробно было изложено, какая в какую эпоху существовала форма учения, церемоний, всей религии и Церкви, в какую эпоху и где религия была чище или наиболее искажённой; какими заблуждениями, злоупотреблениями, предрассудками и, так сказать, трутнями, туманом и людскими фокусами она затемнялась, искривлялась или искажалась; а затем, кем она была от них вновь очищена и укреплена, возвращена к первоначальной чистоте и сверканию» [4, P. α5 r et v].

Дальше мысль детализируется: история должна будет рассказать и о человеколюбии Господнем, и о Провидении, и о грешниках и еретиках, и об Учителях веры, и опять-таки о семи тысячах праведников. Наконец, Флаций сообщает нам важную информацию о месте проекта «Каталога» в общей перспективе его трудов, которая больше нигде в таком чистом виде сформулирована не была:

«Эта история должна, по идее, быть поистине в

постоянном доступе, или, как говорит Фукидид, сокровищницей, готовая ко всем возможным надобностям применения: при обучении ли людей, в случае возникновения у них вопросов, для укрепления ли их в самых больших трудностях и опасностях. В свою очередь, при приготовлении такого труда, скорее всего, потребуется и весьма большое количество книг и (других) произведений, в том числе и неопубликованных, могущих тем или иным способом его расширить или проиллюстрировать. Затем, потребуются и несколько специалистов, которые с максимальными усилиями приложат к этой задаче свои труды, чтобы из такого множества текстов и из такого количества дерьма вымысла и ерунды (*ex tanto plane stercore mendaciorum aut nugarum*) [...] они прилежно выбрали бы золото и самоцветы чистой и незапятнанной истины, собрали бы его в этот преславный труд и упорядоченно расположили. Для обеих этих нужд, а именно для приобретения книг и подбора подходящих людей, будут потребны немалая сумма. Я вряд ли смогу выделить или взять её взаймы; я буду призывать тех, кому это по средствам, как я делал и ранее. Я сам займусь этим делом (да будет Иисус Христос мне в помощь); и если те, кто может и должен, поддержат сие начинание, с Божией помощью получится что-то вполне достойное» [4, Р. а6v-7r].

Затем следует непосредственное обращение к государям, которым адресовано «Посвятительное письмо». Из этого фрагмента становится совершенно очевидной главная цель публикации «Каталога» – своего рода развёрнутое изложение концепции будущего большого исторического сочинения, разворачивающего концепцию истории Церкви во всемирном масштабе и в наиболее общем виде. Таким образом, все иные концепции предназначения «Каталога свидетелей истины» и функции этого текста в историко-церковной полемике могут быть отброшены без сомнений.

Вторым (и явно второстепенным) элементом паратекста является «Письмо к читателю». Его основная функция – сообщить читателю основу исторической концепции будущего глобального исторического сочинения. «Паписты, защищённые, как щитом, свидетельством Писания, вечно нашёптывали нам такой софизм: истинная-де Церковь и религия постоянны, а ложные церкви и религии часто по-разному изменяются и трансформируются» [4, *Epistola ad lectorem*, α]. Идеология католической церкви основывается на утверждении о собственной древности и исконности в противовес греховным нововведениям оппонентов. В этой логике «новое» станет синонимом «ложного», а слово «новаторы» станет в церковно-исторической полемике ругательным, причём использоваться будет обеими сторонами. Богато прибегая к ветхозаветным аллегориям, Флаций поясняет свою логику: нынешняя римская церковь – не та Церковь, которую завещал роду людскому Иисус Христос, а совершенно другой, глубоко трансформировавшийся со временем организм. «Письмо к читателю» направлено на вполне художественное по форме развенчание идеи о неизменности римской церкви в веках христианской истории.

«Совершенно очевидно, что приблизительно в 200 году по р. Х. древняя Церковь в отношении религии совершенно соответствовала нашей нынешней, хотя в масштабах она и отличалась от (церкви) наших противников. Позже, около 300 года нашей эры, начали постепенно распространяться семена свои в лоне церкви некоторые заблуждения, вызревшие внутри папства. Их было не так много и они были не слишком вредны вплоть до 600 года, когда возобладали не наша религия, а та, которая соответствует (нынешней) папистской. Тот, кто внимательно прочтёт авторов или Отцов этой эпохи (таких, как Иероним, Августин, Амвросий, Иларий, Иоанн Златоуст и другие), легко обнаружит, что во многих вопросах их мнение совпадает с нашим. При этом, как это бывает, подчас кто-то из них неосторожно перегибал палку в ответе пустым ораторам, и наши противники тотчас искажали это вопреки намерениям автора, действуя против нас в своих собственных интересах. При этом в их работах так много согласного с нашим учением, что зачастую они подвергают резкой критике, высмеивают и проклинаят практически те же самые зародыши нынешних заблуждений и пороки. Я покажу это ниже в моём Каталоге.

После 600 года, по мере роста папского царства, религия настолько значительно ухудшилась, что при практически ежедневном росте ошибок и злоупотреблений в ней всё меньше и меньше оставалось изначальной искренности и чистоты. Однако и после этого Господь не отверг народа своего, как говорит Павел. Он всегда оставлял себе семь тысяч, а то и больше, праведников, сопротивлявшихся и противодействовавших этим разрастающимся, увеличивающимся и шагающим повсюду заблуждениям не столько словом и пером, сколько кровью и самой жизнью. [...]

И вот из этих самых исторических свидетельств будут получены многочисленные доказательства того, что всегда существовало немало тысяч праведников, правильно мыслящая часть общества, которая одинаково с нами критиковала либо папство в целом, либо отдельные его элементы. И поскольку и разрушительное время [*edax vetustas*¹] истощило память о многих, и Антихрист со своими приверженцами положили все силы, чтобы погнать их, теперь один Учитель [*Doctor*²] имеет огромное множество учеников и слушателей» [4, *Praefatio*, α3 г - α4г].

Как мы видим, последовательный историзм в середине 50-х годов был Флაციю ещё неведом. В угоду интересам богословской полемики он возвёл свои религиозные взгляды в некоторый абсолютизм, под который «разворачивал» историю в обратную сторону. Очевидно, пока это лишь ораторский приём, однако он ясно доказывает: в этот период своей деятельности Флаций – ещё по преимуществу богослов, гуманист с замечательным (как правило) латинским слогом, эрудит,

1 Одна из характерных для «памфлетных» страниц Флация аллюзий на клише из классической литературы, в данном случае – на хрестоматийный отрывок из «Метаморфоз» Овидия.

2 Аллюзия на Лютера.

но ещё не профессиональный историк, то есть не исследователь, ставящий превыше всего (даже собственных мнений) постулаты своей научной дисциплины.

Итак, что способен сообщить нам анализ паратекста крупного исторического сочинения? Прежде всего, его историческая концепция имела важнейшее отличие от всей предшествовавшей историко-церковной литературы, как лютеранской, так и католической: отказ от включения в неё Лютера и его последователей выделяет их из исторического процесса, наделяя их в определённом смысле внеисторическими чертами. Выбор адресатов «Посвящения» был первым шагом на пути разработки целой стратегии консолидации лагеря единомышленников путём поиска перспективных сторонников и спонсоров. Дальнейшее развитие этой стратегии мы также увидим в «Центуриях», 14 книг которых будут посвящены самым разным людям и группам людей, представлявшим различные социальные группы – от монархов

до лиц свободных профессий. С полной ясностью дан ответ на вопрос о взаимосвязи концепции «Каталога» и концепции «Магдебургских центурий». Точка зрения И. Баккуса безосновательна; Флаций сам не только сообщил нам о том, что «Каталог» написан в рамках подготовки «Центурий», но и позиционировал книгу именно в этом качестве на книжном рынке. Стремление представить свою концепцию как единственную объективно возможную отразилось в характерном и довольно типичном для эпохи «почти-умолчании» о собственном авторстве, при том, что в основном тексте «Каталога» Флаций многократно говорит о своей единоличной ответственности за материал, об обстоятельствах своей работы над ним. Если «Центурии» готовились целым авторским коллективом (уже начавшим работу в 1552 году), то «Каталог» позиционировался однозначно как объект личной ответственности Флация Иллирика.

Библиографический список (References)

1. Doronin A.V. Flacon//Culture of the Renaissance: encyclopedia. M, 2011. V. 2, Pp. 440–441.
2. Chartier R. Written culture and society. M, 2006.
3. Backus I. Historical method and confessional identity in the era of the Reformation (1378–1615). Leiden-Boston, 2003.
4. Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem reclamarunt Papae. Opus varia rerum, hoc praesertim tempore scitu dignissimarum, cognitione refertum, ac lectu cum primis utile atque necessarium. Cum praefatione Mathiae Flacii Illyrici, qua Operis huius et ratio et usus exponitur. Basileae, Oporinus, s. a. (1556).
5. Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica. Basileae, Oporinus, 1559–74.
6. Genette G. Seuils. Paris, 1987.
7. Genette G. Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Frankfurt am Main, 1989.
8. Hartmann M. Humanismus und Kirchenkritik: Matthias Flacius Illyricus als Erforscher des Mittelalters. Stuttgart, 2001.
9. Norelli E. The authority attributed to the Early Church in the Centuries of Magdeburg and in the Ecclesiastical Annals of Caesar Baronius//The reception of the Church Fathers in the West from the Carolingians to the Maurists (ed. I. Backus). Leiden-Boston, 2001. V. 2, Pp. 745–774.
10. Olson O.K. Mattias Flacius and the Survival of Luther's Reform. Wiesbaden, 2002.
11. Preger W. Mattias Flacius Illyricus und seine Zeit. Bd. 1. Erlangen, 1859.

УДК 94 (470.319)

UDC 94 (470.319)

И.Л. АШИХМИН

кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, Орловский государственный университет
E-mail: ilal@mail.ru

I.L. ASHIKHMIN

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, Orel State University
E-mail: ilal@mail.ru

**ГРАНОВСКИЙ, БРАТЬЯ КИРЕЕВСКИЕ И ОРЛОВСКИЕ ИСТОКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

**GRANOVSKIJ, KIREEVSKIE AND OREL ORIGINS OF RUSSIAN ETHNOGRAPHY
(TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM)**

В статье предпринята попытка показать роль социокультурного поля Орловского края и его интеллектуальной элиты в становлении и развитии отечественной этнографии.

Ключевые слова: *русская этнография, Т.Н. Грановский, Петр и Иван Киреевские, П.А. Азбукин.*

The article attempts to show the role of the socio-cultural field in the Orel region and its intellectual elite in the formation and development of Russian Ethnography.

Keywords: *Russian ethnography, T.N. Granovskij, Petr and Ivan Kireevskie, P.A. Azbukin.*

Складывание российской этнографии как науки представляло собой сложный постепенный процесс, генезис которого можно отнести к первой половине XIX века. Представляется интересным, что Орловский край, ставший родиной великих литераторов, видных духовных и научных деятелей России, оказался одним из, может быть, самых важных истоков российской этнографической науки.

Те, кого мы можем назвать предтечами российской этнографии, были тесным образом связаны с Орловщиной. Дело в том, что Орловская губерния, точнее – город Орел, где жили А.В. Маркович, П.И. Якушкин и бывал М.А. Стахович, а также Киреевская слободка, имение П.В. Киреевского, стали местом притяжения научного мира фольклористов и этнографов. Чрезвычайно важным в связи с этим представляется тот факт, что практически ежегодно в Орел и в свое имение Погорелец, приезжал Т.Н. Грановский. Для отечественной этнологии невозможно переоценить факт систематического общения на родной земле наших земляков – известных западников и славянофилов, в немалой степени причастных к утверждению этнографии на российской почве.

Всем известно, чем отношения между западниками и славянофилами закончились окончательным и полным разрывом. За несколько дней до смерти Грановский напишет об «Аксаковых, Самариных и братии»: «Эти люди противны мне, как гробы. От них пахнет мертвечиной» [21, с. 465]. Не стали исключением и отношения между идейными вождами течений – Грановским и П. Киреевским: их объяснения в 1845 г чуть было не привели к дуэли.

Однако так было не всегда. В истории взаимоотношений Грановского и братьев Петра и Ивана Киреевских существовали целые периоды, когда интерес к личности друг друга таких образованных, само-

стоятельно и оригинально мыслящих людей ставился выше принципиальных различий их взглядов на пути развития России, ибо все они одинаково желали видеть свою родину свободной и процветающей. И того задела, который сумело заложить в 30-х – первой половине 40-х годов XIX в. сообщество земляков-орловцев, хватило не только для того, чтобы создать теоретическую базу обновленческих реформ Александра II, но и для того, чтобы заложить практические основы нового, бережного отношения к русской старине и дать толчок в накоплении и развитии этнографических знаний.

Здесь очевидно проявление геосоциального фактора – ведущие лидеры западничества и славянофильства имеют прямое отношение к Орловщине. Орловские корни, орловское землячество, уникальная провинциальная атмосфера, безусловно, сыграли свою роль в судьбах и Грановского и братьев Киреевских и многих других, с чьими именами связано зарождение российской этнологии.

Обозначим ключевые моменты. Грановский родился в Орле 9 марта 1813 года. Свое детство он провел как в Орле, так и в имении Погорелец, что примерно в 20 километрах от Орла. Киреевские были чуть старше Грановского: Иван – 1806 года рождения, а Петр – 1808 г. Но разница в возрасте была не столь велика, чтобы помешать их будущему общению. В связи с этим представляется важным следующий факт: родные места будущих духовных лидеров России находились практически рядом друг с другом, их родители жили в одной среде.

Отец братьев Киреевских Василий Иванович организовал приюты для пострадавших от войны русских и французских воинов в Орле и в своем имении Киреевской слободке. Он заразился тифом при уходе за больными и 1 ноября 1812 года умер в Орле. После

его смерти вдова Авдотья Петровна с двумя сыновьями и дочерью переехала в имение Долбино в 7 верстах от Белева, но Орловщину они не оставили навсегда [11, с. III-VII]. Орловская губерния стала одним из центров притяжения семьи Киреевских, а после того, как Авдотья Петровна вышла замуж за Алексея Андреевича Елагина, то и всей многочисленной семьи Елагиных. Отметим, что в Орловской губернии тетке Авдотьи Елагиной, сестре Жуковского Екатерине Протасовой принадлежало имение Муратово (совр. Урицкий район Орловской области). Внучка Е.А. Протасовой Екатерина Мойер вышла замуж за сводного брата Киреевских Василия Елагина, и ему досталось имение Бунино, расположенное недалеко от Погорельца Грановского (также в Урицком районе)¹. Отцовская Киреевская слободка достанется Петру Васильевичу Киреевскому. В 1837 году он наследует ее и обоснуется в ней навсегда. Авдотья Киреевская (Елагина), урожденная Юшкова, была племянницей поэта В.А. Жуковского. Ее мать, сестра Жуковского Варвара, и крестила маленького Василия Елагина.

Орел, Погорелец, Киреевка, Муратово, Бунино – родовые гнезда российской культурной элиты – располагались практически рядом – на расстоянии не более 30 километров друг от друга. Дворянские семьи, которых в начале XIX в. в округе насчитывалось не так уж и много, были хорошо осведомлены о соседях, оказывали друг на друга в широком смысле слова некое взаимное влияние. Они были *обречены* на личные контакты. И в столицах дворяне не обрывали знакомства, старались оказывать взаимопомощь, тянулись к своим землякам еще больше.

В 30-е – начале 40-х годов Грановского и Киреевских буквально притягивает друг к другу. Они чувствуют не просто взаимное уважение, а внутреннюю приязнь. Позднее, в разгар споров славянофилов с западниками, Грановский так отзывался о братьях Киреевских: «Я от всей души уважаю этих людей, несмотря на совершенную противоположность наших убеждений. В них так много святости, прямоты, веры, как я еще не видал ни в ком» [21, с. 402]. Обращаясь же к самому Ивану Васильевичу, Грановский писал: «Мне нет дела до того, что Петр Васильевич и Вы о многом думаете совсем не так, как я и друзья мои; это не мешает мне глубоко уважать и любить вас обоих» [21, с. 442]. В свою очередь, Иван Киреевский говорил, что к Грановскому он «чувствует более симпатии, чем ко всем славянофилам»². Расходившийся во взглядах с Грановским, Петр Киреевский на публичных лекциях историка аплодировал ему не менее других.

И Грановский и Киреевские нуждались в личных контактах. В письме к Н.В. Станкевичу от 27 ноября

1 Впоследствии, кстати, именно в имении Бунино по поручению Авдотьи Петровны и Василия Елагина в 1857 году Павлом Якушкиным впервые будут подготовлены к печати песни П. Киреевского.

2 А.И. Герцен в «Былом и думах» вспоминал о Киреевском так: «сочувствия у него не было ни с его друзьями, ни с нами... Он однажды с глубокой печалью сказал Грановскому: – Сердцем я больше связан с вами, но не делю многое из ваших убеждений; с нашими я ближе верой, но столько же расхожусь в другом» [9, с. 144].

1839 г. Грановский признавался: «Бываю довольно часто у Киреевских. Петр (собирает русских песен) очень хороший человек, к Ивану, старшему – как-то не лежит сердце» [Цит. по: 20, с. 111-112]. (Пройдет несколько лет и Грановский изменит свое отношение к И.В. Киреевскому). Но и Киреевские также искали встреч и бесед с ним. Летом общение, вероятно, продолжалось на Орловщине. Известно, что на летние вакации Грановский всегда приезжал в свое имение Погорелец. Гостем Погорельца тогда бывал Петр Киреевский. Сам же Тимофей Николаевич ездил в Тульскую губернию в имение Ивана Киреевского. Пока нет достоверных сведений о том, что Грановский навещал Петра Киреевского в его Киреевке, но такие поездки не обязательно могли документироваться. Можно предположить, что с момента, когда Петр Васильевич оседает в своей Киреевке, Грановский с высокой долей вероятности приезжал к нему, так как это делали Якушкин, Тургенев, Стахович, Маркович. Кстати, о том, что Тургенев был в Киреевке, мы знаем только потому, что писатель лишь однажды сам обмолвился об этом С.Т. Аксакову: «На днях был в Орле и оттуда ездил к П. Киреевскому. Это – человек хрустальной чистоты и прозрачности; его нельзя не полюбить» [22, с. 209]. Если бы не это письмо, нам, как и в случае с Грановским, оставалось бы только предполагать, что Тургенев был в Киреевке.

В 30-е – начале 40-х годов западники и славянофилы часто собирались вместе, размышляли, рассуждали о судьбах России и, что очень важно, это взаимно стимулировало их научную мысль. Разумеется, тогда они уже стояли на различных позициях, но это не мешало их общению и взаимному интересу. Примечательно, что один и тот же жизненный опыт рождал у них разные впечатления и оценки. Так, и братья Киреевские и Грановский примерно одновременно (в 30-е годы) посетили Германию. При этом Грановский выражал удовлетворение тем, как поставлен образовательный процесс у немцев, делая сравнения не в пользу Московского университета, а Иван Киреевский, напротив, высказался в том смысле, что «на всем земном шаре нет народа плоше, бездушнее, тупее и досаднее немцев!» [12, с. 48]. Справедливости ради надо отметить, что и И. Киреевский после приезда из Германии считал, что основы просвещения, тем не менее, надо заимствовать у немцев.

В начале 40-х годов, когда уже не все западники разделяли близкую личную дружбу Грановского и Киреевских, историк в одном из писем выразил свою позицию по этому поводу так: «Я хорошо знаю слабые стороны Киреевских, их убеждения не сходны с моими; я считаю их даже вредными – в данном мне кругу деятельности борюсь с ними. ... Но как частный человек, я с удовольствием бываю у них. Что ни говори, они люди образованные, мыслящие (хотя и вкось), с глубокими интересами и высокой честности... Я уважаю ... благородство и независимость характера, ... соединенные с теплотой души» [Цит. по: 13, с. 183]. В июне 1844 года Грановский гостил в имении у Ивана Киреевского, и писал жене из Белева: «... провел два хороших дня с

Иваном Васильевичем. Всякий день мы сидели с ним до двух часов ночи и говорили о многом... С ним сойтись нетрудно. У него такая широкая благородная природа, что ее не могли сузить никакие мнения» [там же].

Не менее близок Грановский был и с Петром Киреевским, личностью яркой и выходящей далеко за узкие рамки классического славянофильства. Не случайно А.И. Герцен считал его «головой выше всех славянофилов... Именно за его konsekventностью исчезает нелепость и остается трагическая грандиозность» [10, с. 197]. Философ Фридрих Вильгельм Шеллинг, знавший обоих Киреевских лично, также находил, что из двух братьев Петр все-таки умнее Ивана [15]. В своих суждениях и выводах Петр был самостоятелен и уникален. В 1845 году, когда разрыв между западниками и славянофилами достиг уже своего апогея, всех – и тех и других – поразила аналитическая статья Петра Киреевского в журнале «Московитянин» «О древней русской истории. Письмо к М.П. Погодину». Речь в ней шла об истории древних славян, причем П. Киреевский сделал в ней первое обоснование теории патриархального быта. И эта теория оказалась гораздо более близка по взглядам западникам, чем славянофилам.

Полемика прогрессивных, мыслящих представителей русского общества такого уровня, как Грановский и Киреевские, естественным образом являла собой то самое диалектическое единство и борьбу противоположностей, которые стимулировали и провоцировали развитие не только новой общественной мысли, но и гуманитарных наук в целом. Общеизвестно влияние идейно-политических дискуссий 30 – 40-х годов на развитие исторической науки в России. Не меньшее влияние оказал этот фактор и на развитие тогда еще совсем молодой российской этнографии.

Очевидный интерес к этнографическим знаниям в российском обществе появился только после Наполеоновских войн, когда заметно выросло число подобных публикаций в отечественной периодике. Тогда же увидели свет сочинения И.М. Снегирева, чуть позднее – И.П. Сахарова. Других более или менее влиятельных фигур до середины 30-х годов XIX в. в российской этнологии просто не было. В связи с этим представляется исключительно важным для становления науки роль союза двух наших земляков – Тимофея Грановского и Петра Киреевского.

На сегодняшний день вклад Грановского в формирование концептуальных основ российской этнографии совершенно недооценивается. Именно Грановским была впервые выдвинута идея обращения к этнографии как к основе исторических исследований. Исторический процесс развития каждого народа он стремился осмыслить путем анализа естественноисторических факторов, причем, во всей их совокупности. Поэтому он предлагает подход, принятый в современной этнологии: изучать и географическую среду, и антропологические данные. В естественноисторической обстановке ранних стадий жизни каждого народа Грановский ищет источник формирования народного характера. Он требует от историков обращения к изучению истоков народной

жизни и народной истории³. Он одним из первых в российской науке указывает на значение образования «племенных признаков» народа.

Подобный подход к историческому исследованию имел большое значение в связи с развернувшейся с начала 40-х годов острой полемикой вокруг проблемы народного творчества. Речь шла о месте народной поэзии в контексте исторического исследования. Занимавшиеся фольклористикой славянофилы утверждали, что народная поэзия – это важнейший документ для познания народа, что он лучше, чем какой-либо другой исторический источник, сохраняет наиболее важные и существенные черты исторической действительности. Правда, фольклорные данные славянофилы обычно рассматривали в отрыве от конкретных событий истории, абстрактно, без должной проверки достоверности фактов, без критического отношения к содержанию источника, допускали в ряде случаев чисто умозрительные построения, произвольные сопоставления, необходимые для подкрепления своих теорий. Это-то и вызывало возражение западников. Заслугой Грановского было то, что он настаивал на обязательном анализе исторического документа с целью выявления в меморатах положительных, конкретных фактов. По мнению М.К. Азадовского, стремление к пересмотру и определению подлинного места народного предания в исторической науке стало «одной из основных центральных тем Т.Н. Грановского во всей его научной деятельности» [2, с. 7]. С другой стороны, нельзя отрицать и тот факт, что развитие в это время фольклористики и этнографии могло, в свою очередь, побуждать Грановского к переоценке роли этнографического фактора в историческом процессе.

Можно утверждать, что в трудах и публичных выступлениях Грановского, особенно в циклах его публичных лекций 1843 – 1851 гг., закладывались не только теоретические принципы отечественной истории, но и российской этнографии. Это отчетливо видно на примере понимания народного творчества. Если прежде основной проблемой в исследованиях, посвященных народной поэзии, являлось установление ее связи с народным характером и определение ее места в исторической жизни народа, то Грановский предлагал совершенно новый подход, в научном плане гораздо более грамотный и до сих пор актуальный – исторического обоснования народной поэзии, а также анализа ее генезиса и развития.

Теоретические дискуссии на страницах прессы, в лекционной полемике, а также в ходе личных контактов, таких, например, как встречи Грановского и братьев Киреевских у Погодина (май 1842 г.), в салоне Елагиной в Москве – «привольной республике у Красных ворот», или, возможно, в доме Павла Якушкина и Мардовиных в

3 Обратим внимание, насколько близок Грановский к современному пониманию народа и его истории. Примордиалистское определение этноса выглядит примерно так: народ – это исторически сложившаяся на определенной территории общность людей, обладающая общими, относительно стабильными особенностями культуры, языка и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных общностей, фиксированное в этнониме.

Орле [См. подробнее: 1, с. 565-566], могли содействовать выработке правильного направления в развитии этнографии. И если Грановский способствовал оформлению *теоретических* основ российской этнографии, по меньшей мере, косвенно обозначил стратегические и концептуальные установки, повлиявшие на процесс развития отечественной этнологии, то его визави – Петр Киреевский – заложил методологические основы создания источниковой базы науки. Посвятив себя делу собирания этнографических меморатов, он своей подвижнической работой фактически привел к включению фольклористики в этнографию в качестве ее субдисциплины. Это был важный шаг на пути превращения рутинной фиксации образцов устного народного творчества в самостоятельную науку. С лета 1831 г. П. Киреевский, а несколько позднее его единомышленники и ученики – Стахович, Якушкин и другие – приступили к работе по систематизированному сбору народных песен, этого важнейшего этнографического источника. По ценности полученного материала и по его количеству (свыше 10 тысяч текстов) подготовляемое Киреевским издание должно было стать самым значительным в мировой науке собранием произведений народного творчества [19, с. 136]. Особенно важен тот факт, что Киреевский успешно справился с классификацией громадного объема информации, применив *хронологико-тематический* принцип систематизации былин и народных песен [Подробно о принципах систематизации былин и песен П. Киреевским см., например: 8; 7, с. 66-75]. А.В. Маркович, украинский фольклорист и этнограф, вспоминал, как в Киреевке он видел в кабинете Киреевского «большие корзины и картонные ящики, наполненные выписками из летописей под рубриками: князь, вече и т.д., и ничего столько от него не слышал, как самых блестящих выводов из прожитого старой Русью» [14, с. 17-23].

Работа П. Киреевского выгодно отличалась от сборников, опубликованных П.М. Строевым, И.М. Снегиревым, И.П. Сахаровым и другими, особо scrupulous отношением к методике сбора этнографических источников и их первичной обработке – «сличению» и анализу текстов. П. Киреевский подчеркивал, что при раскапывании старины «нельзя ни шагу двинуться без тысячи справок и проверок и без ежеминутной борьбы с целой фалангой предшественников, изувечивших и загрязнивших ее донельзя» [7, с. 61]. В 1838 году Киреевским (вместе с Н.М. Языковым и А.С. Хомяковым) была составлена особая «Прокламация», где были сформулированы правила записи народных песен. Она не потеряла своего значения до настоящего времени [См. подробнее: 18]. Впервые в истории русской фольклористики П. Киреевский выдвинул задачу дословной записи всех вариантов народной песни. Отметим, что хотя до Киреевского уже были опубликованы фольклорные сборники, именно благодаря реализации данного принципа первое научное собрание русских народных песен безусловно принадлежит П. Киреевскому и его ближайшим ученикам Якушкину, братьям Н.М. и А.М. Языковым, Стаховичу. Впоследствии данный принцип был развит Павлом

Якушкиным, который стал записывать текст непосредственно «с голоса». Он стремился передать своеобразие песенного напева, используя для этого специальную методику фонетической записи. Якушкин сумел реализовать и другую идею П. Киреевского, правда, не столь четко сформулированную, – применить на практике метод так называемой фронтальной записи фольклора определенной местности.

Можно утверждать, что у Петра Киреевского, впервые в России, появилась идея организации маршрутных этнографических экспедиций. Летом 1834 г. он совершает специальную поездку в Новгород и близлежащие уезды и деревни (г. Осташков, погост Рогоза, деревня Острицы и т.д.) [16, с. 600]. Известно также, что в длительное путешествие по центральным губерниям России Якушкин отправился благодаря настоятельным просьбам Киреевского. Он же и финансировал поездки Якушкина [7, с. 27, 37].

Наконец, благодаря П. Киреевскому в этнографическую практику вошла строгая атрибуция фольклорного источника, прежде всего, паспортизация данных. Известно, что в одном из писем Языкову Киреевский настойчиво просил: «Напиши, пожалуйста, если помнишь, в каких уездах и селах собираемы были песни, тобою присланные?» [17, с. 62].

К предтечам российской этнографии также можно отнести уроженцев Орловской губернии М.А. Стаховича и П.И. Якушкина. Михаил Александрович Стахович, известный собиратель образчиков народного творчества, поэт и переводчик, уже в 1857 году издал в Петербурге свой первый сборник народных песен и посвятил их П.В. Киреевскому. Он же собирался издать в Орле новый сборник с подобными материалами, причем участвовать в нем собирались А.Ф. Писемский и М.Е. Салтыков-Щедрин. Подготовку сборника должен был осуществить Якушкин, но в 1858 году трагическая смерть Стаховича остановила этот проект.

Павел Иванович Якушкин – один из самых известных российских фольклористов-этнографов. После смерти Киреевского именно он, согласно воле Петра Васильевича, должен был обработать и подготовить к печати сборник народных песен. Для этого в 1857 году по приглашению сводного брата Киреевского В.А. Елагина, Якушкин отправляется в елагинское имение Бунино, куда уже были перевезены документы и материалы Киреевского. В первый сборник вошла наиболее ценная часть наследия самого Якушкина, однако издание было впоследствии перепоручено Елагиным П.А. Бессонову. Тем не менее, заслуга Якушкина как непревзойденного собирателя русского фольклора исключительно велика.

Присутствие в Орле и его окрестностях таких ярких личностей не могло не сказаться на общественно-культурной жизни города, росте интереса к этнографии у местной интеллектуальной элиты. Так, например, в 1836 году член губернского Статистического комитета учитель словесности Орловской губернской гимназии Петр Андреевич Азбукин, будучи «Управляющим выставкой произведений и музеем», подготовил тематиче-

скую выставку по Орловской губернии для цесаревича Александра Николаевича. В точности неизвестно, что было представлено на ней – слово «музей» говорит о наличии каких-то предметов старины, возможно, артефактов орловских народных промыслов. Наследнику было поднесено «Статистическое описание Орловской губернии», выполненное Азбукиным. За эту работу и за организацию выставки и музея в 1836 году Азбукин был награжден бриллиантовым перстнем и утвержден Министром Внутренних дел «членом-корреспондентом туристического отделения Совета Министров внутренних дел». Фактически, с Азбукина начинаются не только первые серьезные исследования Орловского края, но и систематические этнографические наблюдения [См. подробнее: 3; 4; 5].

Все они – Грановский, Киреевский, Якушкин, Стахович, Маркович, проживавший в Орле с 1847 по 1851 годы, и другие представляли собой в высоком смысле этого слова круг единомышленников. Все они были в той или иной степени знакомы друг с другом, сотрудничали вместе, с уважением и доверием относились один к другому.

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что рус-

ская литература середины и второй половины XIX века многими своими корнями уходила в орловскую и сопредельную ей тульскую почву. Вспомним таких литераторов, как И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.А. Фет, Г.И. Успенский, Н.С. Лесков, И.А. Бунин, Л.Н. Андреев. Четверо первых, при всей сложности отношений между ними, часто общались между собой и, вольно или невольно, пусть опосредованно, оказывали влияние друг на друга.

Однако похожая ситуация складывалась не только среди литераторов. Здесь, в Орловском крае находятся и корни российской этнографии. Таким особым было местное социокультурное поле [6]. Орловщина фактически стала той почвой, из которой выросли такие предтечи российской этнологии, как П.В. и И.В. Киреевские, Т.Н. Грановский, П.И. Якушкин, М.А. Стахович, украинский этнограф А.В. Маркович. Их расхождения, их полемика не умаляет значения ни одного из них: каждый внес свою неповторимую лепту в будущую российскую этнографическую науку. В их совместных обсуждениях, даже в непростых дискуссиях постепенно выкристаллизовывались основополагающие принципы современной отечественной этнографии.

Библиографический список

1. Маркович А.В. // Литературное наследство. Т. 79. Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П.В. Киреевского. М., 1968. С. 565–568.
2. Азадовский М.К. Значение Географического общества в истории русской фольклористики // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. III. М., 1965.
3. Ашихмина Е.Н. Инспектор гимназии Петр Андреевич Азбукин // Ашихмина Е.Н. В этом странном городе... Т. II. Ранние годы. Гимназия. Орел, 2012. С. 87–92.
4. Ашихмина Е.Н. Петр Андреевич Азбукин – инспектор Орловской гимназии лесковского времени // Ученые записки. Т. III. Лесковский сборник. Орел, 2006. С. 128–138.
5. Ашихмина Е.Н. Петр Андреевич Азбукин: педагог и человек // Орловский вестник. 2004. 17, 24 июня.
6. Ашихмина Е.Н. Социокультурное поле как фактор развития духа творчества в Орловском крае (к постановке проблемы) // «Поэтика» литературных гнезд: филология, история, краеведение. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тула, 2005. С. 193–211.
7. Баландин А.И. П.И. Якушкин. Из истории русской фольклористики. М., 1969.
8. Власова З.И. Коллекция лирических песен в собрании П.В. Киреевского (30-е годы XIX в.) // Русский фольклор. Материалы и исследования. VII. М.–Л., 1962. С. 328–342.
9. Герцен А.И. Былое и думы. Т.2. М., 1973.
10. Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Том второй. Статьи и фельетоны, 1841–1846. Дневник, 1842–1845. М., 1954.
11. Гершензон М.О. П.В. Киреевский. Биография // Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. I–II. Вып. I. (Песни обрядовые). М., 1911.
12. Елагин Н. А. Материалы для биографии И. В. Киреевского // Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2-х т. Т. I. М., 1911.
13. Левандовский А.А. Время Грановского. У истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990.
14. Маркович А.В. Воспоминание о Петре Васильевиче Киреевском // Русская беседа. 1857. Кн. 6. № 2. С. 17–23.
15. Милоков П. Киреевский Петр Васильевич // Русский биографический словарь. Сетевая версия. URL: <http://www.rulex.ru/01111235.htm> (дата обращения: 08.08.2014).
16. П.В. Киреевский // Литературное наследство. Т. 79. Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П.В. Киреевского. М., 1968. С. 599–638.
17. Письма П.В. Киреевского к Н.М. Языкову. М.–Л., 1938.
18. Соймонов А.Д. «Песенная прокламация» П.В. Киреевского // Советская этнография. 1960. № 4. С. 147–150.
19. Соймонов А.Д. К истории собрания П.В. Киреевского (роль братьев Языковых в его создании) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. III. М., 1965.
20. Станкевич А.В. Тимофей Николаевич Грановский. (Биографический очерк). М., 1869.
21. Т.Н. Грановский и его переписка. В 2 т. М., 1897. Т. 2.
22. Тургенев И.С. С.Т. Аксакову. 6 (18) марта 1853. Спасское // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в восемнадцати томах. Изд. второе, испр. и доп. Том 2. Письма 1850–1854. М., 1987.

References

1. *Markovich A.V.* Literary inheritance. V. 79. The songs collected by writers. New materials from P.V. Kireevsky's archive. Moscow, 1968. Pp. 565–568.
2. *Azadovskij M.K.* Essays on the history of Russian ethnography, folklore and anthropology. Vol. III. Moscow, 1965.
3. *Ashikhmina E.N.* In this strange town... T. II. Early years. Gymnasium. Orel, 2012. Pp. 87–92.
4. *Ashikhmina E.N.* Scientific notes. V. III. Leskov collection. Orel, 2006. Pp. 128–138.
5. *Ashikhmina E.N.* Peter Andreevich Azbukin: teacher and a person. *Orlovskij vestnik – Orel Herald*, 2004, 17, 24 June.
6. *Ashikhmina E.N.* Poetics" literary slots: philology, history, local history. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Tula, 2005. Pp. 193–211.
7. *Balandin A.I.* P.I. Jakushkin. From the history of Russian folklore. Moscow, 1969.
8. *Vlasova Z.I.* The Russian folklore. Materials and researches. VII. Moscow – Leningrad, 1962. Pp. 328–342.
9. *Gerzen A.I.* My Past and Thoughts, vol. 2. Moscow, 1973.
10. *Gerzen A.I.* Collected works in thirty volumes. Volume second. Articles and feuilletons, 1841–1846. Diary, 1842–1845. Moscow, 1954.
11. *Gershenzon M.O.* Songs collected P.V. Kireevsky. The new series. Vol. I-II. Vol. I. (Ritual songs). Moscow, 1911.
12. *Elagin N.A.* Kireevsky I.V. Full. cit. op.: In 2 Vols. Vol. I. Moscow, 1911.
13. *Levandovskij A.A.* Granovsky's time. At the origins of the Russian intelligentsia. Moscow, 1990.
14. *Markovich A.V.* Recollection of Peter Vasilyevich Kireevskij. *Russkaja beseda – Russian conversation*, 1857, Book 6, № 2. Pp. 17–23.
15. *Milyukov P.* Russian Biographical Dictionary. The network version. URL: <http://www.rulex.ru/01111235.htm> (date of access: 08.08.2014).
16. *P.V. Kireevskij.* Literary inheritance. T. 79. The songs collected by writers. New materials from P.V. Kireevsky's archive. Moscow, 1968. Pp. 599–638.
17. *Pis'ma P.V. Kireevsky's letters to N.M. Yazykov.* Moscow – Leningrad, 1938.
18. *Soymonov A.D.* "The songs proclamation" of P.V. Kireevskij. *Sovetskaja jetnografija – Soviet ethnography*. 1960, № 4. Pp. 147–150.
19. *Soymonov A.D.* Essays on the history of Russian ethnography, folklore studies and anthropology, Issue III. Moscow, 1965.
20. *Stankevich A.V.* Timofey Nikolayevich Granovsky. (Biographical Sketch). Moscow, 1869.
21. *T.N. Granovsky and his correspondence.* In 2 vol.. Moscow, 1897, vol. 2.
22. *Turgenev I.S.* Complete Works and Letters in thirty volumes. Letters in eighteen volumes. Ed. second rev. and ext. Volume 2. Letters 1850–1854. Moscow, 1987.

В.Я. ВОРОБЬЁВА

кандидат исторических наук, профессор, Орловский
государственный университет

V.YA. VOROBYOVA

Candidate of Historical Sciences, Professor, Orel State
University

ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ НА СОБОРОВСКОМ ПОЛЕ

DEFENSIVE BATTLE ON THE SOBOROVSKY FIELD

В статье рассматривается одно из решающих сражений Курской дуги – оборонительное сражение на Соборовском поле.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Курская дуга, Соборовское поле, контрнаступление.

In article one of decisive battles of the Kursk arch – defensive battle on the Soborovsky field is considered.

Keywords: Great Patriotic War, Kursk arch, Soborovsky field, counterattack.

Сражение на Соборовском поле стало залогом успешного наступления советских войск на северном (Орловском) фланге Курской дуги и прологом краха крупнейшей летней 1943 года наступательной операции вермахта на Восточном фронте с кодовым названием «Цитадель».

Сражение на Соборовском поле – это начало краха стратегии германского командования в 1943 году.

В.Я. Воробьёва

70 лет минуло с памятного всему человечеству 1943 года, когда в победных сражениях – Сталинградском и в районе Курского выступа – решалась судьба нашей Родины, когда изменился ход Великой Отечественной и Второй мировой войн.

В научной исторической литературе о битве на Курском выступе детально описано контрнаступление советских войск с 12 июля 1943 года. Гораздо сдержаннее авторы пишут об оборонительном этапе битвы с 5-го по 11 июля 1943 года, особенно о сражении в северной части Курского выступа – западнее железнодорожной станции Понеры – на так называемом Соборовском поле, находящемся на территории смежных районов Орловской и Курской областей. В современной классификации стратегических и фронтовых операций сражение на Соборовском поле именуется как «Оборонительная операция на Орловско-Курском направлении 5–11 июля 1943 года» [1].

Об этом стратегически важнейшем участке битвы, о сражении, в котором впервые с начала войны советская сторона, будучи намного сильнее противника, использовала тактику преднамеренной обороны, написано сравнительно мало.

Систематизированная характеристика сражения на Соборовском поле дана во вступительной статье к Троснянскому району в 10-м томе Книги Памяти Орловской области В. И. Агошковым и В. Я. Воробьёвой [2]. Она повторена этими авторами в книге «Память о

подвиге» [3] (Орёл, Орелиздат, 1998, с.232–239).

Термин «Соборовское поле» отсутствует у всех мемуаристов и авторов – не орловцев. Причина в том, что неофициальное понятие «Соборовское поле» стало официальным географическим термином лишь в 1988 году, когда по ходатайству Троснянского райисполкома и по решению Орловского областного Совета народных депутатов был установлен памятный знак у деревни Соборовка 33-м Героям Советского Союза, получившим это звание за бои 5-10 июля 1943 г. в районе Соборовского поля.

Соборовское поле – 10 км х 10 км – является частью территории Глазуновского, Троснянского районов Орловской области и Поныровского района Курской. Называется оно по деревне Соборовка, расположенной в центре поля на реке Свапа, берущей своё начало у Тепловских высот в Курской области (в 5 км от Соборовки, в южной части поля). С севера на запад, на юг и восток Соборовское поле ограничено сёлами: Тагино, Гнилец, Самодуровка (Игишево), Тёплое, Ольховатка, Кошары, Понеры-2. Район Соборовка – Ольховатка и прилегающее к ним поле представляют собой одну из вершин Среднерусской возвышенности с наибольшим подъёмом местности у села Ольховатка Поныровского района Курской области. Овладение этой вершиной давало возможность взять под свой контроль всю местность восточнее, южнее и западнее района Ольховатка – Молотычи – Тёплое, а учитывая, что на этом пространстве мало лесов, просматривать местность на десятки километров, почти до Курска.

Общеизвестно, что к началу июля 1943 года противник на северном фланге дуги против войск Центрального фронта сосредоточил из 50 дивизий – 22 дивизии, 6 из которых были танковыми. Но превосходство было за советскими войсками: «в 1,4 раза в живой силе, в 1,9 раз по орудиям и миномётам, в 1,2 раза по танкам, в 1,4 раза по самолётам» [4].

Соборовское поле – это составная часть полосы обороны 13-й армии Центрального фронта. Из 302-ки-

лометровой внешней линии обороны советского фронта на Курской дуге 13-я армия занимала 32 км – от села Гнилец Троснянского района до г. Малоархангельска в Орловской области. Как все армии Центрального фронта, 13-я создала три эшелона обороны. В первом её эшелоне на танкоопасных направлениях «... было, – писал К. К. Рокоссовский, – 13 противотанковых районов из 44 противотанковых опорных пунктов, во втором имелось 9 противотанковых районов с 34 противотанковыми опорными пунктами, в третьей полосе – 15 противотанковых районов с 60 противотанковыми опорными пунктами... Общая плотность артиллерии фронта составляла 35 орудий и миномётов, 10,2 противотанковых орудия на 1 км фронта, а в полосе обороны 13-й армии она была намного выше»[5]. Сверху 13-ю армию Н.П. Пухова поддерживала 16-я воздушная армия С.И. Руденко.

Противник противопоставил 13-й армии свою 9-ю полевую и 1-й воздушный флот.

Концентрация наземных немецких войск в районе Соборовского поля с 5 по 11 июля 1943 г. была следующей:

- 5 июля – 6 пехотных дивизий, 4 танковых;
- 6 июля – 6 пехотных дивизий, 5 танковых;
- 7 июля – 10 пехотных дивизий, 4 танковых;
- 8 июля – 9 пехотных дивизий, 5 танковых;
- 9 июля – 9 пехотных дивизий, 5 танковых;
- 10 июля – 5 пехотных дивизий, 6 танковых и 2 моторизованные;

11 июля – 4 пехотные дивизии, 6 танковых и 2 моторизованные [6].

Таким образом, в течение 5-10 июля налицо постоянное наращивание и ввод в бой немецких войск и техники, то есть Соборовское поле, бесспорно, было местом основного сражения германских войск на северном фланге Курской дуги.

Начало сражения – 5 июля – так описывается во Всероссийской Книге Памяти: «В 2 часа 20 минут артиллерия 13-й армии, против которой ожидался главный удар противника, из 600 орудий и миномётов обрушила сокрушительный огонь на врага, приготовившегося к наступлению. 30 минут грохотали разрывы. Из 100 орудий врага, подвергшихся огневому воздействию, более половины было подавлено. Противнику потребовалось около двух часов, чтобы привести части в порядок. В 4 часа 30 минут он начал артиллерийскую подготовку. Одновременно бросил против 13-й армии до 300 бомбардировщиков. Командование Центрального фронта провело повторную контрподготовку. Около 1000 орудий и миномётов ударили по врагу, который понёс большие потери. Внезапности удара у гитлеровцев не получилось. Но остановить машину наступления они уже не могли. В 5 часов 30 минут на позиции войск Центрального фронта двинулись вражеские танки и пехота на бронетранспортёрах. Так начиналась величайшая битва Великой Отечественной войны»[8].

Немцы атаковали 5 июля 1943 г. всю полосу обороны 13-й армии и примыкавшие к ней фланги 70-й и 48-й армий. Но главный удар нацелили в направлении

Ольховатки и Гнильца, используя здесь 6 пехотных и 4 танковых дивизий. Непосредственно на Соборовку было нацелено 2 танковые дивизии. Бомбардировщики фашистов группами по 50-100 самолётов непрерывно бомбардировали боевые порядки советских войск. За 5 июля они сделали 2500 самолёто-вылетов. 6 тысяч мин, установленных сапёрами в полосе обороны 13-й армии, стали настоящей грозой для танков немцев [9]. Г.К. Жуков (представитель Ставки на Центральном фронте) отмечал: «В течение всего дня 5 июля немцы провели пять яростных атак, пытаясь ворваться в расположение наших войск... На всех участках фронта советские войска твердо стояли на своих рубежах, и казалось, что пока нет той силы, которая бы могла сдвинуть их с места... Мужественно дрались воины 13-й армии, особенно 81-я дивизия генерала А.Б. Барина, 15-я дивизия полковника В.И. Джанджлавы, 307-я дивизия генерала М.А. Еншина и 3-я истребительная бригада полковника В.Н. Рукосуева. Хорошо дрались 70-я армия генерала И.В. Голанина, сформированная из пограничников Дальнего Востока, Забайкалья и Средней Азии» [10]. 5 июля в направлении Ольховатки на Соборовском поле фашисты продвинулись на 3–6 км, но не на 25-30, как предполагало фашистское командование. Село Ольховатку и Тепловские высоты им не удалось захватить.

Анализируя события 5 июля, К.К. Рокоссовский писал: «В первый день сражения на нашем фронте определилось направление главного удара противника... не вдоль железной дороги... а несколько западнее на Ольховатку. В этой обстановке решено было как можно скорее нанести короткий, но сильный контрудар по вклинившимся в нашу оборону немцам, используя для этого 17-й гвардейский стрелковый корпус, 16-й танковый корпус 2-й танковой армии и 19-й танковый корпус из резерва фронта.

На рассвете 6 июля наша артиллерия и авиация нанесли удар по фашистским войскам... Контрудар сначала имел успех, и части 17-го корпуса продвинулись на 2 км. В дальнейшем их наступление было остановлено. Гитлеровцы ввели свежие силы – 250 немецких танков и большое количество пехоты атаковали позиции корпуса и заставили его отойти в исходное положение. Однако этот контрудар в целом содействовал срыву намерений врага развить наступление с целью прорыва второй полосы обороны 13-й армии на ольховатском направлении»[11].

Подробнее события 6 июля в районе Соборовского поля представлены в записях В.М. Шарапова – начальника штаба 70-й армии: «С 4 до 8 часов авиация противника бомбила передний край обороны. Затем из района Соборовки в направлении Самодуровки наступал полк фашистов с 40 танками, столько же, но уже с 60 танками, двигалось на Гнилец. Наша артиллерия встретила врага всей своей огненной мощью, но фашистская авиация начала усиленно бомбить тыл нашей обороны. Пользуясь этим, гитлеровские танки ворвались на передний край и стали утюжить траншеи и пулемётные гнёзда. К 11 часам все атаки противника отбили. Потери

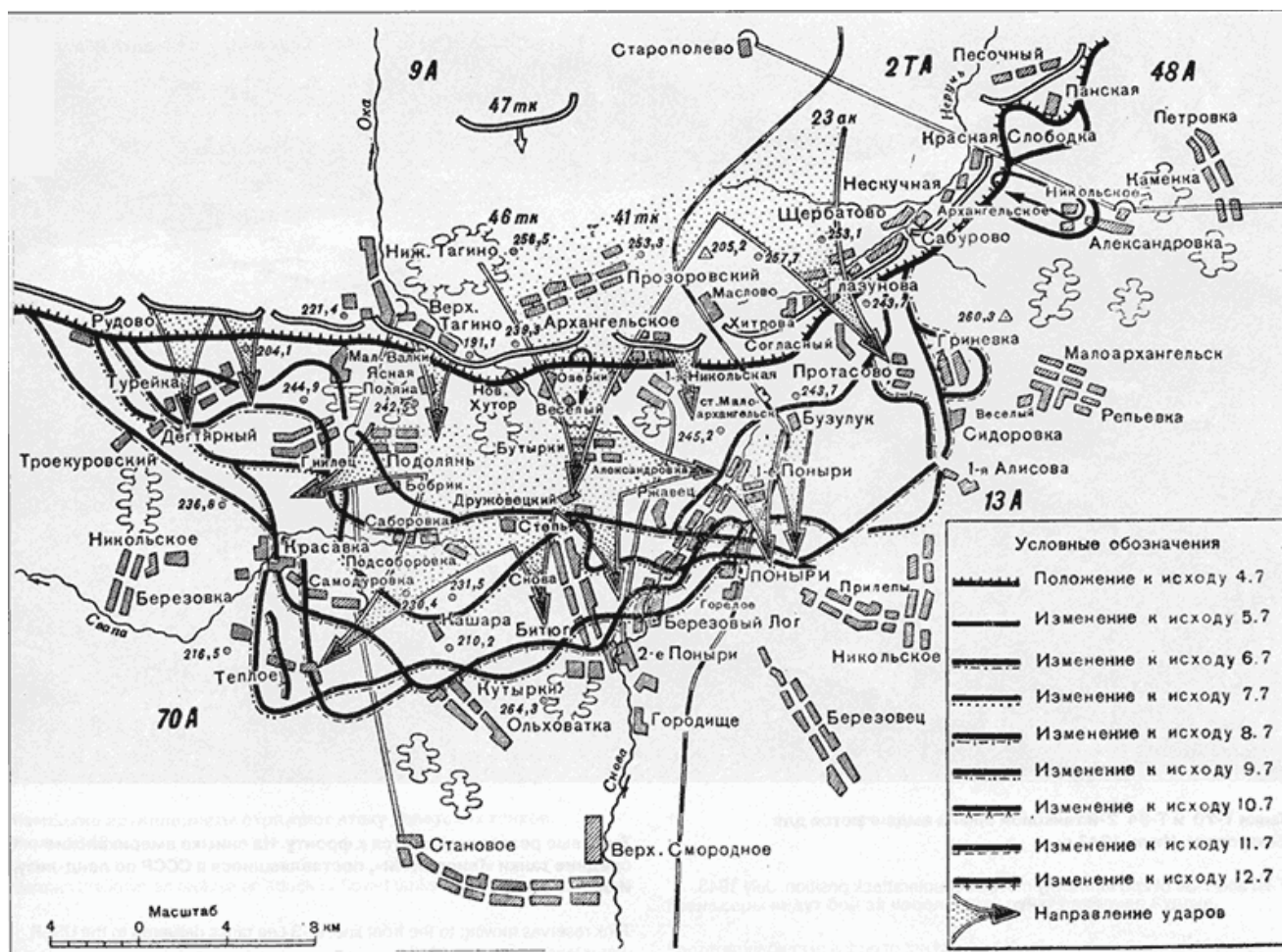
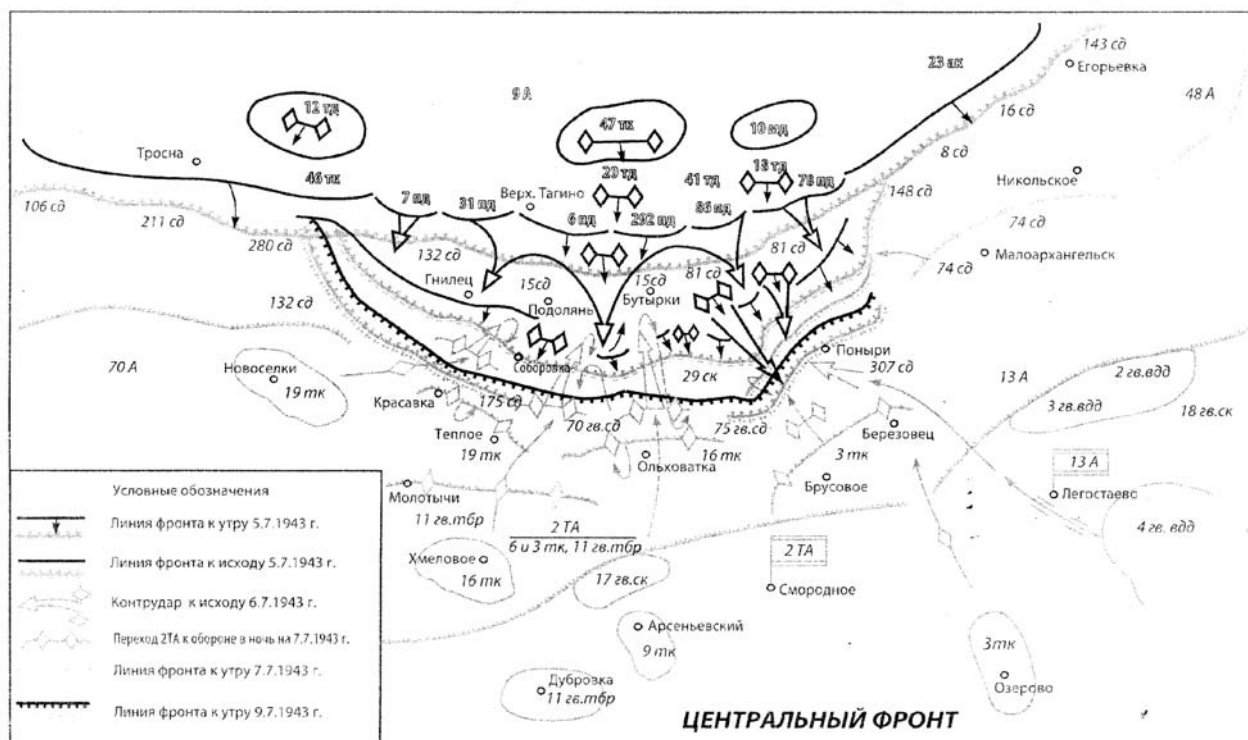

Рис. Схема оборонительного сражения Красной Армии на северном фесе Курского выступа с 05.07.43 по 10.07.43.

были большими с обеих сторон». Враг бросил дополнительно ещё 50 танков. После тяжёлого боя подразделения 132-й стрелковой дивизии оставили село Гнилец. Но продвинуться дальше на юг враг не смог. Хотя ещё 100 танков поддерживали три полка пехоты, наступавшей на рубеже Дегтярный – Обыденка – Бузово – Рудово. Храбро оборонялись воины 280-й стрелковой дивизии, неоднократно контратаковали фашистов. В течение дня немецкая авиация пять раз бомбардировала её передний край. Танки, поддержанные артиллерией, вытеснили наши батальоны из деревни Рудово. К концу дня из района Соборовки – Подольня в направлении на Тёплое Курской области пошло в наступление около двух полков вражеской пехоты и 150 танков. Корпус генерала И.Д. Васильева, 79-я, 202-я танковые бригады контратаковали фашистов в общем направлении на хутор Бобрик. Зажатый в клещи противник, потеряв два десятка танков и большое количество живой силы, откатился назад. В это же время наши основные порядки подверглись удару более сотни самолётов. Гитлеровцы попытались снова перейти в наступление, но безуспешно» [12]. По подсчётам И.И. Маркина здесь, на двенадцатикилометровом участке в боях с обеих сторон участвовало около 3-х тысяч орудий и миномётов, более 5 тысяч пулемётов и около тысячи танков [13].

Сражение 6 июля на Соборовском поле по оценке К. К. Рокоссовского «предопределило провал наступления орловской группировки» [14].

7 июля на Ольховатском направлении на фронте около 10 км между деревней Поныри-2 и селом Гнилец наступали 4 танковые (250 танков) и 4 пехотные дивизии противника. Их фланги обеспечивали 6 пехотных дивизий. Все наличные силы артиллерии, миномётов, авиации были введены в бой. Особенно упорные бои завязались в районе Самодуровки. На рубеже деревни Красавка 26-я мотострелковая бригада в течение 7 июля отбила восемь атак танков и пехоты противника, втрое превосходившего её по численности. Сама четырежды контратаковала и подбила 22 танка. К исходу 7 июля враг, потеряв убитыми и ранеными около 2800 солдат и офицеров, более 100 танков и 12 самолётов, прекратил активные действия [15].

8 июля фашисты усилили наступление на Поныри-2, Ольховатку, Тёплое. В этот день здесь действовали 5 немецких танковых (300 танков) и одна стрелковая дивизия. Кроме того, 5 пехотных дивизий с востока и 3 пехотные дивизии с запада атаками на отдельных направлениях обеспечивали наступление главной ударной группировки противника. Массированные налёты авиации противника были встречены мощным огнём нашей противовоздушной обороны и истребительной авиацией. В результате враги не смогли нанести ни одного сосредоточенного удара. После того как противник втянул 3 танковые дивизии, ему удалось ворваться в село Тёплое. Для характеристики напряжённости боя у села Тёплое К.К. Рокоссовский в своих воспоминаниях приводит один пример: «На одной из позиций находилась батарея капитана Г.И. Игишева, которая, подпустив танки на дистанцию 600-700 метров, встре-

тила их своим огнём. На этой батарее, уничтожившей 17 танков, осталось (всего) одно орудие, а возле него – три человека, способных вести бой. (Они подбили ещё два тяжёлых танка» [16].

«9 июля, активно действуя на всём участке правого крыла фронта, противник предпринял сильную атаку на стыке 48-й и 13-й армий, но и она успеха не имела» [16].

10 июля в районе сёл Тёплое – Молотычи на расстоянии 12 км шли исключительно тяжёлые бои. Поняв, что наступление ударных группировок на Курском выступе зашло в тупик, командование немецких групп армий «Центр» и «Юг» приняло решение ввести в сражение всё, что можно, перегруппировать войска и во что бы то ни стало ворваться в Курск с севера и юга. На участке 2-е Поныри – Тёплое на фронте немногим более 10 км были сосредоточены 6 танковых, 2 моторизованные и 5 пехотных дивизий, усиленных большим количеством артиллерии, авиации и отдельных подразделений «тигров» и «фердинандов».

Подводя итог действиям войск Центрального фронта 5-10 июля 1943 г., К. К. Рокоссовский писал: «К 11 июля немецкие войска, понеся огромные потери и не добившись успеха, прекратили наступление и повсеместно перешли к обороне. За шесть дней непрерывных атак им удалось вклиниться в нашу оборону всего на 8-12 км. Таким образом, войска Центрального фронта выполнили поставленную Ставкой Верховного Главнокомандования задачу: упорным сопротивлением истощили врага и остановили его наступление» [16].

Высокую оценку летним боям 1943 года в северной части Курского выступа дал их очевидец, корреспондент английской газеты «Санди Таймс» и радиокompании Би-би-си Александр Верт в своей книге «Россия в войне 1941-1945»: «В самом сердце России, на родине И. Тургенева, шла современная Куликовская битва, от исхода которой так много зависело» [17].

Эту историческую метафору с полным правом можно отнести и к одному сражению в северной части Курского выступа – сражению на Соборовском поле, потому что оно стало местом основного удара немецких войск против Центрального фронта. На нём на 10 км в течение шести суток (5-10 июля 1943 г.) фашистское командование концентрировало половину своих войск, нацеленных против всего Центрального фронта.

На Соборовском поле со стороны немцев ежедневная плотность огня составляла не более 2-х км на каждую полевую и танковую дивизию, поддержанных авиацией, что было в 3-4 раза больше оперативных норм [18].

Теряя в боях на Соборовском поле каждые сутки почти по одной дивизии, немцы не сняли отсюда ни одного своего подразделения, хотя их командование в поисках слабых мест в обороне советских войск организовывало наступления превосходящими силами:

6 июля – у села Яковлево Яковлевского района Белгородской области;

7, 9 июля – у железнодорожной станции Поныри Курской области;

8-9 июля – у села Верхопенье Ивановского района

Белгородской области.

Сражение на Соборовском поле – явление мужества и стойкости советских воинов. 35 из них за бои 5-16 июля (включая наше контрнаступление в этом районе) были удостоены, преимущественно посмертно, высокого звания – Герой Советского Союза. Среди них 25 артиллеристов (гв. сержанты: М.И. Абдуллин, Ф.Г. Резник, Д.Ф. Чеботарёв и др.), 4 лётчика (мл. лейтенанты: А.Е. Боровых, В.К. Поляков, Б.Г. Сидоров и др.), 4 пехотинца (гв. ст. сержанты: Х.М. Мухамадиев, В.Е. Писклов, А.Г. Серебренников, В.Ф. Черненко) и 2 танкиста – сержант П.И. Баннов и рядовой С.М. Фадеев [19].

В оборонительном сражении 5-12 июля 1943 г. Центральный фронт потерял 33 897 человек [20]. Надо

полагать, что большинство из этих потерь – в сражении на Соборовском поле.

Враг на Соборовском поле был настолько обескровлен, что не смог прорвать вторую из шести полос обороны Центрального фронта и прорваться к Курску.

Сражение на Соборовском поле стало таким образом залогом успешного контрнаступления советских войск на северном фланге Орловско-Курской дуги и прологом краха крупнейшей летней 1943 года наступательной операции вермахта на Восточном фронте с кодовым названием «Цитадель». Поэтому Соборовское поле достойно быть включенным в ряд судьбоносных полей боевой славы России наряду с Куликовским, Бородинским, Прохоровским.

Библиографический список

1. Гуркин В.В. Стратегические и фронтовые операции Красной Армии / Военно-исторический журнал – 1998. № 2. С.18.
2. Книга памяти Орловской области / Орёл: Орёллиздат, 1998. Т.10 С. 157–160.
3. Память о подвиге / Орёл: Орёллиздат, 1998. С.232–239.
4. Всероссийская Книга Памяти М.: Воениздат, 1995. С.165.
5. Рокоссовский К.К. На Центральном фронте / Курская битва, М.: Наука, 1970. С.92.
6. Маркин И.И. Курская битва. М.: Воениздат, 1958. С. 114–116.
7. Книга памяти Орловской области / Орёл: Орёллиздат, 2005. Т.12. С. 240.
8. Всероссийская Книга Памяти, М.: Воениздат, 1995. С. 167.
9. Маркин И.И. Курская битва, М.: Воениздат, 1958. С.139–142.
10. Жуков Г.К. На Курской дуге / Курская битва, М.: Наука, 1970. С.52.
11. Рокоссовский К.К. На Центральном фронте / Курская битва, М.: Наука, 1970. С.95–96.
12. Агошков В.И. Тросна, Орёл: 1994. С. 108–109.
13. Маркин И.И. На Курском направлении, М.: Воениздат, 1961. С.34.
14. Рокоссовский К.К. На Центральном фронте / Курская битва, М.: Наука, 1970. С. 96.
15. Память о подвиге / Орёл: Орёллиздат, 1998. С.234.
16. Рокоссовский К.К. На Центральном фронте / Курская битва, М.: Наука, 1970. С. 97.
17. Верт А. Россия в войне 1941-1945 М.: Прогресс, 1967. С.492.
18. Маркин И.И. На Курской дуге. М.: Воениздат, 1961. С.551.
19. Память о подвиге / Орёл: Орёллиздат, 1998. С.235-239.
20. Гриф секретности снят. Потери Вооружённых сил СССР в войнах, конфликтах. Под. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С.189.

References

1. Gurkin V. V. Strategic and front operations of Red Army / the Military and historical journal – 1998. No 2. P. 18.
2. Book of memory Oryol region / Orel: Oryolizdat, 1998. Pp. 157–160.
3. Memory about a feat / Orel: Oryolizdat, 1998. Pp. 232–239.
4. All-Russian Book of Memory of M.: Voenizdat, 1995, Pp. 165.
5. Rokossovsky K.K. On the Central front / Kursk fight, M.: Science, 1970. P. 92.
6. Markin I.I. Kurskaya fight. M.: Voenizdat, 1958. Pp. 114-116.
7. Book of memory Orel region / Orel: Oryolizdat, 2005. P. 240.
8. All-Russian Book of Memory of M.: Voenizdat, 1995, P. 167.
9. Markin I.I. Kurskaya fight. M.: Voenizdat, 1958. Pp. 139–142.
10. Ghukov G. K. On the Kursk arch / Kursk fight, M.: Science, 1970. P.52.
11. Rokossovsky K.K. On the Central front / Kursk fight, M.: Science, 1970. Pp. 95–96.
12. Agoshkov V. I. Trosna, Orel: 1994. Pp. 108–109.
13. Markin I.I. On Kursk direction, M.: Voenizdat, 1961. Pp. 34.
14. Rokossovsky K.K. On the Central front / Kursk fight, M.: Science, 1970. P. 96.
15. Memory about a feat / Orel: Oryolizdat, 1998. Pp. 234.
16. Rokossovsky K.K. On the Central front / Kursk fight, M.: Science, 1970. P. 97.
17. Vert A. Russia in 1941-1945 M.: Progress, 1967. P.492.
18. Markin I.I. On the Kursk arch. M.: Voenizdat, 1961. P. 551.
19. Memory about a feat / Orel: Oryolizdat, 1998. Pp. 235–239.
20. The security classification is removed. Losses of Armed forces of the USSR in wars, the conflicts. Under. edition of G.F. Krivosheyev. M.: Voenizdat, 1993. P. 189.

УДК 94(420).081-33

UDC 94(420).081-33

Т.Н. ГЕЛЛА

доктор исторических наук, профессор, Орловский государственный университет

T.N. GELLA

Doctor of Historical Sciences, Professor, Orel State University

**РОССИЙСКИЕ ДИПЛОМАТЫ ОБ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
КОНЦА 60-Х-70-Х ГГ. XIX ВЕКА
(НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)**

**THE RUSSIAN DIPLOMATS ABOUT THE IMPERIAL POLICY OF GREAT BRITAIN
OF THE END OF THE 60TH-THE 70TH OF THE XIX CENTURY
(ON THE BASIS OF THE DOCUMENTS OF ARCHIVE OF FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE)**

В статье анализируются оценки и мнения представителей Посольства Российской империи в Англии относительно колониальной политики английских либералов и консерваторов в конце 60-х-70-х гг. XIX в. На основе архивных документов автор прослеживает освещение российскими послами и военными атташе политических дискуссии среди английской правящей элиты по вопросам приоритетов, направлений и форм имперской политики Британии в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Российское посольство, либералы, консерваторы, имперская политика, «белые колонии», «нейтральная зона», Индия, Афганистан, Балканы, Африка, колониальные войны.

In article the estimates and opinions of representatives of Embassy of the Russian Empire in England towards the colonial policy of English liberals and conservatives at the end of 60-h-70-h of the XIX century are analyzed. On the basis of archival documents the author traces lighting by the Russian ambassadors and military attaches of the political debate among English ruling elite concerning the priorities, the directions and forms of an imperial policy of Britain during the considered period.

Keywords: Russian Embassy, liberals, conservatives, imperial policy, “white colonies”, “a neutral zone”, India, Afghanistan, Balkans, Africa, colonial wars.

Россия и Великобритания – две великие державы XIX в. Интерес россиян и англичан к истории, культуре и политике двух стран во многом определялся той исключительной ролью, которые они играли на международной арене во второй половине прошлого столетия, сложностью их взаимоотношений по ряду европейских и среднеазиатских проблем. Крупнейшие российские журналы и газеты довольно широко освещали жизнь англичан во всех сферах ее проявления, способствуя формированию у россиян образа “Туманного Альбиона”. Немаловажное значение в формировании этого образа играли дипломатические депеши российских послов и донесения военных агентов из Лондона, содержащие интереснейший материал, изучение которого в сочетании с другими источниками позволяет более полно воссоздать картину общественной жизни англичан, борьбу правящих партий на политической арене страны, лучше понять и оценить деятельность и мотивы поведения их лидеров как по внутри-, так и по внешнеполитическим вопросам. В данной статье предпринята попытка реконструировать наиболее характерные аспекты восприятия английской либеральной партии и деятельности ее лидеров российскими дипломатами и военными представителями, являвшимися непосредственными свидетелями тех политических процессов и коллизий, которые имели место в английском обществе в 60-70-х XIX в.

Изучение архивных материалов свидетельствует о том, что российские дипломаты и военные атташе очень внимательно следили за расстановкой политических сил в стране, подвергали довольно детальному анализу причины побед или поражения политических партий на парламентских выборах, возвышения или падения авторитета того или иного партийного лидера. Либеральная партия и деятельность ее лидеров постоянно находились в центре внимания русских представителей в Лондоне.

1868–1880 гг. ознаменовались важнейшими имперскими и колониальными актами британских правительств – либерального во главе с У. Гладстоном (1868–1874 гг.) и консервативного, возглавляемого Б. Дизраэли (1874–1880 гг.).

Внешнеполитические и имперские вопросы играли немаловажную роль в разработке либеральными идеологами основных концепций либерализма, они оказывали влияние на внутрипартийную борьбу между либералами, во многом способствовали либо ослаблению, либо усилению позиций либеральной партии на политической арене страны. Безусловно, что российские дипломаты очень внимательно следили за внешнеполитической и колониальной политикой либерального правительства У. Гладстона (1868–1874 гг.) и отношением либеральной оппозиции к имперской политике кон-

серваторов во главе с Б. Дизраэли (1874–1880 гг.).

Деятельность либерального кабинета У.Гладстона совпала с важным периодом в истории взаимоотношений с ее самоуправляющимися колониями и с формированием в английском обществе новых настроений относительно империи в целом. Одним из важнейших вопросов во взаимоотношениях между Англией и ее «белыми» колониями (Австралией, Новой Зеландией и Канадой) стал вопрос о реорганизации имперской обороны. Этот вопрос не был новым для либералов. Политика по выводу британских войск из колоний началась еще при правительстве лорда Пальмерстона в начале 60-х гг., причем консерваторы не только не высказывались категорически против нее, но и, находясь у власти (1866–1868 гг.), пытались осуществить ее на практике¹.

Российские дипломаты и военные агенты в своих донесениях обстоятельно стремились обосновать мотивацию политического курса либералов по выводу войск из доминионов. Гражданская война в США, военные успехи прусского оружия в военных конфликтах 60-х гг., франко-прусская война 1870–1871 гг. вызвали определенное беспокойство в политических и военных кругах Англии. Складывавшаяся новая расстановка сил в Европе требовала от Англии создания достаточно сильной и боеспособной армии. Русский военный агент в Лондоне Новицкий в 1871 г. сообщал: «Гордая своим богатством и прошлым политическим влиянием Великобритания со смущением чувствует ослабление этого влияния и со страхом взирает на создание в других государствах новых флотов и громадных внешних сил»². В то же время военно-политические конфликты, имевшие место в Северной Америке, обострение англо-американских отношений в 60-х гг. показали, что в случае войны английские колониальные войска не способны были в полной мере защищать интересы Британии. На это указывали не только военные, но и многие политические деятели, в том числе Дж. Брайт, лорд Дерби и Б. Дизраэли³. В целом международные условия конца 60-начала 70-х гг. диктовали необходимость новых подходов к решению вопроса о защите как самой Англии, так и империи. В 1871 г. Новицкий писал об эмоциональном отношении англичан к этой проблеме: «В прошлом году вследствие франко-прусской войны раздался довольно грубый крик о необходимости увеличения военной силы Великобритании. В этом крике было обидчивое сознание собственной слабости и страха самосохранения»⁴.

По мнению либералов, предоставление колониям права решения вопросов о собственной обороне соответствовало концепциям о расширении самоуправленческих прав местных правительств. И, наконец, содержание британских контингентов в отдаленных владениях, как считали либералы, очень дорого обо-

дилось английским налогоплательщикам, и потому колонии также должны были разделить бремя военных расходов. На наличие этих причин указывали и российские представители в Лондоне.⁵

Политический курс правительства У.Гладстона, особенно Министерства колоний во главе с лордом Гренвиллем (до 1870 г.) и лордом Кимберли (с 1870 по 1874 гг.), направленный на вывод войск из доминионов, вызвал бурную реакцию в английском обществе, причем, как правило, преобладали критические настроения. Консервативно настроенные круги стали обвинять либералов в стремлении разрушить империю. Консерваторов поддерживали колониальные власти Новой Зеландии и Канады, преследовавшие, в первую очередь, свои цели⁶. Показательно, что российские дипломаты в своих донесениях довольно точно раскрыли характер и перспективы имперской политики либералов в отношении доминионов. Так, действия лорда Гренвилля как главы Министерства колоний в отношении Новой Зеландии в 1869–1870 гг. были жесткими и бескомпромиссными. В целом он завершил начатую до него политику по выводу войск из этой колонии. Однако его действия, безусловно, нельзя рассматривать с точки зрения проведения политики на отделение колоний. Пожалуй, именно в его «неквалифицированной», несколько «грубой» манере решения этого вопроса проявилось желание реализовать на практике один из либеральных принципов – колонии с ответственным правительством должны сами решать вопросы собственной обороны. Предоставление самоуправления колонии и сохранение в ней английских вооруженных сил, подчиненных Лондонскому правительству, противоречило либеральным концепциям о самоуправляющихся колониях. В проведении своей политики либералы руководствовались задачами укрепления Британской империи. По сообщению военного агента Г. Кутайсова в 1871 г., в Англии сознавали, что «... колонии никогда не могут быть удержаны исключительно силою оружия и что прочная, единственная связь, существующая между ними и метрополией, должна быть основана не на боязни штыков, а на обоюдных выгодах и на умении вести дела так, чтобы колонии не смотрели бы на себя как на источник дохода метрополии, а всецело приписали бы себя сами к метрополии, и ни в чем не находили бы выгоды отделения от общих с ней интересов»⁷.

Вывод английских войск из Британской Северной Америки был завершен осенью 1871 г., когда последние части покинули Квебек⁸. Реальную оценку канадской политики либерального кабинета можно найти в донесениях русских военных агентов в Лондоне. Так, Г. Кутайсов в декабре 1871 г. писал в Россию: «... рассматривая факт вывода войск, никак не следует считать его равносильным потере колоний. Мне кажется,

1 Архив внешней политики Российской империи (Далее – АВПРИ), ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 80, л. 10–38 л.

2 Российский государственный военно-исторический архив (Далее – РГВИА), ф. 431, оп. 1, 1871 г., д. 42, л. 178.

3 Там же, д. 43, л. 203–203/об; 1872 г., д. 44, л. 188/об.

4 Там же, 1871 г., д. 42, л. 179–179/об.

5 АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1869 г., д. 83, л. 94/об – 95.

6 Более подробно см.: Айзентштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке (1815–середина 70-х годов). М., 1999. С. 120–130.

7 РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1871 г., д. 43, л. 208/об.

8 Там же, л. 201.

если бы верно оценить положение Английских Северо-Американских владений и с некоторым вниманием проследить бы все то, что там делалось в последние десятки лет, то можно прийти к тому заключению, что Правительство, выводя оттуда свои войска, действует весьма разумно и правильно и нисколько при этом не спускает там своего могущества, ни своего знамени ...»⁹.

Таким образом, позиция либералов по вопросу о судьбе самоуправляющихся колоний характеризовалась тем, что теоретически признавая неизбежность в будущем провозглашения ими своей независимости от Англии, они на практике рассматривали этот процесс нецелесообразным и преждевременным с точки зрения взаимной выгоды для обеих сторон. Курс на предоставление колониям права решения вопросов об организации собственных вооруженных сил также свидетельствовал о стремлении лидеров партии в полной мере реализовать либеральные принципы о самоуправляющихся нациях и ни в коей мере не означал их намерение «развалить империю». Г. Кутайсов, в частности, отмечал: «Манчестерская школа, представителями которой служит нынешнее правительство, ... идет еще дальше, утверждая, что в высшей степени несправедливо позволить, чтобы колония, богатая и сильная, пользующая всеми выгодами свободы и английского покровительства, ... требовала бы от метрополии еще людей для своей же собственной, внутренней обороны»¹⁰.

Показательно, что российских дипломатов, хотя и в меньшей степени, интересовала африканская политика либералов. В архивных материалах можно обнаружить сравнительно незначительное число упоминаний о, например, ашантийских событиях начала 70-х гг. XIX в., но и они позволяют воссоздать более полную картину колониальной политики либерального кабинета во главе с У. Гладстоном.

Как сообщали российские представители в Лондоне, «английские владения на Золотом Берегу Гвинейского залива простираются на общей площади в 3000 английских миль в длину и 80 миль в ширину. В 1871 г. фискальный доход от этих колоний составил 31 тыс. ф. ст., доход от импорта составил 500 тыс. ф. ст., доход от экспорта – 4000 ф. ст.»¹¹. Освещая британскую политику в Западной Африке, российский посол Ф.И. Бруннов писал в Министерство иностранных дел в сентябре 1873 г.: «Придя на смену голландцам на всем побережье Золотого Берега, английские власти приняли ряд мер по регулированию вопросов торговли, а также ввели более строгую таможенную систему. Все эти меры, принятые для защиты интересов англичан, очень скоро начали подавлять интересы туземных народов в области торговли, сводя практически на нет все преимущества их портов, открытых во время голландского владычества»¹².

Действительно, потеря г. Элмины и прекраще-

ние денежных поступлений усилили растущее недовольство ашантийцев и фактически явились причиной для начала с их стороны военных действий. В конце 1872 г. ашантийская армия двинулась к побережью и в начале следующего года в ряде сражений разгромила находившиеся под британским контролем несколько африканских племен, враждующих с ашанти¹³. Известия о военных действиях на Золотом Берегу достигли Лондона в феврале 1873 г. Перед либеральным правительством встала проблема не столько оказания военной помощи колониальным властям, сколько вопрос о форме, в которую должна быть облечена эта помощь.

Несмотря на долгие колебания кабинет У. Гладстона принимает решение направить военную экспедицию в Западную Африку. В августе 1873 г. ее организация была поручена сэру Г. Уолсли, а Джону Х. Гловеру, администратору Лагоса, отводилась второстепенная роль. Ф.И. Бруннов сообщал, что в задачу последнего «входило сплотить местные племена, находившиеся в зависимости от Англии и на поддержку которых еще можно было рассчитывать»¹⁴. Полномочия же сэра Г. Уолсли были достаточно большими. В инструкции от 8 сентября, направленной ему военным министром лордом Кардвеллом, отмечалось, что только Г. Уолсли мог решать вопрос о характере военных действий для защиты селтльментов от атак ашантийцев¹⁵. В связи с этим, Ф.И. Бруннов отмечал, что «к своему отъезду сэр Гарнет Уолсли получил большие полномочия» и «он должен был решать эту проблему либо мирным путем, либо показать решительными боевыми действиями непреклонность Англии в этом вопросе»¹⁶.

Ашантийские события находились в центре внимания английской общественности. Но в отличие от политики в отношении переселенческих колоний, когда на либералов было оказано определенное давление со стороны политических, общественных и деловых кругов, в период развития ашантийских событий кабинет У. Гладстона фактически имел полную свободу действий и был волен в принятии своих решений. Либеральная пресса полностью оправдывала политику своего правительства. Ф.И. Бруннов сообщал в Россию в октябре 1873 г.: «Теоретически мирное решение проблемы еще возможно, однако никто не сомневается в том, что практически она будет разрешима только при помощи оружия»¹⁷.

В феврале 1874 г. в Англии намечались выборы в парламент. Ашантийские события влияли на предвыборные настроения англичан. Ф.И. Бруннов, в частности, высказывал предположение: «Если экспедиции будет сопутствовать быстрый успех, она послужит укреплению власти английской администрации, силь-

9 Там же, л. 202/об.

10 Там же, л. 203/об.

11 АВПРИ, ф. 133, оп. 470. 1873 г., д. 67, л. 341.

12 Там же, л. 332, 343-343/об

13 British Parliament Papers. Colonies. Africa. N 58. Pp. 245-248; McIntyre W.D. British Policy in West Africa. The Ashanti Expedition of 1873-1874 // The Historical Journal. 1962. Vol. 5. N. 1. Pp. 26-46.

14 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1873 г., д. 67, л. 333/об.

15 Crooks J. Records Relating to the Gold Coats Settlement from 1750-1874. L., 1973. Pp. 460-462.

16 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1873 г., д. 67, л. 333/об.

17 Там же, л. 336-336/об.

но пошатнувшейся в последнее время. Если же экспедиция затянется надолго и не принесет никаких существенных результатов, то ответственность за неудачу ляжет на правительство, авторитет которого в таком случае сильно упадет в глазах общественного мнения»¹⁸. Известия об успехах британского оружия достигли Англии в начале 1874 г., когда там уже произошла смена правительства, и таким образом, успех операции и право заключения договора с ашантийскими вождями выпали на долю консерваторов.

Наибольшее внимание российские дипломаты уделяли индийской и средневосточной политике либералов, детально освещая и анализируя все аспекты и нюансы ее проявления. Безусловно, такой пристальный интерес объяснялся сложным характером взаимоотношений Англии и России в этих регионах. Российские послы внимательно следили за всеми назначениями в индийском правительстве и Министерстве по делам Индии. Так, после смерти лорда Майо от рук убийцы в 1872 г. его на посту вице-короля Индии сменил представитель уже либеральной партии – лорд Нортбрук. Как сообщал в Россию Ф.И.Бруннов, «назначение на этот высокий пост является для лорда Нортбрука стремительным продвижением в его карьере на государственной службе». Новый вице-король Индии обладал, по словам Бруннова, «одним качеством, достойным всякой похвалы – независимостью мышления». Консерваторы, как считал русский посол, относили его «к той школе современных «реформаторов», которыми владеет не в меру страстное желание к обновлению всего...»¹⁹.

В центре внимания либерального кабинета У. Гладстона находились вопросы взаимоотношения Индии с сопредельными странами. Именно через призму индийского вопроса английские политические деятели оценивали имперскую и европейскую политику Великобритании. Какие бы события ни происходили в центре Европы и на ее окраинах, какова бы ни была расстановка сил на международной арене и какие бы политические коллизии ни сотрясали мусульманский мир Ближнего Востока и Северной Африки, прямо или косвенно Англия соотносила их с судьбой своего господства в Индии. Военный агент России в Лондоне сообщал в 1873 г.: «Главная забота Англии при проявлении затруднений на Востоке состоит всегда в строгом сохранении Индии и средства сообщения с этой страной, а равно и в возможно надежном обозначении своего азиатского положения против всяких случайностей в будущем»²⁰. В связи с этим афганский вопрос рассматривался Лондонским и индийским правительствами не только с точки зрения расширения британского влияния и присутствия на Среднем Востоке, но и с точки зрения безопасности Индии. «Афганистан, – писал в одном из своих донесений Бруннов, – ... образует объект постоянных тревог Англии под властью всех администраций, которые управляют ею»²¹.

Безусловно, активные действия русских в Средней Азии в 1867–1873 гг. вызвали обеспокоенность Лондонского и индийского правительств, о чем в своих депешах сообщал Ф.И. Бруннов в июне 1869 г. Он писал: «В Индии общественное мнение оценивает военные успехи России как призрак системы, направленной против покоя британских владений»²². В самой Англии поднялась волна русофобских настроений, особенно они усилились во время Хивинского похода русских войск в 1873 г. Ф.И. Бруннов сообщал в 1872 г.: «Отношение общественного мнения к нам (русским – Т.Г.) находится под влиянием военных приготовлений, направленных против России и целью которых является обеспечение безопасности Британских владений в Индии. Недоверие к нам длится уже очень долго. Временами оно проявляется»²³. Однако прогрессивно мыслящие представители английского общества, да и лидеры либералов не могли не учитывать тот факт, что одним из первых актов русского командования в Хиве был указ об освобождении пленных из рабства и о ликвидации самого института рабства. Естественно, что европейское общественное мнение приветствовало такие действия русских. Поэтому английский кабинет в таких условиях не мог делать представление, поскольку бы это означало выступать поборником рабства и варварства, противником цивилизации. На такие шаги правительства Гладстона, конечно же, не могло пойти. Да и в английской прессе, как отмечал в своих донесениях Бруннов, проводилась мысль, что «... Россия со своей стороны тоже имеет право на защиту своих законных интересов, если она хочет, чтобы жизнь ее граждан и имущество ее торговцев находились в безопасности от фанатизма и жадности полудикого народа»²⁴.

На рубеже 60-70-х гг. XIX в. вопросы о методах проведения средневосточного курса Англии имели большое значение для британских политиков. Сторонники так называемой «школы наступательных действий» стремились решить англо-русские споры в этом районе путем расширения индийских границ, активного проникновения в Афганистан и подчинения его английскому контролю. У. Гладстон и его приверженцы придерживались другого курса в решении средневосточных проблем. Они являлись сторонниками так называемой политики «закрытой границы». Этот курс, не отрицая необходимости укрепления английских позиций на Среднем Востоке, сводился к более осторожной политике в отношении России, не отвергал возможность достижения желаемых целей путем переговоров с царским правительством. Однако, несмотря на определенную непопулярность этой тактики среди англичан, именно она легла в основу среднеазиатской политики первого кабинета У. Гладстона. Глава правительства советовал лорду Гренвиллю проводить в Туркестане «политику, сочетающую осторожность с уступками»²⁵. Определенная группа политиков, военных и обще-

18 Там же, л. 345/об. –346.

19 Там же, 1872 г., д. 60, л. 72-74.

20 РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1873 г. д. 47, л. 47.

21 АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 81, л. 193.

22 Там же, 1869 г., д. 83, л. 217-218, 238-239/об.

23 Там же, оп. 470, 1872 г., д. 61, л. 251

24 Там же, д. 60, л. 475/об.

25 Matthew H.C. Galdstone. 1809-1974. Oxford, 1986. P. 188.

ственных деятелей, разделявших либеральные взгляды, приветствовала продвижение России в Средней Азии, усматривая в ней «прогресс в утверждении цивилизации там, где царило варварство»²⁶.

В целях укрепления английских позиций в Афганистане и противодействия продвижению русских войск в Среднюю Азию правительство У. Гладстона в 1869 г. выступило инициатором проведения переговоров с Россией о создании «нейтральной зоны» в Афганистане и определении его северных границ, хотя этот вопрос поднимался еще до их прихода к власти²⁷. Правда, с самого начала У. Гладстон высказывал мнение, что этот вопрос будет «не без трудностей»²⁸. Такого же мнения был и русский посол в Лондоне Ф.И. Бруннов, который писал А.М. Горчакову в октябре 1871 г.: «... я предвижу неизбежные трудности материального характера на пути вопроса, решаемого между Петербургом, Лондоном и Калькуттой»²⁹.

В 60-х гг. XIX в. определенная часть ученых и общественных деятелей преимущественно либеральной ориентации, в частности, член Королевского географического общества Р. Мурчисон, не разделяла антирусского психоза и призвала более сдержанно и взвешенно относиться к тезису о так называемой «русской угрозе», высказываясь в пользу переговоров между Англией и Россией. Взгляды Р. Мурчисона находили поддержку среди определенной части политиков, о чем свидетельствовало сообщение Ф.И. Бруннова в Россию в 1868 г.: «Все английские политические деятели, с которыми я встречался, признают необходимость поддерживать между двумя империями нейтральную зону, расположенную между двумя границами, таким образом, чтобы предупредить охлаждение, которое привело бы к непосредственному столкновению»³⁰.

Переговоры о создании «нейтральной зоны» велись до 1872–1873 гг., когда, наконец, было заключено соглашение между двумя государствами. Как сообщали русские военные агенты в Лондон, в английском обществе были недовольны заключенным соглашением, и поэтому «пресса продолжает по-старому нападать на Россию и упрекать Британское правительство в слабости, уступчивости и неуместных осторожностях»³¹. Умеренная, по сравнению с торийской, средневосточная политика либерального кабинета вызвала в целом недовольство в английском обществе, что послужило одной из причин падения авторитета либералов на политической арене страны.

Внешнеполитическая и колониальная политика консервативного правительства Б. Дизраэли во второй половине 70-х гг. XIX в. и отношение к ней либеральной оппозиции сыграли довольно заметную роль в сплочении либералов всех оттенков к моменту выборов

1880 г. и во многом предопределили их победу.

Колониальный курс консервативного правительства определялся имперскими воззрениями его главы – Б. Дизраэли, пользовавшегося огромным авторитетом среди своих коллег по партии и в политических кругах страны в целом. Российский дипломат М. Бартоломей сообщал о нем в 1875 г.: «До сих пор г-н Дизраэли продолжает быть лидером консервативной партии. Его преобладающее преимущество над всеми своими коллегами непоколебимо; занимаемое им положение остается, как всегда, очень сильным в глазах Парламента и всей палаты в целом»³². А российский посол в Лондоне П.А. Шувалов писал о нем следующее: «В политической карьере этого государственного деятеля неудачи более широко преследовали его, чем успех. Отличительной чертой его характера является чувство настойчивости... Дизраэли пользуется, я знаю, репутацией предприимчивого человека...»³³.

Роль Б. Дизраэли в развитии имперской идеологии в стратегии заключалась в том, что он пытался сочетать внешнюю политику с имперской, придав первой «имперские» черты и направленность, и соединить понятия «империя» и «патриотизм» воедино. Он убеждал англичан, что величие и процветание Британии неотъемлемо связано с империей и с консервативной партией, которая представляла интересы широких слоев населения. Дизраэли считал, что «абсолютно необходимо, чтобы условия жизни населения (империи – Т.Г.) стали предметом пристального рассмотрения тех, «кто был наделен властью в Англии»³⁴.

По многим аспектам имперской политики Дизраэли либералы и их партийные лидеры занимали умеренные позиции. Например, это наглядно прослеживалось во время обсуждения в английском обществе и парламенте в 1876 г. вопроса о добавлении титула «Императрица Индии» к королевскому титулу. Инициатором постановки такого вопроса была сама королева Виктория, ее поддержал Б. Дизраэли, предложив его для обсуждения в парламенте. Показательно, что критика билля со стороны либеральной оппозиции преимущественно носила осторожный и сдержанный характер. На это указывал и российский посол Шувалов, отмечая, что предложения главы либеральной партии лорда Хартингтона касались «только вопросов о деталях и главным образом об уместности перечисления в титуле королевы всех зависящих от британской короны владений»³⁵.

В середине 70-х гг. XIX в. умеренные позиции либералы занимали в целом и по Восточному вопросу, что наглядно прослеживается по донесениям российских дипломатов.

Интерес англичан к событиям на Балканах резко усилился весной – летом 1876 г., когда стали известны факты о восстании в Болгарии и о жестокой расправе турецких властей над его участниками, вылившейся в «кровавую резню» мирного населения. Сообщения об

26 РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1873 г., д. 45, л. 28, 39/об.

27 АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 81, л. 141-142

28 Gladstone W.E. The Gladstone Diaries with Cabinet Minutes and Prime-Ministerial Correspondence /Ed. By H. Matthew. Vol. 7. Oxf. 1982. P. 120.

29 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1871 г., д. 68, л. 165/об.

30 Там же, о. 469, 1868 г., д. 80, л. 286.

31 РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1873 г., д. 45, л. 10/об.-11

32 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1875 г., д. 71, т.2, л. 519.

33 Там же, 1874 г., д. 85, л. 586/об. - 587, 591.

34 The Times. 1874, 23 July.

35 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1876 г., д. 76, т. 1, л. 83/об.

этих событиях были опубликованы в либеральном печатном органе “Дейли Ньюс” и привлекли внимание англичан. В стране поднялась волна недовольства занятой консервативным правительством позицией “невмешательства” в болгарские дела³⁶. Российский дипломат М. Бартоломей сообщал А.М. Горчакову в сентябре 1876 г.: “Пресса либеральной партии не щадит правительство, упрекая его во враждебной позиции по отношению к христианскому населению Турции и в явной защите мусульман”³⁷.

Кампания в прессе в определенной степени заставила либеральную оппозицию врасплох. М.Бартоломей, оценивая выступления англичан осенью 1876 г. против болгарской политики консерваторов, считал, что они “были до настоящего (времени – Т.Г.) продуктом движения общественного мнения без всякого вмешательства партийности; можно было бы даже сказать, что либералы крайне медленно воспользовались обстоятельствами, чтобы с большей решимостью принять это движение”³⁸. Все же представители партийного руководства не остались в стороне от происходящих событий. Как сообщал в Россию Шувалов, “лидеры партии вигов успешно выступали на различных митингах и их выступления были приняты с выражением симпатий”³⁹. Хотя чаще всего их речи характеризовались умеренностью высказываемых положений. Об одном таком выступлении У.Форстера сообщал в своем донесении Александру II П.А.Шувалов в октябре 1876 г.⁴⁰.

Начавшаяся в апреле 1877 г. русско-турецкая война усилила поляризацию общественного мнения в Англии. Преимущественно все газеты высказывали свои симпатии Турции и требовали, чтобы Англия выступила в защиту последней. Консервативный кабинет Б.Дизраэли чувствовал широкую поддержку своему политическому курсу. По словам Шувалова, «неистовство прессы достигло последних границ, и если принять во внимание официозные связи многих газет, как раз наиболее увлекающихся, то можно усмотреть в этом предварительную подготовку для того, чтобы сплотить английскую публику вокруг кабинета Биконсфилда...»⁴¹. Протурецкие и русофобские настроения усилились в начале 1878 г. В феврале 1878 г. П.А. Шувалов сообщал А.М. Горчакову: “Недовольство в Англии достигло своего апогея. Страна накалилась до предела. Туркофильско настроенная пресса всячески пытается разжечь огонь... Англичане изменились: они перестали быть теми британцами, которые были заняты исключительно собственными интересами; теперь они готовы мстить ценою больших жертв за нанесенный нашими условиями (Сан-Стефанский мирный договор – Т.Г.) удар по так называемым “Британским интересам”⁴².

В условиях нарастающего шовинистического уга-

ра российские дипломаты внимательно следили за расстановкой сил на политической арене, анализировали результаты парламентских слушаний. В их донесениях постоянно прослеживается мысль об умеренности британских либералов. Так, об умеренной и сдержанной позиции либералов свидетельствовало их отношение к вопросу о вотировании дополнительных военных субсидий, обсуждаемых в парламенте в начале 1878 г. С развитием Восточного кризиса и успехами русского оружия в русско-турецкой войне кабинет консерваторов надеялся получить кредиты для проведения своего политического курса на Балканах. Характеризуя позицию либералов, русский посол в Лондоне П.И. Шувалов сообщал в Россию: «Оппозиция предпринимает решительные меры для борьбы с политикой правительства, военные тенденции которой все более усиливаются. Она (оппозиция – Т.Г.) не хочет, чтобы страна была вовлечена в войну, ... партия располагает единственным средством остановить правительство на пути, по которому оно намерено следовать: это отказать ему в кредитах, которые оно попросит». Но по словам посла, сами либеральные лидеры сомневались в успешных действиях оппозиции⁴³. И, действительно, во время обсуждения в парламенте вопросов о дополнительных субсидиях лидеры и большинство членов оппозиции высказали одобрение действиям правительства. Либеральные депутаты проголосовали за предоставление правительству дополнительных кредитов⁴⁴.

Результаты работы Берлинского конгресса 1878 г. и участие в нем британской делегации во главе с Б.Дизраэли обсуждались как в английской прессе, так и в парламенте. Наряду с одобрительными отзывами в адрес политики консерваторов, и особенно их главы – лорда Биконсфилда, без единого выстрела установившего британский контроль над о.Кипр, среди англичан имело место и негативное отношение к этим событиям. Особенно характерны такие настроения были для либеральной печати. М. Бартоломей сообщал А.М. Горчакову в июле 1878 г.: “Дейли Ньюс” – единственная газета, которая предостерегает о потенциальных трениях, жертвах и опасностях, которые берет на себя Англия в будущем...”⁴⁵.

Осенью 1878 г. в британском парламенте прошли слушания, посвященные результатам работы Берлинского конгресса. От имени оппозиции выступил лорд Хартингтон, речь которого сводилась к осуждению правительства за принятие на себя чрезмерных обязательств по гарантированию безопасности Турции от возможного нападения России. Однако, парламентские дебаты закончились в пользу консерваторов. За одобрение правительственной политики голосовали не только торийские депутаты, но и часть ирландских членов и некоторые представители радикальной партии. В период разгара шовинистических и “джингоистских” настроений в английском обществе либералы не смогли выдвинуть хорошо аргументированных доводов в защи-

36 Там же, 386-387/об., 413-413/об.

37 Там же, т. 2 л. 43.

38 Там же, л. 64.

39 Там же, д. 77, л. 234

40 Там же, д. 76, т. 2, л. 199-200/об.

41 Там же, 1877 г., д. 71, т. 1, л. 317/об. - 318

42 Там же, 1878 г., д. 79, т. 1, л. 104/об. - 105

43 Там же, 1877 г., д. 70, т. 2, л. 689/об., 693

44 Там же, 1878 г., д. 79, т. 1, л. 62/об., 70, 75/об.

45 Там же, т. 2, л. 387-387/об.

ту либеральных концепций внешней и имперской политики. Недаром российские дипломаты сообщали летом 1878 г., что “оппозиция оказалась застигнутой врасплох и не была в состоянии выйти с честью из испытания”⁴⁶.

Восточный вопрос второй половины XIX в. ассоциировался в английском обществе не только с событиями на Балканах, но и с русско-английскими отношениями на Среднем Востоке. Как и в первом, так и во втором случае позиции английских политических кругов определялись через призму перспектив британского господства в Индии. Русские военные представители в Лондоне в 1879 г. отмечали, что “важность Индии для Англии и проистекающая отсюда взаимная тесная связь судеб двух стран очень хорошо сознается не только государственными людьми Англии, но и всем британским народом...”. И далее: “Индия не только важна для Англии как источник материального богатства, но быть может, она даже, безусловно, неотделима для политического могущества последней”⁴⁷. Таким образом, Индия являлась исходным моментом во взятой в более или менее широком смысле британской интерпретации Восточного вопроса. Афганская политика торийского кабинета Б. Дизраэли и отношение к ней либеральной оппозиции способствовали уточнению восприятия партийным руководством тех средневосточных проблем, которые находили преломление в их имперских воззрениях.

С приходом консервативного правительства к власти в 1874 г. происходила заметная переориентация политического курса Англии на Среднем Востоке от тактики “искусственного бездействия” к “наступательной политике”. Периодическая печать, особенно консервативная, становилась проводником нового курса. На страницах газет “Палл Мелл Газетт”, “Дейли Телеграф”, “Морнинг Пост”, “Стандарт” часто печатались статьи и заметки, написанные военными специалистами, убеждавшие читателей в растущей со стороны России угрозе Индии. Так, П.А. Шувалов в письме к А.Г. Жомини, советнику министерства иностранных дел России, в ноябре 1875 г. сообщал: “Пресса вместо того, чтобы успокоить общественное мнение, возбуждает его”⁴⁸.

Определенная заслуга в растущем интересе англичан к Среднему Востоку принадлежала ученым. Так, Г. Роуленсон, британский ученый и путешественник, в 1875 г. опубликовал книгу “Англия и Россия на Востоке”, в которой, муслируя тезис о “русской угрозе”, пропагандировал идею активного противодействия распространяющемуся русскому влиянию в Средней Азии, Афганистане, Иране. Идеи Роулинсона находили понимание у многих общественных и политических деятелей, которые открыто призывали к оккупации Средней Азии, заявляя при этом, что ее главными целями были скорее финансовые, чем военные⁴⁹. В английском парламенте, как сообщали российские дипломаты,

раздавались голоса, требовавшие от консервативного правительства “оказать больше внимания Афганистану, а также на необходимость расширения сети коммуникационных путей между Англией и Индией и обеспечения более эффективного контроля над ними, чем тот, который уже имелся”⁵⁰.

Книга Роулинсона и высказываемые реакционно настроенными политиками и общественными деятелями предложения не остались без внимания представителей либеральных кругов. С критикой многих положений, высказанных Роулинсоном, выступил либерал Г. Дафф. Как сообщал П.А. Шувалов, оба они “являются представителями противоборствующих направлений, каждое из которых старается навязать свою политику британскому правительству в вопросах, связанных с англо-русскими отношениями в Азии”. В противовес автору книги, либерал Дафф “не верит тому, что Россия собирается атаковать английскую Индию”. Он не считал, что “захват Герата может быть желаем хотя в какой-то мере”. Однако, по мнению русского посла, два оппонента сходились в одном: “Если Россия пойдет войной на Герат, чтобы оккупировать его, то будет ... война, которая охватит весь мир”. Правда, по словам Шувалова, Дафф более трезво оценивал предполагаемое занятие русскими г. Мерв и не считал, что это событие может послужить “причиной разрыва между двумя великими державами”⁵¹.

В 1878–1879 г. резко обостряется средневосточная проблема, вылившаяся в англо-афганскую войну. Анализ взглядов и выступлений лидеров либеральной партии на первом этапе этого кризиса показывает, что их позиции отличались определенными колебаниями и выжиданием развития англо-афганских отношений. Решение вице-короля Индии лорда Литтона направить в сентябре 1878 г. английскую миссию в Кабул и последовавшие за этим осложнения в отношениях с афганским правителем вызвали у либеральной оппозиции, как отмечал американский историк Дж. Росси, “беспокойство, замешательство и страх”⁵². А русский дипломат М. Бартолемей писал в Россию товарищу министра иностранных дел, одновременно управляющему Азиатским департаментом Н.К. Гирсу в ноябре 1878 г.: “Признанные руководители партии вигов колеблются и воздерживаются, как и в прошлом, лорд Хартингтон и лорд Гренвилль не выдвинули открыто программу и не встали в ряды своих собственных сторонников”⁵³.

Осенью 1878 г. позиции либералов по афганскому вопросу фактически носили выжидательный характер и отличались разобщенностью мнений среди лидеров партии. Военный агент России в Англии Горлов писал военному министру Д.А. Милютину, что в отношении Афганистана либералы в целом поддерживают политику консервативного правительства и не станут препятствовать ее осуществлению. “Либералы в настоящем

46 Там же, л. 471/об.

47 РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1879 г., д. 54, л. 17-17/об.

48 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1875 г., д. 71, т. 2, л. 798-798/об.

49 The Edinburgh Review. 1880. Vol. 151. P. 81.

50 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1875 г., д. 71, т. 2, л. 391

51 Там же, л. 635/об. - 636/об.

52 Rossi J. The Transformation of the British Liberal Party: A Study of the Tactics of the Liberal Opposition 1874-1880 // Trans. of the American Philos. Soc. Vol. 68. Philadelphia, 1978. P. 80.

53 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1878 г., д. 80, т. 1, л. 99/об., 100/об.

случае идут заодно с консерваторами и требуют немедленного начала войны против Кабула. Оппозиция будет заключаться только в нападениях на дурное управление лиц консервативной партии», – отмечал он⁵⁴.

В ноябре 1878 г. началась англо-афганская война. На фоне возмущения недовольства со стороны либеральной оппозиции и английской общественности консервативный кабинет Б. Дизраэли созвал в декабре 1878 г. специальную сессию парламента по афганскому вопросу. Накануне ее П.А.Шувалов отмечал в своих донесениях наличие двух групп политиков, имевших собственный подход к рассматриваемым проблемам: в первой «люди, представляющие партию действия, ... толкают правительство на исправление границ: они очень хорошо знают, что этот первый шаг повлечет за собой другие... Они надеются, ... что Афганистан будет включен (в протекторат Британии – Т.Г.)... Люди с противоположным мнением обвиняют правительство в развязывании войны без достаточных оснований на то ... Они просят Министерство... отказаться от исправления границ ... По их мнению, исправление границ поставило бы Англию перед необходимостью постоянного продвижения, побудило бы Россию делать то же самое и привело бы, рано или поздно, к конфликту между этими странами»⁵⁵. Необходимо отметить, что лидеры либеральной оппозиции, хотя и имели за собой поддержку определенных кругов в английском обществе, не решались все же внести на обсуждение палат вопрос о недоверии консервативному правительству, а хотели ограничиться только критикой правительственной политики. Однако в письме к королеве Виктории от 7 декабря Дизраэли писал: «Признанные лидеры оппозиции, находившиеся в последний момент под влиянием крайней фракции своих сторонников, неожиданно изменили себе и сделали заявление о внесении вотума недоверия Правительству Ее Величества ... в обеих палатах»⁵⁶.

Парламентские дебаты закончились не в пользу либералов. Внесенная ими резолюция недоверия действиям торийского кабинета по афганскому вопросу не получила большинства голосов. За одобрение правительства высказались 328 депутата, против – 227. Консерваторы получили большинство в 101 голос⁵⁷. А.П. Шувалов сообщал Н.К. Гирсу о своих впечатлениях о работе парламентской сессии: «Страсти возбуждены, личности прямо вовлечены в игру, а не только принципы. Ловят друг друга, mnoжат упреки, обвинения – в общем, ничего не будет меняться. Оппозиция доказывает, насколько плоха его (правительства – Т.Г.) политика. Правительство отвечает, что за ним нация, что оно отражает подавляющее парламентское боль-

шинство – значит оно право. Договоры с Германией, Болгарией, эмиром Кабула – это только камни, которые одни бросают в других, осыпают ругательствами под невинными предложениями»⁵⁸.

Несмотря на осторожный характер, критика колониального курса кабинета Дизраэли по вопросам англо-афганских отношений, а также южноафриканской политики⁵⁹ способствовали смягчению фракционной борьбы либералов. К осени 1880 г. либеральная партия представляла уже более сплоченную и более дисциплинированную организацию, чем в начале оппозиционного периода. Хотя определенные трудности сохранялись. Российские дипломаты подчеркивали в своих донесениях, что «принципиальная слабость оппозиции заключалась в отсутствии единства и программы»⁶⁰. Наиболее серьезные разногласия существовали между правым и левым крылом партии. Ч. Дилк, представитель радикального течения, писал в своих рабочих записях о «сильной нелюбви вигов нашей (радикалов – Т.Г.) деятельности» в парламенте⁶¹. О подобных сложностях упоминали в своих донесениях и российские дипломаты в Лондоне. Так, М. Бартоломей сообщал Н.К. Гирсу в июле 1879 г.: «Радикалы стремятся все больше и больше держаться в стороне и нисколько не консультируются с явным лидером оппозиции маркизом Хартингтоном»⁶².

Кульминационным моментом в оценке либералами имперской и колониальной политики консервативного правительства Б. Дизраэли стал период предвыборной кампании 1879–1880 гг. Афганская и зулусская войны обострили интерес английского общества к колониальным и имперским проблемам. Определенные неудачи британских войск, которые имели место во время военных действий в Афганистане и Южной Африке, большие военные расходы, экспансионистские цели, преследуемые торийским правительством, давали либеральной оппозиции прекрасный повод для критики внешней политики консерваторов. Российские дипломаты не могли не отметить особенности складывающейся политической ситуации в стране. Так, в письмах П.А. Шувалова к Н.К. Гирсу в октябре-ноябре 1879 г. отмечалось, что «совершенные ошибки дали уверенность либералам, и они явно подняли голову», и кроме того, «лидеры оппозиции не преминули повести атаки наиболее сильные, даже грубые, против политики настоящего кабинета»⁶³.

Активное участие в предвыборной кампании приняли все лидеры либеральной партии. Шувалов сообщал в Россию: «Оппозиция с силой и неустанной энергией ведет кампанию против правительства... Руководители либеральной партии посетили страну во всех направлениях, произнеся множество речей». Он указывал, что

54 Цит. по: Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60-70-е годы). Ташкент, 1969. С. 283.

55 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1878 г., д. 80, т. 1, л. 150/об. 151, 152-152/об.

56 Цит. по: Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli. L., 1920. Vol. 6. P. 398.

57 Hansard's Parliament Debates. 3 Ser. 1878. Vol. 243. Col. 847-851.

58 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1878 г., д. 80, т. 1, л. 142-143/

59 См. подробнее Гелла Т.Н.: Южная Африка и британские интересы в 70-х гг. XIX века: взгляд из Лондона // Англия, Франция, Германия, Мусульманский Восток. Брянск, 2000. С. 69-83.

60 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1878 г., д. 80, т. 1, л. 20/об.

61 Jenkins R. Victorian Scandal... P. 120.

62 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1879 г., д. 78, л. 243/об.-244.

63 Там же, д. 79, л. 290, 321/об. - 322.)

У. Харкорт, маркиз Хартингтон, Г. Дафф и другие «осыпали атаками кабинет министров»⁶⁴.

Наиболее активно в предвыборной кампании проявил себя У. Гладстон. В конце осени 1879 г. он предпринял двухнедельную поездку по городам избирательного округа Мидлотиан в Шотландии для встречи со своими избирателями, что стало беспрецедентным событием в политической истории Англии. Ни один политический лидер до него не предпринимал таких шагов в проведении избирательной кампании. Мидлотианская кампания дала «импульс» «новой политической моде произнесения программных речей», обращенных непосредственно к избирателям⁶⁵. За две недели (24 ноября – 6 декабря) он выступил перед слушателями с двадцатью двумя большими речами, не считая многочисленных обращений во время коротких встреч и митингов. «Полные толпы на каждой станции», – записал он в своем дневнике. По собственным подсчетам Гладстона, за время поездки он выступил перед 86 930 англичанами⁶⁶. В декабре 1879 г. М. Бартоломей сообщал Гирсу, что «избирательное турне м-ра Гладстона остается в настоящее время событием дня». Его красноречие, замечал он, «вызывает, конечно, сейчас наиболее живое впечатление»⁶⁷.

Естественно, что в конце 1879–начале 1880 гг. вопрос о лидерстве партии и правительства в случае победы на выборах был одним из острых для либералов. В партии не было единства мнений по этому вопросу. Так, часть вигов предпочитала, как сообщал М. Бартоломей, видеть лорда Гренвилля премьер-министром, а маркиза Хартингтона – канцлером казначейства, тогда как «передовая часть партии и большинство в стране» хотели бы иметь последнего главой правительства⁶⁸. 8 марта 1880 г. правительство Б. Дизраэли приняло решение о роспуске парламента и о досрочных выборах в конце этого месяца. Во многом такое решение было неожиданным для всей страны и для самих консерваторов. Еще 14 февраля 1880 г. на заседании кабинета тори его члены проголосовали против досрочных выборов⁶⁹. Российский посол в Лондоне А.В. Лобанов (с 1879 г.) отмечал в своих донесениях: «Мотивы, побудившие кабинет выбрать настоящий момент, объясняются довольно естественно ... Позиция, которую занимает сейчас

партия консерваторов, представляется благоприятной; общая ситуация дел – спокойная, почти все внешнеполитические мероприятия правительства увенчались успехом ...»⁷⁰. И сам Б. Дизраэли находил обстановку в стране достаточно выгодной для консерваторов и считал их победу на предстоящих выборах обеспеченной. «Принимая во внимание, что военные операции как в Африке, так и Азии подошли к своему триумфальному завершению, что парламент исключительно лоялен и патриотичен, а также поддержку правительства в его внешней политике большинством либеральных голосов ...», – обосновывал он свои позиции своим друзьям⁷¹. Однако его прогнозы не оправдались.

После одержанной победы на выборах либералы встали перед необходимостью формирования правительства и выбора его главы. Авторитет У. Гладстона в начале 1880 г. был настолько велик, что не включить его в состав нового либерального кабинета было просто невозможно. А.В. Лобанов замечал по этому поводу: «Позиция м-ра Гладстона в качестве руководителя оппозиции, которая скинула кабинет Биконсфилда, слишком неоспоримо признана либералами всех оттенков, чтобы было возможно иметь с ним расхождения или даже предложить ему второстепенное место в новой администрации»⁷². 23 апреля королева Виктория предложила У. Гладстону сформировать кабинет министров. Не являясь официальным лидером победившей на выборах партии, он стал главой либерального правительства.

В заключение можно отметить, что российские дипломаты и военные агенты сравнительно верно в своих донесениях отражали положение либералов на политической арене страны, организационные трудности и фракционную борьбу в самой партии, довольно точно комментировали взгляды и деятельность либеральных лидеров. Важным, на наш взгляд, является то, что русские представители в целом правильно оценили позиции представителей либеральной и консервативной партий по колониальной и имперской политике, отмечая схожесть их целей по защите интересов Британской империи и расхождения их по вопросам методов осуществления этих целей.

64 Там же, л. 290/об., 301.

65 Somervell D.Ch. Disraeli and Gladstone, Aduo-Biographical Scetch. L., 1925. P. 219.

66 The Gladstone Diaries. Vol. 9. P. 464, 466.

67 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1879 г., д. 78, л. 403.

68 Там же, л. 407.

69 The Conservatives: A History from their Origins to 1965. L., 1972. P. 194.

70 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1880 г., д. 106, л. 53-53/об.

71 Disraeli B. The Letters of Disraeli to Lady Beaconsfield and Lady Chesterfield. / Ed. By M. Zetland. L., 1929. Vol. 2. P. 257

72 АВПРИ, ф. 13, оп. 470, 1880 г., д. 106, л. 81/об.

Т.Н. ГЕЛЛА

доктор исторических наук, профессор, Орловский государственный университет

T.N. GELLA

Doctor of Historical Sciences, Professor, Orel State University

**РОССИЯ И СТРАНЫ ЗАПАДА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: К ПРЕДЫСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

**RUSSIA AND THE WESTERN COUNTRIES IN THE SYSTEM OF THE INTERNATIONAL
RELATIONS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: TO BACKGROUND OF WORLD WAR I**

Статья посвящена проблемам разработки правящими кругами России и западных стран внешнеполитических курсов в контексте изменения геополитической ситуации в начале XX в. На основе архивных и опубликованных документов, российской и зарубежной прессы, мемуарной литературы воспроизводится картина определения российской, германской, британской и французской дипломатией приоритетных направлений внешней политики своих стран и поиска союзников в преддверии Первой мировой войны.

Ключевые слова: «блестящая изоляция», политика союзов, англо-японский договор, «Сердечное согласие», русско-английская конвенция.

The article is devoted to the analysis of the problems of development by the ruling circles of Russia and the Western countries of the foreign policy courses in a context of change of the geopolitical situation at the beginning of the XX century. On the basis of the archival and published documents, the Russian and foreign press, memoirs literature the picture of determining by the Russian, German, British and French diplomacy of the priority directions of the foreign policy of the countries and search of allies in anticipation of World War I is reproduced.

Keywords: “splendid isolation”, the policy of alliance, Anglo-Japanese Alliance, Entente Cordiale, Russo-English Convention.

В изменившихся к концу XIX в. международных условиях, вызванных усилением экономических и военно-политических позиций Германии и США в мире, формированием военно-политических блоков (Тройственного и франко-русского союзов), в английских политических кругах широко дебатировался вопрос о целесообразности сохранения политики «блестящей изоляции»¹. Дискуссии в английских политических кругах по вопросам внешнеполитической ориентации Великобритании выявили то, что сторонниками отхода от политики «блестящей изоляции» были как представители правящей консервативной, так и оппозиционной либеральной партий. На рубеже веков в целом окончательно определились английские геополитические приоритеты. На европейском континенте – это Балканы и европейские турецкие владения, Малая Азия, регион Суэцкого канала, Средний Восток и особенно Индия, а также на Дальнем Востоке интересы Англии были обращены на Китай. К этому перечню необходимо добавить обширные африканские владения Великобритании, которые имели как экономическое, так и стратегическое значение для Британской империи. С наличием еще экономически развитых белых «переселенческих колоний» и владений в Западном полушарии Великобритания представляла собой круп-

нейшее государственное образование, Империю с большой буквы, которую требовалось сохранять, защищать, а если получится, то и расширять. В связи с этим необходимость защиты имперских интересов Британии выходила на рубеже веков на первое место во внешнеполитическом курсе ведущих политических партий страны. Потребность найти наилучшие пути в реализации этой задачи волновала представителей различных политических направлений. Новые международные условия, обусловленные обострением конкурентной борьбы великих держав за влияние в мире, диктовали новые подходы к решению старых проблем, и наличие союзников в их решении становилось все более очевидным. Неудивительно, что в среде консерваторов, равно как в либеральной партии, были и сторонники, и противники изменения внешнеполитического курса страны. Много было и политиков, которые занимали двойственные позиции.

Среди членов консервативного правительства Великобритании, возглавляемого с 1895 г. маркизом Солсбери, не было единства по этому вопросу. Дж. Чемберлен, лидер либерал-юнионистов после раскола либеральной партии в 1886 г. и министр колоний в торийском кабинете, один из первых понял, что старая британская политика «блестящей изоляции» отжила свой век и что в новых условиях Англия не могла проводить свою политику старыми методами. Поэтому уже в начале правления консерваторов он выступил за отказ

¹ Более подробно см.: Гелла Т.Н. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX- начале XX веков. Орел, 2009. С. 142-157.

от этой политики, призывая заключить союз с теми державами, интересы которых ближе всего английским².

Против политики союзов был сам премьер маркиз Солсбери, который заявлял, что Британия может защищать свои интересы в любом конце земного шара без помощи союзников. За сохранение политики «блестящей изоляции» активно выступали и либералы. Среди внешнеполитических принципов, которые были сформулированы У. Гладстоном³ и которым либералы следовали в конце XIX в., необходимо выделить два наиболее важных: значение для Англии «Европейского концерта» и избежание заключения обязательств, которые не принесут стране выгод. Поэтому в 1896 г. У. Харкорт, один из лидеров либеральной партии, заявил, что «Англия не нуждается в союзе, который сразу же устареет, как только его создадут». Он категорически выступал против присоединения как к Тройственному, так и Двойственному союзам, призывая Англию сохранять «свободу рук» в решении международных проблем⁴. Либералы, несмотря на свои внутривластные разногласия, в вопросе пересмотра внешнеполитических принципов выступили в целом единым лагерем. В том же 1896 г. Розбери, лидер правых либералов или т.н. либерал-империалистов, высказался против вступления в «систему союзов», считая это невозможным и нежелательным для англичан, хотя он и не отрицал возможности сотрудничества с другими европейскими странами по вопросам, представляющих взаимный интерес⁵. Его сторонник Г. Асквит заявлял, что союзы противоречили интересам британского народа и что он всегда будет выступать против отказа от политики «свободы рук». Англия, уверял он, ничего не получит и ничего не потеряет, вступив союзы с теми державами, чьи пути не совпадали с английскими, чьи методы не являлись английскими методами, чьи интересы не были английскими интересами⁶.

Однако стремление Англии отойти от политики «блестящей изоляции» особенно усилилось в годы англо-бурской войны (1899-1902 гг.), когда англичане убедились, что позиции и престиж их страны на международной арене не столь прочны, как прежде⁷. Среди английских политических деятелей в конце XIX в. было немало сторонников переговоров Англии с Германией с целью заключения с ней договора, направленного против Франции и России. Главным инициатором переговоров с германским правительством выступил Дж. Чемберлен⁸. Он заявлял, что ни один политический деятель не сможет удовлетвориться по-

стоянным изолированным положением Англии на европейском континенте. «Наш союз – это союз между Англией и германской империей ... Интересы и национальные чувства должны объединить два народа». По его мнению, не было ни одного вопроса, по которому между двумя странами мог бы возникнуть антагонизм интересов в ближайшем будущем⁹. Глава консервативного кабинета маркиз Солсбери не возражал против проведения переговоров с правительством Германии, но относился к ним без особого энтузиазма¹⁰.

Идея переговоров с Германией не получила поддержки со стороны части либералов. Интерес, например, представляет позиция правого либерала Э. Грея, в будущем министра иностранных дел в либеральном кабинете накануне и в годы Первой мировой войны.

Грей Э. в отличие от лидера правых либералов лорда Розбери не так открыто ратовал за сохранение политики «блестящей изоляции». В 1898 г. он, в частности, говорил, что Англия не должна надеяться на политику изоляции и что англичане должны найти основу для общих интересов с другими державами¹¹. Грей в своих выступлениях отмечал, что он сторонник отношений с Германией, но он не хотел, чтобы эти отношения были в ущерб отношениям его страны с Францией и Россией, а тем более с Соединенными Штатами. Во время дебатов в парламенте по этому вопросу Грей признавал, что установление взаимоотношений с Германией усилит положение Англии на Дальнем Востоке, но предсказывал, что маловероятно, чтобы Германия предоставила себя в роли «подменной лошади» в политике Чемберлена¹². Поэтому Грей довольно холодно отнесся к переговорам Чемберлена с германским правительством. Он считал призыв последнего заключить союз с Германией губительным для Англии.

Переговоры Дж. Чемберлена с правительством Германии о возможном сближении двух стран не увенчались успехом. Но в начале XX столетия потребность в союзниках для Англии становилась все более очевидной. В орбиту геополитических интересов Британии, как впрочем и других западных держав, попадает Китай. Англия стремится укрепиться на Дальнем Востоке и в связи с этим обращает свои взоры на Японию. Подписание с ней договора в 1902 г. ознаменовало начавшийся реальный поворот во внешней политике Великобритании. Она наконец отошла от политики «блестящей изоляции». Англия впервые за многие годы отрекалась «от неограниченной свободы действий» и брала на себя «обязательства чужого государства в весьма обширной области интересов на Дальнем Востоке»¹³. Договор 1902 г. характеризовался явной антирусской направленностью, но поскольку Россия не упоминалась в нем, то это давало основание

2 Documents of English History. 1832-1950. L., 1954. P. 85-86.

3 Liberalism and Empire. Three Essays by Fr.W.Hirst, G. Murray, J.L.Hammond. L., 1900. P. 203-205.

4 The Times. 1896, 6 Oct.; The Liberal Magazine. Vol. 5. 1897. P. 207.

5 The Times. 1896. 4 March.

6 Hansard's Parliament Debates (Далее – HPD). 4 Ser. 1898. Vol. 58. Col. 1350; The Liberal Magazine. Vol. 6. 1898. P. 288.

7 Архив внешней политики Российской империи (Далее – АВПРИ), ф. 133, оп. 470, д.64, 1901 г., л. 43.

8 Подробнее о переговорах см.: Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951. С. 508-576.

9 Lee S. Ring Edward VII. F Biography. Vol. 2. L., 1927. P. 117; Grey E. Twenty-Five Years 1892-1916. Vol. 1. L., 1926. P. 42.

10 Kennedy A.L. The Rise of the Anglo-German Antagonism. 1860-1914. L., 1980. P. 331.

11 HPD. 4 Ser. 1898. Vol.56. Col. 281.

12 Hale O.J. Publicity and Diplomacy with Special Reference to England and Germany. 1890-1914. New York, 1940. P. 171.

13 Вестник Европы. 1902. № 3. С. 369.

английским государственным деятелям доказывать якобы «мирные цели» договора.

Англо-японский договор 1902 г. вызвал много споров в английском обществе. Британская пресса отнеслась к нему достаточно осторожно. Например, «Стендарт» находила, что «это – двойной союз, налагающий чрезвычайные взаимные обязательства на союзников», а «Вестминстер Газет» высказывала свое неодобрение более открыто: «Англо-японское соглашение представляется как бы слишком поспешным ответом Англии на враждебное отношение Европы, перед глазами которой Англия обращается к новому народу, удивляющему мир своей энергией и быстрым ходом своей цивилизации». Либеральная «Дейли Ньюс» писала, что договор «вовлекал англичан в союз, в котором, по-видимому, все естественные преимущества находятся на одной стороне» (имелась в виду Япония – Т.Г.)¹⁴.

Отношение английских политиков к англо-японскому соглашению 1902 г. необходимо рассматривать сквозь призму их отношения к России. На рубеже XIX–XX вв. интересы Англии и царской России сталкивались в Персии, Афганистане, Тибете и на Дальнем Востоке. В конце XIX в. британское и царское правительства активизировали свои действия в Китае. Лорд Солсбери заверял общественное мнение страны, что ему «неизвестно ничего об ... антагонизме (между двумя странами – Т.Г.) и причинах, которые бы оправдали его. Интересы обеих стран, – продолжал он, – по-видимому, не расходятся сколько-нибудь серьезно»¹⁵. Это заявление, естественно, не соответствовало реальному положению дел. Англо-русские противоречия, например, на Дальнем Востоке приобретали острый характер как в результате активизации в этом районе политики царской России, так и в силу экспансионистской политики самой Англии. В конце XIX в. соперниками Англии на Дальнем Востоке помимо России выступали Франция, Германия и США. Поэтому консервативное правительство маркиза Солсбери ставило перед собой задачу: отстоять в Китае свои прежние привилегии, особенно торговые, которые она получила от китайского правительства еще в середине XIX в., и расширить сферу английского влияния в долине р. Янцзы. Маскируя подлинные цели британской политики в Китае, английские правящие круги выдвигали уже известный тезис о «необходимости защиты Британских интересов» от конкурентов, в первую очередь, от России, которой приписывались фантастические планы и намерения¹⁶.

Подписание договора с Японией поставило вопрос о дальнейших отношениях с Россией. Некоторые английские политические деятели, понимая анти-русскую направленность договора, считали, что, для Англии лучше заключить договор именно с Россией, а не против нее¹⁷. В частности, либеральная оппозиция в парламенте не поддержала договор 1902 г. Харкорт за-

являл, что, заключая его, англичане тем самым ставят на карту будущность Индийской империи. Он имел в виду угрозу Индии со стороны России, если Британия будет вовлечена в войну на стороне Японии. Он считал, что союз с последней создал для Англии опасность войны с двумя сильнейшими государствами Европы, т.е. Францией и Россией¹⁸. Г. Кемпбелл-Баннерман, лидер либеральной партии в начале XX в., находил, что Япония по условиям договора получила больше, чем Англия, поскольку интересы первой были связаны только с Дальним Востоком, тогда как интересы второй – с обширными владениями во всем мире. Если вспыхнет война между Японией и Россией, считал он, то тяжесть войны для англичан и японцев не будет одинаковой¹⁹. В целом все возражения либералов сводились к следующему: а) в случае войны на Дальнем Востоке Англия окажет очень существенную помощь Японии, а в случае войны в Европе Япония бессильна оказать аналогичную помощь Англии; б) англо-японский союз исключал возможность европейских союзов, особенно, англо-франко-русского; в) Англия взяла на себя обязательство воевать. Соответственно, если Япония окажется в состоянии войны с другими державами, то исключительно от «варварской Японии» зависел мир Англии с цивилизованными странами. И либералы задавались вопросом: а «может ли Англия положиться на благоразумие и даже на добрые намерения Японии?»²⁰.

Правда, не все либералы столь скептически относились к заключенному англо-японскому договору. Например, правые либералы, хотя и без особого энтузиазма, приняли его. Примечательна в этом отношении речь правого либерала Дж. Уолтон. Он полностью отрицал империалистические планы, которые ставила перед собой Англия, заключая этот договор. Участие Англии в разделе сфер влияния в Китае Уолтон маскировал якобы желанием английских правящих кругов «сохранить статус-кво, независимость и целостность Китайской империи и равных торговых прав для всех наций». Он доказывал, что договор не носил агрессивного характера, а наоборот, «гарантировал мир»²¹. Представляет интерес также выступление другого правового либерала Г. Нормана, который прямо не отрицал значимости договора 1902 г., соглашался с самой идеей установления союзных отношений с Японией, но находил договор несвоевременным. По мнению Нормана, между Англией и Японией в 90-х гг. XIX в. уже сложились достаточно хорошие отношения, которые отвечали характеру и нуждам английской политики, поэтому не было необходимости заключать договор наступательно-оборонительного характера. Он упрекал консервативное правительство в том, что прежде чем заключить договор с Японией, консерваторы не попытались прийти к соглашению с Россией о Маньчжурии²². Лидер же

14 Цит. по: Новое время. 1902, 2 февр.; Howard C.H. Splendid Isolation. L., 1967. P. 93.

15 The Liberal Magazine. Vol. 4. 1897. P. 515.

16 Остальцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 года. Саратов. 1977. С. 29.

17 Westminster Review. 1902. Apr. P. 404.

18 The Times. 1902. 14 Febr.

19 HPD. 4 Ser. 1902. Vol. 102. Col. 1292.

20 Русское богатство. 1902. № 2. С. 129.

21 HPD. 4 Ser. 1902. Vol. 102. Col. 1306-1307; Nish I.H. The Anglo-Japanese Alliance. The Diplomacy of the Two Islands. 1894-1907. L., 1966. P. 129.

22 HPD. 4 Ser. 1902. Vol. 102. Col. 1277-1279.

правых либералов лорд Розбери во время парламентских дебатов открыто высказался в поддержку договора. Он поздравил консервативное правительство с его заключением. Однако анализ последующих его выступлений показывает, что Розбери не одобрял его, хотя и не выступал открыто против него. Он рассматривал договор как отход от традиционного курса «блестящей изоляции», за который он так ратовал, и находил, что этот договор будет не последним²³.

Необходимо, на наш взгляд, остановиться более подробно на позиции Э. Грея относительно англо-японского договора. Ряд западных исследователей стремятся представить его поборником установления дружественных отношений с Россией. Например, Р. Черчилль отмечал, что еще в 90-х гг. XIX в. было известно, что Грей склонялся к идее урегулирования отношений с Россией как одному из возможных путей отхода от политики «изоляции»²⁴. Грей, учитывая международную обстановку, полагал, что для Англии будет более выгодным устранить Россию из числа наиболее активных врагов, попытавшись договориться с русским правительством по спорным вопросам в Азии²⁵. Британский историк П. Кеннеди считает, что в 90-х гг. либерал-империалисты в большинстве своем отстаивали именно этот политический курс²⁶. Действительно, среди выступлений правых либералов того периода времени можно выделить такие, в которых звучали призывы к установлению дружественных отношений с Россией. Будучи еще премьер-министром, Розбери осенью 1894 г. высказывался за «сердечные отношения с Россией, которые позволили бы решить спорные вопросы в Азии»²⁷. Но несмотря на это, нет все же оснований предполагать, что на протяжении всего рассматриваемого периода либерал-империалисты были горячими сторонниками урегулирования англо-русских отношений.

Оправдывая имперскую политику Англии на Дальнем Востоке, Э. Грей поддерживал широко применяемый английскими политическими кругами тезис об «оборонительном курсе» Великобритании, особенно против России. Исходя из этого, он считал, что существовало три возможных варианта британской политики относительно России. Первый заключался в противодействии со стороны Англии расширению российской экспансии в Азии. Англия должна была каждый раз выдвигать препятствия, когда царское правительство предпринимало «очередные экспансионистские действия». Грей находил этот курс нежелательным. Второй вариант заключался в установлении взаимоотношений с Россией по азиатским вопросам. Английская и русская политика в Азии должна была рассматриваться как единая политика. Этот политический курс, по мне-

нию Грея, был наиболее желательным. Третий Грей определял как «политику дрейфования», т.е. политику уступок и противодействий, которая, в конечном счете, не приносила никаких выгод. Грей считал, что именно этому политическому курсу в течение определенного времени следовала английская дипломатия и находил его «нестерпимым»²⁸. В 1899 г. он приветствовал англо-русское соглашение, касающееся Китая, как «начало политики дружеских отношений между двумя странами и введения обычая обсуждать вопросы непосредственно друг с другом, а не через пекинское правительство...»²⁹. Но это не помешало Э.Грею приветствовать англо-японский договор 1902 г., несмотря на то, он являлся, как в свое время писал советский историк А.Л. Гальперин, «кульминационной точкой антироссийского курса Англии на Дальнем Востоке»³⁰. Как бы благоприятно для Англии не было урегулирование отношений с Россией на Дальнем Востоке, договор с Японией сулил английским правящим кругам больше выгод. Это и объясняло то, что Грей, хотя и не открыто, но признал англо-японский договор.

В 1905 г. англо-японский договор был возобновлен. Он получил одобрение уже всех английских политических кругов. Э. Грей, в частности, утверждал, что обязанность сохранения этого договора осознается в этот период как консерваторами, так и либералами³¹. Всеми политиками подчеркивалась взаимная выгода этого договора для двух стран³².

Анализируя позиции представителей политических кругов Англии на рубеже XIX-XX вв. относительно геополитических интересов и имперской политики Великобритании, можно отметить определенную их трансформацию. Так, если во время англо-германских переговоров большинство консерваторов и либералов, прикрываясь лозунгами сохранения принципов «блестящей изоляции», выступало категорически против договора с Германией, то в случае с англо-японским договором с их стороны уже не было резких выступлений. Это объяснялось, во-первых, тем, что многие английские политические деятели стали осознавать, что Англия может остаться в изоляции, может быть уже не в «блестящей», в то время как другие великие державы объединяются в союзы; во-вторых, англо-японский договор сулил определенные выгоды Англии в деле укрепления британских позиций на Дальнем Востоке, а также предоставлял возможность ослабить влияние других европейских стран в этом районе; в-третьих, все критические выступления политиков касались не самой идеи союза с Японией, а конкретных условий англо-японского договора. Они критиковали договор за слишком большие обязательства, которые принимала на себя Англия по сравнению с Японией, а также за то, что до подписания этих обязательств Англия не попыталась еще раз договориться с Россией. Таким образом,

23 Ibid. Col. 1178-1179; The Times. 1902. 15 Sept.; 1903. 20 May; Гальперин А.Л. Англо-японский союз. М., 1947. С. 129.

24 Churchill R. Anglo-Russian Convention of 1907. Jowa. 1939. P. 107.

25 Review of Reviews. 1898. May. P. 151; 1901. P. 131; HPD. 4 Ser. 1899. Vol. 66. Col. 238-239; 1900. Vol. 81. Col. 890.

26 Kennedy P. Op. cit. P. 284.

27 The Liberal Magazine. 1894. Vol. 2. P. 398.

28 HPD. 4 Ser. 1902. Vol. 101. Col. 609.

29 Ibid. 1899. Vol. 72. P. 817.

30 Гальперин А.Л. Указ. соч. С. 121.

31 The Standard. 1905. 1 June.

32 Ibid. 4 Sept.; National Review. 1905. Oct. P. 206.

намечался отход, хотя подчас и скрытый, части английской политической элиты от политики «блестящей изоляции». Полностью он проявился во время обсуждения англо-французского соглашения 1904 г.

В начале XX в. все более очевидным для англичан становилось то, что Германия представляла большую опасность для мировых позиций Великобритании, чем ее старые враги – Франция и Россия. «Таймс» писала: «Германия ... наш смертельный враг; она собирается напасть на Англию при первой же возможности»³³. Усиливающееся соперничество двух стран в экономической, колониальной и военно-морской сферах представляло уже явную угрозу геополитическим интересам Великобритании. Р.Холден впоследствии писал: «Мы не могли смирно сидеть и позволить Германии настолько усилить свой флот, чтобы другие державы сочли для себя более выгодным связаться с ней и присоединить свои флоты к ее флоту. Мы должны были стараться найти и сохранить дружбу с другими державами»³⁴. Германская опасность толкала Англию на поиски союзников. И Франция стала первой европейской страной, с которой Англия заключила союзные отношения.

Англо-французское соглашение, или Антанта («Сердечное согласие» – Т.Г.) 1904 г. имело огромное значение для Англии. Особенностью этого соглашения было то, что оно касалось исключительно имперских интересов двух стран и своим результатом имело раздел сфер влияния на севере Африки. Согласно этому договору, в сферу влияния Англии попадали Египет и Судан, тогда как Франция получала свободу рук в Марокко. В то же время это «Сердечное согласие» устанавливало дружеские отношения сторон и по своему характеру вело к образованию военно-политического союза. Заключая подобное соглашение, Англия хотела иметь такой договор, который, обеспечивая ей союзника на континенте, не обязывал бы ее участвовать в европейской войне. При этом англо-французское соглашение давало Великобритании полную уверенность в том, что в определенный момент можно будет использовать Францию против основного врага Англии – Германии. Но перед европейским общественным мнением союз с Францией английские политические деятели хотели представить как чисто оборонительный, направленный на сохранение европейского мира.

В целом англо-французское соглашение 1904 г. было воспринято английскими политическими кругами с одобрением³⁵. В отчете МИДа России за 1904 г. отмечалось, что «англо-французское сближение было встречено в Англии с большим сочувствием и редким единодушием, проявившемся, между прочим, в том, что билль об этом соглашении был принят палатой общин после второго чтения без голосования»³⁶. Оппозиционная либеральная партия также положительно отнеслась к заключению этого соглашения. С

его одобрением выступили ведущие либеральные деятели лорд Спенсер, Дж.Морли, Г.Кемпбелл-Баннерман. Последний, как партийный лидер либерал, заявил, что договор с Францией мог служить моделью для подобных соглашений с другими странами и примером тех средств, с помощью которых решаются традиционные трудности, какими бы подчас ни были острыми³⁷. Открыто приветствовал это соглашение и Э. Грей. Он рассматривал его как рабочую модель, которую можно применять, когда возникнет необходимость заключения подобных соглашений с другими державами. Он отказывался признавать, что ведя переговоры с Францией, Англия стремилась заблаговременно сколотить военно-политический блок на случай войны с Германией. По мнению Грея, это соглашение было вызвано стремлением обеих держав разрешить спорные вопросы между собой и не более. Он не связывал воедино англо-японский договор 1902 г. и соглашение с Францией 1904 г. Он полагал, что, поскольку Франция и Россия являлись союзниками, то перед Англией была два пути: либо в целях обороны против них объединиться с другой сильной державой, либо заключить союзное соглашение с ними. Следовательно, англо-японский договор представлял собой шаг в первом направлении, а англо-французское соглашение – во втором³⁸. Соглашение с Францией нашло положительные оценки также и в либеральной прессе³⁹.

Англо-французское соглашение 1904 г. существенно изменило расстановку сил на международной арене. Германия начинает зондировать почву относительно сближения с Россией, результатом чего стало подписание русско-немецкого союзного договора в Бьёрке в июле 1905 г. кайзером Вильгельмом II и императором Николаем II. Договор был крайне невыгоден России, поскольку, согласно его статьям, в случае если одно из государств подвергнется нападению европейской державы, второе обязывалось прийти ему на помощь всеми своими морскими и сухопутными силами, а также Россия давала обещание привлечь к русско-германскому союзу Францию. Намерения Германии могли вовлечь, по словам А.П. Извольского, министра иностранных дел России с 1906 г., Россию «в политику, которая, может быть, не вызвала бы полного разрыва с Францией, но поставила бы её в положение, бесконечно более сложное и неопределенное»⁴⁰. План Германии сколотить антианглийский блок с привлечением России и Франции не увенчался успехом, т.к. под давлением российского премьер-министра С.Ю. Витте и министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа Бьёрский договор не вступил в силу. Это не способствовало развитию дружественных русско-германских отношений. Но заставило российские правительственные и дипломатические круги более внимательно отнестись к вопросу

33 The Times. 1902. 20 Dec.

34 Haldane R. Before the War. L., 1920. P. 9-10.

35 Justice. 1904. 16 Apr.; The Standard. 1904. 2 June; Review of Reviews. 1904. May. P. 422.

36 АВПРИ, ф. Отчеты МИДа, 1904, л. 19/об.

37 HPD. 4 Ser. 1904. Vol. 135. Col. 566-567; Spender J. The Life of the Right Hon. Sir Henry Campbell-Bannerman. L., 1923. Vol. 2. P. 151.

38 Grey E. Speeches on Foreign Affairs. 1904-1914. L., 1931. P. 25; ejusd. Twenty-Five Years ... Vol. 1. P. 48.

39 Kennedy P. Op. cit. P. 266.

40 Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С.57.

о возможном сближении с Англией, что, к слову сказать, не совсем противоречило интересам последней. В частности, ряд российских государственных деятелей и дипломатов, таких как А.П. Извольский, А.И. Нелидов (российский посол во Франции), граф А.К. Бенкендорф (посол России в Лондоне) считали, что «иностранный политика России должна продолжать оставаться на неизменной базе её союза с Францией, но что этот союз должен быть укреплен и расширен соглашениями с Англией и Японией»⁴¹.

Русско-японская война, в развязывании которой не последнюю роль сыграли англичане, подстрекая Японию и оказывая ей финансовую и дипломатическую помощь, поражение России, подписание Портсмутского мирного договора существенно повлияли на международную ситуацию. Для англичан становилось очевидным, что в результате огромных затрат и потерь в период войны, а также внутрироссийского политического кризиса, вызванного событиями революции 1905 г., Россия временно, но крайней мере, не была способна предпринять какие-либо масштабные действия против англичан ни в Китае, ни на границах Индии, ни в других местах Азии. В то же время Англия нуждалась в российской поддержке в противостоянии с Германией, т.к. прекрасно понимала, что решающие события в предстоящих военных конфликтах будут решаться не на морях, а на европейском континенте с привлечением и использованием сухопутных армий.

Переговоры между российской и английской сторонами велись с переменными успехами в 1906-1907 гг.⁴² В центре обсуждения были самые насущные проблемы – раздел сфер влияния в Персии, Афганистан, Юго-Западном Тибете, режим мореплавания в черноморских проливах. В частности, англичане стремились к тому, чтобы русские признали Афганистан сферой влияния Англии. Но поскольку это встречало сопротивление со стороны российских политических и дипломатических кругов, англичане готовы были пойти на определенные уступки. Наглядно это прослеживается на примере позиции министра иностранных дел либерального кабинета (с 1905 г.) Э. Грея, который в своем меморандуме от 2 марта 1907 г. высказывался в пользу поддержки требования России об открытии для нее Проливов⁴³. Переговоры завершились подписанием русско-английской конвенции 18 (31) августа 1907 г., которая разграничила сферы влияния двух стран в Персии: российская (Северная Персия), английская (Юго-восточная Персия) и т.н. «нейтральная» зоны, а также в Афганистане, который оказывался в сфере влияния англичан, и Тибете, относительно которого Россия и Англия обязывались уважать территориальную целостность и не вмешиваться в его внутренние дела, ве-

сти с ним дела только через посредничество китайского правительства⁴⁴.

Хотя соглашения 1907 г. касались только центральноазиатских аспектов англо-русских противоречий, оно, безусловно, имело и европейскую направленность и сыграло свою роль в складывании антигерманской Тройственной коалиции – Англия, Франция и Россия.

Сближение России и Англии и подписание конвенции 1907 г. вызвали широкие отклики в российских и британских общественно-политических кругах. Сами участники переговоров и творцы этого договора дали в свое время интересные им оценки. Так, английский посол в России Дж. Бьюкенен писал в своих мемуарах: «Устранив опасность, чтобы Персия послужила яблоком раздора между ними (Россией и Англией – Т.Г.), он в то же время связал их теснее и проложил дорогу для будущей совместной работы в европейских вопросах. Он оказался с этой стороны даже более успешным, чем та часть подписанного документа, которая относилась к примирению их враждебных интересов в Персии, которые, несмотря на это соглашение, даже накануне великой войны вызвали постоянные трения»⁴⁵. В английском парламенте прошли дебаты, которые в целом выявили положительные настроения британских политиков относительно этого соглашения. Правда, речь шла в целом о самой конвенции, но было много нареканий и критических замечаний по деталям. Так, в палате лордов большинство скептически настроенных ее членов, как правило, представителей оппозиции, критиковало британское правительство за чрезмерные уступки России в Персии (Россия получила больше преимуществ в Северной Персии, чем англичане в Южной), за то, что не был в должной степени поставлен вопрос об интересах последней в Персидском заливе, не в полной мере отстаивались интересы Британии в Афганистане и Тибете. Лорд Керзон, например, выражал обеспокоенность, чтобы это соглашение не привело к сокращению военных сил в Индии, к «сокращению, хотя на одну рупию, расходов, которые мы тратим на ее оборону»⁴⁶. Либералы же поддерживали соглашение. Примечательны в этом отношении выступления членов либерального кабинета. В частности, лорд Лэнсдаун в своей речи 10 февраля 1908 г. заявил, что Конвенция «знаменует собой начало новой эры в наших отношениях с Россией», «коренного изменения в азиатской политике России и, я надеюсь, значительно улучшенного расположения к этой стране». А лорд Крив выразил надежду, что соглашение с Россией не только улучшит отношения с ней, но и будет способствовать достижению «главной цели всей нашей дипломатии — гарантии мира Европы и таким образом всего цивилизованного мира»⁴⁷.

Общественное мнение в России в целом благоже-

41 Там же, с.58.

42 История внешней политики России. Конец XIX-начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С.С. 203-206, 213-216.

43 РГВИА Ф. 970. Оп. 3. Д. 1232. Л. 1. Более детально о русско-английском переговорном процессе 1906-1907 гг. см.: Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 268-275.

44 Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета. СПб, 18 (31) августа 1907 г.// Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М., 1952. С.386-394.

45 Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 77.

46 HPD. 4 Ser. Vol. 183. Col. 1314-1317, 1344- 1353.

47 Ibid. Col. 1334, 1344.

лательно отнеслось к заключению русско-английского соглашения. Как отмечает Е.Ю. Сергеев, «... многие российские политики и общественные деятели выражали искреннее удовлетворение компромиссным исходом продолжительной гонки за лидерство в Азии»⁴⁸. Российская печать отнеслась к соглашению в целом добродушно. Как отмечал подполковник генерального штаба А.Е. Снесарев в своем сообщении, прочитанном перед членами Общества ревнителей военных знаний 24 января 1908: «Общий смысл статей был таков, что наконец-то в Средней Азии положен конец длительным недоразумениям, затихла хоть временно вражда и, Бог даст, наладятся когда-нибудь новые, более дружеские и более теплые взаимные отношения России и Англии»⁴⁹.

⁴⁸ Сергеев Е.Ю. Указ. Соч. С. 280.

⁴⁹ Англо-русское соглашение 1907 г.//Общество ревнителей военных знаний. СПб., 1908//http://a-e-snesarev.ru/anglo-rus_soglashenie.pdf

В целом, в 1907 г. окончательно определились приоритеты внешнеполитических курсов России и западных стран, особенно это касалось взаимоотношений России и Великобритании. 1907 г. подвел определенную черту «Большой игре» – очень длительному и сложному, сопровождаемому взаимными обвинениями и претензиями, англо-российскому соперничеству в Центральной Азии. К соглашению 1907 г. две великие державы, две империи шли долго, мучительно, но смогли достичь так для них важного компромисса по защите своих интересов в этом регионе. И хотя Конвенция 1907 г. не устранила всех англо-российских противоречий, все же она стала залогом их союзнических отношений в предстоящей Первой мировой войне.

УДК 94 (430)“1900/1914”(323)

UDC 94 (430)“1900/1914”(323)

Ю.А. ЛЕВШИНА

аспирант, кафедра всеобщей истории, Орловский государственный университет
E-mail: LJUA-rf@mail.ru

YU.A. LEVSHINA

Graduate student, Department of General history, Orel State University
E-mail: LJUA-rf@mail.ru

СФЕРА ФОРМАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

THE SPHERE OF FORMAL POLICY OF PUBLIC LIFE IN GERMANY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

В статье анализируется состояние политической системы Германии в начале XX века. В центре внимания находится вопрос национальной модернизации в сфере формальной политики. Выводится заключение о том, что политическая ситуация в стране определялась социально-исторической средой и дестабилизировалась перегруппировкой политических сил.

Ключевые слова: германское государство, политическая система, конституционализм.

The article represents the review of the condition of the political system in Germany at the beginning of the XX century. The focus is on the question of national modernization in the field of formal policy. It is concluded that the political situation in the country was determined by the socio-historical environment and destabilized by the regrouping of political forces.

Keywords: German state, political system, constitutionalism.

Германское государство в начале XX столетия находилось в процессе становления национальной системы. Специфика данного этапа национального развития в особенности отражалась в политической сфере жизни общества. Она во многом обуславливалась формированием политической системы капитализма в Германии. Утверждение рыночной экономики распространяло в обществе принципы капиталистического строя. Внутренняя германская политика во многом стала определяться действием рыночного механизма. В то время развивался так называемый «политический рынок» («Der politische Massenmarkt»), концепцию которого в 60-е гг. XX века оформил немецкий историк Ганс Розенберг. Вслед за ним американский историк Джеймс Реталлак повторил тезис о том, что самым важным товаром в германском обществе становится политическое влияние. При этом Реталлак обращал особое внимание на переходный период в Германии от политики знати («Honoratiorenpolitik») к политике масс («Massenpolitik»), который не являлся относительно быстрым и простым. [31, pp. 129-135] Длительное назревание политической модернизации привело к определенной политизации общественной жизни. Этому способствовала особенная социальная динамика в течение всей истории Германской империи и присутствие плюралистического гражданского общества. Германский социум являлся одновременно субъектом и объектом политической жизни. В итоге функционально [16, с. 117] стали различаться две арены в политическом пространстве страны: формальная (т.е. официальная государственная) и неформальная (т.е. общественная гражданская) политика.

Сфера формальной политики в начале XX века

характеризовалась развитием процесса политической организации новой рейхснции. Германский рейх был национальным федеративным государством [6, с. 163], которому в 1901 году исполнилось всего 30 лет. Очевидно, расхождение с господствующей унитарной моделью национально-политического устройства других стран и сравнительная молодость Германской империи стали причинами переноса проблемы национального становления в XX столетие. Германия, обладая своеобразным политическим дуализмом, являлась, с одной стороны, объединенной империей, а с другой – союзом во многих отношениях совершенно независимых друг от друга государств. В ней политический уровень объединенного целого не соответствовал государственному строю отдельных частей. В частности, это отражалось в муниципальном законодательстве [2, с. 168], в вопросе об избирательном праве: система всеобщего и равного избирательного права на выборах рейхстага ограничивалась при выборах ландтагов [20, с. 569] и т. д. Данная политика препятствовала установлению прочной связи с государством как основополагающей характеристики сформированной рейхснции. В связи с этим уместно обозначить, что понятие «авторитарное государство», употребляемое как синоним Германской империи, является «пустым клише» и носит полемический характер уже более века. [31, р. 124] Это служит существенным основанием в объективном восприятии политической жизни германского общества.

Основополагающая двойственность национального развития Германии, закреплённая Конституцией, во многом стала результатом соединения космополитической и национальной идей. Еще в начале XX века это отметил фрейбургский профессор кафедры

новой истории и редактор «Historische Zeitschrift» («Исторический журнал») Фридрих Мейнеке. Он не противопоставлял эти идеи в генезисе немецкого национального государства [5, с. 160], поскольку национально-государственные и космополитические идеалы в равной мере воплотились в Германском государстве. Данное обстоятельство отразилось и на официальной государственной правовой идеологии, основы которой заложил Пауль Лабанд в своем произведении «Государственное право Германской империи» [28], выдержавшем пять изданий. Здесь монархия представляла основу государственного единства с сопутствующим ограничением (не ликвидацией) власти центробежных сил. Так Прусское национальное государство и другие княжества в борьбе против своего растворения в германском национальном государстве сохранили большую политическую самостоятельность. Отсюда в Германском рейхе существовал партикуляризм баварский, саксонский, восточно-пруссский [22, с. 801] и др., обусловленный традиционным немецким уважением к власти всех уровней. При этом федерализм считался важнейшим конструктивным элементом конституционализма.

Специфика германского конституционализма заключалась в тесной связи с национальным движением. Германская Конституция («Verfassung» вместо «Konstitution»), буквально означавшая «устройство», «структуру» или «распорядок», не содержала в себе твердых норм политического устройства страны. [1, с. 8, 14, 27] Она была открыта для далеко идущих политико-правовых изменений. В частности, в ней отсутствовала глава, регламентирующая права и свободы немецкого народа, которые до начала XX века регулировались конституциями субъектов Германского государства. [15, с. 37] Принятый в результате проведенной кодификации законов Гражданский кодекс 1900 г. стал важным шагом в модернизации политической системы Германии, а принятый тогда семейный кодекс до сих пор функционирует в ФРГ. [1, с. 267] Так оформлялось единое общегерманское гражданство и на его основе единое общеимперское правовое пространство. [15, с. 4] Закрепленный суверенитет за империей (общеимперские законы обладали юридическим приоритетом над законами земель [Там же. с. 36]) дополнялся децентрализацией административной власти (субъекты федерации представляли собой средство реализации союзных законов). [1, с. 241]

Однако это не помешало федеративному государственному устройству стать основой для формирования национально-единого конституированного политического сообщества. Не имперская власть стала средством расширения власти прусской короны, а прусскую корону поставили на службу империи. [7, с. 58-59] Вместе с тем распространение общих прусских порядков несло новый образ рейхснции. Теперь Прусское национальное государство растворяло в себе немецкое национальное государство, что внешне определяло путь национального развития. Естественно, что главные направления развития политической системы империи определялись

теми процессами, которые протекали в наиболее крупных и влиятельных германских землях. [15, с. 4] В это же время собственные монархические легитимные основы субъектов поглощались национальной унитаристской властью, представленной на местах авторитетной гражданской администрацией. В ней новый тип должностного лица обладал всеми традиционными качествами немецкого чиновника, к которым, по мнению историка Отто Гинце, относились порядочность, чувство долга, бескорыстное усердие, чувство солидарности, непреклонное чувство справедливости и простая верность. [27, р. 77] В последующем немецкий госслужащий продолжал ориентироваться на объективность, компетентность, законопослушность и личную целостность. Это характеризовало политическую систему Германии как образцовую. А существовавшая критика государственных служб, на примере Прусского ландрата, в основном относилась к эффективности их работы. [35, pp. 205, 218-219] Таким образом, чем дальше шел процесс развития рейха, тем меньшее значение имели династическомонархические основы и легитимность федеративных субъектов. [7, с. 58] В новом веке политико-правовое развитие Германии шло путем легитимации империи.

Германский конституционализм, как государственно-правовая практика, обуславливал опосредованность политических решений конституционно-правовыми нормами. [1, с. 4] Здесь институциональный дуализм законодательных и исполнительных структур, выражавшийся в разъединенности парламентской и чиновничьей карьеры [7, с. 60], в XX столетии обрел новые проявления. Это в первую очередь обуславливалось отношениями между правительством и рейхстагом.

Общеимперская администрация была представлена канцлером и ограниченным числом статс-секретарей. В Конституции административные полномочия оставались за канцлером. По действовавшему принципу контрасигнатуры канцлер скреплял своей подписью основное количество документов, исходящих от императора. [15, с. 35] Фактически правительство империи было «правительством канцлера». О политической ответственности рейхсканцлера не могло быть и речи, поскольку кабинета министров не существовало, а статс-секретари были в подчиненном состоянии. Он не был ответственен перед парламентом. Существовала моральная, а не юридическая ответственность канцлера. Ему нельзя было выразить вотум недоверия. [1, с. 240, 247] Здесь отсутствие системы сдержек и противовесов для исполнительной власти обуславливало ее мобильность и эффективность. Поскольку в Конституции Германской империи не было четкого разграничение законодательной и исполнительной власти, изначально сложился режим с явным преобладанием исполнительной власти над законодательной. [15, с. 36] Однако в новом столетии, при правительстве Бернгарда фон Бюлова (1900-1909 гг.) и Теобальда фон Бетман-Гольвега (1909-1917 гг.), исполнительная власть потеряла свою стабилизирующую функцию. Ярким свидетельством этого служила отставка Бюлова после принятия финансовой реформы,

ущемлявшей «мобильный» капитал банковских кругов, промышленной и торговой буржуазии. [18, с. 102] Его уход немецкий историк Голо Манн назвал «пародией на падение Бисмарка». Оба раза значительное участие принимал рейхстаг, но формально ничего не решал. [29, р. 540] Данное ослабление имперского правительства в это время означало перераспределение сил в конституционной системе.

Демократически-унитарным органом конституционного здания германской империи являлся рейхстаг. Для него в 1894 г. в центре Берлина было закончено строительство отдельного здания [4, с. 12] в стиле итальянского Возрождения. Рейхстаг был субъектом законодательной деятельности, вотируя бюджет в форме закона, ратифицировал международные договоры, относившиеся к сфере законодательной деятельности империи. С увеличением полномочий в законодательстве он превратился в ведущую политическую силу. Постепенно, в итоге «ползучей парламентаризации», рейхстаг становится главным инструментом приспособления права к быстро меняющейся экономической и политической обстановке. Иными словами, немецкий парламент в начале XX века превратился в работающий парламент [1, с. 245-247, 266], хоть и за счет нижней палаты.

Рейхстаг был единственной корпорацией в Германии, действительно представлявшей народное «единство». [Там же. С. 240] Это особенно ярко отразилось в «партийном вопросе». Так германская партийная эволюция в первые полтора десятилетия XX века свидетельствовала о явной тенденции к поляризации партийно-политических сил вокруг нескольких основных центров и образованию больших партий: консервативной и либеральной. [25, с. 135-136] Однако эта централизация не несла собой увеличения влияния этих направлений в политической жизни страны. В это время возрастала политическая изоляция консервативных партий, против которых концентрировалось широкое массовое недовольство. Либеральный лагерь был поглощен прогрессирующим обострением внутривнутриполитической борьбы, процессом партийной дифференциации и вступил в полосу длительного внутреннего кризиса, из которого так и не выбрался.

Упадок немецкого либерализма американский ученый Ральф Райко связывает с влиянием социалистического направления. [30, р. 181] В течение тех лет шел пересмотр главной либеральной идеи индивидуальной свободы в пользу государственного и общественного ориентирования. Социализм был темой, к которой Германию подтолкнуло само время. Влиятельные представители академической науки (Ф. Теннис, М. Вебер, В. Зомбарт, Г. Шмоллер и др.) и немецкой социал-демократии (К. Каутский, Р. Люксембург, Э. Бернштейн и др.) внесли неизмеримый вклад в развитие социальной теории XX века. [26, с. 111] Начатая в это время Эдуардом Бернштейном дискуссия о целях и средствах социалистического движения в целом соответствовала выросшему сознанию массовой базы СДПГ. [4, с. 13] Второе поколение социал-демократических политиков в лице Фридриха

Эберта, Филиппа Шайдемана, Густава Носке, Отто Брауна и др. уже не желали безропотно проглатывать марксистские постулаты. В частности, депутат рейхстага с 1906 г. Носке хвалился тем, что в своих выступлениях и статьях никогда не употреблял слово «марксизм». [29, р. 535] Социал-демократия Германии в действительности уже не была монолитной рабочей партией, единство партии было лишь формальным, дисциплина ослабела, руководящий центр и низовые организации партии жили самостоятельной жизнью. [14, с. 200] Бернштейн понимал необходимость эволюционного развития Германии по пути реформизма и перестройке стратегии и тактики СДПГ в соответствии с реалиями XX века. [17, с. 145] Отсюда с 1900 г. «новое направление» (реформизм) в германском рабочем движении становится господствующим, но не единственным. Внутривнутрипартийная борьба в СДПГ шла на протяжении всего времени. В итоге Йенский съезд партии в 1913 г. [8, с. 8] закрепил господство ревизионистского толкования социалистических принципов.

Через «социализацию образа мыслей» [30, р. 39] германской среды реформизм социалистического движения перерос в реформизм партийной системы. Данная тенденция подкреплялась прежней политической практикой. В 1876 г. первой национальной партией стала Немецкая консервативная партия (НКП). [15, с. 38] В начале XX века подобное национальное становление пережили и другие политические партии Германии. СДПГ, как классическая оппозиционная организация в империи, к 1912 г. развилась из региональной в национальную партию. [34, pp. 138-140] Партия Центра, представляющая политический католицизм в Германии, к началу Первой мировой войны сумела решить значительную часть задач по интеграции в политическую систему империи и стать признанной национальной партией. Объединяющим началом в ней стала идея защиты религиозных свобод и федеративных начал устройства германского государства. Традиционные христианские ценности, интерпретированные в духе новых политических и социальных реалий, составили основу доктрины, разработанной германским политическим католицизмом. Центр стал самой крупной фракцией рейхстага и оставался таковой до 1912 г., занимая ключевые позиции и обладая возможностью заблокировать любой законопроект. Немецкие католики разработали альтернативную социал-демократам доктрину социального государства, основанную на идее «солидаризма», выражавшейся в представительстве наиболее обделенных и наименее защищенных слоев общества. [9, с. 46-48, 57-58] Таким образом, партийная система германского общества осуществляла путь к национальной идейной интеграции. Следствием этого было размывание партийно-политических групп. Данное обстоятельство часто воспринимается как глубокий политический кризис [25, с. 136] или бессилие партий [33, р. 7, 105]. Однако для политического кризиса в новое и новейшее время совершенно естественны стадии первоначальной стабильности, ее утраты и возникновения стабильности на новой основе. [1, с. 24]

И для политической системы Германии было характерно подобное чередование с тяготением к стабилизации. Существовавшая здесь цикличность определялась становлением политической системы капитализма. При этом роль стабилизирующего фактора в Германии исполняло государство в целом.

Для внутриполитической жизни страны в это время особенное значение имела государственная социальная политика. Она осуществлялась на основе концепции правового государства, связанной с именами Гегеля, Моля, Лоренца фон Штейна. [13, с. 74] В немецком «Словаре государственных наук» социальная политика, или «учение об обществе в тесном смысле», представляло «ту отрасль государственных наук, которая занимается отношениями публичной власти к отдельным производительным сословиям и их взаимным интересам» [32, р. 140]. Начало социальной политики в истории Германии связано с периодом 40-х гг. XIX столетия. Социальная политика же начала XX века, базируясь на достижениях предшествующей, имела новые особенности. В ней настойчиво повторялась необходимость социального мира. Через большинство проектов красной нитью проходила мысль о необходимости и возможности классового сотрудничества. [3, с. 12] Можно согласиться с немецким историком Гансом-Ульрихом Велером в том, что социальная политика в имперской линии оставалась стратегией предотвращения конфликтов. [33, р. 138] Но в Германии, как и в других индустриально развитых странах, социальные реформы проводились не столько из опасения революционных потрясений, сколько для успешной хозяйственной деятельности общества в целом. Было необходимо не одно спокойствие в стране, но также физически и нравственно здоровые, образованные и квалифицированные специалисты. [21, с. 91] Так историко-политический опыт предполагал выбор пути социальных реформ в рамках существующей системы как наиболее приемлемый и выдержанный способ в контексте обеспечения государственной стабильности и социальных нужд, прежде всего для малоимущих слоев населения. В этом случае речь идет о расширении социальных функций государства, оформлении целенаправленной государственной социальной политики. А ее широкомасштабная поддержка большинством населения обеспечивает тогда состоятельность факта социальной стабильности в обществе. [13, с. 77] Однако в то время государственная власть Германии располагала неоднозначными обстоятельством для поддержания своего авторитета в обществе.

Фактор неустойчивости представляла собой персону кайзера, чьи prerogatives были прописаны в Конституции нечетко. [1, с. 266] Император мог отсрочить введение в действие гражданских законов, принятых рейхстагом (Суспензивное вето), и отклонить полностью законы, касающиеся военных дел (Абсолютное вето). Контрасигнатура канцлера не применялась в отношении актов, касающихся объявления войны и заключения мира, а также тех документов, которые относились к функциям императора как главнокомандующего. [15,

с. 32, 35] Ввиду административного правления канцлера, кайзер не управлял сам внутриполитической жизнью страны. В начале XX века император позиционировался больше как национальная внешнеполитическая сила.

Тенденции общественной жизни Германии включали ментальную установку немцев на преклонение перед гениальной личностью. Роль кайзера Вильгельма II в деле национального развития, несомненно, была яркой, но это не даёт основание считать ее абсолютно положительной и консолидирующей. То, что немецкое национальное государство было Кайзеровской империей (Kaiserreich) [6, с. 164], подтверждается большинством фактов. Английская пресса утверждала, что только в Германии личное правление не является фикцией [10, с. 63]. Вильгельм II усиленно культивировал возрастание своего императорского авторитета во всех сферах германской национальной жизни и повсеместно применял своё любимое изречение – *Regis voluntas suprema lex* (Воля монарха – высший закон). [19, с. 46] Всё лично утверждалось кайзером: от пуговиц мундира до взглядов на жизнь и искусство. Он пропагандировал величие германского народа и насаждал по-своему понятые германские идеалы, прославляя прусских королей, Гогенцоллернов, религиозные и воинские чувства в «стране поэтов и мыслителей». Многочисленные речи, проповеди и молитвы, импульсивно сочиняемые лично кайзером, «политика зигзагов», выражавшаяся в непоследовательности политического курса Вильгельма II как на международной арене, так и внутри своего государства, в итоге инициировали императорский кризис в Германии.

Постоянные судебные процессы за оскорбление величества, множество насмешек и порицаний императора в германском обществе и собственной семье наносили сильный удар по авторитету государственной власти в вопросе национальной консолидации. Показательными инцидентами здесь являются алфавитный спор [19, с. 45] и императорский кризис осенью 1908 г. [12, с. 791]. Первый возник в 1901 г. из-за утверждения кайзером орфографии названия города Кёльна с заглавной «С» вместо утверждаемой муниципалитетом и министром внутренних дел «К». Разразившаяся в связи с этим газетная полемика в Германии была последним средством отстаивания интересов жителями Кёльна после отклонения их жалобы высшим административным трибуналом. Второй кризис заключался в том, что Вильгельм II после публикации английской газетой «Daily Telegraph» его разговора с бывшим английским дипломатом подвергся широкой общественной критике в своей стране. Кайзер подорвал репутацию немецкой нации, сообщив собеседнику, что большинство немцев враждебны к англичанам, и он борется против широкого воинственного течения к Англии в Германии. После этого депутаты в рейхстаге требовали от кайзера обдуманной осмотрительности и гарантий сдержанности на будущее время. Но Вильгельм II признал общественную критику преувеличенной и заявил о постоянстве императорской политики с сохранением конституционных ответственностей. В результате это-

го скандала, раскрывшего всю некомпетентность главы государства, лидеры крупнейшей фракции Центр в рейхстаге сделали своей мишенью не монарха и систему власти в стране, а канцлера. [9, с. 54] Это подтверждало тот факт, что кайзер и внутриполитическая жизнь германского социума находились в сильно опосредованных отношениях между собой, чем объяснялась относительность их взаимовлияния. Таким образом, императорская власть стала сомнительной силой в национальном развитии. В то время, когда кайзер сетовал на отсутствие единодушного стремления к ликвидации незаконченного объединения, [24, с. 46] его подданные в лице почтенного немца говорили французским корреспондентам: «Многие из ваших соотечественников восхищаются нашим императором. Очевидно, он вам был бы приятнее, чем нам, так возьмите же его себе!». [11, с. 74] Так немецкая ориентация на выдающуюся личность, способную продолжить великое национальное объединение, постепенно ослабевала в позднекайзеровское время. Однако данное обстоятельство открывало новые горизонты в политическом развитии Германии.

Монарх объективно позволял реформировать политическую систему в направлении парламентской демократии, против него не было создано сплоченной оппозиции ни в мирное, ни в военное время [23, с. 105]. По утверждению Голо Манна, настоящей оппозиции не было, так как не было настоящего правительства. [29, р. 545] Отсюда оппозиционная ограниченность в сфере формальной политики Германии закрепляла существовавшие позиции доминирующих социальных групп.

В целом арена формальной политики германской общественной жизни в начале XX века была занята перегруппировкой политических сил в национальном масштабе, что в дальнейшем обусловило влияние в политическую систему новых влиятельных акторов из среды неформальной политики. При этом политическая перегруппировка не вывела формальную политику из традиционной формы социальной гегемонии в германской среде. Таким образом, присутствовавшая дестабилизация политической ситуации в Германии выравнивалась через авторитет государственной власти в обществе и национальную интеграцию политических сил.

Библиографический список

1. Баев В.Г. Германский конституционализм (конец XVIII–первая треть XX вв.). М., 2010.
2. Бланк Р.М. Городское самоуправление в Германии. Вестник Европы 1904, № 7. С. 168–191.
3. Бобылева С.И. К вопросу о положении рабочего класса Германии в 1900–1914. Вопросы германской истории и историографии 1973, № 1 С. 35–45.
4. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М., 2002.
5. Вишницер М. Происхождение немецкого национального государства. Русская мысль 1908, № 12. С. 159–163.
6. Данн О. Нации и национализм в Германии. 1770–1990 / пер. с нем. И.П. Стребловой. СПб., 2003.
7. Евдокимова Т. В. Условия развития «фюрингсгруппен» кайзеровской Германии как источник формирования особенностей политической элиты веймаровской Германии. Научные ведомости 2009; № 7 (62). С. 58–62.
8. Евзеров Р.Я. Борьба течений в германской социал-демократии в связи с подготовкой Германии к Первой мировой войне (1913–1914 гг.). М., 1955.
9. Забалуев В.Г. Германский политический католицизм как предшественник христианской демократии. Новая и новейшая история 1994, № 3. С. 43–58.
10. Из иностранных журналов. Мир Божий 1904, № 10. С. 61–65.
11. Из иностранных журналов. Мир Божий 1905, № 11. С. 72–75.
12. Иностранное обозрение. Вестник Европы 1908, № 12. С. 791–802.
13. Калиева М.Ш. Социальные идеи в системе развития общества. Исторический ежегодник 2006. С. 73–77.
14. Кучинский Ю. История условий труда в Германии. 1800–1945. М., 1949.
15. Кучма В.В. Развитие государственного строя Германии и Японии в период нового времени. Волгоград, 2000.
16. Людке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер. с нем. К.А. Левинсона и др. М., 2010.
17. Макаренко П.В. Новейшие российские исследования истории немецкого рабочего движения. Материалы междунар. науч. конф. «Германия и Россия: опыт и уроки отношений в XIX–XX вв.» 13–14 окт. 1999 г. Воронеж, 2000, № 3. С. 144–148.
18. Нуссбаум Х. Крупные аграрии и буржуазия, крестьянство и рабочий класс: конфликты и проблемы союза в Кайзеровской Империи. В кн.: Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX–начале XX вв. М., 1988. С. 100–128.
19. Общественные вопросы в Германии. Мир Божий 1902, № 1. С. 45–47.
20. Осипов И. Избирательное право в Германской империи и в отдельных ее государствах. Вестник Европы 1905, № 6. С. 567–600.
21. Остриков П.И. Государственное регулирование экономических и социальных отношений в Германии в последней трети XIX–начале XX вв. Запад–Россия–Кавказ: Межвузовский научно-теоретический альманах. Ставрополь, 2002, № 1. С. 86–93.
22. Промышленная Германия по профессиональной переписи. Вестник Европы 1899, № 12. С. 792–818.
23. Садовая Г. М. Кайзер Вильгельм II: «режим личного правления» или «поликратия». Вестник СамГУ 2010, 5 (79). С. 102–106.
24. Хлебный вопрос в германском рейхстаге. Речи императора Вильгельма. Мир Божий 1903, № 1. С. 44–48.
25. Цфасман А.Б. Буржуазные партии и рабочее движение в Германии (1900–1914). Челябинск, 1975.
26. Шнакова Р.П. Социализм: взгляд из Германии начала XX века. СоцИс 1994, № 5. С. 111–119.
27. Hintze O. Soziologie und Geschichte. Gesammelte Abhandlungen zur Soziologie, Politik und Theorie der Geschichte. Göttingen, 1964.
28. Laband P. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. Freiburg und Leipzig, 1895.

29. Mann G. Deutsche Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1977.
30. Raico R. Die Partei der Freiheit: Studien zur Geschichte des deutschen Liberalismus. Stuttgart, 1999.
31. Retallack J. Obrigkeitsstaat und politischer Massenmarkt. In: Das Deutsche Kaiserreich in der Kontroverse. Hrsg. Sven Oliver Muller und Cornelius Torp. Gottingen, 2009. Pp. 121–135.
32. Saatslexikon. Band V. 1896.
33. Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich. 1871–1918. Gottingen, 1973.
34. Winkler J. Die soziale Basis der sozialistischen Partei in Deutschland vom Ende des Kaiserreichs zur Mitte der Weimarer Republik 1912–1924. Archiv für Sozialgeschichte 1989, № 29. Pp. 137–171.
35. Witt P.-Ch. Der preussische Landrat als Steuerbeamter 1891–1918. Bemerkungen zur politischen und sozialen Funktion des deutschen Beamtentums. In: Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. Dusseldorf, 1974. Pp. 205–219.

References

1. Baev V. G. German constitutionalism (the end of XVIII–early XX centuries.). Moscow, 2010.
2. Blank R. M. Municipal government in Germany. Vestnik Evropy 1904, No 7. Pp. 168–191.
3. Bobyleva S. I. On the question of the working class in Germany 1900–1914. Questions German history and historiography 1973, No 1. Pp. 35–45.
4. Vatlin A. Y. Germany in the twentieth century. Moscow, 2002.
5. Vishnitser M. Origin of the German nation-state. Russkaya Mysl 1908, No 12. Pp. 159–163.
6. Dunn O. Nations and Nationalism in Germany. 1770–1990. St. Petersburg, 2003.
7. Evdokimova T. V. Conditions of development “Führungsgruppen” Wilhelmine Germany as a Source of features Weimar Germany’s political elite. Nauchnye Vedomosti 2009, No 7 (62). Pp. 58–62.
8. Evzerov R. J. Fighting currents in the German Social Democracy in preparing Germany for World War (1913–1914). Moscow, 1955.
9. Zabaluev V. G. German political Catholicism as a precursor of Christian Democracy. Novaya i noveyshaya istoriya 1994, No 3. Pp. 43–58.
10. From foreign magazines. Mir Bozhy 1904, No 10. Pp. 61–65.
11. From foreign magazines. Mir Bozhy 1905, No 11. Pp. 72–75.
12. Review of foreign affairs. Vestnik Evropy 1908, No 12. Pp. 791–802.
13. Kaliyeva M. S. Sharing ideas in the system of society development. Historical Yearbook 2006. Pp. 73–77.
14. Kuchinsky Yu. History of labor conditions in Germany. 1800–1945. Moscow, 1949.
15. Kuchma V. V. Development of the political system of Germany and Japan during the new era. Volgograd, 2000.
16. Ludtke A. History of everyday life in Germany: New Approaches to the Study of Labor, War and power. Moscow, 2010.
17. Makarenko P. V. The latest Russian research the history of German labor movement. Proceedings of International. scientific. conf. “Germany and Russia: experience and lessons relations in XIX–XX centuries.” 13–14 October 1999 Voronezh, 2000, No 3. Pp. 144–148.
18. Nussbaum H. Large landowners and the bourgeoisie, the peasantry and the working class: conflicts and problems in the Kaiser’s empire Union. In the book.: Large landowners and the industrial bourgeoisie of Russia and Germany in the late XIX–early XX centuries. Moscow, 1988. Pp. 100–128.
19. Social issues in Germany. Mir Bozhy 1902, No 1. Pp. 45–47.
20. Osipov I. Suffrage in the German Empire and its individual states. Vestnik Evropy 1905, No 6. Pp. 567–600.
21. Ostrikov P. I. State regulation of economic and social relations in Germany in the last third of the XIX–early XX centuries. West–Russia–Caucasus: Interuniversity scientific and theoretical almanac. Stavropol, 2002, No 1. Pp. 86–93.
22. Germany Industrial Vocational census. Vestnik Evropy 1899, No 12. Pp. 792–818.
23. Sadovaya G. M. Kaiser Wilhelm II: “personal mode of government” or “polycracy.” Vestnik SamSU, 2010, No 5 (79). Pp. 102–106.
24. Bread question in the German Reichstag. Speech of Emperor Wilhelm. Mir Bozhy 1903, No 1. Pp. 44–48.
25. Tsfasman A. B. Bourgeois parties and the labor movement in Germany (1900–1914). Chelyabinsk, 1975.
26. Shpakova R. P. Socialism: A View from Germany in the early XX century. SOCIS 1994, No 5. Pp. 111–119.
27. Hintze O. Sociology and history. Collected Essays on sociology, politics and theory of history. Gottingen, 1964.
28. Laband P. The constitutional law of the German Empire. Freiburg and Leipzig, 1895.
29. Mann G. German history of the 19th and 20th centuries. Frankfurt am Main, 1977.
30. Raico R. The Party of Freedom: Studies in the History of German liberalism. Stuttgart, 1999.
31. Retallack J. Authoritarian state and political mass market. In: The German Empire in controversy. Edited by Sven Oliver Muller and Cornelius Torp. Gottingen, 2009. Pp. 121–135.
32. Saatslexikon. Volume V. 1896.
33. Wehler H.-U. The German Empire. From 1871 to 1918. Gottingen, 1973.
34. Winkler J. The social basis of the socialist party in Germany from the end of the Empire to the middle of the Weimar Republic from 1912 to 1924. Archive for Social History, 1989, No 29. Pp. 137–171.
35. Witt P.-Ch. The Prussian district administrator as a tax official from 1891 to 1918. Comments on the political and social role of the German civil service. In: Germany in world politics of the 19th and 20th centuries. Dusseldorf, 1974. Pp. 205–219.

УДК 94 (718)

UDC 94(718)

Е.М. МАТВЕЕВА

научный сотрудник, Военно-исторический музей
E-mail: jennybich@mail.ru

E.M. MATBEEVA

Researcher, Military historical museum
E-mail: jennybich@mail.ru

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ США В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ОБОЗРЕВАТЕЛЕЙ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКИ)**

**PERIODICALS OF THE USA IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN OBSERVERS AT THE TURN
OF XIX–XX CENTURIES (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE PRE-REVOLUTIONARY PERIODIKI)**

Важным аспектом международных отношений является вопрос о впечатлении, которое государство производит на другие страны. Россия и США – две великие державы современности. Их обоюдный интерес обусловлен многосторонними взаимоотношениями на международной арене. Основные аспекты внутренней и внешней политики каждого из этих государств во многом находили свое отражение во взаимных представлениях русских и американцев. Данная проблема освещалась периодической печатью США начала XX века. Обозреватели из России в своих очерках особое внимание уделяют этому вопросу. В статье рассматриваются вопросы восприятия русскими путешественниками периодической печати США, дается анализ различных категорий публицистики и журналистики «страны свободы» на рубеже веков.

Ключевые слова: американская периодическая печать, ежедневные, еженедельные газеты, ежемесячный журнал, редактор, беллетристика, публицистика, типография, журналистика.

An important aspect of international relations is the question of experience, which the State produces to other countries. Russia and the U.S. are the two great powers of today. Their mutual interest is due to multilateral relations in the international arena. Key aspects of the internal and external policies of each state largely are reflected in the mutual perceptions of Russians and Americans. This issue has been covered by the U.S. periodical press since early XX century. Observers of Russia in their essays pay particular attention to this issue. The article examines the perception of periodicals United States by Russian travelers, the analysis of different categories of journalism and journalism «land of freedom» at the turn of the century is given.

Keywords: American periodicals, daily, weekly newspapers, a monthly magazine, editor, fiction, journalism, printing, journalism.

Соединенные Штаты Америки и Россия – два великих государства. В истории их взаимоотношений можно выделить как периоды, характеризующиеся теплыми дружественными контактами, так и периоды охлаждения отношений в связи с разногласиями по тем или иным политическим вопросам. Рубеж XIX–XX вв. играет особую роль в истории российско-американских связей. Так как именно последние десятилетия XIX в. стали для США временем бурного промышленного роста, общую динамику которого не остановили даже несколько кризисов перепроизводства [3, 159]. Именно в этот период времени формируются представления об американцах и об Америке, идет процесс создания национальных стереотипов. Происходящие изменения в политической, экономической и социальной жизни США конца XIX–начала XX века нашли свое отражение на страницах печатных органов Соединенных Штатов Америки того времени. Следует отметить, что американская периодическая печать привлекала внимание русской общественности.

Печатное дело являлось одной из крупных отраслей американской промышленности. По данным статистики 22312 учреждений были задействованы в

печатном и издательском делопроизводстве. Общий денежный оборот в этом бизнесе составлял 292517072 доллара [9, 470]. К началу XX в. в Соединенных Штатах Америки насчитывалось 22272 периодических издания [9, 470]. Существовало несколько категорий печатных изданий в зависимости от частоты их выпуска: ежедневные, выходящие 3 раза в неделю, 2 раза в неделю, еженедельные, ежемесячные, выходящие 4 раза в год и другие. Поразительным является тот факт, что за последнее десятилетие XIX века количество выпускаемой ежедневной периодики увеличилось на 130 %. Если в 1890г. ежедневные газеты составляли всего 8,6 % от общего числа изданий, то к 1900г. достигли уже 12,2 % [9, 470]. Подобный рост печатной продукции стоит объяснить ускоренным темпом развития США, при котором увеличивается потребность в новой информации.

В конце XIX века периодическая печать США претерпевает существенные изменения. Несмотря на тенденцию к конкретизации, происходит уменьшение количества выпуска узкоспециализированных изданий. Общие периодические издания, наоборот, увеличивают свой тираж. Постепенно преобладающим типом американской периодики становится еженедельная газе-

та. «Вестник финансов, промышленности и торговли» отмечает, что «каждая американская деревушка, с населением в 300–400 душ, уже непременно имеет свою небольшую ручную типографию, в которой издается еженедельная местная газетка, содержащая местные новости, понемногу играющая в местную политику и посвящающая много места земледельческим новостям» [9,471]. Однако, стоит отметить, что в некоторых регионах США данный тип периодики уже не удовлетворял потребностей местного населения. Издательства подобного класса были вынуждены увеличивать количество выпусков собственной продукции, чтобы удержать своих подписчиков.

Еженедельные газеты и журналы в середине XIX в. являлись самым распространенным типом периодических изданий в Америке, но к концу века этот класс печати развивался гораздо медленнее других. Для сравнения в 1850 г. годовые экземпляры еженедельных изданий составляли 57,3 % от общего числа, а в 1900 г. – всего 34,9 % [9,472], постепенно уступая свои позиции ежемесячным журналам. В этот класс входят различные группы периодических изданий: провинциальные газеты, специальные технические, ремесленные, научные, медицинские, теологические органы печати. «Вестник финансов» отмечал, что «всякий знакомый с жизнью мелких поселков и ферм в Америке, отлично знает, что за исключением безграмотных негров, трудно найти американский дом, где бы не было, по крайней мере, трех-четырёх еженедельных изданий, и столько же ежемесячных, ибо издания ежемесячные в последние 10 лет сделали удивительный прогресс и поравнялись с еженедельными изданиями» [9,472]. Поразительный успех данной категории американской периодики объясняется не только ростом образования среди населения, но и снижением цены на продукцию печати, что стало немаловажным фактором, увеличивающим популярность прессы. В то время как в середине XIX века цена газет составляла 5–6 центов за номер, то в начале нового столетия плата за ежедневные газеты установилась на уровне трех центов за аристократические и двух центов за демократические издания [9,472].

Характерной чертой американской прессы в содержательном плане было упрощение информационного поля, так как редакторы журналов и газет стремились удовлетворить злободневные потребности читателей. Печать становится легкой и иллюстрированной. Составляющей частью американской периодики была беллетристика – небольшие рассказы; и публицистика – краткие иллюстрированные статьи на «злобу дня». «Вестник Европы» отмечал высокую историческую информативность данных публицистических жанров, так как они включали в себя описание важных сторон американской жизни начала XX века. Кроме того, по словам русских обозревателей, некоторые беллетристские рассказы служили «превосходным образчиком того нового настроения, которое начало все шире и шире охватывать американское общество и американскую литературу» [9,472]. Наиболее известными представителями подобного литературного жанра в Америке конца XIX

века были писатели – беллетристы Буртон Харрисон, Октав Танэ, Джордж Хиббард, Ричард Хардинг Дэвис, Роберт Грант. Отличительными особенностями их рассказов, как правило, был небольшой объем, простота изложения. «Вестник Европы» отмечал, что произведения этих авторов «дают яркую картину светской жизни Нью-Йорка, каждый отдельный рассказ имеет помимо общего смысла отдельную мысль в основании, нередко очень серьезную и очень дельно и умело очерченную» [9,539]. Более критичные оценки тематической составляющей американских газет давал известный немецкий писатель-романист Вильгельм Поленц. Он отмечал меркантильность редакторов прессы, сообщая: «Меркантильным целям персы соответствует и внутреннее содержание ежедневных газет. Передовых статей в них совершенно не имеется; они преподносят соус из политики, местной хроники, светских скандалов, интервью деловых известий» [10,97–98].

Важной атрибутикой американской печати начала XX века были иллюстрации, составляя ее неотъемлемую принадлежность и являясь важным фактором распространения периодики США. «Вестник Европы» указывал на то, что «немало таких читателей, которые, только благодаря картинкам и покупают журнал, и, заинтересовавшись рисунками, прочтут ту или иную статью» [12,527]. Иллюстрированный материал изменялся в техническом отношении, становясь более совершенным. Были введены качественно новые технологии и способы иллюстрирования, например, гравирование на дереве. Среди портретистов особенной популярностью пользовался русский художник Валериан Грибоедов; среди иллюстраторов-жанристов – Рейнгардт, Кастэн, Чэпин, Гибсон [12,527]. Наиболее известными периодическими изданиями Америки начала XX века, выпускаемыми достаточным количеством тиража, были: «American News C», «Harper's Monthly», «Century». Последний являлся, по свидетельству русских обозревателей, самым распространенным литературно-научным ежемесячным журналом. «Вестник Европы» отмечал, что «его циркуляция давно достигла и перешагнула полумиллионную цифру» [12,530]. Объем «Century» 10 печатных листов в месяц, авторский гонорар и плата иллюстраторам-художникам составляла около 10 тысяч долларов за номер. В течение 1894 года, на страницах журнала было помещено 394 отдельные статьи, из которых беллетристического содержания было около 175, помимо прочего редакцией были просмотрены свыше 9000 рукописей [12,530]. Первым произведением, выдвинувшим «Century» на ведущие позиции, был «Великий Юг» – большая серия статей, рассказывающая о положении юга, написанная Кингом и иллюстрированная Чаманэем. Затем успех имели «История войны», «Жизнь Линкольна», «Жизнь Петра Великого» – благодаря им журнал увеличил свои тираж на сто тысяч экземпляров [12,531].

На достаточно обширной территории Соединенных Штатов Америки культурное развитие распределялось неравномерным образом. Это наложило определенный отпечаток на распространение периодической печати

Америки. В газетном и журнальном деле США отмечалась естественная концентрация в крупных центрах, при отсутствии литературной монополии. Отдел политики и новостей не был централизованным; за исключением мелких районов, преобладающее значение имели органы местной печати. Большинство штатов издавали достаточное количество подобной печатной продукции: в Род-Айленде – 33, Нью-Йорке – 79, Иллинойсе – 82, Пенсильвании – 164 [12,474].

В связи с этим представляется достаточно сложным определить размеры материального вознаграждения американских журналистов различных категорий. Так, в Бостоне жалование главного редактора колебалось между 2500 и 6000 долларов [4,575]. Уровень дохода газетных репортеров Бостона составлял от 10 до 35 долларов в неделю, а корректоры получали 5 долларов [4,576]. Жалования сотрудников средств массовой информации в Нью-Йорке отличались от уровня бостонских окладов. Как правило, они были несколько выше. В одной из статей «Исторического вестника» дается объяснение подобной разницы в оплате: « Это обуславливается отчасти большей дороговизной жизни в этой так называемой «метрополии Нового Света», отчасти тем обстоятельством, что в Нью-Йорке сосредотачивается цвет американской журнальной профессии. Имеется здесь несколько главных редакторов, получающих 50000 долларов в год (жалование президента Соединенных Штатов), между тем как многие из главных редакторов получают от 10 до 12 тысяч в год» [4,576].

Проводя анализ американской периодики начала XX в, стоит обратить внимание на формирование крупной отрасли подобной индустрии – сбор новостной информации. Редактор крупного периодического издания не имел возможности терпеливо ждать подходящих статей корреспондентов. Поэтому данный процесс включал в себя трудовую деятельность целого штата редакционных рабочих. Для сбора информации существовали агентства и товарищества. Одним из самых известных телеграфных обществ Америки начала XX в было агентство Associated Press, созданное как результат слияния нескольких конкурировавших обществ. Оно было основано на корпоративных началах. В конце XIX его штат включал в себя 700 ежедневных газет, из которых каждая отвечала за сбор информации в своем районе [9,476]. Ассоциация имела четыре главных отделения: восточное – в Нью-Йорке, центральное – в Чикаго, западное – в Сан-Франциско и южное – в Вашингтоне. Новости за пределами государства отслеживались специальными корреспондентами, существовала связь с агентствами Рейтера, Гаваса, Вольфа в Европе. Газеты « New-York Sun», « New-York Herald» имели собственные телеграфные агентства, и каждая из них продавала новости 30-40 провинциальным газетам.

В американской ежедневной печати рубежа XIX–XX вв. корреспонденция играла весьма важную роль. Основной функцией новостной газеты США была возможность для читателей дать полную и всестороннюю картину повседневной жизни, воспроизвести ход текущих событий. Информационное поле газетной перио-

дики отличалось разнообразием. Как заметил русский обозреватель в Америке Е.Н. Матросов, новостная газета освещала различные по своей природе и масштабности события «от уличного скандала и драки в питейном доме» до описания «конгресса мира и последних новостей в области политики [4,581]. По словам русского обозревателя, « американская журналистика развилась и выросла в качестве искусства угождать массам до самых крайних пределов, поставлять пищу для их предрасудков и предубеждений, вкусов и всяческой их блажи, порождаемой их самодовольным невежеством и диким самомнением» [4,596]. Данной точки зрения придерживался Вильгельм Поленц. Он в своем очерке «Страна будущего» писал: Чем большим ядом и злобой дышит перо журналиста, тем более поднимаются его шансы, ибо в Америке сплошь да рядом практикуется подкуп неприятных и неудобных газет» [10,94]. Естественно, данное обстоятельство негативным образом сказывается на содержании статей и материалов для печати. Писатель или литературный деятель должен был обладать высокой долей конформности, подстраиваясь под принципы, мысли и чувства других людей. Недаром, «Вестник Европы» называл американскую журналистику начала XX века «интеллектуальной проституцией» [4,600].

Касательно реализации американской периодики только часть журналов расходилось по годичной подписке; большинство, в некоторых случаях достигающее $\frac{3}{4}$ от общего числа, имелось в свободной продаже. В «Вестнике Европы» отмечалось, что «в Америке нет ни одного самого незначительного местечка, ни одной железнодорожной или почтовой станции, где бы нельзя было купить любого номера любого журнала. «American New's C», особая акционерная компания, охватывающая весь Союз, имела своих агентов на всяком железнодорожном поезде, на всяком пароходе, во всякой значительной гостинице и во всяких книжных магазинах и газетных будках страны» [12,543].

Анализируя путевые заметки и социологические очерки русских обозревателей в Соединенных Штатах, отражающие состояние периодической печати и журналистики начала XX века, можно подытожить, что американская пресса развивается достаточно быстрыми темпами. Каждое из изданий стремится привлечь публику любыми возможными способами: удешевлением изданий, красивыми иллюстрациями, беллетристическими рассказами и прочим. Однако, зачастую качество периодической продукции, было на достаточно среднем уровне из-за стремления журналистов удовлетворить потребности массового читателя. Недаром Матросов в «Историческом вестнике» отмечал, что репортер в Америке вынужден «отречься от своей личности, вечно поддакивать самодовольному и хамски напыщенному невежеству, вечно подделываться под вкусы, чувства и понятия уличной толпы» [4,601]. Однако журналистика как искусство продолжало свое развитие, об этом говорят данные статистики того времени о популярности ежедневных газет и ежемесячных американских журналов. Таким образом, печать США начала XX века находит своего читателя.

Библиографический список

1. Б-ич Л.А. Общественные библиотеки в Соединенных Штатах // Русская мысль. 1901. №10. С.19–40.
2. Бумажная промышленность и печатное дело в Северо-Американских Соединенных Штатах// Вестник финансов, промышленности и торговли. 1912. №49. С. 417–418.
3. Бурин С.Н. Американские впечатления Владимира Короленко // Размышления об Америке. М.: Институт Всеобщей истории, 2001 г.
4. Матросов Е.Н. Общественное положение и материальное вознаграждение американских журналистов // Исторический вестник. 1907. №5. С. 569–601.
5. Матросов Е.Н. История и современное состояние литературной цензуры в Соединенных Штатах Северной Америки // Исторический вестник. 1908. №9. С. 1024–1066.
6. Мачтет Г. По белу свету. (Очерки американской жизни). М., 1889. 366 с.
7. Мюнстерберг Г. Американцы. Том I. М., 1906. 423с.
8. Мюнстерберг Г. Американцы. Том II. М., 1906. 288с.
9. Периодическая печать в Америке// Вестник финансов, промышленности и торговли. 1904. №11. С. 470–477.
10. Поленц В. Страна будущего. СПб, 1904. 188с.
11. Попов П.И. В Америке. Очерки американской жизни по личным наблюдениям автора, прожившего в Америке безвыездно 23 года (1872–1895). 1906. 323с.
12. Современная беллетристика в американской периодической печати // Вестник Европы. 1895. №8. С. 517–543.
13. Тверской П.И. Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов. СПб, 1895. 471 с.
14. Хольцов Л. С. Современная Америка. Американский ежегодник. Историко-географический, политический и экономико-статистический очерк Северо-Американских Соединенных Штатов. Год I. Нью-Йорк, 1907. 775 с.
15. Иванян Э.А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. Белый дом и пресса. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
16. Из истории русско-американских связей в начале XX века// Американский ежегодник. М.: Наука, 2004. С.293–298.
17. История США. Т.2. 1877–1918. М.: Наука, 1985. 590 с.
18. Макурин А.И. США и Россия: формирование взаимных представлений в начале XX века: проблемы социального и экономического развития. 1904–1909 гг.: дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. н. СПб., 2001. 315 с.
19. Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. Россия глазами американцев 1850–1880-е годы. М.: МГУ, 1998. 303 с.
20. Российско-американские связи: 300 лет сотрудничества. СПб.: Академический проект, 2004. 464 с.
21. Сергеев Е.Ю. Образ США в представлениях россиян (начало XX века)// Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск 1. М.: ИРИАН, 2000. С. 235–245.

References

1. B-ich L.A. Public libraries in the United States // Russian thought. 1901. № 10. Pp.19–40.
2. Paper and printing business in the North American United States // Journal of Finance , Industry and Trade. 1912. № 49. Pp. 417–418.
3. Burin S.N. The American experience of Vladimir Korolenko//Reflections about America. M: Institute of General history, 2001.
4. Matrosov E.N. Social status and material remuneration of the American journalists//Historical journal. 1907. №5. Pp. 569-601.
5. Matrosov E.N. History and current status of literary censorship in the United States of North America// Historical journal. 1908. №9. Pp. 1024–1066.
6. Machtet G. Around the world. (Essays on American life). M, 1889. 366p.
7. Münsterberg G. Americans . Volume I. M. 1906. 423p.
8. Münsterberg G. Americans . Volume II. M. 1906. 288p.
9. Periodical press in America // Herald of Finance , Industry and Trade. 1904. № 11. p. 470–477.
10. Polenz V. The Country of the future. St. Petersburg, 1904. 188p.
11. Popov P.I. In America . Essays on American life by personal observations of the author , living in America continuously for 23 years (1872–1895). 1906 . 323 p.
12. Modern fiction in American periodicals // Herald of Europe. 1895. № 8. Pp.517–543.
13. Tverskoy P.I. Sketches of the North American United States. St. Petersburg, 1895. 471p.
14. Holtzov L.S. Modern America. American Yearbook. Historical-geographical, political and economic- statistical description of the North American United States. Year I. New York, 1907. 775p.
15. Ivanyan E.A. From George Washington to George W. Bush. The White House and the press. M. Politizdat, 1991. 368p.
16. From the history of Russian-American relations in the early XX century // American Yearbook. Moscow: Nauka, 2004. Pp. 293–298.
17. History of the USA. V.2 . 1877–1918. Moscow: Nauka, 1985. 590p.
18. Makurin A.I. The USA and Russia : the formation of beliefs at the beginning of the XX century : the problem of social and economic development. 1904 -1909. dissertation for the degree of candidate of historical sciences . - St. Petersburg. 2001. 315p.
19. Pavlovskay A.V. Russia and America . Communication problems. Russia through the eyes of Americans 1850–1880. Moscow: MGU, 1998. 303p .
20. Russian-American relations : 300 years of cooperation . St. Petersburg : Academic Project, 2004. 464p .
21. Sergeev E.Y. The image of the USA in the views of Russians (the beginning of XX century) // Russia and the world through the eyes of each other : the history of mutual perception . Issue 1. M.: IRIRAN, 2000. Pp..235–245 .

УДК 930(47).084-282.5

UDC 930(47).084-282.5

А.Ю. САВОСИЧЕВ

кандидат исторических наук, доцент, кафедра религиоведения и теологии, Орловский государственный университет
E-mail: sawositchev@mail.ru

A.YU. SAVOSICHEV

Candidate of History, Associate Professor, Department of Religious Studies and Theology, Orel State University
E-mail: sawositchev@mail.ru

ПОДЪЯЧИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

THE CLERKS OF IVAN THE TERRIBLE: THE ORIGIN AND SOCIAL RELATIONS

Автором проанализированы проблемы происхождения и брачно-семейных связей подьячих. Рассмотрен вопрос о наследовании социального статуса в среде подьячих, для чего были исследованы биографии сыновей подьячих. Автор пришел к выводу, что подьячие происходили из дворян и из демократических слоёв населения: дворцовых слуг, духовенства, представителей торгово-ремесленных кругов города. Часть подьячих происходила из служилой бюрократии.

Ключевые слова: подьячие, социальное происхождение, семейные связи, служилая бюрократия, просопографический метод исследования.

The author analyzes the problems of origin and marriage and family relations of clerks. The question of inheritance of social status among the clerks, which were researched biography of the sons of clerks has been considered. The author came to the conclusion that the clerks came from the nobility and of the democratic sections of the population: the Palace servants, clergy, representatives of the trade community. A part of the clerks came from a bureaucracy

Keywords: clerks, social origin, family ties, bureaucracy, prosopographical method of research.

В отечественной историографии проблема истории подьячих XVI в. как социальной корпорации не была до сего дня объектом специального исследования. Подьячие, образно говоря, оказались в тени своих канцелярских начальников – дьяков. В частности, касаясь вопроса о социальном происхождении служилой бюрократии, наши авторы, прямо или косвенно, исходят из тезиса о единстве происхождения дьяков и подьячих [1, с. 30, 51–52]. Главным аргументом служит указание на обязательность службы в подьячих для пожалования в дьяческий чин [2, с. 366, 367]. Полагаем, что данная точка зрения нуждается в более серьезной аргументации, а за отсутствием таковой – в определённой критической переоценке.

Наиболее адекватное представление о подьячих Ивана Грозного можно составить, на наш взгляд, используя метод просопографического исследования. Учитывая узкие рамки статьи сосредоточимся только на трёх элементах обобщённого социального портрета подьячих: их социальном происхождении, брачно-семейных связях и службе их сыновей.

Нами обобщены данные о 560 подьячих. 447 из них учтены С.Б. Веселовским [3]. Из оставшихся 113 подьячих 23 персонажа можно найти в приложении к монографии М.М. Крома [4, с. 823–825, 829, 830, 833–834, 838, 840, 841, 845–848, 851, 853]. Биографические данные о 90 подьячих анализируются нами фактически впервые.

Насколько полно реконструирован нами список подьячих? По данным Н.Ф. Демидовой, в 1626–1698 гг.

на одного дьяка в столичных приказах приходилось в среднем по 10–14 подьячих во второй четверти XVII в. и до 29 подьячих в конце столетия. Из тех же данных видно, что численность столичной служилой бюрократии на протяжении трех четвертей века демонстрирует тенденцию к росту. При этом рост численности подьячих происходит опережающими темпами [5, с. 23].

Что можно сказать об аналогичных процессах в эпоху Ивана Грозного? Применительно к 1533–1584 гг. нами учтено 338 дьяков царя и великого князя [6, с. 8]. В 1547 г. в столице и вне её служило 55 дьяков. Подьячих применительно к 1546/47 г. известно 8. На 1556/57 г. приходится служба 40 дьяков и 6 подьячих; 1558/59 г. – 42 дьяка и 11 подьячих; 1565/66 г. – 47 и 14; 1571/72 г. – 44 и 23; 1578/79 г. – 42 и 15.

Группировка подьячих исследуемого периода по десятилетиям даёт следующий результат. В 1533–1540 гг. в государственном аппарате служил 51 великокняжеский подьячий; в 1541–1550 гг. – 96. Далее численность подьячих царя и великого князя меняется следующим образом: 1551–1560 гг. – 79, 1561–1570 гг. – 141; 1571–1580 гг. – 145; 1581–1584 – 55. Получается, что если судить по сохранившимся источникам, численность подьячих в эпоху Ивана IV была, скорее стабильной, чем демонстрировала какую-то существенную тенденцию к росту. В то же время, учитывая тот факт, что во второй четверти XVII в. государственный аппарат был более разветвлённым, чем в 1533–1584 гг., следует взять для изучаемой нами эпохи минимальное соотношение между численностью дьяков и подьячих: 1 к 10.

Таким образом, при царе Иване должно было служить не менее 3880 подьячих. Мы выявили только 580, или ок. 15 %.

Возможно ли строить исследование на основании столь небольшой выборки? Возможно, ибо адекватность выводов зависит не от величины выборки, а от её объективности. По крайней мере, один из признаков объективности выборки у нас есть – её случайность. Исследователь работает с документами, представляющими собой выборку, сделанную временем, которое уничтожало исторические источники без разбора, не отдавая предпочтения какому-либо одному их виду.

Всего социальное происхождение определимо у 133 подьячих Ивана Грозного из 560. 23,75% – вполне репрезентативная выборка. Тщательно проанализировав биографические сведения о подьячих Ивана Грозного, мы пришли к выводу, что 83 (14,8%) из них были выходцами из дворян. 21 (3,75%) человек классифицирован нами как потомственный приказной деятель. Как выходцы из «демократических слоёв населения» могут быть охарактеризованы 29 (5,2%) подьячих. В последней группе 11 происходят из дворцовых слуг; 6 – из духовной среды; 6 – из своеземцев и мелких вотчинников, 3 – из посадских и торговых людей. Семен Панкратьевич Алферьев до своего перехода в подьячие служил в Туле в губных дьяках [7, № 288]. Три случая неясных.

Среди 83 подьячих, вышедших из дворян, только трое принадлежат к семьям, связанным со службой в составе Государева Двора (3 из 83 – 3,6%). При вел. кн. Василии Ивановиче аналогичный показатель составлял 6,7% [8, с. 387].

В эпоху Василия III нами было выявлено среди подьячих выходцев из дворян 14,6%, потомственных приказных 4,9%, выходцев из недворянской среды 9,7% [8, с. 387]. Среди дьяков Ивана Грозного аналогичные показатели составляют 36,4; 8,6 и 5,6% соответственно [6, с. 226]. Мы видим, что по своему социальному происхождению подьячие двух разных исторических эпох сходны между собой и, одновременно, отличны от дьяков.

Если попытаться обобщить наши цифры, то можно увидеть, что среди подьячих мы наблюдаем те же тенденции, что и среди дьяков. Процент подьячих выходцев из дворянской и приказной среды в течение XVI в. остаётся неизменным, но численность подьячих при Иване Грозном выросла более чем в пять раз по сравнению с той, что была при Василии III. Рост этот произошел за счет лиц невыясненного социального происхождения, то есть, скорее всего, происходивших из непривилегированных сословий. Дворянство шло на службу в подьячие, по-прежнему, неохотно. Приказная работа была привлекательной почти исключительно для выходцев из служилого города. Для членов Государева Двора эпоха Ивана Грозного открыла иные пути для карьеры.

Из 560 подьячих 485 (86,6 %) так и остались подьячими. Но 75 дослужились до дьяческого чина (69 дьяков царя и великого князя, 4 дьяка в уделах, Постник

Юрьев – дьяк митрополита, Бакака Литвинов – новгородского архиепископа). Среди первых выходцев из дворянства 66 (от 485 13,6 %). Из 66 57 представители семей городских детей боярских (86,4 %). 8 случаев относим к категории неясных. Только применительно к Мичуре Сукову можно уверенно заключить, что он происходил из семьи дворовых детей боярских. Потомственных приказных, сыновей дьяков и подьячих 16 (от 485 3,3 %). Выходцев из «демократических слоёв населения» 21 (4,3%). Из 21 1 или 2 из мелких неслужилых вотчинников (от 21 4,8-9,5 %); 6 из духовенства (28,6 %); Мижуй Крюков из посадских (4,8%); С.П. Алферьев из приказной среды (4,8 %); 2 из своеземцев (9,5 %); 7 или 8 из дворцовых слуг (35,7-42,9 %).

Из 75 подьячих, ставших дьяками (в том числе в уделах, в канцеляриях митрополита и новгородского архиепископа), выходцев из дворян 17 (от 75 22,7 %). Иван Висковатого и Нечай Кульнев были из семей, связанных с Государевым двором (2 из 17 – 11,8%). Ещё 11 (64,7%) происходили из семей городских и удельных детей боярских. 4 случая относим к неясным. Потомственных приказных пятеро (от 75 6,7 %). Представителей «демократических слоёв населения» 8 (10,7 %). Из них двое из мелких неслужилых вотчинников (от 8 25 %), 4 из числа дворцовых слуг (50 %), Некрас Бронников из среды торговых людей (12,5 %). Социальный статус предков Н. Бернядинова уточнению не поддаётся.

Большой процент во второй группе выходцев из дворянской среды, их несколько более высокая «честность» показывают, что у сына боярского было больше возможностей сделать карьеру в приказной среде. Большой процент выходцев из среды дьяков и подьячих говорит о том, что наличие родственных связей в бюрократической среде также способствовало служебному росту. Похоже, что при пожаловании подьячих в дьяки принцип отчества учитывался так же, как и везде в служилой среде. В то же время, большая доля во второй группе выходцев из «разночинской» среды демонстрирует, что приказная деятельность продолжала оставаться сферой, где личные способности и заслуги создавали возможности для социального роста.

При анализе брачно-семейных связей нами было учтено 11 браков подьячих, их родителей, сестер и братьев. 7 (63,3 %) из них было заключено с дворянскими семьями. Представители четырех из них служили с городом, три относятся к числу «сомнительных». Нет достоверно выявленных дворянских семей, чьи представители служили в составе Государева двора. 5 браков из 11 (45,5 %) составились с фамилиями, где имелись связи в приказной среде. Один (9,1 %) союз был заключён с семьёй дворцовых слуг, три (27,3 %) – семьями невыясненного социального происхождения. О мотивах браков можно судить в четырех случаях. Два – это служебный интерес и два – поземельное соседство.

Какие выводы? Оговоримся, что выявить удалось только те брачно-семейные связи, которые характеризуют исходную социальную среду, породившую подьячих. Приведённые цифры подтверждают формулировавшийся ранее вывод о более демократическом

происхождении подьячих в сравнении с дьяками. В среде подьячих доля браков, заключённых в дворянской среде, меньше: 63,3 против 79,3 % у дьяков; браков с семьями «демократического» происхождения и теми, чей социальный статус не ясен, наоборот больше: соответственно 9,1 % против 3,4 % и 27,3 против 13,8 % в дьяческой среде [6, с. 282–283].

5 браков заключены подьячими (или их родственниками), которые дьячества так и не достигли. Здесь доля союзов с дворянскими семьями еще ниже: 2 из 5 (40 %). Представители обеих семей служили с городом. Процент браков с семьями неизвестного происхождения наоборот выше – 40 %. Единственный на всю исследуемую группу брак с недворянами приходится именно на семью «вечных» подьячих. Таким образом, вывод о более демократическом происхождении подьячих вырисовывается ещё более рельефно.

В подгруппе подьячих, ставших дьяками, браков с дворянскими семьями 5 из 6 (83,3 %). Из них представители двух фамилий служили с городом. Три семьи относим к категории сомнительных. Браков с фамилиями, имевшими связи в приказной среде, 4 из 6 (66,7 %). С семьями невыясненного социального происхождения заключен один брак (16,7 %). Похоже, что карьеру в приказной среде помогали строить два фактора. Во-первых, «отечество». Дьяками становились, прежде всего, те из подьячих, кто происходил из дворян. Во-вторых, вверх по иерархической лестнице двигались легче те, кто имел родственные связи в приказной среде.

В целом же в подьяческой среде, возможно, меньше обращали внимание на «породу» при заключении браков. Из четырех подьяческих семей дворянского происхождения только две породнились с дворянами же. Две других выбрали фамилии неясного происхождения. В то же время в группе дьяческих дворянских семей аналогичные показатели составляют 84,2 и 10,5 % соответственно. Фактор карьерный был для подьячих не менее, а, возможно, и более весом, чем для дьяков. С семьёй, имевшей связи в приказной среде, заключён только один брак (Матюшкин П.И.–Есипова Е.А.), но он составляет четверть всей анализируемой совокупности. В дьяческой среде такой показатель равен 21,1 % [6, с. 283–284].

Подьяческие семьи невыясненного происхождения роднились только с дворянскими семьями. Представители трёх из пяти семей (60 %) служили с городом. Два случая неясных. Из пяти дворянских семей три (60 %) имели параллельные родственные связи в приказной среде. Подьяческие семьи «демократического» происхождения в одном случае породнились с недворянской семьёй, в другом с семьёй, чей сословный статус не определён.

Естественно, что 11 браков на 560 подьячих – это не много. В то же время, согласно теории статистики даже малая выборка может стать основанием для выводов. 11 браков безусловно попали в наше поле зрения случайно. Сложно предположить, что все они уникальны. Скорее всего, мы имеем дело с типичными, часто встречающимися явлениями. Конечно, наши выводы

приблизительны, но даже неполное знание лучше полного незнания.

При анализе просопографических сведений о сыновьях подьячих выявлено 63 сына 44 отцов. 44 из 560 – 7,9%.

Иван Иванович Висковатого, сын Семена Головина (имя не установлено) и Яков Башмаков Никифоров известны лишь самим фактом своего существования. Ещё 15 подьяческих сыновей известны только как частные лица. 26 из 63 (41,3%) избрали дворянскую службу. Братья Свизевы и Иван Павлович Матюшкин служили в верхнем эшелоне Государева двора. Трое из 26 – 11,5%. 10 (38,5%) относились к рядовому составу Двора. Столько же служило с городом. Борис и Глеб Патрикеевы служили Вологодскому архиепископу. Служебный ранг Кирилла Клементьева определению не поддаётся. 15 из 63 (23,8%) избрали приказную службу. Братья Патрикеевы и братья Щелкаловы учтены дважды. 9 из 15 (60%) дослужились до дьячества. Для остальных шести (40%) чин подьячего стал пределом карьеры. 8 из 63 (12,7%) служили недворянскую службу.

Из 44 отцов 13 суть выходцы из дворянских семей. У них 18 сыновей. Об И.И. Висковатом и Я. Никифорове биографических сведений не найдено. Трое известны только как частные лица. 11 из 18 (61,1%) избрали дворянскую службу. 6 из 11 (54,5%) служили в составе Государева двора; трое (27,3%) – с городом. Борис и Глеб Патрикеевы служили вологодскому епископу. 6 из 18 (33,3%) избрали приказную службу (братья Патрикеевы и Щелкаловы учтены дважды). Все достигли дьячества.

Четверо из 44 отцов потомственные приказные. У них пятеро сыновей. Г.Г. Белого, С.Н. Дыдельный и Томило Юрьев известны только как частные лица. Братья Свизевы служили в составе Государева двора.

5 из 44 суть выходцы из «демократических слоёв населения». У них 9 сыновей. Братья Кречатниковы (2 из 9 – 22,2%) служили дворянскую службу с городом. Остальные несли недворянскую службу.

Происхождение 22 из 44 подьячих-отцов неизвестно. У них 31 сын. Применительно к девяти данным о службе нет. О сыне Семена Головина биографических сведений не найдено. 8 известны только как частные лица. Просопографические данные об А.К. Лобанове не позволяют однозначно ответить на вопрос, служил он или нет. 11 из 31 (35,5%) избрали дворянскую службу. 5 из 11 (45,5%) служили в составе Государева двора, еще пятеро – с городом. Не ясен служебный статус Дмитрия Кириллова. 9 из 31 (29%) избрали приказную службу. Василий Безбородов, Захар Панфилов и Постник Юрьев дослужились до дьячества. Остальные остались подьячими. Василий Михайлов служил недворянскую службу.

18 из 44 отцов-подьячих дослужились до дьячества. У них 28 сыновей. Об И.И. Висковатого и сыне Семена Головина биографических сведений не найдено. Пятеро известны только как частные лица. 17 из 28 (60,7%) служили дворянскую службу. В том числе 10

(от 17 58,8%) в составе Государева двора, а 7 (41,2%) – с городом. Четверо (братья Щелкаловы учтены дважды) избрали приказную службу (14,3%). Все, кроме Томилы Юрьева, стали дьяками. Братья Федотьевы служили недворянскую службу.

8 из 18 выходцы из дворян. У них 11 сыновей. Об И.И. Висковатого биографических сведений нет. Братья Царегородцевы известны только как частные лица. 8 (72,7%) избрали дворянскую службу. 6 служили в составе Государева двора; двое – с городом. Братья Щелкаловы учтены вторично как дьяки. 2 из 11 – 18,2%.

Г. Щенок, В. Белого и З.Г. Связев – потомственные приказные. У них трое сыновей. Г.Г. Белого известен только как частное лицо. Братья Связевы служили в составе Государева двора.

С. Головин, Кречатников и С. Федотьев – выходцы из «демократических» слоёв населения. 2 из 18 – 11,1%. У них четверо сыновей. Братья Кречатниковы служили дворянскую службу с городом. Братья Федотьевы были слугами конюшенного ведомства.

6 из 18 – суть лица не выясненного социального происхождения. У них 10 сыновей. О сыне Семена Головина биографических сведений не найдено. Сыновья Савлука Иванова известны только как частные лица. 5 из 10 избрали дворянскую службу. Трое (И.А. Иванов, С.А. Иванов и М.И. Поздеев) служили в составе Государева двора; Измаил и Логин Мелентьевы – с городом. Томило и Постник Юрьевы избрали приказную службу. Дьяком стал только Постник.

26 из 44 отцов-подьячих до дьячества не дослужились. У них 35 сыновей. Применительно к 10 данным о службе нет. Я. Никифоров известен только самим фактом своего существования. Остальные проходят по источникам только как частные лица. Биографические сведения об А.К. Лобанове не дают ответа на вопрос, служил сын подьячего или нет. 9 (25,7% от 35) служили дворянскую службу. Братья Старого служили в составе Государева двора, братья Патрикеевы – вологодскому епископу. Служебный ранг Д.К. Климентьева неясен. Остальные четверо служили с городом.

11 из 35 (31,4%) избрали приказную службу (Борис и Глеб Патрикеевы учтены дважды). 6 из 11 дослужились до дьячества. 6 служили недворянскую службу.

5 из 35 – выходцы из дворян. У них семеро сыновей. О службе Я. Никифорова и П. Злобина данных нет. Борис и Глеб Патрикеевы и Иван Ушаков избрали дворянскую службу. Никто из них в составе Государева Двора не служил. Те же Борис и Глеб Патрикеевы, их брат Исак и З.Г. Связев служили по приказной части. Все вышли в дьяки.

Дылдин Н.В. и Томило Юрьев – потомственные приказные. Сергей Дыдельный и Иван Томилов известны только как частные лица.

Г.И. Курапов, К. Тухинский и Ушак Тухинский вышли из «демократической» среды. У них пятеро сыновей. Все служили недворянскую службу.

Происхождение 16 неизвестно. У них 21 сын. 7 известны только как частные лица. 6 из 21 (28,6%) служили дворянскую службу. Богдан и Денис Старого входили

в состав Государева двора. Ф. Булгаков, Богдан Головин и Неупокрой Мякишев служили с городом. Служебный ранг Д.К. Климентьева неясен.

7 из 21 (33,3%) служили приказную службу. В. Безбородов и З. Панфилов достигли дьячества. В. Михайлов служил в писчихах.

Подводя итоги нашего анализа, сформулируем выводы. В эпоху Ивана Грозного, так же как и ранее, во второй половине XV – первой трети XVI вв., сыновья подьячих шли, прежде всего, на дворянскую службу. Ёе выбирали 41,3% всех персонажей, чьи биографии были нами рассмотрены. По отцовским стопам в приказы шли только 23,8% всех дьяческих сыновей.

Главным фактором, влиявшим на карьеру подьяческих сыновей, было «отчество». Влияние это проявлялось в двух формах. Во-первых, социальное происхождение подьяческих отцов, во-вторых, их служебные успехи. Не случайно, что сыновья подьячих, выходцев из дворян становились детьми боярскими в 61,1% всех рассмотренных биографий. Сыновья потомственных приказных (подьячих) – в 40%. Напротив, сыновья подьячих из «демократических слоёв населения» и тех подьячих, чьё происхождение неизвестно, оказывались на дворянской службе в 22,2% и 35,5% случаев соответственно. Если взять две наиболее репрезентативные группы (сыновья подьячих из дворян и сыновья подьячих неизвестного происхождения), то соотношение между ними составит 1,7 : 1.

Для тех подьяческих сыновей, чьи деды были детьми боярскими, выбор дворянской службы был естественным. Те подьяческие сыновья, чьи предки вышли из «третьего сословия», стремились на дворянскую службу, по всей видимости, ещё активнее. Дьяки и подьячие, безусловно, входили в состав служилого сословия, но лишь в силу занимаемой должности, лично, без права передачи статуса по наследству. Дворянская же служба вводила подьяческих сыновей в среду «служилых людей по отчеству». Этот статус уже передавался наследникам по факту их рождения. Другое дело, что по мере сословной консолидации дворянства государство всё менее приветствовало проникновение в среду детей боярских, тех, кто не принадлежал к их числу в силу социального происхождения.

Сыновья подьячих, выходцев из дворян становились подьячими и дьяками в 33,3% всех рассмотренных биографий. Сыновья подьячих, чьё происхождение неизвестно, оказывались на приказной службе в 29% случаев соответственно. Соотношение 1,1 : 1. На выбор подьяческими сыновьями канцелярской работы социальное происхождение либо не влияло совсем, либо влияло слабо.

Сыновья тех подьячих, которые в конечном итоге стали дьяками, отмечены на дворянской службе в 60,7% всех исследованных биографий. В среде сыновей «вечных» подьячих, так и не достигших дьячества, аналогичный процент составляет 25,7%. При этом в обеих группах преобладают сыновья тех подьячих, применительно к которым прослеживаются дворянские корни. В одном случае детьми боярскими стали 72,7% всех ис-

следованных персонажей, а в другом только 42,9%. Из числа подьяческих сыновей, чьи отцы имели неясное социальное происхождение, но дослужились до дьячества, дворянскую службу несли 50%. Если же отец подьячего, при аналогичном происхождении, дьячества не достиг, то доля детей боярских в такой группе составляет 28,6%. Ясно, что служба отца в дьяках давала сыну больший простор для карьеры в дворянской среде, чем служба в подьячих.

Применительно к приказной службе карьерный фактор «отечества» действовал иначе. Сыновья подьячих, ставших впоследствии дьяками, шли на канцелярскую работу в 14,3% всех рассмотренных биографий. В среде сыновей «вечных» подьячих аналогичный процент равен примерно 31,4%. Если дед подьяческого сына был сыном боярским, а отец из подьячих вышел в дьяки, то подьяческий сын выбирал приказную карьеру в 18,2% всех случаев. Если же отец так и остался подьячим, аналогичный процент существенно выше – 57,1%. Если предки подьяческого сына были «темного происхождения», а отец стал дьяком – 20%, остался подьячим – 33,3%.

Складывается устойчивое впечатление, что служба в подьячих, если она оказалась венцом карьеры, снижала возможности потомков подьячего стать сыном боярским и, таким образом, закрепиться в рядах служилого сословия. В этом случае сын подьячего предпочитал пойти по стопам отца. При этом опять же социальное происхождение, по всей видимости, давало дополнительные возможности.

Влияло ли «отечество» на динамику карьеры подьяческих сыновей? По всей видимости, да. В группе тех подьяческих сыновей, чьи предки были детьми боярскими, в состав Государева двора в итоге попали 54,5% всех персонажей, выбравших дворянскую службу. Если же взять тех, чье социальное происхождение неясно, то аналогичный процент составит 45,5%. Разница небольшая, но она есть. Сыновей потомственных приказных в нашей таблице всего двое, но оба они отмечены в составе Государева двора. Сыновей подьячих, вышедших из «демократических слоёв населения», тоже двое, и оба служили с городом.

Среди сыновей подьячих, дослужившихся до дьячества, в состав Государева двора были включены

58,8% из тех, кто избрал дворянскую службу. В среде сыновей «вечных» подьячих аналогичная доля составляет 22,2%.

Те же признаки мы наблюдаем и применительно к приказной службе. Все сыновья подьячих, выходцев из дворян, пошедшие по канцелярской стезе, достигли в конечном итоге дьячества. Из тех, чьи отцы были неизвестного происхождения, дьяками стала только треть.

Среди тех подьяческих сыновей, чьи отцы стали дьяками, вершины приказной карьеры достигли 75%. У сыновей «вечных» подьячих аналогичный показатель 54,5%.

Полагаем, что подьячие по своему происхождению были родственны, но не тождественны дьякам. Доля выходцев из детей боярских была среди подьячих приблизительно в 1,5-3 раза (в зависимости от эпохи) меньше, чем среди дьяков. Доля тех, кто происходил из «демократических» слоёв населения соответственно выше.

В историографии прочно утвердилось мнение, что дьяк, прежде чем быть пожалованным в чин, обязательно служил в подьячих. Факты прямого пожалования в дьяки расцениваются как исключение. Отсюда и твердая уверенность в единстве социального происхождения дьяков и подьячих. Профессиональные качества расцениваются как главный фактор карьерного роста в приказной среде. Мы постарались показать, что все эти тезисы нуждаются в корректировке. В исследуемый период не прослеживается существования характерной для XVII в. традиции обязательной для дьяков предварительной службы в подьячих. В дьяки попадало, по всей видимости, не более 2/10 от общего числа подьячих. По нашим наблюдениям, в первую очередь это были выходцы из дворян и потомственные приказные. Для выходца из демократических слоёв населения вероятность стать дьяком была примерно в 1,5-2,5 раза меньше. Мы постарались обосновать наше мнение о том, что на канцелярской работе, так же как и вообще на государственной службе, «отечество» было основополагающим критерием при подборе и расстановке кадров. Другим важным, но не единственным фактором, естественно, был уровень профессионализма. К этому качеству на приказной работе не могло не предъявляться высоких требований.

Библиографический список

1. Граля И. Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля России XVI века. М.: Радикс, 1994. 528 с.
2. Веселовский С.Б. Московское государство: XV – XVII вв. Из научного наследия. М.: «АИРО-XXI», 2008. 348 с.
3. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М.: Наука, 1975. 608 с.
4. Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.
5. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 232 с.
6. Савосичев А.Ю. «Новые верники» грозного царя. К вопросу о происхождении и социальных связях дьяков эпохи Ивана Грозного. Опыт просопографического исследования. Орел: ОГУ, 2014. 549 с.
7. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т.1. М.: «Археографический центр», 1997. 432 с.
8. Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, ОГУ. 2013. 449 с.
9. Елисеева И.И., Юзбашев М.М. Общая теория статистики. М.: Финансы и статистика, 2000. 480 с.

References

1. *Gralya I.* Ivan Mikhailov Viskovaty. Career statesman of Russia of the XVI century. M: Radix, 1994. 528 p.
 2. *Veselovsky S.B.* Muscovy: XV–XVII centuries Of scientific heritage. M: “AERO-XXI”, 2008. 348 p.
 3. *Veselovsky S.B.* Clerics and the clerks of the XV-XVII centuries M: Nauka, 1975. 608 p.
 4. *Chrome M.M.* “Udobstvami Kingdom”: political crisis in Russia 30-40-ies of the XVI century. M: New literary review, 2010. 888 p.
 5. *Demidova N.F.* Military bureaucracy in Russia XVII century and its role in formation of absolutism. M: Nauka, 1987. 232 p.
 6. *Savosichev A.* “New vernici” the terrible Tsar. To the question about the origin and social relations of Diacov epoch of Ivan the terrible. Experience prosopographical research. Orel, 2014. 549 p.
 7. Acts servitors landowners XV - beginning of the XVII century. Vol. 1. M: “Archaeological center, 1997. 432 p.
 8. *Savosichev A.* Clerics and the clerks of the XIV – the first third of the XVI centuries: the origin and social ties. Experience of prosopographical research. Orel, 2013. 449
 9. *Eliseeva I.I., Yuzbashev M.M.* General theory of statistics. M: Finance and statistics, 2000. 480 p.
-

УДК 94(420) «1901/1910» - 332

UDC 94(420) «1901/1910» - 332

А.А. ТЕНИЧЕНКО

аспирант, кафедра всеобщей истории, Орловский государственный университет
E-mail: zaratustra612@yandex.ru

A.A. TENICHENKO

Graduate student, Department of General History, Orel State University
E-mail: zaratustra612@yandex.ru

ДЕБАТЫ В БРИТАНСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ ПРИ ПРИНЯТИИ МОРСКОГО БЮДЖЕТА 1909-1910 ГГ.

THE DEBATE IN THE BRITISH PARLIAMENT IN ADOPTION OF THE NAVAL BUDGET 1909-1910

Статья посвящена проблемам одного из главных моментов англо-германского морского соперничества – «морской панике» 1909 г. В статье анализируются аспекты принятия британским парламентом морского бюджета 1909-1910 гг., а также позиции различных британских партий по этому вопросу.

Ключевые слова: гонка вооружений, морская паника, дредноут, морской бюджет, британское Адмиралтейство.

The article is dedicated to one of the most important moments of Anglo-German naval rivalry – the “naval panic” of 1909. The aspects of naval budget 1909-1910 approbation by the British parliament and positions of different British political parties on that matter are analyzed in the research paper.

Keywords: arms race, naval panic, Dreadnought, naval budget, British Admiralty.

В 2014 году исполняется сто лет с момента начала Первой мировой войны 1914-1918 гг. И по мере приближения этой печальной даты интерес к причинам той далекой войны возрастает как в нашей стране, так и за рубежом. Рассматривая причины Первой мировой войны, трудно обойти вниманием такой аспект международных отношений тех лет, как англо-германское военно-морское соперничество. Зародившись как локальный вопрос отношений между двумя странами, оно быстро превратилось в проблему общеевропейского характера.

Одним из центральных событий англо-германского морского соперничества стала мартовская паника 1909 года. Связано данное событие было с досрочной закладкой в Германии двух линкоров-дредноутов. Став известным, данный факт вызвал настоящую панику в британских правящих кругах и обществе. Своего апогея кризис достиг в марте 1909 года, когда начались дебаты в британском парламенте по морскому бюджету 1909-1910 финансового года. Англия и Германия оказались на пороге войны.

Слушания в британском парламенте по вопросам принятия морского бюджета начались в марте 1909 года. Правительство запросило 35 142 700 фунтов стерлингов, что было на 2 823 200 больше морского бюджета прошлого финансового года [1, 32]. На судостроение планировалось потратить 8 885 194 против 7 545 202 фунтов стерлингов прошлого года. На 1909/1910 гг. планировалось заложить 4 дредноута, 6 бронепалубных крейсеров и 20 эсминцев. Кроме того, правительство выговорило себе право, в случае необходимости, в течение 1909/1910 гг. сделать все приготовления для одновременной закладки 4 дредноутов, сверх тех, которые уже внесены в программу. В случае закладки

этих кораблей они должны быть готовы к марту 1912 г. [1, 32]. В ходе слушаний Первый Лорд Адмиралтейства Р. МакКенна заявил, что 4 германских дредноута программы 1908/1909 г. будут готовы не в феврале 1911 г., а к осени 1910 г. Кроме того, МакКенна заявил, что немцы готовят материалы и механизмы для еще 4 судов, принадлежащих к программе 1909/1910 г. Из этого морской министр делал вывод, что в 1911 г. у Германии будет не 9, а 13 дредноутов. При этом МакКенна сообщил депутатам, что Великобритания в марте 1911 года будет иметь 8 линкоров-дредноутов и 4 линейных крейсера. В июне 1911 г. будут готовы еще 2 дредноута [2, 18]. Доклад Первого Лорда Адмиралтейства произвел гнетущее впечатление на депутатов. Далее МакКенна заявил, что еще 2 дредноута будут заложены в ноябре 1909 г., с тем, чтобы поспеть к 1911 г. и тогда Великобритания будет иметь 12 линкоров-дредноутов и 4 линейных крейсера, всего 16 кораблей, против 13 немецких кораблей. В Германии планируется заложить в 1910–1911 гг. еще 4 дредноута и если их постройка будет ускорена [явный намек на досрочную закладку немецких кораблей в ноябре 1908 г.], то они могут быть готовы к апрелю 1912 г., тогда немцы будут иметь 17 дредноутов. Завершил свое выступление Первый Лорд Адмиралтейства следующими словами: «Мы не имеем права рисковать и, если захотим с уверенностью сохранить за собой первенство в численном обладании этими громадными броненосцами [дредноутами], то Адмиралтейство должно иметь право, в случае необходимости, заранее заказать орудия, станки, броню и прочие материалы для корпусов еще 4 больших броненосцев, и все это к марту месяцу 1912 г. должно будет оказаться выстроенным. Мы должны к весне 1912 г. иметь 20 готовых больших броненосцев против 17 германских,

но это будет возможно только в том случае, если парламент санкционирует за Адмиралтейством право на новый заказ в нынешнем году» [2, 19].

Далее в ходе дебатов слово взял один из лидеров консервативной оппозиции А. Бальфур. Он стал критиковать деятельность Адмиралтейства, которое, по его мнению, «прозевало» угрозу со стороны Германии [3, 42] (в итоге «козлом отпущения» будет сделан Первый Морской Лорд адмирал Д. Фишер, но это будет позже). В подтверждение своих слов Бальфур заявил, что в декабре 1910 г. у англичан будет 10 dreadnoughtов, а у немцев их будет 13; к 1-му апреля 1911 у немцев будет по-прежнему 13 dreadnoughtов, а у британцев – 12; к 1-му июля 1911 г. у немцев будет уже 17 dreadnoughtов, у англичан – 14 [3, 43]; если немцы не снизят темпы судостроения, то к 1-му апреля 1912 г. у них будет уже 21 dreadnought против 20 британских. Далее Бальфур заявил, что при определённых перегруппировках германского флота, возможно, что к 1-му апреля 1912 г. немцы будут иметь группу в 25 dreadnoughtов (!). На это заявление Бальфура МакКенна резонно возразил, что «такие предположения возможны лишь на бумаге, т.к. это свыше судостроительных способностей мастерских, заводов, верфей Германии» [3, 44]. Бальфур заявил, что закладка 2-х dreadnoughtов в июле и 2-х в ноябре 1909 г. явно недостаточна [3, 44-45].

Вслед за Бальфуром слово взял премьер-министр Г. Асквит. Он попросил Палату при сравнении английского и германского флотов сравнивать не только dreadnoughtы и линейные крейсера, но и корабли других типов [3, 45]. После пугающих цифр, озвученных Бальфуром, Асквит сообщил Палате, что он располагает данными, что к ноябрю 1911 г. англичане будут иметь 16 dreadnoughtов против 13 германских [3, 46]. Хотя эти цифры и выглядели не так устрашающе, как цифры, озвученные Бальфуром, но назвать их «значительным превосходством» не поворачивался язык. В ходе своих дальнейших выступлений Асквит и министр иностранных дел Э. Грей призвали парламент исходить из того, что немцы в 1912 г. будут иметь 17 dreadnoughtов, и принять программу правительства [4, 181]. Депутат Робертс заявил, что его корреспондент располагает информацией, что кайзер вошел в соглашение с фирмой Крупп, по которому она обязалась в течение одного года изготовить вооружение для 10 броненосцев и продолжать это до тех пор, пока германский флот не сравняется с английским [3, 47]. Консерватор А. Ли заявил, что Крупп, пользуясь покровительством кайзера, так расширил свое производство, что теперь его мощности превышают совокупные мощности Армстронга, Викакса, Ковентри и Вулвичского арсенала [3, 48]. Далее слово взял г. Диллон, представитель английской Морской лиги. Он заявил, что лига в целях сохранения и укрепления британского господства на морях требует к 1912 г. иметь 28 dreadnoughtов (!), ввиду чего в следующем году необходимо заложить 14 кораблей [3, 53]. Депутат Макферсон от лейбористов заявил, что его партия будет всячески мешать вотинованию кредитов. Позицию своей партии он подкрепил следующей фразой: «Английские рабочие

не имеют врагов среди немецких рабочих, их враги не немцы, а свои же капиталисты» [3, 54].

Итоговое голосование по морскому бюджету привело к удивительному решению: «В конце концов, было найдено удивительное и любопытное решение. Адмиралтейство требовало 6 кораблей, «экономисты» [противники увеличения строительства флота] предлагали 4, и в заключение мы сошлись на 8» [5, 37].

Как видно из всего вышесказанного, в британских правящих кругах не было единства взглядов, это ярко продемонстрировали дебаты в парламенте. С одной стороны, мы наблюдаем блок сторонников расширенной судостроительной программы, куда входили «либерал-империалисты» (премьер-министр Г. Асквит, министр иностранных дел Э. Грей, военный министр Р. Холден), консервативная оппозиция, лорды Адмиралтейства и представители британской Морской лиги (хотя последние выступали с совсем нереальными предложениями закладки 14 кораблей). Хотя, стоит отметить, что среди сторонников расширенной программы не было единства взглядов. С другой стороны находились противники расширенной судостроительной программы, куда входила часть либералов (У. Черчилль, Д. Ллойд-Джордж, Дж. Морли и Дж. Бернс) и лейбористы. Единства мотивов мы тут тоже не наблюдаем. Если Ллойд-Джордж и Черчилль не хотели ломать предвыборные обещания либералов в области социальной политики, то лейбористы отказывались голосовать за бюджет исходя из своих классовых взглядов. Однако перед лицом германской опасности (во многом мнимой – Ллойд-Джордж, говоря о событиях мартовской паники 1909 г. отмечал, что она отчасти была спровоцирована адмиралом Фишером, который опасался сокращения судостроительной программы) [6, 204], большинство британского парламента высказалось за расширенную судостроительную программу.

Принятая судостроительная программа была впечатляющей. МакКенна и Фишер перед началом дебатов даже не могли представить, что парламент согласится на строительство 8 dreadnoughtов. Получалось, что на каждый заложенный в Германии киль в Британии заложили два. Это выводило англо-германское морское соперничество на новый виток. Однако, кроме расширенной судостроительной программы было принято решение о передислокации некоторых частей британского флота. В 1909/1910 г. в состав Домашней эскадры (Home Fleet) предполагалось включить в полном составе Эскадру Канала, что доведет состав Домашней эскадры до 22 броненосцев [1, 37]. Чуть позже планировалось усилить Домашнюю эскадру силами Атлантического флота [1, 38]. Таким образом, правительство Великобритании показало, что оно будет поддерживать любыми способами господство на море британского флота и уступать Германии в темпах судостроения оно не собирается.

Библиографический список

1. Английские морские сметы на 1909–1910 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1909. №5.
2. Английские морские сметы на 1909–1910 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1909. №6.
3. Английские морские сметы на 1909–1910 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1909. №7.
4. Романова Е.В. Путь в койне: развитие англо-германского конфликта 1898–1914 гг. М. 2008.
5. Churchill W. The World Crisis. 1911–1918. New York. 1923–1929. Vol.1.
6. Padfield P. The Great Navy Race. Anglo-German Naval Rivalry. 1900–1914. New York.

References

1. The British naval estimates for the 1909–1910. Informal department // Marine collection. 1909. №5.
 2. The British naval estimates for the 1909–1910. Informal department // Marine collection. 1909. № 6.
 3. The British naval estimates for the 1909–1910. Informal department // Marine collection. 1909. № 7.
 4. Romanova E.V. Path in coine: the development of English-German conflict of 1898–1914. M., 2008.
 5. Churchill W. The World Crisis. 1911–1918. New York. 1923–1929. Vol.1.
 6. Padfield P. The Great Navy Race. Anglo-German Naval Rivalry. 1900–1914. New York.
-

УДК 338.242

UDC 338.242

А.А. БЕЛЬСКИЙ

кандидат экономических наук, доцент, кафедра прикладных экономических дисциплин, Орловский государственный университет
E-mail: belskiy@outlook.com

A.A. BELSKIY

Candidate of Economics, Associate professor, Department of applied economic disciplines, Orel State University
E-mail: belskiy@outlook.com

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЛИЗИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

INSTITUTIONAL FRAMEWORK OF LEASING ACTIVITY

В статье приводятся основные трактовки лизинга, дается сравнение лизинга с арендой и кредитом. Автор исследует комплекс экономических и правовых отношений, возникающих между лизингодателем, лизингополучателем и продавцом имущества на всех стадиях лизингового процесса.

Ключевые слова: лизинг, лизинговая деятельность, лизинговый процесс, договоры лизинга.

The article presents the basic interpretations of the leasing, provides a comparison of leasing with rental and credit. The author explores the complex of economic and legal relations arising between the lessor, the lessee and the seller of the property at all stages of the leasing process.

Keywords: lease, leasing activity, leasing process, leasing contract.

Термин «лизинг» происходит от английского глагола «to lease», что означает сдавать в аренду. Сама идея лизинга – одна из старейших в предпринимательской деятельности. Историки относят первое упоминание о подобных хозяйственных операциях к древнейшему государству Шумер [1, с. 8]. Раскрытие сущности лизинговой сделки восходит к временам Аристотеля (IV в. до н.э.). Именно ему принадлежат слова «богатство состоит в пользовании, а не в праве собственности», то есть, чтобы получить доход, хозяйственнику необязательно иметь в собственности какое-то имущество, достаточно лишь иметь право пользоваться им и в результате получать доход [7, с. 9].

Право внедрения аренды в современную деловую практику оспаривается двумя компаниями – английской «British Railway Wagons» и американской телефонной компанией «Bell», руководство которой в 1877 г. приняло решение сдавать свои телефонные аппараты в аренду. Тем не менее в современном представлении механизм лизинга сформировался в США. Его основателем считается Генри Шонфельд, который в 1952 г. учредил первую лизинговую компанию. На европейском континенте лизинговые отношения начинают развиваться в конце 50-х – начале 60-х годов предыдущего столетия. Предпосылкой для быстрого роста финансового лизинга в Северной Америке и Европе послужила научно-техническая революция 50-х годов. Перед предприятиями возникла необходимость обновления основных производственных фондов, а лизинговый механизм позволял это сделать на более выгодных условиях, чем приобретение оборудования через банковский кредит. Кроме того, активно развивался и рынок финансовых услуг, который предлагал новые формы кредитования, низкие процентные ставки, что в сочетании с благопри-

ятным налоговым режимом лизинговых сделок сделал их привлекательными для многих компаний.

В 70-е годы XX столетия лизинг приобретает популярность в странах Азии, Южной Америки и Африки, а в 80-е годы концепции финансовой аренды приняты практически во всем мире.

Начало современного развития лизинговых операций в России, по мнению В.Д. Газмана, можно отнести к 1988–1989 гг. в связи с внедрением арендных форм хозяйствования. В 1990 г. были созданы четыре лизинговые компании. К моменту выхода первого специального нормативно-правового акта по лизингу – Указ Президента РФ от 17 сентября 1994 г. №1929 «О развитии финансового лизинга в инвестиционной деятельности» – в стране действовало более десятка лизингодателей. Однако до принятия нормативного документа по лизингу некоторые компании старались оформлять эти договоры не как лизинговые, а в форме продажи имущества в рассрочку от 3 до 5 лет [2, с. 74–75].

По мнению С.Д. Шаталова, лизинг состоит из двух обычных синаллагматических договоров, в каждом из которых права одной стороны корреспондируются обязанностями другой. Так в договоре купли-продажи контрагентом продавца является покупатель, состоящий из лизингодателя и лизингополучателя. Между ними определенным образом распределяются права и обязанности покупателя. В свою очередь, в договоре аренды контрагентом лизингополучателя как арендатора является арендодатель, состоящий из продавца и лизингодателя. Между ними определенным образом распределяются права и обязанности арендодателя. Лизингодателю не нужно быть полноценным контрагентом ни в одном из договоров, ни лизингополучатель,

ни продавец изначально не воспринимают лизингодателя как своего контрагента. Часть функций покупателя выполняет лизингополучатель (одновременно с функциями арендатора), а часть функций арендодателя – первоначальный собственник вещи (одновременно с функциями продавца). Необходимо согласие каждого из трех участников иметь дело с двумя остальными [9, с. 3; 10, с. 1, 5-7].

По своей природе лизинг схож с арендными отношениями. Согласно ст. 606 ГК РФ, «по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование». Но между арендой и лизингом есть ряд отличий. Прежде всего это наличие продавца предмета лизингового соглашения, который отсутствует при арендных отношениях. В аренду могут быть переданы земельные участки и другие обособленные природные объекты, а при лизинге данные объекты не могут быть предметом договора. Лизингодатель обязан проинформировать продавца имущества о том, что оно приобретено специально для последующей передачи в лизинг. По договору аренды, арендодатель отвечает за недостатки сданного в аренду имущества, даже если во время заключения договора аренды он не знал об этих недостатках, в то время как лизингодатель не несет ответственности за выбор предмета лизинга и продавца имущества. Заметим, что лизингополучатель вправе предъявлять непосредственно продавцу имущества, являющегося предметом договора финансовой аренды, требования, вытекающие из договора купли-продажи, заключенного между продавцом и лизингодателем, в частности в отношении качества и комплектности имущества, сроков его поставки и в других случаях ненадлежащего исполнения договора продавцом.

Кроме того, лизинг имеет сходство с кредитом, предоставленным на покупку оборудования. Лизинг можно рассматривать как имущественные отношения на основе предоставления кредита лизинговой компанией лизингополучателю на условиях срочности, возвратности, платности. Однако это только одна из характеристик лизинга. Другая основная характеристика базируется на отношениях собственности. При лизинге собственность на имущество сохраняется за лизингодателем, а лизингополучатель приобретает его лишь во временное пользование, то есть право пользования имуществом отделяется от права владения им [5, с. 83]. Причем в договоре лизинга могут быть предусмотрены условия перехода права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю. Лизингодатель оказывает лизингополучателю финансовую услугу, приобретая имущество у производителя (продавца) за полную стоимость в собственность, а лизингополучатель возмещает эту стоимость периодическими взносами (платежами) с процентами за кредит [7, с. 11].

Сложная правовая природа лизинга связана с тем, что он объективно находится в пограничной области смежных, зачастую переплетающихся между собой в различных комбинациях отношений аренды, купли-

продажи, товарного кредитования, поручения и других хозяйственных связей. Специфика лизинговых отношений определяется правом собственности на предмет лизинга, закрепленного за лизингодателем, который является юридическим собственником имущества. В результате временного возмездного использования предмета лизинга лизингополучатель становится экономическим собственником арендуемого имущества и получает все выгоды, заложенные в данном активе. Право лизингодателя на распоряжение предметом лизинга включает право изъять предмет лизинга из владения и пользования у лизингополучателя в случаях и в порядке, которые предусмотрены законодательством РФ и договором лизинга. Заметим, что привлекательность лизинговых отношений дополняется наличием налоговых преференций, благодаря которым данный вид отношений приобретает преимущественное положение по отношению к арендным и кредитным отношениям.

В ходе реализации договора лизинга лизингодатель за счет собственных или привлеченных средств приобретает в собственность имущество, выбранное лизингополучателем у конкретного продавца. Продавец обязан передать предмет лизинга лизингодателю или лизингополучателю в соответствии с условиями договора купли-продажи. Лизингополучатель обязан принять предмет лизинга на определенных условиях во временное владение и в пользование в соответствии с условиями договора лизинга. Соглашением между лизингодателем и лизингополучателем может быть переход к лизингополучателю права собственности на предмет лизинга.

Главным образом лизинг принято подразделять на два основных вида: финансовый и оперативный.

Финансовый (капитальный) лизинг представляет собой операцию, при которой лизингодатель обязуется приобрести в собственность указанное лизингополучателем имущество с последующей его передачей во временное пользование в качестве предмета лизинга на срок, который соизмерим по продолжительности со сроком полной амортизации имущества. В течение срока лизингового соглашения лизингодатель возмещает стоимость приобретенного имущества, а также получает прибыль за счет лизинговых платежей. Этот вид не предусматривает сервисного обслуживания предмета лизинга лизингодателем и не допускает досрочного прекращения договора. В сущности, финансовый лизинг схож с кредитными отношениями.

При оперативном лизинге имущество передается лизингополучателю на меньший срок, чем срок его полной амортизации, лизинговые платежи по одному договору не покрывают всей стоимости имущества. Следовательно, лизингодатель передает имущество в лизинг неоднократно, как правило, разным пользователям. Лизингополучатель имеет право расторгнуть договор при условии заблаговременного уведомления об этом лизингодателя. В известной мере оперативный лизинг напоминает арендные отношения.

Лизинговая деятельность в России регламентируется Гражданским Кодексом РФ (далее – ГК РФ),

Федеральным законом от 29 октября 1998 г. №164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (далее – Закон о лизинге), а также Конвенцией УНИДРУА «О международном финансовом лизинге». Согласно ст. 665 ГК РФ, «по договору финансовой аренды (договору лизинга) арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение и пользование для предпринимательских целей». В соответствии со ст. 2 Закона о лизинге, под лизингом следует понимать «совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в связи с реализацией договора лизинга, в том числе приобретением предмета лизинга». Правовое содержание понятия лизинг определяет его как подвид арендных отношений (глава 34 ГК РФ), а лизинговую деятельность – как вид инвестиционной деятельности по приобретению имущества и передаче его в лизинг (ст. 2 Закона о лизинге).

В свою очередь, Конвенция УНИДРУА «О международном финансовом лизинге», к которой РФ присоединилась в 1998 г., регулирует сделки финансового лизинга, в которых одна сторона (арендодатель):

1. заключает по спецификации другой стороны (арендатора) договор (договор поставки) с третьей стороной (поставщиком), в соответствии с которым арендодатель приобретает комплектное оборудование, средства производства или иное оборудование (оборудование) на условиях, одобренных арендатором в той мере, в которой они затрагивают его интересы, и

2. заключает договор (договор лизинга) с арендатором, предоставляя ему право использовать оборудование взамен на выплату периодических платежей.

Сделка финансового лизинга – это сделка, включающая следующие характеристики:

- a. арендатор определяет оборудование и выбирает поставщика, не полагаясь в первую очередь на опыт и суждение арендодателя;

- b. оборудование приобретается арендодателем в связи с договором лизинга, который, и поставщик осведомлен об этом, заключен или должен быть заключен между арендодателем и арендатором; и

- c. периодические платежи, подлежащие выплате по договору лизинга, которые рассчитываются, в частности, с учетом амортизации всей или существенной части стоимости оборудования.

Статья 4 Закона о лизинге определяет, что субъектами лизинга являются:

1. лизингодатель – физическое или юридическое лицо, которое по договору лизинга за счет собственных или привлеченных средств приобретает в собственность имущество и предоставляет его в качестве предмета лизинга лизингополучателю за обусловленную плату, на определенный срок и на установленных условиях во временное владение и в пользование;

2. лизингополучатель – физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с договором лизинга обязано принять предмет лизинга за обусловленную плату, на определенный срок и на установленных усло-

виях во временное владение и в пользование;

3. продавец – физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с договором купли-продажи продает лизингодателю в обусловленный срок имущество, являющееся предметом лизинга.

Совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в ходе реализации договора лизинга, представляется длительным процессом, отличающимся сложной организацией и взаимоотношениями субъектов сделки.

Лизинговый процесс – от концептуальной идеи до практической реализации проекта – можно представить в виде цикла, состоящего из трех основных стадий: подготовительной (прединвестиционной), организационной (инвестиционной) и эксплуатационной [3, с. 103].

С практической точки зрения, лизинговый процесс осуществляется преимущественно лизинговой компанией, которая, в первую очередь, заинтересована в реализации договора лизинга и, соответственно, в получении прибыли.

Подготовительный этап является одним из наиболее существенных в лизинговом процессе, так как необходимо определить участников отношений, а также изучить все условия и особенности предстоящей сделки. Потенциальный лизингополучатель, осознав потребность в новом оборудовании и преимуществах лизинговой формы финансирования, определив необходимый предмет сделки, приступает к поиску потенциального поставщика лизинговых услуг – лизингодателя. Получив заявку на приобретение имущества, лизингодатель оценивает целесообразность собственного участия в сделке, проверяет платежеспособность лизингополучателя, рассчитывает и согласует общую сумму платежей по договору лизинга, осуществляет переговоры с косвенными участниками сделки. Таким образом, на подготовительном этапе должны определиться все участники лизинговой сделки и их взаимоотношения.

На инвестиционном этапе для выполнения своих обязательств по договору лизинга субъекты лизинга заключают обязательные и сопутствующие договоры.

Так ст. 15 Закона о лизинге установлено, что к обязательным договорам относится договор купли-продажи, а к сопутствующим договорам – договор о привлечении средств, договор залога, договор гарантии, договор поручительства и другие.

Существенным условием договора лизинга является его предмет, то есть договоренность между лизингодателем и лизингополучателем о том, какое имущество подлежит передаче в финансовую аренду.

Согласно ст. 3 Закона о лизинге, «предметом лизинга могут быть любые непотребляемые вещи, в том числе предприятия и другие имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и другое движимое и недвижимое имущество».

Предметом лизинга не могут быть земельные участки и другие природные объекты, а также имущество, которое федеральными законами запрещено для свободного обращения или для которого установлен особый порядок обращения.

Предметы лизинга, подлежащие государственной регистрации (транспортные средства, оборудование повышенной опасности и другие предметы лизинга), регистрируются по соглашению сторон на имя лизингодателя или лизингополучателя. По соглашению сторон лизингодатель вправе поручить лизингополучателю регистрацию предмета лизинга на имя лизингодателя. При этом в регистрационных документах обязательно указываются сведения о собственнике и владельце (пользователе) имущества, а в случае расторжения договора лизинга и изъятия лизингодателем предмета лизинга по заявлению последнего государственные органы обязаны аннулировать запись о владельце (пользователе) (ст. 20 Закона о лизинге).

Отметим, что лизингодатель должен уведомить продавца о том, что имущество предназначено для передачи в финансовую аренду. Если иное не предусмотрено договором лизинга, предмет лизинга передается продавцом непосредственно лизингополучателю в месте нахождения последнего. Продавец может одновременно выступать в качестве лизингополучателя в пределах одного лизингового правоотношения.

В свою очередь, на основании ст. 670 ГК РФ, лизингополучатель вправе предъявлять непосредственно продавцу имущества, являющегося предметом договора лизинга, требования, вытекающие из договора купли-продажи, заключенного между продавцом и лизингополучателем, в частности, в отношении качества и комплектности имущества, сроков его поставки и в других случаях ненадлежащего исполнения договора продавцом. При этом лизингополучатель имеет права и несет обязанности покупателя, кроме обязанности оплатить приобретенное имущество, как если бы он был стороной договора купли-продажи указанного имущества. Однако лизингополучатель не может расторгнуть договор купли-продажи с продавцом без согласия лизингодателя.

В договоре лизинга должны быть указаны данные, позволяющие идентифицировать имущество, подлежащее передаче лизингополучателю в качестве предмета лизинга, в противном случае, условие о предмете лизинга считается несогласованным сторонами, и договор лизинга – незаключенным.

Договор лизинга вступает в законную силу с момента передачи оборудования как объекта сделки по акту приема-передачи и действует в течение оговоренного срока.

Лизингодатель обязан предоставить лизингополучателю имущество, являющееся предметом лизинга, в состоянии, соответствующем условиям договора лизинга и назначению данного имущества, со всеми документами (техническим паспортом и другими), если

иное не предусмотрено договором.

Третий этап лизингового процесса – период использования предмета лизинга.

Лизингополучатель за свой счет осуществляет техническое обслуживание предмета лизинга и обеспечивает его сохранность, а также осуществляет капитальный и текущий ремонт предмета лизинга, если иное не предусмотрено договором лизинга.

Согласно ст. 22 Закона о лизинге, «ответственность за сохранность предмета лизинга от всех видов имущественного ущерба, а также за риски, связанные с его гибелью, утратой, порчей, хищением, преждевременной поломкой, ошибкой, допущенной при его монтаже или эксплуатации, и иные имущественные риски с момента фактической приемки предмета лизинга несет лизингополучатель, если иное не предусмотрено договором лизинга».

Как было показано выше, экономическая сущность лизинга объясняется характером имущественных отношений, возникающих между субъектами лизинговых отношений. Продуктом лизинговой сделки является услуга, оказываемая лизингодателем лизингополучателю, который в течение срока действия договора получает право владения и пользования имуществом за определенную плату (выплачивает лизинговые платежи).

Согласно п. 1 ст. 28 Закона о лизинге, «под лизинговыми платежами понимается общая сумма платежей по договору лизинга за весь срок действия договора лизинга, в которую входит возмещение затрат лизингодателя, связанных с приобретением и передачей предмета лизинга лизингополучателю, возмещение затрат, связанных с оказанием других предусмотренных договором лизинга услуг, а также доход лизингодателя. В общую сумму договора лизинга может включаться выкупная цена предмета лизинга, если договором лизинга предусмотрен переход права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю».

Лизинг представляет собой сложный комплекс экономических и правовых отношений, возникающих между лизингодателем, лизингополучателем и продавцом имущества. Для выполнения своих обязательств по договору лизинга субъекты лизинга заключают обязательные и сопутствующие соглашения. Обязательным договором является договор купли-продажи имущества. В зависимости от вида, сложности и условий сделки стороны заключают сопутствующие договоры: договор о привлечении денежных средств, страховой договор, договор залога, гарантии, поручительства и другие. Отношения по передаче имущества в финансовую аренду в РФ регламентируются общими нормами гражданского права, а также специальным законодательством.

Библиографический список

1. Адамов Н.А., Тилов А.А. Лизинг. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 160 с.
2. Газман В.Д. Лизинг: статистика развития. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 591 с.
3. Горемыкин В.А. Организационное и методическое обеспечение лизингового процесса // Финансовый менеджмент. 2003. №5. С. 103–123.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части I, II, III и IV. М.: Эксмо, 2014. 576 с.
5. Ковалев В.В. Учет, анализ и бюджетирование лизинговых операций: теория и практика. М.: Финансы и статистика, 2005. 512 с.
6. Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге (Заключена в Оттаве 28.05.1988) URL: <http://www.consultant.ru>.
7. Леценко М.И. Основы лизинга: Учеб.пособие. М.: Финансы и статистика, 2002. 336 с.
8. Федеральный закон от 29 октября 1998 г. №164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» URL: <http://www.consultant.ru>.
9. Шаталов С. Композитарная трактовка лизинга // эж-Юрист. 2005. №29. С. 3.
10. Шаталов С. Основные и организационные отношения в лизинге // Налоги. 2006. №48.

References

1. Adamov N.A., Tilov A.A. Leasing. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2006. 160 p.
 2. Gazman V.D. Leasing: development statistics. Moscow: HSE, 2008. 591 p.
 3. Goremykin V.A. Organizational and methodological support of the leasing process // Financial Management. 2003. №5. Pp. 103–123.
 4. Civil Code of the Russian Federation. Moscow: EKSMO, 2014. 576 p.
 5. Kovalev V.V. Accounting, analysis and budgeting of leasing operations: theory and practice. Moscow: Finance and statistics, 2005. 512 p.
 6. UNIDROIT Convention on International Financial Leasing (concluded in Ottawa 28.05.1988) URL: <http://www.consultant.ru>.
 7. Leshenko M.I. Basics of Leasing: Textbook. Moscow: Finance and statistics, 2002. 336 p.
 8. The Federal Law №164-FZ 29.10. 1998 “On the financial lease (leasing)” URL: <http://www.consultant.ru>.
 9. Shatalov S. Composite interpretation of leasing // ej-Lawyer. 2005. №29. P. 3.
 10. Shatalov S. Main and organizational relationships in leasing // Taxes. 2006. №48.
-

УДК 330.161

UDC 330.161

М.А. КОЛОСОВА

аспирант, кафедра теории и истории экономики,
Орловский государственный университет
E-mail: marykolosova@yandex.ru

M.A. KOLOSOVA

Graduate student, Department of theory and economy
history, Orel State University
E-mail: marykolosova@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ОППОРТУНИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НА РЫНКЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ БЛАГ

THE PROBLEM OF OPPORTUNISTIC BEHAVIOR IN THE MARKET OF DRUG GOODS

Данная статья посвящена изучению поведения субъектов рынка лекарственных благ. В первой части статьи рассмотрены различные подходы к пониманию термина “оппортунистическое поведение”. Изучены способы оппортунистического поведения субъектов рынка лекарственных благ. Приведены примеры оппортунистического поведения субъектов рынка лекарственных благ.

Ключевые слова: оппортунистическое поведение, рынок лекарственных благ, субъекты рынка лекарственных благ; уровень цен на лекарственные блага; фальсификация; регистрация лекарственных благ; торговая надбавка.

This article is devoted to studying of the behavior of same entrants of the market of drug goods. The different approaches of understanding the definition of “opportunistic behavior” is given in the first part of article. Some ways of the opportunistic behavior of entrants of the market of drug goods are identified. Some examples of the opportunistic behavior of entrants in the market of drug goods are considered.

Keywords: opportunistic behavior; market of drug goods; opportunism of the entrants of the market of drug goods; the level of prices for drug goods; falsification; registration of drug goods; trade margin.

Первые упоминания термина «оппортунизм» в контексте экономических исследований мы находим в работах К. Маркса, где он используется для отрицательной оценки соперничающих с марксистской партий фракций или течений. Применительно к политической борьбе оппортунизм рассматривался как противопоставление своих взглядов позиции большинства, утверждение необходимости согласия сторон, соглашения.

Т. Веблен в работе «Теория праздного класса» также прибегает к данной категории, говоря о том, что корни оппортунистического поведения лежат в хищническом темпераменте и хищническом образе мыслей, которые в области практического применения трансформируются в действия, приводящие как минимум к мошенничеству, а как максимум – к насильственным захватам.

Современное понимание проблемы оппортунизма было отчасти заложено в 80-90 годы 20 столетия в трудах американского экономиста Р.Шелла, понимающего под данной категорией стремление каждой из сторон переговоров «служить своему собственному интересу за счет партнера». Оппортунизм, по Шеллу, – это форма поведения участника сделки, поставившего перед собой задачу использовать ресурсы партнера в свою пользу, нарушая тем самым условия договоренности, и такие действия носят с его стороны неслучайный характер и не являются следствием его аморальности.

Современная экономическая наука активно использует определение «оппортунизма», предложенное пред-

ставителем неoinституционализма О. Уильямсоном, считавшего, что оппортунизм есть недостаток искренности, откровенности, честности в отношениях, включая действия на основе собственных интересов и обман, проявляющиеся в получение выгод от других людей, или использование чужих слабостей в своих собственных целях.

Представители отечественной экономической школы так или иначе приходят к схожей трактовке понимания категории «оппортунистического поведения». Согласно А.А. Аузану, «оппортунизм – это поведение, направленное на достижение собственных целей экономического агента и не ограниченного соображениями морали». А.Н. Олейник понимает под оппортунизмом «использование асимметричной информации для своей выгоды и в ущерб интересам контрагентов». А.Н. Нестеренко видит «стремление индивида реализовать собственные эгоистические интересы, что сопровождается проявлениями коварства и обмана». А.Е. Шаститко приходит к выводу, что «оппортунизм – это способ действия экономического агента в соответствии с собственными интересами, не ограниченного соображениями морали и противоречащего интересам других агентов».

В данном исследовании мы считаем целесообразным придерживаться определения, предложенного отечественными исследователями Е.В.Поповым и В.Л. Симоновой, понимающими под оппортунизмом «преднамеренное скрытое действие экономического аген-

та, основанное на использовании информационных преимуществ и направленное на достижение личного интереса в ущерб другим участникам имплицитного соглашения».

Многообразие и сложность причин и мотивов, порождающих оппортунистическое поведение экономических субъектов, делают очевидным затрудненность процесса его искоренения и даже снижения. Если брать во внимание рынок лекарственных благ, то здесь рассмотренная выше проблема еще более остро выражена.

Современный рынок лекарственных благ представляет собой особый механизм, сложность функционирования которого прежде всего обусловлена специфичностью самого лекарственного блага, наличием большого количества взаимодействующих субъектов, а также наличием проблемы неполноты и неравномерности распределения информации о лекарственном благе. Все это дает возможность отдельным субъектам рассматриваемого рынка в процессе взаимодействия недобросовестно злоупотреблять или даже превышать свои полномочия в угоду личных целей, достижение которых невозможно без ущемления интересов других.

Рис. 1. Структура рынка лекарственных благ.

Рынок лекарственных благ представляет собой рыночную структуру, основными субъектами которой выступают конечные потребители (домохозяйства), лечебно-профилактические учреждения, зарубежные и отечественные производители, дистрибьюторы, аптеки и аптечные пункты и государство. Интересы рассмотренных выше субъектов в большинстве случаев во многом противоречивы, что неуклонно ведет к возникновению трансакционных издержек в результате их взаимодействия. Если в распоряжении договаривающихся сторон имеется вся необходимая информация о предмете, будь то товар или услуга, истинная стоимость может быть рационально рассчитана. Если же одна из сторон обладает большими знаниями, нежели другая, то действие рыночных механизмов нарушается. Так, если одна из сторон руководствуется мотивами личной выгоды и обладает более полной информацией о предмете договора, то она может назначить или запросить более выгодную для себя цену, так как другая сторона не будет иметь рациональных оснований для возражения. Таким образом, осознанное относительное информационное превосходство отдельных субъектов делает возможным использование имеющейся у них информации в свою пользу, исходя из личных побуждений, что так или иначе приводит к проблеме оппортунизма.

В рамках данной статьи считаем целесообразным уделить особое внимание субъектам, главным образом формирующим предложение на рынке лекарственных благ.

Основными рычагами, находящимися в компетенции производителей и дающими им возможность проявлять недобросовестное поведение по отношению, прежде всего, к своим потребителям, являются вопросы соответствия качеству, эффективности и безопасности производимых ими лекарственных благ. В мировой практике данные вопросы строго регламентируются «Правилами производства лекарственных средств» (Good Manufacturing Practice for Medicinal Products (GMP)), определяющими требования к производству и контролю качества, а также гарантирование того, что лекарственное средство изготовлено в соответствии со своей формулой (составом), не содержит посторонних включений, маркировано надлежащим образом, упаковано и сохраняет свои свойства в течение всего срока годности. Применительно к российской практике в настоящее время стандартам GMP соответствует небольшое количество отечественных фармацевтических предприятий. Процесс внедрения национальных стандартов GMP в Российской Федерации происходит медленными темпами, сроки перехода откладывались уже несколько раз. Зачастую выполнение всех надлежащих организационных и технологических требований непосредственно сопряжено со значительными экономическими издержками. Поэтому, принимая во внимание факторы рациональности и индивидуализма, присущие каждому живому человеку, и производитель не исключение, становится очевидным, что далеко не последнее место в его сознании занимает желание максимизации, прежде всего, собственной полезности путем недобросовестных и даже нелегитимных действий.

Самой опасной формой оппортунистического поведения, присущей производителям на фармацевтическом рынке, является **фальсификация**. Фальсифицированным лекарственным благом, согласно определению Всемирной организацией здравоохранения 1992 г., признается благо, которое преднамеренно и противоправно снабжено ложной маркировкой в отношении его подлинности и (или) источника происхождения. В российском законодательстве данное понятие было введено поправкой в Федеральный закон №86-ФЗ «О лекарственных средствах» от 22.08.2004 и подразумевает лекарственное благо, сопровождаемое ложной информацией о его составе и (или) производителе.

В зависимости от характеристики лекарственного блага, которая «подверглась» фальсификации, различают следующие виды.

1. Ассортиментная – фальсификация, осуществляемая путем полной или частичной замены лекарства его заменителем другого вида или наименования с сохранением сходства одного или нескольких признаков.
2. Качественная – фальсификация лекарственных благ с помощью пищевых и непищевых добавок для улучшения органолептических свойств при сохранении или утрате других потребительских свойств либо замена товаров высшей градации качества низшей.
3. Количественная – фальсификация путем обмана потребителя за счет значительных отклонений параметров товара (массы, объема, концентрации,

плотности и др.), превышающих предельно допустимые нормы отклонений.

В рамках данного вида можно выделить 4 категории фальсификации в зависимости от «подделки» пропорции действующего вещества:

- фальсифицированное благо, в котором не содержится необходимое действующее вещество;
- фальсифицированное благо, в котором действующее вещество заменено на более дешевое;
- фальсифицированное благо, в котором действующее вещество содержится, но не в нужной пропорции;
- фальсифицированное благо, в котором действующее вещество содержится в нужном количестве, но качество данной субстанции не подтверждено.

4. Стоимостная – фальсификация путем реализации низкокачественных благ по ценам высококачественных или благ меньших размерных характеристик по цене больших.

5. Информационная – фальсификация путем обмана потребителя с помощью неточной или искаженной информации о лекарственном благе. Этот вид фальсификации осуществляется путем искажения информации в товарно-сопроводительных документах, на маркировке и в рекламе. Довольно часто искажаются или указываются неточно следующие данные: наименование блага, страна происхождения, фирма-изготовитель, количество, принадлежность к определенной партии, подделываются накладные, сертификаты и удостоверения о качестве. Любой из рассмотренных выше видов фальсификации так или иначе в большинстве случаев дополняется фальсификацией информации.

Одной из разновидностей фальсификации выступает оппортунистическое явление контрафакции. Под контрафакцией (лат. *contrafactio* – подделка) понимают незаконное использование фирмами-производителями на своих товарных знаках обозначений, помещаемых на уже популярных товарах других фирм, а также незаконное использование чужих патентов, лицензий при изготовлении и продаже товаров, в целях недобросовестной конкуренции и введения в заблуждение покупателей. Контрафактное лекарственное благо – это незаконная копия лекарственного блага, соответствующая по составу стандарту качества, но произведенная и поступившая в обращение с нарушением патентного законодательства. Одной из причин увеличения доли контрафакта на отечественном рынке лекарственных благ, по мнению аналитиков, является либерализм действующего законодательства. До сих пор в Уголовном кодексе РФ нет отдельной статьи для производителей поддельных лекарственных благ, к ответственности их можно привлечь только за мошенничество, деятельность без лицензии, незаконное использование товарного знака.

Вторым явлением оппортунистического характера, свойственным рынку лекарственных благ и представляющим не меньшую проблему, является тенденция производителей к **завышению цен на лекарственные блага**. Предельные отпускные цены производителей на лекарственные блага, входящие в утверждаемый ежегодно Правительством РФ перечень жизненно не-

обходимых и важнейших лекарственных препаратов (ЖНВЛП), подлежат обязательной государственной регистрации в целях государственного регулирования цен на лекарственные блага. Представленная регистрируемая предельная отпускная цена производителя не должна превышать уровня средневзвешенной фактической цены отпуска за последний год. Пренебрегая данным обязательством, фирмы-производители лекарственных благ зачастую искусственно завышают цены при их регистрации. По результатам проверки, проводимой Генеральной прокуратурой Российской Федерации при участии ФАС России (август-сентябрь 2010), в 19% случаях всех проверенных цен были зафиксированы факты регистрации существенно завышенных цен на лекарственные блага по недостоверным или некорректным данным [5].

На сегодняшний день нередко случаи перерегистрации отпускной цены, которые выгодны производителю. Нужно сказать, что производителю не запрещено прибегнуть к процедуре перерегистрации предельной отпускной цены, учитывая возможные непреодолимые объективные обстоятельства, способные повлечь существенные изменения (чаще увеличение) стоимости производства, среди которых законодательно выделяют изменение цен на сырье и материалы, изменение накладных расходов, прогнозируемый уровень инфляции [3]. Однако, узаконенные правила не являются «помехой» для недобросовестно настроенных производителей. Ими давно уже найдены пути неподчинения. Среди оппортунистических способов повышения зарегистрированных цен (без учета сравнения со средневзвешенной ценой) выделяют.

1. Временный уход лекарственного блага с рынка.
2. Регистрация измененной упаковки и дозировки лекарственного блага (полиформизм).

В первом случае производителю намного выгоднее временно прекратить поставку на рынок своей продукции, что позволит в перспективе зарегистрировать то же самое, без малейших изменений лекарственное благо по новой, более высокой предельной отпускной цене. Производители в подобном случае аргументируют такие действия временным прекращением выпуска лекарственного блага ввиду их технологических видоизменений в то время, как на самом деле реализация данных благ осуществлялась, но при регистрации данный факт был умышленно сокрыт. В подобном случае имеет место двойной оппортунизм производителя – помимо предложенных завышенных перерегистрируемых цен также имеет место недостоверность информации об отсутствии в отчетный период поставок данных лекарственных благ, которые на самом деле осуществлялись. Что в конечном итоге позволяет производителям зарегистрировать цены на уровне заявленных – значительно выше средневзвешенных.

Что касается второго способа – регистрация измененной упаковки и дозировки лекарственного блага, – то данная деятельность влечет за собой помимо недобросовестности в отношении своих потребителей еще и рыночную проблему полиформизма, проявляющуюся

преизбыточным наполнением фармацевтического рынка излишним количеством новых лекарственных форм, дозировок, упаковок. А зачастую внесение иных незначительных изменений в регистрационные документы является лишь способом для производителя отвлечь внимание от сравнения регистрируемых цен со средневзвешенными фактическими ценами отпуска и с ценами благ-аналогов в заявительном порядке.

Не меньшее «поле деятельности» в своих интересах для производителей дает предоставленная им возможность пересмотра (перерегистрации) предельной отпускной цены на основании сравнения с заявленной производителем средневзвешенной фактической ценой отпуска. Пример, проиллюстрированный на рисунке №1 [5], демонстрирует обманное поведение производителей путем предоставления при перерегистрации многократно завышенных данных по средневзвешенной цене отпуска лекарственных благ по сравнению с реальными показателями. После чего регистрация производителем предельных отпускных цен на желаемом ими уровне не представляет сложности.

Кроме того, на практике имеют место факты (табл.2 [5]), когда после получения отказов в регистрации предельных отпускных цен, компании-производители регистрировали еще более высокие цены на тот же препарат по вторично представленным измененным данным о фактических средневзвешенных ценах или минимальных ценах за рубежом.

В отдельных случаях производителям выгодно вести себя с точностью до наоборот – понижая цены на свою продукцию, тем самым преследуя цель массового сбыта лекарственных благ с истекающим остаточным сроком годности.

Не менее важной проблемой рынка лекарственных благ и формой оппортунистического поведения является незаконная реализация биологически активных добавок (БАДов) как лекарственных благ. Важно учесть, что в РФ биологически активные добавки не относятся к лекарственным благам, в связи с чем в отличие от лекарственных благ не проходят полный цикл исследований качества, безопасности и эффективности. Регистрацию БАД осуществляет Роспотребнадзор

Таблица 1.

Примеры роста зарегистрированных цен на лекарственные блага за счет сравнения со средневзвешенной ценой ^{1*}

Наименование лекарственного блага	Средневзвешенная цена 2 полугодия 2009 г.	Заявленная на регистрацию средневзвешенная цена, руб.	Зарегистрированная цена в 2010 г., руб	Цена выросла на
Кальций глюконат, таблетки 500 мг, 10 шт.	1, 18	8, 25	8, 18	593, 22%
Индапамид, таблетки покрытые оболочкой 2,5 мг, 10 шт.	11, 70	54, 00	54, 00	361, 54%
Лоперамид, таблетки 2 мг, 10 шт.	6, 73	19, 09	19, 09	183, 66%
Лоратадин, таблетки 10мг, 10 шт.	17, 18	41, 04	41, 04	138, 88%
Овенкор (Симвастатин), таблетки покрытые оболочкой 10 мг, 10 шт.	189, 44	446, 39	446, 39	135, 64%
Офлоксацин, таблетки покрытые пленочной оболочкой 200 мг, 10 шт.	15, 82	35, 78	35, 78	126, 17%
Флуоксетин, капсулы 20 мг, 10 шт.	39, 25	83, 55	83, 55	112, 87%

Таблица 2.

Примеры повторной регистрации лекарственных благ по более высокой цене после получения отказа

Наименование лекарственного блага	Цена отказа	Цена регистрации
Квамател мини (МНН Фамотидин), таблетки покрытые оболочкой 10 мг, 14 шт.	0, 41 евро	1, 12 евро
Р-цин (МНН-Рифампицин) капсулы 150 мг, 100 шт. - пакеты полиэтиленовые	3 долл. США	4, 5 долл. США
Р-цин (МНН-Рифампицин) капсулы 150 мг, 20 шт. - пакеты полиэтиленовые	0, 67 долл. США	1, 15 долл. США
Р-цин (МНН-Рифампицин) капсулы 300 мг, 100 шт. - пакеты полиэтиленовые	5, 07 долл. США	6, 9 долл. США
Р-цин (МНН-Рифампицин) капсулы 300 мг, 20 шт. - пакеты полиэтиленовые	1, 1 долл. США	1, 9 долл. США

¹ Данный пример принимает во внимание сведения по средневзвешенной фактической цене отпуска не за последний год, а за полгода – согласно Методике, утвержденной приказом Минздравсоцразвития России совместно с ФСТ России от 14 декабря 2009 года № 15823.

в соответствии с Федеральным законом от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», которая предусматривает только экспертизу документов на соответствие требованиям нормативных документов, условий изготовления или поставок. В связи с тем, что процесс проведения клинических исследований лекарственных благ занимает длительное время, сопряжен со значительными экономическими издержками, а также с вероятностью получения отказа при регистрации лекарственных средств, производители регистрируют их и продают под видом БАД, вводя в заблуждение потребителей и создавая угрозу их жизни и здоровью. Так, например, часть витаминов, минеральных комплексов, травяных сборов, настоек в настоящее время регистрируется как БАД, а другая часть – как лекарственные блага, причем в аналогичных дозах содержания действующих веществ.

Отдельного внимания, как пример оппортунистического поведения, заслуживает вопрос **рекламы**. Совершенно объективно реклама является неотъемлемой составляющей современного конкурентного рынка товаров и услуг. Реклама лекарственных благ в этом смысле не является исключением. При этом от качества лекарственных благ и правильности их применения зависит здоровье населения. Принимая во внимание очевидную проблему низкой информированности населения в вопросах лечения, становится очевидно, что прямая реклама или агитация, непосредственно обращенная к конечному потребителю, может выступать как способ манипулирования потребительским поведением. И таких примеров неограниченное количество. Так, например, «фармацевтический и косметический концерн Johnson & Johnson заплатит более \$2,2 млрд штрафов властям США за практику незаконной рекламы лекарственных благ и выплату комиссионных врачам за их продвижение. Регуляторы обвинили J&J в рекламе психотропного препарата Risperdal пациентам, заболевания которых не подлежат лечению данным препаратом (например, слабоумие и умственная отсталость у детей). Кроме того, компания согласилась оплатить штрафы, связанные с рекламой лекарственных благ против шизофрении Invega и средства от сердечных приступов Natricore [6]».

Источником оппортунистического поведения по отношению к потребителям на рынке лекарственных благ выступают также дистрибьюторы. Дистрибьюторская деятельность на рынке лекарственных средств предполагает мелкооптовую или крупнооптовую закупку лекарственных средств у иностранных и отечественных производителей, с последующей целью сбыта (перепродажи) этих товаров лечебно-профилактическим учреждениям, аптекам, аптечным пунктам и иным дилерам на региональных рынках. Дистрибьютор на фармацевтическом рынке находится в двояком положении. С одной стороны, он сам является «жертвой» оппортунистического поведения производителей, рискуя закупить лекарственный товар ненадлежащего качества по искусственно завышенным ценам, ответственность за который уже придется нести ему самому. С

другой – дистрибьютор сам является «источником» оппортунистического поведения, основным рычагом манипулирования которого является оптовая надбавка к фактическим отпускным ценам производителей на лекарственные препараты, включенные в перечень ЖНВЛП.

Согласно действующему законодательству, сумма оптовых надбавок к фактической отпускной цене производителя на лекарственный препарат, применяемых всеми организациями оптовой торговли, участвующими в реализации этого лекарственного препарата на территории субъекта Российской Федерации, не должна превышать соответствующий предельный размер оптовой надбавки, установленный органом исполнительной власти этого субъекта Российской Федерации. Предельные оптовые надбавки устанавливаются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по трем ценовым категориям: до 50 рублей за упаковку, от 50 до 500 рублей и свыше 500 рублей (таблица 1). 23 апреля 2010 года Московское УФАС России наложило штраф в размере более 57 млн руб. на ООО «Ведант» за нарушение порядка ценообразования на лекарственные средства. ООО «Ведант», осуществляя оптовую торговлю медикаментами, зависило предельные оптовые надбавки на такие лекарства, как «Кларитромицин Протекх», «Цефзид», «Проципро», «Проксим», «Промез», «Офлоксацин», «Цефтриаксон» (включенные в Перечень ЖНВЛП) в размере от 115 до 2100% [2].

Единообразные оптовые надбавки в рамках одной ценовой категории стимулируют дистрибьюторов насыщать рынки теми лекарственными препаратами, которые имеют более высокие предельные отпускные цены, поскольку прибыль от продажи дорогостоящего лекарственного препарата превышает прибыль от продажи аналогичного лекарственного препарата, имеющего меньшую цену [5].

Аналогичными функциями наделены и такие субъекты рынка лекарственных благ, как аптеки и аптечные пункты. Как самостоятельные субъекты фармацевтического рынка, они самостоятельны в отношении установления розничной надбавки к фактической отпускной цене производителя в пределах размера розничной надбавки, установленной органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Наличие данного обстоятельства дает повод аптечным фирмам злоупотреблять данными полномочиями в свою пользу. К примеру, в филиале «Краснослободская центральная районная аптека № 3» ГУП РМ «Фармация» были завышены предельные торговые надбавки на лекарственные средства, входящие в Перечень ЖНВЛП, такие как «Бифидумбактерин», «Аминалин», «Окситоцин», «Эналаприл» и «Нурофен». Вместо установленной предельной розничной торговой надбавки в размере 30% применялись надбавки в размере от 31% до 40%. Всего в данной аптеке выявлено превышение предельных розничных цен по 27 наименованиям лекарственных средств.

Более того, иногда сама внешняя среда создает бла-

гоприятные условия для недобросовестного поведения. Нельзя не привести пример паники, охватившей население в связи с надвигающейся эпидемией свиного гриппа (осень 2009 года), повлекшей за собой баснословное повышение рыночных цен. С целью максимально обезопасить себя от опасного вируса потребители были готовы платить любую цену за противовирусные препараты и средства индивидуальной защиты, а производители в свою очередь и «рады были стараться». Препарат «Ингавирин» подорожал с 370 до 415 рублей, средняя цена «Тамифлю» поднялась с 1356 до 1423 рублей (в московских аптеках цена превышала 2000 рублей). Но все рекорды побил препарат «Арбидол». В аптеке «Витафарм» на проспекте Мира (г. Москва), где полтора месяца назад упаковка в 10 капсул данного средства стоила около 180 рублей, стали предлагать упаковку в 20 капсул за 452 рубля. В приведенном примере поведение потребителя есть не что иное, как ярчайшая иллюстрация проявления ограниченной рациональности в виду объективных обстоятельств. Что касается поведения аптечных фирм, то оно основано на желании получить максимальную выгоду, для чего в данной ситуации были созданы все условия и что также оправдано, исходя из побуждений максимизации индивидуальной полезности.

Другой формой оппортунистического поведения аптечных фирм можно признать противозаконную реализацию лекарственных препаратов, не прошедших процедуру регистрации. Для аптек вполне выгодно продавать лекарственные средства без регистрационных свидетельств, получая от этого прибыль. Тем более учитывая, что редкий потребитель интересуется наличием необходимых документов, которые должны «сопровождать» каждое наименование лекарственного средства, а причина тому – неосведомленность рядового потребителя в данном вопросе. Получается, что наличие асимметрично распределенной информации дает повод для проявления недобросовестного и даже нелегитимного поведения аптечным фирмам.

Одной из «вопиющих» проблем современного фармацевтического рынка является наличие и массовое увеличение таких субъектов рынка, как интернет-аптеки. Как показывает практика, порядка 97% интернет-аптек в стране работают с нарушением правил продаж медицинских препаратов. При этом только 13% из тех, кто купил лекарства в интернете, проверили, если ли у сайта соответствующая лицензия. Редактор портала Pharm-MedExpert.Ru Иван Данилов отмечает: «Парадоксально, но факт: «Для 50% покупателей, чтобы убедиться в безопасности лекарственного препарата, достаточно прочитать на сайте аптеки отзывы и комментарии других лиц». Проблема снабжения по средствам интернет-аптек заключается в отсутствии возможности проверить до момента заключения сделки наличие лицензии на осуществление фармацевтической деятельности, оценить условия хранения товаров, убедиться в наличии специалистов соответствующей квалификации. Естественно, что мало кто из нас (потребителей) обладает возможностью и желанием проверить вышеу-

помянутые характеристики и в стационарных аптеках и аптечных киосках, но в упомянутых учреждениях хотя бы, если можно так сказать, «создана видимость» наличия всех необходимых предписанных характеристик и, более того, потребитель всегда имеет возможность в случае покупки, по его мнению, товара ненадлежащего качества привлечь аптечную фирму к ответственности.

Важно отметить, что на сегодняшний день существуют виды интернет-аптек, деятельность которых так или иначе можно отследить и даже отчасти проконтролировать. К таковым относятся:

- «on-line-аптеки», сформированные на базе отдельных реальных стационарных аптек с целью расширения круга потенциальных клиентов;
- сервисные структуры на базе нескольких аптек, которые заключают договоры сотрудничества с несколькими аптечными учреждениями, координируя процесс заказа и доставки товара из них;
- Интернет-службы на базе аптечных сетей, предоставляющие услуги доставки курьером из ближайшей аптеки.

Несложно предположить, что наибольшую угрозу для потребителей представляют интернет-аптеки, изначально созданные как Интернет-проекты. Покупку лекарственных средств в таких аптеках можно сравнить с покупкой кота в мешке. Потребители рискуют не только своим здоровьем, но и финансами. Получить назад потраченные деньги будет также невозможно, поскольку обмен и возврат купленных лекарств законодательно запрещен.

Таким образом, несмотря на то, что аптеки и аптечные пункты являются всего лишь связующим звеном между производителем лекарственных средств и потребителем, они обладают широким спектром полномочий для проявления недобросовестного поведения, тем самым нарушая объективную рыночную картину.

Отдельного внимания на рынке лекарственных благ заслуживают врачи. Врачи представляют собой особую категорию субъектов данного рынка, которая не имеет прямого отношения к лекарственным средствам, не производя, не реализовывая и не потребляя, но при этом своими назначениями оказывая непосредственное влияние на потребительский выбор и тем самым формируя спрос на лекарственные средства. Ежедневно и многократно практикующему врачу приходится принимать решение о выборе подходящей лекарственной терапии. Однако, принимая во внимание стремительный рост лекарственного ассортимента на фармацевтическом рынке и увеличение информации, его сопровождающей, очевидно, что данный процесс день от дня затрудняется и сопряжен со значительными затратами – временными, моральными и физическими. Поэтому свою «помощь» готовы предложить фармацевтические компании (как производители, так и дистрибьюторы) в лице медицинских представителей, которые предоставляют информацию о своей продукции и материально стимулируют врачей с целью распространения «положительных мнений и отзывов» о своих препаратах. **Врач, в свою очередь, начинает расхваливать и предлагать средства**

данного производителя, отдавая предпочтение конкретному препарату или группе лекарств, а не тем препаратам, которые действительно качественные и действенные. Подобного рода поведение врачей не только противоречит правилам медицинской этики, но и противоречит «букве закона», запрещающей принимать от организаций, занимающихся разработкой, производством и (или) реализацией лекарственных препаратов, подарки, денежные средства; заключать с представителем компании соглашения о назначении или рекомендации пациентам лекарственных препаратов; получать от представителя компании образцы лекарственных препаратов для вручения пациентам; предоставлять при назначении курса лечения пациенту недостоверную, неполную или искаженную информацию об используемых лекарственных препаратах и даже выписывать лекарственные препараты, медицинские изделия на бланках, содержащих информацию рекламного характера, а также на рецептурных бланках, на которых заранее напечатано наименование лекарственного препарата. **Врач, проявляя недобросовестное отношение к своим пациентам, «поступается»** принципами медицинской этики в угоду личных интересов.

Наличие широкого лекарственного ассортимента на современном фармацевтическом рынке порождает другую проблему – отсутствие понятия и четких критериев определения взаимозаменяемости лекарственных средств, препятствующее грамотному лекарственному назначению. В то время как во многих странах мира лекарственные препараты, имеющие одинаковое МНН (международное непатентованное наименование), автоматически считаются взаимозаменяемыми и даже признаются взаимозаменяемыми с разными действующими веществами, но одинаковым терапевтическим эффектом, в Российской Федерации на протяжении долгих лет назначение таких препаратов, выписка и закупка для государственных нужд определялись лечащим врачом по своему усмотрению, исходя из вопросов собственной информированности и отчасти выгоды. Проблема отечественного фармацевтического рынка заключается в том, что в большинстве случаев выписка рецептов на лекарственные препараты осуществляется по торговым наименованиям, а не по МНН, что стимулирует коррупцию среди врачей, с которыми активно взаимодействуют фармацевтические компании и их медицинские представители, а также стимулирует повышение затрат населения на лечение, которому зачастую навязывают наиболее дорогие из взаимозаменяемых лекарств.

На сегодняшний же день законодательно закреплена обязанность медицинских работников выписывать лекарственные препараты на рецептурных бланках (за исключением лекарственных препаратов, отпускаемых без рецепта) и в графе «Rp» рецептурных бланков указывать наименование лекарственного препарата на латинском языке – международное непатентованное или группировочное, либо торговое наименование и его дозировку. Однако и это не лишает их возможности продолжать выписывать препараты по торговому наименованию без использования рецептурных бланков.

Государство, в отличие от всех остальных субъектов фармацевтического рынка, обладает расширенной полнотой действий, выступая и как субъект рынка (потребитель или даже в отдельных случаях производитель или сопроизводитель), и как государственный институт. Государственные и общественные организации по роду своей деятельности находятся в прямом взаимодействии со всеми субъектами фармацевтического рынка. Однако данное сотрудничество в интересах отдельных субъектов рынка способно создавать отрицательные внешние эффекты в отношении третьих сторон – потребителей. Так в 2009 году ученые из нескольких стран обвинили Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) в том, что она объявила пандемию свиного гриппа в интересах крупных фармацевтических компаний. Газета The Guardian опубликовала данные о том, что фармацевты заработали на эпидемии до 7 млрд евро, а до этого о сговоре фармацевтических компаний и ВОЗ сообщали СМИ Дании. При этом нигде в мире смертность от свиного гриппа не превысила смертности от гриппа сезонного [1].

Преследуя оппортунистические цели, нередко осуществляется корыстное сотрудничество отдельных государственных и коммерческих структур или даже их сращивание. Так, весьма уместен пример оказания всяческого содействия Швейцарским государством и банками крупнейшим швейцарским химическим и фармацевтическим компаниям «Sandoz», «Ciba Geigy» и «Hoffmann La Roche» и их поддержка при проведении различных недобросовестных действий. Банки участвуют в работе советов директоров различных химических и фармакологических предприятий, контролируют лаборатории, а те, в свою очередь, контролируют банки и различные государственные, неправительственные организации. Очевидно, что данное сотрудничество осуществляется с единственной целью, далекой от заботы о здоровье, а именно – беспощадная эксплуатация наивных потребителей, используя их как объект извлечения прибыли [4].

Государство как институт представляет собой субъект, наделенный контролирующей и законодательной функцией в сфере производства и обращения лекарственных средств. В свою очередь те или иные положения принятых нормативно-правовых актов можно трактовать неоднозначно, усматривая в них попытки лоббирования интересов одних субъектов рынка в ущерб благополучию других.

Кроме того, такие важнейшие функции, как контроль качества медицинской помощи, обращение лекарственных средств и медицинских изделий, лицензирование, регистрирование лекарственных средств, процедура патентования инновационных лекарственных изобретения, контроль выполнения законов, государственных программ и проектов в сфере здравоохранения и многое другое находятся в компетенции государственных институтов. Среди них Министерство здравоохранения РФ, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения, Федеральная служба по аккредитации. Поэтому несложно предположить, что даже

при всей добросовестности контролирующей деятельности данных государственных структур возможны случаи частичного отклонения от предписанных норм, нежесткий контроль или «легальная помощь» отдельным субъектам фармацевтического рынка.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что наличие таких характерных особенностей, присущих рынку лекарственных благ, как специфичность объекта рынка, большое количество взаимодействующих субъектов и противоречие их ин-

тересов, острая проблема неполноты и неравномерности распределения информации о лекарственном благе, дает возможность субъектам, формирующим предложение на рынке лекарственных благ, проявлять оппортунистическое поведение в отношении потребителей. Способы оппортунистического поведения разнообразны, однако, очевидно одно – все они ущемляют интересы потребителя, что неизбежно ведет к неэффективности функционирования рынка.

Библиографический список

1. Козенко А. Свиной грипп принес фармкомпаниям рекордные прибыли / А. Козенко, Е. Кузнецова // Информационно-правовое агентство Регистр. [СООО ИПА «РЕГИСТР», 2007-2013]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.profmia.by/newse/35905/>
2. Московское УФАС России наложило штраф свыше 57 млн. руб. на ООО «Ведант» за завышение предельных надбавок на лекарства // Официальный сайт Федеральной Антимонопольной службы РФ. Сайт зарегистрирован Росохранкультурой в качестве средства массовой информации. Регистрационное свидетельство Эл № ФС77-24394 от 15 мая 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fas.gov.ru/fas-news/fas-news_29482.html
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 октября 2010 г. N 865 г. Москва «О государственном регулировании цен на лекарственные препараты, включенные в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов» // Интернет-портал «Российской газеты» зарегистрирован в Роскомнадзоре 21.06.2012 г. Номер свидетельства Эл № ФС 77 – 50379. [Российская газета, 1998-2013]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru>
4. «Фармацевтическая мафия – заговор, ведущий к геноциду». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://medobzor.net/index.php?option=com_content&task=view&id=2027
5. Шаравская Н.А. Проблемы регулирования цен на лекарственные препараты в Российской Федерации и возможные пути их решения. Презентация // Официальный сайт Федеральной Антимонопольной службы РФ. Сайт зарегистрирован Росохранкультурой в качестве средства массовой информации. Регистрационное свидетельство Эл № ФС77-24394 от 15 мая 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fas.gov.ru/analytical-materials/analytical-materials_30852.html
6. «Johnson & Johnson заплатит за незаконное продвижение своих лекарств» // ProReklamu.com - Реклама, Маркетинг, PR. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proreklamu.com/news/106/34122-johnson--johnson-zaplatit-za-nezakonnoe-prodvizhenie-svoih-lekarstv.html>http://www.fas.gov.ru/analytical-materials/analytical-materials_30852.html

References

1. Kozenko A. Swine flu has brought pharmaceutical companies record profits. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.profmia.by/newse/35905/>
2. Moscow Department of the Federal Antimonopoly Service fined the Company with Limited Liability “Vedant” more than 57 million rubles for the overestimation of the maximum markups on drugs. Official site of the Federal Antimonopoly service of the Russian Federation. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.fas.gov.ru/fas-news/fas-news_29482.html
3. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 29 October 2010 N 865, Moscow “On the state regulation of prices for medicines included in the list of vital and essential medicinal products”. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.rg.ru/2010/11/03/pravila2-dok.html>
4. “Pharmaceutical mafia - the conspiracy, leading to genocide”. [Electronic resource]. – Mode of access: http://medobzor.net/index.php?option=com_content&task=view&id=2027
5. Sharavsky N.A. Problems of regulation of prices for medicines in Russian Federation and possible ways of their solution. Presentation. Official site of the Federal Antimonopoly service of the Russian Federation. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.fas.gov.ru/analytical-materials/analytical-materials_30852.html
6. “Johnson & Johnson will pay for the illegal promotion of their medications”. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.proreklamu.com/news/106/34122-johnson--johnson-zaplatit-za-nezakonnoe-prodvizhenie-svoih-lekarstv.html>

УДК 332.1(470.319):338.465.4:339.138:338.242.2

UDC 332.1(470.319):338.465.4:339.138:338.242.2

И.Р. ЛЯПИНА

доктор экономических наук, зав. кафедрой профессионального обучения и бизнеса, Орловский государственный университет
E-mail: innara_lapina@mail.ru

I.R. LYAPINA

Doctor of Economic Sciences, Head of Department vocational education and business, Orel State University
E-mail: innara_lapina@mail.ru

**РОЛЬ МАРКЕТИНГА В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ СФЕРЫ УСЛУГ
В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**ROLE OF THE MARKETING IN ENSURING COMPETITIVENESS OF THE ENTERPRISES
OF THE SERVICES SECTOR IN REGION (ON THE EXAMPLE OF THE OREL REGION)**

В статье проанализировано состояние рынка платных услуг в Орловской области, рассмотрены факторы, влияющие на конкурентоспособность предприятий сферы услуг и описаны маркетинговые инструменты, использование которых позволит данным предприятиям повысить их конкурентоспособность на рынке.

Ключевые слова: рынок платных услуг Орловской области, конкурентоспособность предприятий сферы услуг, маркетинг в сфере услуг.

In article the condition of the market of paid services in the Orel region is analysed, the factors influencing competitiveness of the enterprises of a services sector are considered and marketing tools which use will allow these enterprises to increase their competitiveness in the market are described.

Keywords: market of paid services of the Orel region, competitiveness of the enterprises of a services sector, marketing in a services sector.

Сфера услуг в России вступила в рыночные отношения в начале 90-х годов XX века, следуя процессу рыночных реформ и приватизации российской экономики. За истекший период в данной отрасли экономики произошел ряд положительных преобразований, таких как расширение перечня оказываемых услуг (появились аудиторские, консалтинговые, компьютерные, бухгалтерские услуги, услуги в области рекламы, по подбору персонала, частной охранной деятельности и другие), повышение качества предоставляемых услуг и т.д. В результате этого сегодня сфера услуг занимает одно из основных мест в экономике страны.

Общеизвестно, что именно быстрое развитие сферы услуг, повышение ее конкурентоспособности и увеличение доли в валовом национальном продукте является характерной чертой перехода страны в постиндустриальную стадию развития. В этой связи важным является изучение способов управления сферой услуг не только на уровне всей страны, но и в рамках отдельных ее регионов.

Рассмотрим состояние сферы услуг в Орловской области при помощи статистических данных [3,4]. Из данных таблицы 1 следует, что объем платных услуг, оказанных населению в расчете на душу населения, в 2011 году ниже общероссийского уровня на 33,93%, а в 2012 году – 31,93%.

Хуже всего обстоит дело с оказанием санаторно-оздоровительных услуг и услуг культуры (в 2011 году их доля от общероссийских показателей составила 14,12% и 29,67%, а в 2012 году – 12,63% и 31,39% соответственно).

Максимально приближен к общероссийскому уровню объем оказанных бытовых и коммунальных услуг. Объясняется данный факт первостепенной ролью этих услуг в жизнедеятельности человека (таблица 2) и мерами государственного регулирования цен в сфере ЖКХ.

Ситуацию несколько сглаживает факт превышения индексов физического объема платных услуг по Орловской области в сравнении с ситуацией по Российской Федерации в целом (таблица 3).

Так, если в Российской Федерации общий индекс физического объема платных услуг в 2012 году составил 103,5%, то по Орловской области – 105,4%.

При этом нельзя не отметить, что в структуре оказываемых услуг намечается тенденция к увеличению числа тех услуг, физический объем которых уменьшается. Если в 2011 году не достигает уровня предыдущего года физический объем по двум видам оказанных услуг (по ветеринарным и услугам правового характера), то к 2014 году их число увеличивается до шести видов (снижение физического объема в 2014 году по сравнению с 2013 годом произошло в рамках транспортных, коммунальных, туристских и санаторно-оздоровительных услуг, услуг культуры, услуг гостиниц и аналогичных средств размещения).

Еще одним негативным фактом является преимущественное превышение по Орловской области индексов потребительских цен (тарифов) по сравнению с ценами на товары и услуги в целом (таблица 4). Так, в декабре 2013 года по сравнению с декабрем 2012 года индекс потребительских цен (тарифов) на услуги соста-

вил 109,2%, а индекс потребительских цен на товары и услуги – 107,4%. Это свидетельствует о более высоких темпах инфляции в сфере услуг.

Параллельно с описанными тенденциями рынок услуг Орловской области можно охарактеризовать по следующим показателям:

- насыщенность рынка платных услуг высокая,
- активно развивается инфраструктура рынка,
- клиентура имеет доступ к большому объему информации о состоянии и тенденциях на рынке услуг,
- увеличивается число предприятий, применяющих клиентоориентированные стратегии,
- приоритеты покупателей смещаются в сторону ассортимента, комфорта и качества (цена как конкурентное преимущество постепенно переходит на второй план).

Таким образом, вышеперечисленные факторы обуславливают обострение конкурентной борьбы на рынке услуг Орловской области и ставят перед предприятиями задачу повышения конкурентоспособности на рынке.

Под конкурентоспособностью предприятия сферы услуг понимается его способность выдержать сравнение с аналогичными предприятиями-конкурентами и наличие определенных конкурентных преимуществ перед ними в заданных условиях и определенный период времени.

Формирование и поддержание конкурентного преимущества затрагивает весь механизм деятельности организации, связанный с созданием и реализацией услуг [5]. Следовательно, в процессе разработки стратегии по формированию и управлению конкурентоспособностью предприятия необходимо:

Таблица 1.

Сравнительный анализ объема платных услуг на душу населения по Российской Федерации в целом и в Орловской области в частности (в рублях)

Виды услуг	Российская Федерация		Орловская область				
	2011 г.	2012 г.	2011 г.		2012 г.		2013 г.
			сумма	% к РФ	сумма	% к РФ	
Бытовые	3731,6	4155,2	3151,0	84,44	3383,8	81,44	5356,8
Транспортные	7470,8	8255,1	3170,7	42,44	3370,8	40,83	4449,5
Связи	7305,3	7867,5	4760,5	65,17	5717,3	72,67	6101,0
Жилищные	2291,7	2493,2	1466,3	63,98	1640,3	65,79	2217,9
Коммунальные	8460,8	8922,0	7896,7	93,33	8662,6	97,09	9204,3
Культуры	626,2	688,5	185,8	29,67	216,1	31,39	316,5
Туристские	789,2	848,8	612,5	77,61	672,7	79,25	471,1
Услуги гостиниц и аналогичных средств размещения	878,2	984,7	317,8	36,19	355,3	36,08	387,6
Физической культуры и спорта	237,2	261,7	136,5	57,55	164,7	62,93	121,6
Медицинские	2001,0	2331,6	1256,4	62,79	1461,4	62,68	1979,0
Санаторно-оздоровительные	479,3	528,1	67,7	14,12	66,7	12,63	67,8
Ветеринарные	62,3	72,7	39,1	62,76	37,3	51,31	75,2
Правового характера	614,2	583,4	333,0	54,22	301,8	51,73	643,2
Системы образования	2429,7	2646,1	1660,6	68,35	1937,0	73,2	1871,7
Социальные услуги, предоставляемые гражданам пожилого возраста и инвалидам	37,7	57,3	35,7	94,69	31,2	54,45	31,8
Другие виды платных услуг	1341,4	1460,3	516,7	38,52	675,5	46,26	900,8
Все оказанные услуги	38756,4	42156,2	25607,0	66,07	28694,5	68,07	34195,8

Таблица 2.

Структура платных услуг населению (в % к итогу)

Виды услуг	Российская Федерация		Орловская область			
	2011 г.	2012 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.*
Бытовые	9,6	9,6	12,3	11,8	15,7	12,6
Транспортные	19,3	19,6	12,4	11,7	13,0	7,7
Связи	18,8	18,7	18,6	19,9	17,8	19,8
Жилищные	5,9	5,9	5,7	5,7	6,5	39,5
Коммунальные	21,8	21,1	30,9	30,2	26,9	
Медицинские	5,2	5,5	4,9	5,1	5,8	5,2
Системы образования	6,3	6,3	6,5	6,8	5,5	6,1
Прочие виды платных услуг, удельный вес которых в общем объеме составляет менее 3%	13,1	13,3	8,7	8,8	8,8	9,1
Все оказанные услуги	100	100	100	100	100	100

* январь-февраль 2014 г.

Таблица 3.

Динамика индексов физического объема платных услуг населению по видам (в % к предыдущему году)

Виды услуг	Российская Федерация		Орловская область			
	2011 г.	2012 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.*
Бытовые	101,4	104,4	114,7	102,2	117,6	104,4
Транспортные	103,5	104,4	105,5	102,3	103,0	89,9
Связи	107,3	106,0	108,5	116,1	104,6	104,9
Жилищные	104,4	104,4	105,4	109,9	126,9	165,6
Коммунальные	102,3	100,8	107,0	102,5	94,4	95,7
Культуры	98,7	100,5	103,1	111,4	108,4	95,7
Туристские	103,6	100,8	127,7	106,2	105,4	79,5
Услуги гостиниц и аналогичных средств размещения	103,3	103,7	117,2	103,8	102,7	94,6
Физической культуры и спорта	105,0	103,3	124,0	114,8	131,8	132,7
Медицинские	104,1	106,7	119,0	103,8	118,5	114,9
Санаторно-оздоровительные	103,8	103,5	100,2	95,5	114,7	71,7
Ветеринарные	100,1	108,3	99,4	90,6	97,3	102,7
Правового характера	87,5	86,6	93,5	72,1	106,7	101,9
Системы образования	100,5	101,3	119,2	97,7	101,2	108,2
Все оказанные услуги	103,2	103,5	108,9	105,4	105,7	103,7

* январь-февраль 2014 г. в процентах к январю-февралю 2013 г.

Таблица 4.

Индексы потребительских цен в Орловской области

	Индексы потребительских цен (тарифов) на услуги			Индексы потребительских цен на товары и услуги		
	2011	2012	2013	2011	2012	2013
К предыдущему месяцу						
Январь	105,0	100,4	100,3	102,6	100,7	101,1
Февраль	100,9	99,8	100,2	101,0	100,3	100,6
Март	100,7	100,6	99,9	100,8	100,9	100,1
Апрель	101,3	100,1	100,0	100,6	100,1	100,6
Май	100,2	100,5	101,1	100,2	100,6	100,6
Июнь	100,4	100,3	100,4	100,0	100,9	100,3
Июль	100,7	103,9	105,1	99,9	101,3	101,3
Август	100,3	102,6	100,3	99,7	100,0	100,2
Сентябрь	99,8	100,2	100,0	99,9	100,3	100,4
Октябрь	100,2	99,7	100,0	100,5	100,4	100,6
Ноябрь	100,0	99,9	100,2	100,2	100,3	100,6
Декабрь	100,3	101,8	101,6	100,4	100,8	100,8
Декабрь к декабрю предыдущего года	109,9	110,2	109,2	105,8	106,8	107,4

1. учитывать факторы, определяющие конкурентоспособность его услуг:

- гибкость предприятия (внутренняя – в контексте оптимизации его деятельности, внешняя – способность к адаптации к потребностям рынка);
- инновационный инструментарий;
- взаимоотношения с клиентурой;

2. осуществлять поиск эффективных механизмов обеспечения и управления конкурентоспособностью предприятий сферы услуг.

Большую помощь в управлении конкурентоспособностью предприятий сферы услуг оказывает маркетинговая деятельность. В таблице 5 показаны задачи, решаемые маркетологами с целью управления факторами, определяющими степень конкурентоспособности предприятий сферы услуг.

Таким образом, процесс формирования и обеспече-

ния конкурентоспособности предприятий сферы услуг состоит из следующих видов маркетинговой деятельности:

- проведение маркетингового анализа потребителей и конкурентов,
- сравнительный анализ деятельности предприятия сферы услуг и основных конкурентов (бенчмаркетинг);
- позиционирование предприятия сферы услуг;
- определение конкурентной стратегии и ее детальная разработка;
- разработка корректирующих и предупреждающих действий.

При этом схемы управления конкурентоспособностью предприятий сферы услуг должны корректироваться с учетом изменения во времени рыночных условий, поведенческих характеристик клиентуры и возможностей самой фирмы.

Таблица 5.

Задачи маркетинга в обеспечении и управлении конкурентоспособностью предприятий сферы услуг

Факторы, влияющие на конкурентоспособность предприятий сферы услуг	Задачи маркетинга
Внутренняя гибкость предприятия	Формирование оптимального ассортимента услуг Дифференциация услуг Поиск путей снижения себестоимости услуг Управление качеством услуг Мотивация и обучение персонала Построение организационной структуры управления, которая будет способствовать повышению конкурентоспособности предприятия
Внешняя гибкость предприятия	Анализ привлекательности рынка Сегментация рынка и выбор стратегии охвата рынка Выявление основных конкурентов предприятия Оценка рыночных возможностей Управление спросом на услуги Управление услугами на разных этапах их жизненного цикла Продвижение услуг на рынок Разработка конкурентной стратегии с учетом изменяющихся рыночных условий Систематическое проведение оценки собственной конкурентоспособности
Инновационный инструментарий	Поиск новых идей и разработка новых услуг. Поиск новых технологий в оказании услуг. Содействие внедрению новых технологий в процесс оказания услуг Разработка и внедрение новых методов управления положением фирмы и ее услуг на рынке
Взаимоотношения с клиентурой	Определение потребностей клиентуры Исследование особенностей поведения людей Определение потребительских функций услуг Формирование стратегий работы с клиентурой Выстраивание индивидуальных отношений с клиентами Формирование лояльности покупателей к фирме и ее услугам Оценка степени удовлетворенности клиентов деятельностью фирмы и качеством предоставляемых услуг

Библиографический список

1. Барыгина О. Н. Управление конкурентоспособностью предприятий сферы услуг: реализация поведенческого подхода [Электронный ресурс]. Проблемы современной экономики. N 3 (31). 2009– Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2729>
2. Дудов А.С. Конкурентоспособность предприятий сферы услуг [Электронный ресурс] //Управление экономическими системами: электронный научный журнал – Режим доступа: <http://www.uecs.ru/marketing/item/2707-2014-01-22-08-38-05>
3. Официальная статистика Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Орловской области [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://orel.gks.ru/>
4. Официальная статистика Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gks.ru/>
5. Селяев Е.В. Формирование стратегии обеспечения конкурентоспособности на предприятиях сферы услуг [Электронный ресурс] / Е.В. Селяев – Режим доступа: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n1y2011/346>
6. Сибирская Е.В. Концепция эффективности управления в рамках конкурентоспособности территориальных экономических систем. // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. 2012. № 4. С. 73–78.

References

1. Barygina O. N. Management of competitiveness of the enterprises of a services sector: realization of behavioural approach [Electronic resource]. //Problems of modern economy. N 3 (31). 2009 Mode of access: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2729>
2. Dudov A.S. Competitiveness of the enterprises of a services sector [Electronic resource] //Management of economic systems: the electronic scientific magazine – Mode of access: <http://www.uecs.ru/marketing/item/2707-2014-01-22-08-38-05>
3. Official statistics of Territorial body of Federal State Statistics Service on the Oryol region [Electronic resource] – Mode of access: <http://orel.gks.ru/>
4. Official statistics of Federal State Statistics Service [Electronic resource] – Mode of access: <http://gks.ru/>
5. Selyaev E.V. Formation of strategy of ensuring competitiveness at the services sector enterprises [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n1y2011/346>
6. Sibirskaya E.V. The management efficiency concept within competitiveness of territorial economic systems of //Theoretical and applied questions of economy and services sector. 2012 . No. 4. Pp. 73–78.

УДК 316.4:004.81

UDC 316.4: 004.81

А.Л. МАШКОВА

доцент, кафедра «Информационные системы»,
Госуниверситет-УНПК
E-mail: aleks.savina@gmail.com

A.L. MASHKOVA

Assistant professor, Department of Information Systems,
State university-ESPC
E-mail: aleks.savina@gmail.com

КОГНИТИВНАЯ АРХИТЕКТУРА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АГЕНТА В ИМИТАЦИОННЫХ МОДЕЛЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

COGNITIVE ARCHITECTURE OF AN INTELLIGENT AGENT IN SIMULATION MODELS OF SOCIAL AND ECONOMIC PROCESSES

Статья посвящена актуальному междисциплинарному исследованию на стыке психологии, социологии и компьютерного моделирования. Предлагается новый подход к когнитивному описанию поведения человека в агентных моделях социальных процессов в соответствии с концепцией TOTE, разработанной в рамках неохейвистического течения в зарубежной психологии. Взаимодействие человека с социальной средой формализуется в виде системы образов и планов. Рассматривается применение когнитивной архитектуры агента в имитационной модели миграционных процессов в малом городе.

Ключевые слова: когнитивное моделирование, неохейвизм, социальные процессы и явления, интеллектуальный агент.

The article is devoted to the interdisciplinary research at the intersection of psychology, sociology and computer modeling. A new approach to cognitive description of human behavior in agent-based models of social processes in accordance with the neobehaviouristic concept TOTE is shown. Human interaction with the social environment is formalized as a system of Images and Plans. The application of cognitive architecture agent is given in the simulation model of migration processes in a small town.

Keywords: cognitive modelling, neobehaviourism, social process, intelligent agent.

Построение универсальной модели поведения человека относится к числу важнейших научно-технических задач. Модели поведения представляют интерес как с позиций компьютерных наук (создание «искусственного интеллекта»), так и с точки зрения психологии и медицины, а также ряда гуманитарных дисциплин: экономики, социологии, политологии. Подходы к изучению такого комплексного явления, как человеческое поведение, существенно различаются. Большинство разработок в области искусственного интеллекта носит прикладной характер и имеет целью построение робастных систем технического назначения и экспертных систем, моделирующих процесс рассуждения, но не поведения человека. Медики и психологи ограничиваются качественным описанием отдельных аспектов восприятия и поведения индивидов, оставляя в стороне проблемы структуризации и компьютерного моделирования полученных закономерностей.

Для исследования социально-экономических процессов требуются когнитивные модели, сочетающие адекватность отражения важных для исследуемого явления поведенческих характеристик индивида с вычислительной сложностью, доступной для современных компьютеров [1]. Широкое распространение на рынке получают агентные имитационные модели, изучающие влияние поведения отдельных индивидов на динамику сложных организационных систем [5,7]. В связи с этим

перед разработчиками агентных моделей и систем имитационного моделирования стоит ряд новых научно-технических задач, важнейшей из которых является построение когнитивных моделей поведения человека как субъекта социальных, экономических и политических процессов.

Теоретические основы создания когнитивной архитектуры агента

Разработка когнитивной архитектуры интеллектуального агента является частной задачей по отношению к проблеме создания универсальной модели поведения и включает лишь те характеристики индивида, которые значимы для исследуемого явления. В основе предлагаемой когнитивной архитектуры интеллектуального агента лежит модель поведения TOTE, предложенная Д. Миллером, Ю. Галентером, К. Прибрамом в рамках теории неохейвизма [2].

План – это всякий иерархически построенный процесс в организме, способный контролировать порядок, в котором должна совершаться какая-либо последовательность операций. Когда человек выполняет *План*, он делает это шаг за шагом, завершая одну его часть и переходя к следующей. Для организма *План* представляет собой то же самое, что программа для ЭВМ. Впервые иерархическая структура *Плана* была применена для моделирования человеческих процессов мышления на

скоростных вычислительных устройствах Ньюэллом, Шоу и Саймоном.

Образ – это все накопленные и организованные знания человека о себе самом и о мире, в котором он существует. *Образ* включает все оценки и факты, приобретенные и организованные человеком при помощи тех понятий, образов и отношений, которые он смог выработать [2].

Формулировки *Планов* у человека должны включать часть *Образа*, поскольку то, что человек в состоянии выполнить данные планы, должно являться частью его *Образа* о самом себе. Знания должны быть включены в *План*, так как в противном случае *План* не может служить основой для руководства поведением. Следовательно, *Образы* могут составлять часть *Плана*. Можно внести изменения в *Образы* только путем выполнения *Планов* по сбору, накоплению и переработке информации. Изменения в *Планы* вносятся только на основании информации из *Образов*.

Схема *Test–Operate–Test–Exist* представляет собой сжатое описание связи между *Образом* и выполняемыми действиями из *Плана*. Фаза *Test* (проба) включает определение знаний, необходимых для сравнения, а фаза *Operate* (действие) – действия, которые организм выполняет в соответствии с полученными знаниями.

Планирование может рассматриваться как составление перечня проб, которые необходимо произвести [2]. Когда имеется отчетливый *Образ* желаемого результата, его можно использовать для создания условий, которые необходимо опробовать, и, будучи организованными в нужной последовательности, эти пробы составляют в стратегию возможного *Плана*.

Когнитивная архитектура агента в социально-экономическом процессе

При имитационном моделировании социально-экономических процессов значимыми являются следующие *Образы* агентов [3]:

1. *Объективный Образ Мира*, представляющий среду агентной модели. Каждый агент встраивается в *Объективный Образ Мира* через набор связей с его составляющими.

2. *Объективный Образ Агента*, включающий информацию о личных и социальных характеристиках агента. К личным характеристикам относятся пол, возраст, уровень интеллекта и способностей. Наиболее важными социальными характеристиками являются семейное положение, образование, квалификация. Сочетание различных характеристик определяет социальное состояние агента.

3. *Субъективный Образ Мира*, присущий отдельному агенту, отражается в модели через набор субъективных оценок уровня жизни

4. *Субъективный Образ Агента*. В реальном мире представление человека о самом себе включает широкий спектр знаний, умений, предпочтений и шаблонов поведения. Различие между объективными и субъективными характеристиками человека является существенной чертой реального мира и потому не

может игнорироваться при исследовании социально-экономических явлений.

Изменение *Образов* происходит по мере реализации *Планов* двух уровней: уровня агента и уровня системы [3,4]. *Планы* первого уровня реализуют процессы, в которых участвует отдельный агент:

- демографические (рождение, взросление, вступление в брак, развод, смерть);
- образовательные (поступление в образовательное учреждение, обучение в нем и его окончание);
- трудоустройства (поиск работы, увольнение);
- миграции (переезд в другой город или страну);
- социальный протест (организация или присоединение к законному или противозаконному протесту против существующего политического строя).

Поскольку в реальном мире социальные процессы происходят стихийно, корректная реализация *Планов* первого уровня является необходимым условием для построения адекватного прогноза социально-экономической ситуации [3,4].

Планы второго уровня отражают возможности воздействия на социальную ситуацию со стороны государства. К подобным *Планам* относятся программы поддержки регионов, увеличение или снижение социальных пособий, создание новых рабочих мест и др.

Применение когнитивной архитектуры агента при построении имитационных моделей социально-экономических явлений

Когнитивная архитектура интеллектуального агента нашла применение в разработанных автором агентных моделях миграционной ситуации в малом городе, динамики языковой ситуации в России и за рубежом, прогнозирования потребности в кадрах на градообразующем предприятии [3,4].

Рассмотрим в качестве примера использование предложенной когнитивной архитектуры в агентной модели миграционных процессов. Миграционные процессы по своей сути являются социальными, однако на их протекание существенное влияние оказывают биологические и экономические факторы. В статье [3] выделены основные факторы, влияющие на миграционные процессы, и предложены способы их формализации, оценки и учета при построении прогноза. В качестве инструментария моделирования было выбрано имитационное агентное моделирование [5,7]. Каждый агент обладает набором характеристик, позволяющим ему производить оценку и сравнение различных параметров уровня жизни и принимать решение о смене места жительства (система *Субъективных Образов*). С другой стороны, изменение состояния каждого агента оказывает влияние на внешнюю среду. Фактически, наиболее значимые в исследовании параметры среды – направление и структура миграционных потоков – складываются из отдельных агентов (система *Объективных Образов*) [3,4].

Информационное обеспечение агентной модели миграционных процессов включает минимальный набор характеристик агента и внешнего мира, не-

обходимый для построения перечисленных *Образов* и реализации *Планов*. Структура информационного обеспечения агентной модели представлена на рисунке 1 в виде инфологической модели, построенной в соответствии с требованиями стандарта UML [6]. Основными элементами инфологической модели являются сущности (*Агент*, *Домохозяйство*, *Рабочее место*, *Образовательное место*, *Жилое помещение*) и взаимосвязи между ними.

Система *Образов*, отражающая миграционную ситуацию в регионе, изменяется по мере выполнения *Планов*. *Планы* являются агрегированным выражением важных событий, происходящих в жизни человека и влияющих на его цели, возможности и оценки. *Планы* реализуются в виде алгоритмов событийной модели, которая складывается из четырех взаимосвязанных блоков [3].

1. Блок «Демография» включает события: *Взросление*, *Достижение пенсионного возраста*, *Вступление в брак*, *Рождение ребенка*, *Уход в декрет*, *Выход из декрета*, *Развод*, *Выход на пенсию*, *Смерть*.

2. Блок «Образование и трудоустройство», в который входят события: *Выбор образовательного учреждения (ОУ)*, *Поступление в ОУ*, *Окончание ОУ*, *Мобилизация на военную службу*, *Демобилизация*, *Трудоустройство*.

3. Блок «Рынок жилья» состоит из событий *Аренда жилья*, моделирующего поиск жилого помещения домохозяйством, не имеющим собственной жилой площади, и *Закрепление жилого помещения за домохозяйством*, в котором воспроизводится перераспределение жилых помещений в результате изменения состава домохозяйств, обусловленного событиями *Вступление в брак*, *Развод*, *Смерть*.

4. Блок «Принятие решения», в рамках которого происходит пересчет оценок уровня жизни в небольшом городе, ожидаемого уровня жизни в большом городе и уровня накопленного недовольства под влия-

нием событий из блоков «Демография», «Рынок жилья» и «Образование и трудоустройство».

Большинство событий взаимосвязаны в рамках одного блока. Так, в блоке «Образование и трудоустройство» за событием *Поступление в ОУ* следует его окончание через определенный промежуток времени и после этого *Мобилизация на военную службу* или *Постановка агента на биржу труда*. Однако возможно планирование событий одного блока в рамках другого. Например, за событием *Выход на пенсию* (блок «Демография») следует планирование события *Добавление рабочего места на биржу труда* (блок «Образование и трудоустройство»). Наиболее тесные взаимосвязи с другими блоками имеет блок «Принятие решения». Событие *Пересчет оценок* может быть инициировано из событий *Вступление в брак*, *Уход в декрет*, *Выход из декрета*, *Развод*, *Выход на пенсию*, *Смерть* (блок «Демография»), а также из событий *Трудоустройство* и *Увольнение* (блок «Образование и трудоустройство») [3].

Поскольку *Планы* тесно связаны с *Образами*, по мере реализации алгоритмов событийной модели изменяются значения атрибутов сущностей инфологической модели, таким образом формируются измененные объективные и субъективные *Образы*.

Выводы

Сфера использования когнитивной архитектуры интеллектуального агента охватывает социальные, экономические и политические модели, что доказывает ее универсальность. Дальнейшие исследования будут направлены как на совершенствование структуры когнитивной архитектуры интеллектуального агента путем интеграции в нее принципов и закономерностей, выявленных в рамках эмпирических исследований человеческого поведения, так и на расширение набора основанных на ней прикладных агентных моделей.

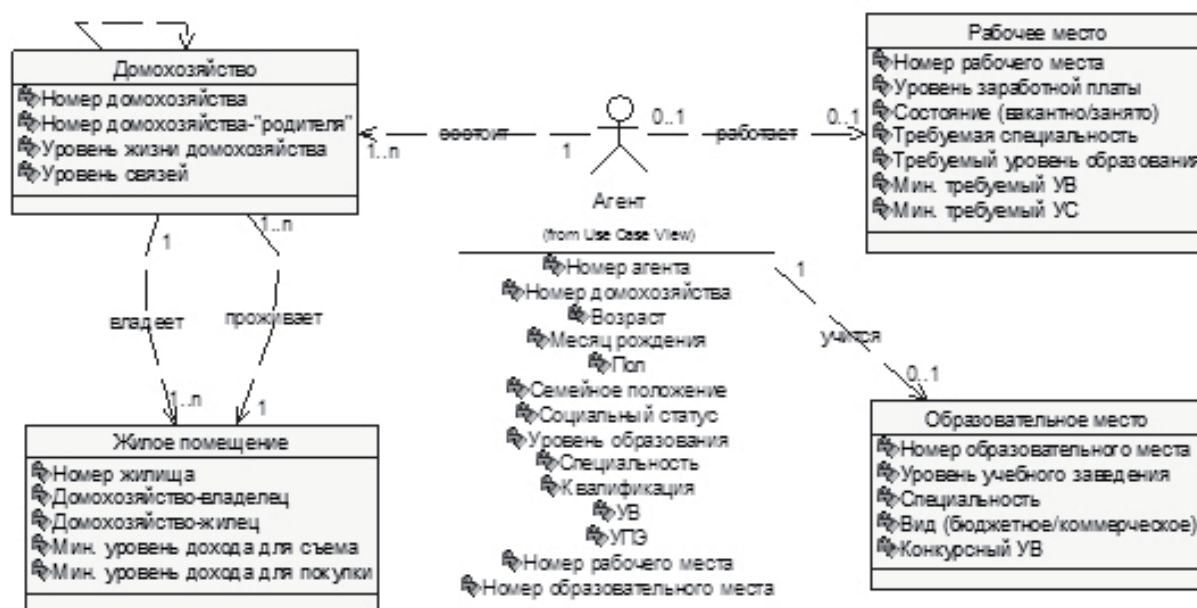

Рис. 1. Инфологическая модель миграционных процессов.

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон+РООИ Реабилитация, 2006.
2. Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. В кн.: История зарубежной психологии. М.: МГУ, 1986.
3. Савина А.Л. Алгоритмические аспекты построения агентной модели миграционных потоков. Пятая всероссийская научно-практическая конференция «Имитационное моделирование. Теория и практика» ИММОД 2011; 1:255-259.
4. Савина А.Л. Математическая модель принятия решений агентами в имитационной модели миграционных потоков. Информационные системы и технологии 2011: 6: 66-72.
5. Савина О.А. Имитационное моделирование экономических систем и процессов. Орел: ОрелГТУ, 2004.
6. Якобсон А., Буч Г., Рамбо Дж. Унифицированный процесс разработки программного обеспечения. СПб: Питер, 2002.
7. Epstein, J., Axtell R. Growing Artificial Societies: Social Science From the Bottom Up. MIT Press/Brookings Institution, 1996.

References

1. Durkheim E. Sociology. Its subject and method. M.: Kanon+ROOI Reabilitation, 2006.
 2. Miller D., Galanter J., Pribram K. Plans and structure of behaviour. In: History of foreign psycology. M.: MGU, 1986.
 3. Savina A.L. Algorithms in agent model of migration processes. The fifth scientific conference «Simulation modeling. Theory and pactice» IMMOD 2011; 1:255-259.
 4. Savina A.L. Mathematical model of agent's decision making in a simulation model of migration flows. Information systems and technologies 2011: 6: 66-72.
 5. Savina O.A. Simulation modeling of economical systems and processes. Orel: OrelGTU, 2004.
 6. Jacobson A., Buch G., Rambo J. Unified process of software development. SPb: Piter, 2002.
 7. Epstein, J., Axtell R. Growing Artificial Societies: Social Science From the Bottom Up. MIT Press/Brookings Institution, 1996.
-

УДК 330

UDC 330

В.М. МЕЛКУМЯН

кандидат экономических наук, доцент, кафедра социологии, политологии и экономики, Московский городской педагогический университет
E-mail: melkumyanv2002@mail.ru

V.M. MELKUMIAN

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Political Science and Economics, Moscow City Teachers Training University
E-mail: melkumyanv2002@mail.ru

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФОРМ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ПЕРЕМЕННЫХ ДЕНЕЖНОГО РЫНКА В МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ

TO DEFINITION OF FORMS OF INTERRELATIONS OF VARIABLES OF THE MONETARY MARKET IN MACROECONOMIC MODELS

Статья содержит анализ форм взаимосвязей переменных денежного рынка, которые обосновываются в модели совокупного спроса и совокупного предложения (модели AD-AS). Автор проводит сравнение определений категорий денежного предложения и процентных ставок в модели AD-AS и модели Маркса и выделяет некорректные допущения, на которых базируются определения механизмов функционирования денежного рынка в модели AD-AS.

Ключевые слова: макроэкономическое неравновесие, функция совокупного спроса, процентные ставки, предложение денежного капитала, модель Маркса, модель AD-AS.

The paper contains the analysis of the forms of Association of variables in the money market which are proved in the model of aggregate demand and aggregate supply (model AD-AS). The author compares the definitions of categories of money supply and interest rates in the AD-AS model and the model of Marx and identifies incorrect assumptions on which to base the definition of the mechanisms of functioning of the money market in the model of AD-AS.

Keywords: macroeconomic disequilibrium, the function of aggregate demand, interest rates, supply of money capital, Marx model, model AD-AS.

Модель совокупного спроса и совокупного предложения (модель AD-AS) обосновывает формы взаимосвязей совокупного спроса, совокупного предложения и уровня цен в рыночной экономике. Подход к определению форм взаимосвязей макропеременных, альтернативный определениям модели AD-AS в макроэкономической модели Маркса. Но авторы курсов экономической теории и макроэкономики (Г.С. Вечканов, С.С. Носова, Н.М. Розанова, В.В. Золотарчук, А.А. Никифоров, С.Ф. Серегина, Л.С. Тарасевич и другие) игнорируют модель Маркса при изложении проблем макроэкономической теории или излагают определения этой модели в крайне ограниченных размерах [3;6;8]. В изложении дискуссионных проблем экономической теории в отечественной литературе представлена позиция другой группы авторов. Проф. В.Я. Иохин, В.З. Баликоев, В.Д. Руднев, Б.Ф. Андреев и некоторые другие авторы выступают за включение в курс экономической теории основных положений марксистской экономической теории и в их числе макроэкономической теории Маркса, но не выделяют проблем в обосновании определений и выводов моделей макроэкономического равновесия. Эта особенность в изложении альтернативных теорий у названных авторов позволяет утверждать, что основные проблемы макроэкономической теории не получают у них необходимого рассмотрения и критической оценки, так как отличия в

принципах построения модели Маркса и моделей макроэкономического равновесия, к которым относится модель AD-AS, не получают у них необходимого определения.

Выделим в качестве предмета анализа в данной публикации проблемы в определениях макропеременных денежного рынка в модели AD-AS, которые не получают необходимого рассмотрения у названной группы “марксистских” авторов. Определения механизмов функционирования денежного рынка и формирования спроса и предложения на денежный капитал в модели AD-AS необходимо рассматривать исходя из общих определений понятий макроэкономического равновесия и неравновесия в данной модели. В модели Маркса доказывается, что состояние равновесия отдельной отрасли и макроэкономическое равновесие в масштабах всей рыночной экономики невозможно, что обусловлено действием механизмов рыночной конкуренции, а формой функционирования рыночной экономики выступает процесс ее движения от одного состояния неравновесия к другому. В модели AD-AS, напротив, обосновывается утверждение, что рыночная экономика неизбежно приходит к состоянию равновесия, а это равновесие определяется как совместное равновесие товарных и денежного рынка. Из этих исходных отличий в выводах модели Маркса и модели AD-AS логично следует вывод, что эти модели должны отличаться в трактовке категорий

равновесия и неравновесия в рыночной экономике. Но характеристика данных отличий в трактовке проблем макроэкономической теории с позиции модели Маркса и модели AD-AS не находит отражения у названной группы авторов. В данной связи представляется необходимым обозначить группы проблем в трактовке проблем макроэкономического равновесия и неравновесия в модели AD-AS и модели Маркса, которые не выделяются у названных “марксистских” авторов и которые требуют отдельного рассмотрения.

Во-первых, проф. В.Я. Иохин, В.З. Баликоев и другие “марксистские” авторы не выделяют исходных отличий в определении модели Маркса и модели AD-AS содержания понятия макроэкономического равновесия [7]. Во-вторых, проф. В.Я. Иохин, В.З. Баликоев и другие “марксистские” авторы не выделяют отличий в определении модели Маркса и модели AD-AS форм макроэкономического неравновесия и механизмов его формирования в рыночной экономике [7]. В-третьих, эти авторы не выделяют отличий в определении модели Маркса и модели AD-AS микроэкономических механизмов формирования и изменения предложения и спроса, на которых построено объяснение процессов перехода рыночной экономики от одного состояния макроэкономического неравновесия к другому в данных моделях [7]. В-четвертых, проф. В.Я. Иохин, В.З. Баликоев и другие “марксистские” авторы не выделяют отличий в определении модели Маркса и модели AD-AS макропеременных денежного рынка.

Определение параметров макроэкономического неравновесия в модели AD-AS построено на определении функций совокупного спроса и совокупного предложения, в которых совокупный спрос и совокупное предложение связываются формой функциональной зависимости с общим уровнем цен, а определение величины совокупного спроса и механизма ее изменения построено на определении механизмов формирования и изменения процентных ставок. Рассмотрим определение макропеременных денежного рынка в модели AD-AS и сравним эти определения с определениями модели Маркса. Прежде чем непосредственно перейти к анализу положений модели AD-AS необходимо определить, что будет пониматься в данной публикации под названием “макроэкономическая модель Маркса”.

Профессоры В.Я. Иохин, В.З. Баликоев и другие авторы из названной группы “марксистских” авторов курсов экономической теории при изложении макроэкономической модели Маркса ограничиваются определениями схем воспроизводства Маркса [1;2;4;9]. Но сведение макроэкономической модели Маркса к схемам воспроизводства Маркса, в которых показываются направления реализации совокупного общественного продукта и теории накопления капитала Маркса представляется некорректным и неполным и не позволяет сравнить определения этой модели с определениями модели AD-AS. В схемах воспроизводства Маркса представлена модель рыночной экономики, в которой реализация общественного продукта осуществляется без посредства денег и отсутствует кредитный рынок. Из

этого следует, что модель Маркса должна быть представлена как модель денежной экономики, в которой действуют механизмы формирования сбережений предприятий и отдельных индивидов и механизмы их перераспределения через кредитный рынок. Т.е. получается, что модель Маркса должна быть расширена на основе положений денежной теории Маркса и его теории ссудного капитала. В этой форме определения механизмов формирования совокупного спроса и предложения в модели Маркса можно сопоставить с альтернативными определениями модели AD-AS. Поэтому в данной публикации под макроэкономической моделью Маркса будет пониматься модель в данном расширенном значении этого понятия, что не совпадает с определениями модели Маркса у названной группы “марксистских” авторов. Начнем анализ модели AD-AS со сравнения механизмов формирования денежного предложения в модели AD-AS и модели Маркса.

Профессоры В.Я. Иохин, В.З. Баликоев и другие “марксистские” авторы не выделяют отличий в определении в модели Маркса и модели AD-AS механизмов формирования и изменения денежного предложения.

Во-первых, не выделяются отличия в определении механизма формирования денежного предложения в модели Маркса и модели AD-AS, которые выражаются в том, что в первой модели величина денежного предложения определяется соотношением спроса, предложения и цен в различных отраслях производства, а во второй модели величина денежного предложения определяется исходя из показателя денежной массы, что не позволяет объяснить формирование денежного предложения у участников денежного рынка. Во-вторых, проф. В.Я. Иохин, В.З. Баликоев и другие не выделяют отличий в определении механизмов изменения денежного предложения в модели Маркса и модели AD-AS, которые выражаются в том, что в первой модели в ситуациях макроэкономического неравновесия происходит изменение величины сбережений в рыночной экономике, что создает условия для изменения денежного предложения, а во второй модели допускается, что изменение денежного предложения представляет собой обратную функцию изменения цен. В-третьих, проф. В.Я. Иохин, В.З. Баликоев и другие “марксистские” авторы не выделяют проблем в определении механизмов изменения процентных ставок в модели AD-AS и формирования совокупного спроса, которые определяются “формулой” денежного предложения данной модели.

В модели AD-AS изменение процентных ставок при данной величине денежной массы выступает одной из причин изменения величины совокупного спроса при изменениях общего уровня цен. А эти изменения процентных ставок в данной модели в ситуациях перехода рыночной экономики от одного общего уровня цен к другому обосновываются на основе механизмов формирования и изменения денежного предложения или предложения капитала на денежно-кредитном рынке. В модели утверждается, что рост общего уровня цен вызывает рост процентных ставок и уменьшение потребительских и инвестиционных расходов, что при-

водит к уменьшению величины совокупного спроса, а уменьшение общего уровня цен вызывает падение процентных ставок, рост потребительских и инвестиционных расходов и увеличение величины совокупного спроса [5, с. 178-179]. Изменение общего уровня цен при данной величине денежной массы вызывает изменение величины спроса на деньги для сделок или той части денежной массы, которая используется для оплаты товаров и услуг предприятиями и отдельными индивидами. Это изменение величины спроса на деньги в модели AD-AS и определяет изменение процентных ставок: “когда уровень цен повышается, потребителям нужна большая сумма наличных денег для покупок; предпринимателям также требуется больше денег на выплату зарплаты и на другие необходимые расходы. Короче говоря, более высокий уровень цен увеличивает спрос на деньги. При неизменном объеме денежной массы увеличение спроса взвинчивает цену за пользование деньгами. Эта цена и есть процентная ставка” [5, с. 177]. А в ситуации падения общего уровня цен падение спроса на деньги для сделок вызывает падение процентной ставки. Это определение механизма изменения процентной ставки принимается и у названных “марксистских” авторов [2; 4; 9]. Из этих положений следует, что обоснование “формулы” изменения процентных ставок в модели AD-AS основано на принятии двух исходных допущений. Во-первых, в модели принимается, что величина денежной массы остается неизменной в рыночной экономике в процессе перехода рыночной экономики от одного состояния макроэкономического неравновесия к другому, что представляется допустимым предположением при построении теоретической макроэкономической модели. Во-вторых, в модели принимается, что денежное предложение на кредитном рынке или предложение денежного капитала прямо и непосредственно связано с размерами денежной массы или представляет собой определенную часть денежной массы. Т.е. в модели AD-AS величина денежной массы делится на две части, или “составляющие”. Первая часть денежной массы выполняет функцию обслуживания спроса на деньги для сделок. Эта “составляющая” денежной массы оказывается переменной величиной, которая изменяется с изменением общего уровня цен, так как изменение общего уровня цен приводит к изменению потребности в деньгах для сделок у предприятий и индивидов. Вторая часть денежной массы образует источник предложения капитала на кредитном рынке или рынке денежного капитала. Эта вторая составляющая денежной массы изменяется при изменении первой составляющей в результате изменения общего уровня цен. Обоснование “формулы” изменения процентных ставок в модель AD-AS построено на положении, что при росте уровня цен растет спрос на деньги для сделок, что при данной величине денежной массы приводит к уменьшению второй части денежной массы, которая образует предложение капитала на денежном рынке. Это неизбежно приводит к росту процентных ставок. При падении уровня цен вторая часть денежной массы увеличивается в результате снижения спроса на

деньги для сделок, что вызывает падение процентных ставок. Но эти положения модели AD-AS противостоят исходным положениям модели денежного рынка теории Маркса, что не отмечается у названной группы авторов. В модели Маркса допускается, что денежная масса может оставаться неизменной при переходе рыночной экономики от одного состояния неравновесия к другому, но доказывалось, что величина денежного предложения представляет собой “функцию” величины совокупного предложения и цен. Это положение модели Маркса основано на том, что источником формирования предложения денежного капитала определяются сбережения предприятий и индивидов, а не прямо и непосредственно денежная масса, как это допускает модель AD-AS. Из данных отличий в определении денежного предложения следуют и отличия в выводах модели Маркса и модели AD-AS в отношении изменения процентных ставок в ситуациях изменения общего уровня цен, которые рассматриваются в модели AD-AS. В модели Маркса в ситуациях неравновесия товарных рынков происходит изменение величины сбережений в рыночной экономике, что делает невозможным обоснование “формулы” изменения процентных ставок данной модели. Т.е. с позиции теории Маркса в ситуациях роста совокупного предложения и общего уровня цен допустимо принять, что в рыночной экономике происходит рост сбережений предприятий и индивидов, а в ситуациях падения совокупного предложения и падения общего уровня цен величина сбережений в рыночной экономике должна уменьшаться. Но в этих исходных условиях “формула” изменения процентных ставок модели AD-AS не может рассматриваться как абсолютный закон, так как необходимые предпосылки для ее действия – изменения денежного предложения – в этих ситуациях не реализуются. В теории Маркса в ситуациях перехода рыночной экономики от одного состояния неравновесия к другому возможны различные ситуации изменения процентных ставок, что отличается от закона изменения процентных ставок модели AD-AS. Отождествление денежного предложения с денежной массой определяет и другие проблемы в описании механизмов денежного рынка в модели AD-AS, которые не отмечаются у авторов современных учебников.

Профессоры В.Я. Иохин, В.З. Баликов и другие “марксистские” авторы не выделяют положения о том, что определение денежного предложения в модели AD-AS предполагает действие модели поведения заемщиков денежного капитала, которая противоречит механизмам денежного рынка в реальной рыночной экономике. Примем, что в рыночной экономике происходит рост общего уровня цен из исходной неравновесной “точки”. Т.е. примем, что в исходном состоянии макроэкономического неравновесия в рыночной экономике произошла “трансформация” определенной величины денежного предложения в заемный денежный капитал или в кредиты производителям и индивидам по некоторой процентной ставке. В условиях неравенства спроса и предложения в различных отраслях производства происходит рост уровня цен, что в модели AD-AS

выступает причиной уменьшения денежного предложения и роста процентных ставок. Но проблема в данном определении выражается в том, что для того, чтобы держатели денежных сбережений смогли скорректировать размеры своего спроса на деньги в сторону увеличения при данном изменении общего уровня цен, необходимо, чтобы их денежные резервы восстановились до исходного уровня или, другими словами, получатели кредитов осуществили их погашение. Но эта ситуация представляется невозможной в рыночной экономике. Т.е. в реальной рыночной экономике погашение кредитов заемщиками не связывается с условиями изменения цен на отдельных отраслевых рынках, как это получается в определении модели AD-AS. Получается, что для обоснования механизма изменения процентных ставок в модели необходимо принять крайне нереалистичные допущения относительно механизма изменения денежного предложения. Т.е. оказывается необходимым принять, что одни и те же субъекты денежного рынка постоянно привлекают короткие кредиты, которые они после очередного изменения цен погашают своим кредитам и после этого снова их привлекают, или допустить, что субъекты получаемых кредитов постоянно изменяются после их очередного погашения. Но и в том и в другом случае необходимо принять, что условия привлечения кредитов связаны с изменениями цен, что невозможно совместить с реальными условиями кредитования в рыночной экономике. Необходимо отметить и то, что процессы изменения цен в модели AD-AS представляются как краткосрочные процессы изменения цен, что означает, что за период времени, который продолжается от одного изменения цен до другого, проблематично сформировать денежные резервы, необходимые для погашения кредитов. Эта проблема в определении механизма формирования денежного предложения в модели AD-AS возникает и в ситуациях падения цен. Примем, что в исходном состоянии установления общего уровня цен выше равновесной величины производители и индивиды привлекли денежный капитал от держателей денежных резервов. В ситуации превышения предложения над спросом в определении модели AD-AS происходит падение уровня цен, что вызывает уменьшение спроса на деньги для сделок и позволяет увеличивать денежное предложение. Из определения функции AD следует, что при падении спроса на деньги и соответствующем изменении реального спроса, который в модели или уменьшается, или должен оставаться неизменным, должен наблюдаться рост предложения денежного капитала и рост спроса на товарных рынках, который формируется на основе привлекаемых производителями и индивидами кредитов. Т.е. получается, что производители и индивиды, которые привлекли кредиты при начальном уровне цен в ситуации превышения предложения над спросом, должны осуществить погашение этих кредитов с тем, чтобы вся величина увеличенного денежного предложения была размещена на денежно-кредитном рынке держателями денежных резервов по более низким процентным ставкам. В противном случае остается при-

знать, что размеры совокупного спроса окажутся не равными тем величинам, которые определены в функции AD. Т.е. окажется необходимым признать, что изменение совокупного спроса будет осуществляться только за счет возможного высвобождения части резервов или денежной массы в результате падения спроса на деньги для сделок. Но в этом случае величина совокупного спроса при переходе рыночной экономики от большего значения уровня цен к его меньшей величине не будет расти, а будет уменьшаться, так как часть кредитного спроса не может быть реализована на товарных рынках при ином уровне цен. Т.е. для обоснования функции AD оказывается необходимым принять то же некорректное допущение, которое выделено выше при анализе противоположной ситуации макроэкономического неравновесия. Но это допущение в ситуации падения уровня цен оказывается обосновать еще сложнее, чем в первой ситуации. Во-первых, в ситуации превышения предложения над спросом у производителей возникают проблемы с реализацией и получением денежных средств, необходимых для погашения кредитов. Во-вторых, у держателей денежных резервов возникают мотивы для отказа от размещения резервов или уменьшения величины размещаемого капитала в ситуациях превышения предложения над спросом на товарных рынках. Т.е. получается, что и в этой ситуации условие о необходимости многократного погашения и привлечения кредитов в ситуациях перехода рыночной экономики от одного общего уровня цен к другому проблематично обосновать, так как оно противоречит реальным условиям кредитования в рыночной экономике. Определение денежного предложения и совокупного спроса на основе величины денежной массы ставит и проблемы в обосновании “формулы” равновесия модели AD-AS.

Профессоры В.Я.Иохин, В.З.Баликоев и другие “марксистские” авторы не выделяют проблем в обосновании макроэкономического равновесия в модели AD-AS, которые определяются механизмами формирования спроса на основе величины денежной массы. В модели AD-AS обоснование возможности достижения макроэкономического равновесия построено на определенном взаимном положении функций совокупного спроса и совокупного предложения. Но определение в качестве источника формирования совокупного спроса денежной массы делает проблематичным обоснование возможности достижения состояния равновесия. В модели AD-AS, как доказывается в современных учебниках, функция совокупного спроса определяется как отрицательная функция уровня цен, а величина совокупного предложения – как положительная функция уровня цен. Это определение функций спроса и предложения как функций, обладающих противоположным наклоном, делает возможным обоснование положения о том, что “равновесие” в рыночной экономике возможно и его следует определять как точку пересечения этих функций. Но это определение функции AD вступает в противоречие с определением “размерности” денежной массы, которая в модели выступает как конечный источник формирования совокупного спроса. В модели

AD-AS, как отмечено выше, принимается, что денежная масса делится на две части, первая из которых обеспечивает спрос на деньги для сделок, а вторая часть обеспечивает спрос на заемный денежный капитал. Эта величина предложения денежного капитала изменяется при изменении общего уровня цен, как и величина первой части денежной массы, так как спрос на деньги для сделок изменяется в модели при изменении уровня цен. Но величина спроса на деньги для сделок отражает изменение величины спроса на товарных рынках, которая формируется производителями и отдельными индивидами. Т.е. в модели эта величина спроса оказывается величиной переменной, как и величина предложения денежного капитала. Но проблема выражается в том, что сумма этих двух переменных величин в модели должна оставаться величиной постоянной и быть равной размерам денежной массы. Из этого положения, которое со всей очевидностью следует из буквального прочтения определений модели AD-AS, следует, что форма графика функции AD определена некорректно, так как общая величина реальной и кредитной “составляющей” совокупного спроса должны оставаться неизменной при изменении общего уровня цен. Но

это означает, что функция AD должна быть представлена в форме вертикальной линии, а возможность ее пересечения с функцией AS будет зависеть от того, как определяется начальная точка функции совокупного предложения. Т.е. доказательство механизма формирования макроэкономического равновесия в модели AD-AS следует признать или прямо некорректным, или оказывается, что его можно принять только при введении в модель дополнительных условий относительно “размерности” функции совокупного предложения и величины денежной массы, что определениями модели не предусмотрено.

Итак, мы выделили и рассмотрели некоторые проблемы в определении переменных денежного рынка в модели AD-AS и выделили проблемы в доказательстве “формулы” “равновесия” данной модели. В модели Маркса обосновываются иные механизмы денежного рынка и определение его переменных – спроса на денежный капитал, предложения денежного капитала и процентных ставок. Но подробное сравнение определений модели денежного рынка Маркса и модели AD-AS требует отдельного рассмотрения в специальной публикации.

Библиографический список

1. Андреев Б.Ф. Системный курс экономической теории. СПб.: Лениздат, 1998. 506с.
2. Баликов В.З. Общая экономическая теория. М.: Омега-Л, 2010. 684 с.
3. Вечканов Г.С., Вечканова Г.Р. Макроэкономика: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2011. 448 с.
4. Иохин В.Я. Экономическая теория: Учебник. М.: Экономист, 2004. 861с.
5. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т. Т.1. М.: Республика, 1992. 399 с.
6. Аносова А.В., Ким И.А., Серегина С.Ф. Макроэкономика: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2011. 522 с.
7. Мелкумян В.М. К обоснованию формулы макроэкономического равновесия модели совокупного спроса и совокупного предложения// Вестник Московского областного педагогического университета. Серия “Экономика”. 2013. №2. С.31–39.
8. Никифоров А.А. Макроэкономика: научные школы, концепции, экономическая политика: учебное пособие. М.: Дело и Сервис, 2008. 534 с.
9. Политическая экономия (экономическая теория): Учебник. Под общей редакцией д.э.н., проф. В.Д.Руднева. М.: Дашков и К., 2012. 856с.
10. Экономическая теория: Учебник. Под ред. А.Г. Грязновой, Т.В. Чечелевой. М.: Экзамен, 2005. 592 с.

References

1. Andreev B.F. Systematic course of economic theory. SPb.: Lenizdat, 1998 506p.
2. Balikoev V.Z. General economic theory. M.: Omega-L, 2010. 684 p.
3. Vechkanov G.S, Vechkanova G.R. Macroeconomics: Textbook for Universities. SPb.: 2011. 448p.
4. Iohin V.Y. Economic theory: Textbook. M.: Economist, 2004. 861p.
5. Makkonnell K.R., Bryu S.L. Economics: Principles, Problems and Policies. In 2 volumes. Vol.1. M.: Respublika, 1992. 399p.
6. Anosova A.V., Kim I.A., Seregina S.F. Macroeconomics: a textbook for bachelor. M.: Yurait, 2011. 522 p.
7. Melkumyan V.M. To justification of formula macroeconomic equilibrium model of aggregate demand and aggregate supply. Vestnik Mockovskogo Oblasnogo Pedagogicheskogo Yniversiteta. Seria “Economika”. 2013. no2. Pp. 31–39.
8. Nikiforov A.A. Macroeconomics: scientific schools, the concept of economic policy: a tutorial. M.: Bizness and Servis. 2008. 534 p.
9. Political Economy (economics): Textbook / Edited by prof. V.D.Rudnev. M.: Dashkov and K, 2012. 856p.
10. Economic Theory: Textbook / Ed. A.G.Gryaznovoy, T.V.Chechelevoy. M.: Exam, 2005. 592 p.

М.С. ОБОРИН

кандидат географических наук, зав. кафедрой экономического анализа и статистики, Пермский институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова

M.S. OBOBIN

Candidate of geographical sciences, Head of the department of the economic analysis and statistics, Perm institute (branch) REU named after G.V. Plekhanov

ТУРИСТСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ И ОПРЕДЕЛЕНИЙ

TOURIST INFRASTRUCTURE: SOCIAL AND ECONOMIC ANALYSIS OF THE BASIC CONCEPTS AND DEFINITIONS

В статье приведен подробный анализ изучения теоретических основ туристской и курортной инфраструктуры. В работе выявлены основные отличия и сходства разных подходов анализа туристской инфраструктуры. Предложена классификация туристской инфраструктуры с последующей характеристикой составляющих элементов.

Ключевые слова: инфраструктура, туризм, туристская инфраструктура.

The detailed analysis of studying the theoretical bases of tourist and resort infrastructure is provided in the article. In the work the main differences and similarities of different approaches of the analysis of tourist infrastructure are revealed. The classification of tourist infrastructure with the subsequent characteristic of making elements is offered.

Keywords: infrastructure, tourism, tourist infrastructure.

Жизнедеятельность человека осуществляется за счет постоянного удовлетворения разнообразных физиологических, социальных, производственных, культурных и духовных потребностей через материальные объекты инфраструктуры. Все это требует создания определенных условий, включающих элементы инфраструктурного комплекса, которые позволяют максимально реализовать потребности человека. Объекты инфраструктуры начали развиваться с момента появления человека и в настоящее время повсюду окружают нас, играя значительную роль в жизни каждого, формируя определенную социально-экономическую среду.

Инфраструктура представляет собой объединение объектов материальной сферы человека, которая формирует необходимые условия создания объектов, зданий, сооружений, машин, оборудования, информационных и финансовых потоков, а также разнообразных услуг, организации деятельности и производственных процессов. Понятие «инфраструктура» носит сложный, комплексный, а иногда противоречивый характер, где многие авторы в его содержание вкладывают различный смысл.

Инфраструктура (лат. *infra* – «ниже», «под» и лат. *structura* – «строение», «расположение») [16] – неотъемлемая часть материально-технической базы общественного развития, которая создает благоприятные условия для дальнейшего функционирования предприятий, социальных и финансово-административных структур.

Согласно градостроительному кодексу России [5, ст. 1] «инженерная, транспортная, социальная инфраструктура представляет комплекс сооружений и коммуникаций транспорта, связи, инженерного оборудования,

а также объектов социального и культурно-бытового обслуживания населения, обеспечивающий устойчивое развитие и функционирование поселений и межпоселенных территорий».

По мнению М.Д. Шарыгина [19], инфраструктура представляет собой сложный комплекс, включающий разнообразные виды деятельности человека (рис.1).

Рис. 1. Инфраструктура территориальных социально-экономических систем (по М.Д. Шарыгину).

В инфраструктурном комплексе М.Д. Шарыгин выделяет многие виды инфраструктуры, среди которых социально-культурная, социально-бытовая, производственная и т.д., обеспечивающие функции обслуживания населения. Рыночная инфраструктура направлена на продажу и покупку товаров, институциональная инфраструктура представлена зданиями и сооружениями, несущими образовательные и воспитательные функции. Природно-ресурсная инфраструктура направлена на добычу и использование природных ресурсов, экологическая инфраструктура направлена на поддержание экологического баланса, путем установления очистных сооружений, фильтров и т.п. Рекреационная инфраструктура включает комплекс объектов туристско-рекреационной деятельности, направленной на организацию отдыха, оздоровление и восстановление утраченных сил и здоровья человека.

Микоян Д.С. [12] в своих работах исследовала социально-экономические аспекты развития инфраструктурного комплекса санаторно-курортной специализации и приводит следующее определение инфраструктуры.

- Инфраструктура – это различные отрасли и виды деятельности, обеспечивающих материальное производство и необходимый уровень жизни населения;
- Инфраструктура – это совокупность инженерно-технических сооружений и объектов, обеспечивающих экономически эффективное существование предприятия, сферы производства на определенной территории;
- Инфраструктура – материально-техническая база, выполняющая функции развития социальных и экономических процессов.
- Инфраструктура – единый функциональный объект, деятельность которого направлена на создание общих условий производства и социального развития.

Соглашаясь с автором, можно отметить, что инфраструктура в первую очередь носит материальный характер, поскольку представляет собой созданные человеком материальные объекты (здания, сооружения, оборудование и т.д.). Кроме этого, инфраструктурные объекты создают необходимые условия для создания какой-либо услуги или деятельности в целом. Следовательно, в состав инфраструктуры входят определенные объекты, которые формируют необходимую среду для реализации конкретного вида деятельности.

С.И. Яковлева [20] представляет инфраструктуру как объект, который формирует множество социально-экономических и производственных функций, раскрыть которые можно только при описании их значения.

В комплекс социально-экономических функций она включает строительство и ремонт, оказание потребительских услуг, охраны здоровья людей, охраны и оздоровления окружающей среды, информационно-консультативный и др. В блок пространственных функций инфраструктуры входит инфраструктура размещения, дифференцирующая, коммуникационная, интегрирующая, процессуальная, морфологическая и управленческая.

Приведенное функциональное значение инфраструктуры полностью отражает цель создания инфра-

структурных объектов, что позволяет в полной мере отразить необходимость создания конкретного инфраструктурного комплекса.

Обобщая термины ученых, можно сказать, что инфраструктура представлена системой связанных между собой объектов, структур и отраслей, позволяющих реализацию различных целей человека.

Инфраструктуру можно характеризовать как совокупность материальных объектов, созданных человеком для оказания определенных услуг и организации разных видов деятельности. Деятельность и услуги человека не могут возникать без использования объектов инфраструктуры. Комплексное определение инфраструктуры можно отразить через приведенную ниже схему (рис. 2).

Рассматривая рис. 2, можно сказать, что производственные и инженерные объекты включают инфраструктуру для технологических процессов (турбины, генераторы, котельные печи и т.д.). Социальная инфраструктура направлена на решение общественных задач (образование, воспитание, духовно-нравственное развитие) и представлена библиотеками, детскими садами, школами, больницами. Рыночные объекты необходимы для продажи и покупки товаров народного потребления, представлены рынками, магазинами, базарами, киосками, торговыми лавочками и т.д. Транспортная инфраструктура – одна из самых важных и значимых в организации любой деятельности – дороги и их покрытие, автомобильный парк, автобоксы, станция технического обслуживания, автостоянки. Рекреационная инфраструктура очень разнообразна и состоит из пляжей, лодочной станции, спортивных залов, аквацентра, пунктов проката спортивного инвентаря, бассейнов, объектов историко-культурного наследия, лесного и ландшафтного благоустройства, рыбацких и охотничьих хозяйств, социально-бытовых и ремонтных учреждений. Институциональная инфраструктура направлена на выполнение функций образования институтов с целью выполнения определенных социальных функций. Административно-финансовая инфраструктура направлена на создание условий для организации производства, процессов, услуги, управления персоналом с целью финансового обеспечения производства.

Рис. 2. Схема инфраструктурного комплекса.

Санаторно-курортная деятельность является основной формой рекреационной деятельности, и это говорит о том, что подсистема курортной инфраструктуры представляет собой составную часть туристско-рекреационной системы. К функциям туристско-рекреационной инфраструктуры можно отнести:

- ✓ восстановление утраченных сил;
- ✓ лечение и оздоровление больных и отдыхающих;
- ✓ выполнение социальных функций (отдых, проведение досуга, развлечение, духовное обогащение);
- ✓ воспитание и образование;
- ✓ познание окружающего мира;
- ✓ материально-экономические функции (направлены на получение прибыли, увеличения выручки и т.п.).

Кроме понятия туристско-рекреационного комплекса необходимо рассмотреть индустрию туризма, являющуюся основой для организации туристских, санаторно-курортных и рекреационных услуг.

И.В. Зорин и В.А. Квартальным [7] под индустрией туризма понимается межотраслевой комплекс, организованный с целью производства товаров и услуг для сферы туризма; или самостоятельное звено хозяйственной структуры, созданное с целью удовлетворения спектра спросов на различные виды отдыха и развлечений.

Согласно ст. 1 Федерального закона «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации» N 12-ФЗ от 05.02.2007 [17] туристская индустрия рассматривается как «совокупность гостиниц и иных средств размещения, средств транспорта, объектов общественного питания, объектов и средств развлечения, объектов познавательного, делового, лечебно-оздоровительного, физкультурно-спортивного и иного назначения, организации, осуществляющие туроператорскую и турагентскую деятельность, операции туристских информационных систем, а также предприятия, предлагающие услуги экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников».

Архипова В.Ф. и Левизов А.С. [1] приводят характеристику индустрии туризма как комплекса сооружений и систем производства социального и рекреационного назначения, сформированных для сферы туризма. Таким образом, под индустрией туризма стоит представлять объекты, то есть сооружения, созданные для реализации определенной деятельности, к примеру, рекреационной или лечебно-оздоровительной (рис. 3).

Они подразделяют индустрию туризма на два блока: первый представлен индустрией гостеприимства, включая предприятия по услугам размещения: гостиницы, отели, мотели, пансионаты и организации общественного питания, к ним относятся кафе, рестораны, столовые и т.д. Второй блок представлен туристской инфраструктурной составляющей, состоящий из трех уровней: первый (базовый), включает производственную инфраструктуру (производственные корпуса, создание машин, агрегатов), второй и третий уровни – предприятия и организации, участвующие в формировании туристического продукта или услуги (инфраструктура добычи и использования природных ресурсов).

Объединяя второй и третий уровни, можно сказать о том, что происходит формирование предприятий по эксплуатации транспортной инфраструктуры, питания, спортивно-оздоровительного, культурно-досугового секторов. Таким образом, при комплексном формировании всех трех блоков происходит разностороннее развитие туристской индустрии с особенно значительным уклоном на развитие туристской инфраструктуры.

Основными функциями туристской инфраструктуры являются: восстановление жизненных сил, познание окружающего мира и отдых населения, оказание необходимых услуг на основе использования специализированных объектов. Определение туристской инфраструктуры сложно, поскольку выполняемые функции носят лечебно-оздоровительный и рекреационный характер.

Рис. 3. Классификация индустрии туризма (по В.Ф. Архиповой и А.С. Левезову [1]).

По мнению И.В. Зорина и В.А. Квартального [7], туристская инфраструктура представлена комплексом сооружений и сетей производственного, социального, рекреационного назначения, которая используется для поддержания жизнедеятельности туристов. С приведенным определением нельзя не согласиться, поскольку инфраструктура туризма направлена на воздействие всех сторон жизнедеятельности человека.

Микоян Д.С. [12] в своей работе приводит классификацию туристской инфраструктуры, основанную на целях сформированной деятельности и методах организации и управления (рис. 4).

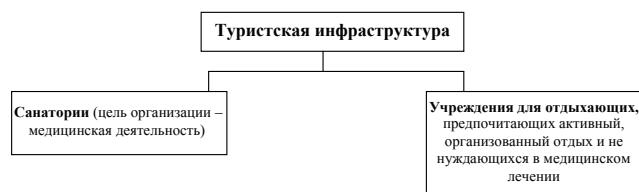

Рис. 4. Классификация туристской инфраструктуры по целям организации.

Представленная классификация учитывает причины образования отраслей туристского комплекса инфраструктуры, рассматриваются санатории, причиной возникновения которых является оказание медицинских услуг для отдыхающих. Кроме санаториев, в состав туристской инфраструктуры, по мнению автора, входят учреждения для отдыхающих, которые не нуждаются в медицинском лечении. Приведенный подход к классификации туристской инфраструктуры является базовым, но он рассматривает только организации туризма, то есть средства размещения, не включая иные объекты инфраструктуры.

Асланов Д.И. [2] рассматривает основы трансформации санаторно-курортного комплекса региона, где немаловажную долю занимает инфраструктура. Этот блок в санаторно-курортном комплексе автор назвал вспомогательным.

Автор в состав первой вспомогательной части схемы трансформации санаторно-курортного комплекса

включает социально-культурную сферу и рекреацию, которая представлена социальными объектами отдыха и развлечений, и в туристскую инфраструктуру включает только средства размещения и виды туризма. Вторая часть более обширна и представлена обслуживающей инфраструктурой, включая общественное питание, финансовую сферу, агропромышленный комплекс, средства связи, лесное хозяйство, транспортную инфраструктуру и коммунальное хозяйство.

Приведенная автором схема является комплексной и содержит объемные части вспомогательного инфраструктурного блока санаторно-курортного комплекса. Приведенная классификация не является исчерпывающей, поскольку туристская инфраструктура в ней включает только средства размещения и виды туризма, где не учитываются объекты питания, перевозки и рекреации.

Горина А.П. [4], исследуя вопросы модернизации инфраструктуры, приводит классификацию инфраструктуры по реализации туристской деятельности (рис. 5).

Рис. 5. Классификация объектов инфраструктуры по методу превалирования обслуживания туристов.

Приведенная классификация включает односторонний принцип исследования, который отражает использование инфраструктурного комплекса с целью обслуживания туристов и местных жителей, либо основной целью создания которого является обслуживание местных жителей. Приведенный критерий, на наш взгляд, является односторонним, поскольку обслуживание объектами инфраструктуры преимущественно местных жителей является примером гражданского строительства.

В зависимости от целей туризма можно привести комплексную классификацию туристской инфраструктуры (рис. 6.), которая отражает прямую специализацию объектов инфраструктуры.

Рис. 6. Комплекс туристской инфраструктуры по видам туризма.

Виноградова М.В. и Солдатов П.И. [3] определяют инфраструктуру туристского комплекса как определенную подсистему, оказывающую возможность и способность реализации туристических мотивов, достижению цели поездки потребителя. Авторами выдвигается мнение, что инфраструктура туристского комплекса играет роль катализатора в развитии туристической деятельности, что является оправданным, т.к. она является основой для реализации разнообразных туристских и рекреационных услуг.

Как мы можем видеть на рис. 6, в туристской инфраструктуре выделяются следующие составные части: транспортное обслуживание, гостиничное обслуживание, сфера общественного питания, развлекательно-зрелищная сфера и спортивно-оздоровительный сервис, экскурсионное обслуживание, финансовое обслуживание, информационное обеспечение и поддержка, средства и системы связи, производство сувенирной продукции и изделий народного промысла, производство туристской и спортивной продукции, розничная торговля, сфера бытовых услуг. Рассматриваемая классификация является вполне функциональной и емкой, поскольку в ней отражены все главные составные части туристской инфраструктуры.

А.Л. Косманев [9] определяет туристскую инфраструктуру как комплекс сооружений, коммуникационных сетей и предприятий для обслуживания туристов и оказания комплекса необходимых услуг с целью формирования туристско-рекреационной сферы, включающий

три группы отраслей: производственную, социальную, рекреационную. Приведенная классификация является логически обоснованной, поскольку при организации любого туристского комплекса задействованными считаются объекты производства (котельные, цехи, прачки и т.д.), социальной сферы (средства размещения) и рекреации (средства восстановления утраченных сил, здоровья, улучшения настроения и т.д.) и т.д.

Неким итогом его работы можно считать схему, в которой комплексно отражены основные группы услуг и объекты туристской инфраструктуры (рис. 7).

В приведенной классификации основных объектов туристской инфраструктуры отражены основные группы услуг, оказываемых при организации туристской деятельности с использованием основных объектов инфраструктурного комплекса.

Таким образом, под *туристской инфраструктурой* мы понимаем сложный материально-экономический, историко-культурный и социальный комплекс объектов, направленных на организацию лечебной, оздоровительной, рекреационной, познавательной видов деятельности с целью удовлетворения разнообразных потребностей человека на территории, отличающейся от места постоянного проживания.

На основе приведенного определения можно привести следующую общую классификацию туристской инфраструктуры, отражающую взаимодействие объектов производства и оказываемых услуг (рис. 8.).

Рис. 7. Основные группы услуг и объектов туристской инфраструктуры (по Косманеву А.Л.).

Рис. 8. Общая классификация туристской инфраструктуры.

Представленная схема на рис. 8 отражает туристскую инфраструктуру, основанную на использовании объектов для оказания туристских и лечебно-оздоровительных услуг, и в ней выделяются следующие крупные блоки:

✓ Инфраструктура гостеприимства включает средства размещения туристов и отдыхающих (гостиницы, мотели, отели, корпуса, коттеджи, пансионаты). Вторая составная часть включает объекты питания (столовые, кафе, диетстоловые и т.п.);

✓ Административно-хозяйственная инфраструктура включает объекты хозяйственной постройки (административно-управленческие корпуса, котельные, прачечные, теплицы и т.п.), необходимые с целью управления всей базой комплекса.

✓ Финансово-государственная и предпринимательская инфраструктура включает разнообразные финансовые (банки, биржи, кредитные организации), государственные (исполнительные и законодательные институты), а также предпринимательские (фонды развития, союзы и картели) объекты инфраструктуры.

✓ Рекреационная инфраструктура – историко-культурные объекты, объекты экскурсионного показа, спортивные объекты, инфраструктура ООПТ. Является важным компонентом, поскольку формирует положительное эмоциональное настроение отдыхающих.

✓ Транспортно-дорожная инфраструктура включает объекты автотранспортного парка (автомобили, хозяйственная техника), необходимые для доставки туристов, дорожное полотно, остановочные пункты, автосервисы, заправки.

✓ Социальная инфраструктура необходима на территории санаторно-курортного комплекса, поскольку формирует важные личностные качества – образованность, воспитание, развитие культурной сферы отдыхающих. Включает больницы, библиотеки, образовательные учреждения.

✓ Торговая инфраструктура включает объекты розничной продажи товаров – рынки, торговые лавки,

магазины, необходимые для продажи продуктов народного потребления.

✓ Информационная инфраструктура включает объекты телекоммуникации, радиокommunikации, интернет, стационарную и мобильную связь. Особенно важным компонентом она считается в настоящее время, поскольку в связи с внедрением системы Интернет и мобильных телефонов человек привык быть всегда в зоне доступа сети.

✓ Лечебная инфраструктура является важным блоком по развитию лечебно-оздоровительного туризма. К ней относятся объекты лечебно-оздоровительного комплекса, специализирующегося на лечении и профилактике заболеваний, среди которых можно выделить больницы, клиники, медицинские центры, профилактические корпуса, бьюеты, диетстоловые, лечебницы (бальнеолечебница, спелеокамера, аэрокамера), спортивные комплексы, оказывающие оздоровительные услуги (массаж, спа-услуги, бассейн) и т.д.

В последнее время можно наблюдать достаточно стабильное и поступательное развитие туристско-рекреационной деятельности в отдельных регионах страны (города Москва, Санкт-Петербург, республики Алтай, Карелия, Дагестан, Башкортостан, Хакасия, Краснодарский, Ставропольский, Алтайский, Пермский, Красноярский края, Самарская, Саратовская, Кировская области и т.д.), которая обеспечивает поступление налоговых отчислений в бюджеты разного уровня, создание дополнительных рабочих мест и социально-экономическое развитие местной территории. Основным условием успешного развития туристского бизнеса является разнообразная и качественная туристская инфраструктура, полностью удовлетворяющая все потребности потенциальных туристов. Следовательно, теоретическое и практическое изучение природных и социально-экономических положений формирования туристской инфраструктуры представляет собой важную задачу.

Библиографический список

1. *Архитова В.Ф., Левизов А.С.* Об инфраструктуре как определяющем факторе развития туризма в регионе // Вестник ВладГУ. Владимир: ВГУ, №72, 2005. С. 21–23.
2. *Асланов Д.И.* Развитие теоретико-методологических основ трансформации санаторно-курортного комплекса региона. Автореф... д-ра экон. наук. Екатеринбург: УрГЭУ, 2013. 46 с.
3. *Виноградова М.В., Солдатов П.И.* Инфраструктура туристского комплекса // Вестник ТомГУ, №324. Томск: ТомГУ, 2009. С.264–271.
4. *Горина А.П., Горин И.А., Горина О.В.* Модернизация объектов туристской инфраструктуры в Республике Мордовия // Экономика и управление: новые вызовы и перспективы: сб. ст. II международной научно-практической конференции. Поволжский гос. ун-т сервиса. Тольятти: Изд-во ПВГУС, 2011. С. 90–93.
5. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. N-190-ФЗ (ред. от 01.01.2014). [Электронный ресурс]
6. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Число санаторно-курортных организаций. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.fedstat.ru>
7. *Зорин И.В., Квартальнов В.А.* Энциклопедия туризма: справочник. М.: Финансы и статистика, 2003. 368 с.
8. Коллективные средства размещения Пермского края / Статистический сборник (Пермьстат). Пермь, 2002–2012 гг. 41 с.
9. *Косманев А.Л.* Региональная туристская инфраструктура: подходы, методы и опыт исследования // Псковский регионально-логический журнал, №10. 2010. С.46–57.
10. *Косманев А.Л.* Подходы к определению туристской инфраструктуры // Возможности развития туризма Сибирского региона и сопредельных территорий: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Томск, 2009. С.43–45.
11. *Кусков А.С., Джалаляев Ю.А.* Основы туризма: учебник. М.: КНОРУС, 2008. 400 с.
12. *Микоян Д.С.* Социально-экономическое развитие инфраструктуры санаторно-курортной сферы региона. Автореф... канд. экон. наук. М., 2009. 22 с.

13. *Оборин М.С.* Лечебно-оздоровительный туризм: теоретические подходы и классификация // Организация территории: статика, динамика, управление: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: изд-во БГПУ, 2012. С.176–179.
14. *Оборин М.С.* Состояние и перспективы развития санаторно-курортной отрасли Пермского края // Современная курортология: наука и практика: сборник трудов научно-практической конференции, посвященной 185-летию курорта «Ключи». Пермь: ПГМА, 2011. С.178–180.
15. *Оборин М.С.* Подходы к определению сущности курортной инфраструктуры региона: теория и практика // Известия УрГЭУ. № 1(51), 2014. С.66–71.
16. Понятие инфраструктура. Современный толковый словарь. [Электронный ресурс]- Режим доступа: <http://www.rus.freecopy.ru/print.php?id=186974>
17. Федеральный закон от 24.11.1996 N132-ФЗ (ред. от 03.05.2012) «Об основах туристской деятельности в РФ» ст.1. основные понятия [Электронный ресурс]- Режим доступа: http://www.ozpp.ru/zknd/turi/turi_3777.html
18. *Худеньких Ю.А.* Пермский туризм: территориальная организация и региональное развитие. Пермь: Перм. ун-т, 2006. 191 с.
19. *Шарыгин М.Д.* Эволюция учения о территориальных общественных системах // Географический вестник, №1. Пермь, 2006. С. 4–13.
20. *Яковлева С.И.* Инфраструктурное обеспечение регионального развития. Автореф....дис. д-ра экон. наук. СПб., 2005. 34 с.

References

1. *Arkhipova V. F. Levizov A.S.* About infrastructure as a defining factor of development of tourism in the region//the Messenger VladGU. Vladimir: VGU, No. 72, 2005. Pp. 21–23.
2. *Aslanov D.I.* Development of theorist-methodological bases of transformation of a sanatorium complex of the region. Abstract of the doctor of economics. Yekaterinburg: URGEU, 2013. 46 p.
3. *Vinogradova M. V., Soldatov P. I.* Infrastructure of a tourist complex//Messenger of TOMGU, No. 324. Tomsk: TomSU, 2009. Pp. 264–271.
4. *Gorina A.P., Gorin I.A., Gorina O.V.* Modernization of objects tourist infrastructure in the Republic of Mordovia//Economy and management: new calls and prospects: collection of articles, 2-d international scientific and practical conference. The Volga region state. service institute. Tolyatti: PVGUS publishing house, 2011. Pp. 90–93.
5. The town-planning code of the Russian Federation of 29.12.2004 of N-190-FZ (an edition of 01.01.2014). [An electronic resource] - an access Mode: <http://www.consultant.ru/popular/gskrf/>.
6. Uniform interdepartmental information and statistical system (EMMISS). Number of the sanatorium organizations. [An electronic resource] - an access Mode: <http://www.fedstat.ru>
7. *Zorin I.V. Kvartalnov V.A.* Tourism encyclopedia: reference book. M.: Finance and statistics, 2003. 368 p.
8. Collective means of placement of Perm region / Statistical collection (Permstat). Perm, 2002–2012. 41 p.
9. *Kosmanev A.L.* Regional tourist infrastructure: approaches, methods and experience of research//Pskov region magazine, No. 10. 2010. P. 46–57.
10. *Kosmanev A.L.* Approaches to definition of tourist infrastructure//Possibilities of development of tourism of the Siberian region and the adjacent of territories: Materials of interregional scientific and practical conference. Tomsk, 2009. Pp. 43–45.
11. Pieces of Ampere-second. *Dzhaladyan Yu.A.* Tourism bases: textbook. M.: KNORUS, 2008. 400 p.
12. *Mikoyan D. S.* Social and economic development of infrastructure of the sanatorium sphere of the region. Abstract of candidate of economic sciences. M, 2009. 22 p.
13. *Oborin M. S.* Medical and improving tourism: theoretical approaches and classification//territory Organization: statics, dynamics, management: Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Ufa: BGPU publishing house, 2012. Pp. 176–179.
14. *Oborin M. S.* Sostoyaniye and prospects of development of sanatorium branch of Perm region //Modern balneology: science and practice: the collection of works of the scientific and practical conference devoted to the 185 anniversary of the resort “Kluchi”. Perm: PGMA, 2011. Pp. 178–180.
15. *Oborin M. S.* Approaches to definition of essence of resort infrastructure of the region: theory and practice//Izvestiya URGEU. № 1(51), 2014. Pp. 66–71.
16. Concept infrastructure. Modern explanatory dictionary. [An electronic resource] - a access Mode: <http://www.rus.freecopy.ru/print.php?id=186974>
17. The federal law of 24.11.1996 N132-FZ (an edition of 03.05.2012) “About bases of tourist activity in the Russian Federation” Art. 1. basic concepts [Electronic resource] - Access mode: http://www.ozpp.ru/zknd/turi/turi_3777.html
18. *Khuden'kykh Yu.A.* Perm tourism: territorial organization and regional development. Perm: Perm institute, 2006. 191 p.
19. *Sharygin M. D.* Doctrine evolution about territorial public systems//the Geographical messenger, No. 1. Perm, 2006. Pp. 4–13.
20. *Yakovleva S.I.* Infrastructure ensuring regional development. Abstract of the doctor of economics. sciences. SPb. 2005. 34 p.

УДК 519.863

UDK 519.863

М.Н. УВАРОВА

кандидат экономических наук, доцент, кафедра математики, Орловский государственный аграрный университет

E-mail: uvarovamn@mail.ru

Т.А. ПАВЛОВА

кандидат технических наук, доцент, кафедра математики, Орловский государственный аграрный университет

E-mail: pavlova-tatyana@mail.ru

M.N. UVAROVA

Candidate of Economic Sciences, Associate professor, Department of mathematics, Orel State Agrarian University

E-mail: uvarovamn@mail.ru

T.A. PAVLOVA

Candidate of Technical Sciences, Associate professor, Department of mathematics, Orel State Agrarian University

E-mail: pavlova-tatyana@mail.ru

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

MATHEMATICAL MODEL OF OPTIMIZATION OF MANUFACTURE OF AGRICULTURAL PRODUCTION

В статье рассматривается математическая модель оптимизации параметров производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах области на примере Орловского района Орловской области. Основной целью модели является получение максимального дохода от реализации дополнительной продукции с учетом обеспечения жителей необходимыми продуктами питания.

Ключевые слова: экономико-математическое моделирование, личные подсобные хозяйства, оптимизация производства сельскохозяйственной продукции, анализ производственной деятельности.

In article the mathematical model of optimization of parameters of production of agricultural production in personal subsidiary farms of area on the example of the Oryol region of the Oryol region is considered. Main objective of model is to obtain the maximum income from realization of additional production taking into account providing inhabitants with necessary food.

Keywords: economic-mathematical modeling, personal subsidiary farms, optimization of production of agricultural production, analysis of a production activity.

Сфера применения информационных технологий в настоящее время значительно расширилась. Математическая логика и теория алгоритмов используются в тех сферах, где необходимо своевременно собрать, обработать и использовать все увеличивающийся объем информации, необходимый для управления разнообразными процессами и явлениями в сельском хозяйстве. Экономико-математическое моделирование позволяет повысить качество и сократить сроки составления сводок, отчетов, планов, значительно облегчить труд работников сельскохозяйственного производства, оно основывается на принципе аналогии (подобия, сходства) между двумя объектами или явлениями, имеющими часто совершенно разную природу. В этом случае один из объектов рассматривается как оригинал, а второй как его модель-копия. Наиболее существенным сходством оригинала и его модели является сходство их поведения при определенных условиях. Использование экономико-математической модели позволяет рассмотреть явление в "чистом" виде, не искаженным посторонними влияниями и ненужными деталями; провести эксперимент там, где он невозможен из-за недоступности реального объекта или его дороговизны; модель дает возможность многократного повторения опыта до получения всесторонне обоснованных выводов, до познания сущности явления; моделирование позволяет

экспериментировать с системой, меняя ее характеристики и исследуя поведение, что не всегда возможно при изучении реальных систем, например, в экономике, сельском хозяйстве; изучение процесса на моделях обходится, как правило, значительно дешевле и требует значительно меньше затрат времени.

Оптимизационные модели характеризуются системой математических уравнений или неравенств экономической задачи, объединенных какой-либо целевой функцией, для которой определяется оптимальное решение. Для развития сельского хозяйства наиболее существенными являются: процесс специализации, концентрации и размещения производства; процесс производства и распределения сельскохозяйственной продукции, включая реализацию; процесс механизации и автоматизации сельскохозяйственного производства; химизация производства; мелиорация земель; производственные процессы выращивания и переработки определенных видов растениеводческой и животноводческой продукции; распределение производственных ресурсов; ценообразование; распределение доходов и другие процессы.

При моделировании экономических процессов необходимо проанализировать все возможные виды и способы производственной деятельности и принять каждый из них в качестве переменной величины, коли-

чественное значение которых необходимо определить затем при решении экономико-математической задачи.

Наиболее характерными видами и способами производственной деятельности в сельском хозяйстве являются площади посева сельскохозяйственных культур, виды животных, виды сельскохозяйственной продукции, виды удобрений, виды кормов в рационе, марки тракторов и сельскохозяйственных машин, производственные фонды, затраты и т.д. При определении переменных учитываются как технологические особенности, так и различное хозяйственное и производственное использование полученной продукции. Это, прежде всего, относится к тем сельскохозяйственным культурам, которые могут иметь различное производственное назначение.

Например, посевы многолетних трав могут быть использованы по некоторым направлениям: для производства зеленой массы на корм скоту, для производства сена, для производства силоса, для производства семян. Каждый из этих видов использования представляет собой самостоятельную производственную деятельность и может быть выражен отдельной переменной. Поэтому площади посева сельскохозяйственных культур, имеющих различное производственное назначение, обозначаются несколькими переменными.

В связи с тем, что в животноводстве скот представлен разными половозрастными группами, в экономико-математических моделях в качестве переменных, обозначающих виды производственной деятельности, принимаются маточные структурные головы, которые выражают количество маточного поголовья со шлейфом при определенной структуре стада. При этом вся исходная информация готовится в расчете на структурную голову.

При определении оптимальных планов развития сельскохозяйственного производства возникает необходимость определения потребности в основных средствах производства и их структуры, в оборотных средствах, в некоторых ресурсах и т.д., которые необходимы для реализации оптимального плана. В этом случае их тоже обозначают отдельными переменными.

Ведение сельскохозяйственного производства всегда осуществляется при наличии ряда ограничивающих условий, которые называются ограничениями данной экономико-математической задачи. В них отражаются все требования задачи, поэтому от обоснованности ограничений в решающей степени зависит выбор оптимального плана. Записываются они в виде линейных уравнений и неравенств.

Рассмотрим решение задачи линейного программирования с применением средств табличного процессора Excel на примере оптимизации параметров производственной деятельности личных подсобных хозяйств Орловского района Орловской области.

Основной целью задачи является получение максимального дохода от реализации дополнительной продукции с учетом самообеспечения жителей Орловского района Орловской области необходимыми продуктами питания, с учетом обеспечения животных, принадлежа-

щих ЛПХ, кормами. При решении данной экономической задачи необходимо:

1. определить размер и структуру производства в ЛПХ по району с учетом их возможностей и потребностей;

2. рассчитать количество дополнительной (товарной) продукции, которая может быть получена в ЛПХ.

Экономико-математическая модель данной задачи строилась с учетом объективной информации. Источником для такой информации послужили материалы Орловского областного комитета государственной статистики:

– статистические сборники «О личных подсобных хозяйствах населения Орловской области», «Поголовье скота в хозяйствах Орловской области», «Сельское хозяйство Орловской области», «Численность скота и птицы в Орловской области»;

– статистические бюллетени «Посевные площади сельскохозяйственных культур под урожай 2012 года», «Посевные площади, валовые сборы и урожайность сельскохозяйственных культур по категориям хозяйств».

Для построения экономико-математической модели готовилась следующая информация:

Показатели по посевным площадям для основных сельскохозяйственных культур, поголовье скота в ЛПХ за 2012 год.

Учтены потребности основной продукции растениеводства, используемые на корм скоту с учетом поголовья основных видов животных.

Были рассчитаны объемы потребления сельскими жителями Орловского района основных продуктов питания. Количество жителей, ведущих ЛПХ в этом районе, составляет 57287 человек.

Учтены потребности основной продукции растениеводства, используемые на корм скоту, с учетом поголовья основных видов животных.

Наименование культуры	Посевная площадь, га	Виды животных	Количество, голов
Общая посевная площадь	3763	КРС	1998
Картофель	4460	Коровы	996
Овощи	823	Свиньи	3411
Травы на сено	37	Овцы	3010

Потребление сельскохозяйственной продукции населением за год

Наименование продукции	На душу населения	Всего по району
Картофель	205 кг	4345219ц
Овощи	86,4 кг	1831351 кг
Мясо	69 кг	1462537 кг
Молоко	225 кг	4769143 кг
Яйца	246,4 шт.	5222741 шт

Расход основных кормов по видам животных на одну условную голову (ц)

Вид корма	КРС	Свиньи	Овцы	Птица
Картофель	9,6	9,9	0,48	0,45
Овощи и корнеплоды	2,5	0,9	0,24	0,15
Сено	10	–	1	–

Средняя урожайность основных сельскохозяйственных культур ЛПХ в 2012 гг. (ц/га)

Наименование культуры	Урожайность
Картофель	144
Овощи	194
Кормовые корнеплоды	464

Средняя продуктивность основных видов сельскохозяйственных животных в ЛПХ

Наименование животных	Продуктивность
КРС	2,73 ц
Свиньи	2,028 ц
Овцы	0,012 ц
Коровы	47 ц
Птица	240 шт.

Цены реализации сельскохозяйственной продукции в 2012г.

Наименование продукции	Цена реализации
Картофель, руб./ц	953
Овощи, руб./ц	577,2
Мясо и мясопродукты, руб./ц	20400
Молоко и молочные продукты, руб./ц	2895
Яйца, руб./шт	4,6
Шерсть, руб./кг	57,2

Структурная форма экономико-математической модели данной задачи выглядит следующим образом.

Необходимо получить максимум дохода от реализации дополнительной продукции

$$F_{\max} = \sum_{s \in S} c_s x_s + \sum_{h \in H} c_h x_h$$

при условиях:

1. ограниченности общих посевных площадей. В распоряжении ЛПХ имеется ограниченное количество земли

$$\sum_{i \in I} x_i \leq K ;$$

2. использования определенных размеров площадей под сельскохозяйственные культуры для обеспечения объемов их производства

$$x_i \geq K_i ;$$

3. ограниченности возможности содержания определенного общего поголовья сельскохозяйственных животных

$$\sum_{j \in J} x_j \leq M ;$$

4. обеспечения выполнения планов программы развития ЛПХ населения

$$x_j \geq M_j ;$$

5. производства конечной продукции не менее заданного объема

а. в растениеводстве

$$\sum_{i \in I} v_i x_i \geq V_i ;$$

б. в животноводстве

$$\sum_{j \in J} w_j x_j \geq W_j ;$$

6. выхода товарной продукции с учетом потребностей населения в этих продуктах и потребности в кормах для животных:

а. продукция растениеводства

$$\sum_{i \in I} v_i x_i - V_i \geq t_r ;$$

б. продукция животноводства

$$\sum_{i \in I} v_i x_i - V_i \geq t_r ;$$

Для записи были приняты следующие обозначения:

c_s – доход от реализации единицы продукции s-культуры (s – общая посевная площадь, га)

S – множество видов товарной продукции сельскохозяйственных культур;

c_h – доход от реализации единицы h-вида продукции животноводства (h ∈ H);

H – множество видов продукции животноводства;

x_i – возможные посевные площади i-видов культур;

I – количество основных сельскохозяйственных культур;

K – общий ресурс посевных площадей;

K_i – минимальная возможная посевная площадь i-той культуры;

x_j – возможное поголовье j-того вида животных;

J – количество основных групп животных;

M – общее поголовье всего скота в ЛПХ;

M_j – поголовье j-того вида скота, согласно

Комплексной программы развития ЛПХ;

v_i – урожайность i-той культуры;

V_i – гарантированный сбор i-той культуры;

w_j – продуктивность j-того вида животных;

W_j – гарантированный объем производства j-того вида продукции животноводства;

t_r – объем товарной продукции r-вида растениеводства;

t_g – объем товарной продукции животноводства g-вида.

Развернутая форма экономико-математической модели задачи:

Система обозначений для неизвестных развернутой формы экономико-математической модели задачи:

X_1 – возможная посевная площадь картофеля, га;

X_2 – возможная посевная площадь овощей, га;

X_3 – возможная посевная площадь кормовых корнеплодов, га;

X_4 – возможная посевная площадь трав на сено, га;

X_5 – среднегодовое количество коров, голов;

X_6 – среднегодовое количество свиней, голов;

X_7 – среднегодовое количество овец, голов;

X_8 – среднегодовое количество птицы, голов;

X_9 – количество товарного картофеля, ц;

X_{10} – количество товарных овощей и корнеплодов, ц;

X_{11} – количество товарного мяса, ц;

X_{12} – количество товарного молока, ц;

X_{13} – количество товарных яиц, штук;

X_{14} – количество товарной шерсти, ц.

Система ограничений:

I. Ограничения по посевным площадям культур:

1) общая посевная площадь, га

$$X_1 + X_2 + X_3 + X_4 \leq 7367$$

2) площадь посева картофеля, га

$$X_1 \geq 1035,83$$

3) площадь посева овощей, га

$$X_2 \geq 279,78$$

4) площадь посева однолетних и многолетних трав на сено, га

$$X_4 \geq 1242,7$$

II. Ограничения по поголовью скота:

5) общее поголовье скота в личных хозяйствах, голов

$$X_5 + X_6 + X_7 + X_8 \leq 122446$$

6) поголовье коров, голов

$$X_5 \geq 996$$

7) поголовье свиней, голов

$$X_6 \geq 3411$$

8) поголовье овец, голов

$$X_7 \geq 3010$$

III. Ограничения на производство продукции:

9) производство картофеля, ц

$$152X_1 \geq 149158,84$$

10) производство овощей и корнеплодов, ц

$$194X_2 + 464X_3 \leq 44204,86$$

11) производство мяса, ц

$$2,9X_5 + 2,2X_6 + 0,49X_7 \geq 14625,37$$

12) производство молока, ц

$$33,2X_5 \geq 47691,43$$

13) производство яиц, штук

$$221X_8 \geq 5222741,22$$

IV. Ограничения по производству товарной продукции:

14) производство товарного картофеля, ц

$$152X_1 - X_9 = 149158,84$$

15) производство товарных овощей и корнеплодов, ц

$$194X_2 + 464X_3 - X_{10} = 44204,86$$

16) производство товарного мяса, ц

$$2,9X_5 + 2,2X_6 + 0,49X_7 - X_{11} = 14625,37$$

17) производство товарного молока, ц

$$33,2X_5 - X_{12} = 47691,43$$

18) производство товарных яиц, штук

$$221X_8 - X_{13} = 5222741,22$$

19) производство товарной шерсти, ц

$$1,9X_7 - X_{14} = 0$$

Целевая функция – максимум дохода от реализации дополнительной продукции, руб.

$$F = 301,6X_9 + 577,2X_{10} + 1128,63X_{11} + 315,3X_{12} + 0,8X_{13} + 57,2X_{14} \rightarrow \max$$

Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что за последние пять лет поголовье КРС и свиней сократилось почти в 1,56 и 2,02 раза соответственно

(с 3121 и 6892 голов в 2008 г. до 1998 и 3411 голов в 2012 г.). Поголовье овец и коз увеличилось на 7,6% в сравнении с 2011 г. и составило 3010 голов. Поголовье коров сократилось с 1390 в 2008 г. до 1140 в 2011 г., а в 2012 году составило 996 голов (или 87,4 % в сравнении с 2011 г.) (рис.1)

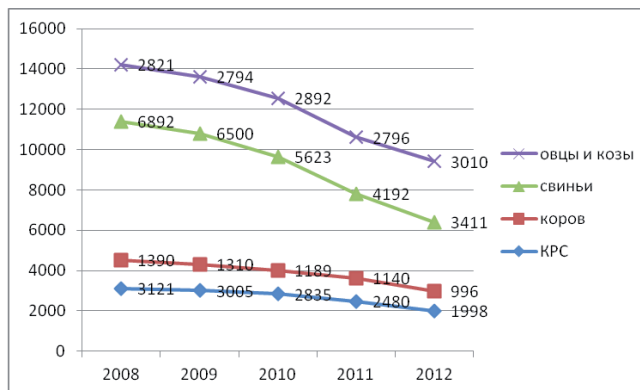

Рис. 1. Поголовье КРС, коров, свиней, овец и коз в ЛПХ Орловского района за 2008-2012 гг.

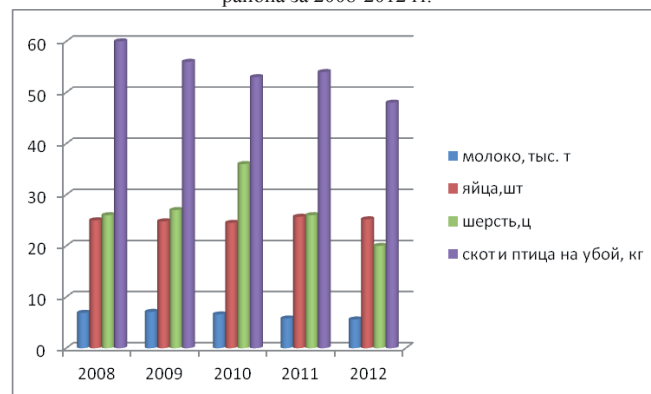

Рис. 2. Производство основных видов сельскохозяйственной продукции в ЛПХ Орловского района за 2008-2012 гг.

Работники ЛПХ получают возможность увеличить поставки на рынок молока и молочной продукции на 11,4%, мяса и мясных продуктов – на 11,5%. Данные, полученные в экономико-математической модели, свидетельствуют о том, что ресурсы, имеющиеся в ЛПХ Орловского района, позволяют расширить производство основных видов сельскохозяйственной продукции.

Анализ оптимального решения экономико-математической задачи позволяет сделать следующие выводы:

- перспективным направлением развития района является производство картофеля, мяса и мясных продуктов, молока, яиц, овощей, нерентабельным является содержание овец и производство шерсти;

- экономико-математическая модель позволяет судить о том, что ресурсы района используются не полностью: поголовье коров может составить 1,6 тыс. голов, свиней – 5,1 тыс. голов, овец и коз 900 голов. Работники ЛПХ могут увеличить поставки на рынок и молочных продуктов на 11,4%, мяса и мясных продуктов на 11,5%. Дополнительный доход составит 704689 тысяч рублей.

Библиографический список

1. Высшая математика для экономических специальностей: учебник и практикум / Н. Ш. Кремер [и др.]; под ред. Н. Ш. Кремера. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. 909 с. - ISBN 978-5-9916-0611-0; 978-5-9692-0875-9: 462-00.
2. Марчук Г.И. Методы вычислительной математики: учеб. пособие. 4-е изд., стер. СПб.: Лань, 2011. 608 с.: ил. - (Учебники для вузов. Специальная литература). - ISBN 978-5-8114-0892-4: 449-90.
3. Охорзин В.А. Прикладная математика в системе MATHCAD : учеб. пособие. 3-е изд., стер. СПб.: Лань, 2011. - 352 с.: ил. - (Учебники для вузов. Специальная литература). - ISBN 978-5-8114-0814-6: 399-96.
4. Кремер Н.Ш. Математика для экономистов: от Арифметики до Эконометрики: учеб.-справ. пособие / Н. Ш. Кремер, Б. А. Путко, И. М. Тришин; под ред. Н. Ш. Кремера. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. 646 с. - (Основы наук). - для бакалавров; для магистров. - ISBN 978-5-9916-1140-4; 978-5-9692-1107-0 : 507-00.

References

1. Higher mathematics for economic specialities: the textbook and practical work / N.Sh.Kremer [etc.]; under the editorship of N.Sh. Kremer. 3 edition manufactured and added. M: Urait, 2012. 909 p. - ISBN 978-5-9916-0611-0; 978-5-9692-0875-9: 462-00.
 2. Marchuk G.I. Calculus mathematics methods: studies. The grant. 4 edition, has erased. SPb.:Lan', 2011. 608 p.: il. - (Textbooks for high schools. The special literature). - ISBN 978-5-8114-0892-4: 449-90.
 3. Ohorzin V.A. The applied mathematics in system MATHCAD: the manual. 3 edition., has erased. SPb.:Lan', 2011. 352 p.: il. - (Textbooks for high schools. The special literature). - ISBN 978-5-8114-0814-6: 399-96.
 4. Kremer N.Sh. Mathematics for economists: from Arithmetics to Econometrics: Educational and the handbook / N.Sh. Kremer, B.A. Putko, I. M. Trishin; under N.Sh. Kremer's edition. 2 edition., manufactured and added M: Urait, 2011. 646 p. - (Bases of sciences). - for bachelors; for masters. - ISBN 978-5-9916-1140-4; 978-5-9692-1107-0: 507-00.
-

УДК141.201+113

UDC 141.201+113

Е.В. АВДЕЕВА

кандидат философских наук, доцент, кафедра логики, философии и методологии науки, Орловский государственный университет
E-mail: avdeeva.elena@yandex.ru

E.V. AVDEEVA

Candidate of philosophy sciences, Associate professor, Department of logics, philosophy and methodology science, Orel State University
E-mail: avdeeva.elena@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА МИРА В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО

PROBLEM OF THE UNITY OF THE WORLD IN THE PHILOSOPHICAL CONCEPT OF K.E. TSIOLKOVSKY

В статье анализируются аспекты проблемы единства мира в философской концепции К.Э. Циолковского. Это единство в первопричине Вселенной, строении Вселенной, в сложной структуре Вселенной, общности состава планет и т.д. В статье подчеркивается единство человека и Вселенной.

Ключевые слова: единство мира, монизм, Вселенная, атом-дух, космос, материя.

The paper analyzes aspects of world unity in the philosophical concept of K.E. Tsiolkovsky. This unity is in the cause of the universe, the structure of the universe, the complex structure of the universe, the planets and the composition of the community, etc. The article emphasizes the unity of man and the universe.

Keywords: unity of the world, monism, the universe, the atom-spirit, space, matter.

Философская концепция К.Э. Циолковского основана на естественнонаучной картине мира, окончательно сформировавшейся к концу XIX-началу XX вв. Обратимся к анализу взглядов К.Э. Циолковского на проблему единства мира.

По К.Э. Циолковскому, явления космоса периодичны, поэтому началом будет начало одного из бесконечно повторяющихся периодов.

Что же, по мнению учёного, явилось первопричиной возникновения Вселенной? Космос, по его мнению, сотворен трансцендентной причиной (или Первопричиной), которая находится вне космоса и способна его уничтожить по собственной воле. «Причина «безмерно выше космоса» и несоизмерима со своим творением, т.е. создает вещество и энергию, что «космос сам не в силах сделать» [3, с.409–410]. Первопричиной Вселенной является Бог. Он, по Циолковскому, стоит выше мира, вне его и отличен от него. «Бог есть идея или ряд правил и законов, которые ведут людей и всех существ Вселенной к совершенству и счастью» [12, с.326]. Бог есть мир, то есть это пантеистическая позиция. Таким образом, как верно замечает В.В. Казютинский, у К.Э. Циолковского в его космической философии сосуществует и пантеизм, и идея Причины вселенной [2, с.124]. От причины исходит космос, который является ее произведением. От космоса происходят совершенные человекоподобные существа, а от них – абсолютная истина, которая ведет вселенную к радости и должна устранить все страдания. Она дает миру господство разума и оживляет его.

Вселенная имеет одно начало. Это начало неизвестно. Оно представляет собой неделимую, неизменную, вечную материальную точку, которая способна чувствовать.

Итак, К.Э. Циолковский проповедует монизм во Вселенной. Ученые во все времена стремились к монизму, к единству, к элементарному началу. Биологов, физиков, химиков, геологов, астрономов, историков можно объединить одной идеей – монизма.

Вселенная содержит только атомы с их частями. Не существует атома, который бы не участвовал в высшей жизненной организации. В математическом смысле все атомы всегда живы, а это означает жизнь всего космоса в целом. Космос постоянно наделен чувствительностью. Атомы живут миллиарды лет, но способны к делению. Самые мельчайшие продукты деления вечны. Они могут соединяться и образовывать те же атомы. Космос постоянен.

Атом-дух, по К.Э. Циолковскому, есть «неделимая основа мира или сущность мира. Она везде одинакова. Животное есть вместилище бесконечного числа атомов-душ, так же как и Вселенная» [13]. Атом-дух наделен свойством чувствительности. «Все живо, но условно мы считаем живым только то, что достаточно сильно чувствует» [9, с.274]. Принцип атомистического панпсихизма, являющийся одним из наиболее фундаментальных в космической философии, также изучался и К.Э. Циолковским.

Вселенная у К.Э. Циолковского сложно-структурирована. Она наполнена совершенной жизнью, в ней обитает множество разумных существ, которые по развитию стоят выше человека, обладают более совершенными эфирными телами и составляют космические сообщества. Вселенная в целом представляет одну живую массу. Не существует разницы между органическим и неорганическим: границы здесь условны и неопределенны. Во Вселенной действуют единые законы. «Итак, целесообразность мира ещё состоит в том, что

нет в нем ни одной его части, которая не жила бы бесчисленное число раз органической жизнью» [8, с.346]. Перемешивание материи способствует участию частей небесных тел в животной жизни. При этом задействуются центры солнц, планет и туманностей.

Вселенная непрерывна благодаря мало постижимому светоносному эфиру, который заполняет всё пространство между солнцами. Скорее всего, по Циолковскому, этот эфир возникает благодаря потерям материи солнцами и вообще всеми телами.

Современная наука признаёт такое свойство Вселенной, как её механичность. Её можно уподобить заведённой машине. По К.Э. Циолковскому, «механичность мира несомненна, хотя она и чрезвычайно сложна» [10, с.232].

В космосе все события происходят не случайно, а с необходимостью. Так как время вечно, а для вечности нет случайности. На таких позициях стоял русский философ. Если мы вернёмся на дециллион лет назад, то в космосе все вещества состояли из более простых атомов. Еще мы обнаружим более простую материю, более разреженную. Таким образом, мы приходим к выводу, что современная материя, а значит и самый простой атом – водород, имеют бесконечную сложность.

«Вся сущность космоса (как и все его виды) в зачатке жива и, принимая органические сложные формы, способна чувствовать радость и страдание, способна мыслить, судить, представлять и действовать» [7, с.182], – подчёркивает К.Э. Циолковский в работе «Гений среди людей». Будем ли мы рассматривать молекулу, атом, электрон – все составлено из простой и единой сущности. Всё во Вселенной способно чувствовать. Размер и сложность этого чувства зависит от окружающего его сущность. Вселенная, по К.Э. Циолковскому, есть безграничный, потенциально живой организм, который порожден внешней Причиной, имеет свои законы развития и контролируется внутренне присущей ему волей.

В космосе, по мнению К.Э. Циолковского, «распространена органическая жизнь». На Земле отнюдь не самый высокий уровень ее развития. Существуют такие планеты, на которых жизнь возникла раньше нашей, и «по развитию разума и могущества достигли высшей степени и опередили все планеты» [6, с.348–349]. Роль этих «могущественных и мудрых» существ в космосе очень велика, от них зависят его судьбы. Человечество в будущем к ним присоединится.

Центральное место в учении К.Э. Циолковского о единстве мира занимала его концепция материи. В материи он выделял свойства отзывчивости и чувствительности и говорил об их единстве. Свойство чувствительности он считал неотделимым от материи. Можно сравнить по степени чувствительности различные предметы и тела. Человек и животные чувствуют сильнее по сравнению с телами неживой природы (барометр, термометр, камень и т.д.). Итак, «все тела Вселенной чувствительны» [5, с.140]. Если допустить, что лишь некоторые тела во Вселенной обладают чувствительностью, то мы не придем к единству. В данном

пункте мы доказали, что материя имеет одну природу. Почему же тогда некоторые тела чувствуют, а другие – нет? Просто одни чувствуют сильнее, а другие слабее. Люди выражают свои чувства речью, животные – криком или движениями. Низшие животные свои чувства выражают движением. Вопрос об ощущении бактерий остается еще спорным и нерешенным. Не существует четкой границы между мертвой материей и живой, также нет границы между чувствительностью материи организованной и неорганизованной.

Между планетами, по К.Э. Циолковскому, установлена общность их состава: они состоят из одних и тех же элементов, при достаточной величине имеют моря и атмосферы, освещены Солнцем, испытывают силу тяжести, имеют суточную смену дня и ночи и смену времен года. Некоторые планеты небольшие по своей величине и поэтому не содержат атмосферу и жидкости, а значит возникновение живого здесь просто невозможно. Другие слишком большие и температура на них является достаточно высокой. Некоторые из них не получают достаточного количества солнечных лучей. Поэтому ни на малых, ни на больших планетах нет жизни. К.Э. Циолковский формулирует важнейший вывод: «... большинство крупных планет или, вернее, планет с газовыми оболочками, или есть, или было, или будет обитаемо» [9, с.279].

В физическом анализе можно наблюдать разложение более сложных элементов на более простые с образованием электронов. «Трение всяких без исключения тел между собою всегда сопровождается образованием электронов» [5, с.139], – пишет К.Э. Циолковский в своей работе «Живая Вселенная». Он утверждал, что материя образована электронами. К.Э. Циолковский предвидит, что когда-нибудь, на определенном этапе развития науки обнаружится, что и электрон – не самая малая частица материи. Мыслитель предполагает, что составными частями электрона является эфир.

Монизм материи подтверждает материалистическая точка зрения. Как утверждает современная наука, наша Солнечная система возникла из одной газопылевой туманности. Затем туманность все более сгущается, и в ней уже содержатся многие из 92 известных нам элементов. Первоначально ее вращение едва заметно, но потом оно все более усиливается. Происходит отделение кольца, которое затем разделяется на несколько колец. Последние разделяются на части, и эти куски объединяются в единую газообразную массу. Затем из неё образуются планеты со спутниками и центральное тело – солнце. Первоначально все планеты блещут. Их блеск можно сравнить с солнцем, но потом они начинают затухать. На планетах небольшого размера и относительно большого времени жизни, по Циолковскому, появляется жизнь. Все планеты гаснут, и только солнце остается сиять. Такое происхождение планетной системы помогает объяснить одинаковое направление движения вокруг солнца и своих осей. Из такого объяснения можно понять расположение системы в одной плоскости и образование планетных спутников и лун.

Из всех этих рассуждений К.Э. Циолковский де-

лает заключение, что «Вселенная состоит из чего-то однообразного» [5, с.139]. Это однообразное способно комбинироваться и порождать огромное многообразие предметов и явлений. «Единство основания космоса побуждает нас отрицать всякую другую вещь, не составленную из общего основания» [5, с.139]. По К.Э. Циолковскому, материя также образована атомами водорода.

Основные свойства материи во Вселенной одинаковы. Они выражаются тремя понятиями: временем, пространством и чувством. Наделение чувственностью только одной части космоса будет противоречить принципу простоты, единства или монизма космоса. Понятие «время» и «пространство» К.Э. Циолковский считал неопределимыми и выделял объективные и субъективные смыслы этих понятий. Объективное время существует вечно и определяется хронометром – часами. Субъективное пространство так же неопределимо, как и время. Эти понятия мыслитель называет темными. При этом нужно различать пространство и время научной картины мира и время и пространство в метафизическом смысле. Время и пространство бесконечны, так как по-другому их себе представить невозможно. В этих понятиях имеется общее: безначальность и бесконечность.

«Не может быть, чтобы не было где-нибудь материи, времени и пространства. Они бесконечны, непрерывны и вечны» [10, с.236], – пишет К.Э. Циолковский в работе «Неизвестные разумные силы», т. е. «Всё живо», всё способно к эволюции и самоорганизации.

Из единой материи образуется многообразие химических элементов и их соединений. Вся материя перемешивается, и постоянно простые тела превращаются в сложные и наоборот. Таким образом, золото, свинец и другие химические элементы превращаются в водород и гелий, и наоборот – водород, гелий и другие элементы с маленькой массой – в золото, серебро, железо, алюминий и т. д.

Небесные тела способны преобразовываться и перемешиваться. Их центральные части попадают на поверхность и наоборот. Такие процессы происходят постоянно. Солнца способны испускать и получать материю. Светящиеся тела более склонны к потере материи, чем к получению, а тёмные – наоборот. К ним следует отнести и планеты, которые обладают определенной степенью радиоактивности.

По К.Э. Циолковскому, можно наблюдать обратимость во всех механических, физических, химических и биологических явлениях. Разрушенное способно вновь возникнуть, хотя в точности ничего не способно повторяться. При таких явлениях выполняется закон сохранения энергии. Но внутриатомная энергия вещества, в частности радиоактивность, может запутать человека. Примерами обратимости служат переход большой скорости в малую и обратно, образование из жидкости пара и наоборот, разложение 92 элементов в водород и обратно, переход органической материи в неорганическую и наоборот. Возможно, по К.Э. Циолковскому, солнца также способны разлагаться в одном месте и образо-

вываться в другом. Но в то же время мы обнаруживаем противоречие в размышлениях К.Э. Циолковского с вышеизложенным в следующем рассуждении: «Теперь, когда человек уже есть, нельзя сделать так, чтобы его не было, и мир вернулся в исходное состояние» [1, с.282]. Таким образом, подчёркивается идея необратимости в происходящих в природе процессах.

Нужно стремиться к такому обществу, когда все его члены в своей деятельности будут следовать одному, будут подчиняться единой воле, единой идее. В целом такое общество будет представлять собой одно существо.

Космос К.Э. Циолковского антропоцентричен. Его эволюция напрямую связана с человеком. Космос должен превратиться «в великое совершенство», когда единая идея будет заполнять всё космическое пространство.

По мнению К.Э. Циолковского, необходимо наблюдать за развитием планет и их движением к совершенству. Если в данном живом мире существуют одни страдания, то его нужно уничтожить. Ещё одним из аспектов единства можно считать блаженство Вселенной, блаженство всего Млечного Пути. Всё сущее, каждый атом живой или неживой материи живет блаженной жизнью. Для бактерий, растений и низших существ жизнь не может считаться страдальческой. Для млекопитающих жизнь «становится серьёзно неприятной. Для высших человеческих культур жизнь уже облегчается, а для дальнейшего прогресса человечества и новообразованных высших пород она становится радостной» [5, с.157], – отмечает К.Э. Циолковский. Вероятность страдания оказывается весьма маленькой. «Итак, если бы даже невозможно было расселение дальше своей Солнечной системы, то и тогда страдание несовершенства окажется совершенно незаметно в сравнении с радостью зрелого бытия» [5, с.158].

К.Э. Циолковским была разработана грандиозная концепция Вселенной, в центре которой стоит человек, и космос в целом нужно рассматривать как мир человека. В этой концепции можно выделить следующие основные моменты.

1. Вселенная – это единый, бесконечно сложный организм, который имеет причину и обладает волей.
2. Вселенная бесконечна в пространстве и времени. Она представляет собой бесконечную иерархию космических структур, начиная с атомов и заканчивая эфирными образованиями, то есть метagalacticками разного уровня сложности. Она способна постоянно эволюционировать.
3. Вселенная живая и вечно юная. В ней всё живо и только время от времени находится в форме неорганизованной мёртвой материи. Все процессы в ней периодичны и обратимы.
4. Важную роль во Вселенной играют космические цивилизации, в частности человечество.

К.Э. Циолковский, находясь на позициях монизма, отмечал: «Материя едина, и основные свойства её во Вселенной должны быть одинаковы» [11, с.18]. Этот принцип предполагает:

1. единство материального и духовного начал Вселенной;

2. единство живой и неживой материи: «материя едина, также ее отзывчивость и чувствительность» [9, с.274];

3. единство человека и Вселенной, то есть принадлежность его ритмам космической эволюции;

4. возможность вывода этических обязательств из метафизики космоса.

Сильный уклон в технократизм и сциентизм превратил философское учение Циолковского в утопию. Но несмотря на это, в его космологии присутствует ряд положительных элементов. Например, мыслитель отстаивал идею монизма Вселенной как целостного, но бесконечно сложного организма, но в то же время рассматривал строение единой Вселенной из множества космосов. Космическая эволюция рассматривалась им по принципам самоорганизации.

К.Э. Циолковский создал свой социальный проект будущего, который носил утопический характер, хотя в нём присутствовали идеи монизма, механицизма и эволюционизма, характерные для естественнонаучных концепций. Основу его учения составляют безграничная вера в прогресс и могущество человеческого разума. Большое внимание уделялось будущему, где наличествовала опора на абсолютно совершенные идеалы, выход за пределы исторического времени в вечность. Но вместе с тем проблема единства мира, разработанная Циолковским, очень удобна, так как содержит большое количество тщательно продуманных деталей.

«Космизм возвращает нас к целостному видению мира как единства человека и космоса»[4, с.18]. В русском космизме возрождается целостное восприятие мира.

Библиографический список

1. Гиренок Ф.И. Интуиции русского космизма. В кн.: Философия русского космизма. М.: Фонд «Новое тысячелетие». 1996.
2. Казютинский В.В. Космическая философия К.Э.Циолковского. В кн.: Философия русского космизма. М.: Фонд «Новое тысячелетие». 1996.
3. Казютинский В.В. Космическая философия К.Э.Циолковского в контексте русского космизма. В кн.: К.Э.Циолковский. Космическая философия/В.С.Авдуевский (ред.). М.: Эдиториал УРСС, 2001.
4. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Современная картина мира, русский космизм и диалог культур «Восток-Запад». В кн.: Философия русского космизма. М.: Фонд «Новое тысячелетие». 1996.
5. Циолковский К.Э. Живая Вселенная. Вопросы философии 1992, №6. С.135–158.
6. Циолковский К.Э. Космическая философия. В кн.: К.Э.Циолковский. Космическая философия/В.С.Авдуевский (ред.). М.: Эдиториал УРСС, 2001.
7. Циолковский К.Э. Мои идеи монизма в 1924 году. В кн.: К.Э. Циолковский. Гений среди людей. Л.В. Голованов, Е.А. Тимошенкова (ред.). М.: Мысль, 2002.
8. Циолковский К.Э. Монизм Вселенной. В кн.: К.Э.Циолковский. Космическая философия/В.С.Авдуевский (ред.). М.: Эдиториал УРСС, 2001.
9. Циолковский К.Э. Монизм Вселенной (конспект). В кн.: К.Э.Циолковский. Космическая философия/В.С.Авдуевский (ред.). М.: Эдиториал УРСС, 2001.
10. Циолковский К.Э. Неизвестные разумные силы. В кн.: К.Э. Циолковский. Гений среди людей. Л.В. Голованов, Е.А. Тимошенкова (ред.). М.: Мысль, 2002.
11. Циолковский К.Э. Причина космоса. Калуга, 1925.
12. Циолковский К.Э. Разговор о Боге. В кн.: К.Э.Циолковский. Космическая философия/В.С.Авдуевский (ред.). М.: Эдиториал УРСС, 2001.
13. Циолковский К.Э. Этика, или естественные основы нравственности// Архив РАН. Ф.555. Оп.1.Д.372.Л.54.

References

1. Girenok F.I. Russian cosmism intuition. In: Philosophy Russian cosmism. M.: The "New Millennium". 1996.
2. Kazyutinsky V.V. Tsiolkovsky's Space philosophy. In the book. Philosophy Russian cosmism. M.: The "New Millennium". 1996.
3. Kazyutinsky V.V. Tsiolkovsky's space in the context of Russian cosmism. In the book.: Tsiolkovsky. Space philosophy / V.S.Avduevsky (eds.). Moscow: Editorial URSS, 2001.
4. Stepin V.S., Kuznetsova L.F. Modern picture of the world, Russian Space Art and Dialogue of Cultures "East-West". In the book. Philosophy of Russian cosmism. M.: The "New Millennium". 1996.
5. Tsiolkovsky K.E. Live Universe. Problems of Philosophy 1992; 6:135-158.
6. Tsiolkovsky K.E. Cosmic philosophy. In the book.: Tsiolkovsky. Space philosophy / V.S.Avduevsky (ed.). Moscow: Editorial URSS, 2001.
7. Tsiolkovsky K.E. My idea of monism in 1924. In the book.: K.E. Tsiolkovsky. The genius of the people. L.V. Golovanov, E.A. Timoshenkova (ed.). M: Thought 2002.
8. Tsiolkovsky K.E. Monism universe. In the book.: Tsiolkovsky. Space philosophy / V.S.Avduevsky (ed.). Moscow: Editorial URSS, 2001.
9. Tsiolkovsky K.E. Monism universe (abstract). In the book.: Tsiolkovsky. Space philosophy / V.S.Avduevsky (ed.). Moscow: Editorial URSS, 2001.
10. Tsiolkovsky K.E. Unknown reasonable force. In the book.: K.E. Tsiolkovsky. The genius of the people. L.V. Golovanov, E.A. Timoshenkova (eds.). M: Thought 2002.
11. Tsiolkovsky K.E. Cause space. Kaluga, 1925.
12. Tsiolkovsky K.E. Talking about God. In the book.: Tsiolkovsky. Space philosophy / V.S.Avduevsky (ed.). Moscow: Editorial URSS, 2001.
13. Tsiolkovsky K.E. Ethics, or the natural foundations of morality // Archives of RAS. F.555. Op.1.D.372.L.54.

УДК 1(09)

UDC 1(09)

Л.В. АНДРЮШИНА

аспирант, кафедра философии, Курский государственный университет
E-mail: lyu43805099@yandex.ru

L.V. ANDRUSHINA

Graduate student, Department of philosophy, Kursk State University
E-mail: lyu43805099@yandex.ru

ЧЕЛОВЕК КАК КУЛЬТУРНОЕ ЖИВОТНОЕ В НЕМЕЦКОЙ АНТРОПОЛОГИИ НАЧАЛА XX В.

THE MAN AS A CULTURAL ANIMAL IN GERMAN ANTHROPOLOGY OF THE BEGINNING OF THE XX-TH CENTURY

В статье проводится сравнительный анализ проблемы отличия человека и животных в немецкой антропологии начала XX века. Анализируются и сопоставляются идеи М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена. Делается вывод о том, что с позиций философской антропологии человек принципиально отличается от животного тем, что создает искусственную среду – культуру и дистанцируется от естественной среды, формируя вокруг себя мир.

Ключевые слова: М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен, человек, животное, философская антропология, природа.

Article presents the comparative analysis of the problem of difference between man and animals in German anthropology of the beginning of the XXth century. M. Scheler, H. Plesner, A. Gelen's ideas are compared. The author concludes that from the point of view of philosophical anthropology the man differs from the animal essentially: he creates the artificial environment – culture and separates from the natural environment, forming the world round himself.

Keywords: M. Scheler, H. Plesner, A. Gelen, man, animal, philosophical anthropology, nature.

Для сформировавшейся в начале XX века традиции немецкой философской антропологии было характерно акцентированное внимание к животному миру. Основные представители антропологической мысли – Макс Шелер, Хельмут Плеснер, Арнольд Гелен – строили свои системы с опорой на сравнительные исследования поведения животных и человека.

Макс Шелер в своем труде «Положение человека в космосе» рассматривает проблему человека в сравнительной перспективе. «Изучайте животных, и вы поймете, как это трудно быть человеком», – повторял он своим студентам. Уже в начале работы Шелер противопоставляет человека всему животному миру. «Слово “человек”, – пишет он, – должно означать совокупность вещей, предельно противоположную понятию “животного вообще”, в том числе всем млекопитающим и позвоночным, и противоположную им в том же самом смысле, что, например, и инфузории, хотя едва ли можно оспорить, что живое существо, называемое человеком, морфологически, физиологически и психологически несравненно больше похоже на шимпанзе, чем человек и шимпанзе похожи на инфузорию» [5, с. 134].

Однако для Шелера человек одновременно и противостоит животному миру, и неразрывно связан с ним. Можно сказать, что человек хоть и является самым разумным существом на свете, по природным данным он близок с животными. Он пишет: «Здесь не проводится существенного различия между человеком и животным: есть лишь степенные отличия; человек есть лишь особый вид животных. В человеке действуют те же самые элементы, силы и законы, что и во всех других живых существах – только вызывая более сложные следствия» [5, с. 80].

Животное, на взгляд Шелера, занимает вторую ступень «в объективном порядке ступеней жизни» [5, с. 140], и основной его особенностью является инстинктивное поведение. Оно реагирует лишь на повторяющиеся ситуации, причем, только те из них, что значимы не для конкретной особи, а для жизни и выживания вида. Кроме того, инстинкт не зависит от числа проб и попыток, которое животное делает, чтобы освоиться с ситуацией.

То, что делает человека человеком, выходит за границы инстинкта и, как считает Шелер, лежит за пределами жизни. Он говорит о том, что это принцип, противоположный всей жизни как таковой. Шелер называет этот принцип духом, и объединяет под этой характеристикой не только разум, но и доброту, любовь, совесть, раскаяние. Как духовное существо человек оказывается свободен как от влечений, так и от окружающего мира, он свободен от органического и от жизни, но одновременно и от своего собственного интеллекта.

Для акцентирования различий между человеком и животным Шелер использует понятия «дух» и «порыв». «Элементарные, низшие проявления человека, – разъясняет он, – это порыв (или чувственный порыв), низшая ступень психического. Порыв энергетически мощен, самостоятелен, а дух бессилён. Порыв – это универсальное демоническое начало» [5, с. 359]. Порыв характерен и для животных, точнее, для них нехарактерно ничего, кроме порыва. Дух же отмечает только развитие человека.

Основная особенность человека – это то, что он обладает миром, у него есть мир, и он открыт ему. Животное, связанное с окружающим миром инстинктом, не может от него дистанцироваться, но человек благодаря своей свободе от инстинктивных импульсов

отдаляется от мира, противостоит ему и воспринимает его как мир предметов. Как отмечает Шелер, человек – единственное живое существо, у которого есть мир. Он пишет: «Только человек, поскольку он личность, возвышается над собой как живым существом и, исходя из одного центра как бы по ту сторону пространственно временного мира, может сделать предметом своего познания всё, в том числе и себя самого» [5, с. 160]. Человек поэтому возвышается не только над самим собой, но и над своим миром.

Линию различения животных и человека продолжает другой немецкий антрополог – Хельмут Плеснер, конкретизируя многие обозначенные Шелером теоретические моменты. Как и Шелер, в качестве основополагающей характеристики человека он называет дух, духовность. Человек – это прежде всего духовное существо, и это его главная отличительная черта. Дух не дает человеку остановиться: он всегда устремлен от данности к возможности, от настоящего к будущим возможностям; и он никогда не может обрести успокоения.

Животное, по мнению Плеснера, живет «здесь и теперь» и не наделено самосознанием. Человек же всегда осознает собственный опыт и собственный мир. Он дистанцируется от природной среды, и это отдаление позволяет увидеть то, что вокруг. Так для человека появляется мир. Но выделение себя оформляет для человека и собственный образ: человек начинает осознавать себя как неповторимую личность. Такое специфическое положение человека Плеснер конкретизирует в трех антропологических законах: законе естественной искусственности, законе опосредованной непосредственности и законе утопического местоположения.

Закон естественной искусственности описывает среду проживания человека. «Человек живет тогда только, когда ведет жизнь» [3, с. 268], – подчеркивает он. Вся среда, вся жизнь человека искусственны, искусственна созданная человеком культура, ставшая для него второй природой. Благодаря своему знанию человек отрывается от природы и одновременно утрачивает свою непосредственность. В этой непосредственности он больше не может быть связан с естественной природной средой, естественным для него становится искусственное. «Человек, – пишет Плеснер, – обретя знание, утратил из-за него прямооту отношений; он созерцает свою наготу, стыдится своей обнаженности и потому вынужден вести свою жизнь окольными путями через искусственно созданные вещи» [3, с. 269]. Искусственность человеческого бытия ведет к еще одной особенности – к опосредованности человеческого существования, которую описывает закон опосредованной непосредственности. Человек всегда опосредует свои отношения со средой, он опосредует все свои жизненные проявления. Непосредственной среды для него не существует, поскольку он отдален и обособлен от нее.

Опосредованность и обособленность влечет за собой отстраненность от наличной ситуации, от настоящего. Человек всегда не имманентен, а трансцендентен, как отмечает сам Плеснер, говоря о людях, «незримый человек в них, уже перешагнул через них» [3, с. 293].

Эта характеристика предстает в третьем законе – законе утопического местоположения. У человека нет непосредственной среды, нет дома, нет родины, есть лишь горизонт возможностей, к которым он устремлен, и именно это стремление делает его человеком.

Вопрос об истоках опосредованности человеческого существования, об искусственности его среды и об утопичности его местоположения подробно рассматривает Арнольд Гелен, наиболее четко акцентируя культурное и природное в человеке.

Гелен, по его собственному признанию, рассматривает проблему человека, опираясь на «Антропологию с прагматической точки зрения» Канта, житейскую мудрость Шопенгауэра, «Учение о человеческой душе» Фихте, а также на идеи К. Лоренца и М. Шелера. Говоря о человеке, Гелен не просто анализирует его статус, но поднимает вопрос о возможности специфической науки о человеке, философской антропологии. В своей книге «О систематике антропологии» он подчеркивает: «В этом месте выявляется единственное положение, которое мы должны предпослать философской антропологии: это предположение, что наука о человеке в полном смысле слова все-таки возможна» [2, с. 201]. Как наука философская антропология, по мысли Гелена, должна заниматься проблемами человека и тем статусом, который он имеет в мире, а также обществом и основными принципами его организации.

Отправная точка в геленовской трактовке человека – это понимание его как специальной биологической проблемы [2, с. 96]. Человек включен в животный мир, является его частью, как и другие животные, он испытывает необходимость выжить во враждебной ему животной среде. Однако он отличается от животных радикальным образом. Это радикальное отличие человека от животных Гелен описывает как исходную структурную закономерность, настаивая на том, что никакой иерархии в животном мире нет, т.е. человек есть не просто следующая за животным ступень, он принципиально отличен от него.

Животный мир существует благодаря приспособлению. Специализация видов и их адаптация к условиям обитания является основным фактором выживания и главным фактором естественного отбора. Животное существует в мире благодаря приспособлению, биологической адаптации к природным условиям: среда диктует специализированность органов и их особенности.

Человек этой биологической специализированности лишен, он не может органически приспособливаться к природной среде и является «неполноценным», «недостаточным существом» [1, с. 38–42]. Для эволюции он в этом смысле слепая ветвь: в своей биологической организации он в высшей степени неприспособлен и неразвит. И весь его облик свидетельствует об этом: у него нет шерсти, нет плотной и теплой шкуры, нет острых зубов и когтей. С такими природными данными он не может с успехом добывать пищу, он может замерзнуть и не способен противостоять хищникам. У человека есть и еще одна особенность: он открыт миру, воспринимает действительность во всем её многообразии, но Гелен трактует и это свойство как негативное. Раз человек от-

крыт миру, он лишён функции приспособления к среде.

Выручает человека активность: как отмечает Х. Хекхаузен, он превращает свои достоинства и недостатки в средства существования [4, с. 365–405]. Чтобы выжить, он начинает на основании естественной создавать искусственную среду – ту среду, которая пригодна для его жизни и в которой он не погибнет. Так появляется культура – вторая природа человека, его естественная искусственная среда. Гелен подчеркивает, что человек не способен обходиться без культуры, поэтому даже первобытное общество несет ее зачаточные формы.

Как биологический вид человек, по Гелену, почти с самого момента своего появления должен был создать культуру – культуру не как совокупность культурных памятников, а как искусственную среду. Для первобытного общества культура – это средства защиты от хищников, охотничьи орудия, одежда (шкура, оберегающая от холодов) и укрытия. Все это помогало не только защищаться от природы, но и побеждать ее. «Противопоставление природы и культуры, – пишет Гелен, – имеет смысл лишь постольку, поскольку имеется в виду нечеловеческая, стихийная и предоставленная себе самой природа в противоположность тем островкам методического изменения, которые внедряет в нее человек, чтобы принудить эту стихию поддерживать его» [2, с. 84].

Гелен останавливается не только на человеке и животном, но и на окружающем мире, в который они включены. На его взгляд, в животном мире различные экологические ситуации в ответ вызывают реакцию приспособления. К примеру, по форме тела животного можно сделать вывод о том, где это животное обитает и какая среда его окружает, а также как данный вид приспособляется к среде. Взрослые особи по отношению к среде ведут себя неоднобразно, с врожденной уверенностью и точностью, методом проб и ошибок. Но спустя время все приобретённые умения становятся необходимым для выживания опытом. Именно поэтому животные основывают свое поведение на инстинктах. Инстинкты – это результат приспособления, поведение, применимое к специфическим условиям окружающей среды.

Человек ведет себя по-другому: он не просто обитает в среде, к которой приспособляется, он живет в мире, который формируется в культуре, которую сам человек и создает. Человек живёт не органическим приспособлением, природа его такова, что где бы ни пришлось существовать, ему необходимо адаптироваться и подстраиваться под внешнюю окружающую среду, создавая технику вы-

живания. Как пишет Гелен: «Поэтому мы видим, что этот род живёт повсюду: в пустынях, полярных областях, в горах, в степях, в топиях и на воде, во всех климатических поясах, – поэтому невозможно назвать специфический, приуроченный ему окружающий мир или его среду в смысле предложенных выше определений» [2, с. 186].

Принципиально другая организация человека по сравнению с животным создает культуру, но в современном мире, как отмечает Гелен, она способствует и уничтожению природы. Он подчеркивает, что человека всегда «влечет за пределы простого биологического минимума потребностей» [2, с. 198], и эта любознательность дурно сказывается на человечестве, оставляет глубокий след в природе. Человеческая деятельность выходит за пределы поддержания жизни вида и продолжения рода, она все больше поработает природный мир. Продолжая, Гелен взывает к каждому человеку и напоминает, что мы должны найти и четко очертить своё место в мире, а также жить согласно установленным правилам. Мы должны контролировать свои поступки и интересы, ограничивать свои нарастающие потребности, не утрачивать связи с ситуацией, в зависимости от нее активизироваться или тормозить поведение. От этого зависит не только жизнь человека, но и выживание всего природного мира.

Для Гелена, как и для Шелера и Плеснера, пространство животного мира формирует сравнительную перспективу философской антропологии. Однако, если Шелер и Гелен, признавая человека вершиной эволюции, ставят человека в биологическом отношении выше животных, то Гелен говорит о его недоразвитости и недостаточности. Тем не менее, при любой трактовке, сопоставление человека с животным позволяет постулировать его специфическую природу. Человек отделяет себя от окружающего его мира, формирует вокруг себя искусственную среду (культуру), он наделен способностью к саморефлексии. По отношению к человеку можно говорить о существовании и бытийствовании, вообще о том, что он существует как самостоятельное, обособленное от мира существо.

Сравнительные исследования в немецкой философской антропологии доказывают саму ее возможность, становятся этапом ее самообоснования. Они показывают, что природа человека такова, что предполагает разработку самостоятельного метода познания, отличного от того, что в биологии используется для познания животного мира.

Библиографический список

1. Вульф К. Антропология: История, культура, философия. СПб., 2007.
2. Гелен А. О систематике антропологии / Проблема человека в западной философии. М., 1988.
3. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: РОССПЭН, 2004.
4. Хекхаузен Х. Из истории психологических исследований агрессии / Мотивация и деятельность. Т. 1. М., 1986.
5. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.

References

1. Woolf K. Anthropology: History, culture, philosophy. SPb. 2007.
2. Gelen A. About systematization of anthropology / Problem of the person in the western philosophy. M, 1988.
3. Plesner X. Steps of organic and person: Introduction to philosophical anthropology. M.: ROSSPEN, 2004.
4. Hekhausen H. from history of psychological researches aggression / Motivation and activity. Vol. 1. M, 1986.
5. Sheler M. Collected works. M.: Gnozis, 1994.

УДК 291.13

UDC 291.13

И.Е. БАТРИН

аспирант, кафедра культурологии и религиоведения,
Северный федеральный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: batrin__89@mail.ru

I.E. BATRIN

Graduate student, Department of Culture and Religion
Studies, Northern Federal University named after M.V.
Lomonosov
E-mail: batrin__89@mail.ru

СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ МИФА «О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ»

MEANING FOUNDATION OF THE MYTH «ABOUT THE GOLDEN AGE»

В гуманитарной науке имеется множество подходов к изучению глубинной сути мифа. Данная статья демонстрирует один из таких подходов и использует его для определения и разграничения смысловой структуры мифа «о золотом веке».

Ключевые слова: золотой век, миф, мифологема, благородный дикарь, потерянный рай.

Humanitarian science has many approaches to studying deep meaning of myth. This article shows one of such approaches, and uses it to determination and differentiation of the semantic structure of the myth about Golden Age.

Keywords: golden Age, myth, mythologem, noble savage, paradise lost.

Глубинные мифологические сюжеты, составляющие ядро культуры, стали предметом изучения ученых совсем недавно и имеют важное значение для понимания человека и человечества в целом. Именно поэтому социологические, философские, исторические, филологические, культурологические и религиоведческие исследования мифологии занимают не последнее место в современных гуманитарных науках. Одной из актуальнейших проблем гуманитарного знания является проблема исследования мифа о «золотом веке» и мифологемы «золотого века» как ядерного элемента данного мифа.

Миф о «золотом веке» – это миф о первоначальном благоденствии, о том «рае», который был утрачен на более поздних стадиях развития человечества [1, С. 3]. Как считает М. Элиаде, миф о «золотом веке» появился вследствие распада первобытных обществ и перехода их через стадию неолитической революции к оседлости. Он подчеркивает, что значение этого комплекса объясняется памятью о ледниковом периоде, когда далекие предки жили в «охотничьем рае» [2, С. 8]. Так и С.А. Давыдов утверждает, что одной из причин появления этого мифа стала неоднозначность неолитической революции. С одной стороны, был совершен качественный скачок от присваивающей модели хозяйствования к производящей, от кочевого образа жизни к оседлому. Этот процесс сопровождался бурным развитием экономической, культурной и социальной сфер первобытного общества. С другой стороны, переход оказался связан с рядом проблем. Общество навсегда потеряло социальное и экономическое равенство, распрощалось с естественными принципами разделения труда, с самодостаточностью и независимостью семьи, а также с изобилием, связанным с умеренностью потребностей первобытного человека. По утверждению автора, именно поэтому мир собирателей и охотников в сознании потомков стал ассоциироваться с потерянным раем и

на протяжении веков люди передавали из уст в уста память о прошлом, как о канувшем в лету «золотом веке» [3, С. 133]. Появление мифа о «золотом веке» означает и то, что появились соединенные друг с другом мифологемы «благородного дикаря», «потерянного рая» и мифологема «золотого века».

Основанием любого мифа о «золотом веке» является мифологема «золотого века». Впервые понятие «мифологема» в научный оборот было введено К.Г. Юнгом в работе «Душа и миф: шесть архетипов». Он понимает под мифологемой повествование, о богах, героях их свершениях, битвах и путешествиях в подземный мир, которые хорошо всем известны, но которые в то же время далеки от оформления и продолжают служить материалом для нового творчества [4, С.13]. Мифологема является материалом, смыслами, образами, которые постоянно воспроизводятся в культуре, которые не устаревают, но приобретают все новые и новые значения. Развивая это понятие, В.Н. Топоров добавляет, что мифологема всегда этноспецифична, чем отличается от архетипа, который является общим для многих культур. Для каждого этноса характерен свой набор мифологем. Мифологема не может быть сведена к конкретному мифу, она может быть только реконструирована. Кроме этого, каждая мифологема единична, конкретна и обладает самостоятельным смыслом [5, С.61].

В.С. Поликарпов определяет мифологему «золотого века» как мифологему, в которой зафиксирован образ счастливого человечества, которому дарованы вечная юность, вечный мир и вечная праздность [6, С. 3]. Мифологема «золотого века» или, по выражению М. Элиаде «о совершенстве начала вещей» [7], входит в миф о «золотом веке» как центральный элемент наряду с мифологемой «потерянного рая» и мифологемой о «благородном дикаре».

Мифологема «потерянного рая» – это представле-

ние о первоначально существовавшем земном рае и об изгнании человека из него. Эти мифы рассказывают о приобретении человеком смертности, происхождении болезней и утверждающих изъязы в человеческой природе прегрешениях. Мифологема «потерянного рая» является описательной основой мифа. Это та среда, в которой существовал или будет существовать человек, в которой он не знает ни бед, ни горестей, ни печалей. Мифологема «потерянного рая» всегда представляет собой красочное описание места действия, будь то библейский образ земного рая, шумерский остров Дильмун, скандинавский Асгард, или просто концепции других миров, где человек существовал не зная тревог, встречающиеся у многих племен северо – американских индейцев.

Мифологема «благородного дикаря» включает в себя представления, что предки (или предок) в незапамятные времена были идеальны и жили в первозданном раю благодаря своей добродетельности. М. Элиаде указывает, что Миф о благородном дикаре был лишь продолжением мифа о «золотом веке», то есть о совершенстве начала вещей [7]. В первую очередь, данная мифологема связывается с культом предков и встречается в виде поверий о «предках», живших лучше, чем люди сегодня, и наделённых особыми чудесными способностями [8, С.153]. С.А. Токарев утверждает, что этот мотив с особой силой сказан в эпоху разложения первобытных общин, в эпоху постоянных междоусобных войн, когда прошлое, более мирное время должно было, по контрасту с жестокой реальностью, казаться беззаботной и счастливой порой [9, С.431]. Мифологема «благородного дикаря» присутствует во многих мифологических, религиозных и философских представлениях. Это представление, как выяснил М. Элиаде, свойственно уже первобытным народам, которые считают себя в некотором роде «грешниками» за то, что оступились их предки. Но перед ними землю населяли люди, общающиеся с богами и не знающие печалей, обладающие сверхъестественными способностями. То же говорится о мыслителях эпохи Возрождения и Просвещения, которые считали идеальными «примитивные» племена. Эта мифологема присутствует и в учении Жан Жака Руссо, которому свойственна идеализация человека, находящегося в единстве с природой.

Как центральный элемент мифа о «золотом веке», мифологема «золотого века» неразрывно связана с мифологемами «потерянного рая» и «благородного дикаря». Мифологема «золотого века» оказывается растворенной в мифологеме «потерянного рая» в силу того, что мифологическое время не существует абстрактно и обособлено от описываемого в мифе образа [10, С.45]. Так, «Золотой век» оказывается тем самым Временем до начала времен [11, С.5], которое показано через образы некогда существовавшего рая. К примеру, мифологема «золотого века» прослеживается в строительстве и описаниях Асгарда и Вальгаллы. «Следом построили они дом, в котором поставили кузнечный горн, а в придачу сделали молот, щипцы, наковальню и остальные орудия. Тогда они начали делать

вещи из руды, из камня и из дерева. И так много ковали они той руды, что зовется золотом, что вся утварь и все убранство были у них золотые, и назывался тот век золотым, пока он не был испорчен женами, явившимися из Ётунхейма»[12, С.43]. «Золотой век» всегда заканчивается и именно тогда, он обретает свое значение. Поэтому, если бы не было образа потерянного рая, «золотого века» не могло бы существовать. Его просто невозможно было бы выразить.

Кроме этого, мифологема «золотого века» репрезентуется в действиях и качественных характеристиках жителей земного рая из-за чего и оказывается спаянной с мифологемой «благородного дикаря». Это лучше всего выражено в известном высказывании Гесиода:

Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково
сильны

Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном

(Цит. по:[13, С. 4]).

Это описание «золотого рода» дает ряд положительных характеристик, присущих человеку, которые впоследствии были утрачены или растворены. Именно идеализация первого поколения людей и позволяет нам говорить о присутствии мифологемы «золотого века» в мифе. Каждый миф о «золотом веке» характеризуется еще и тем, что человек выполняет некие действия, которые ему позволяют совершать боги. Но всегда существует действие, которое совершать нельзя. Совершение этого действия ведет к концу «золотого века» и означает изгнание из рая. Мифологема «золотого века» оказывается выражена еще и действиями, которые можно совершать, и в то же время, обнаруживается лишь тогда, когда цикл оказывается нарушен.

Итак, мифы о «золотом веке», появившиеся в результате перехода обществ через стадию неолитической революции к оседлости, имеют общую структуру. В этих мифах можно выделить следующие смысловые основания, существующие в виде нераздельной взаимосвязи трех мифологем: мифологемы «потерянного рая», являющейся описательной основой мифа, мифологемы «благородного дикаря», которая представляет идеализированный образ человека в мифах, и мифологемы «золотого века». Мифологема «золотого века» растворена в мифологемах «потерянного рая» и «благородного дикаря». С одной стороны, «золотой век» существует как сакральное «Время до Времени» [11, С.5], растворенное в образах рая и существующее только вместе с ними. С другой стороны, мифологема «золотого века» просматривается в характеристиках, присущих человеку, населяющему рай, и в его действиях. Так мифологема «золотого века» оказывается неразрывно связанной с пространством и человеком. Она репрезентуется в самом пространстве или в характеристиках и действиях, совершаемых «благородным дикарем». Поэтому изучение мифа о «золотом веке» всегда означает анализ мифов, включающих в себя мифологемы «благородного дикаря» и «потерянного рая», с последующим выделением выраженных характеристик мифологемы «золотого века».

Библиографический список

1. Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «Золотом веке» в Древнем Риме. До установления принципата. Новосибирск.: НГУ, 1994. 365 с.
2. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Том I. От каменного века до Элевсинских мистерий. Пер. с фр. Кулакова Н. Н. М.: Критерион, 2002. 464 с.
3. Давыдов С. А. Миф о «Золотом веке» как отражение смены культурно-хозяйственной парадигмы при переходе к оседлости. Обсерватория культуры. 2013. N 3. С. 126-134
4. Кереньи К., Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М.: Совершенство, 1997. 384 с.
5. Иванов В.В., Топоров В.Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах. //Типологические исследования по фольклору. Сб. ст. памяти В.Я. Проппа. (Сост. Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов). М.: «Наука», 1975, С.44–75.
6. Поликарпов В.С. Золотой век в истории мировой культуры. Таганрог: ТГТУ, 2000. 110 с.
7. Элиаде М. Миф о благородном дикаре, или престиж начала\ пер. А.П. Хомик [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Eliade/Mif_BIDik.php
8. Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. Пер. с фр. А.П. Хомик. М.: Ваклер, 1996. 288 с.
9. Токарев С. А. Золотой век//Мифы народов мира. Энциклопедия. Гл. ред. С.А.Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 471–472.
10. Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л.: «Наука», 1976. 104 с.
11. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2010. 256 с.
12. Стурлусон С. Младшая Эдда. Ред. О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М.: «Наука», 1970. 254 с.
13. Гесиод. Работы и дни. Земледельческая поэма. Пер. В. Вересаева. М.: Недра, 1927. 88 с.

References

1. Chernyshov Ju. G. The social-utopian ideas and the myth of the “golden age” in ancient Rome. Part I. Until the establishment of the principate -Novosibirsk: NGU, 1994. 365 p.
 2. Eliade Mircea. Histoire des croyances et des idees religieuses. Tome I. De l’age de la pierre aux mystere d’Eleusis / tr. from fr. Kulakov N. N. M: Criterion, 2002. 464 p.
 3. Davidov S.A. Myth about Golden Age as reflection of changes cultural-practical paradigm at transition to settled // Observatory of culture. 2013. N 3. Pp. 126–134
 4. Kereniy K., Yung K.G. The Soul and Myth: Six archetype. Moskow.: Sovershenstvo, 1997. 384 p.
 5. Ivanov V.V., Toporov V.N. Invariant and transformations in mythological and folkloric texts. // Typological research on folklore. Festschrift in memory of V.Y. Propp. (Compiled by E.M. Meletinskii, S.Y. Nekludov). M.: Nauka, 1975, Pp.44–75.
 6. Polikarpov V.S. Golden age in the history of world culture. Taganrog: TGTU, 2000–110 p.
 7. Eliade M. The myth of the noble savage, or prestige beginnings \ In. A.P. Khomik [electronic resource]. - Mode of access: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Eliade/Mif_BIDik.php
 8. Eliade M. Myths, dreams and mysteries. / tr. from Fr. A.P. Khomik / M. Vakler, 1996. 288 p.
 9. Tokarev S.A. Golden Age // Myths of nations of the world. Encyclopedia. / Ed. S.A.Tokarev. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1991. P. 471–472.
 10. Steblin-Kamensky M.I. Myth. – Leningrad: Nauka, 1976. 104 p.
 11. Eliade M. Aspects du mythe. / Tr. from the Fr. V. Bolshakov/ Academia 2010. 256 p.
 12. Sturluson S. The Prose Edda /Ed. O. A. Smirnitskaya, M. I. Steblin-Kamensky/ M.: Nauka, 1970. 254 p.
 13. Hesiod. Works and Days. Agricultural poem. / Tr. V. Veresaev. M.: Nedra, 1927. 88 p.
-

УДК 130.2

UDC 130.2

И.В. ЖЕЛТИКОВА

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и культурологии, Орловский государственный университет
E-mail: inga.zheltikova@gmail.com

I.V. ZHELTIKOVA

Candidate of Philosophy, Associate professor, Department of Philosophy and culturology, Orel State University
E-mail: inga.zheltikova@gmail.com

БУДУЩЕЕ: СТРАХ И НАДЕЖДА (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА)

THE FUTURE: FEAR OR HOPE (FOR EXAMPLE, VISION OF THE FUTURE IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY)

В этой статье предпринимается попытка установить соотношение страха и надежды в ожидании будущего в России начала XX века. В качестве примера страха перед будущим рассматривается образ социального хаоса, эсхатологические ожидания. Позитивное отношение к будущему представлено картинами социальных преобразований, освоения космоса и торжества науки. В статье делается вывод о том, что в России начала XX века доминировала надежда в отношении к будущему.

Ключевые слова: будущее, образ будущего, социальные ожидания, русская культура, эсхатология, страх, надежда.

In this article, the author attempts to correlate fear and hope in anticipation of the future of Russia at the beginning of the twentieth century. The image of social chaos and eschatological expectations is discussed as an example of a pessimistic attitude towards the future. An optimistic attitude towards the future is presented by visions of social change, space exploration, and triumph of science. The article concludes the dominance of optimism about the future in Russian Silver Age.

Keywords: the Future, the image of the future, social expectations, russian Culture, eschatology, fear, hope.

Ощущение человеком своего времени – это одна из интереснейших тем исторического и культурологического исследования. Какой видели свою эпоху современники? Какие стороны жизни радовали или огорчали их, что привлекало внимание, что казалось важным и наоборот? Переписка, мемуары, воспоминания дают достаточно полный материал для ответов на подобные вопросы. Немало существует и соответствующих исследований. В этой статье мы хотели бы осветить другую сторону проблемы – то, каким видели будущее представители определенной эпохи. С одной стороны, будущее – это не столько область рефлексии, сколько фантазии и желаний, с другой – фантазии по поводу будущего – это не только фантазии, но и отражение определенных социально значимых ожиданий. Для обозначения всего комплекса представлений о будущем: политических и социальных перспектив, надежд или страхов, картин частной и публичной жизни, представлений о тенденциях в развитии культуры и нравственности – мы будем употреблять понятие «образ будущего».

Использование этого понятия в исследовании позволяет различать анализ некоего феномена, в нашем случае – будущего, от рассмотрения того, как этот феномен воспринимался определенной социокультурной средой – образ будущего. Можно дискутировать по поводу того, возможно ли исследование будущего, рассматриваемого с онтологических позиций, как событий, которые ещё не произошли, но произойдут.

Однако вряд ли стоит сомневаться в том, что возможен анализ представлений о будущем. Так же как самосознание настоящего, воображение будущего находит отражение в определенных текстах. Среди наиболее содержательных источников стоит назвать произведения художественной литературы, поэзию, публицистику, правительственные и партийные программы, научные и философские трактаты. Словом, тексты, авторы которых одной из целей ставят отражение своих представлений о том, что ждет в будущем лично их, культуру в целом или все человечество.

Временной горизонт неминуемо накладывает отпечаток на формирование картин будущего. Нередко события, являющиеся прошлым для исследователя, рассматриваются в качестве будущего для анализируемого им времени. В результате такого ретроспективного смещения формируется искаженная картина прошедшей эпохи, включающая в себя перспективу, знание которой отсутствовало в реальном времени прошлого. Примером такого исследовательского переноса как раз и является образ «Серебряного века» как своеобразного взлета перед падением, предгрозового времени, наполненного мрачными ожиданиями. Начинается это ретроспективное смещение, по-видимому, с того, что само понятие «Серебряный век» возникает как осмысление русскими эмигрантами 20-30-х гг. времени начала века, времени молодости и даже юности, тех, кто пытается дать оценку второму взлету русской культуры. Такая

оценка прошлого, даваемая его современниками задним числом, не может не содержать два противоположных посыла. Прошлое как время ушедшей молодости идеализируется, человек сохраняет о нем по преимуществу позитивные воспоминания. С другой стороны, начало века отделяется от очевидцев, осмысливающих этот период, действительно катастрофическими событиями войн, революций, эмиграций, личных потерь и страданий. Эта ситуация не может не оказывать влияния на формирование образа предгрозово-тишины Серебряного века, ожидания неясной угрозы. Данная установка, вполне закономерная для современников и очевидцев рассматриваемой эпохи, остается доминирующей и в большинстве более поздних исследований культуры России рубежа XIX–XX веков. В этой статье мы хотели бы рассмотреть образы будущего, которые были особенно актуальны в указанный период, понять действительное соотношение страха и надежды по отношению к будущему у современников смены веков.

Выбор источников во многом определяет то, какие картины будущего удастся восстановить. В литературе, и главным образом поэзии, мы действительно встречаем большое количество образов, передающих ощущение нестабильности, от эсхатологических образов конца света до менее определенных образов грядущего хаоса.

В строгом смысле слова, эсхатологическими можно считать те образы, которые содержат картины будущего в его пределе, картины, предполагающие конец существования человечества. Такие эсхатологические ожидания мы встречаем в «Русских могилах» В.В. Розанова [18], описывающего самоубийства раскольников Тираспольских хуторов Херсонской губернии. Философ воссоздает атмосферу изолированной религиозной группы, склонной к экзальтированному восприятию действительности, в которой Всеобщая перепись 1897 года расценивается как предвестие Конца света и ведет к массовым самоубийствам. Близки к религиозно-эсхатологическим и ожидания Вл.С. Соловьева, склонного в конце жизни к мрачному пессимистическому мироощущению. Свои негативные предчувствия мыслитель и поэт связывал с мировой войной и концом традиционного мира. Основной дестабилизирующей силой ему виделся милитаристский Восток, в первую очередь Япония. В стихотворении 1894 года «Панмонголизм» он восклицает:

О Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И Третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.[19]

«Краткая повесть об антихристе» из последнего его произведения «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» [20] начинается описанием нападения Японии на Китай, Россию, Европу, что служит прологом грядущего апокалипсиса.

И все-таки эсхатологические образы в чистом виде были скорее исключением. Среди образов, несущих негативное отношение к будущему, преобладали картины «хаоса» – потери определенности, социальной анархии, политической и культурной дестабилизации.

Страх перед возможными в будущем социальными беспорядками можно заметить в литературе переходных десятилетий. В «Творимой легенде» Ф.К. Сологуба [21], «Королевском парке» А.И. Куприна [12], «Республике Южного креста» [6] и «В днях запустений» В.Я. Брюсова создаются картины полного развала социального устройства. Бунты, погромы, драки, убийства, насилие, мародерство, массовые сумасшествия знаменуют собой основные элементы страха перед будущим. В этих картинах человек утрачивает свой облик, обнаруживая звероподобие, выливающееся во всеобщее разрушение. То же ощущение угрозы мы встречаем, например, у одного из влиятельнейших государственных деятелей начала XX века П.Столыпина, который, по воспоминаниям его близких, предчувствовал надвигающуюся национальную катастрофу [22]. Опасался будущей «настоящей, большой войны» и Л.Толстой, полагая, что при современном подъеме патриотизма она «всякую минуту может и должна начаться» [25].

Однако нельзя не заметить, что война, возможная в будущем, хотя и вызвала опасения многих современников смены эпох, мало кем из них рассматривалась в духе Соловьева, как преддверие апокалипсиса. Так, вполне оптимистичны и проникнуты духом «урапатриотизма» романы А. Беломора «Крейсер “Русская надежда”» и «Роковая война 18??» [2], написанные в конце 80-х гг. XIX века. В первом из них говорится о том, как в недалеком будущем Россия будет победоносно противостоять военной коалиции во главе с Англией, а славный крейсер успешно потопит английские суда во всех частях мирового океана. В «Роковой войне 18??» основной агрессор Италия недальновидно посягает на российский Дальний Восток, но Россия без особого труда побеждает итальянцев и их союзников: австрийцев, турок – а в заключении еще захватывает Босфор и Константинополь. И только «Красный смех» (1904 г.) Л. Андреева [1], создавая нарочито неотрефлексированные, экзистенциальные переживания войны, передает ощущение ужаса от абсолютного хаоса.

Однако предчувствия надвигающегося хаоса нельзя однозначно оценивать в качестве страха перед будущим. Он внушал не только ужас, но и надежду, надежду на обновление, изменение существующего течения жизни. Та же ожидаемая мировая война представлялась переходным временем, пережив которое, европейское человечество объединится и придет к более совершенному социальному порядку. С этих позиций изображает мировую войну, разруху и всемирный голод А. Оссендовский в романе «Грядущая борьба» [15]. Именно глобальный катаклизм приводит к краху мировое правительство и служит началом нового пути развития.

Тем более позитивно мог восприниматься хаос революции, признаваемой сторонниками социализма и

анархизма неминуемым переходным этапом к новому социальному строю. «Хаос волен, хаос прав!» – так выразил этот настрой В.И. Иванов.

Стена Вольности и Прав
Диким скифам не по нраву
Гильотин учил вас праву.
Хаос волен, хаос прав!

В нас заложена алчба
Вам неведомой свободы:
Ваши веки — только годы,
Где заносят непогоды
Безымянные гроба. [9]

В монографии Б.Ф. Егорова «Российские утопии» хорошо проанализирована тема «мирового пожара», «очистительной огненной бури», активно осваиваемая отечественными поэтами начала XX века [8]. Автор показывает, как в первое десятилетие XX века огненный фон грядущих катастроф начинает делаться положительным смыслом. К.Д. Бальмонт, Эллис (Л.Л.Кобылинский), В.И. Иванов, Ф.К. Сологуб, В.Я. Брюсов, А.А. Блок видят в нем пролог нового мира.

Таким образом, представление о том, что будущее страшило россиян рубежа XIX – XX веков – это скорее результат ретроспективного переноса, чем самоощущение Серебряного века, своеобразный мираж, который возникает при рассмотрении прошлого без должного внимания к аспекту перспективы-ретроспективы.

Подтверждением тому являются образы будущего, проникнутые надеждой, оставившие свой след в других типах источников рассматриваемого периода. Пожалуй, наиболее популярным образом будущего рубежа веков был образ нового социального порядка, образ, внушающий надежду, и в том или ином виде присутствующий во всех слоях российского общества. О нем писали члены правительства: С.Ю. Витте, П.Д. Святополк-Мирский, В.Н. Коковцев, П.А. Столыпин; философы и публицисты: Л.Н. Толстой, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк; будущий социальный строй нашел отражение в программах ведущих политических партий: РСДРП, Бунда, эсеров, кадетов; стал одной из популярнейших тем литературы. Лидировали в этом образе такие черты, как изменение государственного устройства в сторону конституализации правления, введение принципа выборности в институты государственного управления, изменение форм земельной собственности, утверждение свободы слова, печати, собраний, изменение в сфере судопроизводства. Этот политический горизонт привлекал внимание практически всех слоев населения, социальных и политических групп. Черты нового социального порядка конкретизировались в зависимости от политических пристрастий и социальной принадлежности, но их несомненно общим моментом была надежда на будущее. Это были позитивные образы, вызванные к жизни надеждой, а не страхом, образы, располагающиеся в модальности возможного, а порой и должного. В той или иной степени все картины будущего социального порядка создавались в противовес акту-

альному образу жизни России, их объединяло чувство необходимости и возможности перемен, наличия требуемых условий для их начала. Социальные преобразования – это картины будущего ближайших 10-20 лет.

Немногом в популярности образу нового социального порядка уступали и образы новой духовности, космоса и торжества науки. Перемены в сфере религии, общественной нравственности и индивидуальной морали связывались с утверждением нового мировоззрения, которое должно будет привести к кардинальным изменениям во всех сферах жизни. В наиболее разработанном виде модели новой духовности присутствовали в проектах: «общего дела» Н.Ф. Федорова [26], «непротивления злу» Л.Н. Толстого [24] и «нового религиозного сознания» Д.С. Мережковского [13] и З.Н. Гиппиус. Объединяет все эти картины будущего ощущение духовного застоя, пустоты, которое переживается русской культурой на рубеже XIX–XX веков. Однако неудовлетворенность религиозных потребностей, недостаток свободы, неясность творческих задач не привели современников к страху перед будущим. Эта ситуация послужила поводом к поиску новых ориентиров, которые в художественной сфере породили такие течения модернизма, как символизм, акмеизм, футуризм. Мировоззренческие поиски рубежа веков в целом следует признать продуктивными. Как выход из идейного тупика предлагалось усилить духовную составляющую общественной жизни. Грядущие трансформации связывались с изменениями в отношении человека к самому себе, другим людям, природному миру, они вселяли надежду и оптимизм.

Центральной темой космического образа будущего был выход человечества за границы Земного шара. Это был, пожалуй, самый светлый образ будущего Серебряного века. Этот образ обыгрывал фантастическую на тот момент перспективу преодоления планетарной замкнутости человечества, окончательной победы человека над природной стихией. Вдохновляло его стремление именно *покорить* космос, утвердить в нем главенство человека. В работах ученых-естествоиспытателей, таких как К.Э. Циолковский, Н.А. Умов, Н.Г. Холодный, В.И. Вернадский, А.И. Чижевский, размышления были направлены на практическую сторону освоения космоса, на вопросы о том, *как* человечеству оторваться от поверхности своей планеты, *каким* образом существовать в космическом пространстве и *с помощью чего* обустроить жизнь на иных планетах. У мыслителей, оперирующих скорее мыслительными абстракциями, нежели научными данными, таких как А.В. Сухово-Кобылин [23], Н.Ф. Федоров, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, выход в космос ассоциировался с преображением мира, движением к новому небу и новой земле, понимаемым в евангельском духе. Писатели-фантасты П.П. Инфантьева [10], В.И. Крыжановской [11], чьи картины будущего отличались наибольшей образностью, обращались к космосу как варианту «неисследованных земель», на фоне которых удобно разворачивать приключенческие сюжеты. Литературное творчество ученых

А.А. Богданова [4], Н.А. Морозова [14], соединившее темы освоения космоса и социальных преобразований, послужило прологом отечественной научной фантастики. Интересно, что, несмотря на развлекательный характер этих произведений, в них отсутствует тема «звездных войн», что отличает оптимистические образы космоса отечественной фантастики от страха перед «войной миров» западной литературы этого периода.

Еще один образ будущего, наполненный надеждой, связывал будущее с воплощением просветительских идей торжества науки. Такое видение будущего было актуально не только для ученых, хотя, конечно, именно они задали саму тему. Уверенность в прямой зависимости будущей жизни от научных достижений разделяли философы, публицисты, литераторы. Если ученые размышляли главным образом о продуктивности тех или иных областей научного знания, прогнозировали появление в них определенных тенденций, то интерпретация науки как социально преобразующей силы – это удел философов и художников слова. Так, В.И. Вернадский задумывался о значении для будущего человечества исследований руд урана и радия, определял значимость народного просвещения для государственной мощи. А такие популяризаторы науки, как А.А. Богданов [5], В.Н. Чиколаев, А.А. Родных, размышляли о прямой взаимосвязи достижений науки с социальным прогрессом. Н.Ф. Федоров и К.Э. Циолковский создали масштабные картины, в которых наука явится решающим фактором грядущего совершенствования и преобразования природы человека, превращенного в бессмертное автотрофное существо с развитым интеллектом и атрофированной эмоциональной сферой.

Образы покорения космоса и торжества науки дополняют друг друга и демонстрируют надежды на будущее, веру в то, что в грядущей жизни не будет многих тягот и неустроенности настоящего времени.

Показательна массовость обращения к ним: литература, публицистика, наука – вот сферы, буквально наводненные на рубеже XIX–XX веков проектами покорения космоса и торжества науки. Мы полагаем, что уместным будет охарактеризовать эти образы как утопические, вдохновленные надеждой. От будущего ожидали обновления жизни, духовного переворота, научных открытий и эволюционных преобразований человека, и большинство этих ожиданий были пронизаны

радостным ощущением близости перемен. Более того, мы не ошибемся, если скажем, что в рассматриваемый период стиль поведения, ориентированный на будущее, становится приоритетным.

Исследуя тему предвидения будущего, С.Н. Булгаков противопоставлял пессимистически-эсхатологическое видение оптимистически-хилиастическому, замечая, что эти тенденции можно обнаружить не только в религиозных источниках, но и в любом отношении к будущему. Мы полагаем, что выделенные Булгаковым подходы, характеризуют два типа эмоционального отношения к будущему. Вариантами страха перед будущим являются, с одной стороны, ожидания нефиналистических бедствий: войн, революций, экологических катаклизмов, вслед за которыми мыслится наступление более стабильного состояния, с другой – ожидания конца. Однако, как мы убедились, те же эсхатологические ожидания на эмоциональном уровне могут сопровождаться надеждой, например, надеждой на вступление в Царство Божие, как это встречается в сочинениях Августина Блаженного, или на преобразования социального порядка, как у большинства поэтов Серебряного века. Оптимистическое отношение к будущему вдохновлялось, в нашем случае, надеждой на трансформацию социального порядка, улучшение духовных основ жизни, освоение космоса и победу науки.

Как страхи, так и надежды, связанные с будущим, отличаются от произвольного желания или субъективной фантазии. Социальные надежды выражают такие устремления, которые имеют шанс реализоваться, они порождаются позитивной оценкой существующих в реальности векторов развития социума. Надежда, присутствующая в образах будущего, возникает как оправдание социального настоящего. Формирование пессимистического образа будущего свидетельствует о том, что его авторы находят в окружающей их социальной реальности такие процессы, которые не дают права надеяться на улучшение социального бытия. Если ограничивать Серебряный век началом первой мировой войны, то мы должны признать, что в этот период в России господствовало позитивное отношение к будущему. Его ожидали с надеждой и нетерпением. Страх и упаднические настроения – это настрой на будущее для более позднего времени, ошибочно переносимый на начало XX века.

Библиографический список

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т.2. М.: Художественная литература, 1990.
2. Беломор А. Роковая война 18?? года. Ф. роман. СПб., типогр. Р. Голике, 1889.
3. Беломор А.К. Крейсер «Русская надежда». СПб.: С.С. Любавин, 1887.
4. Богданов А.А. Красная звезда. М. Терра, 2009. 224с.; Богданов А.А. Инженер Мэнни. М., 1912.
5. Богданов А.А. Эмпириомонизм. М., 1904.
6. Брюсов В.Я. Республика Южного Креста/ В кн.: Брюсов В.Я. Земная ось: рассказы и драм. сцены. М. 1911. С. 62–82.
7. Витте С.Ю. Записка бывшего министра финансов. СПб.: Тип. В.Безобразова и Ко, 1908.
8. Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство, 2007. С.297–303.
9. Иванов Вяч. И. Собрание сочинений. Брюссель, 1971. Т. 1.
10. Инфантьев П.П. На другой планете: Повесть из жизни обитателей Марса. Новгород, 1901.
11. Крыжановская (Рочестер) В.И. На соседней планете: Роман. СПб.: Книгоизд. т-во, 1912.
12. Куприн А.И. Королевский парк. В кн.: А.И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 5. М.: Худ. литература, 1972. С. 272–277.

13. Мережковский Д.С. Не мир, но меч. В кн.: Мережковский Д.С. Больная Россия. Избранное. Л., 1991.
14. Морозов Н. На границе неведомого. (Научные полуфантазии). М.: «Звено», 1910.
15. Оссендовский А. Бриг «Ужас». В кн.: Русская фантастика 10-20-х гг. XX в. М.: Русская книга, 1999. С.7-47.
16. Оссендовский А. Грядущая борьба: Завтрашняя повесть. В кн.: Русская фантастика 10-20-х гг. XX в. М.: Русская книга, 1999. С.48-72.
17. Победоносцев К.П. Болезни нашего времени. В кн.: «Победоносцев: pro et contra. Антология. СПб.: РХГИ. 1996.
18. Розанов В.В. Русские могилы. В кн.: Розанов В.В. Собрание сочинений. В темных религиозных лучах. М.: Республика, 1994. С.192-253.
19. Соловьев В.С. Панмонголизм. В кн.: Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира 1880-1910-х годов. М.: «Современник», 1990.
20. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории В кн.: Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т.2. С. 635–763.
21. Сологуб Ф.К. Творимая легенда. М.: Современник, 1991.
22. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия+: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. М., 1991.
23. http://az.lib.ru/s/suhowokobylin_a_w/text_0040.shtml
24. Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. В кн.: Толстой Л.Н. ПСС: в 90 тт. Т. 37. М.: Худ.Лит. 1956.
25. Толстой Л.Н. ПСС: В 90 тт. Т. 90. М.: Худ.Лит. 1976.
26. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х томах. Том I. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995.

References

1. Andreev L.N. Works. In 6 volumes. V.2. M.: Fiction, 1990.
 2. Belomor A. Fatal war 18?? year. F. novel. St. Petersburg., Print shop. Golicke R.: 1889.
 3. Belomor A.K. Cruiser “Russian hope.” St. Petersburg: S.S. Lubavin, 1887.
 4. Bogdanov A.A. The Red Star. M. Terra, 2009; Bogdanov A.A. Manny engineer. Moscow, 1912.
 5. Bogdanov A.A. Empiriomonism. M., 1904.
 6. Bruce V.J. The Republic of the Southern Cross. In the book: Bruce V.J. The Earth’s axis: stories and dramas. Scenes. M. 1911. Pp. 62–82.
 7. Vitte S.Y. Note the former finance minister. St. Petersburg.: Type. V.Bezobrazova and Co., 1908.
 8. Egorov B.F. Russian Utopia: Historical Guide. St. Petersburg.: Arts, 2007. Pp.297–303.
 9. Ivanov I. Collected Works. Brussels, 1971. Vol. 1.
 10. Infantiev P.P. On another planet: The Story of the life of the inhabitants of Mars. Novgorod, 1901.
 11. Kryzhanovskaya (Rochester) V.I. On the neighboring planet: Roman. St. Petersburg.: Knigoizd. t of 1912.
 12. Kuprin A.I. Royal Park. In the book: A.I. Kuprin. Works in 9 volumes. Volume 5. M. Hood. Literature, 1972. Pp. 272–277.
 13. Merezhkovskii D.S. Not peace, but a sword. In the book: Merezhkovskii D.S. Patient Russia. Favorites. L., 1991.
 14. Morozov N. At the edge of the unknown. (Scientific profantasy). M.: «Link», 1910.
 15. Ossendovsky A. Brig “Horror.” In the book: Russian fiction 10-20-ies. XX century. Moscow: Russian book, 1999. Pp.7-47.
 16. Ossendovsky A. Gathering struggle: Tomorrow’s story. In the book: Russian fiction 10-20-ies. XX century. Moscow: Russian book, 1999. Pp.48-72.
 17. Pobedonostsev K.P. Disease of our time. In the book. “Pobedonoscev: pro et contra. Anthology. St. Petersburg.: RHGI. 1996.
 18. Rozanov V.V. Russian grave. In the book Rozanov V.V. Works. In the dark religious rays. M.: The Republic, 1994. Pp.192–253.
 19. Soloviev V.S. Panmongolism. In the book. Muse fiery satire: Russian verse satire 1880-1910-ies. M.: «Contemporary», 1990.
 20. Soloviev V.S. Three talk about the war, progress and end of world history in the book: V.S. Soloviev. Works: In 2 volumes. M: Mysl’, 1990. V.2. Pp. 635-763.
 21. Sologub F.K. Solubility legend. Moscow: Contemporary, 1991.
 22. Stolypin P.A. We need a great Russia +: Complete Collection of speeches in the Duma and the Council of State. 1906–1911. M., 1991.
 23. http://az.lib.ru/s/suhowokobylin_a_w/text_0040.shtml
 24. Tolstoy L.N. Act of violence and the law of love. In the book: Leo Tolstoy MSS: 90 min. Vol. 37. M. Hud.Lit. 1956.
 25. Tolstoy L.N. MSS: In 90 min. Vol. 90. M. Hud.Lit
 26. Fyodorov N.F. Works: in 4 volumes. Volume I. M.: Publishing group “Progress”, 1995.
-
-

УДК 14.

UDC 14.

ИЕРОМОНАХ КИРИЛЛ (ЗИНКОВСКИЙ)

кандидат богословских наук, докторант, кафедра богословия, Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых Кирилла и Мефодия
E-mail: m.zink@yandex.ru

KIRILL (ZINKOVSKIY), HIEROMONK

Candidate of theological sciences, doctoral student, Department of Theology at the All-Church Doctorate Program in the name of Saint Cyril and Methody
E-mail: m.zink@yandex.ru

НОВИЗНА ПОНЯТИЯ «МЕОНИЧНОСТИ» МАТЕРИИ В УМОЗРЕНИИ СВЯТЫТЕЛЯ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО

THE NOVELTY OF THE CONCEPT OF “MEONISM” OF MATTER IN THE HERITAGE OF ST. BASIL THE GREAT

В статье дан анализ богословско-философского умозрения одного из «великих каппадокийцев» о материи, ее онтологии и эсхатологическом предназначении. Учение о происхождении тварного мира из абсолютного не-бытия раскрывается свт. Василием как проявление преизбыточествующей любви Бога-Творца, а призвание человека видится в осуществлении первоначального замысла Божия об обожении его духовно-телесной природы, так чтобы по образу Христа человек стал источником освящения и всего материального космоса.

Ключевые слова: небытие, материя, тело, плоть, обновление, Евхаристия.

The article provides an analysis of the theological and philosophical speculation of one of the “great cappadocians” on the ontology of matter and its eschatological purpose. Teaching on the origin of the created world out of absolute non-existence is articulated by St. Basil as a manifestation of the love of God the Creator, and the vocation of man is seen in the fulfilment of the original conception of God on theosis of his spiritual and corporeal nature, so that in the image of Christ the man becomes the source of sanctification of the material cosmos.

Keywords: non-existence, matter, body, flesh, renewal, Eucharist.

Новизна нашего исследования состоит, прежде всего, в том, что впервые в отечественной и зарубежной богословской литературе проводится систематизация представлений свт. Василия Великого о материи. Вместо упрощенного убеждения, что у христианских мыслителей поздней Античности и раннего Средневековья «учение о материи сводится к доказательству того, что материи нет» [49, с. 481], или признания воззрений св. отцов в основном повторяющими воззрения Платона и платоников [52], выявлена и раскрыта качественная новизна философско-богословского умозрения христианского философа-богослова о материи по сравнению с традиционными взглядами эллинской философии.

Меоничность и становление в бытии

Продолжая и развивая учение свт. Афанасия о единосущии Сына Божия и Бога Отца, свт. Василий в своей полемике с Евномием многократно указывает на различие в образе бытия всего творения и Единородного Сына. «Относительно созданных существ (τῶν ποιήματος) мы находим произведенное от слова: «сотворил» (ἔποιησε)... но относительно Сына Божьего — этого не находим» [44, с. 214; 9, 29. 576. 25]. Рождение Сына предвечно, ибо Он вместе с Отцом есть «Творец веков» (ποιητὴς τῶν αἰώνων) [15, 6. 14. 4; 9, 29. 593. 4–5¹]. Это выражение восходит по богословскому смыслу к Оригену, но в сохранившихся текстах дидакалы такой собственно формулы не встречается. В кругу, близком к свт. Афанасию, она уже существовала [4,

26. 1101. 13]. Святитель впервые употребляет производное редкого глагола «συνεφέλλομαι» (вместе или одновременно прикасаться, принимать участие) [53, р. 1713] для описания совокупного действия в творении Отца и Сына (Υἱὸς τῆς δημιουργίας τῷ Πατρὶ συνεφέλλωτο) [9, 29. 617. 26].

Сотворение в контрасте с Рождением Сына происходит по воле Бога Отца вместе с сотворением самого времени и из полного небытия. Предвечное существование есть прерогатива только лишь Единого Бога — Святой Троицы. Святитель поясняет соучастие в акте творения Сына, когда Отец «творит единою волею (ὁ θελήματι μόνῳ), так что вместе с Его хотением осуществляется тварь» (ὁμοῦ τῇ βουλήσει συνυφισταμένης τῆς κτίσεως). При этом «воля (βούλημα) Божия, устремляясь, как бы из некоего источника, от первой Причины (τῆς πρώτης αἰτίας), через Свой Образ — Слово Божье исходит в действование (πρόεισιν εἰς ἐνέργειαν)» [9, 29. 617. 39–620. 10].

О том, как Святитель описывает воздействие божественных энергий на тварные существа, мы скажем чуть позже, а пока что подчеркнем, что, в отличие от неоплатоников и перипатетиков своего времени, свт. Василий подразумевает приведение всего тварного, а тем более материального мира, из полного небытия.

Так в *Homiliae in hexaemeron* свт. Василий прямо говорит о том, что материя была приведена в бытие Богом одновременно с материальным миром в соответствии с формой задуманного и затем сотворенного космоса. Здесь Святитель использует редкий глагол

¹ В ссылках на этот источник вместо страниц даются номер главы и номер строки.

«συναπογεννάω» (производить вместе) [53, p. 1697], чтобы подчеркнуть абсолютное небытие материи прежде сотворения мира: «Бог, прежде, нежели существовало что-нибудь из видимого ныне (πρὶν τι τῶν νῦν ὁρωμένων γενέσθαι), положив в уме и подвигшись привести в бытие не сущее (ἀγαγεῖν εἰς γένεσιν τὰ μὴ ὄντα), вместе и помыслил, каким должен быть мир, и (одновременно) произвел материю (ὑλὴν συναπεγέννησε), соответственную форме мира» [25, 2. 49–53; 42, с. 338]. Этот глагол встречается ранее у Плотина, а позднее у Прокла, но у этих неоплатоников контекст его использования совсем иной [36, 6. 6. 2; 36, 6. 8. 14; 37, 70. 16].

Оспаривая положение евномиян о том, что Сын Божий «из небытия пришел в самостоятельность» (Ἐξ οὐκ ὄντων τὴν ὑπόστασιν ἔλαβε) [28, 31. 473. 20], свт. Василий относит таковое ко всему тварному. При этом по аналогии с предыдущими церковными авторами он не делает никакого различия в богословско-философской нагрузке формул «ἐκ μὴ ὄντων» и «ἐξ οὐκ ὄντων». Так, например, обличая Евномия и его последователей, свт. Василий безразлично описывает их учение о Сыне как пришедшем в бытие «ἐξ οὐκ ὄντων» [19, 2. 1] и «ἐκ μὴ ὄντων» [9, 29. 592. 39]. То же самое можно заметить и в употреблении этих формул в отношении сотворения космоса из небытия («ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι»; «ἐξ οὐκ ὄντων εἰς τὸ εἶναι παραγαγεῖν τὴν κτίσιν») [18, 4. 16; 26, 7. 13; 9, 29. 613. 5, 6; 9, 29. 701. 32–33; 9, 29. 692. 48; 9, 695. 1, 2].

Всякая тварная природа признается ограниченной (περιγραπτήν ἔχει τὴν φύσιν), имеет приобретенную святость и, следовательно, может допустить в себе порок (κακία) [17, 2. 48–49]. Однако приведенное из абсолютного небытия творение изначально было предназначено к положительному развитию и прогрессу, который можно охарактеризовать, как и у свт. Афанасия, становлением в бытии.

Хотя эта мысль и не сформулирована Святителем прямо, но как собрание его разрозненных мыслей водно, так и общий контекст его творений говорят в пользу безусловной приверженности великого иерарха антропоцентричной картине мироздания. Следуя библейскому мировоззрению, свт. Василий учит, что Адам был назначен властвовать над миром, но и от него же зависело осияние мира славой Божией.

Так, Святитель замечает, что Творец не захотел, чтобы человек был его инертным образом (бесцельно покоился) (εἰκὴ κείμεναι) [12, 30. 7], но чтобы своей волею приобретал «бытие по подобию Божию (τὸ καθ' ὁμοίωσιν εἶναι θεοῦ)». Если образ Божий дан человеку в его «первоначальном творении» (τῇ πρώτῃ κατασκευῇ), то «бытие по подобию» должно приобретаться через врожденную человеку силу выбора (κατὰ προαίρεσιν δυνάμει ἡμῖν ἐνυπάρχει) и с помощью присущей ему энергии (ἐνεργεία δὲ ἑαυτοῖς ἐπάγομεν) [12, 29. 1–6; 38, с. 442].

Эта задача совершенствования (здесь Святителем использован глагол «τελειόω») основана одновременно на данном изначально человеческой природе совершенстве (τέλειον) [12, 6. 12], а также – на неизбежном для

ограниченной твари несовершенстве (ἀτελής) [12, 33. 2–3] и включает в себя, прежде всего, возрастание духовное, но также и изменение материальной составляющей природы человека. Поскольку «всякое сотворенное естество (πάσης τῆς φύσεως, τῆς ἐν τῇ κτίσει), и видимое, и умопредставляемое, для поддержания своего имеет нужду в Божием попечении», и «по требованию необходимости» Бог «увеличивает даяния... соразмерные с природою каждой твари» [45, 110; 15, 8. 19. 3–4], то ясно, что природа человека получает «даяния», в том числе для материально-телесной своей составляющей.

Так, по мысли Святителя, во время пребывания своего в Раю Адам был наг, потому что, в отличие от животных, покрытых шерстью, «для него приурочены были иные покровы, которые бы, по Божией благодати, украсили человека», если бы показал он «свою доблесть», и стали бы «сиять на нем в виде светлых одежд, подобных ангельским, превосходящих пестроту цветов, светлость и лучезарность звезд». Эти благодатные одежды назначались Адаму «в награду добродетели» [40, с. 953].

Будучи по телу своему созданным из «праха земного» (χοῦν ἀπὸ τῆς γῆς), человек, тем не менее, есть «сосуд, созданный Богом» (σκεῦος εἰ θεόπλαστον), и в совокупности своей природы имел задание стать «орудием, достойным славы Божией» (ὄργανον ᾗς ἐπιτήδειον τῆς δόξης τοῦ θεοῦ) [13. 45. 5–6, 11, 13–14; 39, с. 448]. Таким образом, и материя, входящая в телесный состав Адама, принимает участие в обожении, которое и есть «бытие по подобию Божию».

Становление в бытии для современного человека – это возвращение благодати Духа, «которую вдохнул в него Бог (при сотворении), и которую человек погубил» [15, 16. 39; 45, с. 130] в падении. Но, по мысли Святителя, «мы обязаны уподобляться Богу (ὁμοιωθῆναι θεῷ), сколько это возможно для естества человеческого» (κατὰ τὸ δυνατόν ἀνθρώπου φύσει) [15, 1. 2. 11–12], в любом модусе нашей жизни. Это есть изначальная задача человека, включающая преображение и тела, и материального космоса. Так, у того, кто «обращается ко Господу», лицо «делается подобным Моисею, у которого лице было прославлено вследствие Божия явления. Как лежащее вместе с цветными веществами от разливающихся вокруг цветных лучей само окрашивается, так и тот, кто ясно вник в Дух, от славы Его (ἐκ τῆς ἐκείνου δόξης) преобразуется до просветления, озаряя сердце истиною Духа, как бы некоторым светом» [15, 21. 52. 65]. В таинстве крещения благодать Духа появляется «в воде... не из естества воды, но от присутствия Духа» [15, 15. 35].

Дух «соприсущ самой плоти Господней» (τῇ σαρκὶ τοῦ Κυρίου συνῆν), «Он прост по сущности, многообразен в силах» (ποικίλον ταῖς δυνάμεσιν), «весь присутствует в каждом, и весь повсюду» (ὅλον ἐκάστῳ παρὸν καὶ ὅλον ἀπανταχοῦ ὄν) [15, 16. 39. 10; 15, 9. 22. 32–34]. Сияние Его «наподобие солнечного сияния» озаряет землю и море и срастворяется с воздухом [15, 9. 22; 45, с. 114]. Описывая духоносность свт. Григория Чудотворца, свт. Василий говорит о том, что тот «об-

ратил речной поток» и «иссушил озеро» [15, 29. 74; 45, с. 162], став, таким образом, как первый Адам повелителем тварного мира.

Изначальная задача Адама состояла в воздержании от материальных забот, чтобы «попечением о плоти не был он отвлекаем от внимательного устремления к Богу» [40, с. 953]. Употребляя использованный ранее свт. Афанасием термин «преуспевание» (προκοπή), свт. Василий говорит о том, что преуспевание «земно-родного (τὸν γήϊνον)» должно было достигнуть до ангельского достоинства [30, 348. 25–26]. В *Prologus 8 (de fide)* Святитель также употребляет термин «προκοπή» по отношению ко всей природе человека [31, 31. 684. 8–12]. Все это говорит о том, что материя, начиная с человеческого тела, также должна была получить особое освящение.

В результате можно утверждать, что понятие «меоничности» материи в системе свт. Василия качественно отлично от понимания небытия у средних платоников, где под «меоном» понимается подверженность со-вечной Богу материи закону хаоса и ее пассивное противостояние, как бездушной аморфной среды, творческим усилиям демиурга. У Святителя «меоничность» материи подразумевает сочетание концепций абсолютного не-бытия и утвержденной в благой воле Творца устойчивости тварного бытия, а также дополняется раскрытием положений об антропоцентричности промысла о материальном мире, корреляции духовного состояния человека и изменения свойств материальной природы человеческого тела.

Глаголы и выражения, используемые для описания обожения плоти и космоса

Если свт. Афанасий наиболее часто использовал для описания обновления творения различные производные от глаголов «ζωοποιέω», «ἀνακαίνιζω» и «θεοποιέω», то свт. Василий чаще всего прибегает к употреблению разных форм двух первых глаголов (а также «ἀνακαίνιζω»), а последний глагол использует в целом гораздо реже, в интересующем нас контексте лишь дважды. В негативном аспекте «θεοποιέω» используется даже несколько чаще, например, когда Святитель говорит о грехах обоготворения людей, чрева и наслаждений [22, 35; 27, 288. 34–37; 10, 31. 1124. 47; 11, 31. 972. 39].

Защищая божественное достоинство Духа Святого, свт. Василий говорит о Нем как о «Творящем других богами» (τὸ ἑτέροισ θεοποιούν), Он (Дух) есть Бог по природе, в отличие от человека, который «делается богом по благодати» [9, 29. 665. 29–37]. Однако мысль об обожении творения высказывается свт. Василием и с помощью других слов и выражений, в частности, он использует такие высказывания, как «пребывание в Боге», «уподобление Богу» (ἡ ἐν Θεῷ διαμονή, ἡ πρὸς Θεὸν ὁμοίωσις), и даже более дерзновенную формулу – «θεὸν γενέσθαι» [15, 9. 23. 24–25].

Святитель часто говорит об обновлении человеческого ума и души как основании обожения, но включает в этот процесс всю человеческую природу. Так, рассуждая о животворном действии Святого Духа, свт. Василий замечает, что Дух «все животворит» (ζωοποιεῖ

τὰ σὺμπαντα) и воскрешает (оживотворяет) мертвых (ζωοποιεῖ τοὺς νεκρούς) [14, 31. 469. 18]. Не только умозрительная часть творения, но все оно целиком освящается действием того же Духа [21, 2. 22].

Сын Божий, однако, «не удовольствовался тем одним, что оживотворил нас мертвых, но еще даровал нам достоинство божества» [11, 31. 916. 8–10].

Учение свт. Василия о Евхаристии

Хотя в статье архиеп. Михаила (Мудьюгина) среди «некоторых учителей и отцов Церкви», бывших сторонниками символического понимания таинства Евхаристии, упоминается как «отчасти» придерживавшийся этой позиции свт. Василий Великий [51, с. 76], при более внимательном исследовании оказывается, что его позиция дает гораздо больше оснований причислить каппадокийского иерарха к последователям евхаристического реализма.

Так, хотя свт. Василий и говорит о необходимости «духовного вкушения» (γεύσεως... νοητικῆς) [27, 364. 45] для наслаждения «веселием хлеба», который есть Плоть Господа и «истинное брашно» [41, с. 535], но это не означает отрицания им реальности претворения хлеба и вина в Тело и Кровь Христа. Свт. Василий Великий называет Святые Дары «святыми Телом и Кровью Христа» [20, 1. 2], призывает к «подвигу веры» (ὁ ἀγὼν τῆς πίστεως) [32, 31. 712. 45–46] со стороны принимающего таинство. Вместо рассуждений или сомнений в словах Господа христианин призван принимать Его слова как истинные и действенные, хотя бы они противоречили естественному порядку вещей [43, с. 26]. Акцент на подвиге веры не был бы понятен при символическом понимании таинства. А такой акцент ярко выражен в трудах Святителя, ибо он неоднократно прибегает к рассуждениям об уверенности в истинности установительных слов Спасителя («Сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание», Лк 22. 19) [47, с. 272–273]. Более того, свт. Василий даже приводит «несомненную уверенность в истине богодухновенных глаголов, которая не колеблется никаким помыслом», в том числе производимым «естественной необходимостью» (ὑπὸ φυσικῆς ἀνάγκης), в качестве одного из главных отличительных свойств христианина [32, 31. 868. 33–35]. Эта уверенность (ἡ πληροφορία), производимая в душе от веры, особенно упоминается Святителем при описании достойного причастия Евхаристическим тайнам [10, 31. 1196. 13].

Гипотеза символического толкования Таинства также противоречит словам свт. Василия об «ужасном осуждении», которое навлекает на себя не только «тот, кто в скверне плоти и духа приступает к Святым Тайнам», но и тот, кто «праздно и бесполезно их ест и пьет» [44, с. 90].

Более того, важно отметить, что при рассуждениях о таинстве Евхаристии свт. Василий постоянно прибегает к теме вочеловечивания / воплощения Сына Божия. Так, в *Письме 8* Святитель утверждает, что мы «едим Его Плоть и пием Его Кровь, делаясь причастниками Слова и Премудрости, чрез Его вочеловечение и жизнь, подлежащую чувствам» (διὰ τῆς ἐνανθρωπήσεως καὶ τῆς

αἰσθητῆς ζωῆς) [17, 4. 21–22]. Давая объяснение словам Христа «Аз живу Отца ради» (Ин 6. 57), свт. Василий говорит, что «здесь изречение... именует не предвечную жизнь... но означает сию жизнь во плоти, совершившуюся в сем времени, какой жил Он Отца ради, ибо по Его изволению пришел в жизнь человеческую». При этом свт. Василий особенно подчеркивает, что Спаситель «не сказал: “Я жил Отца ради”, но говорит: “Аз живу Отца ради” (Ин 6. 57), ясно указывая на настоящее время» [17, 8. 4. 16]. Здесь Святитель прямо связывает таинство Причастия с причастием христианина «вочеловечиванию» Сына Божия, которое, продолжаясь поныне, становится основанием обновления и освящения нашей природы и образа жизни.

При ответе на вопрос о должном расположении, с каким должны христиане приобщаться тела и крови Христовых, Святитель также употребляет богословие «образа вочеловечения» (τρόπος τῆς ἐνανθρωπήσεως) [10, 31. 1196. 18–19]. Архипастырь запрещает приступать к святым Дарам тем, кто находится в «естественной (κατὰ φύσιν) и обычной (συνήτης)» телесной нечистоте, аргументируя строгость своего ответа тем, что в Евхаристии обретается «Тот, Кто больше храма» [47, с. 318; 10, 31. 1301. 41]. Однако, эта ссылка на текст из Евангелия (Мф 12. 6) подразумевает не просто Бога, но именно воплощенного Сына Божия, ставшего и Сыном Человеческим (именно Он здесь подразумевается, если рассмотреть текст Евангелия далее: «ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου», Мф 12. 8).

Одновременно, как отмечалось исследователями, свт. Василий «особенно настойчиво подчеркивает искупительный смысл Евхаристии как участия в страданиях Спасителя и посвящения самих себя Умершему за нас» [50, с. 574]. Но учение об искуплении и оживлении человеческой природы через воплощение тесно связано в богословии Святителя с учением о принятии от Девы Марии подлинной человеческой плоти, «Адамова смещения» (τοῦ Ἀδὰμ φύραμα) [24, 1. 19]. Об этом Святитель рассуждает в *Письме* 262, объясняя, что «если бы было иное – обладаемое смертью, а иное – воспринятое Господом, то смерть не прекратила бы своих действий... Господь не умертвил бы греха во плоти; не были бы сооживлены Христом мы, умершие во Адаме; не было бы воссоздано падшее, восстановлено ниспроверженное, усвоено Богу отчужденное от Него обольщением змия» [46, с. 869].

Таким образом, характерные для свт. Василия темы воплощения, принятия Сыном Божиим истинной плоти человеческой, обновления природы падшего Адама в новом Адаме – Христе задают тот богословский контекст, в котором должны истолковываться и его многочисленные высказывания о таинстве Евхаристии. Выражение о причастии «вочеловечиванию» в такой богословской системе может быть проинтерпретировано не иначе, как приверженность к полноценно реалистическому евхаристическому богословию.

В трактате *De baptismo*, описывая достойный образ причащения, свт. Василий также поднимает темы воплощения, уверенности в «истине слов» Христа и

обновления жизни христианина. Здесь употреблена необычная формула «мера вочеловечения» (τὸ μέτρον τῆς ἐνανθρωπήσεως), восходящая ко свт. Афанасию Великому [8, 27. 565. 10]. С ней, по мысли Святителя, должно сообразовываться обновление жизни внутреннего человека «в уверенности в истине Его (Спасителя) слов». Мера же эта не иная, как готовность к смерти (μέχρι θανάτου ὑπακοῆς), которую проявил Сам Спаситель, и подражание которой составляет не что иное, как цель христианской жизни [11, 31. 1028. 29–31]. При этом «обновление жизни» (ἡ καινότης τῆς ζωῆς) человеческой души тесно соединяется в умозрении Святителя с преодолением тления в материальной природе человека [44, с. 53], ярко отражая его холистическую позицию в антропологии.

Анализ молитвы эпиклезиса из анафоры свт. Василия (Михаил Арранц подчеркивает принадлежность древних александрийской и византийской греческих редакций анафоры свт. Василия именно этому отцу Церкви) [48, с. 54–57] также подтверждает приверженность Святителя евхаристическому реализму. Во-первых, выражение «γίνεσθαι εἰς τὸ» [29, 31. 1640. 10–12] имеет некоторый аналог в трудах Плотина. Правда, если у свт. Василия полная фраза содержит прошение ко Святому Духу придти и сотворить (ποιήσῃ) хлеб «быть телом Господа», то у Плотина речь идет о природном отношении частей космоса, как Целого, и его частей [36, 4. 4. 31. 3–5]. Но для нас особенно важно, что формула «γίνεσθαι εἰς τὰ μέρη» употреблена философом для описания натуральной (τῶν φύσει) связи между частями материального космоса, в отличие от вещей, относящихся к сфере искусства (δὲ τέχνη). Рассуждения проведены с употреблением в этой связи также и формы глагола «ποιέω» (ποιήσεις) [36, 4. 4. 31. 8]. Это может служить дополнительным свидетельством в пользу веры Святителя в то, что таинство Евхаристии проходит именно на физическом уровне, причем не только посредством «наполнения» евхаристического хлеба энергиями Духа Божия, но касаясь образа бытия материи, используемой в таинстве. Как с учетом найденной лексической параллели, так и с учетом характерного для Святителя богословского фона памяти о вочеловечивании Сына Божиего при рассуждениях о Евхаристии, выражение «γίνεσθαι εἰς τὸ ἅγιον σῶμα αὐτοῦ τοῦ Κυρίου δὲ καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ» прочитывается как подразумевающее изменение природы евхаристических Даров, а именно – природы хлеба в природу тела Спасителя.

Еще более подтверждает наше рассуждение использование свт. Василием формулы «σῶμα αὐτοῦ τοῦ Κυρίου», которая, согласно нашему исследованию, имеет аналог только в творениях свт. Афанасия (αὐτοῦ τοῦ Λόγου σῶμα) [6, 26. 1088. 31–32] и его круга (σώματος αὐτοῦ τοῦ Κυρίου) [5, 28473. 44] и возводит нас к умозрению о тождестве прославленного и евхаристического тела Христа.

Сам Святитель только еще однажды использует оборот речи «γίνεσθαι εἰς τὸ», а именно, рассуждая о принятии в церковное общение отлученных за грехопадения христиан (γενέσθαι εἰς τὴν κοινῶνίαν) [23, 81.

10]. Характерно, что контекст употребления формулы здесь отражает вхождение отпавших в реальное физическое единство общины христиан в евхаристическом общении со Христом и друг с другом. Здесь, однако, речь, конечно же, не идет об изменении самой природы человека.

Хотя многообразные действия Духа Святого у свт. Василия чаще всего относятся к освящению и оживотворению уже существующего творения, но он также особенно подчеркивает соучастие Духа в приведении мира из небытия в бытие [17, 11. 3–9]. Еще одним аргументом в пользу изменения природы Даров под действием Духа Святого в Евхаристии служит тот факт, что сочетание глагола «ποιέω» с описанием действия Духа Божия мы находим у Святителя именно в том месте *Homiliae in hexaemeron*, где говорится о содействии Духа (τῆς δημιουργικῆς ἐνεργείας τὸ Πνεῦμα) Богу Отцу в сотворении (из не-бытия) неба, земли, воды и воздуха [25, 6. 1–6; 25, 6. 26–27]. Сам по себе глагол «γίνεσθαι» употребляется свт. Василием как для описания возникновения в бытии [25, 2. 2. 49–51; 9, 29. 669. 5–9], так и для описания изменения свойств без изменения природы [15, 9. 23. 24–25; 16, 2. 22–25].

В итоге можно заключить, что духовное участие христианина в Таинстве, обеспечиваемое внутренним его усилием, хотя и является, по учению Святителя, необходимым условием благотворного воздействия Евхаристии на причастника, но ни в коей мере не подрывает евхаристического реализма свт. Василия. Творческое действие Духа Святого, призываемое в анафоре, требует согласованного высокого устроения духа христианина, приступающего к Таинству, но при этом обеспечивает таинственное единение двусоставной природы человека одновременно с Божеством и человечеством Христа. Такое причастие «вочеловечиванию» Сына Божия подразумевает дальнейшее раскрытие мыслей св. апостола Павла о «сообразовании» (от «συμμορφίζομαι») христиан во внутреннем их устроении со смертью Христа с целью соучастия цельной природы человека в Его воскресении (Флп 3. 10–11). Сюда включается сообразование и телесной природы христианина с воскресшим телом Спасителя (σύμμορφον τῷ σώματι τῆς δόξης αὐτοῦ, Флп 3. 21).

Именно поэтому частое причастие святых Тела и Крови Христовых, по мысли свт. Василия, «хорошо и преполно» (καλὸν καὶ ἐπωφελές), потому как есть причастие истинной Жизни (μετέχειν τῆς ζωῆς), дарующее нам способность жить полноценно как по телу, так и по душе («многообразно», πολλαχῶς) [20, 1. 2]. Интересно отметить, что это выражение (μετέχειν τῆς ζωῆς), согласно поиску по базе TLG, восходит к Аристотелю, говорившему о «причастии» в основном именно в телесно-натуральном смысле (πᾶν σῶμα φυσικὸν μετέχον ζωῆς) [1, 412 a. 15; 1, 416 b. 9; 2, 732 a. 12; 3, 436 a. 12]. По отношению к таинству Евхаристии глагол «μετέχω» употреблен св. ап. Павлом (1 Кор 10. 17). Формула «причастие жизни», по-видимому, впервые употреблена к Евхаристии свт. Иринеем Лионским [33, 7. 1–3]. Ориген и свт. Афанасий пользовались ей,

но не в контексте учения о Евхаристии [35, 2. 6. 53. 1–10; 35, 2. 23. 153. 1–11; 7, 1. 23. 3. 1–5]. Упоминает о «причастии небесной жизни» в контексте Евхаристии и Евсевий Кессарийский, понимая ее, однако, символически (τῆς οὐρανόθεν μεθεξεί ζωῆς [34, 3.12. 5].

Выводы

Нельзя полностью согласиться с выводами предыдущих исследователей, говоривших о доминировании у каппадокийского иерарха платоновской точки зрения на материю. Взгляд на материю как на «не-сущее» в своей основе составляет по большей части только внешнее сходство с аналогично звучащей позицией платоников. Понятие «меоничности» материи в системе свт. Василия вполне соответствует таковому у свт. Афанасия Великого. Учение о происхождении тварного мира из абсолютного не-бытия и устойчивости бытия космоса и человека через благоволение и промысл Творца дополняются дальнейшим раскрытием положений об антропоцентричности промысла о материальном мире, корреляции духовного состояния человека и изменения свойств материальной природы человеческого тела. Учение о становлении в бытии первозданного Адама подразумевало участие в обожении входящей в телесный состав Адама материи и обозначается свт. Василием через понятие «бытия по подобию Божию».

Для современного человека это «становление в бытии» есть постепенное возвращение благодати Духа, которую вдохнул в него Бог при сотворении. Отрицая представление о предсуществовании душ, Святитель повторяет богословскую идею свт. Афанасия о спасенном творении как о восстановлении первозданного порядка, подчеркивая, что изначально телесные твари не имели в себе никакого зла. Восстановление творения зависит от восстановления человека, вслед за которым изменится «вся чувственная тварь». Требуется поправить вывод прот. К. Ружицкого о том, что свт. Василий «ничего не пишет», в чем именно «будет состоять изменение бытия материи» в конце времен. Общая характеристика обновленной Духом Святым материи будет состоять в причастии дару нетления как плоти человека, так и новых неба и земли.

В отличие от оригенистов, свт. Василий учит о спасении и обожении человека в полноте его первозданной природы. Серьезным искажением антропологии Святителя было бы видеть преобладание в его учении одних «платонических мотивов». Высказывания Святителя, подобные тому, где говорится об «освобождении от сего земного тела», ни в коем случае не могут быть интерпретированы в плане причастности великого каппадокийца позиции Оригена о бесплотной природе воскресших тел.

Главным источником антропологии свт. Василия всегда оставалось Св. Писание, во многом он опирается на святого апостола Павла. Так, учение Святителя о причастии «вочеловечиванию» Сына Божия подразумевает раскрытие мыслей св. апостола о «сообразовании» (от «συμμορφίζομαι») христиан во внутреннем их устроении со смертью Христа с целью соучастия цель-

ной природы человека в Его воскресении (Флп 3. 21).

Так же, как у свт. Афанасия, учение об освящении плоти имеет у свт. Василия богословское основание в учении о Боговоплощении и, соответственно, в свойствах «богоносной плоти» воплощенного Бога Слова. Святитель фактически повторяет учение Александрийского иерарха о плоти Христа как «орудии» спасения и обожения человеческого рода.

Приведено несколько аргументов, служащих, на наш взгляд, достаточным основанием для того, чтобы причислить каппадокийского иерарха к последователям евхаристического реализма. Наиболее важно, что нами впервые был учтен характерный для свт. Василия богословский контекст, в котором должны прочитываться и истолковываться его немногочисленные высказывания о таинстве Евхаристии. Таким характерным контекстом стали у Святителя темы вочеловечения, принятия Сыном Божиим истинной плоти человеческой, обновления природы павшего Адама в новом Адаме — Господе Иисусе Христе. В таком прочтении евхаристические тексты свт. Василия оказываются ярко отражающими

его общую холистическую позицию в антропологии. Святитель требует от христианина высокого духовного настроя для спасительного причастия Тела и Крови Спасителя, подразумевая при этом таинственное единение двусоставной природы человека одновременно с Божеством и человечеством Христа.

Анализ отдельных выражений Святителя также показывает верность вышеприведенного наблюдения. При разборе молитвы епиклезиса из анафоры литургии свт. Василия замечено использование формулы «σῶμα αὐτοῦ τοῦ Κυρίου», которая имеет аналог только в творениях свт. Афанасия (αὐτοῦ τοῦ Λόγου σῶμα) и его круга (σώματος αὐτοῦ τοῦ Κυρίου) и возводит нас к умозрению о тождестве прославленного и евхаристического тела Христа. В использовании Святителем в контексте учения о Евхаристии, восходящего к Аристотелю (говорившему о «причастии жизни» в основном именно в телесно-натуральном смысле) выражения «μετέχειν τῆς ζωῆς», прослеживается зависимость каппадокийского богослова от евхаристической мысли представителя малоазийского богословия свт. Ириней Лионского.

Библиографический список (References)

1. *Aristoteles et Corpus Aristotelicum*. De anima // Thesaurus Linguae Graecae (TLG). University of California, Irvine – Irvine, CA. <http://www.tlg.uci.edu/>
2. *Aristoteles et Corpus Aristotelicum*. De generatione animalium // TLG.
3. *Aristoteles et Corpus Aristotelicum*. De sensu et sensibilibus // TLG.
4. *S. Athanasius Alexandrinus*. De incarnatione contra Apollinarium libri ii [Sp.] // TLG.
5. *S. Athanasius Alexandrinus*. Disputatio contra Arium [Sp.] // TLG.
6. *S. Athanasius Alexandrinus*. Epistula ad Maximum // TLG.
7. *S. Athanasius Alexandrinus*. Epistulae quattuor ad Serapionem // TLG.
8. *S. Athanasius Alexandrinus*. Expositiones in Psalmos // TLG.
9. *S. Basilius Caesariensis*. Adversus Eunomium (libri 5) // TLG.
10. *S. Basilius Caesariensis*. Asceticon magnum sive Quaestiones (regulae brevius tractatae) // TLG.
11. *S. Basilius Caesariensis*. Asceticon magnum sive Quaestiones (regulae fusius tractatae) // TLG.
12. *S. Basilius Caesariensis*. De creatione hominis sermo primus // TLG.
13. *S. Basilius Caesariensis*. De creatione hominis sermo alter [Sp.] // TLG.
14. *S. Basilius Caesariensis*. De fide // TLG.
15. *S. Basilius Caesariensis*. De Spiritu Sancto // TLG.
16. *S. Basilius Caesariensis*. Epistula 2 // TLG.
17. *S. Basilius Caesariensis*. Epistula 8 // TLG.
18. *S. Basilius Caesariensis*. Epistula 38 // TLG.
19. *S. Basilius Caesariensis*. Epistula 52 // TLG.
20. *S. Basilius Caesariensis*. Epistula 93 // TLG.
21. *S. Basilius Caesariensis*. Epistula 159 // TLG.
22. *S. Basilius Caesariensis*. Epistula 188 // TLG.
23. *S. Basilius Caesariensis*. Epistula 217 // TLG.
24. *S. Basilius Caesariensis*. Epistula 262 // TLG.
25. *S. Basilius Caesariensis*. Homiliae in hexaemeron. Homily 2 // TLG.
26. *S. Basilius Caesariensis*. Homiliae in hexaemeron. Homily 8 // TLG.
27. *S. Basilius Caesariensis*. Homiliae super Psalmos 29 // TLG.
28. *S. Basilius Caesariensis*. In illud: In principio erat verbum // TLG.
29. *S. Basilius Caesariensis*. Liturgia (recensio brevior vetusta) // TLG.
30. *S. Basilius Caesariensis*. Quod Deus non est auctor malorum // TLG.
31. *S. Basilius Caesariensis*. Prologus 8 (de fide) // TLG.
32. *S. Basilius Caesariensis*. Regulae morales // TLG.
33. *S. Irenaeus Lugdunensis*. Adversus haereses (liber 4) // TLG.
34. *Eusebius*. De ecclesiastica theologia // TLG.
35. *Origenes*. Commentarii in evangelium Joannis // TLG.
36. *Plotinus*. Enneades // TLG.
37. *Proclus*. Institutio theologica // TLG.
38. *S. Basil the Great*. First Homily on the creation of man in the image of God // Collected works. In 2 vols. M.: Siberian Blagovonnitsa, Vol. 1. Pp. 430–446.

39. *S. Basil the Great*. Second Homily on the creation of man // Collected works. Vol. 1. Pp. 446–460.
 40. *S. Basil the Great*. Homily 9. On God not being responsible for the evil // Collected works. Vol. 1. Pp. 943–955.
 41. *S. Basil the Great*. Homily on psalm 33 // Collected works. Vol. 1. Pp. 528–545.
 42. *S. Basil the Great*. Homily on Shestodnev. Part 2 // Collected works. Vol. 1. Pp. 319–429.
 43. *S. Basil the Great*. Moral rules. Rule 8 // Collected works. Vol. 2. Pp. 19–101.
 44. *S. Basil the Great*. On the Baptism. M.: Siberian Blagozvonitsa, 2012.
 45. *S. Basil the Great*. On the Holy Spirit // Collected works. Vol. 1. Pp. 93–168.
 46. *S. Basil the Great*. Letter 253 (261) // Collected works. Vol. 2. Pp. 868–870.
 47. *S. Basil the Great*. The rules briefly stated in questions and answers // Collected works. Vol. 2. Pp. 223–319.
 48. *Arrants M.* Eucharist of the East and West. Rome: Russikum, 1998.
 49. *Borodaj T. Yu.* Matter // Ancient philosophy: encyclopedic dictionary / Ed. M. A. Solopova. M.: Progress tradition, 2008.
 50. *Zheltoy M., Tkachenko A. A., Mikhaylov P. B., Petrov V. V.* Eucharist. Part I // Orthodox Encyclopedia. M., 2008. V. 17. Pp. 533–615.
 51. *Mikhail (Mudyyugin), archbishop*. Eucharist according to the doctrine of Orthodox Church // *Theological works*. No. 21. M., 1980. Pp. 71–89.
 52. *Ruzhitsky K., rev.* The doctrine of saint Fathers and Church writers on matter (typewriting). Moscow Theological Academy, 1958.
 53. *Liddell H., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.
-

Н.М. МАРКОВА

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и религиоведения, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
E-mail: natmarkova@list.ru

N.M. MARKOVA

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Religion Studies, Vladimir State University named A.G. and N.G. Stoletovs
E-mail: natmarkova@list.ru

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ЭПОХУ «ГЛОКАЛИЗАЦИИ»*

RELIGIOSITY IN THE ERA OF «GLOCALIZATION»

В статье рассматривается проблема восприятия католической религиозности в эпоху «глокализации», новой диалектики глобального и локального в межконфессиональных отношениях.

Ключевые слова: католичество, глокализация, свое и чужое, диалог.

This paper considers the problem of perception of the Catholic religion in the age of «glocalization», a new dialectic of global and local in interfaith relations.

Keywords: Roman Catholicism, glocalization, our and others, dialogue.

«Глокализацией» сегодня именуют процессы «экономического, социального, культурного развития, характеризующиеся сосуществованием разнонаправленных тенденций: на фоне глобализации вместо ожидаемого исчезновения региональных отличий происходит их сохранение и усиление», т.е. «вместо слияния и унификации возникают и набирают силу явления иного направления: сепаратизм, обострение интереса к локальным отличиям, рост интереса к традициям глубокой древности и возрождению диалектов», при этом возникает осознание, что «проблема ‘права на самоопределение’ является основой мирового терроризма и происходит из-за репрессивного давления 200 государств на 5000 этносов», однако именно глокализация создает условия, когда «стремление к политической независимости будет столь же абсурдно, как требование отпилить кусок от земного шара» [5].

Те же процессы наблюдаются и в государствах, где периодически возникают межконфессиональные противостояния и звучат требования создания «моноконфессионального» общества. Особенно заметно это в современной России, где за последние 10 лет радикально изменилось отношение к католицизму. Так, анализ сообщений в СМИ за 2005 год показал, что из почти 130 сообщений 31 (24%) характеризовали католичество (Римскую Католическую Церковь, далее – РКЦ) как нечто «недостойное», «странное», «ложное», «враждебное» или «чуждое» нам, 72 (56%) как нечто «сестринское» и «родственное» и только 18 (14%) как вполне нейтральное «другое», «особенное» и «своеобразное» явление, в контрасте с чем из всего объема публикаций, только в 3-х материалах авторы представили РПЦ МП (Русскую Православную Церковь Московского Патриархата) и РКЦ «чуждым»

феноменом для секулярно-светской «своей» идентичности, еще в 3-х – Константинопольский Патриархат предствлен «чуждым» для «нас» (проблемы Сурожской епархии и примата Вселенского Патриарха) и только в 1 публикации негативно подается православие в целом (проблема отсутствия единства по отношению к вопросу о «первенстве» Константинополя). Таким образом, основной фон восприятия католицизма был «православно-центричный», «светская» установка очевидно выступала как «православно-мирская», а не «секуляристская» или «секулярно-гуманистическая».

Из всех материалов только в 5 (4 %) упоминается ситуация в русском католицизме, в 16 (13 %) – отношений РКЦ и других православных церквей, тогда как основной массив публикаций (83 %) относится к отношениям РКЦ и РПЦ МП, при этом от лица журналистов представлены 56 (44 %) текстов, тогда как позиции представителей РКЦ и РПЦ МП даны поровну – по 36 (28 %), причем негативные материалы даются преимущественно от лица журналистов. В общем, картина вполне позитивная, однако надо иметь в виду то, что существуют целые сайты, аккумулирующие сотни текстов резко антикатолической направленности, да и сама динамика негатива/позитива в 2006 году менялась от 7/1 в январе, до 4/21 в мае, затем 1/1 в октябре, завершившись пропорцией 3/8 в декабре.

Сегодня можно констатировать значительное улучшение ситуации по сравнению с 2005 годом, когда руководитель Информационного центра Конференции католических епископов России В.Хруль отмечал, что «в целом отношение средств массовой информации к католикам в России достаточно объективное и доброжелательное», однако в лентах информационных агентств часто употребляются слова «ксёндз» и «костёл» вме-

* Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-13-33605 е(р)

сто русских «священник» и «храм», что создает образ Католической Церкви как «Церкви иностранцев»[24]. По его убеждению, «пресса, которая описывает католические реалии одной страны на языке другой, соучаствует вольно или невольно в этом искажении».

Можно вспомнить идеи В.С. Соловьева или митрополита Антония (Сурожский), который вообще не противопоставлял католичество – православию, «светскость» – «воцерковленности», но подчеркивал таинственность самих «решений» Бога, всегда действующего ведомым только Ему способом и единственно способного подлинно судить каждого. Он подчеркивает «разницу между реальностью и ее выражением», ибо именно такое методологическое требование только и может способствовать преодолению безнадежной вражды и ненависти не только между верующими и неверующими, но и среди самих верующих, ведущих к расколам и кровопролитиям. [12, с.14]

В этих трудах мы видим богословское признание возможности спасения людей, принадлежащих к иным конфессиям или мировоззрениям: «Я долго жил среди людей инакомыслящих, и в течение очень долгого периода у меня было такое радикальное отношение: только Православие – и все. А постепенно, особенно на войне, я посмотрел, как люди инакомыслящие себя ведут: христианин, может быть ляжет за кустом, когда стреляют, а безбожник выйдет из укрытия и принесет обратно раненого. И тогда ставишь вопрос, кто из них подобен доброму самаритянину и Христу Спасителю. Меня всегда поражает притча о Страшном суде в этом контексте. ...Христос...не спрашивает людей, веруют ли они в Бога, не спрашивает ничего о том, как они к Нему относятся, Он их спрашивает: «Одел ли ты нагого? Накормил ли голодного? Посетил ли больного?...». И поэтому иноверный, инославный, язычник по нашим понятиям, неверующий – если он всем сердцем и умом живет согласно своей вере и верит в то, что говорит, может сказать слово правды, и мы можем научиться чему-нибудь».[13, с. 69,70,72]

Эти работы во многом повлияли и на появление в СССР и пост-советской России глубоких историко-философских и культурологических исследований католичества и средневековья в трудах С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, В.В. Библина, В.В. Бычкова, П.П. Гайденко, А.Я. Гуревича, Д.С. Лихачева, Г.Г. Майорова, С.С. Неретиной, Ф.Г. Овсиенко, В.Л. Рабиновича, В.В. Соколова, Г.Я. Стрельцовой, Б.А. Успенского, А.Н. Чанышева и ряда других авторов, в которых ставится и решается задача рассмотреть «Запад» (католичество) не как «классового врага» или просто отличный от нас феномен, обладающий собственными специфическими символическими особенностями, но именно обнаружить его как важный фрагмент нашей собственной идентичности, осознать и признать, как писал В.В. Зеньковский, «мы носим ведь Запад в самих себе» [7, с.868].

В этом контексте представляется важным рассмотреть образ католичества в творчестве А.Тарковского, в двух фильмах которого («Андрей Рублев» и

«Ностальгия»), показаны отношения католической Италии и православной России (СССР). В фильме «Андрей Рублев» (1966) есть один небольшой сюжет с присутствием католиков на празднике освящения нового колокола, который, однако, поразительно ярко показывает всю неоднозначность отношений католичества и православия в XIV–XV веках, в противовес многим учебникам и словарям того времени. А. Тарковскому удалось подчеркнуть, в противовес «евразийским концепциям»[10], именно «европейскость» и «западность» самой России, в значительно более явном противопоставлении собственно восточной «инаковости» монгол. В этой связи можно обратить внимание на то, что и дискутируемый до настоящего времени выбор Александром Невским между католическим Западом и Ордой в пользу последней и в постсоветской «Православной энциклопедии» трактуется в контексте противостояния католичеству (дважды приводятся слова Александра Невского папским послан «...от вас учения не принимаем») [16, с.542], тогда как даже в дореволюционное время в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, подчеркивалась патриотическая направленность его деятельности, а противостояние с католичеством не акцентировалось [2, с.51–52].

Очевидно, что фильм А.Тарковского впервые на российском экране стал утверждать совершенно иное мироотношение, чем пропагандистская идеология и литература того же времени, отмечавшая, что «католицизм, как и всякая религия, проповедует реакционные, антинаучные идеи – веру в сверхъестественные силы, от которых будто бы зависят явления природы и жизнь человеческого общества. Источником верования католицизма является сборник древних мифов и сказаний – библия и «традиция»... Католицизм разработал сложную систему воздействия на чувства верующих, чтобы внушить им вредные идеи о бессилии и ничтожестве человека, затемнять сознание людей, запугивать их «загробными муками» и «кончиной мира» и приучать к смирению и покорности эксплуататорам...Католицизм – враг передовой науки, демократии и социализма, проповедник невежества...враг свободы совести...Ватикан находится на службе у американских монополий и выступает как участник их заговоров против СССР и стран народной демократии» [10, с. 229–230].

Такой фильм, ярко показывая отношения властей в стране, побуждает и современных православных авторов отмечать, что «Андрей Рублев с горечью размышляет о причинах бесчисленных бедствий русского народа: "Что же такое делается? Убивают, насильничают вместе с татарами, храмы обдирают... А разве вера не одна у нас, не одна земля? Не одна кровь?». Поиски «врага», «абсолютной чуждости» и причины всех страшных зол надо искать не в других народах или конфессиях, а «в душе человека» [19]. Агрессивной пропаганде и идеологии здесь противопоставляются жертвенность и прощение, образ Троицы, который как для христианского, так и для светского сознания является признанным символом единения различного, его возможности и естественной необходимости [18, с.299].

Значительно более рельефно его видение католичества проявилось в фильме «Ностальгия» (1983), удостоенном приза жюри католического центра МКФ в Канне-83. Первые кадры фильма показывают, что герою, историку Андрею Горчакову, приехавшему в Италию для исследования пребывания здесь давно умершего русского композитора (реальный прототип – крепостной графа Шереметева музыкант Березовский, который учился в Миланской консерватории, стал академиком, вернулся в Россию, не смог выкупиться, спился и покончил жизнь самоубийством [20], как и некоторые другие, которые не нашли «на родине никакого применения своим знаниям и таланту»[4]), начинает тосковать по родине и семье, что, как кажется, и прямо связано с названием фильма – «ностальгия», которая обычно трактуется именно как «тоска по родине»[16,с.338].

Подобно тому, как одна капля и еще одна образуют только большую каплю, не сумму двух «уникальных индивидов», а некое единство, общность бытия и новое осмысление своей идентичности, так и включение в новое единство через простое сочувствие и исполнение обещания в ответ на странную просьбу: «пересечь с зажженной свечой бассейн святой Екатерины в Банья Виньони – и мир устоит» [7], может (возможно) помочь восстановить разъединенный мир, свершить чудо, преодолеть отчужденную «бездомность» и оказаться действительно «дома», то есть там, где тебя понимают, прощают, любят и выполняют твои просьбы. Оказывается, однако, исполнение этой простой и бессмысленной затеи представляет собой смертельную опасность: ветер постоянно задувает свечу, и, чтобы сохранить огонь, Андрей вынужден прикрывать свечу своей ладонью и прижимать ее ближе к себе, только с третьей попытки проходя путь, но умирая от сердечной недостаточности. Александр Невский в фильме С. Эйзенштейна был готов умереть за Отчизну в борьбе с католиками, здесь же герой умирает за странное суеверие «этнического католика», де еще и не вполне здорового психически.

Последние слова Доминико: «Нужно чтобы наш мозг, загаженный цивилизацией, школьной рутиной, страховкой, снова отозвался на гудение насекомых. Надо, чтобы наши глаза, уши, все мы напалились тем, что лежит у истоков великой мечты». Возможной разгадкой является символика финала, когда фильм завершается медленным возникновением образа: в центре сидит Андрей, за ним виден русский бревенчатый дом, слышна русская песня, на заднем плане возникают древнеримские колонны католического храма Сан Гальяно. А. Спинетти полагает, что «этой финальной сценой, как алхимики Возрождения, Тарковский разрешает дуализм и возвращается к тому месту, где затерялось человечество и он сам, здесь он находит соединение материи и духа, востока и запада» [20]. В самых финальных кадрах, однако, начинает падать снег, подобно тому, как в «Андрее Рублеве» в обгоревшем и разоренном храме тоже начал падать снег, когда только природа смогла окончательно снять все отчуждение, всех укрыв и навеки успокоив. Жертвенная и бескорыстная помощь

«чужому» (иностранцу, иноверцу, безумцу) делает всех «своими», «ближними», спасая подлинное Отечество, которому угрожает страшный апокалиптический «снег в храме». Концепции В.С. Соловьева о «Вселенской церкви» и М.М. Бахтина о возможности «подлинно родного мира, мира золотого века» здесь получили зримое воплощение.[3,с.57]

Сегодня новое отношение к католичеству появилось как в академическом религиоведении, так и в инновационных религиоведческих учебных пособиях. Так, И.Я. Кантеров анализирует отношение к феномену «религий Новой эры» (или «Нью эйдж») со стороны Римской Католической Церкви, проявившееся в ряде документов, в том числе, в «Христос несет живую воду. Размышление о "Нью эйдж"» (2003). «Даже при беглом прочтении документа бросается в глаза присутствие в нем изрядной дозы "самокритики": признание ответственности Католической Церкви и христианства в целом за распространение новых религий», – пишет И.Я. Кантеров, отмечая, что «выступая на презентации документа о "Нью эйдж", кардинал Поль Пупар призывал не "канонизировать" это детище нескольких ватиканских учреждений, поскольку, "если он будет заменен лучшим и совершенным текстом, только тогда можно будет говорить, что он достиг своей цели"». Профессиональному религиоведению, принципиально дистанцирующемуся от многообразия низкокачественных «изобличительных» публикаций в отечественных СМИ на тему «новых религиозных движений», позиция профессионалов из крупнейшей религиозной организации современного мира оказывается более «своей», так как, «во-первых, в противодействии "Нью эйдж" Римско-Католическая Церковь рассчитывает главным образом на свои силы: ответственность и сознательность верующих, клира, теологов, светский апостолат. Авторы документа не обращаются к помощи светских властей, не призывают их ограничить или вовсе запретить неорелигиозные объединения. Во-вторых, в критических оценках природы своих оппонентов ватиканские аналитики используют наработки религиоведов, теологов, философов самых различных школ и направлений. Причем они не занесли в списки защитников сектантов всех, не согласных с их суждениями о новых религиозных движениях, что, на мой взгляд, весьма отранно». [9]

Тем не менее, в современном российском обществе, во властных, конфессиональных, медийных и академических структурах Ф.Г. Овсиенко отмечает «две противоположные тенденции в отношении к католицизму. Представители первой склонны усматривать в католичестве опасного для православия и даже для страны противника, посягающего на традиционную русскую культуру. Сторонники другой позиции выступают за свободный выбор гражданами страны любого вероисповедания, а также за решение всех спорных вопросов между двумя христианскими конфессиями путем взаимного учета интересов и достижения согласия» [15, с.303-304].

Лучинская С.И. отмечает, что «граница между «своими» и «чужими» не является данной раз и навсегда,

а разворачивается в процессе исторического развития. Контакты с другой культурой приводят к изменению этой границы и всякий раз к новому самоопределению культуры»[11,с.6]. Современный католический теолог Л. Джуссани отмечает, что «иное несет некий особый интерес, который как таковой частичен, но в комплексе упорядоченных связей помогает сообща создавать зрелое единство, полноту. Каждый из нас именно потому, что наделен особым складом характера, склонен вы-

делять те или иные вещи; контакт с другими обращает наше внимание на иные вещи или на иные стороны тех же вещей, так что диалог – это производное от тех все-ленских, всеохватных горизонтов, который составляют предназначение человека». Диалог представляет собой не только связь области «я» с областью «иного я», но и способствует самопознанию, самоопределению «я» как в универсуме, тоже «ином» для «своего», так и в самом себе.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Будущее христианства в Европе //Новая Европа. 1993. № 4.
2. *Александр Невский* // Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. Т.1. М.: Больш. рос.энцикл., 1993.
3. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990.
4. *Булич С.К.* Церковная музыка в России // Христианство: энцикл. слов. В 3 т. Т.1. М.: Больш. рос. энцикл., 1993.
5. *Джуссани Л.* «Рискованное дело» воспитание// Новая Европа 2000. №13.
6. *Зеньковский В.В.* История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001.
7. История религии. В 2 т. Т.2. Учебник. В.В.Винокуров, А.П.Забияко, З.Г.Лапина и др. Под общей ред. И.Н. Яблокова. М.: Высш. шк., 2002.
8. *Кантеров И.Я.* Последователи «Нью эйдж» не нашли свое место в церкви // НГ-Религия. 2003. 11 (119). 2 июля.
9. Католицизм // Краткий философский словарь; под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1954.
10. *Лучицкая С.И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетей, 2001.
11. Митрополит Антоний Сурожский. О некоторых категориях нашего тварного бытия / Митрополит Антоний Сурожский // Церковь и время. 1991.
12. Митрополит Сурожский Антоний. О встрече / Митрополит Сурожский Антоний – Клин: Фонд «Христианская жизнь», 1999.
13. *Назаренко А.В.* Александр Ярославич Невский// Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр Русской православной Церкви «Православная Энциклопедия», 2000.
14. *Овсиенко Ф.Г.* Католицизм: учебное пособие. М.: Изд-во РАГС, 2005.
15. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.
16. *Пчелинцев А.* Пресса и религиозные конфликты // <http://www.religio.ru/relisoc/199.html>
17. *Раушенбах Б.В.* Геометрия картины и зрительное восприятие. СПб.: Азбука-классика, 2002.
18. *Столбова В.* Андрей Тарковский. Человек творит на пути к истине.//http://molodoy-ural.org.ru/edition/your_church/2002_4/andrey_tarkovskiy.html
19. *Тарасенко Б.* Ностальгия Андрея Тарковского // Христианская газета «Для тебя» // <http://www.foru.ru/article.259.html>
20. *Хруль В.* Глава католиков России – Папа Римский. 20 сентября 2005. Письмо в редакцию портала "Религия и СМИ" //

References

1. *Averincev S.S.* The future of Christianity in Europe // New Europe. 1993. №4.
2. *Aleksandr Nevsky* // Christianity: Collegiate Dictionary: 3 vol. V.1. Moscow: Great. rus. encycl. dic. 1993.
3. *Bahtin M.M.* Creativity Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance. Moscow: Fiction., 1990.
4. *Bulich S.K.* Church music in Russia // Christianity: encycl. words. In 3 volumes. Vol.1. M.: Great.rus.encycl.,1993.
5. *Dzhussani L.* "Risky Business" training // New Europe.2000. № 13.
6. *Zenkovsky V.V.* History of Russian philosophy. M.: Academic Project, Rarities, 2001.
7. History of religion. In 2 volumes V.2. Textbook / V.V.Vinokurov, A.P.Zabiyako, Z.G.Lapina etc.; under the general editorship. I.N.Yablokova. M.: Visshaya shkola, 2002.
8. *Kanterov I.J.* Followers of the "New Age" is not found their place in the church// NG-Religion. 2003. 11(119). July 2.
9. Katolitsizm // Short Philosophical Dictionary, ed. M. Rosenthal and P. Yudin. Moscow: State political literature publishing., 1954.
10. *Luchitskaya S.I.* Image of the Other: Muslims in the chronicles of the Crusades. St. Petersburg: Aletheia, 2001.
11. Mitropolit Anthony Surozhsky. On some categories of our creaturely existence // Church and time. 1991.
12. Mitropolit Surozhsky Anthony. Klin: The Christian Life, 1999.
13. *Nazarenko A.V.* Alexander Nevsky Jaroslawich // Orthodox Encyclopedia. M.: Church Research Center of the Russian Orthodox Church "Orthodox Encyclopedia", 2000.
14. *Ovsienko F.G.* Catholicism: a tutorial. Moscow: Publishing House of RAGS, 2005.
15. *Ozhegov S.I.* Russian dictionary. Moscow: Russian language, 1988.
16. *Pchelintsev A.* Press and religious conflicts// <http://www.religio.ru/relisoc/199.html>
17. *Raushenbah B.V.* Geometry paintings and visual perception. St. Petersburg : ABC - Classic, 2002.
18. *Stolbova B.* Andrei Tarkovsky. Man creates the path to the truth // http://molodoy-ural.org.ru/edition/your_church/2002_4/andrey_tarkovskiy.html
19. *Tarassenko B.* Andrei Tarkovsky's Nostalgia // Christian newspaper "For You" //<http://www.foru.ru/article.259.html>
20. *Hrul V.* Russian Catholics – Pope. September 20, 2005 . Letter to the Editor of the portal "Religion and the Media"

УДК 101.1:316

UDC 101.1:316

Д.Н. МЯСОЕДОВ

соискатель, кафедра философии, Липецкий государственный технический университет
E-mail: denis.mjasedv@rambler.ru

D.N. MYASOEDOV

Researcher, Department of philosophy, Lipetsk State Technical University
E-mail: denis.mjasedv@rambler.ru

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

FORECAST OF THE DEVELOPMENT OF THE CIVILIZATION CONFLICT

Определение понятия «цивилизация» в рамках культурно-исторического направления научной мысли. Постановка проблемы экспансии цивилизаций. Анализ и прогноз развития конфликта цивилизаций в современном мире.

Ключевые слова: конфликт цивилизаций, глобализация, линии противостояния, экспансия.

The definition of civilization within the framework of cultural-historical schools of thought. The problem of expansion of civilizations. Analysis and forecast of development of the conflict of civilizations in the modern world.

Keywords: the conflict of civilizations, globalization, lines of confrontation, the expansion.

Цивилизация – очень сложное и многоаспектное понятие. Оно часто употребляется в социальном дискурсе политиками, историками, философами, журналистами, культурологами, социологами и многими другими людьми. Каждый человек вкладывает свой смысл в это слово, потому что однозначного определения понятию «цивилизация» нет.

Обращение к понятию «цивилизация» и формирование цивилизационной теории происходило в рамках двух параллельно развивающихся направлений общественной мысли и науки. Одно из таких направлений – научно-материалистическое. Оно определило представление о цивилизации как обществе более высокого уровня развития по сравнению с «естественным», то есть, преодолевшим зависимость от природы, характеризующимся производительным типом хозяйства, функциональной разделённостью различных сфер и уровней жизни и вместе с тем некоторой системной организованностью.

Научно-материалистическое направление подвергалось критике за неустранимый универсализм, не позволяющий дать содержательный анализ специфики различных обществ и их определённости как «субъектов истории». Постепенно в качестве реакции на издержки научного материализма оформляется культурно-историческое направление (школа), в котором приоритетное, а иногда и определяющее значение отводится духовному, культурному фактору.

К числу основателей культурно-исторического направления относят русского философа-славянофила Н.Я. Данилевского. Он одним из первых выделил различные «культурно-исторические типы», или цивилизации, и критиковал теорию цивилизации «общечеловеческого» типа как единого творца и сосредоточия общечеловеческих ценностей.

Заслугой учёного, вне сомнения, является поста-

новка проблемы экспансии цивилизации как явления естественного, присущего любой цивилизации. Данилевский называет стремление одной цивилизации завоёвывать другую проявлением экспансивной силы, необходимой принадлежностью к ней того естественного честолюбия, которым бывает одарён всякий живущий культурно-исторический тип, стремящийся наложить свою печать на всё его окружающее: «<...> что народы, которые принадлежат к одному культурно-историческому типу, имеют естественную склонность расширять свою деятельность и своё влияние, насколько хватит сил и средств, так же точно, как это делает и всякий отдельный человек. Это естественное честолюбие необходимо приводит в столкновение народы одного культурного типа с народами другого, независимо от того, совпадают ли их границы отчасти произвольно проведенными географическими границами частей света (что, конечно, иногда может случиться) или нет». [1, с. 487].

Продолжали развивать идеи Данилевского такие видные философы, как В. Соловьёв, Н. Бердяев, О. Шпенглер и А. Тойнби, и все они отмечали, что экспансия присуща каждой цивилизации. Каждая цивилизация вступает в конфликт с другой, «осознавая» своё превосходство. Так, Шпенглер считал, что экспансия осуществляется ради территориальных завоеваний и достижения экономических целей, то есть ради приобретения материальных ресурсов. В этом Шпенглеру видится высший смысл существования цивилизаций. Таким образом, философ делает вывод о том, что история цивилизаций сопровождается «бесконечной чередой войн», ведущих за мировое господство.

Главный постулат А. Тойнби – цивилизации имеют тенденции к расширению путём подчинения и ассимиляции других обществ. Более того, он считает экспансию одним из основных видов деятельности ци-

визаций: «Расширение границ, пополнение рабочей силы и ассимиляция соседних варваров – эти виды деятельности свойственны любой цивилизации, и значит, они характерны для цивилизации как вида общества». [2, с.105]

Конфликты между цивилизациями происходили всегда с момента их зарождения. Но в древности контакты между цивилизациями ограничивались несовершенными средствами транспорта, не позволявшими преодолевать расстояния в тысячи километров от одной цивилизации страны или территории к другой. Сдерживающим фактором было и относительно небольшое по численности население первых цивилизаций и их территориальная обособленность. Многие ранние цивилизации не подозревали о существовании друг друга и стремились контролировать пространство в пределах своей ойкумены.

По мере освоения близлежащих территорий, развития мореплавания росло число контактов и конфликтов между различными цивилизациями, но число конфликтов в рамках одной цивилизации было несоизмеримо больше, чем между различными цивилизациями. Цель любой экспансии, конфликта между цивилизациями – получение контроля над жизненно важными ресурсами, и, в конечном счёте, – доминирование над остальными или мировое господство. Только если в древности такими ресурсами были плодородные земли, скот и рабы, то сейчас это нефтяные месторождения, стратегически важные транспортные узлы и магистрали, новейшие технологии, финансовые потоки, рынки сбыта.

Научно-техническая революция, развитие систем транспорта и связи, а главное их доступность «сжали» географическое пространство, начались процессы глобализации. Это привело к тому, что нация постепенно уходит с мировой политической арены, уступая место более крупным наднациональным образованиям — цивилизациям: «<...> государства всё больше и больше начинают мыслить в категориях цивилизации и с этой точки зрения определять своё место в мире и свои интересы». [4, с. 73]

Глобализация также привела к беспрецедентному оживлению незападных центров культуры, претендующих на универсальное значение собственных традиций и ценностей, что в корне изменило ситуацию. Исследования локальных цивилизаций приобрели политическую актуальность. Из области теоретической социологии и истории они постепенно перемещаются в область прикладной политологии.

В этом смысле характерен пример американского политолога С. Хантингтона, который сыграл ключевую роль в оживлении интереса к проблеме конфликта цивилизаций публикацией в 1993 г. статьи «Столкновение цивилизаций». В этой работе он выдвигает свою гипотезу мировых конфликтов между различными цивилизациями. Хантингтон выделил следующие современные цивилизации: западную, конфуцианскую, индуистскую, исламскую, славяно-православную, латиноамериканскую, японскую и, возможно, африканскую.

Сначала идеи Хантингтона подверглись крити-

ке, в том числе и российскими учёными. Но после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне количество оппонентов Хантингтона значительно уменьшилось. Стало ясно, что мир вступил в другую фазу своего существования – столкновения цивилизаций. Американский политолог считает основной линией противостояния Запад – остальной мир. Хотя он смещает акцент на противостояние Север – Юг, отмечая, что «западноевропейские государства видят угрозу уже не с Востока, а со стороны Юга» [4, с. 73], он подразумевает под Югом исламскую цивилизацию, а под Востоком Россию.

Конечно, славяно-православной цивилизации в прогнозах американского политолога не уделялось много внимания. Да и в то время, когда вышла его статья «Столкновение цивилизаций», Россия, раздираемая политическим и экономическим кризисом, уже не воспринималась как ключевой игрок на мировой арене. Внешняя политика Российской Федерации была прозападной. Но за последние годы во внешней и внутренней политике России произошли большие изменения. Была выстроена жёсткая вертикаль власти, урегулированы отношения между властью и бизнесом, созданы условия для экономического роста, политической и социальной стабильности. Экономика страны стала развиваться. Благодаря высоким мировым ценам на нефть Россия получила свободные капиталы для внешних и внутренних инвестиций. Было увеличено финансирование национальной обороны и подавлено вооруженное сопротивление на Кавказе. Начиная с 2000 года, внешняя политика стала более независимой, учитывающей в первую очередь собственные национальные интересы. Курс на сближение с Западом, который был взят в девяностые годы, изменился. Россия стала выступать как самостоятельный «центр силы».

Ещё в 2007г. бывший помощник президента США Джорджа Буша-младшего по вопросам политики в отношении России американский политолог Томас Грэм писал в своей статье: «... США настолько привыкли иметь дело со слабой Россией, что теперь им трудно приспособиться к российской напористости и самоуверенности. Многие из того, что Москва делает сегодня на мировой арене, вызывает озабоченность, но во многих кругах американского общества существует тенденция преувеличивать эти проблемы и выступать за противостояние с Россией, вместо того чтобы добиваться прагматичного урегулирования разделяющих нас вопросов». [5]

Естественно, что независимая внешняя политика России, жесткая позиция по Сирии и Ирану в противовес американской, вхождение Крыма в состав России привели к похолоданию в отношениях между Россией и Западом. Сегодняшний рост напряженности, в том числе и из-за ситуации вокруг Украины, вполне может снова привести две цивилизации к «холодной войне», которая уже была во второй половине XX века.

Збигнев Бжезинский, известный американский политолог, советник по национальной безопасности в администрации Джимми Картера, ещё пятнадцать лет

назад утверждал, что Украина является стратегическим опорным пунктом национальных интересов США и призывал всячески поддерживать стремление Украины в ЕС и НАТО. Он особо подчёркивал: «Без 50-миллионного славянского государства Россия оказалась бы более азиатской и удалённой от Европы. Украина способна стать частью Европы и без России. Москва же может сделать это только через Украину, что определяет значимость этой страны в формировании новой Европы» [3].

Безусловно, противостояние, которое в настоящее время проходит между юго-востоком Украины с преимущественно русским населением и новыми киевскими властями есть не что иное, как конфликт российской и западной цивилизаций. Свидетельством этому выступает отмена депутатами Верховной Рады Украины закона «О государственной языковой политике», который позволял придавать официальный статус русскому языку в тех регионах Украины, где он является родным не менее чем для 10% населения. [7]. В этот конфликт вовлечены крупнейшие западные державы США, Германия, Франция с одной стороны, и Россия – с другой.

Таким образом, наметилась активная линия противостояния Россия – Запад. Второй линией глобального противостояния может стать линия Китай – Запад, которая пока ещё находится в латентной стадии.

По оценкам многих аналитиков, Китай способен поколебать в ближайшее время лидерство США в мире. По данным национального бюро статистики Китая, размер номинального ВВП увеличился с 216,4 млрд. долларов в 1978 г., года начала экономических реформ в КНР, до 9,181 трлн. долларов в 2013 г. и продолжает расти. Темпы роста экономики в 2013 г. составили 7,7%.

Экономическое развитие позволяет направлять значительную часть ВВП на модернизацию вооружённых сил и в первую очередь на развитие стратегического ракетно-ядерного потенциала и освоения космоса.

В настоящее время Китай уже вошёл в круг держав, определяющих основополагающие векторы развития геополитических сил и полей, а в будущем эта страна может стать реальным конкурентом США в борьбе за глобальное лидерство. Поводом к обострению отношений может стать ситуация вокруг Тайваня, поддерживаемого Америкой. Китай может начать военную интервенцию на остров. Это может привести к информационной, экономической, торговой войне двух государств: «Один только объём ценных бумаг США, имеющихся в распоряжении КНР, даёт стране серьёзные возможности воздействия на Соединённые Штаты и мировую финансовую систему» [6].

Но бурный экономический рост Китая поставил его в зависимость от импорта нефти. По данным управления по энергетической информации Минэнерго США (EIA), потребление нефти в Китае в прошлом году составило 10,7 миллиона баррелей в день, более чем в два раза превысив добычу (4,5 миллиона баррелей в день). Ожидается, что в 2014 году Китай по объёму импорта нефти обгонит США. Когда более половины всей потребляемой нефти покрывается за счёт импор-

та, появляется большая вероятность того, что при возникновении перебоев с поставками ставится под угрозу развитие национальной экономики и как следствие национальная безопасность.

Этим, по сути, и объясняется давление Запада на Россию, Иран, Венесуэлу и другие нефтедобывающие страны. Поставив под контроль мировую добычу и поставки энергоресурсов, Запад получает весьма серьёзный рычаг давления на Китай. Поднебесная в свою очередь стремится диверсифицировать поставки нефти и развивать отношения со странами-экспортёрами нефти, а особенно с Россией, которая является влиятельной державой и в перспективе может стать крупным поставщиком нефти.

Не стоит забывать и об угрозе со стороны исламской цивилизации, а точнее со стороны исламских религиозных экстремистов, основными мишенями которых стали государства Запада и Россия. Но в чём заключаются причины исламского экстремизма?

В результате экспансии и колониализма западная цивилизация сосредоточила в своих руках огромные материальные ресурсы, поставила под контроль мировые финансовые потоки, навязала рыночную глобализацию. Как следствие, в мире резко увеличилась пропасть между богатыми и бедными. Вполне естественно, что нашлось много недовольных таким положением дел, особенно в исламском мире, традиционно отличавшемся своей воинственностью по отношению к неверным. Из-за колоссального разрыва между Западом и исламской цивилизацией в уровне вооружения и технического оснащения вероятность ее победы в военном конфликте крайне мала. Вторжение американских войск в Ирак яркий тому пример. Поэтому исламский экстремизм избрал тактику «партизанской войны», противостоять которой оказалось намного сложнее.

Многочисленные террористические группировки действуют на территории США, Западной Европы, Ближнего Востока, России, объединены в сеть, так называемую «Аль-Каиду», и имеют единый координационный центр.

Россия является основным объектом для террористических атак, причём самым уязвимым. Во-первых, Россия имеет огромную по протяжённости и практически не охраняемую границу с исламскими государствами, во-вторых, достаточно велика численность коренного мусульманского населения, причём в стратегически важных регионах Поволжья и Северного Кавказа, через которые осуществляется транзит западно-сибирской и каспийской нефти на Запад. Возможные мятежи на Северном Кавказе и в Поволжье чреваты реальным распадом России, перебоями с поставками энергоносителей в Европу, а значит, всемирным геополитическим кризисом и появлением разнообразных угроз, вплоть до ядерных.

Стоит отметить, что исламский мир весьма неоднороден и нестабилен. Радикальные группировки могут оказывать влияние на общественную и политическую жизнь во многих мусульманских странах. Дестабилизация обстановки практически в любой ис-

ламской стране может привести к власти радикалов, как это произошло в Египте после свержения Х. Мубарака.

Вероятно, что следующей страной, на которую Запад будет оказывать давление и попытается изменить там существующий политический строй, будет Иран. По данным энергетического информационного агентства США, это государство занимает четвертое место в мире по разведанным запасам нефти и первое место в мире по разведанным запасам природного газа по данным энергетической компании BP.

Контроль над энергетическими ресурсами Ирана позволит США и ЕС упрочить свои геополитические позиции, получив дополнительный рычаг давления на

Китай и Россию. Кроме того, через Иран открывается выход на Азербайджан и Туркменистан – странам, также обладающим значительными запасами углеводородов. Иранского газа вполне достаточно, чтобы полностью вытеснить российский газ, поставляемый в Европу и в Украину. Но для транзита иранского газа в Европу необходимо построить газопровод через территорию Ирака, Сирии и Турции.

Реализация этого сценария значительно ослабит позиции России в Европе и приведёт к значительным финансовым потерям. Поэтому Ближний Восток является зоной национальных интересов России.

Библиографический список

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. В кн.: Классика геополитики XIX век. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 275–679.
2. Тойнби А.Д. Постигание истории. М.: Айрис-пресс, 2004.
3. Бжезинский З. Геостратегия для Евразии. Краткосрочные и долгосрочные цели политики США в этом регионе. Комсомольская правда; 06.01.1998.
4. Хантингтон С. Если не цивилизации, то что? США: экономика, политика, идеология. 1994; № 6. С. 71–75.
5. Грэм Т. Диалектика силы и слабости. <http://www.globalaffairs.ru /numbers/26/>
6. Караганов С.А. XXI век: контуры миропорядка. <http://www.global affairs.ru/numbers/16/>
7. <http://www.rg.ru/2014/02/23/yazik-anons.html>

References

1. Danilevsky N.A. Russia and Europe. In: The Classics of geopolitics of the XIX century. M: ООО “Izdatelstvo AST”, 2003. Pp. 257–679.
 2. Toynbee A.D. the study of history. M: Iris-press, 2004.
 3. Brzezinski Z. Geostrategy for Eurasia. Short-term and long-term goals of U.S. policy in the region. Komsomolskaya Pravda; 06.01.1998.
 4. Huntington S. If not civilization, what? USA: economy, politics, ideology. 994; No 6. Pp.71–75.
 5. Graham T. Dialectics of strength and weakness. <http://www.globalaffairs.ru /numbers/26/>
 6. Karaganov S.A. XXI century: the contours of world order. <http://www.globalaffairs.ru/numbers/16/>
 7. <http://www.rg.ru/2014/02/23/yazik-anons.html>
-

УДК 111.0

UDC 111.0

Г.Ф. НАЗАРОВА

кандидат философских наук, доцент, кафедра логики, философии и методологии науки, Орловский государственный университет

Д.К. ПАНАМАРЧУК

учитель истории и обществознания, гимназия №34, г. Орел

G.F. NAZAROVA

Candidate of Philosophy, associate professor, Department of Logics, Philosophy and Methodology of Sciences, Orel State University

D.K. PANAMARCHUK

Teacher of History and Social Studies, school №34, Orel

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА ПО С.Н. БУЛГАКОВУ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

PHILOSOPHY OF ECONOMY ACCORDING TO S.N. BULGAKOV: ANTHROPOLOGICAL ASPECT

Булгаков С.Н. рассматривал хозяйство как жизнь, жизнь как хозяйство. Исследователи философии хозяйства, последователи великого философа, рассматривали хозяйство как сложноструктурированное многофакторное образование, где, кроме экономической составляющей, присутствуют психологические, социальные, ценностные, институциональные факторы. Особое место отводилось анализу «духа хозяйства», под которым понимали совокупность душевных и духовных свойств человека и их функций. Ныне многие идеи творчества С.Н. Булгакова, которые ранее казались субъективными, нереалистичными, приобретают совершенно иное содержание и значение.

Ключевые слова: хозяйство, экономика, философия хозяйства, антропологический аспект философии хозяйства, религия, «производительность почвы», «культура лопаты», «софийность хозяйства».

Bulgakov S.N. considered economy as life, life as economy. Researchers of philosophy of economy, the followers of the great philosopher, considered economy as a complex structured multi-factorial establishment, where, apart from the economic component, there are psychological, social, value, and institutional factors. A special place was given to the analysis of the “spirit of the property”, which is understood as a set of mental and spiritual qualities of a person and their functions. Now many of S.N. Bulgakov’s ideas, which seemed subjective, unrealistic, take a completely different content and meaning.

Keywords: economy, economics, philosophy of economy, anthropological aspect of philosophy of economy, religion, the “productivity of the soil”, “culture of spades”, “Sophia of economy.”

В начале третьего тысячелетия человеческая цивилизация оказалась в условиях необходимости кардинального переосмысления всех сторон своей духовной и материальной жизни. Связано это с тем, что меняются представления о таких традиционных понятиях, как пространство и время, покой и движение, конечное и бесконечное, причина и следствие, необходимость и случайность, рациональное и иррациональное, базовые ценности, смысл жизни и многое другое.

Один из возможных вариантов в решении данных проблем предлагает философия хозяйства. Актуальность исследования мира как хозяйства обусловлена целым рядом факторов. Это, прежде всего, глобальная экологическая катастрофа, связанная с тем, что современное хозяйственное бытие оказалось неадекватным его природному бытию. Экологический кризис сопряжен с кризисом в духовной и экономической областях, поэтому, в целом, можно говорить о глобальном цивилизационном кризисе.

Многие ученые рассматривают проблемы философии хозяйства через отоологию и теорию познания, в то время как мы предлагаем исследовать данное явление через его антропологический аспект. Истоки филосо-

фии хозяйства как самостоятельного знания восходят к началу XX века, когда в Московском университете в 1912 году была защищена профессором университета С.Н. Булгаковым докторская диссертация по теме «Философия хозяйства» и вышла в свет одноименная монография. Философско-хозяйственные аспекты всегда интересовали философию и теоретическую экономию. Однако философия хозяйства как отличное от философии знание возникла только в начале XX века, ибо стало ясно, что экономика сама по себе не решает фундаментальных вопросов хозяйственного бытия человека.

Хозяйство как жизнь, жизнь как хозяйство – так была озвучена основная проблема философии хозяйства на рубеже XIX–XX вв. С.Н. Булгаков выступил тогда против гипертрофии сциентизма, позитивизма, экономизма, технологизма, а также против засилья марксизма. Он не мог согласиться с узкоэкономической и с узкоклассовой (материалистической) трактовкой хозяйственного бытия. С.Н. Булгаков обратился к идеальному и религиозному факторам, влияющим на хозяйственную жизнь. При этом следует отметить, что В. Зомбарт, О. Шпенглер, М. Вебер, Г. Шмоллер, Г. Зиммель – не-

мецкие мыслители, а в России И.Т. Посошков также приблизились к пониманию духовно-религиозных оснований хозяйственной деятельности человека. Они исследовали хозяйство как сложноструктурированное многофакторное образование, где, кроме экономической составляющей, присутствуют психологические, социальные, ценностные, институциональные факторы. Особое место они отводили анализу «духа хозяйства», под которым понимали совокупность душевных и духовных свойств человека и их функций.

В русской философии к сфере философии хозяйства обращались следующие мыслители: А.С. Хомяков, видевший хозяйство, построенным на основе принципа «органичности»; Н.К. Михайловский, разработавший учение о цельности и полноте личности и метафизике природы; П.А. Флоренский, представивший концепцию всеединства как основы космического хозяйства и теорию реалистического (трудового) отношения к миру; С.Н. Трубецкой, предложивший учение об универсальном субъекте; евразийцы (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский, П.Н. Сувчинский, Л.П. Карсавин), видевшие Россию особой географической и культурно-исторической территорией, третьим континентом, наряду с Европой и Азией; П.Б. Струве, выдвинувший идею метафизичности бытия; А.А. Богданов, создавший учение об организационных процессах и творческом изменении бытия – тектологию; Н.Д. Кондратьев, изучавший проблемы статики и динамики хозяйства; П.И. Новгородцев, рассматривавший проблемы взаимоотношений абсолютного и относительного в осуществлении общественного идеала, а также нравственные перспективы эволюции; М.И. Туган-Барановский, исследовавший различные уровни и формы организации хозяйства, занимавшийся проблемой личного и безличного в хозяйстве и обосновавший роль деятельностного подхода; В.И. Вернадский, внесший значительный вклад в разработку учения о ноосфере и многие другие мыслители. Отдельного упоминания заслуживают работы Н.Ф. Федорова, обосновывавшего идею онтологизации ума и рассматривавшего мир как единое космическое хозяйство, и Н.А. Бердяева, положившего в основу учения о хозяйстве идею онтологизации личности.

Для многих русских философов характерно стремление к «универсальному синтезу науки, философии и религии» (В. Соловьев), и С.Н. Булгаков продвинулся к этому идеалу дальше других. Он коренным образом изменил понимание современниками философии хозяйства, придав ей статус философско-методологического знания. Подобное было направлено, в первую очередь, на преодоление замкнутости общественных дисциплин, предлагая целостное знание. Особой ценностью является идея С.Н. Булгакова, согласно которой его воззрения не являются эталоном для иных точек зрения на хозяйствующего субъекта.

Судьба философии хозяйства, как и самого С.Н. Булгакова, оказалась драматичной. После высылки из России в 1922 году он с 1925 года – профессор и декан Свято-Сергиевского Православного Богословского

института в Париже, в котором он проработал до конца своих дней (умер в 1944 году). Философия хозяйства, созданная С.Н. Булгаковым, была подвергнута в России насильственному забвению, и он сам к ней более не возвращался с 1918 года.

Негативное отношение к философии хозяйства было объяснимо, так как она была несовместима с марксистской философией и политэкономией и вообще противоречила сциентизму, материализму, экономизму, т.е. всему тому, что было взято на вооружение советским государством.

В настоящее время философия хозяйства возрождена учеными Московского государственного университета. В 1996 году по инициативе Центра общественных наук при МГУ и экономического факультета была проведена международная научная конференция «Творческое наследие С.Н. Булгакова и современное социально-экономическое знание», которая стала знаковым событием в истории философии хозяйства.

Данная отрасль знания вновь возникла как ответ на потребность преодолеть ограниченность теоретической экономики и исследовать проблемы хозяйствования на основе глубоких философских размышлений. Таким образом, возрождение философии хозяйства произошло в силу объективной необходимости выхода за пределы политической экономики и науки вообще, ее вхождения в сферу философии и воссоздания философии хозяйства.

«Интерес к философии хозяйства – не простой исследовательский интерес к мало изученной области реальности; такой интерес появляется как ответ на драму вообще человеческого познания, на кризис научного познания, на неразрешимость массы проблем на основе и в пределах экономической науки», – отмечают Ю.М. Осипов и И.П. Смирнов в своей статье «Философия хозяйства ставит проблемы». Они, акцентируя наше внимание на том, почему философия хозяйства – это выход за пределы науки, подчеркивают, что хозяйствующий человек, его жизнь – это не только разум, философствующее сознание, но это мир сердца, чувств и переживаний. Политическая экономика и философия ограничиваются пространством мысли, а философия хозяйства обращается, кроме этого, и к реалиям жизни.

По мнению профессора Белгородского ГУ Е.А. Антонова, в современной отечественной научной литературе имеется несколько концепций философии хозяйства. В качестве первой он называет религиозно-философскую, предложенную С.Н. Булгаковым и адаптированную к современности. Второе направление разработки философии хозяйства предложил в 90-е годы XX столетия Ю.М. Осипов, который писал, что экономическая наука – «сама себе философия». Е.А. Антонов считает, что в данном случае мы имеем дело с позитивистской философией. Третья концепция современной философии хозяйства основана на позиции антропософии Р. Штайнера, который отмечал духовно-научные основы сельского хозяйства. Последнее направление получило самое широкое развитие в Западной Европе.

Среди идей современной философии хозяйства можно назвать школу метафизических оснований науки о сельском хозяйстве.

Вместе тем все исследователи философии хозяйства едины во мнении, что оно есть мировоззренческое знание, которое просматривается, в первую очередь, как напряженный диалог с другими отраслями социогуманитарного знания. Конечно, философия хозяйства не дает практических советов, но она, будучи мировоззренческим знанием, исследует человека хозяйствующего (философа, экономиста, практика, существо духовное).

У философии хозяйства свой «размыслительный» подход и своя «размыслительная» задача. Философия хозяйства, безусловно, соприкасается и даже пересекается с экономикой и философией, но исток свой она берет в философии хозяйствующего человека. Так мы подходим к важнейшей методологической проблеме: исследовать хозяйствующего человека, а значит, рассматривать его следует, в первую очередь, на основе философско-антропологического подхода. Вот почему был прав С.Н. Булгаков, когда провозгласил, что хозяйство – это жизнь, а жизнь – это хозяйство.

Можно согласиться с Ю.М. Осиповым и И.П. Смирновым в том, что «предмет философии хозяйства настолько объемлен и одновременно бесконечен, что этого предмета как бы и нет, во всяком случае, он сколько-нибудь строго не определен. Лучше исходить из того, что предмет более неопределен, чем определен. И ничего страшного здесь нет, ибо, повторяем, философия хозяйства – не наука, хотя она и не чужда научных подходов (где это необходимо и возможно)». Не случайно большинство исследователей считают, что философия хозяйства – специфическая область размышлений, которая не претендует на свойственную теоретической мысли конструктивную завершенность.

Философия хозяйства (если будем исходить из самого понятия «философия») несет большую нравственную смысловую опору, показывая, что философия хозяйства (хозяйствующий человек) связаны с проблемами добра и зла.

Философия хозяйства обращает внимание и на такие проблемы, которые вытекают из определения самой сущности данного явления. Так, философия хозяйства предлагает различать «хозяйство» и «экономику», рассматривать экономику как частный случай хозяйства или как особое хозяйство, как особый способ хозяйства, основанный на разделении хозяйства, товарообмена и денег. Философия хозяйства вводит в обиход понятие «экономической цивилизации» [1], которое характеризуется как технологическая, сциентическая, индустриальная, неоиндустриальная, информационная.

Философия хозяйства – область мировоззренческого знания – это специализированная философия, обращенная к хозяйству.

Для философии хозяйства важно специфическое понимание хозяйства, согласно которому оно есть само бытие – Божественное, природное и человеческое, рассматриваемое по-особому – со стороны его произво-

дительной (творческой) организации, но непременно в единстве субъективного и объективного аспектов.

Хозяйство – не экономика, точнее, не только экономика. Экономика – частный случай хозяйства, особое по качеству, системе организации и реализации хозяйство, специфический способ хозяйства. Философия хозяйства обращена к хозяйству вообще, а не к одной лишь экономике, хотя по традиции рассматривается как область экономической науки.

Не сводима философия хозяйства и к философским проблемам, и к теоретической экономике. Предмет философии хозяйства масштабен, разнообразен и достаточно неопределен, что вообще характерно для философии, для любого синтетического знания.

Булгаков С.Н. писал: «... проблема философии хозяйства, – о человеке в природе и о природе в человеке, – в сущности, не сходилась с моего духовного горизонта, поворачиваясь лишь разными сторонами... Я убежден... в огромном значении самой проблемы, которой... должен принадлежать если не сегодняшний, то завтрашний день философии...» [1].

По мнению большинства исследователей, С.Н. Булгаков является основоположником православной экономической философии. Вместе с тем большое влияние на формирование философии хозяйства С.Н. Булгакова оказала и веберовская «Протестантская этика», которая убедила недавнего марксиста в том, что религия есть главное основание общества, его «духовный нерв», «фермент общественности» [5].

Поэтому, чтобы глубже понять сущность булгаковской философии хозяйства, ряд ученых и М.Р. Элюян, в частности (один из наиболее интересных современных исследователей наследия С.Н. Булгакова), проводят сравнительный анализ взглядов М. Вебера и С.Н. Булгакова, а также теории В. Зомбарта о значении католического духа рациональности для формирования западноевропейского капитализма. Своеобразие и преимущество православной философии хозяйства С.Н. Булгакова перед социологическими концепциями М. Вебера и В. Зомбарта М.Р. Элюян видит в том, что они ограничились исследованием этического влияния христианства на экономику, в то время как С.Н. Булгаков обращается за решением экономических проблем к православной метафизике. Экономические проблемы у него сливаются с богословскими в единое целое. Отсюда закономерно, что С.Н. Булгаков ставит сложный вопрос в своем творчестве: «Какой хозяйственный уклад наилучшим образом отвечает православному религиозному сознанию?»

Понятие «хозяйства» у С.Н. Булгакова нераздельно связано с религией. Весь мир есть «хозяйство Бога», а человек в нем есть назначенный Свыше управляющий. Однако православное понимание труда рисует человека скорее как потомственного каторжника, а не управленца. Ведь по ветхозаветному догмату: труд есть кара Господня – а значит, ему никогда не стать свободным и творческим делом, ни радостной игрою жизненных сил. Основным мотивом труда, считает С.Н. Булгаков, является «страх смерти».

Марксистский лозунг освобождения труда (входящий к работам Фурье и истолкованный Марксом как цель классовой борьбы пролетариев) С.Н. Булгаков расценивал как новую греховную попытку людей сравняться с Творцом мироздания. Он считал, что подобная идея есть «сатанистское» предприятие, которое соблазняет рабов Божьих призраком свободы и обещанием земного рая, где все условия труда общие и каждому дано по его потребностям. Взамен борьбы за мирское счастье отец Сергей, в истинно православном духе, предлагает человечеству смиренно нести свой Крест в ожидании конца света и «Божественной Благодати»[5].

Подобную православную метафизику труда как наказания, кары за грехи С.Н. Булгаков противопоставил кальвинистскому гимну труду как пути к спасению души.

Булгаков С.Н. считал, что в основе буржуазной промышленности лежит протестантская этика, а в основе земледелия – православное мировосприятие. Причем, по мнению М.Р. Элояна, отец Сергей понимал «земледелие» в широком смысле – как получение от земли всевозможных благ: не только хлеба насущного, но и металлов, минералов и пр. Представляется, что современную Россию, живущую экспортом нефти и газа, Булгаков счел бы страной «земледельческой» и потому в хозяйственном плане истинно православной [4].

Классиков политической экономии С.Н. Булгаков упрекал в том, что они не видели разницы между добывающим и обрабатывающим хозяйством и ошибочно распространяли на земледелие экономические законы промышленного производства. Философ считал, что в земледелии большее значение имеет «производительность почвы», чем производительность труда. Отсюда нельзя мерить цену продуктов земледелия количеством затраченного труда. На этом основании С.Н. Булгаков, отвергает теорию земельной ренты Рикардо и Маркса и заявляет о непригодности закона стоимости для эффективной регуляции земледельческого хозяйства. Он писал, что «хлеб имеет цену, но не имеет стоимости», – отмечает М.Р. Элоян.

С.Н. Булгаков, обнаруживая незаурядную изобретательность, доказывает нравственное превосходство земледельческого труда над промышленным, маловажность фактора разделения труда и кооперации в сельском хозяйстве, преимущества ручного труда и «культуры лопаты» по сравнению с машинной культурой и, наконец, делает еще один отчаянно смелый вывод – о «необходимости уменьшения средних размеров хозяйства». Экономически оптимальную форму представляет собой «единоличное крестьянское хозяйство»[5], образующее, вместе с тем, историческую основу богатства и нравственного могущества нашей страны.

Многие исследователи творчества С.Н. Булгакова всегда пытались удержаться от соблазна сопоставления теоретических выводов С.Н. Булгакова с тенденциями и фактами экономической жизни, накопленными наукой за истекшее с тех пор немалое время. Как правило, эти исследования протекали исключительно в «текстологической» плоскости. И это был не простой пересказ,

а скорее логические реконструкции текста, в которых учтены и полемически освещены практически все значимые комментарии к текстам С.Н. Булгакова, причем не только на русском языке.

На наш взгляд, в настоящее время коренным образом изменилась ситуация в булгаковедении. Ныне многие идеи творчества С.Н. Булгакова, которые ранее казались субъективными, нереалистичными и даже ирреальными, приобретают совершенно иное содержание и значение.

Только к концу XX–XXI веков человечество вдруг осознало, что промышленное производство в сельском хозяйстве, применение агрохимии, генетики не только не разрешило проблему ликвидации голода на Земле, но породило новые: гибель плодородных почв, некачественные продукты питания в массовых количествах, уничтожение аграрного населения и сельской культуры. Жизнь человечества и ее смысл, понимание счастья свелось к глобальным ценностям: деньги, успех, раскрепощенность, «свобода» как вседозволенность и т.д. Современное постиндустриальное общество фактически отобрало у человека такие ценности, как полную занятость, бесплатное образование и здравоохранение, уверенность в завтрашнем дне и главное в понимании им свободы – право выбора образа жизни (представляется, что это есть важнейшие истоки – антиглобализм и антиурбанизм).

Интерес к творчеству С.Н. Булгакова возрастает в связи с серьезными проблемами в духовной жизни современного общества (в России в частности): банальность и ложь, сонный официоз, агрессивная, лицемерная, бравирующая собой пустота, захватывающие культурное пространство. На этом фоне идеи русской религиозной философии конца XIX–начала XX веков выступают как новое дыхание для людей, задыхающихся в глобальном мире. Неслучайно современные исследователи творчества С.Н. Булгакова видят в нем основания для решения многих проблем. Многие из них не выказывают робости перед авторитетами, оспаривая почти общепринятое суждение о пантеистической ориентации булгаковской философии, восходящее к работам В.В. Зеньковского и Н.О. Лосского [3].

В настоящее время исследования, в первую очередь, прослеживают логику развития мысли С.Н. Булгакова от позитивистской ревизии марксизма в двухтомном труде «Капитализм и земледелие» (1900 год) до консервативно-православной «Философии хозяйства» (1912 год). Завершением же его двадцатилетних исканий в этой области становится «Свет не вечерний» (1917 год), где намечается уже переход в теологический период творчества С.Н. Булгакова. Здесь разворачивается новое, сугубо православное понятие Софии как высшего идеала творения, который обретает свое личное бытие в «священной материи» Земли, дарованной человеку от Бога. В этом пункте богословская догматика прямо и непосредственно замыкается у Булгакова на философию хозяйства с ее почитанием земледелия и патриархального крестьянского быта [5].

В заключение следует отметить, что проблема взаи-

моотношения капитализма и православия разрешается многими исследователями в «негативном смысле», то есть в смысле абсолютной несовместимости православия с капитализмом и бесперспективности буржуазной модели развития для России.

Когда-то Гераклит придумал «логос» – термин, в котором выражена суть западного мировоззрения. Каждый человек при столкновении с другим становится или господином, или рабом. Или управляет другими, или позволяет управлять собой. Так вот, для того чтобы управлять другим, нужно научиться управлять собой. Стать господином самого себя. Замыкание на себе требует рефлексии и знаний. Поэтому западный человек строит свои отношения с другим в пространстве логоса, развертывая рефлексивное отношение к себе во властное отношение к другому.

Булгаков рассматривает предельный вариант отношения к другому. Вот что делать тебе, если тебе не хочется управлять другим? Если ты не желаешь быть господином? Во-первых, тебе не обязательно учиться управлять собой. Во-вторых, отношение к другому, выстраиваемое не на основе господства, будет софийным. Или соборным. При этом минимизируется рефлексия и расширяется опыт непосредственного.

Булгаков делает вывод, что капитализм строится в пространстве логоса. В нем доминирует сознание полезности. Ему не хватает софийности, т. е. такой вяжущей связи между людьми, когда ты делаешь не то, что надо, а то, что душе хочется, и это деяние не ущемляет другого.

Софийность хозяйства требует преодоления акосмизма трансцендентальной философии и религиозного преодоления капитализма. Если протестантизм лежит в основе этики капитализма, то православие лежит в основе софийного хозяйства, являясь его философией.

Одной из отличительных черт самочувствия нашего времени является, бесспорно, философия хозяйства. Усилиями Ю.М. Осипова она стала фактом нашего самосознания, наших интеллектуальных настроений. Чтобы уяснить природу этого факта, я проанализирую речь С.Н. Булгакова на защите своей докторской диссертации.

Что же заставляет Булгакова смотреть на мир как на хозяйство? Во-первых, скорость. Чудовищная скорость смены одного события другим. Во-вторых, масса. Материя того, что сдвинулось, переместилось и оказалось не на своем месте, стала так велика, что дух приблизился к нулевой отметке. Стал бесконечно малой величиной. В скорости время выходит за пределы своего бытия. Капитализм делает все события несвоевременными, всю материю неуместной. Событийность бытия обесмысливает всякий смысл. Такова природа того, что загипнотизировало все человечество. Такова природа капитализма.

Вот как говорит сам С. Булгаков: «Человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой победой и все больше чувствует себя невольником хозяйства»[2].

Я хотел бы обратить внимание на то, как Булгаков

строит свою мысль. Он строит ее в дискурсе абсурда. Нонсенса. Ведь побеждать и одновременно побеждаться победой – это нонсенс. Чепуха. Тем не менее мы не сможем не увидеть эту чепуху мира, если будем смотреть на него со стороны софийного хозяйства.

Или вот еще одна мысль Булгакова. Она звучит так: человек в хозяйстве покоряет Природу. Человек, который покоряет, не хозяин в хозяйстве. Он титан. Самозамкнутая личность. Тот, кто самому себе дает закон. А если ты полагаешься на себя, то тебе не нужен Бог. Забота о самом себе исключает трансцендентный источник смысла хозяйства.

Хозяин – не титан. Не личность, а тот, кто в себе оставляет место для другого, для со-творчества и благодати. Хозяин в хозяйстве становится богом по благодати, а не менеджером. Его поведение нельзя описать по модели целерационального поведения. Он делает не то, что выгодно, а то, что хочется, полагаясь на инстинкт и навык. И вот эти-то инстинкты и навыки утратили свою непосредственность. Началась, как сказал Булгаков, эпоха «экономического гамлетизма»[3]. Отныне экономисты празднуют свой бенефис.

1. Каждому экономисту нужно суметь превзойти экономический материализм. Экономика не является той последней реальностью, за которой более ничего нет.

2. Хозяйство – наиболее непосредственное, близкое, привычное. Но это не значит, что оно понятно. Не понимая природу хозяйства, нельзя понимать им что-то другое.

3. Когда-то нужно будет решить, что более фундаментально: человек или хозяйство? Нужно ли понимать хозяйство как функцию человека. Или же нужно истолковывать человека в терминах хозяйства? Согласно Булгакову, человек выше хозяйства.

Что же такое хозяйство и кто такой хозяин?

Хозяйство и материализм никак не связаны. Вполне мыслим и экономический мистицизм, а не только экономический материализм.

4. Для того чтобы экономическая мысль считалась зрелой, ее нужно довести до философии. Развернуть в философскую систему. Иначе она будет как бы висеть в воздухе. Будет неукорененной.

Представления о том, что следы экономики теются в бухгалтерии, неприемлемы. Ибо они ведут к отказу от философии хозяйства.

5. Булгаков на манер кантовской философии полагает существование трансцендентального субъекта хозяйства. Это значит, что хозяином является не индивид, не этот или тот конкретный человек или коллектив, а все человечество как таковое. На хозяйствующем субъекте лежит обязанность действовать не из своих частных интересов, а исходя из всеобщего.

6. С.Н. Булгаков называет хозяином того человека, в котором обнаруживается живое единство духовных сил и потенций человечества.

7. Человек как микрокосм воздействует на макрокосм, полагая, что космос – это виртуальное тело человека.

8. Трансцендентальный субъект хозяйства — это

мировая душа. Если бы не было такой души, то хозяйство потеряло бы свой мистический смысл и стало бы синонимом экономического пространства с позициями и диспозициями рабочего скота. Выдрессированной рабочей силы.

9. Хозяйство держится не на рабочей силе, а на творчестве радужных существ.

В хозяйстве человек осуществляет свою индивидуальность. Преодолевает свою абстрактность. Поэтому лишить человека хозяйства – значит лишить его свободы.

Философия хозяйства Булгакова базируется на положении о том, что индивидуальность неустраима в хозяйстве. Иначе говоря, с одной стороны, субъект хозяйства – все человечество. А с другой – по каким-то капиллярам эта субъектность может быть реализована только индивидом. Человеком.

10. Бессмысленно сводить жизнь людей к хозяйственным интересам и мотивам. Ведь еще существуют и волевые корни жизни. Волевые корни мышления. Иначе говоря, в мире есть вещи, которые существуют потому, что мы хотим, чтобы они были. А не потому, что в их существовании кто-то хозяйственно заинтересован.

11. В центре философии хозяйства стоит не экономика, а антропология. Необходимость познания человеком себя в мире и познания мира в себе.

12. Философия хозяйства С. Булгакова далека как от экономического материализма, так и от трансцен-

дентализма. Главное понятие в ней не экономика, а жизнь [3].

Булгакова интересует религиозный смысл хозяйства. Его не устраивает акосмизм трансцендентальной философии.

В философии хозяйства Булгаков пытается перевести Канта на язык Маркса, а Маркса – на язык Бёме.

«Хуже богатых могут быть только бедные. Это сказал Исократ. Мне нравится сказанное греком. Но мне нравится и формула русских, согласно которой бедность – не порок. Как совместить оба взгляда в одной голове? Я понимаю, что головы людей маленькие, а мир большой. И чтобы большой мир поместить в маленькие головы, его нужно упростить. Схемы упрощения составляют то, что можно назвать идеологиями. В пространстве идеологии возникают ненаблюдаемые предметы. Идеологические сущности. Отвечая на вопрос «почему», ты используешь эти сущности. Ты используешь их. Они используют тебя. Водят тебя за нос. Так вот, социализм и капитализм суть две идеологические сущности. Две химеры, борющиеся друг с другом. Они борются, а мы страдаем. Капитализм виртуален. В нем полно демагогии, симуляции и денег. Социализм равняет и выравнивает. В нем очаровывает простота решений. И раздражает монотонность и единообразие. И капитализм, и социализм нуждаются в своих шаманах. В социальных алхимиках, чтобы пустоту бытия они наполняли полнотой сущего.»

Библиографический список

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч. в 2 т. Москва, 1993. Т.1. С. 163–164.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Москва, 1990. С.299.
3. Гиренок Ф. Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический Проект. Фонд «Мир», 2010. С.235.
4. Рецензия Майданского А.Д. на монографию Элоян М.Р. «С.Н. Булгаков: православие и капитализм (философия хозяйства)» // Вестник Российского Философского Общества. М.: Российская Академия Наук. Российское Философское Общество. 2006. №1(37) С.327.
5. Элоян М.Р. С.Н. Булгаков: православие и капитализм (философия хозяйства). Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 2004. С.187.

References

1. Bulgakov S.N. Philosophy of economy // S.N. Bulgakov. Col. in 2 volumes. M, 1993. Vol.1. Pp. 163–164.
2. Bulgakov S.N. Philosophy of economy. M., 1990. P.299.
3. Girenok F. Pleasure to think differently. M.: Academic Project; Fund “Mir”, 2010. P.235.
4. A.D. Maydanskii’s review on M.R. Eloyan’s monograph “S.N. Bulgakov: Orthodox Christianity and capitalism (the philosophy of economy)” // Bulletin of Russian Philosophical Society. M.: Russian Academy of Sciences. Russian Philosophical Society. №1 (37) 2006. P.327.
5. Eloyan M.R. S.N. Bulgakov: Orthodox Christianity and capitalism (the philosophy of economy). Rostov-on-Don: Rostov University, 2004. P.187.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: АНАЛИЗ МЕХАНИЗМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

SOCIAL REALITY: THE ANALYSES OF THE MECHANISM OF FUNCTIONING

Статья посвящена рассмотрению теоретических проблем социальной философии в связи с разработкой представлений о социальной реальности. Автор статьи предлагает свое видение механизмов функционирования и развития социальной реальности, основанных на процессах взаимодействия, взаимосвязи, отражения. Отдельное внимание уделяется анализу роли противоречий, социальным кризисам и отчуждению в функционировании социальной реальности. В статье используется диалектический метод, системный подход, категориальный синтез и сравнительный анализ категорий.

Ключевые слова: социальная реальность, социальные процессы, изменение, сохранение, социальный механизм, функция, функционирование, отношение, взаимодействие, взаимосвязь, отражение.

The article is devoted to the analysis of theoretical problems of social philosophy which are connected with the development of concepts of social reality. The author offers his point of view of the mechanisms of functioning and development of the social reality. According to the author that mechanisms are based on the processes of interaction, relationship, reflection. Special attention is paid to the analysis of the role conflict, social crises, and the alienation of functioning of the social reality. The article uses the dialectical method, systematic approach, categorical synthesis and comparative analysis of the categories.

Keywords: social reality, social processes, change, conservation, social mechanism, function, operation, attitude, cooperation, relationship, reflection.

Введение

Социальной реальностью являются все протекающие в обществе процессы, составляющие содержание его жизнедеятельности. Сюда включаются как постоянно функционирующие, самообновляющиеся и самовоспроизводящиеся циклы жизни отдельных людей (трудовая деятельность, семейные обязанности, забота о детях и родителях, учеба и отдых и т.д.), так и работа социальных институтов, организующих и управляющих действиями социальных субъектов в лице отдельных организаций, индивидов, социальных групп и общностей. Не менее важными составляющими содержания социальной реальности являются устойчивые социальные настроения, чувства, нормы поведения, традиции и прочие духовные компоненты, которые наполняют ежедневную жизнь человека. Вся эта совокупность повторяющихся действий социальных субъектов, динамика субъективных состояний духовной жизни общества составляют социальные процессы общества, которые отражаются социальной реальностью. Таким образом, динамика социальных процессов наглядно демонстрирует состояние социальной реальности.

Социальные процессы, являющиеся проявлением социальной динамики, включают в себя две взаимосвязанные стороны процесса – изменение и сохранение. Социальные изменения представляют собой различные перемены, происходящие с течением времени в социальных субъектах, в духовных процессах общества,

мотивациях поведения и т. д. Они могут протекать на уровне межличностных отношений, малых и больших групп, структур организаций и институтов. Однако социальные изменения констатируются только на фоне сохранения целостности самих социальных субъектов. Так, изменение, к примеру, системы выборов в органы государственной власти не отменяет сам институт выборов, сохраняя его как институт демократии. Таким образом, форма протекания социальных процессов представляет собой диалектическую связь изменений и одновременно сохранения структурных элементов социальной системы.

Социальные процессы пронизывают и объективную, и субъективную стороны социальной реальности. Их сущность выражена в раскрытии, обосновании, реализации и утверждении в социальной реальности интересов человека как части общества, социальной группы, общности. Именно поэтому изменения, например, в производственном процессе не следует рассматривать только как экономический процесс. Этими изменениями затрагиваются интересы людей, нередко меняется их социальный статус, образ жизни и пр. Поэтому экономические изменения являются частью социальных процессов. Аналогичным образом обстоят дела и с политическими процессами. Например, попытка политическими средствами путем референдума изменить форму государственного устройства Украины с унитарного на федеративное устройство обернулась

карательными действиями центрального правительства на юго-востоке. Состояние гражданской войны, гуманитарная катастрофа, гибель гражданского населения и т.д. в конечном итоге означают глубинные социальные изменения. Таким образом, изменения в любой сфере жизни общества – экономической, политической, духовной – следует рассматривать в первую очередь как социальные процессы, а затем уже с конкретных позиций экономики, политики, культуры.

Как и любой процесс, социальный процесс является последовательной сменой состояний, стадий развития системы, в данном случае социальной системы. Можно выделить отдельные этапы разворачивания социального процесса: зарождение изменений, их переход в устойчивое состояние социальной системы и окончательное утверждение этих новаций как новой черты социального субъекта. За этими этапами скрывается определенная закономерность протекания социальных процессов. Прежде всего, следует отметить, что все процессы изменений, так или иначе связаны с деятельностью человека, который действует, исходя из своих интересов, выдвигая определенные цели, ориентируясь на конкретный результат. Ненаправленная деятельность не является социальным процессом и может быть отнесена к разряду хаотичных действий. Поэтому первым важным признаком социальных процессов социальной реальности является целенаправленность действий социальных субъектов. Однако наличие целенаправленной деятельности социальных субъектов не означает ее полную осознанность, в том числе и осознанность всех последствий этой деятельности. В противном случае все бы было однозначно прогнозируемо и жестко детерминировано. На практике оказывается, что на социальные процессы воздействует огромный пласт неучтенных внешних условий, подсознательных мотиваций, которые нередко до неузнаваемости изменяют предполагаемый результат. Этим обстоятельством объясняется научный интерес к анализу объективных механизмов, порождающих социальные процессы и обеспечивающих функционирование социальной реальности.

1. Теоретико-методологические основания анализа

Прежде чем перейти к рассмотрению механизмов функционирования социальной реальности уточним исходные понятия. Понятие «механизм» первоначально использовалось исключительно в инженерных науках, где означало устройство, приводящее в движение. Так, в «Энциклопедическом словаре» механизм определяется как система тел, предназначенная для преобразования одного или нескольких тел в требуемое движение других твердых тел. Если в преобразовании движения участвуют жидкие или газообразные тела, то механизм называется гидравлическим или пневматическим. В словаре Ушакова кроме названного значения этого слова как внутреннего устройства машины или прибора, позволяющего привести в действие саму машину, отмечается переносный смысл понятия механизма. В этом

случае механизмом называют систему функционирования какого-либо вида деятельности, например механизм умственной работы, канцелярский механизм, механизм управления кадрами и т. п. Именно в этом переносном смысле используется понятие «механизм» применительно к социальной реальности и социальным системам. Это позволяет определить социальный механизм как некоторые отношения между элементами социальной системы (отдельными индивидами, социальными группами, институтами, нормами и образцами поведения и т.д.), а также связями в социальной структуре, посредством которых обеспечивается жизнедеятельность социальной системы.

Каждый элемент социальной реальности имеет свое предназначение, точнее, выполняет некоторую функцию. Ключевое слово в данном случае «функция». В разных областях знания существуют различные представления о функции. Так, в биологии и физиологии функцией называют специфическую деятельность организмов, их отдельных органов, тканей и клеток, в математике функция – это зависимая переменная. В социологии под функцией понимают ту роль, которую выполняют в обществе отдельные учреждения, социальные институты и т.д. В данном случае понятие «функция» тождественно понятию «роль». Например, функция профсоюзов – защита интересов наемных работников. Однако, несмотря на внешнее различие в трактовке функций в разных науках, в содержании понятия «функция» есть общие моменты. Это общее представлено тремя важными характеристиками объектов: динамической, отношения и направленности. Динамическая сторона функции состоит в том, что она всегда выражает некоторые обязанности, назначение чего-то, например, системы или ее элементов, по отношению к самой себе, т. е. определенное действие на себя. Так, профсоюзы по определению обязаны защищать интересы работников своего предприятия. Если они не выполняют эту роль, то они вырождаются в коррупционную группу, защищающую только свои аппаратные интересы. Относительная сторона функции заключается в проявлении объекта вовне, по отношению к другим объектам. Это означает, что функция, по существу, является таким свойством объекта, реализация которого всегда осуществляется при наличии отношения с другими объектами, а также в рамках системы в целом, в которую включен данный объект. Так, деятельность профсоюзов является элементом политической системы общества, отражает гражданское состояние общества. Другими словами, их деятельность должна оцениваться на фоне общего состояния социальных процессов в конкретной социальной реальности. И третий момент в содержании понятия функции состоит в том, что она имеет направленность на сохранение существующего объекта. Обращаясь к нашему примеру с профсоюзами, отметим, что реализуя принцип трипартизма, профсоюзы участвуют в переговорах по поводу условий труда на конкретном производстве. В результате принятый трудовой договор должен способствовать сохранению устойчивости производствен-

ного процесса. Таким образом, функция – это такое свойство объекта, которое раскрывает его назначение в системе в целом и способствует самореализации и самосохранению социального объекта.

Учитывая сказанное, можно сделать вывод, что функциональной характеристикой объекта становятся такие его свойства, которые служат осуществлению определенного поведения, действия, деятельности объекта в рамках некоторой системы и направлены на ее сохранение. Следовательно, обнаружив такие свойства у социальных систем и объектов, мы можем утверждать, что они наделены функциональными характеристиками. Например, институт власти, общественные организации, семья и т.д., выполняя свое функциональное предназначение, обеспечивают социуму целостное существование. Однако свою функциональную роль любой элемент социальной реальности может осуществлять и осуществляет не изолированно, а вступая в отношения с другими элементами. Таким образом, механизм функционирования социальной реальности строится на базе различных отношений, складывающихся между элементами социальной системы. Выявив характер этих отношений, мы сможем осуществить анализ механизма функционирования социальной реальности.

В отечественной философии принято рассматривать отношение как такую философскую категорию, которая фиксирует в своем содержании объективно существующее единство мира. Не существует в объективной реальности абсолютно изолированных вещей и явлений. Все они, так или иначе, вступают в отношения друг с другом. Это означает их взаимозависимость. Таким образом, сущность отношения состоит во взаимозависимости вещей, явлений, процессов объективного мира. Сами отношения по своему характеру могут принимать разные формы или виды. Так, отношение может принимать форму взаимодействия, т. е. такого вида взаимозависимости, когда наблюдается взаимное изменение вещей, явлений, процессов. Поскольку любое тело, явление существует во внешней среде, является ее компонентом, оно не может не испытывать на себе ее воздействия. Механическое воздействие тел друг на друга, химические реакции, обмен веществ в живых организмах, межвидовые и внутривидовые отношения, общественные отношения – все эти, на первый взгляд, далекие друг от друга процессы являются не чем иным, как взаимодействиями на разных уровнях развития материи. Во взаимодействии проявляется самодвижение материи, ее внутренняя активность. Учитывая сказанное, можно признать, что взаимодействия, которые имеют место между субъектами социальной реальности, являются одним из механизмов ее функционирования. В качестве примера взаимодействия как социального механизма функционирования социальной реальности можно привести работу парламента, в котором представлены различные политические силы. В результате длительных дебатов, коррекции исходных позиций между ними достигаются компромиссные решения, которые оформляются в виде законов, регулирующих жизнедеятельность общества.

Другим видом отношения является взаимосвязь. В случае взаимосвязи взаимозависимость объектов отношения представлена в виде взаимообусловленности существования вещей, явлений, процессов. Так, например, нуклеарная семья не может возникнуть в первобытном обществе – ее появление предполагает наличие развитого индустриального производства. Многопартийная система возникает тогда, когда на историческую арену выходят общественные классы с собственной идеологией, четкой политической платформой и т.д. Если взаимодействие социальных объектов обеспечивает внутреннюю динамику социальной реальности, то взаимосвязь социальных объектов является необходимым условием ее самосохранения, самовоспроизводства и целостности. Отношения между вещами, явлениями, процессами, входящими в состав некоторой системы и составляющими ее элементы, имеет характер взаимной связи в том случае, если каждый элемент в составе этой целостности существует в своем конкретном автономном виде, только соотносясь с другим или другими элементами этой системы. Таким образом, можно признать, что и взаимосвязь, существующая между социальными субъектами, также является механизмом функционирования социальной реальности.

Наиболее сложной формой отношения являются процессы отражения. Отражение следует определить как процесс и одновременно результат такого отношения между элементами объективного мира и явлениями субъективного мира, при котором состояние одного объекта (отражающего) закономерно обусловлено состоянием другого (отражаемого), особенности которого воспроизводятся в процессе отражения. Результатом этого отношения является отображение, носителем которого и является отражающий объект. При этом отражающий объект сохраняет свою целостность, воспроизводя в своем содержании и форме отражаемый объект. Таким образом, отражение как особая форма отношений интегрирует в себе отдельные элементы отношений взаимодействия и взаимосвязи. Как и в случае взаимодействия, в процессе отражения происходит воздействие отражаемого объекта на отражающий объект. В результате чего в структуре отражающего объекта формируется отображение, воспроизводящее отражаемый объект. Однако взаимного изменения не происходит, более того существует взаимосвязь предшествующего состояния объектов с последующим, сохраняется преемственность.

Приняв в качестве элементов системы отражения отражаемое, отражающее и отображение, можно выделить два принципиально отличных друг от друга способов отношения элементов системы отражения, или два типа механизмов. Один из них предполагает включенность в действие системы всех элементов процесса отражения, в том числе и отображения с его самостоятельной ролью в функционировании системы. Другой механизм представляет собой такой способ действия элементов в системе отражения, при котором один из ее элементов, в частности, отображение, не принимает самостоятельного участия в функционировании си-

стемы. Назовем первый механизм функциональным, а второй – динамическим. Оба эти механизма отражения позволяют классифицировать процессы отражения по организационному принципу, выделив два вида процессов отражения – функциональное и нефункциональное отражение.

Нефункциональное отражение охватывает такие процессы, которые протекают главным образом в естественных неуправляемых системах, т. е. распространено в основном в неорганической природе. Однако из этого не следует, что динамический механизм отражения не имеет места в живой природе и в принципе невозможен в социальной реальности. Если мы обратимся к анализу органического мира, то там можно наблюдать процессы нефункционального отражения. Так, в определенные периоды развития живого организма подключаются новые генетические связи, которые приводят к существенной перестройке всего организма, например, при переходе от подросткового возраста к юношескому состоянию и затем физической зрелости. Изменения в производственном процессе также могут быть отнесены к разряду механизмов нефункционального отражения. В то же время следует иметь в виду, что нефункциональное отражение не является ведущим механизмом функционирования в процессах жизнедеятельности органической и социальной материи.

Динамический механизм, на котором строится нефункциональное отражение, имеет ряд признаков. Во-первых, в этом механизме отображение не играет самостоятельной функциональной роли в системе отражения. Следы отражения (т.е. отображение) включены во внутреннюю и внешнюю структуры, в содержание отражающего объекта. Отображение в данном случае представляет собой суммарный продукт взаимодействия отражающего и отражаемого объектов. Но оно не вычленяется отражающим объектом из общего суммарного продукта взаимодействия, хотя, будучи составной частью этого продукта, оказывает воздействие на изменения, происходящие с отражающим объектом, на последующие процессы отражения в нем, на его эволюцию.

Вторая особенность динамического механизма отражения определяется характером протекания процессов изменения и сохранения в отражающем объекте. В нем могут происходить субстратно-структурные и энергетические изменения, возникающие под влиянием отображаемого объекта. При этом изменения, происходящие в отражающем объекте, не нарушают его качественной целостности. Другими словами, перестройка отражающего объекта под влиянием внешнего воздействия должна осуществляться таким образом, чтобы не нарушалась устойчивая взаимосвязь и координация элементов его структуры. При нефункциональном отражении отсутствует также внутреннее самоизменение и саморазвитие отображения.

Существенной чертой динамического механизма отражения, в-третьих, является необратимый характер происходящих с отражающим объектом изменений. Эта черта динамического механизма нефункциональ-

ного отражения наглядно демонстрируется старением живого организма, землетрясениями, извержениями вулканов, процессами стагнации в обществе и т. д.

Следует отметить, что нефункциональное отражение определяет протекание регуляционных процессов в системах разного уровня – от неживых до социальных. Проще всего это показать на неживых объектах. Известно, например, что макротела состоят из молекул с разными скоростями теплового движения, непрерывно меняющими свое взаиморасположение, что в них происходят изменения характера связей между молекулами путем их ослабления или усиления. Однако устойчивое состояние тел сохраняется. Оно обеспечивается регуляционными процессами, создающими динамическое равновесие системы. Эта регуляция состоит в изменении взаимосвязи элементов (молекул), из которых состоят данные тела, и фактически сводится к актам действия и противодействия. Аналогично обстоит дело и с живым организмом при поддержании уровня кровяного давления, обмена веществ, уровня сахара в крови и т. п. Нечто подобное происходит и в отношении производства и потребления: спрос инициирует рост производства, а рост производства удовлетворяет спрос и рынок приходит в состояние динамического равновесия. Таким образом, протекание регуляционных процессов включает в себя динамический механизм нефункционального отражения. То или иное воздействие по общему принципу регуляции действия и противодействия запечатлевается в структуре отражающего объекта и сохраняется в нем как собственное состояние. Через механизмы взаимодействия и взаимосвязи процессы отражения осуществляют свою роль механизмов развития неживых объектов, живых организмов и социальных систем. Привнося в эти объекты внутренние различия, нефункциональное отражение обеспечивает их самоорганизацию и в конечном итоге развитие. Для существования неживого объекта и сохранения его как целого достаточно динамического взаимодействия, включающего в себя процессы нефункционального отражения. Однако для живых организмов и социальных систем недостаточно одного динамического механизма функционирования. Поэтому в живой и социальной материи ключевую роль в жизнедеятельности начинает играть механизм функционального отражения.

Функциональное отражение – это отражение, которое не только поддерживает целостность живых и социальных систем, их самоорганизацию, но и способствует их саморазвитию. В этом процессе отражения задействован функциональный механизм. Функциональный механизм отражения имеет место в таких отражательных процессах, сущность которых выражается в поведении отражающего объекта, протекающих под воздействием отражаемого объекта и прошлых следовых явлений самого отражающего объекта. Важнейшей чертой функционального механизма отражения является самостоятельное участие в процессах функционирования и развития системы всех элементов системы отражения, в том числе и отображения. Отображение способно оказывать влияние на поведение отражающе-

го объекта и всей системы отражения в целом. Таким образом, функциональное отражение участвует не просто в процессах регуляции, а самоуправления и саморазвития живых и социальных систем.

Управление в принципе может иметь место во всех тех случаях, когда объект в состоянии воспринимать, сохранять, перерабатывать и использовать полученную информацию. Подобные операции способна осуществлять лишь замкнутая система, обладающая двумя каналами связи – прямым и обратным. В этом случае объект управления выступает в роли отражающего, субъект управления – в роли отражаемого объекта. Информация, которую передает субъект управления объекту управления, и есть отображение (след воздействия). Таким образом, функциональное отражение возникает в тех случаях, когда, во-первых, между отражающим объектом и отражаемым объектом появляется канал обратной связи; во-вторых, отражающий объект становится способным не только воспроизводить воздействия отражаемого, но и одновременно использовать заложенную в следах отражения информацию для выработки ответных действий.

Далее, своеобразие функционального механизма отражения определяется характером протекания процессов изменения и сохранения в отражающем объекте. На первый взгляд, изменения и здесь носят субстрактно-структурный и энергетический характер. Однако в отличие от отражательных процессов динамического механизма в случае функционального отражения они выступают лишь формой протекания процессов изменения. Действительным же содержанием процессов изменения, имеющих место в отражающем объекте, является заложенная в этих изменениях информация. Отражающий объект реагирует на эту информацию, а не на ее материальный носитель. В одних случаях под ее влиянием отражающий объект перестраивается и тем самым сохраняет свою целостность, в других – преобразовывает отражаемый объект и добивается того же эффекта, в третьих – совмещает первый и второй варианты. Возможность такого реагирования отражающего объекта на действия отражаемого обеспечивается тем, что во всех отношениях между отражаемым и отражающим объектами существуют два канала связи: прямой и обратный, а не один прямой, как в случае нефункционального отражения. Таким образом, появление обратной связи есть внешний признак, свидетельствующий о возникновении функционального механизма отражения.

Информация, скрытая за структурно-динамическими и энергетическими изменениями отражающего объекта, через каналы обратной связи вычленяется отражающим объектом и используется для целей сохранения себя как качественной определенности. Для этого вырабатывается соответствующая стратегия действия. Процессы сохранения не ограничиваются самосохранением отражающего объекта. В отображении сохраняются также и внешние воздействия, исходящие от отражаемого объекта. Это осуществляется не столько в форме субстрактно-структурных и

энергетических изменений (как в случае нефункционального отражения), сколько посредством кодирования, преобразования содержащейся в этих изменениях информации.

И, наконец, последнее коренное отличие функционального механизма отражения от динамического состоит в том, что при функциональном отражении процессы изменения и сохранения в отражающем объекте происходят дифференцированно. Таким образом, в содержательном отношении сущность динамического механизма отражения состоит в простом воспроизведении воздействия отражаемого объекта, а функционального механизма отражения в осуществлении под действием отражаемого объекта самоорганизации и самоуправления отражающего объекта. Следовательно, функциональное отражение является наиболее адекватным и совершенным механизмом функционирования и развития социальной реальности. Те внутренние различия, которые возникают в отражающем объекте в результате воспроизведения другого, отражаемого, объекта становятся источником рождающихся внутренних противоположностей и как следствие внутреннего противоречия в объекте, разрешение которого приводит к его развитию.

Основное методологическое значение вводимого понятия «функциональное отражение» состоит в его возможном применении для анализа огромного числа явлений живой природы и социальной действительности. Оказалось, что ряд различных по субстрату систем являются сходными по характеру отношений между элементами системы. Если главный внешний признак отражения – способность объектов, вступая в отношение с другими объектами, воспроизводить особенности последних, то в случае функционального отражения на этой способности строятся все действия отражающего объекта. Этим создаются условия для самоорганизации и развития живых и социальных систем. Введение понятия функционального отражения для анализа социальной реальности позволяет, во-первых, глубже разобраться в механизмах функционирования социума и процессов его развития. Во-вторых, знание закономерностей функционального отражения способствует более успешному управлению социальными процессами и в некоторой степени разработке прогнозов общественного развития. Так, например, предварительное создание юридической базы для льготных условий деятельности отдельных отраслей производства, в частности сельского хозяйства и машиностроения, позволяет России выйти из затяжной продовольственной зависимости от импортеров, укрепить свою военную безопасность, создать дополнительные рабочие места, поднять уровень жизни населения, добиться устойчивого развития. Сам факт превентивных, в данном случае юридических, мер является проявлением действия механизма обратной связи в социальных процессах, а следовательно, наличием функционального отражения. В то же время неожиданные, на первый взгляд, протестные движения и акции в обществе, на которые правительство отвечает силовыми методами, является примером

действия динамического механизма процессов нефункционального отражения. Эти явления в социальной реальности происходят потому, что отраженные в общественном сознании негативные чувства, настроения, недовольства жизненными ситуациями не анализировались руководством. С точки зрения системного анализа это означает, что отсутствовала обратная связь между обществом и властными структурами, следовательно, имело место нефункциональное отражение между социальными объектами. В конечном итоге накопившаяся неудовлетворенность выплескивается наружу в виде политических акций, погромов, революций и т. д., нередко изменяя в корне социальную реальность. Эти примеры показывают, что возможны разные варианты механизма функционирования социальной реальности в зависимости от того, какой задействован характер отражательных процессов – нефункциональный или функциональный.

Таким образом, на отношениях взаимодействия, взаимосвязи и отражения строится функционирование и развитие социальной реальности. Субъектами этих отношений являются социальные индивиды, группы, общности, организации и учреждения и т. д. В социальной реальности они включены одновременно во все виды отношений – взаимодействия, взаимосвязи, отражения. Названные отношения приводят к постоянным изменениям как в самих объектах, так и в характере их отношений. Это могут быть изменения роли одних социальных институтов по отношению к другим социальным институтам. Такие изменения следует отнести к разряду функциональных изменений. Возможны статусные изменения положения одних социальных общностей и групп по отношению к другим, изменение социального статуса индивида и т. д. В этих изменениях состоит динамика социальной реальности, т. е. ее самодвижение и саморазвитие.

2. Конкретные механизмы функционирования социальной реальности

Отношения между субъектами социальной реальности сложны и многообразны. Возьмем в качестве примера такой политический институт, как государство. Любое государство предполагает включение в его структуру в качестве относительно самостоятельных элементов законодательные и исполнительные органы, органы юрисдикции и принуждения. Законодательные органы (парламент, советы, собрания и т. д.), принимающие основополагающие нормы права, эффективно работают в том случае, когда исполнительные органы (министерства, ведомства и пр.) реализуют на практике принятые законы. В свою очередь, работа этих органов должна контролироваться, поэтому существуют органы юрисдикции, которые следят за законностью принимаемых решений, возлагают ответственность на исполнителей в случае злоупотребления властью. Они представлены судами, арбитражем, прокуратурой, следственными органами, а также органами, осуществляющими карательные меры – полицией, тюрьмами, реагирующими на правонарушения и принуждающими

ми к правовому поведению граждан. Все эти элементы структуры политического института государства должны работать согласованно. Именно поэтому любое изменение, происходящее в структурном элементе государства, приводит к изменениям в другом, связанном с ним элементе. Так, принятые законодательным собранием законы требуют их учета в работе определенных министерств и ведомств, приводят к изменению хозяйственной деятельности, отражаются в общественном мнении и т. д.

Аналогичная функциональная связь наблюдается в работе материально-производственной сферы. Здесь в полной мере проявляется действие человеческого фактора. Чем более профессионально подготовлен работник, чем в большей степени он мотивирован на высокие результаты труда, чем выше его производительность труда, тем значительней должно быть материальное вознаграждение за труд, т. е. зарплата. Если эти пропорции нарушаются, наблюдается спад производства и общий уровень экономического развития общества. В свою очередь мотивирование труда также зависит от проводимой социальной политики, которая способствует воспроизводству человеческого капитала, вносит свой вклад в достижение устойчивого социально-экономического развития общества.

Еще в более широком масштабе можно наблюдать взаимодействие таких сфер общественной жизни, как материально-производственная, политическая, социальная и духовная. Все эти сферы связаны между собой функционально. Как уже отмечалось, функцией в социальной теории называют роль, которую выполняет определенный социальный институт, процесс или сфера общественной жизни по отношению к обществу в целом и друг другу. Причем, выполняя свою роль, каждый элемент социальной реальности не только испытывает воздействие другого элемента, но и сам на него влияет. Таким образом, функциональные отношения элементов социальной реальности строятся по принципу механизма прямой и обратной связи. Существуют не просто объективная и субъективная стороны социальной реальности, а отношения между ними в виде функционального механизма прямой и обратной связи. Например, государство, представляющее объективную сторону социальной реальности, не может эффективно работать без наличия соответствующего правового сознания граждан, делающего их законопослушными гражданами, без общественного мнения, поддерживающего государственные решения, т. е. субъективной составляющей социальной реальности.

В тесном взаимодействии всех сфер общественной жизни создается социальный капитал общества как бытийная основа социальной реальности, в рамках которой живут и работают в повседневной жизни отдельные индивиды. Под социальным капиталом мы понимаем инфраструктуру и институты общества в широком смысле: материально-техническую базу конкретного общества, его культуру, правовую систему, систему образования и здравоохранения, правила и обычаи поведения, национальную ментальность и т. д. Понятие

социального капитала охватывает взаимодействие и взаимосвязь как экономических, так и неэкономических факторов. Модернизация производства и прогрессивное развитие социальных институтов – правового государства, социального партнерства, формирование общественного мнения и психологического климата, благоприятного для деловой жизни, повышение уровня культуры означает совершенствование социального капитала и обогащение содержания социальной реальности. Социальный капитал, включающий в себя и человеческий потенциал, существенно влияет на экономическое развитие общества, усиливая или ослабляя его социальную устойчивость.

Функционирование социальной реальности на повседневном уровне протекает, с одной стороны, через сотрудничество членов общества, а с другой – через соперничество, противоречия и столкновения отдельных личностей, слоев, социальных групп. Социальным противоречием является следствие взаимодействия социальных групп, слоев, личностей, вызванное несовпадением их интересов и целей. Каждая из сторон взаимодействия стремится удовлетворить свои потребности, цели и интересы наиболее оптимальным образом. Если противоречие достигает своего максимума, принимает острый характер, оно обретает форму социального конфликта. Социальный конфликт всегда связан с осознанием людьми несовпадения своих интересов как личностей, как членов тех или иных общностей, социальных групп с интересами других субъектов и основывается на некоторой информации, которая появляется в процессе отражения, имеющем место между взаимодействующими или конфликтующими сторонами. Причины социальных конфликтов кроются, во-первых, в социальном неравенстве, которое связано с неравномерным распределением социальных ресурсов (богатства, почестей, влияния, владения информацией и пр.) между членами общества, и, во-вторых, в наличии культурной неоднородности населения. Она проявляется в различиях ментальности, системы ценностей, разных стандартов поведения, в отсутствии толерантного отношения друг к другу и прочих отличиях между индивидами, социальными группами, общностями.

Бесконфликтных обществ не существует, однако средства разрешения конфликтов могут быть разными: от переговоров и мирного соглашения на взаимовыгодных условиях и партнерстве до военных столкновений. В динамике этих процессов социальной реальности действует механизм функционирования повседневной жизни. Разрешение тех или иных противоречий приводит к изменению состояния взаимодействующих сторон и социальной реальности; возникает качественно новое ее состояние. Таким образом, противоречия, социальные конфликты как проявление конкретных видов отношений в социуме играют роль механизма функционирования социальной реальности.

Если противоречия и социальные конфликты можно рассматривать как конкретные проявления взаимодействия социальных субъектов, выполняющих роль механизма функционирования социальной реальности,

то процессы отчуждения являются вариантом функционального отражения в качестве механизма развития социальной реальности.

Фундаментальным полем исследования в рамках социальной философии проблема отчуждения стала относительно недавно. Она впервые отчетливо прозвучала в трудах теоретиков “общественного договора” Гоббса и Руссо, которые рассматривали передачу человеком своих естественных прав в пользу искусственно созданной политической организации, какой является государство, как отчуждение, имеющее своим следствием порабощение человека. С этого момента проблема отчуждения стала привлекать к себе внимание многих видных философов Нового времени. Гегель, например, понимал отчуждение как объективацию абсолютного духа в природе и истории, не делая различия между понятиями «объективация» и «отчуждение».

Фейербах анализировал самоотчуждение человека. Согласно философу, в религии человек отчуждает свою сущность и передает ее некой абсолютной личности – Богу. При этом, считает Фейербах, происходит раздвоение человека как личности: все те качества, которые человек почитает в Боге, принадлежат ему самому. Но человек ослеплен поклонением Богу и не видит этого. Именно поэтому божественная сущность должна быть возвращена своему подлинному носителю – человеку. Преодоление отчуждения, по Фейербаху, и будет состоять в том, чтобы раскрыть и развить эти качества в самом человеке, почитать и возвышать самого человека (“Человек человеку – Бог”). Это становится возможным на пути создания новой религии, религии любви, функции которой должна выполнить антропологическая философия Фейербаха.

К. Маркс как преемник немецкой классической философии обратился к проблеме отчуждения, подняв ее на новый теоретический уровень, выделив в ней экономический аспект. Именно под его влиянием многие западноевропейские философские течения исследовали эту проблему. Среди западных философских концепций XX века, прежде всего, следует отметить экзистенциализм. Так, экзистенциалисты атеистического направления увидели отчуждение человеческой личности в тех конкретных отношениях с обществом, в которых она находится, в превращении ее в объект, в вещь среди вещей. Они стремились теоретически обосновать абсолютную независимость и свободу человеческой индивидуальности, ее творческую активность как условие подлинного бытия личности. Однако в условиях общества этого достичь невозможно. Человек раздавлен обществом, он его отпечаток, бледная копия. Тем самым экзистенциалисты утверждали мысль о неизбежности и вечности отчуждения человека в обществе. В свою очередь религиозные экзистенциалисты отчуждение личности видели в отдалении ее от Бога и распространении атеизма. Для них преодолением отчуждения является возвращение всех людей в лоно паствы Христовой и отказ от атеизма.

Близкие к религиозному экзистенциализму взгляды по данному вопросу развивают неотомисты, которые

тоже подчеркивают подавление социальным автономности и единства личности. Свой рецепт преодоления отчуждения предлагался персоналистами, а именно: духовное самоусовершенствование, воспитание и религиозная вера. Пока человек жив, он должен творить, созидать себя в расчете на вечность, он не должен терять веру в непреходящую силу своего творчества, как бы ни расхолаживало его современное положение дел в отчужденном от него мире.

В русле персонализма эту проблему рассматривал отечественный философ Н.А. Бердяев. В современном обществе, рассуждал философ, человек живет по законам механической и социальной объективации (отчуждения). Он подчинен механизированной искусственной природе, технике, созданной им самим. Мир объектов лишен духовности и свободы и, подчиняясь ему, люди испытывают страдания, рабство и зло. Еще более страшному закабалению подчиняет человека социальная действительность, лишая его свободы. Выход он видит в некоем персоналистическом социализме, где будут объединены принцип личности и принцип общности, где будет признана абсолютная ценность личности, примат личности над обществом. Однако такое идеальное общество, по Бердяеву, немислимо в этом мире. Преодоление отчуждения возможно в радикально ином мире, находящемся за пределами исторического времени и тождественном с царством Божиим. Поскольку мир есть воплощенное зло, человек своим творчеством должен приблизить конец этого мира и тем самым достигнуть состояния свободы, в котором исчезнет отчуждение.

Среди светских философских концепций XX века, занимающихся проблемой отчуждения, следует особо выделить неотрейдиизм и, в частности, воззрения Э. Фромма. Констатируя отчужденное состояние бытия личности в современном обществе, он описал скрытые психологические механизмы ухода человека от реального положения дел и тем самым способы иллюзорного преодоления отчуждения. К ним он отнес ряд механизмов, в том числе мазохизм-сацизм, конформизм автомата и стремление к разрушению, с помощью которых человек осуществляет “бегство от свободы”.

Как уже отмечалось, интенсивному исследованию проблемы отчуждения в XX веке мы обязаны в первую очередь Марксу. Анализируя капиталистическое общество, К. Маркс и Ф. Энгельс сосредоточили свое внимание на процессах отчуждения в области экономической и политической жизни. Они отметили, прежде всего, два обстоятельства: во-первых, то, что отчуждение в экономической сфере лежит в основе других видов отчуждения, т. е. в области политики и духовной жизни, и, во-вторых, то, что это явление исторично. Отчужденность для основателей марксизма вовсе не есть извечное фатальное состояние человека. Согласно их точки зрения, отчуждение, рассмотренное в аспекте его происхождения, предстает всецело историческим делом самих же людей.

В основе экономического отчуждения лежит, по Марксу, разделение деятельности. Люди разделяются в

процессе материального производства по выполнению определенных функций, ролей, операций. Из разделения деятельности и отношения собственности вырастают классовая структура и социальная иерархия. В результате на одном полюсе люди совершают некие технические операции, имея дело с вещами, а на другом – вступают в отношения друг с другом; на одном полюсе непосредственно производят, на другом – управляют. При этом происходит метаморфоза: люди, каждый на своем месте опредмечивая свои сущностные силы, создают некие Силы, независимые от них самих, возвышающиеся над ними и подавляющие их самих. Формируется общественное состояние, части которого как взаимно отчуждены, так и отчуждены по отношению к целому.

Таким образом, казалось бы, из очевидного факта созидания людьми своей истории обнаруживается парадоксальным образом совершенно противоположное: всемогущая история творит людей. Общественный субъект, а только таким и может быть человек, живущий в социальной среде, осуществляет и утверждает себя, наделяя своими силами социальные Силы. При этом не только эти созданные им Силы становятся ему чуждыми, но и он сам становится чуждым себе. Человеческая свобода удивительным образом превращается в несвободу.

Маркс предполагал, что корень зла таится в частной собственности и потому с ее исчезновением исчезнет экономическое отчуждение, так как продуктом труда будут владеть в равной мере все участники производства. С постепенным стиранием классовых различий и их отрицанием отпадет необходимость в государстве, и, следовательно, отойдет в прошлое политическое отчуждение и человек обретет духовную свободу.

История XX века показала утопичность такого рода предположений. Во-первых, как оказалось, отмена частной собственности на средства производства и создание общегосударственной собственности не приблизили человека к продукту собственного труда. Кроме того, разделение труда коснулось и области науки, которая стала непосредственной производительной силой, выросло число посредников между производителем и потребителем, появилась и быстро набрала рост новая сфера – сфера услуг. Во-вторых, все это повлекло за собой значительное усиление бюрократической прослойки, которая сделала всех участников производства замкнутыми самих на себя и лишенными возможности влиять на ход процесса, что в конечном итоге порождало апатию, равнодушие и полное отчуждение. К. Маркс, в свое время давший глубокую характеристику бюрократии, писал: «Бюрократия считает самое себя конечной целью государства. ... Она вынуждена ... выдавать формальное за содержание, а содержание – за нечто формальное ... Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. ...Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной сфере ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру – ее замкнутым корпоративным характером. Авторитет

есть ... принцип ее знания, и обоготворение авторитета есть образ мысли. ... Для бюрократа мир есть просто объект его деятельности»¹. В бюрократии оказалось воплощенной отчужденная сила безличного “Дела”. Таким образом, индустриальное общество, независимо от варианта: капиталистического или социалистического, оказалось новой формой экономического отчуждения человека.

Другая неблагоприятная перспектива, усугубляющая рост процессов отчуждения, связана с переходом к так называемому постиндустриальному или информационному обществу. Дело в том, что компьютерные технологии позволяют создать банк данных на каждого человека, вести тотальный контроль за человеком в процессе всей его жизни. Владение информацией дает также возможность манипулировать поведением массы людей. Эффективность информационного контроля многократно увеличивают СМИ, которые позволяют “промыть мозги” в нужном для контролирующего человека направлении. Человеку грубо навязываются стереотипы мышления, оценок, вкусов, его насильно вталкивают в прокрустово ложе стандартной личности, лишают индивидуальности. Происходит тотальное отчуждение личности от самой себя. Даже известные тоталитарные режимы не исключали для личности при желании возможность оставаться самой собой. В обществе тотальной информатизации и неограниченного проникновения в жизнь индивидов электронных СМИ таких выходов для личности фактически не остается. От пеленок до смерти человек будет запрограммирован в своих жизненных интересах и действиях.

Еще более угрожающие перспективы роста отчуждения человека в экономической, политической и духовной сферах возникают в связи с процессами глобализации. Формируются некие надгосударственные структуры, которые принимают политические решения вразрез интересам отдельных государств, подрывают их экономики в целях достижения мирового господства, устанавливают мировую финансовую диктатуру. Эти рассуждения не являются голословными. Достаточно сослаться на экономические санкции в отношении России, принятые под нажимом США странами ЕС и обернувшиеся для них экономическими потерями.

Таким образом, процессы отчуждения можно с полным основанием рассматривать в качестве механизма функционирования социальной реальности. Отчуждение касается состояния жизнедеятельности каждого человека. Внутреннее отрицательное самочувствие, неудовлетворенность жизнью являются мотивацией поведения личности. Если такая мотивация порождает действия не одного человека, а социальной группы, общности, класса или нации, целого народа, то возникают такие процессы в социальной реальности, происходят такие изменения в ее субъективной и в объективной стороне, которые приводят к социальным

кризисам мирового порядка. Идеи, которые овладевают общественным сознанием, через определенное время объективируются объективной стороной социальной реальности – в материальной жизни общества, в социальных институтах и коренным образом преобразуют ее. И не факт, что эти идеи несут в себе позитивное содержание для социальных преобразований. Никакого гарантированного благополучного будущего для человеческой цивилизации не существует.

Можно прогнозировать, что в ближайшей перспективе усилятся процессы отчуждения человека как в экономической, так и политической и духовной сферах жизни общества. И если обратиться к мнению многих мыслителей прошлого о том, что направленность общественного развития носит прогрессивный характер, идет в сторону всестороннего развития личности и ее свободы, предполагающих преодоление отчуждения, то эта точка зрения окажется весьма сомнительной. Реальные процессы настоящего и ближайшего будущего имеют противоположную направленность и не подтверждают ранее высказанную уверенность. Человек все в большей степени теряет интерес к процессу труда как самовыражению, ему все меньше остается поля для творчества и в связи с этим для всестороннего развития. Реальное творчество подменяется игроманией. Возможно, именно в этом кроются причины роста агрессивности, легализующие себя, в том числе и в виде терроризма. Следовательно, общество регрессирует, и это подтверждается кризисным состоянием современной цивилизации. Признаков этой болезни много: оскудение духовности, агрессивность, экологическое неблагополучие, потеря высоких смысловых ориентиров и т. д.

Подводя итоги наших размышлений, можно утверждать, что выявление механизмов функционирования социальной реальности, в частности, построенных на взаимодействии, взаимосвязях, нефункциональном и функциональном отражении в объективных и субъективных элементах социальной реальности, социальных противоречиях и конфликтах, процессов отчуждения, позволяют проводить полноценный анализ социальной реальности, ее современного состояния. Все это свидетельствует о том, что в настоящий момент в силу исключительной сложности и динамики социальных процессов как внутри отдельных стран, так и мирового сообщества в целом, возрастает роль социогуманитарных наук, их научная значимость. Особую актуальность приобретают социально-философский анализ социальной реальности, а также удовлетворение запроса в постоянном социологическом и социально-политическом мониторинге ее конкретного состояния. Такие исследования, если они проводятся не конъюнктурно, имеют серьезный практический смысл, так как позволяют вдумчивым политикам строить на перспективу стратегию развития социальной реальности, обеспечивающую устойчивое развитие общества.

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2. Т.1. С. 271–273.

УДК 130.3

UDC 130.3

И.А. СОРОКА

кандидат философских наук, доцент, кафедра общей и прикладной политологии, Орловский государственный университет
E-mail: shia_osu@mail.ru

I.A. SOROKA

Candidate of philosophical sciences, associate Professor, Department of General and applied political science, Orel State University
E-mail: shia_osu@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ Н.А. БЕРДЯЕВА

TO THE QUESTION ABOUT THE INFLUENCE OF GERMAN PHILOSOPHY ON THE FORMATION OF N.A. BERDYAEV'S RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL AND POLITICAL VIEWS

В статье речь идёт о влиянии немецкой философии на формирование религиозно-философских и политических взглядов Н.А. Бердяева. Автор отмечает, что под влиянием немецких философов Н.А. Бердяев формирует духовно-нравственные принципы государства и развивает общее учение о Духе.

Ключевые слова: государство, нравственность, церковь, категорический императив, свобода, ответственность.

In the article we are talking about the influence of German philosophy on the formation of the religious-philosophical and political views of N.A. Berdyaev. The author notes that under the influence of German philosophers N.A. Berdyaev forms the spiritual and moral principles of the state and develops a General doctrine of the Spirit.

Keywords: state, morality, the Church, the categorical imperative, freedom, responsibility.

И.И. Евлампиев отмечает, что все по-настоящему оригинальные и новые идеи, которые могли бы сложиться в целостную систему, в работах Н.А. Бердяева тонут в бесконечных повторах, в хаосе ненужных и второстепенных деталей, часто доводящихся до банальности, но так и не получающих действительного развития [7, 131]. В работе «Диалектика божественного и человеческого» Н.А. Бердяев признавал противоречивость своей философии и подчёркивал, что она вызывается самим её существом и не может быть устранена [2, 7].

Для рассмотрения религиозных и политических воззрений мыслителя важно выявить идейные приоритеты философа, и философские истоки его общетеоретических позиций. И П.П. Гайденок, и И.И. Евлампиев считают, что Н.А. Бердяев как философ формировался под влиянием, с одной стороны, русской религиозной мысли (прежде всего Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьёва), а с другой – немецкого идеализма и немецкой мистики. При этом он свои труды создавал на основе интерпретации различных концепций русской и западной философии.

И.И. Евлампиев подчёркивает, что Н.А. Бердяев был подвержен большому количеству разнообразных влияний. Чуть ли не все крупные мыслители древности и современности присутствуют на страницах его произведений в качестве авторитетных источников его идей.

Большинство исследователей выделяют три периода в творчестве Н.А. Бердяева, однако продолжительность данных периодов исследователи определяют различно.

Так, В.С. Нерсисянц первый этап эволюции взгля-

дов Н.А. Бердяева характеризует как попытку сочетать марксизм с неокантианством и отчасти с христианством. Хронологически этот период начинается в 90-е годы XIX века, а заканчивается в 1903–1905 г. Взгляды философа этого периода отражены в работе «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии».

Второй этап творчества связан со сближением Н.А. Бердяева с Д.С. Мережковским и его кругом. Это период характеризуется увлечённостью мыслителя идеями «нового религиозного сознания», в котором он большое внимание уделяет государственно-правовой проблематике. Среди работ этого периода выделяются: «Новое религиозное сознание и общественность», «Духовный кризис интеллигенции».

Третий период связан с вынужденной эмиграцией Н.А. Бердяева. В это время им были написаны такие значимые работы, как «Царство Духа и царство Кесаря», «Философия неравенства».

Периодизация В.А. Кувакина существенно отличается. Первый период, по его мнению, протекал до 1900–1901 гг. и он характеризуется значительной эклипкой воззрений философа, ибо он одновременно находился под влиянием идей И. Канта, К. Маркса, Л.Н. Толстого, Ф. Ницше и др. Поэтому первоначальная философская позиция Н.А. Бердяева сочетает в себе неокантианство, «осложнённое и запутанное самыми разнородными включениями: от абстрактно понятных и ложно истолкованных марксистских идей до идей имманентной философии...» [9, 141]. Неслучайно, В.А. Кувакин отмечает, что Н.А. Бердяев стремится сочетать материалистическое понимание истории с этическим учением

И. Канта. В результате такого смешения из марксизма изгонялись все революционные идеи и, в свою очередь, изменялась до неузнаваемости кантовская философия. Характерной чертой бердяевской мысли в данный период была её незрелость и неустойчивость. Его работы представляют собой сумму идей, набор проблем и не отличаются цельностью, системностью.

Второй период – период 900-х годов, по мнению В.А. Кувакина, самый «смутный» и неопределённый в мировоззренческой биографии. Он условно делит его на два этапа. Этап 1901–1907 гг. отмечает как поворот к религиозной философии. Н.А. Бердяевым написаны работы «Новое религиозное сознание и общественность», «Вехи». В этот период философ затрагивает проблемы мистики, свободы, государства, общества и т.д. Здесь он подвёл итоги революции 1905 г. Второй этап 1907–1917 гг. – время богоискательства, критического отношения к революции.

Третий период – высылка за границу и творчество Н.А. Бердяева за рубежом. Это время эсхатологических и апокалиптических идей Н.А. Бердяева. Творчество этого периода проникнуто мыслями о кризисе современной личности и эпохи.

Андреев А.Л. выделяет следующие этапы творчества Н.А. Бердяева:

Первый период – юношеский – это увлечение марксизмом; второй период – соединение марксизма с кантианством; третий период – идеализм; четвёртый – религиозно-нравственные искания в русской философии.

На наш взгляд, все приведённые классификации этапов творчества философа достаточно верны. Но тем не менее, более детальной и объективной, на наш взгляд, является классификация, предложенная В.А. Кувакиным.

Первый этап творчества Н.А. Бердяева связан с его увлечением немецкой философией. В.А. Кувакин, А.Л. Андреев отмечают особое увлечение мыслителя кантианством.

По мнению Н.И. Осмоновой, для И. Канта и Н.А. Бердяева центральной темой философской мысли всегда был человек, его природа, сущность, свобода и цель существования [4,85]. Н.А. Бердяев, считает она, воспринял у И. Канта идею автономии воли, согласно которой никакие авторитеты не могут служить законом для моей воли, воля свободна только тогда, когда сама ставит над собой закон, которому затем и подчиняется [11]. Оба мыслителя обращались к проблемам религии, познания сущности Бога, устройства государства и власти.

Сам Н.А. Бердяев считал, что кантианство – явление неизмеримо более глубокое, факт самой жизни, самого бытия.

И. Кант – крайний исключительный рационалист, он отвергает всё чудесное, рационализирует веру, вводит религию в пределы разума и не допускает веры нерациональной.

И И. Кант и Н.А. Бердяев в своих философских учениях подчёркивали значимость духовных принципов.

Своё доказательство бытия Божия Н.А. Бердяев имеет антропологическим. Вслед за немецким мистиком он не видит Бога вне человека. Бог – не абсолютный монарх, не первопричина мира; Бог существует «ин-когнито». Только наличие духа в человеке говорит о том, что Бог есть, ибо он смысл и истина жизни. Оба мыслителя считают, что человеку необходимо верить в Бога. По мнению И. Канта, без веры в Бога не может быть никакой уверенности в том, что в мире существует нравственный закон. Н.А. Бердяев как представитель религиозной философии также считает, что понять человека можно лишь в его отношении к Богу.

Другая проблема, которая особо интересовала обоих мыслителей, – проблема государства. Так И. Кант в центре понимания государства ставит моральный закон или категорический императив «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [8, 347]. Н.А. Бердяев развивает эту идею глубже. Он связывает государство с религиозными истоками и считает, что «государство имеет не только природный, но и божественный источник. Он есть действие божественного начала в замутнённой природной среде...» [3, 539]. По мнению И. Канта, государство должно подчиниться правовому закону. Н.А. Бердяев развивает эту идею и считает, что государство должно ограничиваться «Церковью» и «правами человеческой души».

Кант и Бердяев являются яркими выразителями своего времени и своей истории, живым воплощением немецкой классической философской традиции и русской религиозно-философской мысли. И. Кант свой долг как философа видел в установлении прав человечества, иначе он не мог мыслить. Характер же философствования Н.А. Бердяева выразился в его противоречивости и эмоциональности, отразившемся в отстаивании духовной свободы человека, в отвержении государства. В этом было своеобразие его философствования, и в то же время выражение его экзистенциального опыта. Таким образом, в их философствовании произошло сплетение, пересечение философской и культурной традиций через их собственное интеллектуальное осмысление, внутренний духовный опыт. Так же как И. Кант, русский философ ставит в центр и человека, и государства нравственные и духовные принципы, веру в Бога, государство приобретает нравственно-религиозный характер.

Одной из центральных фигур, чьё влияние на формирование воззрений русских философов нельзя не отметить, является Г. Гегель. Сам Н.А. Бердяев признавал огромное значение влияния Г. Гегеля на русскую философскую мысль. «Миновать Гегеля нельзя, и, быть может, главный дефект современной философии в том, что она недостаточно считается с Гегелем, этой вершиной, пределом, концом» [1, 243].

Необходимо отметить, что Г. Гегель в большей степени повлиял на формирование религиозных воззрений Н.А. Бердяева. Это влияние можно проследить при анализе творчества обоих мыслителей. Пересечения касаются, прежде всего, размышлений о Духе и свободе, о человеке и Божестве. Хочется подчеркнуть, что ни одна

из проблем в философии Г. Гегеля не оказала такого глубокого влияния на Н.А. Бердяева, как философия Духа немецкого мыслителя. Данное понятие стало основным в творчестве философов.

Бердяев Н.А. отмечает, что наиболее замечательно в гегелевском учении о духе, что «дух» для Г. Гегеля есть Логос. Но главным признаком духа является свобода, что имеет христианские истоки.

По мнению Н.А. Бердяева, немецкий философ сделал первую попытку построить целостную философию духа. Эта философия духа синтезирует греческий интеллектуалистический универсализм с пониманием духа как свободы, что внесено в историю христианством. Недостатком гегелевской философии духа, по мнению Н.А. Бердяева, было непонимание внутреннего существа личности, личной духовности, личного отношения человека и Бога.

Достижение духовности есть освобождение от власти мировой и социальной среды. Нет необходимости эволюции в духовной истории мира, как думал Г. Гегель. Важно понять, что духовность не противопоставляется душе и телу, она овладевает ими и преобразует их.

Бердяев Н.А. считает, что Г. Гегель был плохим христианином, но он был прав, когда подчёркивал, что дух есть возвращение к себе, что Святой Дух есть субъективный дух. Н.А. Бердяев считает, что немецкого философа можно рассматривать как консерватора и революционера, ибо он был сторонником прусской монархии, в которой видел воплощение абсолютного духа и в то же время через диалектику внёс революционную динамику в мышление.

Таким образом, в философии Г. Гегеля Н.А. Бердяев воспринял общее учение о Духе, которое послужило основой для таких идей русского мыслителя, как: связь личности и Бога, понимание свободы.

Шестов Л.И. в работе «Н.А. Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия» писал, что Н.А. Бердяев ведёт свою философскую родословную от знаменитого немецкого мистика Я. Бёме [13]. В данном исследовании необходимо указать, что влияние немецкого мистика на русского религиозного философа затрагивало, главным образом, проблемы свободы, добра и зла, и вытекающую отсюда проблему теодицеи. Сам Н.А. Бердяев писал, что «основными проблемами для меня были проблемы человека, свободы, творчества... Есть две ориентации религиозно-философской мысли – ориентация на первичность Софии и ориентация на первичность свободы. Я принадлежу ко второму направлению...» [4, 315].

Безусловно, с Л.И. Шестовым можно согласиться, но с оговоркой: влияние это носило в большей степени теологический характер, так как и Я. Бёме и Н.А. Бердяева интересовала проблема сущности Бога и связанной с ней тема свободы. Данная проблема заслуживает отдельного рассмотрения и не является аспектом нашего исследования.

Другой немецкий философ, оказавший влияние на формирование воззрений Н.А. Бердяева, – Ф. Ницше.

Вопрос о том, насколько радикально повлиял

Ф. Ницше на формирование философии в России в XX веке, является спорным. Например, Б. Гройс утверждает, что Ф. Ницше воспринимался как «самый русский» и одновременно подлинно христианский среди западных мыслителей [6, 57]. С.Н. Мареев считает, что Ф. Ницше оказал самое существенное влияние на Н.А. Бердяева [10].

Пустарников В.Ф. это категорично отрицает [12]. Оригинальные и смелые высказывания Ф. Ницше не остались незамеченными ни одним русским мыслителем и так или иначе повлияли на интеллектуальное развитие российской интеллигенции.

Выдающийся русский мыслитель неоднократно обращался к философскому наследию немецкого философа и с неизменной теплотой и сочувствием отзывался как о нем самом, так и о его трудах. Даже критикуя отдельные его мысли, не соглашаясь с ним, Н.А. Бердяев демонстрирует исключительно уважительное, доброжелательное отношение к немецкому коллеге.

Три основные проблемы выделяет русский философ в творчестве Ф. Ницше: проблему отношения человеческого и божественного, проблему человеческого творчества и проблему страдания.

Бердяев Н.А. верно замечает, что Ф. Ницше ошибочно считать атеистом. Это было бы упрощением. «Ницше хочется, чтобы Бог вернулся», – пишет русский философ [2, 371]. Ф. Ницше с горечью замечает, что Бог умер, и убило его само христианство. Немецкий философ с глубоким сочувствием и симпатией относился к Иисусу Христу, пеняя ему лишь за то, что он встал на сторону слабых духом, душевно убогих людей, своей всеобъемлющей и всепрощающей любовью затормозив их развитие, не давая им возможности критически отнестись к самим себе.

Бердяев Н.А. считает, что для Ф. Ницше сверхчеловеческое – это и есть божественное. Однако в ницшеанском сверхчеловеке исчезает и божественное, и человеческое. Нет больше двух природ, нет встречи Бога и человека. Русский философ усматривает в этом измену человеку. Человек для Ф. Ницше – стыд и позор, который должен быть преодолен переходом к новой, сверхчеловеческой расе. Таким образом, в глазах Н.А. Бердяева у Ф. Ницше божественное сводится к природному, духовный рост – к биологической эволюции. В этом Н.А. Бердяев усматривает противоречивость ницшеанского понимания человека

У Ницше, считает Н.А. Бердяев, нет двух природ, нет тайны богочеловечности, есть всего одна природа.

Бердяев Н.А. считает, что ошибка Ф. Ницше была в том, что он хотел, чтобы человек сотворил сверхчеловека, чтобы божественное, которое не было сущим, было сотворено человеком, чтобы низшее породило высшее.

Бердяев Н.А. пишет, что Ф. Ницше считался самым страшным врагом христианства, писал о христианстве очень дурно и несправедливо, написал «Антихриста», самое слабое из своих произведений. Но Ф. Ницше был вместе с тем человеком, раненным Христом и христианской темой.

По мнению русского философа, Ф. Ницше – искупи-

тельная жертва за грехи новых времён, жертва гуманистического сознания. Н.А. Бердяев восхищается книгой «Заратустра». Он пишет, что для Ф. Ницше последняя ценность не человеческая, а сверхчеловеческая, то есть им преодолена проблема гуманизма. Человек для него стыд и боль, человек должен быть преодолен, человек должен прийти к тому, что выше, чем человек, что уже сверхчеловек. «В Ницше гуманизм побеждается не сверху – благодатно, а снизу, собственными силами человека» [2, 323].

Ницше Ф. признал христианскую мораль рабьей, плебейской, моралью слабости и возненавидел её. Н.А. Бердяев считает, что Ф. Ницше – великий моралист, но всё, что он говорил о христианстве, «нужно перевернуть, взять наоборот» [2, 467]. По мнению Н.А. Бердяева, мотивы ницшевской критики христианской морали глубоки и ценны, но сама критика совсем не верна. «Ницше говорит как религиозный слепец. Религия Христа совсем не то, за что Ницше её принимал. Христианская мораль не рабски плебейская, а аристократически – благородная, мораль сынов Божьих» [2, 467]. По мнению Н.А. Бердяева, христианство – религия сильных духом, а не слабых. «В христианской святости был подбор сильных духом, было накопление духовной мощи» [2, 467].

Бердяев Н.А. считает, что подлинная христианская мораль возлагает на человека, усыновленного Богом, свободную ответственность за свою судьбу и судьбу мира и исключает возможность чувствовать обиду на судьбу, жизнь и людей. Христос не вне нас, а в нас, он – Абсолютный Человек в нас. И религия Христа есть религия высшей силы человека, она противоположна всякой слабости и подавленности человека.

По мнению Н.А. Бердяева: «Бог... давно умер и заменён моралью. Мораль эта должна быть свергнута новым религиозным Возрождением, по существу своему сверхморальным» [13, 319]. П. Гайденок считает, что сверх-морализм Бердяева не так уж далёк от имморализма Ницше.

Бердяев Н.А. считает, что Ф. Ницше не знал и не понимал настоящего христианства. Перед ним было выродившееся христианское общество, в котором угас героический дух. И он восстал против этого мещанского христианства. Из-за слабости и ничтожества христиан Ф. Ницше не увидел силы и величия христианства.

Если Ф. Ницше провозгласил, что «Бог умер», то, по Бердяеву, он должен возродиться в человеке так же, как человек должен возродиться в Боге.

В трактовке Н.А. Бердяевым творческой мощи человека явно сказывается ницшеанское влияние. Но философ не хочет следовать за Ф. Ницше, потому что так можно дойти до открытого богоборчества и антихристианства. Он хочет примирить ницшеанство с христианством за счет модернизации последнего.

То, что самой большой заслугой Ф. Ницше Н.А. Бердяев считал постановку проблемы творчества – не удивительно. В свободном человеческом творчестве русский философ усматривал уподобление человека Богу. Жизнь, по Ф. Ницше, есть творческий процесс,

справедливо отмечает Н.А. Бердяев. Однако есть различие между творчеством человеческим и божественным: человек не может творить живых существ, кроме как рождая себе подобных. АФ. Ницше, как считает Н.А. Бердяев, хотел, чтобы человек сотворил сверхчеловека, чтобы божественное, высшее было сотворено низшим. Ничтожное существо должно сотворить Бога – в этом русский философ опять усматривает противоречие. Да и не Бога должен сотворить человек, а развить себя до состояния творца новых ценностей, новой, более здоровой, более одухотворенной, наполненной радостным творчеством жизни. Признаками духовного здоровья философ считал зрелую свободу духа, т.е. самообладание, честность, ответственность, смелость, радость, уверенность, стремление развить в себе неповторимую и гармоничную личность, самостоятельную в поисках счастья. Следует искоренить в себе желание разрушать, мстить, жестокость, злобу, досаду, болезненную чувствительность к обидам, зависть, лицемерие, страх перед новизной и желание спрятаться за чужое мнение. Это как раз и есть путь достижения состояния сверхчеловека – нового, высшего состояния человека-творца. Это путь вечного становления личности.

Бердяев Н.А. пишет, что трагическое восприятие жизни Ф. Ницше было связано с тем, что он считал героическим перенесение страданий без утешения (а христианство придает страданиям смысл и утешает), без надежд на иную жизнь. Страдание, если только оно есть творческое страдание, лишает человека самоуверенности, учит творческому беспокойству, предполагает веру, надежду и радость от осознания своей исторической роли – стать мостом к состоянию сверхчеловека. Поэтому страдание все же должно иметь смысл, свое оправдание. Н.А. Бердяев считает, что через немецкого философа зачинается новое антропологическое откровение в мире, которое в своём последнем осознании, в своём Логосе должно стать христологией человека. Именно отношение Ф. Ницше к христианству стало толчком пристального внимания и осознания Н.А. Бердяевым данной религии.

Таким образом, немецкая философия безусловно оказала серьёзное влияние на формирование воззрений Н.А. Бердяева. Мыслители обращались к проблемам религии, познания сущности Бога, устройства государства и власти.

Из работ русского философа видно, что он, так же как И. Кант, духовность человека связывает с Богом, оба мыслителя считают, что понять человека можно лишь в его отношении к Богу, без веры в Бога в мире не может существовать никакой нравственный закон. Философы обращались к проблеме государства. Н.А. Бердяев развивает идею немецкого философа о том, что в центре государства должен быть моральный закон, а государство имеет божественный исток. Вслед за немецким философом Н.А. Бердяев подчёркивает, что государство должно ограничиваться «Церковью» и «правами человеческой души».

Гегель больше повлиял на формирование религиозных воззрений философа. Одним из основных понятий

у Н.А. Бердяева, так же как у немецкого философа, является понятие Дух. По мнению русского религиозного мыслителя, Г. Гегель сделал первую попытку построить целостную философию Духа, недостатком которой, по

мнению русского философа, было непонимание внутреннего существа личности, личной духовности, личного отношения человека и Бога.

Библиографический список

1. Бердяев Н. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ Москва: ХРАНИТЕЛЬ; 2007.
2. Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого. Сост и вступ. ст. В.Н. Калюжного. М.: ООО Изд-во АСТ; Харьков 2003.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004.
4. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. М.: Искусство, ИЧП Лига, 1994. Т. 2.
5. Гайденко П.П. Владимир Соловьёв и философия серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
6. Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии, 1992 г. № 9.
7. Евлампиев И.И. История русской метафизики XIX–XX вв. Русская философия в поисках абсолюта. Ч.1. СПб., 2000.
8. Кант Иммануил Сочинения в 6 – т. Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана, М., «Мысль», 1965 г. Т. 4. Ч. 1.
9. Кувакин В.А. Религиозная философия в России: начало XX века. М.: Мысль, 1980.
10. Мареев С.Н., Мареева Е.В. История философии (общий курс) Русская философия «серебряного века» и персонализм Н.А. Бердяева. Режим доступа: http://society.polbu.ru/mareev_histphilosophy/ch145_i.html
11. Осмонова Н.И. Назначение человека в философии И. Канта и Н.А. Бердяева // Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27–28 мая 2004 г.) Бишкек 2004.
12. Пустарнаков В.Ф. Был ли когда-нибудь Фридрих Ницше «самым русским» из западных философов? Ф. Ницше и философия в России. Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/look/markov.php#n6>
13. Шестов Л. Н.А. Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия. Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/5985>

References

1. Berdyaev N. Konstantin Leontiev. Sketch of the history of Russian religious thought. Alexei Stepanovich Khomyakov. M: AST Moscow: GUARDIAN; 2007.
2. Berdyaev N.A. Dialectic of the divine and human. Status and takes. Art. NR. Kalyuzhny. M.: ООО Publishing house AST; Kharkiv 2003.
3. Berdyaev N.A. Philosophy of freedom. EDS., the joining. Art. and comment. CENTURIES Skoda. M.: ООО “AST”; Kharkiv: Folio, 2004.
4. Berdyaev N.A. Philosophy of creativity, culture, art. M: the Art of ECP League, 1994. So 2.
5. Gaidenko P.P. Vladimir Soloviev and the philosophy of the silver age. M.: Progress-Tradition, 2001.
6. Groys B. Search for Russian national identity // Questions of philosophy, 1992, No. 9.
7. Evlampiev I.I. History of the Russian metaphysics of the XIX–XX century Russian philosophy in search of the absolute. Part 1. SPb., 2000.
8. Kant Immanuel Works in 6 - I. / Under the General editorship SCI Asmus, A.V. Gulyga, TI of Aizerman, M., “Thought”, 1965, So 4. H. 1.
9. Kuvakin V.A. Religious philosophy in Russia: the beginning of the XX century. M: Idea, 1980.
10. Mareev S.N., Mareeva E.V. History of philosophy (General course) Russian philosophy of the “silver age” and N.A. Berdyaev's personalism. Mode of access: http://society.polbu.ru/mareev_histphilosophy/ch145_i.html
11. Osmonova N.I. Purpose of man in the philosophy of I. Kant and N.A. Berdyaev // Universal and the national in philosophy: II international scientific-practical conference CRT (27–28 may 2004) Bishkek 2004.
12. Pustarnakov V.F. Was ever Friedrich Nietzsche “the most Russian” from Western philosophers? F. Nietzsche and philosophy in Russia. Mode of access: <http://www.nietzsche.ru/look/markov.php#n6>
13. Shestov L. N.A. Berdyaev. Gnosis and existencial philosophy. Mode of access: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/5985>

М.В. УДОВИЧЕНКО

аспирант, кафедра религиоведения и теологии, Орловский государственный университет
E-mail: udav.max@yandex.ru

M.V. UDOVICHENKO

Graduate student, Department of religious studies and theology, Orel State University
E-mail: udav.max@yandex.ru

**ПРОЦЕССЫ РЕЛИГИОЗНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИНДИВИДА
В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОСЛАВНОМ ПРИХОДЕ: К ПРОБЛЕМЕ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ**

**THE PROCESSES OF RELIGIOUS SOCIALIZATION AND SOCIAL IDENTITY OF THE INDIVIDUAL
IN THE MODERN ORTHODOX PARISH: THE PROBLEM OF CATEGORICAL CERTAINTY**

Статья посвящена вопросам социализации и самоидентификации личности в современном православном приходе. Особое внимание уделено раскрытию понятий «религиозная социализация», «религиозная самоидентификация», «приходская община».

Ключевые слова: религиозная социализация, религиозная самоидентификация, приходская община, воцерковление.

The article is devoted to the issues of socialization and self-identification of a personality in the modern Orthodox parish. Special attention is paid to the disclosure of the terms «religious socialization», «religious self-identification», «parish community».

Keywords: religious socialization, religious identity, parish community, the Church.

Большое внимание социологов религии привлекает сегодня приходская жизнь Русской Православной Церкви. Современная церковная жизнь – предмет малоисследованный, нуждающийся в применении новых методов научного анализа. Одними из таких методов могут стать социологические, которые при изучении прихода позволяют максимально приблизиться к пониманию религиозной повседневности. Анализ приходской жизни может способствовать ответу на вопрос: какое *реальное* место религия занимает в обществе. При рассмотрении этого предмета нас будут интересовать два взаимосвязанных процесса – *процесс религиозной социализации* как усвоение индивидом религиозной традиции Православной церкви и *процесс религиозной самоидентификации*, т.е. осознание человеком себя как принадлежащего к определённой религии, конфессии, приходу.

На сегодняшний день, как показывают социологические опросы, существует явный *разрыв* между содержанием веры у членов приходской общины и действительными религиозными ценностями и нормами поведения Православной Церкви. Довольно часто человек, отождествляя себя с определённой религиозной традицией, может не разделять её вероучения, не участвовать в обрядах и не входит в религиозную общину. Часто приходится слышать такие утверждения, как: «Я верю в Бога, но я не понимаю для чего нужно ходить в церковь/храм». Здесь речь может идти об особом типе религиозности, не вписывающемся в приходскую культуру – индивидуальной религиозности, либо связанной с поиском культурной идентичности – культурной религиозности [20, 8]. Социологические исследования [10, с. 125-132] и практика свидетельствуют о том, что доволь-

но часто религиозные идеи вполне уживаются с верой в магию, колдовство, астрологические прогнозы и т.д.

К сожалению, приходится признать отсутствие обобщающих теоретико-методологической работ, посвящённых анализу особенностей религиозной социализации и самоидентификации личности в современном православном приходе. Ни в российской, ни в зарубежной литературе не сложился и единый категориальный аппарат для обозначения интересующих нас процессов. В связи с этим мы хотели бы здесь уделить внимание содержанию таких понятий, как «религиозная социализация», «религиозная самоидентификация», «приходская община».

Приходская община современного большого города определяется нами как «базовый институт, основная форма бытия Церкви» [17, с. 7], как один из элементов социума. Этот термин обозначает группу индивидов, объединённых общностью религиозных взглядов, единством места отправления культа и участием в социальном служении Церкви (благотворительность, образовательная деятельность, организация праздников и выставок, паломничества и др.). Введение данного понятия в рамки исследования позволяет проследить, какое *реальное* место православная церковность занимает на микроуровне, в рамках конкретного *местного сообщества*. Использование термина «приходская община» способствует концентрации исследовательского внимания не столько на институте Церкви как крупном общественно-историческом образовании, сколько на конкретной группе населения как на некоем срезе церковной повседневности, группе верующих, имеющей свой храм со священнослужителями, совершающими для прихожан священнодействия.

Следует отметить, что в некоторых исследованиях понятия «община» и «приход» разделяются. Под «приходом» понимают элемент низшей церковной структуры с правами юридического лица и с правом самоуправления, под «общиной» – некую низшую структурную, статистическую единицу церковной организации общества. Связано это с тем, что сегодня существуют три подхода в определении прихода. Согласно первому, применяется территориальный или институционально-административный принцип, фиксирующий в первую очередь пространственные формальные рамки внутрицерковной организации (единицу в структуре епархии). В данном контексте понятие «приход» употребляется в официальных документах РПЦ преимущественно тогда, когда речь идёт о юридическом лице. Согласно второму подходу, применяется социальный или общинный принцип, определяющий «приход» как особую форму социальности. Указываются следующие критерии общины: общие верования и ценности, разделяемые членами общины, наличие развитой системы социальной поддержки и взаимопомощи в приходе, взаимодействие прихожан между собой [9,2]. В данном значении понятие «приход» употребляется тогда, когда подчёркивается не его *юридическая составляющая* (зарегистрированная «религиозная организация» в министерстве юстиции), а *человеческая*. Два вышеприведённых подхода отчасти отражены в определении прихода в ныне действующем Уставе РПЦ [19]. С третьей позиции приход рассматривается в мистическом аспекте как евхаристическая община, что предполагает совместное участие индивидов в молитвах и таинствах [7]. В данном случае акцент делается на *духовной составляющей* приходской жизни. В этом значении термин «приход» (церковная община) рассматривается в богословском дискурсе в трудах знаменитых богословов русской эмиграции прот. Николая Афанасьева, прот. Георгия Флоровского, прот. Александра Шмемана и др. Исходя из нашего определения приходской общины, нас будет интересовать приход во всех трёх его значениях.

Второй термин, требующий, с нашей точки зрения, категориальной определённости, – это термин «религиозная социализация». Процессам религиозной социализации как внутри самой традиции [12,6,11,15], так и вне её посвящено довольно много работ. С первых веков существования христианства процесс вхождения человека в Церковь подразделялся на «оглашение» – первоначальное ознакомление с христианским верованием и «крещение» – непосредственное вхождение в христианскую общину верующих. В современной практике ознакомление человека с христианским верованием происходит в подавляющем большинстве случаев, уже после крещения и обозначается как «воцерковление». Некоторые работы, исследующие этот процесс, выявляют важные проблемы и содержат много интересных наблюдений. В них выделяются три основных аспекта религиозной социализации: познавательно-воспитательный, культовый, социальный (внекультовый). В первом случае религиозная социализация идентифицируется как целенаправленный и плано-

мерный процесс. Это двусторонний процесс усвоения православного вероучения, который выражается в религиозном самообразовании личности и её образовании в рамках церковных институтов [13,с.227]. Культовый аспект религиозной социализации выражается в участии индивидов в общественных и частных богослужениях, в церковных таинствах [18]. Социальный аспект реализуется в участии личности во внекультовой деятельности конкретной православной общины [1].

Впервые термин «религиозная социализация» был употреблён В.Г. Безрозовым в связи с изучением специфики межконфессиональных и этнорелигиозных конфликтов. Под религиозной социализацией исследователь понимал «становление верующего, происходящее в определённом конфессиональном и социокультурном контексте» [4,с.115]. В.Г. Безрозов дифференцирует понимание религиозной социализации в зависимости от конфессиональной специфики. По его мнению, для западного христианства первостепенным в религиозной, конфессиональной жизни выступает содержание вероучения. Поэтому под религиозной социализацией понимается «превращение человека в верующего субъекта». Для восточных же христиан приоритетом считают ритуальную, церковную жизнь, участие в службах и таинствах. Поэтому «с православной точки зрения религиозная социализация – это воцерковление, становление членом прихода, общины, вписанной в этноконфессиональные рамки» [4,с.115].

В последующих работах исследователей прослеживаются два подхода к понятию «религиозная социализация». Согласно первому подходу под религиозной социализацией понимается приобщение индивида к религии вообще. Согласно второму – усвоение индивидом религиозной традиции конкретного религиозного вероисповедания. В последнем случае феномен религиозной социализации личности в контексте православной традиции становится предметом социологического изучения как процесс воцерковления. Понятие «воцерковление» рассматривается многими авторами как синоним «религиозной социализации». На наш взгляд, термин «воцерковление» является менее удобным для обозначения исследуемого нами процесса, так как он имеет несколько смысловых полей. Так под воцерковлением может пониматься: 1) обряд, совершаемый в храме над матерью и ребёнком после шестидесяти дней после родов; 2) процесс живого приобщения к духовной и культурной традиции [5]; 3) процесс мистического вхождения в церковную жизнь [14]; 4) двусторонний процесс религиозного просвещения и образования [16]. Нас же в первую очередь интересует процесс усвоения индивидом религиозной традиции Православной церкви на уровне конкретного прихода. Поэтому мы считаем наиболее уместным употребление термина «религиозная социализация».

Следует заметить, что процесс религиозной социализации сегодня рассматривается как основа для изучения уровня религиозности и конфессиональной вовлечённости (воцерковлённости) населения. При этом актуальной проблемой сегодня является разра-

ботка методики, позволяющей эффективно измерить содержание религиозной веры людей, идентифицирующих себя в качестве православных прихожан. Для этого при разработке метода следует однозначно определять и уточнять критерии идентичности исследуемой реальности.

Термин «религиозная самоидентификация» впервые был введен в научный оборот Н.В. Баскаковой в связи с исследованием эволюции форм религиозного мышления классической русской интеллигенции конца XVIII–начала XX века. Под религиозной самоидентификацией автор понимает «акт человеческого самосознания, в котором определяется высшая жизненная идея, под знаком которой строится вся жизнь, как индивида, так и социальной группы, во имя которой совершаются подвиги и могут быть принесены жертвы» [3, с.38].

На сегодняшний день имеется достаточное количество работ, посвященных специфике определения отношения человека к религии вообще (религиозная самоидентификация) и к конкретному религиозному вероисповеданию (конфессиональная самоидентификация). Для нас представляет интерес религиозная самоидентификация как *многоуровневый процесс*. На первом уровне следует выявить отношение человека к вере в целом, т.е. является ли он верующим, неверующим или агностиком. На втором – выявить религиозную принадлежность человека (христианин, мусульманин, буддист и т.д.). На следующем уровне предметом внимания является конфессиональная принадлежность индивида (православный, католик, протестант и т.д.). На четвертом уровне исследовательский интерес обращен к установ-

лению принадлежности человека к приходской общине.

Изучение процесса религиозной самоидентификации позволит нам выявить, насколько церковная социализация способствует осознанию человеком своей принадлежности к религии и определить роль прихода в религиозной жизни человека. Нам представляется, что в целом можно рассматривать религиозную самоидентификацию как результат процесса религиозной социализации.

В контексте нашего исследования уместным видится использование термина «религиозная самоидентификация», так как термин «конфессиональная самоидентификация», на наш взгляд, целесообразно употреблять в том случае, когда проводится сравнительный анализ процессов самосознания представителей, как минимум, двух конфессий.

Таким образом, исследование жизни православного прихода целесообразно проводить с использованием методов социологического анализа, позволяющих представить картину религиозной повседневности конкретных верующих. В процессе данного изучения немаловажным является использование того или иного категориального аппарата, позволяющего верно отразить акценты изучения объективной реальности. Под «религиозной социализацией» в этом исследовании будет пониматься процесс усвоения индивидом религиозной традиции Православной Церкви в рамках конкретной приходской общины, а под «религиозной самоидентификацией» – многоуровневый процесс самосознания человеком себя как принадлежащего к определенной религии, конфессии, приходу.

Библиографический список

1. Ажнакина Н.Б. Социальное служение религиозных организаций в современной России: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Пенза, 2006. 143 с.
2. Алексин К.В. Духовническая дисциплина в Русской Церкви и формирование приходских общин разных типов. Электронный ресурс.
3. Баскакова Н.В. Религиозная самоидентификация русской интеллигенции (Социально-философский анализ): Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11: Великий Новгород, 2004. 169 с.
4. Безрогов В.Г. Религиозная социализация и осуществление права на веру в межпоколенных отношениях // Развитие личности. 2002. № 4. С. 115–136.
5. Валериан Кречетов, прот. Воцерковление есть приобщение к преемству Церкви. Часть 1 // Православие и современность. 2008. №6 (22). – Электронный ресурс. .
6. Волгин А., прот. Приходская община как метод универсального образования и становления целостной христианской жизни. // Сборник докладов IV Международных Рождественских образовательных чтений. М., 1996. С. 262–277.
7. Епископ Саратовский и Вольский Лонгин. Нужно работать над своим сердцем // Альфа и Омега. №2(43). 2005. Электронный ресурс..
8. Жамбалова С.Г. Специфика религиозной самоидентификации православных русских побережья Байкала // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 1. С. 226–234.
9. Забаев И.В., Пруцкова Е.В. Община православного храма: пространственная локализация и факторы формирования (на примере г. Москвы) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1 Богословие. Философия. 2012. С. 57–67.
10. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Летний сад, 2004. 280 с.
11. Каледя Г., прот. Задачи, формы и структуры катехизации в Русской Православной Церкви в современных условиях. // Путь православия. 1993. №1. С. 19–32.
12. Качала Т.В. Приходская социально-педагогическая деятельность православных храмов Москвы в период патриаршества святейшего патриарха московского и всея Руси Алексия II (по материалам докладов святейшего на епархиальных собраниях Москвы в 1992-2008 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2009. № 14. С. 27–42.
13. Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. Учебное пособие для студентов. М.: Институт практической психологии, 1997. 365 с.
14. Нектарий (Морозов), игум. Что есть церковная жизнь и как на неё настроиться. – Электронный ресурс. .

15. Персианов Г., прот. Христианское общество и христианское образование. // Сборник докладов V Международных Рождественских образовательных чтений. М., 1997. С. 182–186.
16. Пётр (Мещеринов), игум. Проблемы воцерковления // Киевская Русь. 2007. – Электронный ресурс.
17. Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности. Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 368 с.
18. Тендит К.Н. Социальные аспекты культовой реальности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 4-5. С. 101–107.
19. Устав Русской Православной Церкви, XVI, 1. – Электронный ресурс.
20. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологическое исследование. 2005. № 6. С. 35–45.

References

1. Azhakina N.B. Social service of religious organizations in contemporary Russia: Dis. ... Cand. Philosophical. Sciences: 09.00.11. Penza, 2006. 143 p.
2. Aleksin C.V. Duhovnichesky discipline in the Russian Church and the formation of parish communities of different types. - Electronic resource.
3. Baskakova N.V. Religious self-identification of the Russian intelligentsia (Social-philosophical analysis): Dis. ... Cand. Philosophical. Sciences: 09.00.11: Veliky Novgorod, 2004. 169 p.
4. Bezrogov V.G. Religious socialization and exercise of the right to faith in inter-generational relations // Development of personality. 2002. № 4. Pp. 115–136 – Electronic resource. .
5. Valerian Krechetov. Churching is appended to the succession of the Church. Part 1 // Orthodoxy and modernity. 2008. N6 (22). – Electronic resource. .
6. Volgin A. Parish community as a method of universal education and becoming whole of the Christian life. // Proceedings of IV International Christmas educational readings.), 1996. P. 262–277.
7. Bishop Longin of Saratov and Volsk. Need to work on your heart // alpha and omega. № 2(43). 2005. – Electronic resource.
8. Zhamalova S.G. Specificity of religious self-identification of Russian Orthodox coast of lake Baikal // news of Irkutsk state University. Series: Political Science. Religious studies. 2012. № 1. Pp. 226–234.
9. Sabaev I.V., Prutskova E.V. Community of the Orthodox Church: the spatial localization and factors of formation (on the example of Moscow) // Vestnik of St. Tikhon's Orthodox humanitarian University. Series 1 Theology. Philosophy. 2012. P. 57–67.
10. Changing Russia in the mirror of sociology / edited by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. M: Summer garden, 2004. 280 p.
11. Kaleda G. Objectives, forms and structure of the catechism of the Russian Orthodox Church in modern conditions. // The path of Orthodoxy. 1993. №1. Pp. 19-32.
12. Kachala T.V. Parish socio-pedagogical activity of the Orthodox churches of Moscow in the period of the Patriarchate of his Holiness Patriarch of Moscow and all Russia Alexy II (sweat the reports of his Holiness at the diocesan assemblies of Moscow in 1992-2008,) // Vestnik of St. Tikhon's Orthodox humanitarian University. Series 4: Pedagogy. Psychology. 2009. № 14. Pp. 27–42.
13. Mudrik A.V. Introduction to social pedagogy. Teaching aid for students. M: Institute of practical psychology, 1997. 365 p.
14. Nectarius (Morozov). What is the Church's life and how it is configured. – Electronic resource.
15. Persianov G. Christian society, and Christian education. // Proceedings of the fifth International Christmas educational readings. M, 1997. Pp. 182–186.
16. Peter (Meshcherinov). Problems churching // Kyivska Rus. 2007. – Electronic resource.
17. The parish and community in modern Orthodoxy: the root system of the Russian religion / edited by A. Aghajanian, K. the Russell. M: Palgrave Macmillan, 2011. 368 P.
18. Tendit K.N. Social aspects of the cult of reality // Bulletin of the Moscow state regional University. Series: Philosophy of science. 2010. № 4–5. Pp. 101–107.
19. The Statute of the Russian Orthodox Church, XVI, 1. – Electronic resource.
20. Filatov S.B., Lunin R. Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and mixed reality // Sociological research. 2005. № 6. Pp. 35–45.

УДК 101.1

UDC 101.1

М.И. ФЕДОРЕНКО

соискатель, кафедра философии и религиоведения, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: maryana_07@list.ru

M.I. FEDORENKO

Applicant, Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs
E-mail: maryana_07@list.ru

ДЕФИНИЦИЯ РЕЛИГИИ И ДИСКУССИИ О ПРИРОДЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ

THE DEFINITION OF RELIGION AND DISCUSSIONS ON THE NATURE OF RELIGIOSITY

В статье рассматриваются вопросы подхода к определению дефиниций «религия» и «религиозность». Анализируются различные подходы к определению религии с точки зрения различных дисциплин, а также рассматриваются различные подходы к определению религиозности и ее критериев.

Ключевые слова: религия, религиозность, типология религиозности, критерии религиозности

The article discusses approaches to the definition of «religion» and «religiosity». Different approaches to the definition of religion from the point of view of disciplines diversity are studied. Various approaches to definition of religiosity and its criteria are discussed.

Keywords: religion, religiosity, typology of religious, criteria religiosity.

Каждая дисциплина, сталкивающаяся с таким феноменом, как религия, пытается дать свое определение. Так у антропологов, этнологов, политологов, философов определения существенно разнятся, так как зависят от перспективы той или иной науки. Дефиниция религии в социологии не является само собой разумеющейся, так как требует настолько масштабного обобщения, чтобы явления религии или ее аналогов могли быть обнаружены во все типах исследуемых обществ.

В социологии под религией следует понимать совокупность структур, воззрений, институтов, обрядов и учений, относящихся к области, расположенной за имманентной границей социума. В этом определении ключевым является установление «имманентной границы социума», которая в зависимости от рассматриваемого типа общества может иметь различную конфигурацию, форму, объем и содержание. Но в любом случае сама такая граница присутствует практически всегда и в любом обществе и принадлежит к фундаментальным характеристикам общества как такового.

Теология рассматривает религию «изнутри», исходя из той модели, которую задает соответствующая религия и конфессия. Несмотря на различие религиозных конфессий, в этом вопросе общим для всех является то, что они рассматривают религию как связь человека с Богом. Исходя из этого можно сказать, что религия рассматривается с двух позиций.

Во-первых, супранатуралистические определения – это действительно существующая связь человека с Богом, она возникает из Откровения Бога, она дана человеку Богом раз и навсегда в неизменном виде. И ввиду этого не объясняются причины изменения религии.

Во-вторых, исторические определения утверждают, что религия и общество тесно связаны. Религия является априорным, допытным переживанием. Однако

в обществе она испытывает разнообразные влияния со стороны семейных, экономических и других отношений. Таким образом, религия представляет собой одновременно и субъективное отношение к Богу, и историческую реальность. Исторические определения позволяют понять религию как исторический феномен, изменяющийся в соответствии с изменениями общества и в то же время сохраняющий неизменной свою способность к трансцендированию – выходу за пределы реальности с целью конструирования смыслового поля существования.

Философские определения позволяют взглянуть на религию как на особое образование, выполняющее в обществе важные функции. Они стремятся отыскать признаки религии извне, сознательно дистанцируют себя от какой бы то ни было религии и часто занимают по отношению к ней критическую позицию.

Так И. Кант считал, что человек как свободное существо должен следовать категорическому императиву, т.е. нравственному закону. Этот закон требует полноты нравственной добродетели, которая недостижима в «мире вещей для нас», следовательно, достижение этой высшей добродетели возможно только в перспективе, а значит, душа бессмертна и Бог является гарантией этого бессмертия и моральной основой бытия.

Немецкий философ Г. Гегель считал, что религия является одной из форм самопознания Абсолютного духа, наиболее адекватной его природе.

Л. Фейербах считал, что «основу религии составляет чувство зависимости человека; в первоначальном смысле природа и есть предмет этого чувства зависимости, то, от чего человек зависит и чувствует себя зависимым».[6; 421]

Марксистская философия определяет религию как веру в сверхъестественное. Религия – это фантастиче-

ское отражение в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в действительной жизни. Человек создает религию, религия же не создает человека. А именно: религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял. [2; 414]

Определение религии в психологии основывается на особенностях человеческой психики. Представитель прагматизма, американский философ и психолог У. Джеймс считал, что «для простых людей «религия», какой бы особый смысл они ни вкладывали в это слово, всегда означает серьезное состояние ума». [1; 37]

Австрийский психолог, невропатолог и психиатр Зигмунд Фрейд называл религию «общечеловеческим навязчивым неврозом, который... коренится в Эдиповом комплексе, в амбивалентном отношении к отцу». [5; 53]

Швейцарский психолог и культуролог К. Юнг считал, что «религия является особой установкой человеческого ума, ...внимательное рассмотрение, наблюдение за некими динамическими факторами, понятыми как «силы», духи, демоны, боги, законы, идеи, идеалы – и все прочие названия, данные человеком подобным факторам, обнаруженным им в своем мире в качестве могущественных, опасных...», «религия» – это понятие, обозначающее особую установку сознания, измененного опытом нуминозного».

Таким образом, можно сказать что существует грань между социологическим определением понятия религии и теологическим, философским, психологическим.

Все типа понимания религии имеют свои недостатки. В рамках теологической интерпретации статусом религии обладает исключительно христианство, тогда как иные религиозные системы превращаются в прото-религии. Рациональный подход, предложенный Юмом, помещает религию в социальную реальность, формируемую научным разумом, а потому превращает религию в социологический или философский феномен – форму реализации общественных интересов, форму мировоззрения и т.д. В другом случае религия оказывается специфической формой психологического опыта и безнадёжно субъективизируется.

Несовершенство методологии интерпретации религии соотносится с недостатками возможных ее определений. В современном обществе конфессиональные дефиниции являются принципиально нелегитимными. Научное определение религии по необходимости снижают ее статус до видового в рамках некоторого рода, предложенного научной же классификацией: религия превращается в мировоззрение, социальную практику, психоз и т.д. и утрачивает свою собственную природу.

Говоря о религиозности, можно отметить, что существует несколько определений. Самыми распространенными являются следующие.

1. Религиозность понимается как воздействие религии на сознание и поведение как отдельных индивидов, так и социальных и демографических групп. [4; 127]

2. Религиозность трактуется как определенное

состояние отдельных людей, их групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему, их приверженность к религии, принятие ее вероучений и предписаний. [3; 387–388]

3. Религиозность определяется как качество индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений. [8]

Понимание религиозности зависит от позиции самого автора. Также можно выделить несколько типологий религиозности.

Типология религиозности И. Н. Яблокова.

Основной критерий, используемый в данной типологии, – зависимость от характера и места религиозной ориентации в ряду ценностных ориентаций.

1. Верующие, у которых определяющей жизненной ориентацией выступает религиозная ориентация. Веря в Бога, они также признают истинность и других существенных для религии догматов. Регулярно и часто совершают культовые действия по религиозным мотивам. Игрывают активную роль в религиозной группе, распространяют религиозные взгляды. Религиозное сознание в значительной мере оказывает влияние на мотивацию их социальной деятельности.

2. Верующие, у которых религиозная ориентация является важной, но не определяющей. Веря в Бога, они не уверены в истинности некоторых существенных религиозных догматов. Их культовые действия могут быть отодвинуты на второй план, а религиозная мотивация участия в культе не является ведущей. Верующие этого типа не играют активной роли в религиозной группе, не принимают активного участия в распространении религиозных взглядов. Религиозное сознание лишь отчасти оказывает влияние на мотивацию социальной деятельности.

3. Верующие, у которых религиозная ориентация подчинена нерелигиозным мотивам. Сохраняя веру в Бога, они утрачивают другие существенные элементы религиозной веры. Культовые действия совершают редко и нерегулярно, мотивы участия в религиозном культе, как правило, нерелигиозные. Специальных позиций и ролей в религиозной группе эти верующие не имеют, сознательно в распространении религиозных взглядов не участвуют. Социальная деятельность практически освобождена от религиозных мотивов.

4. Колеблющиеся между верой и неверием. Представители данной религиозной группы не уверены в существовании Бога, в истинности других религиозных догматов. Культовые действия совершают редко, от случая к случаю. Отсутствуют постоянные связи с религиозной группой, религиозные взгляды не распространяют. Социальная деятельность не мотивирована религиозными стимулами.

Типология религиозности Г. Ленски.

Г. Ленски выделяет два основных типа религиозности – социальную и духовную.

Для людей с социальной религиозностью характерна приверженность к одобряемой социальной установке, определяемой моде, их религиозность в меньшей степени связана с осознанными внутренними духов-

ными потребностями. Именно с увеличением людей с этим типом религиозности социологи связывают рост числа верующих в России.

Духовная религиозность характеризуется глубоким внутренним переживанием верующим своего религиозного чувства, ощущением своего единства с Богом, религиозного братства с другими верующими. Для данного типа верующего религия является конечной, неоспоримой ценностью.

Типология Г. Олпорта.

Олпорт утверждал, что религиозные чувства все-ма живучи. Религиозные индивиды отличаются друг от друга по формам и зрелости взглядов, по степени влияния этих взглядов на жизнь.

Олпорт предложил отличать два основных типа религиозной ориентации личности.

1. Внешняя (неразвитая) религиозная ориентация. К такой ориентации ученый относил людей, для которых религия – лишь способ достижения жизненных целей, внешних по отношению к самой религии. Посещение церкви, участие в религиозных обрядах, деятельности религиозных организаций, внешнее благочестие являются для них средствами доказать свою социальную респектабельность, лояльность по отношению к общепринятому образу жизни. Среди людей данной ориентации более распространены этнические предрассудки. Такая религиозность может скорее разъединять, чем объединять.

2. Внутренняя (подлинная) религиозность. Для религиозных личностей данного типа религия представляет самостоятельную и конечную ценность. Они мотивируют свою деятельность в разных социальных сферах религиозной верой, свое поведение стараются подчинить религиозным нормам и предписаниям. Этот вид религиозного чувства действительно дает всеохватывающее решение загадке жизни. Религиозный поиск рассматривается как самоцель, как ценность, лежащая в основе всех вещей и желаемая ради ее самой.

Когда человек предается этой цели, религия становится внутренней ценностью индивида и в этом качестве выступает как всеобъемлющая, интегративная и мотивирующая. У верующих, ориентированных на внутренние религиозные переживания, будут в большей степени преобладать такие чувства, как терпимость, милосердие, эмпатия, связанное с этим принятие людей с отличным религиозным мировоззрением, другой системой ценностей.

Типология религиозности Д. М. Угриновича.

В основу выделения различных типов религиозности ученый положил следующие принципы:

– единое логическое основание для выделения всех групп типологии, как религиозных, так и не религиозных. Таким основанием является степень религиозной веры;

– данное логическое основание находит свое выражение в двух видах признаков: относящихся к сфере религиозного сознания (религиозная вера) и к сфере его поведения (участие в религиозной деятельности). Каждый из выделенных типов личности включает в себя взаимосвязанные признаки одного и другого вида;

– набор субъективных и объективных признаков для отнесения индивида к определенной типологической группе специфичен для каждого из них. Вместе с тем все эти признаки могут быть измерены с помощью эмпирических индикаторов;

– данная типология позволяет делать непротиворечивые логические выводы при анализе результатов социологических исследований о характеристиках религиозности тех или иных мировоззренческих групп населения.

Таким образом, существует много типологий религиозности, основанных на различных критериях. Выделенные Яблоковым и Угриновичем типы религиозности вполне можно использовать как конкретные индикаторы, составляющие полную социологическую шкалу.

Библиографический список

1. *Джеймс В.* Многообразие религиозного опыта. М.: КомКнига, 2010.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1.
3. *Панкратова Е.В.* Религиозность и религиозная самоидентификация // <http://reset.ivanovo.ac.ru>
4. *Тоценко Ж. Т.* Социология. Общий курс. М.: Прометей: Юрайт-М, 2001.
5. *Угринович Д.М.* Введение в религиоведение: 2 -е изд., доп. М.: Мысль, 1985.
6. *Фейербах Л.* Избранные философские произведения: В 2 т. Т.2. М.: Наука, 1995.
7. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Психоанализ. Религия. Культура. М., 1991.
8. *Яблоков И. Н.* Социология религии // <http://nounivers.narod.ru>

References

1. *James W.* The Varieties of Religious Experience. M.: KomBook, 2010.
2. *Marx K., Engels F.* The essay. 2 edition. V.1.
3. *Pankratova E.V.* Religiousness and religious identity // <http://reset.ivanovo.ac.ru>
4. *Tomenko J. T.* Sociology. General course. M.: Prometheus: Yurayt-M, 2001.
5. *Ugrinovich D.M.* Introduction in religious studies: 2nd edition, revised M: Thought, 1985.
6. *Feuerbach L.* Selected philosophical works: In 2 T. T.2. M: Science, 1995.
7. *Freud Z.* The Future of one illusion // Psychoanalysis. Religion. Culture. M., 1991.
8. *Yablokov I. N.* Sociology of religion // <http://nounivers.narod.ru>

УДК 316.73:81.111

UDC 316.73:81.111

М.А. ФЕДОРОВ

кандидат философских наук, доцент, кафедра английской филологии, Бурятский государственный университет
E-mail: fma1105@gmail.com

M.A. FEDOROV

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of English Philology, Buryat State University
E-mail: fma1105@gmail.com

**ОСМЫСЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ИДЕАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В ТЕРМИНАХ СТОИМОСТИ
В ПЕРИОД С XVII ПО XIX ВЕКА В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

**INTERPRETATION OF MATERIAL AND IDEAL OBJECTS IN TERMS OF COST
FROM XVII TO XIX CENTURIES IN THE BRITISH LINGUOCULTURE**

Рост значимости денежных средств в британской культуре выражается в том, что идеальные и материальные объекты, обладающие ценностью, получают осмысление в терминах стоимости. Все объекты осмысления можно отнести к следующим категориям: «усилия», «страдание», «жизнь», «эмоции», «время», «привилегии», «мысль», «слова». Специфику корпуса произведений каждого автора можно рассмотреть с позиции превалирования контекстов, относящихся к одной из вышеперечисленных категорий. В период с XIV по XIX века наиболее частое обращение к понятию «стоимость» как средства осмысления ценности происходит в эпоху Просвещения, что можно объяснить как тенденции рационализации познания. Осмысление новых объектов в терминах стоимости появляется как авторская метафора, которая становится частью лингвокультуры, получая актуализацию в произведениях других авторов.

Ключевые слова: стоимость, британская культура, денежные средства, концептуальная метафора, парадигма познания.

The growth of the role of monetary assets in the British linguoculture is revealed in perception of ideal and material objects of value in terms of cost. All objects mentioned can be grouped into the following categories: «efforts», «suffering», «life», «emotions», «time», «privileges», «thought», «words». The specific character of works by a particular author can be analyzed via the prevalence of the contexts belonging to an above-mentioned category. During the period from the XIV to the XIX centuries the most frequent use of the concept «cost» is found in the Age of Enlightenment which can be described as the growth of the role of the rational mind in cognition. A new interpretation of objects in terms of cost comes to life as an author's metaphor which becomes included in the linguoculture after being used by other authors.

Keywords: cost, British culture, monetary assets, cognitive metaphor, cognitive paradigm.

Единство эволюционного ряда английской денежной системы выражается в том, что независимо от формы денежных знаков, обусловленной спецификой отношения к пространству и времени, неизменной оставалась их знаковая функция – выражение стоимости [2, с. 44]. При этом значимость денежных средств возрастает настолько, что некоторые исследователи считают оправданным говорить о том, что рыночная цивилизация кардинально повлияла на роль моральных норм и деньги стали мерой всех вещей [1, с. 175]. Мы не можем согласиться с такой оценкой, скорее, эти тенденции выражаются в том, что деньги становятся все более частым объектом сравнения, а ценность идеальных и материальных объектов лингвокультуры¹ осмысливается в терминах стоимости, распространяя на них концептуальную метафору «... – это деньги».

Подтверждение нашей точки зрения можно увидеть в том, что понятие «стоимость», выражаемое как при помощи глагола «cost», так и существительного,

имеющего ту же форму, постепенно начинает распространяться не только на денежные единицы, но и другие объекты, представляющие ценность для общества. Все контексты с этими словами были отнесены к одной из следующих категорий: «деньги», «действия, усилия», «страдания, боль», «жизнь, здоровье», «эмоции», «время», «привилегии», «мысль», «слова». Последнюю категорию составляют контексты, в которых единица стоимости не определена прямо и речь идет о стоимости вообще.

Материалом исследования явились корпуса произведений следующих авторов: Дж. Чосер, Т. Мэлори, У. Шекспир, Б. Джонсон, Дж. Локк, Ф. Бэкон, Дж. Мильтон, Дж. Драйден, Дж. Беньян, Дж. Свифт, Д. Дефо, С. Ричардсон, Г. Филдинг, Дж. Остин, Ч. Диккенс, У. Теккереи и У. Коллинз. Материал исследования охватывает XVII-XIX века и его объем составляет 17 млн. 768 тыс. 300 слов.

Совершенно очевидно, что на протяжении всего рассматриваемого периода в наибольшем числе контекстов стоимость оценивается при помощи денег,

¹ Под лингвокультурой мы понимаем массив культуры, получивший объективацию в языке [3, с. 10].

представлены денежные единицы разнообразного достоинства – penny, doit, shilling, pound, crown, teston, livre, ducat:

- *A diamond gone, cost me two thousand ducats in Frankfort! (Шекспир)*

- *He cost you five hundred crowns, I take it (Драйден).*

Первый пример осмысления жизни как наиболее высокой цены мы находим у Дж. Чосера в «Кентерберийских рассказах», а затем с большей или меньшей частотностью у всех исследованных авторов, за исключением Дж. Мильтона и Дж. Остин. Неудивительно, что чаще других о такой цене говорил Дж. Беньян, лейтмотивом творчества которого являлась цена жизни, заплаченной Христом за человеческий род.

- *WBT 535 Or doon a thyng that sholde han cost his lyf... (Чосер).*

- *These words will cost ten thousand lives this day; (Шекспир).*

- *Nay, further; Christ likes well enough of his purchase, though it hath cost him his all (Беньян).*

Первый пример того, что в качестве цены называется страдание, мы нашли у Шекспира. Данная категория представлена маркерами, выражающими как сильную степень страдания «pain», «trouble», «groan», «rang», «woe», «agony», «severe illness», так и слабую – «peace of whole life», «everlasting disquiet»:

- *... cost me the dearest groans of a mother (Шекспир);*

- *Peor his other Name, when he entic'd / Israel in Sittim on their march from Nile / To do him wanton rites, which cost them woe (Мильтон);*

- *... and cost him many a pang in the performance (Драйден);*

- *it cost him tears, groans, agony, separation from God (Беньян);*

- *It might cost me the peace of my whole life, at this time, to move for her. (Ричардсон).*

Близкая к ней категория «эмоции» в качестве единицы стоимости впервые встречается в одном контексте у Дж. Драйдена и в трех у Дж. Беньяна. Маркерами этой категории являются слова «tear», «sigh», «regret», «blushes», «fear». Чаще всех к подобной единице стоимости обращается С. Ричардсон, которого называют предшественником сентиментальной школы литературы.

- *Whence come all the tears this melancholy story has cost me (Ричардсон).*

- *... your forgiveness would, I am convinced, have cost me only a few blushes, and I had now been happy in your arms (Филдинг).*

- *... even at the cost of some pain and fear--that he should see him now (Диккенс).*

«Действие/усилие» как «единица стоимости» получает осмысление в начале XVII века: у Шекспира она представлена в 2 контекстах, где затраты оцениваются в конкретных действиях, а у Бэкона говорится о труде вообще:

- *My lord, I am for you, though it cost me ten nights' watchings (Шекспир);*

- *That that line cost them more labour than any of the*

rest (Бэкон).

Далее действие/усилие как единица стоимости прослеживается у всех авторов за исключением Б. Джонсона и Дж. Мильтона, но приоритетной ее можно назвать только в произведениях У. Коллинза, у которого она составляет наибольшую долю из всех контекстов (27 %), тогда как у остальных авторов этот показатель обычно не превышает 10. К маркерам этой метафоры относятся единицы «struggle», «effort», «labor» или слова со значением конкретных видов деятельности:

- *... there is no act in the piece which cost him above four days writing... (Драйден);*

- *Behind us was a waste, which had already cost us five days' march (Дефо).*

- *... I felt astonished, and, though it cost me a hard effort, I did not conceal that astonishment from my sister ... (Коллинз).*

Следует добавить, что у Коллинза имеется два примера, в которых он отступает от простой логической схемы, в которой необходимое количество усилий приводят к желаемому результату. В одном примере показано, что действие может иметь нежелательные последствия наряду с желаемыми, а в другом – действие на пути к счастью и наказуемо, и сомнительно с точки зрения морали:

- *The one question to consider was, whether I was justified or not in possessing myself of the means of establishing Laura's identity at the cost of allowing the scoundrel who had robbed her of it to escape me with impunity.*

- *«It costs perjury, Lady Winwood, in my case,» said Launce.*

Мысль как единица стоимости, впервые появившись у Д. Дефо и Дж. Свифта, актуализируется лишь в одном контексте у Филдинга и в двух у Коллинза и, по-видимому, находится внизу в иерархии единиц стоимости:

- *This cost me as much thought ... (Дефо)*

- *... my labours, which had cost me so much thought and watching... (Свифт)*

- *The many bitter reflections which every bad action costs a mind ... (Филдинг).*

- *Trifles that would not have cost me a second thought at other times weigh heavily on my mind now (Коллинз).*

Такую же оценку можно дать в отношении осмысления слов и привилегий как единиц стоимости: первая категория, появившись как пример авторской метафоры у Драйдена, встречается затем лишь однажды у Свифта:

- *being persuaded, that what was not to be effected by the power of nature, would cost him only a word speaking (Драйден);*

- *It is very obliging, and will cost me thanks (Свифт).*

Пример потери привилегий/положения как расплаты появляется в конце XVI века у Шекспира, и три примера у Драйдена можно назвать аллюзией на строки Шекспира. Тогда как у Беньяна и следующих за ним авторов примеры этой категории представлены достаточно разнообразными маркерами:

- *Whose haughty spirit, winged with desire, / Will cost my crown... (Шекспир)*

- *I'll buy his presence, though it cost my crown* (Драйден)
- *though He cost me friends, though He cost me comforts, though He cost me all that ever I have* (Беньян)
- *... I will have more, or it shall cost me a fall* (Свифт);
- *I have been, it seems, guilty of indiscretions, which have cost me my place, and my master's favour* (Ричардсон);
- *but got back all his ascendancy over the boys which his defeat had nearly cost him* (Теккерей);
- *... will at least cost that lady her position in society* (Теккерей).

Осмысление времени как единицы стоимости можно приписать Дж. Драйдену, хотя первый пример метафоры «время – деньги» принадлежит Шекспиру, а современник Драйдена Дж. Беньян говорил о необходимости расходования времени с получением прибыли². Поэтому можно назвать это велением эпохи, провозглашающей главенство разума: время получило осмысление как ценный ресурс, о котором можно размышлять в терминах прибыли и стоимости. Подтверждение этому в том, что наиболее часто подобную интерпретацию мы видим у писателей эпохи Просвещения: во всех контекстах у Д. Дефо и Дж. Свифта время представлено как условие деятельности, причем у первого в двух контекстах время и труд представлены как две неотъемлемые составляющие получения результата. Впоследствии только У. Коллинз относительно часто оценивает стоимость достижения результата в терминах времени:

- *It cost me much labour and many days before all these things were brought to perfection* (Дефо).
- *I have finished my pamphlet to-day, which has cost me so much time and trouble* (Свифт).
- *Some years since, this would have cost a serious expenditure of time and money* (Коллинз).

И, наконец, самую большую группу составляют

контексты, в которых говорится о стоимости вообще: объект стоимости, действия в ее отношении или ее размер.

- *The fashion of the world is to avoid cost, and you encounter it* (Шекспир);
- *... it was for that he had first sat down, and counted the cost* (Беньян);
- *Trials of love too dear the making cost* (Драйден)
- *And who doth lead them but a paltry fellow, / Long kept in Britaine at our mother's cost* (Шекспир).

Рассмотренные выше данные можно представить в виде таблицы 1.

Важным показателем роли понятия стоимости в концептосфере авторов является частотность его актуализации в произведениях. Мы сопоставили количество контекстов с исследуемыми словами относительно общего количества слов в произведениях и подсчитали обобщенную частотность рассматриваемых глагола и существительного «cost» на миллион слов. Полученные данные можно увидеть в таблице 2.

Наиболее высокие показыватели у Б. Джонсона, Дж. Драйдена, Д. Дефо и Дж. Свифта. У Б. Джонсона при достаточно высоком показателе все контексты за исключением одного указывают на денежную стоимость, что, видимо, является одной из существенных характеристик его героев. Джон Драйден, наряду с Дж. Беньяном, одним из первых способствовал распространению осмысления почти всех рассмотренных категорий в терминах стоимости, в чем можно усмотреть влияние пуританской среды, в которой вращался известный драматург до реставрации Стюартов и которая включала большое количество людей из торгового сословия.

Высокие показатели частотности репрезентантов понятия «стоимость» в произведениях Дж. Свифта и

Таблица 1.

Динамика осмысления единиц стоимости в терминах идеальных и материальных объектов

	Деньги	Жизнь	Страдания	Эмоции	Действия	Мысль	Слова	Привилегии	Время	х
Шекспир	9	6	3		2			1		29
Джонсон	14	1								11
Локк	1				1					4
Бэкон					1					8
Мильтон	1		2							2
Драйден	6	1	7	1	3		1	3	2	50
Беньян	5	22	3	3	6			1		54
Свифт	75	2	2	1	5	2	1	1	8	49
Дефо	21	8	4		8	1			9	41
Ричардсон	6	4	14	7	10			1	2	31
Филдинг	15	3	5	3	4	1				30
Остин	12		1	2	3					8
Диккенс	52	3	5	2	10			1	1	36
Теккерей	50	14	7	1	2			2		39
Коллинз	36	6	7	2	42	2			5	51

² We shall not spend a large expense of time / Before we reckon with your several loves / And make us even with you (Шекспир).

This is an important lesson to young females, how they may profitably employ their time, adorn the Gospel, and be useful (Беньян).

Come on, then, and let us go together, and let us spend our time in discoursing of things that are profitable (Беньян).

Таблица 2.

Обобщенная частотность лексем, репрезентирующих понятие «стоимость»

Автор	Кол-во слов	К-во контекстов	Слов /млн	Автор	Кол-во слов	К-во контекстов	Слов /млн
Шекспир	885.047	49	55,4	Дефо	1.060.569	91	85,8
Джонсон	300.316	26	86,6	Ричардсон	1.519.004	75	49,4
Локк	331.402	5	15,1	Филдинг	976.729	61	62,5
Бэкон	254.005	9	35,4	Остин	747.795	26	34,8
Мильтон	143.327	5	34,9	Диккенс	1.668.168	110	65,9
Драйден	836.797	70	83,7	Теккерей	1.894.842	115	60,7
Беньян	1.919.777	94	48,9	Коллинз	4.200.385	149	35,5
Свифт	1.030.137	146	141,7				

Д. Дефо могут указывать на одну из особенностей рационализма эпохи Просвещения: стоимость предстает как весьма эффективная модель познания идеальных и материальных объектов, представляющих ценность в данной культуре. Стоимость можно определить как исчисляемость с точки зрения деятельности, учитывающей такие аспекты, как ресурс, мера оценки результата и его целесообразность.

В заключение можно сказать, что метафора стоимости присутствует с самых ранних этапов британской литературы. Осмысление новых объектов в терминах стоимости, изначально рождавшееся как авторская метафора, проникая в лингвокультуру, может получать или не получать актуализацию в произведениях других авторов, тем самым определяя специфику данной культуры.

Библиографический список

1. Гофман М. Деньги – не средство, а цель жизни // Аналитика культурологии. 2008. № 12. С. 170–175.
2. Елсакова А.Л. Эволюционный семиотический ряд денег (на примере монетарной культуры Англии) // Язык и культура (Новосибирск). 2012. № 1–2. С. 40–44.
3. Федоров М.А. Образная составляющая концепта TIME: диахронический аспект. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2013. 160 с.

References

1. Gofman M. Money is no means, but the life's goal. // Analytics of Culture Theory. 2008. № 12: Pp. 170–175.
2. Elsakova A.L. Evolutionary Semiotic Line Of Money (by the example of the monetary culture of England) // Language and Culture. 2012. № 1–2. Pp. 40–44.
3. Fedorov M. The Metaphorical Component of the Concept «TIME»: diachronic approach. – Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2013. 160 p.

УДК 316.752

UDC 316.752

Е.В. ЯРИНА

аспирант, кафедра гуманитарных и социально-политических наук, Московский государственный технический университет гражданской авиации
E-mail: MyJane@nm.ru

E.V. YARINA

Graduate student, Department of the humanities and social and political sciences, Moscow State Technical University of Civil Aviation
E-mail: MyJane@nm.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «ЦЕННОСТИ» И «ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ»

THE ORETICAL ANALYSIS OF «VALUES» AND «VALUABLE ORIENTATIONS» CONCEPTS

Статья посвящена теоретическим проблемам изучения основных аксиологических категорий: «ценности» и «ценностные ориентации». Целью статьи выступает попытка представить историю изучения и концептуальное разграничение этих понятий.

Ключевые слова: аксиология, ценности, ценностные ориентации, личность.

The article deals with the theoretical problems of the study of the main axiological categories: “values” and “value orientations”. The aim of the article is to make an attempt to represent the history of the study and the conceptual differentiation of the given notions.

Keywords: axiology, values, value orientation, personality.

Ценностная проблематика является одной из важнейших для многих наук, чей фокус изучения направлен на человека и общество. Ценностная сфера личности выступает внутренним имманентным образованием, позволяющим человеку определять цели и направления своего развития, регулировать и проявлять особенности своего поведения. В связи с тем, что ценности имеют социальную обусловленность и выступают критериями формирования духовного мира личности, его индивидуального бытия, изучение этой тематики не теряет своей актуальности и сегодня.

Однако анализ существующих определений ценностей и ценностных ориентаций вызывает определенные трудности. Это связано:

– во-первых, с большим количеством дефиниций этих понятий, которые выработала традиция изучения ценностей за продолжительное время своего существования;

– во-вторых, анализ аксиологических аспектов всегда являлся объектом интереса философов, социологов и психологов, что нашло отражение во множестве концепций и теорий ценности, результаты которой порой не сопоставимы друг с другом или являются взаимоисключающими;

– в-третьих, до сих пор отсутствует четкое концептуальное разграничение между понятиями «ценность» и «ценностная ориентация», и многие авторы используют их как идентичные.

Автор, в свою очередь, не претендует на полный охват ценностных концепций и теорий, однако попытка представить эволюцию изучения такого понятия, как «ценностная ориентация», а также разграничить определения ценностей и ценностных ориентиров является главной задачей данной статьи.

В научных кругах отсутствует однозначное определение ценности. Полемику этого вопроса можно свести к основным оппозициям: 1) ценности – это предметное выражение значимости или абстрактные сущности; 2) ценности – это сугубо индивидуальная или надиндивидуальная реальность; 3) ценности выступают в качестве эталона или могут быть рассмотрены как идеал. [1] Это далеко не все вопросы, по которым философы, психологи и социологи пытаются понять сущность этого сложного многомерного понятия.

Чаще всего при рассмотрении ценностной проблематики выделяют три теоретических направления: объективно-идеалистические, в которых ценность предстает как существующая надиндивидуальная реальность (Т. Парсонс, Э. Шпрингер, Н. Гартман, М. Шелер и др.); субъективно-идеалистические, рассматривающие ценность как субъективное отношение человека к оцениваемым объектам (Г. Олпорт, К. Роджерс, Э. Дюркгейм и др.). и натуралистические теории, в которых ценность предстает как выражение естественных потребностей и интересов человека (Дж. Дьюи, Р.Б. Перри и др.).

Следует обратить внимание на то, что анализируя ценность в срезе многомерности опыта изучения, профессор Леонтьев Д.А. выделяет следующие формы ее существования: социальные идеалы (ценности, выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни), предметно воплощенные ценности (воплощенные в продуктах деятельности) и личностные ценности (мотивационные структуры личности («модели должного»), побуждающие ее к предметному воплощению в своей деятельности общественных ценностных идеалов) [2, с. 24-25].

Вопрос статуса объективности или субъективности ценности дает толчок в развитии аксиологических теорий нового понятия – «ценностные ориентации». С одной стороны, объективно-идеалистические теории рассматривают ценность как надындивидуальную реальность, но при этом не могут объяснить разное отношение к значимому у отдельных индивидов. С другой стороны, субъективно-идеалистическое направление сводит ценности к определению субъективной значимости того или иного объекта для конкретного индивида, но не объясняет наличие общечеловеческих ценностей. В связи с этим позиции зарубежных и отечественных авторов XX века связаны с сопоставлением объективности существования социальных ценностей и придания им субъективного смысла.

В западной социологии особое место в выявлении предпосылок мышления и ценностных суждений занимает теория Макса Вебера. Его учение о ценностно-рациональном действии выступает в качестве теоретического основания концепции ценностных ориентаций. Он, раскрывая смысл ценностно-рационального действия, отмечает, что социальное действие индивида основано на сознательном соотнесении своих поступков с определенной ценностью как целью, придавая ей субъективный смысл [8]. Однако раскрыть понятие субъективного смысла посредством категории социологического понимания М.Веберу так и не удалось.

Первое категориальное употребление термина «ценностные ориентации» принадлежит представителям чикагской социологической школы У. Томасу и Ф. Знанецкому. Согласно им, ценности можно понимать «как более или менее точные и формальные правила, с помощью которых группа старается удерживать, регулировать, а также сделать более распространенными и частыми соответствующие типы действий своих членов» [6, p.61]. Однако Томас и Знанецкий рассматривают, с одной стороны, не просто ценности, а их значение, которое становится очевидным, если связать их с действиями людей, что близко к учению М. Вебера, и, с другой стороны, социологи пытаются объяснить психологическую сторону значения и смысла переживания индивида, вводя понятие социальной установки (attitude). Таким образом, по мнению американских социологов, установка является индивидуальной (субъективной) стороной ценности, которая, в свою очередь, объективно обусловлена [5,6].

Ценности как объективно детерминированные значимости, возникающие вследствие различных социальных отношений, попытался рассмотреть американский социолог Т. Парсонс. Он определяет это понятие как социологическую категорию, используемую для описания культуры и социальных систем [3, с. 468-469]. При этом основной целью американского социолога явилось рассмотрение общества и его подсистем сквозь призму их структур и с точки зрения выполнения ими определенного набора функций, то есть не определение понятия ценностей, а их функционального значения в социальных системах.

Парсонс определяет ценности как разновидности

убеждений, служащие для мотивационных объяснений поведения человека в обществе. При этом фундаментальные ценности должны стать частью личности, воплощаясь в ее субъективные мотивации. Согласно Т. Парсонсу субъективная оценка того или иного явления, т.е. ценностные ориентации, определяется системой ценностей, распространенной в обществе, которая в свою очередь базируется на эталонах культуры [3]. Т. Парсонс, таким образом, обосновал ценностные ориентации как регуляторы поведения, посредством которых человек соблюдает нормы и стандарты общества. Однако, к сожалению, американскому социологу не удалось объяснить наличия несовпадения взглядов людей на то или иное общественное явление в рамках одних и тех же эталонов культуры. Более того, подобной трактовкой социальных процессов трудно объяснить противоречия, конфликты и аномальные явления в обществе.

Современное представление ценности было сформулировано этнологом Клодом Клакхоном, утверждавшим что «ценности – это осознанное или неосознанное, характерное для индивида или для группы индивидов представление о желаемом, которое определяет выбор целей (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия» [7, p. 395]. Ценности, таким образом, выступают звеном, связывающим человека и общество. Ценностную ориентацию (value orientation) он определил как «обобщенную концепцию природы, места человека в ней, отношения человека к человеку, желательного и нежелательного в межличностных отношениях и отношениях человека с окружающим миром, концепцию, определяющую поведение (людей)» [7, p.411]. Это определение ценностей является своего рода вектором для западной социологии ценностей вплоть до восьмидесятых годов XX века.

В отечественной науке рассмотрению ценностных ориентаций соответствует три направления.

Ананьев Б.Г., Божович Л.И., Ковалев А.Г. Платонов К.К. и другие рассматривали ценностные ориентации как направленность личности на ценности.

Здравомыслов А.Г., Надирашвили Ш.А., Узнадзе Д.Н., Ядов В.А. и другие представляли ценностные ориентации как высший уровень фиксированных установок личности.

Абдулханова-Славская К.А., Бодалев А.А., Братусь Б.С., Ломов В.Ф., Слободчиков В.И. и другие рассматривали ценностные ориентации как доминирующее отношение к объектам окружающей среды на основе их личностной значимости.

Таким образом, ценности признаются реально действующими имманентными образованиями, выступающими регуляторами поведения индивидов вне зависимости от их отражения в сознании. [1]. Они являются объективным обоснованием стремлений людей, их ориентации и активности. При этом они служат интегративной основой как для всего общества, социальной группы, так и для отдельно взятого индивида.

Однако, каждый человек по-своему, индивидуально но относится к ценностям того или иного рода, в чем

и заключается суть именно его ценностной ориентации [4, с. 5]. Ценностные ориентации представляют собой субъективное внутриличностное образование, которое формируется в результате интериоризации ценностей и норм социального окружения. Они закрепляются индивидуальным жизненным опытом человека, ограничивая значимое для него от незначимого, существенное

от несущественного. Устоявшаяся система ценностных ориентаций образует стержень сознания личности, позволяющий человеку определять цели и направления своего развития, регулировать и проявлять особенности своего поведения. Поэтому формирование устойчивой системы ценностных ориентаций личности должно являться приоритетной задачей любого общества.

Библиографический список

1. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15–26.
2. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. №1. С.13–25.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
4. Спиркин А. Г. Философия: Учебник для технических вузов. М.: Гардарики, 2000. 368 с.
5. Томас У. Методологические заметки (1918) / У. Томас, Ф. Знанецкий // Американская социологическая мысль: тексты. Под ред. В. И. Добренкова. М.: МГУ, 1994. С.335–357.
6. Thamas W. Cholp poliskiwi Europe I Ameryce / W. Thamas, F. Znaniecki. Warszawa: Lud. Spold. Wyd., 1976. V.1.
7. Kluckhohn C. Values and Value Orientations in the Theory of Action // Towards a General Theory of Action. Ed. by T. Parsons, E. Shils/ Cambridge: Harvard UP, 1951, Pp.388–433.
8. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951.

References

1. Loentiev D. A. Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional reconstruction // Philosophy questions. 1996. № 4. Pp. 15–26.
 2. Loentiev D. A. Values in individual and group consciousness: types, determinants, and changes over time // Psychological review. 1998. №1. Pp.13–25.
 3. Parsons T. The structure of social action. Moscow, 2000. 880 p.
 4. Spirkin A. G. Philosophy. Moscow, 2000. 368 p.
 5. Thamas W., Znaniecki. F. Methodological notes (1918) / American sociological thought: texts / Ed. by Dobrenkov V. I. Moscow, 1994. Pp. 335–357.
 6. Thamas W. Cholp poliskiwi Europe I Ameryce / W. Thamas, F. Znaniecki. Warszawa: Lud. Spold. Wyd., 1976. V.1.
 7. Kluckhohn C. Values and Value Orientations in the Theory of Action // Towards a General Theory of Action / Ed. by T. Parsons, E. Shils/ Cambridge: Harvard UP, 1951, Pp. 388–433.
 8. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951.
-

УДК 811.161.1'373.611

UDC 811.161.1'373.611

А.А. АЛЕШИНА

аспирант, кафедра английской филологии, Орловский
государственный университет
E-mail: batie08@mail.ru

A.A. ALESHINA

Graduate student, Department of English Philology, Orel
State University
E-mail: batie08@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА БАЗЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСА)

OCCASIONAL WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE INTERNET-RESOURCES)

В статье рассматриваются особенности словообразования в современном русском языке. Материалом послужили окказионализмы, встречающиеся в интернет-сообществах; дается их классификация с учетом множественности мотивации; выделяются разного рода телескопные образования, окказионализмы, образованные способами слияния и разложения, а также графические способы.

Ключевые слова: словообразовательный способ, окказионализм, телескопизм, слияние, разложение, графический способ словообразования.

In the article some peculiarities of word-building in the Russian language are considered. The material was taken from the Internet-sites; a many-sided classification of the occasional words from the point of view of word-building is given; there are different types of telescope neologisms, occasional words created by means of fusion, decomposition, graphical word-building.

Keywords: a way of word-building, telescope neologisms, fusion, decomposition, graphical word-building.

Язык находится в состоянии непрерывного изменения и развития, причем самым подвижным компонентом языковой системы является словарный состав. Любые перемены в общественном развитии неизбежно влекут за собой изменения в словаре. Ярчайшее свидетельство динамики языка – это процесс возникновения новых слов, которые появляются непрерывно и обогащают лексическую систему языка. По справедливому мнению В.В. Виноградова, «причины появления новых слов и новых значений старых слов по большей части заключаются в изменениях общественной жизни, в развитии производства и других областей человеческой деятельности, а также в развитии мышления» [2, 67].

Сегодня Интернет является неотъемлемой частью общественной жизни: и средством массовой информации, и способом межличностного общения, и даже дистанционного образования. Становится очевидным, что не только общество, культура или язык влияют на Интернет, но и сам Интернет и процессы, происходящие в нем, оказывают влияние на общество, язык, культуру и многие сферы нашей жизни [см. 1].

В настоящее время Интернет является богатейшим источником новообразований, которые появляются в различных форумах, чатах и виртуальных мирах (например, MMORPG).

Кроме того, в Интернете начинают появляться сообщества, направленные на создание новых слов с целью охарактеризовать повседневную, политическую, спортивную жизнь, обыграть различные ситуации из популярных кинофильмов, книг, дать оценку погодным условиям и т. д. Другими словами, основная цель создания таких форумов – словообразовательная игра.

Подобные единицы размещаются, как правило, на затемненных фотографиях или рисунках, прямо или косвенно относящих их к денотату.

Все проанализированные единицы являются окказионализмами, созданными для единичного, одноразового употребления. Однако если слово удачно создано или метко описывает определенную реалию, то есть перспектива утраты окказиональности.

Для анализа было отобрано 150 окказионализмов, которые были проанализированы с точки зрения способов их образования. Критерием отбора послужило языковое чутье и сверка со словарями. Окказионализмы, созданные на базе общепринятой лексики, были исключены. В своей работе мы опирались на классификацию, разработанную В.П. Изотовым [см. 4].

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению фактического материала, следует оговориться, что особенностью многих таких новообразований является множественность мотивации. Согласно П.А. Леканту, «разграничивается производность единственная и неединственная (множественная). При единственной производности, наиболее типичной для русского словообразования, дериват мотивирован вполне определенным производящим: конкретной производящей основой или несколькими основами. При неединственной (множественной) производности дериват по форме и смыслу может быть с равными основаниями соотносен с несколькими производящими...» [6, 206].

Поскольку контекстное окружение проанализированных нами окказионализмов чаще всего либо минимально, либо совсем отсутствует, не всегда представляется возможным достоверно определить, какие

мотивирующие слова легли в основу создания того или иного новообразования. При их рассмотрении мы исходили из множественности мотивации (47% окказионализмов).

I Анализ фактического материала свидетельствует о том, что подавляющее большинство окказионализмов являются **телескопизмами** (60,64%). Мы придерживаемся широкого понимания термина «телескопизм» как результата слияния полной основы одного исходного слова с усеченной основой другого или же слияния двух и более усеченных основ исходных слов с возможным наложением букв/ звуков в месте слияния [3, 92].

Среди телескопизмов были выявлены **частичные**, которые представляют собой слияние полной основы одного слова и усеченной основы другого слова, и **гаплогические**, характеризующиеся междусловным наложением.

Наиболее обширную группу представляют гаплогические телескопизмы (52,94%). Они бывают нескольких видов.

1. В структуре производного окказионализма могут присутствовать оба производящих слова. Такие единицы образованы способом «**слияние + наложение**». При этом происходит наложение конечного фрагмента одного исходного слова и начального фрагмента другого, например, *кайфон* (кайф + айфон), *снегодняй* (снег + негодяй), *гдеденьги* (где + деньги).

2. Исходные слова могут претерпевать изменения в процессе образования нового слова. Так, одно из производящих слов может подвергаться конечному или начальному усечению. Следовательно, способы словообразования «**наложение + слияние + апокопа**», например, *январель* (январь + апрель), *мучебные* (мучение + учебные), либо «**наложение + слияние + афerezис**», например, *стрессия* (стресс + ессия), *спати́ко* (спать + Жатико).

3. В отдельную подгруппу входят окказионализмы, которые были образованы с помощью **наложения и транссегментации корня**. Под транссегментацией мы понимаем замену одного сегмента слова другим. [см. 3, 96].

Исходя из того, какой элемент корня заменяется, можно выделить начальную транссегментацию, например, *голодильник* (голод + холодильник.), *жири́нка* (ширинка + жир.); конечную транссегментацию, например, *сонственность* (собственность+сон.) и серединную транссегментацию, например, *котастрофа* (катастрофа+кот.), *красота* (крыса+ красота).

Частичные телескопизмы, количество которых от всех проанализированных окказионализмов составляет 7,7%, представлены только двумя разновидностями.

Они могут быть образованы способом «**слияние + афerezис**», т. е. одно из производящих слов подвергается начальному усечению, однако, в отличие от ранее описанных способов наложения не происходит в связи с отсутствием общего элемента, например, *баблони́ада* (олимпиада + бабло), *оскарплименты* (Оскар + комплименты.); или способом «**слияние + апокопа**», где происходит конечное усечение одного из исходных слов,

например, *айпонт* (айфон+ понт), *нартортик* (наркотик+ тортик).

Все представленные виды телескопизмов могут быть осложнены и другими способами словообразования, например, суффиксацией, постфиксацией, графикой, десуффиксацией (кАйфон (слияние+наложение+ графика), настрашена (наложение+ начальная транссегментация+ десуффиксация); хвастограмм, жритнес (Слияние+афerezис + десуффиксация))

II. Отдельную группу представляют окказионализмы, образованные способом **слияния** (3,4%). Особенностью таких слов является то, что «в своих формах по морфемному составу они полностью тождественны синонимичному словосочетанию и, таким образом, синтаксическая связь такого сочетания сохраняется как живая связь в структуре мотивированного им слова» [цит. по 5, 39]. Такой способ словообразования, по мнению некоторых лингвистов, считается нетипичным для русского языка. По словам Ольги Михайловны Корытовой, здесь мы имеем дело со «словообразовательной лакуной» [5, 39].

Действительно, анализ фактического материала свидетельствует, что количество окказионализмов, образованных данным способом в чистом виде, невелико, например, *иньпьянь*, *бесуподобна*.

III Одним из способов словообразования является **разливание**. Под разливанием В. П. Изотов понимает «произвольное расчленение слова на части, одной из которой или всем присваивается какое-либо значение». [4,19]. В нашем материале мы столкнулись с явлением, внешне напоминающим данный способ словообразования. Отличие рассмотренных единиц заключается в том, что производящее распадается на два слова, уже существующих в языке самостоятельно. Сравните, «... Среди них менталитет... Наш склад и строй сознания как все отчетливей показывает жизнь, распадается на два противоположных «литета» и «совпадение -> совпадение», «совершеннолетняя -> совершенно летняя» [4,21].

Данные языковые единицы мы рассматриваем в рамках словообразования, принимая во внимание, что словообразование может пониматься как соотношение слов по морфемной структуре, и это соотношение может быть не объединением, а разделением, т. е. по сути являясь словообразованием с обратным вектором.

IV Невозможно не отметить разнообразие **графических способов** словообразования, которые составляют 29,14% от всего фактического материала.

1. Один из самых распространенных способов является использование прописных букв вместо строчных. Например, преЛЕСТЬ, выБывшая.

2. Используется цифровое обозначение, заменяющее сегмент слова., In100грам.

3. Встречается большое количество окказионализмов, образованных заменой кириллицы на латиницу. В данной группе можно выделить несколько подтипов:

3.1. Замена кириллицы в сегменте слова латиницей, например, *the bestoloch*, *loveumь*.

Иногда новообразования такого типа осложняются графикой, и заменяемый сегмент выделяется заглавными буквами, например, *DEADство*; цифровыми обозначениями, например, *In100грам* или разлитием, например, *In 100 грам*.

3.2. Выделение корня в слове латиницей, например, *bad-вокал*

3.3. Замена целого слова англоязычным словом со схожим звучанием, например, (собачий) *lie*.

3.4. Замена целого слова англоязычным словосочетанием со схожим звучанием, например, (все будет) *Horror Show*, (вай фай не) *love it*. (ср. рассмотренное нами ранее разлитие как способ словообразования).

Как видим, в словообразовании используются не просто транслитерация, а англоязычное слово. Это дает нам возможность отнести данные образования к отдельной подгруппе телескопизмов.

Итак, анализ фактического материала позволяет сделать вывод о разнообразии способов словообразо-

вания, которые используются для создания окказионализмов в интернет-сообществах, а именно: различные виды телескопизмов, графика, в которой используются заглавные буквы, цифровые обозначения, латинские буквы; слияние, разлитие. Большинство новых слов создано не продуктивными способами, а являются результатом телескопии (60,64%).

Статус анализируемых единиц представляется нам неоднозначным. В строгом терминологическом смысле окказионализмами их назвать невозможно, поскольку одним из признаков окказионализма является зависимость от контекста, которая и определяет его содержание. Как уже говорилось ранее, в нашем материале контекст минимален или отсутствует, хотя всем остальным признакам окказионального слова рассмотренные нами единицы отвечают (творимость, функциональная одноразовость, экспрессивность, индивидуальная принадлежность).

Библиографический список

1. Ахренова Н. А. Интернет-лингвистика: особенности аффиксации в языке интернета. – Электронный ресурс.
2. Виноградов В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка. М.: АН СССР, 1951. Т. 10.
3. Золотарева Т. А. Структурный анализ телескопных образований в современном английском языке. // Вопросы германистики. Волгоград: Известия ВГПУ, 2011. С.91–94.
4. Изотов В.П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка). дисс. ... д-ра филол. наук. Орёл, 1998. 148 с.
5. Корытова О. М. Сращение в композитном словообразовании. // Гуманитарные науки. Филология. Тверь: Вестник ТГУ, 2009. С.38–41.
6. Лекант П.А. Современный русский язык : учеб.для студ.высш.учеб.заведений, обучающихся по спец.» Филология». 2-е изд.,испр. М.: Дрофа, 2001. 558 с.
7. Гришина Е. А., Ляшевская О. Н. Грамматический словарь новых слов русского языка. <http://dict.ruslang.ru/>
8. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986. 1136 с.
9. Игра слов. – <http://www.liveinternet.ru/>
10. Игра слов. <http://sivator.com/1086-igra-slov-86-foto.html>

References

1. Ahrenova N. A. The Internet- linguistics : peculiarities of affixation in the Internet language. –Electronic resource.
2. Vinogradov V. V. About the basic word stock and its word-building role in the history of language. M.: S. A. of the USSR, 1951. V. 10.
3. Zolotareva T. A. Structural analysis of telescope neologisms in the modern English language. // Questions of Germanic philology. Volgograd: Proceedings of VSPU, 2011. Pp. 91–94.
4. Izotov V.P. The ways of describing a system of word-building (based on the material of the Russian language):doctoral dissertation. Orel, 1998. 148 p.
5. Koryitova O.M. Fusion in the compound word-building. Tver: Proceedings of TSU, 2009. Pp.38–41
6. Lekant P.A. The modern Russian language: a book for students studying philology. -2-nd edition. M.: Drofa, 2001. 558 p.
7. Grishina E. A., Lyashevskaya O. N. Grammar dictionary of new words in the Russian language <http://dict.ruslang.ru/>
8. Kuznetsova A. I., Efremova T.F. Dictionary of morphemes in the Russian language. M.: The Russian Language, 1986. 1136 p.
9. Word play <http://www.liveinternet.ru/>
10. Word play <http://sivator.com/1086-igra-slov-86-foto.html>

УДК 811.161

UDC 811.161

Л.В. АЛЕШИНА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой
книжного дела, русского языка и методики его преподавания,
Орловский государственный университет
E-mail: alyoshinalv@mail.ru

L.V. ALESHINA

Doctor of Philology, Professor, Department of book
business, Russian and technique of its teaching, Orel State
University
E-mail: alyoshinalv@mail.ru

ФУНКЦИИ И ЗАДАЧИ СЛОВАРЕЙ АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ*

FUNCTIONS AND TASKS DICTIONARIES COPYRIGHT NEOPLASMS

В статье рассматриваются универсальные и специфические функции словарей авторских новообразований как особого типа писательских словарей, а также конкретные задачи, стоящие перед их составителями.

Ключевые слова: словарь, новообразования, функции словарей, задачи словарей.

The article deals with universal and specific functions dictionaries copyright neoplasms as a special type of writers' vocabularies as well as the specific challenges faced by their originators.

Keywords: dictionary, neoplasms, function dictionaries, dictionaries of the problem.

В настоящее время наблюдается стремительный рост интереса к лексикографическим проблемам. Выходят в свет новые словари. В многочисленных научных трудах освещаются актуальные вопросы лексикографии, в частности, вопрос о функциях, целях и задачах словарей разных типов и жанров.

В.Г. Гак предлагает функции лексикографических изданий разделить на 4 группы: 1. Связанные с межъязыковым общением. 2. Связанные с обучением языку, разъяснением непонятных слов. 3. Связанные с описанием и нормализацией родного языка. 4. Связанные с изучением языка. При этом отмечается, что «функции, связанные с нормализацией и описанием родного языка (3) и с научным изучением языков (4), возникли позднее, но они выдвинулись на первое место, оттеснив другие» [3, с.14].

П.Н. Денисов приходит к выводу, что к универсальным функциям лингвистических описаний относятся учебная, систематизирующая и справочная функции. Добавочной к ним ученый считает нормативную, или функцию «правильности» [4, с.213].

В.В. Дубичинский расширяет количество функций словарей до 6-ти: 1. Научное изучение, описание языка и научное предвидение языкового развития. 2. Систематизация лингвистических знаний. 3. Нормализация родного языка. 4. Объяснение заимствованных, непонятных, малоупотребительных и устаревших слов. 5. Обеспечение межъязыкового общения и переводческой практики. 6. Обучение иностранному языку [5, с.9].

Однако по мере развития лексикографической практики создатели словарей новых типов и жанров сталкиваются с проблемой установления их функций с учетом специфики каждого конкретного издания.

Словари авторских новообразований (АН),

предметом описания в которых являются индивидуальные инновации, относятся к особому типу авторских (писательских) словарей. К функциям последних Л.Л. Шестакова относит прежде всего научно-описательную, ведущую для словарей этого типа, поскольку адресованы они прежде всего специалистам-филологам; справочную, «основную для словарей практически любого типа, а для авторских – общеизвестную»; учебную функцию, свойственную авторским словарям некоторых жанров [9, с. 31–32].

Словари АН мы квалифицируем как полифункциональные. Прежде всего они осуществляют научно-описательную функцию, связанную с изучением языка конкретной языковой личности, а также с исследованием роли словотворчества в системе художественных средств писателя (поэта).

Выполняют словари АН справочную функцию, которая реализуется прежде всего при помощи адресной зоны словарной статьи, где указывается название произведения, дата создания или первой публикации, источник – издание, том, страница.

Систематизирующая функция во всех лексикографических изданиях проявляется прежде всего в расположении заголовочных слов в определенном порядке (алфавитном, гнездовом и др.). Другие способы реализации этой функции могут варьироваться в зависимости от жанровых особенностей конкретных словарей АН. В словаре новообразований Н.С. Лескова, над которым мы работаем, она проявляется, во-первых, в системе помет в зоне грамматической характеристики (указана часть речи заголовочного слова, для существительных и прилагательных лексико-грамматический разряд, для глаголов вид), во-вторых, в словообразовательной интерпретации (указано производящее, словообразовательные средства, морфонологические явления, способ

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 12-04-00066

словопроизводства), в-третьих, в отражении системных, парадигматических, связей между инновациями и узуальной лексикой.

Словарям АН отчасти присуща и функция, связанная с разъяснением непонятных слов, так как наряду с инновациями, восприятие которых не вызывает затруднений у читателя, встречаются окказиональные слова, которые не могут быть адекватно поняты без специальных пояснений, порой необходима экстралингвистическая информация о производящем слове [1, с.12-13].

Как частное проявление этих универсальных функций, свойственных подавляющему большинству лексикографических изданий, как традиционным словарям, так и произведениям новых типов и жанров, можно выделить подфункцию, свойственную словарям АН наряду с диалектными словарями, словарями неологической лексики, разговорной, жаргонной и детской речи. Эта подфункция связана с выявлением и научным освещением объективно существующих языковых потенций, которые оказываются скрытыми от глаз исследователя, работающего только с узуальными лексическими единицами – фактами литературного языка. В то же время подспудные тенденции и закономерности проявляются, становясь доступными для изучения, при реализации в новообразованиях, в том числе индивидуальных, как собственно авторских, так и «подслушанных» писателем у народа и вплетенных им в художественную ткань своих произведений.

Учебная функция также присуща словарям авторских новообразований постольку, поскольку представленный в них материал может и должен использоваться в вузовской и школьной практике при анализе особенностей языка писателей, инновациям которых посвящены словари, а также при изучении многих разделов курса «Современный русский язык», например, таких, как «Лексикология и лексикография», «Словообразование», «Стилистика», «Лингвистика текста», «Психолингвистика» и др.

Что же касается нормативной функции, которую называют лексикографы среди универсальных, то она не свойственна авторским словарям в целом [9, с.32], и тем более не может выполняться словарями авторских новообразований, в которых фиксируются слова, выявленные в идиостиле данной языковой личности и не представленные в общем национальном языке.

Среди функций, присущих всем лексикографическим изданиям, следует назвать еще одну – коммуникативную. Мы не можем согласиться с Ю.Н. Карауловым в том, что «и текст, и художественный образ, и стиль – коммуникативны, представляют собой разные ипостаси коммуникации. Словарь же лишен этого качества, он по природе своей номинативен» [6, с.79]. На наш взгляд, любой словарь создается с установкой на общение с потенциальным пользователем (именно с пользователем, а не с читателем, т.к. словарь не читают как произведение художественной литературы, к нему обращаются для получения необходимой в данный момент информации).

Нельзя сказать, что на это совсем не обращалось

внимания в теории лексикографии. Именно коммуникативная функция имеется в виду, когда подчеркивается, что выбор адресата и учет его интересов на всех этапах работы – одно из неперемennых требований к лексикографам. Показательно, что П.Н. Денисов определяет словарь как жанр метаязыкового (метаречевого) дистантного общения авторов словаря с читателями [4, с.205]. Э.М. Медникова рассматривает словарную статью как особый вид письменной речевой коммуникации [8, с.4]. Изучению словарной дефиниции в коммуникативном аспекте посвящена статья З.И. Комаровой [7]. Однако четкого выделения коммуникативной функции как таковой в работах лексикографов нам не встретилось.

Помимо выполняемых словарями функций, следует различать конкретные цели и задачи, которые стоят перед составителями определенных лексикографических изданий. Т.И. Гайкович, обобщая опыт работы над словарем М. Горького, подчеркивает, что задачей словарей литературного языка общего типа является нормативное описание общезыковой лексической системы, для выполнения которой словарь должен выявить и определить во всех аспектах содержания и функционирования только то, что соответствует общелитературной норме словоупотребления, т.е. отличается традиционностью, является общепринятым. Все индивидуальное в слове выступает с позиций общезыковых литературных норм словоупотребления как отклонение от нормы, как нарушение нормы и в качестве такового относится к числу фактов, не подлежащих описанию в нормативном толковом словаре. При этом «возникает противоречие, которое мало исследовано в теории общей лексикографии» [2, с.90-91]. Изучению этого противоречия способствует практика создания словарей языка писателя, целью которых является выявление особенностей стиля автора, которые проявляются в отборе речевых средств из общенародного языка и в специфике их применения.

Шестакова Л.Л. отмечает, что задачи, стоящие перед авторской лексикографией, «связаны с историко-лексикологическим, стилистико-художественным, индивидуально-авторским, эстетическим аспектами языка, обеспечением адекватности восприятия авторских текстов... и многими другими вопросами» [9, с.33]. При этом подчеркивается, что «комплексное понимание задач авторских словарей должно предусматривать их конкретизацию в связи с отдельными словарными типами и жанрами» [9, с.34].

При этом необходимо отметить, что задачи будущего словаря во многом зависят от того, кому предполагается адресовать конкретное лексикографическое издание. Можно утверждать, что принцип ориентированности на определенного адресата – одна из лексикографических универсалий. Словари АН адресованы самому широкому кругу пользователей: ученым, изучающим незузальную лексику, а также словообразовательные процессы в целом; ономастиологам и психолингвистам; исследователям идиостиля данного художника слова; всем, кто интересуется творчеством писателя, перу которого принадлежат собранные в сло-

варе окказионализмы, а также вопросами неологии и словообразования, в том числе преподавателям вузов, учителям, студентам и школьникам.

Таким образом, при работе над словарями АН необходимо учитывать интересы как профессиональных филологов, так и самого широкого круга потенциальных пользователей, что представляет определенную трудность для составителей. С одной стороны, надо стремиться к тому, чтобы словари рассматриваемого типа были доступны для восприятия любой читательской аудитории. С другой стороны, все авторские словари содержат информацию, ценную для лингвистов и литературоведов, их составители с целью точно отразить суть обозначаемых языковых явлений используют термины, которые должны получить разъяснение либо во Введении, либо непосредственно в словарной статье. Так, многие новообразования созданы при помощи окказиональных способов словообразования, называя которые, на наш взгляд, следует использовать термины и тут же в скобочной конструкции давать их расшифровку: сегментно-корневая субституция (замена незначимого сегмента корнем), трансрадикация (замена корня другим корнем) и т.п.

В целом словари АН по своим конкретным задачам близки к традиционным словарям языка писателя. К основным задачам, которые призваны решить словари рассматриваемого типа, относим следующие:

- дать возможность пользователю ознакомиться с индивидуально-авторскими новообразованиями писателя (поэта) в их совокупности;
- предоставить пользователю необходимые сведения о семантической структуре каждой представленной в словаре лексической единицы;
- дать стилистическую и экспрессивно-эмоциональную характеристику заголовочного слова;
- охарактеризовать авторские инновации со стороны их словообразовательной структуры;
- выявить особенности распределения индивидуально-авторских новообразований по понятийным классам;
- отразить системные связи инноваций как с узальными словами, так и с другими инновациями данного автора.

Итак, словари АН – это полифункциональные лексикографические произведения, которым свойственны функции, связанные с описанием и научным изучением русского языка в целом и языка отдельного писателя (поэта) в частности, с выявлением и научным освещением объективно существующих языковых потенций, а также справочная, систематизирующая, учебная и коммуникативная функции. Кроме того, перед словарями рассматриваемого типа стоит ряд конкретных задач, направленных на освещение индивидуально-авторских новообразований художника слова в их совокупности.

Библиографический список

1. Алешина Л.В. Словари авторских новообразований в контексте современной отечественной лексикографии. Орел: ОГУ, 2001. 172 с.
2. Гайкович Т.И. Материалы словаря М.Горького в аспекте общей лексикографии. // Словоупотребление и стиль М.Горького. Саратов, изд. Саратовского гос. ун-та, 1982. С.88–100.
3. Гак В.Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте). // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М.: Русский язык, 1977. С.11–27.
4. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык, 1980. 253с.
5. Дубичинский В.В. Искусство создания словарей: Конспекты по лексикографии. Харьков: изд-во ХГПУ, 1994. 102с.
6. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356с.
7. Комарова З.И. Метаязыковой текст словарной дефиниции в коммуникативном аспекте. // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 1997. С.51–65.
8. Медникова Э.М. Специфический текст: словарная статья в двуязычном словаре. // Синтагматика слова, словосочетания, предложения. Межвузовский сборник научных трудов. Волгоград: ВГПИ им. А.С.Серафимовича, 1988. С.3–10.
9. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

References

1. Aleshin L.V. Dictionaries copyright tumors in the context of contemporary national lexicography. Orel. OSU 2001. 172 p.
2. Gaykovich T.I. Materials dictionary Gorky in the aspect of general lexicography. // usage and style Gorky. Saratov, ed. Saratov State. University Press, 1982. Pp.88–100.
3. Gak V.G. Some regularities of lexicography (educational and general lexicography in the historical aspect). // Actual problems of educational lexicography. Moscow: Russian language, 1977. Pp.11–27.
4. Denisov P.N. Vocabulary of the Russian language and the principles of description. Moscow: Russian language, 1980. 253 p.
5. Dubichinsky V.V. The art of creating dictionaries: Abstracts on lexicography. Kharkov: Publishing house KHGPU, 1994. 102 p.
6. Karaulov Y.N. General and Russian ideography. Moscow: Nauka, 1976. 356 p.
7. Komarova Z.I. Metalinguistic text dictionary definitions in communicative aspect. // Art Text: structure, semantics, pragmatics. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural State University, 1997. Pp.51–65.
8. Mednikova E.M. Specific text: dictionary entry in a bilingual dictionary. // syntagmatics words, phrases, sentences. Interuniversity collection of scientific papers. Volgograd VSPI them. A.S.Serafimovicha 1988. Pp.3–10.
9. Shestakov L.L. Russian author lexicography: the theory, history, modernity. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2011. 464 p.

УДК 82.091 – 4 ТУРГЕНЕВ И.С.

UDC 82.091 – 4 TURGENEV I.S.

А.А. БЕЛЬСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет
E-mail: aa_bel@mail.ru

A.A. BEL'SKAYA

Candidate of Philology, Associate professor, Head of the department of journalism and public relations, Orel State University
E-mail: aa_bel@mail.ru

ХРИСТИАНСКИЕ АССОЦИАЦИИ В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «НОВЬ»

CHRISTIAN ASSOCIATIONS IN THE I.S. TURGENEV'S NOVEL «NOV»

Статья посвящена рассмотрению скрытого подтекста номинации одной из героинь романа Тургенева «Новь» – Фёклы Машуриной. Выявляются семантика, ассоциативный фон имени героини, которое обращает к христианской традиции и важной подтекстовой информацией которого является связь между русскими народниками и ранним христианством. Знаковыми в тексте являются запах серы и различные формы редуцирования личного имени героини: перенос, замена, безымянность, – что свидетельствует об отступлении нигилистки от своей духовной сущности, бытийных ценностей и мнимости, ложности, трагичности народнического движения в целом.

Ключевые слова: роман «Новь», номинация, Фёкла, семантика, христианские ассоциации, подтекст, народники, раннее христианство, редуцирование личного имени, безымянность, запах серы, бытийные ценности.

The article reviews the hidden subtext of the name Thecla Mashurina the one of the heroines of Turgenev's novel «Nov'». Identified semantics, associative pattern name of the heroine, which refers to the Christian tradition and important information, which is the implied connection between the Russian Populists and Early Christianity. The landmarks in the text are the smell of sulfur and various forms of reducing the personal name of the heroine: the transfer, exchange, anonymity that indicates the deviation from the nihilists of his spiritual essence, existential values and imaginary, falsity, in general the tragedy of the populist movement.

Keywords: «Nov'», nomi, Thecla, semantics, Christian association, subtext, Populists, Early Christianity, reducing personal name, anonymity, the smell of sulfur, existential value.

Все романы И.С. Тургенева связаны с воссозданием «образа и давления времени», духовного облика «быстро изменяющейся физиономии русских людей культурного слоя». Не является исключением роман «Новь» (задуман в 1870-м г., опубликован – в 1877 г.), в центре которого – изображение народнического движения 1870-х годов в России и «новых» героев, старающихся «перевернуть» жизнь и привести русский народ в утопический мир. Как правило, в науке при анализе последнего романа Тургенева поднимаются вопросы об особенностях социально-идеологического конфликта, глубине поднятых в «Нови» социально-политических проблем: критическом отношении автора к буржуазно-дворянскому либерализму, с одной стороны, и революционному движению – с другой, неприятии писателем целей, идеалов, тактики народников. Поскольку долгое время роман рассматривался в основном сквозь призму социальных идей, то это не способствовало целостной его интерпретации хотя бы потому, что тема народничества и неразрывно связанная с ней героическая тема не только осмысливаются писателем в характерном для него общественно-историческом аспекте, но и приобретают в тексте универсальный смысл. О том, что выход к универсальным категориям являет-

ся «неотменимым принципом осмысления материала и организации» тургеневского романа, писали многие учёные (С.М. Аюпов, Г.А. Бялый, Г.Б. Курляндская, Ю.В. Лебедев, Ю.М. Лотман, В.М. Маркович, В.А. Недзвецкий, О.Н. Осмоловский и др.). Особо стоит выделить книгу «И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30-50-е гг.)» В.М. Марковича, по мнению которого первостепенную роль для понимания истинного смысла и художественной целостности первых четырёх романов Тургенева играет «второй сюжет», а главным средством «образного сопряжения эмпирического и метафизического начал изображения» является символика [14]. Уточняя позицию учёного, С.М. Аюпов в качестве одного из выражений «всеобщего, универсального» внутри художественной системы каждого отдельного романа Тургенева («Отцов и детей», в частности) называет имена героев [2]. Несмотря на то, что в «Дыме» и «Нови» коренным образом меняется романная поэтика, изменения эти связаны, наряду с усилением «памфлетной окраски», с возрастанием символического мышления писателя, повышенной роли аллюзий, зашифрованного значения имён основных персонажей. Каждый, кто читал последний роман Тургенева, не мог не заметить, что в

нём поясняется происхождение если не всех, то очень многих фамилий героев (Нежданов, Калломейцев), редких или необычных имён (Сила, Снандулия), дериватов (Валя), описывается имянаречение некоторых из них, а в финале одной из наиболее значимых категорий, к которой приковано внимание автора, является категория «безымянности». Всё это позволяет утверждать, что роман «Новь» отличает особая поэтика личных имён, большинство из которых, помимо функции номинации и идентификации, сосредотачивают в себе символические смыслы и являются выражением универсального начала. Доказать это – наша цель.

Наибольший интерес представляет номинация основных женских персонажей романа: *Марианна* (Синецкая), *Фёкла* (Машурина), *Снандулия* (сестра Паклина), *Валентина* (Сипягина), имена которых, хотя и присутствовали в «святцах» и соответствовали антропонимической норме того времени, не были широко распространены в русском обиходе второй половины XIX века: *Валентина* считалось именем монахинь (Иаулентина); *Марианна*, *Фёкла*, *Снандулия* употреблялись единично. Между тем и писателю, и современным ему читателям были хорошо известны исходные значения, смыслы данных имён, деяния их святых носителей, так как данные сведения содержались в любом календаре. В более позднем энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона читаем: «Марианна или Мария – св. мученица, пострадала с Феклой и св. Яздундоктой (см. Снандулия) в Персии в IV в.; память 3 ноября» [27]. Безусловно, то, что три героини Тургенева носят имена трёх святых мучениц, памятуемых в один день и связанных между собою единым христианским подвигом, случайность, тем более, что в культурном пространстве они объединяются в служении общей – христианской – вере, а в художественном пространстве «Нови» Марианна Синецкая, Фёкла Машурина и Снандулия не только играют разную роль в развитии сюжета, но и олицетворяют различные пути развития России. Вместе с тем включённые в художественную систему произведения именованная никогда не бывают случайными, даже если художник слова неосознанно вводит их в свой литературный текст. Как правило, имена героев помогают писателям реализовать свои творческие задачи, а читателям – глубже проникнуть в авторский замысел, полнее понять авторское отношение к персонажам, всесторонне разобраться в авторском восприятии действительности. Нередко имя героя говорит «больше, чем задумал писатель» [13, 145], и тогда оно является ключом к подтексту произведения.

В центре нашего внимания – личное имя одной из героинь «Нови» – народоволки Фёклы Машуриной. В её образе Тургенев, по его собственному признанию, выводит тип «нигилистка *pur sang* [чистокровная (франц.)]», которая «способна на всякое самоотвержение» [21, 408]. В отличие от имён других женских персонажей романа, имя народоволки обладает широким литературным ассоциативным фоном: В.В. Капнист «Ябеда», И.А. Крылов «Урок дочкам», А.С. Пушкин «Домик в Коломне», Н.В. Гоголь «Женитьба», Ф.М. Достоевский

«Белые ночи», А.Н. Островский «Гроза» и др. Кстати, Пушкин в примечаниях к «Евгению Онегину» отмечает особую магию звучания имени *Фёкла* и относит его к «сладкозвучным греческим именам», подчёркивая при этом его низкий социальный статус в России – употребляется «у нас только между простолюдинами» [16, 180]. Основополагающее значение для поэта имеет «сладкозвучие» имени и не столько его социальный статус, сколько православно-христианский ореол. Недаром принадлежащую к одному из самых знаменитых польских аристократических семейств Каролину-Теклу-Розалию Собаньскую Пушкин «поминает» в своих рисунках как *Фёклу*, приводя, тем самым, по утверждению Любомиры Кравиль, «даже представителей иных конфессий» под покровительство православных святых [10]. Напротив, другому русскому поэту – поэту-демократу Н.А. Некрасову простонародное имя *Фёкла* решительно не нравится и потому свою жену «из простых» – Фёклу Анисимовну Викторову – он зовёт Зиной. Несмотря на столь широкий разброс мнений среди русских литераторов об имени *Фёкла*, оно занимает важное место в российской словесности: и в жизни писателей (Фёклой звали одну из дочерей А.Н. Радищева, жену Г.Р. Державина – Фёкла Андреевна, урожд. Козлова и др.), и в их произведениях и, следовательно, ещё до романа Тургенева «Новь» обретает определённые коннотации.

Пожалуй, первым среди русских литераторов, кто заостряет контекст «поэтического космоса» смысла имени *Фёкла* и учитывает при этом социальную среду его обитания, является Пушкин. В поэме «Домик в Коломне» героиня по имени *Фёкла* – кухарка, «добра старуха, давно лишённая чутья и слуха» [15, 254]. То, что она занимает одну из самых низших ступеней в социальной лестнице, никак не умаляет высоты нравственных качеств героини, живущей по-христиански, с Богом в душе. Вот как служение кухарки Фёклы оценивает в поэме коломинская вдова:

... Покойница Феклуша
Служила мне в кухарках десять лет,
Ни разу долга чести не наруша... [15, 258].

Обращает на себя внимание то, что в пушкинском тексте, кроме социального звучания, мотивирован первичный апеллятив относящегося к немногочисленному числу теофорных имён имени *Фёкла* (от греч. *Θέκλα* – «слава Богу»). У Пушкина ему свойственны семантика служения, долга, чести и положительная коннотация. Важно отметить, что имя не просто участвует в создании образа кухарки Феклуши, выступая важным характерологическим средством, оно способствует раскрытию идейно-эстетического содержания произведения. С образом героини по имени *Фёкла* связана одна из центральных ситуаций пушкинской поэмы – ситуация замены и смены обличья (условно назовём её ситуацией *смены/подмены*). После смерти старой кухарки в простом и мирном коломенском домике вдовы и её дочери Параша появляется молодая стряпуха по имени *Мавра*, а на самом деле – некто в неведомом облике, который так и остаётся неизвестным читателю. С точ-

ки зрения В.Ф. Ходасевича, в центре поэмы находится универсальная для болдинского периода творчества Пушкина метафизическая схема – «столкновения человека с темными силами». Новая «кухарка» (Мавра) – это не «просто разбитной парень, невысокого полета птица, где-то, когда-то сумевший прельстить неопытное сердце Параша», а «темная личность, не ограничившаяся ухаживанием у ворот да на гулянии, а решившая переступить мирный порог вдовы, свить гнездо в доме жертвы» [26]. В последнее время появляется немало научно-критических работ, в которых доказывалось, что имя кухарки нагружено в пушкинском тексте символическим смыслом. Согласно А.А. Фаустову, оно входит в пушкинскую мифологию пятницы [24], В.М. Зазнобин, заявляя об иносказательном характере бытования имени в поэме, считает, что оно обращает к апостолу Павлу и его последовательнице Фёкле. Интерпретируя образ одинокой коломинской вдовы как символ института российской государственности, образ Параша – как символ русского народа, исследователь полагает, что её помощница – «стряпуха Фёкла» – символизирует у поэта византийское христианство России, а ситуация смены кухарки Фёклы кухаркой Маврой есть не что иное, как замена на русской земле христианства марксизмом (исследователь напоминает, что друзья называли К. Маркса – Мавр и свои письма он подписывал этим псевдонимом). При трактовке пушкинской Фёклы, «доброй старухи, давно лишённой чутя и слуха», в качестве исторически сложившегося византийского христианства автор публикации о «Домике в Коломне» исходит из того, что легендарная христианская мученица I века была преданной ученицей, неистовой соратницей апостола Павла, сам же он (Савл – до принятия христианства) «имитировал» христианское учение, приспособивая его к нуждам иерархии Римской империи» [8]. Хотя тезис о том, что образ кухарки Фёклы олицетворяет у Пушкина византийское христианство, полемичен, но то, что имя героини реализует в поэме свой этимологический потенциал и семантически связано с ученицей апостола Павла, несомненно, как и то, что ситуация превращения имеет христианские корни.

Выбор Тургеневым имени *Фёкла* для фанатично преданной делу революции народоволки обусловлен, прежде всего, содержанием романа «Новь». Точно так же, как в «Домике в Коломне», в романе Тургенева имя указывает на социальное положение героини. Хотя *Фёкла* Машурина происходит из дворянской южно-русской семьи, но в ней есть, по словам исследователя Г.А. Бялого, «нечто плебейское, простонародное, – недаром она зовется Феклой» [6, 386]. Впрочем, «нечто плебейское» сквозит главным образом во внешности героини (маленькие, крохотные некрасивые глазки; мужественная рука; красные пальцы; твёрдая поступь; низкий голос; тяжёлые волосы, небрежно скрученные сзади в небольшую косу, и др.); духовный облик Фёклы определяют исконно народные (или «простонародные») черты: трудолюбие, которое помогает «дворянке», прибывшей в Санкт-Петербург с шестью целковыми в кармане, поступить в родовспомогательное заведение

и безустанным трудом добиться желанного аттестата акушерки; честность, самоотверженная любовь, страдание, готовность помогать ближнему, отречение, живущее, по словам К. Локса, «только в душе народа» [12, 104]. Таким образом, в романе Тургенева, как и пушкинской поэме, имя *Фёкла* не столько социально обусловлено, сколько отражает глубинное мироотношение героини (оценочная функция), больше того – выступает важным стилистическим средством раскрытия идейно-тематического замысла автора.

Нельзя не заметить, что у Тургенева имени *Фёкла* присуща та же семантика служения, долга, чести, что и у Пушкина в «Домике в Коломне», и не менее значимой, чем в пушкинской поэме, в «Нови» является ситуация *смены/подмены*. В тургеневском романе она непосредственно связана с сюжетом «чистокровной» нигилистки, которая для конспирации меняет собственное имя *Фёкла* на совершенно не подходящее ей имя недавно умершей итальянской графини Рокко ди Санто-Фиуме. Показательна реакция резонёра Паклина на это событие: «– Рокко ди Санто-Фиуме <...> и пьёт вприкуску чай! Уж очень неправдоподобно! [21, 387]. Сам Тургенев в письме А.В. Головнину от 8 (20) февраля 1877 года называет эпизод с «италианским паспортом Машуриной», ни слова не понимающей по-итальянски и имеющей «лицо самое русское», «шалостью» [23, 383]. Писатель, действительно, с определённой долей иронии повествует о наивной конспирации героини, но вряд ли случайно включает в роман, в центре которого – изображение ломки в России традиционных мировоззренческих взглядов, ситуацию *смены/подмены* народоволкой своего теофорного имени.

Тургенев называет «чистокровную» нигилистку именем особенным – равноапостольным, сообщающим и в реальной жизни его обладателю неповторимые черты. В формировании образа народоволки тоже участвуют ассоциативные смыслы, обращающие к святой, канонизировавшей её имя. Только на первый взгляд может показаться, что нет ничего общего между событиями жизни тургеневской нигилистки (как и пушкинской кухарки) и первомученицы Фёклы, ближайшей сподвижницы иудея Саула (Савла), превратившегося в христианского апостола Павла. В «Нови» отсутствует идущая от Библии, Нового Завета и Деяний святых апостолов иносказательная идея духовного перерождения апостола Павла и его ученицы Фёклы [Деян. 22:4-7], но в романе «обыгрывается» имплицитно присутствующая в апокрифических текстах ситуация превращения и есть прямые аналогии между судьбою романной героини по имени *Фёкла* и судьбою равноапостольной Фёклы, ревностно хранившей праведную веру и принявшей обет безбрачия. Напомним, что в контексте образа народоволки одним из наиболее значимых, раскрывающих сущностные начала её личности является мотив целибата и, следовательно, «работает» символика имени первомученицы Фёклы – «целомудренная девица». Обет безбрачия у тургеневской героини, как и у её соименницы, связан с «отказом от страсти» (С.С. Аверинцев), самопожертвованием, беззаветной

преданностью, беспрекословным подчинением долгу, точнее тому, что Фёкла Машурина считает долгом.

В отличие от большинства созданных Тургеневым женских персонажей, основной сферой жизни народовой становится не любовь, а служение. Впрочем, свою героиню писатель изображает не только последовательной, находящейся во власти социально-политических конфликтов революционеркой, но и живым, глубоко чувствующим человеком, с личными страстями и противоречиями. Любовная история народовой не занимает ведущего места в романе, но именно любовь становится одним из важных средств характеристики её личностного состояния. Оставаясь верным психологическому плану обрисовки человека, Тургенев характер «чистокровной» нигилистки воссоздаёт в процессе внутренней жизни и сложность душевного мира героини раскрывает средствами косвенного изображения, в основном – «мимическим языком»: то во взгляде Фёклы при ожидании Нежданова мелькнёт «что-то теплое и нежное, какое-то светлое, глубокое, внутреннее пятнышко», то при встрече с ним лицо её озарит «радостная улыбка», то «в течение вечера» она не спускает «с него глаз» [21, 140; 198]. Тайно влюблённая в Нежданова, Фёкла любит «безмолвно, безнадежно», испытывая и «робость», и «ревность». В отличие от Марианны Синецкой, любовь народовой возникает не на почве идейного сближения, в любви нигилистки много личного, сокровенного. Даже Марианна понимает, что Фёкла – это та женщина, которая «больше его [Нежданова – А.Б.] любит» [21, 336]. Более всего Марианну поражает то, что народоволка действует против революционной совести, когда не передаёт Нежданову «опасного письма». Марианна объясняет этот поступок «некрасивой женщины» её участием к Нежданову, великодушием и – жертвой. Получается, что тургеневская героиня по имени Фёкла ради любви сознательно отступает от определённых политических убеждений: она готова жертвовать собою, но самоотверженно оберегает счастье любимого человека. Для Фёклы «привязанность» (точнее, любовь) оказывается «сильнее чувства долга» [21, 336], выше справедливости. Самой себе народоволка признаётся, что ни для кого бы не сделала того, что сделала для Нежданова. Он, в свою очередь, с благодарностью вспоминает Машурину в прощальном письме. Как видно, мерилom духовного склада личности нигилистки у Тургенева становится любовь. Неприязательная, милосердствующая, жертвенная, она духовно и морально возвышает народоволку над политическими страстями и пристрастиями и одновременно вскрывает внутренний конфликт её мироотношения, обращает к традиционному тургеневскому конфликту между личным, индивидуальным и общественным целым.

Столь тщательно скрываемое, но ярко выраженное во внешне некрасивой Фёкле Машуриной женское начало, с одной стороны, и глубина и сила самоотверженной любви – с другой, сближают её с героиней апокрифических «Деяний Павла и Феклы», которую С.С. Аверинцев называет «огненным образом» [1].

Страстность тургеневской героини проявляется даже в том, что после самоубийства любимого человека она, раньше сильно ревновавшая Нежданова к Марианне, негодует «за то, что как могла она изменить его памяти» [21, 385]. В отличие от Марианны, Фёкла остаётся верна памяти Нежданова, и в финале романа предстаёт «вечной вдовой» с «недвижной печалью» в глазах [21, 383]. Конечно, Тургенев чрезвычайно далёк от следования житийной традиции, но в сюжете «чистокровной нигилистки» можно обнаружить «отсылки» к житию её легендарной соименницы: точно так же, как ученица апостола Павла, выступившая против фарисейского общества и бросившая вызов существующим порядкам, народоволка протестует против современного ей общества и борется за свободу и равенство народа; как и ученицу апостола Павла, которую во время гонений на христиан преследуют солдаты, революционерку в период гонения на народников преследует полиция; подобно ученице апостола Павла, отрекающейся от радостей мира, «благ и приманок жизни» и достойно выносящей на своём пути все мучения, народоволка отрекается от себя («Ни думать о себе, ни бояться за себя – не надо вовсе»), дома, семьи и готова принять любые страдания и мучения. В то же время существует принципиальная разница между тургеневской героиней и святой, освятившей её имя: Фёкла Машурина жертвенно служит не христианской вере, а народнической идее и в своём служении не уповает на Бога, а поклоняется «идолам». Как тонкий знаток русского слова, Тургенев не мог не знать, что изначально словом «народничество» называлось «язычество», т.е. «родная вера» (от древнеславянского «языцы» в смысле «народ»). В изображении писателя народники – это «язычники», отступившие от «нашей» – христианской – религии и принадлежащие к тому типу людей, которые, по мысли Тургенева, неудержимо отвергают «прежних кумиров» и встают на колени, ложатся «плашмя перед новыми, только что открытыми идолами» [20, 230].

В контексте образа «чистокровной» нигилистки значима такая деталь, как «аттестат акушерки». В противоположность многим героям-народникам автор наделяет Машурину определённой профессией. Может показаться, что в своём революционном служении Фёкла забывает о «желанном». Но это не совсем так: все силы она отдаёт как раз тому, чтобы народ «родился» для мира в ином качестве, и данное «родовспоможение» принимает у героини почти религиозный характер («Машурина – священнодействовала»). Показательно, однако, что авторское сравнение действий Фёклы с тайным культовым действием возникает в сцене чтения и сжигания революционерами письма, когда зажжённая спичка распространяет сильный запах *серы* [21, 144]. В данной сцене, с её запахом *серы* и сообщением автора о «священнодействиях» Фёклы, заключён глубокий символический смысл романа. Издавна неприятный запах *серы* ассоциируется с Сатаной и адом. Тургенев через ольфакторный код тоже намекает отнюдь не на божеское, а дьявольское происхождение и революционного приказа, и деятельности народников (в том числе

Фёклы Машуриной). Писатель изображает народовольцев людьми, в которых есть «что-то честное, и стойкое, и трудолюбивое» [21, 136]. Они готовы все силы отдать спасению народа, но ради этого хотят, как выражается резонёр Паклин, «целый мир кверху дном перевернуть» [21, 152]. Верящие не в этот, а в будущий мир, народники во имя социальной справедливости не просто потрясают «устои российской государственности, ее культурно-бытовой уклад», они отвергают истину, которая стоит за этими устоями и укладом. Неудивительно, что «перевертывание» мира, протест народовольцев против существующего миропорядка, ассоциируется у писателя с сатанинским делом. Желание народников спасти народ – это то же мессианство, но только без Бога, ибо «народ» замещает в их мировоззрении Бога (Н.А. Бердяев), и они, верящие только в самих себя, превозносящие выше всех человека, считающие «непогрешимыми» («несомненными и несокрушимыми») собственные убеждения, осознанно отказываются от Бога и, по сути дела, обольщают народ, осуществляя сатанинское предложение: *будете яко божи, ведяще доброе и лукавое*. Точно так же «священнодействия» Фёклы Машуриной, лишённые прославления Бога (именно так прочитывается имя народоволки), лишены духовно-эстетической составляющей. Отсюда, думается, текстовые номинации героини – «*неряшливая фигура*», «*некрасивая женищина*».

Тургенев, пожалуй, один из первых в русской литературе иносказательно рекомендует народовольцев последователями «Великого обманщика», Антихриста, Сатаны. Неудивительно, что тургеневская народоволка по имени Фёкла крайне далека от непостижимой тайны преображения, свершившегося с освятившей её имя святой. В жизни «чистокровной» нигилистки происходят «превращения» иного порядка: смена имени, перемена условий существования, вызванная смертью Нежданова и неудачами революционного дела, и, главное, подмена традиционной системы ценностей фанатичным социальным радикализмом, свержением прежних идеалов и преклонением перед новым «идолом» – революцией. После смерти Нежданова во внешне не меняющейся Фёкле происходят существенные внутренние изменения: она полностью отрекается от всего «чисто личного», не ведает колебаний, не сомневается в том, что ей нужно делать, и становится ещё более ревностной хранительницей революционных идей, истовой проповедницей революционной борьбы, не боится мучений, не страшится стать «безымянной».

Важно и существенно, что в тот момент, когда Фёкла намеревается «перешагнуть» в «безымянный» мир, в романе вновь появляется героиня с «причудливым» именем Снандулия. Едва ли писатель, давая своим героиням редкие (Фёкла) или необычные (Снандулия) имена, преследует цель обязательно обратить читателя к сравнению созданных им образов с их святыми предшественниками, но едва ли случайно избирает для своих героинь имена, ассоциативно связанные с христианством, с понятиями чистоты и благочестия. Сестру Паклина со святой Снандулией, известной также под

именем Яздундокта, сближает то, что она живёт во время «гонений» на христиан и врачует раны «больным» (Паклин, Машурина). Характер, поступки Снандулии (в отличие от Фёклы, нарушающей предназначение своего имени) детерминированы антропонимом, и в контексте романа наблюдается актуализация внутренней формы её имени – 'принимать на себя что-либо'. В «Нови» чрезвычайно значим принцип соотнесенности образов двух героинь. В тот момент, когда Фёкла просит Паклина найти «какую-нибудь записку Нежданова – или его фотографию», Снандулия подходит к Фёкле и «с участием, долго и пристально посмотрев на нее», жмёт ей «руку – как собрату» [21, 388]. В любви и верности горбунья, которая «по традиционным русским понятиям – божий человек» [18, 156], – «собрать» Фёклы. Но при общности духовных качеств (добро, любовь, сострадание, участие, жертва) представления о мире и сущности мира у героинь разные. Эти различия проявляются, в том числе, в их отношении к собственным именам. Когда Паклин хочет «перекрестить» сестру в Софию, та упорно держится своего «странного» имени и объясняет это тем, что «горбатой так и следует называться» [21, 241]. Напротив, Фёкла с пренебрежением относится к своему теофорному имени («Вам моя фамилия известна. Чего же больше!..») и в целях конспирации меняет его на «*di Santa Fiume*», пренебрегая, тем самым, евангельской истиной: «Радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» [Лук.10:20]. Основное различие героинь заключается в том, что одна из них – подменяет христианские ценности народническими – бесовскими – идеями (Фёкла), а другая – хранит верность «нашей религии» (Снандулия). Именно устами Снандулии автор в конце романа напоминает о духовной ценности «нашей религии» и необходимости её участия в развитии России: «Силушка <...> в твоих рассуждениях о будущем ты забываешь нашу религию и ее влияние...» [21, 388].

Тиме Г.А. считает, что в «Нови» Тургенев обозначает временный этап «хорового развития» народной жизни и преодоления индивидуальности двумя противоположными типами: *серого* и *безымянного* человека, что доказывает, по мысли исследователя, примирение тургеневских философских противоречий, соотносящихся с немецкой философией и с русской реальностью [18, 154; 166]. Многие тургеневеды убеждены, что будущее России Тургенев связывает с «крепкими, серыми, одноцветными, народными людьми», типа Соломина [21, 387]. Но весьма красноречив и, без сомнения, имеет дополнительный смысл в романе образ фабричного «мальчика лет четырех», с огромным животом, взъерошенной головой, выпачканного в сажу, который «сидит и безнадежно плачет, словно оставленный целым миром» [21, 223]. Есть все основания предполагать, что в романе, в котором не только показано всеобщее отчуждение людей друг от друга (бытие-для-себя), но и представлен такой способ человеческого бытия, как бытие-с-другим, бытие-друг-с-другом, бытие-вместе (Фомушка и Фимушка), Тургенев ставит под сомнение и всеспасительность буржуазной демократии,

буржуазно-демократического развития, которое сродни «большому маховому колесу» («серый человек»), и безусловность такого явления, как «безымянность».

В финальной сцене «Нови» отображён начавшийся в конце 1860-х – начале 1870-е годов в российском обществе патетический процесс социальной анонимности: «– Или вами распоряжается безымянный какой?

Машурина уже перешагнула порог.

– А может быть, и безымянный! <...>

Паклин долго стоял неподвижно перед этой закрытой дверью.

– “Безымянная Русь!” – сказал он наконец» [21, 396]. Долгое время в науке считалось, что под «безымянной Русью» в романе подразумевается русский народ, не приемлющий политики русского самодержавия [5].

Поскольку проблема «безымянности» занимает одно из центральных мест не только в «Нови», но и во всем позднем творчестве Тургенева, то она требует дополнительного и пристального рассмотрения. Само по себе понятие «безымянность» сложно и неоднозначно. Так, «безымянность» в значении 'подчинение личного начала общему' и 'полное отречение от себя' обозначает сугубо русское явление, живущее в душе православного русского народа и отражающее сущность русской реальности. Издавна русскому человеку были присущи коллективистские настроения, связанные с древней традицией и не объяснимые никаким рациональным толкованием самоотречение и самопожертвование. Стоит согласиться с Г.А. Тиме, что для Тургенева в период «хорового развития» русской жизни актуальным становится понятие «безымянность» в значении 'лишенный индивидуальности', что подтверждает письмо к А.П. Философовой от 11 сентября 1874 года: «Времена переменялись; теперь Базаровы *не нужны*. Для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума – ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального; нужно трудолюбие, терпение; нужно уметь жертвовать собою безо всякого блеску и треску – нужно уметь смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже низменной работы» [23, 181]. Надо отметить, что суть тургеневского высказывания о ненужности «слишком индивидуального» не означает утверждения приоритета коллективной социальности и, тем более, обезличивания человека, ибо уничтожение индивидуальных различий неизбежно влечёт за собою уничтожение этических отношений. Другое дело, что Тургенев, для которого непреложным является «примирение» и «разрешение» любых противоречий, исполнение насущных дел во время «хорового развития» связывает не с самоутверждением и индивидуализацией личности, «крупными», «выдающимися» личностно-индивидуальными началами (талант, ум), нередко ведущими к эгоизму, а с тем внутренним, активно-действенным индивидуальным («сердце, способное жертвовать своим эгоизмом»), подвигающим человека терпеливо и усердно трудиться для общественного блага и «жертвовать» собою «безо всякого блеску и треску».

Недаром в тургеневском стихотворении в прозе «Порог» доминантной является идея «безымянной жертвы»: «– ... Ты готова на жертву? <...> На безымянную жертву?..

– Мне не нужно ни благодарности, ни сожаления. Мне не нужно имени» [22, 147-148]. Как видно, лексема 'безымянный' употребляется в миниатюре в значении 'незнание имени' и обращает к христианской традиции, согласно которой дела милосердия лучше творить незаметно, безымянно, без упоминания имени, чтобы тот, кому оказывается милость, не мог поблагодарить и другие люди не могли бы похвалить, иначе доброе дело может не быть зачтено на небе, так как дающий получит уже награду на земле [7, 191]. Героиня «Порога» стремится к «безымянной жертве, т.е. к сознательному сокрытию имени, бескорыстной помощи ближнему. Но желая исполнить гражданский долг (отражение героического начала), принести жертву за идею, за человечество, она отрекается от собственного имени («Мне не нужно имени»), что приводит к принятию «преступления», а значит, к отступлению от сакрального понимания человека, образа Божьего в человеке, от православной морали во имя социального морализма. Существует еще одно понимание «безымянности» как 'утраты памяти о личности', которое связано с ритуальной безымянностью, когда после смерти человека (чаще всего, самоубийцу) не отпевают, что ведёт не просто к его безвестности, а к забвению, утрате памяти о личности. Понимание революции у Тургенева близко к пониманию самоубийства – для человека, страны, народа. Возможно, поэтому в стихотворении в прозе героический поступок русской девушки, уходящей из Дома и перешагивающей через «порог» в мир, в котором её ожидают «холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь», «отчуждение полное, одиночество» и самая смерть, находится на грани славы («Святая!») и осуждения («Дура!»).

В романе «Новь» отстаивающая независимость и свободу народа Фёкла Машурина тоже «перешагивает» через «порог» (т.е. движется через что-либо) в мир, в котором распоряжается «безымянный», – в «безымянную Русь». Обращают на себя внимания образы «*порога*» и «*закрытой двери*», которые приобретают в тургеневском тексте дополнительные смыслы. Традиционное символическое значение этих образов – противопоставление внутреннего, замкнутого, защищающего пространства, внешнему, незамкнутому и враждебному. В романе *порог* и *закрытая дверь* тоже акцентируют фронтирное (пограничное) положение героев. *Порог*, с одной стороны, символизирует границу между личными пристрастиями народоволки Фёклы Машуриной и её сверхличным долгом, требующим беззаветного героизма и суровых ограничений, с другой – выступает знаком предупреждения, ибо народоволка вступает в «безымянный» мир, в котором, наряду с «безымянной жертвой», есть место «преступлению». *Закрытая дверь* тоже предстаёт двойным символом: это знак человеческого отчуждения, непреодолимой преграды между избранным Фёклой путём – своего рода крестовым по-

ходом, чтобы поднять народ на революцию, – и жизнью остальных людей, таких как Сила и Снандулии, и одновременно символ их защиты (ср: в христианской трактовке – «Дверь Спасения») от «безымянного» мира. Следовательно, образы-символы *порога* и *закрытой двери* являются у писателя интегральными, синтезирующими в себе семантику соответствующего архетипа и активизирующимися в контексте романа значениями. Существенной деталью в тексте является *неподвижность* Паклина перед закрытой дверью «безымянного» мира, что усиливает ощущение опасности и угрозы последнего. Символические образы *порога*, *закрытой двери*, *неподвижность* одного из героев выступают значимыми индикаторами авторского видения начавшегося в современном обществе процесса «безымянности» как отрицания имени, утраты ценностей, конфронтации социально-атеистических идей и идей православных. Стоит согласиться с И.А. Беляевой, что понятия «безымянность» имеет в тургеневском тексте ещё одно значение – 'безликое и бездушное всеобщее' [3, 208]. Очевидно, что «безымянность» входит у Тургенева в контекст *смены/подмены* ценностных основ бытия, «перевертывания» духовной жизни России. Начавшийся в стране процесс «безымянности» писатель воспринимает как гибельный и неверный. «Безымянная Русь», теряя имя и растворяясь в безликом МЫ, утрачивает своё «духовное устройство»: рушатся основные национальные принципы жизни, предаётся забвению «наша религия» как универсальная ценность, переосмысляются вековые традиции нравственности, нивелируется личностная значимость и память о личности. Трансформируясь в «бездушное всеобщее», «безымянная Русь» как бы забыта Богом, обезличена, лишена собственного лица, своей самобытности.

Пусть Тургенев «величайшей глубины России – ее религии – почти не чувствовал» (Б.К. Зайцева) и всегда оставался верен «знамени, под которое «встал в молодости» и на котором были начертаны слова «наука», «прогресс», «гуманность», «цивилизация», непоколебимым для писателя является основной закон природы, согласно которому только через Любовь «всё, что существует, – существует для другого, в другом только достигает своего примирения или разрешения – и все жизни сливаются в одну мировую жизнь» [19, 517]. Нарушение закона «общей, бесконечной гармонии» Тургенев видит, в том числе, в насильственном вмешательстве в ход исторического развития России, в радикальном переустройстве общества, в ломке привычных норм жизни, в обезличивании и неуважении к традициям, в частности, к традициям «нашей религии». В свою очередь, ущербность идеологии народников, трагедию «хождения в народ», ущербность и трагедию «безымянной Руси» писатель обнаруживает в отсутствии бытийственного взгляда на мир, в стремлении «перевернуть» его. Не случайно в финале романа предстают фигуры двух героинь – народоволки Фёклы Машуриной, готовой, подобно первомученице Фёкле, на подвиги, но проповедующей не Христа, а нечто безликое и бездуховное, и «добродетельной» Снандулии,

напоминающей о необходимости учитывать в настоящем и будущем православно-христианскую традицию.

«Новь» можно считать романом-предупреждением Тургенева. Будучи либералом, западником, «постепеновцем», философом, писатель не мог принять ни поведения, ни политической программы, ни тактики, ни типа мышления революционеров-народников, пытающихся «целый мир кверху дном перевернуть». Известно, что Тургенев считает народников «людьми, большей частью хорошими и честными», с некоторыми из них (П.Л. Лавров, Г.А. Лопатин, П.А. Кропоткин, С.М. Степняк-Кравчинский) находится в приятельских отношениях, читает свой последний роман в доме П.Л. Лаврова в Лондоне, но к народническому движению относится настороженно. Кстати, один из лидеров народничества П.А. Кропоткин утверждал, что громадный талант Тургенева позволяет ему заменить «две характерные черты» ранней фазы народнического движения: «непонимание агитаторами крестьянства, вернее – характерную неспособность большинства ранних деятелей движения понять русского мужика, вследствие особенностей их фальшивого литературного, исторического и социального воспитания, – и, с другой стороны, их гамлетизм, отсутствие решительности или, вернее, “волю, блекнущую и болеющую, покрываемая бледностью мысли”, которая действительно характеризовала начало движения семидесятых годов» [9]. Данную интерпретацию революционера отличает определённая заданность. Громадный талант Тургенева проявляется, прежде всего, в том, что он подмечает глубинную, скрытую – бесовскую – сущность радикалов, в жизни которых происходит *смена/подмена* ценностных ориентиров, вплоть до «перевертывание» вверх дном закона «мировой жизни»: не примирение, а вражда, не разрешение, а разрушение, не слияние, а разъединение, не любовь, а социальная справедливость и революция. Отсюда тургеневская оценка народников как деструктивной силы и утверждение нравственной ответственности тех, кто пытается изменить (перевернуть) мир и обратить народ в «новую» веру. Впрочем, «гамлетизм», о котором упоминает П.А. Кропоткин, свойственен одному из героев «Нови» – рефлектирующему «романтику реализма» Алексею Нежданову, в самой глубине существа которого запрято «что-то горькое, не то скука, не то злость» [21, 171]. Что же касается непонимания крестьянства агитаторами, которое П.А. Кропоткин объясняет «фальшивым» литературным, историческим, социальным воспитанием последних, то на страницах романа автор осуждает их не за «фальшивое» воспитание, а за эстетический нигилизм, историческую ограниченность (не стараются «узнать, чего собственно хочет народ»), «фальшивую» социальную программу (не столько стремятся помочь народу, «с простым народом <...> заодно быть», «народ поучить уму-разуму», сколько бунтуют мужиков), отход от «нашей религии» и «идолопоклонство». Русская интеллигенция, ориентированная на «сближение» с народом, на самом деле, оказывается лишена корней и потому крайне далека от понимания духовной сути, нрава, обычаев народа. Как

показано в романе, в её среде не просто происходит смена идеологий, вершится подмена ценностей, заданных христианством.

Последний роман Тургенева любопытен тем, что имя народоволки Фёклы Машуриной, будучи неким «кодом», в сжатой форме содержит информацию не только о прошлом и настоящем, но и будущем его существования. Писатель «предугадывает» данное имя как одно из знаковых имён народнического движения 1870-х годов. Известно, что многие современники Тургенева после «процесса 50-ти» (март 1877 г.) называли его «пророком», заметив «интимнейшую связь между Марианной из “Нови” и Засулич». Но в народническом движении 1870-х годов широко известной была еще одна фигура – солдаты Фёклы Косой, под именем которой в революционной деятельности участвовала потомственная дворянка, дочь черниговского помещика Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, урождённая Вериге, жена мирового судьи и возлюбленная П.А. Кропоткина, которую в советское время называли «бабушкой русской революции». В 1870-е годы Е.К. Брешко-Брешковская агитировала среди крестьян в качестве швеи и красильщицы с паспортом на имя солдаты Фёклы Косой (вероятно, оно было выбрано потому, что употреблялось в России «между простолудинами») и для пропаганды социализма использовала «религиозные верования нашего народа». Впоследствии за революционную пропаганду она была арестована, находилась три года в заключении в тюрьмах и Петропавловской крепости и стала единственной женщиной, осуждённой на «процессе 193-х» (1877–1878) к четырём годам каторги. Нельзя не заметить, что в жизни реальной народоволки происходят многие события, предвиденные Тургеневым в «Нови» в сюжете Фёклы Машуриной: замена имени (простонародное имя Фёкла – имя итальянской графини Рокко ди Санто-Фиуме; распространённое в дворянской среде имя *Екатерина* – простонародное имя *Фёкла*), смена обличья (акушерка – народница; дворянка – народница, мнимая швея и красильщица) и, что самое главное и существенное для писателя, подмена тысячелетней системы ценностей. Точно так же, как Лиза Калитина не могла бы зваться Осининой, так и «чистокровная» нигилистка не могла носить иного имени, кроме *Фёкла*. Вряд ли выбор данного имени обусловлен его «плебейским» звучанием и желанием писателя заострить сатирическое содержание образа героини. При том, что в народоволке есть и ограниченность («глупы! глупы!»), и женская ущербность (некрасива), и комичность (называется графиней), куда важнее для писателя то, что её имя *Фёкла* обращает читателя к христианской традиции и вызывает христианские ассоциации (ср.: имя другого героя-народника – *Пимен*). Как единица, репрезентирующая связь писателя с культурно-историческим контекстом, имя героини способствует раскрытию индивидуально-авторской картины мира и несёт важную подтекстовую информацию. От Тургенева не укрывается связь между народниками и ранним христианством с его идеалами равенства, отречения и самопожертвования. Фёкле

Машуриной присущи те же качества, что и христианской святой – первомученице Фёкле: отвага, преданность, жертвенность. Соответственно, имя определяет и сущность личность народоволки – внутреннюю жертвенность, появляющуюся в самоотречении, и возможную будущую судьбу – мученичество и страдание («Святая!»). В готовности русского человека, в том числе Фёклы Машуриной, к самоотвержению и самопожертвованию, Тургенев, называющий себя «не христианином», находит православные истоки. Вместе с тем в контексте образа «чистокровной» нигилистки постоянно акцентируются различные формы редуцирования её личного имени: перенос, замена, безымянность, – что свидетельствует о разрушении в жизни честной, целомудренной, самоотверженной Фёклы микрокосма её человеческого существования, обусловливаемого теофорным именем. В кругу народников личное имя нигилистки часто переносится на фамилию, автор нередко называет героиню не по имени, а по фамилии; затем она сама заменяет собственное имя, а значит, сознательно отступает (подменяет) от его бытийного смысла; наконец, «перешагивает» в «безымянный» – обезличенный – мир, в котором должна полностью утратить имя. Не вызывает сомнения, что, наряду с ассоциативным фоном имени героини, знаковым у писателя является его семантическое искажение. В жертвенном служении народу и революции, которое автор сравнивает с «священнодействием», Фёкла отступает и от своей «духовной сущности», и от сущности веры христианской («нашей религии»), поскольку замещает славу Богу славою революции (дело сатанинское) и славою народу, который представлен в романе «тёмной» силой (в тексте он сравнивается с дремучим *лесом*, который в мифопоэтическом плане толкуется как место, враждебное человеку).

Знаменательно, что в последнем романе Тургенева «олицетворением русского народа» [21, 363] выступает голоплёцкий Еремей, выдающий народника Маркелова полиции и заставляющий его усомниться в «несомненном и несокрушимом» [21, 363]. Считаем, что имя *Еремей* «задействуется» писателем не столько как обрусевшая форма имени ветхозаветного пророка Иеремии (др.-греч. *Ιερεμίας*, древнееврейское *йирмеяху* — «вознесённый (богом) Яхве») [17], сколько как «условное имя простого человека из народа», употребляемое в таком качестве и преимущественно с негативной коннотацией в русских пословицах [11]. Как верно замечено А.Ф. Кони, Тургенев не только «завещал нам Лукерью в “Живых мощах” – этот кристалл народной красоты, но и отлично знал, что “голоплёцкий Еремей” надует либералов» [25]. Помимо народа, «тёмной силой» в романе выступают также оторванные от родной почвы, лишённые корней «бесноватые» народовольцы. Необразованный, «спящий» русский народ, столкнувшись с народнической «ересью», воспринимает идеи, деятельность революционеров как странные, опасные и «тёмные». Возможно, поэтому ни один из тургеньских героев-народников, многие из которых – полубезымянные, лишены собственного дома, пристанища, не могут укорениться в нормальной жизни, в народной почве. За

видимым смыслом этого «неукоренения» – безысходным конфликтом между народом и народовольцами, «дело» которых, несмотря на «честность», «ложно и нежизненно», у писателя таится скрытый смысл – трагическая обречённость на непонимание, обусловленная сменой/подменой радикалами бытийных ценностей. Собственно именно поэтому писатель выбирает для «чистокровной» нигилистки имя *Фёкла*, которое вызывает христианские ассоциации, обращает к идее самоотречения, но этимология которого (от греч. *Θέκλα* – «слава Богу») не гармонирует ни с народнической идеологией, ни с народнической деятельностью, что доказывает мнимость, ложность и трагичность избранного героиней пути. Поскольку в романе Тургенева за отдельными женскими персонажами закреплены определённые цвета, обладающие символическим значением (*Сипягина* – *бледно-лиловый, розовый*; *Марианна* – *коричневый, красный*), то трагическую безысходность «дела» и пути народовольки усиливает, в том числе *чёрный* цвет её платья. Последнее маркирует также фамилия героини – *Маширина*. Она происходит от производной формы женского имени *Мария* – *Машиа/Машиура* (ивр. מִשְׁיָא, греч. *Μαρία*, которое, по одной версии, происходит от корня, означающего «отвергнутая», по другой – от слова *πίκρα* – «печальная») и невольно обращает к собственно тургеневской интерпретации сюжета «Маш», которому, как правило, присуща драматическая (или трагическая) развязка [4]. Скорее всего,

фамилия *Маширина* является кодом к дешифровке любовной истории героини («недвижная печаль» в глазах после самоубийства Нежданова), но фамилия определяет жертвенность и обречённость судьбы нигилистки. Не исключено, что посредством фамилии, происходящей от уменьшительного имени, акцентируется трагикомическая функция образа героини, двойственность народнического движения и его в сущности – из-за отвержения народом – историческая малость («не может не привести их к полному фиаско»).

Итак, в романе «Новь», сюжетное пространство которого организует социально-политическая тематика, проблемы современности осмысляются сквозь призму всеобщих, универсальных, выходящих за пределы конкретно исторического времени начал. Трудно уловимый авторский подтекст реализуется в романе в основном посредством символических образов, но важное значение имеет аллюзивно-ассоциативный фон имени «чистокровной» нигилистки, которое, воплощая в тексте свой культурологический потенциал, вызывает христианские ассоциации и обращает к глубинному смыслу романа Тургенева. Разумеется, рассмотрение семантического пространства имени любого персонажа не полно без исследования имён всех действующих лиц, с которыми он вступает в те или иные отношения в тексте, поэтому весьма перспективной темой изучения является анализ антропонимического мира «Нови» в целом.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Другой Рим: Авторский сборник. СПб.: Амфора, 2005. 368 с.
2. Аюпов С.М. Эволюция тургеневского романа, 1856-1862 гг.: соотношение метафизического и конкретно-исторического. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 292 с.
3. Беляева И.А. Система жанров в творчестве И.С. Тургенева. М.: Издательство «МГПУ», 2005, 250 с.
4. Бельская А.А. Имя творчество А.С. Пушкина и И.С. Тургенева: к вопросу о тезоименных героях писателей // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 139–146.
5. Буданова Н.Ф. Роман И.С.Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х годов. Л.: Наука, 1983. 174 с.
6. Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. М.;Л.: Советский писатель, 1962. 248 с.
7. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М: Издательство «Паломник», 2000, 544 с.
8. Зазнобин В.М. (1990-е) – Домик в Коломне, смена логики, короткий оверштаг. URL: <http://new.vodaspb.ru/pub/p104.php>
9. Кропоткин П. Русская литература. Идеал и действительность. Курс лекций. М.: Век книги, 2003. 320 с.
10. Краваль Л. «...Для сладкой памяти невозвратимых дней...» // Волга. 1999. №6.
11. Лихачёв Д.С. От исторического имени литературного героя к вымышленному // Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. С. 107-126.
12. Локс К. Вера и сомнения Тургенева // Творчество Тургенева. Сб.ст. под ред. И.Н.Розанова и Ю.М.Соколова. М., 1920. С. 90–112.
13. Магазаник Э.Б. Ономапозитика, или «Говорящие имена» в литературе. Ташкент: Фон, 1978. 146 с.
14. Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. 208 с.
15. Пушкин А.С. Домик в Коломне // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1960. С. 254–459.
16. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1960. С. 5–200.
17. Суперанская А.В. Словарь русских личных имён. (Библиотека словарей РАН). М.: Эксмо, 2006. 544 с.
18. Тиме Г.А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. СПб.: Издательство «Нестор-история», 2011, 456 с.
19. Тургенев И.С. «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». С. А–ва // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30-и тт. С. Т.IV. М.: Издательство «Наука», 1980, 686 с. С. 509–522.
20. Тургенев И.С. Довольно // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30-и тт. С. Т.VII. М.: Издательство «Наука», 1981, 574 с. С. 220–231.
21. Тургенев И.С. Новь // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-и тт. С. Т. IX. М.: Издательство «Наука», 1981, 559 с. С. 133–389.
22. Тургенев И.С. Порог // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.и писем: В 30-и тт. С. Т.X. М.: Издательство «Наука», 1982, 608 с. С. 147–148.

23. *Тургенев И.С.* Письма (1874). Письма (1877) // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т 12 и Т. 15. Кн. 2. М.: Издательство «Наука», 2002, 2014. 556 с; 766 с.
24. *Фаустов А.А.* Из ономастикона пушкинского «Домика в Коломне» (Параша и Фекла) // Кормановские чтения. Ижевск, 2002. Вып. 4. С. 19–33.
25. *Хин-Гольдовская Р.М.* Памяти старого друга: Воспоминания современников об А.Ф. Кони. URL: <http://www.litmir.net/>
26. *Ходасевич В.* Петербургские повести Пушкина // Ходасевич В. Колеблемый треножник. Избранное. М.: Советский писатель, 1991. С. 172–185.
27. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. 1890–1907. Том XVIIIА (36). С.-Пб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1896. 494 с.

References

1. *Averincev S.S.* Other Rome: The author's collection. St. Petersburg.: Amphora, 2005. 368 p.
2. *Аурипов С.М.* Evolution of Turgenev's novel, 1856–1862 years: ratio of the metaphysical and concrete historical. Kazan: Kazan University Press, 2001. 292 p.
3. *Belyaev I.A.* The system of genres in the I.S. Turgenev's works. M.: Moscow State Pedagogical University, 2005, 250 p.
4. *Belskaya A.A.* Name work of Alexander Pushkin and Ivan Turgenev: To the question of tezoname characters of the writers // Scientific notes of Orel State University. Vol. 1. 2011. Orel, 2011. Pp. 139–146.
5. *Budanov N.F.* Turgenev's novel «Virgin Soil» and revolutionary populism of the 1870-s. L.: Nauka, 1983. 174 p.
6. *Byaly G.A.* Turgenev and the Russian realism. M., L.: Soviet writer, 1962. 248 p.
7. *Gromyko M.M., Buganov A.V.* About the views of the Russian people. M: «Pilgrim» Publisher», 2000. 544 p.
8. *Zaznobin V.M.* (1990s) – The House in Kolomna, a change of logic, change tack. URL: <http://new.vodaspb.ru/pub/p104.php>
9. *Kropotkin P.* The Russian literature. Ideal and reality. A course of lectures. M.: Vek knigi, 2003. 320 p.
10. *Kraval L.* «... For memories sweet of days forever left behind...» // Volga. 1999. №6.
11. *Likhachev D.S.* From the historic name of a literary character to a fictional // Man in the literature of ancient Russia. M.: Nauka. 1970. 107–126 Pp.
12. *Locks K.* Turgenev's faith and doubt // Turgenev's creativity. The collection of the articles edited by I.N. Rozanova and Yu.M. Sokolova. M., 1920. 90–112 p.
13. *Magazanik E.B.* Onomapoetika or «speaking names» in the literature. Tashkent: Fon, 1978. 146 p.
14. *Markovich V.M.* I.S. Turgenev and Russian realistic novel of the XIX century. L.: Leningrad University Publishing, 1982. 208 p.
15. *Pushkin A.S.* The Little House in Kolomna // Pushkin's Works in 10 volumes. Vol. 3. M.: Khudozhestvennaya Literatura, 1960. Pp. 254–459.
16. *Pushkin A.S.* Eugene Onegin // Pushkin's Works in 10 volumes. Vol. 4. M.: Khudozhestvennaya Literatura, 1960. Pp 5–200.
17. *Superanskaya A.V.* The dictionary of russian personal names. (RAS dictionaries Library). M.: EKSMO, 2006. 544 p.
18. *Tim G.A.* Russia and Germany: a philosophical discourse in Russian literature of the nineteenth and twentieth centuries. St. Petersburg: Publisher "Nestor History", 2011, 456 p.
19. *Turgenev I.S.* Notes of a rifle hunter of the Orenburg province // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol.VII. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 509–522.
20. *Turgenev I.S.* Dovolno // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol.VII. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 220–231.
21. *Turgenev I.S.* Nov' // Turgenev I.S. The complete collection of works and let-ters in 30 volumes. Vol.VII. - Moscow: Nauka, 1981. Pp. C. 133–389.
22. *Turgenev I.S.* The Threshold // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol.VII. - Moscow: Nauka, 1981. Pp. 147–148.
23. *Turgenev I.S.* Letters (1874). Letters (1877) // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol. XII, Vol. XV. Book 2. Moscow: Nauka, 1981. 556 p; 766 p.
24. *Faustov A.A.* Onomasticon of Pushkin's «Little House in Kolomna» (Paracha and Thecla) // Kormanovskiy reading. Izhevsk, 2002. Issue 4. Pp. 19–33.
25. *Hin-Goldovskaya R.M.* In memory of an old friend: Memoirs of contemporaries of A.F. Koney. URL: <http://www.litmir.net/>
26. *Hodasevich B.* Petersburg Pushkin's story // Hodasevich V. Oscillation of a tripod. Favorites. M.: Soviet writer, 1991. Pp. 172–185.
27. Collegiate Dictionary Brockhaus F.A. and Efron I.A. 1890-1907. Vol. XVIIIА (36). St. Petersburg.: Semyonovskaya tipolithographic (I.A. Efron), 1896. 494 p.

УДК 821.161.1 (091) - 4

UDC 821.161.1 (091) - 4

И.А. БОБЫЛЕВА

аспирант, кафедра русской литературы XX–XXI вв. и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет
E-mail: merkulowa.ira@yandex.ru

I.A. BOBYLEVA

Graduate student, Department of Russian literature of the XX–XXI centuries and the history of foreign literature, Orel State University
E-mail: merkulowa.ira@yandex.ru

ТВОРЧЕСТВО В.Л.ГАЛЬСКОГО В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ XX ВЕКА

CREATIVITY V.L. GAL'SKOI IN THE LITERARY PROCESS OF THE XX CENTURY

В статье рассмотрены особенности развития литературного процесса русского зарубежья 1930–1950-х годов. Творческая биография В.Л. Гальского (1908–1961 гг.) исследована в контексте поэзии русского Белграда и Парижа. Устанавливается связь художественной литературы «незамеченного поколения» первой эмиграции и «дипийской» литературы». Выделены рецензии творчества В.Л. Гальского в зарубежной литературной критике. Проведено уточнение текстологической базы исследования.

Ключевые слова: русское литературное зарубежье первой волны, В.Л. Гальской (1908–1961 гг.), взаимосвязь первой и второй эмиграции, литературная критика русского зарубежья.

The article focuses on some features of development Russian-language literature abroad from 1930 to 1950. V.L. Galsky's creative period (1908–1961) is investigated in a context of poetry of Russian Belgrad and Paris. The fiction connection between “unnoticed generation” of the first emigration and “dipiysky” literature» is formed. Reception of Galsky's creation in the foreign literary criticism were marked. Specification of textual base research is carried out.

Keywords: Russian literary countries of the first wave, V.L. Galskoy (1908–1961.), relationship first and second emigration, literary critic of the Russian Diaspora.

С начала 1990-х годов (после издания книги «Путь усталости» [6]) поэзия В.Л. Гальского (1908–1961 гг.) возвращается в отечественную литературу. Его произведения публиковались в коллективных сборниках эмигрантов: «Мы жили тогда на планете другой. Антология поэзии русского зарубежья (1920–1990)» [2: 294, 380], «Вернуться в Россию – стихами... (200 поэтов эмиграции)» [1: 146], «Антология поэзии русского Белграда» [10: 80], «Дальние берега. Антология поэзии русского зарубежья» [9] и другие. Имя поэта-изгнанника вошло в современные справочно-энциклопедические издания [14]. Научные статьи, посвященные творчеству Гальского, опубликованы Т.А. Пономарёвой [18: 58–65], О.В. Вологиной, Г.А. Тюриным [25: 52–60] и др.

В литературоведении начала XXI-го века поставлена проблема, связанная с «локализацией» литературы русского зарубежья. Писатель и литературовед Евгений Витковский в своей книге «Против энтропии» в статье «Возвратившийся ветер» отмечал: «Буквально на наших глазах начался и расцвёл буйным цветом процесс “локализации” эмигрантских ценностей внутри России, превращение ещё вчера неведомых имён в городскую, краевую гордость. Первый серьёзный интерес к Гайто Газданову был проявлен, ясное дело, на Северном Кавказе; для «русского финна» Ивана Савина нашлось пристанище в петрозаводском журнале «Север»; начал возвращаться первыми публикациями в родной Воронеж Вячеслав Лебедев, наконец, даже такой забытый всеми поэт, как Владимир Гальской, вызвал самое

пристальное внимание в своём родном городе Орле. Гордостью Владивостока стали ещё совсем недавно никому там не известные имена Ивана Елагина и Арсения Несмелова, ну и, конечно, потоком стала возвращаться на родной Дон казачья литература» [4]. Автор этой публикации видит в этой тенденции сбывшееся пророчество: «Словом, балакшинское предсказание сбылось так точно, что не по себе как-то становится».

На наш взгляд, соединение «регионального» подхода, как правило, выделявшего биографические аспекты творческой биографии, и научно-исследовательского (литературоведческого) аспекта – явление закономерное и плодотворное. Зачастую внимание к «локальным» проблемам дает импульс дальнейшим научным разработкам. Свидетельством этого является опыт работы орловских литературоведов, усилиями которых изучены творческие биографии писателей-земляков XIX–XX веков, а также заложены основы для обстоятельных историко-литературных исследований. Это относится не только к литераторам-классикам (И.С. Тургенев, Н.С. Лесков, И.А. Бунин, Л.Н. Андреев, Б.К. Зайцев, М.М. Пришвин, И.А. Новиков и др.), но и к писателям менее известным (И.Ф. Каллиников, С.С. Бехтеев, В.Л. Гальской и др.).

В региональной печати Череповца, Вологды и Орла появились многочисленные материалы, связанные с жизнью и творчеством В.Л. Гальского. Научные исследования, проводимые историко-этнографическим музеем «Усадьба Гальских» Череповецкого музейного

объединения, Орловским государственным университетом и Орловским объединённым государственным литературным музеем И.С. Тургенева, не замыкаются в рамках краеведческих проблем. В этих работах освещены основные этапы творческой биографии поэта (включая эмигрантский период), вводятся в научный оборот материалы из российских (Воронеж, Санкт-Петербург, Москва, Вологда, Архангельск) и зарубежных (Казахстан, США) государственных и личных архивов. Проблема изучения литературы русского зарубежья определяется не только «топонимикой», но и характером (глубиной, точностью, обстоятельностью) проводимых исследований.

При стремительном «возвращении» забытых имён и произведений на страницах как региональной, так и столичной печати появляются неточности и ошибки, некоторые из которых становятся «кочующими», переходя из одной публикации в другую. Это проявляется и при изучении творческой биографии В.Л. Гальского. В связи с этим необходимо уточнить основные факты и события творческой биографии поэта, включая прижизненные публикации его стихотворных произведений.

Одна из первых публикаций В.Л. Гальского связана с «Литературной средой» [12] – коллективным сборником произведений белградских поэтов, входивших в «самое крупное и известное русское литературное объединение в Югославии» [13: 216]. Стихотворениями В.Л. Гальского («Бабы лето», «В тесном скверике косили травы...», «С каждым днём твоё смуглело тело...», «Где тёмно-бурые листья каштана...») это издание открывалось [13: 5-8] (структура книги основывалась на алфавитном принципе расположения фамилий литераторов). Авторами сборника являлись Е.М. Кискевич, И.Н. Голенищев-Кутузов, А.П. Дураков, А.Н. Неймирок, Е.Л. Таубер и другие. Возникают сложности в определении времени (года) издания этой книги. В «Библиографическом перечне изданий “Русская поэзия Югославии”», составленном А.Б. Арсеньевым, временем издания «Литературной среды» указан 1935 год [10: 176]. Предположение о датировке издания высказал К.В. Гальской, сын поэта: «Этот сборник поименован первым, но второй никогда не вышел. На обложке стоит 1936 год, а на титульном листе – 1935. В моём экземпляре есть дарственная надпись моего отца своим племянникам: «Дорогим Мурке и Тике (Марии и Николаю Жедринским – К.Г.) на память от Володья (Владимира Гальского – И.Б.), 3 июля 1936, Белград». Так как трудно себе представить, что отец ждал год, чтобы подарить сборник, в котором были впервые напечатаны его стихи, я считаю, что 1936 год соответствует реальной дате выхода в свет «Литературной среды» [6: 16].

В книге «Горькое счастье» известной поэтессы русского зарубежья Лидии Алексеевны Девель (в замужестве Иванниковой, псевдоним – Алексеева), в примечаниях есть раздел «Из воспоминаний о Белграде». Автор вспоминает 1930-е годы, расцвет русского литературного Белграда. «Было у нас четыре литературных кружка или общества, все очень разные, и во всех

я участвовала. <...> Третий кружок был много солиднее, назывался «Литературная Среда», и собирался по средам в одной из аудиторий народного университета им. Коларца. Председательствовал милый старенький вечный эмигрант, т. е. еще с царских времен, Карл Романович Кочаровский. Весь состав «Нового Арзамаса» посещал и собрания «Среды», но, кроме нас, там бывали поэты и писатели постарше, и некоторые даже – о верх мечтаний – печатавшиеся в «Современных Записках», как Илья Голенищев-Кутузов, Екатерина Таубер и наш прозаик Михаил Иванников. Бывали у нас В. Гальской, К. Халифов, еще супруги Петровы, Игнат Побегайло, Павел Крат, Михаил Погодин и кое-кто из «сочувствующих». Этот кружок издал тоненький альманах «Литературная Среда», который так и остался номером первым» [3: 307].

В книге «Путь усталости» К.В. Гальской, комментируя стихотворение «Бабы лето», отмечал: «Во втором номере выходящего в Париже «Русского временника», в 1938 году появилась рецензия Алексея Бекчеева (псевдоним Юрия Бек-Софиева) на этот сборник» [6: 16]. В библиографических указателях отсутствуют сведения об этом псевдониме. Однако, вспоминая о семействе Гальских в биографических заметках «Разрозненные страницы», поэт-реэмигрант писал о своём давнем отзыве на стихи В.Л. Гальского: «Впоследствии из Володи выработался неплохой, талантливый даже поэт, я как-то написал даже хвалебную статейку о его (В.Л. Гальского – И.Б.) напечатанных в каком-то сборнике стихах» [23: 63]. В конце августа 1937 года произошла встреча Ю.Б. Софиева и В.Л. Гальского в Париже, на Монпарнасе, читали стихи, беседовали, и «я (Софиев Ю.Б. – И.Б.) был огорчен тем, что белградская среда все-таки повлияла на Володю дурно: он стал писать какие-то лирические всхлипы, сожалея об утраченном дворянстве, и я понял, что мы очень разошлись друг от друга. А в это время в Белграде были Дураков и Голенищев-Кутузов, которые упорно и в Белграде вели свою линию, сближаясь с Россией» [23: 62-65]. Подробно личностные и творческие отношения парижского и белградского поэтов исследованы в статье Г.А. и В.Г. Тюриных «Юрий Софиев и Владимир Гальской: несостоявшийся диалог поэтов» [11: 141-150]. По мнению исследователей, «эти писатели с разными жизненными и творческими судьбами – представляют одно поколение послереволюционной русской эмиграции».

В «Литературной среде» были напечатаны стихотворения одиннадцати белградских поэтов. Критически оценивая «провинциальную» (белградскую) эмигрантскую литературу, Ю.Б. Софиев, активный участник литературной жизни русского Парижа, отмечал: «Почти всё в этом сборнике стоит на известном уровне стихотворной культуры», поскольку в Белграде не было крупных поэтов и критиков, «в общении с которыми можно было выправлять и развивать свой вкус» [11: 133]. Автор рецензии обращал основное внимание на произведения И. Голенищева-Кутузова, А. Дуракова, Е. Таубер и В. Гальского. Илья Голенищев-Кутузов, уче-

ник и друг Вяч. Иванова, по мнению Ю.Б. Софиева, «не столько у своего учителя научился, сколько перенял. <...> Тот же словарь, та же торжественность, тот же «высокий штиль», те же архаизмы и постоянная апелляция к эрудиции» [22: 92-97]. Рецензент выделял у поэта «тяготение к космическим, планетарным масштабам» и упрекал его в жонглировании «стертыми пятаками». Отмечая, что в стихах Е. Таубер «чувствуется поэт, уже нашедший себя», Ю.Б. Софиев считал ее подборку стихотворений в «Литературной среде» неудачной. Признавая произведения Алексея Дуракова технически далекими от совершенства, раздражающими детскостью и наивностью образов, парижский поэт-критик отмечал: «<...> стихи у него яркие и крепкие. Есть в них очаровательная легкость и полновзвучность. Прочна в них, подлинна и ярка сама их словесная ткань».

Особо рецензент выделял стихотворения Владимира Гальского, открывавшие сборник «Литературная среда». Выделяя «недостатки формы» (и прежде всего – «суетное стремление к метафоре»), Ю.Б. Софиев подчеркивал: «У него (В. Гальского – И.Б.) есть то, что заставляет относиться к нему с большим вниманием. У него есть свой голос. Своя мелодия, с очень грустными подлинно лирическими интонациями. Есть в его стихах благородная простота и ясность. <...> Всё это – свидетельство о подлинной поэзии» [11: 135]. В творчестве «очень молодого поэта» критика, рассматривавшего стихотворения «С каждым днем твое смуглело тело...» и «Где темно-бурые листья каштана...», привлекала жизненная непосредственность переживаний («остаётся какой-то тёплый, очень грустный лирический след») и акмеистическая точность изображения.

В «Литературной среде» ярко представлены стихотворения раскрывающие тему одиночества: «Бабье лето», в котором описана пора последних теплых дней в году – осень, один из частых образов поэта; «С каждым днем твое смуглело тело...», посвященное «Княжне Вере (Владимировне) Голициной» и подчеркивающее одиночество в неразделенной любви, которая часто связана с мотивом ухода одного из возлюбленных («Ты ушла, и в сердце опустелом // Я свернул сырые паруса»).

Мотив памяти звучит в стихотворении «В тесном скверике косили травы...», посвященном И. Голенищеву-Кутузову. Этот текст не вошел в книгу «Путь усталости» и позже включен в сборник «Запоздалые листья». Лирический сюжет произведения строится на воспоминаниях о далёкой родине и беззаботном детстве. В стихотворении минувшее слито с настоящим: ностальгическая горечь отражается на восприятии окружающего мира, подчеркнута музыкальностью (звуковой урегулированностью) стиха, которую тонко почувствовал Ю.Б. Софиев, выделявший в поэзии В. Гальского «свой голос», «свою мелодию» и «подлинно лирические интонации».

Вскоре после первой крупной публикации в белградском коллективном сборнике В.Л. Гальской напечатал в 1938 году в журнале «Русские записки» поэму «Бездорожье» [21: 85]. Это издание, являясь вторым

литературно-общественным журналом после парижских «Современных записок», выступало, по утверждению Г.П. Струве, «двойником» своего предшественника. Журнал начал выходить под редакцией П.Н.Милюкова с 1937 года как второй «толстый» журнал. В заявлении от редакции отмечалось, что ««Русские записки» предполагают перейти от традиционного типа толстого журнала к типу, приближающемуся к обычным иностранным Revues, с подбором статей преимущественно актуального и информационного характера». Однако Роман Гуль в книге «Я унес Россию» подчеркивал, что «ни к каким Revues “Русские записки” не перешли, так и оставшись вторым “толстым” журналом <...>» [8].

Начинающий «белградский» писатель входил в «столичную» (парижскую) эмигрантскую литературу, однако этот процесс был прерван войной. Во второй половине 1940-х годов творчество поэта связано с «дипийской» литературой. Писатели второй волны русской эмиграции выпустили несколько литературно-художественных изданий, в которых публиковался В.Л. Гальской. Отрывок из его поэмы «Бездорожье» (1936 г.) вошёл в коллективный «Походный сборник. Десять первых», изданный в 1945 году в лагере для «перемещенных лиц» Менхенгоф [19: 8].

В поэме «Бездорожье» изображены сложные отношения «отцов» и «детей», обусловленные трагическими историко-социальными событиями XX-го столетия [25: 52-60]. На чужбине «отцы», чьи судьбы сложились в дореволюционной России, жили забываемым прошлым: его идеалами, победами, героями... В этом источник их душевных сил. Трагедия «незамеченного поколения» – во внутренней опустошенности. Значимость творчества писателя-эмигранта заключается в типизации изображения: раскрывая напряжённые душевные переживания лирического героя, поэт передал трагедию «незамеченного поколения», обострённую ужасами мировой военной катастрофы. Манифестом этого поколения стали строки из поэмы «Бездорожье»:

Не проклиняйте ж нас, отцы и деды,
Мы ваша плоть и кровь, но мы не вы.
Мы не горели в чаяньи победы
И не теряли в бегстве головы.
Мы тоже помним, но иная память
Растёт и ширится в живых сердцах.

Стихотворение «Мохач» [7: 11] и поэма «Наполеон» [7: 16] В. Гальского публиковались в первом литературно-художественном и общественно-политическом журнале второй эмиграции «Грани». В своеобразном манифесте, открывающем первый номер, раскрывается смысл названия этого издания: «Легко и радостно жить тому, кто ищет в другом хорошее, ищет и находит. Исканиями своими он помогает тем, в ком ищет раскрыть и проявить светлые грани души. Но для этого он, прежде всего, в самом себе должен раскрыть их, должен стремиться к совершенствованию» [17]. «Грани» сыграли существенную роль в сближении культуры первой и второй «волн» русской эмиграции. В этом периодическом издании печатались произведе-

ния Б. Алексеева, И. Савина, Р. Редлих, И. Савич, И. Сургучева, Н. Туроверова и других писателей.

Публикации в «Гранях» раскрывали для европейского читателя историческую тематику поэзии В. Гальского. В поэме «Наполеон», посвященной С. Гертельману, противопоставляются личности двух полководцев: Наполеона и Кутузова. В стихотворении «Мохач» изображен находящийся в Венгрии город, знаменитый двумя битвами, произошедшими в 1526 и в 1687 годах. Историческая проблематика продолжена в стихотворении «Bassiana», посвященном графу Адаму Оршичу-Славетичу (журнал «Возрождение»). Стихотворное произведение, в котором изображается движение племен с востока и севера и их борьба с Римской империей, отсылает читателя к эпохе раннего европейского средневековья, времени «великого переселения народов» в IV-V веках.

В 1947 году в Мюнхене был издан коллективный сборник «Стихи», авторами которого выступили О. Анстей, С. Бонгарт, И. Елагин, князь Н. Кудашев, А. Савинова, А. Шишкова и др. В издание вошла подборка стихотворений В. Гальского: «Это было – в Брюсселе? В Париже?..», «Осень», «Чёрный город», «Bassiana», «Губ твоих румяных зрелый мед...», «Карусель», «Элегия», «Париж», «Все, что я называл искусством...» [24: 25-34]. Примечательно, что при подготовке поэтом будущей книги «Путь усталости» пять из девяти стихотворений, опубликованных в сборнике «Стихи», вошли во вторую часть книги, названную «Urbi et orbi», а четыре стихотворения, вышедших в «Литературной среде», включены в первую главу «Пути усталости». Это свидетельствует о некотором художественно-композиционном единстве публикаций 1930-1940-х годов.

В сборнике «Стихи» творчество В.Л. Гальского представлено стихотворениями урбанистической проблематики. Основным образом является большой город, сформированный социально-экономическим укладом нового времени. Разнообразна типологическая структура ключевого образа: город-призрак («Это было в Брюсселе, в Париже...»), город-фабрика («Черный город»), город-история («Бассиана»). В художественном мире этих произведений человек уходит на второй план. Личность, не имеющая имени, утрачивает индивидуальные черты; персонажами являются случайные люди, представляющие обезличенную массу, близкую городскую толпу (кто-то, кто-нибудь, некто, полисмен, дети, муж, мать).

Для лирического героя В. Гальского «чужие города» – это «тяжелое бремя». Русский изгнанник ощущает себя там лишним и чужим, но он пытается «полюбить этот душастый, каменный город», «мир ощутить и понять». Невольно в его сознании возникает соотнесённость прошлого и настоящего, родного края и чужбины. Зарубежная столица воспринимается им «почти как родина». Однако сложность и трагичность переживаний скитальца обусловлена осознанием бесцельности эмигрантской жизни (даже в одном из крупных центров мировой культуры – Париже) и неутрачивающей носталь-

гической болью об утраченной родине.

Примечательно, что в мюнхенском «дипийском» журнале «Огни» появилась рецензия А. Черных на опубликованный сборник «Стихи». Статья «Поэты и читатели» являлась эмоционально-критическим отзывом, в котором главными являлись не эстетические, а мировоззренческие (нравственно-психологические) проблемы. Рецензент отмечал: «Здесь есть хорошие и плохие стихи, но формальная критика не является задачей этой статьи, нам хочется поговорить о мироощущении, о жизненном тоне сборника в целом. Подавляющее большинство стихов проникнуто таким потрясающе-замогильным пессимизмом, такой безнадежностью...» [16:62].

Объектом критики оказалась и поэзия В. Гальского, которого упрекали в «беспросветности», в «ощущении личной беспомощности, ненужности и бесцельности будущего существования» [16:62]. Утверждения рецензента строились на цитированных стихотворных фрагментах, вырванных из произведения и не передававших полноты и сложности изображения человеческих переживаний. В категоричных обобщениях критик не заметил внутренней напряжённости и борьбы в душе лирического героя: «Хочу смирить шального сердца дурь» или «С его упрямой верой мне не сладить! // Напрасно говорю ему: не верь!». Возражая тем, кто обвинял молодую эмигрантскую поэзию в «упадочнических» настроениях и пессимизме, В.Ф. Ходасевич писал: «Уныние, отмечаемое как поэтический импульс, не должно влиять на оценку самой поэзии. <...> Требовать от поэта радужных настроений так же странно, как требовать от живописца, чтобы он непременно изображал хорошую погоду» [26].

В конце рецензии А. Черных заключал: «Мы ценим и любим наших поэтов, но мы требуем от них гражданского мужества: перебороть ощущение кажущейся беспросветности и найти в себе силы не только верить, но и вести за собой» [16: 65]. Ответом на этот упрек критика могло бы стать утверждение А.М. Ремизова, отстаивавшего не столько общественную устремлённость художественной литературы, сколько творческую свободу писателя: «Нет и не может быть такой оценки литературного произведения: для кого оно написано? Литературное произведение – дело жизни. Пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, что пишется и не может не быть написано. <...> Для писателя, когда он пишет, не существует никакого читателя» [20:284].

В 1950-ые годы публикации В.Л. Гальского связаны с парижским журналом национально-патриотической направленности «Возрождение», объединившим писателей первой волны эмиграции – старшего (А. Ремизов, З. Гиппиус, М. Алданов, Д. Мережковский...) и младшего поколений (В. Сирин-Набоков, И. Одоевцева, В. Смоленский, З. Шаховская, Ю. Мандельштам, В. Андреев...) – с представителями послевоенной эмиграции (Б. Ширяев, Н. Нароков, О. Анстей, Н. Ульянов, Гр. Климов...). В этом крупном периодическом издании, являвшемся продолжением «Современных запи-

сок» и «Русских записок», напечатаны стихотворения В. Гальского: «Воскресенье» [5: 1950: № 8: 28], «Весна» [5: 1950: № 9: 53], «Набат» [5: 1950: № 10: 146], «Сестре» [5: 1951: № 17, 145]; «Мохач» и «Всё, что я называл искусством...» [5: 1954: № 32, 102 - 103], «В.А.С. ("Туб твоих румяных зрелый мёд...")» и «Bassiana» [5: 1954: № 33: 15]; «В тишине прозрачной и сторожкой...», «Чёрный город» и «Великий пост» [5: 1954: № 34: соответст. 65, 113, 144], «Голова Иоканаана» [5: 1954: № 35: 71]; «На отъезд в Америку» [5: 1954: № 36: 90].

Программные произведения В.Л. Гальского раскрывают «три главных ориентира» (концепта) – Вера, Семья и Родина. Его поэзия пронизана любовью к родным местам, воспоминания о которых глубоко запали в память. Однако, если стихотворения о России в основном строятся на ярких, но фрагментарных воспоминаниях детства, то, описывая зарубежные города и страны, поэт опирается на богатый жизненный опыт. Писатель-эмигрант обращается к глубоким пластам европейской культуры. Исторические аллюзии в стихотворениях В.Л. Гальского, погружая в глубь времен, связаны с именами святых, королей и полководцев (Сант-Штиван, Наполеон, Марк Аврелий, Пильграм, Август и т.д.). В стихотворении «Bassiana» поэт вводит собирательный образ императорского Рима периода «Августов благочестивых».

Духовно-нравственная направленность творчества В.Л. Гальского проявлялась в произведениях, основанных на библейских сюжетах и связанных с событиями церковного календаря («Голова Иоканаана», «Великий пост», «Воскресенье»). Сложность личности лирического героя раскрывается в стихотворениях, посвященных родным и близким людям («Сестре», «На отъезд в Америку»), при этом отчётливо раскрывается принцип соотнесённости биографического; и художественного

аспектов творчества.

Процесс «открытия» поэзии В.Л. Гальского не исчерпывается прижизненными публикациями в журнальной периодике русского зарубежья и книгой стихотворений «Путь усталости». В литературный процесс «возвращаются» неизвестные ранее произведения писателя-эмигранта. В 2004 году была опубликована скаутская песня В. Гальского «На Авале на горе...», авторство которой подтвердил один из известных организаторов и исследователей скаутского движения в Югославии Р.В. Полчанинов [15]. При изучении рукописных произведений, представленных К.В. Гальским, сыном поэта, на выставку «Бездомные России сыновья...» К 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского (г. Орёл, 2008) выявлены стихотворения, не включённые в книгу «Путь усталости» и сохранившиеся только в рукописном варианте («Все, что прожито, но не дожито...», «Мы любим только раз души весною...»). Впервые напечатано письмо В.Л. Гальского, отправленное в 1943 году М.Л. Жедринской (урожденной Гальской) и включавшее стихотворное посвящение сестре. Имеющиеся уточнения и дополнения позволяют расширить текстологическую базу проводимого нами исследования.

Таким образом, обзор прижизненных публикаций стихотворных произведений В.Л. Гальского, включенных в контекст художественной литературы двух первых волн русского зарубежья, дает представление о рецепции поэзии современниками (литературно-критические отзывы Ю. Софиева и А. Черных) и динамике творчества малоизвестного писателя-эмигранта. При этом значимыми являются как «хронологическая» (от середины 1930-х годов – к концу 1950-х), так и «пространственная» (из русского Белграда и Парижа – к Касабланке) парадигмы творчества.

Библиографический список

1. «Вернуться в Россию – стихами...»: 200 поэтов эмиграции: Антология. Сост., авт., предисл., коммент. и биогр. сведен. В.П. Крейд. М.: Республика, 1995. 688с.
2. «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990: В 4 книгах. Сост. Е.В. Витковский. М.: Московский рабочий, 1994. Кн. 3. 402с.
3. Алексеева Л. Из воспоминаний о Белграде. Русский Альманах. Париж, 1981. 519с.
4. Витковский Е. Против энтропии: (Статьи о литературе): / Возвратившийся ветер: (Поэзия русской эмиграции) [Электронный ресурс]
5. Возрождение. Париж, 1950; № 8 // 1950: № 9 // 1950: № 10 // 1951: № 17 // 1954: № 32 // 1954: № 33 // 1954: № 34 // 1954: № 35 // 1954: № 36.
6. Гальской В.Л. Путь усталости. / Составитель и автор вступительной статьи Гальской К.В. Вологда: Грифон, 1992.
7. Грани. Мюнхен, 1946; 2 // 1947; 3.
8. Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология эмиграции. В 3 т. СПб.: Б.С.Г. – Пресс, 2001. Том 2. Часть 2. 351с. [Электронный ресурс] Режим доступа: [dk1868.ru > history/gul2_2.htm](http://dk1868.ru/history/gul2_2.htm)
9. Дальние берега: Антология поэзии русского зарубежья. / Сост. В.В. Кудрявцев. Смоленск: Русич, 2006. 608с. (Свирель)
10. Джурич О. Антология поэзии русского Белграда. Русско-сербское издание. Составление, перевод, предисловие и биографические справки: Остоя Джурич. Библиография: Алексей Арсеньев. Белград: Zepher Book World, 2002.
11. Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): новые материалы. Том 4. Творческая биография В.Л. Гальского в контексте региональной и мировой культуры. Под научн. ред. Михеичевой Е.А. Авт. науч. проекта (том, серия), отв. ред. и сост. Тюрин Г.А. Орёл: Издательство ОГУ: изд-во «Вешние воды», 2007.
12. Литературная среда. Белград, 1935/36; 1.
13. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918 – 1940): Том I. Писатели русского зарубежья. М.: РОССПЭН, 1997: 216.
14. Литературное зарубежье России: Энциклопедический справочник. Гл. ред. и сост. Ю.В. Мухачев; под общ. ред. Е.П. Чельшева и А.Я. Дегтярева. М.: Парад, 2006. (Серия «Энциклопедия рос. эмиграции»)

15. Неизвестная песня поэта В.Л. Гальского. Страницы истории разведчества - скаутизма 2004; 36 (93) октябрь.
16. Огни. Мюнхен, 1947; 1.
17. Онлайн энциклопедия [Электронный ресурс] Режим доступа: encyclopaedia.big.ru/enc/culture/GRANI.html
18. Пономарева Т.А. Поэзия Владимира Гальского Северо-Запад. Историко-культурный региональный вестник. Череповец: издательство Череповецкого гос. пед. Института им. А.В. Луначарского, 1995.
19. Походный сборник: Десять Первых. Менхенгоф: Посев, 1945.
20. Ремизов А.М. Для кого писать: Числа Париж, 1931; 5.
21. Русские записки. Париж, 1938; 8 – 9 (август – сентябрь).
22. Русский временник. Париж, 1938; 2.
23. Софиев Ю.Б. Разрозненные страницы: Воспоминания бывшего эмигранта. Предисловие и публикация И.Ю. Софиева / Простор, Алматы, 1994; 7 (июль).
24. Стихи. Мюнхен, 1947.
25. Тюрин Г.А. Идеалы прошлого и «иная память» В.Л. Гальского в историко-биографическом контексте В кн.: Литература XX – XXI веков: Исследования. Наблюдения. Публикации. Орел: Картуш, 2002.
26. Ходасевич В.Ф. Подвиг. Возрождение. 5 мая, 1932.

References

1. «Back in Russia – poems ...» 200 poets emigration: An Anthology. / Comp., Aut., Foreword., Comments. and biographies. reduced. V.P. Kreid. M.: The Republic, 1995. 688s.
2. «We lived on the planet then another ...»: An Anthology of Russian poetry abroad. 1920 - 1990: In 4 books. / Comp. E.V. Witkowski. Moscow: Moscow Worker, 1994. Kn. 3. 402c.
3. Alekseeva L. From memories of Belgrade. Russian Almanac. Paris, 1981. 519s.
4. Witkowski E.V. Against entropy (Articles about literature) / Return wind (Poetry Russian emigration) [Electronic resource]
5. Renaissance. Paris, 1950; № 8 // 1950: № 9 // 1950: № 10 // 1951: № 17 // 1954: № 32 // 1954: № 33 // 1954: № 34 // 1954: № 35 // 1954: № 36 .
6. Galskoy V.L. Way of fatigue. / Compiled by the author of the introductory article Galskoy K.V. Vologda: Griffin, 1992.
7. Facets. Munich, 1946; 2 // 1947; 3.
8. Gul R.B. I took Russian. Apology emigration. In 3 tons - St. Petersburg.: B.S.G. - Press, 2001. Volume 2. Part 2. 351c. [Electronic resource] Mode of access: [dk1868.ru> history/gul2_2.htm](http://dk1868.ru/history/gul2_2.htm)
9. Distant Shore: Anthology of Russian poetry abroad. / Comp. V.V. Kudryavtsev. Smolensk: Rusich 2006. 608s. (Pipe)
10. Djurich O. Poetry Anthology Russian Belgrade. Russian-Serbian edition. Compilation, translation, introduction and biographical notes: Ostoja Djurich. Bibliography: Alexey Arsenyev. Belgrade: Zepter Book World, 2002.
11. Russian Literature Abroad (1917–1939): new materials. Volume 4. Curriculum vitae V.L. Galsky's in the context of regional and global culture. Under the scientific. ed. Miheichevoy E.A. Auth. scientific. project (that series), Br. Ed. and comp. Tyurin G.A. Orel: OSU Publisher: Publishing House "Spring water", 2007.
12. Literary Wednesday. Belgrade, 1935/36; 1.
13. Literary Encyclopedia of Russian abroad (1918 - 1940): Volume I. Russian writers abroad. M.: ROSSPEN, 1997.
14. Literary Russia Abroad: An Encyclopedic Reference. Chap. ed. and comp. Y.V. Mukhachyov; under society. ed. E.P. Chelischeva and A.J. Degtyareva. M.: Parade, 2006. (Series "Encyclopedia grew. emigration")
15. Unknown song poet V.L. Galsky's. Pages of History razvedchestva – scouting 2004; 36 (93) October.
16. Lights. Munich, 1947; 1.
17. Online encyclopedia [electronic resource] Mode of access: [encyclopaedia.big.ru> enc / culture / GRANI.html](http://encyclopaedia.big.ru/enc/culture/GRANI.html)
18. Ponomareva T.A. Poetry Vladimira Galsky's Northwest. Historical and cultural regional bulletin. Cherepovets Cherepovets State Publishing. ped. Institute. A.V. Lunacharsky, 1995.
19. Marching compilation: the first ten. Menhengof: Sowing 1945.
20. Remizov A.M. For those who write: Numbers Paris, 1931; 5.
21. Russian note. Paris, 1938; 8 – 9 (August–September).
22. Vremennik Russian. Paris, 1938; 2.
23. Sofiev Y.B. Narratives: Memories of the former emigrant. Preface and publication I.Y. Sofieva / Space, Almaty, 1994; 7 (July).
24. Poems. Munich, 1947.
25. Tyurin G.A. Ideals of the past and "other memory" V.L. Galsky's in the historical and biographical context in the book.: Literature XX–XXI centuries: Research. Observation. Publication. Eagle: Cartouche, 2002.
26. Hodasevich V.F. Feat. Revival. May 5, 1932.

УДК 81`23

UDC 81`23

Н.М. БОЛОХОНЦЕВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова
E-mail: Nat.tash13@mail.ru

N.M. BOLOCHONTSEVA

Candidate of Philology, Associate professor, Department of foreign and Russian languages, Orel Law Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov
E-mail: Nat.tash13@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СКРЫТОГО КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКОМФОРТА

SOME CONSTRUCTIVE AND DESTRUCTIVE CONSEQUENCES OF LATENT COMMUNICATIVE DISCOMFORT

В данной статье рассматриваются возможные последствия такого коммуникативно-аномального явления, как скрытый коммуникативный дискомфорт. Отмечается его конструктивное и деструктивное влияние на процесс коммуникации. Типы последствий иллюстрируются примерами, взятыми из художественной литературы.

Ключевые слова: коммуникация, скрытый коммуникативный дискомфорт, коммуникант, конструктивные и деструктивные последствия, коммуникативный конфликт, коммуникативная неудача.

The article deals with the possible consequences of such a communicative abnormal phenomenon as latent communicative discomfort. The author states its constructive and destructive influence on the process of communication. The types of consequences are illustrated by the examples taken from fiction.

Keywords: communication, latent communicative discomfort, communicant, constructive and destructive consequences, communicative conflict, communicative failure.

Скрытый коммуникативный дискомфорт определяется намеренно прилагаемыми усилиями коммуникантов, направленными на поддержание внешней комфортности общения. В таких ситуациях разногласие не проявляется открыто и не является очевидным для собеседников. В статье хотелось бы обратиться к рассмотрению некоторых возможных последствий возникновения скрытого коммуникативного дискомфорта.

Рассматривая возможные последствия скрытого коммуникативного дискомфорта, необходимо отметить в целом его конструктивное или деструктивное влияние на ситуацию общения. Как и любое другое аномальное состояние в общении, скрытый коммуникативный дискомфорт может либо приводить, в конечном счёте, к положительному развитию ситуации, либо служить причиной уже «открытого» коммуникативного дискомфорта, коммуникативного конфликта и даже полной коммуникативной неудачи.

С точки зрения психологии принципиальные различия между конструктивными и деструктивными стратегиями связаны с их направленностью и целями, которые говорящий преследует при их реализации. Так, конструктивные стратегии направлены на «работу» с самой проблемой, с содержанием возникшего противоречия и имеют своей целью преодоление тех препятствий, которые создаёт данная проблема на пути возможности самоактуализации личности, её самореализации и полноценной жизни. Иначе говоря, можно оценивать выход человека или социальной группы из

конфликта как конструктивный, если в результате они действительно «освобождаются» от породившей конфликт проблемы таким образом, что её переживание делает их более зрелыми, психологически адекватными и интегрированными [3, 65-67].

Общим признаком деструктивных стратегий является нежелание (человека или социальной группы) или неспособность «работать» со своей проблемой, а также неготовность к принятию решений, к ответственности за них, страх за их последствия и потому надежда на то, что «всё как-нибудь устроится само собой» [3, 65-67].

На наш взгляд, подход психологов к выделению конструктивных и деструктивных последствий конфликтной ситуации применим к рассмотрению последствий скрытого коммуникативного дискомфорта. Мы считаем, что положительное влияние скрытого коммуникативного дискомфорта на ситуацию общения может проявиться в том, что коммуниканты будут продолжать диалог, не принимая во внимание дискомфортные обстоятельства коммуникативного акта. Если возникающее при этом неудобство общения не столь значительно, то его игнорирование не будет препятствовать нормальному течению диалога, а напротив, поможет сконцентрировать внимание на положительных (и, возможно, более весомых) сторонах общения и будет способствовать конструктивному развитию диалогического сценария.

Рассмотрим пример конструктивных последствий скрытого коммуникативного дискомфорта:

(1) Милиционер. Гражданка, отпустите товарища. Мария Сергеевна (*сердито*). Это мой муж. (*Выпускает Потапова из объятий, но удерживает за руку.*)

Потапов. Товарищ милиционер!

Милиционер. Чем обязан?

Потапов. Видите! (*Показывает на общипанную клумбу.*)

Милиционер (*растерянно*). Ну?

Потапов (*хвастливо*). Моя работа!

Милиционер. Ну и что же?

Потапов. Как «что же»? Вы должны меня оштрафовать.

Мария Сергеевна. Он шутит. Вы не обращайтесь внимания. Извините, мы пойдём... (*Тянет мужа за руку, тот упирается.*)

Милиционер (*вдруг обретая обычную милицейскую строгость*). Что значит «шутит»?

Мария Сергеевна. То есть не совсем шутит. Он болен, знаете. Врачи разрешили ему гулять, но, понимаете...

Милиционер. Вам помочь отвести его домой?

Потапов. Нет. Не надо.

Мария Сергеевна. Спасибо.

Милиционер. До свидания. Вы с ним поосторожнее в общественных местах (*Уходит.*) [1, 418].

В данном случае скрытый коммуникативный дискомфорт возникает вследствие нарушения категории Качества («Говори правду»): очевидно, что один из собеседников неискренен в своих высказываниях и пытается обратить всё в шутку («Он шутит», «То есть не совсем шутит. Он болен, знаете»). Коммуникативными показателями коммуникативного дискомфорта в данном случае являются вежливые выражения-экспрессивы (например, «Извините»), паузы и замешательство (чему на письме соответствуют многоточия) в процессе разговора, а также слова «Спасибо» и «До свидания», не являющиеся в целом коммуникативными показателями, но приобретающие значимость для скрытого коммуникативного дискомфорта в данном контексте (данные коммуникативные единицы, задающие вежливый тон, не соответствуют общему настрою коммуникантов). Рассматриваемая ситуация будет иметь конструктивные последствия, так как диалог завершается «внешним» взаимопониманием («Спасибо». – «До свидания. Вы с ним поосторожнее в общественных местах»). Но исходя из характеристик одного из собеседников («сердито»), мы можем предположить, что диалог мог завершиться конфликтом.

С другой стороны, последствия скрытого коммуникативного дискомфорта могут быть деструктивными в случае, когда симуляция комфортности становится причиной неточного или неполного понимания высказывания (содержание которого является важным для общения и для эффективности коммуникации в целом). Следующий случай является примером такой ситуации:

(2) Репников. Я тебя не понимаю.

Репникова. Что тут непонятного. У них так, у нас по-другому.

Репников. У нас? (*Осторожно*). Что у нас?..

Репникова. У нас всё прекрасно.

Репников. Тогда в чём дело? Изволь объясниться. Что, интересно, тебе не нравится?

Репникова. Ладно, мне всё нравится... Садись наконец за стол, пока всё окончательно не остыло.

Репников. Нет! Не сяду до тех пор, пока не узнаю, на что ты намекаешь. (*Усаживается.*)

Репникова. Успокойся, Ты лучший муж в городе... А я... я хорошая жена... Ешь... Говорю тебе, у нас всё прекрасно. Живём душа в душу. Все нам завидуют [1, 36].

Данный диалог является скрыто дискомфортным, так как в нём следование принципу Вежливости и нежелание спорить подавляет выполнение принципа Кооперации. Показателями скрытого коммуникативного дискомфорта можно считать паузы, слова с положительной эмоциональной окраской («У нас всё прекрасно», «мне всё нравится»), интонацию, гиперболу и комплимент — речевой акт со «снятым» условием искренности («Ты лучший муж в городе», «Все нам завидуют»). Однако мы видим, что второй коммуникант ожидает истинных объяснений («Изволь объясниться», «Не сяду до тех пор, пока не узнаю, на что ты намекаешь»), отсутствие которых лишь вызывает ощущение мнимой комфортности, влекущее за собой дальнейшие деструктивные последствия.

Таким образом, рассмотрев возможные последствия скрытого коммуникативного дискомфорта на материале привлекаемых для анализа частных случаев диалога, можно сказать, что в определённых коммуникативных ситуациях мнимая комфортность общения имеет конструктивные последствия. В этом случае «внешне» вежливое общение препятствует переходу дискомфортной ситуации диалога в коммуникативно-конфликтную ситуацию, ведущую к полной коммуникативной неудаче.

Но с другой стороны, «явный» коммуникативный дискомфорт, испытываемый участниками коммуникативного акта, может сигнализировать о возможной коммуникативной неудаче. А скрытый коммуникативный дискомфорт, в свою очередь, может «скрыть» такой сигнал и не дать коммуникантам вовремя «принять меры» по устранению коммуникативного дискомфорта и предотвращению возможного конфликта или неудачи в общении. Кроме того, скрытый коммуникативный дискомфорт часто препятствует выполнению принципа Кооперации, что, на наш взгляд, также является его деструктивным последствием, препятствующим эффективному общению.

Итак, скрытый коммуникативный дискомфорт может либо способствовать положительному развитию ситуации (конструктивные последствия), либо служить причиной «открытого» коммуникативного дискомфорта, коммуникативного конфликта и даже полной коммуникативной неудачи (деструктивные последствия).

Библиографический список

1. *Вампилов А.В.* Избранное. // 2-е изд., доп. М.: Искусство, 1984. 589 с., 1 л. портр.
2. *Городецкий Б.Ю.* От лингвистики языка – к лингвистике общения. // Язык и социальное познание. М.: Центр. совет филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. С. 39–56.
3. *Елизаров А.Н.* Конфликтная компетентность в семейном общении. // Психология общения: тренинг человечности: тезисы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Л.А. Петровской (Москва, 15–17 ноября 2007 г). М.: Смысл, 2007. С. 65–67.
4. *Остин Дж.* Слово как действие. Пер. с англ. А.А Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып.17: Теория речевых актов. С. 22–129. Перевод изд.: How to do things with words / John L. Austin. New York: Oxford University Press, 1973.
5. *Семененко Л.П.* Глагольный компонент метакоммуникативных дескрипций. // Актуальные проблемы современной филологии и методики преподавания языка: материалы международной научно-практической конференции, 24–26 ноября 2008 года. Орёл: ОГИЭТ, 2008. С. 211–216.

References

1. *Vampilov A.V.* Selection. // 2nd edition, enlarged. M.: Art, 1984. 589 p., 1 p. portrait.
 2. *Gorodetsky B.Yu.* From language linguistics to communication linguistics. // Language and social cognition. – M.: Central board of philosophic (methodological) seminars under the Presidium of Academy of Sciences of the USSR, 1990. Pp. 39-56.
 3. *Elizarov A.N.* Conflict competence in family communication. // Psychology of communication: training of humanism: materials of the international scientific practical conference devoted to the 70th birthday of L.A.Petrovskaya (Moscow, 15–17 November 2007). M.: Sense, 2007. Pp. 65-67.
 4. *Austin J.* How to do Things with Words. Translated from English by A.A. Mednikova // New trends in foreign linguistics. M.: Progress, 1986. Issue 17: Theory of speech acts. Pp. 22–129. – Translation of edition: How to do things with words / John L. Austin. New York: Oxford University Press, 1973.
 5. *Semenenko L.P.* Verb component of metacommunicative descriptions. // Relevant problems of the modern philology and methodology of language teaching: materials of the international scientific-practical conference, 24–26 November 2008. Orel: Orel State Institute of Economics and Trade, 2008. Pp. 211–216.
-

УДК 821

UDC 821

С.А. БУБНОВ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, Орловский государственный университет
E-mail: bubnows@yandex.ru

S.A. BUBNOV

Candidate of Philology, Associate professor, Department of Theory and Methodology of Russian Language and Literature Education, Orel State University
E-mail: bubnows@yandex.ru

**КНИГИ СТИХОВ «СОСЕН ПЕРЕЗВОН» Н.А. КЛЮЕВА И «РАДУНИЦА» С.А. ЕСЕНИНА
В КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОКОВ**

**“SOSEN PEREZVON” BY N. A. KLUEV AND “RADUNITSA” BY S. A. ESENIN
IN CULTURAL WORLD VIEW OF THEIR CONTEMPORARIES**

Исследован литературно-критический материал 1911–1916 годов, касающийся восприятия первых книг стихов «Сосен перезвон» Н.А. Клюева и «Радуница» С.А. Есенина и особенностей вступления поэтов в большую литературу. Сборники стихов сближала тематическая направленность, а художественно-образные опыты начинающих поэтов были разные.

Ключевые слова: народная поэзия, поэты из «народа», народный метр, певцы крестьянской России.

The article studies the 1911-1916 literary critics' works on understanding of the first poems' collections “SosenPerezvon” (Bells of Pines) by N. A. Kluev and “Radunitza” by S. A. Esenin and the particularities of their appearance in Russian literature. Though these poems' collections were dedicated to the same topics, the images they used were different.

Keywords: popular poetry, «people's» poets, meter of popular poetry, admirers of peasant Russia.

Изучение прижизненного литературно-критического материала о первых книгах стихов Н.А. Клюева и С.А. Есенина значительно расширяет наши знания о поэтах, которые были восприняты современниками прежде всего как самобытные и талантливые певцы крестьянской Руси.

1911–1916 годы в жизни Н.А. Клюева и С.А. Есенина были периодом вступления их в большую литературу. Известности и успеху поэтов в немалой степени сопутствовали авторитетное напутствие А.А. Блока, дружеская поддержка С.М. Городецкого, участие в литературных вечерах, а также выход в свет первых книг стихотворений «Сосен перезвон» Н.А. Клюева и «Радуница» С.А. Есенина.

С первыми стихотворениями Н.А. Клюева российский читатель познакомился в 1904–1910 годы в альманахе «Новые поэты», сборниках «Прибой» и «Волны», журналах «Трудовой путь», «Золотое руно», «Бодрое слово». Актуальная в то время для нашего общества проблема отношений интеллигенции и народа стала предметом переписки Н.А. Клюева с А.А. Блоком. Поэты С.М. Городецкий и В.Я. Брюсов также приняли участие в становлении молодого таланта. Осенью 1911 года в Москве был издан первый сборник стихов Н.А. Клюева «Сосен перезвон», принесший автору известность.

Книга стихов «Сосен перезвон» [1] с посвящением А.А. Блоку и предисловием В.А. Брюсова включает 34 стихотворения, объединённые в два раздела. Первый раздел предваряет эпиграф: «Не то, что мните вы, природа...», взятый из стихотворения Ф.И.

Тютчева. Второй раздел объединяет 21 стихотворение под названием «Лесные были». В сборнике, по мнению Н.С. Гумилёва, автор выступил продолжателем традиций «пушкинского периода». Стихи книги проникнуты «духом» народного творчества, стилизованы под язык народной поэзии. Одиннадцать стихотворений из 34-х написаны 4-стопным хореем – национальным, народным метром. Стихотворение «Под вечер» написано 5-стопным хореем. В нём тема Пути и Смерти перекликается с темой Ночи и Любви. Вставленная внутри стихотворения песня девушки подчёркивает связь размера с песней. Н.А. Клюев в своих стихах говорит от имени народа и опознывает его как высшую ценность. Наиболее ярко это запечатлено в стихотворении с характерным названием «Голос из народа». Некоторые стихотворения навеяны общественной ситуацией 1905–1907 годов («Ожидание», «Изгнанник», «На отлёте», «К родине»). Первые художественно-образные опыты начинающего мастера сразу же были включены современной ему критикой в напряжённо-конфликтную литературную оппозицию: «деревня – город», «национальное явление – принципиально вненациональное». Рецензенты В.Л. Львов-Рогачевский, С.М. Городецкий, П. Пильский, В. Чешихин-Ветринский и др. отмечали свежесть и самобытность молодого таланта. Воспевание природы, её «аромат полей и сосен перезвон» был воспринят столичными поэтами и городским читателем с восторгом.

В 1914–1916 годы С.А. Есенин также активно заявлял о себе в литературной жизни страны. В это время

в журналах «Мирок», «Проталинка», «Млечный Путь», «Голос жизни», «Русская мысль» и др. появляются первые публикации юного поэта. Окунувшись в литературную среду, С. Есенин прежде всего стремился к налаживанию знакомства и творческих связей с близкими к нему по направлению поэтам. Так, узнав от С. Городецкого о крестьянине-поэте Н. Клюеве, он написал ему письмо.

Осенью 1915 года С. Есенин вновь приехал в Петроград с намерением издать собственные книги и непосредственно участвовать в литературной и литературно-артистической жизни столицы. Он остановился у С. Городецкого, вскоре организовавшего литературно-художественную группу «народных писателей» под названием «Краса». По признанию инициатора, всех её участников объединял «острый интерес к старине, к народным истокам поэзии» [2; 140]. Группа провела один запомнившийся современникам литературный вечер, в котором приняли участие С. Городецкий, С. Есенин, Н. Клюев, А. Ремизов и А. Бел-Конь-Любомирская, читавшая произведения А. Ширяевца, С. Клычкова и П. Радимова.

17 октября 1915 года в Петрограде состоялось учредительное собрание нового литературно-художественного общества «Страда». Его инициаторами выступили С. Городецкий, М. Мурашев и Г. Клочков. Предполагалось, что в «Страде» будут участвовать в качестве почётных членов видные деятели культуры: И. Репин, В. Короленко, К. Бальмонт и другие. Есенину и Клюеву в этом обществе отводилось достаточно весомое место. Председатель общества, популярный в конце XIX века беллетрист, публицист и мемуарист И. Ясинский считал девизом «Страды» народность в прямом значении этого слова – «поднятие самого народа до верхов, до каких уже поднялась русская творческая мысль. <...> Под народной литературой мы разумею такую литературу, которая создана великими русскими писателями, начиная с Пушкина и кончая Тургеневым, Толстым и другими хорошими современными писателями» [3; 189].

О первом вечере литературно-художественного общества «Страда», состоявшемся 19 ноября 1915 года в Петрограде в зале гражданских инженеров, столичные газеты сообщали, что несмотря на некоторую задержку, он «прошёл на редкость хорошо» [4; 6]. Открыл вечер И. Ясинский. Он изложил цели и намерения общества. Прежде всего его члены хотели помочь выбраться из неизвестности талантливым, но ещё не имеющим имени писателям, способствовать сближению «верхов с низами». Участниками вечера, наряду с известными деятелями культуры Мозжухиным, Уструговой, Нардуччи, Городецким, оказались и только вступающие тогда в большую литературу Клюев, Есенин и Ломакин. Публика состояла преимущественно из литераторов и радушно принимала исполнителей. Особенно тепло публика встретила Клюева и Есенина, по словам очевидца, они «сильно читали свои произведения» [5; 14].

Различные культурные общества часто организовывали диспуты, вечера, встречи. Так, в начале 1916 года

в Москве, в помещении картинной галереи Лемерсье, состоялся вечер «Общества свободной эстетики», в котором приняли участие «народные поэты» С. Есенин и Н. Клюев. Об этом сообщалось: «Поэты ещё до чтения стихов привлекли внимание собравшихся своими своеобразными костюмами: оба были в чёрных бархатных кафтанах, цветных рубахах и жёлтых сапогах» [6; 19]. А. Изряднова, первая жена С. Есенина, вспоминала, что «„в эстетике на них смотрели как на диковинку» [7; 115], а автор заметки, помещённой в разделе «Новости литературного мира», в «Известиях книжных магазинов товарищества М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии» о выступлении Клюева и Есенина писал: «Оба поэта имели у слушателей успех» [6; 19].

В газете «Обозрение театров» Н. Шибеев делился впечатлениями о выступлении Есенина и Клюева в театре «Новая студия» при литературном обществе «Страда». Автор иронически отнёсся к словотворчеству «народных поэтов», которые, по его мнению, «не имели прямого отношения к театру» [8; 9]. И тем не менее необходимо отметить, что их выступления перед различными аудиториями осенью 1915–зимой 1916 года стали не только систематическими, но и весьма популярными. Примечательно, что творческие встречи поэтов собирали полные залы театров, как при аншлагах популярных актеров.

В начале 1916 года в некоторых журналах появились обозрения литературной жизни за истекший год. Так, И. Оксенов в статье «Литературный год» указывал на воцарившуюся в отечественной литературе своего рода кружковщину, порождённую футуристами, бытовиками и писателями из «народа». Исчезновение с литературной сцены акмеизма критик объяснил затянувшейся мировой войной, потребовавшей от поэта подвига, любви, скорби и пламенной молитвы. 1915-й год при этом он назвал «годом живого внимания к так называемой «народной поэзии» [9; 59].

В начале февраля 1916 года в Петрограде М. Аверьянов издал первую книгу стихов С.А. Есенина «Радуница», объединившую в разделах «Русь» и «Маковые побаски» 33 стихотворения. Поэтический сборник привлёк внимание читателей, критиков, признанных литературных мэтров.

Одним из первых откликнулся на книгу Н. Венгров, который в журнале «Современный мир», увидевшем свет в один месяц с «Радуницей» (февраль 1916), благожелательно отозвался о её появлении. Критик указал, что в этой «весенней и очень молодой книжечке стихов» [10; 159] ощутима любовь поэта к родной земле, к деревенскому быту и животным, что Есенин хорошо знает то, о чём пишет, потому что сам жил и вырос на привольных окских просторах среди крестьян. Рецензент ратовал за обращение современных авторов к народным истокам и одновременно предостерегал Есенина от создания лубочных произведений, по словам критика, столь присущих поэтам из «народа». В этой связи такие поэтические выражения, как «белая свитка и алый кушак», «кольца кудрей», «красная девица, гадающая в семик», Н. Венгров назвал «вульгарной стилистикой», с кото-

рой призывал покончить и найти новое для выражения несомненно тоже нового в деревне. Он также указал на полное отсутствие в сборнике гражданских и социальных мотивов. Критик вполне сознательно недооценивал значение устного народного творчества в развитии современной поэзии, потому что демонстрировал откровенную ориентацию на другие «социальные» поэтические миры и совсем иные эстетические ценности.

В статье «Поэт „из народа“» автор, скрывшийся под криптонимом (Ю-нъ), по предположению К. Азадовского, Н.Н. Вентцель, попытался рассмотреть первую книгу С. Есенина в контексте развития народной поэзии. Он однозначно скептически отозвался о поэтах из «народа», отказывая им в самостоятельности и оригинальности, полагая, что они чаще всего попадают под определяющее влияние интеллигенции или придерживаются давно «узаконенных» русской литературой образов Алексея Кольцова и Ивана Никитина, выступая обычно в роли их заурядных эпигонов. Поэзия Есенина, с её отчетливо заявленными религиозными настроениями, по мнению автора статьи, оказалась наиболее близкой поэзии Н. Клюева. Религиозность есенинской поэзии критик объяснял в первую очередь традиционными народными верованиями и своеобразным пантеизмом деревенских жителей. Природа для поэта, по его же словам, является обширным храмом, в котором всё «может считаться священным, всё может возбуждать молитвенный восторг» [11; 11].

В единственном номере за 1916 год московского журнала «Друг народа», печатного органа Суриковского литературно-музыкального кружка, в деятельности которого Есенин в 1914–начале 1915 года принимал активное участие, была помещена рецензия на сборники стихотворений Н. Клюева («Мирские думы»), С. Есенина («Радуница»), С. Кошкарлова и М. Праскунина. Г. Хомяковский, один из руководителей кружка, в целом дал положительную оценку творчеству начинающих поэтов, считая, что их «книги весьма интересны и оригиналь-

ны, каждый сборник пополняет один другой» [12; 76] и о каждом из них можно было бы многое сказать. Однако заглавие книги «Радуница» рецензент воспринимал только в значении поминок на Фоминой усопших.

Современный исследователь М.В. Скороходов, рассмотрев раннее творчество С. Есенина в историко-культурном контексте, прояснил, что «Радуница» – это праздник поминовения предков и домашнего очага, воскресения природы и человека, преображения мира, «вера в победу жизни над смертью» [13; 214]. Праздник обновляющейся весной природы пришёл к русскому народу из дохристианского периода: рад-уница, рад-оница, рад-овница одного корня со славянскими словами: радовать, радость. Корень рад означает блестящий, просветлённый.

Итак, в рассмотренных откликах имена поэтов Н. Клюева и С. Есенина в тревожные военные 1915–1916 годы часто рассматривались вместе. Оба поэта были восприняты прежде всего как самобытные таланты, как искренние и даровитые певцы крестьянской Руси. Их имена сразу же были поставлены в почётный «земляной» ряд признанных русских «поэтов из народа». Первые художественно-образные опыты вступающих в большую литературу поэтов были сразу включены современной им разногласной критикой в литературную оппозицию: «провинция – центр», «национальное явление – принципиально вненациональное». Образ крестьянской России занимает в рассматриваемых книгах центральное место. Деревенская жизнь представлена на лоне природы. Человек является её частью. Родной край показан вполне реалистично; жизнь деревни зарисована в труде, праздниках, обрядности. У Н. Клюева третья часть стихов, а у С. Есенина – две трети в их первых книгах написаны 4-стопным хореем – национальным, народным метром. Оба поэта были «народными» по своему социальному происхождению, по тематике произведений и по использованию стихотворного размера.

Библиографический список

1. Николай Клюев. Сосен перезвон. 1911. Репринтное воспроизведение первой книги Н.Клюева с дарственной надписью А. Блоку. Экземпляр из библиотеки А. Блока (Пушкинский Дом) с пометами Н. Клюева и А. Блока. Дополнение: фотография Н. Клюева (1912); рецензия Н. Гумилёва (1912). Приложение к Собранию сочинений А. Блока: В 12 т. М.: Изд-во «Пресс-Плеяда» / Гл. ред. С.С. Лесневский. 2002. 79 [16] с.
2. Городецкий С.М. О Сергее Есенине // Новый Мир. М., 1926. № 2. С. 140.
3. Вдовин В.А. Есенин и литературно-художественное общество «Страда» // Есенин и русская поэзия. Л., 1967. С. 189.
4. Эль И. Первый вечер «Страды» // Петроградская газета. Пг., 1915. № 320. 21 нояб. С. 6.
5. [Б. п.] Вечер «Страды» // Новое время. – Пг., 1915. № 14261. 21 нояб. С. 14.
6. Известия книжных магазинов товарищества М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. – Пг., 1916. № 2. С. 19.
7. Изряднова А.Р. Воспоминания // Сергей Есенин: Сборник: Воспоминания родных / Сост.: Т. Флор и др. М., 1985. С. 115.
8. Шебуев И. Литературный год // Обозрения театров. Пг., 1916. 7–8 фев. С. 9.
9. Оксенов И. Литературный год // Новый журнал для всех. Пг., 1916. № 1. С. 59.
10. Венгров Н. Сергей Есенин. «Радуница» // Современный мир. Пг., 1916. № 2. С. 159.
11. Ю-нъ. Поэт «из народа» // Новое время. – Пг., 1916. Илл. прил. 27 авг. С.
12. Хомяковский Г. [Рецензия] // Друг народа. М., 1916. № 1. С. 76. Рец. на кн.: Есенин С.А. Радуница. Пг., 1916. 62 [2] с.
13. Скороходов М.В. Коломейцева Е.Ю. Убийство Сергея Есенина. М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 214.

References

1. Nikolai Kluev. Bells of Pines. 1911. Reprint of the first N. Kluev's book given to A. Blok with the author's signature. The item from A. Blok's library (Pushkin's House) with N. Kluev's and A. Blok's remarks. Addition: N. Kluev's photo (1912); N. Gumilev's review (1912). Appendix to A. Blok's Full Works' Edition in 12 volumes – Moscow: Ed. «Press-Pleyada» / Chief Editor S.S. Lesnevsky. 2002. 79 [16] p.

2. *Gorodetsky S. M.* About Serguei Esenin// *Novy Mir* (New World). Moscow, 1926. № 2. P. 140.
 3. *Vdovin V.A.* Esenin and the Artistic Literary Society “Strada” // *Esenin and Russian Poetry*. Leningrad., 1967. P. 189.
 4. *El’ I.* The First Evening of “Strada” // *Petrograd Journal*. Petrograd, 1915. № 320. 21 November P. 6.
 5. [B. p.] Evening of “Strada” // *Novoe Vremya* (New Time). Petrograd, 1915. № 14261. 21 November P. 14.
 6. News of the M. O. Volf Society Books hops on Literature, Science and Bibliography. Petrograd., 1916. № 2. P. 19.
 7. *Izryadnova A.R.* Memoirs // *Serguei Esenin: Collection: Memoirs of Relatives / Compilation of T. Flor etc.* Moscow, 1985. P. 115.
 8. *Shebuev I.* Literary Year // *Theatrical Review*. Petrograd., 1916. 7–8 February. P.9.
 9. *Oksenov I.* Litaeary Year // *New Magazine for Everyone*. Petrograd., 1916. № 1. P. 59.
 10. *Vengrov N.* Serguei Esenin. “Radunitsa”// *Novy Mir* (Contemporary World). Petrograd, 1916. № 2. P. 159.
 11. *U-n’*. “People’s” poet // *Novoe Vremya* (New Time). – Petrograd, 1916. Illustrated Appendix 27 August, P. 11.
 12. *Khomyakovsky G.* [Review] // *Drug Naroda* (People’s Friend). Moscow, 1916. № 1. P. 76. Review of S.A. Esenin’s book “Radunitsa”. Petrograd, 1916. 62 [2] p.
 13. *Skorokhodov M.V., Kolomeitseva E.U.* Serguei Esenin’s Murder. Moscow: Yauza; Eksmo, 2010. P. 214.
-
-

УДК 811. 161. 1' 42

UDC 811.161. 1' 42

Т.А. БУРМИСТРОВА

T.A. BURMISTROVA

аспирант, кафедра русского языка и литературы, Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»
E-mail: burmistrova_07@mail.ru

Graduate student, Department of Russian language and literature, National Mineral-raw Materials University "Mining".
E-mail: burmistrova_07@mail.ru

**АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ ДЕРЕВНЯ:
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ КОДИФИКАЦИЯ И ТЕКСТОВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ**

**VERBAL ASSOCIATIVE POTENTIAL OF THE LEXEME VILLAGE:
LEXICOGRAPHICAL CODIFICATION AND IMPLEMENTATION OF THE TEXT**

На основании анализа различных словарей и текстов из Национального корпуса русского языка были определены основные содержательные признаки лексемы деревня. Отмечается, что лексема деревня обладает значительным ассоциативно-вербальным и текстовым потенциалом, который принципиально расширяет ее лексикографически кодифицированный семантический объем и отражает особенности социальных отношений, экономических условий жизни и системы духовных ценностей носителей русского языка.

Ключевые слова: семантический объем, ассоциативно-вербальный потенциал, текстовый потенциал, лексико-семантическая группа, ассоциативно-вербальное поле, языковая картина мира.

Based on the analysis of the texts and the different dictionaries from Russian National Corpus basic meaningful attributes of lexeme village were identified. It is noted that the lexeme village has a great significant-associative verbal and text potential, which basically extends its lexicographically codified semantic volume and reflects the social relations, economic conditions and spiritual values of the system of Russian language speakers.

Keywords: semantic volume, verbal associative potential, potential text, lexical-semantic group, verbal associative range, world language vision.

Антропоцентрическая тенденция в развитии современной научной мысли (работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Ю.Н. Караулова, В.Г. Костомарова, Ю.С. Степанова и др.) обусловила актуальность лингвистических исследований, направленных на выявление лингвокультурологического потенциала лексики и «предполагающих проникновение во все более скрытые слои содержания слова» [2]. Возросший интерес к данной проблеме способствовал тому, что в центре современных лингвистических исследований оказывается человек как языковая личность. Один из актуальных подходов к описанию места «человека в языке» направлен на исследование ассоциативно-вербальных полей, позволяющих «моделировать вербальную память и языковое сознание «усредненного» носителя языка» [6] и отражающих важнейшие представления носителей языка об окружающем мире, в том числе и о таком важном феномене, каким является *деревня*.

Лексема *деревня* входит в активный словарный запас носителей русского языка, которая согласно «Системе лексических минимумов современного русского языка» под ред. В.В. Морковкина входит в список «самых важных» слов современного русского языка (он состоит из 500 единиц). Различные толковые словари дают представление о семантическом объеме лексемы *деревня*, которая относится к лексико-семантической

группе наименований населенных пунктов (город, деревня, село, поселок и др.) и является многозначной. Были использованы различные словари русского языка: «Большой академический словарь» (далее БАС), «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Вгеньевой (далее МАС), «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, «Большой толковый словарь русского языка» С. А. Кузнецова, «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой. В МАС, в словарях С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, А.С. Кузнецова лексема *деревня* имеет три значения: 1. Крестьянское селение. 2. Сельская местность. 3. Сельские жители, сельское население. В БАС, который является самым полным академическим толковым словарем русского языка, и в словаре Т.Ф. Ефремовой выделяется еще одно значение: *о простоватом, глупом человеке*. Это позволяет выделить дополнительный семантический признак лексемы, имеющий антропоморфный характер.

Поскольку любое слово существует не изолированно, а в совокупности связей с другими словами, актуальным источником для исследования содержательного потенциала лексики является «Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю.Н. Караулова (далее РАС). В РАС на стимул *деревня* зафиксированы чрезвычайно длинные ассоциативные ряды (всего 1117 реакций), содержание которых, в первую очередь, подтверждает значимость

тех содержательных характеристик, которые зафиксированы в толковых словарях:

1. Деревня – маленький населенный пункт (ср.: частотные реакции: *маленькое селение, маленькая, три дома*).

2. Деревня ассоциативно связана с другими населенными пунктами (*город, поселок, село*).

Однако, как отмечает Ю.Н. Караулов, «ассоциативный ряд дает представление о языковом сознании личности и выводит исследователя за пределы семантики» [6]. За пределами лексикографически кодифицированной семантики оказались следующие содержательные характеристики:

1. Деревня – это тихое, спокойное, глухое место (ср.: *глубинка, глухомань, глушь, глухость, глухая, тихий уголок, тишина*).

2. Деревня ассоциируется с сельскохозяйственным трудом населения (*крестьяне, крестьянин*).

3. Деревня ассоциативно связана с природой (*природа, лес, запах трав, река* и мн. др.), а также с ощущением свободы, ничем не стесненным пространством (*без конца, простор, раздолье*).

4. Деревня – это экологически чистое место (*свежий воздух, хороший чистый воздух, экология*).

5. В ассоциативно-вербальном поле деревня актуализирован так называемый «семейный» компонент (*матушка, бабушка, бабушкина, дедушка*).

6. Деревня тесно связана с представлениями о России (*русская, Россия*).

7. Деревня – это место, из которого уезжают, которое покидают (*уехать, уезжать*).

8. Деревня связана с конкретными прецедентными текстами: (*Простоквашино, деревня, где скучал Евгений, «Кому на Руси жить хорошо»*).

Важно отметить, что в ассоциативно-вербальном поле деревня присутствуют реакции, содержащие как положительную оценку (*любимая, светлый*), так и негативные, которые являются более многочисленными (*бедная, заброшенная, глухомань, захолустье, вымирающая, нищая* и многие другие). Эти реакции отражают, прежде всего, тяжелые условия жизни в современной деревне: отсутствие хороших дорог, социальных институтов, организации быта. Здесь следует вспомнить о том, что хотя в сферу оценки попадают явления различного характера, во времена существенных социально-экономических перемен особенно важную оценочную информацию содержат наименования, касающиеся экономических отношений [3].

При рассмотрении ассоциативно-вербального потенциала лексемы деревня актуальным оказывается понятие текстового ассоциативно-семантического поля (работы Ю.Н. Караулова, Н.С. Болотновой и др.), которое определяется как «объединение семантически и тематически близких в рамках некоторого текстового фрагменталексических единиц, актуализирующих развивающих определенное направление ассоциирования» [5].

Анализ контекстов употребления лексемы деревня из Национального корпуса русского языка (более 500 текстов) обнаружил многие мотивы, содержащие-

ся в ассоциативно-вербальном поле, зафиксированном в РАС. Необходимо отметить, что в данной статье рассматривались только те мотивы, которые оказались общими для текстов, относящихся к значительному по длительности периоду: XX–начало XXI вв.

1. Деревня – *нищая*: «Деревня вместе с хуторами и отрубамися осталась такой же нищей, как и до Столыпина» (С. Баймухаметов); «Деревня вымершая, спящая. Непонятно, чего ждать» (В. Месяц).

2. Деревня – *исчезающий феномен*: «Деревня и изба уходят навсегда. Значит, нужно проститься с родными стенами, как прощаются с родными людьми: прибраться, оплакать, сотворить молитву, последней посмотреть в лицо» (И. Сухих); «Русская деревня, в которой прежде дома стояли строем, напоминает сейчас рот старика, где отдельные избы торчат, словно последние зубы» (Э. Рязанов); «Не табунились раньше, а теперь и некому табуниться, деревня перестала рожать» (В. Распутин); «Уйдет Твардовский, и никто никогда уже не заговорит так по-русски душевно, с такими переливами языка, ясного и точного, такими звуками родной речи, идущей с поля, от села – а деревня – хранительница национальности. Только где она теперь, деревня?» (В. Астафьев).

3. Деревня – *свобода, простор*: «Деревня была для нас символом приволья, свободы от срочных занятий, простора, прогулок, картин крестьянской жизни, сельских работ. Разночинский быт, деревня, дворян, поля, лес, мужики, даже барские забавы, вроде, например, псовой охоты, воспитали во мне лично то сочувственное отношение к родной почве, без которого не сложился бы писатель-художник» (П. Д. Бобрыкин); «Почему, когда едешь из деревни в город, чувствуешь себя предателем, а когда наоборот – вырвавшимся на свободу?» (М. Тарковский).

4. Деревня – *хранительница национальных духовных ценностей*: «Деревня – хранительница национальности» (В. Астафьев); «(...) без деревни – нет России» (С. Яськин); «Для России и раньше, и теперь, и, наверное, в будущем деревня была и останется главным хранилищем духовных ценностей и нравственного богатства русских людей» (А. Ким).

5. Деревня – *это место, которое покидают*: «Из деревни лучшие люди уходят в город, и потому она падает и будет падать» (А. П. Чехов); «И вот последнее, все последнее, и стыдно смотреть на золотистые переливы ячменя с пузатыми тугими колосьями, точно от него, от хлебного дела убегала деревня, сманенная работками на лесе» (В. Распутин).

6. Деревня – *простоватый, необразованный человек*: «Смерти нет. Библию читать надо, деревня. Пиф обиделась» (Е. Хаецкая); «Он был парень не промах, хоть и «деревня», сроду не чаял и не гадал, что судьба изобразит ему такую колоссальную фигу» (В. Шукшин); *ругательное*: «В «центре» ребята ругаются: «Эй ты, деревня!», «Серяк», «Красный лапот» и так далее» (В. Аксенов).

7. Деревня – *хранительница русских традиций*: «Деревня – оплот отечественных традиций. В статьях

«М. Гвардии» что-то слишком подозрительно выпячиваются «народные основы», церковки, деревня, земля» (А. И. Солженицын).

Однако художественные контексты расширяют ассоциативно-вербальное поле *деревня* за счет следующих мотивов:

1. Деревня – *лето, отдых*: «Деревня – это каникулы или дача на летние месяцы» (В. Г. Короленко).

2. Деревня – *творчество*: «Пока есть деревня, будет и литература, пока есть явление, будет его отражение. Есть русская литература, она – деревенская, потому что деревня – соль России» (М. Тарковский); «Золотая цепочка моего творческого счастья благополучно продолжала коваться: деревня – лес – работа – новая книга» (А. Ким).

3. Деревня – *экономическая основа России*: «А без деревни – нет России. Нужны условия, при которых выгодно будет сеять хлеб, разводить птицу, увеличивать поголовье скота. И тогда сохранится деревня. Сохранится Россия» (С. Яськин).

4. Деревня – *это не город*: «Деревня не город, там в магазине покупают материю в крапочку и велосипеды, а яйца и сало каждый имеет себе в хате» (А. Львов); «Город и деревня, классическая музыка и народная песня, артистическая профессия и вековой крестьянский труд – все эти резкие стыки интересуют авторов не сами по себе, не только как контраст» (Н. Зоркая); «Город ме-

няет метрику пространства, и вы согласитесь со мной, что полтора шага – не одно и то же в городе и в деревне» (Б. Хазанов); «Произнеси похвально «деревня» – значит угроза городу, «земля» – значит упрек «асфальту» (А. И. Солженицын); «Город начинается с того момента, когда жители перестают здороваться друг с другом. Город отличается от села человеческими отношениями, это мир посторонних, отчужденных друг от друга людей» (В. Лейбин, Г. Тарасевич).

5. Деревня – *прежний оплот религии*: «Такая картина сегодня повсеместно: в отличие от дореволюционных времен, когда оплотом религии была деревня, сегодня очагами православия стали крупные города» (Д. Соколов-Митрич).

6. Деревня – *коллективное начало*: «Коммунальная квартира – та же деревня, только замкнутая в пределах одного этажа: такая же разница характеров и сила их столкновений, такой же социальный срез и те же моральные критерии» (Ю. Кантор).

Таким образом, ассоциативно-вербальный потенциал и текстовые реализации лексемы *деревня* значительно расширяют лексикографически кодифицированное содержание лексемы за счет дополнительных характеристик, которые транслируют как позитивную, так и преимущественно негативную оценку, отражая драматическую судьбу русской деревни, зафиксированную в сознании носителей русского языка.

Библиографический список

1. Большой академический словарь русского языка (БАС)/ Под ред. К. С. Горбачевича. М., СПб.: Наука, 2010.
2. Васильева Г.М. Лингвокультурологические аспекты русской неологии. Автореферат дис. на соискание уч. степени доктора филол. наук. Тип. ЛГТП, Санкт-Петербург: 2001. С.19.
3. Васильева Г.М., Томашевская К.В. О некоторых особенностях оценочного переосмысления наименований субъекта экономических отношений в русской языковой картине мира// Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2013; № 7. С. 55–61.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Т.1.
5. Ильина О.С. Ассоциативно-семантические поля «студент» и «профессор»: языковые константы и текстовая динамика. Автореферат дис. на соискание уч. степени к. филол. наук. Тип. СПб, 2013. С.13.
6. Караулов Н.Ю. Основы лингвокультурного тезауруса русского языка, в кн.: Русское слово в русском мире: сборник статей. М.- Калуга: МГЛУ-Эйдос, 2004. С. 5, 247.
7. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности в кн. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов/ Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: АСТ-Астрель, 2002.
8. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2007.
10. Русский ассоциативный словарь /под ред. Ю. Н. Караулова. М.: АСТ-Астрель, 2002.
11. Система лексических минимумов современного русского языка. 10 лексических списков. От 500 до 5000 самых важных русских слов. Под ред. В.В. Морковкина. М.: АСТ-Астрель, 2003.
12. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
13. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2008.
14. Национальный корпус русского языка. [http://: www. ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)

References

1. Large academic dictionary of the Russian language under the editorship of K.S. Gorbachevich. M., SPb: Nauka, 2010.
2. Vasilyeva G.M. The linguocultorological aspects of Russian neology. ADD, SPb, 2001. P. 19.
3. Vasilyeva G.M., Tomashevskaya K.V. Peculiar features of economical relationship subject naming in Russian world language vision // Scientific Review: humanities. 2013; 7: 55-61
4. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-construction dictionary. M.: Russkii Yazyk, 2000. V.1
5. Ilina O.S. Associative-semantic range “student” and “professor”: language constants and text dynamic. Author’s abstract, candidate dis in Philology. Typography. SPb. P. 13.
6. Karaulov N.Y. Basics of linguocultural thesaurus in Russian language // Russian word in Russian world: a collection of articles.

M. Kaluga: MGLU-Eidos, 2004. P. 5, 247.

7. *Karaulov Yu.N.* Russian associative dictionary as a new linguistic source and tool of analysis of language capability in the book Russian associative dictionary. In 2 volumes. V.1. From incitement to reaction: About 7000 incitements/ Y.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva, Y.A.Sorokin, E.F.Tarasov. M.: AST-Astrel, 2002.

8. *Kuznetsov S.A.* The great explanatory dictionary of Russian language. SPb: Norint, 2000.

9. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Y.* Explanatory dictionary of Russian Language. M.: OOO A TEMP, 2007.

10. Russian associative dictionary under the editorship of Y.N. Karaulov. M.: AST-Astrel, 2002.

11. A system of lexical units of modern Russian language. 10 lexical lists. From 500 to 5000 the most important Russian words/ Under the editorship of V.V. Morkovkin. M.: AST-Astrel, 2003.

12. The dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes / USSR Academy of Sciences Institute of Russian language, under the editorship of A. P. Evgenieva – the 2nd edition, Revised and supplemented. M.: Russian language, 1981-1984.

13. Ushakov D.N. Great explanatory dictionary of the Russian language. The modern edition. M.: OOO «House Slavic book», 2008.

14. Russian National Corpus basic. [http://: www. ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)

УДК 82(091)

UDC 82(091)

Е.П. ГУРОВА

аспирант, кафедра истории русской литературы XI–XIX вв., Орловский государственный университет
E-mail: Gyrevich84@yandex.ru

E.P. GUROVA

Graduate student, Department of history of Russian literature of the XI–XIX centuries, Orel State University
E-mail: Gyrevich84@yandex.ru

ТЕМА ПУТИ В ПЕРЕВОДНЫХ ПОВЕСТЯХ XVII ВЕКА

THEME PATHS IN THE TRANSLATED NOVELS OF THE SEVENTEENTH CENTURY

В статье делается попытка рассмотреть путь персонажа через активность его действий, связанных с перемещением в пространстве, преодолением преград на своем пути, а также любовной и духовной стороной.

Ключевые слова: переводная повесть, герой, перемещение, пространство, этикет, активность.

The article attempts to look for the path of the character through the activity of his actions, associated with the movement in space, overcoming obstacles in its path, as well as love and spiritual side.

Keywords: translated story, pass-through story, character, movement, space, etiquette, activity.

В переходном 17 веке, помимо бытовых повестей, в России приобретают популярность переводные рыцарские романы. Их светский элемент, по словам А.С.Орлова, оказался для русского человека влиятельным своей смелостью и способствовал образованию читателя, привнес наслаждение вымыслом, интригой и художественным воспроизведением жизни в литературе [2, 87-88]. Действительно, переводные сказочные повести конца 17 века имели занимательный характер, они удовлетворяли потребность в «личном, неофициальном чтении» и были призваны не поучать, а «развлекать» и «изумлять» [3,348]. В связи с этим в таких произведениях перед древнерусским читателем предстает герой активный, освобожденный от религиозных канонов, постоянно находящийся в поисках приключений. К таким персонажам можно отнести Бову Королевича («Повесть о Бове Королевиче») и Еруслана Лазаревича («Сказание о Еруслане Лазаревиче»).

Активность данных персонажей показывается авторами в двух направлениях: перемещение в пространстве и преодоление трудностей на своем пути. Эти две ипостаси взаимосвязаны между собой: в разных локусах героев ожидают различные приключения и преграды. Действительно, если обратить внимание на географию перемещений героев, можно увидеть, как стремительно они передвигаются от одного локуса к другому.

Рассмотрим траекторию движения героев. В «Повести о Бове»: локус Дома – плавание на корабле по морю – Арменское царство – Рохленское царство – пребывание на корабле – Задонское царство – бегство из Задонского царства – град Костел-Арменское царство – Рохленское царство –град Сумин – град Антон.

В «Сказании о Еруслане Лазаревиче» география перемещения следующая: царство Картауса Карстаусовича(локус Дома) – море – «чисто поле» – царство Картауса Карстаусовича – «чисто поле» – Индейское царство – град Дербия – царство Картауса

– царство князя Данилы Белого – Задонская орда, Штютен град – град Дербия – Девичье царство – «чисто поле» – град Дербия.

Такое многочисленное передвижение героев, с одной стороны, вполне объяснимо. В «Повести о Бове» в основном это связано с темой побега, с темой мести, выполнения задания «короля», любовной темой. Первый эпизод связан с побегом из локуса Дома (Бова покидает его, чудом избежав смерти), далее Бова спасается бегством от царя Салтана, который хочет его повесить: «Вышел Бова ис темницы да и побежал из Рахленского царства». Из Задонского царства Бова бежит от короля Маркобруна, который хочет женить на себе его возлюбленную королевну Дружневну: «...и сажился Бова на добра коня, а Дружневна на иноходца, и поехали из Задонского царства» [4,534]. Следующий эпизод представляет собой поездку в Рахленское царство: обманутый королевским дворецким, выполняя поручение псевдокороля Бова отправляется с «челобитной» к царю Салтану. В другом эпизоде Бова отправляется в Арменское царство, чтобы отомстить дворецкому: «Да и поехал Бова во Арменское царство, чтобы ему дворецкого убить, которой дворецкой послал ево на смерть» [4,538]. В град Антон переодетый Бова едет, чтобы сразиться с давним врагом Додоном и отомстить за смерть отца: «И Август рече: Яз могу ту обиду отомстить. Собери войска, колко мочно»...И Август аки животину отгнал от града и ударилкопием короля Дадона и дал ему сердечную рану» [4,540]. В Рахленское царство Бова едет, чтобы встретиться с королевой Минчитрией, которая «за Бову хочет замуж итить».

В тексте также имеются эпизоды, в которых персонаж передвигается из одного локуса к другому без каких-либо объяснений. Это моменты, когда герой становится жертвой обстоятельств. Так, например, с корабля в Арменское царство Бова попадает не по своей

воле, его покупает у корабельщиков король Зензевей Адарович: «И гости-корабелницы Бову продали, а взяли за него 300 литр злата. И король Зензевей Адарович посади Бову на осла и поехал во Арменское царство» [4,521]. Так как это произведение относится к переходному периоду литературы, то, видимо, главный герой находится еще во власти судьбы и не всегда самостоятелен в своих действиях.

В «Сказании о Еруслане Лазаревиче» перемещения не столь стихийны, как в «Повести о Бове», мотивировка их более конкретна, а поступки более обдуманно. Из отчего дома Еруслан отправляется в «чисто поле погуляти». Вот как он сам объясняет старцу Ивашке свою отлучку: «Я сюды зашел волею: похотѣхъ в поле казаковать, и горести принять, и желание получить» [5,303].

Эпизод возврата в царство Картауса Картаусовича также обдуман героем, так как первоначально цель его поездки была связана с Индейским царством: хотел герой «поклониться царю Далмату да свидетца со Иваном, Бѣлой Епанчой» [5,308]. Но затем он меняет свое решение и возвращается в локус Дома. В Задонскую орду главный герой отправляется за чудесным средством, чтобы спасти своих близких.

Перемещение Еруслана в пространстве так же, как и Бовы, может быть связано с любовной темой. Так, в град Дербию он отправляется, чтобы увидеть Натасию Варфоломеевну. Как можно заметить, в «Повести о Бове» главный герой по случайным обстоятельствам знакомится с королевной Дружневной, Еруслан же проявляет свою самостоятельность, это отчетливо отражено в тексте с помощью глагола «хощети»: «и поѣхал ко граду Дербию, ко царю Варфоломѣю, а хощеть видѣти прекрасную царевну Натасию Варфоломѣевну» [5,318].

Как можно увидеть из выше представленных схем, в произведениях имеются локусы, которые герои посещают несколько раз. Совершенно понятно, что в сказочной повести, в которой присутствуют элементы авантюрного и сказочного действия, пространство, где пребывает герой, не будет связано с религиозными постулатами (как, например в агиографии) или играть какую-либо важную роль в нравственном становлении героя (как в «Житии Аввакума»), или наполняться символическим значением.

Постоянное возвращение в одни и те же локусы в текстах можно связать с воинской темой или рассматривать в русле любовной тематики: герой сначала встречает возлюбленную, а затем после разлуки возвращается за ней. Наиболее ярко этот факт прослеживается в «Сказании о Еруслане Лазаревиче». Здесь герой неоднократно отправляется в «чисто поле» («поѣхал в чистое поле гулять»). Действительно, этот пространственный образ в тексте играет важную роль. Н.В. Степина выделяет в «Сказании» несколько значений образа поля:

1. фольклорное понимание как простор;
2. место безлюдное, полное опасностей;
3. поле как оппозиция городу-государству;
4. поле битвы героя с врагом один на один;

Исследовательница приходит к выводу о том, что, кроме привычной фольклорно-символической ипостаси, этот образ выступает в своей предметной и ситуативной конкретности, вызывая разнообразные и часто неоднозначные литературно-реалистические ассоциации. Это территория свободы физической и духовной [7,14].

В тексте дважды возникает и другой локус – град Дербия. В этом месте живет возлюбленная Еруслана Анастасия Варфоломеевна, на которой витязь хочет жениться. В первый раз герой едет к ней свататься, а во второй раз возвращается туда не только в качестве мужа, но и правителя.

В «Повести о Бове» привлекает внимание посещение героем дважды Рахленского царства. В первое свое посещение данного локуса Бова попадает в плен к царю Салтану Салтановичу. Дочь царя Салтана, королевна Минчинтрия, дважды предлагает Бове себя в жены и сменить веру православную на латинскую: «Бова, забудь свою веру православную христианскую... и возьми меня за жены места... А не станешь нашей латынской веры веровать и не возмешь меня себе за жены места, и батюшка мой тебя может повесить или на кол посадит» [4,529]. Думается, что в данном эпизоде реализуется религиозный мотив: герой-христианин и не желает предавать свою веру: «Хоть мне повешену быть или на коле посажену быть, а не верую аз вашей латынской веры и не могу яз забыть своея истинныя» [4,529]. Второй раз Бова едет в данный локус, чтобы жениться на королевне Минчинтрии, так как думает, что королевна Дружневна погибла. В этот раз Минчинтрия благосклонна к Бове и даже согласна принять веру христианскую. Этот эпизод можно расценивать как победу христианства над чужой верой, но ему здесь не уделяется столь пристального внимания: «И приехал Бова в Рахленское царство и взехал Бова на каралевский двор безопылачно. И встречает Бову прекрасная царевна Минчинтрия, и повела Бову в королевские полаты, и почели пити и ясти и веселитися. И царевна Минчинтрия почела говорить: “Государь храбрый витезь Бова королевич! Крести ты, государь, меня да возьми себе за жены места, и буди нашему царству здержатель и ото всех стран оберегатель”. И Бова Минчинтрию крестил, да и положили промеж собою на слове да воскреснаго дни» [4,538].

Вторым признаком активности героя является преодоление препятствий на своем пути. Герои изображаются храбрыми и доблестными воинами: Бова отправляется на дело «ратное и смертное», чтобы сразиться с богатырем Лукопером, сильным Полканом, «по пояс песьи ноги». Еруслан Лазаревич едет в «чисто поле погулять», чтобы сразиться с русским богатырем Иваном, «побить» войско Данилы Белого, Белую Епанчу, убить змея и побороться с собственным сыном.

Кроме того, на пути героев встречаются препятствия, где нужно применять не только физическую силу, но и силу ума. Например, в «Повести о Бове» герой переодевается в старца, чтобы быть неузнанным для совершения задуманных дел: спасения возлюбленной Дружневны, мести королю Додону.

Духовная основа героев раскрывается авторами через христианские мотивы. Бова изображается как примерный христианин, он часто обращается с молитвой перед битвой или в трудную минуту к Милостивому Спасу и Пречистой Богородице [4,526]. Попадая в другую страну, Бова при представлении особенно подчеркивает факт принадлежности к «роду христианскому»: «Яз роду не царского и не королевского, яз роду христианского» [4,521]. В плену у иноверных, герой до последнего отказывается принять веру «латынянскую»: «Уже мне и так голодная смерть приближаетца. А хошь мне повешену быть или на коле посажену быть, а не верую аз ваша латынская веры и не могу забыть православныя христианския веры» [4,529]. Еруслан Лазаревич также молится «образу Божию», герой по-христиански благородно поступает по отношению к поверженному сопернику, богатырю Ивану: «И говорить ему князь иванъ, руской богатырь: “Государь Еруслан Лазаревич! Не дай смерти, дай живота! Прежь сего не бывало, а и впредь не будет!” И Еруслон Лазаревич слазил з добра коня, и принимает его за правую руку, и целует ево во уста сахарныя, и называет его братомъ» [5,306-307].

Но не всегда храбрый витязь руководствуется христианскими законами в своих действиях. В сцене встречи с тремя сестрами Прондорой, Мандорой и Легией герой попадает во власть греха и убивает двух сестер: «И вшел к ним Еруслон Лазаревич в бѣль шатер, забылъ образу божию молиться, что сердце его разгорѣлось, юность его заиграла, и емлѣтъ себѣ большую сестру» [309].

Н.В. Степина считает благочестие Еруслана относительным в связи с исповедованием двойной морали: «он и христианскому Богу молится, и языческий разгул чувств в себе не пресекает. <...>. Так создается ранее неизвестный древнерусскому читателю оригинальный литературный портрет молодого богатыря. Еруслан знает, как надобно поступать, но не всегда может совладеть с собой. Его поступками руководит преимущественно чувство» [7,11].

Как видно из текста, несмотря на двойственность, автор отождествляет нравственные ценности с христианством, поэтому Еруслан приходит постепенно к покаянию. Об этом свидетельствует эпизод обращения героя за помощью к богатырской голове: «Еруслон Лазаревич возьмъ мечъ и поѣхал; а самъ себѣ подумаль: “Господи Боже, Спасъ милостивый! Доселѣ аз царей утешалъ, богатырей побивалъ, а ныне язъ со слезами богатырской головѣ поклонился!” И богатырская голова крикнула громко голосомъ, и Еруслонъ Лазаревич воротился. И Еруслонъ узнал свою вину и воротился, и слѣзъ з добра коня, и палъ на сыру землю, и говорить: “Багатырская голова, виновать я пред тобою, что посмешыл таковое слово”. И зговорит ему багатырская голова: «Богъ ты простить, Еруслонъ Лазаревич, в томъ словѣ, что дерзнул со млада ума!» [5,316].

Н.В. Степина характеризует эту сцену как духовный перелом героя, так как герой возвращается к светлomu началу и после него совершает знаменитые подвиги

(победа над змеем и бой с неузнанным сыном).[7,12].

Действительно, после эпизода с богатырской головой Еруслан склонен к христианскому милосердию: татарского князя Данилу Белого герой не предаст смерти, а ссылает в монастырь, тем самым ознаменовав победу христианства над иноверием.

В преодолении трудностей раскрываются такие стороны личности героев, как храбрость, верность долгу, хитрость, но эти качества константны, они заложены в героя изначально. В начале «Повести о Бове» автор упоминает о храбрости Бовы: «...прижил младого дитищу, а храброго витезя Бову»; сила Еруслана показана через «шутки не добры», которые он шутит на царском дворе. Испытания, которые преодолевает герой, на протяжении всего пути, только помогают выявить данные качества, но не развить их, поэтому говорить о характере и эволюции личности героев в данном случае трудно. А.М. Панченко отрицал наличие характера в «Повести о Бове», считая, что герой принесен в жертву авантюристическому действию: «Это – общее правило рыцарского романа, в котором характер заменялся декларациями» [3,351]. Н.В. Степина, анализируя ситуацию, связанную с «духовным переломом» в поведении Еруслана, пытается проследить изменения в личности героя. На наш взгляд, эти изменения можно назвать условными, так как до духовного перелома и после него качества героя остались прежними.

Личность героев также показана и через любовные переживания. В исследуемых повестях любовь между мужчиной и женщиной показана авторами не в рамках христианской традиции, а в светском ключе. Так как христианство отрицает плотские отношения между мужчиной и женщиной, на первое место выдвигается идея духовной любви к Богу и к ближнему, поэтому святые подвижники либо с самого начала жизненного пути отрицают любовь, брак как принадлежность мирского и суетного мира, либо приходят к этому впоследствии. В бытовых повестях это чувство также осознается как греховное, так как приводит героя (Савву Грудцына, например) к нравственному падению. Переводной роман оказал сильное влияние на развитие любовной тематики на Руси. Это чувство стало восприниматься иначе. Теперь автор рисует любовь «земную», в которой отсутствуют этикетные ситуации. Появились описания любовных сцен, галантное отношение героя к возлюбленной.

В «Повести о Бове» любовная тема возникает в начале пути героя, как только он попадает в Арменское царство. Причем, активность в любви проявляет королевна Дружневна: «И узрила из своих хором Бову на конюшне велми лепообразно, и от Бавины красоты во всю конюшню осветило <...> И прекрасная королевна, подкланя главу под стол, не хватала за нож, хватала Бовину главу и целовала его во уста, и во очи, и во уши» [4,522]. Когда у Бовы возникает травма, Дружневна проявляет о нем заботу, лечит его своими угодьями. Любовь толкает героя на подвиги: Бова рискует жизнью ради любимой, сражается с войском Маркобруна. Узнав о том, что Дружневна и дети живы, он сразу же

забывает о Минчитрии: «И Бова увидел Дружневну и скочил на двор. И хватает Дружневну за белые руки и целует в сахарные уста» [4,539]. Герой повести способен на эмоциональные переживания. Так, Бова тяжело переживает разлуку с любимой и детьми. Решив, что Дружневну и детей съели львы, герой плачет и тужит: «И Бова растужися: “Уже коли такова сильного богатыря львы съели, то и Дружневну и детей моих”. И похоронил Бова Полкановы плесны и сам расплакался горко: “Милостивый Спас и пречистая богородица! Дали вы мне ладо поновное и не дали вы мне с нею пожить от младости и до старости”» [4,538]. В «Сказании о Еруслане», любовная тема возникает практически в конце повести, герой находит себе невесту Анастасию Варфоломеевну только после того как совершает ряд рыцарских подвигов. В отличие от «Бовы» в данном произведении автор опускает любовные сцены, по мнению Пушкирева, списку чуждо прославление чувственной любви, что так характерно для рыцарских романов. [6,37]. В «Повести о Еруслане Лазаревиче» супруги также расстаются. Еруслан отправляется в Девичье царство, где от красоты царевны теряет голову и забывает о семье: «Ерусланъ Лазаревичъ смотрячи на кра-

соту ея, с умом смешался, и забыл свой первый бракъ. И взявъ ея за руку правую, и целовалъ ея во уста сахарныя, и прижималъ ея к сердцу ретивому, и называлъ ея женою, а она ево мужемъ назвала» [5,320]. В финале повести происходит воссоединении Еруслана и Настасии Варфоломеевны: «И въѣхалъ Ерусланъ на дворъ свой, и выскочила противу ево стрелати прекрасная царевна Анастасия Варфоломѣевна ...<...> И обняла его, и взяла за руку, и целовала его во уста сахарныя, и прижимала ево к сердцу своему ретивому» [5,322].

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что тема пути в переводных повестях связана с активным перемещением в пространстве персонажа и преодолением преград на своем пути. Героев заботят земные дела, в связи с этим отсутствуют этикетные формулы и ситуации. Персонажи находятся во власти действия, и в основном их активность проявляется на внешнем уровне, духовная и этическая сторона для автора не представляет особого интереса, поэтому черты характера героев еще статичны. Читателя привлекали подвиги героя и любовные приключения, именно поэтому этим темам в текстах отводится так много места.

Библиографический список

1. Кузьмина В.Д. Рыцарский роман на Руси (Бова, Петр Златых Ключей). М.: Наука, 1964. 344с.
2. Орлов А.С. Переводные повести Древней Руси // История русской литературы до XIX в. / Под ред. А.Е. Грузинского. Т.1. М.: Мир, 1916. 376с.
3. Панченко А.М. Рыцарский роман и оригинальная авантюрная повесть // История русской литературы: В 4-х т. Том 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. — Л., 1980.
4. Повесть о Бове королевиче // «Изборник»: сборник произведений литературы Древней Руси. Общ. ред., сост., вступ. ст. Д.С. Лихачев; Сост., общ. ред. Л.А. Дмитриев. М.: Худож. лит., 1969. 524с.
5. Повесть о Еруслане Лазаревиче // Памятники литературы Древней Руси: 17 век. Вступ. статья Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1988. 704с.
6. Пушкирев Л.Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М.: Наука, 1980. 184с.
7. Степина Н.В. Образная система и жанровая сущность «Сказания о Еруслане Лазаревиче». Автореф. дисс. канд. фил. наук. Орел, 2000. 23с.

References

1. Kuzmina V.D. The tale of chivalry in Russia (Bova, Pyotr of Golden Keys). M.: Science, 1964. 344p.
2. Orlov A.S. Translated stories of Ancient Russia // History of the Russian literature до XIX century / Under the editorship of A.E. Gruzinskogo. T.1. M.: Mir, 1916. 376p.
3. Panchenko A.M. Tale of chivalry and original adventurous story // History of the Russian literature: In 4 t. Volume 1: Old Russian literature. Literature of the XVIII century. L., 1980.
4. The story about Bove the king's son // «Izbornik»: collection of literary works of Ancient Russia / General edition, compiler introductory article D.S. Likhachev; General revision, compilation L.A. Dmitriyev. M., Khudoz. lit., 1969. 524p.
5. The story about Eruslan Lazarevich // Monuments of literature of Ancient Russia: 17 century / Introductory article D.S. Lihachev. M.: Khudoz. lit., 1988. 704p.
6. Pushkarev L.N. Tale of Eruslan Lazarevich. M.: Naukha, 1980. 184p.
7. Stepina N.V. Figurative system and genre essence «Legends on Eruslan Lazarevich». Abstract of dissertation of candidate of philological Sciences. Orel, 2000. 23p.

УДК 821.161.1:2-423

UDC 821.161.1:2-423

В.В. ДВОЕГЛАЗОВ

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы,
Вятский государственный гуманитарный университет
E-mail: vladimir6798@yandex.ru

V.V. DVOEGLAZOV

Graduate student, Department of Russian and Foreign
Literature, Vyatka State Humanities University
E-mail: vladimir6798@yandex.ru

«ПРАВДА» И «ПРАВЕДНИЧЕСТВО» В «ДУХОВНОЙ БИОГРАФИИ» А.С.ПУШКИНА

THE «PRAVDA» AND «RIGHTEOUSNESS» IN PUSHKIN'S «SPIRITUAL BIOGRAPHY»

В статье рассматривается вопрос о нравственно-философских основаниях «поэтического идеала» А.С. Пушкина. В этом направлении на конкретных примерах исследуются формально-содержательные аспекты художественного воплощения авторской концепции «праведничества». Устанавливается непосредственная связь между типами «праведника» и «странника» в состоянии «духовного томления» героев по высшей правде. «Духовная биография» писателя показывает процесс самостоятельного поиска и обретения онтологической истины.

Ключевые слова: тип «праведника», тип «странника», концепция «праведничества», «духовная биография» Пушкина, онтологическая истина.

The article deals with the question of moral and philosophical basis of Pushkin's «literary ideal». The formally-content aspects of the literary embodiment of the author's concept of «righteousness» are investigated. A direct link between the type of «righteous» person and «wanderer» in the state of heroes «spiritual longing» for the highest «pravda» is established. «Spiritual biography» of the writer shows the process of independent search and acquisition of the ontological truth.

Keywords: the hero-«righteous» person, the type of «wanderer», conception of «righteousness», Pushkin's «spiritual biography», the ontological truth.

Задачу «здравой критики» В.Г. Белинский видел в том, что «она должна определить значение поэта и для его настоящего и для его будущего...» [1, т.7, с. 101]. Современная наука должна указать близкий и дальний контексты понимания, обнаружить непреходящую сущностную сторону творчества – определить характер выражения «мировоззренческих опор, особенно нравственных», уяснить суть «главных личностных устоев» [6, с. 113], среди которых особо выделяется человеческое «служение Истине» [6, с. 114].

По признанию С.Л. Франка, «нет более благодарной и настоятельно нужной задачи, как заняться пристальным и непредвзятым изучением самого богатого и адекватного выражения русской духовности и ее вечной правды в духовном мире Пушкина» [25, с.273]. Разговор о высшей жизненной «правде» как этико-философской идее, объединяющей непреходящие аспекты творчества Пушкина, имеет свою историю, свои вариации и, несомненно, указывает на возможность научного описания художественных способов и приемов выражения авторской идеи «праведничества» [2, т.26, с.138–144; 4, т.12, с. 344; 10, 13, 23].

Вслед за творческими прозрениями В.Г. Белинского, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского литературоведы прошлого столетия и современности (Д.Д. Благой, Н.Н. Скатов, В.Н. Аношкина, В.Е. Хализев, С.А. Кибальник, И.А. Есаулов) отмечали, что Пушкин идейно-творчески продолжает собственно литератур-

ную, художественно-философскую традицию предшественников (прежде всего Карамзина, Жуковского), связанную с образным воплощением авторского понимания истины жизни. В силу уникальных биографических, психологических, индивидуально-творческих обстоятельств с конца 20-х – начала 30-х годов XIX века, «времени глубоких философских и религиозных размышлений» [6, с. 117], художник все более настойчиво обращается к «поэзии действительности» в поисках решения конечных вопросов: «К началу 1830-х годов относится чрезвычайно важное высказывание Пушкина о приоритете «вечных истин», на которых основаны счастье и величие человеческое» и которые поэзия не должна «силою слова потрясать» [11, с. 80]. Так, оценивая художественно-философский потенциал А.Н. Радищева в форме литературного портрета (1836), поэт обобщенно выражает взгляды на сущность деятельности писателя, определяет цель творчества как служение благу, реальной жизненной пользе. Книга, эстетический результат работы, плод мысли, должна способствовать возрастанию «истинной пользы» благодаря авторскому представлению поэтического материала с «искренностью и благоволением». «Горькое злоречие», «поношение» не могут являться конечным результатом человеческой мысли – «священного дара божьего». Пушкин подчеркивает, что основой истины (в том числе той, которая отражена в книге), ее неразрывной духовной составляющей является «любовь» [3, т.7, с. 256].

Представленное в раннем творчестве соотношение социально-обусловленного и исконно антропологического в структуре личности понимание значения свободы, необходимости и нравственной ответственности в историческом процессе, непосредственное размышление о сущности бытия указывают на философскую глубину поэтического слова Пушкина, подготавливают художника «к твердому и мужественному отношению к действительности и объективным законам, ею управляющим» [8, с. 460], предваряют разработку самостоятельной концепции жизни. По словам Д.Д. Благого, «новый эстетический идеал формировался в сознании Пушкина уже по ходу его работы над главами «Евгения Онегина»; поэтому закономерно, что к концу романа он сформулирован в образе Татьяны. Но свою художественную реализацию этот новый идеал находит в таких созданиях болдинской осени, как «Румяный критик мой. . .», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Домик в Коломне», «Повести Белкина», «История села Горюхина»» [8, с. 468].

Болдинская осень – один из самых примечательных этапов творческой биографии Пушкина [8, с. 456, 460; 20, с. 225]. Сам Пушкин в письме П.А. Плетневу от 9 декабря 1830 года признавался: «Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал» [7, т. 10, с. 252]. Именно в этот период создаются первые завершённые опыты в прозе, которые творчески соответствуют высказанной ещё в 1822 году авторской мысли: «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ничего не стоят» [3, т. 7, с. 12–13]. Идеино-содержательная сторона «Повестей покойного И.П. Белкина», затрагивающая общие свойства духовной составляющей личности и творчества Пушкина, привлекает внимание специалистов. По словам Ю.М. Лотмана, «Пушкин собрал в «Повестях Белкина» как бы сюжетную квинтэссенцию прозы карамзинского периода и, пересказав ее средствами своего нового слога, отделил психологическую правду от литературной условности. Он дал образец того, как серьезно и точно литература может говорить о жизни и иронически-литературно повествовать о литературе» [15, с. 201]. По мнению Г.П. Макогоненко, используя прием иронии, «категорически разрывая с нравоучительным и эффектно-романтическим построением характера, Пушкин с позиций реализма показывает, практически впервые, социальную обусловленность человека, зависимость его нравственности, поведения, миропонимания от обстоятельств социального бытия, от среды, к которой он принадлежал» [16, с. 127–128]. «Роль обстоятельств и вскрывалась на третьем, глубинном, пушкинском уровне повестей», – делает вывод исследователь [16, с. 139–141].

Однако, «зависимость от среды – лишь одна сторона бытия пушкинских героев», – пишет Ю.М. Лотман о «маленьких трагедиях», написанных практически одновременно с «Повестями...» [15, с. 202]. Оба цикла рассматриваются как две вершины самого плодотворного этапа деятельности художника. Герои первых «образцов завершённой прозы», так же как и персонажи драматических произведений, не освобождаются от личной от-

ветственности за последствия собственных действий. Но вопрос о моральной необходимости нравственного закона и последствиях его нарушения автор не поднимает до высоты трагедии бытия, как это предусмотрено замыслом драматического цикла. Так, рассматривая пьесу «Моцарт и Сальери», Г.Б. Курляндская отмечает «тот внутренний духовно-психологический конфликт» [14, с. 23], который возникает в душе Сальери как результат столкновения «голоса “высшей правды”» с индивидуалистической правдой-отрицанием Всевышнего как духовного первоначала («Все говорят: нет правды на земле, / Но правды нет и выше. Для меня / Так это ясно, как простая гамма»). «У Сальери, – пишет ученый, – внутреннее наказание пришло после убийства друга; проснулась совесть и сразу же возникло подозрение, что он не гений, а злодей» [14, с. 22]. «Ставке на несокрушимый Дух», прозвучавшей в гимне трагедии «Пир во время чумы», «бытийственно» противопоставлены сила «вечного неба, исполненного света», «чувство веры», которым «суждено усиливаться и побеждать в ходе действия» [26, с. 134]. Вальсингам, испытывая чувство верности своему второму, «ситуативному» экзистенциальному Я, порожденному стихийным хаосом разрушения и смерти, «самим страданием своим подготовлен к восприятию высокой истины» любви, «человеческой близости» [26, с. 135], прозвучавшей в песне Мери и словах Священника: «Пушкин говорит о молчании человека, заглянувшего в сокровенную тайну бытия, тайну жизни и смерти...» [26, с. 140].

«Смирная проза» Пушкина согрета волей доброго случая, окрашена восприимчивым, простодушным поэтическим сознанием Белкина, наивностью его биографии, предварена доброжелательным слогом письма ненарадовского помещика, т.е. повествование несёт на себе отпечаток авторского сознания. Обобщенно «Повести Белкина» воспроизводят «идиллическую атмосферу, связанную прежде всего с темой дома, семьи, повседневного общения близких людей» [27, с. 9]. Единый нерелефный тип сознания многих героев, которые в основном лишены «внутренней раздвоенности», «простота и цельность» их психологического облика позволяют, по мнению В.Е. Хализева и С.В. Шешуновой, связать цикл в «прочный узел» [27, с. 9], где обозначены ценности обыденной жизни.

Воспроизведенные ситуации «средней реальности» раскрывают перед читателем свойства личности, показывают характер взаимоотношений человека и окружающей действительности. Вторгаясь в сферу этики и связанной с ней онтологии, автор согласует решение ситуаций с нравственной отзывчивостью героев, их настроением, самосознанием, отношением к обстоятельствам. Поэтому «в «Повестях Белкина» решался не политический, но нравственный вопрос – каким должно быть индивидуальное поведение человека». Но не только «перед лицом угнетающих его обстоятельств», но и в перспективе полноценной жизни «с ее укладом, нравами» [16, с. 151].

Так, в повести «**Выстрел**» внешняя фабульная сторона реализует устойчивый мотив дуэли – сложного,

экзистенциально насыщенного момента жизни. Однако автор, пользуясь в качестве сюжетной основы реальным случаем, переосмысливает суть рокового поединка. Название не позволяет сделать преждевременного вывода о трагическом, грозном исходе описываемых событий. Остается момент тайны, интриги. Идейное значение произведения, разгадка заключена в направленности ответного выстрела и его последствиях, воссозданных во второй части новеллы.

В композиции всего текста первая часть является подготовительной: обрисовывается расстановка сил, разворачиваются характеры, объясняется содержание жизненной ситуации, т.е. ретроспективно раскрываются причины и обстоятельства дуэли. В основе столкновения – зависть Сильвио, желание нанести сильнейший удар молодому графу путем «мрачной игры» в смерть. Дуэль превращается из факта реального действия в способ реализации навязчивой злобной мысли стать вершителем судьбы, взять в свои руки свободное обращение с жизнью человека. Подобное решение переходит из внутреннего плана в план внешний, отражается в портрете героя: подчеркивается связь героя, зараженного идеей мщения, с миром инфернальных сил [3, т.6, с. 61,67]. Однако Сильвио не лишен таких человеческих свойств, которые подтверждают его способность к дружбе, искренней доброй симпатии: «Вы могли заметить, что я мало уважаю постороннее мнение; но я вас люблю, и чувствую: мне было бы тягостно оставить в вашем уме несправедливое впечатление» [3, т.6, с.61–62].

Вторая половина произведения – оригинальное авторское решение, завершающее ход повествования и раскрывающее полноту личности центрального персонажа. Ответный выстрел, разрешающий напряженную трагическую атмосферу повести, придает дополнительное смысловое значение основной идее повести. Тема мести становится центральной, а образ Сильвио приобретает угрожающие черты. Напряженность повествования, углубленный психологизм создаются путем воспроизведения событий непосредственным участником дуэли – повзрослевшим и счастливо женатым графом. Значимость события в жизни рассказчика подчеркнута памятью о нанесенной обиде и свершенном отмщении.

Объединяет обе части повести образ главного героя – Сильвио. Именно с ним связано хронологическое усложнение обстоятельств поединка; он – личностное начало и конец жизненной истории, человек, от нравственной воли которого зависел исход событий. Подробно, укрупненно передается момент завершения дуэли, своеобразной психологической игры-поединка Сильвио. Сила его демонической мысли направлена против графа, против того молодого равнодушия, с которым некогда столкнулся герой и которое решил сокрушить: «...однажды дал он мне шутя пощечину, шутя прострелил мне вот эту фуражку, шутя дал сейчас по мне промах; теперь и мне пришла охота пошутить...» [3, т.6, с.68]. В этом полушутливом мрачном признании графине передается смешанное состояние глубокой обиды и осознание справедливости собственных

действий. Герой оказывается в непростой ситуации: все его мысли о мщении полностью соотносятся с прошлыми обидами. В то время как реальность конкретного поединка лишь отчасти соответствует раннему злему замыслу. Герой понимает, что дуэль превращается в убийство, и просит восстановления тех условий дуэли, которые дадут ему возможность торжествовать. Получив такие условия в реальной ситуации, Сильвио удерживается на той грани, которая отделяет участников от неизбежной трагедии: выстрел в картину следует интерпретировать и как окончательное проявление себя, психологически последовательное достижение первенства, и как интуитивное ощущение того нравственного порога, за которым – муки совести, наказание, смерть. Поэтому последние слова, обращенные к графу, «содержат в себе нравственный смысл» [17, с. 71], указывают на сущностную значимость не физической расправы, но нравственной правды: «Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совести» [3, т.6, с.69].

В повести «Гробовщик» формально запечатлена совершенно иная жизненная ситуация, иной фрагмент бесконечной жизненной цепи: один день из обыкновенной жизни ремесленника, только что пережившего нерадостный переезд из своей «ветхой лачужки» в «так давно соблазнявший его воображение и наконец купленный» желтый домик. Художник вполне последовательно, в соответствии с основными законами человеческой природы воспроизводит психологию своего героя, обращается к области его сознания, описывает его душевное состояние. Таким образом, художественно подготавливается возможность исследования не столько внешнего, сколько внутреннего строя личности. Задается возможность проследить историю, где во взаимодействии с конкретными жизненными обстоятельствами раскрывается глубинная сторона характера простого человека, способного к драматическому уяснению вопросов «высшего порядка» [29, с.281]

При таком подходе вся вводная часть сюжета связана с обрисовкой деталей быта гробовщика, воссозданием мыслей героя, обусловленных конкретными фактами и ремесленными интересами, чаяниями, негодованиями: «Он думал о проливном дожде, который, за неделю тому назад, встретил у самой заставы похороны отставного бригадира. Многие мантии от того сузились, многие шляпы покособились. Он предвидел неминуемые расходы, ибо давний запас гробовых нарядов приходил у него в жалкое состояние. Он надеялся выместить убыток на старой купчихе Трюхиной, которая уже около года находилась при смерти» [3, т.6, с. 82].

Последовательно в сюжетном отношении осуществляется переход от конкретно-исторического, социально-бытового плана к области этико-философской, онтологической. В художественном отношении для осуществления такого движения выбирается прием фантастического сна. Кульминационная встреча Адриана Прохорова с его клиентами, «мертвецами православными», момент «экзистенциального кризиса» [29, с.280], подготавливается шутливым, но очень остро воспринятым его сознанием предложением выпить за здоровье

«своих мертвецов». Обида, обостренная воздействием вина, становится внешним поводом для раздумья героя о собственной жизни, приводит к утончению граней самостоятельного мировидения: «Что ж это, в самом деле, – рассуждал он вслух, – чем ремесло мое нечестнее прочих? Разве гробовщик брат палачу? Чему смеются басурмане? разве гробовщик гаер святочный?» [3, т.6, с.85]. В исполинском возрастании чувства оскорбленного достоинства гробовщик переходит допустимую нравственную черту, доходит до предельного вызова основам мироздания: «А созову я тех, на которых работаю: мертвецов православных» [3, т.6, с.85]. В таком отношении пришествие мертвецов – нравственный отклик ушедшей в подсознание совести, иной действительности.

Повесть завершается не гибелью героя, а его радостным волнением. В момент развязки, отделения фантастики сна от реальности, Адриана Прохорова перестает волновать вопрос выгоды (купчиха Трюхина жива и не скоро поможет ему поправить ремесленные дела). Гробовщик обрадован жизнью. После экзистенциально напряженного состояния герой обращен к простой и незатейливой «бытийности». Здесь видится «просветление» обыкновенно угрюмого и задумчивого героя, его человеческое возвышение, личностное обращение к первостепенным жизненным ценностям.

Повесть «**Станционный смотритель**» – наиболее открытое из всего цикла произведение этико-философской направленности. Особенность финала повести колеблет устойчивость схемы развития мотива нравственного падения и гибели героини, соблазненной молодым знатным человеком. В отличие от бедной Лизы Карамзина, Дуня в ходе развития сюжета становится счастливой и любимой женой, доброй барыней. Однако благополучие героини, ее личное счастье не избавляют от переживания вины и нравственной ответственности за судьбу отца.

Наиболее полно и психологически тонко вся глубина переживаемого сложного чувства передана в моменте возвращения Дуни. Объятия героини с могильной землей Самсона Вырина – выражение раскаяния и восстановления нарушенного духовного единства мира отцов и детей. Правдивые, абсолютно свободные от этикетных условностей ощущения рассказчика, возникающие в процессе мысленного воссоздания сцены свидания дочери и отца, позволяют убедиться в их особом значении – совпадении с переживаниями автора-составителя цикла:

«– И барыня приходила сюда? – спросил я.

– Приходила, – отвечал Ванька; – я смотрел на нее издали. Она легла здесь и лежала долго. А там барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром – славная барыня!

И я дал мальчишке пятак и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных» [3, т.6, с. 98]. Завершающая сюжетную линию Самсона Вырина и Дуни сцена на кладбище художественно-философски восходит к архетипическому библейскому сюжету, выражает идейную сторону произведения, заключает авторскую законченную мысль о высшем чувстве любви

как онтологическом основании «обыкновенной жизни». Поэтически найденная сущность жизненной правды выражена и в известном философском стихотворении: «Два чувства дивно близки нам, / В них обретает сердце пищу: // Любовь к родному пепелищу, // Любовь к отеческим гробам» [3, т.3, с.203].

Повести «**Метель**» и «**Барышня-крестьянка**» в силу специфики повествования (отчасти связанного с образом условного рассказчика – девицы К.И.Т. – и в большей мере – с раскрываемой сферой личного чувства) обнаруживают свой нравственно-философский потенциал через наблюдение за переходом героев от литературных условностей в обрисовке любовной интриги к выражению полноты искреннего общечеловеческого чувства.

На первый взгляд, в развитии сюжета обеих повестей большее значение имеет мотив судьбы, случая: несостоявшееся по причине разыгравшейся метели тайное венчание помогает героям обрести истинное счастье; пугливость лошади способствует восстановлению согласия в отношениях двух враждовавших семейств. Однако такие повороты событий оказываются для читателя лишь результатом, проявляются только в финале повествования, приближая благополучную развязку. Автор в большей мере сосредоточен на исследовании человеческой природы, качеств и свойств, проявляющихся, прежде всего, в ситуации личных отношений, «не просветленных» смягчающими, благоприятными для героев обстоятельствами.

В повести «**Метель**» автор наблюдает за изменениями, происходящими в героях до и после значимых жизненных событий. Развитие естественного чувства для офицера Бурмина сопрягается с пробуждением совести, осознанием вины и нравственной ответственности за жизнь и судьбу другого человека: «В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена» [3, т.6, с.80]. Ответная любовь Марьи Гавриловны становится наградой за искреннее раскаяние. В то же время, по верному замечанию Н.Н. Петруниной, героиня также «воспитывается жизнью» [21, с.145]: отказывается от «романического воображения», искренно и серьезно переживает жизненные события (смерть Владимира, отца, возникающее чувство к Бурмину). События по-прежнему разворачиваются на фоне сентиментальных и романтических эпизодов. Подчеркивается «интересная бледность» в портрете офицера Бурмина, содержание внутреннего мира героини в начале повести («Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следовательно, была влюблена») определяет атмосферу любовного объяснения: «Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под ивой, с книгой в руках и в белом платье, настоящей героинею романа» [3, т.6, с.78]. Естественность, искренность чувства, подкрепленная нравственной отзывчивостью, проявляется в поэти-

ческом согласии героев, выраженном угадыванием и воспроизведением фраз любовного письма Сен-Прё из романа Руссо. Удивление и завершающий повествование жест («Бурмин поблел... и бросился к ее ногам...») – отнюдь не следование литературному этикету. Герои сталкиваются с реальностью, одновременно свободной и закономерной в своем движении, приходят к правде жизни через переживание высокого чувства любви, в определенном смысле выстраданного.

Основная мысль повести «**Барышня-крестьянка**», безусловно, художественно подсказана эпиграфом. Как пишет Н.Н.Петрунина о главной идее произведения, «общественные условности отступают перед свободной игрой молодых сил, перед правдой естественного природного чувства» [21, с.143]. Любовь Лизы Муромской и Алексея Берестова, составляющая основу повествования, крепнет на удивительно тонком и прочном взаимодействии духовного мира героев и не зависит от внешних «общественных условностей», семейной вражды, сословных правил, «наряда» избранницы и связанной с ней «славной выдумки».

Чувство развивается постепенно, вне влияния законов среды, освобождая искренние, глубокие свойства природы каждого героя. Способность отдаваться поэтической духовно возвышающей силе признается автором в качестве основного, ключевого свойства, приближающего человека к главной ценности земного существования. Как и в повести «Метель», автор наблюдает за развитием чистого чувства, подчиненного нравственности человека, его исконному переживанию радости бытия: «...ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек наполняли сердце Лизы младенческой веселостью; боясь какой-нибудь знакомой встречи, она, казалось, не шла, а летела» [3, т.6, с.104]. Автор психологически точно воспроизводит состояние девушки, практически буквально повторяя выражения в описании эмоций, раскрывающих переживания любовного чувства бедной Лизы Карамзина. Уже после первой встречи Лизы и Алексея в роще рассказчик проникательно обращается к сфере внутренних переживаний героев, открывает тайну поэзии любви, говорит о здоровом состоянии нравственного чувства: Лиза «в мыслях повторяла все обстоятельства утреннего свидания, весь разговор Акулины с молодым охотником, и совесть начинала ее мучить»; «С своей стороны Алексей был в восхищении, целый день думал он о новой своей знакомке; ночью образ смуглой красавицы и во сне преследовал его воображение. Заря едва занималась, как он уж был одет» [3, т.6, с. 106]. Лиза, как пишут исследователи, близка «к самой сердцевине того национального мира, к которому принадлежит Татьяна Ларина, Маша Миронова» [12, с.34]. Поэтому эта «странная крестьянка» вопреки всем возникающим препятствиям оказалась способной пробудить все лучшие качества избранника, помогла обнаружить его моральную стойкость, цельность натуры, готовность к испытаниям. В свою очередь, Алексей Берестов благодаря этой любви «излечивается от наигранного байронизма», «барской бесцеремонности» [21, с. 145]. Соединенные в цель-

ную картину провинциального мира с устоявшимся нравственным, онтологическим законом любви (примирение отцов-помещиков, рождение новой семьи) финальные строки повести знаменуют «торжество живой жизни, прорыв в мир идеала» [12, с.34].

«Повести Белкина» лишены наглядной авторской морали [27, с.68]. Однако присутствие всеведущего повествователя, выражение его позиции всегда ощущается через участие «подставного автора» – Белкина. Трудно согласиться с мнением, что Белкин – «идеальный читатель» или «идеальный автор» в представлении Пушкина. Но глубоко верно то, что безыскусственные моменты его историй и жизнеописаний, его романтическая отзывчивость при всей наивности восприятия жизни симпатичны автору. Именно так происходит сближение изображаемого Белкиным мира с сознанием автора-издателя [27, с.37]. Моменты стиливого совпадения точек зрения Белкина и автора-издателя дают повод говорить об общих жизненных ценностях историй, позволяют приблизиться к пониманию картины нестоличного, несуетного, будничного мира. Здесь обнаруживается определенный источник размышлений о повседневном и всеобщем – истинных ценностях жизни, в конечном счете сливающихся в единство онтологической правды.

В художественном наблюдении за сложными сцеплениями и отталкиваниями потоков жизни, устойчивыми и подвижными элементами бытия персонажей «Пушкин не предлагал рецепта поведения, он выводил его из объективного хода жизни» [16, с.152]. «Сила «Повестей Белкина», – пишет Маркович, – не только в той или иной идее, но еще в большей степени – в тех свободных и открытых отношениях с истиной, в которые пушкинский текст вовлекает читателя» [17, с.86].

Пушкинские герои и сюжеты «Повестей...» иронично пародируют сентиментально-романтическую и натуралистическую форму повестей своего времени [22]. Однако, частично подчиняя коллизии и перипетии «ходячим» правилам, автор-издатель цикла одновременно обнаруживает их глубокое противоречие реальной действительности: в итоге сюжетные события повестей развиваются по законам непредсказуемости жизни, сложно скрытых и существующих в ней закономерностей и необходимой свободы, идущей от «самостоянья» человека, сознательной или интуитивной близости духовно-нравственному «средоточию русской жизни».

В «Повестях Белкина» многие герои сочетают современную Пушкину образованность, развитое самосознание с элементами природной личностной близости миру народного идеала. Автор наблюдает за нравственной отзывчивостью героев, способностью к естественному проявлению различных оттенков характера в разных этических ситуациях. Образ «подставного автора» Белкина помогает отделить романизованную позу, маску, пародию от безыскусственной правды жизни, чистой романтики чувства, нравственного волнения; способствует уяснению естественного согласия здорового человеческого «самостоянья», желания созидания жизни с непреходящим миром ценностей повседневного доброго общения, дома, семьи, которые

открывает автор-издатель.

Важнейшими образами, выражающими глубины найденного идеала, в творчестве Пушкина становятся старец Пимен, Татьяна Ларина, герои «Капитанской дочки». Достоевский подчеркнул, что главная героиня «Евгения Онегина» «высказывает правду поэмы» [2, т. 26, с. 141]. Художественно воссоздавая в романе сложную этическую ситуацию, автор находит ту неизменную основу свободной человеческой жизни, которая позволяет стоять «твердо на своей почве» [2, т. 26, с. 140] и соблюдать высший онтологический закон. Характер этой почвы – высокие качества, заложенные в принципах народной этики и воспринятые одухотворенным сознанием Татьяны Лариной. Они «теснейшим образом связаны с обрядовой стороной православия» и выражаемой этим христианским учением «универсальной системой вечных ценностей – красоты, добра, правды» [28, с.86-87]. Однако, по утверждению современного исследователя, «душевную цельность» героини образует гармоничный синтез интуитивной «народно-патриархальной религиозности» и «высокой дворянской», «европейской книжной» культуры [28, с.86, 88]. Именно это органическое единство составляет «пушкинский поэтический идеал» [цит. по: 28, с.88].

Образная структура, идейно-художественная сторона «Повестей Белкина» творчески развивается в произведениях Пушкина 30-х годов [17, с. 86]. Так, роман «Капитанская дочка» уже привлекал внимание ученых с точки зрения выражения авторского отношения к миру простых людей, близких христианским формам праведничества [26, с. 146–161]. Современный исследователь, сосредоточиваясь на анализе этико-философской проблематики произведения, отмечает слитное «чувство человеческой правоты» и «милости» [24, с. 618–619] как движущую духовную основу поведения центральных персонажей. Именно такое качество позволяет включить в «целый ряд положительно прекрасных русских типов» (по сути «праведников») Машу Миронову и Петра Гриневу, идейно-образно представляющих «субстанциональные начала нравственной цельности и красоты русского народа в художественной концепции Пушкина» [24, с.111].

Пушкинская концепция «праведничества» базируется на диалектическом соединении народного этического идеала, почерпнутого автором в моменты близкого общения с «поэзией жизни», и «гуманистического любознательности», подразумевающего «душевное здоровье и равновесие» человека, «оптимистическое, жизнерадостное отношение к жизни» [9, с.325–326] при полном понимании противоречий реальной действительности, действия драматических событий человеческой истории. В этом отношении романтический заряд творчества, вера в идеальную сторону бытия, возвышающий пафос стихотворения Пушкина «Герой» идейно-творчески предвещает художественные размышления об онтологической правде у Лермонтова, Гоголя, Тургенева. В творчестве Пушкина высокая идеальная сторона авторской «правды», достигшая религиозных высот в поэтическом переложении вели-

копостной молитвы Ефрема Сирина, творчески сбалансирована собственно художественным выражением истины «смирненной прозы» бытия («Если жизнь тебя обманет...», «Я памятник себе воздвиг...»).

Однако данная концепция окажется неполной без уяснения значения художественного феномена **«странничества»**, так устойчиво и своеобразно проявляющегося в творчестве Пушкина в образах кавказского пленника, Алеко, Онегина, лирического героя стихотворения «Странник», «благородного разбойника» Владимира Дубровского, который «выступает в роли романтического бездомного странника» [20, с.158]. Рисуя образ «русского скитальца», поэт, по словам Достоевского, выразил «сильную и глубокую, совершенно русскую мысль» – «отыскал и гениально отметил» «того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем» [2, т.26, с.137]. В русской культуре такое состояние личности связано с явлением «странничества». Как пишет современный исследователь, «следует различать странничество как христианское понятие, восходящее к аскетике, и странничество как духовный подвиг, выбираемый подвижником благочестия для своего спасения» [18,с.29]. Исток «странничества» героев Пушкина – духовное томление по высшей правде, возникающее как «отвлеченная» тоска «по природе», «жалоба на светское общество», «мировые стремления» в поэме «Цыганы» [2, т.26, с. 138]. В том случае, когда «странничество» становится целенаправленным поиском и возможным способом обретения правды жизни, «всемирного счастья», оно оказывается глубоко связанным с «праведничеством», образуя нерасторжимое духовное единство, которое отмечали Н.А. Бердяев («Судьба России»), И.А. Ильин («О русской культуре»), Н.О. Лосский («Характера русского народа»).

Критикой отмечено, что Пушкин «в своих созданиях оставил нам множество образцов, типов (еще один несомненный признак гениального дарования!), – типов того, что совершилось потом в нашей словесности» [4, т.15, с.72]. «Праведники» и «странники» – два идейно связанных образа-типа в творческой системе Пушкина. Они являются не только художественным фактом, запечатлевающим «сильную и глубокую, совершенно русскую мысль» [2, т.26, с. 137]. Герои, так или иначе отражающие данные состояния личности, оценочно передающие содержание внутреннего духовного мира человека, реализуют и состояние сознания самого писателя, свидетельствуют о его самостоятельном «святогрешном» [5] пути, поиске и обретении непреходящих основ бытия. Наиболее открытое и последовательное выражение подобной позиции исследователи обнаруживают в «духовной биографии» Л.Н. Толстого, чьи поздние произведения (в особенности «Записки сумасшедшего», «Посмертные записки старца Федора Кузьмича») и уход из Ясной Поляны идейно продолжают экзистенциальное открытие пушкинского «Странника», демонстрируют развитие форм авторского «праведничества» [7].

Библиографический список

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: АН СССР, 1953–1956.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.
4. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1978–1982. Сочинения: в 12 т.
5. Амфитеатров А. «Святогрешный» // «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин. М., 1998. С.228–235.
6. Аношкина-Касаткина В.Н. Православные основы русской литературы XIX века. М.: Пашков дом, 2011.
7. Благой Д.Д. Джон Бенъян, Пушкин и Лев Толстой // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 4. С. 50–74.
8. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967.
9. Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М.: Терра, 1991.
10. Есаулов И.А. Пушкинская речь Ивана Шмелева: Новый контекст понимания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/journal/konf/2013/28-esaylov.pdf>
11. Жаравина Л.В. От Пушкина до Шаламова: русская литература в духовном измерении. – Волгоград, 2003.
12. Зуев Н. Одна из вершин русской философской прозы («Повести Белкина») // Литература в школе. 1998. № 8. С. 21–34.
13. Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина. СПб: Наука, 1998.
14. Курляндская Г.Б. «Моцарт и Сальери» как идейно-эстетическое введение в романическое творчество Достоевского // Писатели-классики центральной России. Сб. научн. ст. / научн. ред. Г.Б. Курляндская. Орел, 2009. С. 18–26.
15. Лотман Ю.М. Пушкин. – СПб.: Искусство-СПб, 1995.
16. Макогоненко Г.П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л.: Худож. лит., 1974.
17. Маркович В.М. «Повести Белкина» и литературный контекст // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. Т. 13. С. 63–88.
18. Моклецова И.В. «Хождения» в русской культуре и литературе X–XX веков. М., МГУ, 2003.
19. Непомнящий В.С. Лирика Пушкина как духовная биография. М.: МГУ, 2001.
20. Никольский С.А., Филимонов В.П. Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII–середины XIX столетия. М., 2008.
21. Петрунина Н.Н. Проза Пушкина (пути эволюции). Л.: Наука, 1987.
22. Сидяков Л.С. Пушкин и развитие русской повести в начале 30-х годов XIX века // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3. С.193–218.
23. Сураг И. З. Пушкин: Биография и лирика: Проблемы. Разборы. Заметки. Отклики / Рос. акад. наук. ИМЛИ им. А. М. Горького. М.: Наследие, 1999.
24. Фесенко Э.Я. Русская литература XIX века в поисках героя. М.: Академический проект, 2013.
25. Франк С.Л. О задачах познания Пушкина // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 248–273.
26. Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005.
27. Хализев В.И., Шешунова С.В. Цикл Пушкина «Повести Белкина». М.: Высшая школа, 1989.
28. Черниговский Д.Н. «Но я другому отдана, я буду век ему верна» (к проблеме интерпретации образа Татьяны в романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкина) // Статьи о Пушкине. К 200-летию со дня рождения поэта. Сборник научных трудов. М.: Прометей, 1999. С.85–88.
29. Чернышева Е.Г. Наивная телеология русского ремесленника Адриана Прохорова // Статьи о Пушкине. К 200-летию со дня рождения поэта. Сборник статей. М.: Прометей, 1999. С.272–283.

References

1. Belinsky V.G. Completed Works: in 13 vol. M., 1953–1956.
2. Dostoevsky F.M. Completed Works: in 30 vol. SPb., 1972–1990.
3. Pushkin A.S. Completed Works: in 10 vol. SPb., 1977–1979.
4. Turgenyev I.S. Completed Works: in 30 vol. M., 1978–1982. The Composition: in 12 vol.
5. Amfiteatrov A. “Saint and sinner” // «In edge another’s ...». Foreign Russia and Pushkin. M., 1998. Pp. 228–235.
6. Anoshkina-Kasatkina V.N. The orthodox basis of Russian literature of the XIX century. M., 2011.
7. Blagoj D.D. John Ben’jan, Pushkin and Lev Tolstoy // Pushkin: Researches and materials. SPb, 1962. Vol. 4. Pp. 50–74.
8. Blagoj D.D. Pushkin’s literary way (1826–1830). M., 1967.
9. Bulgakov S. Orthodoxy: Sketches of the doctrine of the Orthodox church. M., 1991.
10. Esaulov I.A. Ivan Shmelev’s speech about Pushkin: New context of understanding [Electronic resource]. A mode of access: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/journal/konf/2013/28-esaylov.pdf>
11. Zjaravina L.V. From Pushkin to Shalamov: Russian literature in spiritual investigation. Volgograd, 2003.
12. Zuev N. One of the height of Russian philosophical prose («Belkin’s novellas») // The Literature in school. 1998. № 8. Pp. 21–34.
13. Kibalnik S.A. Pushkin’s literary philosophy. SPb, 1998.
14. Kurljanskaya G.B. «Mozart and Saljery» as a conceptual and aesthetic introduction in Dostoevsky’s novels // Writer-classics of the central Russia. /science ed. G.B.Kurljanskaya. Orel, 2009. Pp. 18–26.
15. Lotman J.M. Pushkin. SPb., 1995.
16. Makogonenko G.P. Pushkin’s works in 1830th years (1830–1833). SPb, 1974.
17. Markovich V.M. «The tales of the late Ivan Petrovich» and a literary context // Pushkin: Researches and materials. SPb, 1989. Vol. 13. Pp. 63–88.
18. Mokletsova I.V. “Circulation” in Russian culture and literature of the X–XX century. M., The Moscow State University, 2003.
19. Nepomnjashij V.S. Pushkin’s lyrics as a spiritual biography. M.: Moscow State University, 2001.

20. *Nikolskij S. A., Filimonov V.P.* Russian worldview. The meanings and values of Russian life in the Russian literature and philosophy XVIII–mid XIX century. M., 2008.
 21. *Petrulina N.N.* Prose of Pushkin (a way of evolution). SPb., 1987.
 22. *Sidjakov L.S.* Pushkin and the development of Russian short novel at the beginning of 30th years of XIX century // Pushkin: Researches and materials. SPb, 1960. Vol. 3. Pp.193–218.
 23. *Surat I.Z.* Pushkin: Biography and lyrics: Problems. Analyses. Notes. Responses. M., 1999.
 24. *Fesenko E.Ya.* Russian literature of the XIX century searches hero. M., 2013.
 25. *Frank S.L.* About problems of study of Pushkin // Frank S.L. Russian worldview. SPb., 1996. Pp. 248–273.
 26. *Halizev V.E.* Value orientations of Russian classics. M., 2005.
 27. *Halizev V.E., Sheshunova S.V.* Pushkin's cycle of «The tales of the late Ivan Petrovich». M., 1989.
 28. *Chernigovskij D.N.* «But I am given to another, I shall be true to him century» (to a problem of interpretation Tatyana's image in A.S.Pushkin's novel "Eugeniy Onegin") // Articles about Pushkin. To 200-years from birthday of the poet. The collection of the scientific works. M., 1999. Pp. 85–88.
 29. *Chernushova E.G.* Naive teleology of Russian handicraftsman Adrian Prokhorov // Articles about Pushkin. To 200-years from birthday of the poet. The collection of scientific works. M., 1999. Pp. 272–283.
-
-

УДК 82.091

UDC 82.091

Е.О. ДОРОФЕЕВА

аспирант, кафедра русской литературы XI–XIX вв.,
Орловский государственный университет

Е.М. КОНЫШЕВ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы XI–XIX вв., Орловский государственный университет

E.O. DOROFEEVA

Graduate student, Department of Russian Literature of the
XI–XIX centuries, Orel State University

E.M. KONY SHEV

Candidate of Philology, Associate professor, Department
of Russian Literature of the XI–XIX centuries, Orel State
University

ПРОБЛЕМА ЗЛА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.С. ЛЕСКОВА И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

PROBLEM OF THE EVIL IN THE WORKS BY N.S. LESKOV AND F.M. DOSTOYEVSKY

В статье исследуется влияние христианских традиций на произведения Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского. Согласно учению церкви натура людей была искажена первородным грехом. Великие писатели показывают пути проникновения зла в душу человека.

Ключевые слова: Достоевский, Лесков, церковь.

The article researches the impact of Christian traditions on the works by Leskov and Dostoyevsky. In accord with Church human nature was distorted with original sin. Great writers are showing ways let evil into the human soul.

Keywords: Dostoevsky, Leskov, Church.

Проблема зла достаточно редко привлекала внимание русских классиков. Сказывалось идущее ещё от просветителей убеждение в природной наклонности человека к добру. И лишь те писатели, чьё творчество развивалось под особенно сильным воздействием христианских традиций, напряжённо вглядываются в тёмные, злые глубины души. В первую очередь это свойственно Достоевскому и Лескову.

На Достоевского огромное воздействие оказали те впечатления, которые он получил во время своего пребывания в Сибири. В молодости он увлекался идеями утопического социализма. После каторги убеждённость в том, что человек добр, что человеком управляет разум, была утрачена. Достоевский осознаёт: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекари-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избежите зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из неё самой ...» [3: 201].

У Лескова был иной жизненный опыт, но он тоже включал в себя наблюдения над уголовниками и преступниками. Отец писателя был опытным следователем, сам Лесков, как известно, в молодости некоторое время служил в Орловской уголовной палате. Уже в раннем творчестве Лескова возникают злобные образы каторжников.

Определённая близость автора «Леди Макбет Мценского уезда» к Достоевскому не вызывает сомнений у литературоведов. Л.А. Аннинский пишет: «Страшная непредсказуемость обнаруживается в душах героев. Какая там «Гроза» Островского – тут не луч света, а фонтан крови бьёт со дна души; тут Анна Каренина предвещена – отмщение бесовской страсти; тут Достоевскому под стать проблематика – не даром же Достоевский и

напечатал «Леди Макбет...» в своём журнале. Ни в какую «типологию характеров» не уложишь лесковскую четырёхкратную убийцу ради любви» [1: 106].

Конечно, говорить о переключке двух великих писателей можно лишь с учётом того многозначного смысла, который таится в повести Лескова. Причины, толкнувшие Катерину Измайлову на совершение страшных преступлений, могут быть истолкованы по-разному. Можно, не выходя за пределы просветительских представлений, говорить об отрицательном воздействии страстей, о влиянии среды. Лесков даёт для этого основания. Но есть у писателя и нечто иное.

Лесков открывает в душе своей героини несомненную предрасположенность к злу и преступлению: «Развернулась она вдруг во всю ширь своей проснувшейся натуры и стала такая решительная, что и унять её нельзя» [5: 104].

Это сказано о Катерине, когда она ещё только готовится отравить своего свёкра. Череду преступлений только начинается. Но никаких душевных терзаний или сомнений у молодой купчихи нет. Впоследствии она, правда, готовясь к очередному, новому убийству, будет думать о первых преступлениях: «Сколько я страдала, сколько греха на свою душу приняла...» [5: 123]. Но в её устах это скорее традиционный речевой оборот, чем искреннее чувство. По крайней мере, Лесков, описывая гибель Бориса Тимофеича, о душевных страданиях отравительницы ничего не скажет. Напротив, писатель покажет, как легко и просто его героине убить человека. Став на путь зла, Катерина Измайлова раскрывает свою истинную сущность: «Справившись с этим делом, Катерина Львовна уж совсем разошлась. То она была баба неробкого десятка, а тут и нельзя было разгадать, что она себе задумала; ходит козырем, всем по дому

распоряжается, а Сергея так от себя и не отпускает» [5: 106]. А задумала она совершить ещё одно убийство, и чувствуется, что страшное по своей сути решение даётся ей чрезвычайно легко. Вот этого просветители со своей оптимистической верой в человека не знали и не подзревали. К Катерине Измайловой очень подходят слова, сказанные в романе «Бесы» о Николае Ставрогине. Оба они творят зло, прежде всего, по своей «необыкновенной способности к преступлению» [3: 201].

Чрезвычайно важным представляется вопрос об отношении Катерины Измайловой к церкви. Изображая свою героиню, Лесков настойчиво и постоянно подчёркивает её безрелигиозность как одну из причин, способствующих череде страшных преступлений. Конечно, Катерина Измайлова формально является верующим человеком. Но Лесков всё время показывает, что христианские понятия, представления глубоко чужды этой женщине. Её души, её сознания они не затронули ни в малейшей мере. В отличие от героини Островского она не показана в церкви, не показано, как она молится. Более того, если в «Леди Макбет...» и заходит речь о чем-то, связанном с религией, так это только тогда, когда героиня совершает свои страшные преступления. И тем страшнее они становятся.

Вот рассказ об отравлении свекра: «Поел Борис Тимофеич на ночь грибов с кашей, и началась у него изжога; вдруг схватило его под ложечкой; рвоты страшные поднялись, и к утру он умер, и как раз так, как умирали у него в амбарах крысы, для которых Катерина Львовна всегда своими руками приготавливала особое кушанье с порученным ей хранению опасным белым порошком» [5: 105]. Лесков не сообщает, молилась ли в этот вечер его героиня. Но очевидно, что Бога она не боится и думать о нём не думает.

Вот Катерина Львовна наносит смертельный удар своему мужу: «По виску и щеке Зиновия Борисыча тоненьким шнурочком бежала алая кровь.

– Попа, – тупо простонал Зиновий Борисыч, с омерзением откидываясь головою как можно далее от сидящего на нём Сергея. – Исповедаться, – произнёс он ещё невнятной, задрожав и косясь на сгущающуюся под волосами тёплую кровь.

– Хорош и так будешь, – прошептала Катерина Львовна» [5: 119].

Разумеется, что никакие убийцы в этой ситуации приглашать священника не будут, но всё же слова Катерины Львовны для неё очень характерны. Всё, что связано с церковью, её сознания просто не затрагивает. Самые страшные страницы книги те, где описывается убийство ребёнка. Православным людям ребёнок всегда напоминает о Христе. Обидеть ребёнка – это значит обидеть Бога. Убить ребёнка – это убить Бога в своей душе. Но Катерина Измайлова ни о чём подобном даже не думает, именно потому, что Бог для неё не существует. Она не отрицает Бога, она Его просто не воспринимает. Она совершает необходимые обряды, она произносит слова молитвы, но к её душе, к её сознанию это не имеет никакого отношения. Лесков показывает, как идея нового преступления созревает в душе его героини: «спит

ли, по хозяйству ли выйдет, или богу молиться станет, а на уме всё у неё одно: «Как же это? За что в самом деле должна я через него лишиться капитала?» [5: 123].

Это перечисление говорит о многом. Молитва для героини – что-то обыденное и механическое, подобное хлопотам по хозяйству. И поэтому столь легко в момент такой молитвы возникает мысль о преступлении.

Между тем Лесков настойчиво напоминает именно о Боге, о святых, о церкви, когда описывает всё происходящее. Горожане возмущаются тем, что во время всенощной под двенадесятый праздник, когда в церкви народу видимо-невидимо, Катерина Измайлова остаётся дома: «Что церковь? Столь скверная бабёнка испаскудилась, что уж ни бога, ни совести, ни глаз людских не боится» [5: 130]. Ребёнок, которого Катерина Львовна и Сергей собираются убить, держит в руках жития святых и читает о том, как угождал Богу его ангел Феодор Стратилат. В Гуминский пишет: «В самый момент убийства мальчик предлагает почитать «тётеньке» «житие своего ангела, святого Феодора Стратилата» («Вот угождал богу-то») – одного из наиболее почитаемых великомучеников православной церкви, кротко принявшего страдания и смерть за проповедование христианства и разрушение языческих идолов (IV). И конечно, совсем не случаен в связи с этим «белый атласный венчик» (лесковский знак мученического венца) на лбу лежащего в гробу Феди, «которым был закрыт красный рубец, оставшийся после вскрытия черепа» [2: 241–242].

Все обстоятельства складываются так, чтобы психологически подействовать на преступников и остановить их. Большой церковный праздник, ребёнок молится. Если бы у Катерины Измайловой было хоть какое-то религиозное чувство, это могло бы повлиять на её намерения. Но «Леди Макбет Мценского уезда» не испытывает ни малейших колебаний. А это значит, что о Боге она просто не думает.

Интересно сопоставить Катерину Измайлову с её любовником Сергеем. Это закоренелый негодяй. Но даже он в какой-то мере боится Божьего суда. Когда в момент преступления в дом начинают ломиться люди, Сергей бежит, «совершенно обезумев от суеверного страха» [5: 128]. Тем временем Катерина сохраняет совершенное хладнокровие и пытается замести следы преступления. Во время полицейского дознания «Катерина Львовна на все вопросы отвечала только: «я ничего этого не знаю и не ведаю» [5: 130]. Между тем «Сергей при первых же словах священника о страшном суде и наказании нераскаянным, расплакался и чисто-сердечно сознался не только в убийстве Феди, но и попросил откопать зарытого им без погребения Зиновия Борисыча» [5: 130]. Сергей не менее Катерины виноват перед законом. Но это обычный преступник, в котором нет никакого демонизма. А Катерина Измайлова в атмосфере преступления ощущает себя так естественно, как в родной стихии. Она и в самом деле находится по ту сторону добра и зла.

В литературоведении не раз высказывалась мысль о том, что Катерина Измайлова по сути своей является язычницей. Гуминский считает, что Лесков показыва-

ет столкновение двух жизненных идеалов, языческого и христианского: «Этот идеал, по всей логике повести (да и по исторической тоже), неизбежно должен был столкнуться с тем высоким христианским идеалом, которому нет места в душе Катерины Львовны и которому до последней минуты, даже совершая грех самоубийства, была страстно верна героиня Островского» [2: 241]. Суждение совершенно справедливое. Но хотелось бы отметить одно важное обстоятельство. Языческий идеал, приходя в столкновение с христианским, меняет свою сущность. Он становится уже антихристианским, бесовским. И в Катерине проявляется уже не природное начало, а демоническое. Лесков так и пишет об этом: «Катерина Львовна подперлась рукою и стала смотреть на шевелящего губами Федю, и вдруг словно демоны с цепи сорвались...» [5: 125]. Очень верным и точным представляется суждение Катрин Жери: «Убийство ребёнка, задушенного в тот момент, когда он читает житие своего святого, напоминает жертвоприношение или сатанинский ритуал; за ним следует изображённая в эстетике Страшного Суда сцена разоблачения убийц народом» [4: 106].

Когда страшное преступление совершилось, вдруг «стены тихого дома, сокрывшего столько преступлений, затряслись от оглушительных ударов: окна дребезжали, полы качались, цепочки висящих лампад вздрагивали и блуждали по стенам фантастическими тенями.

Сергей задрожал и со всех ног бросился бежать; Катерина Львовна кинулась за ним, а шум и гам за ними. Казалось, какие-то неземные силы колыхали грешный дом до основания» [5: 128]. С одной стороны, всё это имеет реалистическое объяснение. Горожане случайно стали свидетелями убийства, в результате чего произошла осада измайловского дома. С другой стороны, начинает казаться, что в происходящее вмешиваются и божественные силы. Идёт борьба дьявольского и божественного. У Лескова возникает та удивительная двуплановость изображения, которая столь характерна для Достоевского.

Хотелось бы подробнее остановиться на том, что уже осужденная Катерина по-прежнему бесконечно далека от раскаяния. Что это? Результат всепоглощающей страсти, охватившей влюблённую женщину? В известной мере Лесков даёт именно такое объяснение: «для неё не существовало ни света, ни тьмы, ни худа, ни добра, ни скуки, ни радостей; она ничего не понимала, никого не любила и себя не любила. Она ждала с нетер-

пением только выступления партии в дорогу, где опять надеялась видаться со своим Серёжечкой...» [5: 132]. Но всё же Катерина ни в коей мере не похожа на женщину, которая стала безвольной и безличной игрушкой в чужих руках. Художественное открытие писателя заключается именно в том мрачном величии, которым овеян образ леди Макбет Мценского уезда. Катерина Измайлова олицетворяет собой абсолютное зло. Она убивает не только потому, что любит, но потому, что убийство – это её стихия. Это человек, в котором вполне отчётливо проявляется демоническое начало.

В конечном счёте демонизм всегда ведёт к самоистреблению. В романе «Бесы» Достоевский показывает глубокую метафизическую закономерность того, что Николай Ставрогин кончает жизнь самоубийством. А почему Катерина погибает вместе с Сонеткой? Безусловно, что ею управляют в этот момент обида и ревность. Но характерно, что метафизический аспект намечен и у Лескова. «Катерина Львовна хочет припомнить молитву и шевелит губами, а губы её шепчут: «как мы с тобой погуливали, осенние долги ночи просиживали, лютой смертью с белого света людей спроваживали» [5: 142]. Лесковская героиня отнюдь не случайно не может молиться. Она находится вне Божьего закона. Так, например, в «Бесах» Николай Ставрогин, не веря в Бога, канонически верует в дьявола. Конечно, Катерина Львовна далека от создания тех сложнейших религиозно-философских конструкций, которыми увлекаются герои Достоевского. Но это тот же тип человеческой личности, которому дьявол гораздо ближе Бога.

Нельзя не отметить ещё одну типологическую общность между двумя великими писателями. Одно из важнейших открытий Достоевского заключалось в том, что зло вовсе не обязательно является торжеством низшей плотской природы человека над высшей, духовной. Зло может проникать в глубины человеческого духа. Но ведь нечто подобное показывает и Лесков. Катерину Измайлову на преступление толкает любовь. Ради неё она готова на самопожертвование.

Подводя общий итог, хотелось бы подчеркнуть, что повесть Лескова отнюдь не только история роковой любви. В известной мере она представляет собой догадку великого писателя о том, что зло таится в душах людей гораздо глубже, чем казалось его современникам, догадку писателя об онтологической реальности зла.

Библиографический список

1. Аннинский Л.А. Лесковское ожерелье. М.: Книга, 1986.
2. Гуминский В. Органическое взаимодействие (От «Леди Макбет...» к «Соборянам») // В мире Лескова. М.: Советский писатель, 1983.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1985. Т. 10.
4. Жери Катрин Чувственность и преступление в «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С.Лескова // Русская литература. 2004. № 1.
5. Лесков Н.С. Собр.соч.: В 11 т. М., 1956. Т.1.

References

1. Anninsky L.A. Leskovskoe necklace. M.: Book, 1986.
2. Huminski V. Organic interaction (from ‘ Lady Macbeth...’ to ‘the Cathedral’) // In the world Leskov. M.: Soviet writer, 1983.
3. Dostoevsky F. M. Complete collection works: In 30 v. L. 1972-1985. V. 10.
4. Gery Catherine Sensuality and crime in “Lady Macbeth of the Mtsensk district” by N.S. Leskov // Russian literature. 2004. № 1.
5. Leskov N. S. Complete collection works: In 11 v. M., 1956. V. 1.

УДК 811.161.1'38

UDC 811.161.1'38

О.А. ЕВТУШЕНКО

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет
E-mail: ksenja22@yahoo.com

O.A. EVTUSHENKO

Candidate of Philology, Associate professor, Department of foreign languages, Volgograd State Technical University
E-mail: ksenja22@yahoo.com

ОТЧЕТНОСТЬ: ИНФОРМАЦИОННО-КОНТРОЛИРУЮЩАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДИСКУРСА

REPORTING: INFORMATIVE-CONTROLLING COMPONENT OF THE ADMINISTRATIVE DISCOURSE

В статье рассматривается отчетность как один из ведущих типов административной коммуникации. Мы относим отчет к информационному жанру, что определяет содержательную, ценностную составляющую данного жанра, а отнесенность к ретроспективному жанру – языковое воплощение отчета.

Ключевые слова: отчетность, отчет, административный дискурс, институциональный жанр, информативный жанр, ретроспективный жанр.

In the article reporting is considered to be one of the main types of administrative communication. We refer «report» to the informative genre, which defines its intentional and value components, and being the retrospective genre defines its language structure.

Keywords: reporting, report, administrative discourse, institutional genre, informative genre, retrospective genre.

Исследование речевых жанров необходимо для определения лингвокультурной специфики различных дискурсов. В данной статье мы рассмотрим отчетность как важный контролирующий инструмент административного общения. Административный дискурс – это разновидность институционального дискурса с рядом специфических признаков. Любая деятельность организации связана с документацией. Под институциональными жанрами мы, вслед за В.М. Русаковым, понимаем «*формализованные конструкты стереотипных практик, получающие свое выражение в ритуальных актах, административных процедурах, речевых и письменных формах*» [8, с.15]. Жанры институционального дискурса обычно соединяют три способа перформации – ритуальный акт, устная речь, письменный текст. Например, перформанс отчета может быть и текстом, и устной речью, но, как правило, устный отчет зачастую сопровождается письменным, оформленным по всем требованиям служебной документации. В современном управленческом мире отчеты становятся неотъемлемой частью административной коммуникации, отчетность является регулярным видом деятельности различных подразделений компании, муниципалитетов и т.д., ей отводится особое место и уделяется большое внимание (*делать отчет, составлять отчет, готовить, держать отчет перед, сдавать отчет, предоставлять отчет, отчитаться, отдавать себе отчет в чем-л.*), проводятся совещания в формате отчетов и ответов на вопросы, все чаще мы можем прочесть в СМИ подобного рода реплики вышестоящих лиц: «*Мы практику отчетов вводим не просто так, не для галочки, а чтобы можно было в расширенном формате*

обсудить имеющиеся проблемы муниципалитетов. И обсудив, прийти к каким-то оперативным решениям, потому что здесь присутствует большая часть должностных лиц, которые могут это делать. Нет более подходящего формата, который позволил бы нам в таком оперативном режиме принимать решения. В этом смысл, а не для того, чтобы мы посидели и послушали фразы ни о чем [14].

Ядром учрежденческой (служебной) документации являются управленческие документы. «Документ – материальный носитель с зафиксированной на нём в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения» [11]. В рамках государства и в отдельной организации они обеспечивают управляемость объектов. Этот тип документов, в свою очередь, представлен комплексом систем, основными из которых являются: организационно-правовая документация; плановая документация; распорядительная документация; информационно-справочная и справочно-аналитическая документация; **отчетная документация**; документация по обеспечению кадрами (по личному составу); финансовая документация; документация по материально-техническому обучению; договорная документация и другие системы документации, включая и те, которые отражают основную деятельность учреждения. Мы в нашей статье хотим остановиться на отчетном типе документации, рассмотреть содержательную, ценностную, функциональную, языковую составляющую жанра «отчет», а также про-

следить отношение к данному жанру со стороны его участников в современной лингвокультуре.

Отчетность – это вид административной коммуникации, в которой одна из сторон передает другой информацию о событиях и фактах. Кроме этого, отчет – это правовой документ о достигнутых результатах, включающий в себя описание положительных и отрицательных моментов выполненной работы.

Отчеты бывают разной формы в зависимости от типа предприятия и вида отчетности. Направляется отчет от нижестоящих сотрудников к вышестоящим и подписывается непосредственно человеком, который является подотчетным. Содержательная сторона отчета определяется по данным толковых словарей следующим образом:

1. сообщение, доклад о своих действиях, работе. Пример: О. о командировке. *О.депутата перед избирателями. Финансовый о.* [6].

2. а) Письменное или устное сообщение о своих действиях или о выполнении возложенного поручения, представляемое лицу или учреждению. б) Объяснение или изложение происшедшего [2]

3. а) Счетоводство по установленной форме, ведающееся учреждениями и предприятиями, обязанными давать отчет о своих действиях. Строгая отчетность. Финансовая отчетность. Отчетность в образцовом порядке. б) Совокупность документов, оправдывающих расходы и действия учреждения (разг.). *В этих трех папках – вся отчетность* [10].

4. Оправдательные документы, содержащие отчет о работе, о произведенных расходах. Денежная о. 2. Проведение отчетов перед вышестоящим органом. Порядок отчетности [7].

Имеющиеся словарные дефиниции позволяют нам выделить следующие содержательные стороны жанра «отчет»: 1) письменный документ 2) предназначенный для вышестоящих органов 3) имеет оправдательно-объяснительный характер 4) оформленный по строго определенному образцу 5) имеющий множество разновидностей.

Анализ ассоциативных связей с лексемой «отчет» дополняет толкование содержательной стороны данного жанра и позволяет выделить новые его стороны. Итак, лексема «отчет» имеет следующий ассоциативный ряд: *дело, серьезность, стол, происходящее, последствие, опасность, важность, лаборатория, использование, совет, конец центру, правление, повод, результат, место, начальство, газета, мистер, день, ситуация, возможность, период, министерство, нереальность, форма, отдел, тема, питание, архив, штаб, необходимость, сложность, опека, неделя, генерал, вероятность, данное, господин, мотив, сила, ненадежность, положение, маршрут, значение, машинка, имя, план, земля, ящик, повод, командировка, сторона, доход, барон, причина, Лондон, река, полугодие, Москва* [9].

На основе полученных данных мы делаем вывод о том, что отчет – это важный документ (*дело, серьезность, важность*) на представление в вышестоящие

инстанции (*начальство, мистер, министерство, генерал, господин, правление, барон*), имеет периодичность написания от недели до года (*день, неделя, полугодие*), являющийся основанием для дальнейших действий (*повод, причина, командировка, конец центру*), может иметь как негативный характер (*ненадежность, опасность, нереальность*), так и позитивный (*результат, совет, возможность, сила, значение, доход*).

Нами было проведено исследование на лексическую сочетаемость лексемы «отчет» и было выявлено, что частота употребления слова «отчет» составляет 5775 раз на ≈ 300 млн. слов и что отчет может быть: *полным, подробным, кратким, финансовым, официальным, годовым, письменным, последним, квартальным, первым, предварительным, нужным, топографическим, стенографическим, очередным, детальным, точным, научным, коротким, газетным, ежедневным, полицейским, бухгалтерским, техническим, балансовым, судебным, еженедельным, медицинским, исчерпывающим, новым, устным, беспристрастным, настоящим, собственным, аналитическим, составленным, сухим, статистическим, срочным, сжатым, итоговым, секретным, бесформенным, хорошим, обстоятельным, сводным, авансовым, гласным, ежегодным, общим, месячным, правдивым, личным, недельным, полугодовым, представленным, окончательным, следующим, вторым, обычным, веселым* [5].

Согласно полученным результатам, мы приходим к выводам о том, что 1) отчетность присутствует в любой организации 2) периодичность написания отчетов варьируется от недели до года 3) формы и типы отчетов отличаются разнообразием, таким образом, отчетность является одной из главных видов коммуникативной деятельности любой организации.

Отчет – официальная информационная речь, устная или письменная, с которой адресант – лицо, занимающее четкий социальный статус – обращается, как правило, от лица организации или коллектива к адресату – аудитория, обладающая правом принимать или утверждать этот отчет, чтобы доложить о результатах работы или задания, порученного коллективу, отдельному лицу или органу для выполнения. Произносится обычно по случаю окончания срока полномочий, проверки или в связи с выполнением порученной работы.

Отчеты бывают подробными и краткими, устными и письменными, но в рамках административного дискурса отчет должен быть письменным. Как правило, отчет – четко структурированный документ, содержащий введение, основную часть и выводы. Во введении адресант говорит о целях и задачах отчета, в основной части или аналитической сообщается, что и как выполнено и чего не удалось достичь, дается детальное описание, приводятся цифры, показатели, анализируются результаты деятельности и т. д., в заключительной части или проектной делаются выводы, ставятся вопросы для прояснения и новые задачи для решения.

Отчеты выполняют несколько функций: 1) информирующую; 2) контролирующую. Основной функцией отчета является контролирующая. Согласно теории

Портера-Лоулера [3], контроль есть необходимое условие для мотивации персонала, т. к. результат приводит к удовлетворенности, поэтому критерии контроля должны быть четко сформулированы и понятны исполнителям. В этом смысле эффективность системы мотивации определяется эффективностью системы контроля.

Информирующая функция проявляется в сообщении объективно новых сведений и знаний адресату, так как существует потребность в ее предоставлении на определенном этапе. Отчет не предполагает ответа на него и выражения собственных мнений, хотя допускает включение небольшого количества личностных и оценочных элементов [1].

Основной принцип построения информационных жанров – это принцип последовательности, краткости и лаконичности. Конечно, это лишь общие принципы информационной речи. Само же содержание и способы его предъявления (построение речи) весьма специфичны в конкретных жанрах, поэтому рассмотрим специфические особенности жанра «отчет» – одного из характерных информационных жанров.

Соглашаясь с Т.В. Анисимовой [1], мы считаем, что для большинства информационных жанров (особенно это касается деловой речи) именно новизна и полезность информации является тем стержнем, который поддерживает интерес и внимание слушателей и не требует специальных приемов возбуждения интереса (ср.: доклад дежурного по УВД об оперативной обстановке в городе за последние сутки; отчет дирекции перед акционерами предприятия). В связи с этим понятно, почему сухие, неинформативные и чисто формальные отчеты не представляют интерес для руководителей: «В апреле 2014 года ОАО «Кыргызтелеком» представит свой отчет о проделанной работе за 2013 год. Эксперт по корпоративному праву Нурлан Наматов заранее называет данный отчет **«простым набором слов» и обыкновенной формальностью**»; «Доклад руководителя комитета ЖКХ Александра Лашкина **изобилует общими цифрами – «выделено, освоено, установлено, заменено**». В итоге депутаты не приняли отчет комитета ЖКХ и отправили его на переработку»; Сити-менеджер Бийска Николай Нонко в четверг, как и положено, отчитался перед депутатами за проделанную работу в прошлом году. При этом практически все парламентарии в унисон говорят о том, что отчет, как всегда, был **сухим, неинтересным и суперпозитивным** [12].

При рассмотрении жанров важно выделять их отличительные черты, чтобы избежать подмены в речи и отличать их от смежных жанров. Данные синонимических словарей показали, что основными синонимами лексемы «отчет» являются следующие: *ответ, сообщение, доклад, рапорт, суждение, ведомость, отзыв, выписка, исповедание, подотчет, самоотчет, техотчет, экспозе, политотчет, статотчет* [5].

Так, например, смежными жанрами отчета являются жанры «доклад», «сообщение». Доклад – это информационная речь, в которой адресант сообщает новую информацию, описывает события в логической или хронологической последовательности; делает заключе-

ния (если требуются) и рекомендации (если требуются); отчет – констатация достижений к определенному времени; описание работы, которую осталось сделать; указание на проблемы, стоящие на пути завершения задания; определение путей решения проблем; рекомендации. Таким образом, имея общую черту – информативность, отчет носит аналитический характер, доклад – информативно-описательный.

Помимо того, что жанр «отчет» – это информативный жанр, он также относится и к ретроспективным одновременно, так как основная задача отчета – рассмотреть и проанализировать прошедшие события и дать им объективную оценку.

Соблюдение речевого этикета при написании отчета, который является ярким примером официально-делового стиля, является важным условием жанра ретроспекции, что осуществляется через грамматические, стилистические и синтаксические приемы. Рассмотрим некоторые из них:

1) отчеты пишутся в прошедшем времени, что вполне соответствует жанру ретроспекции (*было подсчитано, было выявлено*); 2) используются безличные конструкции, так как отчет пишется от лица предприятия (*было произведено*); 3) используются устойчивые (шаблонные, стандартизированные) языковые обороты, позволяющие с высокой степенью точности отражать регулярно повторяющиеся ситуации делового общения (*В соответствии с бюджетным законодательством, по результатам проведенного мониторинга, проведен анализ, подготовлена информация, подготовлено и согласовано постановление*); 4) при необходимости – применение терминологии законодательства (*согласно постановлению администрации городского округа – город Волжский от 29.12.2012 № 8540 «О разработке показателей оценки эффективности деятельности структурных подразделений»*); 5) правильное расположение текста на листе бумаги, соблюдение всех стандартов при написании отчетов: индекс документа; ссылка на индекс и дату получения входящего документа; адресат; заголовок к тексту; текст; подпись; фамилия и номер телефона исполнителя; 6) отчет пишется на специальном бланке, в центре, вверху бланка, размещается название документа – «отчет»; 7) отчет изобилует цифрами, показателями, процентными соотношениями, содержит название продукции данного предприятия, его количество в предыдущие и текущий годы в сравнении (*«По итогам проведенных исследований преподавателями кафедры было направлено в печать 35 статей и 8 тезисов докладов, опубликованы 42 статьи (из них 4 – со студентами) и 7 тезисов докладов. Преподаватели кафедры принимали участие в 13 международных и всероссийских конференциях. Были оформлены 4 заявки на грант РГНФ»*) [4].

Ценностную составляющую данного жанра нам удалось выявить путем опроса работающих респондентов (50 человек) в возрасте от 25 до 60 лет об их отношении к отчетности и анализа форумов. Исходя из полученных результатов опросов и данных форумов об отношении современного носителя русской лингво-

культуры к отчетности, мы имеем следующее: 1) отчеты не имеют пользы (толку-то от их отчетов? Видимые результаты нужны. Отчитываться они умеют, словоблудие хорошо поставлено); 2) отчеты не дают достоверной информации (Пусть себе пишут подробный отчет/По каждому пункту наперечёт./Впрочем, что будет в отчете бумажном/ Лица, мы знаем, нам это не важно; И кто Вам даст ЧЕСТНЫЙ отчет...так просто для галочки! Министр отчитывается перед народом – вот и рождаются АНЕКДОТЫ!); 3) отчеты отнимают время от выполнения настоящей работы (мне пришлось уволиться со старой работы как раз из-за отчетов о каждой минуте о проделанной работе, приходилось тратить из 8-часов 1,5 часа на отчеты о проделанной работе, рисовать дурацкие диаграммы о решенных проблемах. Забывал отмечаться в 4-х местах одновременно, и за это получал по башке от наших ...руководителей. Потом просто надоело, написал заявление, сейчас забыл про timesheet как про страшный сон); 4) отчет – это повод для увольнения, лишения премий и других действий, направленных против подчиненных (когда начинают требовать отчеты – начинают «копать» под тебя; Когда есть система timesheet, именно о том, чтобы не повысить з/п, они и думают); 5) отчет должен быть заботой руководящих, высокопоставленных органов (публичные отчеты руководства (необязательно первых лиц) министерств и агентств – структур федеральной исполнительной власти – на мой взгляд, должны быть не реже одного раза в месяц, с прямым общением с гражданами и с информацией о мерах, принятых по заданным вопросам. Это должно стать нормальной практикой); 6) отчеты рожают анекдоты, что говорит об ироничном отношении к отчетности (Вернувшись из командировки, мужик сдает бухгалтеру отчет. В отчете под п.1 – шляпа, а дальше все как надо. Бухгалтер: – Что за шляпа? Мужик: – Случайно увидел в продаже, понравилась, у нас таких нет. Ну и купил. Бухгалтер: – Нет, так не

пойдет. Переписывай. Мужик ушел, через некоторое время приносит новый отчет, там шляпа уже в середине списка. Бухгалтер: – Ты что, не понял? Я же тебе объяснил, так не годится. Переделывай. Мужик приносит отчет в третий раз. Бухгалтер смотрит, шляпы нет. Бухгалтер: – А где шляпа? Мужик: – Да там она, там. Только ты ее не найдешь!) [15].

Стоит отметить, что отношение вышестоящих лиц к отчетности совсем иное. Руководитель службы ИТ в своем рассказе определил отчеты так: «Отчеты – отличная вещь. Они позволяют защищать как заказчика, начальника, так и сотрудника со всем проектом. Они позволяют ими управлять и оценивать их». «В процессе написания этой статьи я спросил своих близких: “Зачем нужны отчеты?”. Я надеялся на примерный ответ из разряда “инструмент контроля и анализа” или, на худой конец, “документация”. Но я получил ответ: “Да не нужны они. Нет, конечно, понятно, что они нужны, но на практике от них никакого толка, кроме потери времени”. Дело было даже не в непонимании, а в том, что обычно ими пользоваться не умеют, разве лишь для того, чтобы показать начальнику. Но и начальник обычно не использует их далее, чем как приложение к продукту» [13]. Из сказанного следует, что 1) отчеты – необходимый инструмент контроля 2) часто их недооценивают в силу неумения ими пользоваться.

Таким образом, жанр «отчет» относится к информационному жанру и ретроспективному одновременно, что накладывает отпечаток на его содержательное, ценностное, языковое воплощение. Отчет – тип административного общения, при котором нижестоящее лицо анализирует и сообщает вышестоящему лицу новую информацию касательно определенного этапа работы или задания. Жанр «отчет» является неотъемлемой информационно-контролирующей составляющей административного дискурса при имеющемся негативном отношении носителей русской лингвокультуры к его написанию.

Библиографический список

1. Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика: Учебное пособие. М.: Просвещение, 2002.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
3. Михненко П.А. Теория менеджмента: Учебник. М: Синергия, 2012.
4. Новосельцева В.А. Служебные документы: типология, содержание, композиция, языковое оформление: лекции. Краснодар: КРУ МВД России, 2011.
5. НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй вып. / Ю.Д. Апресян и др. М.: Языки русской культуры, 2000. 488 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Под ред. С.П. Обнорского. М., 1949; 24-е изд. М., 1992.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.
8. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: УрО РАН, ИД «Дискурс-Пи», 2011. 336 с.
9. Русский ассоциативный словарь. Книга 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть III. Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: ИРЯ РАН, 1998. 204 с.
10. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. М.: Репринтное издание, 2000.
11. Федеральный закон № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» от 23.11.1994 г. (с изменениями, внесенными Федеральным законом от 26.03.2008 № 28-ФЗ)
12. Российская газета – События дня – [Электронный ресурс] – www.rg.ru/daily даты обращения (5-10. 04. 2014).
13. От инженера до руководителя. Часть 3: Отчеты – [Электронный ресурс] – <http://habrahabr.ru/>
14. Новости Коми – [Электронный ресурс] – <http://www.bnkom.ru>
15. Форум: ваше отношение к отчетам министров перед народом <http://maxpark.com/community/politic/content/1857013> дата обращения 9.04.2014.

References

1. *Anisimova T.V., Gimpelson E.G.* Modern business rhetoric: Teaching Aid. M.: Prosveschenie, 2002.
 2. Efremova T. V. New dictionary of the Russian language. Wordbook. M.: Russian language, 2000.
 3. *Mihnenko P.A.* Theory of management: Text-book. M: Synergy, 2012.
 4. *Novoselceva V.A.* Service documents: types, content, composition, language: lectures. Krasnodar: Kru MVD Russia, 2011.
 5. NEDSRL – New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. Second ed. /U.D. Apresjan M: languages of Russian culture, 2000. 488 p.
 6. *Ozegov S. I.* Dictionary of the Russian language Under editor S. P. Obnorsky. M., 1949; 24-th edition. M., 1992.
 7. *Ozegov S. I., Shvedova N. U.* Dictionary of the Russian language / 4th edition. M., 1999.
 8. *Rusakova O.F., Rusakov V.M.* PR-Discourse: Theory-methodological analyses. 2nd ed.,. Yekaterinburg: UrO RAN, ID"Discourse-P", 2011. 336 p.
 9. Russian associative dictionary. Book 5. Direct dictionary: from stimulus to reaction. Associative thesaurus of the modern Russian language. Part III/ U.N. Karaulov, U.A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimceva, G. A. Cherkasova. M.: IRJA RAN, 1998. 204 p.
 10. Wordbook of the Russian language: In 4 V. Under editor D. N. Ushakov. V. 2. M.: Reprintnoye Izdaniye, 2000.
 11. Federal law № 77-FL «About obligatory copy of the documents» dated 23.11.1994 г. (with amendments done by the Federal law dated 26.03.2008 № 28-FL)
 12. Russian newspaper – Daily events – [Electronic resource] – www.rg.ru/daily dates (5-10. 04. 2014).
 13. From an engineer to a manager. Part 3: Reports – [Electronic resource]
 14. Komi News – [Electronic resource] – <http://www.bnkomi.ru/>.
 15. Forum: your attitude to reports of the ministers done for people <http://maxpark.com/community/politic/content/1857013> date (9.04.2014).
-

УДК 811.161.1'37

UDC 811.161.1'37

Е.И. ЗИНОВЬЕВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: e_zinovieva@mail.ru

Р.Н. ГУДНОВ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, Университет Вусонг (г. Тэджон, Южная Корея)

E-mail: rngoodnow@yahoo.com

E.I. ZINOVJEVA

Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian language as a foreign language, St. Petersburg State University

E-mail: e_zinovieva@mail.ru

R.N. GOODNOW

Candidate of Philology, Associate professor, Department of English Philology, Woosong University (Daejeon, South Korea)

E-mail: rngoodnow@yahoo.com

ПАРАМЕТРЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ СИНОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

PARAMETERS OF FUNCTIONAL-SEMANTIC DESCRIPTION OF RUSSIAN VERB SYNONYMS (BASED ON THE VERBS OF INTELLECTUAL ACTIVITY)

В статье представлены параметры функционально-семантического анализа русских синонимичных глаголов интеллектуальной деятельности для дальнейшей презентации русских синонимов в иностранной аудитории. Алгоритм анализа включает семантическую характеристику глаголов; характеристику синтагматических связей, прагматическую и стилистическую характеристики. Общими чертами в семантической характеристике синонимичных глаголов интеллектуальной деятельности разных синонимических рядов являются: сема наличия определенных умственных усилий для достижения результата действия и сема глубины ментального процесса. Для конкретных синонимических рядов выделяются частные параметры анализа.

Ключевые слова: синонимы, синонимический ряд, глаголы интеллектуальной деятельности, семантика, функционирование.

The article presents the parameters of the functional-semantic analysis of Russian synonymous verbs of intellectual activity for further presentation of Russian synonyms in a foreign audience. The algorithm of the analysis includes semantic characteristics of verbs; characteristics of syntagmatic relations, pragmatic and stylistic characteristics. The common features in the semantic characterization of synonymous verbs of intellectual activity of different synonymic rows are: the seme of the presence of certain mental efforts to achieve a result of action and the seme of depth of mental process. For specific synonymic rows separate parameters of analysis are distinguished.

Keywords: synonyms, synonymic rows, verbs of intellectual activity, semantics, functionality.

Исследование семантики и функционирования единиц различных словарных объединений русского языка важно и при теоретическом изучении лексической системы, и для практики преподавания русского языка в иностранной аудитории. Синонимические ряды – один из показателей системной организации лексики. Проблема синонимии давно привлекает к себе внимание языковедов. Как отмечает Ю.Д. Апресян, «синонимия является одной из наиболее хорошо изученных семантических категорий» [2: 216]. Однако алгоритм функционально-семантического анализа синонимов в лингвометодических целях с учетом конкретного материала русского языка разработан недостаточно. Центральное место глагола в русском языке определяется тем, что эта часть речи является «доминантой русской лексики» [6]. Л.М. Васильев справедливо отмечает, что от других частей речи глагол отличается «сложностью своего содержания, разнообразием грамматических категорий и форм, богатством парадигматических

и синтагматических связей» [4: 34]. В последние годы признается фундаментальная роль глаголов интеллектуальной деятельности на различных уровнях языка, так как они охватывают широкий круг обозначений различного рода ментальных действий и состояний. Эти глаголы изучаются как совокупность лексических единиц русского языка, которые характеризуют деятельность языковой личности [например, 5]. Описание и анализ глаголов интеллектуальной деятельности неоднократно проводил Л.М. Васильев для создания системной классификации предикатной лексики [например, 4]. Ряд исследований посвящен рассмотрению семантической структуры глаголов интеллектуальной деятельности [например, 1 и др.]. Некоторые авторы частично исследовали проблемы лексической семантики глаголов или поднимали вопросы прагматики и синтагматических связей внутри определенных лексико-семантических групп (ЛСГ) глаголов [например, 3].

Целью данной статьи является представление пара-

метров лингвистического описания русских глагольных синонимов, обозначающих интеллектуальную деятельность человека, для дальнейшей презентации данных глаголов в иностранной аудитории. Материалом для исследования послужили данные толковых словарей русского языка, словарей синонимов русского языка; контексты употребления глаголов, представленные на сайте «Национальный корпус русского языка».

Ядерную часть класса глаголов интеллектуальной деятельности в русском языке образуют ЛСГ глаголов мышления (*вникать, думать, мыслить, напоминать, помышлять, раздумывать, соображать, упомянуть* и др.), понимания (*видеть, выносить, выводить, выяснять, проникать, понимать, постигать, разбираться, смыслить* и др.) и познания (*анализировать, взвешивать, дознаваться, допытываться, знать, извешивать, изучать, исследовать, овладевать, осваивать* и др.). Такой вывод можно аргументировать тем, что процесс мышления предполагает сравнение и сопоставление, выбор, решение, воображение и предположение, определение. Что же касается понимания, то это – результат вышеназванных процессов. Мышление и познание диалектически связаны, представляют собой взаимонаправленные ментальные действия. Три базовых ЛСГ, входящих в ядерную зону, образуют концептуальную основу класса, раскрывающую взаимосвязь мыслительных когнитивных процессов. Если мышление – это процесс, а понимание – результат, то, на наш взгляд, познание может являться стимулом для мышления. В целом, все три группы тесно связаны с учетом особенностей человеческого мышления, создавая «зонтик», под которым помещаются все глаголы данного класса.

Для детального анализа были отобраны базовые синонимические ряды из трех ядерных ЛСГ класса: с доминантами *думать* (9 единиц), *понять* (18 единиц) и *узнать* (8 единиц). Доминанты данных синонимических рядов являются базовыми идентификаторами указанных ЛСГ. Общее количество проанализированных контекстов словоупотреблений данных синонимов – 5 000 единиц.

В синонимический ряд глаголов с доминантой *думать* входят следующие единицы: *думать – размышлять – раздумывать – мыслить – соображать – помышлять*. К данным лексемам, на наш взгляд, следует добавить просторечно-жаргонные *мозговать, обмозговывать* и *кумекать* в силу их широкого употребления носителями русского языка. Общее значение глаголов синонимического ряда – ‘погружаться в какие-либо мысли, размышления, предаваться раздумью’. Все синонимы рассмотренного ряда обозначают процесс мыслительной деятельности. С точки зрения семантики глаголы различаются по следующим параметрам: 1) наличие большей или меньшей длительности процесса мышления (длительный процесс обозначают глаголы *думать, размышлять, раздумывать, мыслить, мозговать, обмозговывать*, а быстротой достижения результата характеризуются *соображать, помышлять*). Продолжительность и интенсивность мыслительного

процесса может быть подчеркнута использованием синонимичных глаголов в одном контексте. Так, *думать* в силу меньшей интенсивности прилагаемых усилий и меньшей длительности процесса действия противопоставляется глаголу *размышлять*, см. их употребление в одном контексте: «*Думать, а иногда и размышлять*, – сказал сосед, сделав дирижирующее движение рукой, – разумеется, полезно и в жизни весьма часто необходимо» (Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)); 2) требование усилий при неограниченном времени (*думать, размышлять, раздумывать, мыслить, мозговать, обмозговывать*) и ограниченном времени (*соображать*); 3) глубина и всесторонность обдумывания (*размышлять, мыслить, мозговать, обмозговывать, кумекать*); 4) линейность и направление к решению, результату (*соображать, помышлять*); 5) наличие колебаний в процессе мысли – *раздумывать*. Синонимы характеризуются наличием прозрачной внутренней формы (*думать, размышлять, раздумывать, мыслить, мозговать, обмозговывать, помышлять*). Однокоренными являются глаголы *думать – раздумывать, мыслить – размышлять – помышлять, мозговать – обмозговывать*. В контекстах употребления наблюдается сдвиг синонимов для конкретизации, уточнения последовательности ментальных действий (*думать и размышлять, думать и соображать*), наличия разных нюансов в процессе мышления, например, анализа различных вариантов и колебаний (*размышлять и раздумывать*) или усилительности (*думать и размышлять*). Например: «Я и правда стала больше *думать* о себе, сначала именно *думать* в смысле *размышлять* (больше делать было нечего) (*‘сосредоточенно и неторопливо’*), а потом и в смысле *думать* о том, что я хочу (*‘направлять свои мысли на конкретный объект’*), и отстаивать свои интересы» (Запись LiveJournal (2004)). С точки зрения сочетаемости и грамматической характеристики необходимо отметить общие закономерности, вытекающие из особенностей семантики: 1. Все синонимы сочетаются с наречием времени *долго*; специально путем использования отрицательной частицы *не* или отрицательных конструкций и наречия *некогда* выделяются ситуации, когда необходимого времени для осуществления номинируемого мыслительного процесса не хватает. Например: «*Долго думать* было не о чём, всё уже давно продумано и решено: совести у Елены Наумовны нет ни на грош» (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир, № 1–2, 2001); Михаил Александрович так и попятился, но утешил себя тем соображением, что это глупое совпадение и что вообще сейчас об этом *некогда размышлять*» (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)). 2. Все синонимы могут сочетаться с фазовыми глаголами. Например: «Если дадут больше десяти, – *продолжал он раздумывать*, – то в тюрьме я проживу ещё лет двадцать» (В.Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)). 3. Синонимы часто употребляются в устойчивых сочетаниях (*размышлять на тему(ы), мыслить категориями, мыслить в категориях, забыл и мыслить, соображать что к чему, и помышлять не*

сметь, не мочь и помышлять). С точки зрения прагматической характеристики необходимо отметить следующее. Глагол *мыслить* в отличие от других членов ряда употребляется только по отношению к взрослому субъекту: «Это именно детский, наивный поступок – мальчик на мосту *не мог мыслить, как мыслим мы с вами*, и понимать: рано или поздно пистолет, из которого произведены выстрелы, и владелец его будут установлены» (Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008)). Устаревающим характером отличается глагол *помышлять*, в современной разговорной речи он используется только с отрицанием (*даже не помышляй об этом*). По стилистической принадлежности синонимы делятся на нейтральные: *думать, размышлять, раздумывать, соображать*, стилистически высокие, книжные: *мыслить, помышлять* и просторечные: *мозговать, обмозговывать* и *кумекать*.

В синонимический ряд глаголов с доминантой *понять* входит 18 единиц: *понять – уяснить – сообразить – вникнуть – уловить – осознать – осмыслить – познать – постичь (постигнуть) – уразуметь – раскусить – докопаться – смекнуть – скумекать – смикитить – усечь*. К данным лексемам, на наш взгляд, следует добавить просторечно-жаргонные *въехать* и *врубиться* в силу их широкого употребления носителями русского языка. Общее значение глаголов синонимического ряда – ‘освоить смысл, содержание чего-либо; узнать взгляды, намерения, характер кого-либо’. Глаголы проанализированного синонимического ряда с точки зрения семантики различаются по следующим параметрам характеристики: 1) наличие большей или меньшей длительности предварительного обдумывания (длительного обдумывания требуют действия, обозначаемые глаголами *понять, уразуметь, уяснить, докопаться, осознать, осмыслить, познать, постичь, врубиться, въехать*); быстротой достижения результата характеризуются (*уловить, смекнуть, скумекать, смикитить, усечь*); 2) наличие значительных умственных усилий, приведших к результату понимания (*понять, уразуметь, уяснить, уловить, докопаться, осмыслить, осознать, познать, постичь, врубиться, въехать*), например: «Так, так, так, так... Надо сосредоточиться, надо это понять... Раз, раз, раз, раз...» (Евгений Гришковец. ОднорЕмЕнно, 2004); 3) глубина и всесторонность обдумывания (*уяснить, вникнуть, докопаться, раскусить, осознать, осмыслить*); 4) свойства ума субъекта (*сообразить, уловить, раскусить, смекнуть, скумекать, смикитить, усечь, осмыслить*), например: «Только много позже, уже вернувшись из Армении, Юра понял: чтобы сообразить всё это сразу, с первых минут в Ленинане, нужен был живой, быстрый и твердый ум – тот самый, которым, как выяснилось, обладал Боря Годунов» (Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)); 5) получение новых знаний (*познать*): исходя из собранного материала, можно отметить, что познать можно тайну, неведомое, себя, Бога, истину. Например: «У нас есть тайны, которые мы сами не можем познать» (Валерий Кичин. Враг у ворот. «Хиросима» взорвала американские экраны (2002) // «Известия», 2002.07.18).

Наличием прозрачной внутренней формы характеризуются глаголы *уразуметь, уяснить, осознать, осмыслить*. Связь с мотивирующим первичным значением сохраняется у глаголов *уловить, докопаться, раскусить, врубиться, въехать*. С точки зрения сочетаемости выделяются переходные глаголы: *понять, уразуметь, уяснить, уловить, раскусить, осознать, осмыслить, познать, смекнуть, скумекать, смикитить, усечь*. Глаголы *вникнуть, врубиться, въехать* имеют управление во что-либо, что в значительной степени обусловлено префиксом *в-*, *докопаться* требует управления до чего-либо, что также обусловлено наличием префикса *до-*. Глаголы *понять, раскусить, познать* могут сочетаться и с неодушевленными, и с одушевленными существительными. Способность вводить придаточные изъяснительные предложения свойственная глаголам *понять, уразуметь, уяснить, сообразить, уловить, осознать, осмыслить, познать, смекнуть, скумекать, смикитить, усечь*. По стилистической принадлежности синонимы делятся на нейтральные: *понять, уразуметь, уяснить, сообразить, вникнуть, уловить*; разговорные: *докопаться, раскусить*; просторечные: *смекнуть, скумекать, смикитить, усечь*; жаргонные: *врубиться, въехать*; книжные: *осознать, осмыслить, познать, постичь (постигнуть)*. Ироническую коннотацию может приобретать глагол *уразуметь*. Например: «Она не понимала таких слов, как параллельный, перпендикулярный, а я не мог уразуметь, что такое «подбивка шпештью». (Приветствие на пояске (2004) // «Народное творчество», 2004.02.16); «Господин Селезнев с прочими нацпатриотами этого уразуметь не в силах» (Юрий Богомолов. Голливудские ножки Буша (2002) // «Известия», 2002.05.19).

В синонимический ряд глаголов с доминантой *узнать* входит 8 единиц: *узнать – вывести – выпытать – выспросить – дознаться – докопаться – попытаться – доискаться*. Все эти глаголы отличаются целенаправленным характером действия, обозначают результат процесса познания. С точки зрения семантики и сочетаемости можно констатировать: 1) наличие у всех единиц ряда семы, обозначающей намерение, желание получить информацию, что эксплицируется использованием в контексте глаголов *хотеть / хотеться, желать*, а также существительных *желание, охота*. Например: «А Максим, не менее настырный, чем Венька, *хотел вывести*, какими схемами пользуются в «Бэнк оф Нью-Йорк» теперь» (Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)); «А если радость общения со зверями *разбудила желание узнать* о них больше – на каждой клетке висит табличка с краткими сведениями: как называется, где живет, чем питается...» (О.Г. Баринев. Зоологический сад // «Первое сентября», 2003). 2) Получаемая субъектом глагола информация характеризуется новизной, это сведения, которых субъект еще не имеет. Например: «Из показаний свидетеля: «Я увидел стоявшую на обочине машину своего знакомого Дубова и остановился, *чтобы узнать, что случилось*» (Ляна Шарова. Трассовики (2003) // «Ежедневные новости» (Владивосток), 2003.01.17). 3) Сложность / легкость получения информации субъек-

ектом может эксплицироваться в контексте при помощи глаголов *пробовать / попробовать*, глагольным словосочетанием *предпринять попытку*, наречиями *трудно, легко*. 4) Действие, выражаемое синонимами, требует приложения определенных усилий, что актуализируется употреблением глаголов *пытаться, стараться*. Проведённый анализ позволяет констатировать, что эти усилия оказываются наименьшими для значения глагола *узнать*. Глаголы *доискаться* и *докопаться* содержат в своём значении сему 'узнать что-то важное, не лежащее на поверхности', что предполагает приложение больших усилий. Ср., например: *докопаться до истины, правды, причины, сути*. 5) Результативность / нерезультативность действия, обозначаемого глаголом, часто подчеркивается в контексте сочетаемостью с глаголами *удаться / не удался* и *суметь*. 6) Для проанализированных синонимов важным оказывается путь к достижению результата. Сема 'способ получения необходимых сведений' актуализируется при сочетании глаголов с наречием *как*: *как узнать что-либо, как выпытать, как докопаться* и др. Сам путь достижения результата может быть любым и эксплицируется в широком контексте. Например: *«Ей удалось схитрить; она ненавидела ложь, но теперь пустилась бы и не на такое, лишь бы выпытать правду об отце»* (Л.М. Леонов. Русский лес (1950–1953)); *«Выведать все, что интересовало, она рассчитывала иным путем: притворным участием и беспардонной лестью»* (Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)). Из рассмотренных синонимов выделяется глагол *выведать*, в самой семантике которого содержится сема 'получить информацию, прибегая к уловкам, хитростям'. Сочетаемость с наречиями указывает на «тактики» субъекта, например, *хитро, осторожно, тихо выпросить*. 7) Глубина и объем полученных сведений актуализируются при сочетаемости со словами *подробности, пообстоятельнее, дополнительные сведения, до конца, всё*. 8) Синонимы отличаются характеристикой получаемой информации. Так, глаголы *выведать* и *выпытать* имеют значение 'допытаться о чем-л., разузнать что-л. тайное, скрываемое от других', что подчеркивается их сочетаемостью. Например, *выведать всю подноготную; секреты; то, что кто-либо думает на самом деле* и др. В контекстах употребления наблюдается сдвиг синонимов. В этом случае они могут противопоставляться оттенками значения или использоваться в одном контексте для усиления значения. Например, *выведать* акцентирует внимание на получении скрытой (скрываемой) информации, а *разузнать* – на получении новых сведений: *«Были удивлены, конечно, но удивляться пришлось и ещё раз, когда выяснилось, что первым заданием этих органов Бобкову было что-то выведать о родителях Сельмашинского, а Сельмашинскому – что-то разузнать о его друге»* (Василь Быков. Бедные люди (1998)). Субъект действия не имеет ограничений: это может быть взрослый человек или ребенок, женщина и

мужчина и т. п. К прагматическому компоненту значения относится частотное использование некоторых глаголов ряда в сочетании с наименованиями лиц, в чью профессиональную обязанность входит сбор информации: *журналисты, секретный агент, разведчики*: *«Наши вездесущие журналисты постоянно крутились около меня в надежде выведать хоть крупицу информации об этом не афишируемом чуде»* (Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000-2002)); *«Федеральная служба безопасности РФ неоднократно пресекала попытки зарубежных агентов подкупить сотрудников наших конструкторских бюро, заводских инженеров и техников и с их помощью выведать секреты устройства танка»* (Виктор Баранец. Генштаб без тайн. Книга 2 (1999)). По стилистической принадлежности, согласно данным толковых словарей русского языка, большинство синонимов нейтральны, кроме разговорного *выпытать* и просторечного *докопаться*.

Таким образом, для каждого из синонимических рядов выделяются свои параметры характеристики. Эти параметры с точки зрения лингвометодического описания единиц для дальнейшей презентации в иностранной аудитории целесообразно сгруппировать следующим образом: семантическая характеристика глаголов; характеристика синтагматических связей, прагматическая характеристика, стилистическая характеристика. Общими чертами в семантической характеристике синонимичных глаголов интеллектуальной деятельности разных синонимических рядов являются: сема наличия определенных умственных усилий для достижения результата действия и сема глубины ментального процесса. Для единиц синонимических рядов с доминантами *думать* и *понять* общим параметром характеристики оказывается наличие большей или меньшей длительности предварительного обдумывания. С точки зрения актантной структуры, для исследованных глаголов интеллектуальной деятельности наиболее значимыми актантами являются объект и субъект. Редко, обычно в разговорной речи, может быть заполнена позиция актанта инструментальности, например, *думать головой*. Синтагматические связи глаголов интеллектуальной деятельности актуализируют имплицитные семы значения, например, сему желания получить информацию, результативность / нерезультативность действия, трудность / легкость достижения результата и др. Выделяются ключевые моменты речевой ситуации, требующие использования именно данного глагола. Так, глагол *раздумывать*, содержащий в своей семантике сему наличия колебаний, употребляется только в ситуации, когда действие еще не совершено и требуется принять решение.

Представляется, что предложенный алгоритм анализа синонимичных глаголов может способствовать оптимизации учебного процесса при преподавании русского языка в иностранной аудитории.

Библиографический список

1. *Апресян Ю.Д.* Синонимия ментальных предикатов: группа считать В кн.: Логический анализ языка. М.: Наука, 1993. С. 9–23.
2. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
3. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Ментальные предикаты в аспекте аспектологии В кн.: Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., Наука, 1989. С. 31–54.
4. *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
5. *Морослин П.В.* Семантическая структура глаголов мышления и их функция в тексте (на материале русского и английского языков). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 210 с.
6. *Шведова Н.Ю.* Глагол как доминанта в системе русской лексики. В кн.: Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова) М.: ИРЯ, 1995. С. 409–414.

References

1. *Aprsjan Y.D.* Synonymy of mental predicates: Group to consider. In: Logical analysis of language. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 9–23.
 2. *Aprsjan Y.D.* Selected works. Lexical semantics. Synonymous means of language. 2nd ed. Rev. and ext. Moscow: Languages of Russian Culture, 1995. 472 p.
 3. *Bulygina T.V., Shmeliov A.D.* Mental predicates in terms of aspectology: In Logical analysis of language. Problems of intentional and pragmatic contexts. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 31–54.
 4. *Vasiliev L.M.* The semantics of the Russian verb. Moscow: High School, 1981. 184 p.
 5. *Moroslin P.V.* (2001). The semantic structure of verbs of thinking and their function in texts (based on the Russian and English languages). Diss. Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2001. 210 p.
 6. *Shvedova N. Y.* Verb as dominant in the Russian language. In: Philology compilation (the 100th anniversary of the birth of academician Vinogradov). Moscow: IRYA, 1995. Pp. 409–414.
-

УДК 811.161.1

UDC 811.161.1

Е.Р. ИОАНЕСЯН

доктор филологических наук, кафедра иностранных
языков, Институт языкознания РАН
E-mail: ioanevg@mail.ru

E.R. IOANESJAN

Doctor of Philology, Department of foreign languages,
Institute of Linguistics
E-mail: ioanevg@mail.ru

**РУССКИЕ ПРОТИВИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ *НО* И *ТОЛЬКО* В ИЛЛОКУТИВНОМ
ЗНАЧЕНИИ И В ФУНКЦИИ МЕТАТЕКСТОВЫХ МАРКЕРОВ**

**RUSSIAN ADVERSATIVE CONJUNCTIONS *NO* AND *TOL'KO* IN THEIR ILLOCUTIVE
IMPLICATIONS AND IN THEIR FUNCTION AS METATEXTUAL MARKERS**

*Статья посвящена описанию семантических свойств русских противительных союзов **НО** и **ТОЛЬКО**. Выявляется специфика функционирования этих союзов в иллокутивных конструкциях. Анализируются возможности использования указанных лексем в роли метатекстовых маркеров. Исследуются случаи употребления союзов **НО** и **ТОЛЬКО** в качестве единиц, маркирующих нарушение коммуникативных постулатов.*

Ключевые слова: семантика, иллокутивная функция, метатекст, коммуникативные постулаты.

*The paper discusses semantic properties of Russian adversative conjunctions **NO** and **TOL'KO**. The approach provides some insight into the specificity of their functioning in illocutive structures. The use of the two conjunctions as metatextual markers is also considered. Besides, some light is thrown on their use as markers of the violation of communicative postulates.*

Keywords: semantics, illocutive function, metatext, conversational postulates.

Союзы *но* и *только* часто являлись предметом лингвистического анализа, см., например, работы В.З. Санникова [7], Е.В. Урысон [9], Л. Карлсона [5]. Тем не менее, некоторые аспекты их функционирования, как нам представляется, еще недостаточно изучены (см. примечание 1).

Первым и, как представляется, основным значением этих союзов является маркирование нарушения естественного хода событий (см. толкование союза *но* в [7, с. 257]. Представление о естественности того или иного положения дел может: а) входить в фонд общих знаний о мире (быть фрагментом «обиходной энциклопедии», в терминах Е.В. Урысон [9]); б) быть частью общих знаний собеседников; в) относиться к языковым представлениям о мире – «принципам разграничения нормального и ненормального в языке» (термин В.З. Санникова) (см. примечание 2). Так, во фразах типа *Он умница, но лентяй* и *Он умница, только лентяй* союзы *но* и *только* отражают нарушение «принципа гармоничности»: «Нормально, когда признаки одного и того же предмета или явления относятся к одному полюсу (оба – к положительному или оба – к отрицательному)» [7, с. 260].

Необходимо отметить, что рассматриваемые союзы не являются синонимами. Основное различие между конструкциями с этими союзами состоит в том, что в конструкции вида *X, но Y* решающим является второй компонент (Y), что и определяет те выводы, на которые ориентируют фразы с этим союзом. Так, фраза *Он умница (X), но лентяй (Y)* может использоваться в пользу заключений, которые вытекают из того факта, что человек, о котором идет речь, ленив, а фраза *Он лентяй*

(X), *но умница (Y)* – в пользу выводов, которые определяются тем, что этот человек умница. Ср.: *Он умница, но лентяй – с заданием он не справится* и *Он лентяй, но умница – с заданием он справится*. А в конструкции *X, только Y* решающим является не второй компонент (Y), а первый компонент (X), что, соответственно, меняет ориентацию фразы [7, с. 279].

Мы выделяем у союза *но* еще значения «но аргументативное» (последнее значение есть и у союза *только*) и «но градации» (см. [4]). Кроме того, союзы *но* и *только* используются в иллокутивных конструкциях и в функции метатекстовых маркеров. Именно два последних значения и являются объектом данной статьи.

Первое, на чем мы остановимся, это использование союзов *но* и *только* в значении метатекстовых, или метаязыковых, маркеров (см. примечание 3). Напомним, что метаязыковыми называются единицы, которые используются «для высказывания о языке или о тексте, а не о мире, реальном или воображаемом» [2, с. 513]. Мы отметим здесь самые очевидные на наш взгляд случаи.

Возможность использования *но* в метатекстовой функции отмечается в некоторых словарях (у *только* словари не указывают такой функции). Так, в толковом словаре Д.Н. Ушакова [8] выделяется следующее значение: «Обозначает переход к другой теме. – «Он смел, вот всё, а мы... Но полно. Видишь, народ идет» Пушкин. «Но пора читателя познакомить с настоящим героем нашей повести» Пушкин [8, т. 2, с. 585]. О такой возможности писала И.Н. Кручинина: «Союз *но* указывает на конец развития определенного сюжета или мотива: *Молодость ест пряники золоченые да ду-*

мает, что это и есть хлеб насущный; а придет время – и хлеба напросишься. Но толковать об этом не для чего (Тургенев)» (цит. по [9, с. 36]). В действительности, союзы *но* и *только* могут указывать и на некоторые другие моменты.

1. Эти союзы, кроме маркирования завершения обсуждения какой-то темы, могут:

1) указывать на начало новой темы;

2) содержать информацию: а) о том, что начатая тема будет продолжена в другом месте или в другое время; б) о том, что эта тема заслуживает отдельного разговора; в) о том, что эта тема уже обсуждалась ранее и т.п. Например:

(1) *А что, если он не хочет быть чужим? И почему именно он должен считаться чужим? Может быть, не он, а сама бабка чужая? Но об этом – потом, и о заприуде дедовой тоже потом...* (Чингиз Айтматов. Белый пароход (1970); НКРЯ).

Здесь и в дальнейшем сокращение «НКРЯ» означает, что пример взят из Национального корпуса русского языка [6]. Ссылки на авторов и источник даются в том виде, в каком они представлены в Национальном Корпусе.

(2) *Там-то все, на море, прошлым летом, в августе, и завязалось, но об этом ниже* (Людмила Петрушевская. Детский праздник (1998-1999); НКРЯ).

(3) *Об этих фильмах написано в последние годы достаточно, о феномене «трофейного» кино в послевоенном СССР – поменьше, но это тема отдельного рассказа* (Анатолий Найман. Славный конец бесславных поколений (1994); НКРЯ).

(4) *Правда, не появились отчетливо понятые новы, но это тема другого разговора* (Новый Старый год // РИА Новости, 2008.01.11; НКРЯ).

(5) *А в 1937 году однажды не пришел в театр Юра Кольцов (но о нем я еще расскажу)* (С. Пилявская. Грустная книга (2000); НКРЯ).

(6) *Его тень в моих (и на моих!) стихах к Сонечке... Но о нем – другая повесть* (М.И. Цветаева. Повесть о Сонечке (1937); НКРЯ).

(7) *И даже, может быть, количество не переходит в качество. Но об этом в другой раз* (Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990; НКРЯ).

(8) – *Я очень рад, – повторил он еще раз. – Я не думал, что встречу вас когда-нибудь... – А я думала... Только об этом после. Расскажите мне, по какому случаю вы здесь?* (З.Н. Гиппиус. Без талисмана (1896); НКРЯ).

(9) *Другим человеком этой же категории был мой директор, но о нём я уже писал* (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964); НКРЯ).

(10) *А стрясется сейчас с ним дело совершенно удивительное – прут, ну, ветка, скажем, сухая в колесо попадет и лошадь гибнет... Только об этом после. К этому и время еще не подошло* (М.М. Зощенко. Черная магия (1921); НКРЯ).

2. Но и *только* могут использоваться для сообщения о смене «тональности» разговора, например:

(11) *Теперь ясно, отчего у нас актрис нет, а тан-*

цовиц очень много. Но шутки в сторону. Я думаю, у нас оттого нет актрис, что их заставляют представлять такие страсти, которых они никогда не подозревали, а вовсе не от недостатка способностей (А.И. Герцен. Сорока-воровка (1846); НКРЯ).

(12) *Ты Макьявелли, моя дорогая! Но серьезно, когда же побег?* (О.Д. Форш. Одеты камнем (1924–1925); НКРЯ).

(13) *Баронесса меня просто сегодня преследует... но, серьезно, у меня есть много кой о чем переговорить с вами, барон!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадур и помпадурши (1863–1874); НКРЯ).

(14) – *Я понимаю, что немало развеселил тебя, но без шуток, если бы в наше время существовала инквизиция и если бы завтра мне грозило сожжение на костре за мою ересь, я не отказался бы ни от одного своего слова* (Чингиз Айтматов. Плаха (1987); НКРЯ).

(15) *Ого, вы всегда так говорите о своих проектах?! – Конечно. Я же хорошо воспитан. Но кроме шуток, я бы не взялся за роль, если бы не был уверен в профессионализме команды* (Садчиков Михаил. КОРОЛЬ АРТУР ПРИЕХАЛ В ПИТЕР // Труд-7, 2007.08.27; НКРЯ).

(16) *Знаю, знаю, без тебя я бы давно пропал, спился, стал бомжем. Только без шуток: мне нужна твоя помощь.*

(17) *Все равно, бесполезно... Вас не переделаешь... Но, без шуток, так жить ведь нельзя... Вид у вас совсем скверный* (К.М. Станюкович. Жрецы (1897); НКРЯ).

3. Еще один класс употреблений союза *и только* представлен случаями, в которых эти союзы вводят авторские комментарии, касающиеся уже произнесенных или написанных слов. Эти комментарии могут затрагивать разные аспекты высказываний:

3.1. Комментарии могут относиться к структуре текста, а именно: к связи между разными фрагментами текста, к порядку изложения, к «направлению хода мысли» [3, с. 411]. Например:

(18) *Но как раз в этом случае то, что я называю порядочностью, приобретало бы ещё больший смысл как средство сохранить нравственные мускулы нации для более или менее подходящего исторического момента. – Но мы отвлеклись, – сказал я, – что же было дальше?* (Фазиль Искандер. Летним днем (1969); НКРЯ).

(19) *Меня забавляло наблюдать людей... да я даже не наблюдал их – я их рассматривал с каким-то радостным и ненасытным любопытством. Но я опять сбиваюсь в сторону. Итак, лет двадцать тому назад я жил в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна* (И.С. Тургенев. Ася (1858); НКРЯ).

В этих примерах после союза *но* следует признание говорящего, что он отошел от темы рассказа, допустил «направление в сторону» [3, с. 411].

(20) *Решите сами: далеко или нет от этого глупенького взгляда на славянофилов ушли многие современные либералы? Но к делу. Вы утверждаете, что Алеко убежал к цыганам от Держиморды* (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1880 год. Год III. Единственный выпуск на 1880 год (1880); НКРЯ).

В этом примере *но* вводит указание на переход

от «неважной» темы к сути разговора. Аналогичный пример:

(21) *Ну, у вас же четыре семьи. – Не четыре, а три. Не пиши, что четыре. А то в остальных трех будут скандалы. Но давай сначала о деле* (Александр ГАМОВ. Борис НЕМЦОВ: У меня не четыре жены, а только три! // Комсомольская правда, 2006.03.31; НКРЯ).

В примерах (22) – (25) речь идет о нарушении нормативного порядка изложения событий: рассказ о событиях должен отражать реальную хронологию – те события, которые произошли раньше, должны излагаться раньше событий, которые имели место позже. Таким образом, имеет место нарушение одного из принципов кооперации – постулата ясности «Будь упорядочен» (речь идет о коммуникативных постулатах Г.П. Грайса [10]):

(22) *До последней минуты своего пребывания в Ялте она ждала известий от Вас и, вернувшись, измученная, после первой неудачной попытки уехать, прежде всего спросила: нет ли от Вас письма... Но я забегаю вперед. Итак, по порядку расскажу Вам о ней и о нашем знакомстве* (В.А. Каверин. Перед зеркалом (1965-1970); НКРЯ).

(23) *Александр Леонидович не постыдился прийти к Мишкевичу и заявить ему: — Я давно уже предупредил издательство, что Любарская не наш человек. В юбилейном издании Пушкина, теперь уже ясно по чьему заданию, она систематически осуществляла вредительство. ... Но это после, после, это я забегаю вперед, это после погрома, а сейчас у нас апрель 1937-го, собрание в издательстве, предвещающее погром* (Л.К. Чуковская. Прочерк (1980-1994); НКРЯ).

(24) *Но я тут не очень был смел, хотя потом во всех сценах на скачках снимался сам, без дублера, и это было видно на крупных планах. Только это было потом, а сначала я ежедневно тренировался до изнеможения. Так требовал Пырьев. День у него начинался с того, что он сам будил артистов, которые жили в школе* (Владлен Давыдов. Театр моей мечты (2004); НКРЯ).

(25) – *Грешен, сказал... Только это уже было напоследок, а сперва он меня поднадул* (Н.Д. Ахшарумов. Концы в воду (1872); НКРЯ).

3.2. Комментарии могут затрагивать содержательный аспект высказываний, например:

(26) *Он не отдает себе отчета в том, что он часто оскорбляет людей (но это вообще особенность людей подобного типа), и не может понять, почему с ним никто не хочет иметь дела.*

(27) *Я очень испугался (только на моем месте любой бы испугался) и решил не вмешиваться.*

(28) *Потом ей все-таки повезло, но везет тому, кто везет, и она смогла купить квартиру.*

В частном случае комментариев может касаться существа затронутой темы – он может указывать, что затронутый вопрос является на самом деле лишь частью какой-то более широкой темы или же представлять меньший интерес, чем другие, связанные с ним проблемы, или же вовсе не представлять никакого интереса и т.п. Например:

(29) *Как я уже показал, традиционно такие системы создавались с целью повышения безопасности и улучшения условий работы операторов и обслуживающего персонала. Но это только одна сторона вопроса* (М.Н. Котровский. Дистанционно-автоматизированное управление машинами // «Горная промышленность», 2004; НКРЯ).

(30) – *Какая тогда медицина была! – сказала она. – Это при царском ещё режиме? – При царском. Но дело не в этом. Вы дальше послушайте* (И. Грекова. «Скрипка Ротшильда» (1980); НКРЯ).

(31) *Когда-то я был их командиром. – Что, вместе сражались? – Да, – сказал барон, – и это тоже. Но важнее другое. В свое время нас вместе расстреляли в Иркутске, не скажу, что по моей вине, но все же... И поэтому я чувствую за них особую ответственность* (В. Пелевин. Чапаев и пустота (1996); НКРЯ).

(32) – *У меня самого, знаете, тоска. Только это так, ерунда, личное. Об этом в рапорте не напишешь.* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960); НКРЯ).

3.3. Комментарии могут характеризовать информацию, заключенную в предыдущем тексте, как закрытую для других, не подлежащую разглашению:

(33) *И я тоже дневник пишу, – но это секрет* (Т.Л. Сухотина-Толстая. Из дневника (1880–1910); НКРЯ).

(34) *Он и в карточки не прочь поиграть, и даже... но это между нами... трубочку курит* (И.С. Тургенев. Отцы и дети (1862); НКРЯ).

(35) – *Независимость тебе определили хлопобуды? – Да. Но это тайна* (Владимир Орлов. Альтист Данилов (1980); НКРЯ).

(36) *Андрей запомнил одну историю, после которой Борис Савельевич проговорил: – Но это не для передачи* (Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001); НКРЯ).

(37) *Я вам что скажу, только это между нами* (Александр Щербаков. Пах антилопы // «Октябрь», 2002; НКРЯ).

(38) – *А знаете, доктор, Мусин-то уходит от нас. – Да что вы говорите! Когда? – Да, да, только это секрет, – приложила палец к губам* (Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984-2001); НКРЯ).

(39) – *А в нынешнем они в поле зрения не попадали. Только это не для печати. Договорились?* (Марианна Баконина. Девять граммов пластида (2000); НКРЯ).

(40) *Потом журналистам дают знать, что теперь у него и у нее одна на двоих гримерная (только это секрет!)* (Федор Павлов-Андреевич. Он вернется (2002) // «Домовой», 2002.06.04; НКРЯ).

(41) – *Ой, ну Ева... Ева Котова. Только я тебе ничего не говорила! А то мой меня убьет. Короче, новенькая у них. Вся из себя. Вроде твой к ней не ровно дышит* (Сергей Шаргунов. Фоторобот Евы (2011) // «Сноб»; НКРЯ).

Союзы *но* и *только* используются также как особый сигнал гетерогенности текста – гетерогенности,

определяющейся тем, что «говорящий отмежевывается от произносимых им слов» [3, с. 407]. В этом случае союзы *но* и *только* маркируют следующее намерение автора текста: предупредить, что вопрос (а это обычно вопрос), который вводят союзы *но* или *только* исходит не от автора (автор итак знает на него ответ), а от адресата. Точнее, автор предполагает, что этот вопрос непременно уже возник в голове его адресата, и автор его просто озвучивает, а затем часто дает на него ответ. Например:

(42) *Одни говорили «Аполлон»; другие: «Дионис». Третьи – младшие сыны древней Эллады – утверждали мистическое единство обоих. «Их двое, но они одно», говорили эти: «нераздельны и неслиянны оба лица дельфийского бога». Но кто же для эллинов был Орфеей? Пророк тех обоих и больший пророка: их ипостась на земле, двуликий, таинственный воплощение обоих* (М.Л. Гаспаров, Омри Ронен. Похороны солнца в Петербурге // «Звезда», 2003; НКРЯ).

(43) *Попадаютслучаи, и их даже немало, когда следственные работники стараются стихнуть любое неприятное дело в ОСО. Но почему именно в ОСО? Отвечаю: для суда надо свидетелей, а их нет!* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978; НКРЯ).

(44) *А? Неосознанный, слаборазличимый, но все ж-таки и вполне уловимый? Видно, не без этого. Только кто же это – скрываемый под изящным псевдонимом «мой читатель» – Войновича под локоток толкает? Кто заказывает? И зачем? А вот зачем* (Евсеев Борис писатель. ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ // Труд-7, 2002.07.19; НКРЯ).

(45) *П.В.Сытин пишет: «О живших на Ордынке в XVII веке стрельцах полка Пыжова говорит название Пыжовского переулка и стоящей против него церкви Николы в Пыжах. Южнее стрелецкой слободы на улице выходила слобода казаков (в бывших Казачьих переулках)...Только почему П.В.Сытин называет Казачьи переулки «бывшими»? Потому что их названия менялись несколько раз (Казачья слобода в Москве (2001) // «Жизнь национальностей», 2001.11.23; НКРЯ).*

Еще один интересный случай использования союзов *но* и *только* в качестве своеобразных маркеров гетерогенности текста представлен примерами типа (46):

(46) *Но есть и в творчестве этого романиста поворот; только это не каторга, а 1866 год, когда вышло в свет «Преступление и наказание»* (И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909); НКРЯ).

Здесь автор, говоря о повороте в творчестве Ф.М. Достоевского, делает оговорку, что речь идет о 1866 годе, а не о каторге. Оговорка – это ответ читателю, который (по предположению автора) связывает поворотный момент в творчестве писателя с каторгой. Эта оговорка отражает предположение И.Ф. Анненского о том, что у читателя упоминание об этом повороте вызвало мысль именно о каторге, и он спешит опровергнуть ошибочное мнение своего читателя.

Мы уже отмечали выше употребление союзов *но* и *только* в роли показателей нарушения одного из

принципов кооперации – постулата ясности. Еще один нетривиальный случай, на котором мы хотели остановиться, связан с употреблением *но* и *только* в качестве маркеров нарушения постулата релевантности, как это имеет место в примерах (47) –(54), и постулата истинности, как в примерах (55)–(56). Постулат релевантности звучит следующим образом: «Будь релевантен», т.е. «Говори то, что в данный момент имеет отношение к делу; не отклоняйся от темы». Постулат истинности формулируется так: «Говори правду» или, по крайней мере, не говори того, что ты считаешь заведомо ложным; Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований».

(47) – *Да, да! – оживлённо сказал Крукс. – Вы видите, – он начинает портить скот... Чарли Мэн опустил голову, поднял брови и, глядя в лицо Джека с явным изумлением, произнёс напоминающим тоном: – Но ведь у меня нет скота!* (М. Горький. Чарли Мэн (1906); НКРЯ).

В этом примере фраза «Но ведь у меня нет скота!» означает, что был нарушен принцип, в соответствии с которым нужно «говорить то, что в данный момент имеет отношение к делу». Крукс пытается напугать Чарли, рассказывая ему об опасности, существующей для скота, в то время как у Чарли скота нет.

(48) – *Вы читали, конечно: «Однажды мы с Шалыпиным засиделись в «Европейской», и Федор,глянув на меня, вдруг сказал: «Эх, Ваня! Да ты уже совсем пьяный! Дай я тебя отнесу!» И, взвалив меня на закорки, лихо отнес меня в мой номер на пятом этаже, и там, еще не исчерпав своей удали, послал коридорного за столетним бургундским, которое вдруг оказалось удивительно похожим на малиновую воду!» Закончив цитату, я перевел дух. «Ну ладно, идите, – сказал дежурный. – Только вы – не Бунины!»* (Валерий Попов. Литературный Невский // «Звезда», 2001; НКРЯ).

Реплика дежурного «Только вы – не Бунины» означает неуместность цитаты, которую приводит герой (нарушение принципа релевантности).

(49) *Так, значит, вы сидели за одним столом, пили нарзан и молчали как убитые, так? – Нет, зачем же, наоборот, много разговаривали о работе, но ведь вас же не это интересует* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978); НКРЯ).

(50) – *За образ мыслей, Пётр Трофимович. В Японии есть такой закон, что человека можно судить за образ его невысказанных мыслей. – В Японии! Но ведь у нас такого закона нет?* (Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1–25 (1968) // «Новый Мир», 1990; НКРЯ).

(51) – *Ты был вчера у нее? – Был, только ты ведь не это хочешь знать.*

(52) – *Значит, ни супрефекта Владимирова ты не знаешь, ни о троих друзьях, которые ко мне заходили, тебе неизвестно, ни о Штангисте ты ничего не слышал? – О Штангисте слышал. Только он не тот человек, о котором мне интересно было бы что-то узнать* (Анатолий Мельник. Авторитет (2000); НКРЯ).

(53) *Он усмехнулся и процедил: – Прямо по послови-*

це: «Пойду вырву себе глаз, пусть у моей тещи будет зять кривой!» В комнате невольно засмеялись. – Только вы не зять, а завод вам не тещи, – тем же злым тоном продолжал главный (Г.Е. Николаева. Битва в пути (1959); НКРЯ).

(54) С разницей в несколько секунд. Как только взорвалась первая бомба. Оба использовали, так сказать, пик суматохи... – Н-но... но ведь... убил-то кто-то один... – растерянно пролепетал я (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000); НКРЯ).

(55) А: – Иван подлец, он ее обманул и уехал!

В: – Но тебе-то откуда знать!

Слова «Но тебе-то откуда знать!», означающие, что у субъекта А нет оснований для утверждения «Иван подлец, он ее обманул и уехал!», маркируют нарушение со стороны субъекта А постулата истинности: «Не говори того, для чего у тебя нет оснований».

(56) Вообще-то, если все предприятия будут платить все налоги, даже нефтяники, – они сядут на мель. – Но вы-то платите (Крещеный колхоз (2003) // «Сельская новь», 2003.09.16; НКРЯ).

Реплика «Но вы-то платите» из диалога (56) уличает первого собеседника в противоречии самому себе.

Союзы *но* и *только* могут употребляться и в иллокутивных конструкциях. Изучая сочинительные конструкции с союзом *но*, В.З. Санников пришел к выводу, что среди них есть «собственно иллокутивные конструкции» [7, с. 53-70]. В частности, к ним относятся предложения вида *Я тебе не говорила, но ты дурно с ней поступал* (Л.Н. Толстой. Война и мир). Такие конструкции «ощущаются как неполные, «что-то пропущено», и именно к этому «пропущенному» относится придаточное» [там же, с. 59]. Во фразе *Я тебе не говорила, но ты дурно с ней поступал* «пропущен» глагол *говорить*: *Я тебе не говорила, но ты дурно с ней поступал* = *Я тебе не говорила, но [скажу сейчас:] ты дурно с ней поступал* [там же, с. 60]. Как показывает проведенный анализ, сходным образом функционирует союз *только*. Приведем некоторые примеры иллокутивных конструкций указанного типа:

(57) Грех говорить, но многие сомневаются, что старик вытянет (Хасан Ганиев. Никто не хотел убивать (2002) // «Автопилот», 2002.11.15; НКРЯ) [Грех говорить, но (говоря:) многие сомневаются, что старик вытянет].

(58) Неприятно об этом говорить, но хотелось получить свои деньги обратно (Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984–2001); НКРЯ).

(59) – Вы уж меня не выдавайте, – попросил Печеницын, – я не должен вам этого говорить, но Губина к нам жандармы засадили (Леонид Юзефович. Князь ветра (2001); НКРЯ).

(60) Мне не хотелось вам говорить, только она вас обманула.

В.З. Санников отмечает, что иллокутивное употребление союзов *но* и *только* имеет место и в примерах типа *Вы меня извините, но вы ничего не понимаете в женщинах* (Л. Толстой) [7, с. 57].

Фразы вида *Извините, но/только Q* могут иметь

два значения.

1. Говорящий просит прощения за то, что имеет место Q, например:

(61) Очень жаль, тетя Полли, – сказал он, – ты меня извини, только я сейчас не могу поехать (Марк Твен. Том Сойер – сыщик (Н. Грибанов, 1960); НКРЯ).

2. Говорящий просит прощения за то, что он должен произнести не очень приятное для адресата высказывание (иллокутивное употребление).

(62) Ну, брат, ты прости, только это – неразумно (Максим Горький. Дело Артамоновых (1924–1925); НКРЯ).

В (61) Том Сойер извиняется за то, что он не может поехать. В (62) говорящий извиняется за то, что он вынужден сделать не очень приятное высказывание о поведении адресата, а не за то, что поведение того является неразумным.

Еще один пример иллокутивного употребления союза *только*:

(63) – Ох, вы меня, Юрочка, извините, только вы еще совсем молодой. (И.Л. Солоневич. Россия в концлагере; НКРЯ).

К иллокутивным относятся и конструкции вида *Р но/только Q*, в которых компонент Р содержит предикаты типа *обижаться, сердиться, злиться* и т.п.

Фразы вида *Не обижайся, но/только Q, Не сердись, но/только Q* и т.п. могут иметь два значения:

1. Говорящий просит адресата не обижаться или не сердиться на него за то, что имеет место Q, например:

(64) – Ты не обижайся, но на твои проводы я не приду (Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999-2000); НКРЯ) [не обижайся, что я не приду].

(65) Не сердитесь, но давать советы в письмах я воздержусь (Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966-1970); НКРЯ).

2. Говорящий просит адресата не обижаться или не сердиться на него за то, что он должен произнести неприятное для адресата высказывание (иллокутивное употребление).

(66) Вы только не обижайтесь, но вы оба плохо играете в шахматы (Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень (М. Спивак, 2001); НКРЯ) [говорящий просит адресата не обижаться на то, что он выскажет неприятные для того вещи, а, естественно, не за то, что адресат плохо играет в шахматы].

(67) Не сердись, но твои примеры, по-моему, тут ни при чем (Иоганн Вольфганг Гёте. Страдания юного Вертера (Н. Касаткина, 1954); НКРЯ).

(68) Поймите меня правильно, я не хочу никого обижать, но квалификация большинства детских тренеров все-таки невысокая (Евсеев Михаил. СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ? // Труд-7, 2001.07.26; НКРЯ).

(69) – Не обижайся, только нормальный человек тебя на работу не возьмет (Татьяна Полякова. Миллионерша желает познакомиться (2002); НКРЯ).

(70) Не сердитесь, но это чепуха, мой молодой друг (А.Р. Беляев. Властелин мира (1940); НКРЯ).

Иллокутивное значение союзы *но* и *только* имеют и в конструкциях с компонентом Р, содержащим выра-

жения вида *не сочтите меня неблагодарным, не хочу показаться невежливым, боюсь показаться бестактным* и т.п.

(71) *Не хочу показаться невежливым, но у вас харизма мокрой половой тряпки и вид мелкого банковского служащего* (Елена ЧИНКОВА. Обидчик президента ЕС на десять дней остался без еды // Комсомольская правда, 2010.03.03; НКРЯ).

(72) *Боюсь, чтобы не почли меня неблагодарным; но общие черты характера целой породы не могут быть причтены в вину одному лицу* (Ф.В. Булгарин. Невероятные небылицы или Путешествие к средоточию Земли (1834) НКРЯ).

Компонент Q в иллюкутивных конструкциях вида *Р* но/только *Q* может вводить не только утверждения, но и вопросы:

(73) – *Извини. Но где же ты был?* (Дж.Р.Р. Толкин. Властелин колец: Две башни (М. Каменкович, В. Каррик, 1994); НКРЯ) [извини за то, что задаю не «очень удобный вопрос»]

(74) *Вы не обижайтесь только, но как без женщин вы обходитесь в путешествиях?* (Игорь ЕМЕЛЬЯНОВ. Путешественник-экстремал Федор Конюхов: Идти страшно. Но надо // Комсомольская правда, 2003.01.10; НКРЯ) [не обижайтесь на то, что я задаю Вам такой нескромный вопрос].

(75) *Я близко знал Сергея Сергеевича. Он спас мне жизнь. – Простите, но кто вы?* (Владимир Брагин. В стране дремучих трав (1962); НКРЯ).

(76) *Милый мой, не сердитесь, но почему Вы оледенели – не подберу другого слова, – когда я стала расспрашивать о Вашей маме и сестрах?* (В.А. Каверин. Перед зеркалом (1965-1970); НКРЯ).

(77) *Не обижайся, только зачем ты так резко с ним разговаривал?*

(78) *Не хочу показаться бестактным, но к чему вывешивать фото?* (Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004); НКРЯ).

Компонент Q в иллюкутивных конструкциях вида *Р* но/только *Q* может также представлять собой косвенные речевые акты просьбы, мольбы, совета, предложения, угрозы и т.п.:

(79) – *Прошу прощения, но нельзя ли мне угоститься одной из ваших замечательных сигарет?* (Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005); НКРЯ).

(80) *Извини, но почему бы тебе не попробовать еще раз?*

(81) *Не обижайся, но не пора ли тебе домой?*

(82) *Ты уж прости, но тебе лучше уйти.*

(83) *Не обижайся, только ты мог бы и помочь.*

(84) *Извини, только ты не боишься, что тебе придется за это ответить?*

До сих пор мы рассматривали иллюкутивные конструкции вида *Р* но/только *Q*, в которых «пропущенным глаголом» был глагол речи в первом лице. Особый случай представлен конструкциями с «пропущенным глаголом» во втором лице. Ср. пары предложений (85) и (86), (87) и (88): в первых членах этих пар представлены иллюкутивные значения союзов.

(85) *А ты сам, только честно, веришь, что мы сможем осуществить все это?* (Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004); НКРЯ) [только отвечай/говори честно].

(86) – *Лиль, – тронула ее за плечо Гайка, – скажи, только честно, как называется, от чего дети рождаются?* (Людмила Улицкая. Ветряная оспа (1998); НКРЯ).

(87) *Нет ли у вас в чём-нибудь недостатка? Только откровенно!* – *Нет, благодарю вас, недостатка ни в чём не замечается* (И. Грекова. На испытаниях (1967); НКРЯ).

(88) *Скажите только откровенно, что вы думаете насчет Пантюхова?* (Василий Катаян. Прикосновение к идолам (1998); НКРЯ).

Другие примеры иллюкутивного употребления союзов *но* и *только*:

(89) *Откуда вы узнали? Только без дураков!* – *спросил изумленный Сергей* (Елена ЛАПТЕВА. Лукьяненко написал «Детский Дозор» // Комсомольская правда, 2006.04.01; НКРЯ).

(90) – *Нравится? Только искренне, искренне!* – *Конечно, нравится* (Эдуар Шим. Ребята с нашего двора (1976); НКРЯ).

(91) – *Юрий Игнатьевич! Только честно, без дураков, – сейчас точно девяносто восьмой, а не девяносто первый?* (Семен Данилюк. Рублевая зона (2004); НКРЯ).

(92) – *Слушайте... Ее имя – вы знаете, о ком, – вы ее называли? Нет? Только правду – мне это нужно* (Е.И. Замятин. Мы (1920); НКРЯ).

В основном в этом типе иллюкутивных конструкций используется союз *только*, однако встречается и союз *но*, например:

(93) *И вообще-то, что ты про неё знаешь? Но честно, честно!» А чего честно? Да, многое знаю, всё знаю, особенно после той ночи* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978); НКРЯ).

Итак, мы попытались продемонстрировать возможности функционирования союзов *но* и *только* в достаточно специфических для союзов значениях, а именно: в иллюкутивных конструкциях, в роли метатекстовых маркеров и в роли показателей нарушения принципа кооперации — постулатов ясности, истинности и релевантности. В заключение отметим, что, по-видимому, союз *хотя* (в отличие от его ближайшего синонима *несмотря на*) тоже может вводить метатекст. В словарях это значение у союза *хотя* не отмечается.

(94) *Но не обошлось здесь и без погрешностей. Хотя об этом – позже. Ведь эта операция не только штурм автобуса* (Александр ЕВТУШЕНКО. Даже родственники убитого террориста говорили о нем: Этому мерзавцу нет места на земле // Комсомольская правда, 2001.08.02; НКРЯ).

(95) *Осталось решить, как быть с особняком и что делать с этими наглыми журналистами – хотя об этом потом...* (Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов (1999); НКРЯ).

Примечания

1. В статье частично используются идеи, изложенные в предшествующей работе автора [4], однако добавлены новые положения и существенно расширен материал исследования.
2. *Но и только* – не единственные союзы, маркирующие нарушение естественного течения событий: «многие другие, особенно уступительные, лексемы употребляются тогда, когда, с точки зрения говорящего, некоторые общие принципы устройства мира были нарушены» [1, с. 636].
3. Функционирование союзов *но и только* в значении метаязыковых маркеров не имеет ничего общего с тем, что в работе Е.В. Урысон о значениях союза *но* называется «*но* метатекстовое» [9, с. 35–36]. На наш взгляд, в тех случаях, когда Е.В. Урысон усматривает подобное значение, союз *но* выступает в своей аргументативной функции, см. подробнее [4, с. 35–36].

Библиографический список

1. Апресян В.Ю. Уступительность в языке // Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. (ред.), Бабаева Е.Э. и др. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 615–710.
2. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 567.
3. Вежицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.
4. Иоанесян Е.Р. Аргументативные значения языковых единиц. Москва: Советский писатель, 2011. 219 с.
5. Карлсон Л. Соединительный союз *but* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. М., 1986. С. 277–299.
6. Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru.
7. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
8. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х томах. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.
9. Урысон Е.В. Семантика союза *НО*: данные языка о деятельности сознания // Вопросы языкознания. № 5, 2006. С. 22–42.
10. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts. N.Y.: Academic Press, 1975. Pp. 41–58.

References

1. Apresjan V.Ju. The Notion of Concession in Language // Apresjan V.Ju, Apresjan J.D. (ed.), Babaeva E.E. et al. Language Picture of the World and systemic Lexicography. Moscow: Yazyki Slavjanskih Kultur, 2006. Pp. 615–710.
 2. Apresjan J.D. Studies on Semantics and Lexicography. Vol.: Paradigmatics. Moscow: Yazyki Slavjanskih Kultur, 2009. 567 p.
 3. Wierzbicka A. Metatext in Text // New in Foreign Linguistics. Issue 8. Moscow: Progress, 1978. Pp. 402–421.
 4. Ioanesjan E.R. Argumentative meanings of language units. Moscow: Sovetskij pisatel', 2011. 219 p.
 5. Carlson L. Connective *BUT* // New in Foreign Linguistics. Vol. XVIII. Moscow: Progress, 1986. Pp. 277–299.
 6. Russian National Corpus // www.ruscorpora.ru.
 7. Sannikov V.Z. Russian Syntax in Semantic and Pragmatic Space. Moscow: Yazyki Slavjanskih Kultur. 624 p.
 8. Explanatory Dictionary of Russian / Ed by D.N. Ushakov. In 4 volumes. Moscow: Gosudarstvennoje Izdatelstvo inostranyh i natsionalnyh slovarej, 1935–1940.
 9. Uryson E.V. The Semantics of conjunction *HO*: Linguistic Data on the Functions of Consciousness // Journal of Linguistics, № 5, 2006. Pp. 22–42.
 10. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts. N.Y.: Academic Press, 1975. Pp. 41–58.
-

УДК 070.2

UDC 070.2

А.И. КОНДРАТЕНКО

кандидат политических наук, доцент, кафедра журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет

A.I. KONDRATENKO

Candidate of political science, Associate professor, Department of Journalism and public relations, Orel State University

МОЛОДЁЖНАЯ И ДЕТСКАЯ ПРЕССА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГОДЫ

YOUTH AND CHILDREN'S PRESS IN OREL REGION IN THE 1920S

Статья посвящена истории молодёжной и детской прессы Орловской губернии в 1920-е годы. В период коренных социальных преобразований одним из инструментов воздействия на общество стали средства массовой информации, ориентированные на детскую и юношескую аудиторию. Специализированные газеты и журналы создавались благодаря существенной поддержке власти, комитетов партии и комсомола, объединяли многочисленный авторский актив, выражали интересы широких слоёв населения. Исторический опыт губернской молодёжной печати может быть использован современными журналистами.

Ключевые слова: пресса, молодёжь, дети, пионер, комсомол.

The article is devoted to the history of youth and children's press in Orel region in the 1920s. Children and youth oriented media became one of the main instrument of influencing on society during the period of fundamental social changes. Specialized newspapers and magazines were created owing to significant support of authorities, Communist Party and Komsomol local committees. Those media united diverse authors, represented interests of wide social strata. This historical experience of regional press could be used by contemporary journalists.

Keywords: press, youth, children, pioneer, Komsomol.

Тема становления региональной молодёжной печати ныне весьма актуальна, потому что ошутим недостаток качественной молодёжной прессы как на общенациональном, так и на региональном уровне. В частности, в Орловской области отсутствует система СМИ для молодой аудитории, эффективно выполняющая ценностно-ориентирующую и культурно-образовательную функции. Аналогичная картина наблюдалась в России сто лет назад, чем и объясняется наше пристальное внимание к процессам становления и развития молодёжной печати в 1920-е годы, в том числе к забытому ныне опыту пионерской и комсомольской периодики, который может оказаться весьма полезным для формирования эффективной системы молодёжной прессы.

Возникновению данного вида периодики в 1920-е годы способствовал комплекс предпосылок, таких как рост образовательного уровня жителей, развитие издательского дела, распространение новых идей, которые, в первую очередь, захватывали молодёжь. Печатные молодёжные издания в регионе появляются накануне революционного перелома в виде изданий объединений учащихся – рукописных гимназических журналов. Молодёжная пресса отражала интересы молодой аудитории, отличалась разнообразием жанров и ярким языком. Летом 1917 года, в период между февральским и октябрьским революционными переворотами, студенческое землячество в Ельце начало выпускать газету «Вечерний вопль». У юмористического издания были девиз «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива» и подзаголовки: «Издание непериодическое, в своём

роде единственное», «Здоровый смех – могучее оружие революции».

Печатался «Вечерний вопль» на двух страницах, без иллюстраций, тиражом 500 экз. В центре внимания были вопросы студенческого бытия, хотя затрагивались и отдельные стороны местной жизни. Отделы и рубрики: «Последние известия», «Борьба с разрухой», «По России», «Из-за границы», «Интервью», «Хроника», «Объявления». Газета стоила 30 рублей (для нэпманов цена удваивалась). Главным редактором был купеческий сын, заводила городской «золотой молодёжи», президент клуба любителей велосипедной езды Николай Ростовцев.

Там же, в Ельце, с начала 1920 года регулярно выходила еженедельная страница «Красная молодёжь» в уездной газете. Ответственным секретарём страницы был Лазарь Ришин (1903–1963), один из создателей и руководителей Елецкой уездной организации РКСМ. Здесь же активно сотрудничал его брат Ефим Ришин (1904–1927), уже имевший опыт работы в должности заместителя секретаря РОСТА в Уфимской губернии. В 1923 году он вспоминал: «Мысль о создании самостоятельной юношеской газеты появилась в Елецкой организации ещё летом 1920 г. Через многие препятствия, тревоги, долгое устранение всяких затруднений, массу самых широких планов подошёл, наконец, выход № 1 газеты «Юношеский колокол», орган Елецкой организации РКСМ. Содержание газеты целиком отражало задачи молодёжи в то время и было боевым. Распространение и издание её подвигалось хорошо.

Достаточно сказать, что в период с 15 октября по 7 декабря было издано 7 номеров газеты. Однако вслед за этим остро встала необходимость изменения газетки (так в тексте. – А.К.), её характера, содержания и пр. Да и условий для этого накопилось много. Снова – долгие труды, подыскание названия, напряжение молодых умов» [1].

15 января 1921 года, ко 2-й годовщине гибели Карла Либкнехта, в свет вышла новая газета Елецкого уездного комитета РКСМ – «Правда молодёжи» (этот выпуск имел нумерацию 1–2 (8–9) – как продолжение «Юношеского колокола»). Комсомольцы стремились сделать новое издание массовым, понятным и доступным и рабочим, и крестьянам. Однако из-за материальных трудностей газета выходила нерегулярно (13 номеров за первые семь месяцев, пять номеров за август–ноябрь). Ефим Ришин так оценивал своё детище: ««Правда молодёжи» имеет много заслуг. Она отвечала и отражала все требования нашей жизни, она всегда указывала путь и задачи трудящейся молодёжи. Она была на страже её интересов, захватывала массы рабочей молодёжи Ельца, тесно связывалась с ними» [2].

К августу 1922 года, когда студенческое землячество решило отпраздновать пятую годовщину в Елецком театре, вышел 4-й номер газеты. Его, отпечатанный в 1-й Елецкой гостипографии, вместо редактора подписали псевдонимом «три Ивана Непомнящих» (материалы на полосе давались вообще без подписей). Авторы, посмеиваясь над бедствиями времени, подчёркивали, что студент ничего не боится: «Один старый студент впал в тихое помешательство. Он не мог вместить, что новые студенты учатся без книг, не осиливая покупку даже подержанных, при ежемесячном бюджете в несколько миллионов. Другой обхохотался насмерть. Он прочитал, что современные медики окарауливают магазины, горняки набивают сахарин, юристы разгружают вагоны». Третий был поражён тем, что «теперешние студенты всех курсов и факультетов стали завсегдатями Ильинки. Скупают и продают всё, что попадает под руку».

В 1924 году официальная молодёжная газета в Ельце снова выходила в качестве странички «Молодая гвардия». В числе других молодёжных изданий необходимо отметить разовые выпуски газет «Интернационал молодёжи» (Елец, 1920), «Седьмое сентября» (Елец, 1924), «Клич пионера» (Елец, 1928).

Начало 1920-х годов стало временем появления молодёжных изданий во многих уездах Орловской губернии. В этот период бурного комсомольского движения начинают выходить печатные молодёжные газеты. У истоков комсомольской печати на Орловщине стоял Николай Кондрашов. Он родился в 1902 году, вступил в большевистскую партию в 1918 году, работал заведующим отделом печати Орловского губкома РКСМ, был делегатом III съезда комсомола. Именно Кондрашов помогал организовывать первые комсомольские издания.

В Ливнах была создана газета «В наши ряды» (1920–1921, орган Ливенского уездного комитета комсомола и женотдела), однако в связи с материальными

трудностями местному комсомолу вскоре пришлось перейти на выпуск еженедельной устной газеты «Юный коммунист», к праздничным датам готовился более солидный выпуск устного журнала. Губернская газета «Правда молодёжи» в феврале 1922 года положительно оценила этот опыт: «Устные издания укоммола имеют большую известность в городе и привлекают широкие массы юных слушателей. Молодцы ливенцы – хорошо делают!» [3]. В 1921 году, а затем, после перерыва, в 1922 году в Ливнах издавалась газета «Коммунистическая молодёжь» (периодичность – дважды в месяц).

Во мценской газете «Красный набат» была «Страничка красной молодёжи» (1921), в дмитровской газете «Беднота» выходила «Страничка молодёжи» (1922). На «Страничке коммунистической молодёжи» в новосильском «Серпе и молоте» был поднят вопрос о дисциплине. Автор – Р. Рождественский – писал: «Собрания посещаются неаккуратно, члены предпочитают гулять по улицам города, а не идти на собрание. Партишкола членами почти не посещается, а не раз приходилось слышать на собраниях и в частных беседах, что союз не даёт возможности пополнить свое образование... Недопустимо, чтобы из-за халатности членов провалилась большая работа, и, безусловно, будут применяться репрессивные меры по отношению к тем, которые предпочитают сидеть дома, а не работать и учиться. Мы обойдемся без тех, кто отходит от союза и мешает работать другим» [4].

В Малоархангельске издавался «Коммунистический авангард» (1921), причем местные комсомольцы еще в предыдущем году достали бумагу, договорились с типографией, чтобы рабочие сверхурочно напечатали газету. В первом номере (вышел в свет в ноябре 1920-го), как вспоминал организатор комсомола Александр Цветаев, были опубликованы передовая статья Ф. Ченцова, статья самого Цветаева о работе комсомола в избах-читальнях, рассказ Гр. Сокола «Без четверти восемь», заметка Е. Шалимовой о работе среди девушек. Однако после издания нескольких номеров из-за нехватки бумаги комсомольская газета перестала выходить, превратилась в страничку «взрослого» местного издания.

Таким образом уездная комсомольская периодика нередко вырастала из «страничек молодёжи», продолжая их нумерацию, а когда самостоятельный выпуск становился невозможным, они снова превращались в «странички» партийно-советских газет. «Странички» содержали информацию для различных групп молодёжной читательской аудитории, но в них не всегда учитывались различия в положении учащихся, молодых рабочих и крестьянской молодёжи, служащих и интеллигенции, не учитывались их интересы и проблемы, о чём свидетельствуют преобладание публицистических жанров и «казённый» язык. Тем не менее «странички» 1920-х годов способствовали информированию, активизации и мобилизации молодёжи на решение государственных, партийных и союзных задач, а также позволяли обеспечить партийное руководство молодёжным движением. Несмотря на непоследова-

тельность (частая смена названий, объёма, места расположения, нечёткие нумерация и периодичность) как проявление отсутствия профессиональных знаний у редакторов, «странички» сыграли весомую роль в организации молодёжи и становлении самостоятельных молодёжных изданий, послужили школой для юнкоров, способствовали накоплению опыта подготовки и выпуска газет и журналов для юношей и девушек.

В губернском центре органом губкома РКСМ первоначально были газета «Пятое сентября» (1920) и журнал «Мысль молодёжи» (1921). Тираж журнала составлял 1000 экз., в редколлегию входили К. Балт, Райхман, Зайдман, Рыссин, редакция располагалась в Орле на углу улиц Георгиевской и Садовой (ныне ул. Тургенева и Максима Горького). В Госархиве Орловской области сохранился единственный номер «Мысли молодёжи» – его обложка была красочно оформлена: молодой рабочий высоко над головой держит источник света. На титульном листе слова: «Молодёжь – заря пленительного завтра». Публиковались материалы о делах молодёжи, о задачах уездных комитетов комсомола, молодёжной печати, трудовой школы, о работе в деревне. Значительное место занимал раздел «Молодое творчество», где печатались стихи и рассказы юных авторов. Обращает внимание публикация под заголовком «И черная молодёжь с нами» – на международные темы. Здесь же помещены путевые заметки одного из руководителей Коммунистического Союза молодёжи Швеции, побывавшего в России летом 1920 года: «Россия возлагает все свои надежды на молодёжь. Молодое поколение, проникнутое классово-солидарностью, коммунистической дисциплиной, величием своей исторической миссии, является порукой тому, что идеи коммунизма победят во всём мире». Однако заметим, что по сравнению с газетными изданиями для молодёжи, получившими широкое распространение, выпуск журналов не был характерен для молодёжной прессы региона.

11 января 1922 года в качестве приложения к губернской газете «Земледелец и рабочий» вышла газета «Правда молодёжи», которая затем несколько раз меняла статус, с 15 апреля 1922 года выходила как самостоятельное приложение к губернской газете (с августа – соответственно приложение к «Орловской правде»). Читатели губернской периодики извещались: «Вниманию всех! Открыта подписка на еженедельную газету рабоче-крестьянской молодёжи «Правда молодёжи». Газета освещает самым широким образом жизнь трудящейся молодёжи, её задачи, текущие вопросы общественно-хозяйственной жизни страны. В газете отводится значительное место материалам по различным отраслям знаний. Помещаются фельетоны, рассказы, стихотворения и т.д. Молодёжь, читай свою газету!»

«Правда молодёжи» издавалась по воскресеньям, в 1922 году вышло 24 номера, в 1923 – 23, в 1924 – 49 (причем нередко «возвращалась» на страницы «Орловской правды», становясь её приложением). Первые полтора года газета выходила на двух страницах, затем на четырёх, с 6 июля 1924 года – на шести страницах (в

1925 году подзаголовок «Правды молодёжи» гласил, что это «газета-журнал рабоче-крестьянской молодёжи»). С осени 1925 по 1 мая 1926 года издание «Правды молодёжи» было временно приостановлено, в июне 1928 года газета была окончательно закрыта в связи с упразднением Орловской губернии.

Если численность всей комсомольской организации губернии в 1923 году не превышала 4,4 тыс. человек, то тираж «Правды молодёжи» в начале того же года составил 5 тыс. экз., в середине года – более 8 тыс., в конце года достиг 10 тыс. экз. Однако летом 1925 года тираж упал до 3 тыс. экз., после возобновления выхода – 2 тыс. экз. (июнь 1926), 1615 экз. (июль 1926), 1775 экз. (ноябрь 1927). Редакция газеты (фактически единственная комната) размещалась в здании губкома комсомола на улице Пионерской в Орле. В 1923 году в состав редколлегии входили В. Хохлов, Бор. Волгин, А. Бунин, затем – Хохлов, Иван Козлов, Золтан Вейнбергер (молодой венгерский революционер, эмигрировавший в Советскую Россию). С 1924 года А. Бунин – ответственный редактор газеты, его заместитель – Н. Переверзев, в ноябре 1924 года Переверзев – и.о. редактора, в апреле 1925 – редактор, в ноябре 1927 года редактор – Буров. Довольно часто на страницах газеты тех лет можно было встретить статьи и заметки Б. Левина, И. Козлова, Ф. Найдёнова, Певзнера, К. Штенберга.

В первом выпуске «Правда молодёжи» поместила информацию о проводившейся «неделе сближения РКП и РКСМ». В январе 1922 года газета писала о том, как комсомольцы участвуют в работе по сбору продналога и помощи голодающим, о комсомольских концертах-спектаклях, сборы с которых направлялись в детские дома: «Неоднократно приходилось слышать о плохих материальных условиях местных домов детства. Об этом хорошо знал наробраз [отдел народного образования]. Но никто на местах не задумывался изыскать средства для улучшения положения наших детей. Между прочим, все и всюду говорили о том, как бы помочь детям, но это были лишь одни слова. Молодёжь, без которой не проходило никаких начинаний, и на этот раз первая откликнулась и нашла выход. Местной организацией РКСМ при участии УЖО [уездного женского отдела] было устроено два концерта-спектакля и собрано более 1 000 000 рублей. Вслед за кромским укомом [уездным комитетом комсомола] ряд учреждений пошёл по примеру красной молодёжи и в свою очередь также принялся за помощь. Наша молодёжь всегда впереди!» [5]

Почти весь номер «Правды молодёжи» за 21 мая 1922 года был посвящен третьей годовщине создания Орловской городской комсомольской организации. Речь шла об итогах V губернского съезда комсомола, были опубликованы воспоминания участников боёв с Деникиным. Поэт П. Брагин обратился к молодёжи Орловщины:

Идите к нам, кто чуток слухом,
Гурьбой вливаясь в нашу рать,
Кто чист душой и силен духом,
Кто светлой хочет жизнь сковать.

Под наше знамя – всё живое,
Кто закалил себя в борьбе,
Иди под знамя боевое,
Что озаряет путь весне.

Здесь же были опубликованы «Заповеди V губернского съезда РКСМ».

1. Давай молодым знания. Без того, чтобы поднять уровень знаний, нельзя и шагу ступить.
2. Все члены союза равны.
3. Не гнушайся черновой работы.
4. Всегда будь в гуще молодёжи, организуй ее на хорошие дела.
5. Союз должен выражать и отстаивать интересы молодёжи.

В январе 1923 года «Правда молодёжи» сообщила о том, что пленум губернского комитета комсомола постановил собрать для Балтийского флота три тысячи пудов хлеба (комсомол страны объявил себя шефом военных моряков). Интерес представляет и заметка «В ячейке кожевников»: «Ребята из ячейки стали искоренять среди своих товарищей остатки старого быта. Они повели борьбу против сквернословия и матерщины, лузгания семечек. Долго решали, как это прекратить и всё-таки после 2-х часов прений решили исполнить наказ т. Троцкого и не ругаться. В этом же направлении мы действуем и среди остальных подростков. Осталась ещё одна неотложная задача: прекратить курение, которое сейчас приняло форму настоящей эпидемии» [6].

Именно с 1923 года появился ряд новых рубрик: «По СССР», «Среди рабочей молодёжи», «Страничка нового землероба» (советы молодым аграриям), «Вести отовсюду», «Из комсомольских газет», «По городу Орлу», «По уездам», «Наука и техника», «Детский уголок» (здесь особое внимание уделялось развитию пионерского движения), расширилось место под публикациями на спортивную тему и т.д. «Кто не читает газеты, тот не достоин быть в Союзе», «Одну газету – на трёх человек», – таковы были лозунги подписной кампании «Правды молодёжи».

Характерна зарисовка в публикации «Орловской правды» к XII губернскому съезду Советов «Регистрация (На лету)». Журналист Николай Васильев (заметка подписана «В.») сообщал:

«Шумно скользя по паркету, явилась гурьба комсомольцев с пачками «Правды молодёжи».

- Свежая, товарищ!.. Свежая... Бери...
- Дай сюда номер.
- Мне – тоже.
- Тащи еще один.
- Товарищи, спокойнее!..
- Всем будет... всем... Сейчас проверю только...

Получившие быстрым взглядом пробегают газеты.

– Ишь, молодцы-то, как работают. Здорово катают!» [7]

Молодёжная газета была популярной, в первую очередь, потому, что активно защищала интересы своих читателей. Например, в начале лета 1922 года была напечатана заметка «Отвоевали»: «В Богдановской волости был общественный сад. Позарились на него кулаки

и решили присвоить. А комсомольцы не дали. Вместе с волостным советом привели его в порядок, и теперь этот сад стал местом общественного отдыха» [8]. В марте 1924 года была напечатана заметка под заголовком «Пора протереть глаза»:

«Ячейка РКСМ трудовой артели им. Ленина (Орлов.[ского] у.[езда]) плохо защищает интересы батрачества. В версте от этой ячейки расположена, при деревне Грекова, мельница Заболотского, у которого живут в прислугах женщины с девушкой, работающие по 16 час. в сутки и получающие за это 2,5 пуда хлеба. Семья этого мельника всячески эксплуатирует их и держит в постоянном страхе, грозя расчитать, лишит крова и всех средств к существованию. Пора ячейке протереть глаза и остепенить пауков-эксплуататоров». Заметка имела характерную сельковскую подпись – «Крестьянин Зрячий».

Крупной акцией «Правды молодёжи» в 1927 году был смотр сельских комсомольских ячеек Орловщины – публикации на эту тему вызывали большой интерес у читателей в уездах губернии.

Единственным штатным сотрудником комсомольской газеты Орловщины в 1920-е годы был Михаил Киреев (редакторы выполняли обязанности на общественных началах). Семнадцатилетним он приехал в Орел из мценской деревни в 1920 году на паровозе – был командирован сельсоветом на учебу в садоводческий техникум. В вещмешке у Киреева была только одна ценная вещь – книга «Война и мир» из разгромленной помещичьей усадьбы. Михаил жадно впитывал всё новое, неизведанное, многому учился не только у Льва Толстого, но и у Максима Горького. В молодёжной газете Киреев готовил к печати литературные странички, которые объединили талантливую молодёжь губернии (позднее этот круг единомышленников оформился в литературную группу «Ярь»).

Среди губернских комсомольских изданий можно назвать и журнал «Известия Орловского губкома ВЛКСМ» (1926), детскую газету «Красный галстук» (1924–1927). Ещё в 1922–1923 году в Орле выходила однодневная детская газета «Юный пионер», посвящённая международной детской неделе. Это была одна из первых в стране пионерских газет. В обращении губкома РКП(б) к читателям «Юного пионера», опубликованном 27 мая 1923 года, говорилось: «Вы счастливее нас. Вас много, и вы организованы. Красное знамя гордо развевается и указывает вам цель стремлений. Вы должны большему научиться и стать достойными нам преемниками. Готовиться же к будущему вам надо разными способами: выковыивайте здоровое тело, закладывайте фундамент знаний. Выработывайте из себя граждан и будущих коммунистов. Вы станете людьми полезными рабочему классу, а в этом только и смысл жизни!».

В газете помещались обзоры международного детского коммунистического движения, статьи о положении детей за рубежом, подробные сведения о делах орловской пионерии, печатались стихи пионеров, например, такие:

Мы юными руками
Поборем темноту,
Докажем всему миру –
Мы нашу правоту.
Мы крепнем силой духа,
И незнаком нам страх,
На смену старшим встанем
С знамёнами в руках (автор М. Ребров, 13 лет).

В 1923 году при Губдетбюро была создана информация для обмена опытом с организациями Москвы, Тулы, Курска, Тамбова, Воронежа, Калуги и Петрограда. Её возглавил пионер-комсомолец Демидов. В молодёжной газете «Правда молодёжи» пионерам была отведена полоса «Юный пионер». В ней стали регулярно появляться сводки о делах пионерской организации СССР и о жизни орловских пионеров.

В губернии в то время насчитывалось около ста пионерских отрядов, объединявших более 3,8 тыс. пионеров. 1 сентября 1924 года вышел в свет первый номер еженедельной газеты «Красный галстук» – орган губернского бюро юных пионеров (выходила в издательстве «Орловская правда» по июль 1927-го). Редактором новой газеты стал Александр Смирнов (он часто публиковался в «Правде молодёжи», однодневной газете «Юный пионер»). К двухлетней годовщине Орловской пионерской организации А. Смирнов написал книгу «Два года работы», её заключительные слова: «Вместе с большевистской партией, Ленинским комсомолом пойдут юные пионеры вперед, высоко неся алые Ильичёвские знамена с великими призывными словами готовности к борьбе с насильниками, к массовой организации детей в свои звенья и отряды».

Родился Александр Александрович Смирнов 2 апреля 1904 года в Орле, в 1920 году вступил в ряды РКСМ и добровольцем ушёл на фронт гражданской войны. В начале 1920-х занимался организацией пионерского движения на Орловщине («Мы не страшились никаких преград. Нашей главной задачей было организовать и воспитать в классовом духе детей трудящихся», – писал он впоследствии).

Уже в октябре 1924 года тираж «Красного галстука» (выходил два раза в месяц на четырех полосах) вырос с первоначальных 2,5 до 3 тыс. экз. [9] Регулярными были рубрики «Наши беседы», «Пионер-радио» (выдержки из писем), «Что читать», «Природа и ее жизнь», «Пионерская удочка» (юмористический раздел), «В часы досуга», «Пошевели мозгами» (загадки, викторины). В литературном отделе печатались стихи и рассказы юных авторов. «Красный галстук» опубликовал наказ Центрального бюро юных пионеров «Об участии пионеров в обороне страны», соответствующее обращение Губбюро ко всем пионерам губернии. В газете давались практические советы: как сделать противогаз, самострел и лук, как оказать первую помощь пострадавшему.

Живо откликался «Красный галстук» на всё, что происходило в губернии. Например, в передовой статье номера от 8 июня 1925 года речь шла о том, что из-за неурожая в некоторых волостях губернии начался голод.

Газета обращалась к пионерам городов Орла, Ливен, Ельца с призывом оказать помощь подшефным деревенским отрядам. В разделе «Международные новости» были помещены заметки о жизни детей в Англии, Польше, о спартаковцах в Германии. На второй полосе – окончание пьесы М. Леонова «Пионеры Индии». Редакция предлагала поставить эту пьесу в клубах и сообщить результаты постановки. Третья страница целиком была занята заметками из пионерских отрядов, на четвёртой – объявление о конкурсе и выставке стенных газет, сообщения о новых детских книгах, карикатуры.

В номере за 9 октября 1925 года – передовая статья «Возьмёмся за книгу»: «Книга – лучший друг и товарищ человека. Теперь, когда пионеры страны стремятся получить знания, столь необходимые для борьбы за дело рабочих и крестьян и для выполнения заветов дедушки Ильича, они должны объявить большой поход за книгой» (в номере также отрывок из рассказа М. Горького «Как я учился», список рекомендуемых редакцией книг – «Ильич», «Крепостные дети», «Сын моря», «История комсомола», «На окраине»). На первой странице под рубрикой «Что нового?» сообщение о детской неделе в Китае: она вызвала гнев и злобу реакционных сил, отряды китайской полиции под руководством белогвардейцев с саблями наголо напали на детей, жестоко избили пионеров. Напечатана заметка «Делегация австрийской молодёжи приезжала в СССР»: «Она приехала ознакомиться с нашим положением и работой. Делегация раскроет клевету, сочиняемую буржуазией. Она расскажет только правду о нашей молодёжи». Под рубрикой «Наша жизнь» заметка о пионерском отряде в Ливенском районе – за полгода его численность выросла более чем вдвое. Сообщалось также, что VI съезд РЛКСМ постановил создать эскадрилью имени Комсомола: в стране полтора миллиона пионеров, если с каждого собрать по две копейки, то всего будет 30 тысяч рублей – на эти деньги вполне можно построить несколько лёгких самолётов.

Особенность «Красного галстука», впрочем, характерная для всей периодики 1920-х, – увлечение псевдонимами. Подражая взрослым, юные корреспонденты подписывали свои заметки «Зоркий», «Игла», «Эхо», «Красный Октябрь»... На две трети газета состояла из материалов внештатного актива – насчитывалось около 370 пионерских корреспондентов. В ноябре 1925 года была создана так называемая «широкая редколлегия» «Красного галстука», куда вошли 15 наиболее активных авторов. Они помогали газете находить интересные темы и адреса, формировать творческие планы. Деятельность орловского «Красного галстука» с положительной стороны была отмечена А.В. Луначарским и заведующим отделом печати ЦК РКП(б) И.М. Варейкисом [10].

Задачами руководителей молодёжного и пионерского движения были привлечение к участию в юношеской прессе как можно большего количества молодых орловцев, поиск интересных форм массовой работы. Эффективным средством воздействия на молодёжную аудиторию стали «живые» газеты, поскольку информа-

ция со сцены звучала актуально и воспринималась с интересом, «живая» газета была доступна каждому, в том числе не умеющему читать. Характерно в этом плане содержание постановления бюро губкома РЛКСМ от 28 октября 1925 года «О «живой» пионерской газете «Красный галстук».

1. Считать возможным и желательным создание коллективов «живой» пионерской газеты «Красный галстук» при сильных пионерских отрядах и форпостах.

2. Материалы для широкого использования в постановках печатать в «Красном галстуке».

3. Руководство всеми живыми газетами возложить на «Красный галстук».

4. В Орле репертуар газеты обязательно согласовывать с «Красным галстуком» [11].

Именно тогда воспитанники Орловской школы коммуны имени В.И. Ленина организовали у себя «живую» газету «Красный галстук». Её руководителем стал 14-летний Сергей Штейн. Среди участников этого прообраза молодёжного театра было немало орловских подростков, в том числе и сирота Настя Георгиевская. Позднее «Красный галстук» стал работать при городском Доме пионеров и в этом качестве в августе 1929 года получил первую премию на Всесоюзном смотре художественной работы пионеров.

В числе молодёжных изданий Орловщины 1920-х годов необходимо отметить такие газеты, как «Юный пахарь» (1921, здесь 15 февраля была напечатана большая подборка стихов известного орловского поэта Евгения Сокола: «Весна жизни», «Поля», «В вагоне», «Город», «Осень», «И знаем оба мы, что всё неповторимо»), разовые выпуски газет «Резерв интернационала» (1921), «Наш праздник» (1922), «Четыре года» (1922), «2-е сентября 1923» и др. Однодневные газеты, приуроченные к агитационно-пропагандистским кампаниям и знаменательным датам, являлись средством общедоступной коммуникации, способствовали привлечению юношей и девушек к активной работе в рамках проводимых тематических «Недель», «Дней», крупных молодёжных форумов и акций, а также росту рядов комсомола. Эти газеты, по типологии схожие с листовкой и плакатом, стали эффективным средством оперативной взаимосвязи государственных, партийных и комсомольских организаций с молодым поколением.

В 1920-е годы повсеместно выпускались стенгазеты для разных читательских аудиторий: в городах и деревнях, на заводах и в колхозах, в клубах и избах-читальнях, в техникумах и школах и т.д. Этот вид печати был широко представлен благодаря малой затратности, оперативности, простоте выпуска и доступности. Стенгазеты стали проявлением самостоятельности и самостоятельности молодёжи, способствовали становлению и развитию юнкорского движения.

Исторически сложилось так, что после 1928 года (ликвидация губерний) на протяжении десятилетия в Орловском регионе отсутствовали самостоятельные молодёжные издания – печатные газеты и журналы. По-разному сложилась дальнейшая судьба юных «первопроходцев». Например, редактор «Вечернего во-

пля» Николай Ростовцев погиб в конце периода НЭПа, его соратник Илья Сумм исчез в водовороте репрессий, а Алексей Лопаткин стал хирургом и основателем известной в России врачебной династии. Николай Кондрашов погиб во время подавления кронштадтского мятежа в 1921 году. Александр Смирнов и Золтан Вейнбергер работали в ЦК комсомола и Коминтерне, оба стали авторами многих книг, Смирнов погиб в годы репрессий, а Вейнбергер провёл полтора десятка лет в венгерской тюрьме, затем был одним из видных руководителей социалистической Венгрии, после событий 1956 года отправлен в отставку. Михаил Киреев работал журналистом в Воронеже, одним из первых в Центрально-Чернозёмной области вступил в Союз писателей СССР, с конца 1930-х годов жил и работал в Нальчике. Сергей Штейн перебрался в Москву, стал известным театральным режиссёром, заслуженным деятелем искусств РСФСР, а участница «Красного галстука» Настя Георгиевская после окончания театрального вуза была принята во МХАТ, в 1968 году ей присвоили звание Народной артистки СССР.

Такие незаурядные личности стояли у истоков молодёжной прессы в Орловской губернии в 1920-е годы. Она динамично сформировалась с учётом специфики целевой аудитории (по социальному, возрастному и образовательному признакам) и была представлена молодёжными «страничками» в партийно-советской прессе, газетными и журнальными печатными и рукописными изданиями.

Молодёжная пресса была эффективным средством коммуникации между партийным руководством и молодёжью, средством консолидации молодёжи. Её роль инструмента идеологического воспитания обеспечила, с одной стороны, развитие благодаря государственной поддержке, а, с другой стороны, привела к излишней политизированности, что проявилось в тематике и языке публикуемых материалов. Первые периодические издания для молодёжи внесли свой вклад в решение важнейших задач социалистического строительства и культурной революции, отразили творческий подъём и энтузиазм юного поколения, стали средством проявления и развития социальной активности и творческих способностей молодёжи через участие в юнкорском движении.

Молодёжная пресса претерпела эволюционную трансформацию по пути совершенствования изданий: если выпускаемые в начале 1920-х годов «странички» и газеты для молодёжи копировали издания для взрослых по жанрово-тематическому наполнению и языку, не учитывали особенности восприятия и интересы молодой читательской аудитории, то к середине 1920-х годов они по содержанию и жанрам публикуемых материалов и оформлению приблизились к своему читателю.

Характерно, например, что детская газета с тех пор отсутствует в типологии периодической печати Орловщины. Если такое издание вновь появится в области (как орган какого-либо юношеского информационного агентства, издание в сети Интернет и т.д.), опыт пионерской газеты 1920-х годов мог бы оказаться

весьма полезным. В настоящее время необходима система средств массовой коммуникации, которая могла бы стать средством пробуждения социальной активности молодёжи, развития её мировоззрения, проявления творческих способностей. Частью этой системы должна стать именно молодёжная пресса, при создании которой необходимо учитывать исторический опыт. Наиболее

эффективной может стать многоуровневая сеть периодических изданий, созданная на основе гражданской инициативы при поддержке государства и охватывающая все группы молодёжи посредством использования современных технологий с учётом богатого опыта редакторской и журналистской работы 1920-х годов.

Библиографический список

1. Еф. Рин. Из истории нашей «Правды» // Из прошлого. Орёл, 1923. С. 65.
2. Там же. С. 66
3. Правда молодежи, 1922, 1 февр.
4. Серп и молот, 1922, 12 февр.
5. Правда молодёжи, 1922, 15 янв.
6. Правда молодежи, 1923, 15 нояб.
7. Орловская правда, 1923, 21 дек.
8. Правда молодёжи, 1922, 1 июня.
9. Годовой отчет [за 1925 год] редакции газеты «Красный галстук» // Государственный архив Орловской области (далее ГАОО), ФП-1, оп. 1, д. 1788, л. 15–19.
10. Годовой отчет [за 1925 год] редакции газеты «Красный галстук» // ГАОО, ФП-1, оп. 1, д. 1788, лл. 9–10.
11. ГАОО. Ф П-1, оп. 1, д. 1788, л. 18–19.

References

1. Ef. Rin. From the history of our «Pravda» // From the past. Orel, 1923. P. 65.
 2. Ibid, Pp. 66.
 3. «Pravda Molodezhi», 1922, 1 Febr.
 4. «Serp i Molot», 1922, 12 Febr.
 5. «Pravda Molodezhi», 1922, 15 Jan.
 6. «Pravda Molodezhi», 1923, 15 Nov.
 7. «Orlovskaya Pravda», 1923, 21 Dec.
 8. «Pravda Molodezhi», 1922, 1 Jun.
 9. Annual report [1925] from «Krasniy galstuk» («Red tie») editorial board // the State archive of the Oryol region (further - GAOO), FP-1, op. 1, d. 1788, l. Pp. 15-19.
 10. Annual report [1925] of «Krasniy galstuk» editorial board // GAOO, FP-1, op. 1, d. 1788, Pp. 9–10.
 11. GAOO, FP-1, op. 1, d. 1788, Pp. 18–19.
-
-

УДК 811. 161. 1'36

UDC 811. 161. 1'36

А.А. КОТОВ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Петрозаводский государственный университет
E-mail: andrewcot@onego.ru

A.A. KOTOV

Candidate of Philology, Associate professor, Department of Russian Language, Petrozavodsk State University
E-mail: andrewcot@onego.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ПОЛНЫХ И КРАТКИХ ПРЕДИКАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

THE SEMANTIC OPPOSITION OF FULL AND SHORT PREDICATIVE ADJECTIVES IN RUSSIAN

В статье рассматривается соотношение полных и кратких прилагательных-предикатов в русском языке. На современном языковом материале, в том числе материале Национального корпуса русского языка, анализируется фрагмент семантического противопоставления «постоянство – непостоянство признака». Делаются выводы о закономерностях такого противопоставления.

Ключевые слова: полные и краткие прилагательные, предикативность, постоянство – непостоянство признака, темпоральные указатели, синтаксическая семантика.

In the article the ratio of full and short adjectives predicates in Russian is considered. On the modern language material the fragment of semantic opposition «constancy – inconstancy of a predicative sign» is analyzed. The conclusions about regularities of such opposition are drawn.

Keywords: Russian language, full and short form of adjectives, predicativity, constancy – inconstancy of a predicative sign, temporal indexes, semantics of syntax.

Функционирование и соотношение в системе русского языка полных – кратких предикативных прилагательных исследуется давно. И хотя этот вопрос «собрал вокруг себя большую литературу, но по-прежнему остаётся открытым. Не прекращаются попытки найти достаточно определенные семантико-грамматические критерии употребления в предикате той или иной формы» [12, 89–90]. Критическое осмысление существующих мнений и точек зрения позволяет определить несколько важных аспектов. Во-первых, количество и разнообразие сказанного и написанного по этой теме настолько велико, что возникает необходимость поиска «общих» точек соприкосновения. Некоторые теории и мнения дополняют друг друга; некоторые являются взаимоисключающими, принадлежат разным научным парадигмам. Помимо объективной сложности самого явления, в том числе по этой причине «отсутствует единая точка зрения... на проблему функциональной обусловленности выбора именных и местоименных форм» [17, 442].

Во-вторых, спектр вопросов, поднимаемых в работах по истории языка и современному языку, также различен. Историки языка интересуются прежде всего «фактологией»: хронологией появления в русском (позднее литературном) языке предикативных полных и кратких форм, их количественным соотношением, установлением закономерностей в связи со стилевыми и жанрово-стилистическими особенностями эпохи развития языка и господствующим в эту эпоху литературно-

эстетическим каноном.

Исследователи современного языка фокусируют своё внимание на выявлении и формулировании семантических и грамматических критериев употребления предикативных форм прилагательного, пытаются сформулировать некий общий принцип, имеющий объяснительную силу. При таких различиях в изучении объекта мы наблюдаем как взаимопроникновение идей, так и их изолированность.

В-третьих, пытаясь критически осмыслить накопленное, мы сталкиваемся с необходимостью выделить направления развития лингвистической мысли. В одном из последних исследований по общей морфологии В.А. Плунгян замечает: «Сложность ситуации в современном русском языке связана с тем, что в предикативной позиции в большинстве случаев свободно употребляются и полные формы, но возникающее при этом тонкое семантическое противопоставление пока с трудом поддаётся описанию» [20, 233]. В своих работах [см. 13, 14, 15] мы уже говорили о том, что в отечественной лингвистической литературе сформировалось несколько направлений, описывающих семантическое противопоставление полных и кратких предикативных прилагательных в случае их синонимичного употребления:

1. темпоральная дифференциация выражаемого предикативным прилагательным признака (локализованность ~ нелокализованность во времени);

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ 2012-2016 гг.

2. предикативный признак как качество ~ качественное состояние;

3. предикативное прилагательное и функционально-коммуникативная семантика предложения (характер высказывания).

В данной статье обратимся к первой теории, наиболее распространенной и «традиционной» [12, 90; 28, 59]. Теория сформировалась в работах русских языковедов 2-ой пол. XIX века, объединила несколько точек зрения. Согласно первой, *предикативное полное прилагательное выражает признак постоянный, не ограниченный во времени, краткое – непостоянный, ограниченный во времени*.

В. Стоюнин в «Синтаксисе русского языка» (1872) утверждал: «Прилагательные и причастия с двояким окончанием в сказуемом употребляются с окончанием коротким, когда нужно указать на признак временный <...>, и с окончанием долгим, когда указывается на признак постоянный» [26, 13–14]. Позднее об этом писал А.А. Шахматов, разбирая примеры «*мать больна и мать больная, ногти у него грязны и ногти у него грязные*»: «*больна, грязны* означают признак во времени (теперь, в настоящее время); *больная, грязные* означают признак постоянный, тесно сочетавшийся с субстанцией» [29, 291].

В 1946 году Н.Ю. Шведова под руководством В.В. Виноградова защитила кандидатскую диссертацию «Возникновение и развитие предикативного употребления полных прилагательных в русском языке», в которой на материале языка XV–XVIII вв. фактически была подтверждена точка зрения Стоюнина и Шахматова. Эта теория представлена в большинстве учебных пособий 2-ой пол. XX–нач. XXI вв. [24, 279; 22, 553; 2, 147; 23, 492], а также в новейших научных исследованиях [19, 31]. Интересно, что некоторыми современными исследователями это признаётся в качестве общего положения, некой общеизвестной научной аксиомы: «Как мы знаем, полные формы обозначают постоянный признак, вневременное качество, а краткие формы – временный признак, недлительное его проявление. Ср.: *он болен – он больной*» [8, 54]. В абсолютном большинстве авторы ссылаются на работы Н.Ю. Шведовой – возможно, не последнюю роль в этом сыграл авторитет В.В. Виноградова, который в книге «Русский язык» ссылался на диссертацию своей ученицы.

О распространенности этой точки зрения свидетельствует любопытный факт. Д.Э. Розенталь в «Сборнике упражнений по русскому языку для поступающих в вузы» в разделе грамматико-стилистических упражнений, где размещены примеры с *ошибками*, даёт следующий комментарий к предложению «*Эта река всегда спокойна*»: «Полные прилагательные в роли именной части составного сказуемого обозначают постоянный признак, вневременное состояние, а краткие прилагательные – временный признак, временное состояние: *река спокойная* (обычно) – *река спокойна* (в данное время)» [21, 177]. Абитуриент должен исправить ошибку с опорой на комментарий – следовательно, конструкцию «*Эта река всегда спокойна*» с

грамматико-стилистической точки зрения мы должны признать ошибочной.

Начиная со 2-ой пол. XX века авторами многих специальных работ вносятся коррективы. В 1948 году Н.Ю. Шведова публикует статью, содержащую важное замечание: если «само лексическое значение... выражает признак, предмету постоянно присущий», жесткость «грамматической и смысловой параллели: членная форма – признак постоянный, именная форма – признак временный» снимается [30, 112–113]. Позднее она же в Грамматике русского языка – 1954 пишет: «Обычно при обозначении признака временного, случайного краткие формы имен прилагательных в сказуемом предпочитают формам полным. Это особенно последовательно выдерживается в тех случаях, когда в предложении имеется указание на время проявления признака. *Хоть тяжело подчас в ней бремя, Телега на ходу легка*. Пушкин, Телега жизни. *Сегодня вы так же свежи и милы, как это утро*. Тургенев, Рудин» [9, 452]. Заметим, что в приведенном Грамматикой примере из стихотворения Пушкина использование полного прилагательного неуместно прежде всего по той причине, что это нарушит стихотворный размер – следовательно, указание на время проявления признака уходит в данном случае на второй план.

Согласно второй точке зрения, *как краткое, так и полное прилагательное могут обозначать любой признак – постоянный или непостоянный*. Об этом одним из первых писал Н. Богородицкий: оно [краткое прилагательное] «показывает признак подлежащего... постоянный, т. е. всегда присущий подлежащему и всюду его сопровождающий как его существенное качество <...> например *Богъ всемогущъ; Господь милостивъ*» [3, 4]; краткое прилагательное «может получить ... значение признака непостоянного, проявляющегося под условием времени», в этом случае «придается въ помощь глаголь *быть* <...>. Оттого, когда нужно выразить признак непостоянный, и говорится: *Онъ былъ уступчивъ; Она будетъ уступчива*» [4, 163–164].

Можно привести целый список исследований, выполненных на историческом и современном материале, авторы которых приходят к схожим выводам (см.: Баженова, Гурьева, Казавчинская). В начале 1960-ых А. Богуславский достаточно категорично утверждал, что теория временности – постоянства признака «отошла в прошлое науки о языке» [5, 16], в отечественной лингвистической литературе 2-ой пол. XX века сформировались следующие представления.

1. В русском языке наблюдается семантико-синтаксическое противопоставление полных и кратких прилагательных-предикатов на основе постоянства – непостоянства выражаемого ими предикативного признака.

2. Это противопоставление необязательно и неустойчиво, распространяется не на весь класс имён прилагательных.

3. Это противопоставление обусловлено несколькими внешними (по отношению к оппозиции форм) факторами.

В связи с этим приведём пронизательное замечание А.Н. Гвоздева: «В основном полные формы обозначают не ограниченное теми или иными условиями, постоянное, вневременное качество, краткие – с теми или иными ограничениями – временное качество или состояние. Но это обнаруживается отчётливо лишь иногда. <...> В некоторых случаях различия по значению между полными и краткими формами оказываются малозаметными и неуловимыми» [6, 229].

По нашему мнению, указанное выше семантическое противопоставление часто обуславливается сразу несколькими внешними по отношению к оппозиции форм факторами. Чтобы исключить «внешнее» влияние, мы будем отталкиваться от «чистых» примеров, т. е. двусоставных конструкций, организованных по схеме **N1+Adj** с нулевой связкой, в которых отсутствуют лексические указатели наречного или именного типа *сегодня, сейчас, всегда, постоянно, в ту минуту, последние годы*. Часть примеров сформулирована нами, в основном привлекаются материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ). С целью обеспечения репрезентативности выборки используем языковой материал разных эпох, разных жанров, разных стилистических систем; после примера в квадратных скобках указывается источник в том виде, как он указан в корпусе. Для анализа берем те прилагательные, которые активно используются в специальной и учебной литературе при описании этого явления и, говоря образно, «кочуют» из источника в источник.

1. Он болен – Он больной.
2. Ребёнок подвижен и здоров – Ребёнок подвижный и здоровый.
3. Моя младшая сестра зла – Моя младшая сестра злая.
4. Марья Петровна весела – Марья Петровна весёлая.
5. Залив удивительно красив – Залив удивительно красивый.
6. Река тиха и спокойна – Река тихая и спокойная.

Можно утверждать, что эти примеры демонстрируют семантические различия, которые в восприятии носителей языка характеризуются с точки зрения постоянства – непостоянства проявления признака. Иными словами, конструкции с кратким прилагательным называют признак субъекта-подлежащего, воспринимаемый носителями русского языка как свойственный его носителю некоторое время; конструкции с полным прилагательным, напротив, формируют у носителей языке представление о предикативном признаке как о постоянном, свойственном характеризуемому субъекту-подлежащему независимо от момента времени. Зададимся вопросом: насколько это семантическое противопоставление очевидно для носителей русского языка? И если очевидно, то подлежит ли верификации или остаётся на уровне интуитивных лингвистических ощущений, которые для исследующего это языковое явление лингвиста превращаются в непреложное положение *de facto*: это действительно существует в языке, поскольку это существует в сознании носителей языка.

В теоретическом курсе русского языка под ред. Л.А. Новикова (автор раздела М. А. Шелякин) косвенно предлагается следующий критерий: «...краткая форма, в отличие от полной, не оказывает влияния на значения временных форм сказуемого: она может указать как на отдельный момент проявления признака (в самый момент наблюдения над ним), так и на целый период существования предмета-подлежащего. Полная форма не выражает такого диапазона временной отнесённости признака, указывая только на расширенный план времени. Поэтому можно сказать *Он был всегда болен/здоров* и *Он был в тот момент болен/здоров*, но нельзя сказать *Он был в тот момент больной/здоровый*» [25, 431].

Предположим, что это суждение справедливо и не относится только к указанным парам «*болен – больной*» и «*здоров – здоровый*». Для проверки введем в состав конструкций специальные лексические элементы, указывающие на конкретный момент проявления признака.

1. Ребёнок **в тот момент** был подвижный и здоровый.
2. **В ту секунду** моя младшая сестра была злая.
3. Марья Петровна **в ту минуту** была весёлая.
4. Залив **в тот момент** был удивительно красивый.

5. Река **в тот момент** была тихая и спокойная.

Можно более или менее строго оценивать нормативно-стилистический статус этих предложений, но действительно ли, следуя логике М.А. Шелякина, так «нельзя сказать»? Или подобного рода квалификация касается субъективных лингвистических предпочтений? Полагаем, что с точки зрения грамматических норм русского языка ни один из приведенных примеров нельзя квалифицировать как неверный независимо от ориентации на книжно-письменный или разговорный вариант литературного языка.

Приводим другую группу примеров, в которых семантический компонент «постоянство – непостоянство признака» уже отсутствует несмотря на то, что все прилагательные-предикаты называют *ситуативный* признак, т. е. признак, связь которого с субъектом, его носителем, не является постоянной.

1. Я голоден – Я голодный.
2. Питомцы зоопарка сыты – Питомцы зоопарка сытые.
3. Мой приятель холост – Мой приятель холостой.
4. Водитель автобуса трезв – Водитель автобуса трезвый.
5. Эти земельные участки свободны – Эти земельные участки свободные.
6. Ставка налога очень высока – Ставка налога очень высокая.

В соответствии с классификацией Е.В. Красильниковой почти все прилагательные-предикаты в этих и ранее приведенных примерах относятся к одному подклассу, поскольку «в значениях этих прилагательных на первый план выступает идея пребывания в определенном положении, состоянии»

[16, 202], но некоторые формы формируют оппозицию «постоянство – непостоянство признака», а некоторые нет. Таким образом, мы приходим к выводу, что такое семантическое противопоставление, основанное на восприятии и осмыслении носителей языка, в том числе зависит от особенностей лексической семантики прилагательного.

На семантическую корреляцию влияют разнообразные внешние факторы, которые мы называем *темпоральными экспликаторами*: глагольные связки, лексические указатели темпоральности, конструкции с модусным значением в составе сложных. Они способны как нивелировать, так и создавать семантические различия, «наслаиваясь» друг на друга и порождая новые возможности семантической интерпретации. Это подтверждают многочисленные примеры из НКРЯ, сгруппированные нами по соотносимым формам таким образом, чтобы продемонстрировать семантические нюансы, возникающие при сопоставлении конструкций с полным или кратким предикативным прилагательным. После каждой группы следует краткий анализ.

Болен – больной.

1. Вы разве не видите – *он болен*, у него повышенная температура. (Лазарь Лагин. Старик Хоттабыч (1955) [18])

2. Иванова жаль, я к нему вправду хороша. *Он всё время болен*. Пошла бы навещать его, да это только беспокойство лишнее. (Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003) [18]

3. *Он всегда был болен*, хрипло дышал, курил вонючий табак, по квартире ходил с двумя палками. [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого (Путешествие в седьмую сторону света) // «Новый Мир», 2000) [18]

4. «Отец тебе помогал, когда был в силе и здравии (что было правдой: и в 1991-м, и в 1993-м Ельцин мне помогал), а *сейчас он больной и слабый*, и пришло время ему помочь». (Борис Немцов. Провинциал в Москве (1999) [18])

5. И вы не падайте духом, Дун, а то, глядя на ваше лицо, и Чайк упадет духом... *Теперь он больной!* – прибавил Билль, словно бы поясняя, почему Чайкин может упасть духом. (К.М. Станюкович. Похождения одного матроса (1900) [18])

В примере (1) краткое прилагательное *болен* называет непостоянный признак субъекта-подлежащего; в примерах (2), (3) используется то же прилагательное, но в сочетании с темпоральными экспликаторами *всё время* и *всегда*, и в этом случае предикативный признак представляется нам как постоянный, присущий его носителю в любой момент времени независимо от момента речи: *всё время болен* и *всегда болен*. В примерах (4) и (5), напротив, используются полные формы *больной*, но в сочетании с наречиями времени *сейчас* и *теперь*, которые формируют семантику непостоянства проявления признака. Заметим, что во всех примерах в роли субъекта-подлежащего выступает лично-указательное местоимение *он*, имеющее конкретную референцию.

Спокоен – спокойный.

1. Потому что *отныне я спокоен* за вас... (Дина

Рубина. На солнечной стороне улицы (1980-2006) [18])

2. Всегда молчишь. И *всегда спокоен*. Чего ты такой спокойный? [Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)]

3. *Он всегда спокоен* и радостен, все приемлет великодушно, и судьбе Божией повинуется без смущения и роптания. (архиепископ Платон (Левшин). Слово в неделю 22-ую (1775) [18])

4. Она вообще была спокойная и рассудительная, но тогда ее спокойствие объяснялось просто: Рита еще в мае отправила Алика к своим родителям и поэтому могла заниматься спасением чужих детей. (Борис Васильев. А зори здесь тихие (1969) [18])

5. Река была спокойная и тихая, и по ней ходили круги. [П.С. Романов. Печаль (1927)]

В примерах (1) – (3) краткое прилагательное *спокоен* в сочетании с наречиями времени называет постоянный признак субъекта: *отныне спокоен, всегда спокоен*, – причем в примере (1) эта семантика «постоянства» формируется говорящим с определенной точки отсчета времени, которая заложена в значении наречия; *отныне* означает «с этого момента и впредь, далее». Обратим более пристальное внимание на пример (2), в котором само расположение высказываний формирует особую темпоральную семантику предикативного признака, выраженного полным прилагательным: *Всегда молчишь. И всегда спокоен*. Чего ты такой спокойный? Мы полагаем, что в условиях речевой ситуации последнее вопросительное высказывание может относиться как к определенному моменту речи, так и к характеристике адресата вообще. В первом варианте интерпретации говорящий задаёт вопрос адресату, отталкиваясь от своих знаний и представлений и создавая тем самым противопоставление между тем, что он наблюдает *всегда* и *сейчас*; во втором он делает некоторый вывод. В примере (4) статус постоянства признака поддерживается семантикой наречия *вообще*, т. е. «всегда, в любых ситуациях и обстоятельствах»; в примере (5) глагольная связка *была* переводит предикативный признак в план прошедшего времени. В последнем случае нам довольно сложно квалифицировать темпоральный статус проявления признака: *река была спокойная и тихая* означает тот факт, что она была такой *всегда, вообще* в прошлом (возможная импликатура «сейчас этой реки уже нет»), или то, что она была таковой исключительно в определенный момент прошлого.

Красив – красивый.

1. В то время года тундра была особенно красивой. (В.Э. Карпов, Т.В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии», 2004) [18])

2. Как она эту тряпку выкручивала над ведром... Умелая работа *всегда красива*. Кроме уборки, делала она и другое, что должны были бы делать нянечки, но увы... (И. Грекова. Перелом (1987) [18])

3. Конечно, морские офицеры особенно были красивы и элегантны, когда в 1943 году (после победы под Сталинградом) были введены погоны, а на рукавах остались золотые и серебряные лычки. (Владлен

Давыдов. Театр моей мечты (2004) [18]

4. Женщины его любили, липли к нему, *он был красивый, удалой*, умел одеваться, но с женщинами обращался по-свински. (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977) [18])

5. *Какие у вас красивые глаза!* – сказал массовик. (Г.Я. Бакланов. В месте светлом, в месте злчном, в месте покойном (1995) [18])

В примере (1) краткое прилагательное *красива* называет непостоянный признак подлежащего, поскольку в предложении присутствует соответствующий темпоральный экспликат *в то время года*. В примере (2), наоборот, наречие времени *всегда* в сочетании с тем же кратким прилагательным формирует семантику постоянства признака: *всегда красива*. Пример (3) интересен тем, что на наше восприятие предикативного признака с точки зрения его постоянства ~ непостоянства влияет наличие у предложения с адъективным предикатом двух однородных придаточных, в одном из которых присутствует указание на конкретный промежуток времени: *в 1943 году (после победы под Сталинградом)*. Так признак, называемый кратким прилагательным, начинает осмысляться как непостоянный, ограниченный конкретными, указанными временными рамками. В примере (4) используются полные прилагательные в сочетании с глагольной связкой прошедшего времени: *был красивый, удалой*. Мы полагаем, что в этом случае корректна следующая интерпретация: субъекту приписывается признак, постоянно присущий ему в течение длительного периода времени, который к моменту речи уже завершился. В примере (5) мы имеем дело с так называемой конструкцией принадлежности (термин, введенный Н.Ю. Шведовой), в составе которой полное прилагательное называет постоянный признак.

Свободен – свободный.

1. Но у нее не было и не могло быть любви к этому человеку с красными, дрожащими руками и в прохудившейся от ветхости сорочке. – *Вы что же, вечерами всегда свободны?* – спросил гость. (П.С. Романов. Экономическая основа (1928) [18])

2. Вадим подливал мне коньяку, уверял, что *сегодня вечером совершенно свободен* и вообще вёл себя очаровательно до тех пор, пока не приметил за окном бредущего по проспекту Труда долговязого сутулого человека. (Екатерина Костинова. Наша бронелодка стоит на запасном пути (1997) // «Столица», 1997.05.27) [18]

3. Как *русский* в Японии, так и *японец* в России *всегда свободны* и не подвергаются никаким стеснениям. (Е.В. Путятин. Синодский договор. Русско-японский договор о дружбе, торговле и границах (1855) [18])

4. *Она такая была свободная, лёгкая, простая, раскованная*, как говорят актёры, что я чуть не взвыл! (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978) [18])

5. Количество мест в рае ограничено, и только в ад вход всегда свободный. (Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005) [18])

Примеры (1) – (3) интересны тем, что демонстрируют нам, как в предложении в зависимости от лек-

сического наполнения могут возникать, влияя друг на друга, различные семантические нюансы, характеризующие предикативный признак. В примерах (1) и (2) краткое прилагательное-предикат сопровождают однокоренные адвербиаты *вечером/ вечерами*; в (1) и (3) используется наречие *всегда*, а во (2) – *сегодня*. Примеры (2) и (3) с интересующей нас точки зрения вполне прозрачны: в одном прилагательное называет непостоянный признак, в другом – постоянный. Интерпретация примера (1) рождает вопросы. С одной стороны, наречие *всегда* формирует семантику постоянства признака, с другой – адвербиат *вечерами* нивелирует эту семантику и привносит темпоральное ограничение. Возникает вопрос: как следует истолковывать сочетание *вечерами всегда свободен*? По всей видимости так: *свободен каждый вечер*. Но тогда как мы можем квалифицировать называемый прилагательным признак с точки зрения его постоянства ~ непостоянства? Если некто *свободен каждый вечер*, то это не означает, что он *свободен каждое утро* или *свободен днем*, скорее наоборот. Отсюда следует, что в примере (1) названный прилагательным признак, с одной стороны, нельзя квалифицировать как постоянный, с другой стороны, он является повторяющимся, циклическим. Примеры (4) и (5) аналогичны рассмотренным ранее.

Резюмируя наши наблюдения, мы приходим к выводу, что семантические различия, связанные с темпоральной характеристикой (постоянством ~ непостоянством) называемого предикативным прилагательным признака, не всегда отчетливы, подвижны и неустойчивы. Чтобы представить себе полную картину семантических различий и нюансов, связанных с семантикой темпоральности, необходимо выделить особый класс конструкций с кратким прилагательным: паремии, философские и житейские сентенции, афоризмы (непреложные и прописные истины), формулировки научных законов и постулатов, предупреждающие и/или информационные микротексты.

На них обращали внимание многие известные ученые (одной из первых Е.С. Истрина, изучавшая Синодальный список I Новгородской летописи). З.К. Тарланов, формулируя общие функционально-грамматические характеристики пословицы, пишет: «Синтаксическое значение пословицы исключает временную направленность, реализуется как всевременно» [28, 186]. Приводим мнение Б.М. Гаспарова: «В частности, именно Sh [краткая форма – А.К.] обязательна во многих научных определениях, философских сентенциях, общежитейских суждениях, несмотря на то что такого рода выражения имеют панхронический характер, то есть утверждают признак, не ограниченный во времени: *Треугольники ABC и DEF подобны*. *Выражение X многозначно*. *Жизнь прекрасна*» [7, 223].

Ниже даём примеры из Национального корпуса, в которых выделенные курсивом конструкции отличаются, во-первых, *панхронией*, во-вторых – *нереферентным употреблением субъекта* (подлежащего).

1. При охлаждении реакция протекает в обратном направлении, и окраска исчезает, так как *смесь кристал-*

логидрата и фенолфталеина бесцветна. (обобщенный. Хотите подготовиться к экзаменам получше? // «Химия и жизнь», 1965) [18]

2. Ток возвратной молнии гораздо меньше, но всё равно *он чрезвычайно опасен*, способен вызвать взрыв или пожар. (коллективный. Переписка с читателями // «Наука и жизнь», 2009) [18]

3. «*У бабы волосы долги, а ум короткий*» (Н.К. Гудзий. История древней русской литературы. (XVI–XVII вв.) (1938) [18]

4. *Сознание первично, материя вторична*, так, что ли? (И. Грекова. На испытаниях (1967) [18]

5. *Соки очень полезны каждому человеку*, особенно больным, выздоравливающим и детям. [Инструкция к электросоковыжималке (1981) [18]

6. Один театр уходит со сцены и уступает ее другому. *Жизнь коротка, а искусство вечно*. Не знаю, как мы здесь пройдем, не знаю. (Леонид Зорин. Казанские гастроли // «Новый Мир», 2008) [18]

Панхрония проявляется в том, что все эти конструкции *не предполагают* парадигматического ряда грамматической категории времени, поскольку введение в их состав соответствующей связки (*был, будет*) нивелирует особую обобщенную семантику. Её формированию способствует и нереферентное употребление подлежащего: в подобных конструкциях невозможно указание на конкретную внеязыковую реалию, поскольку используемые в их составе существительные-подлежащие выступают как номинации целого класса объектов, реализуют наши представления о них. В этом отношении уместно привести еще одно высказывание З.К. Тарланова, распространяя его мысль на весь класс выделенных конструкций: «Выражая предельно общее суждение, относящееся к частным суждениям, связанным с конкретными жизненными ситуациями, как алгебраическое выражение к бесчисленному множеству конкретных арифметических выражений, пословица выступает в качестве некоего синтаксического символа...» [28, с. 186]. Таким образом, мы можем охарактеризовать эти конструкции как синтаксические формулы.

Заметим, что в иных контекстах те же прилагательные (*бесцветный, опасный, короткий*) ведут себя иначе: выступают и в полной, и в краткой формах, выражают постоянство – непостоянство признака, как в следующих примерах из НКРЯ.

Бесцветен – бесцветный.

1. *Голос говорившей был сух и бесцветен*, словно осенний листок, упавший с ольхи. (Дарья Донцова. Доллары царя Гороха (2004) [18]

2. Этот *крем бесцветный*, и его можно использовать для обуви любого цвета. (Все для любимой... обуви! // «Даша», 2004) [18]

Опасен – опасный.

1. *Папа был болен, опасен* для окружающих, особенно для детей, — так объяснил доктор. (И. Грекова. Фазан (1984) [18]

2. Полы на полметра ниже каменного фундамента, в комнатах круглый год сырость, одежда плесневеет, печи греют слабо, крыша течёт. *Объект опасный*. Мой предшественник за этот объект орден Красной Звезды заработал. (Фридрих Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996) [18]

Короток – короткий.

1. *Он был очень короток* — всего несколько фраз. (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001) [18]

2. У тех, у кого *промотер короткий*, получают в итоге меньше серотонина и больше страха! (Игорь Лалаянц. Детектор лжи на молекулярном уровне? Завтра, завтра... послезавтра! // «Знание – сила», 2003) [18]

В отличие от конструкций – синтаксических формул, в этих примерах мы не наблюдаем панхронию. В составе конструкций с краткими прилагательными присутствуют глагольные связки, эксплицирующие категорию времени; в составе конструкций с полными прилагательными связки отсутствуют, но они могут быть введены без ущерба для семантики предложения. Кроме того, во всех примерах подлежащие обладают конкретной референцией.

Проделанный нами анализ позволяет сформулировать выводы.

1. В русском языке полные и краткие предикативные прилагательные в случаях синонимичного употребления могут семантически соотноситься с точки зрения «постоянства – непостоянства» выражаемого признака.

2. Синонимичное употребление предполагает, что полная и краткая формы прилагательного не расходятся в лексическом значении и выступают в одинаковых грамматических условиях.

3. Темпоральная семантика признака свойственна не всем прилагательным в силу особенностей лексической семантики и не может распространяться на весь частеречный класс.

4. «Эталонной» для выявления темпоральных семантических различий является двусоставная бессвязочная конструкция, организованная по схеме **N1+Adj**, в которой отсутствуют лексические темпоральные указатели, глагольные связки и прочие темпоральные экспликативы.

5. Если в предложении присутствуют темпоральные экспликативы, то смысловое противопоставление форм изменяется или нивелируется.

6. Соотношение форм прилагательных с точки зрения постоянства – непостоянства признака может зависеть от общих семантических свойств конструкции.

Сформулированные положения подтверждаются разнообразным с точки зрения времени, жанра и принадлежности функционально-стилистической системе языковым материалом.

Библиографический список

1. Баженова Е.А. Изменения в функционировании кратких прилагательных в русских научных текстах XVII-XX вв. 1990. С. 133-144.
2. Бельчиков Ю.А. Практическая стилистика современного русского языка. М., 2009.
3. Богородицкий Н. Грамматика русского языка. Вып. 1. М., 1868.
4. Богородицкий Н. Грамматика русского языка. Вып. 2. М., 1871.
5. Богуславский А.О. О кратких и полных формах прилагательного в сказуемом // Русский язык в школе. 1964. №1. С. 14-19.
6. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. 2-е изд. М., 1962.
7. Гаспаров Б.М. Функция и значение грамматической формы: употребление кратких и полных прилагательных в современном русском языке // Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
8. Гончарова М.Л. О Некоторых тенденциях в употреблении полных и кратких форм имен прилагательных в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С. 52-56.
9. Грамматика русского языка/ АН СССР, Ин-т языкознания. Т.2. Синтаксис. Ч. 1. М., 1954.
10. Гурьева Н.Ю. Эволюция синтаксической функции членных и нечленных прилагательных в русском языке (12-17 вв.). Автореферат... канд. филол. наук. М., 1988.
11. Казавчинская Н.А. Функции кратких и полных форм прилагательных в позиции предиката в современном русском языке. Автореф. на соискание... канд. филол. наук. Л., 1990.
12. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
13. Котов А.А. Семантико-синтаксические особенности употребления полных и кратких прилагательных-предикатов в русском языке 18 века // «Единым письмом употреблением памяти подкрепляется вечность»: Сб. научных трудов памяти З.М. Петровой (к 85-летию со дня рождения). СПб., 2007. С. 241-253.
14. Котов А.А. Этноспецифичность одного грамматического явления русского языка // Язык и культура. К юбилею профессора Эммы Федоровны Володарской. М., 2010. С. 103-106.
15. Котов А.А. Изучение предикативного прилагательного: неподведённые итоги // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. №1 (114) Февраль, 2011. С. 49-52.
16. Красильникова Е.В. Имя прилагательное // Русская разговорная речь. М., 1973. С. 196-216.
17. Кулева А.С. К вопросу о происхождении усеченных прилагательных в соотношении с историей имени прилагательного// Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. М., 2009. С. 442-449.
18. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (даты обращения: 04.2013; 07.2013; 10.2013).
19. Нечаева О.В. Грамматические особенности краткого прилагательного (предикатива). Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 2002.
20. Плузган В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: учеб. пособие. М., 2011.
21. Розенталь Д.Э. Сборник упражнений по русскому языку для поступающих в вузы: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. М., 1994.
22. Русский язык. Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., испр. М., 2004.
23. Современный русский литературный язык: учебник. Под ред. акад. РАО В.Г. Костомарова, проф. В.И. Максимова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
24. Современный русский язык. Под ред. П.А. Леканта. М., 2000.
25. Современный русский язык. Под общ. ред. Л. А. Новикова. 3-е изд. СПб., 2001.
26. Стоюнин В. Синтаксис русского языка. СПб., 1872.
27. Тарланов З. К. Язык. Этнос. Время. Петрозаводск, 1993.
28. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / ИЛИ РАН. СПб., 1996.
29. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

References

1. Bazhenova E. A. Changes in functioning of short adjectives in the Russian scientific texts of the XVII-XX centuries. 1990. Pp. 133-144.
2. Bel'chikov Ju. A. Practical stylistics of modern Russian. M., 2009.
3. Bogorodickij N. Grammar of Russian. Part 1. M., 1868.
4. Bogorodickij N. Grammar of Russian. Part 2. M., 1871.
5. Boguslavskij A. O. About short and full forms of an adjective in a predicate // Russkijazyk v shkole. 1964. №1. Pp. 14-19.
6. Gvozdev A. N. Modern Russian literary language. Part 1. Phonetics and morphology. 2nd edition. M., 1962.
7. Gasparov B. M. Function and value of a grammatical form: the use of short and full adjectives in modern Russian // Jazyk. Pamjat'. Obraz. Lingvistika jazykovogo sushhestvovaniya. M., 1996.
8. Goncharova M. L. About some tendencies in the usage of full and short forms of adjectives in modern Russian // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 1 (8). Pp. 52-56.
9. Grammar of Russian of language / Academy of Sciences of the USSR, linguistics Institute. Volume 2. Syntax. Part 1. M., 1954.
10. Gur'eva N. Ju. Evolution of syntactic function of full and short adjectives in Russian (12-17 centuries). Abstract of the thesis of Candidate of Philology. M., 1988.
11. Kazavchinskaja N. A. Functions of short and full forms of adjectives in a predicate position in modern Russian. Abstract of the thesis of Candidate of Philology. L., 1990.
12. Communicative grammar of Russian. M., 2004.
13. Kotov A.A. Semantic and syntactic features of the use of full and short adjectives predicates in Russian of the 18th century // «Edinym pis'men upotrebleniem pamjati podkrepljaetsja vechnost'»: Sb. nauchnyh trudov pamjati Z.M. Petrovoj (k 85-letiju so

dnjarozhdenija). SPb., 2007. Pp. 241–253.

14. *Kotov A.A.* Ethnospesificity of one grammatical phenomenon of Russian // *Jazyk i kul'tura. K jubileju professora Jemmy Fedorovny Volodarskoj*. M., 2010. Pp. 103–106.

15. *Kotov A.A.* Studying of a predicative adjective: not summed up results // *Uchjonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Obshhestvennye i gumanitarnye nauki*. №1 (114) Fevral', 2011. Pp. 49–52.

16. *Krasil'nikova E. V.* Adjective // *Russkaja razgovornaja rech'*. M., 1973. Pp. 196–216.

17. *Kuleva A.S.* To a question of an origin of the truncated adjectives in correlation with adjective history // *Slavjanskij mir v tret'em tysjacheletii. Rossija i slavjanskije narody vo vremeni i prostranstve*. M., 2009. Pp. 442–449.

18. National case of Russian [Electronic resource]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (daty obrashhenija: 04.2013; 07.2013; 10.2013).

19. *Nechaeva O.V.* Grammatical features of a short adjective (predicative). Abstract of the thesis of Candidate of Philology. M., 2002.

20. *Plungjan V.A.* Introduction in grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of languages of the world. M., 2011.

21. *Rozental' D.* The collection of exercises on Russian for going to the universities. The 3rd edition, corrected. M., 1994.

22. The Russian language. Under L.L. Kasatkin's edition. The 2nd edition, corrected. M., 2004.

23. Modern Russian literary language: the textbook. Under edition of the academician of the Russian Academy of Education V.G. Kostomarov, professor V. I. Maksimov. The 2nd edition, added. M., 2010.

24. Modern Russian language. Under P. A. Lekant's edition. M., 2000.

25. Modern Russian language. Under L. A. Novikov's general edition. 3rd edition. SPb., 2001.

26. *Stojunin V.* Syntax of Russian. SPb., 1872.

27. *Tarlanov Z. K.* Language. Ethnos. Time. Petrozavodsk, 1993.

28. Theory of functional grammar: Goodness. Quantity/Institute of linguistic researches of the Russian Academy of Sciences. SPb., 1996.

29. *Shahmatov A. A.* Syntax of Russian L., 1941.

УДК 342.731:304.2

UDC 342.731:304.2

ЛИ ЮЕЦЗЯО

аспирант, кафедра межкультурной коммуникации,
Российский государственный педагогический универси-
тет им. А.И. Герцена
E-mail: lyj4507@mail.ru

LI YUEJIAO

Graduate student, Department of intercultural
communication, State Pedagogical University of Russia
named after A.I. Herzen
E-mail: lyj4507@mail.ru

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И «СОЧЕТАЕМОСТНЫЙ» ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ «ЦВЕТОК»
В СОДЕРЖАНИИ ОБУЧЕНИЯ РКИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ**

**WORD-FORMING AND COMBINATORY POTENTIAL OF THE LEXEME «FLOWER»
IN TEACHING CHINESE STUDENTS-RUSSIAN LANGUAGE**

В статье анализируется синтагматический потенциал обширного словообразовательного ряда с вершинной «цветок» по данным комплекса различных лексикографических источников (толковых, тематических, словообразовательных словарей, а также словарей сочетаемости) с целью выявления наиболее частотных и культурно-информативных моделей валентности слова, которые должны быть включены в содержание обучения русскому языку китайских студентов продвинутого этапа обучения.

Ключевые слова: словообразовательный ряд, синтагматический потенциал, регулярная валентность, именная сочетаемость, актуальный предмет обучения.

The article is analyzing the syntagmatic potential of extensive word-forming row «flower» using the data of various lexicographical sources (explanatory, thematic, word-forming and combinatory dictionaries) to reveal the most frequent and culturally informative models of word valency, which should be included in teaching Chinese students Russian language at high levels.

Keywords: word-forming row, syntagmatic potential, regular valency, noun combinatory power, relevant subject of teaching.

Лингвокультурологический подход к обучению русскому языку как иностранному предполагает пристальное внимание к культурному потенциалу лексического состава языка. Существенно и то, что лингвокультурное содержание лексики не может рассматриваться в отвлечении от языковой системы, поскольку является «реальностью, существующей непосредственно в языковой системе и потому поддающейся описанию лишь в соответствии с системной принадлежностью языковых единиц» [1]. Ввиду этого в рамках лингвокультурологического подхода важную роль играет учет словообразовательного потенциала слова. По общему мнению лингвистов, количество словообразовательных вариантов слова свидетельствует не только о степени разработанности данной лексической единицы, но и об ее значимости, актуальности в языковой картине мира. Предметом исследования в данной статье являются словообразовательные возможности лексемы «цветок», входящей в активный словарный запас носителей русского языка (на базе «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова).

Словообразовательное гнездо с вершиной «цветок» в данном словаре включает 127 единиц (*цветик, цветочек, цветочник, цветочница, цветочный, цветочный, бесцветковый, двухцветковый, цветень, цветневой, цветник, цветничок, цветниковый, цветуха, цветастый, цветасто, цветистый, соцветие, цве-*

сти, цветение, цветущий, раннецветущий, выцветсти, выцветать, выцветение, выцветелый, поцветсти, доцветать, доцветание, зацветсти, зацветать, зацветание, отцветсти, отцветать, отцветение, процветсти, процветать, процветание, расцветсти, расцветать, расцветание, расцвет, цветоведение, цветовод, цветоводство, цветоводческий, цветоед, цветolistик, цветоложе, цветолоб, цветоножка, цветонос, цветоносный, пустоцвет, пустоцветный, разноцветье, ремнецветные, ремнецветник, сухоцвет, тонкоцветный, чешуцветный и др.).

Значительное количество разнообразных дериватов, как правило, свидетельствует об актуальности той или иной лексемы в сознании носителей языка, однако далеко не все словообразовательные варианты могут входить в активный словарный запас иностранных студентов, изучающих русский язык (даже на продвинутом этапе). В этом словообразовательном ряду очень много специальных слов (двухцветковый, малоцветковый, многоцветковый, одноцветковый, ушистоцветковый, околоцветник, прицветник, цветоед, цветоножка, горичвет, кривоцвет, пушистоцветный, тонкоцветный и т.д.), которые не должны быть включены в содержание обучения студентов-филологов.

Однако среди единиц этого словообразовательного ряда зафиксировано немало слов, частотных в русском языке, которые следует включить в обучение РКИ (цвет-

ток, цветик, цветочек, цветник, цветочник, цветочница, цветничок, цветистый, цветастый, цвести, цветение, цветовод, доцвести, отцвести, расцвести, многоцветный и т.д.). В «Тематическом словаре слов и словосочетаний русского языка» Л.Г. Саяховой, который предназначен для учителей русского языка и студентов-филологов, содержатся 5 единиц из приведённого выше списка (цвести/расцвести, цветение, цветковые растения, цвет-ток, цветущий).

В рассматриваемом словообразовательном ряду зафиксированы лексические единицы, составляющие зону интерференции с китайским языком. Это слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (цветик, цветочек, цветничок). Показательно, что, по мнению А. Вежицкой, активность уменьшительно-ласкательных суффиксов свидетельствует как об общей эмоциональности русского языка, так и об особом отношении носителей языка к тем классам явлений, которые обозначаются экспрессивными уменьшительными формами [3]. В китайском языке нет такого понятия, как уменьшительно-ласкательный суффикс, и средства словообразования не передают эмоционально-оценочного отношения к обозначаемой реалии. Ввиду этого данные слова очень трудны для восприятия в китайской аудитории.

Поскольку системные отношения в лексике очень ярко проявляются в ее синтагматических связях, то особого внимания заслуживает так называемый «сочетаемостный» потенциал изучаемых слов. Наиболее употребительными лексемами, входящими в рассматриваемый словообразовательный ряд, являются лексемы «цветок» и «цвести», поэтому их валентность должна быть учтена при формировании содержания обучения РКИ.

В «Словаре сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина зафиксированы лексемы *цвести* и *цветок*. Анализ «сочетаемостного» потенциала этих слов позволил выделить общие модели именной и глагольной сочетаемости, которые в учебных целях должны быть представлены типологически.

Валентность лексемы «цветок» широко проявляется с именами прилагательными и характеризуется следующими частотными моделями именной сочетаемости: с именами прилагательными эмоционально-оценочного характера (*красивый, прекрасный, простой и др.*); с именами прилагательными, указывающими на цвет (*красный, алый, жёлтый, голубой, белый и др.*); с прилагательными, указывающими на запах цветов (*душистый, пахучий и др.*); с прилагательными, указывающими на время цветения (*весенние, осенние и др.*); с прилагательными, указывающими на место произрастания цветов (*полевой, садовый, лесной и др.*); с прилагательными, указывающими на материал, из которого сделаны искусственные цветы (*бумажные, восковые и др.*).

Типичная валентность наименований цветов проявляется и в следующих словосочетаниях с именами существительными: (цветы чего?): (*яблони, вишни, миндаля, сирени* и т. д.; (*головка, лепестки, стебель,*

ножка, форма, название, запах, семена, луковица и др.) цветка; (*букет, корзина, гирлянда, аромат, продавец и др.*) цветов; (*венки, гирлянда и др.*) из цветов; (*клумба, ваза и др.*) с цветами.

Необходимо обратить внимание на то, что наиболее разнообразным наполнением характеризуются именно модели глагольной сочетаемости наименований цветов, например: (*любить, разводить, выращивать, поливать, нюхать, собирать, рвать, продавать, выбирать, купить, принести, преподнести, послать, получить, выбросить, рисовать, засушить* и др.) цветы; (*обрадоваться*) цветам; (*украшать что-л., любоваться*) цветами; в цветах (*разбираться, понимать*); за цветами (*ухаживать, пойти, отправиться*); к цветам (*подойти, нагнуться*); от цветов (*отказаться*); с цветами (*прийти, встретить кого-то -либо*); цветы (*растут, распускаются, цветут, вянут, опадают, покрывают что-л., пахнут, стоят, нравятся кому-л., радуют кого-л., украшают что-л. и др.*).

Валентность лексемы «цвести» разработана прежде всего с именами существительными и характеризуется следующими частотными моделями сочетаемости: с именами существительными или именными оборотами, указывающими на место произрастания (*в саду, в лесу, в поле, в теплице, в оранжерее, на лугу, на лужайке, на клумбе, там, здесь*), (цвести где?); с существительными эмоционально-оценочного характера: (*здоровьем, красотой, свежестью, молодостью и др.*) (цвести чем?).

Представляется, что в содержание обучения РКИ должны быть включены как универсальные модели лексической сочетаемости (например: *любить, рисовать*), дающие представление о системном характере лексики русского языка, так и специфические, заложенные в содержательном потенциале именно этих лексем, например: *разводить, рвать, поливать* цветы; цветы *распускаются, цветут, вянут* и др.

Синтагматическая валентность лексики находит отражение и в словаре эпитетов. Материалы «Словаря эпитетов русского литературного языка» К.С. Горбачевича расширяют синтагматический потенциал лексемы «цветок». Эпитеты, включённые в словарь К.С. Горбачевича, можно условно разделить на несколько тематических групп: 1) эпитеты, дающие представления о запахе, издаваемом цветами (или отсутствии запаха): ароматический (устар.), ароматичный, ароматный, безуханный (устар.), благовонный (устар.), благоуханный (устар.), благоухающий, духовитый (простореч.), душистый, запашистый (простореч.), непахучий, опьяняющий, пахучий, пряный;

2) о состоянии, внешнем виде цветов: о свежем, пышном или засохшем, чахлом цветке (цветах): блеклый, вялый, живой, жухлый, завялый (устар.), завядший, завянувший, засохший, никлый (разг.), поблеклый, поблекший, пожухлый, пушистый, пышный, свежий, тощий, увядший, увялый (устар.), хилый (разг.), чахлый;

3) о впечатлении, психологическом восприятии цветов: об оценке цветка (цветов): волшебный, дивный, диковинный, застенчивый, изумительный, изысканный,

ласковый, милый, невиданный, нежный, немой, несмелый, печальный, полусонный, понурный, прекрасный, прелестный, роскошный, синеглазый, скромный, сонный, стыдливый, удивительный, чистый, чудесный, чудный, яркий;

4) о виде цветка: весенний, горный, дикий, долинный, искусственный, лесной, луговой, надгробный, оранжерейный, подснежный, полевой, ранний, садовый, северный, широколистный, южный и т.п.

Следует отметить, что среди приведенных в словаре эпитетов немало устаревшей лексики, например: *ароматический, безуханный, благовонный, благоуханный, завялый, увялый*. Некоторые слова имеют помету «разговорное», например: *никлый, хилый*. Как известно, обучать иностранных студентов нужно именно активному словарному составу языка, к которому относят лексику, не имеющую оттенка устарелости, однако, по мнению методистов, «такая лексика важна для студентов-филологов, ввиду ее употребительности в текстах художественной литературы, где они становятся значимым фактом культуры изучаемого языка» [2].

Так, например, в известном стихотворении А.С. Пушкина «Цветок» используются различные эпитеты к слову «цветок», среди которых есть и устаревшее слово «безуханный», значение которого должны воспринимать студенты-филологи: Цветок засохший,

безуханный, //Забытый в книге вижу я; //И вот уже мечтою странной //Душа наполнилась моя: //Где цвел? когда? какой весною? //И долго ль цвел? и сорван кем, //Чужой, знакомой ли рукою? //И положен сюда зачем? //На память нежного ль свиданья, //Или разлуки роковой, //Иль одинокого гулянья //В тиши полей, в тени лесной? //И жив ли тот, и та жива ли? //И нынче где их уголок? //Или уже они увяли, //Как сей неведомый цветок?

Это слово отсутствует в большинстве толковых словарей современного русского языка и двуязычных словарях. Исключение составляет «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, где оно толкуется как «утративший аромат, не пахнущий». Как видно из этого стихотворения, устаревшее слово «безуханный» получает в рамках замысла поэта значение «мертвый, неживой», которое проходит сквозным мотивом через весь текст произведения. Представляется, что для адекватного понимания художественного текста студентам-филологам необходимо знакомство с культурно-маркированной, пусть даже малоупотребительной лексикой.

Таким образом, словообразовательный и сочетаемостный потенциал лексемы *цветок* должен быть учтён при формировании содержания обучения китайских студентов-филологов (с необходимой дифференциацией на активное и пассивное владение).

Библиографический список

1. Васильева Г.М. Лингвокультурологические аспекты русской неологии. диссер. на соис. уч. степ. докт. филол. наук. СПб.: 2001. С. 350.
2. Васильева Г.М., Ян Лю. Динамика лексико-семантической группы наименований лиц по профессии: лингвокультурологический и лингвометодический аспекты. Мир русского слова 2013. № 2. С. 91–95
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Сборник научных статей. М.: Рус. слов., 1997. С. 49–50.
4. Горбачаевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: Норинт, 2004. С. 224.
5. Денисов П.В., Морковкин В.В. Словарь сочетаемости слов русского языка. М., 1978; 2-е изд., испр. и доп. М., 1983; 3-е изд., испр. М., 2002. 511 с.
6. Пушкин А.С. Цветок.: 1828.
7. Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М. Тематический словарь слов и словосочетаний русского языка (с элементами толкования). Уфа: РИЦ БашГУ, 2009.
8. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 1–2. М.: Рус. яз., 1990.

References

1. Vasilyeva G.M. Linguocultural aspects of Russian neology. Thesis for the account. degree of Doctor of Philological science. SPb.: 2001. P. 350.
2. Vasilyeva G.M., Yang Liu Dynamics of lexical-semantic group of persons' names in the profession: linguocultural and linguomethodical aspects. World of Russian word in 2013. No 2. Pp. 91–95.
3. Wierzbicka A. Language. Culture. Cognition. Collected articles. M. Eng. words., 1997. Pp. 49–50.
4. Gorbachaeovich K.S. Dictionary of epithets of Russian literary language. SPB.: Norint 2004. P. 224.
5. Denisov P.V., Morkovkin V.V. Russian Collocations Dictionary. M., 1978; 2nd ed., Rev. and add. M., 1983; 3rd ed., Rev. Moscow, 2002. 511 p.
6. Pushkin A.S. The Flower. 1828.
7. Sayakhova L.G., Hasanov D.M. Thematic dictionary of words and phrases of Russian language (with elements of interpretation). Ufa: RIC BashSU 2009.
8. Tikhonov A.N. Derivation Russian dictionary: In 2 vol. 1-2. M. Eng. lang., 1990.

УДК 811. 161

UDC 811. 161

З.И. МИНЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Петрозаводский государственный университет
E-mail: zmineeva@rambler.ru

Z.I. MINEEVA

Candidate of Philology, Associate professor, Department of Russian Language, Petrozavodsk State University
E-mail: zmineeva@rambler.ru

ФУНКЦИИ РУССКИХ ЗООТРОПОВ*

FUNCTIONS OF RUSSIAN ZOOTROPES

В статье освещаются функции зоотропов – вторичных номинаций человека, образованных на основе переносных значений названий животных, птиц, насекомых, пресмыкающихся. Метафора и метонимия полифункциональны и используются в конституирующей, идентифицирующей, аксиологической, номинативной, оценочно-характеризующей и игровой функциях, как способ вербализации инвективы.

Ключевые слова: зоотроп, номинация, функция, метафора, метонимия, инвектива.

The article elaborates on the functions of zootropes, i.e. secondary nominations for people based on figurative meanings of names for animals, birds, insects and reptiles. The metaphor and the metonymy are polyfunctional, and they are used for serving determination, identification, axiological, nomination, assessment, description, and game functions as a means for verbalizing invectives.

Keywords: zootrope, nomination, function, metaphor, metonymy, invective.

Русские зоотропы (акула, динозавр, трясогузка), будучи вторичными номинациями, позволяют экономно, с помощью имеющихся языковых единиц, назвать и охарактеризовать человека в широком диапазоне перцептивно и ментально воспринимаемых качеств [Минеева 2010].

Зоотропы составляют важную часть лексического состава любого естественного языка, в том числе русского, вследствие чего первой функцией исследуемых единиц следует назвать конституирующую: переносные антропоцентрические названия животных, птиц, насекомых, пресмыкающихся участвуют в формировании особой картины мира русского человека [Апресян 2006: 34-36], отражающей восприятие окружающей действительности из круга своего языка (В. Гумбольдт).

Следствием названной функции выступает аксиологическая, поскольку зоотропы упорядочиваются иерархически в соответствии с принятыми в данном языковом сообществе ценностями; наиболее значимые качества, свойства, характеристики эксплицированы в большом количестве разнообразных единиц.

Зоотропы также выполняют важную идентифицирующую функцию, а именно функцию этносоциокультурной идентификации. Носители русского языка безошибочно считывают переданную с помощью данных единиц информацию, декодируют сообщение говорящего и понимают интенции человека, использовавшего тот или иной зоотроп, в том числе новый, впервые употребляемый. Данная функция обеспечивается глубинными связями вторичных номинаций с фольклорными текстами, паремиями, фразеологизмами, со-

держащими фоновые знания.

Как и другие метафоры, зоотропы используются в науке при создании терминологии: с их помощью удовлетворяется потребность в новых терминах для новых понятий (катахреза), а также при продуцировании новых аналогий, сопровождающих формулирование новых гипотез, концепций, теорий [Демьянков 2010: 16], то есть выполняют номинативную функцию; она реализуется в научных и научно-популярных текстах, представляющих собой описание определенного фрагмента действительности, а также в констативах, речевых актах, прагматика которых состоит в сообщении информации, констатации факта. Принадлежность данных единиц к сфере науки нашло отражение при их фиксации в современных толковых словарях: жаворонок – ‘психол. организация психики человека, период активности которого приходится на утренние часы; человек такого типа (противоп. сова)’ [БТС: 298]; аналогичное определение в рамках психологической характеристики дается для антонима сова [БТС: 1226] (первая фиксация относится к 1971 году [НСЗ]).

Зоотропы в номинативной функции являются безоценочными единицами и замещают в конструкциях современных научных текстов позиции субъекта, предиката, актанта. К номинативным метафорам относятся следующие: животное; жаворонок и сова; морж и моржиха; голубь, ястреб и скворец и др. Первое, как правило, выступает в сочетании с постпозитивным или препозитивным определением: животное разумное, логическое животное, рефлексирующее животное: «Один из классиков назвал человека «логическим жи-

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ 2012-2016 гг.

вотным», с не меньшим, а может быть, и с большим основанием его можно назвать «рефлексирующим животным» [Малинецкий 2008: 51].

Зооморфные образы актуализируются в новых отраслях науки, в частности при описании результатов моделирования искусственной жизни; недавно возникшее направление синергетики позволило обнаружить так называемый «парадокс альтруизма»: социальная общность перестает существовать без альтруизма, что подтверждается поведением агентов моделируемой жизни. В статье, опубликованной в журнале «Вопросы искусственного интеллекта», *ястребы, голуби, вороны, скворцы* имеют характер специальной терминологии: «*При этом наряду с очевидными стратегиями «ястреба» (хищника – нападать на всех, на кого может) и «голубя» (жертвы – прятаться от всех) выявились новые стратегии. Это «вороны» (коллективное нападение, при лояльности к себе подобным – «ворон ворону глаз не выклюет») и «скворцы» (коллективная оборона)*» [Малинецкий 2008: 50].

Номинативную функцию выполняют зоотропы, обозначенные на основе метонимии: *лошадь, крыса, кот, змея, петух* и т.п. (первая фиксация относится к 1998 году [ТСИ]). *Лошадь* как метонимическая номинация обозначает всех людей, родившегося в 1954, 1966... 2002, 2014 годах, в то время как *лошадь* в качестве метафорической характеристики используется в отношении людей, которые обладают качествами, свойственными данному животному (силой, работоспособностью); последние являются разговорно-сниженными (*Я не л. работать за всех*) или бранными (*Л. неповоротливая*) [БТС: 506].

Являясь по большей части единицами экспрессивной деривации, зоотропы востребованы при решении прагматических задач разного рода и используются для экспликации положительной или отрицательной оценки homo sapiens с помощью мелиоративных или пейоративных компонентов значения.

Оценочно-характеризующая функция зоотропов реализуется в экспрессивных речевых актах, или экспрессивах. В прагматическом плане данные единицы отличаются тем, что использование их сопряжено с эмоциональным выражением личного отношения к себе или другому лицу.

Орел, зубр, кит и некоторые другие используются с целью положительной характеристики лица и содержат мелиоративный компонент значения. В настоящее время актуальны и востребованы единицы, эксплицирующие высокую оценку профессиональной деятельности человека; так, с помощью синонимичных зоотропов *зубр* и *мастодонт* главный редактор газеты «Культура» Е.А. Ямпольская в интервью с А. Дементьевым, ведущим радиопередачи «Вирази времени», подчеркивает значимость и профессионализм своих предшественников журналистов: *Когда я начинала, были зубры, были мастодонты, а сейчас в журналистике мастодонтов совсем не осталось* [Радио России. 19.10.13].

Синонимические градуальные отношения обнаруживаются у других лексем – *кит* и *акула*, также содер-

жащих сему ‘профессионал’:

Широко известный в узких кругах режиссер фильма «Москва» был призван под театральные знамена китом (некоторые завистливо говорят, что акулой) театрального менеджмента Эдуардом Бояковым [НКРЯ: «Известия», 2003.02.09].

Как правило, с помощью зоотропов выражается негативное отношение к объекту референции, и интенция адресанта состоит в вербализации асимметрии статуса: говорящий подчеркивает, что он выше, лучше, чем адресат сообщения, *баран, осел, курица*. Посредством использования зоотропов осуществляется стратегия дискриминации и дискредитации лица-референта.

Интенция выражения дискриминации предполагает использование стилистически сниженных языковых средств; большая часть зоотропов имеет последовательно фиксируемую словарями сниженную стилистическую маркированность: часть лексем относится к разговорным, часть – к дисфемизмам, грубым, вульгарным, бранным.

Используя наименование животного для обозначения человека, говорящий таким образом выражает свою экспрессию, вербализует свое отношение к обозначаемому, а референт выступает как носитель негативных, нежелательных, не одобряемых обществом свойств. Примером такого рода может служить недавно появившееся антропоцентрическое значение у слова *олень*. Статья АиФ, призывающая читателей проявлять бдительность, так и называется: «Не будьте «оленьями»! Речь идет о доверчивых россиянах (*оленьях*), которые по доброте души соглашаются оформить на себя кредит на покупку автомобиля для знакомого, друга (*оленевода*), возможно, за небольшое вознаграждение. В случае исчезновения владельца новой машины выполнять обязательства перед банком приходится тому, на кого официально оформлены документы. «Недальновидных и чересчур доверчивых людей даже прозвали «оленьями». Их обвели вокруг пальца, они остались с огромным долгом перед банком, а «оленоводы» укатили на новом автомобиле! /.../ Помните – человек, на которого оформлен кредит, полностью несет за него ответственность. Словом, не становитесь «оленьем» [АиФ, 2007, № 17, 10].

Данный лексико-семантический вариант не фиксируется словарями, однако материал Национального корпуса русского языка (общий корпус содержит 1 038 документов, 4 678 вхождений с рассматриваемой лексемой), позволяет установить узальный, а не окказиональный характер зоотропа: в последних по дате создания 100 документах, относящихся к 2011–2004 гг., содержатся номинации человека, в том числе автономии, с пейоративной коннотацией:

Положительный итог разговора в том, что я понял какой я олень и да, я заслуживаю того, что имею, и ничего больше не заслуживаю [НКРЯ: переписка в icq (2008.01.16)].

Подобных словоупотреблений относительно немного, однако факт вхождения зоотропа в узус не подлежит сомнению.

Негативно-оценочная характеристика зоотропов используется в современной рекламе при продвижении социально значимых реалий современной жизни, в частности, в общественной рекламе договоров, регулирующих трудовые отношения: «*Не будь дятлом, заключи трудовой договор!*» (ТВ Россия. 11. 2013).

Следующая функция – *инвективная*. То, что в языковой картине мира обозначения животных связаны с подчиненной, второстепенной позицией по отношению к человеку, каузирует использование названия животного преимущественно в качестве негативной характеристики человека с целью продемонстрировать его ущербность, наличие порицаемых качеств, низкий статус. Обширный перечень зоотропов используется в функции инвективы.

Инвектива – вербальное нарушение этического табу, осуществленное некодифицированными средствами [Жельвис 2000: 198]. Термином «инвектива» в лингвистике называют все виды речевой агрессии. А. Новиков зоометафоры *кукушонок* и *хищник* относил к числу «инвектив в узком смысле». Специалисты в области юрислингвистики группу метафор фауны включают в состав лексики, способной использоваться при нанесении вербального оскорбления: «Во-первых, адресату оскорбления приписывается какая-то отрицательная характеристика... Во-вторых, эта отрицательная характеристика вербализуется (выражается) в неприличной форме. К неприличным относятся обценные (нецензурные) слова и устойчивые обороты (идиомы), некоторые метафоры фауны (например, *свинья, козел*)» [Баранов 2011: 540]. Наряду с теми единицами, которые снабжены в словарях специальными маркерами «грубое» или «бранное» (*лох*), в функции инвективы используются и разговорные (*амеба*), а также единицы, не имеющие фиксации в лексикографии в качестве номинаций человека (*олень*), о чем свидетельствует анализ материала корпуса:

Какая это там амеба из простейших так высказалась? – спросил Кириков. [НКРЯ: Л.А. Кассиль. Кондуит и Швамбрания (1928-31)].

Однако наибольшей иллокутивной силой нанесения оскорбления обладают грубые, просторечные и жаргонные выражения, использование которых недопустимо в официальной обстановке, где люди связаны формальными отношениями; следствием употребления учителем зоотропа *лох* в адрес ученика предсказуемы:

Страшным оскорблением у школьников (и у преподавателей) является лексема лох – «дурак; неполноценная личность» (в арго – «жертва преступления; дурак»). Газета «Комсомольская правда» от 19 мая 2006 года (статья Д. Трунова «Учительница обозвала ученика и... пошла под суд») лишний раз подтвердила, насколько обидным может быть слово тюремного происхождения «лох» [НКРЯ: Михаил Грачев. Интервенция криминального языка // «Наука и жизнь», 2009].

Лексема *лох* адресатом воспринимается как обидное слово, а говорящим используется при наличии интенции нанести оскорбление.

Сегмент инвективной лексики зоотропов увели-

чивается за счет новых единиц. Так, употребленный в произведении 1936 г. зоотроп *сколопендра* входит в состав ряда однородных членов, поддерживающих экспликацию пейоративного компонента семантики:

Оборачиваюсь. Во главе с Ченикалом шествует штук двадцать самоохранников. Песня замолкает. «Вот сколопендры, гады, гадючье семя»... [НКРЯ: И.Л. Солоневич. Россия в концлагере]

НКРЯ содержит и более поздние примеры данной и других лексем в функции инвективы. В следующем фрагменте на фоне полисемической аттракции, использования выражения «поезд ушел» в прямом значении и переносном, фразеологическом (о возрасте) мужчина называет свою собеседницу *воблой*, что воспринимается женщиной как оскорбление, на которое следует симметричный ответ.

Мой поезд не уйдет без меня – никогда! В отличие от твоего! Который давно ушел! Вобла! – Блудливый козел! Забери свои деньги! [НКРЯ: Алексей Слаповский. День денег (1998)].

В функции инвективы используются единицы, относительно недавно пополнившие корпус зоотропов:

Сукин поднес затем к якуту свой знаменитый кулак: – Понюхай, олень северный! Еще раз приложишься – рога пообломаю, копытообразная скотина. [НКРЯ: Илья Бояшов. Танкист, или «Белый тигр» (2008)].

С течением времени наблюдается смена одних зоотропов в функции инвективы другими: если для героев Ф.М. Достоевского оскорбительными были *тварь, вошь*, то для героев современных текстов – *козел, кобель* и т.п. Употребление зоотропов с пейоративной коннотацией при вербализации говорящим агрессии и интенции оскорбления выступает предметом судебного разбирательства, в ходе которого рассматриваются не только вышеназванные *свинья* и *козел*, но и *курица, гад, гаденыш, сучонок* и т.п.

Зоотропы включаются в игровую сферу. Лингвокреативность, позволяющая человеку проявлять свойство творческого отношения к языку [Санников 2002], широко привлекает названия животных и номинации человека, обыгрывая фонетическое сходство, полисемию лексем и т.п. Данные явления сопровождают непринужденное неофициальное общение и чаще встречаются в эпистолярных текстах, публицистике. Знаменитый Ю.М. Лотман любил в письмах к друзьям играть со словом; нередко используемые им компаративные конструкции содержали упоминание льва (*бился, как лев*), собаки (*была даже собака в квадрате при описании крайней усталости*); предикатное употребление довольно редко, одно из них – *бобр*: «*Вообще я стал злой, как собака, хотя от природы бобр*» [Лотман 2006: 313]. В данном случае наблюдается аллюзия к известному университетскому анекдоту о том, как студент, отвечая на экзамене по чужой шпаргалке, вместо «*человек от природы добр*» неверно прочитал «*человек от природы бобр*», несущая стала предметом шуток.

Сближаются в речи сходные по звучанию собственные и нарицательные имена: Гиппократ и гиппопотам, Билан и баклан:

Как говорит Гиппократ, если общаешься с идиомами – будь проще. – Неясно, кого уважаемый автор имеет в виду, поскольку «гиппопотам» этого не говорил [НКРЯ: И. Грошек. Реставрация обеда (2000)]; «Иди в дом, кура озимая, там твой Дима Баклан поет!» [НКРЯ: Евгения Пицикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская жизнь», 2008].

Фонетическое сходство может обнаруживаться у заимствованного и русского слова, при этом референту приписывается негативная характеристика на основе семантики зоотропа:

Ты пойми, люди, которые будут сидеть перед тобой, – подонки и маразматики... когда прилетишь в Лондон и вылезешь в аэропорту Хитроу, сразу смотри, где стоит их лягавый или, по ихнему, бобби. Эти бобики ходят в таких идиотских черных шапках вроде перевернутых чугунков со звездой. Как такого увидишь, сразу – к нему, и на своем чистом английском языке скажи: «Господин бобик, их бин пур совет фрау, их бин лунинг фор политикал эсайлем». Давясь от смеха, я спрашиваю, кто его научил столь великолепной фразе. [НКРЯ: Владимир Войнович. Замысел (1999)].

Для достижения игрового эффекта может использоваться наличие у зоотропа полисемии: узуальное употребление лексемы *крыса* связано с экспликацией общей негативной оценки говорящего, а также нейтральной безоценочной семантики, связанной с номинацией человека по году его рождения: *Этот год – год Крысы, между прочим. – Пожелание такое: люди, не будьте крысой в этом году! Не крысятничайте, в общем, и делитесь с ближним!* [Собеседник. 2007. №47, 21]. В данном случае наблюдается совмещение метафорического и метонимического значений. Значение диффузно, но апелляция к жаргону с помощью глагола *крысятничать* позволяет усмотреть в зоотропе *крыса* не только значение ‘человек, вызывающий неприязнь’ (в просторечии) [БАС-3, т. 5: 719] или ‘крайне негативно о человеке, чаще о женщине – злой, малосимпатичной, неприятной, агрессивной’ – разг.-сниж. презр. (бран.) [БСХ: 281], но и социально маркированное: ‘тот, кто ворует у своих’ [Крысин 2003: 96].

Игровой феномен проявляется при использовании не одного, а сразу нескольких зоотропов (*бегемот, собака, мышонок*) в функции оценочной характеристики: – *Какое живое существо изменяет свой вес в течение дня от 300 кг до 100 грамм? Ответ: муж. С утра его*

жена будит: – Вставай, бегемот! Днем, швыряя на стол тарелку с супом: – Жри, собака! Вечером, ложась в постель: – Иди ко мне, мышонок! [НКРЯ: Коллекция анекдотов: семья (1970-2000)].

Кроме того, рассматриваемые единицы незаменимы при создании образов в художественных произведениях; особую значимость приобретают те из них, которые выносятся в название текста («Зубр» Д. Гранина, «Рыба» П. Алешковского).

Зоотропы полифункциональны, они выполняют важные конституирующую и аксиологическую функции при формировании, создании русской картины мира и обеспечения (поддержания) ее стабильности, отражения иерархии ценностей русского народа. Зоотропы активно участвуют в формировании научного аппарата, в создании новых дефиниций наук, выполняют номинативную функцию в констативах. Вместе с тем, зоотропы являются единицами экспрессивной деривации и выступают в оценочно-характеризующей функции в экспрессивах, в том числе как способ вербализации инвективы. Среди разрядов инвективной лексики, которая может рассматриваться как оскорбляющая честь и достоинство человека, выделяется группа зоосемантических метафор, или метафор фауны. Номинации человека на основе метафоры и метонимии входят в сферу проявления лингвокреативности, используются в языковой игре, а также являются ярким стиле- и сюжетообразующим средством, необходимым при создании образов героев в художественных текстах. В настоящее время оценочно-характеризующие единицы широко используются в разных сферах: на политической сцене фигурируют агрессивные *ястребы*, в финансовой элите привлекают к себе внимание *жирные коты*, утечку секретной информации обеспечивают *кроты*, а в повседневной жизни кондукторы отлавливают безбилетных пассажиров – *зайцев*. Рассказывая о трудностях, с которыми сталкиваются малые предприниматели, журналисты задаются вопросом: «*Какие бобры понастроили столько преград?*»

С помощью полифункциональных зоотропов создаются вторичные номинации, заполняя образующиеся лакуны терминологии, характеристики, оценки, языковой игры, что позволяет использовать их как в экспрессивных речевых актах, при выражении аффекта, так и в безэмоциональном дискурсе.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. Отв.ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С.33–160.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. М., 2011. 592 с.
3. Большой академический словарь русского языка. Под ред. К.С. Горбачевича. Т. 1-20. М.;СПб., 2004–2013. (Сокращенно – БАС-3)
4. Демьянков В.З. Интерпретативное объяснение метафор в языке науки // Язык и культура. К юбилею профессора Э.Ф. Володарской. Под ред. Ю.Л. Воротникова. М.: Изд-во института иностранных языков, 2010. С. 15–17.
5. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 194–206.
6. Крысин Л.П. Социальная маркированность лексических значений // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 95–100.
7. Лотман Ю.М. Письма.: 1940–1993. М.: Языки славянской культуры, 2006. 800 с.

8. Малинецкий Г.Г. Самоорганизация, психология, искусственный интеллект // Вопросы искусственного интеллекта. М., 2008, №1. С. 42–60.
9. Минеева З.И. От собаки до стервы: русские зоотропы // Личность в межкультурном пространстве: Материалы V международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию РУДН. Ч. II. М.: РУДН, 2010. С. 60–66.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] (<http://ruscorpora.ru>).
11. Новейший большой толковый словарь русского языка. Гл.ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», М.: «РИПОЛ классик», 2008. 1536 с. (БТС)
12. Новые слова и значения / Под ред. Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина. М., 1971. 543 с.
13. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
14. Толковый словарь русского языка. Языковые изменения конца XX века. Под ред. Г.Н. Складчиков. М., 2001. (ТСИ)
15. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: НОРИНТ, 2004. 762 с. (БСХ)

References

1. Apresyan Y.D. Basis of the Systems Lexicography // Language Picture of the World and Systems Lexicography/ Ed. Y.D. Apresyan. M., 2006. Pp. 33–160.
 2. Baranov A. N. Linguistic Expertise of the Text. M., 2011. 592 p.
 3. Big Russian Academic Dictionary. Ed. K.S. Gorbachevich. V. 1–20. M.;SPb., 2004–2013.
 4. Demyankov V.Z. Interpretive Metaphors in the Language of Science // Language and Culture. To the Anniversary of Professor E.F. Volodarskaya. Ed. Y.L. Vorotnikov. M., 2010. Pp. 15–17.
 5. Zhelvis V.I. The Word and Action: Juridical Aspect of the Foul Language // Juridical Language -2. Russian in it Natural and Juridical Existence. Barnaul, 2000. Pp. 194–206.
 6. Krysin L.P. Social Mark of the Lexical Meanings // Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation. M., 2003. Pp. 95–100.
 7. Lotman Y.M. The Letters: 1940–1993. M.: Languages of Slavic Culture, 2006. 800 p.
 8. Malinetskiy G.G. The Autoorganisation, Psychology, Artificial Intelligence // AI Problems. M., 2008, №1. Pp. 42–60.
 9. Mineeva Z.I. From the Dog to the Damned wretch: Russian Zootropes // Personality in Intercultural Space: Papers of the V International Scientific Conference, devoted to the 50-years of the PFUR. Ch. II. M., 2010. Pp. 60–66.
 10. National Russian Corpus (<http://ruscorpora.ru>).
 11. New Big Russian Dictionary. Ed. S.A. Kuznetsov. SPb.: «Norint», M.: «RIPOL klassik», 2008. 1536 p.
 12. New Words and Meanings / Ed. N.Z. Kotelovoy, Yu.S. Sorokina. M., 1971. 543 p.
 13. Sannikov V.Z. Russian in the Context of the Language Game. M., 2002. 552 p.
 14. Russian Dictionary. Language Changes at the end of XX century. Ed. G.N. Sklyarevskaya. M., 2001. 944 p.
 15. Himik V.V. Big Dictionary of Russian Colloquial Expressive Speech. SPb.: NORINT, 2004. 762 p.
-
-

УДК 651.4./.9

UDK 651.4./.9

Т.П. ПЕГИНА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра документоведения и документационного обеспечения управления, Орловский государственный университет
E-mail: pegina@list.ru

T.P. PEGINA

Candidate of Philology, Associate professor, Department of documentation and document support, Orel State University
E-mail: pegina@list.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА В ПРИКАЗНОМ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ РУСИ XVI-XVII ВЕКОВ

THE FORMATION OF BUSINESS LETTER IN RUSSIA WRIT PAPERWORK IN XVI-XVII CENTURIES

Развитие делового письма на Руси связано с возникновением московского приказного языка. На нём писались не только государственные и юридические акты, договоры и другие документы, но и почти вся корреспонденция московских князей, царей и московской интеллигенции. В статье раскрывается становление частного делового письма и челобитных.

Ключевые слова: деловое письмо, грамотка, челобитная, тахиграфия, структура, формуляр, этикетные формулы.

The development of business writing in Russia is connected with the emergence of Moscow writ language. It was used not only in the state and legal documents, contracts and other documents, but almost all correspondence of Moscow princes, kings and Moscow intelligentsia. The article explains the development of private business letter and petitions.

Keywords: business letter, charter, petition, tachygraphy, structure, form, etiquette formula.

Деловое письмо формировалось на протяжении нескольких веков. Большое значение в его развитии имел период XVI–XVII в.в., связанный с возникновением московского приказного языка. Приказный язык, почти свободный от церковнославянских элементов, к середине XVII в. достиг большого развития. На нём писались не только государственные и юридические акты, договоры и другие документы, но и почти вся корреспонденция московских князей, царей и московской интеллигенции.

Нельзя не согласиться с мнением выдающегося филолога-слависта Н. Н. Дурново, что приказный язык постепенно становится единым государственным языком Московской Руси. [1]

В период, именуемый приказным делопроизводством, официально-деловое письмо приобрело следующие важные признаки документа:

- устойчивые текстовые формулировки;
- определённое расположение материала;
- устойчивые реквизиты.

Однако информационные элементы документа и собственно его содержание по-прежнему составляли один сплошной текст.

Личная переписка в период приказного делопроизводства часто называлась грамотками. Письма-грамотки характеризуются тем, что повествование в них ведётся в плане личной беседы. Их содержание варьируется в зависимости от описываемых событий, неотложных или обычных хозяйственных дел. В грамотках рассказывается о домашних заботах, даются распоряжения или советы по хозяйству, сообщается о происшествиях,

просят прислать что-нибудь и т.д. Грамотки значительно отличаются от служебных писем, предельная лаконичность и особая деловитость которых лишает их того эмоционально-личного окраса, присущего грамоткам.

Помимо внутренней переписки в XVI–XVII веках на Руси существовала и внешняя дипломатическая переписка. Составление дипломатических писем являлось задачей важной и в то же время весьма сложной. Письмо следовало составить так, чтобы оно не только как можно более точно и объективно отражало текущую ситуацию, но и было сдержанным и корректным при оценке личности иностранного монарха и его ближайшего окружения. Естественно, такая переписка велась втайне, и адресант был крайне заинтересован в том, чтобы никто посторонний не смог прочесть его письма. Поэтому с образованием централизованного государства и с увеличением числа его иностранных корреспондентов начинают разрабатываться различные виды тайнописи.

В России XVI в. вопросами шифровки писем занималось «цифирное отделение» Посольского приказа. В то время использовались такие системы шифрования информации, как **тахиграфия** – измененное начертание букв, когда писалась или часть букв, или, наоборот, ее написание дополнялось иным значком. Послание нередко переписывали справа налево или вверх ногами. Тахиграфия совмещалась в письмах с шифрами простой замены, предполагавшими замену согласной на противоположную (б – щ, в – ш), но при этом замена гласных не производилась. [2]

Подьячие Посольского приказа и дьяки, находив-

шиеся за границы, чтобы поддерживать связь со своим правительством, использовали «затейное письмо». Письмо обычно составлялось при помощи одного из наиболее примитивных шифров, получивших название «тарабарской грамоты». Суть его состояла в перестановке: текст сообщения разбивался на слоги, и последние переставляли вместе с буквами по заранее заданному принципу, иногда каждая буква заменялась своим особым, причудливым знаком. Нередко дьяки прибегали к написанию фраз в обратном порядке, составляя своеобразные криптограммы, или не дописывали буквы – подобный шифр назывался «полусловицей».

В XVII в. с приходом к власти Михаила Федоровича Романова при непосредственном участии патриарха Филарета разрабатываются новые системы сокрытия информации.

В 1633 г. Филарет создаёт «особую азбуку» и «склад затейным письмом». Так, сохранился наказ царскому послу в Швеции Д.А. Францбекову, из которого видно, что при составлении донесений он должен был использовать тайнопись. Наказ заканчивался следующим образом: «Да что он, Дмитрий [Францбеков], будучи в Свее [Швеции], по сему тайному наказу о тех или иных о наших тайных делах и наших тайных вестей проведает и ему о всем писати ко государю царю и великому князе Михаилу Федоровичу всея Руси к Москве по сему государеву тайному наказу закрытым письмом». [2]

Употребление словосочетания «закрытым письмом» позволяет сделать вывод, что в России тайнопись стали рассматривать как одно из средств сохранения государственных тайн.

В делопроизводстве приказов использовалась достаточно древняя *«столбцовая техника делопроизводства»* – собирался свиток из подклеенных друг к другу листов, который получил название столбец или столбик. Составные части столбца назывались поставами, места склейки листов назывались мостами.

Однако такая форма документа не всегда была оптимальной, поскольку много времени уходило на развёртывание и свёртывание столбца при поиске необходимых сведений, кроме того, сама склейка не была достаточно прочной. Наряду со столбцовой формой документа в приказах зародилась и начала применяться книжная (тетрадная) форма. Тетрадь – это лист бумаги, сложенный вдвое. Тетради собирались вместе, переплетались по мере необходимости и составляли книги.

Следует отметить, что на раннем этапе деятельности русской канцелярии документ являлся плодом коллективного творчества. В составлении деловой бумаги участвовали как минимум два лица: один сочинял текст, был ответственным за его содержание, другой являлся непосредственным исполнителем, отвечал за точность передачи текста. Это видно из отметок в конце документа.

Русская канцелярия чётко различала тексты лицевой и оборотной стороны листа. Для разного рода пометок обычно использовалась оборотная сторона, а лицевая сторона так и называлась «лицо».

Площадь листа, на котором размещался основ-

ной текст, также имела свои названия. Так, верх листа и помещённая на нём часть текста называлась «головой»; часть листа под основным текстом с лицевой или оборотной стороны называлась «исподом» (на этой площади обычно размещались отдельные отметки оформляющей части документа). Окончательно подготовленный, вступивший в документооборот беловой вариант документа назывался «матица».

Среди многочисленных и разнообразных по своей социальной значимости, по сфере использования и по своим формальным особенностям деловых документов этого периода особо привлекают внимания челобитные. Это наиболее массовая и распространённая разновидность документов. Так назывались всякого рода прошения, заявления, жалобы на имя царя, членов его семьи, патриарха, феодала. Само слово «челобитная» появляется в московской деловой письменности в последней четверти XVI в., заменяя употреблявшийся до этого термин «жалобница», имевший более узкое значение (акт, содержащий жалобу). При образовании существительного «челобитная» была использована сложившаяся к середине XVI в. продуктивная словообразовательная модель: обозначение актов субстантивированными именами прилагательными женского рода (бъглая, бессудная, данная, купчая и др.). [3]

Различное назначение и содержание челобитных определило выделение многих их разновидностей. Челобитные, подававшиеся не одним лицом, а корпорацией, называли «мирскими». Челобитную, имеющую авторскую подпись называли «заручной», а записанную в учреждении со слов челобитчика – «словесной». Сообщение должностному лицу о каком-либо событии или происшествии подавалось в виде «явочной» челобитной. «Изветные» челобитные извещали о противозаконных действиях и становились поводом для расследования. Жалобу на несправедливое обвинение представляли в «наносных челобитных». Анонимные документы или документы с вымышленной подписью, в которых чаще всего содержались обвинения в адрес должностных лиц, называли «подметным письмом».

Многозначность термина челобитная в официально-деловой речи и в повседневной частно-деловой и бытовой практике опиралась как на единство структуры и формулярных особенностей всех разновидностей челобитных, так и на то, что любое обращение низшего к высшему (царю как лицу, облечённому высшей властью; феодалу-вотчиннику или помещику; духовному владыке; хозяину-купцу и т.д.) будь то просьба, заявление, жалоба или донос, оформлялось как униженное прошение. [4]

Вопросы, связанные с челобитными, нашли отражение в законодательных актах. Так, Судебник 1550 г. возложил на высших должностных лиц центральной администрации обязанность рассматривать все челобитные «жалобщиков своего приказу», докладывая о наиболее важных из них царю.

Другим направлением законодательной работы было стремление ограничить обращения к царю, освободить его от решения мелких, второстепенных вопро-

сов. Статьей 7 Судебника 1550 г. запрещалось подавать просьбы непосредственно царю, за исключением дел государственной важности. Кроме того, в данной статье оговаривалось: «которой жалобник бьет челом не по делу и бояре ему откажут, и тот жалобник учнет бити челом, докучати государю, и того жалобника вкинути в тюрьму». [5]

В Соборном Уложении 1649 г. вновь подчёркивалось, что запрещается непосредственное обращение к царю или патриарху с челобитной. Приказ объявлялся обязательной инстанцией, предшествующей обращению к государю.

Подьячие в приказах, принимая челобитные, записывали их в специальные книги. Во всех столах приказа каждый год заводилась книга, где стояли имя подателя документа и пометы дьяка.

Таким образом, общие принципы работы по челобитным были заложены в приказном делопроизводстве, а направления её регулирования намечались в законодательных актах XVI–XVII века.

Огромное количество челобитных, написанных представителями всех социальных групп русского общества того времени, сохранилось до наших дней в документации правительственных учреждений того времени (приказов, воеводских изб и т.д.) и в частных собраниях.

Большинство челобитных составлялись площадными подьячими или подьячими, служившими в учреждениях. Это объяснялось небольшим количеством грамотных людей, способных самостоятельно подготовить письменное обращение к властям. Поэтому челобитные имели достаточно стабильный формуляр.

В соответствии со структурой челобитных в их формуляре выделяются устойчивые сочетания (формулы) начального протокола (заголовков, вводная формула акта), основной части (казусно-мотивировочная и просительная) и конечного протокола (концовка, заключительная формула акта).

Во вводной формуле челобитных выделяются три элемента:

1. адресат – косвенное дополнение в дательном падеже (дательный адресата);
2. челобитье – сказуемое предложение;
3. адресант (челобитчик) – подлежащее предложения.

Например: *«Црю гсдрю и великому кнсю Михаилу Федоровичю всеа России бьет челом холоп твои гсдрвы Мастерскои палаты пестрядинникъ Оверка Елизаревъ»* [6]

Из приведённого примера видно, что формула адресата включает в себя собственное имя того лица, к которому обращается челобитчик (имя и отчество), а также его титулы.

В некоторых челобитных встречалось адресование на имя духовных властителей разного ранга. Например: *«Великому гсдрю стъишему Никону патриарху московскому и всея Великия и Малыя Росиі бьет челом Васка Шорин»* [6]

Таким образом, можно сделать вывод, что формула

адресата в заголовке челобитной носит традиционный характер, переменным элементом в ней является лишь собственное имя лица, которому направляется данный акт.

Рассмотрим употребление челобитья в начальном протоколе. Оно представляет собой фразеологизм «бить челом» (обращаться с низким поклоном, с почтением).

Как правило, данное словосочетание используется в значении «жаловаться, предъявлять иск» и имеет при себе косвенное дополнение в винительном падеже с предлогом «на».

Например: *«Црю гсдрю и великому кнсю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом Васка Шорин на сятя своево на Степана Федорова»*

В изветных челобитных рядом с фразеологизмом «бить челом» используется глагол «извещать» (донести, сообщать) с дополнением в винительном падеже с предлогом «на».

Например: *«бьет челом и извещает холоп твои кадашевецъ Андрюшка Федоров на кадашевца на тестя своего на Федора Григорева»*. [6]

В явочных челобитных челобитье дополняется глаголом являть (заявлять, доводить до сведения) без дополнения или с дополнением в винительном падеже с предлогом «на».

Например: *«бьет челом и являет холоп твои кадашевецъ Петрушка Семенов...»; «бьет челом и являет холоп твои садовникъ...на Микиокоровд жену Басаргина»*. [6]

Таким образом, в заголовочной формуле фразеологизм «бить челом» (или «бить челом и извещает (являет)») всегда располагается между данными об адресате и сведениями о челобитчике.

Последним элементом заголовка в деловых челобитных является формула адресанта. Данные об адресанте челобитных являются подлежащим в формуле начального протокола.

Например: *«Црю гсдрю и великому кнзю Федору Алексъвичю...бьет челом сирота твои Ардынские слободы тяглець Трошка Тимофьев»*. [6]

Таким образом, данные об адресанте включают его имя в унижительно-пренебрежительной форме («полуимя» как говорили в то время), отчество или наименование по отцу и фамилия или прозвище. Эти сведения всегда сопровождаются формулами, выражающими вассальные отношения: холоп твой (ваш) – у служилых людей разного сословия; сирота твой (ваш) – у крестьян; раба (сирота) твоя (ваша) – у женщин; богомолец твой (ваш) – у священнослужителей всех рангов; богомолица твоя (ваша) – у монахинь. [3]

Основная часть челобитных состоит из двух разделов. Первый из них содержит изложение обстоятельств дела, мотивов, причин, которые побудили челобитчика обратиться с просьбой, жалобой, официальным заявлением о чем-нибудь, и называется казусным. Во втором разделе излагается просьба или сообщается о действиях, которые были бы желательны для адресанта челобитной в связи с изложенными обстоятельствами дела – просительная часть. Такое построение челобитной

является обычной нормой и отдалённо напоминает современное деловое письмо.

Рассмотрим традиционные приёмы и устойчивые формулы в каждом из указанных разделов центральной части челобитной.

Изложение обстоятельств дела, причин и поводов обращения с просьбой, жалобой, официальным заявлением властям в челобитных, как правило, излагается произвольно. Однако в официальных и частных челобитных обнаруживаются своеобразные стандартные зачины.

Можно выделить несколько видов зачинов казуальной части:

1. Датировка. Здесь указывается год в предложном падеже с предлогом (в нынешнем или в прошлом ... году, в ... году) или реже в родительном падеже без предлога (нынешнего года). Далее следует указание на месяц, как правило, в родительном падеже (декабря) и на день, когда происходило описываемое событие, чаще всего в винительном или предложном падеже с предлогом (въ десятии ден). Таким образом, можно вывести формулу:

Нынешнего (прошлого)...года декабря в ...день.

2. Изложение обстоятельств дела начинается с глагола-сказуемого в прошедшем времени, подлежащее следует за ним. Это позволяет акцентировать внимание именно на том действии, в связи с которым создана челобитная.

Например: «Жил отец мой в Кодашеве и отдал меня учит на урошныи годы скорняшнему делу...»[6]

3. Неглагольное начало изложения обстоятельств дела. Оно имеет несколько разновидностей:

а) Изложение начинается с подлежащего, выраженного существительным или личным местоимением. Например: «Дед мой и отецъ служил тебе гсдрю»; «Язъ бѣдной оскудаль пить ести нѣчево». [6]

б) Употребление формулы «по твоему (вашему) указу» в начале предложения. Она характерна для прошений, а также для исковых и явочных челобитных.

Например: «По вашему гсдрю указу дано мнѣ...дворовое мѣсто». [6]

Второй раздел основной части челобитной представляет собой особую формулу, в которую заключалось содержание просьбы. Формула просьбы начинается с развёрнутого обращения: полного титула, имени и отчества адресата с эпитетами «милосердный» или «милостивый», присоединяемым к титулу царя, и «благочестивый», который включался в титул царицы. После обращения следует побудительное предложение, содержащее глагол «пожаловать» («оказать милость», «вознаградить») с обязательным дополнением «меня», «нас». В качестве второго однородного сказуемого в формуле просьбы используется обычно глагол «велеть» («приказать», «дать распоряжение», «повелеть») в сочетании с инфинитивом, называющим желаемое действие.

Таким образом, во всех разновидностях челобитных основным видом формулы просьбы является:

милосердный (милостивый) государь (титул, имя, отчество царя, феодала) пожалуй меня (нас)... вели... + инфинитив желаемого действия.

Например: «Млсрдый гсдрь црь і великий кнзь пожалуй меня холопа своего вели гсдрь...поставить». [6]

Конечный протокол челобитных состоит из обращения, которое содержит титул царя, царицы, патриарха, митрополита и т.д., и глагола «смиловаться» («пожаловать») в повелительной форме.

Например: Црь гсдрь смилуйся....

Однако более распространенной была форма конечного протокола, в которой употреблялись оба глагола: «смилуйся, пожалуй», в результате чего автор стремился усилить воздействие на адресата, например: Црь гсдрь смилуися пожалуй.

Таким образом, анализ структуры, формуляра и этикетных формул челобитных XVI-XVII в.в. показывает, что уже в начале изучаемого периода эта разновидность деловой документации предстаёт как вполне сложившаяся, обладающая устойчивыми традициями деловая письменность.

Библиографический список

1. Дурново Н. Н. Введение в историю языка. М.: Наука, 1969. С.34.
2. Волкова Е. А. Секреты дипломатической переписки XVI-XVIII в.в. // «Делопроеизводство» №3, 2009г. С.89.
3. Абдрашитова Н. А., Милованова М. В. Челобитные как особый вид документа в истории официально-делового стиля // «Делопроеизводство», №2, 2003. С.96.
4. Садыхлы Н. Е. Лексика московских челобитных XVIII века (лексико-семантические парадоксы). Воронеж, 1956. С. 22.
5. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т.2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Под общ.ред. О.И. Чистякова. М. 1984-1994.
6. Котков С. И. Памятники московской деловой и бытовой письменности XVII века. М.: Наука, 1980. С. 59.

References

1. Durnovs N.N. Introduction to the history of language . Moscow: Nauka , 1969 . P.34.
2. Volkov E.A. Secrets of diplomatic correspondence of XVI-XVIII centuries// “Deloproizvodstvo”, № 3 , 2009. P.89.
3. Abdrashitova N.A., Milovanova M.V. Petition as a special type of document in the history of official style // “Deloproizvodstvo”, № 2, 2003. P. 96.
4. Sadyhly N.E. Vocabulary of Moscow petitions in XVIII century (lexical- semantic paradoxes). Voronezh , 1956. P. 22.
5. The Russian legislation of X-XX centuries. In 9 volumes. Vol. 2 . Legislation period of education and strengthening the centralized Russian state.
6. Kotkov S.I. Monuments of Moscow business and everyday writing in XVII century. Moscow: Nauka , 1980. P. 59.

И.В. ТИМОШЕНКО

аспирант, кафедра английской филологии, Орловский
государственный университет

I.V. TIMOSHENKO

Graduate student, Department of English philology, Orel
State University

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРТИКЛЕЙ В ПЕРЕВОДАХ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ)

ARTICLES IN TRANSLATIONS FROM RUSSIAN INTO ENGLISH AND FRENCH (BASED ON PARALLEL TEXTS)

В статье излагаются результаты сопоставительного анализа функционирования артикля на материале параллельных текстов (фрагментов переводов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на французский и английский языки). Артикль рассматривается как средство обозначения вида референции существительного в тексте высказывания. На основании результатов анализа текстового материала делается вывод об общей природе артикля в различных языках, выражающейся в наличии единого семантического инварианта артикля.

Ключевые слова: артикль, функционирование артикля, параллельные тексты, совпадение артиклей в переводах, несовпадение артиклей в переводах, семантический инвариант.

This paper presents the results of the contrastive analysis of the functioning of articles in parallel texts (parts of translations of a novel by M. Bulgakov into French and English). The article is considered as a means of denoting the type of reference of a noun in an utterance. The conclusion based on the analysis of textual material shows the common nature of article in different languages, represented in the single semantic invariant of the article.

Keywords: article, use of the article, parallel texts, matches of the articles in translations, mismatches of the articles in translations, semantic invariant.

Целью данной статьи является описание сопоставления функционирования артикля в английском и французском языках на базе сопоставительного анализа параллельных (корреспондирующих) текстов.

Мы придерживаемся точки зрения, что главным назначением артикля является обозначение вида референции существительного в каждом данном высказывании и что это назначение определяет особенности функционирования артикля в тексте. Для того чтобы установить, истинно это предположение или ложно, мы выявили наиболее характерные факторы, обуславливающие выбор артикля в отдельной речевой ситуации в рамках цельной текстовой реальности.

В современной грамматике артикль определяется как средство обозначения вида референции существительного, с которым он связан, в тексте. Так, Ф.А. Литвин пишет, что «семантика системы артиклей» – это «средство означивания характера референции существительного, с которым в тексте соотносится артикль, в каждом данном акте речи» [5:74]. Существительные с артиклями называют иначе «референтными выражениями», понимая под референцией «соотнесенность существительного с реальным миром», т. е. обозначение отдельным словом чего-либо существующего в любом из «возможных миров».

Текст художественного произведения создает свой, особенный мир с собственными объектами и связями между ними. Компоненты, формирующие текстовую реальность, могут не быть идентичными компонентам

реальности нашего, человеческого мира.

Артикль при этом «представляет собой структурный элемент предложения, помогающий выразить существенные элементы содержания» [6].

В качестве материала исследования выступили переводы с безартиклевых языков (русского) на близкородственные артиклевые языки (английский и французский). То, что переводы осуществлялись с третьего языка, позволяет говорить о том, что тексты на артиклевых языках не оказывали влияния друг на друга, базируясь исключительно на оригинальном тексте.

В ходе исследования были рассмотрены два перевода главы 25 романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: один перевод на английский и один перевод на французский язык, выполненные профессиональными переводчиками-носителями языка перевода.

В качестве выборки для дальнейшего изучения из текста были взяты все существительные, исключая имена собственные без артикля; имена существительные, в референтные выражения которых входят детерминанты, отличные от артикля; имена существительные, входящие в референтные выражения других существительных и представленные в этих группах в виде зависимого слова в постпозиции.

Всего в рассматриваемой главе романа найдено 1717 существительных с артиклем в двух языках. Из них у 1026 артикль морфологически выражен, а 691 существительное имеет при себе нулевой артикль. Критериям выборки соответствуют 1126 существитель-

ных, которые мы сравнивали попарно.

Зафиксировано 549 совпадений (49%) и 577 несовпадений (51%).

Процент совпадений подтверждает наше предположение о том, что в основе функционирования артикля в разных языках лежат сходные принципы, что может свидетельствовать о наличии у артикля некоторого семантического инварианта.

Природа же несовпадений может быть различной, и их наличие в переводах одного и того же текста может либо противоречить гипотезе о наличии инварианта у артикля, либо указывать на то, что существуют другие причины для расхождения в выборе артикля при переводе одной исходной языковой ситуации.

Мы объединили несовпадения в несколько типовых групп.

В первую группу вошли несовпадения, обусловленные национальной спецификой языка. Это не имеющие аналогов в английском языке форма французского неопределенного артикля, употребляющаяся с существительными во множественном числе, – *des*, и так называемый «частичный артикль», употребляемый для обозначения «недискретного множества» [4: 13], в рамках которого невозможно выделить отдельный объект-представитель. Частичный артикль употребляется с неисчисляемыми существительными, именующими абстрактные понятия и вещества, взятые в неопределенном объеме.

Форма французского артикля *des* встречается в тексте 16 раз. В английском переводе ей соответствует нулевой артикль.

Например,

сорванные розы	<i>des roses arrachées</i>	<i>torn roses</i>
В серой пелене, убежавшей на восток, появились синие окна.	Dans l'océan gris qui courait vers l'est s'ouvrirent <i>des fenêtres</i> bleues.	Dark-blue windows began to appear in the gray veil that was sweeping eastward.

Частичный артикль встречается в тексте 6 раз. В английском переводе ему может соответствовать как нулевой, так и определенный артикль:

жевал лимон и пил опять.	et mâchait <i>du citron</i> , puis buvait de nouveau.	chew on a slice of <i>lemon</i> , and then take another drink.
и тяжелые удары грома	et le sourd fracas <i>du tonnerre</i>	and heavy claps of <i>thunder</i>

Референтами рассматриваемых в данных примерах существительных «лимон» и «гром» являются обобщенные объекты: вещественные понятия. В переводе на французский язык с соответствующими им существительными употребляется частичный артикль, в переводе на английский выбор артикля зависит от других параметров, а не только от неисчисляемости существительного.

Во вторую группу вошли несовпадения, обусловленные тем, что во французском языке гораздо шире, чем в английском, распространено употребление ар-

тикля с именами собственными (ср. «более широкое употребление с разными группами существительных, например с собственными» как одну из «особенностей артикля во французском языке» [1: 82]).

Она уже навалилась своим брюхом на Лысый Череп	Son ventre noir pesait déjà sur <i>le Crâne Chauve</i>	The cloud had already spilled its belly onto <i>Bald Skull</i>

С именами собственными артикль в исследуемом фрагменте текста употреблен 9 раз, в переводе на английский – 3 раза.

Все прочие выделенные нами группы несовпадений определяются не национальной спецификой языка, а различными другими факторами. Такие несовпадения, на наш взгляд, можно объяснить различиями в интерпретации исходной языковой ситуации разными переводчиками. Это, как правило, вызвано тем, что при отсутствии жестких указателей в исходном тексте референцию возможно истолковать двояко. В таких случаях говорить о правильности и неправильности выбора нет оснований, поскольку выбор артикля основан на интерпретации автора (переводного) текста.

Неоднозначность толкования может быть вызвана тем, что в языковой ситуации есть сразу несколько значимых факторов, которые могут быть отражены как в исходном тексте, так и в переводе. Только в тексте перевода находятся такие несовпадения, которые обусловлены применением так называемых переводческих трансформаций.

По числу таких факторов мы выделили еще четыре группы несовпадений:

- наличие лимитирующего или описательного определения,
- наличие слова-указателя в исходном тексте,
- контекст текста (текстовой реальности),
- контекст ситуации.

Рассмотрим влияние контекста ситуации на количество потенциально возможных вариантов выбора артикля при переводе.

Несовпадения в случае введения в повествование нового объекта могут быть вызваны наличием какого-либо другого значимого фактора. Например,

А наконец зазвучал и заглушенный доселе фонтан.	Enfin, on perçut le clapotis d' <i>une</i> fontaine, <i>jusqu'alors complètement étouffé</i> .	And finally the gush of <i>the</i> fountain could be heard, <i>which earlier had been drowned out</i> .

В данном случае переводчик на французский язык вероятнее всего исходил из того, что объект «фонтан» вводится в повествование впервые, не обладает никакими уникальными свойствами, выделяющими его из общего множества и дающими возможность его идентифицировать. Такой трактовкой исходного текста обусловлен выбор неопределенного артикля в тексте перевода.

Переводчик же на английский язык ориентировался на наличие при существительном «фонтан» лимитирующего определения «заглушенный доселе», что и по-

влияло на выбор определенного артикля.

Что касается несовпадений, которые являются результатом переводческой трансформации, в исследуемом фрагменте есть только одно такое несовпадение.

опустилась неба бездна	с	<i>l'insondable obs- curité descendue du ciel</i>	<i>an abyss descended from the sky</i>

Переводчик на французский язык ввел причастный оборот «descendueduciel», который и обусловил выбор определенного артикля. При этом в тексте перевода на английский язык подобная трансформация не использовалась, поэтому существительное «abyss», именующее

объект, который ранее в романе не упоминался и тем самым никак не выделен из множества, имеет при себе неопределенный артикль.

На основании результатов анализа текстового материала можно сделать предварительный вывод, что национальная языковая специфика, безусловно, влияет на функционирование артиклей, но механизмы этого функционирования имеют одинаковую основу в разных языках (в частности, в английском и французском), и потому есть основание говорить о том, что существует некоторый семантический инвариант артикля, общий для всех языков.

Библиографический список

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.
2. Добеева М.Ю. Дискурсивный аспект нулевого артикля в текстах прессы современного французского языка. ИГЛУ, Иркутск, 2003.
3. Кашкин В.Б. Асимметричность знака и межъязыковые различия // Теоретические проблемы современного языкознания. Сборник в честь проф. З.Д. Поповой. Воронеж, 2009. С.32–37
4. Литвин Ф.А. Общее и национально-специфическое в семантике артикля в разных языках (на материале параллельных текстов) (в печати).
5. Литвин Ф.А. Перевод как средство понимания языка (постпереводческий анализ дискурса) // Иностранные языки в высшей школе, 2013, №2. С. 34–39.
6. Мокроусова О.Ю. Детерминанты как основные распространители номинативных предложений // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6; URL: <http://www.science-education.ru/106-7766>
7. Mikhail Bulgakov. The Master and Margarita. Translated by Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor, Picador, London, 1997.
8. Mikhail Boulgakov. Le Maître et Margueritetraduit du russe par Claude Ligny, éd. Le Grand Livre du mois, 2002.

References

1. Gak V.G. Theoretical grammar of French. M.: Dobrosvet, 2000.
2. Dobeveva M. Discursive aspect of a zero article in texts of the press of modern French language. Irkutsk, 2003.
3. Kashkin V. The Asymmetry of Sign and Language Differences// Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. Voronezh, 2009. Pp.32–37.
4. Litvin F.A. The general and the national-specific in the semantics of the articles in different languages (based on analysis of parallel texts) (being printed)
5. Litvin F.A. Translation as a Means of Understanding Language (post-translation discourse analysis)// Issues of theory, practice and didactics of translation-16, P.II, N.Novgorod, 2012. Pp.72–81.
6. Mokrousova O.Yu. The determinants as the main distributors of the nominative sentences. // Modern problems of science and education. 2012. № 6. <http://www.science-education.ru>
7. Mikhail Bulgakov The Master and Margarita. Translated by Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor, Picador, London, 1997.
8. Mikhail Bulgakov Le Maître et Margueritetraduit du russe par Claude Ligny, éd. Le Grand Livre du mois, 2002.

УДК 821.161

UDC 821.161.1

С.Р. ТУМАНОВА

кандидат филологических наук, доцент-исследователь,
кафедра русского языка, Российский университет
дружбы народов
E-mail: svetla-tumano@yandex.ru

S.R. TUMANOVA

Candidate of Philology, professor-researcher, Department
of Russian language, Russian university of friendship of
people
E-mail: svetla-tumano@yandex.ru

**«ОБОСТРЁННОЕ ЧУВСТВО СМЕРТИ В СИЛУ СТОЛЬ ЖЕ ОБОСТРЁННОГО ЧУВСТВА ЖИЗНИ»
(КОНФЛИКТ ЖИЗНИ И СМЕРТИ ПО РАБОЧИМ ТЕТРАДЯМ, ДНЕВНИКАМ И ПИСЬМАМ
А.Т. ТВАРДОВСКОГО 30-Х ГОДОВ)**

**«HEIGHTENED SENSE OF DEATH IN FORCE AS A HEIGHTENED SENSE OF LIFE» (CONFLICT OF LIFE
AND DEATH ON WORKING COPYBOOKS, DIARIES AND LETTERS OF A.T.TVARDOVSKY OF 30-IES)**

В статье впервые анализируется конфликт жизни и смерти в сознании А.Т. Твардовского в годы становления его отношения к основным вопросам бытия. Поиск смысла жизни для Твардовского неотрывен от борьбы за правду и идёт в постоянном конфликте сначала с «проклятым семейством», потом с проклятым государством.

Ключевые слова: философия, смысл жизни, смерть, правда, одиночество.

The article first examines the conflict of life and death in the mind of A.T. Tvardovsky in the formative years of his relationship to the fundamental questions of life. Search for the meaning of life for Tvardovsky is inseparable from the struggle for truth and is in constant conflict first with “cursed family”, then cursed by the state.

Keywords: philosophy, the meaning of life, death, however, loneliness.

В истории русской литературы философия играет особую роль, ибо является неотъемлемой её частью, говоря иначе, философская мысль рождается в недрах мысли художественной и воздействует, с одной стороны, на весь литературный процесс, с другой – на развитие самой философии. Не заявляя себя философами, не творя философских трактатов, русские писатели на протяжении веков, тем не менее, всегда задавались философскими вопросами смысла жизни: смерти и бессмертия, памяти и беспамятства, любви и ненависти. Пушкин, Толстой, Тютчев, Достоевский, поэты Серебряного века – их имена приходят на ум в первую очередь, когда мы думаем о философском освоении действительности художественной литературой.

Литература 20 века после революции оказалась в своеобразном и социальном, и эстетическом пространстве. Тема поиска смысла жизни в 30-е годы XX века (в годы официального прихода в литературу Твардовского) обостряется самой действительностью переходного периода. Двигаясь в общем потоке времени, во многом соответствуя ему, Твардовский, тем не менее, осознаёт его жестокие противоречия. «Эпоха 30-х годов, – размышляя о творчестве Твардовского, замечает В. Акаткин, – была нашей гордостью», «это было ударное десятилетие», но, с другой стороны, как он пишет, «в ней ищут начала всех наших бед и поражений» [1]. Поэт, с его постоянным поиском правды, не может не идти вперёд, порой наперекор самому себе.

Объёмно, ёмко, многогранно понятие жизнь. Жизнь

– это и судьба, и противопоставление смерти, и символ прогресса в противовес мертвечине, и всегда движение.

Поиск смысла жизни постоянно сталкивается с определением смысла смерти, они связаны и не могут существовать друг без друга. «Смерть уничтожает живое, – размышляет автор предисловия к книге о жизни и смерти в литературе романтизма Е.Ю.Сапрыкина, – но при этом она необходима жизни. Друг без друга они обе невозможны и в равной мере предполагают друг друга. Они в равной степени и отрицают, и воспроизводят друг друга. Благодаря смерти жизнь конечна и благодаря ей же бесконечна. Смерть – это исчезновение, конец живого и в то же время это залог бесконечности мироздания» [7]. «Смерть ставит перед нами вопрос о самом главном, об основах нашего земного существования, о личной жизни в целом. Смерть есть та сила, которая обрывает поток повседневных обстоятельств и впечатлений и выводит человека из него, она задаёт ему вопросы: «ради чего ты живёшь? верен ли твой выбор, или ты до сих пор даже не удосужился выбрать что-нибудь? стоит ли жить тем, чем ты живёшь, и верить в то, во что ты веришь? если стоит, то за это стоит бороться и умереть! Ибо то, что не стоит смерти, то не стоит ни жизни, ни веры!..»» [5].

На эти вечные вопросы выдающегося русского философа Ивана Александровича Ильина А.Т. Твардовский много раз заочно отвечает: и в дневниках, и в произведениях.

Смысл жизни для Твардовского, как он пишет в

своём юношеском дневнике, в том, чтобы «бороться за лучшую жизнь людей». Но за этими лозунговыми словами, звучащими вполне в духе времени, стоит понимание главного, магистрального направления этой борьбы – борьбы за правду («да была б она погуще, как бы ни была горька», – скажет он в своём знаменитом «Тёркине» эти слова, ставшие для него девизом всей жизни). Желание понять, найти эту правду и открыть её людям явилось главным двигателем жизни и творчества Твардовского. Постигание истины давалось поэту тяжким жизненным опытом, потерями и обретениями, становилось тем оселком, на котором затачивались его судьба и творчество.

Жизнь внутренняя, жизнь души и внешняя, в контакте с окружающим миром – «мир мой внутренний и окольный» – порой идут в одном направлении, порой противоречат друг другу, и тогда неминуема трагедия и даже гибель. Гигантский замысел (не поэта, а высших сил) жизни Твардовского сталкивается сначала, по его словам, с «проклятым семейством», потом с проклятым государством.

Уже давно и не без основания отмечено исследователями, что наиболее остро в литературе вопрос смысла жизни возникает в переходные периоды, на сломе двух веков, двух государственных систем, или смене направлений в литературе и искусстве. 20-30-е годы XX века, соединив в себе все эти перемены (что создавало невозможность выработки программы защиты человека от экзистенциального восприятия жизни), делали его уязвимым перед лицом катаклизмов, которые принёс XX век, разрывали сознание и влекли за собой потерю смысла жизни. «Человек XX века оказался в глобальной «экзистенциальной ситуации»: наедине с метафизическими безднами бытия и собственной души, перед беспредельностью одиночества, из которого ему оставался лишь путь к «расколотому Я» [4]. Русская литература начала XX века столкнулась с этой проблемой в сложнейших условиях исторического развития.

Поиск смысла жизни был очевиден в стремлении Твардовского вырваться из узких рамок каждодневного существования. Ему, впрочем, как и многим в то время, казалось, что то новое, что появилось в жизни страны после революции, создаёт её новый смысл. Через всё творчество Твардовского проходят несколько магистральных мотивов-образов, каждый из которых в тот или иной момент выдвигается на первый план или отходит в тень. Это, несомненно, зависит от направлений развития общества, важнейших исторических событий и коллизий жизни самого поэта. Уже давно названы и рассмотрены ключевые мотивы творчества Твардовского: дом, дорога, память, правда. Анализ этих и других мотивов по отношению к таким категориям, как смысл жизни и смысл смерти, даёт возможность под иным углом зрения взглянуть на них и глубже и ярче раскрывает их содержание.

В «Рабочих тетрадях», которые велись Твардовским на протяжении всей его жизни, явно прослеживается путь поэта к осознанию смысла жизни. «Чувство жизни в нём (Твардовском – С.Р.Т.), – пишет Акаткин, – самое

сильное и воодушевляющее, он не боится её водоворотов, как многие в XX веке, не пытаясь свести с ней счёты, уйти в сторону, заслониться ото всего своими обидами и претензиями» [1].

Поставив себе задачу прожить жизнь так, чтобы её конец не был страшен (а это означало для 24-летнего поэта «бороться за лучшую жизнь людей» и «стремиться к истине»), Твардовский ищет пути осмысления необходимости пределов человеческой жизни: «Да, смерть моё личное дело, то, с чем нужно встретиться в одиночку, что неизбежно встанет горьким концом жизни. – Но разве страшен этот конец за жизнь – такую, какою она может стать? Я не буду искать утешений, не буду обманываться. Смерть никогда не будет желанной. И она – из тех вопросов, которые я должен разрешить для себя сам, несмотря на то, что их уже разрешали лучшие из людей» [8]. Мысль Твардовского о достойной жизни в виду смерти созвучна размышлениям Иммануила Канта: «Не обязательно необходимо, чтобы, пока я жив, я жил счастливо; однако необходимо, чтобы пока я живу, я жил достойно».

Таким образом, мотив жизни и смерти в довоенном творчестве Твардовского не только не является случайным, но и выявляет многие его индивидуальные черты, которые разовьются впоследствии. Он связывает с этим основным вопросом человечества проблемы одиночества, смысла творчества и многие другие.

На протяжении многих лет литературоведы и критики считали, что философские мотивы, и в частности мотив жизни и смерти, вошли в творчество Твардовского только в 60-е годы. Пожалуй, только А. Македонов отметил, что «тема смерти у этого певца жизни на земле возникла очень рано, уже в стихах конца 20-х годов, когда поэту было 18-19 лет, и проходит через всё творчество» [6]. Но он не ставил себе целью проследить развитие этого мотива в творчестве Твардовского. Тем не менее, такой анализ оказывается плодотворным и для выявления глубинных течений его художественного сознания, особенно некоторых черт экзистенциального сознания.

Твардовскому в целом свойственно пушкинское ощущение гармоничного развития жизни и естественное завершение её смертью. Присуще Твардовскому и характерное для Льва Толстого пристальное всматривание в лицо смерти, будь это смерть деда, сына, друга или даже собаки, и так же как у Бунина, у него развито «обострённое чувство смерти в силу столь же обострённого чувства жизни», на котором он акцентировал своё внимание при анализе его творчества. Однако, на протяжении жизни, отношение к смерти изменялось в связи с личными и общественными событиями.

Дневники Твардовского 20-30-х годов – это свидетельство не только серьёзной работы над первыми ранними произведениями, но и, что более важно, огромной работы души начинающего поэта. Как пишет А.М.Турков, анализируя название первой тетради поэта «Пережитое»: «Этот кажущийся наивным заголовок, каково бы ни было его происхождение, в сущности, вполне отвечает содержанию дневника юного

Твардовского, чья внутренняя, духовная жизнь уже в ту раннюю пору привлекает своей напряжённостью, насыщенностью, остротой мировосприятия и драматизма исканий» [10]. Среди таких исканий выделяются размышления поэта о своей судьбе, о чувстве одиночества, о смерти и смысле жизни, и как следствие – необходимости философского наполнения произведений. «В сущности, – отмечает В.Акаткин, – он выразил главный конфликт своего времени: противостояние сил жизни и смерти, несовпадение целей и средств прогресса. Ни в какое другое время этот конфликт не был главным в литературе. Само понятие жизни (природной или человеческой) стало для Твардовского своеобразным эстетическим центром творчества, точкой отсчёта в оценке переломных исторических событий. Всё, что работает на жизнь, на её спасение и утверждение, всегда получает у Твардовского положительную авторскую оценку» [2].

Не создавая собственной философии и не отдавая предпочтения какому-либо философскому направлению, поэт, тем не менее, с самых ранних лет считал необходимым знание философии. Запись об этом появляется в плане работы, набросанном в 1933 году в «Рабочих тетрадях»: «Сделать занятия философией постоянным делом» [8]. В том же году он записывает: «Огромным недостатком моих стихов, как и вообще, может быть, нашей литературы, является то, что мы темы социально-общественные, политические разрабатываем в абсолютном отрыве от таких вещей, как природа, любовь, смерть и т.п.» [8]. Эта запись поражает многих. Но самое главное, что могло в то время вызвать, по меньшей мере, недоумение, это заявление молодого поэта, что ничего не получается, если разрешать эти темы «марксистски». И сказано это было в то самое время, когда, будучи корреспондентом, он активно участвовал в общественной жизни и выражал, по словам, критиков, «в старой форме идеи большого социального направления». Однако его, комсомольского активиста, не смущают эти размышления, ведь он стремится к истине во всём. Пытаясь всё осознать, он предполагает, что «за борьбой последних лет люди действительно очень отстранились от этих вещей, переживают их «дома», обывательски стыдятся их, (эти вещи) теряют перед ними своё величие» [8]. «Не может же быть так» – отмечает он такое предположение. Но это мучает его, и он находит выход в углублении своих знаний: «Но что мне из того, что люди знают языки, философию и т.д., пока я их не знаю. Каждый всё начинает сначала, но повторение здесь не грозит» [8]. Его преследует понимание, что ещё многого он не знает, и при этом звучит постоянное настойчивое желание узнать как можно больше: «Мучительно ощущаю своё бескультурье. Как я, в сущности, мало знаю, мне помог понять даже Гриша» [8].

Постепенно, как бы на ощупь, движется молодой поэт к осознанию вечных проблем. В этом смысле симптоматична запись 34 года: «Есть во мне сознание, слабоватое лишь в силу малого исторического образования, что мы обо всем будем писать, о чем уже писали и древние и вообще все до нас. Все перепишем сначала. Могут <быть> даже, пожалуй, при высоком уровне

поэтического сознания, взяты известные образы и сюжеты (Прометей и т. п.) [8]. И как бы в подтверждение этого он записывает в «планах лирических стихов» такие строчки:

И – поколение поколению вслед –
Рождаются и умирают люди.
Мне двадцать пять, и лучше этих лет
Не может быть и никогда не будет.

.....Отмечены огнями
Места, где люди на земле живут.
О том, что просто молодость прошла,
О том, что всё же эта жизнь мила [8].

Слова о прошедшей молодости и любви к жизни, которая «всё же мила», становятся знаком всего творчества Твардовского. Можно сказать, что становление Твардовского как поэта связано именно с философским направлением.

Уже в семнадцать лет Твардовский, наблюдая за судьбами людей, окружавших его, примеривался к своей судьбе. В дневнике он записывает: «Мне кажется поэтичной жизнь сельского учителя» [8], но тут же его внутренний голос подсказывает: «Мне-то не быть учителем, не быть». Но всё же он предсказывает свое будущее: «А чем я все-таки буду? Ведь это ерунда, что мне иногда кажется, что я работник какого-то литжурнала...» [8]. Будущий поэт уже не представляет жизни без стихотворства, и поэтому его особенно мучает необходимость работы с отцом в кузнице. Возникший в душе конфликт выливается во внешний конфликт с отцом, который подогревается непониманием со стороны отца желаний сына, желаний, которые от него уже не зависят, которые сильнее сомнений в будущем благополучии. Мечтая о большом будущем, он констатирует безвыходность настоящего: «Но пока нет 10 копеек на марку» [8]. К этому присоединяется ощущение одиночества: «Проклятое одиночество» и далее: «И живу и не живу. Деревца садить не могу – кому? Быть может, последнее время топчу свою тёплую весеннюю землю – сажу деревца» [8]. В этих словах можно увидеть и юношеский максимализм, но в контексте жизни Твардовского они приобретают особое значение. Интересно, что здесь мысли о жизни связаны с посадкой деревьев. Ещё не раз Твардовский использует этот образ и именно в стихотворных размышлениях о жизни. А работа на земле будет для него всю жизнь и отдохновением, и убежищем от невзгод жизни (неслучайно он называл своё поэтическое творчество «приусадебным участком»).

Непонимание близких, родных людей, прежде всего отца, заставляет будущего поэта возненавидеть всё, что его окружает: «На что я только не согласен, чтобы выйти из проклятого семейства, в котором природа заставила меня подняться. Набрать запас душевных сил в дальнюю дорогу – жизнь» [8]. Наверное, здесь впервые он ассоциирует жизнь с дорогой, которая в его творчестве становится метафорой жизни человека. Осмысливая жизнь, будущий поэт пытается объяснить свою «детскую мечтательность», желание, «чтобы

биография была похожа на что-нибудь, что объяснено и известно» тем, что «в детстве и юности было что-то стыдное, не как у людей», а связано это было «с обстановкой семьи, замыслами и поведением отца» [8]. «Одиночество (творческое) не так остро, если работаешь побольше, приводишь в порядок всё» [8]. Работа раз и навсегда, на всю жизнь становится необходимостью, и лекарством и от физических, и от душевных страданий.

«Ощущения «негениальности» приходят, как и в прошлом году, но теперь я говорю: старо. Я не бесталанен. Но талантливость моя не настолько велика, чтобы проявиться без особых усилий с моей стороны, без труда, при наличии всё обнаруживающейся некультурности. Я абсолютно уверен, что если буду по-настоящему (по-брюсовски, по-горьковски) работать, – смогу стать большим писателем. Но, как я уже давно говорю, если я окажусь и не большим, то первым буду знать это» [8]. Удивительно, что уже в столь раннем возрасте он понимает необходимость жёсткой самооценки и всю сложность труда поэта, его непредсказуемость: «Всё это большая и страшная по своей беспощадности проверка: есть ли я настолько настоящий человек, чтобы работать, класть все силы хотя бы и к достижению того, что заранее не обольщает исключительностью, «гениальностью» [8]. Но он убеждает самого себя в необходимости такой работы, уверенности в своей стезе: «я должен, я сделаю своё положение», «я стану работать» – эти настойчивые утверждения свидетельство силы характера Твардовского и настроения, несмотря ни на что, на жизнь такую, о какой он мечтает. «Даёшь, ребята, работку!» – вот что важно для него в то время, так как он уверен в своих силах: «Я не дрожу так, как Надсон, за своё дарование. Я понимаю так, что если чувство оправдывает то, что пишешь, и достаточно. Чувство есть, а умение передать будет» [8].

Уже тогда Твардовский улавливает то главное, что поэзию делает поэзией – философский подтекст: «Нужно ещё усилие, чтобы уловить этот непередаваемый секрет: говорить о многом, говоря об очень малом, давать почувствовать то, что надо, не тем, что оно будет изложено, а тем, что порой о нём как бы и речи нет. Читаем же мы в настоящей поэзии то, о чём прямо в ней не говорится. И давно уже было понятно, что иной раз сказать это значит умолчать» [8].

В дневнике 34 года он записывает: «Разве можно было бы не бороться за лучшую жизнь людей, не стремиться к истине из-за того лишь, что я, червяк, умру? – Ниже этого придумать нельзя. Чернышевский, Желябов, Ленин, Горький» [8]. И перечисление имён, и слова о борьбе были естественны для 24-летнего Твардовского. Они вызывают в памяти знаменитые слова о смысле жизни Николая Островского: «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно...». Но для Твардовского главным всё-таки остаётся стремление к истине, той правде, за которую он боролся всю жизнь.

В ранних дневниках Твардовского жизнь – это будущее, хотя тетрадь 1927 года имеет название

«Пережитое» и в ней даже есть раздел «Вспоминаю», который завершается словами: «Детство милое, невозвратное!..» [8]. Автору этой записи всего 17 лет, но уже тогда появляется у него чувство времени, неотрывное от чувства жизни. Его мечты о жизни, прежде всего, связаны с работой. «Вот было б «путяно» – мечтает он о публикации своих первых стихов. И тогда же появляется мысль о путешествии: «Рубликов бы 50! Ну, тогда б я повернулся иначе. Или сразу переселился б в Смоленск или поехал бы путешествовать» [8]. Мотив дороги как символ жизни, как известно, стал одним из главных в его творчестве. Много позднее, в 1966 году в его «Рабочих тетрадях» появится запись, которая с первого взгляда вызывает недоумение, так как Твардовский, по его словам, не любил уезжать из дома, особенно за границу: «А потом «е.б.ж.» и е.в.х. (если всё будет хорошо) совершу кругосветное путешествие по воде и запишу всё по-манновски со всякими отвлечениями и т.п.» [9]. «По-манновски» для него, видимо, означало с философскими размышлениями. Сокращение «е.б.ж.» – это из дневников Толстого, которое он расшифровывал как «если буду жив», а Твардовский во множественном числе: «если будем живы».

«Малая родина» – это определение, впервые употреблённое Твардовским, приобрело самую высшую форму признания – стало народным и давно используется без кавычек и без ссылки на автора. «Вспомните, – пишет Леонид Николаевич Афонин, литературовед, критик, краевед и педагог, однокашник Твардовского по учёбе в знаменитом ИФЛИ, – глубоко верное, согретое теплотой патриотизма суждение Александра Твардовского «О родине большой и родине малой» [3]. Трепетное отношение поэта к своим истокам стало общим местом в исследованиях разных авторов. (Известен рассказ Кондратовича о том, как Твардовский не вошёл в дом-музей Маяковского, в котором тот родился, только потому, что сам Маяковский никогда не приезжал туда и никогда о нём не писал). Можно назвать множество стихотворений, в которых Твардовский с любовью и нежностью вспоминает об отчем доме. Мотивы и образы матери, родного дома, природы органично входят в художественный дискурс Твардовского. И на протяжении всех дневниковых записей становятся необходимым элементом жизнеутверждения. Однако именно любовь к малой родине вступает в конфликт с его стремлением к «самоусовершенствованию»: «Художественное мышление страшно ограничено Загорьем» [8]. И далее: «Я должен поехать на родину, в Загорье, чтобы рассчитаться с ним навсегда. Я борюсь с природой, делая это сознательно, как необходимое дело в плане моего самоусовершенствования. Я должен увидеть Загорье, чтобы охладеть к нему, а не то ещё долго мне будут мерещиться и заполнять меня всяческие впечатления детства: берёзки, жёлтый песочек, мама и т.д.» [8]. Природа, любовь, смерть – в представлении Твардовский эти понятия теряют своё величие в сознании людей, если «темы социально-общественные, политические» разрабатываются в отрыве от них. Т.е. философские общечеловеческие проблемы, по его мне-

нию, должны постоянно присутствовать в литературе. Отсутствие их Твардовский считает «огромным недостатком». Для него одной из ценностей поэтического творчества является философичность. Именно это слово он употребляет, когда задумывается, «есть ли существенный повод для написания стихотворения о Валерии Брюсове: «Чтобы он (стих – С.Т.) прозвучал актуально: научность, горьковская трудолюбивость,

упорство, философичность, утверждение смысла жизни, «в чём никогда не перестанет нуждаться человек»... Пожалуй, есть...» [8].

Следующий этап развития творчества Твардовского приходится на тяжёлый период в жизни всего народа – Великую Отечественную войну. Она потребовала от поэта новых подвигов, его философское сознание приобрело новый оттенок и глубину.

Библиографический список

1. Акаткин В.М. А.Т.Твардовский. Страницы творчества. Работы разных лет. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 42–48.
2. Акаткин В.М. Дорога и память. О Твардовском. Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1989. С.5
3. Афонин Л. Рассказы литературоведа. Тула: Приок. кн. изд-во, 1979. С.5
4. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта. Наука, 2002. С. 9.
5. Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Цит. по: В.М.Пивоев Философия смысла, или телеология. Петрозаводск: ПетрГУ, 2004. С. 52–53.
6. Македонов А.В. Творческий путь Твардовского. Дома и дороги. М.: Художественная литература, 1981. С. 35–36.
7. Сапрыкина Е.Ю. Введение. У границы «безвестного края»// Вишневская Н.А., Сапрыкина Е.Ю. (ред.) Жизнь и смерть в литературе романтизма. Оппозиция или единство? М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2010. С.8.
8. Твардовский А.Т. Рабочие тетради//Литературное наследство. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. М.: Наука, 1983. Т.93. С. 298–334.
9. Твардовский А.Т. Новомирский дневник. В 2 т. М.: ПРОЗАиК, 2009. Т.1: 1961–1966. С. 493.
10. Турков А.М. Вступительная статья// А.Т.Твардовский Рабочие тетради. В кн.: Литературное наследство Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. М.: Наука, 1983. Т.93. С. 289.

References

1. Akatkin B.M. A.T.Tvardovsky. Pages of work. Works of different years. Voronezh: VGU, 2008. Pp. 42–48.
 2. Akatkin B.M. Road and memory. About Tvardovsky. Voronezh: Tsentralno-Chernozemnoje knizhnoe izdatelstvo, 1989. P.5.
 3. Afonin L. Stories of literary critic. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatelstvo, 1979. P.3.
 4. Zamanskaja V.V. Existential tradition is in Russian literature of the XX century. Dialogues on the borders of centuries. M.: Flinta. Nauka 2002. P. 9.
 5. Iljin I.A. Collected works: In 10 V. M. 1993. I quote on: V.M.Pivoev Philosophy of sense, teology. Petrozavodsk.: PetrGU, 2004. Pp. 52–53.
 6. Makedonov A.V. Creative way of Tvardovsky. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1981. Pp. 35–36.
 7. Saprikina E.Yu. Introduction. At a border a “obscure edge”//Life and death are in literature of romanticism. Opposition or unity? M.: IMLI im. A.M.Gorkogo RAN, 2010. C.8.
 8. Tvardovsky A.T. Working notebooks//the Literary inheritance From history of soviet literature of 1920-1930th. M.: Nauka, 1983. V.93. Pp. 298–334.
 9. Tvardovsky A.T. Novomirsky diary. In 2 V.- M.: PROZAIK, 2009. V.1: 1961–1966, P. 493.
 10. Turkov A.M. Prolusion// of A.T. Tvardovsky is the Working notebooks. In кн.: Literary inheritance From history of soviet literature of 1920-1930th. M.: Nauka, 1983. V.93. P. 289.
-

Е.Н. ШЕТУХИНА

аспирант, кафедра рекламы и дизайна, Воронежский
государственный университет
E-mail: katerina2301@mail.ru

E.N. SHETUKHINA

Graduate student, Department of advertising and design,
Voronezh State University
E-mail: katerina2301@mail.ru

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ФОЛЬКЛОРА КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЗВУКОВ
В ПРОЦЕССЕ ПОСТРОЕНИЯ РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ**

**PHONETIC MEANS OF FOLKLORE AS A WAY OF ARRANGING SOUNDS
IN THE PROCESS OF BUILDING A COPYWRITER**

В статье рассматривается комплекс фонетических языковых средств фольклора и их использование в печатных рекламных текстах. Анализируется роль фонетических выразительных средств фольклора в оформлении рекламного сообщения.

Ключевые слова: реклама, текст, фольклор, языковые приемы, выразительные средства, повтор.

The article discusses the complex phonetic language means folklore and their use in print advertising texts. The role of phonetic expressive means of folklore in the design of the advertising message is analyzed.

Keywords: advertising, text, folklore, language techniques, expressive means, repeat.

Реклама представляет собой особую сферу деятельности, продуктом которой являются словесные произведения – рекламные тексты. Язык рекламы, несмотря на кажущуюся иногда лаконичность и простоту использует огромную палитру художественных средств и приемов, которые направлены на раскрытие потенциальных возможностей слова и эффективного речевого воздействия. Рекламный текст должен быть не только кратким, запоминающимся, убедительным и побудительным, но и оригинальным за счет использования различных выразительных средств языка. Одна из целей рекламного сообщения – вызвать определенные эмоции, добиться которых можно с помощью различных фонетических приемов, в частности, имеющих фольклорную составляющую.

Обширные фонетические средства фольклора во многом определяют красоту и выразительность языка. Основанные на чувственном восприятии они вызывают определенные ассоциации у человека. При этом выражение ассоциативных смыслов осуществляется зачастую через фонетическое оформление. Поэтому фонетическая сторона языка имеет немалое значение в построении различных текстов, в том числе рекламных. Комбинация звуков в рекламном тексте оказывает эмоциональное воздействие на потребителя: одни звуки в рекламном сообщении вызывают положительные эмоции и успокаивают, другие – настораживают. При этом звуковая оболочка слов, несомненно, ощущается читателем, и процесс осмысления фонетической символики происходит неосознанно.

К числу фонетических приемов фольклора, используемых в рекламных сообщениях, относятся фоносемантические средства языка, звукоподражание, звуковые и лексические повторы, рифма, ритмическая

организация текста, фонетический каламбур.

Фоносемантические средства и звукоподражание

Воздействующий потенциал отдельных звуков и передающих их букв хорошо известен. Различные звуки вызывают определенные ассоциации, имеют различную психологическую значимость и способы передавать определенную смысловую информацию. И. Морозова [1] подчеркивает, что для целенаправленного создания определенной фонетической формы рекламного текста необходимо учитывать смысловые характеристики звуков. Так, например, звук «р» передает идею динамики, решительности, мужественности: «Поспел, поспел мак. Ну что Ермак, пора рвать мак?». Тяжелые и устойчивые взрывные «п» и «б» создают ощущение основательности и надежности: «Он ударил дуб палицей булатною, он расшиб тот дуб булавою своей» – чередование согласных «д», «б», «т», создает ощущение ударов булавы и исходящих от нее глухих звуков. Плавные, скользящие назальные «л» и «н» имеют выраженное женское начало, оставляют чувство легкости: «Бабушка добренька, внучка голубит, по головке гладит». Звук «о» производит впечатление мягкости и расслабленности: «Хорошо в саду соловей поет: он поет, поет припеваючи», а в некоторых случаях акцентирует внимание на необходимые детали. Например, в слогане парфюмерного бутика «Ноктюрн – запах Вашей мечты» акцент в произношении на звук «о» подчеркивает высокий стиль, передает особую торжественность и благородную сдержанность. Звук «а» и «э», как правило, ассоциируется с эмоциональным подъемом: «Ах ты зима, зима!»; «Эй вы гой еси, слуги верные!».

Основой фонетической адекватности рекламной фразы является ее благозвучие, соответствие звуко-

вого состава смыслу рекламного сообщения. Это достигается с помощью использования слов, в которых преобладают звуки с семантикой сходной с общим смыслом рекламного сообщения. Например, слоган лимонада «Миринда» – **«Взрыв вкуса»** (реклама напитка «Миринда») при помощи сочетания трех согласных звуков «в», «з», «р» фонетически передает идею взрыва, заложенную в рекламном высказывании. В фольклоре этот прием можно встретить в различных жанрах, например, в загадках: **«Трах, трах, стоит дом на горах. Вода бежит, дом дрожит»** – сочетание звуков «рах» ассоциируется с шумом работающей мельницы.

На ассоциативном восприятии звуков основан прием звукоподражания.

Для усиления эмоционального воздействия копирайтеры часто используют слова, фонетический состав которых напоминает называемые в этих словах предметы и явления [2]. Например, в рекламном сообщении газированного прохладительного напитка «Шпик» **«Хорош-ш-ш-ший! Хорош-ш-ший до последний капли!»** многократный повтор звука «ш» ассоциируется у потребителя со звучанием пузырьков газированной воды; **«Донна»** – повтор созвучной «н» созвучен звуку чокающихся бокалов (реклама хрустальной посуды). Прием звукоподражания подчеркивает смысловую организацию текста. Употребление звуков, ассоциирующихся с рекламируемым объектом, также служит средством для фонетической поддержки общей идеи рекламного сообщения [3]. Например, **«С детским питанием Ням-ням и Топ-топ расти, малыш, большим и крепким!»** (реклама детского питания). Как правило, фоносемантические средства и звукоподражание в большей степени используются в названиях товара для того, чтобы выделить его из ряда аналогичных продуктов.

Созвучие. Повторение звуковых элементов рекламного текста является эффективным приемом облегчения процесса восприятия. Общая фонетическая окраска текста создается выделяющимися (выдвинутыми) на общем фонетическом фоне близко расположенными повторами [4]. Система повторов создает красоту и гармонию текста, а также несет обрядовые черты фольклорных заговоров. В рекламе роль повторов еще значительнее, поскольку это один из принципов построения текста, гарантирующий его хорошую запоминаемость и особое влияние на сознание.

Наиболее частой формой звукового повтора, характерной для рекламных текстов, является аллитерация (в широком понимании) – повтор одинаковых или сходных ударных согласных или гласных звуков. Прием аллитерации используется для создания определенного эмоционального тона, соответствующего содержанию высказывания, а также является действенным выразительным средством. Например, **«Мото. Меньше, чем мальнький!»**; **«Чрезвычайно чайный вкус»** (реклама чая); **«День делает добро»** (реклама банка «Дом денег»). В последнем примере аллитерация на «д» ассоциируется с надежностью и спокойствием, усиливает выразительность звукового образа.

Ассонанс, который часто называют «гармонией гласных», представляет собой повтор одних и тех же ударных гласных звуков внутри фразы. Он также является распространенным средством звуковой организации в рекламном сообщении. Ассонанс способствует созданию особого ритмического рисунка, который придает высказыванию интонацию настойчивого повтора. Например, звук «о» – в рекламном тексте предназначается для создания определенного настроения, выражения рекламной идеи: **«Стало в комнате светло. В доме новое окно»** (реклама пластиковых окон). В данном примере звук «о» является смысловой звуковой доминантой. Пронизывая весь отрезок текста, он создает фонетическую цепь. **«Надо чаще встречаться, будешь реже ломаться»** (реклама автомастерской «Трек»). Различные типы повторов организуют звуковую строй рекламного сообщения. Повтор конечных согласных – коссонанс, также используется при оформлении рекламного текста, например, **«Кнорр – вкусен и скорр»** (реклама приправы «Кнорр»).

Анализ рекламных сообщений показывает, что звуковые повторы также являются эффективным средством облегчить потребителю восприятие рекламного сообщения. Объектом созвучия может быть имя бренда, потребительское преимущество, товарная категория, например, **«Наш дом – Домино»** (торговая компания «Домино»).

Рифма – вид регулярного звукового повтора сходных звуков на концах строк или других симметрично расположенных частях текста. Рифмование строчек рекламного текста было издавна активно распространено в фольклорной рекламе (ярмарочные зазывалы, лоточники, скоморохи и др.). В рекламном сообщении прием рифмы всегда выгодно выделяет ключевые слова из общего потока и к ним привлекается особое внимание. Очевиден тот факт, что подобная организация рекламного текста способствует его более легкому произнесению и запоминанию. В рекламе рифма используется довольно часто. Например, **«Пей больше, живи дольше!»** (реклама минеральной питьевой воды «Кавказ»); **«Попробовав раз – ем и сейчас!»** (реклама кондитерских изделий). В рекламном слогане рифма также должна служить актуализации нужной информации и облегчения ее запоминания, усиливая при этом смысл рекламного сообщения: **«Му-Му. Вкусно по-домашнему»**; **«Лучшее молоко от вас недалеко»**. Часто используются двустрочные рифмованные тексты по типу выкриков торговцев **«Наш капрал, на ножки встал»**, например, **«Если карточка в кармане, Отдыхаешь на диване»** (реклама мебели в кредит); **«Спаленки для больших и маленьких»** (реклама мебельного магазина); **«Кашля больше не боюсь – Геделиксом я лечусь»** (лекарственный препарат).

Ритмическое построение фразы. Ритм – определенное сочетание ударных и безударных слогов в тексте. Использование в современной рекламе ритмически организованных строк и примитивного стихотворного размера подчеркивает ее родство с городским фольклором уличных торговцев. Многие рекламные тексты

имеют в своей основе повторяющуюся ритмическую структуру, часто соединяющуюся и с рифмой, например, «Российская сенсация – практичные колготки «Грация». Ритмическая организация слов в рекламе делает ее более структурированной, помогает более легкому запоминанию и произнесению слогана. Ритмический текст может быть представлен в виде двухсложного стихотворного размера, например, «Вкусно. Быстро. Здорово» (сеть кафе «Теремок»); «Чай Беседа создан дарить тепло» или трехсложного: «Ах...» – женский журнал для мужчин и женщин».

Фонетический каламбур – языковая игра, построенная на частичном или полном звуковом сходстве разных по значению слов. В рекламном сообщении используется для оригинального представления товара или услуги. «Квас не Кола. Пей Ни́колу! (реклама прохладительного напитка «Никола») » или «СЗАГС. Встретимся в СЗАГСе!». В последнем примере «СЗАГС» – это аббревиатура названия вуза, которая омонимична хорошо известной аббревиатуре «ЗАГС» и ассоциируется у молодежной целевой аудитории с приятным событием. Данный прием охотно применяется, поскольку адресат всегда обращает внимание на неординарно оформленные фразы.

К фонетическим приемам относится также использование звукового ряда, характерного для разговорной, диалектной речи. В пословицах и поговорках

часто можно наблюдать выпадение гласных и согласных звуков: «Лихо жить в нуже, а в горе и того хуже» (выпадение звука «д»). Этот прием позволяет установить доверительные отношения и расположить к себе потребителя: «На улице осень и дожди, а у нас для Вас цветные плащи!» для придания благозвучия и ритма использован исчезающий звук «д» (реклама магазина одежды).

Таким образом, одной из черт современной русскоязычной рекламы является апелляция к фольклорным средствам, проявляющаяся в различных фонетических оформлениях слова и предложения. Ритмическая аранжировка фактологического сообщения, рифма, система повторов, выразительная экспрессия – основные компоненты рекламного текста, созданного в традициях устного народного творчества.

В рекламном сообщении фонетическая составляющая дополняет основное содержание текста, актуализируя обращение к эмоциональному опыту потребителя. Использование в современной рекламе различных фольклорных фонетических приемов позволяет не только избежать шаблонности и сухости текста, но и придает особый стиль, близкий и понятный целевой аудитории. Фольклорная фонетика может рассматриваться как образец звучащей речи, отражающей особенности жизни, культуры и быта русского народа.

Библиографический список

1. Морозова И. Слогая слоганы. М.: РИП-Холдинг, 2003. С.54–55.
2. Мошчева С.В. Фонетические особенности оформления печатных рекламных текстов (на материале английского и русского языков) // Вестник Гуманитарного факультета ИГХТУ. 2008. №3. С. 195.
3. Романова Т.П. Современная слоганистика: учебное пособие. М.: Бахрах-М, 2013. С. 99.
4. Вишневецкая Г.М. О фоносемантическом аспекте исследования ПТ // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 92–93.

References

1. Morozova I. Syllable slogans. Moscow, RIP-Holding, 2003. Pp.54–55.
 2. Moshchevaya S.V. Phonetic features design printed promotional texts (on the English and Russian languages) // Bulletin of the Faculty of Humanities IGHTU. 2008. №3. P. 195.
 3. Romanova T.P. Modern sloganistika: Tutorial. Moscow, Bakhrah-M, 2013. P. 99.
 4. Vishnevskaya G.M. About Phonosematic research aspect PT // Modern problems of science and education. 2013. № 4. Pp. 92–93.
-

О.Е. АЛЕКСИКОВА

кандидат юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: aloe30@mail.ru

O.E. ALEKSIKOVA

Candidate of Law, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: aloe30@mail.ru

РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ ПУТЕМ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

ROLE OF PUBLIC AUTHORITIES AND LOCAL GOVERNMENT BODIES IN REALIZATION BY CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION RIGHTS TO HOUSING BY HOUSING CONSTRUCTION

В статье рассматривается одна из важнейших составляющих конституционного права на жилище – поощрение органами государственной власти и органами местного самоуправления жилищного строительства. Автором затрагивается актуальная проблема, связанная с определением роли органов публичной власти в стимулировании рынка жилья и поощрении жилищного строительства, а также характеризуются основные направления их деятельности в рассматриваемой области.

Ключевые слова: конституционное право на жилище, жилищное строительство, органы государственной власти, органы местного самоуправления, рынок жилья.

In article one of the most important components of a constitutional law on the dwelling – encouragement with public authorities and local government bodies of housing construction is considered. The author touches the actual issue connected with definition of a role of bodies of the public power in stimulation of the market of housing and encouragement of housing construction, and also the main directions of their activity in considered area are characterized.

Keywords: constitutional right to housing, housing construction, public authorities, local government bodies, market of housing.

Частью второй статьи 40 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что органы государственной власти и местного самоуправления «поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище». Комментируя данную часть, В.Е. Чиркин верно подчеркивает, что «приобретение, строительство жилья и даже его аренда требуют больших затрат». Именно поэтому органам государственной власти и местного самоуправления предписано создавать все необходимые условия для развития рынка жилья и удовлетворения потребностей людей в жилище, используя различные источники финансирования, предоставляя субсидии для приобретения или строительства жилых помещений и стимулируя жилищное строительство [11]. Необходимость поощрения органами публичной власти жилищного строительства обусловлена социальной значимостью жилищного обеспечения, высоким спросом на новое жилье и его сравнительно высокой стоимостью [14].

В отличие от указанных авторов, Е.Ю. Бархатова полагает, что нормативные положения ч. 2 ст. 40 Конституции Российской Федерации распространяют свое действие лишь на случаи, когда государственные и муниципальные органы непосредственно не принимают участия в жилищном строительстве. Если публичная власть в лице уполномоченных органов и учреждений осуществляет

строительство жилья или его приобретение с целью последующего перераспределения в пользу нуждающихся в том граждан – имеет место не поощрение жилищного строительства, а другие юридические формы реализации конституционного права на жилище. В свою очередь, ч. 2 ст. 40 Конституции Российской Федерации имеет более узкий предмет правового регулирования и касается в основном таких форм государственной и муниципальной деятельности, как поощрение кооперативного и индивидуального жилищного строительства, предоставление не облагаемых налогом ссуд [9].

Следует отметить, что существующая Конституция содержит определенную новеллу по решению жилищных проблем, благодаря которой гражданам теперь предоставляется самостоятельность в осуществлении активных действий по строительству и приобретению жилья. При подобной интерпретации толкуемой нормы юридический смысл ч. 2 ст. 40 Конституции Российской Федерации сводится, с одной стороны, к невмешательству государства в процесс строительства и последующего распределения жилья, с другой – к публично-правовой обязанности уполномоченных государственных и муниципальных органов по содействию и стимулированию развития жилищного рынка. Это обусловлено «прекращением монополии государства на собственность и экономическую деятельность,

в том числе собственность на жилье и землю» [12].

Проведенный обзор точек зрения позволяет высказать собственную позицию автора статьи по анализируемому вопросу. Во-первых, в ч. 2 ст. 40 Конституции Российской Федерации речь идет исключительно о новом жилье. Жилые помещения, относящиеся к так называемому «вторичному рынку», возможно, когда-то и были построены благодаря государственному или муниципальному содействию, однако в данный момент времени это уже не имеет конституционно-правового значения. Регулятивное воздействие ч. 2 ст. 40 Конституции Российской Федерации направлено на обеспечение рынка нового жилья, т.е. новостроек. В определенной мере это предполагает дестимулирование эксплуатации или оборота вторичного жилья, особенно если оно не является достаточно благоустроенным или, тем более, подпадает под категории «ветхого» или «аварийного». Во-вторых, поощрение органами публичной власти жилищного строительства нельзя связывать исключительно с формами поддержки кооперативного или индивидуального жилищного строительства. Это нарушает конституционный принцип равенства в зависимости от организационно-правовых форм организаций и форм собственности (ст. 19 Конституции Российской Федерации). В-третьих, конституционную обязанность органов публичной власти по поощрению жилищного строительства (его стимулированию, поддержке и т.п.) не следует смешивать с другими публично-правовыми обязательствами государства и муниципалитетов, направленными на реализацию конституционного права граждан на жилище. В частности, предоставление жилища бесплатно или за соразмерную плату из публичных жилищных фондов непосредственно не является формой поощрения жилищного строительства по смыслу ч. 2 ст. 40 Конституции Российской Федерации. Многообразие конституционных форм реализации права на жилище не должно приводить к их необоснованной конкуренции.

По мнению автора, роль государства и органов местного самоуправления в решении жилищных проблем предполагает следующие формы содействия жилищному рынку и поощрения жилищного строительства.

Во-первых, необходимо использовать налоговые льготы в отношении средств граждан, вложенных в строительство и приобретение жилья.

Поддержке государством жилищного строительства в значительной мере способствуют законные отступления от конституционной обязанности платить налоги и сборы (ст. 57 Конституции Российской Федерации). Для того чтобы стимулировать стремление граждан к улучшению своих жилищных условий, в статье 220 Налогового кодекса РФ закреплено право плательщиков налога на доходы физических лиц на получение имущественного налогового вычета при совершении сделок купли-продажи комнаты, квартиры, жилого дома или доли (долей) в них, а также определены основание, размер и порядок его предоставления. При этом имущественный налоговый вычет может предоставляться в суммах, полученных налогоплательщиком от продажи имущества,

либо в суммах, израсходованных на приобретение жилья [6].

Важнейшая стимулирующая роль в процессе государственной поддержки жилищного строительства отведена институту имущественного налогового вычета, поскольку он, во-первых, является более оперативной формой по сравнению с предоставлением за счет бюджета социальных выплат [13], во-вторых, позволяет дифференцировать меры государственной поддержки в зависимости от видов собственности [8], покупки за свой счет или при кредитовании [16] и других юридически значимых обстоятельств, в-третьих, в отличие от бюджетного финансирования, позволяет избежать необходимости построения дорогостоящей и не всегда эффективной системы контроля над целевым расходованием бюджетных средств и прозрачностью бюджетной процедуры [15].

Вместе с тем, институт имущественного налогового вычета вызвал ряд сложностей в правоприменительной практике. Рассматривая дело о проверке конституционности отдельных положений налогового законодательства, Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 13 марта 2008 г. № 5-П установил, что пропорциональность размера имущественного налогового вычета подлежит применению только в случае, если имущество является единым объектом права собственности. Если общим долевым собственником является ребенок, то его родитель имеет право на полный налоговый вычет, как будто бы ребенок был совершеннолетним. Продолжая данную логику, Суд в постановлении от 1 марта 2012 г. № 6-П без проведения слушания рассмотрел проблему предоставления имущественного налогового вычета по налогу на доходы физических лиц родителю, который понес расходы на приобретение жилья в собственность несовершеннолетнего ребенка. По общему правилу именно налогоплательщик приобретает право на вычет, если он израсходовал собственные денежные средства и приобрел в собственность объект недвижимости. Однако несовершеннолетние дети являются исключением из общего правила. Несовершеннолетние не могут самостоятельно совершать юридически значимые действия, исполнять обязанности плательщика налога на доходы физических лиц, не имеют собственного дохода [10]. Поэтому право на однократный имущественный налоговый вычет имеют в данном случае родители несовершеннолетнего [7].

Таким образом, практику конституционного правосудия по оценке конституционности института имущественного налогового вычета следует охарактеризовать в качестве поощряющей налоговую политику, направленную на стимулирование граждан к самостоятельному улучшению своих жилищных условий.

Во-вторых, следует применять упрощенный механизм выделения земельных участков для строительства жилья.

Важной отличительной особенностью жилых помещений является их прочная связь с землей, т.е. их недвижимый характер в гражданско-правовом смысле. Если получение на законных основаниях земельно-

го участка (на вещном или обязательственном праве) в целях жилищного строительства является юридически или организационно затруднительным, сопряженным с административными издержками и бюрократическими препятствиями, заблокировано чрезмерной ценой земельных объектов и другими аналогичными факторами – налицо препятствие для реализации конституционного права на жилище. Поэтому юридический смысл ч. 2 ст. 40 Конституции Российской Федерации, в числе прочего, предполагает упрощенный механизм выделения земельных участков для строительства жилья по сравнению с выделением земельных участков для других целей, имеющих менее важное социальное значение.

Согласно ст. 30 Земельного кодекса РФ предоставление земельных участков для строительства из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется с проведением работ по их формированию без предварительного согласования мест размещения объектов либо с их предварительным согласованием. По общему правилу (п. 2.1 ст. 30 Земельного кодекса РФ) предоставление земельных участков в собственность для строительства без предварительного согласования мест размещения объектов осуществляется на торгах (конкурсах, аукционах), за исключением случаев распоряжения муниципальными или публичными землями, собственность на которые не разграничена, в пользу лиц, заключивших договор о развитии застроенной территории. Предварительное согласование мест размещения объектов происходит при предоставлении земельных участков в аренду или в постоянное (бессрочное) пользование для лиц, определенных п. 1 ст. 20 Земельного кодекса РФ, а также в безвозмездное срочное пользование религиозным организациям на время строительства зданий, строений, сооружений религиозного и благотворительного назначения.

Таким образом, земельные участки, находящиеся в публичной собственности (в том числе, если публичная собственность не разграничена между Российской Федерацией, субъектами Федерации и муниципальными образованиями), предоставляются в целях жилищного строительства, по общему правилу, посредством торгов (конкурсов, аукционов). Эта форма позволяет, во-первых, минимизировать коррупционные и другие аналогичные им противоправные факторы, во-вторых, обеспечивать равенство возможностей участников торгов в реализации их прав и законных интересов, в-третьих, гарантировать развитие рынка жилищного строительства на основе рыночных механизмов.

Вместе с тем, наблюдается определенная конкуренция норм земельного законодательства и законодательства о содействии развитию жилищного строительства. Статья 4 Федерального закона «О содействии развитию жилищного строительства» [2] предусматривает формирование имущества Федерального фонда содействия развитию жилищного строительства за счет имущественного вноса Российской Федерации в виде находящихся в федеральной собственности земель-

ных участков, в том числе, с расположенными на них и находящимися в федеральной собственности объектами недвижимого имущества, иного имущества, в том числе денежных средств, а также за счет других не запрещенных законом поступлений. В дальнейшем «включается» в действие весьма сложный механизм взаимодействия данного Фонда с уполномоченными государственными органами и хозяйствующими субъектами, причем, важную роль здесь играет статус некоего «межведомственного коллегиального органа», создаваемого Правительством Российской Федерации для целей участия в механизме выделения земельных участков для жилищного строительства и рассмотрения ходатайств уполномоченных органов субъектов Федерации и муниципальных образований [3].

В конечном итоге федеральный законодатель выработал весьма громоздкую, бюрократически сложную модель правового регулирования общественных отношений, которая не позволяет с достаточной эффективностью отказаться от избыточных государственных полномочий, учитывать конкурирующие интересы государства и частных организаций, способствовать активному развитию рыночных механизмов предоставления земельных участков для целей жилищного строительства. Возражения, на наш взгляд, вызывает также двойственный (частноправовой и публично-правовой) статус Федерального фонда содействия развитию жилищного строительства, который не позволяет эффективно разграничивать публичные функции государственных органов по управлению жилищным строительством и частные права и обязанности хозяйствующих субъектов, осуществляющих строительство нового жилья.

В-третьих, следует создать необходимые условия для обеспечения конкуренции на рынке жилищного строительства, имеющее целью удешевление строительства жилья.

В соответствии с Федеральным законом «О защите конкуренции» (ст. 1, 4) одной из основных задач органов государственной власти и местного самоуправления является «обеспечение соперничества хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке» [1]. Вместе с тем, современный российский рынок жилищного строительства если не монополизирован, то, во всяком случае, не является в достаточной степени конкурентным. Это вредно отражается на интересах общества и частных лиц. Основным негативным последствием данной тенденции для граждан является высокая рыночная стоимость жилья, что в сравнении с уровнем доходов большинства россиян не позволяет им самостоятельно, за счет собственных средств систематически улучшать свои жилищные условия. В целях повышения уровня рыночной конкуренции в сфере жилищного строительства необходимо: во-первых, повысить роль законодательных (представительных) органов всех уровней в

правовом регулировании обеспечения конкурентной рыночной среды; во-вторых, более четко разграничивать исполнительно-распорядительные полномочия в системе исполнительной власти; в-третьих, повысить эффективность прокурорского надзора в целях обеспечения конкуренции на рынке недвижимости; в-четвертых, учитывать опыт зарубежных стран, направленный на более активное использование мер административной и уголовной ответственности за правонарушения, направленные на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

В-четвертых, следует использовать публичные инвестиционные проекты и бюджетное субсидирование жилищного строительства.

Важным средством непосредственной поддержки жилищного строительства государством и муниципалитетами является расходование на эти цели публичных бюджетных средств. Как справедливо подчеркнул Конституционный Суд РФ, социальная и юридическая значимость предмета правового регулирования законов о бюджете предопределяет установление гарантий социально-экономической обоснованности бюджета и его сбалансированности [5]. Федеральный законодатель, осуществляя финансовое регулирование на основе Конституции Российской Федерации, имеет дискреционные полномочия в выборе правовых средств, что позволяет ему учесть всю совокупность социально-экономических и других факторов развития Российской Федерации. В силу этого нормы права, в том числе финансового, проявляют свое регулятивное воздействие на бюджетные отношения не сами по себе, а в связи с целями государственной экономической политики, включая финансовую политику и финансовое регулирование в их конституционно-правовом смысле. На этой основе в Российской Федерации как правовом социальном государстве гарантируются надлежащие финансовые условия осуществления программ социального развития, обеспечения прав и свобод человека и гражданина [4].

Однако в условиях рыночной экономики государство не может позволить себе избыточное бюджетное финансирование жилищного строительства, которое обеспечивало бы всех граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, доступным и комфортным жильем. Это невозможно, во-первых, ввиду дифференцированного спроса граждан на жилье различной площади и качества; во-вторых, вследствие резко изменившегося за последние десятилетия разрыва в рыночной стоимости жилья в различных регионах России; в-третьих, по причине наличия ряда других приоритетных задач, решаемых бюджетами Российской Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований. Использование средств публичных бюджетов на цели поддержки жилищного строительства должно опираться на четкие юридические критерии, которые позволяли бы разграничивать, с одной стороны, острые социальные проблемы, с другой – недопустимость бесконтрольного выделения средств налогоплательщиков на цели, достигаемые в основном самими

налогоплательщиками за счет собственных средств без использования налогово-бюджетных механизмов перераспределения финансовых ресурсов на социально значимые цели.

И, наконец, в-пятых, необходимо упорядочить механизм правового регулирования процесса реализации конституционного права на жилище, предполагающего устранение излишних административных барьеров на рынке недвижимости.

В современной России действует сложная система нормативных правовых актов, включающих: на федеральном уровне – Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные и федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, иные подзаконные нормативные правовые акты федеральных государственных органов; на уровне субъектов Федерации – конституции (уставы), законы, нормативные правовые акты высших должностных лиц и высших исполнительных органов, иные подзаконные нормативные правовые акты; на муниципальном уровне – уставы муниципальных образований, нормативные правовые акты представительных органов, глав муниципальных образований, местных администраций и т.д. Каждый из названных актов может содержать нормы права, направленные на регулирование конституционного права на жилище и связанные с обеспечением государственно-муниципальной поддержки жилищного строительства. Однако при такой насыщенной совокупности источников права возникает ряд сложностей и трудностей. С одной стороны, между ними должна быть выстроена определенная иерархия, которая не допускала бы противоречий либо имела ясно выраженный механизм приоритетности одного источника права над другим. С другой – безусловная иерархия указанных нормативных правовых актов привела бы к нарушению конституционных основ федерализма и местного самоуправления.

Представляется, что для упорядочения механизма правового регулирования данных общественных отношений необходимо: во-первых, минимизировать количество федеральных законов, раскрывающих более подробно положения Жилищного кодекса РФ; во-вторых, в Жилищном кодексе РФ исчерпывающим образом указать вопросы, по которым должны быть приняты федеральные законы, развивающие его положения; в-третьих, в Жилищном кодексе РФ и в федеральных законах, регулирующих жилищные отношения, исчерпывающим образом указать на вопросы, подлежащие регулированию указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации. Аналогичные меры целесообразны в отношении механизма разграничения предметов ведения и полномочий между государственными и муниципальными органами Российской Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований в сфере реализации конституционного права граждан на жилище.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ (в ред. от 23.07.2013 г.) «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434; 2013. № 30 (ч. 1). Ст. 4084.
2. Федеральный закон от 24.06.2008 г. № 161-ФЗ (в ред. от 23.07.2013 г.) «О содействии развитию жилищного строительства» // СЗ РФ. 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3617; 2013. № 30 (ч. 1). Ст. 4072.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.08.2008 г. № 632 (в ред. от 18.12.2012 г.) «О Правительственной комиссии по развитию жилищного строительства и оценке эффективности использования земельных участков, находящихся в собственности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 34. Ст. 3939; 2012. № 52. Ст. 7504.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.12.2006 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений частей четвертой, пятой и шестой статьи 215.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 2. Ст. 400.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.03.2007 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа» // СЗ РФ. 2007. № 14. Ст. 1741.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.03.2008 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпунктов 1 и 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Аникина, Н.В. Ивановой, А.В. Козлова, В.П. Козлова и Т.Н. Козловой» // СЗ РФ. 2008. № 12. Ст. 1183.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.03.2012 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго подпункта 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 14. Ст. 1720.
8. Баранов В.А. Некоторые аспекты права на имущественный налоговый вычет при приобретении жилого помещения на праве долевой собственности // Финансовое право. 2008. № 7. С. 23–29.
9. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Проспект, 2010. С. 78.
10. Венедиктова М.М. Налоговый вычет на детей: хотели как лучше, а получилось... // Право в вооруженных силах. 2010. № 6. С. 15–17.
11. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М.: Эксмо, 2010. С. 179.
12. Конституция Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий. Под ред. Е.И. Козловой. М.: Библиотечка РГ, 2009. С. 126.
13. Напольская О.Н. Имущественный налоговый вычет при приобретении жилья // Закон. 2006. № 8. С. 24–27.
14. Середа М.Ю. Правовой механизм взаимодействия органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в целях поощрения жилищного строительства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2008. № 2. С. 44–55.
15. Чиков С.В. Налоговые вычеты у физических лиц при строительстве либо приобретении жилья // Жилищное право. 2002. № 3. С. 70.
16. Якушев А.М. Имущественный налоговый вычет при кредитовании при покупке жилья и земли // Бизнес в законе. 2010. № 2. С. 54–56.

References

1. The federal law of 26.07.2006 No. 135-FZ (in an edition of 23.07.2013) «About protection of the competition» // SZ Russian Federation. 2006 . No. 31 (p.1). Art. 3434; 2013 . No. 30 (p.1). Art. 4084.
2. The federal law of 24.06.2008 No. 161-FZ (in an edition of 23.07.2013) “About assistance to development of housing construction” // SZ Russian Federation. 2008 . No. 30 (h. 2). Art. 3617; 2013 . No. 30 (p.1). Art. 4072.
3. The resolution of the government of the Russian Federation of 22.08.2008 No. 632 (in an edition of 18.12.2012) “About Government Housing Commission and an assessment of efficiency of use of the land plots which are in property of the Russian Federation” // SZ Russian Federation. 2008 . No. 34. Art. 3939; 2012 . No. 52. Art. 7504.
4. The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.12.2006 No. 10-P “On the case of check of constitutionality of provisions of parts of the fourth, fifth and sixth article 215.1 of the Budget code of the Russian Federation” // SZ Russian Federation. 2007 . No. 2. Art. 400.
5. The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.03.2007 No. 3-P “On the case of check of constitutionality of a number of provisions of articles 6 and 15 of the Federal constitutional law “About a Referendum of the Russian Federation” in connection with the complaint of citizens V. I. Lakeev, V. G. Solovyov and V.D. Ulas” // SZ Russian Federation. 2007 . No. 14. Art. 1741.
6. The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.03.2008 No. 5-P “On the case of check of constitutionality of separate provisions of subparagraphs 1 and 2 of point 1 of article 220 of the Tax code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens S. I. Anikin, N. V. Ivanova, A.V. Kozlov, V.P. Kozlov and T.N. Kozlova” // SZ Russian Federation. 2008 . No. 12. Art. 1183.
7. The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.03.2012 No. 6-P “On the case of check of constitutionality of provision of the paragraph of the second subparagraph 2 of point 1 of article 220 of the Tax code of the Russian Federation in connection with the complaint of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation” // SZ Russian Federation. 2012 . No. 14. Art. 1720.
8. Baranov V.A. Some aspects of the right for the property tax deduction at premises acquisition on the right of share property // The Financial law. 2008 . No. 7. Pp. 23–29.
9. Barkhatova E.Yu. The comment to the Constitution of the Russian Federation. M.: Prospect, 2010. Pp. 78.
10. Venediktova M.M. The tax deduction on children: wanted as better, and it turned out... // The Right in armed forces. 2010 . No. 6. Pp. 15–17.

11. The comment to the Constitution of the Russian Federation / Under the editorship of V.D. Zorkin, L.V. Lazarev. M.: Eksmo, 2010. Pp. 179.
 12. Constitution of the Russian Federation: the itemized scientific and practical comment / Under the editorship of E.I. Kozlova. M.: Bibliotekha of RG, 2009. Page 126.
 13. *Napolskaya O.N.* The property tax deduction at housing acquisition // The Law. 2006 . No. 8. Page 24–27.
 14. *Sereda M.Yu.* Legal mechanism of interaction of public authorities of territorial subjects of the Russian Federation and local government bodies for encouragement of housing construction // The Messenger of the Voronezh state university. Series “Right”. 2008. No. 2. P. 44–55.
 15. *Chikov S.V.* The tax deductions at natural persons at construction or housing acquisition // The Housing right. 2002 . No. 3. Pp. 70.
 16. *Yakushev A.M.* The property tax deduction when crediting upon housing and earth purchase // Business in the law. 2010 . No. 2. Pp. 54–56.
-
-

УДК 351.74

UDC 351.74

М.В. БАРЫШНИКОВ

кандидат юридических наук, старший преподаватель,
кафедра специальной подготовки, Орловский юридический институт МВД России им. В.В.Лукашова
E-mail: barymax@yandex.ru

M.V. BARYSHNIKOV

Candidate of law, senior teacher, Department of the special training, Orel Law Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov
E-mail: barymax@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЕМА, РЕГИСТРАЦИИ И РАЗРЕШЕНИЯ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН О ПРОИСШЕСТВИЯХ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

SOME ASPECTS OF RECEPTION, REGISTRATION AND SOLUTION OF APPEALS OF CITIZENS ABOUT INCIDENTS IN THE SPHERE OF FAMILY HOUSEHOLD RELATIONS CONTAINING THE SIGNS OF PRIVATE PROSECUTION CRIME BY POLICE DISTRICT INSPECTORS

Статья посвящена вопросам приема, регистрации и разрешения участковыми уполномоченными полиции сообщений и заявлений граждан о происшествиях в сфере семейно-бытовых отношений, содержащих признаки преступления частного обвинения, таких как ст.115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и ст.116 УК РФ «Побои».

Ключевые слова: семейно-бытовые отношения, преступления частного обвинения, участковый уполномоченный полиции, прием, регистрация и разрешение заявлений граждан, умышленное причинение легкого вреда здоровью, побои.

The article is devoted to questions of reception, registration and solution of appeals of citizens about incidents in the sphere of family household relations, containing the signs of private prosecution crime, such as «Intentional infliction of harm to the health» and «Beating», by police district inspectors.

Keywords: family and domestic relations, private prosecution crimes, police district inspectors, reception, registration and solution of appeals of citizens, intentional infliction of harm to the health, beating.

В современном российском обществе насилие в семье, к сожалению, носит массовый характер. Его существование обусловлено большим комплексом экономических, социальных, культурных, нравственных, психологических проблем. Оно характеризуется достаточно высоким уровнем латентности, то есть фактически преступления и правонарушения на семейно-бытовой почве совершаются, но не всегда потерпевшая сторона обращается за помощью в органы внутренних дел. Этот фактор не позволяет своевременно поставить лицо, допускающее правонарушения на семейно-бытовой почве, на соответствующий профилактический учет и, как результат, предотвратить совершение им преступлений и правонарушений, в том числе тяжких и особо тяжких.

Важная роль в профилактике насильственных преступлений против личности принадлежит участковым уполномоченным полиции, которыми на протяжении длительного времени реализуется система мер пресечения и предупреждения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, задачами которой является своевременное выявление лиц, допускающих совершение правонарушений по месту жительства в отношении членов семьи, близких родственников, иных лиц, а, впоследствии, проведение с правонарушителями профилактической работы, направленной на недопущение с их стороны противоправных действий в быту.

Основная масса заявлений и сообщений о происшествиях в сфере семейно-бытовых отношений участковому уполномоченному полиции поступает непосредственно в ходе повседневного выполнения им своих служебных обязанностей либо во время приема граждан в установленные дни. Лишь незначительная часть такого рода сообщений поступает к участковому уполномоченному полиции через дежурную часть территориального органа МВД России, по почте через подразделения делопроизводства органа внутренних дел. Данная информация может поступать как в письменной форме, так и в устной по телефону либо при обращении граждан. Как при этом должен вести себя участковый уполномоченный полиции?

В первую очередь, участковый уполномоченный полиции обязан всегда помнить о том, что он является полномочным представителем государственной власти, к которому люди обращаются за помощью, за защитой своих прав, за восстановлением справедливости и рассчитывают на объективное, справедливое решение их проблем. Вопросы, с которыми к участковому уполномоченному полиции обращаются граждане, по сути своей могут быть самыми разнообразными. Это обязывает участкового уполномоченного полиции обладать чувством такта, а также запасом юридических знаний в различных областях права, богатым профессиональ-

ным и жизненным опытом.

При поступлении сообщения или заявления о происшествии в сфере семейно-бытовых отношений участковый уполномоченный полиции обязан внимательно, терпеливо выслушать заявителя, после чего в ходе дополнительных вопросов уточнить обстоятельства происшествия, стараясь установить истинные причины и условия, изначально приведшие к возникновению конфликтной ситуации. При этом участковый уполномоченный полиции, если он ранее не был знаком с ситуацией, сложившейся между проживающими в квартире соседями или родственниками, не должен по первоначально поданной информации занимать сторону заявителя, давать преждевременные обещания о принятии мер к другой стороне, вслух комментировать с обвинительным уклоном поведение другой стороны. Не соблюдая данное правило, участковый уполномоченный полиции может в последующем оказаться в достаточно щепетильном положении, так как проверка заявления может показать, что ситуация, сложившаяся в квартире между жильцами, не настолько однозначна, как это было представлено заявителем. Поэтому, полученную информацию, если она поступила в устной форме, участковый уполномоченный полиции должен предложить оформить в виде заявления, пообещав дать ответ о принятых мерах только после проведения объективной проверки, выслушав все заинтересованные стороны.

Полученное заявление непосредственно от граждан регистрируется участковым уполномоченным полиции в Журнале учета приема граждан, их обращений и заявлений участковым уполномоченным полиции [1]. При этом заявление о преступлении, которое подается потерпевшим или его законным представителем по уголовному делу частного обвинения, заявление о преступлении, которое подписывается заявителем, заявление об административном правонарушении, заявление о происшествии составляется в произвольной форме.

При подаче заявления о преступлении, которое подается потерпевшим или его законным представителем по уголовному делу частного обвинения, заявление о преступлении, которое подписывается заявителем, заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со статьей 306 УК [2].

После чего он в обязательном порядке сообщает в дежурную часть территориального органа (по телефону, электронной почте, а также посредством иных доступных видов связи) информацию по существу принятого (полученного) заявления (сообщения) для незамедлительной регистрации в Книге учета заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях и происшествиях (далее – «КУСП») [3].

В случае если по объективным причинам у участкового уполномоченного полиции, получившего заявление (сообщение) о преступлении, об административном правонарушении и о происшествии, отсутствует возможность сообщить в дежурную часть территориального органа информацию по существу принятого (полученного) заявления (сообщения), со-

ответствующие сообщение либо подлинник заявления (протокол принятия устного заявления и другие) передаются в дежурную часть территориального органа по прибытии сотрудника в территориальный орган МВД России. При этом указанный сотрудник обязан принять меры к незамедлительному доставлению сообщения либо подлинника заявления в территориальный орган МВД России [4].

Чаще всего участковым уполномоченным полиции приходится заниматься проверкой сообщений о происшествиях в сфере семейно-бытовых отношений, содержащих признаки преступлений частного обвинения, предусмотренных ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и ст. 116 УК РФ «Побои».

Составы преступлений, предусмотренные ст. ст. 115, 116 УК РФ, имеют превентивную направленность. Своевременное реагирование сотрудников органа внутренних дел на обращения граждан, содержащие сведения именно о таких преступлениях, качественное проведение предварительной проверки данных сообщений, профессионально грамотное разрешение в соответствии с законодательством материалов проверки дает возможность пресечь менее тяжкое преступление и предупредить совершение более тяжкого преступления против жизни и здоровья граждан.

Объективное, своевременное и правомерное принятие решения по данным сообщениям и привлечение виновных к ответственности, является достаточно эффективной мерой профилактики тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан.

Сообщения о побоях и об умышленном причинении гражданам легкого вреда здоровью поступают в орган внутренних дел, как правило, в виде заявления от лица, получившего побои или телесные повреждения, либо в виде телефонограммы из медицинского учреждения, куда обратился пострадавший за оказанием ему медицинской помощи.

Должностное лицо, принявшее сообщение, обязано незамедлительно зарегистрировать поступившее сообщение в КУСП, присвоить ему очередной регистрационный номер. После регистрации сообщения в КУСП оперативный дежурный докладывает о нем начальнику территориального органа МВД России, который налагает на сообщение свою резолюцию о необходимости проведения проверки. Резолюция адресуется начальнику подразделения.

Проверка сообщения о происшествии, содержащем признаки преступления, в том числе и предусмотренного ст. 115 УК РФ, ст. 116 УК РФ осуществляется в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. При этом часть 1 статьи 144 УПК РФ предусматривает срок проверки сообщения о любом преступлении не более 3 суток с момента поступления информации в территориальный орган МВД России. При этом срок исчисляется с момента обращения гражданина или поступления телефонограммы из медучреждения, а не с момента их регистрации. Исключением является срок проверки по

материалу, поступившему в компетентный орган внутренних дел по подследственности. В данном случае исчисление сроков начинается с момента получения сообщения от ОВД, непосредственно принявшего информацию о преступлении.

В исключительных случаях по истечении 3-х суток проведения проверки информации о преступлении начальник ОВД по мотивированному ходатайству участкового уполномоченного полиции вправе продлить срок проверки до 10 суток. В самых исключительных случаях, например, при необходимости проведения дополнительных проверок, срок проверки может быть продлен опять-таки по соответствующему ходатайству с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления, прокурором до 30 суток со дня поступления сообщения [5] (продление сроков проверки по данным сообщениям чаще всего вызвано тем, что необходимо получение консультации в Бюро судебно-медицинской экспертизы или в его отделениях по районам о характере и степени тяжести причиненных телесных повреждений. Это предполагает временные затраты, связанные с графиком работы или удаленностью БСМЭ, получением истории болезни в медицинских учреждениях).

Участковый уполномоченный полиции, получив порученное ему для рассмотрения сообщения в виде телефонограммы или заявления, должен составить для себя план проведения проверки. Уже по первично полученным сведениям он может представить ход проведения проверки и возможность разрешения материала, то есть, каким решением, вероятнее всего, может закончиться проверка: возбуждением уголовного дела по той или иной статье УК РФ, отказом в возбуждении уголовного дела либо направлением материала проверки по подследственности, по территориальности. Естественно, что по окончании проверки участковый уполномоченный полиции обязан принять единственно правильное решение в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, но определенную перспективу его принятия, имея достаточный жизненный, а самое главное профессиональный опыт, он может видеть на начальном этапе проверки.

Анализ практики проведения проверок большинства сообщений о происшествиях дает основание участковому уполномоченному полиции, проводящему проверку, уже по первичным сведениям, например, в ходе первичной беседы с пострадавшим об обстоятельствах получения телесных повреждений или по диагнозу, указанному в телефонограмме, предположить, что проверка может закончиться вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и направлением материала в суд в порядке частного обвинения, либо передачей в органы дознания для расследования уголовного дела по другой статье УК РФ. В то же время, сотрудник, проводящий проверку, должен быть максимально осторожен в предварительном суждении. Оно должно быть основано на полном комплексном изучении всех обстоятельств происшествия. Так, например, при проверке может оказаться, что телесные

повреждения, повлекшие легкий либо незначительный вред здоровью, указанные в поступившей из травмпункта медицинского учреждения телефонограмме, были получены потерпевшим при насильственных в отношении него действиях с целью завладения его имуществом, например, при грабеже, разбое и т.п.

Кроме того, участковый уполномоченный полиции, осуществляющий проверку, должен уметь четко отграничивать сходные по составу преступления, зная особенности отграничения каждого из них, например, преступления, предусмотренные ст.115 УК РФ («Умышленное причинение легкого вреда здоровью») от преступлений, предусмотренных ст.112 УК РФ («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»), предусмотренных ст.116 УК РФ («Побои»), от преступлений предусмотренных ст.117 УК РФ («Истязание») и т.д. Эти знания необходимы для того, чтобы, видя перспективу разрешения материала по данным статьям, участковый уполномоченный полиции учитывал и четко отражал в материале проверки все выявленные им характерные особенности конкретного преступления, которые в конечном итоге будут положены в основу решения, принимаемого им по итогам проверки.

Поэтому, в соответствии с составленным планом, проверку поступившего сообщения следует начинать с опроса пострадавшего.

В ходе получения объяснения необходимо установить:

- время, место, обстоятельства получения телесных повреждений или совершения насильственных действий;
- кем совершены насильственные действия, что пострадавшему известно о его личности;
- характер отношений между пострадавшим и лицом, в отношении которого подано заявление;
- наличие зависимости пострадавшего от лица, в отношении которого подано заявление, ее характер (финансовая, материальная, личная и т.д.);
- наличие у пострадавшего обстоятельств, препятствующих ему самостоятельно защищать свои права и законные интересы (физические недостатки, беспомощное состояние, угроза преследования со стороны виновного, недееспособность и т.д.);
- был ли повод и с чьей стороны для возникновения конфликтной ситуации, в ходе которой были причинены телесные повреждения;
- какие конкретно насильственные действия были совершены в отношении пострадавшего и применялись ли при этом посторонние предметы (наносились ли удары руками, ногами, применялись ли палки, цепи, камни и т.д.);
- по каким частям тела и сколько (примерно или точно) было нанесено ударов;
- какие еще насильственные действия были совершены (удушение, щипание, выворачивание суставов конечностей и т.д.);
- какие последствия насильственных действий имелись, какие остались на момент опроса;

– причинен ли ущерб пострадавшему кроме физического и в чем он выражается (порвана одежда, сломан зубной протез и т.д.);

– кем ему была оказана первая помощь;

– обращался ли пострадавший за оказанием ему медицинской помощи, если да, то, в какое лечебное учреждение и когда; нуждается ли сейчас в медицинской помощи и каково на момент опроса его состояние здоровья;

– имеются ли свидетели происшедшего, их данные;

– совершались ли ранее насильственные действия в отношении потерпевшего со стороны лица, в отношении которого подано заявление, и каковы их последствия (проводилось ли лечение пострадавшего, занимались ли проверкой этих фактов правоохранительные органы, кто, когда, каков результат проверки);

– желает ли пострадавший привлечь лицо, в отношении которого подано заявление, к уголовной ответственности.

Следующим этапом проверки должен быть опрос очевидцев, в ходе которого необходимо установить:

– в каких отношениях они находятся с пострадавшим и лицом, учинившим насильственные действия;

– что им известно о взаимоотношениях пострадавшего и виновного;

– очевидцем какого конкретного события является опрашиваемый (время, место, последовательность действий на месте происшествия, какие наблюдал последствия);

– что может знать об ущербе, причиненном пострадавшему;

– каким образом и почему он оказался на месте происшествия, с какого расстояния наблюдал за происходящим и в каких условиях (освещенность, погодные условия и т.д.).

Немаловажное значение в ходе первичной проверки поступившего сообщения о происшествии имеет осмотр места происшествия. Для рассматриваемых в данном исследовании преступлений не характерно сокрытие виновным следов преступлений или их фальсификация. Зафиксированные следы и обстановка на месте происшествия впоследствии помогают доказыванию важных обстоятельств дела. Участковый уполномоченный полиции, вышедший первым на место происшествия, в особенности, если он же в последующем и будет заниматься первичной проверкой поступившего сообщения о происшествии вплоть до принятия решения по материалам проверки решения, должен иметь в виду, что осмотр места происшествия проводится не только с целью обнаружения предметов, которые могут быть признаны вещественным доказательством по делу, но и с целью восстановления картины и обстановки происшедшего. В ходе осмотра места происшествия в протоколе фиксируется:

– место происшествия в целом;

– следы происшествия: нарушенная обстановка, перевернутая, сломанная мебель, разбросанная, разбитая посуда, оборванные шторы, другие следы борьбы;

– следы крови;

– волосы, фрагменты одежды;

– предметы или их части, потерянные или брошенные участниками происшествия;

– орудие преступления, следы крови на них.

Следующий этап проверки – опрос лица, совершившего насильственные действия, рекомендуется осуществлять после того, как опрошены пострадавший, очевидцы, осмотрено место происшествия и воссоздана картина происшедшего. В ходе получения объяснений от вышеуказанного лица необходимо выяснить следующие обстоятельства:

– в каких отношениях находится с пострадавшим;

– где и когда совершены насильственные действия, по какой причине опрашиваемый оказался на месте происшествия;

– откуда и каким способом он прибыл на место происшествия, в каком состоянии находился, употреблял ли спиртные напитки или другие одурманивающие средства;

– в какой одежде он был в момент расследуемого события, какие вещи имел при себе;

– каково было его поведение перед конфликтом, предъявлял ли он какие-либо претензии к пострадавшему, ссорился ли с ним, что ему говорил;

– как вел себя пострадавший перед конфликтом;

– кто, по его мнению, выступил инициатором конфликта;

– последовательность действий при возникновении конфликта;

– кто, чем, сколько и куда наносил удары, что при этом использовалось в качестве орудия;

– каковы мотив и цель совершения противоправных действий;

– что бросил или потерял на месте происшествия;

– куда и каким способом удалился с места происшествия;

– его отношение к совершенным действиям: признание или не признание вины, желание и возможность возместить причиненный ущерб.

Если опрашиваемый отрицает свою причастность к происшествию, то его следует опросить о следующих обстоятельствах: был ли он на месте происшествия в указанное время; если был, то в связи с чем, если не был, то где в это время находился, чем занимался, кто это может подтвердить; знаком или не знаком с пострадавшим, угрожал ли ему физической расправой, если да, то в связи с чем.

Предлагаем следующий порядок принятия решений по сообщениям о происшествиях в сфере семейно-бытовых отношений, содержащих признаки преступлений, предусмотренных ст.ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и 116 УК РФ «Побои». Анализируя выявленные и зафиксированные в ходе проверки обстоятельства, участковый уполномоченный полиции, проводящий проверку, должен, в первую очередь, установить, имел ли место хулиганский мотив в осуществлении виновным насильственных действий по отношению к пострадавшему. Так, насильственные

действия в виде побоев или умышленного причинения легкого вреда здоровью, совершенные из хулиганских побуждений, квалифицируются соответственно по ч.2 ст.116 и ч.2 ст. 115 УК РФ [6].

Преступления, квалифицируемые по ч.1 ст.115 и ч.1 ст.116 УК РФ, относятся к группе уголовных дел частного обвинения. Уголовные дела по ч.1 ст.115 и ч.1 ст.116 УК РФ возбуждаются мировым судьей только при подаче пострадавшим или его законным представителем заявления в суд в установленном законом порядке, если лицо, совершившее насильственные действия, известно пострадавшему или установлено в ходе проверки, а пострадавший не имеет обстоятельств, препятствующих осуществлению им защиты в суде своих прав и законных интересов. В то же время, если виновное лицо пострадавшему не известно, либо пострадавший в силу своего зависимого или беспомощного состояния не может защищать свои права и законные интересы, то уголовные дела по вышеуказанным статьям в соответствии с действующим законодательством вправе возбудить следователь, а также дознаватель с согласия прокурора, даже при отсутствии заявления пострадавшего [7].

Таким образом, если в результате проверки будут установлены обстоятельства, являющиеся основанием для возбуждения уголовного дела следователем, а также дознавателем с согласия прокурора, то участковый уполномоченный полиции, проводивший проверку сообщения, обязан мотивированным рапортом весь материал проверки передать в подразделение дознания для возбуждения уголовного дела и расследования в общем порядке.

Если же в действиях конкретного виновного лица не усматривается хулиганский мотив и не установлены иные вышеперечисленные обстоятельства, препятствующие пострадавшему самостоятельно защищать свои права и законные интересы, то его деяние следует квалифицировать соответственно по ч.1 ст.115 и ч.1 ст.116 УК РФ. Повторимся, что данные статьи относятся к статьям частного обвинения и уголовные дела по ним возбуждаются мировым судьей только при подаче заявления потерпевшим или его законным представителем в суд в установленном порядке (ст. 318 УПК РФ). При этом установленный законом порядок предусматривает личное обращение заявителя или его представителя в суд, определенную процедуру подачи и приема заявления. Любое отклонение от требований норм УПК РФ, регламентирующих процедуру подачи заявлений по делам частного обвинения в суд, в том числе и направление их через орган внутренних дел, проводивший проверку сообщения, дает основание мировому судье отказать в принятии заявления к своему производству.

Поэтому, не усмотрев в действиях конкретного виновного лица хулиганского мотива совершения насильственных действий (что, как правило, предопределено в случаях, когда рассматриваемый конфликт произошел

между лицами, знакомыми между собой либо состоящими в родственных связях), и в случаях, когда пострадавший желает привлечения виновного к уголовной ответственности, участковый уполномоченный полиции по результатам проверки, усмотрев в действиях виновного признаки преступления, предусмотренного ч.1 ст.115 или ч.1 ст.116 УК РФ, вправе вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ч.2 ст.115 или по ч.2 ст.116 УК РФ на основании п.2 ч.1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие в деянии состава преступления). При этом пострадавшему в письменном виде разъясняется его право на обращение в суд и порядок частного обвинения по ч.1 ст.115 или ч.1 ст.116 УК РФ. Таким образом, материал проведенной проверки, приобщенный к вынесенному постановлению об отказе в возбуждении уголовного дела, после его утверждения начальником территориального органа МВД России или его заместителем остается в ОВД и фиксируется в Журнале учета материалов, по которым вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела [8]. После обращения в суд заявителя, получившего письменный ответ из органа внутренних дел, мировой судья в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства [9] осуществляет прием от него заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения. Приняв данное заявление к производству, мировой судья делает запрос в орган внутренних дел, на который материал проверки направляется в суд. Заявление пострадавшего о намерении привлечь виновное лицо к уголовной ответственности, поданное им в орган внутренних дел в ходе проверки, обязывает должностное лицо провести проверку в полном объеме в соответствии с требованиями ст.144 УПК РФ. Проведенная им проверка обеспечивает в последующем объективное рассмотрение дела мировым судьей.

В заключение хотелось бы отметить, что участковый уполномоченный полиции выполняет очень ответственную и кропотливую каждодневную работу по профилактике и разбирательству семейно-бытовых конфликтов. Ввиду сложившихся обстоятельств ему приходится постоянно работать с лицами, представляющими угрозу для нормального функционирования общества и семьи. На обслуживаемом им административном участке, как правило, проживают и несовершеннолетние преступники, и ранее судимые, и состоящие на учёте в различных диспансерах, и другие граждане, попадающие в зону риска, которые нередко становятся участниками конфликтов в семьях. Поэтому сообщения и заявления о преступлениях частного обвинения, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, требуют своевременного реагирования и тщательной проверки. Именно от своевременного и правильного приема, регистрации, проверки и разрешения поступивших сообщений зависит уровень оперативной обстановки, жизнь и здоровье граждан.

Библиографический список

1. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции от 31 декабря 2012г. № 1166: приказ МВД России. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru). См.: п.59.
2. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях от 1 марта 2012г. № 140: приказ МВД России. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». <http://www.consultant.ru>. См.: п.26.
3. Там же п.53.1.
4. Там же п.53.2.
5. См.: часть 3 ст.144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001г. №174-ФЗ: Федеральный закон Российской Федерации (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». <http:// www.consultant.ru>.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. N 63-ФЗ: Федеральный закон Российской Федерации (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». <http:// www.consultant.ru>.
7. См.: ч.4 ст.20 и ч.4 ст.147 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001г. №174-ФЗ: Федеральный закон Российской Федерации (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». <http:// www.consultant.ru>.
8. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях от 1 марта 2012г. № 140: приказ МВД России. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». <http://www.consultant.ru>. - См.: п.88.
9. См. ст. 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001г. №174-ФЗ: Федеральный закон Российской Федерации (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». <http:// www.consultant.ru>.

References

1. The organization of activities police district inspectors from 31 December 2012. No. 1166: order of the Ministry of internal Affairs of Russia. [Electronic resource]. Access from Ref.-legal system “Consultant Plus”. <http:// www.consultant.ru>. - See: p.59.
2. On approval of the Administrative regulations of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation the provision of public services for the receipt, registration and resolution in the territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, statements, messages, and other information on crimes, administrative offences, incidents from 1 March 2012. No. 140: order of the Ministry of internal Affairs of Russia. [Electronic resource]. Access from Ref.-legal system “Consultant Plus”. <http://www.consultant.ru>. - See: p.26.
3. There p.53.1.
4. There p.53.2.
5. See: part 3 Stan-procedural code of the Russian Federation of December 18, 2001. No. 174-FZ Federal law of the Russian Federation (as amended on 21.07.2014) (to MEAs. and additional, takes. in effect 06.08.2014). [Electronic resource]. Access from Ref.-legal system “Consultant Plus”. <http:// www.consultant.ru>.
6. The criminal code of the Russian Federation of 13 June 1996. N 63-FZ Federal law of the Russian Federation (as amended on 21.07.2014) (to MEAs. and additional, takes. in effect 04.08.2014) [Electronic resource]. Access from Ref.-legal system “Consultant Plus”. <http:// www.consultant.ru>.
7. See: part 4 article 20 and part 4 St of the Criminal procedure code of the Russian Federation of December 18, 2001. No. 174-FZ Federal law of the Russian Federation (as amended on 21.07.2014) (to MEAs. and additional, takes. in effect 06.08.2014). [Electronic resource]. Access from Ref.-legal system “Consultant Plus”. <http:// www.consultant.ru>.
8. On approval of the Administrative regulations of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation the provision of public services for the receipt, registration and resolution in the territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, statements, messages, and other information on crimes, administrative offences, incidents from 1 March 2012. No. 140: order of the Ministry of internal Affairs of Russia. [Electronic resource]. Access from Ref.-legal system “Consultant Plus”. <http://www.consultant.ru>. - See: p.88.
9. Cm. senior 318 of the Criminal procedure code of the Russian Federation of December 18, 2001. No. 174-FZ Federal law of the Russian Federation (as amended on 21.07.2014) (to MEAs. and additional, takes. in effect 06.08.2014). [Electronic resource]. Access from Ref.-legal system “Consultant Plus”. <http:// www.consultant.ru>.

УДК 351.74

UDC 351.74

А.А. БОНДАРЕВ

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры специальной подготовки, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова
E-mail: O-malzeva@mail.ru

A.A. BONDAREV

Candidate of law, associate professor, Head of Department of special preparation, Orel Law Institute of the Ministry of Interior of Russia named after V. V. Lukyanov
E-mail: O-malzeva@mail.ru

ЭТИМОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

THE ETYMOLOGY OF THE RUSSIAN LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE WORKS OF RUSSIAN RESEARCHERS

В статье исследуется этимология понятия российского правосознания в контексте его исторического развития.

Ключевые слова: правосознание, нравственность, правотворчество, правовая идеология, право, национальные чувства, психологический аспект.

This article examines the etymology of the concept of a Russian legal consciousness in the context of its historical development.

Keywords: sense of justice, moral, law-making, legal ideology, right, national feelings, psychological aspect.

Теория государства и права традиционно исследует такие категории, как понятие, сущность, структура правосознания, его функции, соотношение с правом и роль в механизме правового регулирования общественных отношений.

Правосознание представляет собой одну из форм или областей человеческого сознания, явление идеальное, непосредственно не наблюдаемое. Попытка уяснить его конкретную роль в процессе правотворчества и правореализации с давних пор находится в поле зрения представителей российской науки.

Впервые вопрос о правосознании в России был поставлен во второй половине XIX века в период кодификации российского законодательства, в связи с активной дискуссией о взаимовлиянии законов и правосознания.

Можно выделить три основных определения правосознания, даваемых учеными конца XIX начала XX века. Правосознание – это:

1. положительное отношение к праву;
2. устойчивые правовые взгляды, не включающие психологический аспект.
3. совокупность правовых переживаний [1].

Исследуя труды русских юристов указанного периода, можно выделить ряд особенностей, присущих российскому правосознанию дореволюционного периода.

1. Примат правосознания над положительным правом. Так, И. Михайловский подчеркивал, что в данный момент в России вопрос стоит очень остро: «не должна ли реализация начал естественного права совершаться только путем субъективного правосознания? Другими словами: надо ли уничтожить положительное право, и на будущее время обходиться совсем без юридических норм, решая каждый случай жизни на основании субъективного правосознания?» [2].

2. Правосознание исходит из оснований, ле-

жащих вне самих правовых норм, т.е. из мотивов морали и религии, или из целей общества. По мнению многих юристов, право вне нравственности, построенное на безрелигиозных принципах, не считалось обязательным.

Так Б.А. Кистяковский писал, что нормы права и нормы нравственности в сознании народа недостаточно дифференцированы и живут в слитном состоянии [3]. Е.Н. Трубецкой отмечал, что для истинного православно-го человека «закон – это приказ Божий поступать людям по совести» [4]. Такую же позицию занимали Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин.

3. Правосознание не является отдельной темой теории права и интересует исследователей в основном только в связи с его регулирующими функциями. Не пытаясь дать определение правового сознания, они описывали его отдельные элементы. Так, в 1890 г. Н. Коркунов, пытаясь установить значение рационального и иррационального в правотворчестве, писал: «... возникновение права обусловлено сознательным соблюдением известных правил поведения, как обязательных, но содержание этих правона-чальных норм не творится сознательно сложившимися обычаями» [5].

4. Основу идеологической сферы правосознания составляют национальные чувства и нравственные воззрения. Основатель психологического направления российской правовой науки Л.И. Петражицкий в своих работах делал акцент на соотношение права и психики человека [6]. При таком подходе преимущественное внимание обращалось уже не столько на право, сколько на психологию отдельных индивидов, позволяющую, с точки зрения Петражицкого, понять мотивы поведения вообще, а значит, и правового поведения.

В советской правовой науке проблеме правосознания также уделялось достаточно внимания.

Так, в 20-е годы и в начале 30-х годов обозначенная проблема нашла свое отражение в трудах таких известных юристов, как П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис, Н.В. Крыленко, М.А. Рейснер и др.

Стучка П. рассматривал проблему правосознания как органическую часть всей проблемы права. Правосознание у него – существующая в сознании абстрактная форма права и правоотношений: «Имеется тройкого рода форма правоотношений: одна – конкретная сделка живых людей и две абстрактных – в законе и представлении людей» [7].

Такой взгляд на правосознание характерен для большинства исследователей того периода.

Довольно интересные мысли о правосознании были высказаны в 1940 г. М.С. Строговичем в его тезисах «Право и правосознание». В этих тезисах отмечалась важность психологической разработки проблемы. Правосознание характеризовалось в них как система идей и как совокупность определенных убеждений, отношений людей к праву.

Проблемы правосознания освещались в монографиях и учебниках, а также в отдельных работах по конкретным отраслям права.

Значительно вырос интерес к проблеме правосознания с середины 50-х годов.

Примечательным моментом для этого периода является то, что появляются работы, авторы которых исследуют проблему правосознания не только в связи с разработкой других юридических понятий, а как один из ключевых компонентов права.

Так, Е.А. Лукашева дает следующее определение правосознания: «Социалистическое правосознание воплощает представления рабочего класса и руководимых им трудящихся масс о характере, сущности и принципах права, убеждения и необходимости претворения в жизнь правовых предписаний социалистического государства, осуждение неправомерного поведения участников общественных отношений, любых фактов произвола и беззакония» [7].

Иоффе О.С. и Шаргородский М.Д. рассматривают правосознание как совокупность «воззрений класса или всего общества на то, что есть право и что не есть право» [8].

Фарбер И.Е., основываясь на положениях, содержащихся в трудах А. Лабриолы и Г.В. Плеханова [9], выделил в структуре правосознания познавательную сторону, или правовую идеологию и эмоционально-волевую сторону, или правовую психологию. По его мнению, правовая идеология – это система правовых идей, отражающих интересы и потребности класса, а правовая психология – это совокупность чувств, убеждений, привычек и мотивов юридически значимых волевых действий. Правосознание же – это форма общественного сознания, представляющая собой совокупность правовых взглядов и чувств, обладающих нормативным характером и включающих в себя как знание правовых явлений, так и их оценку с точки зрения справедливости, а также новые правовые требования, отражающие экономические и политические

потребности и интересы общественного развития [10].

Фарбер сформулировал ряд основных положений теории структуры правосознания и тем самым предопределил направленность разработки этой теории в советской юридической науке.

Характеризуя уровни правосознания, то есть правовую психологию и идеологию, исследователи показывают внутреннее строение данных компонентов. Были проанализированы составные элементы правовой идеологии.

Алексеев С.С. относит к ним правовые понятия, идеи, принципы и теории.

Обнаруживается стремление не только обозначить эти элементы, но и определить их содержание. Однако соотношение этих элементов между собой не исследуется.

Так, И.Ф. Рябко утверждает, что существуют внешние формы права (партийные документы, основные юридические акты, юридическая наука, общественное мнение и правовая культура), содержание которых составляет его внутренние формы (правовые чувства, настроения, проявления воли, правовые идеи, теории, концепции) [11].

В целом 60-е годы можно охарактеризовать как период постановки проблемы структуры правосознания. В работах исследователей наметились основные направления анализа этой структуры как правовой психологии и идеологии, как общественного и индивидуального правосознания, как обыденного и теоретического правосознания.

В 70-80 годы значительно вырос интерес к проблеме исследования структуры правосознания. Это период экстенсивного освоения проблемы. Исследователи стремятся использовать уже сложившееся понимание структуры правосознания в разработке различных вопросов, касающихся соотношения: правосознания и политического сознания; правосознания и морального сознания; индивидуального правосознания и общественного сознания; права и правосознания; права и правовой культуры.

В эти же годы продолжается исследование сущности структуры правосознания.

Основная характерная черта научных разработок данного периода заключается в стремлении использовать достижения системного подхода при рассмотрении структуры правосознания. При этом в основу исследований в качестве методологической установки кладется представление о структуре как совокупности закономерных связей между элементами системы.

Уместно отметить появление со второй половины 80-х годов большого количества работ, посвященных исследованию правосознания различных социальных групп общества.

Наряду с разработкой модели индивидуальной структуры правосознания разрабатывалась и модель его социальной структуры, включающей в себя индивидуальный, групповой и общественный уровни.

После развала СССР предпринимаются попытки переосмысления некоторых ранее звучавших положе-

ний, относящихся к понятию, сущности, структуре, функциям правосознания.

Например, С.С. Алексеев считает, что правосознание – это явление, в принципе чисто субъективное, оно состоит из представлений людей о праве, из субъективного отношения к самому феномену права, его ценностям, правовой психологии [12].

Таким образом, поставленная им самим задача изменить «сам угол зрения на право» в сфере теории правосознания свелась к более подробному анализу предмета отражения и некоторых психических реакций на правовые явления.

Грошев А.В. также дает определение, в котором достаточно полно описан предмет отражения право-

сознания [13]. По его мнению, к предмету отражения относятся:

1. реальные общественные отношения, регулируемые правом;
2. право как система норм;
3. механизм правового регулирования;
4. правоприменение;
5. правовое поведение.

В современной российской науке четко определилась тенденция к более глубокому, всестороннему изучению содержательных компонентов правового сознания, таких как структура правосознания, его виды, способы формирования, факторы, обуславливающие деформацию правосознания.

Библиографический список

1. Михайловский И.В. Очерки философии права. 245 с.
2. Михайловский И.В. Указ. соч. 246. с
3. Кистьяковский Б.А. Социальные науки и право. М., 1916. 633 с.
4. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1913. 216 с.
5. Коркунов Н. Лекции по общей теории права. СПб.: Типография В.А. Тихонова. 1890. С. 108.
6. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности, СПб, Типография М. Меркушева, 1910. Т. 2. С. 479–481.
7. Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. С. 79.
8. Лукашева Е.А. Указ. соч. 30 с.
9. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. 99 с.
10. Уледов А.К. Общественная идеология и психология. М., 1985. С. 64–65.
11. Рябко И.Ф., Правовое сознание и правовое воспитание масс в советском обществе. Ростов на Дону, 1969. С. 88–91.
12. Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. 112 с.
13. Грошев А.В. Уголовный закон и правосознание. Екатеринбург: ЕВШ МВД РФ. 1994. С. 11–12.

References

1. Mikhaylovsky I.V. Legal philosophy sketches. 245 p.
2. Mikhaylovsky I.V. Decree. соч. 246 p.
3. Kistyakovsky B. A. Social sciences and right. M, 1916. 633 p.
4. Trubetskoy E.N. Meaning of the life. M, 1913. 216 p.
5. Korkunov N. Lectures on the general theory of the right. SPb. : VA printing house. Tikhonova. 1890. 108 p.
6. Petrazhitsky L.I. The right and state theory in connection with the theory of moral, SPb, M. Merkushev's Printing house, 1910. Vol. 2 . Pp. 479–481.
7. Stuchka P. I. 13 years of fight for the revolutionary and Marxist theory of the right. 79 p.
8. Lukasheva E.A. Decree. соч. 30 p.
9. Ioffe O. S., Shargorodsky M. D. questions of the theory of the right. M, 1961. P. 99.
10. Uledov A.K. Public ideology and psychology. M, 1985. Pp. 64–65.
11. Ryabko I.F. Legal consciousness and legal education of masses in the Soviet society. Rostov on Don, 1969. Pp. 88–91.
12. Alekseev S. S. The theory is right. M, 1994. 112 p.
13. Groshev A.V. Criminal law and sense of justice. Yekaterinburg: EVSh Ministry of Internal Affairs Russian Federation. 1994. Pp. 11–12.

УДК 342.72/.73

UDC 342.72/.73

В.М. ВАЛЕТОВА

соискатель, кафедра конституционного и муниципального права, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
Email: v-valetova@mail.ru

V.M. VALETOVA

Applicant, Department of Constitutional and Municipal Law, Elets State University named after I.A. Bunin
Email: v-valetova@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ ВРЕДА В РЕЗУЛЬТАТЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE STATE COMPENSATION OF DAMAGE RESULTING FROM PROSECUTION

В статье раскрываются отдельные проблемы правовой регламентации возмещения государством вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что регламентация рассматриваемых правоотношений противоположными по своим методам правового регулирования отраслями права препятствует эффективной реализации конституционных прав, установленных нормами статей 45, 52, 53 Конституции России.

Ключевые слова: правовая регламентация, государство, возмещение вреда, незаконное уголовное преследование, реабилитация.

The article describes some problems of legal regulation of the state compensation of damage caused in the course of criminal proceedings. Based on the research the author comes to the conclusion that the regulation of considered legal relations by opposite on the methods of legal regulation branches of the right interferes with effective realization of the constitutional laws established by standards of articles 45, 52, 53 of the Constitution of Russia.

Keywords: legal regulation, state, compensation of damage, illegal criminal prosecution, rehabilitation.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод граждан Российской Федерации выступает приоритетным направлением деятельности Российского государства.

Достижение высокого уровня государственной защиты прав и свобод граждан обеспечивается посредством создания эффективных правовых механизмов устранения любых нарушений, в том числе в результате деятельности органов публичной власти.

Основным законом России в статьях 52 и 53 в качестве одного из способов устранения нарушений со стороны государственных органов закреплено, с одной стороны, право потерпевших от преступлений и злоупотреблений власти на компенсацию ущерба, а с другой стороны, обязанность государства возместить причиненный вред за счет собственных средств в полном объеме.

Конституционным гарантиям находящегося под судебной защитой права на возмещение вреда корреспондируют положения:

1. статьи 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 года;
2. подпункта «а» пункта 3 статьи 2, пункта 5 статьи 9, пункта 6 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года;
3. пункта 5 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года и статьи 3 Протокола № 7 к данной Конвенции.

Нормы названных международно-правовых актов предусматривают право каждого, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу или осуждения за преступление, на компенсацию.

Соответствующее положение вышеприведенных международно-правовых актов и Конституции России нашли свое развитие в действующем национальном законодательстве и подзаконных актах СССР.

На федеральном уровне правоотношения в сфере возмещения государством вреда, причиненного в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, урегулированы Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и Гражданским кодексом Российской Федерации.

Отдельные вопросы компенсации ущерба вследствие противоправной деятельности органов государственной власти их должностных лиц регламентированы:

а. Указом Президиума ВС СССР от 18.05.1981г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» и утвержденным им Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда;

б. Инструкцией по применению Положения о по-

рядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденная Министерством юстиции СССР, Прокуратурой СССР, Министерством финансов СССР 2 марта 1982 года и согласованной с Верховным Судом СССР, Министерством внутренних дел СССР, Комитетом государственной безопасности СССР.

Вместе с тем, положения названных нормативно-правовых актов СССР, с учетом разъяснений Конституционного Суда Российской Федерации в Определении от 16.12.2010 № 1674-О-О, могут применяться «лишь во взаимосвязи с положениями главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и положениями статьи 1070 и § 4 главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации...».

Следует отметить, что положения действующего федерального законодательства расширяют перечень оснований признания за лицом права на возмещение вреда и направлены на укрепление законности в рамках осуществления уголовного судопроизводства и защиты прав и свобод граждан, подвергшихся незаконному уголовному преследованию со стороны государства, тогда как Указ Президиума ВС СССР от 18.05.1981г. и Инструкция 1982 года, которые утверждались в период социализма на основании действующей на тот момент статьи 58 Конституции СССР, были приняты в целях укрепления социалистической законности.

В этой связи полагаем целесообразным признать утратившими силу вышеуказанные подзаконные акты СССР, дабы исключить противоречия в правовой регламентации правоотношений по возмещению вреда в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования и практике применения судами соответствующих положений законодательства.

Анализ нормативно-правовой базы по вопросам возмещения государством вреда в результате противоправных действий (бездействия) органов государственной власти в рамках уголовного судопроизводства позволяет сделать вывод о том, что регламентация исследуемых правоотношений на международно-правовом и конституционно-правовом уровне с развитием соответствующих положений в федеральном законодательстве отражает их публично-правовую специфику и направлена на создание в рамках национального законодательства эффективной системы восстановления нарушенных прав и свобод граждан.

Как отмечается в юридической науке, признание права на компенсацию ущерба в результате противоправной деятельности органов уголовного преследования носит «официальный характер и выступает одним из проявлений основополагающего начала уголовного судопроизводства – публичности уголовного процесса» [3].

Несмотря на это действующая система правовой регламентации правоотношений в сфере возмещения государством вреда в результате противоправных действий (бездействия) органов государственной власти в рамках уголовного судопроизводства является несовершенной.

В целях выявления отдельных проблем правового регулирования возмещения государством вреда и реализации на практике положений действующего федерального законодательства в исследуемой области необходимо провести сравнительный анализ правовых норм, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации и Гражданском кодексе Российской Федерации.

Уголовно-процессуальным законом правоотношения в сфере возмещения государством в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования включены в состав самостоятельного правового института реабилитации.

Данный правовой институт регулирует правоотношения в области:

- a. признания государством в установленном законом порядке права на реабилитацию;
- b. возмещения причиненного вреда;
- c. восстановления в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

В рамках настоящего исследования рассмотрению подлежат правоотношения в сфере возмещения имущественного и морального вреда потерпевшим в результате нарушения их прав и свобод в ходе уголовного судопроизводства.

Основанием возмещения вреда в рамках действующего законодательства Российской Федерации является признание в установленном уголовно-процессуальным законом порядке права на реабилитацию.

Статьей 134 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закреплено, что право гражданина на реабилитацию удостоверяется процессуальным документом, которым завершено производство по уголовному делу, с выводом о невиновности лица, подвергавшегося уголовному преследованию.

Таким образом, уголовно-процессуальный закон не требует вынесения отдельного постановления о признании права на реабилитацию; об этом должно быть указано в резолютивной части постановления дознавателя, следователя, прокурора о прекращении уголовного преследования, в приговоре, постановлении, определении суда [3], что значительно упрощает саму процедуру официального признания права гражданина на реабилитацию при наличии к тому законных оснований.

Кроме того, до 02 апреля 2013 года Верховный Суд Российской Федерации в пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» указывал, что отсутствие в приговоре, постановлении, определении указания на признание за лицом права на реабилитацию не может служить основанием для отказа в реабилитации.

Однако в последующем Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.04.2013г. № 6 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» данные положения были исключены из пункта 9

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2011г. № 17.

В этой связи на практике могут встречаться ситуации, когда уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям, а в соответствующем документе не указано о признании права на реабилитацию, что при обращении в суд, в первую очередь в порядке гражданского судопроизводства, может послужить основанием для отказа в заявленных требованиях о возмещении вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

Решением данной проблемы, на наш взгляд, может стать применение со стороны государства следующих мер:

1. повышение уровня правовой культуры дознавателей, следователей, прокуроров и судов, которыми завершается производство по уголовным делам и делается вывод о невиновности лиц, подвергавшихся уголовному преследованию;

2. осуществление государством мер, направленных на укрепление законности и правопорядка непосредственно в сфере осуществления уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что на практике наиболее спорным представляется не столько признание у лица права на реабилитацию, сколько реальное возмещение вреда, причиненного незаконными или необоснованными действиями или решениями органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда в рамках уголовного судопроизводства.

Объясняется это наличием неустранимых коллизий и пробелов в уголовно-процессуальном и гражданском законодательстве Российской Федерации.

В соответствии с частью 1 статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

По буквальному содержанию данной статьи Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации вред в полном объеме и независимо от вины причинителя вреда возмещается лишь тогда, когда он является результатом уголовного преследования, а субъектами причинения вреда являются орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор и суд.

В свою очередь, уголовным преследованием согласно пункту 55 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления.

Согласно части 3 статьи 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Следовательно, суд в рамках уголовно-процессуального закона выступает самостоятельным и независимым участником уголовного судопроизводства.

Вышеприведенные уголовно-процессуальные нормы вступают в противоречие друг с другом ввиду того, что предусматривают возможность возмещения вреда в результате осуществления незаконного или необоснованного уголовного преследования такими органами государственной власти и их должностными лицами, как орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор и суд, тогда как суд уголовное преследование осуществлять не правомочен.

Согласно части 2 статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеют на досудебных стадиях уголовного судопроизводства подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которых прекращено (например, в связи с отсутствием события преступления, отсутствием в деянии состава преступления, непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления и т. д.), и применительно к судебным стадиям уголовного судопроизводства – подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор или уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения; осужденный в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела.

Часть 3 статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дополнительно устанавливает, что право на возмещение вреда в порядке реабилитации имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

В свою очередь, меры процессуального принуждения могут быть применены как в отношении подозреваемого или обвиняемого (например, задержание подозреваемого, подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, залог, домашний арест, заключение под стражу), так и в отношении потерпевшего, свидетеля, гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика и (или) понятого (например, обязательство о явке, привод, денежное взыскание).

Таким образом, субъектами права на возмещение вреда в данном случае выступают как лица, в отношении которых ведется уголовное преследование (подозреваемые и обвиняемые), так и другие лица (потерпевшие, гражданские истцы, гражданские ответчики, свидетели, эксперты, специалисты, переводчики и понятые) – участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения и иные участники уголовного судопроизводства, не являющиеся субъектами реабилитации.

С одной стороны, включение в уголовно-процессуальный закон вышеуказанного нормативного положения указывает на стремление законодателя, следующего соответствующим конституционно-правовым предписаниям о возмещении вреда, причиненного в сфере уголовного процесса, отразить специфику пу-

бличных правовых отношений в сравнении с частными правовыми, создать в его рамках надежную и упрощенную процедуру восстановления прав физических и юридических лиц [2].

С другой стороны, законодатель, устанавливая «упрощенный» порядок возмещения вреда для лиц, незаконно подвергнутых мерам процессуального принуждения, упустил из виду лиц, в отношении которых незаконно проводились:

1. оперативно-розыскные мероприятия: оперативный эксперимент, контролируемая поставка, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений);

2. следственные действия: выемка, личный обыск, контроль и запись переговоров и другие.

На основании части 5 статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации рассмотрение судами требований о взыскании сумм в возмещение вреда государством производится в порядке искового производства, предполагающего наличие спора о праве и, как следствие, обязанность по доказыванию оснований и размера возмещения вреда лежат на истце.

В этой связи остается неясным, почему в отношении таких лиц, чьи основные конституционные права нарушены в рамках незаконно проводимых оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, разрешение вопроса о возмещении причиненного вреда осуществляется в порядке гражданского судопроизводства.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что такое разграничение правовых оснований возмещения вреда, причиненного в результате незаконного применения мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, и правовых оснований возмещения вреда, причиненного в рамках незаконно проводимых оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, не подкрепляется какими-либо критериями разделения и является совершенно необоснованным.

По аналогичным основаниям непонятны и причины, по которым согласно статье 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации иски о компенсации за причиненный моральный вред по реабилитирующим основаниям в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства.

Следует также отметить, что в рамках уголовного судопроизводства порядок возмещения вреда, причиненного в результате применения мер процессуального принуждения, не является столь «упрощенным», так как предполагает предварительное признание незаконности применения мер процессуального принуждения в порядке, установленном главой 16 «Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и тем самым не дает пострадавшему лицу возможность одновременного рассмотрения двух взаимосвязанных

требований о признании действий органов государственной власти неправомерными и возмещении причиненного вреда.

Частью 2 статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации установлено, что с требованием о возмещении имущественного вреда реабилитированный вправе обратиться в суд в течение сроков исковой давности, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации, со дня получения извещения с разъяснением порядка возмещения вреда.

Полагаем, регламентация правоотношений в рамках уголовного судопроизводства гражданским законодательством является недопустимой. Уголовно-процессуальным законом в данном случае должны быть предусмотрены специальные сроки обращения с требованием о возмещении вреда в порядке реабилитации, а также основания и процессуальный порядок восстановления сроков в рамках главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с учетом особенностей регламентируемого института реабилитации.

Множество вопросов вызывает и формулировка статьи 138 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой реабилитированный вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства с соответствующим требованием о возмещении вреда в случае, если требование о возмещении вреда судом в уголовно-процессуальном порядке не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением.

Норма статьи 138 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает своего рода исключительный способ обжалования принятых в рамках уголовного судопроизводства судебных постановлений в гражданском судопроизводстве и вступает в противоречие с положениями статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой производство по делу подлежит прекращению в случае рассмотрения дела по заявлению, которое не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке.

В этой связи Верховный Суд Российской Федерации в пункте 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» разъяснил, что реабилитированный вправе обратиться в порядке гражданского судопроизводства в части требований, оставленных без рассмотрения в порядке, установленном статьей 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а требования реабилитированного в той части, в которой они были разрешены по существу в порядке уголовного судопроизводства, не подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Полагаем, такое толкование Верховным Судом

Российской Федерации нормы статьи 138 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации изменяет ее содержание и является превышением полномочий Верховного Суда Российской Федерации.

Рассмотрение дел по исковым заявлениям о возмещении вреда, причиненного в результате незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, осуществляется в порядке гражданского судопроизводства в рамках статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации.

На первый взгляд, указание в пункте 1 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации на то, что вред подлежит возмещению независимо от вины должностных лиц, представляет собой существенную гарантию восстановления нарушенных прав потерпевшего.

В действительности же решение вопроса о том, подлежит ли возмещению причиненный вред, зависит, прежде всего, не от наличия или отсутствия вины непосредственного причинителя вреда, а от того, носили ли действия незаконный характер. В этой связи можно сделать вывод о том, что в случае отсутствия установленного факта незаконности действий (бездействия) должностных лиц вред, причиненный в ходе уголовного судопроизводства, на основании статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации возмещению не подлежит.

Данное положение закона о необходимости установления незаконности действия (бездействия) органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда вступает в противоречие с положениями главы 18 «Реабилитация» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о возмещении вреда (в первую очередь морального), причиненного не только незаконным, но и необоснованным уголовным преследованием.

В связи с этим для решения вопроса о наличии у потерпевшего права на возмещение вреда (в первую очередь права на компенсацию морального вреда) в соответствии с пунктом 1 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации необходима оценка действий (бездействия), послуживших основанием для предъявления искового заявления о возмещении вреда государством, посредством системного толкования главы 18 «Реабилитация» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации. В ином случае компенсация морального вреда, причиненного в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, будет невозможна в рамках действующего законодательства Российской Федерации.

Нельзя не отметить также, что пункт 1 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации называет исчерпывающий перечень оснований возникновения деликтных обязательств, а именно: незаконное осуждение; незаконное привлечение к уголовной ответственности; незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде; незаконное привлечение к административной ответственности в виде административного ареста, незаконное привлечение к административной ответствен-

ности юридического лица в виде административного приостановления деятельности.

В данном случае положения пункта 1 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации вступают в коллизию с положениями статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающей в качестве оснований возмещения вреда также и незаконное или необоснованное применение принудительных мер медицинского характера и всех мер процессуального принуждения.

За действия, выходящие за рамки действий, перечисленных в пункте 1 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, государство отвечает на началах вины в порядке, установленном статьей 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации. Опять же непонятна логика законодателя, почему такая мера пресечения, как подписка о невыезде, которая в определенных случаях может повлечь меньшие имущественные потери, вошла в перечень действий, за которые государство несет повышенную ответственность, а незаконное задержание лица в качестве подозреваемого, зачастую сопровождающееся как имущественным вредом, так и физическими и нравственными страданиями, может повлечь ответственность государства на общих началах [1].

Приведенный анализ положений действующего законодательства Российской Федерации свидетельствует о несовершенстве действующих правовых механизмов регулирования правоотношений в сфере возмещения государством вреда, причиненного в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования.

Регламентация правоотношений в исследуемой области радикально противоположными по своим методам правового регулирования отраслями права (гражданским и уголовно-процессуальным правом) создает неустранимые коллизии и пробелы в правовом регулировании правоотношений в сфере возмещения государством вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, ни Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с императивными методами правового регулирования «власти-подчинения», ни Гражданский кодекс Российской Федерации, регулирующий частно-правовые отношения, не способны создать эффективные механизмы реализации конституционного права на возмещение вреда в результате незаконной деятельности органов государственной власти в ходе уголовного судопроизводства.

Более того, разделение в рамках действующего законодательства Российской Федерации порядка возмещения морального и имущественного вреда в гражданском и уголовном судопроизводстве соответственно лишь затрудняет и необоснованно затягивает процесс взыскания соответствующих сумм с государственной казны и, как следствие, препятствует эффективной реализации положений статей 52 и 53 Конституции России.

В этой связи полагаем целесообразным принятие на федеральном уровне специального закона, детально регламентирующего правоотношения в рассматриваемой области.

Библиографический список

1. Григорян Г. В. Проблема возмещения вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов // Общество и право. 2009. № 3. С. 64–71.
2. Николюк В. В. Конституционно-правовые проблемы возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам уголовно-процессуального принуждения [Электронный ресурс] // электронная юридическая библиотека «ЮристЛиб». URL: http://www.juristlib.ru/book_10159.html (дата обращения 17.10.2013).
3. Радченко В. И. Уголовный процесс [Электронный ресурс]: учебник для вузов. 2-е издание, перераб. и доп. - Юридический Дом «Юстицинформ». 2006. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Grigoryan G.V. Problem of compensation of the state compensation of damage caused by illegal actions of law enforcement bodies // Society and law. 2009. № 3. Pp. 64–71.
 2. Nikolyyuk V.V. Constitutional and legal problems of the state compensation of damage to the persons which have been illegally subjected to measures of criminal procedure coercion [Electronic resource] // electronic legal library “Yuristlib” URL: http://www.juristlib.ru/book_10159.html (date of visit website 17.10.2013).
 3. Radchenko V.I. Criminal trial [Electronic resource] // textbook for high schools. 2–nd edition, revised. and add. - Legal House “Yustitsinform”. - 2006. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».
-

УДК 343.8

UDC 343.8

Ю.А. ВАРЛАМОВА

адъюнкт, факультет научно-педагогических кадров,
Академия Федеральной службы исполнения наказаний
России
E-mail: brubeck666.varlamova@yandex.ru

U.A. VARLAMOVA

Graduated in a military academy of faculty of scientific and
pedagogical shots of Academy of FSIN of Russia
E-mail: brubeck666.varlamova@yandex.ru

**ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ТРУДУ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ СТИМУЛИРОВАНИЯ
ПРАВОПОСЛУШНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ**

**ATTRACTION TO WORK AS ONE OF CONDITIONS OF STIMULATION OF RIGHT
OBEDIENT BEHAVIOUR CONDEMNED TO PRINUDITEL-NYM TO WORKS**

*В статье рассматривается роль труда как основного средства исправления осужденных к принудительным работам, его значение в перевоспитании осужденных и дальнейшем стимулировании последних к право-
послушному поведению.*

Ключевые слова: труд, исправление осужденных, трудовая занятость осужденных, меры уголовно-
правового характера, принудительные работы.

*The article considers the role of labor as a primary means of correction to forced labor, its value in the re-education
of prisoners and greater promotion of the latter to the law-abiding behavior.*

Keywords: labor, correction of convicts, employment of convicts, measures under criminal law, forced labor.

Целью уголовного наказания, как нам указывает уголовный закон в ч. 2 ст. 43 УК РФ, является восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений [1].

Если мы обратимся к уголовно-исполнительному законодательству, то увидим, что его целью является исправление осужденных, а также предупреждение совершения новых преступлений осужденными.

Таким образом, можно сделать вывод, что уголовное и уголовно-исполнительное законодательство ставят перед собой цель исправить субъекта, который совершил преступление, преступил закон, исправить того человека, который отнесся неуважительно к правилам поведения человеческого общежития, к общечеловеческим ценностям.

Под исправлением осужденного уголовно-исполнительное законодательство в ст. 9 УИК РФ понимает формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правоупотребного поведения [2]. Для того чтобы исправить осужденного, на законодательном уровне предусмотрены следующие средства его исправления: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие (ч. 2 ст. 9 УИК РФ) [2].

Остановимся на таком важном средстве исправления, как труд. Почему законодатель считает, что посредством труда и других средств можно исправить

осужденного, сделать из него законопослушного гражданина? Ответ на этот вопрос очевиден. Значение труда в исправлении осужденного велико, поскольку, осуществляя трудовую деятельность, человек удовлетворяет самые различные потребности, труд дает основу для социального развития, является источником благосостояния и материального обеспечения, труд развивает общество и поддерживает его свободу. Труд по своей сути является специфической человеческой деятельностью, которая формирует личность, он предохраняет человека от личностного распада.

Также отметим, что труд оказывает позитивное влияние на стимулирование у осужденных правоупотребного поведения. Применительно к осужденным, которым планируется назначение наказания в виде принудительных работ, предполагается, что, во-первых, труд оказывает огромное воспитательное воздействие на осужденного. Так, отечественный ученый-пенитенциарист С.В. Познышев указывал: «Хорошая организация труда в пенитенциарных учреждениях составляет одно из первых условий правильной постановки пенитенциарного дела. Праздность вообще развращает человека, а при особых условиях, в которых живут заключенные, она особенно вредна. Сознание человека, что он честно работает, поднимает его в собственных глазах, оказывает на него облагораживающее влияние»[3, с. 260].

Во-вторых, труд является средством удовлетворения человеческих потребностей. Каждый стремится к хорошему материальному обеспечению, поэтому трудовая деятельность позволяет осужденному приобрести что-то, получить определенную услугу и прочее.

В-третьих, осужденный, осуществляя трудовую деятельность, включается в трудовой коллектив. Такой коллектив оказывает положительное воздействие, поскольку в его среде у осужденного имеется возможность к самовыражению, возможность углубить и расширить межличностные связи, которые впоследствии могут помочь ему в удовлетворении потребностей в общении, дружбе, иных контактах. Осужденный также имеет возможность повысить образовательный и культурный уровни, он видит профессиональные перспективы, вследствие чего получает внутреннее удовлетворение своей значимости [4, с.13], а главное значение трудового коллектива заключается в том, что он способен осуществлять деятельность по формированию личности. В итоге правильно организованный труд способствует гармоничному развитию физических и умственных качеств осужденного и оказывает преобразующее значение на его личность. Труд воспитывает в осужденном сознательность, дисциплинированность, чувство товарищества и коллективизма, он формирует и закрепляет в человеке положительные моральные, этические, нравственные и правовые программы.

В-четвертых, если осужденный привлечен к труду, имеются инструменты для стимулирования его право-послушного поведения с помощью мер поощрения, а иногда и взыскания, которые в определенных условиях также оказывают позитивное воздействие, мер воспитательного характера и прочее.

Учитывая гуманизацию уголовной политики российского государства, суды все чаще назначают наказания за совершение преступлений, не связанные с лишением свободы, а именно: принудительные работы, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в связи с чем данная проблема особенно актуальна в отношении указанной категории осужденных.

Необходимо отметить, что нередко случаи, когда суд заменяет неотбытую часть наказания в виде лишения свободы на более мягкое наказание, то есть наказание, не связанное с лишением свободы либо применяет к нему условно-досрочное освобождение. В данном случае возможно предположить, что существует опасение совершения осужденными повторного преступления, если они не будут привлечены к труду, так как труд, по мнению Н.И. Вишневской, «...способствует положительной ресоциализации осужденного» [5, с. 92] и является мерой профилактического характера совершения повторных преступлений. Следовательно, если больше внимание уделить трудоустройству осужденных к принудительным работам, есть хороший шанс вернуть осужденного в общество право-послушным гражданином, у которого не возникло бы желания и потребности в совершении новых преступлений.

Таким образом, если после освобождения из мест лишения свободы осужденный не был привлечен к труду и государственные органы, осуществляющие кон-

троль и надзор за такой категорией осужденных, не примут мер по трудоустройству осужденного или же сам осужденный не устроится на работу, последствия могут быть такими: не работая и не имея денежных средств к существованию, осужденный может совершить корыстное преступление, или, как показывает практика, осужденный, не занятый трудом, начинает вести аморальный образ жизни, что грозит совершением повторных преступлений, особенно это заметно в небольших населенных пунктах, деревнях и тех местностях, где слабо развиты инфраструктуры, очень маленькое количество рабочих мест и трудоустроиться порой бывает очень сложно.

Стоит согласиться с М.В. Лопиной, которая утверждает, что высокий уровень безработицы осложняет криминогенную обстановку, снижает эффективность воспитательного воздействия, поскольку незанятость осужденных трудом, безделье дает им возможность заниматься запрещенной деятельностью [6, с. 147], например, употреблять спиртное, а также у осужденных имеется возможность играть в азартные игры и прочее, что создает условия для совершения повторных преступлений. Следовательно, отсутствие труда, незанятость приводят к негативным последствиям.

Как показывает практика, осужденные к уголовным наказаниям, не связанным с лишением свободы, такими как принудительные работы, в которых труд включается в содержание этих видов наказаний, и другие (ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), и условное осуждение, практически не совершают повторных преступлений, нежели осужденные, не привлеченные к труду, что свидетельствует о положительном влиянии трудовой деятельности на исправление осужденного, на стимулирование право-послушного поведения и т.д.

Таким образом, не случайно в уголовно-исполнительном законодательстве в понятие исправления осужденного в ст. 9 УИК РФ включена такая категория, как «уважительное отношение к труду», а также одним из средств исправления назван общественно полезный труд. Кроме этого, ст. 103 УИК РФ указывает, что каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. Труд осужденных должен поощряться, а его применение должно быть максимальным. Кроме этого, на наш взгляд, в целях исправления осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, и предупреждения их противоправного поведения судам стоит максимально применять обязанность при ограничении свободы и условном осуждении, а также при применении условно-досрочного освобождения трудоустроиваться и работать либо в течение испытательного срока в случае условного осуждения или в течение всего срока наказания применительно к ограничению свободы.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.06.2014).
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в ред. от 05.05.2014).
3. *Познышев С.В.* Основы пенитенциарной науки. М. 1923.
4. *Бабаев М.М., Крутер М.С.* Роль трудовых коллективов в профилактике правонарушений среди молодежи. М., 1981.
5. *Вишневская Н.И.* Исправление осужденных к лишению свободы: вопросы теории и практики: уголовно-исполнительный аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.
6. *Лопина М.В.* К вопросу о роли труда в процессе исправления осужденных // Общество и право. 2011. № 1(33).
7. *Миняева Т.Ф.* Труд как основное средство исправления осужденных в свете Концепции развития уголовно-исполнительной системы российской федерации до 2020 года // Российская юстиция. 2013. №3. С.31–33.

References

1. The criminal code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (an edition of 05.05.2014) (with amendment and additional, вступ. in force from 05.06.2014).
 2. The criminal and executive code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (in an edition of 05.05.2014).
 3. *Poznyshev S.V.* Fundamentals of penitentiary science. M 1923.
 4. *Babayev M.M., Kruter M. S.* Rol of labor collectives in prevention of offenses among youth. M, 1981.
 5. *Vishnevskaya N.I.* Correction condemned to imprisonment: theory and practice questions: criminal and executive aspect: Dis. ... edging. law sciences. Chelyabinsk, 2006.
 6. *Lopina M.V.* To a question of a work role in the course of correction condemned//Society and the right. 2011 . No. 1(33).
 7. *Minyazeva T.F.* Work as the main cure condemned in the light of the Concept of development of criminal and executive system of the Russian federation till 2020//the Russian justice. 2013 . No. 3. Pp. 31–33.
-

УДК 347.51

UDC 347.51

А.А. ВОЛОС

аспирант, кафедра международного частного права,
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: volos_alexey@zakon.ru

A.A. VOLOS

Graduate student, Department of International Private
Law, Saratov State Law Academy
E-mail: volos_alexey@zakon.ru

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

TORT LAW FUNDAMENTAL PRINCIPLES

Статья посвящена основным принципам обязательств вследствие причинения вреда. По мнению автора, к ним следует отнести: принципы недопустимости причинения вреда, неотвратимости ответственности за причиненный вред, полного возмещения вреда. Раскрывается сущность указанных категорий, дается их толкование, а также выносятся предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: принципы права, обязательства вследствие причинения вреда, полное возмещение вреда.

The article is devoted to the main principles of obligations owing to injury. According to the author's opinion there are principles of inadmissibility of injury, inevitability of responsibility for damaged, the harm full indemnification. The essence of the specified categories reveals, their interpretation is given, and also the offer on legislation perfection is taken out.

Keywords: law principles, tort law, the harm full indemnification.

Доктринальное осмысление любого явления следует начинать с изучения его основ, фундаментальных идей. Применительно к правовой науке подобными основополагающими положениями следует считать принципы, исследования которых в последнее время всё более и более актуальны.

В частности цивилистикой не в полной мере проанализированы принципы обязательств вследствие причинения вреда. Некоторые аспекты заявленной проблематики затронуты в монографии Г.А. Свердлыка, в которой предлагаются два начала таких отношений: недопустимости причинения вреда и полного возмещения вреда [4]. Согласимся с предложенным мнением. Подобные принципы характерны и для современного права. Однако вряд ли перечень основ деликтных обязательств ограничивается всего двумя явлениями.

В.А. Тархов указывал на основные начала гражданско-правовой ответственности: принципы законности, неотвратимости ответственности, равноправия сторон, сочетания личных интересов с общественными [5]. Перечисленные фундаментальные идеи характерны для всех видов ответственности и вряд ли их можно рассматривать в качестве институционных основ деликтных обязательств, подлежащих изучению в рамках настоящей работы.

По мнению отдельных ученых, основой деликтного права является принцип вины как основание ответственности. Подобный вывод делался, прежде всего, на основе норм советского законодательства. Более того, высказывалась позиция о том, что наличие обязанности возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, независимо от вины его владельца не умаляет значения принципа вины. Как писал

Н.С. Малеин, «если закон требует от владельца источника повышенной опасности особой бдительности и осторожности, а при нарушении этой обязанности возлагает ответственность, то следует неизбежно прийти к выводу, что такая ответственность основана на принципе вины» [3]. Данное суждение представляется спорным. Обязанность по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности, может быть наложена на его владельца даже в случае особой бдительности и осторожности последнего.

Выделение принципа вины в обязательствах вследствие причинения вреда, как уже было отмечено, в большей мере свойственно советскому праву. Думается, что на данный момент указанное положение несколько изменило свой смысл. Как небезосновательно указывал В.А. Тархов, Основы гражданского законодательства и часть 1 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) «значительно расширили сферу ответственности независимо от вины» [5]. Хотелось добавить, что указанная тенденция характерна и для части 2 ГК РФ.

Вина является одним из оснований наступления гражданско-правовой ответственности, однако ГК РФ установил правило, согласно которому законом могут быть предусмотрены случаи возмещения вреда при отсутствии вины. Кроме того, обязанность по возмещению вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда. В отдельных случаях должен быть возмещен вред, причиненный правомерными действиями (ст. 1064 ГК РФ). Следовательно, следует говорить не о принципе вины, а о неотвратимости ответственности за причиненный вред.

Таким образом, на основе анализа норм главы 59 ГК РФ и судебной практики следует выделить следующие

щие основы деликтных обязательств: **принципы недопустимости причинения вреда, неотвратимости ответственности за причиненный вред, полного возмещения вреда**. Рассмотрим более подробно перечисленные основополагающие начала.

Принцип недопустимости причинения вреда основывается на положениях Конституции РФ о недопустимости нарушения прав и свобод других лиц (ч. 3 ст. 17) и раскрывается в ряде положений ГК РФ. Как отмечено Е.В. Вавилиным, «правовые отношения между участниками должны строиться в соответствии с принципом взаимной ответственности субъектов права в процессе осуществления прав и исполнения обязанностей» [1]. Применительно к деликтным обязательствам это означает, что все участники гражданского оборота обязаны воздерживаться от причинения другим любого вреда, как имущественного, так и морального.

Идея о недопустимости причинения вреда как фундаментальная основа деликтных обязательств прослеживается и в зарубежной правовой доктрине. Так, иностранными авторами подчеркивалось, что в процессе жизни каждый должен стремиться к тому, чтобы избежать нарушения прав других. Если же нарушение произошло, виновный должен компенсировать причиненный вред [6]. Возникла теория нарушенных законных прав, суть которой в том, что «Вы не должны причинять никакого вреда Вашему соседу» [6].

Можно сказать, что главная цель существования деликтных обязательств – не допустить нарушений прав субъектов гражданского оборота. Нормы, в которых реализуется принцип недопустимости причинения вреда, направлены на достижение важной функции гражданского права – охранительной. Как писал В.А. Тархов, «стороны гражданского правоотношения должны знать, что неисполнение ими своих обязанностей может повлечь за собой нарушение общественных отношений, имущественные потери и другие неблагоприятные последствия для другой стороны и общества в целом, и не допускать нарушения своих обязанностей» [5]. То есть неустановление подобных правил могло бы создать ситуацию, при которой граждане и юридические лица не были защищены от причинения вреда личности и имуществу.

Особенностью норм об обязательствах вследствие причинения вреда является то, что они применяются только в случае неблагоприятного развития общественных отношений. В этом их существенное отличие от положений договорного права. Можно сказать, что правила, установленные главой 59 ГК РФ, служат задачей превенции, предупреждения противоправного поведения участников гражданского оборота. В этой связи следует остановиться на таком явлении, как кумуляция санкций.

Дело в том, что нормы, направленные на недопущение причинения вреда жизни и здоровью граждан, содержатся в различных отраслях права. Связано это с тем, что права и свободы человека и гражданина являются в Российской Федерации высшей ценностью, а жизнь и здоровье человека признаются важнейшими, неот-

чуждаемыми благами. Таким образом, при причинении смерти или вреда здоровью личности наступает уголовная и гражданско-правовая ответственность. Данное взаимодействие санкций обосновано и, как видится, не нарушает общеправовой принцип «нельзя наказывать дважды за одно и то же», поскольку уголовное наказание воздействует на личность, а гражданско-правовая ответственность – на имущество причинителя вреда.

Следует заметить, что существуют ситуации, в которых допускается причинение вреда. Их следует рассматривать как исключения из общего правила. Так, в силу ст. 22 Федерального закона от 21.12.1994 г. № 69-ФЗ (в ред. от 12.03.2014 г.) «О пожарной безопасности» от возмещения причиненного ущерба освобождаются личный состав пожарной охраны, иные участники тушения пожара, ликвидации аварии, катастрофы, иной чрезвычайной ситуации, действовавшие в условиях крайней необходимости и (или) обоснованного риска.

Можно выделить следующие случаи допустимости причинения вреда: необходимая оборона, крайняя необходимость, непреодолимая сила, умысел потерпевшего, уполномоченность на причинение вреда и другие. Бесспорен тот факт, что подобное «право на причинение вреда» возникает в исключительных случаях и должно прямо вытекать из нормы закона.

Неотвратимость ответственности за причиненный вред – одно из основополагающих основ деликтного обязательства, согласно которому лицо, причинившее вред другому субъекту гражданского права, обязано понести гражданско-правовую ответственность в виде неблагоприятных последствий имущественного характера, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Действие принципа неотвратимости ответственности проявляется в следующих нормах главы 59 ГК РФ:

- вред, причиненный личности или имуществу, подлежит возмещению;
- подлежит возмещению вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, их должностными лицами, незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда;
- подлежит возмещению вред, причиненный несовершеннолетним, недееспособным, ограниченно дееспособным, гражданином, не способным понимать значения своих действий;
- обязанность компенсировать причиненный моральный вред;
- другие положения.

В качестве реализации принципа недопустимости причинения вреда следует рассматривать и правило ст. 1081 ГК РФ о том, что лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом, имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу. Действительно, установление законодательных положений об обязанности возместить причиненный вред за другое лицо, например, вследствие исполнения последним трудовых, должностных, служебных обязанностей не означает, что непосредственный причинитель вреда не понесет

гражданско-правовой ответственности. В противном случае было бы нарушение рассматриваемого начала.

Требование неотвратимости ответственности вытекает из принципа гарантированного осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей, рассмотренного Е.В. Вавилиным. Автор справедливо утверждает, что его несоблюдение «принимает очень часто абсурдные, антигуманные формы» [1]. Подобная проблема наблюдается, в частности, по некоторым делам, связанным с требованиями о компенсации морального вреда.

Таким образом, неотвратимость ответственности нельзя рассматривать исключительно как формальное требование. Неблагоприятные последствия имущественного характера, накладываемые на причинителя вреда, должны быть адекватны правонарушению. При определении размера возмещения необходимо руководствоваться всеми обстоятельствами дела, имущественным положением причинителя вреда и потерпевшего. Только адекватная, справедливая санкция за совершение гражданского правонарушения может рассматриваться как отражение принципа неотвратимости ответственности за причиненный вред.

Принцип полного возмещения вреда означает, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (п. 1 ст. 1064 ГК РФ). Как отмечено Г.А. Свердлыком, суть рассматриваемого начала состоит в «восстановлении правонарушителем того состояния, которое имело место до образования вреда» [4]. С теоретической точки зрения данное утверждение бесспорно. По поводу практического аспекта будет сказано ниже.

Указанное основополагающее положение проявляется в материалах судебной практики. Например, в силу Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 в целях большой реализации рассматриваемой идеи Верховный Суд РФ отметил, что когда по желанию потерпевшего для расчета суммы возмещения вреда учитывается обычный размер вознаграждения работника его квалификации (профессии) в данной местности и (или) величина прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации, суд с целью соблюдения принципов равенства, справедливости и полного возмещения вреда вправе учесть такие величины на основании данных о заработке по однородной (одноименной) квалификации (профессии) в данной местности на день определения размера возмещения вреда.

Идеей необходимости полного возмещения причиненных убытков проникнуто и зарубежное законодательство. Как указывает Р. Стоун, «обычной мерой в деликте является поставить истца в положение, в котором он оказался бы, если бы деликт не случился. Это, в основном, компенсирующие потери и причиненный ущерб» [7].

Важно отметить, что Конституционный Суд РФ в своем Определении от 8 апреля 2010 г. № 452-О-О вы-

делил отдельный принцип: гарантированность возмещения причиненного вреда, который предполагает защиту нарушенных прав в полном объеме. Думается, что указанное явление следует рассматривать в качестве синонима принципа полного возмещения вреда. Следовательно, рассматриваемое основополагающее начало деликтных обязательств имеет не только частноправовые, но и конституционные основы.

Для понимания сути полного возмещения необходимо обратиться к ст. 15 ГК РФ. Лицо, нарушившее чье-либо право, обязано возместить все убытки, которые подразделяются на реальный ущерб (расходы, которые потерпевший произвел или должен будет произвести для восстановления нарушенного права, а также утрата или повреждение имущества) и упущенную выгоду (неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено). В отдельных случаях закон указывает на необходимость компенсации морального вреда (ст. 1099 ГК РФ). Таким образом, наиболее общая формула полного возмещения выглядит так: возмещение убытков (реального ущерба и упущенной выгоды) и компенсация морального вреда. Из этого правила, безусловно, возможны исключения в части возложения на кредитора по деликтному обязательству дополнительных обязанностей, о чем будет сказано отдельно.

Вместе с тем не следует абсолютизировать рассматриваемый принцип. Далеко не всегда возможно восстановить положение, существовавшее до причинения вреда. Во-первых, это связано со сложностью возвращения утраченного имущества. Еще О.С. Иоффе правильно отмечал, что возмещение в натуре применяется редко, так как оно зачастую невозможно. Кроме того, самому потерпевшему часто удобнее получить денежную компенсацию, чем утраченный предмет [2].

Во-вторых, никакая компенсация не сможет восстановить положение, существовавшее до причинения вреда здоровью и, особенно, жизни гражданина. Здесь следует говорить лишь о возмещении убытков, которые понесли лицо, получившее увечье, или родственники умершего. Думается, что считать это полным возмещением в том смысле, в котором его понимает Г.А. Свердлык (см. выше), некорректно.

В-третьих, сложным для установления является денежный эквивалент компенсации морального вреда. Действительно, дать точную стоимостную оценку физическим и нравственным страданиям просто невозможно. Нет определенных критериев для разрешения данного вопроса и в судебной практике. Как указал Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 20.12.1994 г. № 10, для определения размера компенсации необходимо учитывать характер и объем причиненных истцу нравственных и физических страданий, степень вины ответчика в каждом конкретном случае, иные заслуживающие внимания обстоятельства. Кроме того, должны учитываться требования разумности и справедливости. Как видим, четких критериев не установлено.

В силу сказанного следует вывод, что принцип

полного возмещения необходимо рассматривать не как приведение общественного отношения в состояние, которое имело место до причинения вреда, а как **обязанность должника предоставить наиболее сопоставимую в данных конкретных условиях компенсацию потерянному потерпевшим (кредитором)**. Приведенная трактовка принципа полного возмещения подходит и к таким случаям, в которых, казалось бы, реализация указанной фундаментальной идеи невозможна: возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, компенсация морального вреда..

Одним из аспектов принципа полного возмещения вреда является установление в ГК РФ общего правила о невозможности уменьшения объема возмещения вреда. Так, согласно ст. 1064 ГК РФ законом или договором может быть установлена обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда. Обратного правила (установление договором компенсации в размере, меньшем, чем причиненный вред) не установлено. В отдельных случаях ГК РФ всё-таки допускает уменьшение размера возмещения (грубая неосторожность потерпевшего, имущественное положение должника), но их следует рассматривать как исключения из общего правила.

Следует отметить, что полное возмещение вреда означает не просто возмещение стоимости, например, утраченного имущества, но и совершение в полном объеме иных действий. Например, в силу ст. 138 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, восстановлению подлежат трудовые, пенсионные, жилищные, иные права реабилитированного. Приведенное положение следует рассматривать в качестве проявления анализируемого принципа. Таким образом, перечень действий, которые необходимо совершить для полного возмещения вреда, следует считать неисчерпывающим. Он может быть различным в зависимости от конкретной ситуации.

В литературе указывалось, что приведенный принцип имеет определенные ограничения [5]. К ним следует отнести, в частности, положения ст. 1083 ГК РФ. Так, размер возмещения должен быть уменьшен в том случае, если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда. Помимо этого, суд имеет право уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, с учетом его имущественного положения, за исключением случаев, когда вред причинен умышленными действиями. Указанное правило является проявлением принципа соразмерности гражданских прав и обязанностей, являю-

щегося необходимым звеном механизма осуществления прав и исполнения обязанностей [1].

Однако представляется, что ограничения принципа полного возмещения вреда возможны лишь в исключительных случаях, прямо установленных в законе. Подобного мнения придерживаются многие исследователи. Например, как писал О.С. Иоффе, «при отсутствии особых оснований следует руководствоваться принципом полного возмещения» [2].

Следует сказать, что судебная практика также придерживается правила об ограничении полного возмещения лишь в исключительных случаях. Так, Верховный Суд РФ указал на недопустимость широкого толкования п. 3 ст. 1083 ГК РФ, норма которого предусматривает возможность уменьшения размера возмещения вреда с учетом имущественного положения гражданина. Судебная инстанция справедливо обратила внимание на то, что данное правило распространяется исключительно на физических лиц. Возможность снижения размера возмещения вреда, взыскиваемого с юридического лица, с учетом его имущественного положения действующим законодательством не предусмотрена (Определение Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 11 – В10 – 12).

Таким образом, к принципам обязательств вследствие причинения вреда следует отнести: принцип недопустимости причинения вреда, неотвратимости ответственности за причиненный вред, полного возмещения вреда.

Для утверждения в правовой доктрине и практике принципа недопустимости причинения вреда нами предлагается дополнить п. 1 ст. 1064 ГК РФ абзацем 1 следующего содержания: «Не допускается причинение вреда личности и имуществу граждан, а также имуществу юридических лиц, иных субъектов гражданского оборота». Абзацы 1, 2, 3 указанного пункта считать соответственно абзацами 2, 3, 4.

Важнейшей основой, положением, пронизывающим всю совокупность норм гл. 59 ГК РФ, является принцип полного возмещения вреда. Его традиционное понимание заключается в том, чтобы восстановить положение, существовавшее до нарушения права. Однако, такая трактовка возможна лишь с чисто теоретической точки зрения, так как в полном объеме восстановить существовавшее положение очень часто невозможно. Следует говорить об обязанности должника по обязательству вследствие причинения вреда предоставить наиболее сопоставимую в данных конкретных условиях компенсацию потерянному потерпевшим (кредитором).

Библиографический список (References)

1. *Vavilin E.V.* Principle of civil law. The mechanism of realisation and protection of the civil rights. Saratov: Saratov state legal academy, 2012.
2. *Ioffe O. S.* The selected works: in 4 books. St.-Petersburg: the Legal centre the Press. Book № 3: the Obligation law. 2004.
3. *Malein N.S.* Property responsibility in economic relations. Moscow: Nauka, 1968.
4. *Sverdlyk G. A.* Principles of the Soviet civil law. Krasnoyarsk: Publishing house Krasnoyarsk university, 1985.
5. *Tarhov V. A.* The civil rights and responsibility. Ufa: YBIII the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1996.
6. *Burdick F.M.* Law of Torts. Washington D.C.: BeardBook, 2000.
7. *Stone R.* The Modern Law of Contract. Fifth Edition. London, Sydney, Portland, Oregon: Cavendish publishing limited, 2002.

УДК 35.08:328.185:342.9

UDC 35.08:328.185:342.9

Н.С. ГОНЧАРУК

кандидат политических наук, доцент, кафедра административного и финансового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: gontscharuk@yandex.ru

Л.А. АБАШИНА

кандидат юридических наук, доцент, кафедра административного и финансового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: abashinala@yandex.ru

N.S. GONCHARUK

Candidate of political sciences, Associate Professor, Department of Administrative and Financial law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: gontscharuk@yandex.ru

L.A. ABASHINA

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: abashinala@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ*

PREVENTION OF FORMATION MECHANISMS OF CORRUPT BEHAVIOR OF PUBLIC CIVIL SERVANTS: AN ADMINISTRATIVE LAW MODEL

В статье рассматриваются и анализируются административно-правовые меры противодействия коррупции в системе государственной гражданской службы.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, противодействие коррупции, государственная служба, государственный служащий.

The article considers legal and administrative measures to counter corruption in the civil service.

Keywords: civil service, counteraction of corruption, public service, public official.

Противодействие коррупции во всех структурах власти является одной из приоритетных задач в Российской Федерации, в связи с чем к данной проблеме привлечено большое общественное внимание, происходит активное формирование основ антикоррупционной политики. Согласно действующему законодательству административное правовое регулирование и противодействие коррупции относятся к полномочиям всех уровней государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации.

В связи с проведением политики модернизации, актуальной является разработка модели антикоррупционного поведения государственных гражданских служащих. Административно-правовая модель антикоррупционного поведения государственных гражданских служащих основывается, прежде всего, на методологии решения общих проблем профессиональной служебной деятельности, строгом соблюдении принципов функционирования антикоррупционной системы государственной службы и ее нормативном правовом обеспечении.

В элементном составе модели, направленной на профилактику коррупционного поведения государственных гражданских служащих, одним из основных являются правовые нормы.

Так, в мае 2008 года Д. Медведев инициировал соз-

дание в стране эффективной системы противодействия коррупции и устранения порождающих ее причин, подписав Указ «О мерах противодействия коррупции». Также был создан Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, а в июле 2008 года был принят Национальный план по противодействию коррупции [1]. В декабре 2008 года Государственная Дума Российской Федерации утвердила пакет законодательных антикоррупционных актов, внеся при этом изменения в 25 федеральных законов.

В последние годы в России проведена значительная работа по разработке и внедрению новых административно-правовых средств противодействия коррупции.

1. Созданы комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов. Деятельность комиссий направлена на обеспечение соблюдения федеральными государственными служащими ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, а также на осуществление в государственном органе мер по предупреждению коррупции.

2. Созданы механизмы декларирования государственными гражданскими служащими своих доходов. В декабре 2012 года был принят Федеральный закон «О

* Статья выполнена в рамках гранта РГНФ №14-13-57001/а(р)/03.

контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [2], предусматривающий контроль за расходами чиновников, их супругов и несовершеннолетних детей, связанных с совершением каждой сделки по приобретению земельных участков и других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг на сумму, превышающую общий доход этого лица и его супруги (супруга) по основному месту их службы (работы) за 3 последних года, предшествующих совершению сделки, а также об источниках получения средств, за счёт которых совершена сделка. При выявлении обстоятельств, свидетельствующих о несоответствии расходов чиновников их доходам, материалы, полученные в результате контроля, представляются в правоохранительные органы и в обязательном порядке в прокуратуру РФ.

3. Улучшилось качество предоставления отдельных государственных услуг в рамках административной реформы. Принят ряд эффективных административных регламентов, предусмотренных Концепцией административной реформы в качестве меры по совершенствованию государственного управления и по снижению коррупции в органах власти. Появилась возможность получения ряда государственных услуг в электронном виде.

4. Введена процедура оценки регулирующего воздействия, в ходе которой проекты нормативных актов анализируются специалистами Минэкономразвития России с обязательным привлечением бизнес-сообщества в целях выявления положений, вводящих избыточные административные ограничения и обязанности для субъектов предпринимательской деятельности. В рамках данной процедуры, которая существует уже больше года, было отклонено около 50 % всех разработанных проектов нормативных правовых актов как содержащих административные барьеры.

5. Значимым событием стало подписание 21 сентября 2012 года Антикоррупционной хартии российского бизнеса, основной целью которой является внедрение в практику корпоративного управления антикоррупционных программ и иных мер антикоррупционной корпоративной политики. Хартия предлагает деловому сообществу принять меры по недопущению любых форм коррупционных проявлений при ведении бизнеса, обеспечивая прозрачность финансовых операций, контроль за персоналом, отказ от незаконного получения преимуществ, прозрачность и открытость процедур закупок, сотрудничество с государством в борьбе с коррупцией.

6. В 2012 году в России начал свою работу Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей.

7. Внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в сфере противодействия коррупции. Например, редакция от 4 мая 2012 года в части 1 статьи 4.5 «Давность привлечения к административной ответственности» установила, что постановление по делу об административном правонарушении за нарушение законода-

тельства Российской Федерации о противодействии коррупции не может быть вынесено по истечении шести лет со дня совершения административного правонарушения (в предыдущей редакции установленный срок составлял 2 месяца).

8. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляют значительную работу по формированию правовых, организационных и информационных механизмов противодействия коррупции. В субъектах Российской Федерации разработано и принято региональное антикоррупционное законодательство, в целом соответствующее международным стандартам и федеральным нормам и принципам, приняты и реализуются программы и планы противодействия коррупции, внедряются унифицированные стандарты антикоррупционного поведения в системе государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации и муниципальной службы, проводится антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов субъектов РФ и муниципальных нормативных правовых актов, мониторинг антикоррупционного законодательства субъектов Российской Федерации.

9. В настоящее время, например, в Орловской области и ряде иных субъектов Центрального федерального округа внедрена практика разработки и реализации государственных региональных (муниципальных целевых) программ противодействия коррупции, активно протекает процесс административного нормотворчества в данной сфере. Так, в Орловской области приняты:

Закон Орловской области от 10 апреля 2009 года № 893-ОЗ «О противодействии коррупции в Орловской области» [3], которым регулируются отношения в сфере противодействия коррупции в органах государственной власти Орловской области;

Постановление Правительства Орловской области от 28 сентября 2010 года № 339 «Об утверждении долгосрочной областной целевой Программы «О противодействии коррупции в Орловской области на 2011-2015 годы» [4]. Основной целью программы является снижение уровня коррупции при исполнении органами государственной власти и органами местного самоуправления Орловской области государственных и муниципальных функций и предоставлении государственных и муниципальных услуг гражданам и организациям;

Указ Губернатора Орловской области от 25 февраля 2011 года № 51 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Орловской области» [5], основная цель которого – обеспечение условий для добросовестного и эффективного исполнения государственными гражданскими служащими Орловской области своих должностных обязанностей, исключения злоупотребления на государственной гражданской службе Орловской области; Указ Губернатора Орловской области от 6 декабря 2011 года № 425 «Об антикоррупционной экспертизе проектов законов Орловской области, вносимых Губернатором Орловской области в Орловский об-

ластной Совет народных депутатов в качестве законодательной инициативы, нормативных правовых актов Губернатора Орловской области и их проектов» [6] и другие акты.

В качестве распространённой ошибки регионального законодателя является дублирование федеральных норм. Воспроизведение федеральных норм без учёта региональной специфики, а также объёма и содержания компетенции региональных органов не является эффективным. Необходимо также отметить избыточность декларативных норм. Программы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации должны носить в основном административно-правоприменительный характер, что уже исключает необходимость присутствия декларативных положений. Оперирование излишне общими, абстрактными положениями, когда требуется детальное правовое регулирование, снижает действенность их применения.

В целом, анализируя принятые за последние годы нормативные правовые акты, направленные на противодействие коррупционных правонарушений и преступлений среди государственных гражданских служащих [7], можно сделать вывод об ужесточении контроля со стороны государства за имущественным положением и профессиональной деятельностью государственных гражданских служащих. Причём, ужесточение данного контроля осуществляется не только путём расширения круга лиц, на которых распространяются определённые имущественные ограничения и запреты, но и путём увеличения объёма такого контроля.

Помимо федерального и регионального законодательства, направленного на профилактику коррупционного поведения государственных гражданских служащих, во многих государственных органах утверждены планы противодействия коррупции, кодексы этики и служебного поведения, руководствоваться которыми необходимо государственным гражданским служащим, не только исполняя непосредственно свои профессиональные обязанности, но и в повседневной жизни, поскольку государственный гражданский служащий является представителем государства и олицетворяет государственную власть. В связи с чем нарушение им любых социальных норм и общепризнанных правил поведения способно нанести ущерб самому авторитету государственной службы и подорвать доверие населения к институтам государственной власти. Так, по данным исследования международной некоммерческой организации Transparency International Россия в рейтинге 2013 года «Индекс восприятия коррупции» (Corruption Perceptions Index) заняла 127-е место из 177. В рейтинге 2012 года РФ располагалась на 133-м месте. При этом и в 2012, и в 2013 году Россия набрала одинаковое число положительных баллов – 28 из 100 возможных [8]. Указанные данные свидетельствуют о том, что в настоящее время ощущается потребность в обобщении практики исполнения антикоррупционных правовых норм для государственных гражданских служащих и усиление этической составляющей в правилах их служебного и антикоррупционного поведения.

Модель такого поведения предполагает как активность действий самого государственного гражданского служащего, формами которого могут быть уведомление, исполнение, предписание и т.д., направленные на предотвращение коррупционного поведения, так и строгое соблюдение установленных предписаний в виде отказа от совершения каких-либо действий. К последним можно отнести подготовку и принятие управленческих решений по роду своей антикоррупционной деятельности; активное взаимодействие по месту работы в связи с исполнением должностных обязанностей с другими государственными служащими (гражданами, организациями); оказание антикоррупционных услуг в соответствии с регламентом государственного органа.

Одним из механизмов противодействия коррупции здесь может также выступать и ротация. В настоящее время в Российской Федерации происходит повышение значимости ротации государственных служащих. Ротация государственных гражданских служащих проводится в целях повышения эффективности гражданской службы и противодействия коррупции путём назначения гражданских служащих на иные должности гражданской службы в том же или другом государственном органе. Механизм ротации, как административно-правовой элемент модели предупреждения коррупции в системе государственной гражданской службы, способствует оптимизации и стабилизации системы и структуры государственных органов и их аппаратов в целом. Нормативное правовое регулирование проблем повышения эффективности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих исходит из того, что низкая коррупциогенность госслужбы является основным критерием её эффективности. В связи с принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» ст. 60 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» была дополнена частью 3, в соответствии с которой актами Президента Российской Федерации должен быть утверждён перечень должностей гражданской службы, предусматривающий ротацию государственных служащих и порядок ротации гражданских служащих.

При разработке механизма ротации государственных служащих с учётом положений законодательства Российской Федерации следует выделить две основные цели ротации государственных гражданских служащих.

1. Противодействие коррупции, стимулирование антикоррупционного поведения государственных гражданских служащих. В основе ротации как антикоррупционного механизма лежит представление о том, что коррупционные сети разрушаются при горизонтальном перемещении их участников, и новые служащие будут способствовать оздоровлению морального климата в организации.

2. Развитие профессионального уровня государственных гражданских служащих.

Во многих странах механизм ротации государственных служащих широко используется в целях

повышения профессионального уровня и качества работы государственного аппарата в целом (например, в Германии, Китайской Народной Республике, Сингапуре, Тайване, Индии, Японии и других).

В современных условиях, проводимых в системе государственного управления реформ (административной, бюджетной и других), повышается роль и независимых экспертов, участвующих в комиссиях органов государственной власти, в том числе в процедурах назначения на государственную гражданскую службу, продвижения чиновников по служебной лестнице, а также в урегулировании конфликтов интересов на государственной гражданской службе. Участие независимых экспертов в комиссиях государственных органов может способствовать: снижению уровня коррупционных рисков в системе государственного управления; повышению открытости и прозрачности системы государственной службы; повышению объективности управленческого решения; реализации конституционного принципа о равенстве доступа на государственную службу; защите прав и свобод граждан, участвующих в конкурсных, аттестационных и других процедурах государственных органов.

Таким образом, перед Российской Федерацией стоит задача создать эффективную, продвигающую сотрудников по их заслугам и ориентированную на обслуживание населения государственную службу, стойкую к коррупции, основанную на принципах прозрачности, открытости и обеспечивающую четкую внешнюю подотчетность институтам гражданского общества.

Для осуществления эффективного общественного контроля необходима, прежде всего, достоверная и полная информация о деятельности органов государственной власти и должностных лиц, полная прозрачность и открытость для граждан их решений и действий. Так, в России с 1 января 2010 года вступил в действие Федеральный закон от 9 февраля 2009 года №8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного са-

моуправления», который устанавливает, что органы власти должны обеспечить доступ граждан к информации об их деятельности через обнародование в СМИ, Интернете, по запросу, в помещениях, занимаемых этими органами; через библиотечные и архивные фонды. Также определена форма предоставления информации, порядок её предоставления, права пользователей, ответственность за нарушения права на доступ.

Однако нормы Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», устанавливающие ответственность должностных лиц за непредставление информации, имеют декларативный характер, так как не предусматривают адекватных санкций. На практике нередки случаи, когда в целях формального выполнения требований законодательства, обязывающих должностные лица предоставлять информацию и отвечать на обращения граждан, чиновники направляют «отписки», не содержащие ответа по существу.

Существенные ожидания с решением данной проблемы связаны с внедрением системы «электронного правительства». Созданный в ходе реализации Административной реформы портал госуслуг (www.gosuslugi.ru) позволяет отчасти решать антикоррупционные задачи при получении гражданами и предпринимателями государственных услуг, которые относятся к сферам госуправления с высокими коррупционными рисками.

Таким образом, необходимо отметить, что как федеральная, так и региональная власть проделали большую работу по разработке административно-правовых мер в сфере противодействия коррупции государственных гражданских служащих. Однако данную работу по реализации действенного механизма по борьбе с коррупцией необходимо планомерно продолжать, тем самым обеспечивая конституционный принцип равенства всех перед законом и судом.

Библиографический список

1. Национальный план по противодействию коррупции // О мерах по противодействию коррупции [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 19 мая 2008 года № 815 (в ред. от 02.04.2013). – Режим доступа: Консультант Плюс. Законодательство.
2. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ. – Режим доступа: Консультант Плюс. Законодательство.
3. О противодействии коррупции в Орловской области [Электронный ресурс]: Закон Орловской области от 10 апреля 2009 года № 893-ОЗ (в ред. от 30.06.2010) // Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/orel>
4. Об утверждении долгосрочной областной целевой Программы «О противодействии коррупции в Орловской области на 2011-2015 годы [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Орловской области от 28 сентября 2010 года № 339 // Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/orel>
5. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Орловской области [Электронный ресурс]: Указ Губернатора Орловской области от 25 февраля 2011 года № 51 // Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/orel>
6. Об антикоррупционной экспертизе проектов законов Орловской области, вносимых Губернатором Орловской области в Орловский областной Совет народных депутатов в качестве законодательной инициативы, нормативных правовых актов Губернатора Орловской области и их проектов [Электронный ресурс]: Указ Губернатора Орловской области от 6 декабря 2011 года № 425 // Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/orel>
7. См.: Федеральный Закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; Указ Губернатора Орловской области от 10.04.2014 № 102 «Об утверждении Положения о порядке уведомления лицами, замещающими государственные должности Орловской области, государственными

гражданскими служащими Орловской области о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими должностных обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупе) и зачислении средств, полученных от его реализации (выкупа)»//СПС «Консультант Плюс»; Федеральный закон от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»//СПС «Консультант Плюс» и др.

8. Transparency International. Рейтинг 2013 года «Индекс восприятия коррупции» // Режим доступа: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/zastriali>

References

1. National Anti-Corruption Plan // anti-corruption measures: Presidential Decree of May 19, 2008 № 815 (as amended on 02.04.2013). //“Consultant Plus”.

2. On the control of the conformity of expenses of persons holding public office, and other persons of their income: Federal Law of December 3, 2012 № 230-FL //“Consultant Plus”.

3. Combating corruption in Orel: Law Oryol Region 10 April 2009 № 893 (as amended on 30.06.2010)// access mode: <http://www.garant.ru/hotlaw/orel>.

4. On approval of the long-term regional target program “On Combating Corruption in the Orel region in 2011-2015. Resolution of the Government of the Oryol region from September 28, 2010 № 339// Mode of access: <http://www.garant.ru/hotlaw/orel>

5. Approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Civil Servants Orel region. Decree of the Governor of Orel region from February 25, 2011 № 51// Mode of access: <http://www.garant.ru/hotlaw/orel>

6. On anti-corruption expertise of draft laws Orel region, introduced the Governor of Orel region in Orel Oblast Council of People’s Deputies as a legislative initiative, regulations Governor of Orel region and their projects. Decree of the Governor of Orel region from December 6, 2011 № 425 //Mode of access: <http://www.garant.ru/hotlaw/orel>

7. See: Federal Law of 27.07.2004 № 79-FZ (as amended on 02.07.2013) “On State Civil Service of the Russian Federation”// “Consultant Plus”; Decree of the Governor of Orel region from 10.04.2014 № 102 “On Approval of the Procedure of notification by persons who hold public office Orel region , civil servants of the Orel region receiving a gift in connection with their official position or performance of their duties , delivery and evaluation of a gift, sale (redemption) and the receipt of money received from its sale (redemption)”// “Consultant Plus”; Federal Law of December 3, 2012 № 230 -FZ “On the Control of compliance costs of persons holding public office, and other persons to their income”// “Consultant Plus”, etc.

8. Transparency International. Rating 2013 “Corruption Perceptions Index”// Mode of access: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/zastriali>

УДК 347.1(075.8)

UDC 347.1(075.8)

А.В. МЕРКУЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского процесса, предпринимательского и трудового права, Орловский государственный университет

A.V. MERKULOVA

Candidate of Law, associate professor, Department of civil process, entrepreneurial and labour law, Orel State University

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ОБЩЕЙ И ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ

THE PROBLEM OF CORRELATION OF COMMON AND SHARED OWNERSHIP

Статья посвящена осмыслению проблемы разграничения совместной и долевой собственности. Основываясь на теоретических положениях и нормах, автор предлагает критерии разграничения совместной и долевой собственности, выделяет особые виды долевой собственности.

Ключевые слова: субъект правоотношения, совместная собственность, долевая собственность, доля в праве, доля в вещи, многоквартирный дом.

The article is devoted to the problem of delimitation of joint and shared ownership. Based on the theoretical laws and regulations, the author proposes the criteria for demarcation of joint and shared ownership, and singles out special types of shared ownership.

Keywords: subject of the legal relationship, joint ownership, shared ownership, share in the right, share things, apartment house.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому гражданину право иметь имущество в собственности, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами, а также признание и защиту собственности, ее охрану законом (статьи 8 и 35, части 1 и 2).

В отечественном законодательстве за собственником признано право по-своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, но так, чтобы они не противоречили закону и не нарушали права и охраняемые законом интересы других лиц (ч. 2 ст. 209 ГК РФ). Права собственника реализуются на основе общеправовых принципов юридического равенства, неприкосновенности, автономии воли и недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

В силу статей 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации и исходя из общеправового принципа справедливости право собственности должно осуществляться и обеспечиваться защитой на основе соразмерности и пропорциональности, с тем чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота – как собственников, так и третьих лиц. При этом возможные ограничения федеральным законом прав владения, пользования и распоряжения имуществом должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными, носить общий и абстрактный характер, не иметь обратной силы и не затрагивать существо конституционных прав, т.е. не ограничивать пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм.

Возможность ограничений, как и их характер, должна обуславливаться необходимостью защиты конституционно значимых ценностей, а именно: основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Общеизвестно, что вещь может принадлежать на праве собственности не одному, а двум и более лицам, и в таком случае имеет место общая собственность. Право каждого из собственников в отдельности имеет своим объектом только долю ценности вещи – так понимал суть общей собственности ученый-правовед Г.Ф. Шершеневич. Согласно мнению другого выдающегося русского цивилиста Д.И. Мейера «право общей собственности (condominium) – это такое право, когда несколько лиц являются субъектами права собственности на одно и то же имущество, но так, что каждому из них принадлежит право только на его идеальную долю» [6].

Российский законодатель (ст. 244 ГК РФ) выделяет два вида общей собственности: долевую и совместную. К долевой относится собственность, при которой определена доля каждого из ее участников, к совместной – собственность без определения долей [2]. Такой законодательный подход вызывает оживленные дискуссии в ученой среде. В настоящее время можно выделить несколько направлений научной мысли.

Если объект собственности или имущество принадлежит двум или нескольким лицам вместе, то оно находится в общей собственности. В главе 16 ГК РФ «общая собственность» и «имущество, находящееся в общей собственности» рассматриваются как тождественные категории. Эта позиция поддержана

Е.А. Сухановым и некоторыми другими цивилистами, участвовавшими в разработке проекта ГК РФ. По мнению А.Я. Рыженкова, А.Е. Черноморца [5], нельзя ставить знак равенства между долей в имуществе, отождествляемой законом с долей общей собственности, и долей в праве.

Не вдаваясь в подробную аргументацию, представляется, что следует разграничивать «долю в праве» и «долю в вещи».

Право собственности неделимо само по себе, а представление о доле права лишено всякой юридической определенности. В действительности право одно и принадлежит нераздельно всем субъектам, оно распространяется на всю вещь.

В правовой науке не наблюдается единства среди исследователей относительно критериев разграничения долевой и совместной собственности.

Можно выделить несколько подходов в ученой среде. Одни авторы (Д.М. Генкин, М.В. Зимелева, В.Ф. Маслов, Е.А. Суханов и др.) полагают, что в совместной собственности, в отличие от долевой, отсутствуют доли. Именно поэтому участник совместной собственности, в отличие от участника долевой собственности, не имеет права распоряжения долей. По мнению Н. Мисник, такое представление основано на смешении двух различных вопросов: о наличии доли и об определении ее размера: «Если в общей совместной собственности доля не определена, то есть, не выяснен ее размер, это еще не значит, что доля вообще не существует», не значит отрицание существования у него права на общее имущество.»

Другие ученые (Ю.Х. Калмыков, М.Г. Маркова и др.) утверждают, что размер долей участников общей совместной собственности, как и участников общей долевой собственности, известен заранее, поэтому разграничение общей собственности на совместную и долевую условно. Иную позицию занимают Н.Н. Мисник, М.К. Умуркулов, указывая, что в общей совместной собственности, как и в общей долевой, имеются доли, но их размер заранее не определен. Участник совместной собственности не может распорядиться своей долей не потому, что она не существует, а в связи с неопределенностью ее размера.

Не вдаваясь в подробный анализ существующих мнений, следует отметить следующее.

Образование общей совместной собственности возможно только в случаях, предусмотренных законом (ч.3 ст.244 ГК РФ). Если объект собственности или имущество принадлежит двум или более лицам вместе, то оно находится в общей собственности. Именно такая трактовка предусмотрена в ГК РФ. В главе 16 ГК РФ «общая собственность» и «имущество в общей собственности» рассматриваются как тождественные экономические категории. По мнению А.Я.Рыженкова и А.Е.Черноморца, нельзя ставить равенства между долей в имуществе, отождествляемой законом с долей общей собственности, и долей в праве. Иными словами, не следует смешивать «долю в праве» и «долю в вещи».

По утверждению А.А.Рябова, «при долевой соб-

ственности каждому из ее участников принадлежит определенная доля в праве на имущество». Думается целесообразнее говорить о доле в имуществе как объекте права общей собственности. В основе разграничения совместной и долевой собственности лежит не специфика определения размера доли, а наличие личной или лично-хозяйственной связи между участниками совместной собственности, обуславливающее особенности осуществления ими правомочий владения, пользования и распоряжения [3].

Основываясь на вышеизложенных теоретических положениях и нормах, можно выделить особенности, отличающие совместную собственность и долевую.

Во-первых, субъектами совместной собственности являются только граждане, находящиеся, как правило, в определенных личных или лично-хозяйственных отношениях, в то время как участниками долевой собственности могут быть любые физические или юридические лица.

Участники совместной собственности осуществляют владение и пользование общим имуществом сообща, именно с этим обстоятельством связана неопределенность размера доли в совместной собственности. Размер доли участника в общей собственности указывает на меру получаемых им материальных благ и возлагаемых на него расходов, связанных с общим имуществом. Если субъекты права собственности связаны личными отношениями и потому сообща владеют и пользуются общим имуществом, мера получения благ каждым из них в отдельности не имеет значения, поэтому определение размера доли, как правило, приводит к прекращению совместной собственности.

Во-вторых, общая собственность на имущество может возникнуть независимо от того, относится ли оно к неделимому имуществу, к имуществу, не подлежащему разделу в силу закона, или к делимому. Если имущество относится к такому, которое нельзя разделить, не изменив его назначения, т.е. к неделимому, либо не подлежит разделу в силу закона, то общая собственность на него возникает вследствие присущих имуществу функциональных качеств или его правового режима. Если же имущество относится к делимому, то общая собственность на него возникает лишь в случаях, предусмотренных законом или договором.

Закон по-разному подходит к определению как оснований возникновения, так и круга участников общей долевой и общей совместной собственности. Основания возникновения общей долевой собственности исчерпывающе не определены, т.к. она может возникнуть и в случаях, прямо предусмотренных законом, и в случаях, предусмотренных соглашением сторон, решением суда, а также в силу иных обстоятельств, влекущих образование общей долевой собственности. Так, общая долевая собственность на имущество в condominiuе возникает в силу закона, а на имущество, нажитое супругами в период брака, в силу заключенного между ними брачного договора. Общая долевая собственность может возникнуть также вследствие обстоятельств, не зависящих от воли людей [1].

В-третьих, круг участников общей долевой собственности законом не ограничен. Они могут представлять различные формы собственности в любом их сочетании. Возможна общая долевая собственность между гражданами, гражданами и юридическими лицами, между юридическими лицами, Российской Федерацией и ее субъектами, муниципальными образованияами, гражданами и т.д.

В ряде случаев правовое регулирование долевой собственности имеет определенную специфику, обусловленную объектом соответствующего правоотношения или основанием его возникновения, в связи с чем, можно выделить особые виды долевой собственности:

1. долевую собственность лиц, заключивших между собой договор о совместной деятельности (договор простого товарищества) ;

2. долевую собственность на общее имущество в многоквартирном доме лиц, которым принадлежат на праве собственности помещения в соответствующем доме;

3. долевую собственность на земли сельскохозяйственного назначения.

Чтобы выяснить, чем право общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме отличается от права общей собственности на иное имущество, необходимо определить, что такое «многоквартирный дом» и имеет ли он то же значение, что и «жилой дом».

Что представляет собой многоквартирный дом в юридическом смысле ?

Согласно п. 2 ст. 16 Жилищного Кодекса жилым домом признается индивидуально-определенное здание, которое состоит из комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании. Определения «многоквартирного дома» в ЖК нет, однако следует

исходить из того, что многоквартирный дом – это разновидность жилого дома, а значит, определение жилого дома к нему в некоторой мере применимо. В п. 6 Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу, утвержденного постановлением Правительства РФ от 28.01. 2006 г. № 47, многоквартирным домом признается совокупность двух и более квартир, имеющих самостоятельные выходы либо на земельный участок, прилегающий к дому, либо в помещения общего пользования в таком доме [4].

Таким образом, в числе наиболее характерных признаков, присущих всем видам общей собственности, независимо от оснований их возникновения, следует отметить, что, во-первых, она принадлежит двум или более лицам, т.е. является многосубъектной; во-вторых, ее предмет составляет одно и то же имущество, которое относится к общему; в-третьих, в общей собственности наряду с внешними отношениями сособственников со всеми третьими лицами существуют также и внутренние отношения между самими сособственниками.

Многоквартирный дом – объект сложный и неоднородный, элементы которого могут иметь неодинаковые правовые режимы, требования по управлению и различаться по субъектам, т.е. управляющим лицам. Поэтому следует четко представлять себе внутреннюю структуру многоквартирного дома и взаимосвязь его элементов в системе.

Резюмируя изложенное, отметим, что развитие и совершенствование гражданского законодательства породило множество вопросов, разрешение которых представляет интерес как с точки зрения теории, так и практики. Очевидно, что вопрос о субъектах совместной и долевой собственности требует дальнейшего изучения и осмысления.

Библиографический список

1. Гражданское право. Под ред. А.И. Калпина, А.И. Масляева. М., 2011. С. 214
2. Гражданское право. Том 3. Под ред. А.П. Сергеева, Н.Д. Егорова. М., 2011. С. 128
3. Гражданско-правовые способы защиты права собственности на недвижимость: науч.-практич. пособие по применению гражданского законодательства (под общ. ред. В.Н. Соловьева). М., 2010.С. 26
4. Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции» (п. 6 раздел 1) // Консультант Плюс, 2013
5. Рыженков А.Я., Черноморец А.Е. Очерки теории права собственности (прошлое и настоящее). Волгоград, 2005.С.483.
6. Тихомиров М.Ю. Собственность и иные вещные права на жилые помещения: практическое пособие. М., 2011

References

1. Civil Law. Ed. A.I. Kalpina, A.I. Maslyayeva. M., 2011. P. 214.
2. Civil Law. Vol. 3. Ed. A.P. Sergeeva, N.D. Egorova. M., 2011. P.128.
3. Civil legal ways to protect the rights of ownership of the property: scientific-practical manual on the use of civil law (under ed. V.N. Solov'yov). M., 2010. P. 26.
4. Government Decree of 28.01.2006 № 47 “On approval of the recognition of the premises of residential premises, residential premises unusable for living and emergency apartment for demolition or renovation” (§ 6 section 1) // Consultant Plus, 2013.
5. Rizhenkov A.Ya., Chernomorets A.E. Essays on the theory of property rights (past and present). Volgograd, 2005. P.483.
6. Tikhomirov M.Yu. Property and other property rights to the accommodation: a practical guide. M., 2011.

УДК 341.221.25/.28

UDC 341.221.25/.28

К.И. ПОЛЯКОВ

аспирант, кафедра международного и международно-частного права, Орловский государственный университет

Email: Kostya_polyakov@list.ru

K.I. POLYAKOV

Graduate student, Department of International and International Private Law State Educational Institution, Orel State University

E-mail: kostya_polyakov@list.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МУРМАНСКОГО ТОРГОВОГО ПОРТА КАК КЛЮЧЕВАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА РОССИИ

STRATEGIC TRADING DEVELOPMENT OF MURMANSK COMMERCIAL PORT AS A KEY NATIONAL PROGRAM IN RUSSIA

В статье дается политико-стратегический анализ развития Мурманского торгового порта как неотъемлемого и важного аспекта для выполнения целевых национальных программ России: развития Северного морского пути, континентального шельфа и Арктики.

На основании изученных законов отражается перечень выполненных действий по восстановлению и наращиванию мощностей Мурманского морского торгового порта

Ключевые слова: порт, Арктика, континентальный шельф, Северный морской путь, программы модернизации и развития.

The article gives the political and strategic analysis of the development of the Murmansk commercial port as an integral and important aspect to achieve the targets of national programs in Russia: the Northern Sea Route, the continental shelf and the Arctic. On the basis of studying the law, the article reflects a list of actions taken to restore and expand the capacity of Murmansk Sea Trade Port.

Keywords: port, the Arctic continental shelf, the Northern Sea Route, the program of modernization and development.

Ввиду сложившейся на сегодня обстановки на мировой арене западные страны продолжают разрабатывать и осуществлять политику, неблагоприятно сказывающуюся на российской экономике.

В России в ответ проводятся тактико-политические и экономические рационально выверенные изменения в отношении недружественно настроенных стран.

Санкции ЕС и США запрещают поставлять в Россию оборудование и технологии, используемые для арктических и глубоководных проектов. В связи с этим может быть заторможен процесс как разведки, так и добычи природных ресурсов России в Арктике и на континентальном шельфе.

Министр обороны США Чак Хейгел прямо говорит, что Пентагон намерен укрепляться в Арктическом регионе, где есть потенциал для конфликтов. Каких именно – не уточняется, хотя в современном демократическом обществе могут возникнуть только споры, да и те разрешаются в публичном праве в соответствии с положениями МО или ратифицированных конвенций.

Тем не менее, министр обороны России генерал армии Сергей Шойгу поручил Генштабу разработать проект развертывания армии в Арктике для защиты национальных интересов РФ в Арктике.

Уже начато восстановление военной инфраструктуры в Арктическом регионе. В будущем запланированы работы по восстановлению северных

аэродромов «Тикси», «Нарьян-Мар», «Алыкель», «Амдерма», «Анадырь», «Рогачево» и «Нагурская».

Как известно, международно-правовой статус арктических пространств в настоящее время является предметом спора, главным образом, между США, Канадой, Россией, Данией, Швецией, Норвегией и Финляндией.¹

Важно отметить факт правовой непрозрачности установления границ секторов Арктики и континентального шельфа, а также трудностей, возникающих в юридическом и надзорно-исполнительном соблюдении устава ООН и Конвенции по морскому праву.

Громкий прецедент отхода от законных требований, заключающихся в установлении новых границ секторов, существует на примере официального представления России от 20 декабря 2001 года в Комиссию ООН по границам континентального шельфа в соответствии с Конвенцией Организации Объединённых Наций по морскому праву (ст.76, п.8). В документе предлагается создать новые внешние границы континентального шельфа России за предыдущими рамками 200-мильной зоны (370 км), но в пределах арктического сектора России. Заявлялись территориальные претензии на большую часть Арктики в секторе России вплоть до Северного полюса. Одним из аргументов было

¹ «Пентагон увидел потенциал для конфликтов в Арктике». Деловая газета «Взгляд». №76. 7 мая 2014г.

утверждение, что восточная часть хребта Ломоносова, подводного горного хребта, простирающегося через Полярный бассейн, и хребет Менделеева являются продолжением Евразийского континента. В 2002 году Комиссия ООН попросила Россию предоставить дополнительные научные доказательства в поддержку своих требований.

Дополнительные исследования для подтверждения претензий России запланировали на период 2007-2008 годов как часть российской программы в рамках Международного полярного года. Была исследована структура и эволюция земной коры в арктических регионах, соседствующих с Евразией, таких как хребет Менделеева, поднятие Альфа и хребет Ломоносова, выяснена их связь с шельфом Сибири. В исследованиях принимали участие научно-исследовательское судно «Академик Фёдоров», атомный ледокол «Россия» с двумя вертолётами и геологическими зондами и самолёт Ил-18 с гравиметрическими устройствами.

В июне 2007 года группа из 50 русских учёных вернулась из шестинедельной экспедиции с известием, что хребет Ломоносова связан с территорией Российской Федерацией, поддержав тем самым претензии России на нефть и газ, которыми богат треугольник. На территории содержится 10 млрд. тонн газа и нефти, утверждают учёные. Президент России Владимир Путин затем использовал эту информацию, чтобы вновь заявить о претензии России 2001 года.

2 августа 2007 года русские исследователи погрузили с помощью подводного аппарата национальный флаг на морское дно Северного полюса в знак символической поддержки претензий 2001 года. Механическая рука установила специальный не подверженный коррозии титановый флаг на дне Северного Ледовитого океана на глубине 4261 метр (13 980 футов).

В ответ на установку Россией национального флага на морском дне на Северном полюсе заместитель официального представителя Госдепартамента США Том Кейси заявил: «Не знаю, что они оставили на дне океана – металлический флаг, резиновый флаг, простыню. В любом случае никакого правового значения или эффекта для их претензий это иметь не будет».²

Министр национальной обороны Канады Питер Маккей выразился так: «Это не XV век. Вы не можете проехать по миру, просто поставить свои флаги и сказать: «Мы претендуем на эту территорию».

Отметим, что, по данным ООН, в Арктике сосредоточено более 100 млрд. тонн нефти, что почти в 2,5 раза больше всех ресурсов России. Дания и Гренландия претендуют на 62 тыс. квадратных километров шельфа к северо-востоку от самого крупного в мире острова.

Таким образом, России необходимо продолжать восстанавливать старое и создавать новое модернизированное производство по строительству судов как военного, так и гражданского флота на севере России с целью последующей эксплуатации в интересах исследования Арктики и возможной защиты морских пространств.

Сложности возникают в развитии нового отечественного оборудования, необходимого для изготовления собственных платформ по добыче нефти из недр морского дна. Такая строительная технология сегодня стремительными темпами развивается за счет перенимаемого опыта и поддержки восточных партнеров, но осложняется огромным количеством процедур сертификации и тестовых наработок, которые в России на сегодня отсутствуют.

Формирование и развитие Арктики и континентального шельфа РФ невозможно без определения правового режима или статуса в международном публичном праве.

Организация структурной модели взаимодействия органов власти (внутреннее законодательство) уже открыла гигантское поле для создания правовых сплоченных организмов, способных взаимодействовать с ведомствами, министерствами, агентствами, портовыми администрациями и Морской коллегией.

Наглядным примером по ускоренному созданию правовой и подведомственной структурной организации послужило создание Федерального государственного казенного учреждения «Администрация Северного морского пути» 15 марта 2013 года распоряжением Правительства Российской Федерации № 358-р.

А уже 12 апреля 2013 года Минюст России зарегистрировал Правила плавания в акватории Северного морского пути, утвержденные приказом Минтранса России от 17 января 2013 года № 7.

Далее спустя некоторое время на сайте <http://www.nsga.ru/> в доступной форме можно было ознакомиться со всей информацией, начиная от тарифов на ледокольную проводку судов, оказываемую ФГУП «Атомфлот» в акватории СМП, вплоть до перечня судов, нарушавших Правила плавания в акватории Северного морского пути.

Основные задачи созданной организации: предоставление оперативного и незамедлительного контроля, надзора, мониторинга за судами и обстановкой в сфере правового поля разграничения морских пространств.

В частности особое внимание уделяется судам торгового мореплавания, которые в случае нападения или ЧС оказываются в самом незащищенном положении.

Конкретный перечень функций, возложенных на орган, соответствует строго выверенному целевому назначению администрации Северного морского пути, а именно: прием заявлений о получении разрешения на плавание судов в акватории Северного морского пути; рассмотрение таких заявлений и выдача разрешений на плавание судов в акватории Северного морского пути; выдача удостоверений лицам, осуществляющим ледовую лоцманскую проводку, о праве ледовой лоцманской проводки судов в акватории Северного морского пути; почасовой мониторинг гидрометеорологической, ледовой и навигационной обстановки в акватории Северного морского пути; согласование установки средств навигационного оборудования и районов проведения гидрографических работ в акватории Северного морского пути; содействие в организации проведения поисковых и спасательных операций в акватории

² «Новейшая Арктика. Проблемы и решения» <http://victor-male1.livejournal.com/33628.html> (дата обращения 09.09.14)

Северного морского пути; содействие в проведении операций по ликвидации последствий загрязнения с судов опасными и вредными веществами, сточными водами или мусором; предоставление информационных услуг (применительно к акватории Северного морского пути) в области организации плавания судов, требований к обеспечению безопасности плавания судов, навигационно-гидрографической маршрутизации и гидрометеорологическому обеспечению плавания судов, обеспечению осуществления ледокольной проводки; выработка рекомендаций по разработке маршрутов плавания судов и использованию судов ледокольного флота в акватории Северного морского пути с учетом гидрометеорологической, ледовой и навигационной обстановки в акватории Северного морского пути; получение от организаций и учреждений Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды гидрометеорологического прогноза и ледового анализа по акватории Северного морского пути.³

Еще несколько лет назад Северный морской путь существовал как идея. Ученые и гиганты отечественного и иностранного бизнеса морских перевозок выбирали наиболее подходящие пути с точки зрения рациональности данного проекта.

Сегодня проделанная работа в соответствии с Федеральными целевыми программами 2010–2020 г.г. в сфере транспортной системы, военного флота, атомного флота и портовой инфраструктуры дает свои результаты.

Вследствие чего утративший былую транспортировочную мощь Мурманский торговый порт становится перспективным портом.

Согласно программе инновационного развития ММТП, рассчитанной на 2010–2015 г.г., качественно повышен уровень предоставляемых услуг, увеличена эффективность использования и развития морской портовой инфраструктуры на основе внедрения инновационных технических, технологических, организационных и управленческих решений в рамках разработанной стратегической Программы развития ОАО «ММТП» до 2020 года.

В соответствии с установленными приоритетами государственной политики в области морского транспорта и мировыми тенденциями развития морской отрасли и портовой инфраструктуры в течение пяти лет по контрольным точкам проводились мероприятия по обустройству постов экологического контроля на объекте, модернизации и масштабированию системы информационной безопасности (ИБ), внедрению технологий ситуационно-аналитического управления, технологий, направленных на повышение качества инфраструктурных услуг; применение прогрессивных систем освещения зданий, территорий и акватории порта с использованием светодиодных источников света; вводились в эксплуатацию интегрированные комплексы транспортно-логистической системы совместно с ины-

ми субъектами портовой деятельности.

С учетом проделанной работы Штаб морских операций западного сектора Севморпути передислоцирован из Диксона в Мурманск, где теперь имеются все возможности для успешной работы.

Вследствие освоения арктической программы нефтегазодобычи (Штокман, Варандей, другие месторождения) реализация проектов развития транспортных коридоров приведет к увеличению перевозок народнохозяйственных грузов (оборудования, труб, контейнеров и др.) через Мурманск.

С развитием Штокмана и газификацией Кольского полуострова станет возможной реализация проектов по строительству заводов для производства минеральных удобрений с учетом имеющейся местной сырьевой базы. Потребуется соответствующие мощности для экспорта не только апатитового концентрата, но и произведенных минеральных удобрений. По оценкам специалистов, ежегодный объем транспортировки контейнеров в направлении Дальний Восток – Северная Америка достигает 10 млн. TEU. Учитывая, что маршрут по территории России короче традиционного, необходимо продолжить работу по включению Мурманска в транспортные коридоры Север-Юг и Восток-Запад.

В перспективе уголь останется самым эффективным и дешевым по сравнению с другими видами топлива. Дороговизна замены угля другими видами топлива, оценка перспективных запасов свидетельствуют о том, что в ближайшие десятилетия Россия останется крупнейшим экспортером угля на рынке Европы.⁴

Советом директоров ОАО «Мурманский морской торговый порт» утверждены основные технико-экономические показатели Программы развития ОАО «ММТП» до 2020 года, которая является составной частью плана развития Мурманского транспортного узла. Согласно утвержденной программе дальнейшими приоритетами развития Общества признаны ряд направлений.

Реконструкция апатитового комплекса с развитием причалов № 17 и № 18 позволит соответствовать сложившимся требованиям рынка и расширить конкурентные преимущества терминала по приему и перевалке грузов холдингов Еврохим и Фосагро – партнеров Общества – за счет увеличения пропускной способности; приема судов грузоподъемностью до 50 тыс. тонн; сокращения сроков обработки судов; увеличения емкости склада до 50 тыс. тонн.

Дальнейшее развитие МП заключается в строительстве контейнерного терминала за причалом №19. Вопросу создания контейнерного терминала на базе Мурманского порта уделяется большое внимание со стороны Правительства РФ, зарубежных международных организаций. Перегруженность портов Европы, тенденция к увеличению контейнеризации грузов, потребность в контейнерном импорте для развития арктических месторождений, возрождение Северного морского пути

³ Закон о Северном морском пути от 28 июля 2012 года N 132-ФЗ http://asmp.morflot.ru/ru/zakon_o_smp/ (дата обращения 09.09.14)

⁴ Программа инновационного развития ММТП 2010-2015г. <http://www.portmurmansk.ru/imgs/news/pid.pdf> (дата обращения 09.09.2014г.)

определяют потребность в строительстве контейнерного терминала. Создание специализированного комплекса по перевалке контейнеров на территории, примыкающей к 19 причалу ОАО «Мурманский морской торговый порт», с пропускной способностью до 1,0 млн. TEU в год является назревшей необходимостью.

Реализация программы развития Общества прямо коррелируется с реализацией проектов развития Мурманского транспортного узла и возможна на условиях государственно-частного партнерства.

Масштабное формирование проектов реконструкции и строительства новых объектов предполагает гармоничное развитие всех видов транспорта и создание телекоммуникационной инфраструктуры.

Особое значение для реализации проектов имеет строительство железнодорожной инфраструктуры, которое должно осуществляться параллельно с развитием портовой инфраструктуры. Необходимо развитие Мурманского железнодорожного узла, подходов к нему в пределах Октябрьской и Северной железных дорог, строительство новых железнодорожных станций и парков, реконструкция действующих, развитие станции Мурманск с целью увеличения ее пропускной способности. Это позволит обеспечить пропуск маршрутных отправок без дробления в пути следования, сократить срок доставки грузов, обеспечить гарантированный ритмичный подход вагонов.

Для развития ОАО «ММТП» необходимо расширение транспортных развязок автодорог города Мурманска в связи с увеличением грузопотоков в направлении порта, которое включало бы в себя: строительство путепровода от Центрального стадиона через железнодорожные пути к порту с выходом на Нижнеростинское шоссе, с исключением проезда по территории порта; строительство путепровода у МТЭЦ с ул. Книповича; расширение автодороги вдоль Кольского залива от автомобильного моста до Нижнеростинского шоссе; расширение Нижнеростинского шоссе; организация четырехрядного движения.

Необходимо строительство новой подстанции "Порт" в целях решения проблемы энергодефицита города за счет снятия нагрузок порта с П/С-301. Ранее данное строительство было предусмотрено в планах ОАО "МРСК Северо-Запада" и являлось составной частью "Комплекса мероприятий по устранению

энергодефицита в Центральном и Северном районах г. Мурманска", теперь требуется его реализация.

Реализация планов развития Общества позволит: увеличить конкурентоспособность и возможность диверсификации перевалки различных грузов, что приведет к снижению уровня рисков, а также обеспечить прием и перевалку грузов для перевозки по Северному морскому пути. В ближайшие годы ожидается, что по этой трассе буде перевозиться около 2 млн. тонн грузов, в перспективе – 5-6 млн. тонн; будет обеспечен прием и перевалка грузов для освоения и развития арктического шельфа; произведена необходимая реконструкция и ремонт причалов, что уменьшит нагрузку на экологию и создаст новые рабочие места с высококвалифицированным персоналом не только в Обществе, но и с учетом мультипликативного эффекта в сюрвейерских, агентских и других компаниях, занятых обслуживанием грузопотоков.

Программа модернизации и развития Общества, принятая акционерами, будет осуществлена без остановки производственной деятельности с поэтапным включением новых объектов. Это позволит сохранить существующие грузопотоки, в том числе арктической линии, обеспечить выполнение договорных обязательств, отчислять налоги в бюджеты всех уровней, сохранить кадровый потенциал и социальную стабильность. Кроме того, дальнейшая модернизация послужит стимулом для развития проекта МТУ в целом.

Реконструкция морского пункта пропуска с установкой современного досмотрового оборудования будет способствовать развитию инфраструктуры города в целом (включая транспорт, водо-, энергоснабжение) и повышению деловой активности на Кольском полуострове. Развитие Северного морского пути в целом включает в себя модернизацию базовых портов, улучшение ледокольного, гидрографического, аварийно-спасательного и гидрометеорологического обеспечения, совершенствование систем связи.

Мурманский порт исторически является локомотивом развития Кольского полуострова и Севера в целом, подтвердив свое стратегическое значение быть воротами Арктики, началом Северного морского пути, находящегося под суверенитетом государства, и теперь призван стать новым импульсом геополитического и транспортного развития российской Арктики.

Библиографический список

1. «Пентагон увидел потенциал для конфликтов в Арктике» Деловая газета Взгляд №76 ст. ОТ 7 мая 2014г.
2. «Новейшая Арктика. Проблемы и решения» <http://victor-male1.livejournal.com/33628.html> (дата обращения 09.09.14)
3. Закон о Северном морском пути от 28 июля 2012 года N 132-ФЗ http://asmp.morflot.ru/ru/zakon_o_smp/ (дата обращения 09.09.14)
4. Программа инновационного развития ММТП 2010–2015г. <http://www.portmurmansk.ru/imgs/news/pid.pdf> (дата обращения 09.09.2014г.)

References

1. "The Pentagon saw the potential for conflict in the Arctic" Look №76 business newspaper article. May 7, 2014.
2. "Contemporary Arctic. Problems and Solutions" <http://victor-male1.livejournal.com/33628.html> (date accessed 09/09/14)
3. Law on the Northern Sea Route from July 28, 2012 N 132-FZ http://asmp.morflot.ru/ru/zakon_o_smp/ (date accessed 09/09/14)
4. Innovative Development Program MCS 2010–2015g. <http://www.portmurmansk.ru/imgs/news/pid.pdf> (date accessed 09.09.2014g.)

УДК 342.746:614.251.2

UDC 342.746:614.251.2

В.А. НИКИФОРОВ

доктор юридических наук, зав. кафедрой международного и международного частного права, Орловский государственный университет
E.mail: nikiforov-v.a@yandex.ru

М.А. ИВАНОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра международного и международного частного права, Орловский государственный университет
E.mail: 1234-mariya@mail.ru

V.A. NIKIFOROV

Doctor of Law, head of the Department of international and private international law, Orel State University
E.mail: nikiforov-v.a@yandex.ru

M.A. IVANOVA

Candidate of pedagogical sciences, Associate professor, international and private international law, Orel State University
E.mail: 1234-mariya@mail.ru

СПЕЦКУРС «ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА» КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗОВ

THE COURSE «LEGAL FOUNDATIONS OF MEDICAL PRACTICE» AS A MEANS OF FORMATION OF THE LEGAL COMPETENCE OF STUDENTS OF MEDICAL SPECIALTIES

В статье рассматриваются основные принципы построения спецкурса «Юридические основы деятельности врача», приведен тематический план спецкурса, отдельное внимание уделяется методам правового обучения.

Ключевые слова: право, правовая компетенция, медицинские специальности вузов.

The article discusses the basic principles of the course “the Legal basis of medical practice”, the thematic plan of the course is given, special attention is paid to the methods of legal education.

Keywords: law, legal competence, the medical profession universities.

В современных социально-экономических и нормативно-правовых условиях функционирования системы здравоохранения существенно возрастают требования, предъявляемые к уровню правовой подготовки медицинских работников.

Отношения, складывающиеся при оказании медицинских услуг между лечебной организацией (частно-практикующим врачом) и пациентом, являются особо значимыми с правовой точки зрения, поскольку непосредственными объектами медицинского вмешательства являются такие конституционно закрепленные блага, как жизнь, здоровье, личная физическая и психическая неприкосновенность. Конституционные нормы, закрепляющие права граждан в сфере охраны здоровья, получили свое закрепление в Федеральном законе «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [1], Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], Федеральном законе «О донорстве крови и ее компонентов» [3] и ряде других медико-социальных нормативных правовых актов.

Следовательно, профессиональная деятельность медицинского работника требует умения ориентироваться в многочисленных юридических источниках, относящихся к сфере здравоохранения, применять правовые нормы в конкретных практических ситуациях, защищать гражданские права врачей и пациентов различного возраста.

В связи с этим возникает потребность обращения к вопросу правовой компетенции специалистов сферы здравоохранения как важной части их профессиональной компетентности.

Правовую компетенцию студентов медицинских специальностей вузов мы определяем как интегральное качество личности, отражающее ее готовность и способность использовать правовые знания и умения, задаваемые ФГОС ВПО, для решения практических задач, реализуя при этом такие профессиональнозначимые личностные качества, как ответственность, коммуникативность, эмпатия, толерантность.

Одним из условий формирования правовой компетенции студентов является внедрение в учебный процесс разработанного нами спецкурса «Юридические основы деятельности врача».

Разработка данного спецкурса происходила с опорой на следующие принципы:

– принцип адекватности содержания курса целям и задачам правовой подготовки студентов медицинского института к формированию мотивационного, когнитивного и деятельностного компонентов правовой компетенции. Этот принцип нашел отражение в работах И.Я. Лернера, В.С. Леднева, М.Н. Скаткина;

– разработанный курс должен носить интегративный характер. Он должен обеспечивать интеграцию ранее приобретенных студентами знаний, умений, качеств, личного опыта;

– принцип ценностного наполнения содержания образования, то есть приоритет ценностной направленности правовой информации, актуализация осмысления современных гуманистических, демократических, правовых ценностей в жизнедеятельности общества и каждого человека;

– принцип контекстности, в соответствии с которым обучение, с одной стороны, преследует конкретные цели, жизненно важные для студентов, ориентированные на выполнение ими социальных ролей или совершенствование личности, а с другой стороны, строится с учетом социальной, профессиональной, бытовой деятельности студентов.

Содержание программы спецкурса «Юридические основы деятельности врача» структурировано в логике усвоения студентами современных знаний в сфере медицинской деятельности и предполагает изучение следующих тем (таблица 1):

Основная цель спецкурса – формирование правовой компетенции студентов медицинских специальностей вузов. Основными задачами спецкурса «Юридические основы деятельности врача» являются:

- формирование ценностного отношения к праву, закону, правам и свободам граждан;
- формирование умений и навыков реализации своих прав в сфере профессиональной деятельности, формирование ответственного отношения к будущей профессиональной деятельности;
- выработка умения понимать законы и другие нормативные правовые акты, регулирующие профессиональную медицинскую деятельность;
- обеспечение соблюдения законодательства, принятия решения и совершения иных юридических действий в точном соответствии с законом;
- выработка умений анализировать законодательство и практику его применения, ориентироваться в специальной литературе.

В рамках спецкурса студенты овладевают знанием правовых норм и принципов, регулирующих профессиональную медицинскую деятельность, у них формируется положительное отношение к праву, формируется способность реализовывать свои права и выполнять обязанности, а также проявляется готовность к защите своих прав и прав других граждан. Важнейшим аспектом содержания данного спецкурса является профилактика правонарушений в медицине.

Студенты получают знания о таких правовых ценностях, как законность, права, свободы граждан, и т.д. Формируются умения анализировать ситуации с правовым содержанием, дискутировать, отстаивать свою точку зрения, оценивать свои поступки и поступки других людей с точки зрения их соответствия правовым предписаниям.

Отбор правовых знаний осуществлялся нами на основе наиболее актуальных для студентов фактов и явлений, также учитывался изначальный уровень правовой компетенции студентов.

Особенностью спецкурса является то, что основная задача стоит не столько в передаче знаний, сколько в формировании способности применять эти знания в будущей профессиональной деятельности.

В результате изучения спецкурса студенты должны:

1. Усвоить систему знаний о правах человека, в особенности, праве на охрану здоровья и медицинскую помощь, возможностях и методах защиты прав врачей и пациентов.
2. Овладеть юридическими терминами и понятиями.
3. Знать содержание наиболее важных законодательных актов, регулирующих сферу здравоохранения.
4. Уметь применять полученные правовые знания, давать правовую оценку поступков медицинского персонала.

Таблица 1

Тематический план спецкурса
«Юридические основы деятельности врача»

№ п/п	Наименование тем	Количество часов	
		Лекции	Семинары
1.	Система законодательства Российской Федерации в сфере здравоохранения	2	2
2.	Субъекты и объекты медицинской деятельности	1	2
3.	Правовой режим медицинской услуги	1	2
4.	Правовые аспекты медицинской деятельности по трансплантации органов и тканей человека	2	2
5.	Правовые основы оказания психиатрической помощи	1	2
6.	Система медицинского страхования граждан	1	2
7.	Уголовная ответственность в медицинской деятельности	1	2
8.	Гражданско-правовая, административная и дисциплинарная ответственность медицинских учреждений и медицинских работников	1	2
9.	Юридическая квалификация врачебных ошибок и дефектов медицинской помощи	1	2
10.	Правовое регулирование судебно-экспертной деятельности	1	2
11.	Судебное разбирательство правовых конфликтов в здравоохранении	2	2
Итого часов:		14	22

5. Иметь четкие ценностные ориентиры гуманистической направленности.

6. Иметь четкую установку на законопослушное поведение.

При изучении спецкурса необходимо использовать интерактивные формы и методы правового обучения, такие как проблемная лекция, лекция с заранее запланированными ошибками, лекция-пресс-конференция, лекция-дискуссия, круглый стол, дискуссия, дебаты, деловые и ролевые игры, анализ правовых казусов, кейс-метод, метод проектов, метод сократического диалога.

Данные формы и методы интерактивного обучения приближают учебный процесс к реальным жизненным ситуациям, способствуют активизации мыслительной деятельности, выработке у студентов навыков применения полученных правовых знаний для решения правовых задач. Выбор тех или иных методов обучения должен определяться содержанием учебного материала и целями обучения.

Так, на лекционных занятиях можно использовать такие формы лекций, как проблемная лекция, лекция с заранее запланированными ошибками, лекция-пресс-конференция, лекция-дискуссия.

При изучении спецкурса необходимо применять метод анализа правовых казусов. Как справедливо утверждает Ю.М. Ткачевский, «необходимо требовать от студентов письменного решения казусов, причем желательно, чтобы хотя бы одно решение было развернутым, подробным, мотивированным, со ссылками на необходимый нормативный материал, на руководящее постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации. Письменное решение казусов служит одним из доказательств самостоятельной работы студента [4, с.47].

В целях формирования мотивационного отношения к праву на занятиях можно использовать афоризмы по правовой тематике, которые вызывают интерес к праву, способствуют эмоциональному отклику студентов на изучаемые правовые явления. Например, студентам можно предложить обсудить такие афоризмы, как: «Обязанность без права есть рабство; право без обязанности – анархия (Ф. Ламенне); «Отделение права от

обязанности так же смертельно, как отделение головы от туловища» (И. Шевелев); «Искусство законодателя состоит в том, чтобы выгода, извлекаемая злодеем из преступления, была несовершенна тому страданию, которое ему за это угрожает» (К. Гельвеций).

С целью формирования умения применять полученные правовые знания для определения соответствующего закону способа поведения и порядка действий в конкретных ситуациях используется кейс-метод. Нами был разработан комплекс правовых ситуаций (кейсов), с которыми врач может столкнуться в профессиональной деятельности. Можно использовать кейсы, основанные на реальном фактическом материале.

С целью формирования у студентов умений грамотно излагать свои мысли, аргументировать собственную точку зрения проводятся семинарские занятия с использованием метода «круглого стола». На подобных занятиях обсуждаются такие вопросы, как правовое обеспечение новых медицинских технологий, врачебная ошибка, конфликты с пациентами.

При проведении семинарских занятий используется метод дискуссии, который направлен на решение следующих задач:

- стимулирование познавательной активности студентов;
- расширение объема правовых знаний участников дискуссии в рамках обсуждаемого вопроса за счет обмена информацией между ними;
- развитие самостоятельности, чувства ответственности;
- повышение мотивации, направленной на обсуждаемые вопросы, достижение взаимопонимания и сотрудничества между участниками дискуссии.

В качестве темы дискуссии можно предложить актуальные вопросы современного здравоохранения: правовые аспекты эвтаназии, трансплантологии, клонирования человека, медицинского эксперимента и клинических исследований и др.

Таким образом, разработанный нами спецкурс является важным условием формирования правовой компетенции студентов медицинских специальностей вузов.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. N 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Режим доступа: <http://base.garant.ru/12115118/>.
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 23 ноября 2011 г. № 5639.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 20 июля 2012 г. N 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» // Российская газета. 23 июля. 2012 г. № 5839.
4. Ткачевский Ю. М. Размышления о методике проведения семинарских занятий по уголовному праву. // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 2000. №1. С. 43–54.

References

1. Federal law dated from March 30, 1999 № 52-FL “On sanitary and epidemiological welfare of population” // Mode of access: <http://base.garant.ru/12115118/>.
2. Federal law of 21 November 2011 № 323-FL “About the fundamentals of health protection of citizens in the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. 23 November. 2011. № 5639.
3. Federal law of the Russian Federation of 20 July 2012 N 125-FL “On the donation of blood and its components” // Rossiyskaya Gazeta. 23 July. 2012. № 5839.
4. Tkachewski Y. M. Reflections on the methodology of conducting seminars on criminal law. // Moscow University Bulletin. Law. 2000. №1 Pp 43–54.

УДК 342.846

UDC 342.846

Л.В. РЫКОВА

старший преподаватель, кафедра гуманитарных дисциплин, Госуниверситет – УНПК (Ливенский филиал)
E-mail: lar.rykova@yandex.ru

L.V. RYKOVA

Senior teacher, Department of humanitarian sciences, State University – ESPC (Livny Branch)
E-mail: lar.rykova@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ

CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF PRECINCT ELECTION COMMISSIONS ACTIVITY

Статья посвящена исследованию системы конституционных принципов организации и функционирования участковых избирательных комиссий. Автор подробно рассматривает принципы коллегиальности, добровольности, обязательности решений вышестоящих комиссий, безвозмездности содействия избирательным комиссиям, гласности. Предлагается ряд мер по совершенствованию правового регулирования данных общественных отношений.

Ключевые слова: избирательная система; конституционные принципы; избирательные комиссии; коллегиальность; добровольность; гласность; безвозмездность.

The article is devoted to the research of the system of the constitutional principles of the organization and functioning of the local electoral commissions. The author in detail considers the principles of collective leadership, voluntariness, leadership of decisions of the higher commissions, gratuitousness of the help to the electoral commissions, publicity. A number of measures on perfection of legal regulation of the given public attitudes is offered.

Keywords: an electoral system; the constitutional principles; the electoral commissions; collective nature; voluntariness; publicity; gratuitousness.

Участковые избирательные комиссии функционируют на коллегиальной основе. Коллегиальность – важная гарантия независимости и беспристрастности комиссий, защиты от противоправных действий, в том числе – фальсификации при организации голосования, подсчете голосов и определении результатов голосования на избирательных участках [7]. Коллегиальность имеет различные формы выражения в зависимости от юридически значимых действий, осуществляемых участковыми комиссиями. Коллегиальность в заседаниях участковых комиссий означает необходимость присутствия в заседании определенного числа членов с правом решающего голоса, право каждого из членов на свободное обсуждение вопросов повестки дня и голосование по существу каждого из этих вопросов. Волю коллегиального состава не вправе подменить какое-либо должностное лицо (например, председатель участковой комиссии, заместитель председателя или секретарь). Ни от одного из членов комиссии нельзя скрыть факт проведения очередного или внеочередного заседания комиссии. Член комиссии не может, по общему правилу, быть отстраненным от деятельности в составе комиссии. Заседания должны организовываться и проводиться на основе демократических принципов, предполагающих свободу прений и принятие окончательного решения посредством голосования. Последнее может быть простым открытым, поименным или тайным в зависимости от требований закона и решения членов комиссии, обусловленного сущностью, природой и последствиями рассматриваемого вопроса повестки дня.

Указанные выше требования в отношении колле-

гиальности заседаний участковых комиссий являются универсальными. Они действуют практически во всех случаях, когда законодатель осуществляет правовое регулирование организации и деятельности каких-либо коллегиальных органов. Однако участковые избирательные комиссии в данных вопросах имеют ряд важных специфических черт. Главная особенность состоит в том, что большинство юридически значимых действий участковых избирательных комиссий осуществляется вне процедуры заседания. Комиссия не может в заседании выдавать бюллетени избирателям. Это юридически значимое действие осуществляется одновременно членами участковой комиссии на основе предварительного распределения обязанностей. То же самое можно сказать о процедуре подсчета голосов избирателей. Теоретически это можно осуществлять в составе полной коллегии при условии ее небольшой численности (например, трех человек). По мере роста числа членов комиссии одновременный подсчет голосов становится все более затруднительным вплоть до невозможности. В результате в участковых избирательных комиссиях наблюдается формальное или неформальное распределение обязанностей. Это, в свою очередь, может квалифицироваться в качестве юридически допустимого отклонения от принципа коллегиальности либо как противоправное нарушение анализируемого принципа.

Деятельность в составе участковых избирательных комиссий является добровольной. Гражданин не может принуждаться к участию в работе данных комиссий [4], это не является его «почетной обязанностью» по

аналогии с военной или альтернативной гражданской службой, деятельностью в составе присяжных заседателей и т.п. В России как конституционном государстве, признающем верховенство общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, принудительный труд запрещен. Вместе с тем, выборы не могут быть организованы надлежащим образом при неполном составе членов избирательных комиссий либо в их отсутствии. Система эффективной организации публичных выборов должна предполагать действенный и, разумеется, законный механизм формирования состава участковых избирательных комиссий в соответствии с квалификационными требованиями, установленными сроками и процедурами [2].

Данным требованиям, по нашему мнению, в наибольшей степени отвечает система конкурсного отбора при достаточно высоком денежном вознаграждении за выполнение обязанностей члена участковой комиссии. Если денежное вознаграждение является достаточным, чтобы стимулировать конкурс, законом могли бы устанавливаться конкурсные процедуры достаточной сложности, чтобы обеспечить формирование состава участковых комиссий из числа квалифицированных и ответственных лиц, имеющих желание и способности организовать голосование и осуществлять другие юридически значимые действия, вытекающие из конституционно-правового статуса участковых комиссий.

С формальной стороны действующее законодательство признает и закрепляет принцип добровольности участия в деятельности участковых избирательных комиссий. Вместе с тем, практика набора членов данных комиссий из числа лиц, состоящих в трудовых отношениях с государственными и муниципальными органами и организациями, приводит к весьма символической роли анализируемого принципа. Как показал проведенный нами выборочный опрос ряда членов участковых избирательных комиссий субъектов Федерации, входящих в Центральный федеральный округ, в большинстве случаев граждане не изъявляют особого желания участвовать в деятельности участковых избирательных комиссий с правом решающего голоса. В общественном мнении это воспринимается как обременительная, неоплачиваемая общественная нагрузка, которую требуется выполнять, чаще всего, вследствие неформальной просьбы руководства соответствующей организации (реже – устного распоряжения). Члены участковых комиссий вынуждены, практически, на общественных началах в течение суток в день голосования осуществлять трудоемкие функции, которые не имеют адекватной денежной компенсации.

Принцип обязательности решений вышестоящих комиссий ставит участковые избирательные комиссии в наиболее уязвимое положение по сравнению с любыми другими избирательными комиссиями. Это обусловлено, если можно так выразиться, в наибольшей степени «нижестоящим» положением участковых комиссий по сравнению с Центральной избирательной комиссией, избирательными комиссиями субъектов Федерации и муниципальных образований, территориальными и

окружными комиссиями. Примечательно, что участковые избирательные комиссии выполняют одну из важнейших функций в организации избирательного процесса (непосредственное проведение голосования и первичный подсчет избирательных бюллетеней), но почти не защищены от произвольного, несанкционированного вмешательства в их деятельность со стороны «вышестоящих» избирательных комиссий [3].

В связи с этим примечательны следующие нормы действующего законодательства об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан России: пункты 10 и 11 статьи 20 одноименного Федерального закона. Согласно пункту 10 решения вышестоящих комиссий обязательны для нижестоящих, если они «приняты в пределах компетенции вышестоящей комиссии». Пункт 11, в свою очередь, наделяет вышестоящие избирательные комиссии и судебные органы правом отмены решений нижестоящих избирательных комиссий, если они противоречат закону или приняты с превышением установленной компетенции.

Сравнительный анализ данных правовых норм позволяет обнаружить ряд сложностей в толковании и правоприменении. В частности, возникают следующие вопросы: во-первых, каким образом необходимо интерпретировать в данном контексте термин «компетенция» применительно к сфере полномочий вышестоящих избирательных комиссий; во-вторых, могут ли вышестоящие избирательные комиссии обеспечивать обязательность своих решений, минуя процедуру отмены решений нижестоящих комиссий? Предположим, участковая избирательная комиссия путем непосредственного подсчета избирательных бюллетеней принимает решение об установлении итогов голосования. Вышестоящая избирательная комиссия со ссылкой на пункт 10 статьи 20 анализируемого Федерального закона своим решением отменяет акт участковой комиссии и без повторного подсчета бюллетеней устанавливает другие итоги голосования. Является ли такое решение вышестоящей комиссии правомерным? По всей видимости, нет, потому что это явно выходит за пределы компетенции вышестоящей комиссии. Но пункт 10 не требует в качестве условия вмешательства в деятельность нижестоящей комиссии выявления факта противоречия акта нижестоящей комиссии закону или его принятия с превышением установленной компетенции. Достаточно, чтобы соблюдалась компетенция вышестоящей комиссии. Это дает весьма широкий простор и свободу усмотрения для «вышестоящих» избирательных комиссий в отношении контроля деятельности участковых комиссий как органов, имеющих «нижестоящее» положение. Для применения пункта 10 достаточно сослаться на норму права, устанавливающую компетенцию вышестоящей комиссии самого общего характера (например, осуществление контроля деятельности нижестоящих комиссий) [1].

Несмотря на достаточно «жесткие» условия иерархии в структуре избирательных комиссий, следует обратить внимание на необходимость ограничительного

толкования термина «вышестоящая комиссия». Так, Центральная избирательная комиссия будет считаться «вышестоящей» по отношению к участковым комиссиям, если будет иметь статус «комиссии, организующей выборы», т.е. применительно к федеральным выборам (Президента РФ, депутатов Государственной Думы). Аналогичным образом избирательные комиссии субъектов Федерации обладают полномочиями «вышестоящей» комиссии в пределах, обусловленных организацией выборов в государственные органы субъектов Федерации. В ходе организации муниципальных выборов перечень комиссий, являющихся «вышестоящими» и «нижестоящими» по отношению друг к другу сокращается до минимума.

Принцип безвозмездности содействия участковым избирательным комиссиям в реализации их полномочий имеет ограниченную сферу действия и распространяется, по общему правилу, на объекты публичной собственности. Об этом недвусмысленно свидетельствует нормативное содержание пункта 16 статьи 20 анализируемого Федерального закона. Общие начала гражданского законодательства, принцип недопустимости вмешательства государства в частные дела, свобода собственника в вопросах владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему имуществом требуют, чтобы частный капитал и частная собственность безвозмездно не использовались в интересах организации публичных выборов. Для подобного использования избирательные комиссии должны заключать с частноправовыми лицами гражданско-правовые договоры в соответствии с требованиями гражданского законодательства, компенсируя расходы за счет средств бюджетов Федерации, ее субъектов и муниципальных образований [8].

Вместе с тем, отдельные положения анализируемого Закона в части безвозмездного использования избирательными комиссиями публичной собственности заслуживают критического анализа. Во-первых, вызывает сомнение право федерального законодателя на основе императивной нормы права (минуя гражданско-правовые конструкции) распоряжаться не только объектами федеральной собственности, но также объектами собственности субъектов Федерации и муниципальных образований. Во-вторых, заслуживает критического осмысления норма пункта 17 анализируемой статьи, согласно которой под «безвозмездный режим пользования» участковыми избирательными комиссиями попадают гражданско-правовые объекты, на которые имеют вещные права юридические лица, в уставном (складочном) капитале которых доля или вклад публично-территориальных образований превышает 30 процентов. Законодатель специально оговаривает, что это касается помещений, транспортных средств, технического оборудования и средств связи.

В советский период отечественной истории не было деления собственности на публичную и частную. В отличие от этой конструкции, в СССР позиционировалось деление социалистической собственности на государственную и кооперативно-колхозную. Институт

личной собственности граждан распространялся на весьма ограниченный круг допустимых объектов. В результате то, что сегодня понимается под публичной собственностью, не имело разделения между государством и нижестоящими территориальными образованиями. Государственная собственность была единой.

В современной России правовые условия значительно отличаются. Публичная собственность не является единой. Она подразделяется на федеральную, субъектов Федерации и муниципальную. Каждое публично-территориальное образование обладает правом владения, пользования и распоряжения соответствующими объектами публичной собственности [5]. Данный вывод следует из нормативного содержания статей 73 и 130 Конституции РФ, закрепляется в нормах Гражданского кодекса РФ и подкрепляется практикой конституционного правосудия.

В связи с этим полагаем, что норма пункта 16 статьи 20 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не является вполне корректной. Императивное предписание о безвозмездности предоставления избирательным комиссиям объектов публичной собственности необходимо было распространить только на федеральные государственные органы и учреждения. В отношении использования объектов собственности субъектов Федерации законодатель должен был бы санкционировать введение аналогичной нормы в конституции (уставе) или законе субъекта Федерации. Наконец, безвозмездность использования собственности муниципальных образований должна устанавливаться уставами муниципальных образований и другими нормативными правовыми актами представительных органов местного самоуправления. Федеральный закон мог бы разрешить подобные нормы в региональном законодательстве и муниципальном правотворчестве. Но подменять собой компетенцию субъектов Федерации и муниципалитетов федеральный законодатель не вправе.

Весьма спорной является также позиция федерального законодателя в отношении юридических лиц, в уставном (складочном) капитале которых доля или вклад публично-территориальных образований превышает 30 процентов. Данные юридические лица в ходе проведения публичных выборов принуждаются к существенным убыткам, которые вообще никаким образом не нормируются и не ограничиваются. Правило пункта 17 статьи 20 анализируемого Закона сформулировано таким образом, что участковые и иные избирательные комиссии вправе требовать от таких юридических лиц предоставления транспорта, помещений и т.п. (причем – в каком количестве, на какой срок, какой стоимости – не оговаривается). Во всяком случае, подобные юридические лица не могут обязываться федеральным законом к предоставлению избирательным комиссиям принадлежащего им имущества во временное пользование на безвозмездной основе более чем на 30 процентов от общего размера уставного (складочного) капитала. Иное нарушало бы общепризнанные прин-

ципы гражданско-правового регулирования общественных отношений.

Участковые избирательные комиссии несут публично-правовую обязанность осуществления деятельности на основе принципа гласности. Данный принцип имеет много общего с принципами открытости, публичности, прозрачности, транспарентности и т.д. Его суть состоит в недопустимости конфиденциальности, келейности, закрытости, тайности [6]. В деятельности участковых избирательных комиссий вообще не может быть никакой ограниченности с точки зрения обеспечения доступа широкой общественности к наблюдению за ходом голосования и подсчета голосов. Какие-либо ограничения принципа гласности могут быть обусловлены лишь целью блокирования вмешательства в работу участковой избирательной комиссии, нарушения установленной законом процедуры голосования и подсчета голосов.

Так, помещение участковой избирательной комиссии по объективным причинам не может «вместить» всех желающих быть наблюдателями за ходом голосования. Если наблюдатели и другие присутствующие в помещении для голосования будут предпринимать попытки вмешательства в деятельность комиссии – законодатель должен заблаговременно предпринять меры для блокирования подобных противоправных проявлений. Нельзя исключать провокационных действий со стороны различных политических сил, включая баллотирующихся кандидатов и их представителей. В помещении участковой избирательной комиссии можно инсценировать правонарушение, а затем ссылаться на этот факт как основание для признания результатов выборов недостоверными или недействительными. Поэтому гласность в работе участковых избирательных комиссий имеет свои пределы, обусловленные нормативным содержанием ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Гласность в деятельности участковых комиссий обеспечивается: во-первых, специальным режимом доступа и правом присутствия в помещении для голосования определенного круга лиц; во-вторых, обязательностью публикации решений комиссии; в-третьих, закрепленным в законе режимом электронной фиксации хода голосования посредством видеокамер, осуществляющих прямую видеотрансляцию в сети «Интернет». Возможны и другие средства, однако перечисленные выше, на наш взгляд, являются основополагающими применительно к деятельности участковых избирательных комиссий.

Правом присутствия в помещении для голосования обладают, прежде всего, избиратели данного избирательного участка. Однако их нахождение в этом помещении является кратковременным и обусловлено целями участия в голосовании. В течение разумного срока каждый избиратель данного избирательного участка вправе ознакомиться с наглядной агитацией, получить избирательный бюллетень с соблюдением установленной про-

цедуры по предъявлению документа, удостоверяющего личность, пройти в кабину для тайного голосования, выразить свою волю, опустить заполненный бюллетень в ящик для голосования и покинуть помещение. Чрезмерно продолжительное нахождение избирателя в помещении для голосования приводит к сомнениям в добросовестности его действий: не намерен ли он, воспользовавшись статусом избирателя, фактически осуществлять полномочия наблюдателя, которые достаточно четко нормируются действующим законодательством и требуют соблюдения ряда условий. При выявлении подобных признаков злоупотребления правом избирателя члены участковой избирательной комиссии должны иметь достаточные полномочия для удаления гражданина из помещения для голосования. Правом длительного присутствия в помещении для голосования (кроме членов участковой избирательной комиссии, которые несут соответствующую обязанность) пользуются члены вышестоящих избирательных комиссий и работники их аппаратов, кандидаты и их представители, наблюдатели и представители СМИ. Указанный круг лиц, на наш взгляд, является более чем достаточным, чтобы обеспечить эффективное наблюдение над ходом работы участковой комиссии. Более того, этот круг можно было бы унифицировать и свести лишь к двум категориям лиц с унифицированным статусом: члены вышестоящих избирательных комиссий и наблюдатели. Последняя категория лиц могла бы включать в себя не только международных и отечественных наблюдателей, но также представителей кандидатов, избирательных объединений, политических партий и т.п. по установленным квотам. Двойное или, тем более, многократное представительство одних и тех же лиц в качестве наблюдателей в помещениях участковых избирательных комиссий, на наш взгляд, могло бы эффективно исключаться благодаря унификации института наблюдателей.

В завершение рассмотрения проблемы гласности в работе участковых избирательных комиссий следует обратить внимание на активное распространение в ходе избирательных кампаний средств электронных видеокамер, транслирующих в режиме on-line ход голосования на избирательных участках в сети Интернет. Данное средство, на наш взгляд, само по себе является допустимым и целесообразным. Однако в законодательстве следует оговорить режим использования подобных видеокамер, который исключал бы восприятие гражданами этих средств в качестве инструмента контроля над их волеизъявлением. На практике данные видеокамеры устанавливаются таким образом, что многие граждане воспринимают их в качестве средства, способного зафиксировать процесс волеизъявления в кабине для тайного голосования. Соответствующие запреты, на наш взгляд, необходимо ввести в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Библиографический список

1. *Боровикова И.А.* Использование кандидатом, избирательным объединением преимуществ своего должностного или служебного положения как основание отмены решения избирательной комиссии о результатах выборов // Актуальные вопросы правотворчества и правоприменения в Российской Федерации. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. С. 296–303.
2. *Иванченко А.В.* Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория, практика. М.: Весь Мир, 1996. С. 34.
3. *Ильичев А.Ю.* Конституционно-правовая ответственность членов избирательных комиссий: законодательная регламентация и перспективы развития // Международные юридические чтения. Омск: Изд-во Омск. юрид. ин-та, 2006. Ч. 2. С. 62–68.
4. *Кардашевский А.* Добровольность участия в выборах или избирательная обязанность? // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. С. 70–73.
5. *Пятков Д.В.* Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в гражданских правоотношениях: на примере разграничения публичной собственности. С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 32.
6. *Бузин А.Ю.* Гласность в деятельности избирательных комиссий и защита персональных данных. Конституционное и муниципальное право 2012. № 8: С. 43–47.
7. *Васильев Д.В.* Проблемы реализации принципа коллегиальности в деятельности избирательных комиссий: Принципы права. Юридические записки Ярославского государственного университета 2006. № 10. С. 58–66.
8. *Мазаев В.Д.* Разграничение собственности и публичная власть. Юридический мир 2013. № 12. С.55–59.

References

1. *Borovikova I.A.* The Use of a candidate, electoral Association advantage of their office or official position as a ground to cancel the decision of the election Commission on the election results // Actual problems of lawmaking and law enforcement in the Russian Federation. Irkutsk: Publishing house of BGMP, 2010. Pp. 296–303.
 2. *Ivanchenko A.V.* Election Commissions in the Russian Federation: history, theory, practice. M: Ves` Mir, 1996. P. 34.
 3. *Ilyitshov A.Yu.* Constitutional and legal responsibilities of the members of election commissions: legislative regulation and prospects of development // International law reading. Omsk: Publishing house of Omsk. A law school, 2006. Part 2. Pp.62–68.
 4. *Kardashevsky A.* Voluntary participation in elections or electoral duty? // Topical problems of lawmaking and law enforcement. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk state University, 2010. Pp. 70–73.
 5. *Pyatkov D.V.* Participation of the Russian Federation, subjects of the Russian Federation, municipal formations in civil law partnership on an example of a public property differentiation. St. Petersburg: Law center Press, 2003. P. 32.
 6. *Busin A.Y.* Publicity in the election commissions activity and the protection of personal data. Constitutional and municipal right 2012. № 8. Pp. 43–47.
 7. *Vasilyev D.V.* Problems of realization of the collegiality principle in the activity of election commissions: the Principles of law. Legal notes of the Yaroslavl state University 2006. № 10. Pp. 58–66.
 8. *Mazaev V.D.* The separation of ownership and public authority. Legal world 2013. № 12. Pp.55–59.
-

УДК 342.553

UDC 342.553

Р.Ю. ЧЕПРУНОВ

аспирант, кафедра административного и муниципального права, Орловский государственный университет
E-mail: roman88@orel.ru

R.U. CHEPRUNOV

Graduate student, Department of the administrative and municipal law, Orel State University
E-mail: roman88@orel.ru

**ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗМА
В РЕФОРМИРОВАНИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УКРАИНЕ**

**LEGAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS OF A DETSENTRALIZM IN REFORMING
OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN UKRAINE**

В статье описывается реформа системы местного самоуправления, проводимая в контексте выбранного Украиной курса на децентрализацию власти в государстве. Оцениваются сильные и слабые стороны предлагаемого проекта реформы, возможность внедрения отдельных идей, предложенных в данном проекте в российской действительности.

Ключевые слова: реформа местного самоуправления, децентрализация, федерализация, Украина, совет, исполнительный орган совета.

The article describes reform of system of the local self-government, carried out in a context of the course chosen by Ukraine on power decentralization in the state. Are estimated strong and weaknesses of the offered project of reform, possibility of introduction of the separate ideas offered in this project in the Russian reality.

Keywords: reform of local self-government, decentralization, federalization, Ukraine, council, executive body of council.

Май и июнь 2014 года ознаменовались целой чередой значимых событий для местного самоуправления Российской Федерации и других государств постсоветского пространства. В Грузии прошли выборы в органы государственной власти и местного самоуправления, выявившие значительное число проблем как в сфере взаимного доверия населения и власти, так и в сфере соблюдения легитимных избирательных процедур. В России вступил в силу Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ, внесший значительные изменения в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», касающиеся, в том числе, порядка формирования, полномочий, сроков полномочий, подотчетности и подконтрольности органов местного самоуправления [7]. В Украине Президентом государства П.А. Порошенко провозглашен курс на масштабную децентрализацию власти и 26 июня 2014 г. зарегистрирован в Верховной Раде Украины законопроект № 4178а «О внесении изменений в Конституцию Украины (относительно полномочий органов государственной власти и местного самоуправления)». Именно этому проекту изменений и сопутствующей ему реформе местного самоуправления на Украине посвящена настоящая статья.

У любой реформы должны быть причины, тем более причины должны быть у изменения общегосударственной управленческой тенденции с централизации на децентрализацию. К сожалению, в отношении Украины причиной реформы является отчаянная борьба

за новую верховную власть страны за целостность и суверенность государства, поставленной под вопрос после событий, происходящих на Украине с февраля 2014 года. В украинских СМИ несложно проследить идею, что деятельность политических сил и общественных объединений (по версии СМИ – «сепаратистов») на востоке государства в конечном итоге направлена на федерализацию страны. Вполне логично, что в сложившейся непростой экономической и социальной ситуации преобразование Украины в федерацию, каждый из членов которой имеет право на выход из состава федерации, для центральной власти недопустимо. Различные проекты федерализации уже выдвигались некоторыми украинскими политическими партиями, но пока не нашли требуемой поддержки. В таких условиях кажется, что центральная власть предложила проект децентрализации не как более эффективное устройство государственного и местного управления, а как меньшее из зол по сравнению с федерализацией. Хочется надеяться, что это всё же не так, тем более, что децентрализация, осуществленная по образу и подобию европейских развитых демократических государств имеет несколько неоспоримых плюсов как вообще, так и для Украины в частности.

Под именем децентрализации разумеется перемещение различных функций управления из рук центральных органов власти в руки местных ее представителей. Так, если некий род дел, находившийся прежде в центральном установлении, в департаменте какого-либо министерства, передается местной власти, можно на-

звать эту передачу актом децентрализации. Подобное перемещение вызывается различными практическими потребностями.

Во-первых, каждое государство значительных территориальных размеров рано или поздно приходит к тому убеждению, что успех его административной деятельности зависит от большей самостоятельности и самостоятельности его местных органов, как говорил Наполеон III, что «направлять можно издали, а хорошо управлять можно только вблизи» [2]. Ни одна из отраслей внутренней администрации государства не будет идти успешно, если она не будет иметь на месте органов, действующих самостоятельно и под своей ответственностью. Необходимость самостоятельности обуславливается разнообразием местных условий, к которым каждая администрация должна примеряться ради лучшего осуществления общих целей государственного управления. Данные цели определяют, какими правами местная администрация пользуется для охранения общественной безопасности, народного здоровья, взывания налогов, сборов, и какие меры могут быть определены для их достижения. Выбор этих мер до такой степени зависит от совокупности местных условий, даже от обстановки в каждой отдельной местности, что этот выбор должен быть предоставлен по усмотрению местной власти. Только при такой свободе действий местная власть может нести на себе ответственность за состояние вверенной ей части управления. Ответственность органа пассивного, обреченного на простое исполнение чужих предписаний, не приведет к благоприятному результату, не будет иметь твердого юридического основания. Самостоятельная и действующая под своей ответственностью местная власть всегда будет иметь больше инициативы, стремления к инновациям в деле управления и улучшения жизни вверенного ей населения. Свобода действий ставит ее в условия юридической и нравственной ответственности; все это побуждает искать способы к лучшему обеспечению интересов государства и местного населения.

Во-вторых, необходимость децентрализации вызывается настоятельными нуждами местного населения: если незначительный ремонт дороги, открытие сельской школы, открытие больницы, ремонт и содержание общественных зданий и так далее будут поставлены в зависимость от решения отдаленного центрального органа, местность лишится всех средств к удовлетворению самых законных и безотлагательных своих нужд. Местность останется без путей сообщения, без больниц, без школ, без средств борьбы с различными бедствиями в том случае, если на местах не будет власти, располагающей всеми средствами их удовлетворить.

Децентрализация, в смысле перемещения разных функций из рук центральных органов правительства в руки местных, не исключает административной опеки над местными обществами. Децентрализация, представляя действительные практические выгоды, тем не менее, в ходе своего развития не раз сталкивалась с неоправданным усилением местного административного

персонала, созданием своеобразных феодальных единиц, что не всегда отражалось благоприятно на интересах местного населения. Например, известные декреты Наполеона III (1852 и 1861 гг.) были встречены с большим неудовольствием как местным населением, так и выдающимися представителями французской публицистики. Децентрализация состояла в том, что префекты смогли разрешать множество вопросов, прежде представлявшихся на разрешение министрам. В министерском циркуляре, обращенном по поводу декрета 1852 г. к префектам, говорилось: «Г. префект, мысль, диктовавшая декрет 25 марта, имела в виду дать департаментам больше личного существования и для этого дано вам больше свободы в управлении теми вопросами, которые до него касаются». Мысль об оживлении личности департамента, через усиление власти префектов, была найдена французскими публицистами несколько оригинальной. Один из них, именно Фьеве, так рассуждал об этом декрете: «Децентрализация 1852 г. есть домашняя сделка между министрами внутренних дел и префектами. Она предоставляет последним ничтожные подробности, входившие прежде в Париж, и это называется уничтожением системы установлений, вызванных излишнею склонностью к централизации... Дело пойдет скорее, говорят нам, но пойдет ли оно лучше?» [2].

Действительно при сосредоточении дел управления в высших эшелонах власти, они могут быть решаемы лицами более образованными и стоящими вне местных влияний и деформаций. Децентрализованная же власть, поставленная на места с обширными полномочиями часто лишенная необходимой подготовки, нередко находится под значительным влиянием местных политических сил, не всегда может действовать беспристрастно и в пользу дела. С другой стороны, децентрализация может даже повысить качество государственного управления. Центральная власть получает возможность заниматься действительно важными делами национального масштаба. Чиновники фокусируются на государственных проблемах и развитии государства как такового. Им не мешают сотни локальных вопросов, которые отвлекают внимание и ресурсы. Тем более множится число этих локальных проблем в ситуации переживания государством столь значительных потрясений как те, которые переживает сегодня Украина.

Независимо от причин, побудивших Украину к проведению реформы местного самоуправления, Правительство государства подошло к формированию проекта реформы очень основательно. Во-первых, реформаторы решили не выдумывать, что-то новое и, возможно, нежизнеспособное, а обратились к опыту своих соседей с более давней демократической традицией, а именно к Польше. Значительную роль в выборе именно такого варианта действий сыграл В.Б. Гройсман, в прошлом мэр города Винницы, а в настоящее время министр регионального развития Украины. Действительно, в Польше не так давно была проведена очень удачная реформа местного самоуправления в лучших европейских традициях. В результате в Украину прибыла экспертная группа из Польши во главе с незаурядной личностью

и талантливым реформатором Мартином Сьвенцики, депутатом Сейма Республики Польша, а в прошлом Президентом Варшавы. Экспертная группа в ходе своей деятельности разработала практически готовый проект украинской реформы и представила значительную теоретическую базу для реформирования местного самоуправления, интересную к рассмотрению и в контексте российской деятельности.

С момента получения независимости Украиной, как и многими другими государствами постсоветского пространства, проводилась политика, преимущественно направленная на централизацию. Это породило ряд тяжелых проблем, которые особенно остро обнажились в современной ситуации. Во-первых, проблема финансов – у местных органов власти статьи расходов значительно превышают доходы. Фактически все местные бюджеты имеют дотационный характер. Эта проблема не нова и для России и выражается в противоречии между выведением Конституцией Российской Федерации органов местного самоуправления из разряда органов государственной власти, наделением самостоятельной компетенцией и дотационной политикой, при которой самоуправление не способно решать своими средствами и половины местных задач. Это приводит к тому, что часто финансы являются удобным рычагом воздействия на несговорчивых, излишне самостоятельных, по мнению региональных руководителей, глав муниципальных образований. В качестве примера можно привести получившее широкий резонанс в общероссийских средствах массовой информации противостояние между органами государственной власти Омской области и руководством города Омска. Результатом такого конфликта стало то, что из вполне благополучного муниципального образования город превратился в хронического неплательщика по своим обязательствам только потому, что областное Законодательное собрание волевым порядком значительно сократило нормативы отчислений из федеральных налогов городу. Налог на имущество уменьшился в 2 раза, акцизы на спирт, водку, ликероводочные изделия – в 20 раз, акцизы на остальные товары – в 10 раз, налог на добавленную стоимость – в 3 раза, сокращены были и другие поступления. В результате такой операции городской бюджет потерял более 1 млрд. руб. Кроме того, через механизм перерегистрации некоторых хозяйствующих субъектов (наиболее крупных налогоплательщиков в городской бюджет) и оформления их на территории другого муниципального образования доходная часть городского бюджета сократилась на сотни миллионов рублей. Ясно, что в подобной ситуации интересы города, его населения принимались во внимание в самую последнюю очередь [3].

Недостаточность финансовых ресурсов местного самоуправления во многом вызвана и в России, и в Украине тем, что налоговая масса при нынешнем положении дел практически не оседает в муниципалитетах по причине попадания большинства налогов, выплачиваемых юридическими лицами, в бюджеты более высокого уровня. Это, в свою очередь, означает отсутствие

всякой связи между финансовыми активами органов местного самоуправления и экономическим развитием поселения. При этом на органах местного самоуправления лежит задача обеспечения населения рабочими местами, что влечет за собой содействие образованию все новых предприятий на территории поселений, налоги с которых в бюджет поселения напрямую не попадают.

Во-вторых, проблема имущества – украинские муниципальные образования не имеют достаточного собственного имущества для обеспечения нужд населения, а пользуются имуществом государства. При этом, логично, что они не имеют права распоряжения государственным имуществом, то есть не имеют возможности его продать при необходимости. В России проблема традиционно была другой и проистекала из ранее обозначенной, имущество было, а вот средств на его содержание, к сожалению, не было. К счастью, в России эта проблема свое решение постепенно находит, правда, путем перераспределения финансовых обязательств в отношении имущества в пользу субъектов федерации как, собственно, и самого муниципального имущества.

В-третьих, существует проблема полномочий. Они в Украине прописаны лишь в общих чертах. Например, закреплено, что в компетенции органов местного самоуправления находятся школы, на практике школами занимаются далеко не только они, а в том числе и региональная государственная администрация. В России местное самоуправление в одном своем аспекте также регламентировано весьма в общих чертах. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», наследуя общие идеи, изложенные в Европейской хартии местного самоуправления, в статье 77 закрепил, что органы прокуратуры Российской Федерации и другие уполномоченные федеральным законом органы, осуществляют надзор за исполнением органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, конституций (уставов), законов субъектов Российской Федерации, уставов муниципальных образований, муниципальных правовых актов. Уполномоченные органы государственной власти контролируют осуществление органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий [8]. Исходя из этого, законодатель, как можно предположить, преследовал две основные цели: разграничить предметы ведения прокуратуры – надзор за законностью принятых решений, органов государственной власти – контроль за отдельными государственными полномочиями, делегированными органам местного самоуправления; ограничить вмешательство органов государственной власти в деятельность местного самоуправления. Первая странность состоит в том, что столь значительный гарант самостоятельности местного самоуправления получил в основном нормативно-правовом акте в этой области регламентацию столь же неподробную, как и в деклара-

ции, которая является лишь сборником общих принципов. Это ставит под сомнение соответствие формально закрепленного статуса органов местного самоуправления как института, самостоятельного от государства, их фактическому положению, которое гораздо более традиционно для России, нежели закрепленное в современных нормативно-правовых актах.

На основании исследования, проведенного Институтом современного развития, фактическая ситуация такова, что реально осуществляемые государственными органами контрольно-надзорные полномочия в сфере местного управления чрезмерно гипертрофированы. Данное положение включает в себя несколько аспектов: во-первых, огромное и все возрастающее количество информационных отчетов, которые местное самоуправление должно предоставлять государственным органам. Отчеты, предоставляемые в разные ведомства, зачастую дублируются, не поддаются систематизации, и порядок их предоставления детально не регламентирован, многие из них имеют строгую форму предоставления, которая постоянно изменяется, что создает ещё один лишний бюрократический аспект в деятельности органов местного самоуправления. При этом, учитывая предметную составляющую таких отчетов, на органы местного самоуправления возлагаются весьма спорные статистические функции зачастую в областях, слабо сопряженных с их непосредственной деятельностью. Во-вторых, никто четко, в том числе и контролирующие органы, не понимает пределов их компетенции, что, безусловно, вызвано отсутствием детальной регламентации этой функции в действующих нормативно-правовых актах. Это, в свою очередь, позволяет трактовать контролирующим органам свои полномочия на свое же собственное усмотрение, что создает массу проблем в области сохранения самостоятельности местного самоуправления в принятии своих решений, ибо такое положение вещей полностью развязывает государству руки в плане диктата воли местному самоуправлению. В-третьих, контроль и надзор осуществляются только по формальной составляющей принимаемых решений. Оценка целесообразности традиционно не проводится. В итоге, часто признаются недопустимыми решения высоко эффективные, но принятые с незначительным нарушением формальной и даже детально не регламентированной, процедуры [4]. В государстве, где местное самоуправления всегда было и остается подчиненным, надзор и контроль идет по пути количественного накопления мер реагирования, но не их качественного улучшения, что наводит на мысль о полицейском государстве, потому что в отношении местного самоуправления государство ведет себя очень схожим образом. В России важно внести коррективы и в регламентацию деятельности правоохранительных органов в отношении органов местного самоуправления, ибо таковая тоже регламентирована весьма общо. Необходимо при этом изменить сам взгляд на органы местного самоуправления как на структуру, требующую постоянного контроля. В настоящее время у органов местного самоуправления отсутствуют реальные

возможности по судебной защите своих прав и интересов. Это порождено нежеланием судов идти против решений прочих органов государственной власти, что во многом обуславливается не вполне самостоятельным характером местных судов, а во многом в некомпетентности судей в области применения муниципального права. Все это создает ситуацию беззащитности местного самоуправления от различных нарушений и сильно ограничивает его автономию. Логично было бы устранить подобную ситуацию посредством внедрения норм, регламентирующих четкий перечень правовых средств, применяемых для защиты прав и интересов местного самоуправления, наряду с дополнительным образованием судей в области муниципального права.

В-четвёртых, в Украине существует большая раздробленность органов самоуправления. На первичном уровне, то есть уровне общин, существует 12 тысяч советов. В результате некоторые из этих 12 тысяч общин объединяют по несколько сотен жителей, иногда это бывшие колхозы или совхозы, в которых проживает небольшое количество людей, но теперь здесь образован собственный орган самоуправления. Такие советы не в состоянии выполнять общественных функций, которыми де факто занимается государственная администрация. В России эта проблема остро не стоит, тем более небольшие муниципальные образования постоянно укрупняются, объединяются в муниципальные районы и городские округа.

В-пятых, советы, которые избираются жителями, не располагают собственным исполнительным аппаратом. Существующая в Украине территориальная администрация очень иерархична и подчинена президенту страны. Поэтому проект бюджета или проекты постановлений разрабатывает тот же государственный аппарат. Хотя советы время от времени утверждают местные нормативно-правовые акты, но на деле выходит, что проекты этих законов разрабатываются государственной администрацией, и она же занимается их исполнением. Такая проблема, к счастью, для российского местного самоуправления сегодня не актуальна.

Как видно, проблемы у украинского самоуправления весьма существенны, какие-то из них местному самоуправлению в России не знакомы, но некоторые вполне актуальны, что косвенно подтверждает вывод польской экспертной группы о наличии некоторых общих черт у систем местного самоуправления государств постсоветского пространства. Тем интереснее предложения, сделанные экспертами, по ликвидации или ослаблению негативного влияния вышеуказанных проблем на украинское местное самоуправление.

Самое важное, что нужно сделать в Украине, по мнению польских экспертов, это скрупулёзно распределить полномочия между разными уровнями власти на субсидиарной основе. Субсидиарность – базовый для европейского местного самоуправления организационный и правовой принцип, согласно которому задачи должны решаться на самом низком, малом или удалённом от центра уровне, на котором их решение возможно и эффективно. Вместе с тем необходимо устранить

иерархичность в распределении полномочий, детально регламентировав конкретный список полномочий для каждого уровня власти. На примере своего государства эксперты предложили на уровне законов о местном самоуправлении описать полномочия каждого уровня в общих чертах, а детальную их регламентацию по сферам компетенции каждого органа власти оставить отраслевым нормативно-правовым актам, касающимся, к примеру, системы начального, среднего и высшего профессионального образования, транспорта и коммуникаций, охраны окружающей среды. Таким образом, должно произойти полное юридическое распределение полномочий, исключающее злоупотребления и разночтения в определении компетенции органов местного самоуправления. Такое решение проблем местного самоуправления ново и небезынтересно для России. В настоящее время законодатель стремится как можно детальнее описать компетенцию местного самоуправления в законе, посвященном местному самоуправлению. Это требует неизбежного обращения к отраслевым нормативно-правовым актам, чтобы ознакомиться с порядком и способом исполнения конкретного полномочия. Причем абсолютной ясности в пределах и порядке реализации полномочий конкретного органа власти добиться сложно. По вопросам совместной компетенции необходимо обращаться помимо федерального к региональному законодательству или подзаконным актам. Такое положение дел создает необходимость в ходе правоприменения использовать несколько нормативно-правовых актов. Представляется, что было бы удобнее для определения полномочия исполнительного местного самоуправления, порядка его реализации и других аспектов, например, относительно начальных школ, обратиться к одному отраслевому акту, посвященному школам. Ещё больше облегчить работу правоприменителя позволили бы различные инкорпорации отраслевого законодательства. На первый взгляд, предложенная польскими экспертами юридическая система распределения полномочий органов местного самоуправления предстает более удобной и прозрачной, нежели применяемая в Российской Федерации и тем более в Украине.

Конечно же, следующий по важности шаг для украинского местного самоуправления, по мнению польских экспертов, – это получение финансовой самостоятельности. Этого можно достигнуть разными путями, но самый из них очевидный – это увеличение доли муниципальных образований в определенных налогах и сборах до ста процентов. Самыми эффективными и важными для местностей являются торговые сборы, налоги на недвижимость, землю и различные финансовые штрафы. При этом традиционным для Европы решением считается наличие определенной доли муниципальных образований и в общегосударственных налогах, таких как налог на доход физических и юридических лиц. Не считается для Польши проблемой предоставление местному самоуправлению дотаций, но дотаций особенных. Их размер зависит от эффективности работы органов местной власти, то есть что заработал, то и получил. К примеру, открылась в поселке школа – по-

селок получил строго фиксированную по количеству учеников дотацию. Смог этот же поселок часть дотации сэкономить, конечно, не за счет эффективности, в будущем году он все равно получит дотацию, зависящую только от количества учащихся, а не меньше, как часто происходит во многих государствах. Все это стимулирует собственную инициативу муниципальных образований, делая дотацию одной из форм фиксированного заработка, размер которого всегда строго мотивирован в нормативно-правовых актах. В этом же контексте эксперты предлагают для обеспечения финансовой самостоятельности местного самоуправления закрепить за ним на праве собственности все то имущество, которое оно использует. Тем самым предоставив им право распоряжаться имуществом в полной мере, вплоть до его продажи в случае необходимости. Для реализации этих мер, что представляется вполне очевидным, необходимо создать достаточно крупные муниципальные образования с реально функционирующими органами местного самоуправления. Достигнуть этого в украинской действительности можно, по мнению экспертов, путем укрупнения низовых единиц местного самоуправления, общин как минимум в два раза. В общих чертах эти решения выглядят довольно просто, на деле же их разработкой в рамках экспертной группы занимались профессиональные финансисты во главе с профессором Войцехом Мисёнгом, советником Высшей палаты контроля и заместителем министра финансов в Польше в 1989–1994 годах. Фактически ими была разработана финансовая и юридическая система, при которой в нормативно-правовых актах четко определены дотации, их размеры, условия и порядок получения, иные доходы местного самоуправления за счет фиксированных долей в определенном спектре налогов и сборов, эксплуатации и распоряжения имуществом. Неоценимый плюс этой системы в том, что она исключает любые злоупотребления и необходимость местностей заигрывать с центром для получения финансов. Так же, как и в разделении полномочий, упор делается на максимально детальную регламентацию всех отношений по получению дотаций и независимость системы впредь от конкретных управленческих решений. Инструментом регулирования является только внесение изменений в нормативно-правовые акты.

Не удастся найти не одного аргумента против внедрения такой же системы в Российской Федерации. Сколько бы снялось проблем: коррупция на местах, неравномерное распределение средств, пассивность местного самоуправления, неэффективное применение дотаций, громоздкая бюджетная процедура, включающая запутанную систему трансферов, дотаций, субсидий между бюджетами разных уровней. При этом один раз поработать законодателю, причем прежде всего профессиональным юристам, экономистам, финансистам, бухгалтерам и так далее, а не только политикам, и жить при прозрачной, понятной системе финансирования все остальное время. Вот так просто и, что главное, вполне реально можно изменить или хотя бы улучшить ситуацию с финансовой самостоятельностью местного

самоуправление не только в Украине, но и в России.

Как видно, польская экспертная группа в Украине действительно поработала на славу. Решений и выводов было сделано ещё много, все их осветить в одной статье было бы невозможно. С уверенностью можно сказать, что комплексный проект реформы был готов, как говорится, бери и внедряй. Причем применить его можно не только в Украине, но и в других государствах со сходными проблемами, некоторые из решений выглядят очень заманчиво и для российской действительности. Проект реформы получился действительно предельно децентрализационный, поэтому, естественно, прошел переработку в контексте традиционной для Украины централизационной управленческой тенденции.

Очевидно, что начать такие массовые преобразования невозможно без принятия новой или изменения существующей Конституции Украины. Принимать новую Конституцию, конечно, власти не решились, видимо, испугала перспектива нового референдума после событий февраля 2014 года. Был разработан проект изменений, большая часть которого была посвящена местному самоуправлению. Проект утвержден в Верховной Раде Украины и каждый может ознакомиться с его текстом.

Законопроект о внесении изменений в Конституцию № 4178а выполнен, конечно, в духе децентрализации. Дуализм государственной власти и самоуправления устранен, прописан механизм формирования представительных и исполнительных органов областных и районных советов. Значительное внимание уделено пространственной организации власти. Фактически виден зачин для масштабной административно-территориальной реформы. «Территориальное устройство Украины основывается на единстве и целостности, децентрализации в осуществлении государственной власти, распространении и укреплении местного самоуправления, устойчивого развития административно-территориальных единиц с учетом их исторических, экономических, экологических, географических и демографических особенностей, этнических и культурных традиций», – гласит новая редакция 132-й статьи Конституции Украины. В проекте приведено в соответствие с Европейской хартией местного самоуправления определение местного самоуправления в статье 140 Конституции Украины. Дано право местным советам устанавливать специальный статус для русского языка. Статьи о государственной администрации на местах в законопроекте изъяты. «Исполнительную власть в районах осуществляют исполнительные органы соответствующих районных советов», – также гласит проект изменений в Конституцию Украины. В системе территориального устройства также появляется такое новое понятие, как «громада», функционирующая наравне с регионами и районами. Громадой является «административно-территориальная единица, которая включает один или несколько населенных пунктов (село, деревня, город), а также прилегающие к ним территории». Нашло отражение в проекте новой Конституции и право регионов «не кормить страну»: прописано, что местные налоги и сборы – это одна из ма-

териальных и финансовых основ местного самоуправления, а «затраты органов местного самоуправления, которые возникли вследствие решений органов государственной власти, компенсируются государством». При этом законопроект содержит ряд положений, которые столь далеки от курса на децентрализацию власти, сколь это вообще возможно. Эти новеллы явно выбиваются из той реформы, которую разработали польские эксперты. Например, Президент Украины получил право роспуска местного совета после заключения суда о несоответствии его решения нормам Конституции и закона. Помимо этого, Президент Украины стал способен остановить действие любого изданного акта местного самоуправления. Президентская власть на местах ещё больше усилилась за счет введения Представителей Президента во всех областях, причем обладающих фактически прокурорским полномочием надзора за законностью, а также в их компетенции оказалось осуществление надзора за соблюдением Конституции на вверенной им территории, за правопорядком, соблюдением прав и свобод человека, координация деятельности территориальных представительств центральных органов власти, вплоть до организации из нормального функционирования в условиях военного положения. Глава совета, избранный советом из своего состава, автоматически становится главой исполнительного органа власти, что несколько необычно для децентрализации, потому что объединяет контрольные и административные функции в одних руках.

В последующем проект изменений в Конституцию Украины ещё немножко децентрализовали. Президентским Представителям ограничились компетенцию надзором только за актами местного самоуправления. Вернули первую часть нормы, которая констатирует, что исполнительную власть в регионах и районах осуществляют территориальные органы центральных органов исполнительной власти. Функция остановки действия актов местного самоуправления была передана Представителям Президента. Смягчена норма о роспуске местного совета, такой роспуск в соответствии с новой редакцией законопроекта неизбежен только при игнорировании советом предписания суда об исправлении решения, противоречащего нормам Конституции и закона. Зато в норму о русском языке внесли изменения, в соответствии с которыми специальный статус русский язык, как и другие языки национальных меньшинств, сможет получить только при решении органов местного самоуправления базового уровня – общин, при этом применяться он должен только наряду и наравне с государственным.

Конечно, внесение изменений в Конституцию Украины – это только первый шаг реформы местного самоуправления, но уже сейчас становится очевидным – чистой децентрализации в Украине не получится. Указанные в предыдущем абзаце положения законопроекта демонстрируют, что взятый курс на всеобщую децентрализацию – всего лишь популистский лозунг, а об истинной децентрализации, такой как предлагала польская экспертная группа, речь даже не идет.

Безусловно, украинское местное самоуправление при внесении в Конституцию рассмотренных в данной статье изменений приобретет некоторые децентралистских черты, но в результате может получиться такая же двойственная децентралистская система с тяготением в сторону централизма, как охарактеризовал нынешнее положение дел в России И.В. Бабичев [1]. Стоит выразить глубокое сожаление по поводу того, что Украина пока не захотела или не смогла в полной мере воспользоваться предоставленными ей наработками в области реформирования местного самоуправления. Эти наработки могли бы послужить хорошим инструментом и для устранения децентралистско-централистской противоречивости местного самоуправления в Российской Федерации. Представляется, что нашим реформаторам стоит присмотреться к ним повнимательнее. А ещё украинским властям не стоило бы забывать о том, что пока вынашиваются проекты реформ, осуществляется консультирование с иностранными экспертными группами, провозглашаются новые государственные курсы в некоторых регионах, государство фактически уничтожило местное самоуправление. На заседании 39-й сессии Краматорского городского совета шестого созыва исполняющий обязанности Краматорского городского головы, секретарь городского совета Андрей Борсук доложил о ситуации, которая сложилась в городе с выплатами пенсий и зарплат бюджетникам. Основанием заблокировать в Краматорске казну явилось проведение в городе антитеррористической операции. «Ни одного официального документа о проведении антитеррористической операции в адрес органов местного самоуправления Краматорска не поступало, – сказал Андрей Борсук. – В соответствии со статьей 14 Закона «О борьбе с терроризмом», работа предприятий и учреждений в районе проведения АТО может быть частично или

полностью приостановлена по согласию с его руководителями. Руководство Государственного казначейства решение о приостановке своей работы с органами местной власти в Краматорске не согласовывало. Наши обращения в адрес Премьер-Министра Украины, Министерства Финансов, казначейской службы, народных депутатов, президента остались без ответа». По словам Андрея Борсука, после встречи президента Украины с представителями Донецкой области 19 июня у города появилась надежда. Президентом было дано поручение разобраться с этим вопросом и обеспечить финансирование пенсий и бюджетных выплат. Но до настоящего времени это поручение не выполнено. Ответ один: «Финансирование будет восстановлено после прекращения АТО». Секретарь горсовета выразил надежду, что это произойдет в ближайшее время, поскольку работать при отсутствии финансирования невозможно. Решение заблокировать казну фактически уничтожило местное самоуправление. Бюджетная сфера не получает зарплаты, ветераны – пенсии, не финансируется получение медикаментов, питание в больницах и детских садах, нет средств на уборку улиц и оплату коммунальных услуг.

Подобные факты наглядно демонстрируют, что эта украинская реформа местного самоуправления проходит практически в чрезвычайных условиях и является одной из первоочередных и насущных потребностей центральной и местной власти. Главное, чтобы власть не забывала, что местное самоуправление — это не только органы власти, не только компетенция и финансовая самостоятельность, это в первую очередь население, люди, граждане. Именно они носители суверенной власти, и удовлетворение их потребностей – важнейшая задача для демократического местного самоуправления.

Библиографический список

1. Бабичев И.В. Основания российского муниципализма и его принципы. // Конституционное и муниципальное право 2011. № 1 С. 38.
2. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Том III. Органы местного управления. СПб: 1883. С. 15–17.
3. Овчинников И.И. Финансы местного самоуправления. Гражданин и право 2003. № 4. С. 5.
4. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003-2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития. <http://www.riocenter.ru/>
5. Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Первоначальный текст документа опубликован в издании «Российская газета» 30.05.2014; 121.
6. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Первоначальный текст документа опубликован в издании «Российская газета» 08.10.2003; 202.

References

1. Babichev I.V. Bases of the Russian munitsipalizm and its principles. Constitutional and municipal law 2011.No 1. P38.
2. Gradovsky A.D. Beginnings of the Russian state law. Volume III. Local authorities. SPb: 1883. Pp. 15–17.
3. Ovchinnikov I.I. Finance of local self-government. The citizen also it is right 2003.No 4. P. 5.
4. Russian local self-government: results of municipal reform of 2003-2008. Analytical report of Institute of modern development. <http://www.riocenter.ru/>
5. The federal law of May 27, 2014 No. 136-FZ “About modification of article 26.3 of the Federal law “About the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of the government of subjects of the Russian Federation” and the Federal law “About the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation”. The initial text of the document is published in the Russian Newspaper edition 30.05.2014; 121.
6. The federal law of October 6, 2003 No. 131-FZ “About the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation”. The initial text of the document is published in the Russian Newspaper edition 08.10.2003; 202.

УДК 51(092)

UDC 51(092)

Ф.С. АВДЕЕВ

доктор педагогических наук, профессор, Орловский
государственный университет
E-mail: ivan_avd@mail.ru

Т.К. АВДЕЕВА

доктор педагогических наук, профессор, Орловский
государственный университет
E-mail: ivan_avd@mail.ru

F.S. AVDEEV

Doctor of Pedagogical Sciences, professor, Orel State
University
E-mail: ivan_avd@mail.ru

T.K. AVDEEVA

Doctor of Pedagogical Sciences, professor, Orel state
University
E-mail: ivan_avd@mail.ru

**ДМИТРИЙ МАТВЕЕВИЧ ПЕРЕВОЩИКОВ (1788–1880) – УЧИТЕЛЬ
МАТЕМАТИКИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА**

**DMITRY MATVEEVICH PEREVOSCHIKOV (1788–1880) MATHEMATICS
TEACHER OF M.YU. LERMONTOV**

В статье приведены краткие биографические сведения о Д.М. Перевощикове, выдающемся педагоге-математике, популяризаторе науки, видном общественном деятеле середины XIX века, который был учителем математики русского поэта, прозаика и драматурга М.Ю. Лермонтова.

Ключевые слова: Д.М. Перевощиков, педагог-математик, физико-математические науки.

There are some short biographical facts about great mathematic teacher D.M. Perevoschikov, who also was a bright social figure and scientific popular writer in the middle of XIX century. The great Russian poet, writer and playwright M. Yu. Lermontov was one of his students on math classes.

Keywords: D.M. Perevoschikov, mathematic teacher, physical and mathematical sciences.

В этом году страна отмечает 200-летие со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова (1814–1841), известного поэта, прозаика и драматурга. Несомненно, талантливого человека и, как показывает анализ его биографических данных, не только в литературе, но и математике. Не случайно среди личных вещей поэта хранится учебник математики Э. Безу с его юношеским автографом. Нас заинтересовал этот факт, и мы постарались ответить на вопрос: чья заслуга в развитии интереса к математике у М.Ю. Лермонтова? Природный это дар или заслуга учителя? Обратимся к биографии поэта.

Михаил – сын армейского капитана Ю.П. Лермонтова и М.М. Лермонтовой, урожденной Арсеньевой. Брак, увы, ...был неравным и несчастливым. После ранней смерти матери (1817) Михаила взяла к себе бабушка – Елизавета Алексеевна Арсеньева, устранив от воспитания отца. М.Ю. Лермонтов, благодаря бабушке, получил прекрасное домашнее воспитание: «помимо обычного гувернера-француза, у него была бонна-немка и позднее преподаватель англичанин» [9, с.409] (специальных разъяснений о математической подготовке нет). В 1827 году семья переезжает в Москву, а осенью 1828 г. Михаила зачисляют полупансионером в 4 класс Московского университетского благородного пансиона, одного из лучших учебных заведений России.

Университетский Благородный пансион был открыт в 1779 году при Московском университете, это закрытое платное заведение для обучения дворянских детей.

Обучение в пансионе продолжалось 6 лет, а программа по своему содержанию превышала гимназическую. Пансион действовал до 30-х годов XIX века, а затем был преобразован в дворянский институт. В начале XIX века руководил пансионом профессор Московского университета А.А. Прокопович-Антонский (до 1826 г.), который следовал педагогическим традициям профессоров ломоносовской школы. Именно ему принадлежит заслуга формирования коллектива талантливых педагогов и воспитателей пансиона. С сентября 1826 года директором пансиона назначен П.А. Курбатов, а инспектором – М.Г. Павлов, который в двадцатых и тридцатых годах XIX столетия был одним из популярных профессоров Московского университета. Благодаря ему не были утрачены лучшие традиции пансиона. По мнению М.Г. Павлова, воспитание должно строиться на «сколько можно основательном изучении природы человека». Человек отличается от животного общими для всего рода человеческими способностями. Но в каждом человеке «проявляется особенное расположение и способность к образованию», имеются свои определенные задатки. Вот почему ... и лучшее воспитание не творит гениев, но оно образует их, дает лучшее направление природным способностям. Отчего мало отличных талантов? Не потому только, что, может быть, оные редко рождаются, но потому, что редко умеют их раскрыть и воспитать или дать им свободное развитие». [2, с.33] В Благородном пансионе даже при его многопредметности и широте программ не было уравниль-

ных требований, вероятно, именно такая обстановка во многом способствовала развитию дарований учащихся. Преподаватели не требовали от воспитанников равных во всем успехов, так одни занимались литературой, другие предпочитали математику. Были и счастливые исключения, такие как Михаил Лермонтов, который, занимаясь литературой, сохранил и любовь к математике. А заслуга в этом, на наш взгляд, безусловно, Дмитрия Матвеевича Перевощикова, который обучал М.Ю. Лермонтова математике в Благородном пансионе.

Познакомим читателя с этим талантливым педагогом, который прошел путь от учителя Симбирской гимназии до ректора Московского университета, академика Академии наук.

Д.М. Перевощикова

Д.М. Перевошков, сын дворянина Пензенской губернии, родился 17 апреля 1790 года. Среднее образование он получил в Казанской гимназии, где чистую математику преподавал Г.И. Карташевский, а прикладную математику и физику – И.П. Запольский. Следует отметить знаменитых одноклассников Д.М. Перевощикова – Сергея Аксакова и братьев Лобачевских: Александра, Николая и Алексея. В 1805 году Перевошков был зачислен студентом Казанского университета, где получил хорошее физико-математическое образование, стараниями, прежде всего, Г.И. Карташевского. Еще студентом Перевошков обнаружил незаурядные способности и большое прилежание к физико-математическим наукам. Ему, как хорошо успевающему студенту, в 1807 г. поручили вести в университете «повторительное преподавание математики». Судя по экзаменационному протоколу 1808 г., испытание студентов показало совету университета успехи самого Перевощикова и его слушателей. Казанский университет Дмитрий Матвеевич закончил в 1808 г. и получил место старшего

учителя физики и математики в Симбирской гимназии. В 1816 г. Перевощикова, считавшегося одним из самых талантливых и деятельных преподавателей Симбирска, пригласили на место домашнего учителя в семью городского вице-губернатора Е.Е. Ренкевича, который в 1818 г. был назначен вице-губернатором Москвы, уезжая, он забрал с собой Д.М. Перевощикова. [10],[14, с.5,6] В этом же году Дмитрий Матвеевич был зачислен преподавателем физики и математики университетского Благородного пансиона. К этому времени Перевошков уже получил в Казанском университете ученое звание магистра физико-математических наук (1813) за работы «О всеобщем тяготении» и «Краткий курс сферической тригонометрии». [4] Вот к такому учителю математики и попал Михаил Лермонтов, поступив в 1828 г. в университетский Благородный пансион.

Д.М. Перевошков был одарен и литературным, и лекторским талантом. По словам современников, он преподавал математику «вдохновенно, как поэт, как бы создавая ее во время изложения, со страстной любовью к ней, которую сообщал и слушателям». [12, с.451] Однако на экзаменационных испытаниях был строг. Коллеги, современники Перевощикова, отмечали, что профессор математики при начале своего курса в 5 классе экзаменовал всех и отбирал всего несколько человек, с которыми и занимался самым основательным образом. Он заставлял их доходить до выводов собственной головой, сам же выступал лишь как руководитель. За два года он успевал пройти курс от начал арифметики до дифференциального исчисления». [2, с.33] Попал ли в число избранных Михаил Лермонтов? Да! И вот доказательства. «При переходе из 4 класса в 5-й Лермонтов в декабре 1828 г. получил награду – книгу и картину. Он имел шесть высших баллов и только две тройки – по закону Божьему и латинскому языку. Н.Л. Бродский предполагает, что Лермонтов, имея склонность к занятиям математикой и высший балл по математике за 4-й класс, в следующем 5 классе оказался в числе избранных у профессора Д.М. Перевощикова. Известно, что Лермонтов хранил книгу Перевощикова «Ручная математическая энциклопедия» (ч. I, М., 1828)». [2, с.66]

Это, пожалуй, самая замечательная работа Перевощикова, она состоит из 13 книг: арифметика, геометрия, алгебра, приложение алгебры к геометрии, дифференциальное и интегральное исчисления, высшая геометрия, начертательная геометрия, статика, динамика, механика жидких тел, физика (в двух частях) и астрономия. [8] «Кто соберет, – говорилось в предисловии к этому учебнику, – все книги, тот составит небольшую библиотеку, содержащую физико-математические науки в их нынешнем усовершенствованном состоянии». [6]

Первая книга посвящена арифметике, именно ее хранил М.Ю. Лермонтов в своей библиотеке. Изложение в книге дается в диалоговой форме. Подробно изложены действия с дробями, которые трактуются как невычисленные частные. Тройное правило изложено без опоры на теорию пропорций, Перевошков считал, что «числительная часть математики не имеет надобности в сем

механическом пособии, особенно начинающие должны приучаться к соображению условий вопроса, и решать их прямо с помощью четырех главных действий арифметики, не употребляя формулы, несправедливо названной пропорцией». [6] Первый том «Арифметики» Д.М. Перовщиков снабжает прибавлением «О мерах, употребляемых в России», радуя за скорейшее введение метрической системы мер в России. Заметим, что эта книга имела большой успех и долгое время служила образцом для последующих учебников арифметики.

Вторая книга «Ручной математической энциклопедии» посвящена началам геометрии, здесь подробно рассматриваются задачи на построение, решаемые определенным набором геометрических инструментов. Не обошел вниманием автор и теорию параллельных линий, приведя «строжайшее доказательство» V постулата Евклида.

Третья книга – повышенный курс алгебры, содержащий теорию уравнений.

Четвертая и пятая книги содержали основы дифференциального и интегрального исчисления. Шестая книга посвящена начертательной геометрии. В остальных книгах освещались основные вопросы физики и астрономии.

Доступность и достоинство «Ручной математической энциклопедии» оценили даже гуманитарии, так Н.В. Гоголь. В письме к П.П. Косаровскому от 13 сентября 1827 г. из Нежина он писал о ней: «Не знаю как воздать хвалу этому образцовому сочинению. Я, только читая ее, понял все то, что мне казалось темным, неудовлетворительным, когда проходил математику. Как удивительно изъяснена теория интегрального и диф-

ференциального исчисления ... Мне нравится, что во всем этом курсе всякая часть, даже самая арифметика, написана так, как многие делают с геометрией – здесь все изъяснено, все основано на умственном созерцании, но так просто, так легко, ясно изложено, что дитя в состоянии понимать его». [1, с.109]

В 1837 году на основе первых книг «Ручной математической энциклопедии» Д.М. Перовщиков издает «Гимназический курс чистой математики», который имел большой успех и был рекомендован П.Л. Чебышевым в 60-х годах как руководство для гимназий. А в рецензии на этот «Курс» Перовщикова отмечалось «Нам не нужно рекомендовать эту книгу учащим и учащимся; имя автора рекомендует ее лучше всех журнальных похвал ... Кто имел удовольствие слушать чтение ученого профессора и читать его сочинения, тот знает, что каждое из них отличается глубоким знанием предмета, прекрасным изложением, не допускающим ничего лишнего и не опускающим ничего нужного». [5, с.49]

Заметим, что создание учебников для университета Д.М. Перовщиков начал с 1819 г., это были переводы на русский язык учебников математики Франкера, С. Лакруа, А. Лежандра, а с 1826 г. стали издаваться его собственные сочинения.

Кроме педагогической деятельности Д.М. Перовщиков выполнял ряд обязанностей и должностей: в течение 20 лет руководил Московской астрономической обсерваторией; был членом училищного комитета, исполнял обязанности цензора в Московском цензурном комитете. [4] В 1828 году он был назначен инспектором «казеннокоштных» студентов: следил за поведением студентов, их занятиями, проведением досуга, решал хозяйственные вопросы. В.Г. Белинский писал своим родителям: «Инспектор Перовщиков человек весьма известный в ученом свете. Он строг, любит порядок и устройством нашего казенного быта большей частью одолжены ему». [3]

С 1836 по 1848 годы Перовщиков исполнял должность декана физико-математического факультета Московского университета.

В 1848 г. «введен в степень магистров» в физико-математическом факультете; в 1842–1844 г.г. – проректор, в 1848–1850 г.г. ректор Московского университета. Д.М. Перовщиков читал публичные лекции по астрономии в пользу неимущих студентов. [12] Характеризуя работу Перовщикова по физике и астрономии, Н.Г. Чернышевский писал «Мы едва ли ошибемся, сказав, что в последние тридцать лет никто не содействовал столько, как он, распространению астрономических и физических сведений в русской публике: Д.М. Перовщиков постоянно был первым, неутомимейшим и полезнейшим из людей, посвятивших свою ученую деятельность этому прекрасному стремлению». [11, с.227] Перовщиковым были написаны первые русскоязычные курсы «Руководство к астрономии» (1826, 1831) и «Основания астрономии» (1842), за которые он был удостоен Демидовской премии.

В 1851 году Дмитрий Матвеевич покидает

Московский университет, расстается со своей любимой педагогической работой и переезжает в Петербург, где устраивается в Академию наук адъюнктом, в 1856 он становится экстраординарным академиком. В 1858 году его избирают почетным членом Московского университета, где он немало сделал для студентов, многие из которых стали знаменитыми – Н.Е. Зернов, П.Л. Чебышев, А.Ю. Давидов, А.И. Герцен.

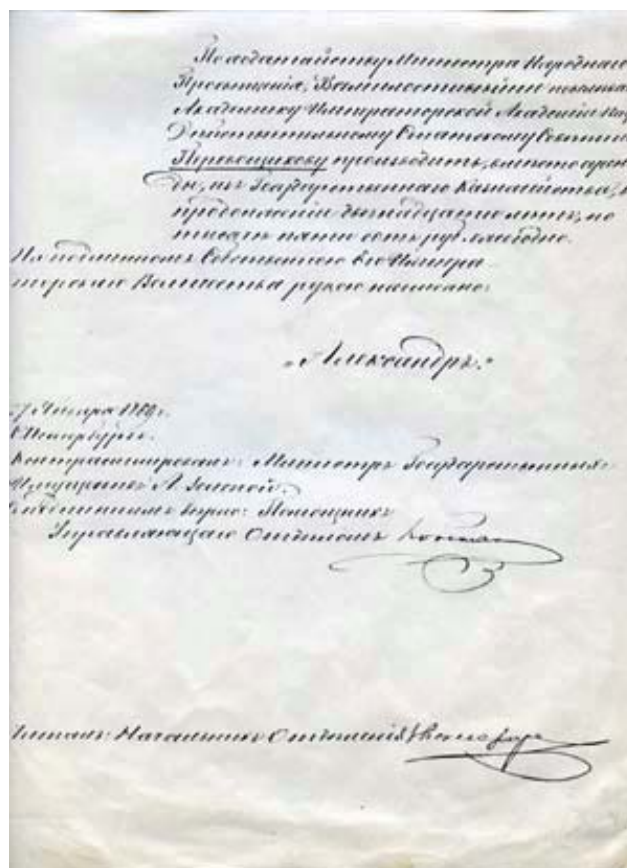
В Петербурге Д.М. Перевощиков часто болел и почти все время проводил в кругу семьи, занимаясь научными исследованиями, итогом которых стала публикация трехтомного труда «Вековые возмущения семи больших планет» (1857–1859). В 1860 г. Дмитрий Матвеевич опубликовал свой перевод книги А. Араго «Биографии знаменитых астрономов, физиков и геометров», в 1863–1868 годах была издана «Теория планет» в шести томах – обширное и обстоятельное руководство по многим вопросам теоретической астрономии.

В начале 1869 года Перевощикова разбил паралич, вслед за которым вскоре наступила слепота. Но несмотря на преклонный возраст и слепоту, Дмитрий Матвеевич сохранил бодрость духа, «ясность и свежесть ума и памяти» и продолжал интересоваться всеми современными событиями. [с.10]

Интересны архивные документы, обнаруженные Ю.Л. Менциным, заведующим Музеем истории университетской обсерватории и Государственного астрономического института имени П.К. Штернберга МГУ, которые свидетельствуют об участии в судьбе Перевощикова отдельных известных людей. [4]

Приведем их содержание, думаем это будет интересно читателю.

В письме министра народного просвещения Дмитрия Андреевича Толстого от 30 декабря 1868 г., адресованном министру Государственных имуществ Александру Алексеевичу Зеленому, излагается просьба об «исходатайствовании» академику императорской Академии наук, действительному Статскому Советнику Дмитрию Перевощикову аренды с того срока какой «благоугодно» будет определить. [14, с.13] Итогом этой переписки был приказ императора Александра II министру финансов о назначении Перевощикову ежегодных выплат, минуя аренду:

«Господину Министру финансов.

По ходатайству Министра Народного Просвещения, Всемилостивейше повелеваем:

Академику императорской Академии наук, Действительному Статскому Советнику ПЕРЕВОЩИКОВУ производить, вместо аренды, из Государственного Казначейства, в продолжении двенадцати лет, по тысячи пятисот руб. ежегодно.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано:

«Александр» 27 января 1869 г.

С.Петербург.

Контрасигнировал: Министр Государственных имуществ А. Зеленый». [13, л.1-5]

Ежегодная профессорская пенсия Перевощикова на тот момент составляла 2244 руб. и 62 коп. Так император Александр II отметил заслуги Д.М. Перевощикова, который «состоя в службе с 1809 года, он в звании профессора математических наук содействовал образованию многих преподавателей по этой части, из коих многие теперь занимают кафедры в университетах и сочинениями своими успели заслужить известность не только в России, но и в Европе. Независимо от сего, составленные г. Перевощиковым руководства принесли несомненную пользу для развития изучения математики и астрономии в нашем отечестве». [13, л.1-5]

Библиографический список

1. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. Т.X Письма. М.: Изд-во АН СССР, 1940.
2. *Иванов А.Н.* Учитель Лермонтова А.З. Зиновьев и его педагогическая деятельность в Ярославле. Ярославль, 1966.
3. *Касьянюк С.* Дмитрий Матвеевич Перевошиков // Математика в школе, 1953, № 1.
4. *Лихолетов И.М., Яновская С.А.* Из истории преподавания математики в Московском университете (1804–1860) // Историко-математические исследования, 1955, Вып. VIII.
5. *Отечественные записки* // Библиографическая хроника. М., 1841. Т. XIX
6. *Перевошиков Д.М.* Ручная математическая энциклопедия [В 13 т.]. Т.1. М., 1826–1837.
7. *Полякова Т.С.* История математического образования в России. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002.
8. *Прудников В.Е.* Русские педагоги – математики XVIII–XIX веков. Пособие для учителей. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1956.
9. *Русские писатели. Библиографический словарь.* [В 2 ч.]. Ч.1. А–Л /Редкол.: Б.Ф. Егоров и др.- М.: Просвещение, 1990.
10. *Христофоров А.* Очерки по истории Симбирской губернской гимназии // Симбирские губернские ведомости, 1875. № 21,22.
11. *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений /Н.Г. Чернышевский.- СПб., 1906. Т. 1.
12. *Шевырев С.П.* История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. Репринтное издание. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1998.
13. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга фонд 733, оп. 120, д. 566.
14. www.sai.msu.ru/history/perev.html [Электронный ресурс]

References

1. *Gogol` N.V.* Complete Works. Letters. Vol. X. M.: AN SSSR, 1940.
 2. *Ivanov A.N.* Lermontov's teacher A.Z. Zinoviev and his pedagogical activity in Yaroslavl. Yaroslavl, 1966.
 3. *Kas'yanyuk S.* Dmitrii Matveevich Perevoshchikov // Mathematics in School, 1953, № 1.
 4. *Likholetov I.M., Yanovska S.A.* From the history of the teaching of mathematics at Moscow State University (1804–1860) // Historical-Mathematical Investigations, 1955, Vol. VIII.
 5. *Notes of the Fatherland* // Bibliographical chronicle. M. 1841. Vol. XIX.
 6. *Perevoshchikov D.M.* Hand mathematical encyclopedia [In 13 vol.]. V.1. M., 1826–1837.
 7. *Polyakova T.S.* The history of mathematics education in Russia. M.: Moscow University, 2002.
 8. *Prudnikov V.E.* Russian teachers – Mathematicians of XVIII - XIX centuries. Manual for teachers. M.: State educational and pedagogical publishing the Ministry of Education of the RSFSR, 1956.
 9. *Russian writers. Bibliographical Dictionary.* [In 2 parts]. P.1. AL / Editorial Board: B.F. Egorov and others. M.: Prosveschenie, 1990.
 10. *Khristophorov A.* Essays on the history of Simbirsk provincial gymnasium // Simbirsk province news, 1875. № 21,22.
 11. *Chernyshevsky N.G.* Complete Works. St. Petersburg., 1906. Vol. 1.
 12. *Shevyrev S.P.* History of the Imperial Moscow University, written for the centennial of his birthday. 1755–1855. – Moscow University. 1998.
 13. Central State Archive of St. Petersburg Fund 733, op. 120, d. 566.
 14. www.sai.msu.ru/history/perev.html [Electronic resource]
-
-

УДК 372.881.116.11-054.6

UDC 372.881.116.11-054.6

М.В. БЕРТХОЛЬД

соискатель, Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина
E-mail: elanor@list.ru

M.V. BERTHOLD

Researcher, State Institute of Russian Language named
after A.S.Pushkin
E-mail: elanor@list.ru

**АНАЛИЗ УЧЕБНИКОВ ДЛЯ НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ИЗ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СЕМЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ВНЕ РОССИИ**

**THE ANALYSIS OF TEXTBOOKS FOR INITIAL TRAINING RUSSIAN LANGUAGE
PRESCHOOL CHILDREN FROM RUSSIAN-SPEAKING FAMILIES RESIDING ABROAD**

В статье анализируются современные учебники, предназначенные для занятий по русскому языку на начальном этапе с детьми дошкольного возраста из русскоязычных семей, проживающих за рубежом. Из множества учебников можно сделать выбор с учётом конкретных условий и целей обучения: возраста, семейного билингвизма ребёнка, наличия и степени предварительных знаний и умений в общем владении языком, знакомства с русской культурой и т.д

Ключевые слова: особенности обучения детей русскому языку как иностранному, обучение детей-билингвов, обучение дошкольников языку, учебники для обучения детей, сохранение русского языка у детей в эмиграции.

The article deals with the analysis of textbooks for initial training Russian language preschool children from Russian-speaking families residing abroad. One can choose a book taking into account the specific conditions and training purposes: age, specificity of a child's family bilingualism, presence and extent of prior knowledge and skills, acquaintance with Russian culture etc.

Keywords: peculiarities of teaching children Russian as a foreign language, teaching bilingual children, teaching preschool children Russian language, textbooks for teaching children, preservation of the Russian language among children in the emigration.

Культурная русскоязычная жизнь за рубежом сегодня довольно разнообразна. Книжные магазины, газеты и журналы, клубы по интересам, русское телевидение, многочисленные ресурсы Интернета дают возможность сохранять язык и культуру. Однако, для того чтобы воспользоваться этим многообразием, ребенок из семьи эмигрантов должен обладать хотя бы базовым знанием русского языка.

Где же ребенок может получить эти знания? Рассмотрим существующую ситуацию с ранним обучением детей русскому языку на примере Германии. Помимо семьи, где ребенок овладевает «семейным» русским языком, более углубленные и систематические знания по русскому языку он может получить в билингвальном детском саду. Однако, несмотря на то, что количество русско-немецких детских садов в последние годы увеличивается (например, в одном только Берлине их больше двадцати), общее их число по стране не так велико и располагаются они в крупных городах преимущественно в западной части Германии. Поэтому те родители, чьи дети не могут посещать такого рода учреждение, вынуждены искать альтернативные способы обучения детей русскому языку. Например, водить детей во всевозможные школы выходного дня и русскоязычные общества, где организуют курсы русского языка, а также различные праздники, конкурсы, игры, театральные представления.

От организаторов таких школ и обществ требуются не только умения и энтузиазм, но зачастую и вложение собственных средств. Постоянного финансирования нет ни с немецкой, ни с русской стороны. Некоторые из таких обществ получают постоянную помощь государства, но список ограничен, и попасть в него непросто; большинство же таких организаций в качестве поддержки пользуются только налоговыми льготами. Как правило, выживать удается за счет спонсорской помощи и различных грантов. Поскольку многие русскоязычные эмигранты живут на социальное пособие, плата за уроки и посещение мероприятий для их детей невелика.

В роли преподавателей выступают не только профессиональные учителя русского как родного или иностранного, но и филологи – не русисты, логопеды или просто родители-энтузиасты, не имеющие представления о существующих учебных пособиях, подходящих для определенного возраста и уровня знаний детей.

Одна из проблем, с которой сталкиваются те, кому небезразлична судьба русского языка в эмиграции, – невысокий интерес русскоязычных эмигрантов к изучению русского языка их детьми. Многие считают, что немецкий намного важнее, а параллельное изучение русского будет мешать ребенку; кто-то искренне не понимает, зачем ребенку русский язык, если семья постоянно проживает вне России; есть и такие, кто хочет забыть о стране, где им было плохо, поэтому полностью

дистанцируется от языка и культуры.

В русских обществах и центрах стараются вести разъяснительную работу, целью которой является донесение до русскоговорящих родителей важности и необходимости обучения детей русскому языку. Родителям стараются объяснить, что овладение двумя языками дается детям, растущим в двуязычной среде, сравнительно легко, что двуязычие способствует формированию билингвистической личности и общему развитию ребенка, дает ребенку больше шансов для самореализации. Не всегда удается донести эту информацию вовремя, да и обстоятельства складываются по-разному. Вследствие чего нередко ситуация, когда детей 5-8 лет (и, конечно, старше) приводят на урок русского языка с просьбой научить говорить. Как правило, дети немного понимают по-русски, могут сказать несколько простых слов и фраз: да, нет, привет, пока, спасибо, меня зовут. Часто родители говорят по-русски, ребенок отвечает по-немецки. То есть русский, хоть и не является языком полноценного общения, все-таки не совсем чужой и новый для ребенка. В этом случае не требуется начинать обучение с самого нуля, как с иностранцами. Можно и даже нужно изучать язык не полностью аналитически, как во взрослом возрасте, а воспользоваться возможностями детского возраста. Ситуация с билингвизмом и сама по себе непростая, а с таким неполным, «зачаточным» двуязычием – тем более. Поэтому, наряду с необходимостью объяснения важности обучения детей русскому с раннего возраста, существует и проблема средств обучения.

Существующие учебники для изучения русского как второго издаются как в России, так и за рубежом. Адресованы они бывают иностранцам и «детям соотечественников, проживающим за рубежом». Рассмотрим доступные существующие учебники по русскому языку для детей и попробуем отобрать те из них, которые могут быть использованы при начальном обучении дошкольников из русскоязычных семей, проживающих вне России. Пособия по обучению только письму, картинные словари, хрестоматии мы не рассматриваем, только непосредственно учебные пособия.

За рубежом чаще всего создаются учебные комплексы, предназначенные для изучения русского как второго и третьего иностранного в школе. Например, немецко-русскими авторскими коллективами были созданы УМК «Привет!», «Диалог», «Вместе», «Конечно», «Ключи». Они состоят, как правило, из учебника, рабочей тетради, диска, материалов для учителя, иногда грамматического справочника. Предназначаются такие комплексы для изучения русского с нуля как второго/третьего (порой и четвертого) иностранного языка в рамках школьной программы.

Существуют учебники, непосредственно учитывающие особую ситуацию семейного билингвизма и тот факт, что обычно дети из таких семей уже обладают начальными знаниями по русскому языку. Например, учебник для русско-немецких билингвов (а также немецких школьников, изучающих русский язык) «Мы читаем и пишем по-русски» С.В. Афонина и

Е.А. Плаксиной. Учебник представляет собой результат научных исследований детской речи двуязычных детей и преподавания русского языка в диаспоре на протяжении последних двадцати лет. Пособие создано для детей, знающих азбуку, и предназначено для обучения чтению и письму в начальной школе.

Учебник Н. Власовой «Русский язык как иностранный. Малышам», изданный в Израиле, адресован, как понятно из названия, дошкольникам. Автор считает необходимым научить детей сначала понимать язык и формулировать свои мысли, то есть общаться на языке, а только потом переходить к обучению грамоте. Материалом для изучения языка выбраны стихотворения для детей. При их выборе автор исходила из принципа «интернациональности», то есть в учебник включены отрывки произведений, с восприятием которых у ребенка не будет проблем, обусловленных иной ментальностью и реалиями места проживания (вне России и стран бывшего СССР). Что немаловажно, в учебнике присутствует только лексика современного русского языка. Методические рекомендации для работы с детьми позволяют выступить в роли учителя родителям, бабушкам и дедушкам. Для занятий по пособию необходимо, чтобы ребенок обладал достаточными предварительными знаниями.

Много учебных пособий выпускается издательством «Русский язык. Курсы». Учебник Т.Б. Клементьевой, В.В. Дронова и Е.В. Нечаевой «Азбука-незабудка» из серии «Русский язык с мамой» адресован детям младшего школьного возраста. Основная цель пособия – обучение чтению на русском языке. В первой части дети с помощью взрослых знакомятся с печатными буквами русского алфавита, учатся их распознавать на ярких рисунках и писать по стрелкам из исходных точек. Во второй части дети читают и пишут слоги и слова. Авторы наполнили учебник скороговорками, стихами, рифмованными фразами, ребусами и загадками с живой русской речью.

Следующий учебник из этой серии Е.А. Хамраевой и В.В. Дронова «Росинка» также состоит из двух частей. Первая часть представляет из себя вводно-фонетический курс, который включает обучение слоговому чтению и письму, а также упражнения на развитие речи. Вторая часть помогает детям овладеть элементарными знаниями по грамматике и развитию речи. Также включен материал по культуре речи, хрестоматийные произведения русских писателей и поэтов и авторские стихотворные конструкции. Рубрика «Родителям» поможет справиться с обучением детей не только профессиональным преподавателям русского языка, но и родителям.

Учебный комплекс «Истоки» Э.И. Ивановой состоит из учебника, рабочей тетради и аудиоприложения. Он рассчитан на детей 8–10 лет, живущих за пределами России, владеющих русским языком в объеме разговорно-бытовой лексики и практической грамматики и продолжающих изучать язык.

Учебный комплекс содержит тексты для чтения и слушания, игровые задания, стихи, пословицы, имеющие целью развитие русской речи ребенка, обогащение его словарного запаса и коррекцию грамматики. В каж-

дом урока есть раздел, знакомящий ребенка с правилами русского речевого поведения (этикетом).

«Страна русской грамматики» А.А. Акишиной предназначена для обучения детей младшего школьного возраста. Книга может использоваться при домашнем обучении, в детских садах и воскресных школах для того, чтобы научить детей правильно писать по-русски. Пособие содержит разнообразные грамматические упражнения и ответы к ним, а также комментарии, адресованные педагогам и родителям.

Книга-игра Т.Б. Клементьевой и О.Э. Чубаровой «Приключения Лены и Миши» построена в виде рассказа о приключениях девочки и мальчика и сопровождается игровыми заданиями. В занимательной форме дети младшего и среднего школьного возраста смогут усвоить систему падежных форм существительных, прилагательных и местоимений, научиться правильно употреблять глаголы совершенного и несовершенного вида и глаголы движения. Такая организация учебного процесса поможет детям быстрее запомнить значение и особенности правописания новых слов. Учебник можно отнести к корректировочным курсам, так как процесс обучения не начинается с нуля; скорее, работа с пособием помогает исправить ошибки, неточности и заполнить пробелы, присутствующие в речи.

Пособие «Мамины сказки» В.В. Дронова и С.Ю. Ремизовой содержит популярные русские народные сказки, призвано расширить сферу употребления русской речи и позволяет вывести детей 5–7 лет за рамки «домашнего» языка.

В книге есть иллюстрации и подробные методические рекомендации, благодаря которым с ролью учителя справится любой родитель. Помимо обучения непосредственно русскому языку, книга через лингвокультурологические сведения знакомит ребенка и с русской культурой, что является неотъемлемой частью русского национального сознания. Книга, казалось бы, идеально подходит для дошкольников, но, к сожалению, она будет слишком трудна для тех, кто только начинает учить русский с нуля (или вспоминать его после пребывания в иноязычном детском саду) в дошкольном или младшем школьном возрасте – сказки даны без адаптации.

УМК «Уроки русской речи» О.Н. Каленковой предназначен для обучения русскому языку детей-инофонов шести лет. Обучение начинается с нулевого уровня. Основным рабочим материалом во время коллективной и индивидуальной работы являются тематические листы из альбома для ученика. В рабочих тетрадях собраны упражнения для письма и творческие задания. Прозаические тексты, предлагаемые учащимся, адаптированы и снабжены заданиями и упражнениями на развитие речи. В книге для преподавателя подробно представлены сценарии занятий. В аннотации указано, что материал комплекса направлен на культурно-языковую адаптацию детей-инофонов, но может использоваться для обучения русскому языку в том числе детей-эмигрантов.

К несомненным плюсам книги, позволяющим использовать ее при работе с детьми-билингвами в си-

туациях, описанных выше (позднее начало занятий в дошкольном или младшем школьном возрасте), является возможность начать обучение без предварительных знаний по русскому языку. Также стоит отметить наличие сценариев занятий и иллюстраций в альбомах для учеников. С другой стороны, дети из русскоязычных семей, пусть и начинают систематически заниматься поздно и не могут говорить, но обладают уже некоторой базой, пусть и пассивной, могут понимать, поэтому занятия с ними нужно начинать не совсем с нуля, как с иностранцами.

Издательством «Златоуст» был выпущен учебник Е. Протасовой и В. Хлебниковой «В цирк», он предназначен для развития навыков русской речи у детей пяти-семи лет. Авторы советуют начинать работу по этой книге после освоения букваря. Содержит очень интересные разделы: поговорим, в тетради, сделай дома, а также подробное предисловие и памятку для родителей и педагогов. Работа с книгой предполагает наличие достаточного словарного запаса у ребенка.

Продолжением учебника «В цирк» является пособие «У костра», написанное теми же авторами. К книге, целью которой является дальнейшее развитие навыков русской речи, прилагается компакт-диск, содержащий методическое руководство, рабочую тетрадь, энциклопедию и рисунки для раскрашивания.

Детям младшего школьного возраста, достаточно хорошо знающим русский язык, будет интересна книга о животных «Кто придумал крокодилу это имя – Крокодил?» Н.Фосс. Чтение разнообразных текстов с последующим выполнением заданий предполагает работу со словарем, развивает эрудицию, сообразительность, языковое чутье, тем самым совершенствует навыки устной и письменной речи и расширяет словарный запас.

Как мы видим, большинство существующих учебных пособий предназначается для детей младшего школьного возраста и, как указывается в аннотациях, владеющих русским языком в объеме разговорно-бытовой лексики и практической грамматики, продолжающих изучать язык. С помощью этих книг дети учатся читать и писать, изучают грамматику. Пособия, ориентированные на развитие навыков письма и чтения, подходят для развития языка, для вывода его с «кухонного», «семейного», бытового на новый уровень. Письменное слово, разумеется, является основой изучения и сохранения языка, но как быть тем родителям, чьи дети еще рано писать – в силу возраста и отсутствия базовых знаний языка? Конечно, обязательно сразу переходить к изучению правил правописания, да и начиная изучать иностранные языки, дети учатся писать с первых уроков, параллельно с изучением лексики и простейшей грамматики. Но если мы говорим о русском как о втором родном, в первую очередь ребенок должен общаться, то есть легко и свободно выражать свои мысли, понимать других людей. Начинать в этом случае сразу заниматься обучением грамоте нет смысла – это не поможет ребенку заговорить. Таким образом, очевидно, что найти книги для дошкольников, которых нужно учить коммуникации, непросто.

Библиографический список

1. Акишина А.А. Страна русской грамматики. Книга 1. М.: Рус.яз. Курсы, 2013. 168 с.
2. Акишина А.А. Страна русской грамматики. Книга 2. 2-е изд. перераб. М.: Рус. яз. Курсы, 2012. 208 с.
3. Афонин С.В., Плассина Е.А. Мы читаем и пишем по-русски. Учебник для детей-билингвов и немецких школьников, изучающих русский язык. Берлин, 2012. 120 с.
4. Власова Н. Русский язык как иностранный. Малышам. Хайфа, 2010. 126 с.
5. Дронов В.В., Ремизова С.Ю. Мамины сказки: добуквенное обучение детей русскому языку. Русский язык для детей соотечественников, проживающих за рубежом, 3-е изд. М.: Рус. яз. Курсы, 2007. 96 с.
6. Иванова Э.И. Истоки: учебный комплекс по русскому языку для детей-билингвов. Учебник. М.: Рус. яз. Курсы, 2012. 184 с.
7. Каленкова О.Н., Шатилова Е.И. Уроки русской речи. Часть 1. М.: Этносфера, 2007. 150 с.
8. Каленкова О.Н., Шатилова Е.И. Уроки русской речи. Часть 2. М.: Этносфера, 2007. 203 с.
9. Клементьева Т.Б., Дронов В.В., Нечаева Е.В. Азбука-незабудка. Русский язык для детей соотечественников, проживающих за рубежом, 3-е изд. М.: Рус. яз. Курсы, 2008. 104 с.
10. Клементьева Т.Б., Чубарова О.Э. Приключения Лены и Миши. Книга-игра. М.: Рус. яз. Курсы, 2007. 144 с.
11. Кудрявцева Е., Бюхнер Э., Норватова Е., Гельфрейх П. Учебник для билингвов – каким ему быть (размышления у парадного подъезда будущего русской культуры за рубежом) // Обучение русскому языку как иностранному: современные технологии преподавания [Под ред. Петриковой А.]. Прешов, 2010. С.46-56. Прешов, 2010. <http://archive-sk.com/page/134141/2012-07-16/http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Petrikova4/index.html>
12. Протасова Е.Ю., Родина Н.М. Многоязычие в детском возрасте. С.-Пб.: Златоуст, 2005. 274 с.
13. Протасова Е.Ю., Родина Н.М. Русский язык для дошкольников. С.-Пб.: Златоуст, 2006. 319 с.
14. Протасова Е.Ю., Хлебникова В.М. У костра. Учебник русского языка для детей 7–9 лет. М.: Златоуст, 2010. 92 с.
15. Протасова Е.Ю., Хлебникова В.М. В цирк! Учебник русского языка для детей 5–7 лет, 2-е изд. М.: Златоуст, 2013. 184 с.
16. Фосс Н. Кто придумал крокодилу это имя – Крокодил? Книга и раб. тетрадь для детей русскоязычного зарубежья. М.: Златоуст, 2013. 80 с.
17. Хамраева Е.А., Дронов В.В. Росинка. М.: Рус. яз. Курсы, 2004. 160 с.

References

1. Akishina A.A. Strana russkoy grammatiki. Kniga 1 [The Land of Russian Grammar]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy, 2013. Vol.1. 168 p.
2. Klement'eva T.B., Chubarova O.E. Priklucheniya Leny i Mishy. Kniga-igra. M.: Rus. yaz. Kursy, 2007. 144 p.
3. Kudryavtseva E., Byukhner E., Norvatova E., Gel'freykh P. Uchebnik dlya bilingvov – kakim emu byt' (razmyshleniya u paradnogo pod"ezda budushchego russkoy kul'tury za rubezhom). Obuchenie russkomu yazyku kak inostrannomu: sovremennye tekhnologii prepodavaniya [Pod red. Petrikovoy A.]. [Textbook for bilinguals - how it should be (reflections from the front entrance of the future of Russian culture abroad). Learn Russian as a foreign language: modern technology teaching, edited by Petrikova A.]. Preshev, 2010. pp. 46-56. <http://archive-sk.com/page/134141/2012-07-16/http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Petrikova4/index.html>
4. Protasova E.Yu., Rodina N.M. Mnogoyazychie v detskom vozraste [Multilingualism in childhood]. S.-Pb.: Zlatoust, 2005. 274 p.
5. Protasova E.Yu., Rodina N.M. Russkiy yazyk dlya doshkol'nikov [Russian Language for Preschoolers]. S.-Pb.: Zlatoust, 2006. 319 p.
6. Protasova E.Yu., Khlebnikova V.M. U kostra. Uchebnik russkogo yazyka dlya detey 7–9 let [U kostra. Russian Textbook for Children 7-9 years old]. Moscow: Zlatoust, 2010. 92 p.
7. Protasova E.Yu., Khlebnikova V.M. V tsirk! Uchebnik russkogo yazyka dlya detey 5–7 let, 2-e izd. [To the circus! Russian Textbook for Children 5-7 years old]. Moscow: Zlatoust, 2013. Vol.2. 184 p.
8. Foss N. Kto pridumal krokodilu eto imya – Krokodil? Kniga i rab. tetrad' dlya detey russkoyazychnogo zarubezh'ya [Who invented This Name - Crocodile? Book and Workbook for Children from Russian-speaking Countries]. Moscow: Zlatoust, 2013. 80 p.
9. Khamraeva E.A., Dronov V.V. Rosinka [Rosinka]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy, 2004. 160 p.
10. Akishina A.A. Strana russkoy grammatiki. Kniga 2 [The Land of Russian Grammar]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy, 2012. Vol.2. 208 p.
11. Afonin S.V., Plaksina E.A. My chitaem i pishem po-russki. Uchebnik dlya detey-bilingvov i nemetskikh shkol'nikov, izuchayushchikh russkiy yazyk [We read and write in Russian. The Textbook for bilingual children and German students studying Russian]. Berlin, 2012. 120 p.
12. Vlasova N. Russkiy yazyk kak inostranny. Malysam [Russian Language as a Foreign Language for kids]. Khayfa, 2010. 126 p.
13. Dronov V.V., Remizova S.Yu. Maminy skazki: dobukvennoe obuchenie detey russkomu yazyku. Russkiy yazyk dlya detey sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom [Mother's Tales: prealphabetic teaching children the Russian language. Russian language for children of compatriots living abroad]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy, 2007. 96 p.
14. Ivanova E.I. Istoki: uchebnyy kompleks po russkomu yazyku dlya detey-bilingvov. Uchebnik [Istoki: training complex in the Russian language for bilingual children. Textbook]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy, 2012. 184 p.
15. Kalenkova O.N., Shatilova E.I. Uroki russkoy rechi. Chast' 1 [Lessons of Russian speech. Part 1]. Moscow: Etnosfera, 2007. 150 p.
16. Kalenkova O.N., Shatilova E.I. Uroki russkoy rechi. Chast' 2 [Lessons of Russian speech. Part 2]. Moscow: Etnosfera, 2007. 203 p.
17. Klement'eva T.B., Dronov V.V., Nechaeva E.V. Azbuka-nezabudka. Russkiy yazyk dlya detey sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom [Azbuka-nezabudka. The Russian language for children of compatriots living abroad]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy, 2008. Vol.3. 104 p.

УДК 37.01

UDC 37.01

М.И. БОГОМОЛОВА

доктор педагогических наук, профессор, кафедра дошкольной педагогики, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова
E-mail: mariyabogomolova@mail.ru

M.I. BOGOMOLOVA

Doctor of pedagogical sciences, Professor, Department of pre-school pedagogy, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov
E-mail: mariyabogomolova@mail.ru

**К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ИСТОРИИ
ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕДАГОГИКИ XVIII, XIX ВЕКОВ**

**TO A QUESTION OF DEVELOPMENT OF FAMILY AND PUBLIC EDUCATION OF CHILDREN
IN THE HISTORY OF FOREIGN PEDAGOGICS OF XVIII, XIX CENTURIES**

Актуальность рассматриваемых вопросов обусловлена тем, что малоизученным остается исторический аспект в педагогическом наследии зарубежной педагогики. Научная новизна заключается в том, что концептуально представлена историко-педагогическая оценка заслуг видных педагогов в зарубежной педагогике, изучено ценное педагогическое наследие по вопросам семейного и общественного воспитания детей Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, Р. Оуэна. Их ценные замечания, высказывания, книги, программы и советы имеют теоретическое и практическое значение для современных родителей и педагогов в воспитании и обучении детей.

Ключевые слова: семейное воспитание, общественное воспитание, домашнее воспитание, материнская школа, свободное воспитание, «школа для маленьких детей».

The issues represented in the article are urgent because the historical aspect in the pedagogical heritage remains insufficiently explored. Scientific novelty lies in the historical and pedagogical assessment of outstanding scholars' achievements is conceptually given, valuable pedagogical heritage concerning family-related and children's upbringing issues of prominent scholars and public figures such as J.-J. Rousseau, J. H. Pestalozzi, R. Owen are studied. Their important remarks, books, recommendations, experimental researches and experience have theoretical and practical significance for modern parents and teachers in children's education and upbringing.

Keywords: children's upbringing in a family, social upbringing of children, home education, free education, "school for little children".

Вопрос о соотношении общественного и семейного воспитания нашел соответствующее отражение в теории педагогики по-разному в разное время. Одни педагоги признавали решающую роль в развитии личности семейного воспитания (Ж.Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, Я.А. Коменский), другие общественного (Платон, Т. Кампанелла, Р. Оуэн), – третьи общественного и семейного в их тесной взаимосвязи (Я.А. Коменский, Н.А. Добролюбов, Н.К. Крупская, А.С. Макаренко).

Педагогическую мысль эпохи Великой Французской революции конца XVIII в. выразил выдающийся просветитель Жан Жак Руссо (1712–1778 гг.), выступивший с беспощадной критикой существующего строя, в том числе и в области образования и воспитания. Центральный пункт педагогической программы Ж.-Ж. Руссо – «естественное воспитание» – ставит в прямую зависимость воспитание личности и общественное устройство, требуя радикального преобразования.

Великий гуманист выступал за превращение воспитания в активный, исполненный оптимизма процесс, когда ребенок живет в радости, самостоятельно осязая, слушая, наблюдая мир, духовно обогащаясь, удовлетворяя жажду познания.

Под естественным воспитанием Ж.-Ж.Руссо по-

нимал природосообразное, с учетом возраста ребенка формирование на лоне природы. Следуя детской природе, необходимо отказаться от ограничений, установленных волей воспитателя, отлучить от слепого повиновения, следовать непреложным природным законам. Тогда отпадает необходимость искусственных наказаний — они заменяются естественными последствиями неверных поступков. Слабого и еще беспомощного ребенка должен опекать наставник.

Вот, что он рекомендует педагогам: «Те, у которых мы учимся, правильно называются нашими учителями, но не всякий, кто учит нас, заслуживает его имя. Если вы на вопрос ребенка, из желания отделаться от него, приведете хоть один довод, которого он не в состоянии понять, то, видя, что вы в рассуждениях основываетесь не на его идеях, а на своих собственных, он будет считать все сказанное вами пригодным для вашего; он перестанет вам верить [4, с. 40].

В трактате «Эмил, или о воспитании» Жан-Жак Руссо создает образ наставника и наделяет его качествами, которые считает наиболее важными в воспитании ребенка: «Воспитатель! — какая возвышенная тут нужна душа! Поистине, чтоб создавать человека, нужно самому быть отцом или больше, чем человеком!»

Несмотря на столь возвышенный призыв он отмечает: «Замечу только, что воспитатель ребенка, вопреки обычному мнению, должен быть молод, и даже так молод, как только молод может быть человек умный». Он мог стать товарищем своего воспитанника и привлечь к себе доверие, разделяя с ним забавы его.

Далее автор обращается к молодым наставникам, призывает их учитывать в своем деле особенности ребенка, его природы, он ссылается на опыт воспитания спартанцев и вселяет в них веру, что дело воспитания – это искусство и его можно достичь путем опыта.

«Одну лишь науку предстоит преподавать детям – науку об обязанностях человека. Наука эта едина, она неделима. Впрочем, преподавателя этой науки я назвал бы скорее воспитателем, чем учителем, так как ему надлежит больше руководить, чем обучать. Он не должен давать правил: он должен заставлять находить их.

... Обращайтесь с вашим воспитанником сообразно с его возрастом. Поставьте прежде всего его на должное место и умейте удержать на нем так искусно, чтоб он не пытался покинуть его. Тогда, не зная еще, что такое мудрость, он на практике получит самый важный урок ее. Никогда не приказывайте ему ничего на свете, решительно ничего! Не допускайте у него даже представления, что вы претендуете на какую-нибудь власть над ним. Пусть он знает только, что он слаб и что вы сильны».

Руссо Ж.-Ж. первый сформулировал требование развития самостоятельности ребенка, его активности, особое внимание уделяя пробуждению детской любознательности, пытливости, стремления познавать предметы и явления.

Большое внимание Руссо уделял должному вниманию родителей к воспитанию своих детей.

Он говорил, что «производя и питая детей, отец исполняет этим только третью часть своей задачи. Он должен роду человеческому дать людей, государству – граждан. Всякий человек, который может платить этот тройной долг и не делает этого, виновен, и может быть, более виновен, если платит его наполовину.

Кто не может выполнить обязанности отца, тот не имеет права быть им. Никакая бедность, никакие трудности, никакое внимание к людскому мнению не избавляют его обязанностей кормить своих детей и самому воспитывать их» [4, с. 40].

Руссо Ж.-Ж. предложил тонкую систему воспитания, выдвигая на первый план чувственный опыт как единственный достоверный источник познания.

Особенно интересными являются для дошкольных работников главы, касающиеся дошкольного детства.

Одним из сторонников семейного воспитания был И.Г. Песталоцци (1746–1827), швейцарский педагог, который активно отстаивал идею систематического воспитания от самого рождения. По его мнению, мать лучше всех способна постигнуть, что чувствует ребенок, к чему он способен, что желает. Зная это, она может правильно, в соответствии с его природными особенностями, воспитывать малыша с младенчества. Видное место в своей педагогической системе И.Г. Песталоцци

отводил вопросам нравственного воспитания.

Основными задачами нравственного воспитания И.Г. Песталоцци считал: развитие у детей высоких моральных чувств, выработку у них путем непосредственного участия в добрых и полезных делах соответствующих нравственных навыков и, наконец, формирование у молодого поколения нравственного сознания, стойких моральных убеждений.

С гениальной простотой И.Г. Песталоцци открыл первоисточник гуманистических чувств человека.

Первым ростком нравственности, ее исходным моментом является возникающее уже в раннюю пору жизни у ребенка чувство доверия, любви, по отношению к самому близкому ему существу – матери, которая удовлетворяет все его потребности. Пути и средства осуществления нравственного воспитания представлялись И.Г. Песталоцци следующим образом: при помощи воспитания предлагалось постепенно все больше и больше расширять круг, в который входят объекты детской любви. Сначала перенести любовь ребенка с матери на отца, затем на непосредственно окружающих его людей: на сестер, братьев, на учителя и т.д. Отправляясь к своей любви от близкого ему и медленно, но неуклонно продвигаясь к более далекому, ребенок на определенном этапе своего развития начнет питать любовь к своему народу, наконец, ко всему человечеству. Без такой нравственной воспитанности немыслима гармония наших сил, немыслим внутренний мир ни с самим собой, ни с людьми.

Песталоцци И.Г. считал недопустимым использовать в моральном воспитании многословные проповеди и заучивание детьми наизусть непонятных им религиозных текстов, посвященных «добродетели».

О том, насколько человек воспитан в нравственном отношении, замечал Песталоцци, следует судить не по его умению произносить громкие слова о морали, а по реальным делам. Первоначальное естественное чувство, пробудившееся у ребенка по отношению к матери, должно явиться основой для выработки нравственных привычек, которым придавалось большое значение: эти привычки следует, в свою очередь, использовать для формирования у детей нравственных навыков, составляющих фундамент их нравственного характера. Для воспитания такого характера необходимо, как полагал Песталоцци, научить ребенка владеть собой, уметь превозмочь свои желания. В результате все поведение должно быть подчинено нравственным требованиям и находиться в соответствии с развивающимся у него в процессе воспитания нравственным сознанием. В этом смысле Песталоцци говорил о том, что разум и добрая воля воспитанника получают власть над его телом.

Всю систему нравственного воспитания, как и всего воспитания в целом, предлагалось строить на началах развития активности самого ребенка. Основы для всего последующего природосообразного нравственного воспитания ребенка Песталоцци считал необходимым заложить еще в семье, которую он образно именовал святилищем храма нравственной природы человека. Благодаря таким присущим природе человека чувством, как любовь матери и отца, с одной стороны,

и любовь ребенка к родителям – с другой, в семье возникает особое душевное состояние, которое благоприятно для развития лучших нравственных качеств.

Школьное воспитание должно быть во всем согласовано с семейным воспитанием. Важную роль в нравственном развитии детей, как указывал Песталоцци, играет выполнение ими, начиная с раннего возраста, посильных видов домашнего труда, что одновременно возбуждает как их физические, так и духовные силы. На близких, доступных пониманию маленького ребенка примерах мать призвана способствовать выработке его первоначальных нравственных представлений. Пример добродетельной и трудолюбивой матери, как полагал Песталоцци, является одним из важнейших факторов, способствующих нравственному развитию детей.

Одним из действующих средств в нравственном воспитании, разработанном Песталоцци, является «упражнение в добродетельности», в частности, участие детей в добрых и полезных делах, которые нередко требуют проявления с их стороны воли, самообладания и выдержки.

Песталоцци развивал у своих воспитанников нравственные понятия о долге, о праве, справедливости, исходя из простых, доступных им наблюдений, из их знания окружающей среды.

Очень ценным в учении Песталоцци о нравственном воспитании было его указание на тесную связь между физическим развитием ребенка и его нравственным ростом, требование добиваться нравственного поведения не только нравственными беседами и наставлениями, но более упражнением в их нравственных поступках. Однако, стремясь воспитать у детей гуманные чувства, Песталоцци не помышлял о том, чтобы у них возникла мысль о протесте против общественного зла, желание бороться с ним.

Таким образом, значение педагогической теории и практики велико.

Он самоотверженно отдал все силы делу воспитания детей бедноты.

Перед воспитанием Песталоцци выдвинул прогрессивную задачу – гармонически развивать все природные силы и способности человека. Он создал теорию элементарного образования, высказал много ценных мыслей о физическом, трудовом, нравственном воспитании ребенка. Все его идеи оказали, несомненно, положительное влияние на дальнейшее развитие передовой педагогической теории и практики.

Иоганн Генрих Песталоцци не только автор многих выдающихся теоретических работ по педагогике, но и блестящий экспериментатор. Создатель «Учреждения для бедных» в Нейгофе, приюта для сирот в Станце, он организовывал также институты со школами при них в Бургдорфе и Ивердоне, где осуществлялась подготовка учителей.

Таким образом, если предшественники Песталоцци осуществляли только теоретическую разработку идей воспитания детей, то он предпринял попытку осуществить свои замыслы на практике. Кроме того, он вложил все свои силы, чтобы способствовать рас-

пространению этих идей.

Неудовлетворенный положением школ для маленьких, Песталоцци решает открыть «Учреждение для бедных детей», где детям должна была даваться подготовка к труду и надлежащее воспитание. «В большинстве случаев от богатых вспомогательных домов, – писал Песталоцци в 1774 г. о приютах того времени, – государство приобретает только питомники неподготовленных к производительному труду людей, которые, благодаря привычке к спокойной, сытой, уравновешенной жизни не в состоянии впоследствии переносить ограничения, коим подвержен низший класс людей». Благотворительный характер учреждения Песталоцци выражен был в том, что организатор и его друзья (Лафатер, Фюссли, Целин и др.) вложили в его основу свои средства, открывавшие возможность принять в приют до 30 бедных детей.

В доме Песталоцци устроена была прядильно-ткацкая мастерская, для руководства в работе которой приглашены были мастер ткацкого дела и два его прядильщика.

Именно в Нейфгофском приюте нашла себе самое точное выражение основная педагогическая идея жизни Песталоцци: в сфере воспитания, связанного с производительным трудом, искать для бедного ребенка спасения не только от преследующей его нищеты, но и от принижающей и развращающей его благотворительностью имущих классов.

Сильной стороной этого поколения является ставка на воспитание активности и самостоятельности бедного ребенка. Но в понимании труда у Песталоцци имела неопределенность, которая постепенно и подорвала все это хорошее начинание. Связав достижение независимости ребенка с его непосредственным производительным трудом и рассматривая последний как главное средство воспитания, Песталоцци, не осознавая этого, поставил под удар и то и другое – и труд, и воспитание. Материальная обеспеченность ребенка не достигалась потому, что труд ребенка, в особенности труд, осложненный обучением, для этого был недостаточен; вместе с тем не достигалась и воспитательная задача – задача активизации ребенка, поскольку без опоры на науку и достаточно развернутое обучение труд не развивал, а скорее подавлял ребенка.

В 1780 г. учреждение для бедных закрылось. По совету друзей Песталоцци решился взяться за перо. В мае 1780 г. в журнале «Эфемериды» был напечатан «Вечерний час отшельника» – произведение, обычно принимаемое за первую попытку Песталоцци изложить основу всей слагающейся у него педагогической системы; а через год вышла первая часть «Лингард и Гертруды» – сочинения, которое принесло Песталоцци мировую известность. В этом произведении он дал наиболее развернутое и популярное изложение своего взгляда на наилучшее устройство дела народного образования. Труд детей по-прежнему остается в центре внимания Песталоцци. Но с этого труда снят дамоклов меч необходимости того, чтобы он материально обеспечивал ребят. Труд ценят не столько за его непосред-

ственную производительность, сколько за то, что он даст в будущем. Труд – гарантия самостоятельности и независимости ребенка в будущем [2].

В 1798 г. в Станце Песталоцци открывает новое воспитательное учреждение для бедных детей. Что нового дал для него этот второй опыт?

На первый план выступило воспитание. В центре этого дела ставилось то развитие практической разумности, обращением к которой Песталоцци завершил свое сочинение «Линград и Гертруда». Первым шагом в данном направлении для Песталоцци явилось сплочение собравшихся для воспитания детей в одну «громадную семью», для которой он должен стать любящим отцом. На почве любви и привязанности детей педагог переходит к пробуждению в детях «чистых нравственных чувств», выработке нравственных наклонностей и к упражнениям в «нравственных поступках, заключающихся в самообладании и проявлении себя во всем добром и справедливом». Заключительным шагом в данном направлении должно было явиться развитие в детях нравственных воззрений, опирающихся на размышление.

Возникла проблема обучения. Идея «элементарного образования» нашла свое отражение в работе «Как Гертруда учит своих детей».

Первое, что привлекает внимание в этом труде, это интерес Песталоцци к школе, которую он так мало ценил на предшествующих этапах. В центре этой идеи – реорганизация типа народной школы, разработка для нее нового метода преподавания, основанного на законе развития человеческого ума. Содержание последнего представлялось в следующей форме: «познание истины вытекает у человека из познания себя самого» как центра, где сгруппирован материал чувственных впечатлений. Познание это совершается через число, форму и язык, которые должны стать начальными пунктами всякого обучения.

Подкрепив дидактическую теорию, изложенную в сочинении «Как Гертруда учит своих детей», изданием в 1803–1804 гг. «Книги для матерей», «Азбуки наблюдения» и «Наглядного учения о числе», Песталоцци сделал ее основанием нового, самого широкого опыта своей жизни. Местом этого опыта с августа 1804 г. стал Ивердон, где Песталоцци получил возможность развернуть целый Институт, состоявший из школы с количеством учащихся до 150, учительской семинарии, где готовились к педагогической деятельности 50 молодых людей, и учрежденного с 1818 года приюта для бедных [3].

К 1815 г. слава Ивердонского института достигла максимума. Из всех стран проезжали сюда знатные ученые и путешественники, желавшие беседовать с Песталоцци о новом методе образования.

Итак, важнейшее требование правильно поставленного воспитания состоит в том, чтобы оно имело характер семейного, то есть, чтобы отношения между воспитателем и воспитываемыми были те же, какие существуют в хорошей семье. Иначе говоря, воспитание должно быть основано на любви и вне любви не может

быть воспитанием [3].

Роберт Оуэн (1771–1858 гг.) – великий английский социалист-утопист, разрабатывая филантропический план улучшения условий жизни рабочих, неоднократно затрагивал педагогические проблемы. Р.Оуэн впервые в истории создал воспитательные учреждения для малолетних детей рабочих.

Учение Р. Оуэна, складывавшееся в тот период, когда «решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из головы» (Ф.Энгельс Анти-Дюринг), имело утопический характер. Но многое в этом учении и в деятельности Р.Оуэна имело ценное значение, в том числе и вопрос, касающийся дела воспитания и назначения педагога: «Воспитывать человека — значит формировать у него характер... Знать, как формировать человеческий характер, это значит знать, каким образом устранить главные причины бедствий в мире...».

Таким образом, он отводил большое место воспитанию, видел в нем источник или возможность изменения общества: «наступил период, когда успехи знания требуют создания всесторонне развитых людей, теперь требуются такие средства, которые производили бы из человеческой природы этот высший сорт фабрика для блага ныне живущих и будущих поколений» («Революция в сознании и деятельности человеческого рода, или грядущий переход от неразумия к разумности»). Вопросы о требованиях к воспитателям и назначении педагога нашли отражение в труде «Новый взгляд на общество, или опыты о принципе формирования человеческого характера» [1], где поднимается вопрос о необходимости подготовки специалистов, которые «будут инструктированы в понимании законов человечества». Здесь же предъявлены требования к их личностям: «Они должны обладать природной любовью к детям и уметь с ранних пор правильно прививать им здоровые навыки, они должны обладать терпением и безграничной добротой, которые позволят им допускать проявления индивидуальных различий в организациях детей; и их настроение должно быть порождением новой точки зрения, основанной на знании того, что характер каждого индивида является смесью, которая создается природой, а после его рождения высшими обстоятельствами, преимущественно начертанными и вводимыми обществом и находящимися под его контролем». Далее он говорит об использовании похвал и порицаний в воспитании, подчеркивая необходимость находить причину проступка. Оуэн выделяет важность и необходимость подготовки специалистов.

Для того чтобы разумно воспитывать, мужчины и женщины сами должны предварительно обучиться в образцовых учреждениях, чтобы приобрести внешность, речь, нравы и поведение и, особенно, дух, необходимые для формирования и обучения детей с тем, чтобы те стали разумными в зрелые годы. Эти воспитатели должны прежде чем учить других, сами научиться понимать причину лживости, проглядывающей во взглядах, словах и нравах каждого индивидуума, способы, какими эта причина может быть устранена на-

всегда из человеческого общества... Эти учителя подрастающих поколений... сами должны предварительно быть обучены тому, как наполнять душу каждого ученика неподдельным милосердием и искренней добротой по отношению к человеческому роду. Эти учителя должны овладеть неведомым доньше языком правды без уверток и уметь сделать его привычным языком своих учеников... Эти воспитатели должны понимать причину каждого злого поступка и научать своих воспитанников с ранних лет также понимать эти причины и преодолевать их в своем повседневном общении друг с другом. То же надо сказать о причинах гордости, тщеславия и обмана, которые... являются неизбежными следствиями непонимания человеческой природы, разрушительного влияния на нее похвал и порицаний, награды и наказаний и всех неразумных чувств и понятий, проистекающих из этих игр.

Детей должно будет так воспитывать и обучать, чтобы они хорошо ознакомились со всеми сторонами общественной жизни, знали бы историю человечества, как им самим участвовать в человеческом обществе, чтобы самим быть счастливыми и завоевать счастье для всего живого на земле.

Как часть всей своей педагогической системы Оуэн разработал основные положения системы дошкольного воспитания детей: всеобщее воспитание маленьких детей должно проходить в специальных учреждениях (яслях, школах для маленьких, площадках). Эти учреждения должны быть связаны с фабриками, сельскохозяйственными предприятиями, школами,

которые в свою очередь создают специальную и материальную среду, благоприятствующую формированию нового человека. Школа для маленьких детей в современном обществе должна быть тесно связана с семьей, хотя основная роль в воспитании детей принадлежит школе. В обществе будущего семья отстраняется от воспитания. Педагог в системе Оуэна является центральной фигурой. Он – один из основных факторов, образующих характер ребенка. Он воздействует на детей всей своей личностью в целом. Главное в нем – единство этических взглядов и поведения. Педагог должен быть самым новым человеком, чтобы воспитать новых людей.

Много ценного в педагогических высказываниях социалистов-утопистов XIX в. Социально-педагогический эксперимент, проведенный Р. Оуэном, не имел себе равных во все последующие годы.

Итак, в представленной статье сосредоточивается внимание на рассмотрении историко-педагогического аспекта в зарубежной педагогике становления семейного и общественного воспитания детей, утверждение разных точек зрения на признание их приоритета. На протяжении всей истории развития рассматриваемой проблемы, начиная с самых ранних высказываний о ценности воспитания детей с раннего возраста, зарождались идеи гуманного отношения к ребенку, о значимости семьи, семейного воспитания, о роли родителей, вырабатывались требования к домашнему воспитателю и школьному учителю.

Библиографический список

1. Оуэн Р. Новый взгляд на общество, или Опыты об образовании человеческого характера. /Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. Сост. А.И. Пискунов. М.: Просвещение, 1971. С. 446–460.
2. Песталоцци И.Г. Книга матерей, или руководство для матерей, как им научить своих детей наблюдать и говорить. /Хрестоматия по истории дошкольной зарубежной педагогики. М.: Просвещение, 1974. С. 155–158.
3. Песталоцци И.Г. Лингарт и Гертруда. /Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. Сост. А.И. Пискунов. М.: Просвещение, 1971. С.303–354.
4. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании. /Педагогические сочинения. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. С. 24–432.

References

1. Owen R. A new view on society, or Experiences about formation of human character. /Anthology of history of foreign pedagogics. Ed. A.I. Piskunov. M.: Education, 1971. Pp. 446–460.
2. Pestalozzi I.G. The book of mothers, or the management for mothers as to teach the children to observe and speak to them. /Anthology of history of pre-school foreign pedagogy. M.: Education, 1974. Pp. 155–158.
3. Pestalozzi I.G. Lingart and Gertrude. /Anthology of history of foreign pedagogics. Сост. A.I. Piskunov. M.: Education, 1971. Pp. 303–354.
4. Rousseau J.J. Emil, or about education. /Pedagogical compositions. V. 1. M.: Pedagogics, 1981. Pp. 24–432.

УДК 378.02.014

UDC 378.02.014

И.И. БУРЛАКОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков и перевода, Российский новый университет
E-mail: iiburlakova@mail.ru

I.I. BURLAKOVA

Candidate of Pedagogics, Associate professor, Department of Foreign languages and translation, Russian New University
E-mail: iiburlakova@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ

THE USE OF INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS

Автор статьи делится опытом использования интерактивных технологий в системе профессиональной подготовки студентов. Интерактивные технологии направлены на достижение личностного, метапредметного и предметного результатов образования. Главной идеей использования интерактивной технологии является создание условий для активизации учебной и творческой деятельности. Интерактивные технологии рассматриваются как педагогическая система, основу которой составляет диалогическое взаимодействие субъектов образовательного процесса.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, результаты образования, интерактивные технологии.

The author considers the use of interactive technologies in the system of professional training of students. Interactive technologies are directed at achieving personal, meta-subject and subject results of education. The main idea of the use of interactive technology is to create conditions for intensification of educational and creative activities. Interactive technologies are considered as a pedagogic system, the basis of which is dialogical interaction of subjects of educational process.

Keywords: students' professional training, educational results, interactive technologies.

Обучение – это общение человека с человеком.
А. Петровский

Современные тенденции развития рынка труда в России во многом близки Западной Европе: возможность применения профессиональных умений и навыков в смежных областях; сокращение спроса на низкоквалифицированных специалистов; стремление молодых людей к открытию собственного бизнеса; потребность в руководителях, способных эффективно использовать человеческие «ресурсы» в области деловых отношений.

Отмеченные тенденции являются причинами изменения требований к содержанию и формам профессиональной подготовки студентов. В новых условиях содержание высшего образования должно обеспечивать профессиональную мобильность студентов и сотрудников, способность оперативно реагировать на запросы, появляющиеся в сфере профессионального образования. Одним из важнейших требований к профессиональной деятельности специалиста, как отмечали и отмечают многие ученые (Архангельский С.И.[1], Беспалько В.П.[2], Давыдов В.В.[4] и др.), является требование ее адаптации к постоянно меняющимся условиям жизни и труда. Поэтому важным в процессе профессиональной подготовки высококвалифицированных сотрудников является формирование у студентов профессионального мышления и системы профессиональной деятельности как определенной целостности [1]. Выполнение

данной задачи возможно при разработке эффективных технологий в системе управления качеством профессиональной подготовки студентов.

Использование современных технологий является необходимым условием достижения нового качества образования, т.к. они: легко вписываются в образовательный процесс; позволяют достигать не только предметных, но и личностных результатов образования; ориентированы на развитие творческой деятельности студентов; обеспечивают внедрение основных педагогических стратегий в области гуманизации и гуманитаризации образования.

Понятие «технология в системе управления качеством профессиональной подготовки студентов» сегодня не является общепринятым в традиционной педагогике. Мы определяем её как комплекс методов планирования, создания, организации и контроля процесса преподавания и усвоения знаний студентами с учётом взаимодействия материально-технических и человеческих ресурсов с целью оптимизации образования.

Используемые технологии в системе управления качеством профессиональной подготовки студентов позволяют сделать описание рациональных путей реализации процессов управления при помощи соответствующих операций. Эффективность технологии – это конечный результат, выражающийся в экономии времени, материальных ресурсов и в обеспечении выживаемости образовательной организации в услови-

ях рыночной экономики. К критериям эффективности технологии в системе управления относятся: простота; гибкость; экономичность; удобство эксплуатации.

В системе управления качеством профессиональной подготовки студентов недопустимо применение только одной технологии, т.к. условия их применения зависят от некоторых факторов: уровня обученности студентов, опыта преподавателя, технического оснащения учебного процесса, количества студентов в потоке и т.д.

В ходе обучения у студентов постоянно возникает необходимость в апробации знаний и умений, полученных на лекциях и семинарских занятиях в условиях реальной ситуации. Во время учебной практики студенты часто не получают обратной связи от работодателя о качестве их профессиональных знаний и умений. Для преодоления сложившихся затруднений мы предлагаем использовать интерактивные технологии в системе управления качеством профессиональной подготовки студентов.

Главной идеей использования интерактивной технологии в системе управления качеством профессиональной подготовки студентов является создание условий для активизации учебной и творческой деятельности. Интерактивные технологии мы рассматриваем как педагогическую систему, основу которой составляют: диалогическое взаимодействие субъектов образовательного процесса, коммуникативная, научно-исследовательская и творческая деятельность, а также диагностика результатов обучения. Данная технология реализуется на практике как совокупность средств, методов, форм обучения. Использование интерактивных технологий позволяет достичь не только предметных, но личностных и метапредметных результатов в образовании [10].

Т.Г. Мухина понятие «интеракция» рассматривает в социальной психологии как процесс организации взаимодействия между общающимися индивидами, т.е. в обмене не только знаниями, идеями, но и действиями [5]. Использование интерактивных технологий в системе управления качеством профессиональной подготовки студентов имеет ряд преимуществ, т.к оно связано с: групповым взаимодействием и активностью каждого студента в процессе работы; возможностью соревнования и соперничества; приобретением опыта использования имеющихся знаний в конкретных ситуациях. Они позволяют преподавателю создать обстановку, в которой взаимоотношения между ним и студентами придают учебным занятиям не только познавательный, но и воспитательный характер. Интерактивные технологии в системе управления качеством подготовки студентов выходят за пределы учебных целей и направлены на достижение личностного результата образования через самопознание и познание других людей, формируют мировоззрение, способствуют личностному развитию и пониманию поступков и мотивов поведения окружающих людей, развивают у студентов коммуникативную компетентность.

Интерактивные технологии предполагают сотворчество, сотрудничество, когда преподаватель и студент являются субъектами образовательного процесса. Преподаватель, как правило, выступает в роли орга-

низатора обучения, создавая условия для инициативы обучающихся, а результаты обучения достигаются взаимными усилиями всех участников учебного процесса.

Принципиальными особенностями использования интерактивных технологий являются: социальное взаимодействие; позитивная взаимозависимость; личная ответственность. Социальное взаимодействие предполагает участие каждого студента в решении поставленной задачи. Принцип позитивной взаимозависимости заключается в том, что успешное выполнение задания зависит от: результатов работы каждого студента, психологической атмосферы в группе, овладения навыком коммуникативного воздействия, умения распределить роли. Принцип личной ответственности заключается в осознании каждым студентом важности личного вклада в результаты совместной деятельности, не допуская, чтобы некоторые участники оставались в тени своих более активных товарищей, которые фактически выполняют всю работу [11].

Целью использования интерактивных технологий является оптимизация и интенсификация процесса профессиональной подготовки студентов. А задачи заключаются в следующем: активизация индивидуальных умственных процессов студентов; возбуждение внутреннего диалога; обеспечение понимания информации, являющейся предметом обмена; индивидуализация педагогического взаимодействия; вывод студента на позицию субъекта обучения; достижение двусторонней связи при обмене информацией между обучающимися [12].

Самой общей задачей преподавателя в использовании интерактивной технологии является фасилитация (поддержка, облегчение) – направление и помощь процессу обмена информацией: выявление многообразия точек зрения; обращение к личному опыту участников; поддержка активности; соединение теории и практики; взаимообогащение опыта участников; облегчение восприятия, усвоения, взаимопонимания участников; поощрение творчества.

В интерактивной технологии студенты выступают полноправными участниками, их опыт важен не менее, чем опыт преподавателя, который не столько дает готовые знания, сколько побуждает обучающихся к самостоятельному поиску.

Интерес представляют новые роли преподавателя, которые в зарубежных странах уже не являются новыми. Преподаватель выступает в роли информатора-эксперта, излагая теоретический материал, демонстрируя видеоряд, отвечая на вопросы, отслеживая результаты и т.д. В роли организатора-фасилитатора он налаживает взаимодействие обучающихся с социальным окружением (разбивает на подгруппы, побуждает их самостоятельно собирать данные, координирует выполнение заданий, подготовку мини-презентаций и т.д.). В роли консультанта он обращается к практическому опыту студентов, помогает искать решения поставленных задач, самостоятельно ставить новые и т.д. [12].

Среди интерактивных технологий, через которые можно внедрить интерактивную модель обучения, являются: работа в малых группах; лекции с проблемным

изложением; эвристическая беседа; семинары в форме дискуссий; конференции; деловые игры; технология сотрудничества; технология моделирования, или метод проектов (как внеаудиторная деятельность).

Для интенсификации и оптимизации процесса профессиональной подготовки студентов мы использовали различные варианты интерактивных технологий. По опросам студентов, наиболее интересной для них является парная лекция, которая предоставляет возможности для интенсивного взаимодействия преподавателей со студентами. Парная лекция проводится совместно с коллегой, преподающим дисциплины данного цикла. Такая лекция интересна и эффективна в тех случаях, когда в содержании теоретического материала имеются различные точки зрения на одну проблему. В этом случае каждый из преподавателей освещает и обосновывает один из подходов к рассматриваемому вопросу. После изложения теоретических вопросов рассматриваемой проблемы обучающиеся принимают активное участие в их обсуждении.

Обсуждения разных взглядов на проблему можно организовать, используя элементы дискуссии. Так, например, после изложения теоретического материала студентам предлагается разделиться на две группы, в зависимости от того, какая точка зрения им наиболее близка. Затем они формулируют вопросы для противоположной группы. Преподаватели на этом этапе занятия выступают в качестве консультантов. Далее группы задают друг другу вопросы, обсуждают полученные ответы. Эти вопросы могут быть адресованы любому из присутствующих преподавателей.

Достоинство парной лекции как интерактивной технологии заключается в том, что у обучающихся формируется потребность и вырабатывается умение всесторонне рассматривать предложенную для обсуждения проблему.

На практических занятиях мы используем такие интерактивные технологии, как анализ конкретных ситуаций, задания-«кейсы», групповая дискуссия, ролевая игра, мозговой штурм, игры-драматизации реальных профессиональных ситуаций и др., которые подробно и пошагово расписаны во многих источниках [3], [6], [7], [8], [9] и др.

На наш взгляд, внимания заслуживает технология анализа конкретных ситуаций, которая помогает оптимизировать процесс практической подготовки студентов, а также достаточно проста в подготовке и применении. В основе данной технологии лежит описание конкретной профессиональной деятельности. При анализе ситуации студенты пытаются «вжиться» в обстоятельства, понять и оценить позиции, занимаемые участниками. При подготовке к занятию преподаватель разрабатывает конкретную профессиональную ситуацию для ее последующего анализа. Здесь важно учитывать ряд *требований*: выбранная ситуация должна быть логично связана с содержанием теоретического курса и соответствовать будущей профессиональной деятельности студентов; содержание должно отражать реальные профессиональные ситуации, события или

факты; сложность описанной ситуации должна соответствовать уровню подготовки студентов.

Выполнение заданий по анализу конкретных ситуаций проводится в *несколько этапов*. На этапе индивидуальной работы студенты получают задание, в котором им предлагается проанализировать текстовый фрагмент описания ситуации. В ходе самостоятельной работы студенты анализируют поведение участников ситуации, фиксируют возможные варианты решений, оценивают их.

На этапе работы в микрогруппах студенты совместно обсуждают полученные результаты и предлагают свои варианты решения ситуации.

На итоговом этапе проводится общегрупповое обсуждение фрагмента и возможных способов поведения учителя в описанной ситуации [11].

Задания-«кейсы» также имели положительный эффект и открыли широкие возможности для изучения материала на занятиях по практическим и теоретическим дисциплинам. Эта технология предполагает работу в микрогруппах, когда участники каждой подгруппы самостоятельно подбирают и описывают реальные ситуации, получая техническое задание на разработку «кейса», а затем предлагают другой подгруппе в течение определенного времени указать способы ее решения.

Разработка «кейса» осуществляется по следующему алгоритму: название ситуации, ее содержание (где и когда она происходила, как развивались события); фактическая информация, необходимая для ее уточнения (участники, внешняя среда, условия и т.д.); формулировка вопроса по разрешению «кейса». Разработанный «кейс» предоставляется на отдельном листе бумаги и передается другой подгруппе. Получив задание, подгруппы в течение получаса выполняют творческое задание, суть которого заключалась в том, чтобы, проанализировав предложенную ситуацию, предложить различные способы ее решения. На заключительном этапе участники подгрупп обсуждают другие варианты разрешения предложенных конфликтных ситуаций [10], [11].

Таким образом, рассмотренные интерактивные технологии способствуют повышению качества профессиональной подготовки студентов за счет того, что в освоении знаний активно участвуют мыслительные процессы, которые стимулируются необходимостью совершать непосредственные действия. Используя теоретические знания, студенты могут проанализировать и оценить явления, с которыми они столкнутся в своей профессиональной деятельности. Кроме этого, интерактивные технологии несут воспитательный эффект, когда преподаватель не только высказывает научно аргументированную точку зрения, но и выражает свое личное отношение к проблеме, свою мировоззренческую и нравственную позицию.

Использование интерактивных технологий в системе управления качеством профессиональной подготовки студентов позволяет в учебно-игровом пространстве проиграть разнообразные профессиональные и личностные роли и освоить их, создавая будущую модель взаимодействия людей в производственной ситуации.

Библиографический список

1. *Архангельский С.И.* Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы. М.: Высшая школа, 1980. 368 с.
2. *Беспалько В. П.* Педагогика и прогрессивные технологии обучения. М.: Наука, 1995. 336 с.
3. *Вербицкий А.А.* Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М., 1991.
4. *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М.: Интор, 1996 364с.
5. *Мухина Т.Г.* Инновационные образовательные технологии в высшей школе. Н.Новгород: ННГАСУ, 2011. 40 с.
6. Педагогические технологии. Под ред. В. С. Кукушкина. 2004. 304 с.
7. *Подласый И.П.* Педагогика. Новый курс: учебник для студ.пед.вузов. М.: ВЛАДОС, 1999. Кн. 1: Общие основы.

Процесс обучения. 576 с.: ил.

8. *Полат Е. С.* Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Академия, 2000. 272 с.
9. *Селевко Г.К.* Педагогические технологии на основе активизации, интенсификации и эффективного управления УВП. М.: НИИ школьных технологий, 2005.

10. <http://www.eurokid.com.ua>

11. <http://www.vashpsixolog.ru/>

12. <http://festival.1september.ru>

References

1. *Arkhangelskiy S.I.* Educational process in the higher school, its regular basis and methods. M: Vysshaya Shkola, 1980. 368 p.
2. *Bespalko B. N.* Pedagogy and innovative technologies of training. M: Nauka, 1995. 336 p.
3. *Verbitsky A.A.* Active learning in higher school: the contextual approach. M, 1991.
4. *Davydov V.V.* Theory of developmental education M: Intor, 1996 364 p.
5. *Mukhina T.G.* Innovative educational technologies in higher school. N.Novgorod: NNGASU, 2011. 40 p.
6. Educational technology, Ed. V.S.Kukushkina. 2004. 304 p.
7. *Podlasiy I.P.* Pedagogy. New course: a textbook for students. M: VLADOS, 1999. B. 1: The learning process. 576 p.
8. *Polat E. S.* New pedagogical and information technologies in education. M: Akademia, 2000. 272 p.
9. *Selevko G. K.* Pedagogical technologies on the basis of activation, intensification and effective management. M: Scientific

research Institute of school technology, 2005.

10. <http://www.eurokid.com.ua>

11. <http://www.vashpsixolog.ru/>

12. <http://festival.1september.ru>

И.С. ГАВРИЛОВА

старший преподаватель, кафедра профессионального обучения и бизнеса, Орловский государственный университет
E-mail: irinagavrilova@autorambler.ru

I.S. GAVRILOVA

Senior Lecturer, Department of professional education and business, Orel State University
E-mail: iringavrilova@autorambler.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE THEORETICAL MODEL OF ENGINEERING AND TECHNOLOGY TRAINING IN FUTURE PROFESSIONAL ACTIVITY

В статье приводится теоретическая модель формирования инженерно-технологической подготовки будущих бакалавров профессионального обучения. Рассматриваются дидактические формы, методы и средства формирования инженерно-технологической подготовки.

Ключевые слова: технологии обучения, готовность педагога к инженерно-технологическому обучению, профессионально значимые качества педагога, кейс-метод, целевой, содержательно-процессуальный, результативно-оценочный блоки.

The article presents the theoretical model of engineering and technological preparation of the future bachelors of the vocational training. Didactic forms, methods and means of formation of engineering and technological training are considered.

Keywords: technology training, readiness of the teacher to engineering and technology education, vocational and significant qualities of the teacher, case method, target, substantial-procedural, result-evaluation units.

Развитие профессионального образования диктует новые условия обучения и становления молодого педагога. Современный процесс формирования конкурентоспособного бакалавра расширяет общепринятые рамки профориентационной работы.

Подготовка будущих педагогов профессионального обучения на основе блочно-модульного подхода рассматривается нами как вид системного обучения, направленный на выполнение профессионально значимых инженерно-технологических задач, расширение кругозора и углубление знаний на основе специально-профессиональных дисциплин, принципов, подходов, социально-педагогических условий и учебных заданий при непосредственном использовании интерактивных форм и методов обучения.

Моделирование образовательного процесса позволит системно и комплексно подойти к проектированию педагогической системы с «наполнением» ее элементов конкретными дидактическими материалами, определением целей и задач, модульным содержанием и повышением уровня теоретического обобщения, реализацией внутренней и внешней обратной связи, предусматривающей овладение обучающимися профессиональными компетенциями для деятельности в социальной среде.

Профессиональная подготовка в вузе согласно ФГОС является целостной педагогической системой. Целостность инженерно-технологической подготовки означает, прежде всего, уровень развития системы про-

фессионального обучения, внутреннюю связь ее компонентов, их гармоническое взаимодействие. Особенность профессиональной инженерно-технологической подготовки бакалавров в том, что она является динамичной с относительной автономией структурных элементов. [2]

Процесс такой подготовки направлен на формирование у студентов инженерно-технологической компетентности. Для разработки системы взаимосвязанных мер по совершенствованию форм и методов инженерно-технологической компетентности у будущих бакалавров необходима новая теоретическая модель, отражающая современный уровень педагогической подготовки в вузе.

В ходе разработки теоретической модели формирования инженерно-технологической подготовки к будущей профессионально-педагогической деятельности были изучены концептуальные идеи ее разработки, учтен опыт обучения инженерным дисциплинам будущих специалистов по отрасли «агроинженерия» и учителя технологии; а также десятилетний опыт преподавания автором статьи дисциплины «Гидравлики и гидравлические машины» в Орловском государственном университете [1].

На основе проведенного исследования на факультете технологии, предпринимательства и сервиса Орловского государственного университета было выявлено, что разработанная авторская теоретическая модель позволила целостно изучить особенности формирования инженерно-технологической компетент-

ности у будущих бакалавров, которые заключаются в формах, методах, содержании, педагогических условиях, критериях и показателях. Таблица 1.

Данная теоретическая модель состоит из: целевого блока; социально-процессуального, в котором отражены принципы, подходы и педагогические условия; результативно-оценочного с критериями, уровнями и результатом.

Целевой блок системы формирования у студентов инженерно-технологической компетентности представлен единством цели и задач, комплексное решение которых обеспечивает ее достижение.

Цель подготовки будущего педагога к инженерно-технологическому обучению направлена на формирование инженерно-технологической компетентности будущих бакалавров профессионального обучения и составляет основу проектирования ее содержания. Формирование компетенций способствует развитию профессионально значимых качеств будущего педагога. Для выполнения намеченной цели необходимо решить следующие задачи:

Содержательно-процессуальный блок представлен единством элементов содержательного (лекции, практические и лабораторные занятия, стандарты: ФГОС, учебные и рабочие программы по дисциплине «Гидравлика и гидравлические машины») и процессуального (формы обучения: блочно-модульная, интерак-

тивная; методы: кейс-метод, самостоятельной работы, упражнения, практический; средства: мультимедийные, тестирование, учебно-технические средства, электронные ресурсы) образования.

Итоги подготовки будущего бакалавра профессионального обучения отражаются в результативно-оценочном блоке, где представлены: критерии сформированности инженерно-технологической подготовки (мотивационный, когнитивный, деятельностный, рефлексивный) и показатели: понимание социальной значимости профессии, совершенствование инженерно-технологического саморазвития, умение самостоятельно проектировать индивидуальную работу, рефлексия своих возможностей в освоении будущей профессии. Также разработали показатели и уровни в профессиональной деятельности.

В целом, готовность будущего педагога к инженерно-технологическому обучению характеризует степень мотивации изучения инженерных дисциплин, уровень понимания информационных технологий и уровень сформированности рефлексивных умений и способности к самоуправлению.

Особое значение в теоретической модели отводится инновационным методам, среди которых – кейс-метод. Данный метод позволяет приблизить студентов к решению задач в соответствии с реальной действительностью как в социальной среде, так и в образовании.

Таблица 1.

Теоретическая модель формирования инженерно-технологической подготовки к будущей профессионально-педагогической деятельности развитие профессионально значимых качеств педагога; формирование инженерно-технологической подготовки

Социальный заказ			
Целевой блок			
Цель: подготовка будущего педагога к инженерно-технологическому обучению			
Задачи: 1. Развитие профессионально значимых качеств педагога, 2. Формирование инженерно-технологической подготовки			
Содержательно-процессуальный блок			
Содержательные		Процессуальные	
Стандарты: ФГОС, учебные и рабочие программы по дисциплине «Гидравлика и гидравлические машины», содержание курса		Форма обучения: блочно-модульная, интерактивная; Методы: кейс-метод; самостоятельной работы, упражнения, практический; Средства: мультимедийные, тестирование, учебно-технические средства, электронные ресурсы	
Принципы			
Общие дидактические: научности, последовательности, преемственности, перспективности, связи теории с практикой и др.		Профессионально-специальные: индивидуализация, дифференциация инженерно-технологической подготовки, интерактивности, трудовой подготовки, инженерно-профессиональной направленности, социальной адаптации	
Подходы: системный, компетентностный, личностно-ориентированный			
Педагогические условия:		организационно-педагогические, профессионально-технологические, социально-педагогические	
Результативно-оценочный блок			
Критерии сформированности инженерно-технологической подготовки			
Мотивационный	Когнитивный	Деятельностный	Рефлексивный
Показатели: понимание социальной значимости профессии, совершенствование инженерно-технологического саморазвития, умение самостоятельно проектировать индивидуальную работу, рефлексия своих возможностей в освоении будущей профессии			
Уровни: низкий, средний, высокий			
Результат: готовность педагога к инженерно-технологическому обучению			

Следует отметить, что теоретическая модель формирования инженерно-технологической подготовки к будущей профессионально-педагогической деятельности бакалавров профессионального обучения – соответствует целостной и развивающейся системе профессионально-педагогического образования, так как каждый ее блок и компоненты отражают требования ФГОС.

Таким образом, проведенное научное исследование показало, что формирование инженерно-

технологической подготовки будущего бакалавра профессионального обучения (по отраслям) возможно при соблюдении целеполагания и прогнозирования результата, при учете основных педагогических условий, позволяющих внедрение интерактивных форм и инновационных методов в обучение инженерной дисциплине «Гидравлика и гидравлические машины»; при выборе определенного вида деятельности будущего выпускника и его адаптации в социальной и педагогической среде.

Библиографический список

1. *Гаврилова И.С.* Блочно-модульное обучение будущих педагогов по дисциплине «Гидравлика и гидравлические машины». Педагогическая наука: теория и практика: коллективная монография. Под общей ред. В.Н. Правдюк, 2014. 136с. С. 85–99.
2. *Правдюк В.Н.* Инновационные подходы к подготовке педагога профессионального обучения Педагогическая наука: теория и практика: коллективная монография. Под общей ред. В.Н. Правдюк, 2014. 136с. С. 6-19.

References

1. *Gavrilova I.S.* Modular training of future teachers in the discipline “Hydraulics and hydraulic machines”. Education science: theory and practice: collective monograph / under the General editorship of V.N. Pravdyuk, 2014. 136 p. Pp. 85–99.
 2. *Pravdyuk V.N.* Innovative approaches to teacher’s professional training Teaching science: theory and practice: a collective monograph. Under the General editorship of V.N. Pravdyuk, 2014. 136 p. Pp. 6–19.
-

УДК 378.124:51:004

UDC 378.124:51:004

С.А. ДЬЯЧЕНКО

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра математики и информатики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
E-mail: dsa.05@mail.ru

S.A. DYACHENKO

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of mathematics and informatics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: dsa.05@mail.ru

ОСНОВЫ МЕТОДИКИ ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ

THE BASES OF THE TECHNIQUE OF THE EXPERT ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' PROFESSIONAL COMPETENCES

В статье описаны основы методики экспертной оценки профессиональных компетенций студентов, которые определены в Федеральных образовательных стандартах высшего профессионального образования. Рассмотрен пример использования методики при экспертной оценке сформированных компетенций студентов, обучающихся по направлению бакалавриата «Экономика».

Ключевые слова: профессиональные компетенции, экспертная оценка.

In the article the bases of a technique of an expert assessment of students' professional competences which are defined in Federal educational standards of higher education are described. An example of use of the technique is reviewed at the expert estimation of students formed competences who are training in the direction of a bachelor degree «Economy».

Keywords: professional competences, expert assessment.

Система образования современного общества ориентирована на подготовку высококвалифицированных специалистов. В связи с этим введение Федеральных образовательных стандартов высшего профессионального образования ставит перед преподавателем задачу развития общекультурных и профессиональных компетенций студента, которые будут востребованы в его профессиональной деятельности.

В научных исследованиях педагогов А.А. Вербицкого, Л.Д. Давыдова, Э.Ф. Зеера, И.А. Зимней, А.В. Хуторского и др. достаточно подробно рассмотрены различные аспекты применения компетентностного подхода в образовании. Однако вопросы оценивания уже сформированных компетенций студентов остаются нераскрытыми. Авторы Е.Ю. Азбукина, О.В. Кудышкина, Е.М. Сартакова, А.К. Маркова и другие рассматривают статистические методы оценивания компетенций студентов. В трудах педагогов Богословского В.А., Караваевой Е.В., Ковтун Е.Н., Коршунова С.В., Максимова Н.И., Петрова В.Л., Сазонова Б.А., Строганова Д.В., Татур Ю.Г. в качестве оценки компетенций используются различные описательные методы, среди которых тестирование, проектирование, анкетирование и другие. В работах С.Г. Катаева, Ю.О. Лободы и Е.А. Хомяковой описан индикаторный метод оценивания компетенций студентов, который предполагает оценку каждой из семи компетенций, выделенных авторами, рассмотренных в виде набора признаков-индикаторов, имеющих численное значение.

Все перечисленные выше подходы основаны на том, что преподаватель должен самостоятельно выделить основные компетенции и оценить их. Организация работы педагога на основе Федеральных образовательных стандартов высшего профессионального образования позволяет ориентироваться на компетенции, уже сформулированные для студентов определенного направления подготовки. При оценивании таких компетенций определенными недостатками обладает как статистический метод, основанный на применении общих формул, не учитывающих индивидуальные особенности студента, ни описательный, основанный на опросах, анкетировании и т.д., поскольку лишен возможности объективного оценивания развития компетенций и в большей степени основан на субъективной оценке педагога.

В связи с этим возникает необходимость в таком методе оценивания компетенций студентов, который, с одной стороны, учитывал бы индивидуальные особенности студентов и, с другой стороны, был бы лишен недостатка субъективного оценивания в их формировании. В качестве такого метода может выступить метод экспертной оценки студентов результатов своей учебной деятельности, что обуславливает актуальность такого исследования.

Противоречие между необходимостью экспертной оценки развития компетенций студентов и отсутствием методики, позволяющей ее реализовать, позволяет сформулировать проблему, которая состоит в разработ-

ке методики экспертной оценки развития компетенций студентов.

Целью данной статьи является изучение основных компонентов такой методики и выработка конкретных рекомендаций преподавателям по ее реализации. В качестве объекта исследования выступает педагогический процесс.

Для разработки методики экспертной оценки использовались различные методы исследования, среди которых:

- теоретические, включающие изучение научных трудов по оцениванию компетенций, а также методической литературы, анализ содержания Федеральных государственных образовательных стандартов по укрупненной группе специальностей «Экономика и управление»;

- практические методы исследования, включающие работу с педагогами, выступающими в роли экспертов, а также анализ результатов обучения студентов.

Рассмотрим применение методики экспертной оценки на примере изучения дисциплин математического цикла студентами направления подготовки бакалавриата 080100 «Экономика», среди которых математический анализ, линейная алгебра, теория вероятностей и математическая статистика, методы оптимальных решений. В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования определены четыре вида деятельности будущего специалиста, причем для каждого вида определен свой набор профессиональных компетенций (ПК): расчетно-экономическая (ПК-1, ПК-2, ПК-3), аналитическая и научно-исследовательская (ПК-4, ПК-5, ПК-6, ПК-10), организационно-управленческая (ПК-12) и педагогическая (ПК-14). Каждая из перечисленных компетенций подробно описана в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки бакалавриата 080100 «Экономика» [1, с. 4–6].

На основе выделенных видов деятельности и входящих в них компетенций составим иерархию компетенций (рис.1).

В качестве экспертов, оценивающих уровень развития каждой компетенции, выступают студенты, обучающиеся по направлению подготовки бакалавриата «Экономика». На основе девятибалльной шкалы срав-

нения Т.Саати [2] студентами сравнивается уровень развития их компетенций при изучении дисциплин математического цикла. Для реализации методики выбран программный продукт Expert Decide 2.2 [3].

Рассматривая развитие определенных в стандарте видов деятельности (рис. 2 и рис. 3), студенты высоко оценили расчетно-экономическую деятельность и связанные с ней компетенции. Наиболее высоко оценено формирование компетенции ПК-1, связанной с развитием владения культурой мышления, способностью к обобщению и анализу, восприятию информации, постановке целей и выбору путей ее достижения. Однако в рамках этого вида деятельности недостаточное внимание, по мнению студентов, уделяется развитию компетенции ПК-2, развивающей способность понимать и анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы.

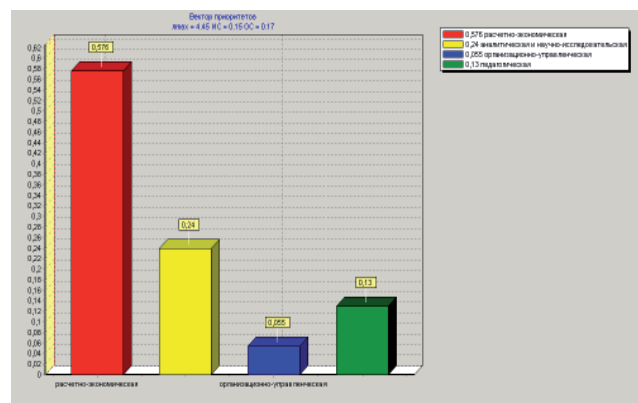

Рис. 2. Оценка развития видов деятельности.

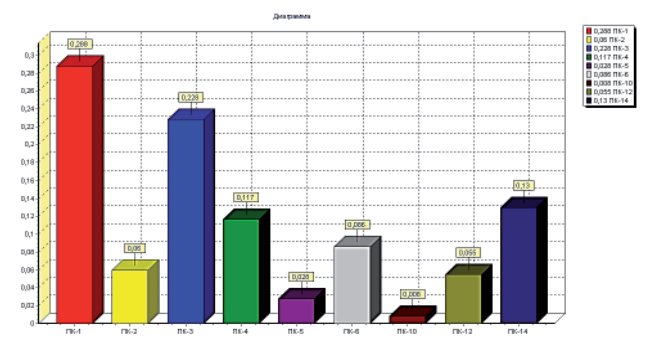

Рис. 3. Оценка развития профессиональных компетенций.

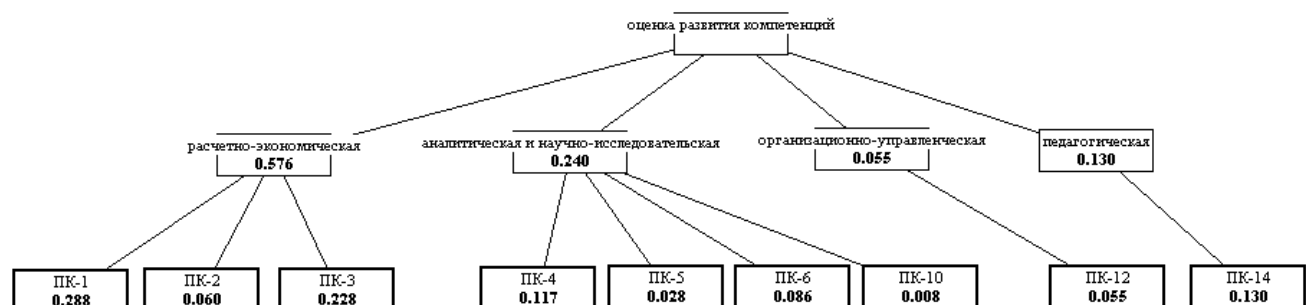

Рис. 1. Иерархия оценки компетенций на основе видов деятельности с учетом профессиональных компетенций.

Анализ результатов оценки развития компетенций студентами направлен на совершенствование деятельности преподавателя и оптимизации процесса обучения. Например, исходя из приведенной оценки, можно сделать вывод о недостаточном внимании, уделяемом организационно-управленческой деятельности при изучении дисциплин математического цикла. Наибольшего развития требует профессиональная компетенция ПК-10, основанная на критическом оценивании своих достоинств и недостатков и выборе пути и средств развития достоинств и устранения недостатков.

Для устранения выявленного противоречия преподавателю следует уделять больше внимания решению задач профессиональной направленности математическими методами. Для этой цели он может познакомить студентов с профессионально-ориентированными математическими программными продуктами, привлечь

специалистов в области экономики с целью передачи опыта и разъяснения роли математических дисциплин в будущей деятельности.

Предложенная методика направлена не только на совершенствование деятельности преподавателя, но и на корректировку студентами своей самостоятельной деятельности по усвоению дисциплин математического цикла. Анализируя процесс самостоятельного изучения дисциплины, они могут выделить приоритетные направления, требующие большего внимания.

Универсальность предложенной методики оценивания развития компетенций может быть использована для оценивания других блоков дисциплин или других направлений подготовки. Кроме того, в качестве экспертов, оценивающих развитие компетенций, можно привлекать преподавателей соответствующего направления и других заинтересованных лиц.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования: направление 080100 Экономика, Квалификация (степень) – бакалавр. [Электронный ресурс]. М.: Мин-во образования и науки РФ, 2009. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_09/m747-n.pdf (дата обращения 10.04.2014).
2. Аввакумов В.Г., Макурина М.В. Алгоритм синтеза матрица Т. Саати для сравнения факторов нечисловой природы // СТЭЖ. 2010. №11. [Электронный ресурс].
3. Кузнецов А.И. Expert Decide для Windows 95, Windows 98 и Windows NT. Версия 2.0. Руководство пользователя / Под ред. В.Г. Шуметова. Орел, 2000. 40с.

References

1. Federal state educational standard of higher education: the Economy direction 080100, Qualification (degree) – the bachelor. [Electronic resource]. M.: Ministry science and education of the Russian Federation, 2009. – Access mode: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_09/m747-n.pdf (date of the address 10.04.2014).
2. Avvakumov V. G., Makurina M. V. Synthesis algorithm T. Saati's matrix for comparison of factors of the non-numerical nature// STEZh. 2010. No. 11. [Electronic resource]
3. Kuznetsov A.I. Expert Decide for Windows 95, Windows 98 and Windows NT. Version 2.0. The user's guide. Under the editorship of V. G. Shumetov. Orel, 2000. 40с.

УДК 373.51.162

UDC 373.51.162

И.Н. ИВАНЕНКО

директор, муниципальная гимназия №39, г. Орел
E-mail: orel_school39@mail.ru

I.N. IVANENKO

Director, Municipal gymnasium № 39, Orel
E-mail: orel_school39@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ПО ВНЕДРЕНИЮ ФГОС НОО И ООО

ABOUT SOME RESULTS ON IMPLEMENTATION OF FSES OF PES AND BES

В статье подводятся итоги системного и целенаправленного внедрения ФГОС НОО и ООО в муниципальном общеобразовательном учреждении. Отмечено, что нестандартно и результативно строится методическая работа по реализации ФГОС НОО и ООО второго поколения, в том числе с опорой на активное применение и использование ВКС-технологий.

Ключевые слова: ФГОС НОО и ООО, методическая работа, ВКС-технологии.

In the article the results of system and purposeful implementation of FSES OF BES and PES in municipal educational institution are summed up. It is noted that unconventionally and productively methodical work on realization of FSES of PES and BES of the second generation, including with a support on active application and use of VSC-technologies is based.

Keywords: FSES of PES and BES, methodical work, VSC-technologies.

В муниципальной бюджетной гимназии № 39 г. Орла имени Фридриха Шиллера внедрение ФГОС нового поколения ведется системно и целенаправленно. С 1 сентября 2010г. в пилотном режиме мы начали внедрять ФГОС НОО, а с сентября 2013г. – ФГОС ООО.

Выбор нашей школы для апробации работы в формате новых ФГОС не случаен. Этому способствовал накопленный опыт по обеспечению системно-деятельностного обучения, совершенствованию УУД, организации внеурочной деятельности и системная работа по обеспечению подготовительного этапа.

1. Наличие материально-технической базы для перехода на ФГОС: 22 кабинета, оснащенные мультимедийным оборудованием, 3 интерактивных комплекса, мобильный класс, библиотека гимназии, укомплектованная необходимыми методическими пособиями, продуманная система информационной поддержки и сопровождения, обеспечивающая введение ФГОС.

2. Кадровое обеспечение. Учителя работают творчески, современно, результативно. Лозунг «Кадры решают все!» актуален и сегодня. В гимназии сформирован профессиональный коллектив – команда администрации и учителей.

Я как директор школы и заместитель директора по УВР по начальной школе Новоселова Г.Д. летом 2010 года прошли обучение по ФГОС НОО второго поколения в Москве в Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования. Все учителя начальных классов закончили курсы повышения квалификации в ОИУУ.

В связи с внедрением ФГОС ООО второго поколения администрация гимназии, учителя русского языка, литературы, математики, иностранных языков, истории и обществознания, биологии и географии в течение

2013-2014 годов также были подготовлены к работе по освоению ФГОС на курсах повышения квалификации в ОИУУ.

3. Осуществление преемственности между НОО и ООО. Учителя, работающие в этом учебном году в 5-х классах, в прошлом году детально ознакомились с особенностями ФГОС НОО, изучили личностные особенности четвероклассников, содержание образовательных программ, рабочих программ, посетили серию уроков в этих классах, классные и родительские собрания, проанализировали результаты исследований психологических особенностей каждого ученика 1-5-х классов, сделанные психологом гимназии.

4. У нас эффективно выстроена система дополнительного образования, поэтому не было сложностей организации внеурочной деятельности: в гимназии обучаются только в первую смену, вторая половина дня предоставлена для развития творческих способностей, дарований и талантов учащихся, в том числе начальных и 5-х классов.

На базе гимназии функционируют филиалы художественной школы №2, школы искусств имени Д.Б. Кабалевского с филиалами изобразительного искусства, хореографии, вокального и инструментального. Ученики укрепляют своё здоровье в спортивных секциях и филиалах ДЮСШ г. Орла, занимаются баскетболом, футболом, легкой атлетикой, большим теннисом, каратэ и рукопашным боем, шахматами и шашками в стенах нашей школы. С большим желанием ученики начальной школы посещают занятия в бассейне. Техническим творчеством наши дети занимаются в школьных мастерских, занятия с ними проводят учителя школы и специалисты городского центра технического творчества.

5. Грамотное управление.

В соответствии с дорожной картой в гимназии создан Совет по введению ФГОС, рабочие группы по внедрению ФГОС второго поколения, которые успешно организовали работу по выработке Основной образовательной программы НОО и ООО.

В 2011 году наша Основная образовательная программа НОО была удостоена второго места в региональном конкурсе этих программ. Единая команда администраторов смогла обеспечить организационную и методическую поддержку внедрения ФГОС НОО и ООО.

Нами разработаны планы повышения квалификации управленческих и руководящих кадров по вопросам реализации ФГОС, планы профессионального развития учителей.

Специалистами Департамента образования и молодежной политики Орловской области, Регионального центра оценки качества образования, работниками ОИУУ, специалистами Управления образования администрации города Орла, администрацией гимназии в системе проводятся совещания, семинары, оперативки, планерки, заседания рабочей группы, деловые игры. Оправдала себя такая форма, как обучение на рабочем месте, инструктажи, обучение в группах, педагогические мастерские. Нашли широкое применение самоанализы уроков и самооценки своей деятельности. Обмен опытом учителя осуществляют в формате открытых уроков и взаимопосещений уроков учителями начальных классов и учителями-предметниками, которым предстояло работать в формате ФГОС ООО. Кроме того, проводятся мастер-классы, открытые уроки, лекции, семинары, тренинги.

6. Методическая работа планируется на 1 год, оперативно корректируется и строится в соответствии с дорожной картой. Основные направления реализуются в таких формах, как:

- стажировочные площадки;
- ежемесячные совещания;
- педагогические мастерские;
- открытые уроки с последующим анализом;
- трансляция опыта работы на Всероссийских, региональных, муниципальных и локальных площадках.

Мы нестандартно и результативно строим методическую работу по реализации ФГОС НОО и ООО второго поколения, опираясь на активное применение и использование ВКС-технологий.

Активно проводят ВКС-уроки в формате ФГОС НОО и ООО второго поколения учителя начальных классов Дмитриева Н.А. – победитель муниципального и регионального этапов конкурса «Учитель года», учителя высшей категории Сафонова М.Н., Звекова С.В., Русанова Е.Н., учителя – ученые, учителя русского языка и литературы Савостикова А.Б., Гурова В.Я., учителя математики высшей квалификационной категории Чихачева Л.В., учителя истории и обществознания высшей квалификационной категории Зеленина Л.Г. и Позднякова О.А.

Наиболее эффективными современными образова-

тельными технологиями мы считаем ВКС-технологии. Их мы в течение нескольких лет применяем в целях освоения ФГОС НОО второго поколения, а в 2013-2014 учебном году мы проводили ВКС-уроки и в 5-х классах.

Участие в ВКС-уроках формирует навыки исследовательской деятельности пятиклассников и учащихся начальной школы, работы с цифровыми и электронными средствами, кроме того развивается речь, логическое мышление, умение спорить, оппонировать и доказывать.

Ученики очень серьезно и усиленно готовятся к ВКС-урокам, читают, анализируют, готовят выступления по русскому языку, литературе, истории, обществознанию, иностранным языкам, в центре их внимания – текст, т. к. мы работаем по текстовому пространству по авторской программе нашего научного руководителя, доктора филологических наук Беднарской Л.Д. «Текстовое пространство как методология гуманитарного образования».

Отлаженная методическая работа способствует росту профессионального мастерства учителей гимназии. В нашей гимназии функционируют стажировочные площадки по внедрению ФГОС по начальным классам, русскому языку и литературе, иностранным языкам, истории и обществознанию.

Уроки для слушателей курсов ОИУУ проводили учителя начальных классов Звекова С.В., Дмитриева Н.А., Дюканова В.В., Русанова Е.Н., русского языка и литературы Савостикова А.Б., Гурова В.Я., истории и обществознания Зеленина Л.Г. и Позднякова О.А.

Учителя-предметники, работающие в 5-х классах, обеспечивают системно-деятельностный подход в обучении учащихся, вооружают пятиклассников технологиями получения – добытия знаний. Успешно используются проектные и исследовательские методики.

Наша практика показывает, что важное значение для нравственного формирования школьников имеет организация учебного процесса, формы оценки знаний, оценочные суждения, характеризующие отношения школьников к учителю и своим товарищам, так, чтобы сильные стороны каждого ученика были осознаны самими учениками и их товарищами. Это создает благоприятную эмоциональную атмосферу в коллективе, что является одним из важнейших условий его успешного нравственного развития.

Уроки наших учителей отличаются разнообразием коллективных действий и переживаний, накоплением опыта нравственных взаимоотношений.

Наши дети приучаются к самостоятельной работе, для успешного осуществления которой ученики соотносят свои знания с учителем, товарищами, учатся слушать и понимать своих товарищей и сопоставлять свои знания со знаниями остальных, отстаивать мнение, помогать принимать помощь. На уроках школьники вместе переживают острое чувство радости от самого процесса получения новых знаний, огорчения от ошибок и неудач.

Учителя гимназии осмысливают, что концепция ФГОС второго поколения выстроена на принципах раз-

визуального обучения и разработана на основе парадигмы системно-деятельностного подхода в образовании, поэтому они дают возможность ученикам усваивать не конкретные знания, а умения работать самостоятельно с объектами, добывать новые знания, овладевать универсальными учебными действиями.

Наши учителя на практике доказывают, что учитель не информатор знаний и истины, а организатор поискового процесса. Они успешно формируют способы получения детьми информации, метапредметные способы работы: навыки планирования и организации учебной деятельности, умения и навыки восприятия информации (работы с различными источниками информации, в том числе с компьютером); навыки мыслительной деятельности (осмысление материала, выделение главного, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация, классификация, обобщение, дифференцирование, формирование выводов, решение задач); навыки оценки и осмысления результатов своих действий (самоконтроль и взаимоконтроль).

Формирование этих навыков и умений на уроках является основой концепции ФГОС нового поколения, так как они вписываются в структуру универсальных учебных действий.

Опытные учителя гимназии Русанова Е.Н., Гурова В.Я., Савостикова А.Б., Зеленина Л.Г., Чихачева Л.В. умело мотивируют деятельность учащихся, цели и задачи урока отражают формирование УУД, их ученики с целью актуализации и пробного учебного действия самостоятельно выполняют индивидуальные задания на применение нового знания, фиксируют возникающие затруднения, выявляют, в чем именно состоит недостаточность их знаний, умений и способностей, учатся рефлексировать. На этапе самостоятельной работы учителя используют групповую форму работы как средство формирования УУД.

Уроки Савостиковой А.Б. сопровождаются использованием интерактивного комплекса. Учитель истории Зеленина Л.Г. в качестве ИКТ-сопровождения использует интерактивные тесты.

Базовые образовательные технологии учителей: проблемное обучение, ИКТ, исследовательская деятельность, технология критического мышления через чтение и письмо, метапредметный подход учат детей проследить, а не запоминать важнейшие понятия учебного предмета.

Результаты предметных и метапредметных работ показали, что ученики 4-х классов справились в период стартовой и итоговой диагностики на базовом уровне от 80% до 96%, на повышенном от 50% до 60%, ученики 5-х классов, начавшие обучение по ФГОС ООО, в период стартовой диагностики показали разные уровни достижений: базовый – 46%, повышенный – 33%, высокий – 21%.

Учителя формируют регулятивные, познавательные, коммуникативные, личностные универсальные учебные действия.

Учителя иностранных языков организуют групповую и парную работу с учетом индивидуальной подготовки детей.

Уроки немецкого языка учителей Бойцовой М.Н. и Ильиной С.А. отвечают требованиям ФГОС, способствуют формированию коммуникативной компетенции учащихся, развитию их творческой активности, формированию гражданской позиции.

7. В гимназии эффективно функционирует система внеурочной деятельности в 5-х классах различных направлений: спортивно-оздоровительное, общекультурное, общеинтеллектуальное, духовно-нравственное, социальное.

Спортивно-оздоровительное: секции: «Кикбоксинг» (тренер Филатов А.А.), «Юный футболист» (тренер Труфанов А.А.), «Тайфун» (тренер Амелехин С.В.), «ОБЖ» (преподаватель-организатор ОБЖ Рязанцев А.Д.).

Общекультурное: театральная студия «Глобус» (педагог Колесник Н.А.), клуб «Юный экскурсовод» (учитель истории Зеленина Л.Г.).

Общеинтеллектуальное: клуб «Юный информатик» (учитель информатики Русских С.Л.), литературная гостиная «В мире литературы» (учитель литературы Савостикова А.Б.), «Французский язык» (учитель иностранного языка Червонникова М.В.), «Английский язык» (учитель иностранного языка Дорофеева К.В.).

Социальное: предметно-практическая мастерская «Юные мастера» (учитель технологии Родиков В.А.).

Вместе с тем в процессе внедрения ФГОС НОО и ООО второго поколения имеются определенные проблемы: не все пятиклассники работают на этапе целеполагания, работа на этапе рефлексии требует развития мыслительной деятельности.

При работе по формированию и развитию ИКТ-компетентностей возникают сложности.

Внедряя стандарты нового поколения, учителя русского языка и математики испытывают определенные сложности в дозировании письменной деятельности учащихся. С введением ФГОС второго поколения возрастает нагрузка не только на речемыслительную деятельность учащихся первого уровня обучения 5-х и в следующем учебном году 6-х классов, но и на их психофизическое состояние, поэтому необходимо совершенствовать здоровьесберегающие технологии.

Резюмируя изложенное, отмечу, что 2013-2014 учебный год стал важным периодом деятельности педагогического коллектива по внедрению ФГОС НОО и ООО. Накопленный опыт придаст нам новый импульс в выработке технологий освоения стандартов в новом учебном и последующих годах.

УДК 378.4

UDC 378.4

Н.А. ИЛЬИНА

профессор, Орловский государственный университет
E-mail: n.a.ilyina@univ-orel.ru

Н.Н. ЧААДАЕВА

доцент, Орловский государственный университет
E-mail: n_chaadaeva@list.ru

И.Н. КОНДРАШОВА

доцент, Орловский государственный университет
E-mail: eco-kondrashova@yandex.ru

N.A. ILYINA

Professor, Orel State University
E-mail: n.a.ilyina@univ-orel.ru

N.N. CHAADAeva

Associate professor, Orel State University
E-mail: n_chaadaeva@list.ru

I.N. KONDRASHOVA

Associate professor, Orel State University
E-mail: eco-kondrashova@yandex.ru

**ОБ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ОРЛОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**ABOUT THE ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS AT OREL STATE UNIVERSITY
IN THE CONTEXT OF MODERN REQUIREMENTS OF THE STATE EDUCATIONAL
STANDARDS OF THE HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION**

В статье рассматриваются основные этапы организации учебного процесса в ОГУ в современных условиях при подготовке конкурентоспособного выпускника вуза.

Ключевые слова: образовательный процесс, государственные образовательные стандарты, основные образовательные программы, рабочие учебные планы, учебно-методические комплексы, учебно-методическая документация.

The article considers the main stages of organizing the educational process in the present-day conditions while preparing a competitive graduate.

Keywords: educational process, state educational standards, training directions, basic educational programs, work and educational plans, educational and methodical complexes, educational and methodical documentation.

В соответствии с концепцией высшего профессионального образования в Российской Федерации основными целями организации учебного процесса вуза в современных условиях являются подготовка конкурентоспособного выпускника и создание конкурентных образовательных программ.

Учебный процесс в ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» регламентируется Уставом вуза, нормативными документами по организации учебного процесса [3].

Вуз путем целенаправленной организации образовательного процесса, выбора форм, методов и средств обучения, использования дистанционных образовательных технологий создает обучающимся условия для освоения профессиональных образовательных программ определенного уровня и направленности.

Учебный процесс в университете организован в со-

ответствии с основными образовательными программами для специальностей и направлений подготовки, реализуемых по ГОС ВПО и ФГОС ВПО.

В 2013-2014 учебном году университет ведет обучение по 99 основным образовательным программам, разработанным в соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (ГОС ВПО), в том числе по 13 программам подготовки бакалавров и 86 программам подготовки специалистов, а также по 101 основной образовательной программе, разработанной в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС ВПО), в том числе 53 программы подготовки бакалавров, 7 программ подготовки специалистов и 41 программа подготовки магистров. Сведения о направлениях подготовки и специальностях, реализованных в вузе в 2013-2014 году, представлены в таблице.

Группы направлений (специальностей)	Бакалавры		Специалисты		Магистры	
	ФГОС ВПО	ГОС ВПО	ФГОС ВПО	ГОС ВПО	ФГОС ВПО	ГОС ВПО
1	2	3	4	5	6	7
010000 Физико-математические науки	3			2	3	
Математика	+			+	+	

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

Прикладная математика и информатика	+			+	+	
Физика	+				+	
020000 Естественные науки	5			7	5	
Химия	+			+	+	
Биология	+			+	+	
География	+			+	+	
Почвоведение	+			+	+	
Экология и природопользование	+				+	
Физиология				+		
Экология				+		
Природопользование				+		
030000 Гуманитарные науки	18	5		20	16	
Философия	+	+		+	+	
Политология	+			+	+	
Психология	+	+		+	+	
История	+	+		+	+	
Юриспруденция	+			+	+	
Филология	+	+		+	+	
Лингвистика	+	+			+	
Журналистика	+			+	+	
Реклама и связи с общественностью	+				+	
Зарубежное регионоведение	+				+	
Антропология и этнология					+	
Культурология	+			+		
Религиоведение	+			+		
Теология	+			+	+	
Прикладная этика					+	
Конфликтология	+				+	
Физическая культура	+					
Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)	+			+		
Документоведение и архивоведение	+				+	
Издательское дело	+				+	
Связи с общественностью				+		
Издательское дело и редактирование				+		
Книгораспространение				+		
Теория и методика преподавания иностранных языков и культур				+		
Перевод и переводоведение				+		
Документоведение и документационное обеспечение управления				+		
Физическая культура и спорт				+		
Регионоведение				+		
Реклама				+		
040000 Социальные науки	3	2		3	3	
Социология	+	+			+	
Конфликтология		+				
Социальная работа	+			+	+	
Социальная антропология				+		
Организация работы с молодежью	+			+	+	
050000 Образование и педагогика	4	3	1	26	4	
Педагогическое образование	+				+	
Психолого-педагогическое образование	+				+	
Социально-экономическое образование		+				
Художественное образование		+				
Специальное (дефектологическое) образование	+				+	
Педагогика		+				
Профессиональное обучение (по отраслям)	+				+	
Химия				+		
Биология				+		
География				+		

Безопасность жизнедеятельности				+		
Математика				+		
Информатика				+		
Русский язык и литература				+		
Иностранный язык				+		
История				+		
Юриспруденция				+		
Педагогика и психология девиантного поведения			+			
Профессиональное обучение (по отраслям)				+		
Технология и предпринимательство				+		
Музыкальное образование				+		
Изобразительное искусство				+		
Дошкольная педагогика и психология				+		
Педагогика и психология				+		
Педагогика и методика дошкольного образования				+		
Педагогика и методика начального образования				+		
Социальная педагогика				+		
Тифлопедагогика				+		
Сурдопедагогика				+		
Олигофренопедагогика				+		
Логопедия				+		
Специальная психология				+		
Специальная дошкольная педагогика и психология				+		
Физическая культура				+		
060000 Здравоохранение			3	3		
Лечебное дело			+	+		
Педиатрия			+	+		
Фармация				+		
Фармация			+			
070000 Культура и искусство	6	1	3	8	2	
Дизайн	+	+		+	+	
Социально-культурная деятельность	+					
Библиотечно-информационная деятельность	+					
Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия	+					
Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы	+				+	
Искусство костюма и текстиля	+					
Музейное дело и охрана памятников				+		
Искусство интерьера				+		
Декоративно-прикладное искусство				+		
Живопись			+	+		
Графика			+	+		
Скульптура			+	+		
Художественное проектирование костюма				+		
080000 Экономика и управление	5	2		13	3	
Экономика	+	+			+	
Менеджмент	+				+	
Менеджмент		+				
Управление персоналом	+			+		
Бизнес-информатика	+				+	
Государственное и муниципальное управление	+					
Экономическая теория				+		
Мировая экономика				+		
Национальная экономика				+		
Экономика труда				+		
Финансы и кредит				+		
Налоги и налогообложение				+		
Маркетинг				+		
Математические методы в экономике				+		

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

Антикризисное управление				+		
Менеджмент организации				+		
Статистика				+		
Прикладная информатика (по областям)				+		
100000 Сфера обслуживания	5			2	2	
Сервис	+					
Туризм	+				+	
Торговое дело	+				+	
Товароведение	+					
Гостиничное дело	+					
Социально-культурный сервис и туризм				+		
Домоведение				+		
220000 Автоматика и управление					1	
Инноватика					+	
230000 Информатика и вычислительная техника	1				1	
Прикладная информатика	+				+	
260000 Технология продовольственных товаров и потребительских продуктов	2			2		
Технология изделий легкой промышленности	+					
Конструирование изделий легкой промышленности	+					
Технология швейных изделий				+		
Конструирование швейных изделий				+		
280000 Безопасность жизнедеятельности, природообустройство и защита окружающей среды	1				1	
Техносферная безопасность	+				+	
Итого:	53	13	7	86	41	

Образовательные программы разных уровней осваиваются в вузе в различных формах, отличающихся объемом аудиторных занятий профессорско-преподавательского состава (ППС) с обучающимися по очной, очно-заочной (вечерней) и заочной формам.

Нормативные сроки освоения основных образовательных программ высшего профессионального образования по очной форме обучения составляют:

- для получения квалификации (степени) «бакалавр» – не менее четырех лет;
- для получения квалификации (степени) «специалист» – не менее пяти лет, в отдельных случаях не менее шести;
- для получения квалификации (степени) «магистр» – два года.

Организация учебного процесса по специальности (направлению подготовки) включает в себя следующие основные этапы:

- разработка (актуализация) учебных планов и рабочих учебных планов;
- составление графика учебного процесса на планируемый год;
- закрепление дисциплин учебного плана за кафедрами университета;
- планирование учебной деятельности ППС;
- составление расписания учебных занятий на семестр и экзаменационной сессии;
- составление расписания итоговой государственной аттестации;
- другое.

Учебные планы и рабочие учебные планы специальностей и направлений подготовки бакалавров и

магистров разрабатываются в соответствии с требованиями ГОС ВПО и ФГОС ВПО с учетом основных критериев:

- перечень дисциплин;
- объем подготовки по циклам (блокам) дисциплин (в часах);
- объем еженедельной нагрузки студентов (общей и аудиторной), объем теоретической и практической подготовки;
- формы и количество промежуточных и итоговых аттестаций студентов;
- наличие и объем дисциплин по выбору студентов;
- сроки и объемы всех видов практик;
- обеспечение реализации ГОС (ФГОС) ВПО и учебного плана в реальном учебном процессе (первичное документационное обеспечение: расписание занятий, экзаменационные и зачетные ведомости).

Рабочие учебные планы по структуре соответствуют образовательным стандартам: присутствуют все предусмотренные ГОС ВПО и ФГОС ВПО циклы и разделы. В рабочих учебных планах, разработанных в соответствии с требованиями ГОС ВПО, внутри циклов выделяются дисциплины федерального и регионального компонента; в рабочих учебных планах подготовки бакалавров и магистров, разработанных по ФГОС ВПО, – базовые и вариативные дисциплины. Всеми рабочими учебными планами предусмотрены блоки дисциплин по выбору обучающихся.

Рабочие учебные планы содержат все обязательные дисциплины федерального компонента по ГОС ВПО (базовые дисциплины по ФГОС ВПО). Региональные (вариативные) дисциплины содержательно дополня-

ют обязательные дисциплины федерального компонента (базового цикла), что позволяет углубить или расширить знания, умения и навыки, получаемые при изучении обязательных дисциплин. В каждом блоке дисциплин по выбору студентов присутствует не менее двух альтернативных дисциплин. Объем дисциплин по выбору в рабочих учебных планах соответствует требованиям ГОС ВПО и ФГОС ВПО.

Например, вариативная часть учебных планов по направлению подготовки 022000.62 Экология и природопользование содержит дисциплины прикладного характера, позволяющие формировать профессионально значимые знания, умения и навыки будущих бакалавров и готовить их к исследовательской деятельности: Прикладная экология, Методы экологических исследований, Экологическая токсикология, Экологическая эпидемиология, Радиационная экология, Экология почв, Основы ландшафтного планирования селитебных территорий, Основы урбоэкологии и ряд других.

Учебные и рабочие учебные программы как по вариативным дисциплинам, так и по многим базовым (федеральным) дисциплинам являются авторскими и разрабатываются в соответствии с требованиями подготовки высококвалифицированных, конкурентоспособных выпускников.

Орловский государственный университет – единственный вуз в регионе, в котором осуществляется подготовка учителей и педагогов по направлениям (специальностям) УГС 050000 Образование и педагогика. Учебные планы по этим направлениям (специальностям) включают не только общие педагогические и психологические дисциплины, но и фундаментальные базовые предметные дисциплины, методики преподавания этих дисциплин в общеобразовательной высшей школе или в иных образовательных учреждениях.

Учебные планы и рабочие учебные планы (РУП) проходят экспертизу научно-методических советов факультетов, экспертного совета университета по содержанию подготовки специалистов вуза и утверждаются Ученым советом университета.

Деканаты ежегодно перерабатывают с целью актуализации учебные планы по специальностям и направлениям подготовки ВПО в соответствии с требованиями «Положения по разработке и экспертизе рабочих учебных планов основных образовательных программ на основании ФГОС ВПО ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» и на их основе формируют рабочие учебные планы, графики учебного процесса, объем учебной нагрузки кафедр и составляют расписание учебных занятий [4].

Учебные занятия в вузе проводятся в виде лекций, консультаций, семинаров, практических занятий, лабораторных, контрольных, самостоятельных работ, коллоквиумов, научно-исследовательской работы студентов, практик, курсового проектирования (курсовой работы) в соответствии с «Инструкцией по оформлению учебно-отчетной документации зачетно-экзаменационной сессии в ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» [4].

В вузе реализуются все установленные ГОС ВПО и ФГОС ВПО виды практик студентов. Учебная и производственная практика, предусмотренная ГОС ВПО и ФГОС ВПО, осуществляется на основе договоров между университетом и организациями, в соответствии с которыми указанные организации независимо от их организационно-правовых форм предоставляют места для прохождения практики студентов вуза.

Так, со студентами, обучающимися по направлению подготовки 022000.62 Экология и природопользование, проводятся учебные полевые практики по дисциплинам: Общая экология, Экология растений, Экология животных, Учение об атмосфере, Учение о гидросфере, ландшафтоведение, Экология популяций и сообществ, Методы экологических исследований, на которых они закрепляют и углубляют полученные во время аудиторных занятий знания, умения и навыки.

Производственные практики студентов-экологов проходят в организациях, учреждениях и на предприятиях города Орла и Орловской области, например, в ФГБУ Орловский референтный центр Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору, в ФГУ Центр химизации и сельскохозяйственной радиологии «Орловский», в Центре лабораторного анализа и технических измерений по Орловской области, в БУОО «Мценская городская станция по борьбе с болезнями животных», в Филиале ФГБУ «Госсорткомиссия» по Орловской области, в Государственном учреждении «Орловский областной центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» (ГУ «ОЦГМС»), в отделах охраны окружающей среды районных администраций Орловской области и других. На практике студенты знакомятся с особенностями работы специалистов в области экологии, приобретают практические навыки работы с современным оборудованием, изучают нормативно-правовую, методическую и отчетную документацию, участвуют в научных исследованиях, результаты которых впоследствии используют при написании своих выпускных квалификационных работ.

Студенты, продемонстрировавшие на практике хорошую профессиональную подготовку, в дальнейшем становятся сотрудниками всех этих организаций и учреждений.

Научно-исследовательская работа, предусмотренная рабочими учебными планами подготовки бакалавров и магистров, реализуется в течение всего учебного семестра одновременно с теоретическим обучением как в научно-исследовательских лабораториях факультетов (институтов), так и в базовых организациях и учреждениях.

Вуз оценивает качество освоения образовательных программ путем осуществления текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации обучающихся и итоговой аттестации выпускников в соответствии с локальными нормативными документами: «Положением о проведении текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации», «Положением о порядке проведения экзаменов в письменной форме в ФГБОУ ВПО «Орловский государственный универси-

тет», «Положением о фонде оценочных средств по дисциплине», «Положением об итоговой государственной аттестации выпускников ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» и других [4].

Промежуточная аттестация осуществляется в форме экзаменов и зачетов, проводимых после выполнения обучающимися всех планируемых в семестре видов учебной работы. Количество зачетов и экзаменов в учебном году соответствует требованиям ГОС ВПО и ФГОС ВПО. При промежуточной аттестации в течение учебного года студенты сдают не более 10 экзаменов и 12 зачетов (в указанное число не входит аттестация по физической культуре и факультативным дисциплинам, практикам и курсовым проектам (работам).

Итоговая аттестация выпускников осуществляется государственной аттестационной комиссией в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, и включает в себя государственный экзамен и защиту выпускной квалификационной работы и реализуется в соответствии с Положением об итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений Российской Федерации, утвержденным приказом Министерством образования и науки Российской Федерации 25.03.2003 г. № 1155, требованиями ГОС ВПО и ФГОС ВПО, «Положением об итоговой государственной аттестации выпускников ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» [4].

Одним из важнейших аспектов образовательного процесса является выполнение курсовых работ и выпускных квалификационных работ, требования к которым регламентируются следующими локальными нормативными документами: «Положение о курсовой работе», «Положение о выпускных квалификационных работах», «Положение о выпускной квалификационной работе бакалавра (специалиста), выполняемой в соответствии с требованиями ФГОС ВПО» [4]. Тематика работ разрабатывается ведущими преподавателями, рассматривается на заседаниях кафедр и научно-методических советов факультетов (институтов), утверждается учеными советами факультетов (институтов).

При определении тематики курсовых и выпускных квалификационных работ учитываются их актуальность, практическая и теоретическая направленность. Например, у студентов-экологов курсовые работы предусматриваются учебными планами по дисциплинам: Основы природопользования, Оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС). Тематики курсовых работ включают как глобальные, так и региональные аспекты природопользования и ОВОС: Использование и охрана водных, земельных, биологических ресурсов, ресурсов недр; Оценка антропогенных нагрузок на атмосферный воздух, природные воды, почвы, биоту; Создание и функционирование особо охраняемых природных территорий и т.д.

Темы выпускных квалификационных работ также в первую очередь отражают региональные экологиче-

ские проблемы: состояние природных систем города Орел и Орловского края, земельных ресурсов, растительности, животного мира, поверхностных вод; охрана природных ресурсов; экологическая безопасность продуктов питания человека; экология популяций человека и другие.

В вузе разрабатываются и реализуются на практике разнообразные методики по совершенствованию учебного процесса, направленные на повышение его результативности. В университете введена балльно-рейтинговая система (БРС) оценки успеваемости студентов, основной целью которой является повышение качества обучения за счет интенсификации учебного процесса и комплексная оценка качества учебной работы студентов в процессе обучения по программам высшего профессионального образования. Условия по реализации БРС изложены в «Положении о балльно-рейтинговой системе оценки успеваемости студентов в ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» и в «Методических рекомендациях по организации и применению балльно-рейтинговой системы оценки успеваемости студентов» [4].

Обучение студентов по направлениям подготовки бакалавриата и магистратуры по ФГОС ВПО на основе компетентного подхода актуализировало применение в процессе обучения образовательных технологий и интерактивных методов, развивающих навыки командной работы, межличностной коммуникации, принятия решений, лидерские качества [1]. Формы проведения занятий различны: проблемные и интерактивные лекции, семинары, дискуссии по материалам реферируемых статей научной периодики, выполнение заданий по анализу реальной статистики, работы с применением интернет-поиска, защита самостоятельно выполненных студенческих проектов, деловые (ролевые) игры и т.д.

По дисциплинам созданы фонды оценочных средств знаний студентов в соответствии с «Положением о фонде оценочных средств по дисциплине» [4]. Они включают темы рефератов (докладов, эссе, сообщений, коллоквиумов), комплекты заданий для контрольных работ, комплекты разноуровневых задач, комплекты заданий для выполнения расчетно-графических работ, темы индивидуальных (групповых) творческих заданий (проектов), перечень дискуссионных тем для круглого стола (дискуссии, полемики, диспута, дебатов), портфолио, кейс-задачи и многое другое.

Самостоятельная работа студентов (СРС) предусматривается ГОС ВПО и ФГОС ВПО и является обязательной составной частью учебного процесса. Самостоятельная работа студентов прописана в рабочих программах по каждой учебной дисциплине в соответствии с «Положением о планировании и организации самостоятельной работы обучающихся» [4]. Конкретные формы СРС различны в зависимости от цели, характера дисциплины, объема часов, определенных учебным планом. В наиболее общем виде они представлены подготовкой к лекциям, семинарским, практическим и лабораторным занятиям; реферированием и аннотированием статей, разделов монографий;

изучением в рамках программы курса тем и проблем, не выносимых на лекционные и семинарские занятия; выполнением контрольных работ; написанием тематических докладов, рефератов, эссе на проблемные темы; выполнением исследовательских и творческих заданий; написанием курсовых и дипломных работ; подготовкой проектов; составлением библиографии по заданной теме и другое. Контроль за выполнением заданий по самостоятельной работе осуществляется преподавателями.

Преподавателями кафедр разрабатываются учебно-методические комплексы по дисциплине (УМКД) в соответствии с требованиями ГОС ВПО и учебно-методическая документация (УМД) – в соответствии с требованиями ФГОС ВПО.

При изучении теоретического и практического материала к образовательному процессу привлекаются ведущие специалисты и руководители предприятий и фирм. При курсовом и дипломном проектировании используются комплексные темы выпускных квалификационных работ, применяется сквозное курсовое

проектирование с переходом в дипломные проекты и работы. Тематика выпускных квалификационных работ согласуется с предприятиями и организациями, где студенты проходят практику и которые могут стать местом будущей работы выпускников.

Управлением по контролю качества обучения университета совместно с комиссиями контроля качества факультетов (институтов) регулярно проводятся внутренние и внешние аудиты структурных учебных подразделений с целью совершенствования учебно-методической документации, фондов оценочных средств знаний и форм организации самостоятельной работы обучающихся и др.

В целом, организация учебного процесса в университете отличается четкостью и обеспечивается созданными в вузе системами планирования всех видов работы и контроля исполнения; содержание подготовки выпускников обеспечивает реализацию требований ГОС ВПО и ФГОС ВПО и других нормативных документов Министерства образования и науки РФ.

Библиографический список

1. *Байденко В.И.* Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: Методич. пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009.
2. Проектирование основных образовательных программ, реализующих Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования: Методические рекомендации для руководителей и актива учебно-методических объединений вузов. Первая редакция. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2009.
3. Сборник локальных нормативных актов Орловского государственного университета. Часть I. Орел: Издательство ОГУ, 2013.
4. Сборник локальных нормативных актов Орловского государственного университета. Часть II. Орел: Издательство ОГУ, 2013.

References

1. *Baidenko V.I.* Defining the structure of the competencies of a higher educational institution graduate as a necessary stage in projecting SES HPE of the new generation. – Methodical manual. M.: The investigational center of the quality problem of specialists' training, 2009.
2. Projecting the basic educational programs realizing the Federal state educational standards of the higher professional education: Methodical recommendations for leaders of educational and methodical associations in higher educational institutions. M.: The investigational center of the quality problem of specialists' training, Coordination council of educational and methodical associations and scientific and methodical councils of higher educational institution, 2009.
3. Collection of local normative acts of Orel state university/ Part I. Orel: Publishing house of Orel state university, 2013.
4. Collection of local normative acts of Orel state university/ Part II. Orel: Publishing house of Orel state university, 2013.

УДК 371.032-371.035

UDC 371.032-371.035

Г.П. КАСЬЯНОВА

аспирант, кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, Орловский государственный университет
E-mail: galina.kasyanova@list.ru

G.P. KASYANOVA

Graduate student, Department of theory and history of social pedagogics and social work, Orel State University
E-mail: galina.kasyanova@list.ru

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ
ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ**

**SCIENTIFIC AND THEORETICAL ASPECTS OF THE STUDY OF THE PECULIARITIES OF THE PERSONAL
DEVELOPMENT OF CHILDREN-ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE**

В данной статье рассматриваются точки зрения педагогов и психологов на особенности личностного развития детей, воспитывающихся вне семьи, которые в дальнейшем используются практиками в технологии комплексного сопровождения участников образовательного процесса.

Ключевые слова: взаимодействие, сопровождение, психолого-педагогические особенности детей.

In the given article there are taken into consideration teachers and psychologists' points of view on the special features of the children personal development, who are brought up away from their families, and that in the further they are used by practicians in the technology of the complex accompanying of all the participants of the educational process.

Keywords: interaction, accompanying, psychology-pedagogical children's peculiarities.

Проблема изучения особенностей детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также их сопровождения была поднята в науке в первой половине XIX века.

Труды Л.И. Божович, Дж. Боулби, Д. Винникота, И.В. Дубровиной, М.И. Лисиной, З. Матейчика, В.С. Мухиной, А.М. Прихожан, Л.С. Славиной, Н.Н. Толстых, М. Эйнсворта и других представителей отечественных и зарубежных психолого-педагогических школ посвящены особенностям развития личности детей, оставшихся без родительского попечения. В них обобщаются результаты многолетних исследований, проведенных авторами в детских домах и школах-интернатах. Общество приняло общую идею, что дефицитарность развития ребенка вследствие различных видов депривации присуща данной категории детей, несмотря на прилагаемые усилия сотрудников учреждений.

Исследование, проведенное коллективом ученых под руководством Л.И. Божович, позволило выделить существенную особенность психического развития детей-сирот: «у детей отпадает один из важнейших источников постоянного накопления опыта и знаний, они не усваивают многообразие межличностных отношений, так как в условиях школы-интерната дети постоянно находятся в кругу сверстников, в кругу одних и тех же впечатлений, одних и тех же педагогических воздействий».[3,] Для практиков важно мнение специалистов, что регламентация поведения детей в условиях учреждения и введение дисциплинарных правил сдерживают естественную активность ребенка. [3, 6]

Исторический опыт показывает, что главное усло-

вие благополучного развития каждого ребенка в любой среде – внимательная забота и безграничная любовь взрослых. Различные аспекты воспитания детей в семье и вне ее рассматривались учеными и практиками на протяжении всего XX века. Так, в исследованиях И.В. Дубровиной, М.И. Лисиной, В.С. Мухиной, А.М. Прихожан, Н. Н. Толстых проанализированы особенности эмоционального развития детей, воспитывающихся вне семьи. По данным М.И. Лисиной, дети, лишенные родительского попечения, уже на первом году жизни отличаются от ровесников, растущих в семье: они вялы, апатичны, лишены жизнерадостности, у них снижена познавательная активность, упрощены эмоциональные проявления. В.С. Мухина отмечает, что основные причины отклоняющегося поведения детей в невозможности реализовать “потребность в любви и признании, что приводит к деформации детской личности”.[11] В силу неправильного формирующего опыта общения дети зачастую занимают по отношению к другим людям агрессивно-негативную позицию. Нереализованность потребностей в родительской любви и признании ведет к формированию отклоняющихся форм поведения, трудновоспитуемости, личностным трудностям в развитии, приводит к эмоциональному напряжению и фрустрации, может повлечь развитие лживости, зависти.

Именно поэтому, по мнению многих специалистов (Г.С. Абрамова, Л.И. Божович, В.С. Мухина), подростковый возраст – этап от 10-11 до 15 лет, соответствующий началу перехода от детства к юности, относится к числу критических периодов возрастного развития, связанных с кардинальным изменениями в сфере со-

знания, деятельности и системе взаимоотношений индивида. [1,3,11]

Ученые пришли к выводу, что при отсутствии условий для индивидуализации, позитивной реализации своих новых возможностей самоутверждение подростка может принимать уродливые формы и приводить к отклоняющемуся поведению.

Так, И.В. Дубровина, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых [9, 13] отмечают, что для детей, воспитывающихся в домах ребенка, детских домах и интернатах, характерны следующие искажения:

- В общении с педагогами, с одной стороны, у детей обострена потребность во внимании и доброжелательности взрослого, в человеческом тепле, ласке и положительных эмоциональных контактах. А с другой стороны, полная неудовлетворенность этой потребности, малое количество общения взрослых и детей, сниженность в этих контактах интимных личностных общений, их эмоциональная бедность и однообразие содержания, в основном направленное на регламентацию поведения, частая сменяемость взрослых, перевод воспитанников из одной группы в другую, из одного детского учреждения в другое.

- Воспитанники детских домов и интернатов менее успешны в решении конфликтов в общении и со взрослыми, и со сверстниками, чем учащиеся обычной школы.

- Агрессивность, стремление обвинить окружающих, неумение и нежелание признать свою вину, по существу, доминирование защитных форм поведения в конфликтных ситуациях и соответственно неспособность конструктивно решать конфликт. [9,13]

Для современного общества важно исследовать как причины повышенного уровня агрессивности у воспитанников детского дома, так и знать способы ее снижения. В своих исследованиях А.М. Прихожан и Н.Н. Толстых определили, используя тест Розенцвейга, дополненный немецким исследователем У.Раухфлеймом, индексы направленности агрессии. В школе они составили – 1,3; в детском доме – 3,2, а при нормальном развитии личности значение этого индекса должно быть близко к 1. [13] Наиболее простое и распространенное психологическое объяснение возникновения агрессии у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, состоит в том, что агрессия есть следствие неудовлетворенности (фрустрированности) потребности в родительской, материнской любви. У детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не удовлетворены и все другие социальные потребности: в неформальном общении, в самоутверждении, и именно эта социальная неудовлетворенность ведет их к агрессии.

Существуют различные подходы к теоретическому пониманию психолого-педагогических особенностей детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Но все авторы сходятся в одном: личностное развитие детей данной категории неразрывно связано с сущностью психолого-педагогического взаимодействия взрослых и детей.

Мы считаем, что взаимодействие – это согласованная деятельность по достижению совместных целей и результатов, по решению участниками значимой для них проблемы или задач и опираемся на следующие суждения.

Л.М. Шипицина [14] сделала акцент на то, что существуют отдельные взаимосвязанные особенности психолого-педагогического взаимодействия, которые не решаются традиционно применяемыми педагогическими технологиями. Она отмечает слабое психологическое и социально-педагогическое сопровождение воспитательного процесса в детских домах; дети не получают необходимого развития их личности, позволяющего преодолеть типичный для них социальный и психологический инфантилизм, подчиняемое, психологически зависимое поведение, что делает их почти беззащитными в отношении любых асоциальных влияний на них; существующая педагогическая система в детском доме не формирует у детей навыков преодоления трудных жизненных ситуаций, психологической защиты и правильного поведения при стрессе. В результате у них легко возникают эмоциональные расстройства и девиантное поведение.

По мнению С.А. Беличевой [4], последствия оставления психолого-педагогических методов работы с детьми-социальными сиротами и недостаточное их психологическое обеспечение и сопровождение проявляются в конечном итоге в том, что после детского дома эти дети значительно уступают детям, воспитывающимся в семьях, по всем основным параметрам социальной адаптации: по способности к обучению, приобретению профессии и трудоустройству; по способности избегать кризисных и криминальных ситуаций в жизни; по способности образовать собственную семью и успешно выполнять родительские воспитательные функции.

В психологии многие исследователи В.А. Аверин, И.Ф. Дементьева [8, 2] и многие другие изучают причины и факторы психолого-педагогического взаимодействия, лежащие в основе формирования и развития личности ребёнка-сироты, не удается найти достаточно разработанной психолого-педагогической системы взаимодействия, которая упорядочивала учебный процесс. Поэтому в настоящее время воспитателю, учителю трудно ориентироваться как в содержании психологических закономерностей развития личности, так и сфере их приложения. Организация условий для формирования личностных качеств – это область образовательных психолого-педагогических взаимодействий, преимущественно опирающаяся на интуитивный, стихийный контроль со стороны воспитателя, учителя. Поэтому и воспитание с точки зрения научно-психолого-педагогического взаимодействия часто осуществляется стихийно, без достаточной опоры на современные психолого-педагогические знания.

Для понимания сущности проблемы значимо, что еще Л.С. Выготский [7] отмечал, что личность и способности ребенка наиболее эффективно развиваются на основе взаимодействия с другими людьми в таких видах деятельности, которые имеют социально позитив-

ные результаты и в которые ребенок готов включиться по собственному желанию и с интересом. Для этого взрослыми должны создаваться специальные условия. В рамках же деятельности, в которую ребенок включается путем принуждения и которая вызывает только негативные переживания, нормальное личностное развитие невозможно.

Ученые рекомендуют практикам в повседневной деятельности учитывать, что ограничение сферы активности и любознательности ребенка в раннем детстве, дошкольном и младшем школьном возрасте часто ведет к тому, что в его поведении начинают преобладать пассивные формы воспроизведения знакомых и привычных действий, а любознательность постепенно сменяется стремлением к неизменности и стабильности, основанным на подозрительности, тревожности и желании избегать неудач.

Так, В.Н. Брутман[5], исследуя проблемы социализации детей-сирот, подчеркивает, что игнорирование внутренних, индивидуальных интересов и потребностей ребенка ведет к многочисленным формам нега-

тивных реакций (активных и пассивных). Существуют два принципиально различных способа организации условий для личностного развития человека: использование таких форм, способов и средств общения, поведения, деятельности, какие они хотели бы привить тому, с кем выстраивают психолого-педагогическое взаимодействие (личный пример, образцы межличностных взаимодействий). Регламентация того, что и как «воспитуемый» должен делать или не делать (от просьб до принуждения).

По мнению Г.Е. Котковой[10], особенность современного процесса личностного развития ребенка заключается в том, что оптимально данный процесс протекает в условиях развивающей среды как специально организованного социокультурного пространства, в рамках которого в определенной педагогической логике осуществляется совместное деятельностное общение всех входящих в него субъектов.

Система педагогического сопровождения является стимулирующим фактором поливариантного развития личности школьника в социокультурном пространстве.

Библиографический список

1. *Абрамова Г.С.* Возрастная психология. М.: Академический проспект «Almamater», 2005. 702 с.
2. *Аверин В.А.* Психология детей и подростков: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998.
3. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Педагогика, 1968. 480 с.
4. *Байбородова Л.В.* Преодоление трудностей социализации детей-сирот: учебное пособие / Байбородова Л.В. Ярославль, 1997, 196 с.
5. *Брутман В. И.* Социальное и душевное здоровье ребенка и семьи: защита, помощь, возвращение в жизнь // Материалы Всерос. научно-практ. конф. (Москва, 22-25 сентября 1998 г.). М., 1998, с. 48–53.
6. *Виноградова Н.Ф., Куликова Т.А.* Дети, взрослые и мир вокруг нас. М., 2003, 208 с.
7. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М., 1996, 533 с.
8. *Дементьева И.* Социальная адаптация детей-сирот // Социальная педагогика. 2003. № 2. С. 64–73.
9. *Дети-сироты: консультирование и диагностика развития.* Под ред. Е.Л. Стребелевой. М.: Полиграфсервис, 1998. 336с.
10. *Коткова Г.Е.* Теория педагогического сопровождения личностного развития ребенка в контексте непрерывного образования. // Ученые записки Орловского государственного университета №1, 2010г.
11. *Мухина В.С.* Психологическая помощь детям, воспитывающимся в учреждениях интернатного типа // Лишенные родительского попечительства: Хрестоматия / Под ред. В.С. Мухиной. М., 1992. С. 113–122.
12. *Семья Г.В.* Основы социально-психологической защищенности выпускников образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. М., 2001, 142 с.
13. *Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психология сиротства. СПб.: Питер, 2005. Рабочая книга школьного психолога / Дубровина И.В., Акимов М.К. и др. М.: Владос, 2002. 376 с.
14. *Щипицина Л.П.* Психология сиротства. СПб., 2005. 628 с.

References

1. *Abramova G.S.* All ages Psychology. M.: "Almamater", 2005. 702 p. Academy guide.
2. *Averin V.A.* Psychology of children and teenagers. Textbook. 2-pbl. SPb: V.A. Michailov's Publishing House, 1998.
3. *Bojovich L.I.* Personality and its moulding in childhood. M.: Pedagogics, 1968. 480 p.
4. *Byborodova L.V.* Overcoming difficulties in socialization children-orphans: Textbook Byborodova L.V. Jahroslavl, 1997. 196p.
5. *Brutman V.I.* Social and mental health of a child and a family: protection (defense), help, recovering for life/ matters of all round Russian scientific and practice conference (Moscow 22-25 September 1998), M, 1998. p 48–53
6. *Vinogradova H.F. Kulikova T.A.* "Children, Adults and World round us". M.2003, 208p.
7. *Vjigotskyi L.S.* "Pedagogical Psychology" M, 1996. 533p.
8. *Dementjeva I.* Social protector of children – orphans// Social pedagogics. 2003. №2 p 64-73.
9. "Children – orphans : consulting and diagnoses of their development/ Red. E.L. Strebeleva. M. Polygraphservia 1998. 336p.
10. *Kotkova G.E.* The Theory of pedagogical accompaniment of personal development of a child in the context of incessant education. / Scientific notes of Orel State University №1. 2010.
11. *Muchina V.S.* Psychological help for children, bringing up in the boarding schools // without parental care
12. *Semja G.V.* Foundations of the social- psychological protection of the graduates of the schools for children – orphans and children without parental care. M. 2001. 142 p.
13. *Pryikhodgan A.M., Tostyich N.N.* Orphan's Psychology. SPb, Petersperg 2005., The workbook of school psychologist / Dubrovina I.V., Akimova M.K. ekt. M., Vlados, 2002. 376 p.
14. *Schshipitsina L. P.* Orphan's psychology . Spb. 2005. 628 p.

УДК 378.14.013

UDC 378.14.013

О.А. МАЛЬЦЕВА

кандидат педагогических наук, старший преподаватель, кафедра специальной подготовки, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова
E-mail: O-malzeva@mail.ru

O.A. MALTSEVA

Candidate of pedagogical science, Senior teacher, Department of special training, Orel Law Institute of the Ministry of Interior of Russia named after V.V. Lukyanov
E-mail: O-malzeva@mail.ru

ФОРМИРУЮЩИЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В УСЛОВИЯХ ВУЗА МВД РОССИИ

FORMING PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICAL EXPERIMENT IN THE CONDITIONS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Дано обоснование психолого-педагогического эксперимента, проведенного в процессе обучения курсантов вуза МВД. Определена общая направленность экспериментальной работы необходимостью подтверждения результативности учебного процесса с применением практико-ориентированного обучения, с использованием инновационных средств, методов и форм обучения, позволяющих активизировать познавательную деятельность слушателей, в рамках преподавания дисциплины «Практикум по психологии общения».

Ключевые слова: психолого-педагогический эксперимент, практикум по психологии общения, учебный процесс, курсанты, безопасность дорожного движения, общение, эффективность учебного процесса, практико-ориентированное обучение, контроль, компетентность полицейских.

Justification of the psychology and pedagogical experiment made in the course of training of cadets of higher education institution of the Ministry of Internal Affairs is given. The general orientation of experimental work by need of confirmation of productivity of educational process with application of the practice-focused training, with use of innovative means, methods and the forms of education, allowing to stir up cognitive activity of listeners, within discipline teaching «A Practice Course on Communication Psychology» is defined.

Keywords: psychology and pedagogical experiment, Practice Course on Communication Psychology, educational process, cadets, traffic safety, communication, efficiency of the educational process, the practice-focused training, control, competence of police officers.

Состояние безопасности дорожного движения в нашей стране в настоящее время представляет самостоятельную государственную проблему [1]. Вместе с тем повышение безопасности субъектов дорожного движения и снижение количества детского дорожно-транспортного травматизма возможно лишь в комплексе с другими мероприятиями, в частности пропагандистской и профилактической деятельностью, которая является одним из важнейших направлений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Именно поэтому в настоящее время вопрос подбора и обучения высококвалифицированных кадров является одним из приоритетных в органах внутренних дел. Для того чтобы стать компетентным инспектором Госавтоинспекции, необходимо научиться излагать свои мысли в устной и письменной форме, овладеть психолого-педагогическими методами и приемами общения, знать все тонкости и нюансы этой деятельности [2].

Проблема эффективности учебного процесса исследуется в педагогической науке в течение уже достаточно длительного времени, но, несмотря на это, следует констатировать факт, что, к сожалению, единая методология оценки дидактической эффективности процесса обучения еще не разработана. Выводы, которые сегодня

можно встретить в научной литературе, нельзя считать окончательными, поскольку они, как правило, базируются на результатах педагогических экспериментов, имеющих весьма существенные условности и ограничения. Большинство ученых-педагогов, взгляды которых мы разделяем (В.С. Аванесов, Н.Ф. Ефремова, П.И. Образцов, Л.З. Тархан и др.), считают, что, несмотря на отсутствие возможности производства прямых измерений отдельных характеристик психики обучающихся, можно косвенным путем, используя соответствующие методики, получать достоверные результаты исследований. Все сказанное в полной мере относится и к оценке дидактической эффективности формирования профессиональной компетентности будущих полицейских, в частности сотрудников Госавтоинспекции.

В психолого-педагогическом эксперименте приняли участие 15 слушателей 5 курса Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, очной формы обучения, специализация – административная деятельность органов внутренних дел, профиль подготовки – деятельность Государственной инспекции безопасности дорожного движения.

Эксперимент проводился в одной группе испытуемых, которая одновременно выступает как экс-

периментальная, так и контрольная. Выбор схемы проведения обусловлен тем, что невозможно подобрать экспериментальной группе полностью равноценную ей контрольную группу (по уровню развития коммуникативных, интеллектуальных способностей и учебной мотивации).

Построение формирующего психолого-педагогического эксперимента в соответствии с данной схемой основывалось на предварительном выявлении и оценке основных факторов, которые в учебной группе выпускников могут изменить во время проведения эксперимента и повлиять на его результат. В качестве таких факторов выступили:

1. использование результатов научных исследований по теме «Психология профессионального общения сотрудников Госавтоинспекции», «Профессиональная подготовка сотрудников подразделений ГИБДД к пропаганде безопасности дорожного движения» в виде учебных (практических) пособий и методических рекомендаций,

2. проведение занятий по дисциплине «Практикум по психологии общения».

Обязательными требованиями, предъявляемыми к эксперименту, организуемому и проводимому по данной схеме, являются следующие:

- ✓ тщательный контроль;
- ✓ предварительный теоретический анализ изучаемого явления с выявлением его причин;
- ✓ контроль в ходе эксперимента всех факторов, способных повлиять на его результаты и исказить их;
- ✓ валидность и достаточная надежность применяемых психодиагностических методов.

При несоблюдении последнего из перечисленных условий проведенный психолого-педагогический эксперимент может не дать нужных результатов не потому, что он неэффективен, а по причине использования в нем плохих диагностических методов [3].

Общая направленность экспериментальной работы определялась необходимостью подтверждения результативности учебного процесса с применением практико-ориентированного обучения, с использованием инновационных средств, методов и форм обучения, позволяющих активизировать познавательную деятельность слушателей, в рамках преподавания дисциплины «Практикум по психологии общения».

При изучении эффективности обучения слушателей нами применялись различные методы исследования: анкетирование, групповые методы опроса, педагогическое наблюдение, интервьюирование, тестирование, включенное наблюдение на занятиях, анализ продуктов учебной деятельности обучающихся (тестовые задания, видеоматериалы).

На завершающем этапе по разности результатов предварительного и итогового тестирования определялась сравнительная эффективность применения выбранного обучения в рамках изучения дисциплины «Практикум по психологии общения».

В ходе экспериментального исследования для получения объективной информации было применено

варьирование отдельных методов и синтетическое их использование соответственно изучаемому процессу – практико-ориентированному обучению полицейских. Для получения репрезентативных данных в ходе эксперимента привлекались эксперты, в качестве которых выступали преподаватели кафедр организации деятельности ГИБДД, уголовного права, криминологии и психологии, слушатели курсов повышения квалификации, сотрудники ОБДПС ГИБДД УМВД России по Орловской области.

Экспериментальная работа проводилась в три этапа: предварительный контроль, процесс практико-ориентированного обучения и итоговый контроль. На каждом этапе психолого-педагогического эксперимента производился сбор эмпирического материала, его статистическая обработка и предварительный анализ полученных результатов.

Целью предварительного контроля являлась диагностика уровня знаний в области психологии общения, развития профессионально-значимых качеств, готовности к практической деятельности выпускников. Такая диагностика позволяет получить информацию об уровне мотивации к обучению с профессиональной направленностью, об исходном уровне развития коммуникативных и организаторских способностей.

В процессе оценки видеоматериала эксперты отметили, что выпускники недостаточно самостоятельны, владея определенным количеством психологических знаний, не всегда способны применить их на практике (например, общение с гражданами). Не на должном уровне сформирована общая и профессиональная культура. При анализе полученных данных особое расхождение в оценке слушателей курсов повышения квалификации, сотрудников отдельного батальона дорожно-патрульной службы потребностей в совершенствовании профессиональных знаний, умений мы можем наблюдать по ряду признаков. Это свидетельствует о недостаточности коммуникативных способностей и объективному анализу оценки деятельности. Что подтверждает данные о несформированности умения применять полученные знания по психологии общения на практике. Полученные данные нашли свое отражение в практико-ориентированном обучении слушателей в рамках дисциплины «Практикум по психологии общения».

С целью сравнительной характеристики на предварительном и итоговом контроле проведено психологическое тестирование по следующим методикам: тест выявления коммуникативных и организаторских способностей-КОС, оценка способов реагирования в конфликте К.Н.Томаса, с целью оценки качества выполнения заданий и действий слушателями при решении профессионально-ориентированных задач в качестве экспертов были привлечены преподаватели, инспекторы дорожно-патрульной службы, руководители подразделений ГИБДД.

Цель дисциплины «Практикум по психологии общения» – актуализировать и формировать у слушателей профессиональные навыки общения и коммуникатив-

ную компетентность, формировать навыки осмысленного подхода к оценке поступков и действий как своих, так и других людей, овладеть тонкостями профессионального общения сотрудников органов внутренних дел, подготовить «к профессионально-грамотному общению с гражданами при исполнении служебных обязанностей и вне службы».

Изучение дисциплины «Практикум по психологии общения» было организовано согласно утвержденной рабочей программы. На ее освоение тематическим планом отводится 60 часов учебной нагрузки. Программой предусмотрено изучение 10 тем. Практикум по психологии общения в краткой форме содержит теоретические основы, задания и практические упражнения, направленные на познание и развитие индивидуальных особенностей и коммуникативных способностей личности сотрудников органов внутренних дел. Знание теории необходимо слушателям для понимания психологических закономерностей профессионального общения сотрудников органов внутренних дел. Практические упражнения ориентированы на индивидуальное и групповое выполнение заданий с целью актуализации и накопления собственного опыта профессионального общения. В качестве дополнительной работы предлагаются задания для личностного развития.

На завершающем этапе по разности результатов предварительного и итогового тестирования, определялась сравнительная эффективность применения выбранного практико-ориентированного обучения изучения дисциплины «Практикум по психологии общения». Результаты экспертной оценки свидетельствуют о том, что качество выполнения поставленных задач слушателями повысилось, что нашло свое выражение в проявлении коммуникативной компетентности; грамотном подборе психологических способов воздействия на участника дорожного движения, приемов конструктивного решения и профилактики конфликтных ситуаций, конфликтов; повысилась значимость проявления профессионально-важных качеств (вежливость и уважение к участнику дорожного движения, выдержка, достоинство, аргументированность, принципиальность и решительность при применении законных и обоснованных требований к гражданину).

Главные усилия в экспериментальной работе были направлены на выявление возможности повысить качество обучения, посредством практико-ориентированного обучения.

Проверка достоверности полученных результатов осуществлялась с использованием t-критерия Стьюдента, но уже при зависимых выборках, к которым относятся результаты одной и той же группы респондентов до и после эксперимента (воздействия независимой переменной). Для этих целей использовалась

формула:
$$t = \frac{\sum d}{\sqrt{\frac{n \sum d^2 - (\sum d)^2}{n-1}}},$$

где d – разность между результатами в каждой сравниваемой паре до и после эксперимента; $\sum d$ – сумма этих частных разностей; $\sum d^2$ – сумма квадратов частных разностей; n – число обучающихся.

Разница между результатами предварительного и итогового контроля является незначительной, и порог вероятности влияния случайных величин на этот результат меньше, чем 0,05%, следовательно, разница между двумя выборками достоверна. Опираясь на данный вывод, по итогам изучения слушателями учебной дисциплины было произведено сравнение результатов обучения.

Анализ приведенных результатов свидетельствует о том, что изучение «Практикума по психологии общения» слушателями при предложенном практико-ориентированном обучении позволяет получить существенный прирост среднего оценочного показателя.

В качестве одного из основных критериев оценки сформированности профессиональной подготовленности средствами практико-ориентированного обучения мы воспользовались следующим коэффициентом – K_0 :

$$K_0 = \frac{K_{\text{ито}}}{K_{\text{то}}},$$

где $K_{\text{ито}}$ – изменение оценки за группу (итоговый контроль), полученное с использованием практико-ориентированного обучения, а $K_{\text{то}}$ – изменение оценки за группу (предварительный контроль).

Библиографический список

1. Деятельность Госавтоинспекции по пропаганде безопасности дорожного движения. Под общей редакцией В.А.Кудина СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2012. С.16.
2. *Бурдилов А.И.* Проектирование педагогических условий применения информационных и коммуникативных технологий в образовательном процессе военно-морского вуза. \ диссер. на соискание к.п.н. 13.00.08. Калининград. 2012 (дата обращения 27.08.2014г.).
3. *Федотова Г.А.* Методология и методика психолого-педагогических исследований: учеб.пособие; НовГУ им.Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2006. С.15.

References

1. Activities of the State traffic inspectorate for promotion of traffic safety. Under the general edition of V. A. Kudin SPb.: Sankt-Ministry of Internal Affairs Petersburg university of Russia, 2012. P. 16.
2. *Burdilov A.I.* Design of pedagogical conditions of application of information and communicative technologies in educational process of naval higher education institution. \diss. of speciality 13.00.08. Kaliningrad. 2012 (date of the address 27.08.2014g.).
3. *Fedotova G. A.* Methodology and technique of psychology and pedagogical researches: Manual; Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. Veliky Novgorod, 2006. P. 15.

УДК 37.372.8

UDC 37.372.8

М.М. НЕЖЕНЦЕВ

аспирант, кафедра декоративно-прикладного искусства,
Орловский государственный университет
E-mail: ut2045@gmail.com

M.M. NEZHENTSEV

Graduate student, Department of decorative and applied
arts, Orel State University
E-mail: ut2045@gmail.com

**ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ПРОЕКТИРОВАНИЕ»
В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ДИЗАЙНА**

**THE IMPROVEMENT OF THE QUALITY OF EDUCATION IN DISCIPLINE «DESIGNING» FOR TRAINING
STUDENTS OF HIGH EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN DESIGN DEPARTMENT**

В настоящее время в графическом дизайне существует недостаточная разработанность учебно-методического материала в спецкурсах. Это создает необходимость формирования пакета программ и учебно-методических пособий для обучающихся по специальности «Дизайн». Данное направление позволяет студенту разрабатывать индивидуальные концепции в дизайне, учитывая его личные характеристики и особенности ассоциативного мышления.

Ключевые слова: дизайн, композиция, проектирование, методическое пособие, графемы, клаузура, графическая сетка.

Currently there is a lack of graphic design in elaboration of educational-methodical material in special courses; this creates the need to create a package of programs and teaching aids for students of «Design.» This direction allows a student to develop his individual concepts in the design, taking into account his personal characteristics and features of associative thinking.

Keywords: design, composition, design, handbook, grapheme, klauzura, graphic mesh.

В современном образовании в области графического проектирования наблюдается процесс обучения, направленный на развитие ассоциативного мышления, а также на формирование креативного восприятия посредством владения разнообразными компьютерными технологиями для реализации основного замысла.

В дизайне полиграфии наиболее часто разрабатываемыми с позиции иллюстрации являются открытки, календари, а в учебно-методической продукции иллюстрация является наглядным пособием для студентов, освещающим основные этапы работы и объясняющим конечный результат.

Дисциплина «Проектирование» является основополагающей в процессе обучения специальности «Дизайн», а иллюстрирование занимает в проектировании значимое место. В связи с переходом российского высшего образования на Болонскую систему изменилось количественное содержание каждой дисциплины и соответственно требует нового качественного преподавания и системы наглядных пособий, в которых будут представлены современные методики. Методика «проектирования по графической сетке» (где сеткой является клаузура первого прочтения, выполненная в чёрно-белой графике) даёт возможность интерактивного решения поставленной задачи. Чётко определяет пути возможного решения, при этом оставляет возможность выхода на собственное прочтение заданного произведения.

В основе творчества лежит стремление к созданию выразительного художественного образа.

«Выразительность в искусстве – свойство художественного отражения в образной, наглядной, яркой форме раскрывать сущность изображаемых явлений и характеров, передавать отношение художника к материалу его творчества, его переживания, чувства, оценки. Выразительность – проявление активности художника, его заинтересованного отношения к жизни, оригинальной художественной интерпретации эмоционально-насыщенных образов.» [1, с.22]

Вопросы, касающиеся иллюстрирования в западно-европейской школе, глубоко освещены в работах школы Баухаса, в композициях Эшера. В России этим вопросом занимались Степучев, Лапина О.А. («Как учиться самостоятельно: Учебно-методическое пособие. Иркутск: ИГЛУ, 2004), Немыкина И.Н. (Кандидатская диссертация: особенности написания и правила оформления: Методические рекомендации. М.: АПКППРО).

Для того чтобы провести анализ и разработать концепцию улучшения преподавания проектирования в высших учебных заведениях, необходимо на данном этапе:

- изучить литературные и интернет-источники;
- проанализировать классификационные и конструктивные особенности пособий;
- изучить аналоги работы с масштабной сеткой;
- разработать концепцию основных модулей;
- создать графические образы методом иллюстрирования по графической сетке на примере пособий Степучева и экспериментальных композиций Эшера;
- визуализировать основные этапы работы на

носители;

- провести теоретический анализ учебных пособий по проблеме исследования;
- выполнить теоретическое исследование вопросов, освещенных в работах западно-европейских и российских школ.

Предлагаемая методика проектирования по модульной сетке не является чем-то абсолютно новым. Существует большое количество её вариативных решений. Из всего этого многообразия остановимся на направлении работ голландского художника Эшера и разработанной методике Р.А. Степучёва.

Маурис Корнелис Эшер (Maurits Cornelis Escher, 1898–1972) известен как мастер графического представления отношений между пространственными структурами, пространством и плоскими поверхностями. В большой серии своих работ, названной «метаморфозами» (1937–1945), он отобразил «забавные» графические структуры, казалось бы, не имеющие отношения к глубинам естествознания. Однако эти отображения, как в магическом зеркале, неумолимо подчиняются строгим формальным определениям, отражая самое существо динамики и кинетики естественных преобразований клеточных структур. Сегодня их можно считать аллегорическим отображением самой сущности, внутреннего содержания отношений преобразований в клеточных системах.

Метаморфозы Эшера: одинаковость, сходство, порядок. «Небо и вода» – так называется одно из произведений художника. «Метаморфоза» – другое. Что между ними общего и что их отличает? Что определяет общие особенности метаморфоз Эшера? [2]

Ознакомившись в общих чертах, какое направление работ Эшера представляет для нас интерес, можно перейти к методической системе Р.А. Степучёва. И здесь необходимо отметить, что несмотря на сложные задачи в основе всех его учебных заданий лежит пропедевтический курс.

Дифференциальные признаки графемы «пятно». Для выполнения клаузуры «первого прочтения» необходимо напомнить понятия системы противопоставления графем «пятно» по дифференциальным признакам. Углубить знания таких фактов графического языка, как конструкционные элементы, из которых состоит понятие «пятно», пространственные отношения конструктивных частей графемы, а также дифференциальных признаков: изобразительной плоскости, инструмента, которым наносится графема и вещества, из которого она состоит. Развить творческое умение и навыки по гармонизации графемы «пятно». Ознакомиться со свойствами и признаками линейной графемы, основные понятия: Линейная графема. Линейные признаки. Графема пятно. Набор ощущений и эмоций.

а. чёткий, жёсткий, широкий, тяжёлый, рваный, медленный, колючий, жирный, грубый, густой, фактурный, динамичный, мужественный, могучий, напряжённый, мрачный, шершавый, ясный, активный, весёлый;

б. размытый, мягкий, тонкий, плавный, туманный, гладкий, нежный, рыхлый, жидкий, статичный, женственный, добрый, сухой, быстрый, слабый, пас-

сивный, светлый, расслабленный, блестящий, ровный, маленький и т.п.

Определить дифференциальные признаки знакотипа «пятно»: изобразительную плоскость; инструмент, которым наносится знак, и вещество, из которого состоит знак. 1) Характеристики начертания: а) протяжённость пятна; б) ширина; в) площадь; г) форма 2) Характеристики знакотипа «пятно» со стороны конструкции (устройства): а) как устроен центр.

Рассматривая колерные карты, следует также подчеркнуть правильность выводов отечественных специалистов: «Цветовая композиция и ее воздействие зависит не только от подбора цветовых тонов, но также и от пропорциональных соотношении между ними, то есть от размера и формы каждого цветового пятна в целом». [3, с.94]

В результате проведенных теоретических исследований, исторических и классификационных особенностей методического пособия как вида полиграфической продукции были выявлено, что грамотно созданные визуальные образы, объединенные общей идеей с нестандартным использованием сетки, представляющие собой организованную систему, позволяют сделать графическое оформление учебного материала по иллюстрированию эффективным.

В процессе анализа историко-культурной и специализированной литературы нами были выделены этапы развития формирования методического пособия и его оформление. В современных вузах стоит проблема использования дополнительных (вспомогательных) средств обучения. Частью образовательных технологий в современных условиях системы получения образования является методическая и учебно-методическая литература. Число пособий различных учебно-методических комплексов постоянно растет и обновляется.

В результате работы нами были выявлены виды учебного материала. Также были проанализированы конструктивные и структурообразующие особенности учебного пособия.

На основе теоретического исследования были рассмотрены аналоги оформления учебного материала с целью выявления концептуальных и графических решений стоящих задач. Нами был рассмотрен широкий спектр работ, кардинально различавшихся в содержании, идее, структуре и в исполнении.

Практические исследования позволили определить, что преимущество графически оформленного учебного материала очевидно: данный полиграфический продукт сочетает в себе несомненную функциональность с высоким художественным уровнем проектирования.

В процессе теоретических исследований было выяснено, что графически оформленное учебное пособие является актуальной темой для плодотворной деятельности преподавателей и успешной работы студентов. Наглядный материал помогает студенту развивать ассоциативное мышление и активно продвигаться в обучении.

Библиографический список

1. *Ермолаева Л.П.* Основы дизайнерского искусства: учебное пособие: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 052400 «Дизайн». Москва: Архитектура-С, 2001. 86 с.
2. Яков Гельфандбейн Константы карциногенеза – тайна метаморфозы Эшера. <http://imp-world-r.narod.ru/>
3. *Аксенов Ю., Левидова М.* «Цвет и линия» М. 1986. 155 с.

References

1. *Yermolayeva L.P.* Art Design Basics: Tutorial: for university students enrolled in specialty 052400 “Design”. Moscow: Arkhitektura-C 2001. 86 p.
 2. *Jacob Gelfandbeyn.* Constants carcinogenesis – the mystery of metamorphosis Escher. <http://imp-world-r.narod.ru/>
 3. *Aksenov Yu., Levidov M.* “Color and Line” M. 1986. 155 p.
-

УДК 355.237

UDC 355.237

П.И. ОБРАЗЦОВ

доктор педагогических наук, профессор, Академия Федеральной службы охраны РФ

E-mail: kind@orel.ru

Н.В. БОГРИНЦЕВ

преподаватель, Академия Федеральной службы охраны РФ

E-mail: bognv@yandex.ru

P.I. OBRAZTSOV

Doctor of Pedagogics, Professor, Federal Guard Service Academy of the RF

E-mail: kind@orel.ru

N.V. BOGRINCEV

Lecturer, Federal Guard Service Academy of the RF

E-mail: bognv@yandex.ru

ПОДГОТОВКА ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДСТВАМИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

TRAINING OF MILITARY SPECIALISTS IN THE SYSTEM OF THE ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION BY MEANS OF DISTANCE LEARNING

В статье рассматриваются вопросы, связанные с подготовкой военных специалистов в условиях технического вуза в системе дополнительного профессионального образования с использованием возможностей дистанционного обучения. Автор рассматривает факторы, влияющие на выбор педагогической концепции. В статье нашло отражение сочетание нескольких подходов, лежащих в основе разработанной технологии дистанционного обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение, военные специалисты, дополнительное профессиональное образование, модель, технология дистанционного обучения.

This article discusses issues related to the preparation of military professionals in the technical college system of additional professional education through distance learning. The author examines factors influencing the choice of pedagogical concept. The article reflected a mixture of approaches of the developed technology of distance learning.

Keywords: distance education, military specialists, additional professional education, model, distance learning technology.

Политические и социально-экономические изменения, происходящие в нашей стране, не могут не затрагивать систему дополнительного профессионального образования. В современном мире научно-технические и социальные процессы быстро и кардинально изменяют условия труда и содержание профессиональной деятельности военного специалиста. Как следствие, непрерывно изменяется и расширяется круг профессиональных обязанностей и функций, становится иным характер профессиональных отношений. В целях адаптации к этим процессам, с одной стороны, человек на протяжении всей своей трудовой жизнедеятельности должен быть готов к переобучению, переподготовке и постоянному совершенствованию знаний, умений и навыков. Однако идея дополнительного профессионального образования в сознании общества очень часто остается декларативной, формально организованной и невостребованной субъектами управления обществом. Поэтому, с другой стороны, совершенствование профессиональной подготовки и переподготовки военных кадров требует поиска эффективных путей, способов и средств.

Особенности условий прохождения военной службы, высокий уровень ответственности за принятые решения, бурно развивающиеся технические средства предъявляют особые требования к подготовке военных специалистов и заставляют его совершенствоваться и под-

держивать уровень своего профессионального мастерства, как специалиста, так и военнослужащего. Одним из вариантов решения данной проблемы является использование в системе дополнительного профессионального образования возможностей дистанционного обучения.

В основу дистанционного обучения положена определенная модель передачи знаний с использованием новых информационных технологий, что способствует повышению уровня информационной культуры. При этом необходимо учитывать ряд особенностей организации дистанционного обучения:

- ограниченные возможности на осуществление непосредственного контакта между преподавателем и обучающимся вследствие того, что непосредственное общение происходит посредством средств связи и телекоммуникаций;

- от обучающегося требуется определенный уровень образования (определенный начальный набор знаний, умений, навыков) и, кроме того, технического обеспечения рабочего места [профессионального (наличие индивидуального (профессионального) опыта, готовность к его практической реализации);

- наличие у обучаемых различных возрастных категорий, особенно при профессиональной переподготовке (повышении квалификации);

- ограничены возможности групповой работы;
- малый срок для изучения свойств личности обучающихся.

Дистанционное обучение, начав активно развиваться с 90-х годов XX века, в настоящее время рассматривается как одно из важнейших направлений развития национальной системы образования. Сегодня дистанционное обучение не только становится в один ряд с традиционными формами получения образования, но и неуклонно оказывает интенсивное влияние на их развитие. Опыт реализации дистанционного обучения в России и за рубежом показал целесообразность использования этой формы обучения как в гражданской, так и в военной сферах системы профессионального образования [3].

Эффективность функционирования системы дополнительного профессионального образования будет определять продуктивность подготовки и переподготовки военных специалистов, готовых мобильно решать поставленные перед ними профессиональные задачи.

Подготовку военного специалиста нельзя представить как "статическое новообразование" в связи с особенностями военной службы, которые характеризуются высоким уровнем ответственности и ограничением времени на принятие решения. Вследствие этого данные особенности предъявляют серьезные требования к военнослужащему как к специалисту, что побуждает его постоянно поддерживать и повышать уровень своих профессиональных знаний, навыков и умений. Сказанное может быть реализовано системой дополнительного профессионального образования в военной сфере, в том числе с использованием возможностей дистанционного обучения [2].

Изучение исследований, касающихся подготовки военных специалистов в условиях дистанционного обучения, позволило выделить ряд факторов, требующих учета при выборе педагогической концепции [4]:

- профессионального (наличие индивидуального (профессионального) опыта, готовность к его практической реализации);
- андрагогического (лица, решающие повышать квалификацию, являются взрослыми людьми);
- социального (основой мотивации является осознание необходимости повышения своего профессионального уровня для более качественного выполнения функциональных обязанностей либо карьерного роста).

Теоретической основой повышения эффективности подготовки военных специалистов является модель подготовки военных специалистов в системе дополнительного профессионального образования средствами дистанционного обучения, которая представляет собой

дидактическую систему, предназначенную для совершенствования подготовки военных специалистов и гарантированным достижением целей обучения. Модель является универсальной для любого образовательного учреждения, осуществляющего подготовку военных специалистов средствами дистанционного обучения. В состав модели включены следующие взаимосвязанные компоненты: основания подготовки (переподготовки) специалистов, педагогические условия, технология обучения, критериально-оценочный аппарат.

Разработанную модель подготовки военных специалистов в системе дополнительного профессионального образования средствами дистанционного обучения можно реализовать через соответствующую технологию дистанционного обучения, под которой понимается образовательная технология, способствующая организации учебного процесса, направленного на профессиональную деятельность обучающихся с учетом их способностей, интересов и личной заинтересованности в результатах обучения.

В качестве концептуальной основы реализации разработанной технологии дистанционного обучения военных специалистов в системе дополнительного профессионального образования представляется возможным использовать сочетание нескольких подходов, а именно:

- системного, основанного на всестороннем рассмотрении педагогической системы как определенной совокупности взаимосвязанных средств, методов и процессов, необходимых для создания организованного и целенаправленного обучения;
- личностно-ориентированного, основанного на признании слушателя активным субъектом в образовательном процессе, учете его индивидуальных особенностей;
- андрагогического (лица, решающие повышать квалификацию, являются взрослыми людьми);
- контекстного, построенного на основе ориентации процесса обучения на контекст профессиональной деятельности;
- технологического, предполагающего проектирование учебного процесса с целью гарантированного достижения дидактических целей исходя из заданных исходных установок (социальный заказ, образовательные ориентиры, цели и содержание обучения) [2].

Спроектированная в рамках исследования технология, базирующаяся на применении дидактического комплекса и технологически карт, может быть применена для повышения качества профессиональной подготовки обучающихся в системе дополнительного профессионального образования средствами дистанционного обучения.

Библиографический список

1. Андреев А.А. Дидактические основы. М.: ВУ, 1995.
2. Богринцев Н.В. Профессиональная компетентность военных специалистов в условиях дистанционного обучения // Профессиональное образование. Столица. 2010. № 2. С. 17–18.
3. Пимонов Р.В., Климашевский В.А. Основы организации дистанционного обучения военных специалистов: учебно-методическое пособие. Под ред. П.И. Образцова. Орел: Академия ФСО России, 2011. 133 с.

4. *Образцов П.И., Пимонов Р.В.* Особенности организации дистанционного обучения военных специалистов с целью повышения их квалификации // Образовательная среда сегодня и завтра: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 28.09 – 01.10.2005) / М.: Рособразование, 2005. С. 200–202.

References

1. *Andreyev A.A.* Didactic bases. M.: VU, 1995.
 2. *Bogrintsev N.V.* Professional competence of military experts in the conditions of distance learning//Professional education. Capital. 2010 . No. 2. Pp. 17–18.
 3. *Pimonov R.V., Klimasevskij V.A.* Foundations of distance education military specialists: textbook. Ed. P.I. Obratsov. Orel Academy FGS Russia, 2011. 133 p.
 4. *Obratsov P.I., Pimonov R.V.* Features of the organization of distance learning of military experts for the purpose of increase of their qualification//the Educational environment today and tomorrow: Materials II of the All-Russian scientific and practical conference (Moscow, 28.09 – 01.10.2005) / М.: Federal Agency for Education, 2005. Pp. 200–202.
-

УДК 377.5

UDC 377.5

Ю.И. ПИЛЮГАЙЦЕВА

аспирант, кафедра декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет
E-mail: Pilyla32@mail.ru

J.I. PILYIGAITSEVA

Graduate student, Department of arts and crafts and technical graphics, Orel State University
E-mail: Pilyla32@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТА К ОБУЧЕНИЮ В СРЕДНЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

PSYCHOLOGICAL READINESS OF STUDENT TO THE EDUCATION IN THE VOCATIONAL SCHOOL

Готовность личности к обучению в среднем профессиональном образовательном учреждении является одним из факторов, влияющих на успешность выполнения учебно-профессиональной деятельности. В статье рассматриваются психологические особенности юношеского возраста, определяющие интеллектуальное развитие личности, процесс адаптации в коллективе и направленность профессионального самоопределения.

Ключевые слова: ведущая деятельность, социальная ситуация развития, профессиональное самоопределение, идентификация.

The psychological readiness of a student to the education in the vocational school is one of the factors influencing the result of professional work. The article deals with the psychological features, which has an impact on mentality of personality, the adaptive process and the orientation of the professional self-determination.

Keywords: key activity, socialization, professional self-determination, identification.

В условиях обучения в среднем профессиональном образовательном учреждении основная цель обучающихся – овладение профессией. Среди факторов, влияющих на выбор профессии и специальности в ранней юности, можно назвать социологические (требования общества к личности), социально-психологические (соотнесение личных потребностей с требованиями общества), личностные (индивидуальные предпочтения, направленность личности).

Период профессионального самоопределения не имеет возрастных ограничений, поскольку он может начаться в подростковый период или в юношеском возрасте.

В отечественной педагогике такие исследователи, как Н.Э. Касаткина, Е.А. Климов, И.С. Кон, Т.В. Кудрявцев, Н.С. Пряжников, С.Н. Чистякова и др. рассматривают вопрос профессионального самоопределения личности. Разработка методологических и теоретических основ профориентации представлена в работах Е.А. Климова, Н.С. Пряжникова, С.Т. Шацкого и др.

Профессиональное самоопределение обучающихся на современном этапе развития общества и образования происходит в условиях развивающихся противоречий:

- между представлениями личности о сфере профессиональной деятельности, их профессиональной направленностью и реальными предложениями рынка труда;
- между требованиями к уровню профессиональной подготовки студентов и недостаточной разработанностью условий практической подготовки старших школьников.

Проблема профессионального самоопределения

тесно связана с вопросом о готовности личности к обучению в среднем профессиональном учреждении. О готовности личности к учебно-профессиональной деятельности можно судить, рассматривая различные аспекты психофизиологического, психологического, социального и интеллектуального развития личности в юношеский возрастной период.

Возрастные рамки личности студента, обучающегося в среднем профессиональном учреждении, можно ограничить возрастом 16-20 лет. Согласно исследованиям возрастной психологии, период развития личности в этот период можно охарактеризовать как юношеский возраст.

Хронологические рамки юношеского возраста исследователями определяются по-разному. В.С. Мухина определяет границы юности от 15–16 до 21–25 лет. Наиболее часто исследователи (И.Ю. Кулагина) выделяют старший школьный возраст – ранняя юность (16-17 лет) и юность (от 17 до 20–23 лет). Характеризуя личность студента среднего профессионального образовательного учреждения, следует рассматривать оба этапа во взаимосвязи, поскольку главные задачи взросления (профессиональные и социальные), обусловленные социальной ситуацией развития, распространяются на весь возраст в целом.

Юность – это период в развитии личности, который заключается в переходе от подросткового возраста к самостоятельной взрослой жизни. Происходит личностное, социальное и профессиональное самоопределение. Основные направления развития личности в юношеском возрасте связаны с будущим: окончание

общеобразовательной школы, выбор профессии, начало трудовой деятельности.

Студента как личность можно охарактеризовать с нескольких сторон:

- с биологической, которая предопределена наследственностью и задатками и включает тип высшей нервной системы, физическую силу;
- с социальной, которая отражает общественные отношения студента во взаимодействии с различными социальными группами;
- с психологической, которая характеризует психические свойства личности (направленность, темперамент, характер).

С психологической точки зрения каждый студент обладает уникальными особенностями, от которых зависит его поведение и которые предопределяют успешность его учебно-профессиональной деятельности.

Основными характеристиками развития личности в юношеский возрастной период являются социальная ситуация развития, ведущая деятельность, интеллектуальное и эмоциональное развитие личности, включающее психические новообразования, и сфера общения.

Юность с психологической точки зрения связана с ростом самосознания, поиском своего места в жизни путем решения задач профессионального самоопределения и стремлением к самостоятельной взрослости. Социальная ситуация развития такова, что в юношеском возрасте происходит количественное и качественное развитие социальных ролей и интересов, влекущие за собой определенную степень самостоятельности и ответственности. Расширение диапазона ролей и интересов обусловлено усложнением жизнедеятельности старшего школьника: возможность вступать в брак, ответственность за уголовные преступления. У юношей возникает потребность занять позицию взрослого человека. Увеличение числа социальных ролей ведет за собой качественные изменения социальных ролей, связанные с изменением социальных требований, предъявляемых к личности старшего школьника. Старший школьник должен иметь представление о трудовой деятельности, о гражданских обязанностях.

Основное содержание и направление деятельности старшего школьника связано с выбором профессии, в связи с чем возрастает значимость юношеского возраста для профессионального развития личности и ее успешной социализации. Практически все юноши и девушки размышляют о выборе профессии, многие начинают трудовую деятельность.

Ситуация выбора профессии активизирует учебную деятельность в юношеском возрасте, в связи с чем ведущая деятельность в этот период развития личности – учебно-профессиональная. Мотивация личности на начальном этапе обучения в среднем профессиональном образовательном учреждении заключается в стремлении приобрести профессию, востребованную на рынке труда, которая позволит обрести определенный социальный статус в обществе и независимость.

В юношеском возрасте молодые люди практически готовы к выполнению всех видов умственной деятель-

ности взрослого человека, развиваются способности к деятельности в различных областях.

Интеллектуальное развитие в юности имеет свои особенности и связано с протеканием отдельных психических процессов. В юности возрастает объем памяти, концентрация внимания. В юношеском возрасте, наряду с активизирующимся непроизвольным запоминанием, преобладает применение рациональных приемов произвольного запоминания, которое помогает сосредоточиться на предмете деятельности. Мышление отличается большей систематичностью по сравнению с мышлением в подростковом возрасте. Развивается абстрактно-логическое мышление, связанное с потребностью теоретизирования (анализ абстрактных идей, анализ противоречивых суждений, интерес к философским вопросам). Исходя из социальной ситуации развития в юношеском возрасте, связанной с профессиональным самоопределением, происходят качественные изменения в умственном развитии юношей. У молодых людей наблюдается более осознанное отношение к учению, познавательные интересы приобретают устойчивый характер, что выражается в избирательности к учебным предметам. Отмечается развитие абстрактно-логического мышления, которое “делает вполне возможной самостоятельную творческую деятельность в определенных областях” [2. 275]. Особенно быстро в юности развиваются специальные способности, так как интеллектуальное развитие в этом возрасте тесно связано с развитием творческих способностей. Молодые люди способны находить нестандартный подход к решению проблем, проявлять интеллектуальную инициативу.

Проблема профессионального самоопределения связана с развитием личности и психическими новообразованиями в юности. Главные психические новообразования: формирующееся мировоззрение, развитие самосознания, осознание собственной индивидуальности.

В юношеском возрасте появляются потребности “понять и оценить окружающий мир; разобраться в себе и определить свое отношение к миру” [1. 97]. Мировоззрение проявляется не только в совокупности знаний и опыта, но это еще и “система убеждений, формирование которых сопровождается чувством их истинности, правильности” [1. 97]. Формирование мировоззрения в юношеском возрасте приводит к поиску личностного смысла жизни, связанным с выбором профессии (кем быть?) и нравственным самоопределением (каким быть?). Мировоззренческие поиски выражаются в жизненных планах, содержание которых зависит от направленности личности и связано с выбором профессии.

Самосознанию отводится главная роль при определении психологического содержания юношеского возраста. В.С. Мерлин выделил несколько компонентов самосознания:

- сознание своей тождественности;
- сознание собственного “Я” как активного, деятельного начала;
- осознание своих психических качеств;
- система социально-нравственных самооценок.

В юношеском возрасте происходит постепенный переход от оценки к самооценке, которая формируется несколькими способами: соотнесение уровня достигнутых результатов с притязаниями и сопоставление мнения о себе с мнениями окружающих (родителей, сверстников, преподавателей), т.е. самооценка осуществляется путем сравнения идеального “я” с реальным. В результате такого сравнения не всегда эти образы совпадают, что вызывает у юноши неуверенность и сопровождается иногда внешней агрессивностью. По Э. Эриксону, юношеский возраст строится вокруг кризиса идентичности. Кризис идентичности затрагивает различные компоненты развития личности. В период ранней юности кризис в большей степени выражен в профессиональной и семейной идентичностях. Для молодых людей характерна меньшая удовлетворенность настоящими жизненными условиями и наблюдается большая склонность к риску. Психолог Д. Марш считал, что идентичность формируется, если личность пережила кризис и сделала осмысленный выбор профессии. В своих работах выделяет четыре этапа развития идентичности:

- размытая идентичность характеризуется тем, что индивид не выбрал профессию, не сформировал четких убеждений;
- преждевременная идентичность свойственна индивидам, включившимся в определенный вид деятельности, но под влиянием мнения других людей;
- период “моратория” означает период отсрочки, когда юноша исследует варианты развития для дальнейшего самоопределения;
- зрелая идентичность означает, что личность прошла стадию моратория, разрешила кризис и сделала выбор на основе решений, принятых самостоятельно.

Новая личная идентичность необходима для успешной учебно-профессиональной и социальной деятельности. Согласно Э. Эриксону, формирование идентичности является одной из главных задач юности. Молодые люди стремятся к поиску своего “я” для того, чтобы принимать решения и строить отношения с окружающими людьми. Образ собственного “я” формируется на основе самооценки физического облика и личностных качеств. Следует отметить, что “открытие своего внутреннего мира в юности влечет за собой негативные переживания, связанные с неопределенностью, расплывчатостью образа “я” [1. 41].

В юности усиливается потребность в общении со сверстниками, в ходе которого вырабатываются необходимые навыки социального взаимодействия, формируются коммуникативные качества. Общение старшеклассников имеет личностно-эмоциональную окраску, под влиянием которого формируется личность юноши. В юношеском возрасте наблюдается возрастающая потребность в свободном общении, поскольку в этот период становится актуальным поиск единомышленников и усиливается потребность в сотрудничестве с разными референтными группами. Свободное общение выступает как средство самовыражения личности, служит для установления новых контактов. В связи с

этим повышаются требования к дружбе, наблюдается высокая избирательность в дружеских привязанностях. Подобные проявления общения в юности объясняются противоречивостью характера юноши, его неустойчивостью. Среди личностных черт выделяют: “скепсис, тенденция все подвергать сомнению и страстное стремление уверовать в кого-либо или что-либо”, “максимализм, которым окрашены требования, взгляды, устремления” [2. 268].

В юности наблюдается противоречивая тенденция в сфере общения: с одной стороны, расширяется сфера общения, взаимодействия с коллективами, с другой – большая потребность в личном пространстве. Первая тенденция объясняется расширением социального пространства взаимодействия. Вторая тенденция проявляется в стремлении оградить свой внутренний мир от внешнего воздействия с целью сохранить свою индивидуальность.

Таким образом, основополагающими качествами личности в юношеском возрасте, которые имеют принципиальное значение для профессионального самоопределения, являются устремленность в будущее, рост самосознания и личностная идентификация.

По окончании девятого или одиннадцатого класса средней образовательной школы школьник оказывается в ситуации выбора – завершение обучения в школе или продолжение обучения в среднем или высшем профессиональном образовательном учреждении. У многих школьников наблюдается неосознанность выбора учебного заведения и, соответственно, будущей профессии, осуществляемого под влиянием внешних обстоятельств (учебное заведение расположено близко к дому, учеба “за компанию”, востребованность на рынке труда, влияние мнения родителей) без учета индивидуальных особенностей личности и ее направленности, что в дальнейшем приводит к неудовлетворенности, снижению самооценки.

В процессе профессионального самоопределения старшеклассников большое значение имеет уровень их информированности о своих возможностях и будущей профессии. Представления личности о требованиях и содержании будущей профессиональной деятельности на этапе выбора профессии оказывают влияние на процесс дальнейшего профессионального становления студентов. Некоторые учащиеся не владеют достаточной информацией об особенностях конкретной профессии, что делает их выбор в значительной степени случайным.

У молодых людей складываются некоторые образы будущего профессионального учебного заведения, города, где находится колледж. Однако некоторые оказываются психологически не готовыми к осознанному выбору и планированию своей профессиональной карьеры.

Лишь немногие обучающиеся имеют четкие представления о выбранной профессии. Они обладают конкретными знаниями о целях, содержании, формах и условиях получения выбранной профессии, имеют представление о способах обретения профессии. Подобные знания способствуют более углубленному изучению данной сферы профессиональной деятельности, совер-

шенствованию собственных навыков и способностей.

Многие студенты испытывают трудности в процессе обучения, поскольку происходит резкий переход от системы школьного обучения, учащийся оказывается в новых условиях обучения. Студентами осваиваются первичные профессиональные знания и умения в новом режиме труда. Анализируя учебно-профессиональную деятельность студентов на первом курсе, можно выделить следующие трудности:

- недостаточная психологическая готовность к будущей профессии;
- отсутствие навыков самостоятельной работы с различными источниками;
- недостаточная саморегуляция в связи с отсутствием контроля со стороны родителей.

Таким образом, можно говорить о недостаточной психологической готовности личности к обучению в среднем профессиональном заведении, поэтому в процессе обучения необходимо предусмотреть ряд мер, направленных на преодоление трудностей в процессе адаптации к новым условиям обучения и общения. Создание целесообразных педагогических условий способствует развитию потребностно-мотивационной сферы обучающихся и стимулированию профессионального самоопределения. К ним можно отнести: организацию учебного процесса, уровень преподавания, тип взаимоотношений студента и преподавателя.

На начальном этапе обучения студент испытывает адаптационные трудности, связанные с несоответствием требований в учебном заведении уровню подготовленности учащегося, недостаточной психологической готовностью к выбранной профессии, а также психическим и эмоциональным напряжением. Профессиональная адаптация предполагает приспособление к характеру, содержанию и организации учебного процесса. Для преодоления трудностей, связанных с профессиональной адаптацией, следует ознакомить учащихся со спецификой обучения в образовательном учреждении путем привлечения обучающихся к участию в конференциях, студенческих собраниях. Поскольку для юношей важную роль играет значимость выбранной профессии, следует информировать учащихся об особенностях выбранной профессии, а также сферах реализации профессиональных знаний и умений. Уже на начальном этапе обучения возмож-

но включение студентов в профессиональную деятельность с целью выявления необходимых личностных и профессионально значимых качеств.

Тип взаимоотношений между преподавателем и студентом имеет принципиальное значение, поскольку оказывает влияние на формирование системы ценностей личности, характер ее профессиональной направленности. Эффективность педагогического взаимодействия зависит от объективного понимания преподавателем студента, умения направлять коллективную студенческую деятельность. Современный тип взаимоотношений преподавателя со студентами характеризуется диалоговыми педагогическими формами, которые способствуют построению сотрудничества с обучающимися. Взаимоотношения имеют личностно-ориентированный характер. Ключевую роль в построении взаимоотношений между преподавателем и студентом играет личность преподавателя, который должен проявлять интерес к людям, работе, уметь прогнозировать педагогические ситуации. Основой построения взаимоотношений является общение. Для формирования продуктивного общения педагог реализует следующие качества и умения:

- умение вступать в положительный эмоциональный контакт;
- терпеливость, воспитанность, уважение к обучающемуся, что предполагает право студента на собственное мнение и решение;
- организаторские способности, дисциплинированность;
- коммуникативность, что включает умение управлять своим поведением и моделировать личность студента, его психологическое состояние.

Знание возрастных особенностей развития студентов, включающих физиологические и психологические характеристики, позволяет корректировать уровень психологической готовности к обучению в среднем образовательном учреждении, повышая комфортность взаимоотношений.

Рассматривая вопрос о готовности личности в период юности к учебно-профессиональной деятельности, можно говорить о необходимости создания единого образовательного пространства на основе интеграции науки, образования и производства, способствующего профессиональному самоопределению и обеспечивающего непрерывность профессиональной подготовки.

Библиографический список

1. Волков Б.С. Психология юности и молодости: Учебное пособие. М.: Академический Проект: Трикта, 2006. 256с.
2. Ермолаева М.В. Психология развития: Метод. пособие для студентов заочной и дистанционной форм обучения. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. 376с.
3. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 304с.
4. Прызжников Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение. Воронеж, 2006.

References

1. Volkov B.S. The Psychology of youth and adolescence: Textbook. M.: Academic Project: Trixta, 2006. 256p.
2. Ermolaeva M.V. The Psychology of development: Teacher edition to the students of postal tuition and distance learning. Voronezh: NPO «MODEK», 2003. 376p.
3. Klimov E.A. The Psychology of the professional self-determination: Textbook to the students of the institution of higher education. M.: Publishing center «Academy», 2004. 304p.
4. Pryazhnikov N.S. The professional and personality self-determination. Voronezh, 2006.

УДК 811.161.1'367 (072.3)

UDC 811.161.1'367 (072.3)

Е.Н. ПУЗАНКОВА

доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе, зав. кафедрой теории и методики обучения русскому языку и литературе, Орловский государственный университет
E-mail: 79058562607@yandex.ru

Е.А. ХОВАНСКАЯ

кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, доцент, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, Орловский государственный университет
E-mail: l.hovanskaja@yandex.ru

E.N. PUZANKOVA

Doctor of pedagogical sciences, Professor, Vice rector for scientific work, Head department of the theory and technique of training in Russian and literature, Orel State University
E-mail: 79058562607@yandex.ru

E.A. KHOVANSKAYA

Candidate of pedagogical sciences, Senior researcher, Associate Professor, Department of theory and methods of teaching Russian language and literature, Orel State University
E-mail: l.hovanskaja@yandex.ru

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕЧЕВОЙ СПОСОБНОСТИ УЧАЩИХСЯ 2-5 КЛАССОВ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО**

**THE MAIN TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF SPEECH ABILITY OF PUPILS OF 2-5 CLASSES
OF COMPREHENSIVE SCHOOL AT RUSSIAN LESSONS WHEN STUDYING THE ADJECTIVE**

В статье рассматриваются основные тенденции развития речевой способности учащихся 2-5 классов общеобразовательной школы на уроках русского языка при изучении имени прилагательного, как-то: создание оптимальных условий для развития речи учащихся, лексико-грамматическое изучение языковых единиц, учет закономерностей психического развития ребёнка, применение дидактических принципов преемственности и перспективности в учебном процессе.

Ключевые слова: речевая способность, русский язык, имя прилагательное, развитие речи, лексика, грамматика, закономерности психического развития, принципы преемственности и перспективности.

In article the main tendencies of development of speech ability of pupils of 2-5 classes of comprehensive school at Russian lessons are considered when studying an adjective, somehow: creation of optimum conditions for development of the speech of pupils, lexical and grammatical studying of language units, the accounting of regularities of mental development of the child, application of the didactic principles of continuity and prospects in educational process.

Keywords: speech ability, Russian, adjective, development of the speech, lexicon, grammar, regularities of mental development, principles of continuity and prospects.

В последние десятилетия в России произошли большие изменения, направленные на демократизацию и гуманизацию образования. В условиях модернизации образования (обновление содержания и методики) особое место занимает индивидуализация образовательного процесса и социализация учащихся.

Важнейшей задачей школы в условиях, когда объём необходимых человеку и обществу знаний быстро возрастает и уже нельзя ограничиваться лишь усвоением определенной суммы знаний, является развитие у учащихся потребности и умения постоянно пополнять свои знания, ориентироваться в стремительном потоке информации. Одно из решающих условий этой задачи – хорошо развитая речь каждого человека. Развитие познавательной активности и самостоятельности подрастающего поколения в огромной степени зависит от того, насколько школьники овладеют родным языком, речевыми умениями и навыками.

Анализ научно-педагогической литературы по проблеме исследования и уровня развития речи учащихся

2-5 классов позволил выявить следующие противоречия:

– между объективной необходимостью преобразований программно-методического обеспечения уроков русского языка и сложившейся системой, которая слабо реагирует на запросы современного языкового образования;

– между возрастающими требованиями к уровню развития речевой способности школьника, предполагающему активизацию речевой деятельности с учётом системы языка и недостаточным владением устной и письменной речью как детьми младшего школьного возраста, так и детьми подросткового возраста;

– между современными подходами к обучению русскому языку и недостаточным вниманием к личности школьника, его способностям;

– между стремлением обеспечить грамотное владение языком и речью и низким уровнем осознания закономерностей речевого развития, условий и способов его осуществления, а также недостаточным вниманием к системе языка, роли и месту, в частности, имени при-

лагательного в языковом образовании и речевом развитии учащихся начального и среднего (5 класс) звеньев обучения.

Необходимо создание оптимальных условий для развития речевой способности учащихся младшего (2-4 классы) и среднего (5 класс) звеньев обучения за счет развития речевой деятельности школьников на основе лексического и грамматического изучения языковых единиц, владения соответствующими компонентами данных языковых уровней, закономерностей психического развития ребёнка и соблюдения в учебном процессе дидактических принципов преемственности и перспективности в обучении.

Реальные условия для решения данной проблемы созданы психолого-педагогическими, лингвистическими, дидактическими, методическими исследованиями, а именно: концепциями взаимообусловленности развития и обучения Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и других; особенностями понимания психолингвистической природы языковой личности Г.И. Богиним, Ю.Н. Карауловым, А.М. Шахнаровичем; психологическими исследованиями структуры языковой способности И.Н. Горелова, С.Ф. Жуикова, А.В. Запорожца, Е.Н. Пузанковой, С.Л. Рубинштейна, Б.П. Теплова, И.С. Якиманской и других; лингводидактической теорией развития речевой способности Г.И. Богина; психолого-педагогической теорией языкового развития Т.К. Донской, А.В. Текучева и других; концепциями речевого развития М.Т. Баранова, В.И. Капинос, Т.А. Ладыженской, М.Р. Львова, С.И. Львовой, Л.П. Федоренко и других; основными положениями теории речевой деятельности Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина, А.А. Леонтьева, Н. Хомского и других; учениями о психолингвистических закономерностях владения и овладения речью Ж. Пиаже, о реализации принципов преемственности и перспективности в обучении русскому языку С.И. Львовой, Н.А. Плёткина, Ю.А. Самарина и других.

Проблема развития речевой способности решалась нами на материале изучения имени прилагательного во 2-5 классах общеобразовательной школы. Такой подход обусловлен целым рядом причин.

Обогащение словаря ребенка прилагательными имеет важное значение, так как с их помощью он выделяет и осознает в предметах, лицах, явлениях наиболее существенные для него качества в связи с его интересами и потребностями.

Кроме того, во 2-4 классах школьники получают первые теоретические сведения лингвистического характера, учатся грамотно пользоваться словами-прилагательными в письменной и устной речи. В 5 классе происходит работа на текстовом уровне, ученики используют выразительные и изобразительные возможности слов данной части речи. Однако исследования показывают, что учащиеся 2-5 классов недостаточно владеют словами этой части речи и не всегда могут определить их в тексте.

Следует отметить, что знакомство с прилагатель-

ными и первичное речевое развитие у учащихся происходит до 5 класса. Во 2 классе отрабатываются навыки правописания окончаний прилагательных, одновременно с этим грамматическим навыком происходит речевое развитие, так как прилагательное – это особая часть речи, которой принадлежит максимум информативности и образности.

Таким образом, постепенно учащиеся начинают понимать роль имен прилагательных как изобразительных средств и использовать их в описании предметов, явлений, для создания выразительности и эмоциональности высказывания.

Следовательно, необходимость изучения имени прилагательного продиктована следующими положениями:

1. Одна из основных задач школы – развитие речи учащихся. Её составляющей является обогащение словарного запаса детей. Языком дети овладевают задолго до школы. Однако их активный словарь очень беден. Считается, что расширение словарного запаса должно идти не за счет увеличения речевых единиц, а за счет совершенствования семантики каждого слова. Успешное усвоение темы «Имя прилагательное» способствует обогащению речи школьников.

2. Развитие речи учащихся – это процесс длительный и сложный, требующий систематического и целенаправленного вмешательства преподавателя. Важным в работе по развитию речи является обучение школьников умению содержательно, грамматически и стилистически правильно выражать свои и чужие мысли в устной и письменной форме. Имя прилагательное обладает большими выразительными и изобразительными средствами, делает речь образной и эмоциональной.

В содержание работы по развитию речи входит:

- ✓ воспитание произносительной культуры речи учащихся (с учетом фонетических закономерностей языка), усвоение норм и правил выразительного чтения;
- ✓ работа над морфемным составом слова, усвоение которого раскрывает назначение и использование языковых средств в устной и письменной речи;
- ✓ лексическая работа, обеспечивающая обогащение словарного запаса учащихся и требующая определенных знаний из области лексики и фразеологии языка, а также из области лексической стилистики;
- ✓ работа над морфологическими средствами речи, опирающаяся на грамотное использование словоформ на письме;
- ✓ работа над предложением и словосочетанием, в основе которой лежит глубокое и систематическое изучение грамматики, раскрывающей законы связи слов и строения предложений, а также усвоение норм синтаксической стилистики;
- ✓ развитие навыков связной устной и письменной речи.

3. Тема «Имя прилагательное» является очень интересной и оптимальной для развития речи учащихся. М.Р. Львов установил, что «достижение пика интенсивности» в усвоении имен прилагательных опережает систематическое изучение их в школьном курсе русского языка и приходится на 3 класс. Следовательно, нужно

так организовать учебный процесс в 1 классе, особенно во 2 классе, чтобы младшие школьники овладели именами прилагательными еще до «пика интенсивности», до 3 класса [Львов, 1978: 82], и сохранить познавательный интерес к изучению данной части речи в среднем звене общеобразовательной школы.

4. Функционирование слова-прилагательного в речи, в составе предложения, обуславливает необходимость рассмотрения его содержательной стороны в тесной связи с грамматическим оформлением, синтаксической функцией в предложении.

Процесс развития речевой способности учащихся (на материале изучения имени прилагательного) будет протекать успешно при условии взаимосвязанного развития и востребованности речевой деятельности учащихся с опорой на лингвистическую теорию и внимания к семантике языковых единиц на уровнях:

- ✓ правильности, предполагающего владение достаточно большим лексическим запасом и знание основных строевых закономерностей языка и позволяющего тем самым строить высказывания и продуцировать их в соответствии с элементарными правилами данного языка;

- ✓ интериоризации, включающего умения реализовывать и воспринимать высказывания в соответствии с внутренним планом речевого поступка;

- ✓ насыщенности, выделяемого с точки зрения отраженности в речи всего разнообразия, всего богатства выразительных средств языка в области фонетики, грамматики, лексики;

- ✓ адекватного выбора, оцениваемого с точки зрения соответствия порожденного личностью текста всему комплексу содержательных и коммуникативных задач, положенных в его основу;

- ✓ адекватного синтеза, учитывающего соответствие порожденного личностью текста всему комплексу содержательных и коммуникативных задач, положенных в его основу.

В процессе исследования нами были приняты в качестве установочных следующие положения:

1. Речевая способность является компонентом языковой способности.

2. Языковая способность как социально обусловленное образование, формируется на основе физиологических предпосылок с условием реализации коммуникативных потребностей личности (А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович, А.Р. Лурия, Л.С. Выготский С.Л. Рубинштейн и другие).

Языковая способность – «многоуровневая, иерархически организованная функциональная система, формирующаяся в психике носителя языка в процессе онтогенетического развития» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 617].

Понимание языковой способности в лингводидактическом русле (Т.К. Донская, Е.Н. Пузанкова) основывается на идеях взаимосвязи языка и мышления, языка и речи, ученик понимается как творческая языковая личность с языковой способностью, формирование и развитие которой одна из первоочередных задач обучения русскому языку.

Языковая способность личности представлена интеллектуальным, языковым и речевым компонентами. Каждый компонент языковой способности состоит из умений и способностей, без которых становится невозможным создание эффективных моделей обучения [Пузанкова, 2004: 13].

3. Лингвистическая и методическая науки в настоящее время уделяют большое внимание развитию языковой личности. Современная лингводидактика под языковой личностью понимает многослойную и многокомпонентную систему языковых способностей, которая готова осуществлять целый ряд речевых действий (говорение, аудирование, письмо и чтение) на разных языковых уровнях (фонетика, лексика, грамматика) и определенной степенью владения соответствующим компонентом языкового уровня.

4. Концепция структуры языковой личности соотносится с понятием языковой способности и прослеживается в общности речевых умений, навыков, готовности с речевыми способностями, видов языковой компетенции, степени владения языком [Караулов, 1987]. Понятия языковой способности и готовности рассматриваются как равнозначные. Это проявляется в общности речевых умений, навыков, готовности с речевыми способностями, видах языковой компетенции, степени владения языком.

5. Личность в языковом аспекте характеризуется не столько тем, **как** она осведомлена в языке, сколько тем, **что** она может с языком делать, то есть ее готовность производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи [Богин, 1975].

Речевая способность человека есть субстрат языка как системно-структурного образования, обеспечивающего единство всей системы человеческой речевой коммуникации [Богин, 1975].

Уровни и компоненты речевой способности языковой личности определялись на основе эталонного представления языка как системы (Г.И. Богин). Своеобразие становления данной модели состоит в поэтапном движении от одного уровня владения языком к другому, более высокому. Такие уровни представлены в виде: 1) уровня правильности, предполагающего знание достаточно большого лексического запаса и основных строевых закономерностей языка и позволяющий тем самым строить высказывания и продуцировать их в соответствии с элементарными правилами данного языка; 2) уровня интериоризации, включающего умения реализовывать и воспринимать высказывания в соответствии с внутренним планом речевого поступка; 3) уровня насыщенности, выделяемого с точки зрения отраженности в речи всего разнообразия, всего богатства выразительных средств языка в области фонетики, грамматики, лексики; 4) уровня адекватного выбора, оцениваемого с точки зрения соответствия порожденного личностью текста всему комплексу содержательных и коммуникативных задач, положенных в его основу; 5) уровня адекватного синтеза, учитывающего соответствие порожденного личностью текста всему комплексу содержательных и коммуникативных задач, положенных в его основу.

Речевая способность человека – это готовность субъекта к использованию языка в своей деятельности [Богин, 1975]. Речевая способность реализуется в речевой деятельности. Речевая деятельность представляет собой систему умений творческого характера, направленную на решение коммуникативных задач в зависимости от ситуации общения.

6. Речевая деятельность подразделяется на виды: говорение, слушание, чтение, письмо. Развитие речевой способности будет зависеть от того, насколько эффективно будет протекать процесс передачи мыслей посредством графического или звукового кода и декодирования полученных сигналов.

7. Результативность обучения зависит не только от возрастных особенностей учащихся, но и от содержания и методов учебно-воспитательной работы, проводимой в школе (П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, Л.В. Занков, Д.Б. Эльконин и другие).

Развитие речевой способности при обучении русскому языку и развитию речи будет успешно реализовываться при соблюдении принципов преемственности и перспективности.

8. Осуществление преемственности и перспективности требует единого подхода к обучению, единых исходных позиций в обучении родному языку; ясного понимания того, что появляется нового в языковом развитии учащихся на каждом этапе обучения. Требование точности между начальными и средними классами как по отдельным грамматическим или орфографическим темам, так и при совершенствовании речевых умений и навыков учащихся.

Реализация указанных положений позволит эффективно осуществлять школьное обучение и воспитание личности, адекватное современной социокультурной

ситуации в стране и мире [Хованская, 2008: 14].

Таким образом, основным условием эффективного развития речевой способности учащихся является решение проблем речевой деятельности при лексико-грамматическом изучении языковых единиц с учётом поэтапного прохождения от одного уровня к другому, более сложному: от уровня правильности к уровню интериоризации; уровню насыщенности; уровню адекватного выбора; уровню адекватного синтеза.

Кроме того, развитие речевой способности учащихся обеспечивается интеграцией процессов изучения лексико-грамматической стороны языковых единиц и развития речи.

Выделение основных этапов в языковом развитии и закономерностей в речевом развитии должно учитываться при разработке методики развития речевой способности учащихся.

При обучении русскому языку в начальной и средней школах можно обеспечить эффективное развитие речевой способности учащихся при соблюдении комплексного подхода по совершенствованию всех структурных компонентов языковой способности, ориентации на личность школьника.

Реализация принципов развивающего обучения, положенных в основу методики развития речевой способности учащихся при изучении имени прилагательного, способствует совершенствованию у учащихся не только языковой, но и речевой способности, а также обеспечивает становление самосознания, самооценки, собственной значимости личности каждого школьника.

Разработанная методика создаёт условия для развития творческой активности детей, их самостоятельности, что является залогом прочности результатов обучения и развития познавательных сил учащихся.

Библиографический список

1. Богин Г.И. Уровни и компоненты речевой способности человека: учеб. пособие. Калинин: КГУ, 1975. 106 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность; отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1987. 263 с.
3. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности; отв. ред. М.М. Гухман. М.: Наука, 1965. 245 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. 685 с.
5. Львов М.Р. Тенденции развития речи учащихся: пособие для студ. пед. ин-тов. Вып. 2. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1979. 79 с.
6. Пузанкова Е.Н. Формирование языковой способности учащихся // Русская словесность. 1997. № 4. С. 48–53.
7. Пузанкова Е.Н. Формирование языковой способности учащихся при обучении русскому языку. Монография. Орел, Полиграфическая фирма «Картуш», 2004. 347 с.
8. Хованская Е.А. Развитие речевой способности учащихся 2-5 классов общеобразовательной школы на уроках русского языка при изучении имени прилагательного / монография. Часть 1. Орел, Изд-во ОГУ, 2008. 168 с.
9. Хомский Н.О. Язык и мышление; пер. с англ. Б.Ю. Городецкого. М.: Изд-во МУ, 1972. 122 с.

References

1. Bogin G. I. Levels and components of speech ability of the person: mamual. Kalinin: KGU, 1975. 106 p.
2. Karaulov U.N. Russian and language personality; edition D.N. Shmelyov. M.: Nauka, 1987. 263 p.
3. Leontyev A.A. The word in speech activity. Some problems of the general theory of speech activity; resp.edit. M. M. Gukhman. M.: Nauka, 1965. 245 p.
4. Linguistic encyclopedic dictionary/main editor V. N. Yartseva. M.: «The Soviet encyclopedia», 1990. 685 p.
5. Lviv M.R. Tendencies of development of the speech of pupils: a manual for students of pedagogical institutes– Issue 2. M.: MGPI named after V. I. Lenin, 1979. 79 p.
6. Puzankova E.N. Formation of pupils' language ability //Russian literature. – 1997. № 4. Pp.48-53.
7. Puzankova E.N. Formation of pupils' language ability when teaching in the Russian language / the monograph. –Orel, Printing firm «Kartush», 2004. 347 p.
8. Khovanskaya E.A. Development of speech ability of pupils of 2-5 classes of comprehensive school at Russian lessons when studying the adjective / monograph. Part 1. Orel, Publishing house of regional public institution, 2008. 168 p.
9. Chomsky N. O. Language and thinking; translation from English by B. Yu. Gorodetsky. – M.: Publishing house of MU, 1972. 122 p.

УДК 378.14

Н.Ф. РАДИОНОВА

доктор педагогических наук, профессор, кафедра педагогики, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: ninaradionova@mail.ru

С.В. РИВКИНА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: sv.rivkina@gmail.com

UDC 378.14

N.F. RADIONOVA

Doctor of pedagogical sciences, Professor, Department of pedagogics, State Pedagogical University of Russia named after A.I. Herzen
E-mail: ninaradionova@mail.ru

S.V. RIVKINA

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate professor, Department of pedagogics, State Pedagogical University of Russia named after A.I. Herzen
E-mail: sv.rivkina@gmail.com

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ УЧИТЕЛЬ-УЧЕНИК В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

THE PROBLEM OF STUDENT-TEACHER RELATIONS IN PEDAGOGICAL SCIENCE. BACKGROUND

В статье в контексте обновления содержания и организационных форм образования представлены результаты теоретического анализа и обобщения научно-педагогических исследований, обращенных к проблеме отношений педагогов и учащихся в образовательном процессе.

Ключевые слова: отношения в образовательном процессе; позиции педагогов и учащихся в образовательном процессе; взаимосвязь деятельности, взаимосвязанная деятельность, совместная деятельность, сотрудничество субъектов педагогического процесса.

The article in the context of content and organizational forms renewal deals with results from theoretical analysis and generalization of research and development in pedagogy, aimed at the problem of relations between teachers and students in educational process.

Keywords: relations in educational process, attitudes of teachers and students in educational process, interrelation of activities, interrelated activities, group activity, the collaboration of the subjects in pedagogical process.

В современных условиях предпринимаются серьезные шаги по обновлению образования на различных его ступенях [13]. При этом меняются не только подходы к отбору и структурированию содержания, организации процесса, но меняется сам характер отношений участников педагогического процесса, их взаимные позиции в образовании. Создаются условия, при которых участники образовательного процесса становятся участниками совместной деятельности, а поэтому каждый из них имеет право на индивидуальный выбор, на личностное самоопределение и самореализацию. Переход на новые педагогические отношения, как свидетельствуют исследовательские данные, оказывается не простым, а весьма противоречивым. Возникает целый комплекс проблем, которые требуют своего разрешения. В этой связи весьма уместно обращение к знаниям об отношениях учитель – ученик, накопленным в педагогической науке.

Существенный вклад в разработку проблемы отношений педагогов и учащихся внесли педагоги 20-х годов XX века (Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, С.Т. Шацкий, Е.А. Аркин, К.Н. Вентцель, Н.И. Иорданский, А.П. Пинкевич, М.П. Пистрак, С.М. Ривес, В.Н. Сорока-Росинский, В.Н. Шульгин и др.), о чем свидетельствуют и работы этих ученых, и специальные исследования, посвященные их наследию.

Именно в этот период были предприняты первые

попытки обосновать характер отношений педагогов и учащихся в новой школе, наметить их взаимные позиции, очертить содержание и формы совместной деятельности в школе и вне ее. Позиции ученых по всем этим вопросам были неоднозначны. Одни из них, недооценивая возможности детей, считая их слабыми, беспомощными существами, дело которых – слушаться родителей и учителей, предлагали строить отношения постоянного контроля, послушания. Они фактически стремились сохранить те отношения, которые были в старой школе, когда учителя и учащиеся были связаны «общей цепью обязанностей: учить и учиться». [10, с. 110] Другие, высоко оценивая роль самостоятельности, активности, творчества самих детей, явно недооценивали роль педагогов, сводя ее к консультациям, оказанию помощи. Третьи, и прежде всего Н.К. Крупская, А.В. Луначарский С.Т. Шацкий, последовательно отстаивали позицию разумного сочетания активности и педагогов, и учащихся в жизни школы.

При разработке всех этих положений ученые исходили из новых целей, которые призвана была решать школа: воспитывать человека, всесторонне развитого «с сознательными и организованными общественными инстинктами», имеющего «цельное, продуманное мировоззрение» ясно понимающего все то, что происходит вокруг него в природе и общественной жизни; подготовленного в теории и на практике ко всякого рода

труду, как физическому, так и умственному, умеющего «строить разумную, полную содержания, красивую и радостную общественную жизнь» [3, с. 10]; как «гармонично развитую индивидуальность», как «умеющего жить в гармонии с другими», умеющего содружествовать, сочувствовать; социально мыслить»; как «интернационалиста, коллективиста, организатора, реалиста, мастера своего дела, отдающего своему настоящему призванию» [11, с. 116].

Чтобы воспитать такого человека из ребенка, необходимо, как неоднократно подчеркивал С.Т. Шацкий, коренным образом пересмотреть взгляды «на детский вопрос», изменить положение детей в школе, превратить ее в «школу для детей», создать в ней «условия для организации детской жизни в данный момент».[12, с. 43–44]

В ребенке необходимо «видеть человека», «уважать его личность», предоставлять ему «как можно больше самостоятельности, меньше опекать его». Детям необходимо «доверять, неформально к ним относиться», «дать развернуться». Вслед за Л.Н. Толстым, Н.К. Крупская призывала взрослых постоянно учиться у детей; не стыдиться признаваться в ошибках; помнить, что дети тоже имеют права. [2; 3; 4]

Реализации такого отношения к детям способствует изменение взаимного положения учителей и учащихся в школе. Учитель – старший товарищ, который помогает «ребятам налаживать дружную игру и работу, дружную жизнь...». [4, с. 136] Он опытный, разумный, авторитетный товарищ, у которого есть общее дело с учениками – помощь в строительстве в стране. Он ни «начальство», ни какая-то «особая порода», скучная и рассудительная, ни в чем не родственная душе подростка, а старший в «разновозрастной семье». [5, с. 534] Положения педагогов и учащихся не являются застывшими, неизменными, противостоящими друг другу» Ученики и учителя «одушевлены одной общей идеей», они совместно организуют жизнь в школе, т.е. обсуждают ее проблемы, принимают совместные решения, совместно действуют». [4, с. 314]

Таким образом, в советской педагогике уже в 20-е годы XX века проблема гуманизации и демократизации отношений педагогов и учащихся была обозначена. Ученые указывали на зависимость этих отношений от общей социальной ситуации, от характера организации жизни в школе, от отношения педагогов к детям, к своему делу, своим коллегам, своему профессиональному росту. Подчеркивалось, что «товарищеские» отношения педагогов и учащихся способствуют развитию личности. В свою очередь, сами эти отношения формируются в условиях «открытости школы», богатства содержания ее деятельности, правильно организованного самоуправления» широких контактов самих педагогов, вариативности взаимных позиций педагогов и учащихся.

Идеи ученых были широко связаны с практикой. Они рождались как обобщение опыта и затем опять апробировались в практике. Они нашли свое отражение в работе детских учреждений, которыми ру-

ководили М.М. Пистрак, В.Н. Сорока-Росинский, С.Т. Ривес, С.Т. Шацкий и др. Они широко использовались при поиске организационных форм обучения (П.П. Блонский, Б.В. Игнатьев, С.Н. Белоусов, Л.Э. Левин, А.П. Пинкевич, С.М. Ривес и др.): студийная система, Дальтон-план, метод проектов.

Важную роль в становлении теории и практики отношений в педагогической науке в этот период сыграл, безусловно, А.С. Макаренко, творчество которого охватывает 20-е и 30-е годы двадцатого века.

Работы самого А.С. Макаренко и проведенные исследования его творчества убеждают в том, что оценить в полной мере его вклад в разработку той или иной проблемы можно только при условии целостного восприятия всей его педагогической системы, а это значит, что для того чтобы выяснить, что же внес А.С. Макаренко в теорию и практику отношений, необходимо разобраться, по крайней мере, в следующих вопросах: какую роль он отводил педагогам и воспитанникам в своей системе, какие связи предполагал между ними, их с другими элементами системы, какими видел их отношения друг к другу, какие пути формирования этих отношений обозначал.

Главная роль в педагогической системе А.С. Макаренко принадлежала цели воспитания, под которой он понимал «программу человеческой личности, программу человеческого характера», общую для всех и обязательно имеющую «индивидуальный корректив». [7, с. 129] Такое понимание цели уже предполагало внимательное отношение ко всем воспитанникам, формирование у каждого из них общего, особенного и специфического.

Достижение этой цели обеспечивалось двумя взаимосвязанными путями: опосредованным, воздействием на личность через коллектив («параллельное педагогическое действие») и непосредственным воздействием на личность (этому воздействию в практической своей деятельности А.С. Макаренко уделял немало внимания, однако в теории вопрос о влиянии личности педагога на воспитанника освещен не достаточно полно).

Воздействие первичного коллектива на воспитанников осуществлялось в процессе разнообразной деятельности в составе единого коллектива, членами которого являлись на равных педагоги и дети.

Жизнь коллектива была соответствующим образом организована: согласовывались во «времени» и «пространстве» различные виды деятельности, деятельность единого коллектива и первичных, отдельных воспитанников и коллектива, педагогов и воспитанников и т.д. Для этого широко использовались различные способы (руководство, педагогическое руководство, самоуправление) и формы организации (последовательное выполнение совместной деятельности, параллельное, сотрудничество). Во всех указанных способах достаточно четко просматривался характер связей педагогов и воспитанников.

Общее руководство осуществлял «уполномоченный государством руководитель», «самое ответственное лицо». А.С. Макаренко подчеркивал, что мастерство

его должно состоять в том, чтобы, сохраняя строгое подчинение, ответственность, дать широкий простор общественным силам школы. Необходимо добиваться, чтобы кабинет его «сделался центром внимания и притяжения всего коллектива и в особенности любимой комнатой актива, с которым педагогический руководитель всегда должен находиться в общении, не ожидая специальных заседаний и собраний». [6, с. 255–296] Вся работа его должна проходить открыто, каждый воспитанник в любой момент должен иметь возможность зайти к руководителю.

Педагогическое руководство в коллективе осуществляли воспитатели, работающие на отрядах. Главная суть его состояла в том, чтобы помочь «воспитаннику выбрать себе путь», что было важно не только для будущей жизни, но еще и потому, что это отражалось на тоне его деятельности и жизни в учреждении. [6, с. 325] Воспитатель изучал состав своих отрядов, «жизнь и особенности характера каждого воспитанника, его стремления, сомнения, слабости и достоинства» [там же, с. 320], участвовал в делах воспитанников (производственных, хозяйственных, учебных и др.), помогал им в организации учебной домашней работы, в подборе книг, в проведении праздников, генеральной уборки и т.д. Во всех вопросах воспитатель опирался на положительное в своих воспитанниках.

Широко использовались возможности различных объединений: отрядов, советов, комиссий, штабов, клубов, бригад и т.д. Воспитатели в этой системе занимали различные позиции: общее управление в течение дня принадлежало дежурным – одному воспитателю и одному воспитаннику; другие воспитатели принимали участие в работе отрядов и как все члены коллектива, они подчинялись дежурным. В процессе самой деятельности их позиции также видоизменялись: они могли наблюдать за тем, как работают воспитанники (классные занятия); помогать им в работе (домашние задания, чтения); участвовать в работе наравне с воспитанниками (хозяйственные вопросы); получать помощь от воспитанников («обработка» отдельных воспитанников. По отношению к органам самоуправления администрация и педагоги занимали мудрую позицию: не подменяли их; если были согласны с решением – апеллировали к общему собранию; основным методом считали влияние на органы самоуправления в процессе самой деятельности.

Таким образом, каждый из рассмотренных способов организации жизни и деятельности коллектива предполагал вполне определенные взаимные позиции педагогов и воспитанников (руководитель – подчиненный; воспитатель – воспитанник; старший – младший; члены одного коллектива; сотрудники общего дела). А все вместе они создавали определенную сетку отношений, в которой их взаимные позиции постоянно варьировались. Приоритет того или иного способа определялся в зависимости от содержания деятельности, от уровня развития коллектива, опыта воспитателей и воспитанников, особенностей сложившейся ситуации.

Таким образом, проблема взаимосвязей педагогов

и воспитанников в системе А.С. Макаренко занимала достойное место. Ему удалось не только показать зависимость характера этих взаимосвязей от сущности социального заказа, но и обосновать влияние взаимных позиций педагогов и воспитанников в коллективе на их отношения, а их, в свою очередь, на эффективность деятельности. А.С. Макаренко предложена оригинальная система конструирования и организации связей и отношений взрослых и детей, органически вписывающаяся в жизнь коллектива и постоянно развивающаяся в процессе его деятельности. Эту систему отличает педагогическая целесообразность, многоуровневость, вариативность позиций педагогов и воспитанников, сочетание педагогического руководства с активностью самих воспитанников и т.д.

Для обозначения взаимосвязей педагогов и воспитанников А.С. Макаренко использует различные понятия: «параллельное педагогическое действие», «прямое воздействие», «руководство», «управление», «самоуправление», «совместная работа», «общение», «отношение».

В 30-е – начало 50-х годов XX века на первый план выдвигаются новые аспекты проблемы отношений учителей и учащихся, воспитателей и воспитанников. В этот период идет интенсивный поиск таких организационных форм взаимодействия, которые бы позволяли наиболее эффективно выполнять обращенный к школе социальный заказ. Нередко в таких случаях абсолютизировалась позиция педагога во взаимодействии с учащимися.

Значительный вклад в разработку проблемы взаимодействия педагогов и учащихся внесли ученые второй половины 50-х – 60-х годов XX века. В новой социальной ситуации, характеризующейся обновлением общественной жизни, возникает объективная потребность в разработке проблемы гуманизации отношений в школе, характера взаимодействия в ней учителей и учащихся.

В этот период В.А. Сухомлинский предпринимает первую попытку целостного рассмотрения педагогических проблем на основе гуманистического принципа сотрудничества взрослых и детей.

Исходя из того, что задача школы «не только в том, чтобы дать каждому знания, необходимые для трудовой и полноценной общественной деятельности, но и в том, чтобы дать каждому счастье личной духовной жизни» [9, с. 21–22], В.А. Сухомлинский неоднократно подчеркивал, что это счастье «невозможно без полноты внутреннего духовного мира, без радости труда и творчества, без ощущения чувства собственного достоинства, чести, гордости». [там же, с. 21–22] А это, в свою очередь, невозможно без соответствующей педагогической позиции. Учитель, по мнению В.А. Сухомлинского, должен быть не только наставником, но и другом учащихся, вместе с ними преодолевать трудности, переживать, радоваться и огорчаться. А для этого сам педагог должен быть яркой личностью, иметь идейные убеждения, богатую духовную жизнь. Существенную роль в развитии личности каждого пе-

дагога может сыграть педагогический коллектив, который сохраняет «непреходящие духовные ценности - в убеждениях, взглядах, традициях, привычках учителей, в личной неповторимости каждого педагога, в живых отношениях между учителями и учениками, в отношениях между детьми». [9, с. 166] Сухомлинский убедительно доказал (и теоретически, и практически), что педагогический коллектив действительно становится влиятельной воспитательной силой и по отношению к учащимся, и по отношению к самим педагогам, если в нем сформирована определенная система убеждений. Такой коллектив становится источником мысли, творчества, поисков каждого учителя, обращает его к миру детства, учит ощущать ребенка, осознавать силу своего влияния на детей, формирует «мудрую власть педагога» как способность все понимать.

Таким образом, В.А.Сухомлинского в отношениях педагогов с учащимися, педагогического коллектива с ученическим прежде всего интересовал духовный потенциал личности и его обогащение в процессе общения, совместной работы, самовоспитания, самосовершенствования. Он исходил из того, что только духовно богатый педагог (образованный, глубоко чувствующий, грамотно действующий) способен установить истинно человеческие отношения со своими воспитанниками.

Такие отношения предполагают взаимное понимание, взаимное сопереживание, взаимную помощь. Как писал В.А. Сухомлинский: «самое главное здесь – взаимность, строжайшая непримиримость, самонепримиримость к безделью, нерадивости, расточительству времени и других богатств и ценностей, тонкое взаимное чувствование труда» [8, с. 212]. Но взаимное понимание и чувствование не означают равенства педагогов и воспитанников, поэтому В.А. Сухомлинский и призывал не ставить ребенка «на одну доску с собой, не предъявлять ему таких требований, какие предъявляются к взрослым, но и самому не оребриваться, не опускаться к уровню ребенка, понимая вместе с тем сложность детских поступков и отношений в детском коллективе». Руководит воспитанием и самовоспитанием педагог. Это педагогическое руководство есть прежде всего отношения между педагогом и воспитанником, проникнутые глубокой взаимной верой в добрые намерения. Исходя из многолетнего опыта, В.А. Сухомлинский обращает внимание педагогов на то, что успех их работы зависит от «стиля... воспитательного влияния», т.е. от отношения к воспитаннику, от системы применяемых методов, от тона обращения и т.д.

В этот период к проблеме воспитательных отношений обратился И.П. Иванов. Анализируя эту проблему, которая впервые была обозначена еще в 40-е годы XX века Н.А. Петровым, он рассматривает во взаимосвязи объективные и субъективные (внутренние) позиции воспитателей и воспитанников. Он обращает внимание на то, что, если педагоги действуют только или по преимуществу как передатчики, а воспитанники – как активные, даже творческие потребители готового опыта, то появляются серьезные причины для потребительской

психологии. Именно поэтому отношениям «авторитаризма» (усвоение готового опыта в пассивной деятельности, организуемой воспитателей), «чрезмерной опеки» (усвоение готового опыта в активной деятельности, организуемой воспитателями), «свободного воспитания» он противопоставляет два вида объективных воспитательных отношений: отношения «товарищеского творческого обучения» и отношения «творческого содружества».

Таким образом, у И.П. Иванова различные педагогические позиции рассматриваются не как равно возможные, выбираемые в разных ситуациях, а как прогрессивные, способствующие целостному формированию личности, и регрессивные – тормозящие этот процесс. Прогрессивна, по И.П. Иванову, та педагогическая позиция, которая обеспечивает реальное, активное, творческое включение каждого воспитанника в соответствующую (по целям, содержанию, организации) совместную деятельность, т.е. обеспечивает принципиально иной характер взаимодействия воспитателей, воспитателей и воспитанников, самих воспитанников. Методика организации такого взаимодействия была разработана И.П. Ивановым и его учениками. Она широко применялась в лагере «Орленок», «Зеркальный», в коммунарском движении в 60-е годы XX века.

Совершенствование характера отношений учителей и учащихся, воспитателей и воспитанников ученые связывали в этот период с формированием педагогически целесообразного стиля отношений, стиля руководства (А.А. Бодалев, Н.А. Березовин, Я.Л. Коломинский, Т.Н. Мальковская, Н.Ф. Маслова, А.В. Петровский, Л.И. Уманский и др.).

Проведенные исследования убеждают, что изменению позиции педагогов способствует коллективная познавательная деятельность учащихся (М.Д. Виноградова, В.В.Котов, Х.Й. Лийметс, И.Б. Первин, В.А. Синицкая и др.); ученическое самоуправление (Н.М. Изосимов, В.М. Коротов, З.А. Малькова, Ю.П. Сокольников и др.), широкое использование игры в жизни коллектива (С.А. Шамаков, В.А. Фомин), внимание и знание системы отношений в коллективе и полонения (формального и неформального) каждого школьника в ней (Л.И. Новикова).

Для исследований этого периода характерно, что умения, способности педагога строить необходимые отношения с учащимися рассматриваются как показатель педагогического мастерства (Ю.П. Азаров и др.), развитого педагогического такта (Т.Н. Бондаревская, П.М. Селезнев и др.), авторитета (Д.Ф. Самуйленков и др.), педагогической деятельности (Н.Г. Кузьмина и др.), важной характеристикой личности учителя (А.И. Щербаков и др.).

Для обозначения взаимосвязей педагогов и учащихся использовались разные понятия: «отношения», «взаимоотношения», «взаимосвязь позиций», «педагогическое руководство», «воспитательные отношения», «педагогические отношения», «сотрудничество» и т.д. Чаще всего понятием «взаимоотношения» обозначали субъектные отношения (реально существующие, сло-

жившиеся). В воспитательных же и педагогических отношениях одновременно выделялись объективные (заданные) и субъективные.

В 70-80-е годы XX века разработка обозначенной нами проблемы продолжалась. И это было не случайно, а вполне закономерно. Обусловлено это было рядом причин.

Во-первых, разработки теории отношений учитель-ученик настоятельно требовала практика. К началу 70-х годов XX века школа, учителя оказались в очень трудном положении. В условиях всеобщего среднего обязательного образования, переход к которому осуществлялся в период информационного «взрыва», необходимо было не только учить всех, но еще и формировать у каждого школьника стремление и умения постоянно пополнять свои знания. Справиться с этим при традиционной организации обучения, когда позиции учителя и учащихся поляризованы (дающий – берущие), когда учащиеся работают рядом, но не вместе, когда учитель не ощущает себя членом коллектива, не чувствует поддержки коллег, родителей и т.д., было просто невозможно. Нужны были новые решения, которые обеспечили бы интеграцию всех усилий: самих учащихся, педагогов, родителей. Необходим был поиск новых форм связей, отношений, взаимодействия.

Во-вторых, в 60-е и 70-е годы XX века философы, социальные психологи и психологи интенсивно разрабатывали проблемы деятельности, общения, отношений, взаимодействия, что также безусловно создавало необходимые предпосылки для решения проблем отношений учитель-ученик.

В-третьих, определенную роль в становлении данной теории сыграла зарубежная педагогика, в которой разрабатывались проблемы общения, отношений учителя и учащихся (В. Кессаль, А. Коссаковский, К. Кнауэр, К. Отто, Х. Мушинский и др.).

В-четвертых, в самой педагогической науке к этому времени было накоплено немало фактов, идей, положений, относящихся к различным аспектам отношений педагогов и учащихся.

Отношения педагогов и учащихся изучаются на различных уровнях: на социально-политическом, социально-педагогическом, психолого-педагогическом (методическом) и личностном, на социально-педагогическом, организационно-педагогическом и психолого-педагогическом (Б.З. Вульф, Х.И. Лийметс, Л.И. Новикова и др.); на функционально-ролевом и личностном (Н.П. Аникеева, В.Я. Ляудис, В.П. Панюшкин и др.).

В исследованиях этого периода широко используются понятия: «воспитательное взаимодействие» и «учебное взаимодействие».

Воспитательное взаимодействие как взаимодействие воспитателя и воспитанника (коллектива воспитанников), направленное на то, чтобы достичь общественно желаемого состояния развития воспитанника, зафиксированного в качестве целей коммунистического воспитания, или, другими словами, как сущностная характеристика воспитательного процес-

са, изучается в работах Х.И. Лийметса, Б.П. Битинаса, Н.И. Смирнова и других.

Понятием «учебное взаимодействие» ученые оперируют при изучении проблем учебного процесса (Ш.А. Амонашвили, А.М. Матюшкин, В.Я. Ляудис, В.П. Панюшкин, О.К. Тихомиров, И.Э. Унт и др.). При этом предпринимается попытка выделить такой тип взаимодействия, который призван быть ведущим для психического развития личности. По мнению ученых, такое взаимодействие предполагает: наиболее высокий уровень активности личности как учителя, так и ученика; богатство и разнообразие их взаимосвязей, отношений, порождаемых процессом достижения целей совместной учебной деятельности; широкий спектр мотивов. Другими словами, оно обеспечивает творческую продуктивную деятельность учащегося с самого начального этапа освоения учебного материала и на всем протяжении обучения в отличие от традиционного, где позиция учителя и ученика поляризованы, где активность последних регламентируется в рамках имитации действий учителя, подражания задаваемым образцам. Такой тип взаимодействия ученые называют продуктивным и связывают его с диалогом участников учебного процесса, с их сотрудничеством, межличностным взаимодействием. Именно эти условия повышают «уровень интимности» отношений и превращают сам учебный процесс в «человекообразующий». В результате такого взаимодействия происходит взаимное обогащение учителя и учащихся: их кругозора, интеллектуального и эмоционального потенциалов.

Проведенные исследования (Т.С. Буторина, Н.Ф. Маслова, А.В. Мудрик и др.) убеждают, что не всякий стиль педагогического руководства (деятельность педагогов) стимулирует активную деятельность воспитанников. В то же время нет и не может быть единого, наилучшего на все случаи характера педагогического руководства (характера взаимосвязанной деятельности). А это значит, что в каждом конкретном случае характер взаимосвязи специально продумывается, выбирается в соответствии с решаемыми задачами, спецификой содержания деятельности, предыдущим опытом, сложившейся системой отношений и т.д.

Во второй половине 80-х годов XX века, в новой социальной ситуации, появляются оригинальные концепции, обращенные к развитию как основополагающему принципу педагогической науки и практики (Ш.А. Амонашвили, О.С. Газман, Э.Д. Днепров, И.П. Иванов, В.А. Караковский, В.Д. Шадриков и др.). Одновременно идет поиск педагогов-новаторов (И.П. Волков, Т.И. Гончарова, Н.П. Гузик, Е.Н. Ильин, С.Н. Лысенкова, В.Ф. Шаталов, М.П. Щетинин, Е.А. Ямбург) такой организации жизни в школе, которая способствовала бы гуманизации всех отношений в ней. Этот поиск обозначает проблему сотрудничества, которое рассматривается и как способ организации совместной деятельности учителей и учащихся, и как особая характеристика их отношений, и как принцип школьной жизни.

Библиографический список

1. *Иванов И.П.* Два подхода к воспитанию и проблема воспитательных отношений // Актуальные проблемы коммунистического воспитания школьников. Под ред. Т.Н.Мальковской. М.: АПН СССР, 1980. С. 18–31.
2. *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения. В 6-ти т. Под ред. А.М. Арсеньева и др. Т.1. М.: Педагогика, 1978. 368 с.
3. *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения. В 6-ти т. Под ред. А.М. Арсеньева и др. Т.2. М.: Педагогика, 1978. 452 с.
4. *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения. В 6-ти т. Под ред. А.М. Арсеньева и др. Т.3. М.: Педагогика, 1978. 472 с.
5. *Луначарский А.В.* О народном образовании. М.: АПН РСФСР, 1958. 559 с.
6. *Макаренко А.С.* Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т. 4. Сост. Л.Ю.Гордин, А.А. Фролов. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
7. *Макаренко А.С.* Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т. 4. Сост. М.Д. Виноградова, А.А. Фролов. М.: Педагогика, 1984. 400 с.
8. *Сухомлинский В.А.* Как воспитать настоящего человека. - Мн: Народная асвета, 1978. 288 с.
9. *Сухомлинский В.А.* Павлышская средняя школа: Обобщение опыта учеб.-воспит. работы в сел. сред. школе. 2-е изд. М.: Просвещение, 1979. 393 с.
10. *Сухомлинский В.А.* Сто советов учителю. Ижевск: Удмуртия, 1981. 296 с.
11. *Шацкий С.Т.* Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. Т.1. Под ред. Н.П.Кузина, М.Н.Скаткина, В.Н.Шацкой. М.: Педагогика, 1980. 304 с.
12. *Шацкий С.Т.* Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. Т.2 /Под ред. Н.П.Кузина, М.Н.Скаткина, В.Н.Шацкой. М.: Педагогика, 1980. 416 с.
13. Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 гг. URL: <http://www.fcpro.ru/>

References

1. *Ivanov I.P.* Two approaches to the problem of education and educational relations // Actual problems of communist education of pupils. Ed. T.N.Malkovskoy. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences, 1980. Pp. 18–31.
 2. *Krupskaya N.K.* Pedagogical works. In 6 vols / Ed. A.M. Arsenyev, etc. V.1. M.: Education, 1978. 368 p.
 3. *Krupskaya N.K.* Pedagogical works. In 6 vols / Ed. A.M. Arsenyev, etc. V.2. M.: Education, 1978. 452 p.
 4. *Krupskaya N.K.* Pedagogical works. In 6 vols / Ed. A.M. Arsenyev, etc. V.3. M.: Education, 1978. 472 p.
 5. *Lunacharsky A.V.* On Public Education. M.: APN RSFSR, 1958. 559 p.
 6. *Makarenko A.S.* Pedagogical works: In 8 vols 4 / Comp. L.Yu.Gordin, AA Frolov. M.: Education, 1983. 368 p.
 7. *Makarenko A.S.* Pedagogical works: In 8 vols 4 / Comp. M.D.Vinogradov, A.A. Frolov. M.: Education, 1984. 400 p.
 8. *Sukhomlinsky V.A.* How to bring true man. Mn: Narodnay asveta, 1978. 288 p.
 9. *Sukhomlinsky V.A.* Pavlyshskoy high school: Lessons learned educational work in a rural high school. 2nd ed. M.: Education, 1979. 393 p.
 10. *Sukhomlinsky V.A.* Hundred tips teacher. Izhevsk, Udmurtia, 1981. 296 p.
 11. *Shatsky S.T.* Selected pedagogical works: In 2 volumes Vol.1 / Ed. N.P.Kuzina, M.N.Skatkina, V.N.Shatskoy. M.: Education, 1980. 304 p.
 12. *Shatsky S.T.* Selected pedagogical works: In 2 volumes Volume 2 / Ed. N.P.Kuzina, M.N.Skatkina, V.N.Shatskoy. M.: Education, 1980. 416 p.
 13. Federal Target Program of Education Development for 2011–2015. URL: <http://www.fcpro.ru/>
-
-

УДК 37.018.1+159.9+316

UDC 37.018.1+159.9+316

С.И. РАДЧЕНКО

старший преподаватель, кафедра инженерной педагогики и психологии, Брянский государственный технический университет
E-mail: SVETLANARAD@rambler.ru

М.А. ФЕДОРОВА

кандидат педагогических наук, профессор, кафедра общей педагогики, Орловский государственный университет

S.I. RADCHENKO

Senior Lecturer, Department of engineering pedagogy and psychology, Bryansk State Technical University
E-mail: SVETLANARAD@rambler.ru

M.A. FEDOROVA

Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Department of General pedagogy, Orel State University

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ОТЦОВСТВА В АСПЕКТЕ ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ В РАМКАХ РАЗЛИЧНЫХ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

THE ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF PATERNITY IN THE ASPECT OF ITS THEORETICAL STUDY IN VARIOUS SCIENCES

В данной статье представлен обобщенный анализ основных научных взглядов на феномен отцовства в системе различных научных направлений, позволяющий целостно и многоаспектно представить отцовство в его философском, социологическом, психологическом, культурологическом понимании.

Ключевые слова: феномен отцовства, система научных взглядов на отцовство, зарубежные исследования отцовства, отечественная наука о феномене отцовства.

The generalized analysis of the main scientific views is presented in this article on a paternity phenomenon in system of various scientific directions which shows a paternity versatility in its philosophical, sociological, psychological, cultural understanding.

Keywords: paternity phenomenon, system of scientific views on paternity, foreign researches of paternity, the Russian science about a paternity phenomenon.

Феномен отцовства все в большей степени становится предметом особого интереса в системе различных научных направлений – философии, социологии, психологии и т.д. И это не случайная научно-теоретическая тенденция, а закономерная необходимость пересмотра роли отца в ключевой ячейке общества – семье, требующей все большего внимания со стороны мужчины к воспитанию детей, организации помощи в быту, уделению внимания супруге.

Обращение к системе различных взглядов на феномен отцовства в рамках различных наук позволяет, на наш взгляд, формировать более научно зрелое в своей целостности и обобщенности представление об отцовстве в его ценностно-мировоззренческой и социально-нормативной сути, продуктивно транслируемой в новые научные конструкты, связанные с данным феноменом.

Начало серьезных, научно-теоретических изысканий в области отцовства обобщенно датируется первой половиной XIX века и связано с формированием различных концептуальных подходов к феномену отцовства в рамках различных научных областей – философии, истории, культурологи, антропологии, социологии, психологии.

Философское осмысление отцовства предполагало его сущностное отражение в контексте взаимодействия мужского и женского начала, их гармонии, основанных на свободе индивидуальности.

С позиций взглядов немецкого философа А. Шопенгауэра, «мировая воля» использует семью для продолжения потомства. В соответствии с этим преобладающими в жизни человека являются интересы рода, где мужчина выбирает женщину подсознательно, стараясь сохранить свой родовой тип, «выполняет заказ рода» [2].

Продолжая эту линию, философ Г. Зиммель считал, что все достижения культуры проявляются в стремлении человека субъективно преодолеть дуализм мужского и женского, где сознание мужчины содержит много чисто функционального, делового, рационального и собственно осознание им своего пола не занимает равно никакого места.

Русский философ В. Соловьев, не отрицая определенного влияния на выбор супруга партнера по сексуальным контактам, считал, что именно «промысел божий» соединяет в подходящие пары мужчин и женщин.

Значимые идеи, на наш взгляд, высказывал и русский мыслитель В. Розанов, который в своей работе «Статьи о браке» писал, что акт рождения ребенка объединяет оба пола и обеспечивает будущее за счет способности мужского пола реализовывать свою жизненную энергию в сближении с женским полом [2].

Социологический подход позволил раскрыть как основополагающую для отцовства проблематику семьи

в аспектах ее исторической трансформации и раскрытия функционального потенциала, социального статуса родителей, роли семьи в воспитании и образовании ребенка.

Значительный вклад в изучение социологии семьи и культуры отцовства внес Э. Дюркгейм, который акцентировал внимание на потере семей в силу фактора урбанизации ряда важнейших функций и в соответствии с этим возникновении таких новых черт существования семьи, как добровольность брака, уменьшение хозяйственных дел, малодетность и т.д.

Социолог П. Сорокин дал обобщенный и целостный взгляд на проблему сущности, модернизации и изменения семьи, зафиксировав ее кризис в начале урбанизации в России (рост разводов, раздельное жилище, снижение брачной рождаемости, ослабление охраны брака государством) и выделив в качестве причин рост индивидуализма, влияние экономических факторов, изменение уклада в жизни в городах и т.д. [3]

В то же время П. Сорокин считал, что остановить распад семьи – «значит изменить в корне всю организацию современного общества и вернуть ее на несколько веков назад», тем самым признавая поступательность и необходимость изменений в семье и ее подструктурах, в том числе и в феномене отцовства [2].

Современные исследователи в области социологии отцовства (Р. Ла Росса, Д. Рейтзес и др.) видят в качестве формирующегося идеала отцовства начала XXI века отца, являющегося таким же равноценным родителем, как и мать в плане его полноценной вовлеченности в жизнь ребенка, его воспитания и развития, где материнские функции должны быть точкой отчета для формирования норм отцовства [1].

Современные исследователи социологии и истории отцовства (в основном за рубежом – Р. Ла Росса, Д. Рейтзес и др.) видят формирующийся идеал отцовства конца XX начала XIX столетия как отца, являющегося в такой же равной степени родителем, как и мать. В западных странах проблема исследования отцовства достигла заметного положения в общественных науках во время эры исторически высоких ожиданий мужской вовлеченности в повседневную жизнь своих детей. Большинство исследований сравнило уровни вовлеченности отцов в жизнь детей с вовлеченностью матерей, и после этого материнские функции стали точкой отсчета для формирования норм отцовства. Важный научный вклад в разработку феномена отцовства внесли антропологические и этно-графические науки, которые рассматривали проблематику отцовства в его соотношении с материнством как социокультурный феномен, изучая его в границах традиционной культуры.

Так, исследователь Б. Малиновский увидел основу социального и распространения степени родства в историческом факте социальной роли отцовства, обеспечивающего детям законность принадлежности к социуму независимо от неопределенности установления биологического отцовства [6].

Фундаментальный вклад в развитие проблематики отцовства внесла американский антрополог М. Мид,

изучавшая такие значимые аспекты, как гендерные функции отцовства и материнства, связь ребенка с семьей, поощрения и санкции, применяемые к детям в различных культурах и т.д. [6].

В конце XX века сформировался культурологический подход к изучению проблемы отцовства, интегрирующий лучшие достижения отечественной и зарубежной мысли при одновременном развитии собственного теоретического понимания феномена отцовства и его роли в культуре.

С.Н. Иконникова указывает на необходимость рассмотрения современного отцовства, учитывая традиции воспитания, сложившиеся в ходе развития институтов семьи и брака.

Борисенко Ю.В. [1] отмечает, что отцовство в разных культурах зависит от факторов половых различий и жизненного цикла мужчин и женщин, культурного регулирования сексуальности, интернализации социальных норм и правил поведения, мотивов аффилиации и т.д.

Интересны исследования И.С. Кона, который условно делит человеческие культуры на «отцовские» (в которых такая роль мужчины значительна) и «безотцовские» (где мужчина в большей мере выступает как самец, чем отец, наблюдается большая мужская агрессивность, резкий антагонизм между мужчинами и женщинами, менее теплые отношения между всеми членами семьи) [4].

С позиций культурно-исторического подхода исследователи выделяют множество факторов, обуславливающих родительство и соответственно отцовство:

- тип семьи, характерный для данной определенной культуры или этапа развития определенного общества (моногамная, полигамная, нуклеарная или расширенная);
- верования народа, его мифология и религия;
- экономические условия: уровень дохода, экономическая стабильность в обществе, общий уровень безработицы, условия разделения труда;
- социальные стереотипы маскулинности и феминности, отцовства и материнства, характерные для данного общества;
- отношения мужчины с собственной семьей – своими родителями, супругой, ребенком;
- личность ребенка: его пол, возраст, особенности развития и поведения.

В целом, отцовство как феномен традиционной культуры еще ждет своего раскрытия в рамках культурологических концепций в качестве более самостоятельного предмета культурологического анализа.

Интересен с позиций традиционности взгляд на феномен отцовства в рамках биолого-эволюционного подхода, который считает, что социальное поведение мужчин является результатом их природных биологических наклонностей, выработанных в результате эволюционного процесса.

Биолого-эволюционный подход опирается на принцип естественного отбора эволюционной биологии и на принцип поведения, обусловленного поведенческими

механизмами или инстинктами, которые имели значение для выживания и закрепились в структурах головного мозга представителей популяции [7]. Биологические объяснения различий между полами опираются на идеи и взгляды эволюционных теорий, укрепляющих социобиологические позиции [3].

С позиций социобиологического подхода в процессе эволюции сформировалось явление полового диморфизма двух различающихся категорий людей: одной из которых оказались свойственны физическая агрессия, соревновательность, эмоциональная независимость и инструментальный подход к решению проблем, а другой – пассивность, склонность к сотрудничеству, эмоциональная зависимость и склонность к заботе, где биологические особи мужского пола соответствуют первой категории, а женского пола – второй [3].

Как отмечает И.С. Кон, по законам эволюционной биологии, мужской родительский вклад значительно меньше женского. Традиционный нормативный канон отцовства подразумевал реализацию властных полномочий в семье и социуме. Отец выполнял функции персонификации власти, кормильца, дисциплинатора, примера для подражания, непосредственного наставника сыновей в общественно-трудовой деятельности. Социальное расстояние между отцом и детьми поддерживалось с помощью специальных ритуалов, правил избегания, передачи детей на воспитание в чужие семьи и т.д. [4]

Интересные исследования о значимости отца с яркой гендерной составляющей были представлены в рамках психоанализа еще в начале 20 века. Так, отец рассматривался как центральная фигура для психического структурирования и идентификации в процессе прохождения ребенком эдипальной стадии развития (Тайсон, Тайсон).

Основоположник школы психоанализа З. Фрейд считал, что в основе появления семьи лежит гаремная семья, в которой вождь контролирует все сексуальные контакты и именно боязнь кровосмешения и стала причиной экзогамии [6].

А. Адлер рассматривал отцовство в качестве второго по значимости источника влияния на развитие у ребенка социального интереса. У отца должна быть сформирована позитивная установка по отношению к жене, работе и обществу. Сформированный социальный интерес мужчины как отца обязан к проявлению и в отношениях с детьми. «Идеальный отец», в соответствии с представлениями А. Адлера, – это относящийся к своим детям как к равным и принимающий активное участие наряду с женой в их воспитании, при этом отец должен избегать двух ошибок – эмоциональной отгороженности и родительского авторитаризма [6].

Э. Фромм выделил отцовский тип воспитания, в котором отцовская любовь требовательна, стремится к справедливости, к тому, чтобы любить ребенка в соответствии с его заслугами.

Представители психоаналитического направления серьезно занимались вопросами участия мужчины во взаимодействии с будущим поколением, в воспитании,

в передаче накопленного опыта.

В XX веке в социальных науках общепринятой концепцией понимания специфики «мужского» выступала теория половых ролей и социализации (Т. Парсонс). С позиций концепции гендерной социализации имеются значительные различия между мужчинами и женщинами как социальными субъектами, которые преимущественно являются результатом процесса социализации, формирующего женщин и мужчин для различных, но взаимодополняющих ролей. По мнению Т. Парсонса, структурная дифференциация является требованием общества, поскольку адекватная социализации молодого поколения опирается на разделение труда внутри семьи между «инструментальным» мужчиной и «экспрессивной» женщиной.

Согласно теориям социализации ребенок обучается гендерному поведению в семье, в среде сверстников, школе, других социальных институтах, усваивая гендерно-специфические, соответствующие его полу психологические характеристики и модели поведения. Тем самым мальчики усваивают модель инструментальной нормативной маскулинности, включающей ориентацию на освоение внесемейных ролей [3].

Как отмечает И.С. Клецкина, дети наблюдают родительские модели поведения преимущественно в семье, и поэтому, став отцами и матерями, мужчины и женщины часто повторяют стили поведения своих родителей. Если мужчина вырос и сформировался в семье с традиционной моделью поведения отца, то и в своей семье, в значительной мере, он будет следовать этой модели.

Для изучения различных «отцовских образов» («современный, ухаживающий отец», «опасный отец-насильник», «папочка-неплательщик» и т.д.) и анализа их вариативности среди мужчин, принадлежащих к разным социальным слоям, этническим группам, используется подход социального конструктивизма. В рамках этого направления изучаются распространенные нормативные представления об отцах (например, кто такой сводный отец, одинокий отец и т.д.). Представители постструктуралистского направления делают акцент на «эмоциональном измерении» и индивидуальных опытах, которые позволяют улавливать вариативность отцовства на микроуровне [2].

Анализ теоретических подходов к изучению роли мужчины в семье показывает, что односторонний взгляд представителей биологического детерминизма (Э. Дюркгейм, К. Маркс, Ф. Энгельс, З. Фрейд, Э. Фромм, Т. Парсонс, Р. Бейлз и др.) либо социального конструктивизма (М. Мид, И. Гоффман, Р. Коннел, П. Бурдьё, М. Мойзер, А. Рич, Э. Оэкли, С. Файерстоун) не может быть основополагающим.

В то же время нельзя не отметить, что обе теории внесли весомый вклад в современное понимание маскулинности, сформировав понятийный аппарат, выдвинув идеи и взгляды, на которые опираются представители третьего, интегративного «биосоциального» подхода (Г. Рубин, И. Игли, В. Вуд, Э. Росси), согласно которому мужские и женские роли являются сложными комплексными образованиями, одновременно зависящими

как от биологической природы, так и от конструируемых в обществе норм и ожиданий по отношению к ним.

Биосоциальный подход не утверждает генетического предопределения полового разделения труда, но указывает на то, что биологические предпосылки формируют то, чему мужчины и женщины учатся, легко или сложно овладевают той или иной деятельностью. Тем самым, врожденные свойства определяют рамки, в которых происходит социальное научение, влияют на легкость, с какой мужчины и женщины обучаются поведению, общественно нормативному для их пола [1].

Несомненно, существуют генетически запрограммированные предпосылки отцовства, однако биология не объясняет и не определяет всю специфику родительского поведения мужчины, его мотивации и институционализации.

В основе отцовства лежат, как отмечает Ю.В.Борисенко, различные, в том числе и биологически обусловленные потребности, при этом способность иметь детей является, с одной стороны – характеристикой взрослого человека, а с другой, не является достаточным основанием для рождения ребенка, то есть важнейшее значение здесь приобретает влияние социальных, исторических и культурных факторов, в том числе и социальная стратификация, соотношение психофизиологического и социального статусов личности [1].

Различия между практиками мужчин и женщин возникают в силу того, что общество распределяет их по разным видам деятельности, формирует несколько различающиеся интересы. В то же время отцовство не следует рассматривать только на основе «инструментальных» характеристик и «маскулинного давления». Феномен отцовства, образ отца должен строиться и с «экспрессивной» стороны – как эмоционального, близкого, заботящегося родителя.

Несомненно, биологические и социальные факторы тесно взаимосвязаны, при этом если биологическое определяет психофизиологическую готовность к отцовству (И.С. Кон и В.В. Бочаров), то социальные факторы достаточно жестко регламентируют реализацию этой готовности (Кон И.С.).

Различие отцовства и материнства, специфический стиль отцовства зависят от множества социокультурных особенностей, условий, при этом существенно варьируясь. Социум предъявляет определенные требования к возрастному, экономическому, профессиональному, социальному статусу отца, при этом регламентирует поведение его как человека, обладающего определенным статусом в системе социальных ролей [1].

Личные особенности, человеческий и социальный капитал, субъективный опыт, социальный контекст, общественный дискурс – все это влияет на формирование отцовского поведения. Именно в контексте биосоци-

ального подхода в современной западной социологии изучаются реальные отцовские практики и культурные нормы института отцовства [5].

Большое количество исследований по данной проблеме проводятся в Германии и США. Исследуются различные аспекты феномена отцовства: статус отца, его поведение по выполнению отцовской роли, удовлетворенность мужчины отцовством, в том числе и выполнением роли отца; удовлетворенность отношениями с собственным отцом и перенос паттернов поведения по выполнению роли, общения и отношений к ребенку и с ребенком, а также социальные и демографические проблемы отцовства.

Немецкие исследователи занимаются проблемами социального изменения отцовства, трансформации ролей в обществе; изменения социальных стереотипов и установок относительно того, каким должен быть отец; проблемами семейной психологии, выполнения мужчинами ролей в рамках семьи в изменяющихся условиях современного общества; исторические и культурные предпосылки современного стереотипа отцовства; психологические особенности отцовства (удовлетворенность собственной ролью, отношениями с ребенком, супругой и окружающими), исследуется процесс становления отца, его психологических характеристик, принятие роли, изменение Я-концепции в отцовстве, возрастные закономерности данного феномена [1].

В отечественных исследованиях отцовство исследуется как социальная роль, статус, в рамках исследования представлений и стереотипов в социальной психологии, в рамках гендерной психологии и феминистических исследований. Однако в этих науках отцовство, как отмечает Ю.В.Борисенко, изучается в ряду, а чаще всего, как один из элементов других феноменов, таких как гендерные стереотипы, сексуальные стереотипы, формирование социальных, гендерных, сексуальных ролей, ролевой конформизм, принятие или непринятие этнических, культурных, гендерных стереотипов (Целуйко В.М., Толстых М.А, Николаева И.М. и др.), не являясь по существу предметом изучения.

Большинство же исследований отцовства проводится в рамках детской психологии с изучением влияния отца на развитие личности ребенка (Минияров В.М., Молоховская О.В. и др.). При этом изучается специфика влияния определенного поведения отца, выполняемых им функций и действий, на развитие личности ребенка.

Таким образом, отцовство в силу своей многомерной специфики не входит в рамки методологии какой-либо узкой отрасли науки, являясь комплексным феноменом, и требует всестороннего исследования в рамках различных междисциплинарных подходов, позволяющих изучать и анализировать отцовство с учетом всех сфер приложения данного феномена.

Биографический список

1. *Борисенко Ю.В.* Психология отцовства. Москва-Обнинск: «ИГ-СОЦИН», 2007. 220 с.
2. *Гурко Т.А.* Трансформация института родительства в постсоветской России : дисс. ... докт. социол. наук : 22.00.04 Москва, 2008. 342 с.
3. *Клецина И. С.* Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе: Рос. науч. журн. 2009. № 3 (52). С. 29–41
4. *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
5. *Мальцева Д.В.* Теоретические подходы к изучению отцовства в современной западной социологии // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5 (99). С. 272–289.
6. *Протопопов С.С.* Теоретические основы изучения феномена отцовства//Вопросы культурологии, 2009, №12, С.46–49.
7. *Смит Н.* Современные системы психологии. Пер. с англ. Под общ. ред. А.А.Алексеева. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.

References

1. *Borisenko Yu. V.* Psikhologiya of paternity. Moscow-Obninsk: "IG-SOTsIN", 2007. 220 p.
 2. *Gurko T. A.* Transformation of institute of a roditelstvo in Post-Soviet Russia: doctoral thesis... in sociological sciences: 22.00.04. Moscow, 2008. 342 p.
 3. *Kletsina I. S.* Otsovsstvo in analytical approaches to maskulinnost studying// Woman in the Russian society: Russian scientific journal. 2009. № 3 (52). Pp. 29–41
 4. *Con I. S.* Muzhchina in the changing world. M.: Time, 2009. 496 p.
 5. *Maltseva D. V.* Theoretical approaches to paternity studying in modern western Sociology / of V. Maltsev//Monitoring of public opinion. 2010. № 5 (99). Pp. 272–289.
 6. *Protopopov S. S.* Theoretical bases of studying of a phenomenon of paternity//cultural science Questions, 2009, № 12, Pp. 46–49.
 7. *Smith N.* Modern systems of the psychology/Tran. from English. Under the general. Edition of A. A. Alekseev. SPb. : prime-EVROZNAK, 2003. 384 p.
-

УДК 378.147:51-7

UDC 378.147:51-7

А.А. РУСАКОВ

кандидат физико-математических наук, профессор,
кафедра ИТ-8, Московский государственный универси-
тет приборостроения и информатики
E-mail: vmkafedra@yandex.ru

Н.А. ИЛЬИНА

кандидат физико-математических наук, профессор,
кафедра математики и информационных технологий,
Орловский государственный университет
E-mail: n.a.ilyina@yandex.ru

В.Н. РУСАКОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра ма-
тематики и информационных технологий, Орловский
государственный университет
E-mail: v.n.rusakova@yandex.ru

Е.С. САВАТЕЕВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры ма-
тематики и информационных технологий, Орловский
государственный университет
E-mail: katrin_s@inbox.ru

A.A. RUSAKOV

Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Professor, Department of IT-8, Moscow State University of
Instrument Engineering and Computer Science
E-mail: vmkafedra@yandex.ru

N.A. ILYINA

Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Professor, Department of mathematics and information
technologies, Orel State University
E-mail: n.a.ilyina@yandex.ru

V.N. RUSAKOVA

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate professor,
Department of mathematics and information technologies,
Orel State University
E-mail: v.n.rusakova@yandex.ru

E.S. SAVATEEVA

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate professor,
Department of mathematics and information technologies,
Orel State University
E-mail: katrin_s@inbox.ru

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ И ПРИКЛАДНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО МАТЕМАТИКЕ

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF RESEARCH WORK SKILLS OF STUDENTS OF THE HUMANITARIAN AND APPLIED DIRECTIONS OF PREPARATION AT THE LESSONS OF MATHEMATICS

В современном мире математические методы обработки информации используются во всех сферах науки. Математика предоставляет разнообразные инструменты для ученого-исследователя. В данной статье представлена методика организации научно-исследовательской работы студентов гуманитарных и прикладных направлений подготовки при обучении их математике, приведены примеры проведения такой работы со студентами.

Ключевые слова: методика обучения математике, научно-исследовательская работа студентов, математические методы обработки информации.

In the modern world mathematical methods of information processing are used in all spheres of science. The mathematics provides various tools for the scientist-researcher. The technique of the organization of research work of students of the humanitarian and applied directions of preparation is presented in this article when training in their mathematics, examples of carrying out such work with students are given.

Keywords: technique of training in mathematics, research work of students, mathematical methods of information processing.

Обучение математике в современном вузе не должно ограничиваться рассмотрением типовых задач. Перед преподавателем стоит задача познакомить будущих специалистов, не математиков, с основными методами этой науки, которые могли бы быть использованы в практических исследованиях. Как правило, основные математические дисциплины изучаются на 1-2 курсах, когда студенты еще не достаточно хорошо знакомы с профильными дисциплинами, с методами исследований предлагаемых ими, в которых, скорее всего, не обойтись без математики; у большинства из них еще нет производственной практики, где можно применить свои знания.

Многолетний опыт преподавания математики, мониторинг выпускников и мониторинг студентов старших курсов указывают нам на важность и необходимость вносить элементы научно-исследовательской деятельности в обучение математике.

Научно-исследовательская деятельность студентов – это, прежде всего, формирование дидактических условий, в которых обучаемые получают новые импульсы:

- для более глубокого усвоения предмета;
- для мотивации разработки своего собственного образовательного продукта;
- для последовательного перехода студента от объектной роли через субъектную к творческой и обучающей

щей роли для своих товарищей;

- для выявления субъективной новизны результата этой деятельности и процесса ее выполнения (субъективность заключается в том, что результаты исследования являются совершенно новыми и зачастую неожиданными для самого обучаемого);

- развитие самостоятельности студентов младших курсов (в соответствии с требованиями компетентностного подхода к обучению, требованиями ГОСТа [1], и др.) как при освоении предметного содержания, так и при оценке собственной деятельности. Самостоятельность здесь понимается не только как черта характера, но и как способ деятельности;

- в условиях балльно-рейтинговой системы – это дополнительные баллы в «копилку» студента. [7]

Проводя некоторую аналогию с научно-исследовательской работой [1] и обобщая собственный опыт такой работы, а также опыт коллег [5], можно выделить следующие этапы работы над студенческим научно-исследовательским проектом:

1. Сбор и изучение статистических данных по тематике, соответствующей направлению обучения.
2. Систематизация найденных данных.
3. Предварительный анализ данных:
 - Формулирование возможных направлений исследования и их сравнительная оценка.
 - Разработка рабочих гипотез.
4. Определение проблемы, актуальности, практической значимости, объекта и предмета исследования, постановка его цели и задач – строится описательная информационная модель.
5. Определение методов исследования. Систематизация изученных методов, а также, возможно, изучение литературы – рассмотрение ранее не известных математических методов обработки данных.
6. Перевод задачи на язык математики – построение математической (формализованной) модели объекта исследования; обоснование допущений (если необходимо).
7. Решение поставленной математической задачи; если возможно – с применением компьютерных средств (например, MS Excel [4], [8], [9]) – построение компьютерной модели.
8. Формулирование результата на языке исследования, сравнение с выдвинутой гипотезой (корректировка исследуемой модели, при необходимости).
9. Оформление работы.
10. Презентация полученных результатов.

Прохождение данных этапов позволяет студенту ощутить себя в роли исследователя. «Думаю, вообще очень немного может быть сравнимо с тем чувством, которое овладевает человеком, когда он сделал научное открытие. Он узнал новое, еще совершенно неизвестное, своим открытием принес пользу людям. Именно это, видимо, и дает то наивысшее удовлетворение, какое только возможно для ученого», – пишет М.В. Келдыш [2]. Результат учебного исследования имеет лишь субъективную новизну для студента, но в памяти останется состояние творческого озарения, успешности вы-

полненной задачи. Навыки исследовательской работы, проведенной под руководством педагога, – это не только усвоение определенных этапов данного процесса и умение правильно оформить и подать полученный результат, это еще и немаловажное умение преодолевать трудности, которые неизбежно встречаются на пути исследователя.

Приведем несколько примеров организации работы студентов над исследовательским проектом по математике.

На первом этапе работы студенты направления подготовки 280700 – Техносферная безопасность нашли следующие данные (Таблица 1).

Данные уже систематизированы в таблице, поэтому возможно сразу перейти к их анализу. Были предложены следующие направления исследования:

1. найти средние значения аэродинамического сопротивления каждому из аэрозолей для всех материалов и возможное отклонение таких значений от среднего (математическое ожидание и дисперсию), а также определить другие числовые характеристики выборки.
2. проверить гипотезу о равенстве математических ожиданий / дисперсий начального и конечного значений аэродинамического сопротивления материалов.
3. определить тесноту связи между массой аэрозоля, поступившей на материал и аэродинамическим сопротивлением материала.
4. установить наличие существенного различия аэродинамического сопротивления твердым аэрозолям для первых четырех материалов.

Сравнив *практическую значимость* предполагаемых результатов данных направлений исследования, студенты решили, что последнее более значимо, т.к. позволит определить – следует ли выбирать более эффективную защиту из предложенных или можно воспользоваться любым из этих материалов. *Проблема* определена как исследование различий влияния материалов фильтрующих элементов на аэродинамическое сопротивление твердым аэрозолям. Сформулирована *тема* исследования: «Анализ аэродинамического сопротивления твердым аэрозолям различных материалов фильтрующих элементов». *Актуальность* результата исследования подтверждается необходимостью использования материалов фильтрующих элементов, имеющих наибольшее аэродинамическое сопротивление не отдельным аэрозолям, а их совокупности. *Объектом* исследования является аэродинамическое сопротивление материалов фильтрующих элементов твердым аэрозолям. *Предметом* исследования является установление факта наличия существенных различий указанного сопротивления для различных материалов.

Таким образом, была выбрана *цель* исследования: определить, существенно ли различие аэродинамического сопротивления твердым аэрозолям для следующих материалов: материал ФПП-15-1,5; элемент: полотно термоскрепленное – материал ПАН; элемент: полотно термоскрепленное – ВИОН; элемент респиратор ЦФП-1 «Юлия».

Таблица 1.

Результаты испытаний материалов фильтрующих
элементов по твердым аэрозолям. [10]

Наименование ма- териала, элемент	Аэрозоль	Масса аэрозоля, посту- пившая на материал, мг	Аэродинамическое сопротивление, Па		Коэффициент проскока, %		
			начальное	конечное	начальный	конечный	средний интегральный
Материал ФПП-15-1,5	Доломитовая мука	164,4	10	22	0,14	0,06	0,1
	M5	134,2	18	90	2,1	0,6	1,3
	Поваренная соль	139,2	18	30	0,6	0,1	1,8
	Почвенная пыль	94,2	18	32	0,3	0,8	0,4
	Суперфосфат	99,6	6	12	1,1	0,9	1,1
	Комбикорм	79,8	18	22	0,9	2,3	1,4
Элемент: полотно термо- скрепленное – материал ПАН	Доломитовая мука	958,6	12	33	2,3	2,3	1,1
	M5	39,6	14	16	1,6	1,3	2,0
	Поваренная соль	76,8	12	16	15,4	14,6	17,4
	Почвенная пыль	210,0	14	26	14,3	2,1	7,9
	Суперфосфат	50,4	14	25	5,0	1,3	2,1
	Комбикорм	118,2	12	14	3,0	2,5	3,2
Элемент: полотно термо- скрепленное – ВИОН	Доломитовая мука	158,2	6	220	2,4	0,6	1,33
	M5	22,8	104	24	28,0	9,0	15,2
	Поваренная соль	74,4	4	18	27,0	12,0	17,0
	Почвенная пыль	50,4	10	20	1,8	1,1	1,5
	Суперфосфат	153,6	10	34	5,8	1,8	2,5
	Комбикорм	95,4	12	30	2,3	1,8	2,4
Элемент респиратор ЦФП-1 «Юлия»	Доломитовая мука	682,8	50	110	4,1	0,7	2,2
	M5	31,2	48	60	9,8	5,6	8,4
	Поваренная соль	120,6	48	64	5,9	2,6	3,9
	Почвенная пыль	50,4	46	58	4,0	3,6	4,8
	Суперфосфат	62,4	50	58	3,4	0,6	1,5
	Комбикорм	97,8	42	52	2,7	1,8	2,1
Элемент: ФПП – ВИОН	Доломитовая мука	242,2	12	42	0,3	0,08	0,1
Элемент респиратора «Лепесток-Г»	Доломитовая мука	208,5	48	68	2×10^{-3}	≈ 0	1×10^{-3}
Элемент респиратора «Лепесток - КД»	Доломитовая мука	95,0	50	64	3×10^{-3}	2×10^{-2}	4×10^{-3}

Таблица 2.

Аэрозоль Наименование материала	Доломитовая мука	M5	Поваренная соль	Почвенная пыль	Суперфосфат	Комбикорм
Материал ФПП-15-1,5	10	18	18	18	6	18
Элемент: полотно термоскреплен- ное – материал ПАН	12	14	12	14	14	12
Элемент: полотно термоскреплен- ное – ВИОН	6	104	4	10	10	12
Элемент респиратор ЦФП-1 «Юлия»	50	48	48	46	50	42

Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи:

- выбрать данные, необходимые для реализации данной цели и представить их в виде отдельной таблицы;
- изучить литературу по теме исследования и литературу по применению математических методов исследования;
- выбрать и применить математические методы исследования для определения различия аэродинамического сопротивления указанных материалов;
- проанализировать полученный результат.

Данные исследования были отобраны и систематизированы следующим образом (Таблица 2).

После детального изучения проблемы исследования и возможных методов математической обработки данных было решено использовать метод однофакторного дисперсионного анализа.

Т.о. предстоит определить, имеется ли существенное различие аэродинамического сопротивления (в Па) твердым аэрозолям (6 испытаний) для приведенных материалов (4 уровня фактора) при уровне значимости $\alpha=0,05$.

Или на языке математической статистики: методом дисперсионного анализа при уровне значимости $\alpha=0,05$ проверить нулевую гипотезу о равенстве групповых средних 4-х выборок (уровни фактора), найденных в 6 испытаниях.

Воспользуемся инструментом – Однофакторный дисперсионный анализ надстройки *Анализ данных* (рис. 1.).

Получим следующие результаты (таблица 3):

Для решения поставленной задачи нас интересуют значения столбцов F и Fкритическое таблицы Дисперсионный анализ. В случае, когда $F \leq F_{\text{критическое}}$, гипотеза о равенстве математических ожиданий всех выборок принимается [4], т.е. влияние всех уровней фактора одно и то же.

Т.к. для данной задачи $F > F_{\text{критическое}}$, то на уровне значимости $\alpha=0,05$ (с надежностью 0,95) имеется существенное различие влияния уровней фактора, т.е. аэродинамического сопротивления (в Па) твердым аэрозолям для приведенных материалов.

Анализ результата исследования показывает возможность постановки новой проблемы – определить математические ожидания каких выборок значимо отличаются от других.

Студенты направления подготовки 030900 Юриспруденция взяли также систематизированные по годам данные с Портала правовой статистики [11] (Таблица 4).

Анализ имеющихся данных показал кроме вычисления основных числовых характеристик данной выборки возможность прогнозирования с различной степенью точности числа преступников данной возрастной группы на несколько лет вперед, что предположительно может быть использовано для определения кадровой политики следственных органов на ближайшие годы.

Но, не остановившись на достигнутом, на сайте Федеральной службы государственной статистики по Орловской области [12] студенты обнаружили следующие данные (Таблица 5).

Данные по числу студентов и количеству преступников «студенческого» возраста за один и тот же промежуток времени натолкнули на мысль о проверке наличия зависимости между ними (Таблица 6).

Проблема определена как исследование влияния числа студентов на количество преступников в возрасте 18-24 лет. Сформулирована *тема* исследования: «Определение зависимости количества преступников «студенческого» возраста от числа студентов». *Актуальность* результата исследования определяется возможностью выявления фактора, влияющего на рост преступности. *Практическая значимость* предполагает

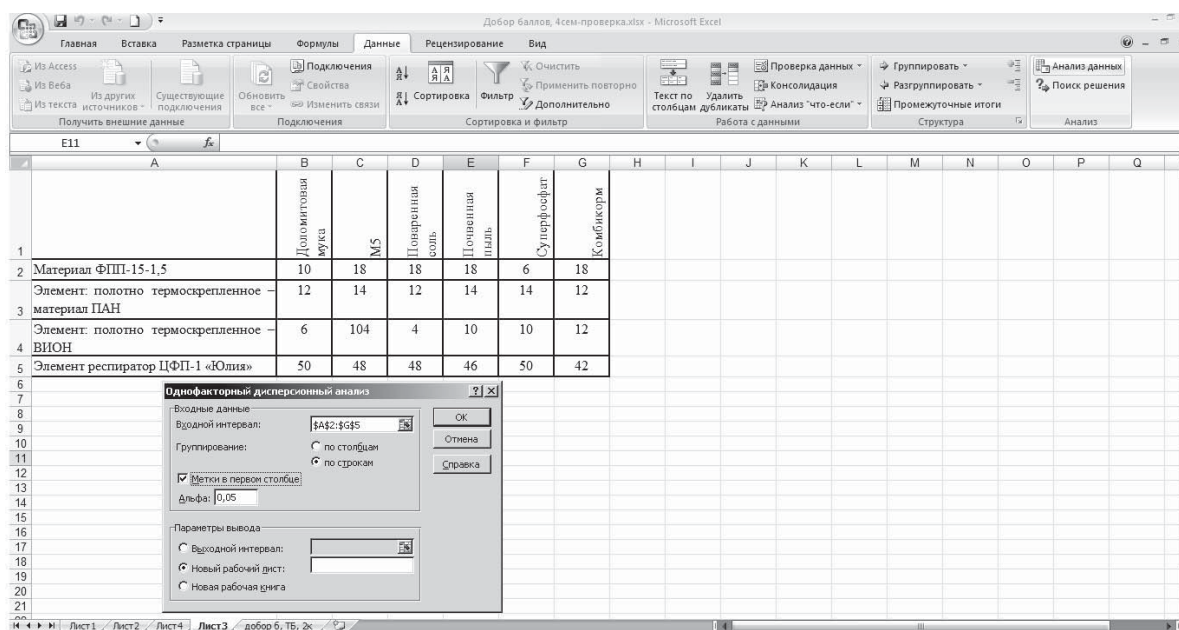

Рис. 1. Применение инструмента «Однофакторный дисперсионный анализ» к статистическим данным.

Таблица 3.

Однофакторный дисперсионный анализ

ИТОГИ

Группы	Счет	Сумма	Среднее	Дисперсия
Материал ФПП-15-1,5	6	88	14,67	28,27
Элемент: полотно термоскрепленное – материал ПАН	6	78	13,00	1,20
Элемент: полотно термоскрепленное – ВИОН	6	146	24,33	1531,87
Элемент респиратор ЦФП-1 «Юлия»	6	284	47,33	9,07

Дисперсионный анализ

Источник вариации	SS	df	MS	F	P-Значение	F критическое
Между группами	4499,33	3	1499,78	3,82	0,03	3,10
Внутри групп	7852	20	392,60			
Итого	12351,3	23				

Таблица 4.

Состав лиц, совершивших преступления в Орловской области
(по возрасту во время совершения преступления, лет: 18-24)

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
2236	1938	1567	1879	1738	1799	1931	2322	2211	1755	1503	1297	1145

Таблица 5.

	Число самостоятельных учебных заведений, единиц	Численность студентов -всего, тыс. человек	в том числе обучающихся на отделениях:			На 10000 человек населения приходится студентов, человек
			очных	очно –заочных (вечерних)	заочных	
2000	7	32,0	20,3	1,2	10,5	365
2001	7	36,5	22,3	1,7	12,5	421
2002	8	39,8	24,4	1,9	13,5	464
2003	8	41,5	25,7	1,9	13,9	488
2004	8	43,1	27,3	1,9	13,9	516
2005	8	44,7	28,5	1,9	14,3	544
2006	8	46,5	29,3	1,7	15,5	573
2007	8	46,4	29,4	1,6	15,4	577
2008	8	45,1	27,6	1,5	16,0	565
2009	7	44,8	26,7	1,4	16,7	566
2010	7	43,2	24,5	1,4	17,3	550
2011	6	41,0	22,9	1,2	16,9	525
2012	6	39,2	21,0	1,0	17,2	506

Таблица 6.

Года	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Число преступников 18-24 лет по Орловской области	2236	1938	1567	1879	1738	1799	1931	2322	2211	1755	1503	1297	1145
Численность студентов по Орловской области, тыс. чел.	32	36,5	39,8	41,5	43,1	44,7	46,5	46,4	45,1	44,8	43,2	41,0	39,2

мых результатов исследования подтверждается возможностью своевременной профилактики преступлений в возможной «группе риска». *Объектом* исследования является число преступников Орловской области в возрасте 18–24 лет. *Предмет* исследования – установление зависимости между числом студентов и количеством преступников в возрасте 18–24 лет.

Была поставлена цель исследования: определить наличие и тесноту связи между количеством студентов и количеством лиц, совершивших преступления в возрасте 18–24 лет.

Показателем тесноты линейной связи является коэффициент корреляции, который вычисляется по формуле

$$r = b_{yx} \frac{s_x}{s_y},$$

где b_{yx} , s_x , s_y вычисляются по формулам, приведенным в первом из рассмотренных примеров.

Коэффициент корреляции принимает значения на отрезке $[-1; 1]$, т.е.

$$-1 \leq r \leq 1.$$

В зависимости от того, насколько $|r|$ приближается к 1, различают связь слабую, умеренную, достаточно тесную, тесную и весьма тесную, т.е. чем ближе $|r|$ к 1,

тем теснее связь.

Если $r > 0$, то корреляционная связь между переменными называется *прямой*, если $r < 0$ – *обратной* [3].

В MS Excel решение задачи достигается вызовом единственной функции

=КОРРЕЛ(Массив1; Массив2),

которая служит для определения коэффициента корреляции между двумя массивами чисел, где Массив1 – данные о численности врачей города за указанные годы, Массив2 – мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений города за соответствующие годы и последующей оценке тесноты связи между ними.

В данном случае $r = 0,07216$, т.е. прямая связь достаточно слаба, чтобы говорить о наличии тесной зависимости между количеством студентов и количеством лиц, совершивших преступления в возрасте 18–24 лет.

Приведенные примеры показывают, что работа над подобным проектом дает студенту не только навык прохождения традиционных этапов исследования и правильного оформления его результатов, но и применения математических методов исследования, одновременно усиливая мотивацию к изучению математических дисциплин.

Библиографический список

- ГОСТ 15.101–98. Порядок выполнения научно-исследовательских работ. Система разработки и постановки продукции на производство. Издание официальное. Минск : Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 1998. 10 с.
- Келдыш М.В. Избранные труды. Общие вопросы развития науки. М. : Наука, 1985.
- Кремер Н.Ш. Теория вероятностей и математическая статистика: Учебник для вузов. М. : ЮНИТИДАНА, 2004. 573с.
- Минько А.А. Статистический анализ в MS Excel. М. : Издательский дом «Вильямс», 2004. 448с.
- Новожилова М.М., Воровщиков С.Г., Таврель И.В. Как корректно провести учебное исследование: От замысла к открытию. Науч. Ред. Т.И. Шамова. 3-е изд. М. : 5 за знания, 2008. 160 с.
- Позднякова О.И., Русаков А.А., Русакова В.Н., Язан М.С. Математические методы исследования задач техносферной безопасности с применением информационных технологий // Труды международной научно-практической конференции: Актуальные проблемы подготовки специалистов ИКТ», Хмельницкий национальный университет (Украина), издательство Сумского державного университета, г. Сумы, том 2, 2013. С.146–158.
- Русаков А.А., Русакова В.Н. Методические особенности применения ИКТ в научно-исследовательской, проектной деятельности школьников // Материалы международной научно-практической конференции «Информационные и коммуникационные технологии в науке, образовании и производстве» 29-30 октября 2012 г., г. Тирасполь, ПМР, С. 240–245.
- Русаков А.А., Русакова В.Н., Саватеева Е.С. Научно-методические аспекты развития ИКТ-компетентности студентов-гуманитариев при решении математических задач в программе MS Excel / Педагогическая информатика, №2, 2013. С.6–18.
- Русаков А.А., Русакова В.Н., Саватеева Е.С. Педагогические аспекты освоения студентами-гуманитариями специальных возможностей программы MS Excel при изучении курса математики // Труды Международной научно-практической конференции «Информатизация образования – 2013». Ростов-на-Дону: типография Южного федерального университета, 2013. С.155–163.
- Тюриков Б.М. Теория и практика разработки и применения дыхательных аппаратов для защиты работающих в АПК. В 2-х ч. Часть II. Практическая реализация и перспективы развития. Орел : Издатель Александр Воробьев, 2006. 272 с.
- <http://crimestat.ru>
- <http://orel.gks.ru>

References

- GOST 15.101-98. Order of performance of research works. System of development and statement of production on production. Official publication. – Minsk: Interstate council on standardization, metrology and certification, 1998. 10 p.
- Keldysh M. V. Chosen works. General questions of development of science. M.: Science, 1985.
- Kremer N. Sh. Probability theory and mathematical statistics: The textbook for higher education institutions. M.: YUNITIDANA, 2004. 573p.
- Minko A.A. Statistical analysis in MS Excel. – M.: Williams publishing house, 2004. 448p.
- Novozhilova M. M., Vorovshchikov S.G., Tavrel I.V. How it is correct to conduct educational research: From a plan to opening/M. Novozhilova, S.G. Vorovshchikov, I.V. Tavrel; Ed of T.I. Shamova. M.: 5 for knowledge, 2008. 160 p.

6. *Pozdnyakova O. I., Rusakov A.A., Rusakov V. N., Yazan M. S.* Mathematical methods of research of problems of a technosphere safety with application of information technologies//Works of the international scientific and practical conference: Actual problems of training of specialists of ICT”, Khmelnytsky national university (Ukraine), publishing house of the Sumy majestic university, Sumy, volume 2, 2013. Pp. 146–158.
 7. *Rusakov A.A., Rusakova V. N.* Methodical features of application of ICT in research, design activity of school students// Materials of the international scientific and practical conference “Information and Communication Technologies in Science, Education and Production” on October 29–30, 2012, Tiraspol, PMR, Pp. 240–245.
 8. *Rusakov A.A., Rusakov V. N., Savateeva E.S.* Scientific and methodical aspects of development of ICT competence of students humanists at the solution of mathematical tasks in the MS Excel program / Pedagogical informatics, №. 2, 2013. Pp. 6–18.
 9. *Rusakov A.A., Rusakova V. N., Savateeva E.S.* Pedagogical aspects of development by students humanists of special opportunities of the MS Excel program when studying a course of mathematics//Works of the International scientific and practical conference “Education Informatization – 2013”. Rostov-on-Don: printing house of the Southern federal university, 2013. Pp. 155-163.
 10. *Tyurikov B. M.* The theory and practice of development and use of respiratory devices for protection working in agrarian and industrial complex. In 2 parts. Part II. Practical realization and prospects of development. Oryol : Publisher Alexander Vorobyov, 2006. 272 p.
 11. <http://crimestat.ru>
 12. <http://orel.gks.ru>
-

УДК 378.147

UDC 378.147

В.Н. СОРОКОУМОВА

доктор педагогических наук, профессор, кафедра теории и методики преподавания русского языка и литературы, Орловский государственный университет
E-mail: sorokoumov57@mail.ru

V.N. SOROKOUMOVA

Doctor of pedagogical sciences, professor, Department of theory and methods of teaching Russian language and literature, Orel State University
E-mail: sorokoumov57@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

FEATURES SPECIAL TRAINING IN MODERN HIGH SCHOOL

В статье с позиции современных требований к профессиональной подготовке в университете представлен анализ образовательного процесса, осуществляющего переход от знаниевого подхода к компетентностному обучению.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, знаниевый подход, компетентностный подход, общепедагогические знания, диагностичность задаваемых целей обучения.

This article from the perspective of modern requirements for training at the University presents an analysis of the educational process, the transition from znaniyevogo approach to competence-learning.

Keywords: higher education, znaniyevy approach, competence-based approach, general pedagogical knowledge, di-agnosticity-defined learning objectives.

Проводя анализ теории и практики современного отечественного высшего профессионального образования, нельзя не отметить, что оно сегодня функционирует в условиях жесточайших противоречий. К их числу относится противоречие между действительной ролью науки и образования как в функционировании государства, так и в жизни отдельного человека и той реальной ролью, которая сегодня отводится науке и образованию государством. Последнее, очевидно, и выражается подчас в крайне скудном финансировании научных и образовательных программ, в безнадежном устаревании вузовского учебного и научного оборудования, в свертывании базы для производственной (педагогической) практики студентов и в невозможности осуществлять полноценный образовательный процесс.

Высшее профессиональное образование в современном мире важно не только потому, что имеет «целью подготовку и переподготовку специалистов сложных видов труда, выполняющих функции управления технологическими системами и коллективами людей, подготовку квалифицированных педагогических кадров и научных работников, а также удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования на базе среднего (полного) общего, среднего профессионального образования и реализуемое в образовательных учреждениях высшего образования» (С.М. Вишнякова), но и требует переориентации на решение данной сверхзадачи – подготовку специалистов, умеющих быстро и успешно адаптироваться в сложной обстановке и принимать верные решения в любых, самых неординарных ситуациях. Поэтому основой современного высшего образования стало формирование эрудированной, свободной и ответственной личности,

сочетающей профессиональную компетенцию с гражданской ответственностью, обладающей должным мировоззрением, нравственным сознанием. Необходимо отметить, что такую задачу высшие учебные заведения ставили практически всегда. Советская система высшего образования стремилась к тому, чтобы выпускник мог продемонстрировать не только хорошие профессиональные знания в избранной им области деятельности, но и иметь достаточно фундаментальное образование, полученное во время обучения в университете, в соответствии с новыми условиями, чтобы впоследствии быть способным передать свои знания школьникам. Однако решение этой задачи в современных условиях России осложняется загруженностью информационного поля, где есть материал различных уровней (компетенции, сложности, адаптации, пригодности и т.д.). Это определяет необходимость отхода от утилитарного образования, т.е. простой передачи обучающемуся суммы знаний и факторов, необходимой для конкретной деятельности, к формированию умения ориентироваться в «потоке информации», умения вычлнить тот материал, который необходим обучающемуся в процессе профессионального становления. Однако в процессе практической преподавательской деятельности (в особенности в области филологических дисциплин) приходится ориентироваться на ситуацию, когда часть студентов не готова по своему уровню развития ценностной мотивации к активному усвоению предмета, сообщаемого ему базовые знания, являющиеся основополагающими при формировании профессиональных навыков.

От определения целей в наибольшей степени должен зависеть выбор содержания, методов и средств обучения и воспитания. Останавливаясь на тех или

иных методах обучения, мы фактически отвечаем на вопросы: чему учить, для чего учить и как учить. Формулирование педагогических целей, отвечающих на вопрос «чему учить», определяет содержание всего процесса обучения и задачи (профессиональные, жизненные, предметные, этические, эстетические), которые должен уметь решать студент с помощью полученных знаний, умений, навыков, убеждений, установок и т.п.

Анализ учебных и рабочих программ различных дисциплин для филологического факультета университета позволяет сделать вывод, что в них часто указываются слишком общие и неопределенные образовательные цели – обеспечить фундаментальную подготовку в такой-то области, научить творчески применять знания на практике и т.п. Но чаще всего описание целей подменяется простым указанием на содержание обучения и воспитания, перечнем знаний, умений, убеждений, которые должен приобрести студент за период изучения данного курса. Разумеется, овладение конкретным знанием или умением может выступить в качестве промежуточной педагогической цели, но только в том случае, если будут заданы способы оценки фактического достижения этой цели, т.е. способы определения того, действительно ли учащийся овладел этими знаниями и умениями.

Наиболее полно разработанной, операционализированной и проявившей свою плодотворность в системе высшего образования следует признать схему построения и реализации педагогических целей, раскрытую в цикле работ, выполненных под руководством Н.Ф. Талызиной. Главным достоинством развиваемого ею подхода является преемственность целей разных уровней, обеспечивающая их синтез в целостную систему, и подчеркнутая связь целей с содержанием обучения. Это достигается за счет синтетического описания целей и содержания обучения на языке задач, которые должен уметь решать студент, прошедший курс обучения.

Как отмечает А.М. Новиков, «одной из основных целей профессионального образования является создание условий для овладения профессиональной деятельностью, получения квалификации или, в необходимых случаях — переквалификации, для включения человека в общественно-полезный труд в соответствии с его интересами и способностями. При этом для каждого отдельного человека его профессиональное образование выступает в двух качествах:

- как средство самореализации, самовыражения и самоутверждения личности, поскольку в наибольшей мере человек раскрывает свои способности в труде, и в первую очередь – в профессиональном труде;

- как средство устойчивости, социальной защиты и адаптации человека в условиях рыночной экономики;

- как его собственность, капитал, которым он распоряжается или будет распоряжаться как субъект на рынке труда».

Усиление роли профессионального образования в жизни общества, видимо, и обусловило увеличение

числа работ педагогов и психологов по проблемам психологии, педагогики и дидактики высшей школы. Как отмечает известный исследователь проблем психологии высшего образования А.А. Вербицкий, к основным современным тенденциям его развития относятся следующие:

- все более глубокое осознание каждого образовательного уровня как органической части системы непрерывного образования, решение проблемы преемственности различных ее ступеней;

- компьютеризация и технологизация обучения;

- переход от информативных к активным методам и формам обучения с включением в деятельность обучающихся элементов проблемности, научного поиска, разнообразных форм самостоятельной работы — переход от школы воспроизведения к школе понимания, школе мышления;

- переход к активизирующим, развивающим, интенсифицирующим, игровым способам организации учебного процесса;

- переход к такой организации взаимодействия педагога и обучаемого, при которой акцент переносится с обучающей деятельности преподавателя на познающую деятельность обучаемого.

Длительное время наша общеобразовательная и профессиональная школы находились на позициях гностического, так называемого «знаниевого» подхода – основной образовательной задачей считалось формирование у учащихся, студентов прочных систематизированных знаний (А.М. Новиков). Сейчас акцент меняется – от гностического (знаниевой парадигмы) – к деятельностному подходу: основная цель образования рассматривается теперь как формирование способности к активной деятельности, к труду во всех его формах, в том числе к творческому профессиональному труду. Это не значит, что роль знаний каким-либо образом принижается – просто они из основной и единственной цели образования превращаются в средство развития личности обучаемых.

Теоретической основой этого подхода является психологическая теория деятельности и метод планомерного формирования умственных действий и понятий. Знания понимаются именно как момент движения деятельности, ее отправная точка и результат. Характеристики и свойства знания определяются характером и свойствами той деятельности, в ходе которой они сформировались и которую они могут ориентировать. Соответственно и сами когнитивные образования должны описываться через деятельность, на языке предметной деятельности. Структурной составляющей самой деятельности, которая образует замкнутый цикл функционирования знания, является учебная задача (цель, заданная в определенных условиях и для достижения определенных результатов). Решая учебную задачу, человек обнаруживает достоинства и недостатки своих знаний, умений, навыков, а решив эту задачу, он обогащает свои знания, приобретает новые умения и навыки.

Отсюда вытекает возможность использовать учеб-

ные задачи одновременно как инструмент диагностики и инструмент формирования нового знания. Таким образом, изначально обеспечивается сформулированное выше требование диагностичности задаваемых целей обучения. Следующий шаг обучаемого должен состоять в анализе (препарировании) задач, позволяющем выделить те их характеристики или компоненты, которые прежде всего определяют качество знания, требуемого для их решения, и качество знания, формирующегося при успешном решении новой учебной задачи.

Поэтапное формирование умственных действий и понятий должно лежать в основе всей педагогической системы высшего образования. Отправной точкой для построения системы педагогических целей применительно к профессиональному образованию служит модель (профиль) специалиста. Сама по себе модель специалиста не является профессионально-педагогическим конструктором. В ее основе лежит специальная подготовка студента, психолого-педагогическая и методическая, общекультурная и общественно-политическая.

До недавнего времени основная цель обучения сводилась к освоению обобщенных результатов того, что создано предшествующим опытом человечества. Но обобщенные результаты выражены в научных знаниях, а вопросы освоения самой деятельности, процесса, способов и средств ее осуществления оставались за рамками профессионального образования. В становлении специалиста с учётом особенностей современного общества важным оказывается не только усвоение знаний, но и овладение процессом, способами и средствами деятельности. Поэтому учение как процесс состоит в том, что студент не только усваивает конкретные знания, но и овладевает деятельностью. Овладение способами мыслительной деятельности направлено на умственное развитие студентов, овладение способами предметной деятельности непосредственно связано с формированием практических умений. Эта важная сторона учебно-воспитательного процесса зачастую практически не учитывалась.

Во-вторых, речь шла об освоении обобщенных результатов. Но обобщение – процесс идеальный, и его продукт тоже. Обобщенные результаты деятельности общества – это научные знания. Поскольку научные знания имеют предметную структуру, освоение основных результатов есть освоение знаний по основным отраслям науки (соответственно курсам основ наук) – понятий, законов, принципов. Но наряду с этим у каждого человека имеются также и образные знания (их иначе называют непосредственными, чувственными знаниями) на уровне ощущений, восприятий, образов. Дидактика традиционно уделяла этому виду знаний большое внимание в соответствии с принципом наглядности в обучении.

Но чувственные знания сами по себе имеют весьма важное значение для успешной профессиональной деятельности. Поскольку чувственные знания учащихся, студентов отошли от основного русла учебно-воспитательного процесса, постольку проблема взаимоотношений чувственных и рассудочных (тео-

ретических) знаний, чрезвычайно важная в аспекте применения теоретических знаний студентами в практической деятельности, долгое время оставалась в тени.

В-третьих, деятельность человека осуществляется на основе знаний двоякого рода: знаний об окружающей действительности (знаний об объекте) и знаний о деятельности в ней, о целях, процессе, способах, средствах и условиях деятельности. Между тем здесь имеются большие резервы для повышения эффективности профессиональной педагогики, связанные с возможностью формирования у студентов знаний более высоких уровней обобщения о действиях и деятельности в целом: общих принципов технологии того или иного производства, общих алгоритмов построения содержания и последовательности действий и т.д.

В-четвертых, как отмечает А.М. Новиков, и в прошлом, и до сих пор подчас в литературе по методологии и теории обучения идет смешение знаний коллективного субъекта, общественных знаний (система наук) и знаний отдельного человека – индивида, личности.

При разработке содержания учебных предметов авторы Государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования стремились к отражению в нем научного (общественного) знания в наиболее современном и наилучшем образом систематизированном виде – с точки зрения структуры самого научного знания, а не с точки зрения возможностей освоения его обучаемыми, а главное, не с точки зрения необходимости для их дальнейшей деятельности.

Процесс интеграции теоретических знаний студентов с их практическими потребностями заключается в расширении возможностей применения теоретических знаний в практической деятельности студентов непосредственно в процессе обучения. Это требует серьезного подхода к организации учебного процесса в высшем учебном заведении, к уровню научной разработки проблем методики преподавания в высшей школе.

Приступая к анализу проблем формирования профессиональных знаний, умений и навыков у студентов филологического факультета, следует, безусловно, определить, в чем сходство и кардинальное отличие методики от дидактики среднего образования.

Основываясь на принципе преемственности научного знания, отметим, что более «молодая» методика высшей школы должна в определенной степени «наследовать» методику общего среднего образования, т.к. общее среднее и высшее профессиональное образование следуют в большинстве случаев друг за другом и первое является основой, фундаментом второго, и, кроме того, они совпадают в глобальном содержательном аспекте – деятельность их субъектов есть усвоение опыта предшествующих поколений и опыта творческой деятельности, направленного на развитие личности. При этом между двумя обсуждаемыми областями знания существуют и значимые различия. Анализ этих областей знания и определение различий между ними мы встречаем в работе В.А. Попкова и А.В. Коржуева.

Специальная подготовка будущих учителей в системе современного высшего профессионального об-

разования должна включать не только знание основ дисциплин, обозначенных Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования, но и мотивацию к активному приобретению студентами знаний. При этом профессиональные способности будущих учителей напрямую связаны с их умением учиться и с умением применять полученные знания на практике.

Характерной особенностью педагогического образования на Западе является также дифференциация содержания образования для различных групп студентов в течение всех лет обучения и различия в учебных планах и программах высших учебных заведений, каждое из которых само определяет содержание профессиональной подготовки будущего учителя.

Педагогическая практика, на которую отводится часть учебного времени, как правило, оторвана от содержания теоретических курсов. Руководство практикой осуществляют главным образом не преподаватели вузов, а работники школы. Имеется лишь общий руководитель – преподаватель вуза, который координирует действия школьных учителей – руководителей практики и является связующим звеном между школой и вузом.

Сегодня в университетском образовании наблюдается усиление процесса уровневой и профильной дифференциации вузовского обучения, когда вуз стал составлять собственные (авторские) учебные программы и планы, студенты получили возможность по-разному реализовывать собственное образование: учиться одновременно по двум специальностям, за относительно короткое время после окончания полного курса обучения по одной специальности «переучиваться» на другую, поступить на 2-й или даже на 3-й курс вуза после окончания колледжа соответствующего профиля или учиться в университете по сокращенному учебному плану. Это требует более четкого разграничения и определения методики подготовки бакалавра и магистра по сравнению с подготовкой специалиста.

Для того чтобы анализ современного состояния высшего профессионального образования был относительно полным, необходимо упомянуть и о том, что «исчезло» распределение выпускников вузов на работу с обязательным прикреплением к первому месту рабо-

ты сроком на 3 года. Это обстоятельство, само по себе свидетельствующее о проявлении демократических начал в вузовской жизни, внесло значимые изменения в учебный процесс высшей школы: теперь и преподаватели, и студенты знают, что вполне возможно, а иногда даже наиболее вероятно, что работать по предлагаемой вузом специальности большинство студентов не будет. Это обуславливает резкое повышение значимости фундаментальной составляющей высшего профессионального образования: востребован будет лишь тот, кто сможет проявить свою большую и лучшую профессиональную подготовку.

Таким образом, можно констатировать следующее: в современном вузовском образовательном процессе наблюдается тенденция к расширению объема дисциплин, а значит знаний и умений, определяемых Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования, среди которых есть предметы, не имеющие прямого отношения к формированию профессиональных компетенций у будущих специалистов, что требует пересмотра составления учебных планов (расчет часов и распределение по семестрам) в пользу предметов психолого-педагогического, методического, лингвистического и литературоведческого курсов. Выявлены типичные недостатки профессиональной подготовки выпускников вузов, их затруднения в самостоятельной практической деятельности.

Комплексное изучение уровня общепедагогических знаний и умений студентов показывает, что хотя система и содержание обучения по педагогическим дисциплинам в вузе и предоставляет определенные возможности для формирования глубоких теоретических знаний и комплекса общепедагогических умений, тем не менее, реальный уровень их усвоения неудовлетворителен. Все это позволяет, во-первых, сделать вывод о том, что система знаний и умений не должна формироваться спонтанно в процессе обучения, что необходимы специальные условия организации учебного процесса в вузе, во-вторых, подтвердить зависимость степени усвоения знаний и умений от содержания, методов, приемов и средств обучения по педагогическим дисциплинам в вузе, личности преподавателя.

Библиографический список

1. *Вербцкий А.А.* Активное обучение в высшей школе: Контекстный подход: методич. пособие. М.: Высшая школа, 1991. 207 с.
2. *Вишнякова, С.М.* Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М.: НМЦ СПО, 1999. 538 с.
3. *Новиков А.М.* Профессиональное образование в России. М.: ИЦП НПО РАО, 1997. 254 с.
4. *Попков В.А., Коржув А.В.* Учебный процесс в вузе: состояние, проблемы, решения. М.: Изд-во МГУ, 2000. 432 с.
5. *Талызина Н.Ф.* Управление процессом усвоения знаний. М.: Изд-во МГУ, 1975. 343 с.

References

1. *Verbitsky A.A.* Active Learning in Higher Education: Contextual approach: Methodological allowance. M.: High School, 1991. 207 p.
2. *Vishnjakova S.M.* Professional education: Dictionary. Key concepts, terminology, current vocabulary. M.: NMC ACT, 1999. 538 p.
3. *Novikov A.M.* Vocational education in Russia. M.: PPI NGOs RAO, 1997. 254 p.
4. *Popkov V.A., Korzhuev A.V.* The educational process in high school: status, problems and solutions. M.: MGU, 2000. 432 p.
5. *Talyzina N.F.* Managing the process of learning. M.: MGU, 1975. 343 p.

УДК 378.147

UDC 378.147

В.Н. СОРОКОУМОВА

доктор педагогических наук, профессор, кафедра теории и методики преподавания русского языка и литературы, Орловский государственный университет
E-mail: sorokoumov57@mail.ru

V.N. SOROKOUMOVA

Doctor of pedagogical sciences, professor, Department of theory and methods of teaching Russian language and literature, Orel State University
E-mail: sorokoumov57@mail.ru

**ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ РАЗВИТИЯ КОГНИТИВНЫХ И КОММУНИКАТИВНЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ УЧИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА**

**INTERDEPENDENCE OF COGNITIVE AND COMMUNICATIVE COMPETENCE
IN THE PROFESSIONAL FORMATION OF RUSSIAN LANGUAGE TEACHER**

В статье рассматривается взаимовлияние когнитивных и коммуникативных компетенций как необходимый фактор успешности формирования профессиональной речи учителя.

Ключевые слова: коммуникативная деятельность учителя русского языка, учебно-речевая ситуация, коммуникативные приемы, взаимообусловленность коммуникативной направленности языка и сознания человека.

The article deals with the mutual cognitive and communicative skills as an essential factor in the success of the formation of the professional voice teacher.

Keywords: communicative activity of the teacher of Russian language teaching and speech situation, communication techniques, interdependence communicative orientation of language and human consciousness.

Трудности коммуникативной деятельности учителя-словесника связаны не только с тем, что он должен в непосредственном общении с детьми находить сиюминутное решение множества педагогических задач, но и с тем, что именно учитель русского языка должен создавать в классе такую атмосферу речевого общения, чтобы дети видели в учителе человека, с которым они захотят делиться своими мыслями и чувствами. Кроме того, учитель русского языка с его манерой держаться, говорить, словесно реагировать на происходящее в классе, – это каждый раз демонстрация свободного владения речью, что способствует укреплению авторитета учителя и убеждает детей в практической значимости изучаемого предмета. Именно этим объясняется важность овладения студентами-филологами профессиональной речью в период обучения в университете. Это умение – одно из основных профессиональных умений учителя вообще, а учителя-словесника особенно.

Развитию этого профессионального умения способствует наличие определенных задатков и способностей, таких как отличная *вербальная память*, хорошо развитые *автоматизмы мгновенного отбора* нужных языковых средств, *общительность* как черта характера (умение слушать, сопереживать, сочувствовать и др.). Наличие подобного типа способностей – основа для выработки коммуникативных (речевых) умений профессионального характера, с помощью которых реализуются образовательно-воспитательные задачи. Студент, овладевающий специальностью учителя русского языка и литературы, должен целенаправленно развивать в себе умение «публично мыслить», т.е. вы-

ступать публично, и умение организовывать общение. Развитию этих коммуникативных задатков, способностей и умений служит педагогическая практика и те учебно-речевые ситуации, которые возникают на уроках русского языка (Т.А. Ладыженская).

Каждая конкретная учебно-речевая ситуация определяется такими компонентами речевой ситуации, как адресат, тема, цели, место и время общения. Это, как правило, ученики определенного возраста, определенной подготовленности к усвоению предмета, организованности, трудоспособности и т.д.; и классная комната, которая тоже знакома учителю. Учителю также хорошо должны быть известны общие задачи урока, в которых реализуются цели преподавания учебного предмета.

Система педагогических и взаимосвязанных с ними коммуникативных приемов помогает решить образовательно-воспитательные задачи урока. Выбранная система педагогических методов, приемов обучения должна соответствовать и системе коммуникативных средств. Это значит, что, организуя, например, поисковую деятельность учащихся, ставя перед ними проблемную задачу, нужно не только продумать систему вопросов, их формулировки, но и то, как будет поставлена проблема, каким тоном следует произнести вопросы, что следует выделить силой звучания голоса, что подчеркнуть темпом и т.д. К сожалению, система коммуникативных приемов далеко не всегда продумывается при подготовке к уроку, в результате чего система избранных методических средств не всегда себя оправдывает, т.е. учитель не достигает должного педагогического эффекта.

Однако на уроке, на разных его этапах, в различных учебно-речевых ситуациях решаются и конкретные, частные задачи.

Эти задачи должны четко осознаваться учителем, чтобы он мог найти адекватные для их решения педагогические, коммуникативные средства.

Для того чтобы включение коммуникативной деятельности при формировании профессионально-педагогических умений в вузовский учебный процесс проходило с учётом когнитивной стороны учения, необходимо обратиться к определению норм речи школьного учителя русского языка.

Речевая деятельность учителя подчиняется определенным нормам, строится в соответствии с профессионально значимыми критериями. Правила ведения речи формулируются с учетом задач общения, предмета речи, особенностей участников общения (их социальных ролей и личностных характеристик) и условий общения. В совокупности коммуникативная задача, предмет речи, участники общения (автор и адресат), условия общения составляют речевую ситуацию, определяющую как выбор языковых средств, так и все речевое поведение. При этом никакие нормы и никакие особенности речевой ситуации не будут учтены, если студент не сможет соотнести коммуникативные компетенции и когнитивные. Если коммуникативные компетенции включают в себя знание предмета говорения (в данном случае предмета преподавания), задач и условий профессионального общения, то когнитивные компетенции в процессе профессионального общения основаны на способности учесть различные внешние факторы, определяющие выбор средств (в первую очередь, языковых) оформления конкретной учебно-речевой ситуации, а также на способности определять уровень сложности изучаемого материала.

Язык предназначен для того чтобы служить орудием общения людей и устроен таким образом, чтобы быть естественно усваиваемым, эффективным и адекватным средством обмена информацией и её накопления. Его структура подчинена задачам коммуникации, состоящим в передаче и приёме мыслей об объектах действительности.

Для того чтобы осуществить своё назначение, язык должен соответствовать строю мышления. Поэтому не случайно основные единицы языка представляют собой аналоги категорий мысли: слово соответствует понятию, предложение – суждению. Благодаря наличию такого рода единиц язык формирует и организует знания человека об объективном мире, дифференцирует, классифицирует их и закрепляет в человеческом сознании и памяти. В этом состоит второе, основное, неразрывно связанное с коммуникативным, назначение языка: он является орудием познания и отражения действительности, важнейшей формой осуществления абстрактного мышления. Взаимообусловленность коммуникативной направленности языка и его связи с сознанием человека указывалась в исследованиях психологов, лингвистов, психолингвистов.

Язык приспособлен для целей коммуникации, но

коммуникация осуществляется тогда, когда приводится в действие не только языковой механизм для создания конкретных высказываний (коммуникативная функция речи), но и способность говорящего отражать реалии в собственном сознании (репрезентативная функция языка – обозначение объектов действительности, их свойств и существующих между ними отношений; экспрессивная функция – выражение мыслей и чувств говорящего, что помогает соединить субъект и объект познания; аппеллятивная функция – воздействие на адресата речи). Преобладание одной из названных функций создаёт особые виды речевой деятельности.

Важнейшей особенностью коммуникации является функция выражения мысли. В процессе речи мысль не только формулируется, но и формируется. И мыслить – это значит оперировать понятиями, но чтобы мыслить, необходимо знать слова, обозначающие эти понятия. Как правило, понятия облекаются в слова, поэтому овладение языковыми средствами (запасом слов, грамматическими формами и конструкциями) является необходимым условием развития мышления и постепенного усложнения познавательной деятельности. Взаимосвязь языка (речи) и мышления в данный момент никто оспаривать не будет. Однако, если основная цель речевого общения в процессе вузовской подготовки – обмен специальной информацией, то для этого необходимо научить студента сначала получать профессионально значимый материал, затем качественно его адаптировать, а потом и суметь передать собеседнику. И здесь важно учесть специфические особенности профессионально значимой информации. Процесс продуцирования речи предполагает, что когнитивные структуры знания (сценарии – когнитивные структуры, используемые говорящим в процессе порождения художественного текста; фреймы – когнитивные единицы, определяющие внутренний «каркас» специальных макро- и микротекстов; схемы – планы, определяющие логико-семантическую структуру тематических бесед, специальных текстов; типовые схемы речевых ситуаций, организующих развёртывание ситуативного диалога; модели исходных условий, которые служат основанием для возникновения и развёртывания дискуссий; модели типовых значений и формального устройства предложений – высказываний), которые в большей степени зависят от содержательной и формальной сторон коммуникативных единиц.

Нас интересует коммуникативная деятельность учителя русского языка, так как в основе профессиональной педагогической его деятельности лежит общение с учениками с целью передачи информации. Учитель русского языка передает знания, организует обмен информацией, управляет познавательно-практической деятельностью учащихся, регулирует взаимоотношения между обучаемыми. При этом профессионально-педагогическая речь приобретает интенсивно-преобразующий характер общения. На это воздействует учебная ситуация. В зависимости от подготовленности к восприятию изучаемого материала конкретной аудитории учитель будет избирать

особые методы и приёмы изложения информации, языковые средства и т.д. Рассказ о прочитанной научно-популярной книге по грамматике в кругу друзей или коллег будет совсем иным, нежели рассказ учащимся в классе. Разговор со взрослыми собеседниками в не-официальной обстановке не несет профессиональной нагрузки.

Таким образом, взаимозависимость развития когнитивных и коммуникативных компетенций в процессе профессионального становления учителя русского языка, благодаря своей очевидности, требует пересмотра форм и методов вузовского обучения, а также выделения коммуникативных и когнитивных компетенций в качестве основных при подготовке учителей.

Библиографический список

1. Ладыженская Т.А. Устная речь как средство и предмет обучения: учебное пособие для студентов. 2-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 1998. 136 с.

References

1. Ladyzhenskaya T.A. Speaking as a means and object of study: a textbook for students. 2nd ed., Rev. M.: Flint: Science, 1998. 136 p.
-
-

УДК 378.147

UDC 378.147

В.Н. СОРОКОУМОВА

*доктор педагогических наук, профессор, кафедра теории и методики преподавания русского языка и литературы, Орловский государственный университет
E-mail: sorokoumov57@mail.ru*

V.N. SOROKOUMOVA

*Doctor of pedagogical sciences, professor, Department of theory and methods of teaching Russian language and literature, Orel State University
E-mail: sorokoumov57@mail.ru*

ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ ДИСЦИПЛИН КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

PROBLEM MAINTENANCE OF DISCIPLINE AS THE BASIS TRAINING TEACHERS OF RUSSIAN LANGUAGE

В статье освещается проблема отбора содержания учебного материала через призму целей формирования у обучающихся профессиональных знаний, компетенций.

Ключевые слова: содержание учебного материала, образовательные стандарты высшего профессионального образования, базовые понятия, профессиональная направленность личности, воспитательно-образовательная задача.

The paper highlights the problem of selecting the content of teaching material through the prism of the purpose of making students' professional knowledge and skills.

Keywords: the content of educational material, educational standards of higher education, the basic concepts, the professional orientation of the personality, upbringing and educational task.

Проблема отбора содержания учебного материала того или иного школьного курса – важная дидактическая проблема. В связи с этим необходимо определить систему положений, исполняющих роль принципов, требований и критериев, учет которых позволяет определенным образом структурировать и отбирать учебный материал. Анализ многочисленных работ по проблеме обучения студентов дисциплинам методического цикла приводит к выводу: преподавателю методики русского языка необходимо определиться в содержании учебного процесса, формирующего профессиональные знания, умения и компетенции будущих учителей русского языка.

На отбор учебного материала для дисциплин курса методики русского языка оказывают влияние не только государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования, но и цели формирования профессиональных знаний, умений и компетенций у будущих учителей русского языка. Необходимо учесть все особенности включения в учебный материал собственно предметных знаний, знаний о методах научного познания, историко-научных знаний, иллюстрирующих развитие методики преподавания русского языка в прошлом, а также соответствующих способов познавательной деятельности учащихся в современной школе.

Соответствовать уровню современной науки содержание обучения на младших курсах вуза, конечно же, не может (В.А. Попков, А.В. Коржуев), так как чтобы уметь воспринимать научную информацию, необходимо «научиться учиться» и овладеть основными, базовыми лингвистическими понятиями. Поэтому

о содержании учебных предметов на младших курсах университета, рассматривая профессиональные знания, можно говорить только как об отражении большего числа тех фундаментальных научных достижений, без которых невозможно становление современного специалиста и которые, вероятнее всего, не изменятся в ходе развития науки. При этом получают законное право присутствовать в содержании образования открытые веками назад научные истины, а степень необходимости включения в учебный курс того или иного фрагмента «современного» учебного материала определяется широким комплексом факторов, среди которых уровень развития мышления и уровень знаний студентов к моменту его изучения, степень уверенности научного сообщества в его истинности, место соответствующего этому материалу научного фрагмента в системе научного знания и многие другие.

Особое значение в нашем анализе имеет принцип профессиональной направленности обучения в высшей школе. Данный принцип был впервые разработан в профтехпедагогике (А.А. Пинский, А.Т. Глазунов) и до сих пор является в ней ведущим. Существует на сегодня ряд различающихся между собой трактовок этого принципа. Некоторые исследователи под данным термином понимают разновидность межпредметных связей между общеобразовательными, общетехническими и фундаментальными дисциплинами и практическим производственным обучением и полагают, что сущностью этого принципа является применение общеобразовательных и общетехнических знаний в той или иной области профессиональной подготовки. Более широким является подход, предполагающий, что в понятие

профессиональной направленности входят: «профессиональная направленность личности (на трудовую деятельность и на конкретную профессию), профессиональная направленность общего образования и профессиональная направленность профессионального обучения».

Применительно к содержанию курсов дисциплин, составляющих в учебном плане блоки ОПД и СД, речь должна идти о первых двух составляющих принципа профессиональной направленности, которые должны рассматриваться в единстве и во взаимосвязи. Содержание принципа профессиональной направленности позволяет сформулировать критерии его реализации в содержании обучения этим предметам:

- введение в содержание обучения профессионально значимого материала на основе анализа содержания общетехнических и специальных дисциплин при условии сохранения логической целостности учебного предмета;

- введение в содержание учебного предмета профессионально значимых умений или видов деятельности.

Обсуждая процесс обучения на младших курсах высшего учебного заведения в контексте принципа профессиональной направленности, необходимо отметить ряд негативных тенденций последних лет, к числу которых относится ранняя профилизация учебных курсов.

Осуществляемое на предметной основе курса фундаментальной направленности формирование у студентов важнейших для будущей профессии мыслительных умений и качеств личности, с одной стороны, реализует подготовку студента к успешному осуществлению в будущем профессиональных функций, а с другой – обеспечивает усвоение научных знаний – самоценных и необходимых специалисту – как обсуждаемого профиля, так и любого другого.

Таково наше понимание особенностей преломления принципа профессиональной направленности при обучении в высших учебных заведениях.

В современной теории и практике высшего педагогического образования акцент делается на взаимосвязь методической и педагогической подготовки учителя в высшей школе. Нас же интересует роль изучения методики преподавания русского языка в общей системе профессиональной подготовки, ее влияния на другие компоненты подготовки учителя. Поэтому следует рассмотреть место различных дисциплин психолого-педагогического цикла в системе подготовки учителя и вычленив функции общепедагогической подготовки с целью обнаружения тех моментов, которые являются общими для методики преподавания русского языка и ранее перечисленных дисциплин.

Педагогические, психологические и физиологические дисциплины рассматривают сущность и закономерности развития, воспитания и обучения детей с разных сторон в соответствии со спецификой каждой дисциплины.

Курс «Возрастная физиология и школьная гигиена» позволяет будущим учителям научно обоснованно руководить развитием детей с учетом их

анатомо-физиологических особенностей. «Общая психология» знакомит студентов с социально-исторической сущностью и структурой сознания личности, её основными психологическими проявлениями, с психическими процессами личности и структурой деятельности. «Возрастная и педагогическая психология» призвана вооружить студентов знанием основных закономерностей психического развития детей, важнейших психологических особенностей учащихся, знанием психологии обучения и воспитания, психологии педагогической деятельности и личности учителя.

Педагогические дисциплины вооружают будущего учителя научной теорией и методикой обучения и воспитания подрастающего поколения. В них раскрываются конкретные воспитательно-образовательные задачи и пути формирования личности ребенка с учетом закономерностей его физиологического и психического развития, рассматриваются задачи, принципы, содержание, конкретные методы и приемы обучения и воспитания учащихся общеобразовательной и профессиональной школы с учетом их возрастных и индивидуальных особенностей. В содержании педагогических дисциплин в сжатом виде представлены физиологические и психологические основы обучения и воспитания учащихся. Теоретические знания о целях и задачах воспитания, о сущности, содержании, принципах, формах и методах учебно-воспитательного процесса в школе, интегрированные в педагогику, составляют основу профессиональной деятельности учителя. Это обуславливает ведущую роль педагогических дисциплин в системе его профессионально-педагогической подготовки.

Рассмотрим вопрос взаимоотношения педагогической и методической подготовки учителя. В связи с этим придется коснуться проблемы функций методики русского языка в высшей школе. Этот вопрос до сих пор является предметом научных дискуссий. Частные методики рассматриваются или как чисто практические, осуществляющие лишь «перевод» теоретических положений из других наук на уровень их практического применения, или как некие синтетические дисциплины, обобщающие в специальные научные (по специальным дисциплинам) и психолого-педагогические знания. И в том и другом случае отрицается самостоятельность методики как научной дисциплины в высшей педагогической школе.

В то же время в вузовской практике нередко попытки широкого толкования роли частных методик, подмены их проблемами общей дидактики, растворения дидактики в частных методиках.

Исходя из анализа теории практики высшего педагогического образования, рассмотрим методику преподавания предмета как самостоятельную дисциплину, в которой на основе общедидактических закономерностей раскрываются специфические задачи, принципы, содержание, формы и методы обучения конкретному учебному предмету. «Чем в большей степени методика выявляет и исследует специфические для обучения данного предмета закономерности и принципы, тем более обоснованной и содержательной становится общая тео-

рия обучения. Благодаря этому создаются предпосылки для нового сближения этих наук на более высоком уровне.

Методика одновременно связана с содержанием самой науки, учитывает особенности логики той науки, разработке преподавания которой она посвящается. Курсы методик в высшей школе вооружают студентов знанием задач, принципов, конкретных форм и методов обучения и воспитания учащихся по учебному предмету русский язык, формируют у них научное мировоззрение средствами определенного предмета.

Эта роль методики обусловлена тем, что специальная подготовка, во-первых, определяет специфику формирования профессиональных качеств именно по педагогической специальности, отличающую ее от подготовки других специалистов; во-вторых, она является системообразующим звеном, объединяющим в единое целое составные компоненты профессиональной подготовки; в ней как бы фокусируются все виды подготовки учителя к выполнению основных профессиональных функций, к работе в качестве учителя русского языка; в-третьих, определяет профессионально-педагогическую направленность всего учебно-воспитательного процесса в университете, ориентацию ее на формирование всесторонне развитой личности учителя, на подготовку его к практической деятельности в условиях конкретной учебной ситуации.

Значимость методической подготовки как раз в том и состоит, что она придает целостность и специфическую профессиональную направленность всей системе профессиональной подготовки учителя.

Чем глубже будут осознаны общие закономерности, принципы и методы обучения и воспитания детей различного школьного возраста, тем эффективнее можно определять задачи, содержание, формы и методы обучения детей средствами конкретного учебного предмета, в каждой конкретной учебной ситуации. Следовательно, профессионально-педагогическая подготовка является общетеоретическим фундаментом всей дальнейшей методической подготовки учителя и служит студентам научно-практической базой их самообразования.

Анализ учебных планов, программ, учебников и учебных пособий по педагогическим дисциплинам, изучение уровня профессионально-педагогических знаний и умений выпускников вузов свидетельствуют о значительном отставании подготовки учителя русского языка от требований нового времени, о серьезных недостатках в постановке преподавания педагогических дисциплин. Эти недостатки касаются: 1) структуры общепедагогической подготовки; 2) содержания педагогических дисциплин; 3) форм, методов и средств обучения методике преподавания русского языка и организации педагогической практики. Поэтому важное теоретическое и практическое значение имеет научное обоснование и опытная проверка системы средств совершенствования профессиональной подготовки будущих учителей русского языка.

Подготовка учителя (преподавателя) русского языка представляет собой не только задачу высших педа-

гогических (классических) заведений, но и является важным звеном общей системы образования и воспитания. Современное общество нуждается не в узких специалистах – носителях отдельных производственных функций, а во всесторонне развитых социально активных профессионально подготовленных кадрах, имеющих фундаментальное образование и умеющих донести свои знания до аудитории. Этот факт позволяет нам сделать вывод о необходимости пересмотра всей системы формирования профессиональных компетенций студентов-филологов. Государство заинтересовано в привлечении в систему образования талантливых специалистов, способных на высоком уровне осуществлять учебный процесс, вести научные исследования, осваивать новые технологии, информационные системы, воспитывать у обучающихся духовность и нравственность, готовить специалистов высокой квалификации, ответственных за качество обучения и воспитания детей и молодёжи.

Данный целевой ориентир может рассматриваться и как важнейшая стратегическая линия взаимоотношений государства и системы образования, и как задачи развития звеньев системы, и как разделы работы образовательного учреждения, и как перечень основных параметров результативности профессиональной подготовки. Последний аспект в практике образования нуждается в тщательном изучении и конкретизации на уровне реализации требований Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования.

Стандарт имеет качественную определённость, вытекающую из специфики профессионального образования, задаёт составляющие элементы образовательного процесса. Как средство отбора содержания специальных дисциплин и курсов стандарт становится несущей конструкцией, позволяющей педагогу творчески реализовывать своё видение конкретного образовательного процесса, позволяет обеспечить вертикальную образовательную интеграцию между этапами профессиональной подготовки, между уровнями и учебными предметами внутри этапов, между разными социальными ролями, реализуемыми человеком на отдельных этапах жизненного пути.

При разработке содержания учебной дисциплины необходимо обеспечить разделение знаний на две группы: знания о научной дисциплине (методологические) и знания по учебному предмету (специально-научные).

Стержнем учебной информации должны стать методологические знания, которые помогут будущему специалисту осознанно воспринять логическую организацию, методы и средства профессиональной подготовки.

Методологические знания носят всеобщий характер, но конкретизируются применительно к различным сферам практической и теоретической деятельности. В современных условиях, для которых характерно непосредственное взаимодействие множества научных направлений и специальностей, большую остроту приобретают общенаучные методы, обеспечивающие приращение знаний во многих дисциплинах. Изучение

дисциплин методического цикла (методика преподавания русского языка, методика преподавания литературы, научные основы школьного курса, история и методология предмета и т.д.) на филологическом факультете позволяет формировать методологические знания, в том числе научные приёмы исследования: наблюдение, эксперимент, моделирование и проч.

Формирование методологической культуры специалиста в процессе освоения учебного курса обеспечивается за счёт конструирования учебного процесса таким образом, чтобы студенты имели возможность осознавать логику своих действий, их цели, приёмы осуществления в процессе творческого решения педагогических задач, методической рефлексии уровня овладения профессиональными умениями, продвижения в реализации программы саморазвития, освоения технологических приёмов в области учебно-исследовательской деятельности.

Специально-научные знания (о конкретных фак-

тах профессиональной деятельности; их теоретическое обоснование, объяснение связей; о профессиональной деятельности как модели поведения) могут быть сформулированы в виде конкретных учебных задач разного вида сложности и технологии обучения их решению в системе лабораторных ситуаций, воспроизводящих модели деятельности специалиста в реальных жизненных ситуациях.

Таким образом, общепедагогическая вузовская подготовка выполняет важные социально-профессиональные функции, обеспечивая у будущих учителей формирование системы общепедагогических компетенций, развитие педагогического мышления, формирование профессионально-педагогических качеств личности, осуществляя координацию всех звеньев профессионально-педагогической подготовки студентов-филологов, где методика преподавания русского языка является своего рода ядром профессиональной подготовки учителя.

Библиографический список

1. Попков В.А., Коржуев А.В. Учебный процесс в вузе: состояние, проблемы, решения. М.: Изд-во МГУ, 2000. 432 с.
2. Пинский А.А., Голин Г.М. Логика науки и логика учебного предмета // Сов. педагогика. 1983. № 12. С. 53–59.
3. Глазунов А.Т. Управление профшколой на образовательном рынке. Москва : НОУ ИСОМ – 2004. 42 с.

References

1. Popkov V.A., Korzhuev A.V. The educational process in high school: status, problems and solutions. M.: MGU, 2000. 432 p.
 2. Pinsky A.A., Golin, G.M. The logic of science and the logic of the subject // Sov. pedagogy. 1983. № 12. Pp. 53–59.
 3. Glazunov A.T. Management of vocational schools in the education market Moscow: NOU ISOM – 2004. 42 p.
-

УДК 372.881.116.11

UDC 372.881.116.11

А.В. СУПРУНОВА

аспирант, кафедра методики преподавания русского языка, Московский педагогический государственный университет

A.V. SUPRUNOVA

Graduate student, Department of Methods of Teaching Russian, Moscow State Pedagogical University

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ИНТЕЛЛЕКТА СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ ПОСРЕДСТВОМ ЧТЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ON BUILDING CULTURE OF INTELLIGENCE OF MODERN SCHOOL CHILDREN BY MEANS OF READING WHILE LEARNING RUSSIAN LANGUAGE

В статье раскрывается понятие “домашнее чтение” и показывается его роль в формировании культуры интеллекта как составляющей общекультурной компетенции современных школьников в процессе изучения русского языка. Автор описывает методику организации домашнего чтения, выделяя этапы работы над текстом журнальной статьи.

Ключевые слова: культура интеллекта, домашнее чтение, самостоятельная деятельность, структурно-логическая схема, универсальные учебные действия.

The article deals with the concept of «home reading» and shows its role in building culture of intelligence as part of the general cultural competence of modern school children while learning the Russian language. The author describes the methods to organize home reading by highlighting the stages of the work on the text of a journal article.

Keywords: culture of intellect, home reading, independent activity, structural-logical scheme, universal learning activities.

В основе ФГОС ООО лежит системно-деятельностный подход, который призван способствовать формированию готовности к саморазвитию и непрерывному образованию и организации активной учебно-познавательной деятельности обучающихся, что позволит повысить их общекультурный уровень. В структуре общекультурной компетенции одно из ведущих мест занимает культура интеллекта.

Анализ научной литературы показал, что на сегодняшний день учёные не пришли к единому мнению в отношении определения термина «интеллект», однако оперируют им во многих науках. Так, в философском словаре мы находим следующее определение: «Интеллект – одно из качеств человека, в наибольшей степени отражающее способность ориентироваться в окружающем его мире. В первом приближении интеллект можно определить как «триединство» разума, памяти и воспитания»[6]. Крысин Л.П. в «Толковом словаре иноязычных слов» предлагает следующее определение: «Интеллект [нем. Intellekt, фр. intellect < лат. intellēctus разумение, понимание]. Мыслительная способность, умственное начало у человека» [4].

В «Словаре методических терминов и понятий» Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина интеллект рассматривается в двух значениях: как «общая способность к познанию и решению проблем, определяющая успешность любой деятельности и лежащая в основе других способностей, в том числе и способностей к изучению языков» и «система всех познавательных способностей индивида: ощущения, восприятия, памяти, представления, мыш-

ления, воображения» [1; 94].

Таким образом, мы видим, что и философы, и лингвисты, и методисты соотносят интеллект со способностью, а значит, его следует тренировать и развивать, то есть систематически нагружать мозг различными упражнениями.

Учёные выделяют три формы интеллекта: 1) вербальный (запас слов, эрудиция, умение понимать прочитанное); 2) способность решать проблемы; 3) практический (умение добиваться поставленной цели)[1].

Данные формы интеллекта учащихся надо развивать в совокупности как на уроках русского языка, так и в ходе выполнения учащимися домашнего задания. В данной статье мы остановимся на проблеме повышения эффективности домашней работы с целью формирования культуры интеллекта как составляющей общекультурной компетенции учащихся среднего звена посредством чтения.

Домашнюю работу мы, вслед за К.Д. Ушинским, рассматриваем как форму самостоятельной учебной работы. В связи с этим проблема организации домашнего задания становится всё более актуальной, так как согласно ФГОС ООО самостоятельная работа – это эффективный инструмент формирования универсальных учебных действий учащихся.

Школьная практика показывает, что на сегодняшний день домашняя учебная работа по русскому языку не всегда выполняет свои основные функции:

– выравнивание знаний, умений и навыков;

- стимулирование познавательного интереса;
- развитие самостоятельности школьников и ответственности за выполняемое учебное задание.

Это подтверждает и опрос среди учащихся 5-8 классов (109 чел.) одной из школ Московской области. Первый вопрос *«Назовите основные виды домашних заданий по русскому языку, которые вы выполняете?»* не вызвал у ребят затруднений, и мы получили следующие результаты:

- выполнить упражнение (списать, вставить буквы, расставить знаки препинания) – 108 чел.
- написать сочинение – 63 чел.
- составить орфографический диктант – 17 чел.

Ответы показали, что, как правило, домашняя работа по русскому языку однообразна и шаблонна, т.е. сводится к выполнению упражнения из учебника.

Второй вопрос вызвал у ребят смущение, но мы попросили ответить честно *«Как часто при выполнении домашней работы по русскому языку вы прибегаете к готовым домашним заданиям в сети Интернет?»* Результат показал (табл.1), что большая часть учащихся старается не перегружать свой мозг:

Таблица 1.

Как часто при выполнении домашней работы по русскому языку вы прибегаете к готовым домашним заданиям в Сети Интернет

Ответ на вопрос	5 класс 27 чел.	6 класс 27 чел.	7 класс 26 чел.	8 класс 29 чел.
всегда	1 (4%)	6 (22%)	13 (50%)	18 (62%)
часто	3 (11%)	4 (15%)	11 (42%)	10 (35%)
только тогда, когда непонятно	5 (19%)	10 (37%)	1 (4%)	1 (3%)
никогда	18 (66%)	7 (26%)	1 (4%)	0

Из таблицы мы видим, что чем старше школьники,

тем количество детей, прибегающих к помощи готовых домашних заданий, всё больше. В 7-8 классах процент таких учеников приближается к 100% от всего класса. Таким образом, систематическое выполнение упражнений из учебника в качестве домашнего задания и возможность найти ответы в сети Интернет и механически переписать текст упражнения приводит к тому, что у современных школьников не формируется самостоятельность мышления, прилежание, ответственность за выполняемое задание, пропадает познавательный интерес.

В связи со сложившей ситуацией перед учителем русского языка стоит задача – организовать домашнюю работу таким образом, чтобы лишить учащихся возможности списать и существенно повысить их интеллектуальную работу.

Мы считаем, что домашнее задание по русскому языку может включать как практическое задание с целью закрепления учебного материала, так и творческое – «домашнее чтение».

Домашнее чтение, как эффективное и неотъемлемое средство обучения языку, под которым понимают «обязательное для всех учащихся, дополнительное по отношению к учебнику, постоянное и обильное чтение с целью извлечения содержательной информации» [5; 254], занимает особое место в методике преподавания иностранных языков. В настоящее время, по нашему мнению, и учителя русского языка могут использовать в процессе обучения родному языку данный вид учебной работы с целью повышения общекультурной компетенции учащихся.

Анализ научно-методической литературы позволяет нам выделить основные функции домашнего чтения (рис.1):

Исходя из данных функций, мы считаем, что до-

Рис.1. Функции домашнего чтения.

машнее чтение по русскому языку позволит учащимся тренировать познавательные способности мозга (изучать, анализировать, сопоставлять, применять прочитанную информацию в жизни); развивать логическое и творческое мышление, воображение, способность концентрироваться; воспитывать разум и душу; овладевать знаниями о культуре русского народа, включая знания о языке как одного из компонентов культуры, а также будет способствовать формированию универсальных учебных действий:

– **личностных:**

- расширение кругозора, стимулирование познавательной деятельности;
- воспитание уважения к русской культуре;
- умение структурировать материал;
- повышение самостоятельности при выполнении домашнего задания.

– **предметных:**

- расширение словарного запаса учащихся;
- понимание слов в их этикетной функции.

– **метапредметных:**

- формирование умения работать с журнальной статьёй как источником информации;
- воспитание культуры чтения.

Школьная практика показывает, что в настоящий момент ученики всё реже посещают библиотеки, так как нужную информацию предпочитают находить в Интернете, не выходя из дома, в любое время суток. В связи с этим в качестве текстов для домашнего чтения предлагаем использовать статьи по лингвистике, культуре речи, культурологии из научно-популярных журналов, которые можно найти в электронных библиотеках или на сайтах редакций.

На начальном этапе работы учитель сам делает выбор статьи, которую предстоит прочитать школьникам. Она должна соответствовать следующим требованиям:

- быть доступной для понимания по тематике, познавательной по содержанию;
- иметь воспитательный характер;
- пробуждать интерес к изучаемому предмету.

В нашей практике мы использовали для домашнего чтения учащимися седьмых классов статью из научно-популярного журнала «Русская речь» А.Г. Балакай «Что мы говорим, когда говорим «ничего...»» [7]. Надо отметить, что в это время в классах изучалась тема «Смысловые группы наречий», таким образом, домашнее чтение являлось логичным продолжением классной работы.

Рассмотрим основные этапы организации и проведения домашнего чтения по русскому языку:

1. Знакомство с источником информации.

Приступая к работе, знакомим учащихся с общей структурой сайта научно-популярного журнала Российской академии наук и Российского фонда культуры «Русская речь» [8], обращая внимание на рубрики журнала («Язык художественной литературы», «Культура речи», «Язык прессы», «Язык рекламы» и др.) и возможность «полистать старые выпуски», найти статьи для тренировки ума и удовольствия. Обращаем внима-

ние учащихся на тот факт, что в сети Интернет много информации, которой не всегда можно безоглядно доверять, поэтому обязательно проверяем компетентный или некомпетентный данный источник информации. (Учащиеся пришли к выводу, что журнал «Русская речь» – это компетентный источник информации, которому можно доверять, так как издаётся с 1967 года, редколлегия журнала представлена академиками и докторами наук).

2. Погружение в деятельность. Создаём условия для возникновения ситуации пробуждения интереса к чтению статьи. Используя приём «Ассоциативный ряд», просим учащихся назвать слова-ассоциации к лексеме «ничего», а затем записать их в рабочую тетрадь. Перечислим самые распространённые словесные ассоциации учащихся: «пустота», «одиночество», «запрет», «отсутствие», «плохо», «нормально», «ладно».

Затем предлагаем учащимся ответить на вопрос «Задумывались ли Вы над тем, в каких ситуациях употребляете слово «ничего»?» (Ответы учащихся: «нет», «никогда»). А прочитав статью А.Г. Балакай «Что мы говорим, когда говорим «ничего...»», вы узнаете не только о том, что французский писатель А. Сильвестр считал слово «ничего» «страдательно-терпеливым гимном русского народа», но и будете знать, в каких ситуациях регулярно употребляется «ничего» в качестве этикетного знака.

3. Организация деятельности. Давая задание на дом, учитель предлагает учащимся алгоритм чтения статьи:

1. Запомните автора и название статьи.
2. Исходя из названия, поразмышляйте, какая проблема поднимается в тексте.
3. Прочитайте статью, выделите незнакомые слова, выясните их значение, обратившись к электронным толковым словарям (slovari.ru).
4. Прочитайте текст повторно, выделите ключевые фразы.
5. Составьте структурно-логическую схему (СЛС) статьи.
6. Прочитайте текст третий раз. Сформулируйте вопросы, о чём бы Вы хотели ещё узнать.

Предлагая алгоритм чтения, мы преследовали цель – мотивировать учащихся к осмысленному чтению, развивая навыки вдумчивого чтения. С этой же целью рекомендуем и троекратное прочтение. Ещё в XVIII веке русский драматург и поэт Яков Борисович Княжнин наставлял: «Читается трояким образом: первое, читать и не понимать; второе, читать и понимать; третье, читать и понимать даже то, что не написано»[3].

На уроках русского языка мы систематически составляем с учениками структурно-логические схемы (СЛС) по грамматическому материалу («Правописание н-нн в прилагательных», «Правописание не с различными частями речи»), поэтому решили употребить данную универсальную технологию и при чтении научной статьи. Вслед за Беляковой М.М. мы рассматриваем использование структурно-логических схем как один

из эффективных приёмов познавательного вдумчивого чтения, позволяющий педагогу организовать упорядоченный, целенаправленный, творчески, оригинальный процесс постижения текста учащимися [2; 95].

Под структурно-логической схемой мы понимаем логическое структурирование основного содержания текста с помощью символических изображений, схем, диаграмм, которое позволяет детально и глубоко разобратся в прочитанном (понять, осознать), легко запомнить полученную информацию. Назовём основные правила составления СЛС.

1. В схеме отражается только главная информация (самые значимые и интересные факты);

2. СЛС отличается краткостью, логичностью, чёткой структурой, наглядностью, доступностью для понимания, аккуратностью;

3. СЛС не должна включать сплошной текст;

4. Основные события или факты могут быть выделены цветом, высотой и толщиной букв, знаков;

5. В СЛС используются графики, схемы, диаграммы, таблицы, составленные на основе прочитанного текста.

Мы считаем, что составление СЛС формирует у учащихся культуру интеллекта, развивает логическое мышление, способность анализировать, синтезировать, сравнивать, сопоставлять.

4. **Осуществление деятельности.** Учащиеся дома по ссылке, которую дал учитель, находят статью А.Г. Балакай «Что мы говорим, когда говорим «ничего...»», читают, используя алгоритм чтения, извлекают необходимую информацию из толковых словарей, «добывая» недостающие знания, составляют СЛС. Таким образом, в ходе домашней учебной деятельности активизируются мыслительные процессы учащихся.

5. **Контроль качества выполнения самостоятельной читательской деятельности.** Важный этап при организации домашнего чтения, так как стимулирует, корректирует, систематизирует самостоятельную домашнюю деятельность учащихся.

Мы осуществляли контроль в несколько этапов:

а) **проверка письменного задания:** все учащиеся (79 человек) составили СЛС, осуществив смысловой анализ текста, выделив в нём главное и переработав извлечённую информацию, а также записали вопросы.

Нас заинтересовали составленные школьниками вопросы. Приведём примеры: «Кто такой Бисмарк?», «Откуда у Бисмарка кольцо с надписью «ничего?», «Каковы традиции русского общения?», «В каких ситуациях я употребляю слово ничего?», «Ничего и I am fine?» Таким образом, составление вопросов, направленных на рефлексивную послетекстовую деятельность, повысило познавательную активность школьников, способствовало критическому осмыслению содержания текста, расширению кругозора учащихся, вызвало интерес к лингвистическим исследованиям и традициям русского общения.

б) **контроль за сформированностью умения самостоятельно семантизировать незнакомые слова:** мы попросили учащихся дать толкование слов из текста

статьи, которую они прочитали дома:

- Местоименные наречия – это...
- Нигилизм – это...
- Архалучок – это...

Анализ ответов показал, что ни один из 79 учеников не смог дать верное толкование всех трёх предложенных им лексем, так как ответить учащиеся могли в том случае, если бы обратились к толковым, лингвистическим, энциклопедическим словарям. Сегодня учащиеся имеют возможность обратиться к разным видам электронных словарей, но, как показывает проведённое исследование и школьная практика, они ими не пользуются. Культура обращения к словарям современных школьников находится на очень низком уровне и требует систематической работы по её формированию не только на уроках русского языка, но и в процессе изучения других общеобразовательных дисциплин. В современной методике преподавания русского языка широко описаны приёмы, которые можно использовать при работе со словарями (Л.А. Ходякова – приёмы работы с ключевыми словами, относящимися к культурной сфере, А.Д. Дейкина, Т.М. Пахнова – составление учащимися словарей терминов науки о языке и др.).

Из беседы с учениками мы выяснили, что современные школьники полагают, что можно прочесть текст и понять его, даже не обращая внимания на незнакомые слова, т.е. у них преобладает фрагментарное чтение (беглое просматривание, избирательное чтение), что объясняется клиповым мышлением (несмотря на то, что данное мышление придаёт динамизм познавательной деятельности, но при изучающем чтении, по нашему мнению, не способствует глубинному и целостному усвоению материала), привычкой проглатывать готовую информацию из Интернета, не задумываясь над взаимосвязями фактов и процессов. Учащиеся перестают думать самостоятельно, не хотят мыслить шире, делать существенные выводы и искать свои пути решения.

в) **контроль понимания текста статьи:** используя приём «Три предложения», основанный на мыслительном процессе по выделению основной информации из прочитанного текста, мы предложили учащимся написать это основное в трёх предложениях. При выполнении задания приветствовалась краткость, точность, логичность изложения.

6. **Рефлексия:** учащиеся соотносят свои знания до чтения текста и после. В связи с этим просим снова назвать слова-ассоциации, связанные со словом «ничего». На этом этапе учебной деятельности появляются новые словесные ассоциации. Приведём примеры: «похвала», «девиз», «кольцо», «авось», «этикет» и др. Значит, учащиеся прочитали статью вдумчиво и внимательно и впоследствии смогут использовать полученные знания в общении с другими людьми.

В заключение просим ребят написать хайку (рефлексивный приём технологии развития критического мышления через чтение и письмо, авторы Ч. Темпл, Дж. Стил, К. Мередит). Хайку – это жанр японской поэзии, берущий своё начало в XV веке. Нерифмованное

трёхстишие, состоящее, как правило, из 17 слогов (количество слогов в каждой строчке: 5-7-5), но допускается и более, отличается свободой изложения. В хайку минимальное количество слов, следовательно, выбирать надо простые, но точные, и при этом вкладывать крупину смысла. Структура хайку:

Первая строка: *В процессе чтения «ты был» кем или чем?*

Вторая строка: *Где и что делал (место и действие)?*

Третья строка: *Что чувствовал, испытывал, ощущал?*

Приведём примеры хайку, которые сочинили семиклассники после прочтения статьи А.Г. Балакай «**Что мы говорим, когда говорим «ничего...»**»:

Умная девочка

Дома читала статью.

Убегают минуты. Ничего...

Я был грибник

Бродил по лесу долго.

Ура! Нашёл!

Таким образом, чтобы уменьшить пагубное влияние готовых домашних заданий из Интернета на интеллектуальное и общекультурное развитие учащихся, мы предлагаем использовать в процессе изучения русского языка домашнее чтение научных, научно- популярных, культуроведческих текстов. Чем выше уровень научного знания, включающего общенаучные законы, тем выше уровень интеллектуальной культуры как составляющей общекультурной компетенции современных школьников.

Библиографический список

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб: «Златоуст», 1999.
2. Белякова М. М. Структурно-логические схемы как технология формирования культуры научного мышления на уроках литературы // Педагогическое мастерство: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014.
3. Еремишин О. Афоризмы. Золотой фонд мудрости. М.: Просвещение, 2006.
4. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008.
5. Фоломкина С. К. Некоторые вопросы обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. Методика и психология обучения иностранным языкам: хрестоматия. Сост. Леонтьев А. А. М.: Русский язык, 1991.
6. Философский словарь mirslovarei.com/content_fil/intellekt-6575.html#ixzz2vCpAvo71
7. www.gramota.ru/biblio/magazines/tr/28_359
8. www.russkayarech.ru/

References

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. Dictionary of methodological terms (theory and practice of language teaching). St. Petersburg: "Chrysostom", 1999.
 2. Belyakova M. M. Structurally logic technology as creating a culture of scientific thinking in literature classes // Teaching skills: Materials IV Intern. scientific. conf. (Moscow, February 2014). M.: Buki-Lead, 2014.
 3. Eremishin O. Aphorisms. Gold fund of wisdom. M.: Education, 2006.
 4. Krysin L. P. The explanatory dictionary of foreign words. M.: Exmo, 2008.
 5. Folomkina S.K. Some questions of teaching reading in a foreign language, not in the language high school. Technique and psychology of teaching foreign languages: reader / compiler Leontiev A.A. M: Russian language, 1999.
 6. Philosophical Dictionary mirslovarei.com/content_fil/intellekt-6575.html#ixzz2vCpAvo71
 7. http://www.gramota.ru/biblio/magazines/tr/28_359
 8. <http://russkayarech.ru/>
-
-

УДК 378.014.61.091:[53 : 004

UDC 378.014.61.091:[53 : 004

М.А. ТАРАСОВА

кандидат технических наук, доцент, кафедра физики,
Госуниверситет – УНПК
E-mail: martar1@yandex.ru

С.Ю. ГРИШИНА

кандидат физико-математических наук, доцент, зав.
кафедрой физики, Орловский государственный аграр-
ный университет
E-mail: Svetlana.Grischina@rambler.ru

M.A. TARASOVA

Candidate of Technical Sciences, Associate professor;
Department of physics State University – ESPC
E-mail: martar1@yandex.ru

S.YU. GRISHINA

Candidate of physical and mathematical sciences, Associate
professor, Head of the department of physics, Orel State
Agrarian University
E-mail: Svetlana.Grischina@rambler.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ – ЭФФЕКТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОГО КОМПОНЕНТА КОМПЕТЕНЦИЙ

THE INTERDISCIPLINARY INTEGRATION – EFFECTIVE TECHNOLOGY OF FORMATION OF THE PROFESSIONAL AND ACTIVE COMPONENTS OF COMPETENCES

Междисциплинарные интеграционные модели разрабатываются на основе содержания изучаемых дисциплин. Формами реализации интеграционных моделей являются научные проекты, курсовое проектирование, а также создание современной учебной ресурсной базы обучения. Показано, что междисциплинарная интеграция учебных дисциплин является эффективной технологией по формированию профессионально-деятельного компонента компетенций и способствует повышению качества образования и конкурентоспособности специалиста.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетенции, профессионально-деятельный компонент, междисциплинарные интеграционные модели, физика, ресурсная база, научный проект, курсовое проектирование.

The interdisciplinary integration models were developed on the basis of the content of studied disciplines. Forms of realization of integration models are scientific projects, course design, and also creation of modern educational resource base of training. It is shown that interdisciplinary integration of subject matters is effective technology on formation professionally – active competence components. Increase is promoted by quality of education and competitiveness of the expert.

Keywords: competent approach, competences, professional and active component, interdisciplinary integration models, physics, resource base, the scientific project, course design.

В настоящее время в российской системе образования происходят глобальные изменения. Для вузов они связаны с внедрением двухуровневой структуры обучения, компетентностного подхода, введением в активную практику модульных технологий, системы зачетных единиц, совместимой с ECTS, инновационных педагогических технологий и др.

Традиционная система высшего образования была рассчитана на формирование знаний, умений, навыков, а признаками нового взгляда на образование становятся компетентность, эрудиция, индивидуальное творчество, самостоятельный поиск знаний и потребность их совершенствования, высокая культура личности. Другими словами, образование рассматривается в следующем контексте: оно должно удовлетворять потребности людей реализовать себя в жизни. Основой новой модели является компетентностный подход. Выделение функций компетенций в обучении подтверждает главную интенцию компетентностного подхода – усилить практическую ориентацию образования. Компетентностный подход усиливает практико-ориентированность образо-

вания, его предметно-профессиональный аспект, подчеркивает роль опыта, умений практически реализовать знания, решать задачи, он фиксирует и устанавливает подчиненность знаний умениям. Знания и методы познания, а также деятельности нужно соединить в органическую целостность.

Переход на новую парадигму образования требует перестройки содержания образования, переход на новые образовательные технологии и новые организационные структуры подготовки кадров. Так, традиционно наши вузы строятся по кафедральному принципу. Более того, и учебные планы также построены в виде совокупности отдельных учебных дисциплин, в значительной мере соответствующих определенной науке или ее части. Следовательно, в основе разработки учебных планов доминируют взгляды отдельных кафедр, стремящихся дать студенту совокупность определенных знаний, умений и навыков в своей области знаний (деятельности). При этом на семестровых зачетах и экзаменах тестируются усвоение компетенций данной научной дисциплины или лишь их отдельные компоненты.

Вместе с тем даже отдельные компетенции вырабатываются в результате комплексного обучения, логически, структурно и содержательно построенного в интересах как общей, так и специальной подготовки выпускника вуза. В этой связи важнейшим моментом в организации образовательного процесса с позиций компетентно-ориентированного подхода и является формирование комплексного междисциплинарного мышления, междисциплинарность является особенностью компетентного подхода. Реализацию междисциплинарности целесообразно осуществлять, разрабатывая интеграционные модели учебных дисциплин. Но при интегрировании дисциплин с целью освоения компетенций не должны нарушаться принципы системности и преемственности обучения.

Таким образом, компетентный подход – это практико-ориентированный подход, который предусматривает междисциплинарность при обучении [1].

Так на первой ступени обучения студенты технических специальностей и направлений изучают математику, физику, химию, информатику, теоретическую механику и др. Опираясь на особенности компетентного подхода, целесообразно разрабатывать междисциплинарные интеграционные модели. При этом междисциплинарность целесообразно рассматривать как способ интеграции *содержания* образования, как процесс и результат построения целостных учебных дисциплин, созданных путем синтеза научных знаний.

Цели интеграционных моделей с междисциплинарными связями при компетентном подходе:

- обогащение содержания каждой дисциплины через использование новых элементов, заимствованных у других;
- более глубокое понимание явлений, понятий, законов, изучаемых в различных дисциплинах;
- содержанием обучения становятся действия и операции, соотносящиеся с навыками, которые нужно получить [2].

Это способствует сближению границ между изучаемыми предметами, позволяет студенту осознать единство, целостность и непрерывность образовательного пространства, подготавливая его к изучению профессиональных дисциплин. Более того, применение междисциплинарных интеграционных моделей повышает качество образования, конкурентоспособность выпускника вуза. Именно такие цели преследуются современной парадигмой образования: качество, эффективность, доступность.

В общеевропейском проекте TUNING «понятие компетенций включает знание и понимание (теоретическое знание академической области, способность знать и понимать), знание как действовать (практическое и оперативное применение знаний к конкретным ситуациям), знание как быть (ценности как неотъемлемая часть способа восприятия и жизни с другими в социальном контексте) [3].

Анализ сущностных характеристик компетенций и их компонентного состава показывает, что в самом общем виде любая компетенция складывается из трех

основных компонентов:

- когнитивного, связанного со знаниями и способами их получения;
- профессионально-деятельного, определяющего процесс становления умений на основе полученных знаний и способов реализации этих умений, а также обеспечивающего «перевод» имеющихся знаний и умений в другие знаковые системы, что позволяет адаптировать их к новым условиям и профессионально действовать в новых ситуациях;
- личностного, представляющего собой мотивы и ценностные установки личности, проявляющиеся в процессе реализации компетенции.

Профессионально-деятельный компонент предполагает готовность использовать полученный арсенал знаний и умений не только в области их непосредственного применения, но в междисциплинарных зонах. Этот компонент определяет их применения в профессиональной деятельности будущего специалиста.

Особое значение в формировании профессионально-деятельного компонента компетенции принадлежит педагогическим технологиям. Известны различные междисциплинарные интеграционные модели, разработанные на основе интеграции учебных дисциплин [4,5]. По нашему мнению, междисциплинарная интеграция учебных дисциплин является эффективной технологией формирования профессионально-деятельного компонента компетенций.

В системе инженерного образования особое значение принадлежит лабораторному практикуму – это потенциально наиболее значимый и результативный компонент естественнонаучной, общей профессиональной и специальной подготовки в области техники и технологий. Его предназначение – приобретение навыков работы на реальном оборудовании, с аналогами которого будущему специалисту придется иметь дело в своей практической деятельности. Цель лабораторного практикума – формирование профессионально-деятельного компонента компетенции. Достижение цели осуществляется на основе создания современной учебно-научно-производственной базы обучения, которая является императивом двух принципов инженерного образования: глубокая фундаментальная подготовка и обучение на основе последних достижений науки.

Создавать ресурсную базу целесообразно, опираясь на образовательную программу данного направления обучения, начиная с первой ступени, т.е. создавая учебную ресурсную базу. Однако учебная ресурсная база должна быть спроектирована таким образом, чтобы она сформировала не только профессионально-деятельный компонент компетенции изучаемого предмета, например, физики, но и явилась основой профессионально-деятельного компонента компетенций следующей ступени обучения. В таком направлении проектируется учебная лабораторная база в ФГБОУ ВПО Орел ГАУ. В сочетании с давно установленными лабораторным оборудованием на кафедре физики есть лаборатории, оснащенные современным оборудованием: эксклюзивными установками, изготовленными по ин-

дивидуальному заказу. Эти лабораторные установки представляют собой отдельные, компактные стенды, которые надежны в эксплуатации. Они учитывают конкретное направление подготовки студентов, т.е. их будущую практическую деятельность. Например, целью лабораторных работ с использованием таких установок, как «Генератор переменного тока», является формирование профессионально-деятельного компонента компетенции по физике у студентов инженерных направлений подготовки: «Агроинженерия» и «Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов», и «Определение влажности семян» – у агрономических направлений [6].

Выполнение лабораторных работ с использованием этих установок значительно активизирует работу студентов, позволяет им творчески относиться к эксперименту. Лабораторный практикум по физике становится для студентов более значимым. Однако формирование интегративно-деятельного компонента компетенции по физике направлено также на готовность использовать полученный арсенал знаний не только в области изучения физических явлений, но и в междисциплинарных зонах. Содержанием обучения становятся действия и операции, соотносящиеся с навыками, которые являются необходимыми для будущей профессиональной деятельности специалиста, что способствует сохранению целостности, системности и преемственности обучения. Повышает качество образования и конкурентоспособность специалиста.

Идеи неразрывного сочетания теоретического обучения с научно-исследовательской работой и углубленной профессионально-практической подготовкой всегда составляли основу отечественной системы инженерного образования.

Целью следующих междисциплинарных интеграционных моделей, разработанных в ФГОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», является повышение качества фундаментальной подготовки и качества освоения профессионально-деятельного компонента компетенции, а также приобщение студентов к научно-исследовательской работе [7].

Одной из форм реализации интеграционных моделей является *научный проект*, который предусматривает:

- объяснение студентам сути создания проекта и его цели;
- формирование команд исполнителей или исполнителя;
- разработку проекта под руководством преподавателя: техническое исполнение, содержание, оформление, окончательный результат: электронный носитель информации;
- даты консультаций и окончания работы над проектом.

Формы реализации научных проектов могут быть различными, например, самостоятельная работа студентов, работа с преподавателем и др.

В разрабатываемых проектах студенты используют знания, полученные при изучении дисциплин: текстовый редактор Word, MS NotePad для написания html-

кода, табличный процессор Excel, программы Paint, Power Point, Adobe Flash и др. Применяются эти знания для создания проектов, связанных с изучением физических явлений.

Студенты работают над проектом с большим интересом, творчески, стараются сделать свой проект интересным по содержанию и на хорошем профессиональном уровне по конструированию и оформлению. Лучшие работы представлены на научно-практическую студенческую конференцию с публикацией статей, а также на международные конференции и выставки [8].

Формой реализации интеграционных моделей может служить *курсовое проектирование*. На одном из занятий по курсовому проектированию студентам технических специальностей и направлений предложено выполнить курсовую работу по информатике, используя данные, полученные экспериментальным путем на лабораторных работах по физике. Целью работы является создание алгоритмов и виртуальных моделей лабораторных установок, расчет физических величин, построение характеристик и зависимостей этих величин от различных параметров с использованием среды LabView, Excel или Mathcad, применение языка программирования Borland Delphi для физического моделирования [9].

При выполнении этих работ студенты учатся составлять и печатать в текстовом редакторе Word отчеты согласно требованиям по оформлению электронных документов, форматировать абзацы, вставлять в текст формулы, таблицы, графики, сноски, использовать технологию перетаскивания и встраивания объектов, создавать таблицы и обрабатывать экспериментальные данные с использованием встроенных функций и графических возможностей табличного процессора Excel. Студенты рассчитывают данные в MathCad, разрабатывают программы по моделированию физических явлений.

Такие междисциплинарные интеграционные модели направлены на обогащение содержания каждой дисциплины через использование новых элементов, заимствованных у других, и более глубокое понимание явлений, понятий, законов, изучаемых в различных дисциплинах, позволяют студентам развить творческое мышление, коммуникативные способности, достичь уровня компетентности в своей профессиональной деятельности, необходимого для успешной социальной и профессиональной адаптации. Поэтому считаем, что уже с первых курсов обучения студентов необходимо привлекать к творческой работе, расширять и углублять междисциплинарные знания, что является основой формирования инновационного мышления будущего специалиста.

Междисциплинарная интеграция учебных дисциплин должна рассматриваться в вузе как возможность реализации гибких форм образовательной деятельности, разработки новых дисциплин. Это позволит усилить целостность обучения, системность и преемственность дисциплин, что повысит качество и конкурентоспособность выпускника вуза.

Библиографический список

1. Тарасова М.А. Инженерное образование. Состояние и развитие учебно-научно-производственной базы: монография. Орел.: ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», 2013. 227 с.
2. Берулава М. Н. Теоретические основы интеграции образования. М.: Изд-во «Совершенство», 1998. 192 с.
3. БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС: поиск общности европейских систем высшего образования (проект TUNING). Под науч. ред. д-ра пед. наук, проф. В.И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 211 с.
4. Семин Ю.Н. Междисциплинарный учебный комплекс. // Высшее образование в России. 2002. № 2. С. 107.
5. Ильинский А. Высокие технологии как фактор повышения качества обучения и преподавания / А. Ильинский, Г. Максерат // Высшее образование в России. 2008. № 11. С. 62.
6. Гришина С. Ю. Традиции и инновации при проведении лабораторного практикума/ С.Ю. Гришина, Ю.В.Гладких// Сб. материалов Международной научно – практической конференции «Инновации в образовании». Орел: Изд-во ФГОУ ВПО Орел ГАУ, 2009. С.13.
7. Тарасова М.А. К реализации интеграционных моделей технического образования на первых курсах высшей школы. М.А. Тарасова, О.В. Пилипенко // Материалы 2-ой научно-технической конференции «Информационные технологии в науке, образовании и производстве». Орел: ОрелГТУ, 2006. Т.3. С. 105.
8. Тарасова М.А. Применение языка программирования Borland Delphi для физического моделирования. М.А. Тарасова, Е.А. Петров, М.В. Понька, В.И. Полуэктов // Тезисы докладов научно-методической школы семинара по проблеме «Физика в системе инженерного образования стран ЕвроАзЭС». Москва, 2009. С. 295.
9. Батранин А.А. Использование среды LABVIEW в лабораторном практикуме по физике. / А.А. Батранин, Д.А. Самойлов, С.С. Солдатов // Тезисы докладов научно-методической школы семинара по проблеме «Физика в системе инженерного образования стран ЕвроАзЭС». ООО РПА «АПР» Москва, 2008. С. 171.

References

1. Tarasova M. A. Engineering education. State and development of educational and research and production base: monograph. Orel.: FSEI HPE “State University – ESPC”, 2013. 227 p.
 2. Berulava M. N. Theoretical bases of education integration. M: Prod. in «Perfection», 1998. 192 p.
 3. BOLOGNA PROCESS: search of a community of the European systems of higher education (TUNING project) / Under scientific edition of prof. V. I. Baydenko, Dr. of pedagogical sciences,. – M.: Research center of quality problems of specialists training, 2006. 211 p.
 4. Syomin Yu.N. Interdisciplinary educational complex. // Higher education in Russia. 2002 . No. 2. P. 107.
 5. Ilyinsky, A. High technologies as a factor of training and teaching quality improvement / A. Ilyinsky, G. Makserat// Higher education in Russia. 2008. № 11. P. 62.
 6. Grishina S. Yu. Traditions and innovations when carrying out laboratory practical work / S. Yu. Grishina, Yu.V.Gladky// Symposium of International scientific – practical conference “Innovations in Education”. Orel: FSEI HPE OSAU Press, 2009. P. 13.
 7. Tarasova M. A. The problem of integration models realization of technical education on the first courses of the higher school. / M. A. Tarasova, O. V. Pilipenko //Materials of the 2nd scientific and technical conference “Information Technologies in Science, Education and Production”. Oryol: Oryol STU, 2006. Vol. 3. P. 105.
 8. Tarasova M. A. Borland Delphi language programming application for physical formation. / M.A. Tarasova, E.A. Petrov, M. V. Ponka, V. I. Poluektov //Theses of reports of scientific and methodical seminar school on a problem of “Physics in system of engineering education in EAEP countries”. Moscow, 2009. P. 295.
 9. Batranin A.A. The use of LABVIEW in a laboratory practice on Physics. / A.A Batranin A.A. Samoylov, S. S. Soldatov // Theses of reports of scientific and methodical seminar school on a problem of “Physics in system of engineering education in EAEP countries”. Moscow . JSC RPA APR Moscow, 2008. P. 171.
-
-

УДК 378.12

UDC 378.12

А.И. УМАН

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой
общей педагогики, Орловский государственный универ-
ситет

М.И. РАБИНОВИЧ

инженер-программист, Научно-образовательный центр
«Нанотехнологии», Госуниверситет – УНПК
E-mail: rabi@ostu.ru

A.I. UMAN

Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the department of
General pedagogy, Orel State University

M.I. RABINOVICH

Engineer-programmer, Scientific-educational centre “Nan-
otechnologies”, State University–ESPC
E-mail: rabi@ostu.ru

СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

THE STATE OF RATING EVALUATION OF HIGH SCHOOL TEACHERS' PROFESSIONAL ACTIVITIES

В статье рассматривается спектр вопросов, касающихся рейтинговой оценки профессиональной деятельности преподавателей вуза. Наряду с эволюцией методов оценки и места рейтинговой оценки во внутри-вузовской системе управления качеством образования обсуждается ряд ключевых проблем проектирования рейтинговой системы.

Ключевые слова: высшее образовательное учреждение, оценка профессиональной деятельности преподавателя, рейтинговая система, верификация методики расчета рейтингов, проблемы внедрения системы.

The article considers the range of issues related to rating evaluation of high school teachers' professional activities. Along with the evolution of assessment methods and the place of rating evaluation in the university system of quality management of education, key problems of designing a rating system are discussed.

Keywords: higher educational institution, evaluation of teacher's professional activity, rating system, verification of rating calculation procedures, system implementation issues.

В настоящее время обсуждение комплекса вопросов, связанных с проектированием, внедрением и функционированием рейтинговой системы оценки профессиональной деятельности преподавателей вуза, широко представлено в современной научной и методической литературе. Выполненный нами теоретический анализ научной литературы по этой тематике показал, что авторы работ едины в отношении того, что глобальной целью применения рейтинговой системы является повышение качества образования. Однако мнения весьма различаются относительно того, какие локальные цели, позитивно влияющие на качество образовательного процесса, достигаются путем внедрения рейтинговой системы в вузе. Здесь просматриваются два противоположных подхода: влияние рейтинговой системы посредством улучшения управления образовательным учреждением (которое можно назвать влиянием «сверху-вниз») и влияние рейтинговой системы путем мотивирования роста профессионального мастерства вузовских преподавателей (влияние «снизу-вверх»).

В понимании В.Н. Фролова [14], целью введения рейтинговой оценки является развитие вуза и его структурных подразделений с целью оставаться востребованным на длительной и конкурентной основе:

- содействие выработке эффективных управленческих решений в области повышения качества образовательной деятельности;

- стимулирование профессионального роста преподавателя и развитие его творческой инициативы;
- определение приоритетов своей деятельности на очередной период, ориентация подразделений и ППС на передовой опыт лидеров.

Данный подход ориентирован на управленческую функцию рейтинговой оценки и действует на образовательный процесс по типу «сверху-вниз»

Эту точку зрения поддерживает Ю.Г. Иванищев [6], подчеркивая при этом, что внедрение рейтинговой системы обеспечивает создание баз данных, отражающих деятельность преподавателей, для анализа и корректировки работы кафедр, факультетов (институтов) и университета в целом.

Представление о влиянии рейтинговой системы, акцентированное по принципу «снизу-вверх» можно найти в работах И.А. Новакова [8, 9]. По мнению автора, цели применения рейтинговой системы могут быть сформулированы следующим образом:

- усилить заинтересованность преподавателей в повышении своей профессиональной квалификации, в освоении передового педагогического опыта, в творческом подходе к преподаванию;
- обеспечить большую объективность оценок деятельности преподавателей за счет повышения полноты и достоверности информации;
- усилить коллективную заинтересованность пре-

подавателей в улучшении конечных результатов по подготовке специалистов;

- повысить качество преподавания как важнейшего фактора улучшения качества подготовки специалистов.

Данные представления более всего ассоциируются с *мотивационной* функцией рейтинговой системы. Так, с точки зрения Т.А. Шульгиной [15, С. 5], рейтинговый анализ является основой для системы *внутреннего аудита* эффективности работы научно-преподавательского состава.

Комплексный подход к оценке профессиональной деятельности вузовского преподавателя, в котором ключевое место отводится рейтинговой системе, сформулирован в работах Е.Ю. Васильевой [3-5]. Нельзя не согласиться с автором в его мнении, что сочетание различных форм оценки деятельности преподавателя (рейтинговая оценка, экспертная оценка, оценка студентами и самооценка) является шагом в направлении создания общих методик оценки качества деятельности преподавателей, которые являют собой своеобразную программу оценочной деятельности, раскрывающую общие задачи, логику этапов оценки и необходимые условия ее осуществления [3]. Автор выделяет рейтинговую оценку как наиболее *объективный* инструмент оценивания, целью которого является улучшение качества деятельности ППС и совершенствование качества образовательного процесса, главными задачами которого являются:

- повышение обоснованности принимаемых *управленческих решений* (в первую очередь в области кадровой политики);
- повышение *уровня объективности информации* о процессе и результатах деятельности вуза;
- повышение *уровня мотивации* ППС, *стимулирование* их профессионального и личностного роста;
- *дифференциация* результатов труда для обеспечения поддержки наиболее эффективной части преподавательского состава.

Подытоживая вышесказанное, можно выделить следующие основные функции оценки профессиональной деятельности преподавателей, получаемой при помощи рейтинговой системы.

1. *Информационная*, состоящая в аккумулировании необходимой информационной базы для проведения диагностирующих и прогнозирующих внутривузовских исследований.

2. *Обратной связи*, как необходимый компонент управления организационной системой, необходимый для ее успешного функционирования и развития.

3. *Дифференцирующая*, позволяющая разделить профессорско-преподавательский состав вуза на группы по уровням их личного потенциала и активности.

4. *Управленческая*, содержанием которой является предоставление объективной исходной информации для принятия обоснованных управленческих (в основном, кадровых) решений на всех уровнях управления высшего образовательного учреждения (кафедра, деканат, ректорат).

5. *Контролирующая*, проявляющаяся как выявление

личного статуса и активности отдельных вузовских преподавателей и преподавательских коллективов.

6. *Диагностическая*, которая состоит в определении узких мест и положительных тенденций в работе вуза в целом, его структурных подразделений и отдельных преподавателей.

7. *Оценочная*, проявляющаяся в получении легко воспринимаемой числовой оценки профессиональной деятельности вузовского преподавателя (его рейтинга), завершающая процесс контроля и обеспечивающая процесс дифференциации его деятельности.

8. *Объективизации* оценки профессиональной деятельности преподавателей, позволяющая сделать эту оценку максимально независимой от субъективных представлений о работе конкретного преподавателя.

9. *Стимулирующая*, проявляющаяся при моральном стимулировании преподавателей и сотрудников вуза путем публикации рейтинг-листов и использовании их для организации распределения стимулирующей надбавки на регулярной основе, что способствует систематической работе преподавателей по повышению своего профессионального мастерства.

10. *Корректирующая*, заключающаяся в возможности корректировки преподавателем своей профессиональной деятельности, основываясь на диагностической, оценочной функциях и функции обратной связи внутривузовской рейтинговой системы.

11. *Мотивационная*, проявляющаяся в повышении интереса преподавателей к совершенствованию образовательного процесса для повышения его результативности, что непосредственно связано со стимулирующей функцией рейтинговой системы.

Вышеперечисленные функции рейтинговой оценки предполагают наличие (проектирование) соответствующих компонентов рейтинговой системы, что в значительной мере определяет как ее структуру, так и функциональные характеристики составляющих модулей.

Чаще всего структура рейтинговой системы рассматривается как совокупность двух взаимосвязанных модулей. Первый – модуль описания профессиональной деятельности преподавателей, содержащий структурированный набор контролируемых показателей их деятельности и второй – модуль получения рейтинговых оценок, содержащий математический аппарат (формулы) для расчета рейтинговых оценок.

Необходимо особо подчеркнуть значимость тщательной разработки математической модели расчета рейтинговых оценок, поскольку, как отмечает в своем исследовании Д.П. Бураков [2, С. 5], в большинстве случаев постановкой и решением рейтинговых задач занимаются работники, не имеющие глубоких знаний в области принятия решений. По этой причине они допускают ошибки, дискредитирующие доверие к получаемым результатам и препятствующие полноценному использованию рейтинговой системы в качестве многофункционального средства для повышения качества образования.

Теоретической основой для создания математического аппарата, предназначенного для рейтинговой

оценки профессиональной деятельности преподавателей вуза, является теория принятия решений, в частности, такое ее направление, как многокритериальная теория полезности (Multi-Attribute Utility Theory – MAUT). Аксиоматический аппарат классической теории полезности был разработан в работах Дж. фон Неймана и О. Morgenштерна и первоначально предназначался в основном для решения экономических задач. Методы многокритериальной теории полезности (как одно из направлений развития теории принятия решений) получили свое дальнейшее развитие в работах Р. Кини и Х. Райфа.

Общая постановка задач, решаемых в рамках этого научного подхода, предполагает поиск оптимальной альтернативы (из некоторого заранее известного множества) при принятии решений. При этом все альтернативы оцениваются фиксированным набором критериев оценки, каждый из которых имеет заранее определенную значимость. Решение данной задачи сводится к поиску максимума многокритериальной функции полезности (обобщенного критерия оценки) на множестве возможных альтернатив.

Применительно к оценке профессиональной деятельности вузовского преподавателя его личный рейтинг следует рассматривать как значение многокритериальной функции полезности, учитывающей различные показатели его работы (первичные критерии оценки).

Однако, как отмечает Фишбейн [13, С. 8], рейтинговая оценка внутривузовской деятельности кафедр и преподавателей «не является оптимизационной задачей в полном смысле этого слова». В частности, полностью лишено смысла в процессе рейтинговой оценки определять множество Парето (подмножество альтернатив, в котором следует искать оптимальное решение, то есть преподавателя, имеющего максимальный рейтинг), поскольку рейтинговая оценка профессиональной деятельности преподавателей должна носить всеобщий характер, а не быть направленной только на поиск лучшего по рейтингу («оптимального») преподавателя. Поэтому нельзя не согласиться с автором в его мнении, что принципы создания математического аппарата для получения внутривузовских рейтинговых оценок не следует механически переносить из тех областей человеческой деятельности, в которых для принятия решений используются рейтинговые оценки. Следует также отметить, что данное положение полностью согласуется с парадигмой классической теории полезности, по которой каждая проблема, решаемая в рамках этого научного подхода, требует построения собственной (уникальной) функции полезности.

Все это в полной мере относится и к практике получения рейтинговых оценок профессиональной деятельности вузовских преподавателей. В работах И.А. Новакова [8, 9], Е.Ю. Васильевой [3-5], Т.А. Шульгиной [15], В.Н. Фролова [14], А.В. Лагерева [7] и других авторов приводятся различные варианты математического аппарата, используемые в рейтинговых системах, которые на данный момент уже внедрены в ряде российских вузов. Приводимые формулы для

расчета рейтингов имеют чисто эмпирический характер. При этом, поскольку применяются различные варианты функции полезности, естественно поставить вопрос об их корректности, то есть применимости того или иного способа свертки значений показателей для получения рейтинговых оценок деятельности преподавателей вуза.

Применимость эмпирических формул можно проверить только на практике путем непосредственного сопоставления исходных данных для получения рейтинговых оценок и получаемых значений рейтингов. Между тем, количество показателей работы преподавателей (первичных критериев оценки), используемых на практике для получения рейтинговых оценок, чаще всего колеблется в пределах от 40 до 70. Это почти на порядок превышает способности человека по восприятию (сопоставлению) количественной информации.

Тем не менее, математический аппарат для получения рейтинговых оценок можно и должно подвергать верификации. Для этих целей можно сопоставлять рейтинговые оценки преподавателей попарно и использовать при этом усеченный набор первичных критериев оценки (не более семи). Это позволит визуально сопоставлять исходные данные для расчета рейтинговых оценок и полученные на их основе результаты и выявлять возможные несоответствия.

Поясним это на простом примере (таблица 1). В таблице приведены данные о рейтинговой оценке двух преподавателей, при которой использовались всего два показателя их работы: «Количество изданных монографий» и «Количество изданных учебников». Такая ситуация вполне может иметь место в реальной ситуации, поскольку значения всех прочих показателей работы преподавателей (за период определения рейтингов) могут быть равны нулю.

Предположим также, что для расчета личных рейтингов преподавателей планируется использовать одну из двух предлагаемых методик расчета («Вариант №1» и «Вариант №2»).

Таблица 1.

Пример корректной и некорректной рейтинговой оценки

Контролируемые данные	Преподаватель	
	№1	№2
Исходные данные для расчета рейтингов		
Количество монографий (весовой коэффициент = 1.0)	2	1
Количество учебников (весовой коэффициент = 1.0)	0	1
Результатов расчета рейтингов по различным формулам		
Вариант №1 методики расчета рейтингов	100	100
Вариант №2 (некорректная рейтинговая оценка)	60	100

Исходные данные и результаты расчета рейтингов для двух преподавателей приведены во второй и третьей колонках таблицы. В силу ограниченной размерности этих данных их легко визуально сопоставить.

Очевидно, что при таких исходных данных для расчета рейтингов, которые приведены в таблице 1, рейтинговые оценки деятельности обоих преподавателей должны быть одинаковыми. Если это не так, то рейтинговая оценка будет противоречить здравому смыслу (как это имеет место для результатов расчета рейтингов по методике «Вариант №2»). Следовательно, такой математический аппарат следует признать некорректным и непригодным для использования во внутривузовской рейтинговой системе.

Прием сопоставления исходных данных и полученных рейтинговых оценок на тривиальных наборах исходных данных использовался нами для верификации применяемых на практике методик расчета рейтингов преподавателей. При этом были выявлены возможности появления различных типов некорректных рейтинговых оценок в рейтинговых системах многих российских вузов [11, 12].

Нетрудно представить себе, что может произойти в вузе, если внедренная рейтинговая система будет периодически формировать некорректные (сомнительные или даже противоречащие здравому смыслу) оценки деятельности некоторых преподавателей. Рано или поздно несправедливое рейтингование будет положено в основу управленческих решений или в соответствии с ним будет осуществлено материальное и моральное стимулирование. Если данный факт станет достоянием широкой вузовской общественности, он не только дискредитирует принципы оценивания профессиональной деятельности преподавателей вуза в соответствии с их личным рейтингом, но и может подорвать доверие ко всей внутривузовской системе управления качеством образования.

Поэтому нам представляется чрезвычайно важным, чтобы проектирование рейтинговой системы оценки профессиональной деятельности преподавателей вуза с первых его шагов проходило с учетом необходимости тщательной верификации математического аппарата для расчета рейтинговых оценок. Эта задача должна найти свое отражение и в концептуальной модели рейтинговой системы, и в организационной схеме процесса ее проектирования и внедрения.

Решение практических вопросов по проектированию рейтинговой системы следует также предварить анализом работ, посвященных проблемам внедрения рейтинговых систем в конкретных вузах. В работах И.А. Новакова, Е.Ю. Васильевой, О.В. Горшковой отмечают сопротивление со стороны некоторых руководителей и преподавателей введению систематического оценивания их деятельности на основе объективных количественных показателей. О.Г. Басалаева, [1] анализируя результаты социологического исследования отношения преподавателей к введению рейтинговой системы в Кемеровском государственном университете, выделяет следующие основные причины негативного отношения ряда сотрудников вуза к введению рейтинговой системы:

- Часть преподавателей сопротивляется переменам, поскольку не видит в них никакой пользы;

- часть преподавателей опасается стать «жертвами перемен»;

- часть преподавателей опасается, что подготовка данных для рейтинговой системы потребует значительных затрат рабочего времени.

Для успешного внедрения рейтинговой системы в вузе автор рекомендует повышать информированность вузовской общественности относительно целей, задач и возможностей рейтинговой системы, отмечая при этом, что «часть руководителей структурных подразделений, получив полную информацию о состоянии дел в их коллективах с определением конкретного участия каждого сотрудника в обеспечении основных видов деятельности, начинает понимать важность этой информации» [1, С. 68].

Чтобы преподаватели вуза не опасались стать «жертвами перемен», связанных с внедрением рейтинговой системы, в данной работе (как и у других авторов [5, 15]) предлагается направить использование системы не на штрафные санкции к менее результативно работающим преподавателям, а исключительно на стимулирование труда преподавателей, имеющих лучшие результаты в работе.

Для того чтобы подготовка данных для рейтинговой системы не потребовала значительных затрат времени, автор рассматриваемой работы предлагает минимизировать количество критериев оценки. Однако, по нашему мнению, ограничение количества показателей в методике расчета рейтингов не позволит создать на ее основе эффективную систему материального и морального стимулирования в вузе [1]. Поэтому пути преодоления сопротивления внедрению рейтинговой системы следует искать не в уменьшении числа контролируемых показателей, а в повышении эффективности работы системы внутривузовского мониторинга, ответственной за подготовку данных для рейтинговой системы.

В заключение следует сказать несколько слов о взаимоотношении процесса проектирования рейтинговой системы оценки профессиональной деятельности преподавателей вуза и процесса проектирования системы их материального и морального поощрения. Сразу следует отметить, что авторы рассмотренных выше и многих других работ едины во мнении, что разработка и внедрение рейтинговой системы актуализирует разработку и внедрение новых форм материального и морального стимулирования в вузе. Однако процессы проектирования этих двух систем рассматриваются авторами как последовательные: сначала разрабатывается и внедряется рейтинговая система и только после этого на основе рейтинговой системы разрабатывается и внедряется новая система материального и морального стимулирования.

Нам представляется, что комплексный подход к проектированию рейтинговой системы, при котором принципы построения системы, ее структура и требования к ее основным структурным компонентам изначально учитывают потребности вузовской системы материального и морального стимулирования, позволит поднять планку практической значимости рейтинговой системы в вузе на качественно более высокий уровень.

Библиографический список

1. Басалаева О.Г., Басалаев Ю.М., Садовой А.Н. Проблемы внедрения рейтинговой системы оценки деятельности преподавателей // Университетское управление: практика и анализ. 2006. N 2. С. 65–68.
2. Бураков Д.П. Разработка методик и средств решения рейтинговых задач в организационных системах. Дис. канд. т. н. М.: РГБ, 2007, 175 с.
3. Васильева Е.Ю. Подходы к оценке качества деятельности преподавателя вуза // Университетское управление: практика и анализ. 2006. N 2. С. 74–78.
4. Васильева Е.Ю. Рейтинг преподавателей и кафедр в вузе // Университетское управление: практика и анализ. 2007. N 3. С. 39–48.
5. Васильева Е.Ю., Граничина О.А., Трапицын С.Ю. Рейтинг преподавателей, факультетов и кафедр в вузе. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 159 с.
6. Иванищев Ю.Г., Шалобанов С.В. Оценка деятельности подразделений и преподавателей в системе управления вузом // II межвузовский семинар-совещание вузов Хабаровского края и Еврейской автономной области: сб. докл. Биробиджан, 2009. С. 13–19.
7. Лагерева А.В., Горленко О.А. Система рейтинговых оценок факультетов, кафедр, преподавателей, студентов и студенческих групп / Брянск: Изд-во БрянскГТУ, 2005. 74 с.
8. Новаков И.А. Рейтинг преподавателей и управление вузом. Волгоград, 2002. 100 с.
9. Новаков И.А. Рейтинг в вузе: научно-методические основы и практика. Волгоград : изд. ВолгоГТУ, 1999. 102 с.
10. Рабинович М.И., Степанова Е.Ю. Использование рейтинговой системы оценки деятельности сотрудников при создании системы материального стимулирования в вузе // Фундаментальные и прикладные проблемы техники и технологии. 2013. № 3. С. 94–100.
11. Рабинович М.И., Степанова Е.Ю. О разработке типологии рейтинговых оценок деятельности преподавателей и кафедр для системы морального и материального стимулирования профессиональной деятельности // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 3. С. 23–28.
12. Степанов Ю.С., Рабинович М.И. О проблемах получения рейтинговых оценок деятельности преподавателей, кафедр и факультетов во внутривузовской системе управления качеством образования // Университетское управление: практика и анализ. 2006. № 6. С. 53–57.
13. Фишбейн Б.Д. О методологии рейтинг-оценивания деятельности кафедр высшего учебного заведения. Самара: СамГАПС, 2004. 24 с.
14. Фролов В.Н., Поликарпов Э.Д. Рейтинговая оценка деятельности структурных подразделений как элемент системы мониторинга качества образования в университете / Воронеж: ГОУВПО «Воронежский государственный технический университет», 2007. 184 с.
15. Шульгина Т.А., Воробьева Г.Н., Хузина С.А. Рейтинговая оценка качества научно-исследовательской и научно-методической деятельности преподавателя. Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2009. 75 с.

References

1. Basalayeveva O.G., Basalayevev Y.M., Sadovoy A.N. Problems of implementation of rating system of estimation of activity of lecturers // University management: practice and analysis. 2006. N 2. Pp. 65–68.
2. Burakov D.P. Development of methods and means of solving rating tasks in organizational systems. Dissertation of candidate of technical Sciences: M: RSL, 2007, 175 p.
3. Vasiliev E.J. Approaches to assessing the quality of the activity of the lecturer // University management: practice and analysis. 2006. N 2. Pp. 74–78
4. Vasiliev E.J. Rating instructors and departments in the University // University management: practice and analysis. 2007. N 3. Pp. 39–48
5. Vasiliev E.J., Granichina O.A., Trapitsyn H.E. Ranking professors, faculties, departments in universities. SPb.: Publishing house of RSPU named after. A.I. Herzen, 2007. 159 p.
6. Ivanishchev Y.G., Shalabanov S.V. Estimation of activity of subdivisions and teachers in the system of University management // II interuniversity seminar universities of Khabarovsk Krai and the Jewish Autonomous region: collection of reports. Birobidzhan, 2009. Pp. 13–19.
7. Lagerev A.V., Gorlenko O.A. Rating system of faculties, departments, teachers, students and student groups / Bryansk: Pub. BryanskSTU, 2005. 74 p.
8. Novakov I.A. Rating of teachers and University governance. Volgograd, 2002. 100 p.
9. Novakov I.A. Rating in the University: scientific-methodological principles and practice. Volgograd: Pub. VolgSTU, 1999. 102 p.
10. Rabinovich M.I., Stepanova E.Y. The use of a rating system of estimation of activity of employees at creating the system of material incentives in the University // Fundamental and applied problems of engineering and technology. 2013. N 3. Pp. 94–100
11. Rabinovich M.I., Stepanova E.Y. On the development of typology rating activity of teachers and chairs for a system of moral and material incentives of professional activity // University management: practice and analysis. 2009. N 3. Pp. 23–28.
12. Stepanov U.S., Rabinovich M.I. To problems of obtaining rating activity of teachers, departments and faculties in the University system of quality management of education // University management: practice and analysis. 2006. N 6. Pp. 53–57.
13. Fishbein B.D. About the methodology of the rating estimation of activity of departments of higher educational institutions. Samara: Samgas, 2004. 24 p.
14. Frolov V.N., Polikarpov E.D. At rating estimation of activity of structural units as part of the monitoring system of quality of education at the University. Voronezh: “Voronezh state technical University, 2007. 184 p.
15. Shulgin T.A., Vorobyova G.N., Huzin S.A. Rating of the quality of scientific-research and scientific-methodical activity of the teacher. Chelyabinsk: LLC “Publishing house of REKOL”, 2009. 75 p.

УДК 811.161.1'271.2

UDC 811.161.1'271.2

И.Ю. ФРОЛОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра книжного дела, русского языка и методики его преподавания, Орловский государственный университет
E-mail: irinazorckinav@yandex.ru

I.YU. FROLOVA

Candidate of pedagogical sciences, Associate professor, Department of the book industry, Russian Language and Methods of teaching, Orel State University
E-mail: irinazorckinav@yandex.ru

СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГОВОРЯЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

PRESERVING OF THE LANGUAGE CULTURE OF THE RUSSIAN-SPEAKING POPULATION IN THE CURRENT SOCIAL AND CULTURAL SITUATION

В статье рассматривается проблема сохранения языковой культуры русскоговорящего населения, анализируется качество и уровень владения русским языком в обществе, подчеркивается необходимость изменения государственной языковой политики для достижения конкретных результатов в решении данной проблемы.

Ключевые слова: литературный язык, языковая политика.

The article deals with the problem of preserving linguistic culture of Russian speaking population, analyzes the quality and level of the Russian language proficiency in the society, emphasizes the need for changes in the state language policy in order to achieve concrete results in solving this issue.

Keywords: literary language, language policy.

В современной России качество и уровень владения русским языком в обществе являются чрезвычайно низкими. Заметен общий упадок культуры, духовности и, следовательно, речевой культуры населения. На фоне общего падения авторитета образования и науки падает авторитет литературной нормы. Все это приводит к повсеместному несоблюдению норм литературного языка и культуры русской речи в реальной языковой практике. Причин этому много, в том числе – отсутствие целенаправленной государственной языковой политики и другие неблагоприятные факторы. Парадоксален тот факт, что средства массовой информации, в прежние времена выступавшие пропагандистами литературного языка, стали органами внедрения в языковой обиход общества нелитературной речи. Об этом много говорят и пишут ученые-лингвисты, литераторы, все заинтересованные в сохранении целостности языка и языковой культуры люди.

Так, в Санкт-Петербурге все вагоны метро оклеены плакатами, с которых доктор филологических наук, академик РАО Л.А. Вербицкая призывает «говорить правильно». Л. Калашников, главный редактор «Рабочей газеты», предлагает «бороться за чистоту языка. Насильственно, если хотите. Путем введения цензуры на телевидении и в СМИ» [2]. Я.Дарум на страницах журнала «Регион» пугает читателей статьей «Русский мат: безжалостный и беспощадный» [1]...

Опросы общественного мнения по поводу защиты русского языка, проведенные Всероссийским центром изучения общественного мнения, показали, что 87% россиян считают крайне необходимой целенаправленную борьбу за чистоту русского языка.

Известно, что забота о языке и создание условий для его процветания должны быть основой государственной языковой политики. Какова же эта политика в России в последнее десятилетие?

Закон о русском языке, принятый Государственной Думой 20 мая 2005 года, практически не работает, например, п. 6 главы 1, который гласит: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка» [5].

В 2007 году, объявленном в России Годом русского языка, президент РФ В.В.Путин в своем традиционном ежегодном Послании Федеральному Собранию, а фактически – прямом обращении к народу России – подчеркнул, что «забота о русском языке и рост влияния российской культуры – это важнейший социальный и политический вопрос» [3]. В связи с этим президент счел необходимым поддержать инициативу российских лингвистов о создании Национального фонда русского языка, главными задачами которого должны стать развитие русского языка в стране и его популяризация в мире.

21 июня 2007 года указом Президента Российской Федерации В.В.Путин №796 вместо планируемого Национального фонда русского языка был создан фонд «Русский мир» – российская организация, «занимающаяся популяризацией русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, а также поддержкой программ изучения русского языка в различных странах мира».

Прошло 7 лет. Что же изменилось за это время? Что сегодня происходит с «великим и могучим»? Что реально сделано для сохранения языковой культуры русскоговорящего населения?

Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» № 195, изданный 8 июня 2009 г., вызвал волну колких замечаний, протестов и споров о нормах русского литературного произношения.

Следует отметить, что все словари, о которых идет речь, были выбраны в 2009 году Межведомственным советом по русскому языку, которым руководил министр образования А.А. Фурсенко. Все они были изданы в 2008 году и получили отличные рецензии экспертов Межведомственного совета, МГУ и Института русского языка им. Пушкина РАН.

Авторы этих словарей исходили из того, что язык постоянно развивается, следовательно, меняются нормы произношения и ударения. Поэтому в «утвержденных» словарях, вызвавших столько негодования, безусловно, отражена реально существующая вариантность произношения, которая является вполне естественным процессом. Однако проблема в том, что в нашем обществе сегодня нет элементарной языковой культуры для того, чтобы из двух вариантов выбрать один правильный.

Заметим, что в 2009 году в СПбГУ вышло большое издание – «Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Нормы современного русского литературного языка как государственного. (Комплексный нормативный словарь современного русского языка, Санкт-Петербург)». В этом комментарии есть список 29 словарей, которые мы рекомендуем использовать на практике.

Один из всплесков дискуссий связан с предложением партии ЛДПР принять закон, обязывающий журналистов не использовать иностранные слова при наличии русских аналогов. 21 февраля 2013 года Владимир Жириновский заявил о подготовке и внесении на рассмотрение в Госдуму РФ законопроекта о штрафах за нарушение норм современного русского языка. Лидер фракции и его сторонники выступали за наказание в размере до 50 тысяч рублей за использование соотечественниками иностранных слов при наличии их российских аналогов.

В пояснительной записке к проекту говорилось: «Использование англицизмов и американизмов в молодежной среде трудно подвергнуть какому-либо контролю, однако, к сожалению, подобные иностранные словечки стали использовать российские дикторы и ведущие различных телевизионных программ и музыкальных представлений на российской эстраде».

Предложенные депутатами ЛДПР поправки в закон «О государственном языке РФ» и в КоАП «в части защиты русского языка» предполагали наложение санкций в том случае, если нарушение норм современного русского языка при его использовании в качестве госу-

дарственного произойдет при публичном распространении информации.

Попытки государства вмешаться в эту довольно тонкую сферу и изменить к лучшему ситуацию с русским языком в стране предпринимались не раз, однако до сих пор не увенчались успехом.

Состояние речевой культуры носителей русского языка оставляет желать лучшего. Речь людей изобилует разными видами нарушений норм литературного языка, сорными словами, словами-«паразитами», которые используются для связки слов. Причина этого – в отсутствии навыков грамотной публичной речи, в неумении излагать свои мысли в соответствии с нормами литературного языка.

«Как следствие, человек, который не умеет хорошо говорить, испытывает затруднения на стыке слов. То, что он собирается сказать, находится у него в уме. Мысли наталкиваются одна на другую и накладываются беспорядочным образом. Получается полный сумбур. Профессиональным ораторам не составляет труда грамотно, упорядоченно и последовательно высказывать свою мысль. А вот человек, не привыкший к длинным речам, испытывает затруднения. И в тот момент, когда у него на языке нет нужных слов, с него соскальзывает слово-паразит, не давая речи оборваться молчанием. Раньше это были указательные частицы «вот», «это», «значит», «ну». Теперь для связки мысли все чаще используется матерщина» [1].

5 мая 2014 года президент В.Путин подписал закон, запрещающий мат в кино, литературе и в СМИ. Акцент в законе делается на том, что нецензурная брань не должна звучать публично, следовательно, нельзя использовать мат в театральных постановках, при показах фильмов в кинозалах, во время проведения развлекательных мероприятий и при чтении книг перед аудиторией. Нарушителям грозят крупные штрафы: до 2,5 тысяч рублей для физических лиц, до 5 тысяч для должностных и до 50 тысяч для юридических лиц. Если законом пренебречь повторно, то размер штрафов возрастает в несколько раз, а предпринимателям грозит приостановка деятельности сроком на 3 месяца.

Аналогичные штрафы предусмотрены и за употребление мата в средствах массовой информации. Впрочем, в отношении СМИ этот вопрос был регламентирован ранее: чуть больше года назад глава государства подписал закон, согласно которому использование нецензурной лексики в прессе карается штрафами (до 3 тысяч рублей для обычных граждан и до 200 тысяч рублей для юридических лиц). Парламентарии тогда разъяснили, что издание может быть привлечено к ответственности, если заменит звездочкой только одну букву из матерного слова или неполностью «запикает» ругательство.

Как отмечает заведующий отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Анатолий Баранов, главный вопрос, который возникает в связи с этим законом, – что же считать нецензурной бранью?

Конкретных примеров или отсылок к другим нор-

мативным актам документ не содержит. Предполагается лишь, что спорные ситуации будут разрешаться с привлечением независимых экспертов.

Закон вступил в силу с 1 июля этого года [6].

Хочется верить, что закон будет работать и с его помощью удастся добиться конкретных результатов в решении проблемы сохранения языковой культуры русскоговорящего населения.

Русский язык красив. Настоящие его ценители не в силах слышать, когда «коверкают» слова, ставят ударения не на тот слог или пишут неграмотно. Но язык настолько богат, что многие просто не знают, как правильно говорить, если ни в семье, ни в школе эти ценности не воспитывались.

Решение данной проблемы видится в изучении словарей, энциклопедий и другой литературы, содержащей информацию о правилах и нормах современного рус-

ского литературного языка, в чтении классики и книг хороших современных авторов. Средства массовой информации – телевидение, радио, газеты, журналы – должны повышать языковую культуру и нести ее «в массы». Необходимы курсы культуры русской речи на всех факультетах всех вузов. Важно повышать культуру речи и школьным учителям, в том числе учителям начальных классов, а также работникам дошкольных образовательных учреждений, поскольку дети дошкольного и младшего школьного возраста обладают способностью «впитывать» речевые образцы... И, конечно, забота о языке и создание условий для его процветания должны быть основой государственной языковой политики. Без ее реальных существенных изменений невозможно достижение конкретных результатов в решении данной проблемы.

Библиографический список

1. Дарум Я. Русский мат: безжалостный и беспощадный. Регион 2011. № 3. С. 30–32.
2. Калашиников Л. Язык, который нас доведет... Рабочая газета 2007. № 5(66). С. 2.
3. Послание президента России В.В.Путина Федеральному Собранию РФ. Российская газета. 2007. № 90.
4. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 8 июня 2009 г. №195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».
5. Федеральный закон Российской Федерации «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ [Электронный ресурс]
6. Владимир Путин запретил мат в кино, литературе и в СМИ <http://echo.msk.ru/>

References

1. Darum Ya. Russian obscenities: ruthless and merciless. Region 2011. № 3. Pp. 30–32.
2. Kalashnikov L. Language, which will bring us... Rabochaya gazeta. 2007; №5 (66). P. 2.
3. The Russian President Vladimir Putin's message to the Federal Assembly of the Russian Federation. Rossiyskaya Gazeta 2007. № 90.
4. Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Russian Ministry of Education) June 8, 2009 № 195 «On approval of the list of grammars , dictionaries and reference books containing norms of the modern Russian literary language when it is used as a state language of the Russian Federation.»
5. Federal Law “On the state language of the Russian Federation” dated June 1, 2005 № 53-Federal Law [Electronic resource]
6. Vladimir Putin banned mate in film, literature and media <http://echo.msk.ru/>

П.А. КОВАЛЕВ

доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

ПЛОЩАДКА ДЛЯ МОЛОДНЯКА

Уральский филологический вестник. ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». №4. Гл. ред. Н.В. Барковская. Екатеринбург, 2012. 276 с. (Серия «Драфт: молодая наука». Вып. 1); Уральский филологический вестник. ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». №5. Гл. ред. Н.В. Барковская. Екатеринбург, 2013. 322 с. (Серия «Драфт: молодая наука». Вып. 2)

Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей
По прежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей.

А.С. Пушкин

Кажется, Ванга предсказывала, что в XXI веке центр силы переместится за Урал. И представляется так, что движение это уже началось. Оторванное от европейского центра России в безденежные 90-е научное сообщество из восточных часовых поясов накопило немалый энергетический потенциал для выработки нового филологического дискурса, так особенно необходимого в ситуации постоянных вызовов и санкций. И это факт, подкрепленный многочисленными вновь появляющимися изданиями, с которыми приходится считаться представителям московского и питерского бомонда.

Еще недавно колесившие на грантовую маржу по провинциальным городам и весям столичные интеллектуалы снисходительно поучали коллег по филологическому цеху, апеллируя к малодоступным для тех центральным изданиям. Теперь им самим впору хвататься за голову: как успеть за стремительно расширяющейся (хвала Интернету!) научно-критической базой, окончательно ликвидирующей разницу между центром и периферией?

Признаком нашего времени становится электронный цифровой научный журнал полнотекстового и общедоступного формата.¹ Показательно в этом отношении, что целых 12 научных изданий Уральского государственного педагогического университета размещены на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки и на университетском сайте.² И среди них – «Уральский филологический вестник» – сразу в 5 сериальных номинациях: «Русская классика: динамика художественных систем», «Русская литература XX–XXI веков: направления и течения», «Язык. Система. Личность: лингвистика креатива», «Психолингвистика в образовании» и «Драфт: молодая наука».³ Доступность всех этих изданий и высокий уро-

вень публикуемых материалов нет смысла обсуждать в жанре мини-рецензии. А вот идея драфта, понимаемого главным редактором Н.В. Барковской как «заявка на будущее» (поскольку авторы – студенты и аспиранты), заслуживает особого разговора.

Молодые ученые из Днепропетровска, Донецка, Екатеринбурга, Кемерово, Минска, Одессы, Омска, Перми, Сыктывкара, Тбилиси, Ульяновска и Челябинска за два года существования «Уральского филологического вестника» просто завалили редакцию креативными идеями и темами. Среди них студенты, бакалавры, магистранты, аспиранты, соискатели и молодые учителя – словом, все те, кто, несмотря на очень скромную государственную субсидию, собирается посвятить свою жизнь изучению литературы.

На этой площадке для молодняка функционируют подчас безумные, но очень полезные проекты для нашего растерявшегося перед всемогуществом рынка литературоведения. Мне, например, очень импонируют мысли Т.С. Потаповой о новой социальной поэзии, которая «до окончательной словесной точности зревает [правка моя – П.К.] уже на бумаге»⁴, наблюдения Д.Г. Ермаковой над «новой гражданской» поэзией Елены Фанайловой⁵, А.В. Малеевой над феноменом одиночества в современной комической женской поэзии⁶, М.Е. Паниной и М.Н. Хабибуллиной над «семантикой городского транспорта»⁷ и «китайской темой»⁸ в поэзии Владимира Кучерявкина, анализ ориентальных моти-

4 Потапова Т.С. Новая социальная поэзия // Уральский филологический вестник. №4. 2012. С. 236.

5 Ермакова Д.Г. Равенство лирического субъекта с нацией (на материале поэзии Е. Фанайловой) // Уральский филологический вестник. №4. 2012. С. 75–83.

6 Малеева А.В. Феномен одиночества в современной комической женской поэзии // Уральский филологический вестник. №4. 2012. С. 147–156.

7 Панина М.Е. Городской бестиарий в поэзии Владимира Кучерявкина // Уральский филологический вестник. №4. 2012. С. 194–201. Нравящееся к материалу выражается у Марии Евгеньевны подчас довольно эмоционально, позволяя ей вслед за поэтом уравнивать кошку и трамвай, видеть, как «анафора усиливает впечатление сиюминутности...» (С. 198).

8 Хабибуллина М.Н. «Глаз открывая к Востоку»: Китай в лирике Владимира Кучерявкина // Уральский филологический вестник. №5. 2013. С. 220–226.

1 Во многом эта общедоступность зависит от политики, проводимой редакторами и спонсорами. Так, например, многочисленные издания МГУ и ЛГУ общеизвестны, но не общедоступны.

2 См. Отчет ректора Б. М. Игошева о работе УрГПУ за период с 2010 по 2013 гг. // <http://netess.ru/3knigi/803586-1-otchet-rektora-m-igosheva-rabote-urgpu-period-2010-2013-nauchno-issledovatel'skaya-innovatsionnaya-deyatelnost-uralskiy-g-ph>

3 См. http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=89&Itemid=165

вов в лирике номинанта Букеровской премии челябинского поэта Н.Ф. Болдырева в статье Е.А. Смышляева⁹

«Необсуждаемая классика» (М.Л. Гаспаров) представлена в выпусках «Драфта» статьями о творчестве У. Ленгленда, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Н.Г. Чернышевского, А.Н. Островского, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Д.Г. Лоуренса, Максима Горького, Л.Н. Андреева, К.Д. Бальмонта, А.М. Ремизова, А.А. Блока, Андрея Белого, Велимира Хлебникова, В.В. Маяковского, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, Н.А. Заболоцкого, Н.Н. Асеева, И.Г. Эренбурга, Ю.В. Трифонова, А.Н. и Б.Н. Стругацких etc.¹⁰ При этом важно отметить, что парадоксальным образом заявленные персоналии в обоих выпусках «Драфта» практически не совпадают. И дело здесь, как думается, не в политике ограничений, а в «экстенсивно-

9 Смышляев Е.А. Ориентальные мотивы в поэзии Н.Ф. Болдырева // Уральский филологический вестник. №5. 2013. С. 212–219.

10 Ряд классиков я замыкаю на Стругацких, хотя и некоторые другие имена (например, В. Пелевин) так и просятся в него. Отсылаю заинтересованного читателя к соответствующему сайту Уральского государственного педагогического университета, так как одно перечисление авторов и названий статей заняло бы слишком много места.

сти материала» при «интенсивности научного поиска».¹¹ Этим же обусловлен и выход на проблему «функционального литературного пространства в медийной среде», обозначенный в журнале статьями Е.В. Васиной, Ф.А. Катаева, П.И. Ковалевой и Т.О. Максимовой, на уровень массовой литературы и искусства – статьи А.В. Игнатовой, Т.Л. Мининой, Ю.С. Некрасовой, Т.Н. Огневой и Л.А. Юдина. Все это требует от молодых ученых, среди которых преобладают представители слабого (!) пола, больших методологических усилий и кропотливой работы от редколлегии, трудами которой выпуски «Драфта» от номера к номеру все больше начинают напоминать своей всеядностью и экстравертированностью сборники незабвенного ОПОЯЗа. Пожалуй, именно этот инновационный дискурс (а не возраст, пол или социальный статус) и роднит все представленные в серии «Молодая наука» материалы.

О консолидации отечественного филологического сообщества говорили давно и много. Но до конкретной реализации этого проекта все никак не доходило. Может, у молодых получится?

11 Барковская Н.В. От редакции // // Уральский филологический вестник. №4. 2012. С. 5.

Т.В. КОВАЛЕВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет

Криволапова Е.М. Дневники писателей круга В.В. Розанова (1893–1919 гг.): жанр, творческий метод, историко-литературный контекст. Курск, Курский гос. ун-т, 2012. 352 с.

Елена Михайловна Криволапова – ученый, хорошо известный в кругу исследователей серебряного века русской культуры. Ее статьи выходили практически во всех значимых отечественных научных изданиях. В 2006 году она опубликовала в орловском издательстве «Орлик» первую в России монографию о жизни и творчестве Зинаиды Гиппиус.¹ И потому совершенно естественно, что изданная в Курске новая книга исследовательницы, представляющая собой очень значимую в контексте тенденций развития современного литературоведения попытку анализа дневников четырех писателей круга В.В. Розанова, попала в поле зрения орловского читателя.

Сама идея исследования дневника писателя как самостоятельного жанра автодокументальной литературы, как особого художественного пространства, объединившего таких разных писателей, как Зинаида Николаевна Гиппиус, Сергей Платонович Каблуков, Михаил Михайлович Пришвин, Михаил Осипович Меньшиков, привлекает своей новизной и масштабностью, расширением границ научного познания в сторону реального, а не надуманного или идеологически выверенного литературного процесса.

Актуальность этой книги, продолжающей разговор о литературном дневнике «русской смуты»², заключается в новом методологическом подходе к анализу художественного процесса конца XIX-начала XX века, характеризующегося «доминированием в художественном сознании эпохи субъективного, личностного фактора». Это создает объективные предпосылки для понимания всей сложности и неоднозначности развития жанровых разновидностей дневника как бы из одного философического источника – «розановских вопросов», постановка которых «превратила вопрошавшего в редчайшее, самодельное явление в истории русской мысли».³

Композиционно монография Е.М. Криволаповой представляет собой четырехчастное исследование, в котором последовательно рассматриваются генезис жанра дневника, его развитие в конце XIX-начале XX века с выходом на центробразующий по отношению к творчеству четырех избранных писателей феномен В.В. Розанова-философа, характеризующийся «амбивалентностью мышления». Особенно выделяется в этом отношении

раздел четвертый первой главы, в котором исследуется «рукописная душа» Розанова и делается важный во всех отношениях вывод о том, что розановский принцип «преодоления литературы», декларирующий право художника «излагать самого себя», приводит к созданию принципиально нового литературно-философского жанра в русской культуре рубежа XIX–XX веков.

Именно вокруг этого знакового феномена выстраивается в русской словесности пограничного периода довольно сложная система взаимодействий и взаимоотталкиваний, в которой Е.М. Криволапова выделяет авторов-мифологизаторов (З.Н. Гиппиус), авторов-летописцев (С.П. Каблуков) и авторов-художников (М.М. Пришвин и М.О. Меньшиков). Накладываясь на традиции и типологию дневникового жанра, эти тенденции по-разному проявляют себя как в трактовке образа В.В. Розанова, так и в структуре дневниковых записей, что доказывают многочисленные замечания и наблюдения весьма тонкого и аналитического свойства над «жанрами дневникового текста» и религиозно-философской проблематикой, устанавливающие классификационные параметры разноприродных феноменов в рамках одного культурного поля.

Искание Бога и метафизика пола своеобразно преломляются в дневниках писателей и заставляют автора монографии привлекать к анализу широкий спектр эстетических и философских концепций для создания обширной панорамы общественной мысли, на фоне которой «Дневник любовных историй», «О Бывшем» З. Гиппиус, дневники С. Каблукова, М. Пришвина, М. Меньшикова (особенно относящиеся к октябрьским событиям 1917 года) представляются сложным и мучительным процессом постижения истины, трагически прерванным самой русской историей.

В четвертой главе все многочисленные линии анализа сходятся воедино и обогащаются наблюдениями над индивидуальным дневниковым «почерком» писателей. Даже названия параграфов этой части уже сами говорят за себя: «От дневникового текста к «Литературному дневнику» и художественному творчеству (З.Н. Гиппиус)», ««Жизнь факта» и его интерпретация в дневнике С.П. Каблукова», «Дневники и художественные произведения М.М. Пришвина как единый текст».

Исследование дневников писателей конкретного историко-культурного периода, особенно такого напряженного для России, как конец XIX-начало XX века, когда «и человеческий, и социальный факторы были одинаково значимы», напрямую выводит читателя монографии Е.М. Криволаповой к нашему времени, вновь столкнувшемуся лоб в лоб с розановскими вопросами о «таинственной связи религии и пола».

¹ Криволапова Е.М. «Преодолеть без утешенья». Зинаида Гиппиус и ее время (монография). Орел: Изд-во «Орлик», 2006. 241 с.

² Так называется вторая монография исследовательницы, изданная в Германии. См.: Криволапова Е.М. Литературный дневник «русской смуты»: 1917–1919 гг. По материалам дневников русских писателей (монография). Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing. Saarbrücken, Germany. 2012. 128 с.

³ Володагин А. Любовь и смерть в понимании В.В. Розанова // Развитие личности. 2007. №1. С. 47.

Е.А. МИХЕИЧЕВА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой
русской литературы XX-XXI вв. и истории зарубежной
литературы, Орловский государственный университет

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОРЛОВСКИЙ ТЕКСТ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ»

(памяти Е.К. Дейч и Н.А. Куделько)

7-8 октября 2014 г. в Орловском государственном университете состоялась Всероссийская научная конференция «Орловский текст российской словесности», участниками которой стали ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Самары, Саратова, Орла и других городов.

Е.К. ДЕЙЧ

Н.А. КУДЕЛЬКО

Научный проект по изучению «Орловского текста» много лет разрабатывают литературные кафедры ОГУ и ОГЛМТ им. И.С. Тургенева. На этот раз, помимо изучения «Орловского текста», конференция имела еще одну цель: отдать дань памяти Евгении Кузьминичне Дейч и Наталье Александровне Куделько, замечательным людям, ученым, много сделавшим для процветания культуры Орловщины.

Пленарное заседание открыла проректор по научной работе Орловского государственного университета Елена Николаевна Пузанкова. С теплыми воспоминаниями о Е.К. Дейч и Н.А. Куделько выступили первый проректор Орловского государственного института искусств и культуры Наталья Алексеевна Меркурьева, замдиректора музея И.С. Тургенева Лариса Викторовна Дмитриухина, старший преподаватель Орловского государственного университета Наталья Александровна Гудкова.

Научным интересам Н.А. Куделько посвятила свой доклад Н.А. Меркурьева (Орел). В творчестве классиков – И.С. Тургенева, Б.К. Зайцева, К.Г. Паустовского, Ю.П. Казакова, А.И. Солженицына и современных писателей – Б. Якимова, А. Варламова – исследователи интересовали проблемы сохранения традиций, духовной общности русских писателей разных поколений, их стремление увидеть и воссоздать в творчестве красоту мира и человека.

О щедрости души Е.К. Дейч, подарившей Орловскому литературному музею не только знакомство с потомками Б.К. Зайцева, живущими во Франции, но и множество бесценных экспонатов, рассказала замдиректора музея И.С. Тургенева Л.В. Дмитриухина (Орел). В докладе Н.А. Гудковой (Орел) Е.К. Дейч предстает как человек энциклопедических знаний, настоящий ученый, предъявляющий не только к другим, но и к себе высокие требования, особенно если речь идет об изучении эпистолярного наследия русских классиков.

На пленарном заседании также прозвучали научные доклады В.П. Изотова (Орел) «Орел в российском художественном пространстве». В своей работе автор совершил «экскурсию по словарям языка писателей», упоминавших об Орле и Орловщине. Доклад Т.В. Гордиенко (Москва) «Эпистолярное наследие Ю.А. Бунина» по-новому открыл слушателям личность брата Ивана Алексеевича – Юлия Бунина, журналиста, редактора журнала «Вестник воспитания». Н.В. Рябина (Москва) обратилась к «производственной теме» в раннем творчестве Б.К. Зайцева (рассказы «Вечер», «Завод», «Океан»), Е.А. Михеичева (Орел) в научной теме «Драматургия Л.Н. Андреева и А.А. Блока» проследила «падение» образа «Вечноженственной» на примере героинь драм обоих писателей («Черные маски», «Екатерина Ивановна», «Тот, кто получает пощечины»; «Балаганчик», «Незнакомка», «Роза и крест»).

Работа секций проходила в двух направлениях: «Творчество писателей-орловцев: современный взгляд» и «Литература и литературоведение сегодня». В первой секции прозвучали доклады о творчестве И. Бунина, Л. Андреева, И. Новикова, Б. Зайцева, И. Каллиникова с широким привлечением архивного материала из фондов ОГЛИМТ и других архивов. И.А. Костомарова, зав. музеем И.А. Бунина (Орел), рассказала об истории поступления в музей коллекции С.П. Крыжицкого (США); Т.В. Полушина, зав. Домом-музеем Л. Андреева (Орел) – о возвращении в Россию дочери Л. Андреева, Веры Андреевой и ее детей. О редких экспонатах и архивных материалах орловских литературных музеев рассказали научные сотрудники Е.Г. Аркатова, Е.Н. Коханова, Г.А. Тюрин. А.С. Сергеев (Саратов) посвятил свое выступление известному критику рубежа XIX–XX веков В.Ф. Саводнике (уроженце города Ливны). По-своему открыли для слушателей творчество известных писателей И.А. Полуэктова (Борисоглебск), сосредоточив внимание на метафизическом значении «книги» и «книжности» в художественном пространстве И.А. Бунина. К философским проблемам в творчестве Б.К. Зайцева обратились С.В. Сомова (Самара), построившая свой доклад на общности в понимании «красоты» и способов ее проявления в мире у В.Соловьева и Б.Зайцева. Ю.А. Драгунова (Орел) проследила «сопряжение любви и смерти» в произведениях писателей-орловцев Б.Зайцева и И.Новикова. Ярким, талантливым писателям второй половины XX века В. Еремину и В. Ермакову посвятили свои доклады

Н.Н. Смоголь и А.Ю. Бушунов (Орел). О подробностях орловской жизни З.Н. Райх, жены С.А. Есенина, рассказывал С.А. Бубнов (Орел).

Тематика докладов, прозвучавших во второй секции, выходила за пределы регионального локуса и вводила «орловский текст» в контекст всероссийского литературного поля. В.П. Изотов удачно сопоставил драмы Л. Андреева «Жизнь Человека» и В. Хлебникова «Мирсконца», убедительно показав, что в 5 картинах хлебниковской драмы повторяются этапы жизни Человека Андреева, только не от рождения до смерти, а наоборот. Ряд работ был посвящен поэзии и прозе XX века. А.А. Черкасская (Орел) в своем выступлении выявила «неофутуристические» тенденции и эстетику «небывализма» в творчестве Н. Глазкова, оказавшего большое влияние на развитие новейшей поэзии. Открытием для многих было имя Роальда Мандельштама; творчеству этого малоизвестного, но очень самобытного поэта был посвящен доклад К.А. Власова (Орел). В особенности интернет-поэзии, её жанровое своеобразие погрузил слушателей П.А. Ковалев (Орел). Методическую направленность имел доклад Л.Д. Беднарской. «О принципах анализа художественного текста».

Наряду с опытными исследователями участие в конференции приняли совсем молодые ученые – студенты. А. Масалов (3 курс, ОГУ) показал наличие традиций классицизма в оде К.Ф. Рылеева «Державин», А. Макарова (2 курс, МГУ) рассмотрела особенности женских образов в драмах Л. Андреева.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, Орловский государственный университет;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научно-го редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе, Орловский государственный университет;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела, Орловский государственный университет;

ХОВАНСКАЯ Е.А. (технический секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, старший научный сотрудник, Орловский государственный университет;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Орловский государственный университет;

АЛЕКСЕЕВ А.П. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор Гранадского университета (Испания);

АРОНОВА С.А. – доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления, Орловский государственный университет;

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Загребский университет (Хорватия);

ГАЙДАР В.А. – кандидат сельскохозяйственных наук, зав. отделом селекции и репродукции карпатских пчел, Институт им. П.И. Прокоповича (Украина);

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории, Орловский государственный университет;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН;

ИСАЕВА Н.И. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, Белгородский государственный университет;

КАПУСТИН А.Я. – доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра сравнительно-правовых исследований и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ;

ЛАМАН Н.А. – академик НАН Беларуси, доктор биологических наук, профессор, зав. лабораторией роста и развития растений, Институт экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича (Белоруссия);

ЛЬВОВА С.И. – доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией обучения русскому (родному) языку, Институт содержания и методов обучения Российской академии образования;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор университета Казимира Великого,

Институт нефилологии и прикладной лингвистики (Польша);

НИКИФОРОВ В.А. – доктор юридических наук, зав. кафедрой международного и международного частного права, Орловский государственный университет;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. – доктор химических наук, профессор, зав. кафедрой химии, Орловский государственный университет;

ПАСТЕРНАК Е.Л. – доктор филологических наук, доцент кафедры французского языкознания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

ПАХАРЬ Л.И. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии, Орловский государственный университет;

ПИВЕНЬ В.Ф. – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики и математического моделирования, Орловский государственный университет;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии, Институт арменоведческих исследований, Ереванский государственный университет (Армения);

ПОНШОН Т. – доктор филологических наук, профессор, Реймский университет, провинция Шампань-Арденн, член научно-исследовательской группы «Наука, текст, информатика, история» (Франция);

САВИНА Е.А. – доктор философии, университет Джеймса Мэдисона (США);

САМБЕТБАЕВ А.А. – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, директор, Институт ветеринарии и животноводства (Казахстан);

СИСКОС Е. – доктор экономических наук, профессор, проректор по международным связям и магистерским программам, Технологический Институт (Греция);

СОФИАДИС Н. – профессор физиологии, Фракийский университет им. Демокрита (Греция);

СУЯРКУЛОВ Ш.Р. – кандидат сельскохозяйственных наук, председатель, Ферганский областной союз пчеловодов (Узбекистан);

ТАМИН М. – доктор филологических наук, почетный профессор, Реймский университет, провинция Шампань-Арденн (Франция);

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики, Орловский государственный университет;

ЧЕКОВА-ДЕМИТРОВА И. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Софийский университет «Свято Климента Охридского» (Болгария);

ЧЕЛЫШЕВА И.И. – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков, зав. сектором романских языков, Институт языкознания РАН;

ШИ ХУНШЕН – профессор Аньхойского университета, директор Центра по изучению России, главный редактор научного журнала «Изучение России» (Китай);

ЯМАГУЧИ Р. – доктор филологических наук, Институт иностранных языков г. Кобэ (Япония).

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, Орловский государственный университет;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе, Орловский государственный университет;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела, Орловский государственный университет;

ХОВАНСКАЯ Е.А. (технический секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, старший научный сотрудник, Орловский государственный университет;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Орловский государственный университет;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор, Гранадаский университет (Испания);

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Загребский университет (Хорватия);

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания, Орловский государственный университет;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии, Орловский государственный университет;

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор, Орловский государственный университет;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор, Университет Казимира Великого, Институт Неофилологии и прикладной лингвистики (Польша);

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России, Орловский государственный университет;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии, Институт арменоведческих исследований Ереванского государственного университета (Армения);

ПОНШОН Т. – доктор филологических наук, профессор, Реймский университет, провинция Шампань-Арденн, член научно-исследовательской группы «Наука, текст, информатика, история» (Франция);

РЕТИНСКАЯ Т.И. – доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Орловский государственный университет;

САВИНА Е.А. – доктор философии, Университет Джеймса Мэдисона (США);

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, руководитель НИИ провинциальной культуры, Орловский государственный университет;

ТАМИН М. – доктор филологических наук, почетный профессор, Реймский университет, провинция Шампань-Арденн (Франция);

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

ТЮРИКОВА Г.Н. – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета, Орловский государственный университет;

ЧЕКОВА-ДЕМИТРОВА И. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Софийский университет «Свято Климента Охридского» (Болгария);

ШИ ХУНШЕН – профессор Аньхойского университета, директор, Центр по изучению России, главный редактор научного журнала «Изучение России» (Китай);

ЯМАГУЧИ Р. – доктор филологических наук, Институт иностранных языков г. Кобэ (Япония).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц набирается в текстовом редакторе MS-Word 97–2003 *.doc (версия MS-Word 2007*.docx, *.docm не принимается!!!) либо RTF и называется по фамилии автора, представляется в редакцию в электронном виде, идентичном печатной версии, одним файлом и на бумаге формата А4. Размер шрифта 14 pt, через один интервал без переносов. **Пробелы и табуляция в начале абзаца недопустимы!** Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм.

К статье обязательно прилагаются: универсальная десятичная классификация (УДК), инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6 слов), библиографический список (References), не более 10 источников. В статье-обзоре – не более 30 источников.

Вся информация предоставляется на русском и английском языках. Сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон (без сокращений) помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). **Важно! Авторское право оформляется перечислением фамилий всех авторов через запятую.**

Формулы и специальные символы (например, греческие буквы) в статье набираются текстом (пункт меню «Вставка – Символ – Symbol»), кеглем 10 pt. Для сложных формул используется редактор формул Math-type 5.0 и ниже. Длина формулы вместе с номером не должна превышать 8 см. **Таблицы** в тексте набираются стандартными средствами MS-Word (пункт меню «Таблица – Добавить таблицу»). Таблица должна иметь заголовок и ссылку в тексте статьи. Ширина таблицы – 82 или 170 мм, шрифт в таблице – 9 pt.

Иллюстрации. Каждый рисунок должен быть представлен отдельным файлом (форматы: *.tif, *.jpg, *.pdf, *.eps, *.ai). **В MS-Word не вставлять! Рисунки и графики** должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме. Графики, содержащие серые заливки, должны быть заменены на штриховку или на черную/белую заливку. Графики, схемы и диаграммы следует выполнять в формате MS-Excel (*.doc) и MS-Word (*.xls). Также для изготовления графиков, схем и диаграмм подходит векторный графический редактор: Adobe Illustrator (*.ai). Надписи на рисунках выполняются шрифтом Times New Roman 8 pt. Толщина линий на рисунках должна быть не менее 0,5 pt. Ширина графика, схем или диаграмм – 82 или 170 мм.

Рисунки-фотографии, полученные с цифровой камеры, и другие растровые изображения, на которых отсутствует какой-либо текст, представляются в виде файлов формата *.tif или *.jpg без сжатия (разрешение не менее 300 dpi). Подписи к рисункам размещаются в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь названия.

Иллюстрации, выполненные в графическом редакторе Paint, не принимаются, т. к. данный редактор не обеспечивает необходимого качества после сохранения файла.

Запрещается вставлять в статью сканированные рисунки (графики, диаграммы)!

При несоблюдении указанных требований к иллюстрациям редакция оставляет за собой право рисунок удалить или отклонить статью.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках. Библиографические списки должны быть переведены на английский язык.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после её названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка даётся на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.» («In:») и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и её выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после её названия) приводятся название журнала, через точку – год издания, затем после точки – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после заглавной буквы «С» с точкой помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц и ставится точка.

В конце статьи обязательно должна быть надпись «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несёт автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статья, содержащая некачественный перевод, и/или перевод, сделанный через электронный переводчик, будет отклонена.

Редакция не осуществляет перевод.

Статьи лиц, не имеющих учёной степени, заверяются их научными руководителями и печатью организации.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, отклоняются без рассмотрения.

Ученые записки Орловского государственного университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО
«Орловский государственный университет». – 2014. – №5(61). – 429 с.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.
Ответственный составитель: Кирсанов М.А.
Компьютерная верстка: Корявкина О.С.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.
Корректурa: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 20.10.2014 г. Формат 60x80 1/8
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объём 53,625 усл. п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 43
Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе редакционно-издательского отдела
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95
Тел./факс (4862) 74-09-30